зала 18
шкафъ 186
полка 3
№ 19 1/3

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ и ТОРГОВЫХЪ

СНОШЕНІЙ

Московской Руси съ Персіей.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. И. Веселовскаго.

ТОМЪ III.

Царствованіе Михаила Θеодоровича (продолженіе).

3301/0

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., № 13.

1898.

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ и ТОРГОВЫХЪ

СНОШЕНІЙ

Московской Руси съ Персіей.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. И. Веселовскаго.

ТОМЪ III.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича
(продолженіе).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., № 13
1898.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *В. Дружининъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе.

Пріѣздъ въ Москву и обратный отпускъ персидскаго гонца Хозя Муртазы . . . . . 1—84

Церемоніалъ пріема персидскаго гонца Хозя Муртазы у дьяка Петра Третьякова . . . . . 37—46
Распоряженія по отпуску Хозя Муртазы. . . . . 46—84
Распросныя рѣчи астраханскихъ жильцовъ о пріѣздѣ Хозя Муртозы . . . . . 84—124

Дѣла Грузинскія: поѣздка къ шаху Аббасу гонца Григорья Шахматова о Грузинской землѣ . . . . . 125—138

Посольство въ Персію Ѳедора Исаковича Леонтьева . . . . . 138—239
Государевы грамоты къ шаху . . . . . 172—177
Наказъ, данный Леонтьеву . . . . . 177—237
Допросъ Леонтьева . . . . . 237—239
Отрывокъ о посольствѣ Анди-бека. 240
Челобитныя Хозя Незамедина . . . . . 241—259
Пріѣздъ купчины Маметъ Касима . . . . . 259—298
Отпускъ изъ Москвы Кая салтана и Булатъ бека. См. Дополненіе. . . . . 659—731

Посольство князя Михаила Петровича Барятинскаго . . . . . 299—562

Наказъ. . . . . 299—365
Грамоты къ шаху Аббасу. . . . . 365—369
Отпускъ посольства. . . . . 370—396
Статейный списокъ . . . . . 396—501
Пріѣздъ Булатъ бека . . . . . 501—562
Челобитье сокольника Тоболина съ товарищами . . . . . 562—565
Челобитье подъячихъ Богданова и Молотова . . . . . 566—568
Челобитье толмачей Ивана и Гаврила Есиповыхъ. . . . . 568—571
Арестованіе Михайла Тюхина . . . . . 571—618
Дѣло о боярскомъ сынѣ Сипягинѣ . . . . . 618—627
Отписка терскаго воеводы Никиты Вельяминова . . . . . 627—629
Распросныя рѣчи гилянца Асана Максютова . . . . . 629—633
Отписка терскаго воеводы Вельяминова о тезикѣ Байрамѣ Шанбратовѣ . . . . . 633—636
Отписки астраханскихъ воеводъ о персидскихъ грамотахъ . . 636—650
Отписка изъ Казани о торгующихъ тамъ тезикахъ . . . . . 650—654
Отписки астраханскаго воеводы Семена Прозоровскаго о продажѣ ловчихъ птицъ . . . . . 654—656
Отписки изъ Астрахани о притѣсненіяхъ въ Персіи русскимъ торговцамъ . . . . . 656—659

Добавленіе:

Отпускъ изъ Москвы Кая салтана и Булатъ бека. . . . . 659—731

На посольствѣ въ Персію князя М. П. Барятинскаго мнѣ приходится прекратить опубликованіе документовъ по сношенію Россіи съ этимъ государствомъ. За статейнымъ спискомъ мною помѣщены и тѣ мелкія дѣла, которыя имѣютъ близкую связь съ названнымъ посольствомъ или выражаютъ взгляды нашего правительства на значеніе сношеній съ Персидскимъ государствомъ; но болѣе крупныя дѣла этого же времени не вошли въ настоящій томъ по соображеніямъ чисто экономическимъ. Остались не напечатанными слѣдующія дѣла:

1619 август.—1620 декабр. Отписки изъ Астрахани и изъ Казани о пріѣздѣ къ государю отъ шаха Аббаса съ грамотою и съ товарами купчины Миркете Сеита, тако жъ о пріѣздѣ кабардинского черкаского Янымъ мурзы Канукина, и кумыцкого Илдарь мурзы Суркай Шевкалова посла Мамаделѣя; бытность ихъ въ Москвѣ, и обратной оному купчинѣ отпускъ. На 112 листахъ. (*Помѣта:* въ семъ столпикѣ много недостаетъ).

1620 авг. 8—ноябр. 14. Записки церемоніаловъ, какъ былъ у государя на пріѣздѣ и на отпускѣ персидской гонецъ, онъ же и купчина Миркете Сеитъ; отписки объ немъ изъ Казани, шахова грамота и пр. На 63 листахъ.

1620 октябр. 29—1621 іюн. Отписки отъ разныхъ воеводъ о пріѣздѣ персидскаго гонца и купчины Хози Аги Асана. Отпуски государевыхъ грамотъ объ отправленіи того гонца въ Москву.—Примѣрная выписка по скольку давано гонцамъ и купчинамъ корму и питья, переговоры оного гонца съ думными дьяками о государственныхъ дѣлахъ и бытность его у государя на пріемной и отпускной аудіенціяхъ, возвратное его Аги Асана отправленіе съ данною ему отъ государя къ шаху Аббасу дружественною грамотою о свободномъ торгѣ и оберегательствѣ присылаемымъ отъ него купцамъ. На 97 листахъ.

1620 декабр. 11. Допросы персидскому тезику Кербулайкѣ Мирсалееву и прочимъ по сумнительству на сихъ въ покражѣ съ гостиного двора у купчины Мирки—Тесеита товаровъ, тутъ же и обыски о томъ разныхъ людей. На 55 листахъ.

Н. Веселовскій.

$\frac{7122}{1614}$ іюля 19 — $\frac{7124}{1616}$ мая. Пріѣздъ въ Москву и обратной отпускъ персидского гонца (онъ же и купчина) Хози Муртазы, присланнаго къ царю Михайлу Ѳеодоровичу отъ шаха Аббаса I съ поздравительною грамотою о возшествіи его на престолъ. — Отписки изъ понизовыхъ городовъ о дачѣ гонцу сему судовъ, подводъ, корму и провожатыхъ. — Бытность Хози Муртозы у государя на пріѣздѣ и въ посольскомъ приказѣ у дьяка для розговоровъ. — Переводъ шаховой и копія отвѣтной государевой къ шаху грамотъ. — Записка чинимыхъ гонцу сему роспросовъ о Иванѣ Хохловѣ, Якушкѣ Гладкомъ и подъячемъ Некрачеевѣ, кои отправлены были изъ Астрахани отъ Маринки и Заруцкаго къ шаху въ посольствѣ. Обратной гонца сего изъ Москвы отпускъ и отписки изъ Казани о увезеніи имъ изъ Россіи двухъ мальчиковъ, коихъ велѣно у него взять, заплативъ за нихъ изъ казны 25 рублевъ. На 273 листахъ [1]).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопъ твой Петрушка Головинъ челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, въ 122-мъ году іюля въ 19 день пріехалъ исъ Тарковъ на Терекъ Абазшаховы области купчина его Хозе Муртаза. А въ роспросе, государь, мнѣ холопу твоему, сказалъ: посланъ де былъ онъ осенесь изъ Астарахани отъ литовки, отъ Маринки, и отъ вора, отъ Ивашка отъ Заруцкаго, съ послами ихъ, с-Иваномъ съ Хохловымъ да съ Яковомъ Глядковымъ, къ шахъ Басу, и па отпуске де былъ онъ у неѣ, у Маринки, и у Ивашка у Заруцкого, и Маринка де сво, Муртазу, поила виномъ, и онъ де Муртаза, вина не пилъ, а принявъ чарку, отдалъ человѣку своему, и у руки де у неѣ Муртоза былъ, и къ шерти де ево Маринка приводила

[1]) Столбцы въ этомъ дѣлѣ во многихъ мѣстахъ перебиты. Для послѣдовательности изложенія мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнили ихъ порядокъ. Часть документовъ о Муртазѣ и другихъ «тезикахъ» вошла въ предыдущее дѣло. (См. Памятники т. II).

на томъ: какъ онъ пріедетъ къ шахъ Басу, и ему бы, Муртазѣ, говорити, чтобъ шахъ Басъ ему, Ивашку, и Маринке далъ денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ для того, что будто мужа еѣ, которой воръ назывался царемъ Дмитреемъ, на Москвѣ убили, и Московскимъ государствомъ Литва завладѣла; а она де, Маринка, съ сыномъ и Ивашко Заруцкой съехали для береженія въ Астарахань, и ему бы де, шахъ Басу, о нихъ вступитися: дати имъ денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ. А умыслъ де и приказъ весь былъ тайно одному вору, Якушку Глядкову. И какъ де они пріехали въ Баку, и ему де, Муртазе, хотелось въ Бакѣ пожити, а послы де, Иванъ Хохловъ и Яковъ Глядковъ, не дожидаясь ево, Муртазы, изъ Баки поехали къ шахъ Басу и пріехали де прежъ его, Муртазы, за два мѣсяца и Маринкины де грамоты отдали шахъ Басу, а шахъ Басъ де въ тѣ поры шолъ на Грузинскую землю войною. И Яковъ де Глядковъ билъ челомъ шахъ Басу со слезами и лежалъ у ногъ, чтобъ шахъ Басъ вскоре велелъ ему дати ратныхъ людей ближніе своеѣ думы человѣкъ съ пятьсотъ и денежной казны, и хлѣбныхъ запасовъ. И шахъ Басъ де ему говорилъ: что де ты бьешь челомъ объ людяхъ словомъ, а въ грамотахъ не писано? И Якушко де Глядковъ сказалъ: приказано де отъ Маринки съ нимъ, съ Якушкомъ, словомъ, а велено де бити челомъ, чтобъ тебѣ пожаловати, дати людей вскоре для того: лихи де на насъ московскіе наши недруги, только де ты ратныхъ людей вскоре не пожалуешь и денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ не дашь, и насъ отъ себя вскоре не отпустишь, и съ Москвы де вскоре будетъ рать, и Астарахань де осадятъ, и изъ Астарахани де насъ не выпустятъ. А только де ты пожалуешь, ратныхъ людей дашь вскоре, и мы де въ Астарахани, собрався съ ратными людьми, Москву возмемъ и отъ литовскихъ людей очистимъ. И шахъ Басъ де, невѣдая ихъ воровства, чая того, что подлино Литва Московскимъ государствомъ завладѣла, хотелъ де имъ дати денежной казны двенацать тысячь тюменей и хлѣбные де запасы готовити велѣлъ, и людей де былъ дати хотелъ же. И какъ де къ шахъ Басу пріехалъ онъ, Муртоза, и сказалъ, что воръ Ивашко Заруцкой и Маринка въ Астарахани живутъ воровствомъ, а на Московскомъ де государстве ты, государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи, и земля твоя государева утвердилась вся, опричь Астарахани; а въ Астарахани де воръ Ивашко Заруцкой и Маринка боярина князя Ивана Хворостинина убили и многихъ людей въ Астарахани побили, а которые де станицы пріезжали отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. съ Москвы въ Астарахань, и техъ де людей въ Астарахани воровствомъ побиваютъ, а иныхъ на

пыткахъ пытаютъ на смерть. И шахъ Басъ де, по ево, Муртозину, слову, посломъ людей и денежной казны, и хлебныхъ запасовъ не далъ, и сталъ де имъ маниты со дни на день, и Ивана де Хохлова шахъ Басъ оставилъ въ Кенжѣ, а Якушка Глядковаималъ съ собою въ Грузинскую землю, и Грузинскую де землю шахъ Басъ повоевалъ всю, и городъ въ Грузяхъ поставилъ, гдѣ былъ большой Аллавердинской монастырь, а монастыря де не разорилъ и вѣры не порудилъ, а посадилъ де на Грузинской земле царемъ Исака царя, грузинсково царевича Юрьева сына, а былъ де после отца своего у него, шахъ Баса. А Исакъ де царевичь крестьянинъ, а не бусурманъ. А грузинской де царь, которой сидѣлъ на Грузяхъ царемъ, Теймуразъ, съ невеликими людьми бежалъ въ Дидьянскую землю. И о царе де Теймуразе и о Грузинской, и о Кумыцкой землѣ къ шахъ Басу приходилъ посолъ отъ турсково царя, отъ салтанъ Магмута, и говорилъ де шахъ Басу: за что онъ Грузинскую землю повоевалъ и царя Теймураза изъ Грузинской земли изогналъ? а та де землица была ево, турсково царя, ясашная, а ималъ де съ неѣ ясаку по двенацати тысячъ тюменей; а кумыцкіе де князи закладчики ево жъ, турсково царя. И шахъ Басъ де турскому послу отказалъ: та де Грузинская и Кумыцкая земля искони вѣчно моя персидцкая, и грузинской де царь Теймуразъ и кумытцкіе князи холопи мои. И только де турской царь отдастъ мнѣ холопа моего, грузинского царя Теймураза, и у меня де съ нимъ на томъ будетъ братство и миръ; а только де грузинского царя Теймураза не отдастъ, и мнѣ де съ нимъ въ миру не бывати, и гдѣ де велитъ противъ собя турской царь быти съ ратными людьми войною, и я де противъ ево итти готовъ и съ нимъ битися радъ. И турсково де посла шахъ Басъ отпустилъ, а съ нимъ послалъ къ турскому царю посла своего съ тѣмъ же словомъ и срокъ де ему положилъ на три мѣсяцы, и тому де ихъ отпуску минуло два мѣсяца, а до сроку остался мѣсяць. И какъ де шахъ Басъ вышелъ изъ Грузей, и Якушка де Глядкова, да съ нимъ посла своего Пулунъ бека кречетника, послалъ въ Астарахань провѣдати, что въ Астарахани дѣетца. А съ Пулунъ бѣкомъ де былъ послалъ въ дарахъ къ Маринке четыре бархаты черныхъ, четыре камки черныхъ, да мелякъ чернъ же, а Ивашку Заруцкому иноходецъ да саблю, да покровецъ конской нарядной. И какъ де онѣ пріехали въ Дербепь, и въ Дербени де, государь, имъ сказали, что исъ Терсково города отъ меня, холопа твоего, зъ головою стрелецкимъ, съ Васильемъ съ Хохловымъ, твои государевы терскіе ратные люди и вольные атаманы и казаки пошли войною подъ Астарахань на вора, на Ивашка Заруцкого, и на Маринку, и на ихъ, воровъ. И Ивашко де

Заруцкой и Маринка съ сыномъ и со всѣми своими ворами изъ Астарахани бежали. И терскіе твои государевы ратные люди Астарахань отъ воровъ очистили и воровъ Ивашковыхъ и Маринкиныхъ побили многихъ людей, и отъ тебя де, государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р., воеводы и ратные твои государевы люди пришли въ Астарахань. И шахъ Басъ де, услыша то, что въ Астарахани здѣлалось доброе, и и давъ де ему, Муртозѣ, грамоту и къ тебѣ, къ великому государю, дары, послалъ ево къ тебѣ, къ государю ц. и великому князю Михаилу Ѳедоровичю в. Р., къ Москве. А Якушко де Глядковъ и посолъ Пулунъ бекъ ныне въ Дербени, ждутъ шахъ Басова указу. Да купчина жъ Хозе Муртоза мнѣ, холопу твоему, сказалъ: велѣлъ де былъ шахъ Басъ изготовити ратныхъ людей съ шамахинскимъ ханомъ, съ Шихъ Назаромъ, двенацать тысячь для того: сказали де шахъ Басу, что кумытцкіе Суркай шевкаловы дѣти, Гирѣй мурза зъ братьею своею и со всѣми съ кумыцкими князи, отъ шахъ Баса отложились, и ему де было Шихъ Назаръ хапу Кумыцкая земля воевать на сей осени и содиначити съ Шамахою и зъ Дербенью вмѣсте, потому что искони де Кумыцкая земля шахъ Басова Персидцкая и кумыцкіе де князи холопи ево. И нынѣ де кумыцкой Суркай шевкаловъ сынъ, Гирѣй, исъ Тарковъ поехалъ къ шахъ Басу, и того де ему Муртозѣ не вѣдомо, пошлетъ ли шахъ Басъ на Кумыцкую землю своихъ ратныхъ людей войною, или нетъ. Да Муртоза жъ привезъ грамоту отъ твоего государева измѣнника, отъ Якушка Глядкова, писана ко мнѣ, холопу твоему, и ко всему міру Терского города. Да съ Муртозою жъ пріехалъ арменинъ Грабѣй Малѣевъ, а привезъ отъ твоего же государева измѣнника, отъ Якова Глядкова, грамоту жъ и образъ четыредесятъ мучениkъ, иже въ Савасти граде мученныхъ. И я, холопъ твой, тѣ грамотки послалъ къ тебѣ, къ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., къ Москве, запечатавъ въ столбецъ, съ казанскимъ сыномъ боярскимъ, съ Семеномъ съ Шушеринымъ, а образъ, государь, четыредесятъ мучениковъ поставилъ въ твоей государевѣ казнѣ до твоего царского указу. А купчину Хозе Муртозу я, холопъ твой, съ сыномъ боярскимъ, давъ ему стругъ и гребцовъ, отпустилъ въ Астарахань.

На адресъ: 123 г. октября въ 4 день подалъ Семенъ Шушеринъ.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Ивашко Одоевской, Сенька Головинъ, Васка Юдинъ, челомъ бьютъ. Пріѣхалъ, государь, въ Астарахань съ Терка кизылбашсково шахъ Абассовъ купчина Муртоза, и мы, холопи твои, велѣли у него пересмотрити рухлядь ево и всякіе товары, и въ тѣ поры, государь, нашли у него

двѣ грамоты посыльные, одна писана въ Астарахань бояромъ и воеводамъ и всякимъ асторохапскимъ людемъ; другая—въ Казань детемъ боярскимъ, Матвѣю Глядкову да Ивану Суморокову. А въ роспросе Муртоза сказалъ: далъ де ему тѣ грамотки въ Дербени Якушко Глядковъ, которой былъ посланъ къ шахъ Аббасу отъ Маринки да отъ Ивашка Зарутцкого, да привезъ ко мнѣ, холопу твоему, къ Сепке, Семенъ Шушеринъ отъ того же Якушка грамотку, а далъ де ему Якушко въ Дербени жъ. И мы, холопи твои, тѣ грамотки послали къ тебѣ, къ государю, с-Иваномъ Аркатовымъ, запечатавъ въ столбецъ твоею государевою печатью царьства Астароханского.

На адресѣ: 123 г. октября въ 4 день подалъ Иванъ Аркатовъ.

На оборотѣ: Чтена:

И октября въ 20 день государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. указалъ послать противъ кизылбашского купчины на встрѣчю, гдѣ ево ни встрѣтить, а рѣчь молыти отъ приказныхъ людей.

И по государеву указу посланъ на встрѣчю противъ кизылбашского купчины Хозя Муртозы Семенъ Протопоповъ. А государевъ наказъ данъ ему таковъ.

Лѣта 7123-го, октября въ 12 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память Семену Протопопову. Ѣхать ему въ Астарахань и гдѣ встрѣтитъ кизылбашского купчину Хозя Муртозу, для того: октября въ 4 де(нь) писалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки воевода Петръ Головинъ: въ прошломъ де во 122-мъ (г.) іюля въ 19 де(нь) пріѣхалъ песъ Тарковъ на Терекъ Абасъ шаховы области купчина Хозя Муртоза, а идетъ отъ шаха къ государю зъ грамоты и зъ дары, и онъ того купчину съ Терки отпустилъ въ Асторохань. И по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. указу велено тому купчине Хозя Муртозѣ ѣхати изъ Асторохи къ Москве, а въ приставехъ у него быти и до Москвы ѣхать, и кормъ въ дороге давати ему, Семену. И въ Асторохань къ боярину и воеводе, ко князю Ивану Микитичю Одоевскому съ товарыщи, объ его отпуске и о корму шахъ Аббасову купчине писано, а велено имъ его, Семена, съ купчиною отпустить къ государю, къ Москве, и кормъ купчине въ Асторохани и въ дорогу дати, примѣряся къ прежнему, сыскавъ въ старыхъ столпѣхъ: по чему давано кизылбашскимъ купчинамъ корму при прежнихъ государехъ, которые пріѣзживали къ прежнимъ государемъ зъ грамоты. И Семену, пріѣхавъ въ Асторохань, отдати боярину и воеводе князю Ивану Микитичю Одоевскому государева грамота, а отдавъ государева грамота, говорити боярину и воеводамъ,

князю Ивану Микитичю Одоевскому съ товарыщи, чтобъ ему дали кормовую роспись, по чему ему давати корму кизылбашскому купчине, а давъ бы ему кормовую роспись, велѣли ему по государеву наказу быти у купчины, и отпустили его изъ Астороханн къ государю къ Москве, не замешкавъ. Да какъ боярин и воевода, князь Иванъ Микитичь Одоевской, по государеве грамоте у купчины быти велитъ, и Семену, пришедъ къ купчине, по посольскому обычею молыть купчине: великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. его царского величества отчины, псъ Казани, приказные люди, вѣдая про его пріѣздъ въ Астороханъ, прислали къ нему, къ купчине, его, Семена, а велѣли его встрѣтити и въ приставехъ у него быти, и кормъ давати, и ѣхать съ нимъ къ Москве. А изговоря, роспросити ему купчины въ розговорехъ: о какихъ дѣлехъ онъ къ царскому величеству пришелъ, и какъ нынѣ шахъ съ бухарскимъ и съ юргенчскимъ, и съ турскимъ салтаномъ, и ссылки межъ ими нынѣ есть ли? и будетъ есть—и о чемъ? и впередъ межъ ими чего чаять? и вѣдаетъ ли онъ про послапниковъ, про Михайла Тиханова и про подъячего, про Олексѣя Бухарова, которые отпущены съ Самары степью къ шаху съ бухарскими и съ юргенчскими тезики: которыми мѣсты они шли на Бухарскую или на Юргенчскую землю, и прошли-ль въ шахову землю и здорово-ль прошли, и гдѣ они нынѣ тѣхъ государевыхъ посланниковъ чаютъ, и не чаять ли имъ у шаха задержанья? А роспроси и провѣдавъ у него про всякіе вѣсти подлинно, записать себѣ и отписати о томъ къ государю тотчасъ. Да какъ Семена изъ Астороханн въ Казань отпустятъ, и Семену, взявъ у воеводъ купчине и его людемъ въ дорогу кормъ, счетчи по росписи отъ Астороханн до Казанн, и подводы и провожатыхъ, ѣхать съ купчиною въ Казань. И ѣдучи дорогою, кормъ давать по росписи, и честь и береженье къ послу держати, чтобъ ему въ корму недостатку и бесчестья ни отъ кого ни въ чемъ не было, и отъ него бъ рускимъ людемъ по тому жъ бесчестья и обидъ не было же, и кормовъ бы сильно даромъ нигдѣ ни у кого не имали, а покупали кормъ по цѣнѣ, какъ гдѣ что купятъ. А какъ Семенъ пріѣдетъ съ купчиною блиско Казанн; и ему, не доѣзжая Казанн, напередъ себя съ послѣдпего стану послать съ вѣстью въ Казань къ боярину и воеводамъ, чтобъ имъ напередъ было вѣдомо, а безъ вести въ Казань не ѣздить. Да какъ Семенъ по воеводцкой присылке въ Казань пріѣдетъ, и Семену, поставя купчину на дворѣ, гдѣ ему дворъ укажутъ, и приставя сторожей, явится въ съѣзжей избѣ боярину и воеводамъ и быти у купчины, и кормъ ему и людемъ давати по росписи, емлючи въ Казанн у воеводъ, а къ боярину и воеводамъ отъ государя о томъ писано.

А покамѣста Семенъ до отпуску въ Казани побудетъ, и ему того беречь накрепко, чтобъ купчина, съ кизылбашскимъ посломъ и зъ бухарскими и съ юргенчскими купчинами, и съ тезики, и ни съ какими иноземцы не свиделся, и письмомъ и словеснымъ приказомъ не сослатися. А какъ боярин и воеводы изъ Казани Семена съ купчиною отпустятъ, и Семену, взявъ въ Казани у боярина и воевод кизылбашскому купчине и людемъ на кормъ, счотчи отъ Казани до Нижнево кормъ, по росписи, съ кизылбашскимъ купчиною ѣхать и въ дороге по тому жъ беречь, чтобъ къ нему иноземцы татарове и рускіе люди ничто не приходилъ и ни о чемъ не розговаривалъ. А будетъ Семенъ встрѣтитъ кизылбашского купчину по сю сторону Казани, и Семену, обослався съ приставомъ, которой будетъ съ кизылбашскимъ купчиною, и съѣхався, объявить ему себя встрѣчникомъ и приставомъ отъ приказныхъ же людей того города, которого города, не доѣзжая, кизылбашского купчину встрѣтитъ, а тому приставу для береженья велѣти ѣхати съ собою же вмѣсте. А гдѣ купчину встрѣтитъ и хто кизылбашской купчина имянемъ, и сколько съ нимъ людей и тезиковъ, и что у нихъ какихъ товаровъ, и хто съ ними отпущенъ приставъ, и что кизылбашскому купчине и людемъ корму, и роспроса кизылбашского купчина про всякіе вѣсти противъ того, какъ о томъ писано въ семъ наказе выше сего, обо всемъ отписать напередъ себя къ государю къ Москве, а отписку велѣти отдати въ посольскомъ приказе. А съ кизылбашскимъ купчиною ѣхати и береженье и честь къ нему держати, и кормъ давати по сему жъ государеву наказу.

А нѣчто кизылбашской купчина на Самаре или въ Казани, или гдѣ на дороге учнетъ спрашивать про вора, про Ивашка Зарутцкого и про Маринку, и про сына еѣ,—не вѣдая того, что они поиманы, и Астарахань отъ воровскіе смуты очистилось,—гдѣ они нынѣ и что надъ ними государевыхъ людей промыслъ? И Семену говорити: какъ по милости Божіей Московского государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ всякіе люди всего Росій(ского) государства учал(и) чинити польскимъ и литовскимъ людемъ утесненье великое и Московского государства доступать, а воръ Ивашко Зарутцкой въ тѣ поры былъ подъ Москвою съ ними жъ вмѣсте, и узнавъ Російского государства бояръ и воевод и всякихъ ратныхъ людей крѣпкое стояніе и промыслъ, а польскихъ и литовскихъ людей противъ Московского государства ратныхъ людей непзможенье и свое воровство, что онъ съ польскими и съ литовскими людьми на всякое зло Російскому государству ссылался, изъ подъ Москвы побежалъ и, взявъ съ собою прежнихъ вѣдомыхъ воровъ и богоотступниковъ, которые по злому жъ умышленью польского

Жигимонта короля и по заводу воровъ казаковъ назывались государскими детьми ложно, жену Маринку, збежалъ царского величества въ вотчину въ Астарахань, а къ нимъ въ Астарахани пристали прежніе ихъ совѣтники воры, которые воровали въ смутное въ безгосударное время и воровъ государскими детьми называли ложно съ ними вмѣсте. И будучи въ Астарахани, хотѣлъ своимъ злымъ умысломъ заводить такое же воровство по прежнему. И великій государь нашъ его ц. в., учинясь на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, послалъ на вора и на измѣнника своего на Ивашка Зарутцкого съ Москвы бояръ своихъ и воеводъ, князя Ивана Никитича Одоевского съ товарыщи, со многими своими ратными людьми, и Божіею милостію, а его государевымъ счастьемъ и бодроопаснымъ содержительствомъ, царского величества бояре и воеводы Астарахань взяли, и воровъ, которые были въ совѣте и въ воровской смуте съ воромъ, с-Ывашкомъ Зарутцкимъ, польскихъ и литовскихъ, и рускихъ людей побили на голову, а которыхъ живыхъ поимали, и тѣхъ за воровство казнили, а инымъ наказанье чинили. А Ивашко Зарутцкой и съ воровкою, съ Маринкою, не со многими воры совѣтники своими казаки ушелъ былъ на Яикъ, и царского величества боярин и воеводы, князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарыщи, посылали за нимъ головъ съ ратными людьми, и тѣ головы съ ратными людьми вора Ивашка Зарутцкого съ воровкою и съ сыномъ, сшедъ на Яике, поимали и съ его совѣтники и, перенмавъ, за ихъ злые дѣла, многихъ самыхъ пущихъ воровъ казнили, а Ивашко Зарутцкого и Маринку съ сыномъ, для обличенья ихъ воровства, привезли къ Москве, и въ животе ихъ волепъ Богъ да государь: животъ ли имъ велитъ дати, или ихъ по ихъ злымъ дѣломъ велитъ ихъ казнити. И нынѣ Божіею милостію, а его царского величества счастьемъ, отчина его царского величества отъ воровскіе смуты очистилась, и воровская смута вся поминовалась. А нынѣ въ Асторахани и на Терке воеводы и всякіе служилые и жилетцкіе люди въ его царского величества отчине въ Астарахани живутъ по прежнему, а черкасы кабардинскіе и горскіе князи и мурзы и Наган болше, Шитерекъ князь съ братьею и съ детьми и съ племянники, со всѣми своими улусными людьми, и Казыевъ улусъ по своей вѣре правду дали и учинились всѣ подъ его царскою высокою рукою, въ его царскомъ жалованье и въ повелѣнье, въ прямомъ холопстве, и всѣ его царскому величеству служатъ съ радостію и вездѣ его царскимъ счастьемъ въ его государстве строитца доброе.

А будетъ кизылбашской купчина-учнетъ Семена спрашивать: какъ великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. учинился на

Московскомъ государстве, и послы и посланники у него, государи, отъ крестьянскихъ и отъ мусульманскихъ государей и отъ него, государя, къ тѣмъ государемъ послы и посланники бывали-ль, и съ которыми государи онъ, государь, нынѣ въ миру и съ которымъ не въ миру?—

И Семену говорити кизылбашскому купчине: какъ по милости Божіей и по избранью всякихъ чиновъ людей всего великого Російского царствія великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с., послалъ ко всѣмъ великимъ крестьянскимъ и къ мусульманскимъ государемъ государство свое обвестить и польского Жигимонта короля и пановъ радъ передъ великимъ государемъ нашимъ и передъ всѣмъ московскимъ государствомъ злое умышленье и неправды объявити пословъ своихъ и посланниковъ, и тѣ всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе государи, слыша про то, что его ц. в. учинился на Московскомъ государстве великимъ государемъ, всѣ порадовались и пословъ его ц. в. и посланниковъ приняли и отпустили къ его царскому величеству съ великою честью, и своихъ пословъ и посланниковъ съ ними вмѣсте прислали къ его царскому величеству о дружбе и о любви, и о всякихъ добрыхъ дѣлехъ, которые настоятъ имъ, великимъ государемъ, просячи его ц. в. къ себѣ любви, съ великими любовными поминки, чтобъ его ц. в. впередъ былъ съ ними со всѣми великими государи въ братцкой любви и въ крѣпкой дружбе и въ любительной сылки по тому жъ, какъ были предки ихъ съ прежними великими государи съ цари російскими. И недруга великому государю нашему, опричь польского и свѣйского королей, нѣтъ никого. А тѣ всѣ великіе государи, слыша великого государя правду, а польского и свѣйского королей передъ его царскимъ величествомъ и передъ всѣмъ Московскимъ государствомъ злые умыслы и неправды, за тѣ ихъ неправды хотятъ съ царскимъ величествомъ стать заодинъ и неправды ихъ имъ мстити.

А будетъ кизылбашской купчина учнетъ Семена спрашивать про иные какіе дѣла и вѣсти про Московское государство, и Семену про тѣ дѣла говорити, смотря по его рѣчемъ и по тамошнему дѣлу, по тому ему и отвѣтъ чинить, сказывати кизылбашскому купчине про все доброе, чтобъ государскому имени къ чести и къ повышенью и государству Московскому къ добру; а чего до пряма не вѣдаетъ или что и вѣдаетъ, а государству не на пользу, и Семену говорити, что онъ человѣкъ служилой, на Москвѣ не бывалъ долгое время, а былъ на государевыхъ службахъ, и ему про то слышати не лучилось.

А какъ Семенъ съ кизылбашскимъ купчиною придетъ изъ Казани въ Нижней, и Семену по тому жъ проситись у воеводъ съ кизылбашскимъ купчиною къ Москве. А какъ его, Семена, воеводы изъ Нижнево съ купчиною къ Москвѣ отпустятъ и кормъ купчине въ дорогу въ Нижнемъ по росписи дадутъ, и Семену съ купчиною изъ Нижнево ѣхать и кормъ ему по росписи давать, и береженье во всемъ въ дороге держать по тому жъ, какъ о томъ писано въ сей наказной памяти выше сего. А какъ будетъ съ кизылбашскимъ купчиною близко Москвы, станы за два, и ему о томъ отписать и роспись кормовую прислать къ государю напередъ себя къ Москве, а отписку велѣти отдати въ посольскомъ приказе діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Ромончюкову, а безъ указу безвѣсно съ купчиною къ Москве не ходити.

А будетъ купчина учнетъ спрашивать: какъ нынѣ государь съ турскимъ, съ Ахматъ салтаномъ царемъ, и о чемъ государь къ турскому царю посланника своего посылалъ?—

И „ “ говорити: какъ великій государь ц. и в. кн. Михайло Оедоровичь в. Р. с. учинился на Московскомъ государстве, и онъ великій государь его ц. в. послалъ ко всѣмъ крестьянскимъ и мусульманскимъ государемъ государство свое обестить и польского короля неправды объявитиословъ своихъ и посланниковъ по прежнему обычаю и какъ ведется во всѣхъ великихъ крестьянскихъ государствахъ и въ ихъ царствахъ поведется. А къ турскому Ахматъ салтану великій государь нашъ государство свое обестити послалъ же, а опричь того иного дѣла великому государю нашему до турского Ахматъ салтана никоторого нѣтъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Ивану Михайловичю Воротынскому да князю Юрью Петровичю Унатому, да дьякомъ нашимъ, Оедору Лихачову да Степану Дичкову. Октября въ 4 день писалъ къ намъ съ Терки воевода Петръ Головинъ *(и проч.)*. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Семенъ Протоповъ съ купчиною въ Казань пріѣдетъ, и вы-бъ Семена съ кизылбашскимъ купчиною отпустили къ намъ, къ Москве, а покамѣста онъ въ Казани побудетъ, и вы-бъ ему велѣли давати кормъ и питье по росписи, какову далъ въ Астарахани боярин и воеводы князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарищи Семену Протопопову, да и въ дорогу бъ естя кизылбашскому купчине кормъ и питье до Нижнево Новагорода велѣли дать по той же росписи. А которого числа Семена изъ Казани отпустите, и вы бъ о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе

дiякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову до Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123-го, октября въ 12 день.

Таковы жъ грамоты о купчинине отпуске посланы въ Асторохань, въ Нижней съ Семеномъ Протопоповымъ. На Самару послана такова жъ [1]).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Ивашко Адоевской, Сенька Головинъ, Васка Юдинъ, челомъ бьютъ. Августа, государь, во 11 де(нь) писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, съ Терки твой государевъ воевода Петръ Петровичь Головинъ: отпущены къ тебѣ, ко государю, съ Терки кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртаза зъ дары, да кумыцково князя Гирѣя посолъ Томулдакъ, съ аргамакомъ, а съ ними въ приставехъ и для береженья посланъ съ Терки терской годовальщикъ, сынъ боярской, свiяженинъ Григорей Шахматовъ, а въ толмачѣхъ съ ними отпущенъ стрелецъ Соловоского приказу Протасьева, Ермошка Григорьевъ, да съ Томулдукомъ же отпущенъ человѣкъ его кумыченинъ Мустоѳа, да окоченинъ Ахматъ для аргамачьи стряпни, въ стругу, моремъ, и намъ бы, холопемъ твоимъ, Григорью Шахматову и толмачю Ермошке дати твое государево жалованье на подъемъ и кормъ въ дорогу для ихъ нужи, а на Терке де имъ твоего государева жалованья на подъемъ не дано ничево, а корму бъ дати сыну боярскому по алтыну, послу Томулдуке по осьми денегъ, толмачю Ермошке, посольскому человѣку Мустоѳѣ, окоченину Ахмату по четыре деньги человѣку на день, и отпустити бъ ихъ къ тебѣ, къ государю. И мы, холопи твои, Гирѣева посла Томулдуку съ аграмакомъ отпустили къ тебѣ, къ государю, зъ Григорьемъ же Шехматовымъ, давъ имъ кормъ до Самары, да Григорью жъ дали твоего государева жалованья въ полы его окладу—четыре рубли; а Хозю Муртозу отпустили въ Казань с-Ивапомъ Враскимъ, а въ Казань, государь, къ твоему государеву боярину и воеводамъ, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому съ товарыщи, писали, чтобъ они Хозя Муртозѣ велѣли побыти въ Казани до твоего государева указу, а что, государь, къ тебѣ, ко государю, отъ шахъ Аббаса съ Хозя Муртозою даровъ и что съ нимъ какихъ товаровъ, и что съ того товару пялося было твоей государевы астарахапскіе таможенные и вѣщіе пошлины взяти, и мы, холопи твои, тому роспись послали къ тебѣ, къ государю, подъ сею отпискою, а тѣхъ пошлинъ съ него въ Астарахани до твоего государева указу не взято.

На адресѣ: 123 г. ноября въ 3 де(нь).

Роспись что ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р.

[1]) Грамоты не приложены.

кизылбашской шахъ Аббасъ послалъ съ купчиною, съ Хозе Муртозою, даровъ:

Ножъ булатной, черенъ золотъ, съ яхонты и съ лалы, и зъ бирюзами, ножны окованы золотомъ же съ яхонтцы жъ и съ лалы, и зъ бирюзами, и зъ жемчюгомъ.

Да у Хозя Муртозы своихъ даровъ:

Сабля булатная ширязское дѣло, тулупбасъ булатной, лукъ тебѣское дѣло, камка шафраннымъ цвѣтомъ, кушакъ шелковъ зъ золотомъ, пестредь шелкова ала, пестредь шелкова бела, кисея покровъ бѣлъ.

Съ Хозя Муртазою товару:

Въ осми таяхъ 1600 кындяковъ цвѣтныхъ, а вѣсу въ нихъ 40 пудъ, цена по 20 алтынъ кындякъ.

Въ таѣ 50 юфтей саѳьяновъ новыхъ, 65 кындяковъ цвѣтныхъ, а вѣсу 6 пудъ, цена саѳьянамъ по рублю юфть, а кындяки по 20 алтынъ кындякъ.

Въ сундукѣ 193 апсыря шелку аряскова и казбинского, и дербенскова, и теврискова, а вѣсу 6 пудъ, цена по 2 рубли апсырь.

Въ сундуке 140 апсырей шелку аряскова и казбинского, а весу полъ 5 пуда, цена по 2 рубли апсырь.

Въ коробье 66 апсырей шелку казбинскова, 33 апсырей шелку гилянскова, вѣсу 3 пуда съ четью; цѣна казбинскому шелку по 2 рубли апсырь, а гилянскому по полъ 2 рубли апсырь.

Въ сундукѣ 32 апсыря шелку гилянскова, 50 апсырей шелку аряскова пового, цена гилянскому шелку по полъ 2 рубли апсырь, а аряскому цена по 2 рубли съ полтиною апсырь.

24 миткали арапскихъ, цена по полъ 2 рубли миткали; 3 кисей тонкихъ, цена по 2 рубли кисея; мельи цена рубль; 6 кушаковъ полушелковыхъ, цена по полъ 2 рубли кушакъ; кушакъ ярпной, цена 2 рубли съ полтиною; 2 дороги, цена по 2 рубли дороги; 8 кындяковъ, цена по 20 алтынъ кындякъ; портищо миткалей арапскихъ, цена 25 алтынъ; 20 кындяковъ топлыхъ, цена по полтине кындякъ. А весу въ сундукѣ съ товаромъ 5 пудъ съ четью.

Въ таѣ 140 апсырей шелку пырсу, цена по рублю апсырь.

Въ таѣ 180 апсырей шелку пырсу, цена по рублю апсырь.

Въ мешкѣ 110 апсырей шелку гилянскова, цена по полъ 2 рубли апсырь.

Въ коробье 163 тафты, цена по полтине таѳта, а вѣсу въ коробье 2 пуда.

Въ зипбиле 1000 гребенья, цена 5 рублевъ.

Въ коробкѣ 200 ансырей шелку пырсу, цена по рублю ансырь.

Въ связкѣ 50 юфтей сафьяновъ новыхъ, цена по рублю юфть; вѣсу въ связкѣ 4 пуда съ четью.

Въ связкѣ 42 юфти съ полуюфтью сафьяновъ, цена по рублю юфть, весу полъ 4 пуда.

Въ дву коробьяхъ 68 дороги полосаты, цена по полъ 2 рубли дороги, 83 дороги красныхъ, цена по 2 рубли дороги, а вѣсу 4 пуда.

Въ мешкѣ 4 пуда бумаги синіе, цена по 10 рублевъ пудъ.

Въ мешкѣ полъ 3 пуда кардамону, цена по 2 рубли пудъ.

Въ таѣ 115 кындяковъ топлыхъ, цена по полтине кындякъ, 67 кындяковъ новыхъ, цена по 20 алтынъ кындякъ, а весу полъ 5 пуда.

Въ дву мешкахъ 190 ансырей шелку гилянскаго, цена по полъ 2 рубли ансырь.

Въ тае 18 выбоекъ гилянскихъ, цена по 10 алтынъ, 2 кисеи тонкихъ красныхъ, цена по 40 алтынъ кисея, 21 кисея тонкихъ арапскихъ, цена по 40 алтынъ кисея; 3 завеса выбойчатыхъ, цена по полтине завесь, 2 выбойки арапскихъ, цена по 20 алтынъ выбойка, 6 кисей по 2 портища тонкихъ, цена по 40 алтынъ, 4 миткали, цена по рублю; 8 кушаковъ гилянскихъ цена по 10 алтынъ, 12 дарагъ полосатыхъ, цена по полъ 2 рубли, 7 гривенокъ бумаги синіе, цена по полтине гривенка, 200 поясковъ, цена рубль, 6 гривенокъ румяпцу, цена по 2 гривны. А вѣсу въ тае съ товаромъ 3 пуда безъ чети.

Въ 24 кальяхъ 56 пудъ краски мяхкіе, цена по 17 рублевъ пудъ.

Въ зинбилѣ и въ тулукѣ 9 пудъ краски крутику, цена по 30 рублевъ пудъ.

Въ зинбилѣ 4 пуда краски мяхкіе, цена во 17 рублевъ пудъ.

Въ мѣшкѣ полъ 5 пуда краски крутику, цена по 30 рублевъ пудъ.

Въ дву сундукахъ 21 дороги цветныхъ новыхъ, цена по 2 рубли. 17 кындяковъ, цена по 20 алтынъ; 4 кушаки шолковыхъ, цена по 2 рубли; 2 портища миткалей, цена рубль; кутня желтая новая, цена 3 рубли; лукъ мешетцкой, цена полъ 2 рубли; тулупбасъ, цена рубль; 2 бархата черныхъ новыхъ, цена 20 рублевъ; камка свѣтлозелена, цена 3 рубли; 10 кындяковъ топлыхъ, цена по полтине; 6 дарагъ полосатыхъ, цена по полъ 2 рубли; 6 таѣтъ гилянскихъ, цена по полтине; кушакъ полушелковой, цена рубль.

Въ таѣ 40 ансырей шолку пырсу, цена по рублю.

И всего старово товару, что онъ привезъ во 110-мъ году, на пять тысячь на два рубли съ полтиною. Да нового товару, что онъ привезъ во 122-мъ году, на двѣсти на шездесятъ на семь рублевъ. А

пошлинъ было довелось на немъ взяти старово и съ новово товару полные триста шездесятъ восмъ рублевъ и дватцать восмъ алтынъ пять денегъ: по два алтына и по две деньги съ рубля.

А исъ половые было пошлины довелось взяти сто восмьдесятъ четыре рубли и четырнатцеть алтынъ полтретьи деньги. Да на немъ же было довелось взяти вѣ(с)ціе пудовые пошлины со ста съ осмидесятъ со шти пудъ съ полупудомъ—три рубли дватцеть четыре алтына две деньги: по четыре деньги съ пуда.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. Семену Протопопову. Ноября въ 3 день писали къ намъ исъ Казани боярин и воеводы князь Иванъ Михайловичь Воротынской сътоварищи, что шахъ Аббасовъ купчина Муртоза изъ Асторохани пришелъ въ Казань октября въ 12 день, и отъ насъ писано въ Казань къ боярину и воеводамъ, а велено имъ купчину отпустить къ намъ, къ Москве, съ тобою, не мешкая ни часу. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и боярин нашъ и воевода князь Иванъ Михайловичь Воротынской, съ товарыщи, купчину съ тобою отпустятъ,или ихъ встрѣтишь на дороге, и ты бъ по нашему наказу ѣхалъ съ купчиною къ намъ, къ Москве, не мешкая ни часу, и кормъ ему давалъ по росписи, какову тебѣ дадутъ въ Казани, и дорогою ѣдучи, береженье къ нему держалъ по нашему наказу, а товаровъ одполично въ Казани и на дороге продавать не давалъ, а именно берегъ калы да кардамону. А только гдѣ что твоимъ небереженьемъ купчина какихъ товаровъ продастъ, а после про то сыщетца, и тебѣ отъ насъ за то быти въ великой опале. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123, ноября въ „ “ де(нь)

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину, въ Казань, боярину нашему и воеводамъ, князю Ивану Михайловичю Воротынскому да князю Юрью Петровичю Ушатому, да дьякомъ нашимъ, Ѳедору Лихачову да Степану Дичкову. Ноября въ 3 де(нь) писали есте къ намъ: октября въ 12 де(нь) прислали къ вамъ изъ Асторохани с-Ивапомъ Стрешневымъ да с-Ивапомъ Чертковымъ Япараслапъ мурзу Урусова да князя Ивана Япараслапова сына, да князя Ондрѣя Сатыева, да князя Петра Канмурзина, да кизылбашского шахъ Аббасова купчину Муртозу, да кумытцкого Гирѣя князя посла Толмудука, и вы кумытцкого посла отпустили къ намъ къ Москвѣ съ приставомъ ево, съ свіяженином съ Григорьемъ Шахматовымъ, а Япараслана мурзу и князя Ивана Япараслапова съ товарыщи и кизылбашского купчину, давъ имъ дворы и кормъ, оставили въ Казани до нашего указу. А изъ Асторохани боярин и воеводы, князь Иванъ Микитичь Одоевской, съ товарыщи, писали къ намъ, что съ кизылбашскимъ купчиною товары многіе. И

мы указали кизылбашского купчину со всѣми ево товары изъ Казани отпустить къ намъ, къ Москве. А приставъ къ нему отъ насъ послалъ съ Москвы Семенъ Протопоповъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тотчасъ кизылбашского купчину отпустили изъ Казани къ намъ, къ Москве, со всѣми ево товары, съ приставомъ ево, съ Семеномъ Протопоповымъ, будетъ онъ въ Казань пріѣхалъ, и кормъ ему въ дорогу до Нижнева дали по тому жъ, по чему имне въ Казани дасте. А товаровъ бы есте ему никакихъ въ Казани продавати не велѣли и Семену бъ есте наказали накрепко, чтобъ онъ никакихъ товаровъ въ Казани и дорогою нигдѣ не продавалъ, а именно бъ есте мимо всѣхъ товаровъ заказалъ накрепко, чтобъ онъ не продавалъ кальи да кардамону. А будетъ Семенъ Протопоповъ въ Казань не бывалъ, и вы бъ кизылбашского купчину отпустили изъ Казани с-нимъ съ кѣмъ пригоже, и велѣли ему ѣхать съ нимъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣтитъ Семена Протопопова, и проводить бы есте ихъ послали до коихъ мѣстъ пригоже, чтобъ имъ отъ воровъ проѣхать здорово, и приставомъ бы есте о томъ заказали накрѣпко жъ, чтобъ они одилично купчине никакихъ товаровъ продавати не давали и въ дороге того берегли накрепко. А Янарасланъ мурзѣ и повокрещепомъ, князю Ивану съ товарыщи, велѣли бъ есте быти въ Казани, и кормъ ему давали и береженье къ нимъ велѣли держать великое, чтобъ къ нимъ никто не приходилъ и ни о чемъ ни съ кѣмъ не ссылались. А которого числа къ намъ кизылбашского купчину отпустите, и вы бъ о томъ къ намъ отписали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7122-го, (sic) ноября въ „ “ де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Ивашко Воротынской, Яшко Ушатой, Ѳедька Лихачевъ, Степанко Дичковъ, челомъ бьютъ. Ноября, государь, въ 12 день въ твоей государеве грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ, изъ посольского приказу: писалъ къ тебѣ, ко государю, съ Терки твой государевъ воевода Петръ Головинъ, что *(и проч.)*. И купчина, государь, Хози Муртоза въ Казань изъ Асторохани пріѣхалъ до твоей государевы грамоты с-Ивапомъ Враскимъ, и о томъ, государь, мы, холопи твои, писали къ тебѣ, ко государю, и роспись, что съ нимъ даровъ къ тебѣ, ко государю, отъ шахъ Аббаса и ево, купчинпныхъ, даровъ, и всякихъ ево товаровъ, съ астороханскою отпискою послали съ терскимъ стрельцомъ съ Мишкою Тотменпномъ. А писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, изъ Асторохани твой государевъ бояринъ и воеводы князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарыщи, чтобъ ему, купчине, до твоего государева указу побыти въ Казани, а корму ему въ Асторохани и въ дорогу до Казани не

давано, и кормовая роспись къ намъ не прислана. Да ноября, государь, въ 20 день, въ другой твоей государеве грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ, а велено кизылбашского купчину отпустити къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ со всѣми его товары (*и проч.*). И по твоему государеву указу мы, холопи твои, купчину Муртозу отпустили къ тебѣ, ко государю, къ Москве съ Семепомъ Протопоповымъ; а корму, государь, ему давали въ Казани съ того числа, какъ твой государевъ указъ пришолъ, и въ дорогу до Нижнего дали купчине Муртозѣ съ людьми, съ шестью человѣки, на день по две гривны, да питья купчине по четыре чарки вина, по полуведра меду, людемъ его по две чарки вина, по ведру пива, и провожатыхъ изъ Казани дали. А товаровъ, государь, купчине Муртозѣ никакихъ въ Казани продавать не велѣли. И Семену Протопопову приказали накрепко, чтобъ онъ никакихъ товаровъ въ Казани и дорогою нигдѣ купчине продавати не велѣлъ, чтобъ товары его по астороханской росписи были цѣлы, а больши всѣхъ товаровъ приказали о кальѣ да о кардамоне, чтобъ все до Москвы довести. И приходилъ, государь, къ намъ Семенъ Протопоповъ многижда и сказывалъ намъ, холопемъ твоимъ, что купчина Муртоза смлетъ съ собою къ Москве, отобравъ, лутчіе товары, а худые оставливаетъ въ Казани, а вести де худыхъ товаровъ не хочетъ потому, что ему бесчестно, и отъ царя своего, отъ шахъ Аббаса, въ томъ блюдетца опалы. И мы, государь, холопи твои, приказывали Семену накрепко, велѣли говорити купчине, чтобъ онъ по твоему государеву указу со всѣми товары ѣхалъ къ тебѣ, ко государю, а въ Казани бъ товару не оставливалъ. И Семенъ намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ, что онъ купчины на то не привелъ, всѣхъ товаровъ къ Москве не емлетъ. А что, государь, какихъ товаровъ купчина съ собою взялъ и что въ Казани оставилъ, и намъ, государь, холопемъ твоимъ, Семенъ Протопоповъ принесъ роспись, и мы, холопи твои, до твоего государева указу тѣ достальные товары, что оставилъ въ Казани, велѣли таможенной головѣ съ цѣловальники запечатати, а роспись послали къ тебѣ, ко государю, съ Семепомъ Протопоповымъ подъ сею отпискою. А Янаралану, государь, мурзѣ и новокрещепомъ, князю Ивану съ товарыщи, по твоему государеву указу велѣли быть въ Казани, и кормъ, государь, имъ и медъ даемъ поденной и береженье къ нимъ велѣли держати великое, чтобъ къ нимъ пихто не приходилъ и ни о чемъ ни съ кѣмъ не ссылались. А астороханца, государь, Ивана Враского, по твоей государеве грамоте отпустили мы, холопи твои, къ тебѣ, ко государю, напередъ.

Роспись что какихъ товаровъ исъ Казани шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза взялъ съ собою къ Москве. 1950 киндяковъ розныхъ цветовъ, 131 зендень червчатыхъ, 100 зенденей розныхъ цветовъ, 200 кушаковъ бухарскихъ, 85 дороговъ червчатыхъ, 68 дороговъ полосатыхъ, 30 дороговъ розныхъ цветовъ, 15 выбоекъ цветныхъ, 13 пудъ съ полупудомъ краски крутику, 35 пудъ краски мяхкой, 4 пуда бумаги сипіе, 420 ансырей шелку аряского и козбинского, 120 юѳтей саѳьяновъ, 20 миткалей арапскихъ, 9 миткалей широкихъ арапскихъ, 20 кисей тонкихъ, 20 кисей широкихъ тонкихъ, полъ 3 пуда кардамону, камочка цвѣтная, бархатъ черчатъ, 2 бархата черныхъ, 10 луковъ мешецкихъ, 6 кушаковъ шелковыхъ.

Въ Казани осталось шахъ Аббасова купчины Хозя Муртозиныхъ товаровъ противъ росписи: 954 ансыря шелку [1]), 25 пудъ краски мяхкіе, 163 таѳты.

На адресѣ: 123 г. декабря въ 22 день Семенъ Протопоповъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой Сенка Протопоповъ челомъ бьетъ. По твоему государеву указу посланъ я, холопъ твой, на встрѣчу къ шахъ Оббасову купчине, къ Хозя Муртозѣ, что идетъ къ тебѣ, великому государю, отъ шаха зъ грамоты и зъ дары. И пріѣхалъ я, холопъ твой, въ твою государеву отчину въ Казань, и въ Казани твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Иванъ Михайловичь Воротынской съ товарыщи, сказали мнѣ, холопу твоему, что шахъ Оббасовъ купчина Хозя Муртоза изъ Асторохани въ Казань пришолъ, а приставъ у него изъ Асторохани Иванъ Враской, и товары, которые съ нимъ пришли, въ Казани въ таможной избѣ смотрены. И о пріѣзде ево и что съ нимъ къ тебѣ, государю, отъ шаха и ево купчининыхъ даровъ, и что какихъ товаровъ къ тебѣ, государю, они исъ Казани писали и роспись даромъ и товаромъ послали. И по твоей государеве грамоте бояринъ и воеводы, князь Иванъ Михайловичь съ товарыщи, смотрѣвъ у меня, холопа твоего, наказу, у шахъ Оббасова купчины быти велѣли. И въ розговорехъ, государь, я, холопъ твой, купчины спрашивалъ: о какихъ дѣлехъ онъ къ тебѣ, великому государю, отъ шаха идетъ? И купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ: идетъ онъ отъ шаха къ тебѣ великому государю зъ грамоты и зъ дары. И я, холопъ твой, допрашивалъ ево: какъ шаху вѣдомо учинилось, что вы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царства?

---

[1]) Во 2-й редакціи росписи (на 60 л.) прибавлено: «обышново».

И купчина мнѣ, холопу твоему, въ розговорехъ сказывалъ: былъ де онъ въ Асторохани немалое время, а Асторохань была въ тѣ поры въ воровской смуте, и какъ де воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою пришли въ Асторохань, а онъ, купчина, былъ въ Асторохани, и послалъ де Зарутцкой отъ себя къ шаху Ивана Данилова сына Хохлова да Якова Гляткова, зъ грамотами, называючи у себя Маринкина сына царевичемъ, чтобъ имъ шахъ далъ людей и на подмогу казны, бутто имъ Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очищать; а ево де, купчину, Зарутцкой изъ Асторохани отпустилъ къ шаху с Иваномъ да съ Яковомъ вмѣсте, и съ нимъ де, съ Муртозою, изъ Асторохани князь Иванъ Дмитреевичь Хворостининъ послалъ грамоту къ шаху о твоемъ царскомъ имени тайно, чтобъ тому вору Ивашку Зарутцкому шахъ ни въ чемъ не вѣрилъ. И я, холопъ твой, купчины въ розговорехъ спрашивалъ: какъ они къ шаху пришли и какъ ихъ шахъ принялъ, и что въ ответѣте противъ Зарутцково грамоты сказалъ, и какъ шахъ учалъ держать Ивана Хохлова да Якова Гляткова, и шаху онъ тоѣ грамоту отдалъ ли, что съ нимъ, съ Муртозою, послалъ къ шаху князь Иванъ Хворостининъ, и въ тѣ же ли поры онъ тоѣ грамоту шаху отдалъ, какъ Зарутцково грамоты Иванъ Хохловъ да Яковъ Гляковъ шаху отдали? И купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ: какъ де у Ивана Хохлова да у Якова Гляткова шахъ грамоты взялъ, а ему де Муртозѣ тоѣ, князь Ивановы, грамоты въ тѣ поры шаху отдать было нельзѣ, а отдалъ онъ шаху тоѣ грамоту после того, и шахъ де Ивана Хохлова да Якова Гляткова отдалъ въ крѣпь, а после того въ Асторохань ко Зарутцкому послалъ посланника своего зъ грамотою, а приказалъ говорить: хто де будетъ на Московскомъ государстве царемъ, и онъ, шахъ, будетъ великому государю, брату своему, помогать казною и людьми. А съ посланникомъ де своимъ отпустилъ Якова Гляткова, а ево де, купчину, шахъ отпустилъ къ тебѣ, великому государю, зъ грамотою и зъ дары на Асторохань съ ними же вмѣсте. И къ Зарутцкому де въ Асторохань объ немъ, купчине, шахъ писалъ, чтобъ ево въ Асторохани не задержалъ, а отпустилъ ево тотчасъ для ево, шаховыхъ, товаровъ въ Казань. И какъ де они пришли въ Дербень, и въ Дербени имъ сказали, что твоя государева отчина Астороханское царство отъ воровскіе смуты очистилась, а воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою изъ Асторохани побежалъ, а въ тѣ де поры въ Дербень пріезжалъ съ Терекъ Семенъ Шушерин съ коровапнымъ головамъ, чтобъ они шли со всякими товары въ Асторохань безъ опасу. И шаховъ де посланникъ, послыша то, изъ Дербени поворотился назадъ къ шаху,

а Яковъ де Глятковъ съ нимъ же поѣхалъ къ шаху, а онъ, купчина, пошелъ къ тебѣ, великому государю. И какъ де онъ пришолъ на Терекъ и встрѣтилъ на Терке человѣка своего, и сказалъ де ему тотъ ево человѣкъ, что Ивашка Зарутцково съ Маринкою и съ еѣ сыномъ на Енке изымали и повели ихъ изъ Асторохани къ тебѣ, государю, къ Москве. И онъ де, купчина, тово своего человѣка съ Терекъ отпустилъ съ тою съ прямою вѣстью къ шаху наскоро. Да по твоему государеву наказу спрашивалъ я, холопъ твой, купчины въ розговорехъ: какъ нынe шахъ зъ бухарскимъ и съ юргенческимъ и съ турскимъ салтапомъ, ссылки межъ ими нынe есть ли, и хто нынe на Бухарехъ царь? И купчина мнѣ, холопу твоему, въ розговорехъ сказывалъ: зъ бухарскимъ царемъ и съ юргенческимъ шахъ въ сылке по прежнему, и задору межъ ими никакова нѣтъ; а на Бухарехъ де нынe царь Имангулъ, а какъ учинился на Бухарехъ царемъ, тому лѣтъ съ шесть. А турской де царь присылалъ къ шаху пословъ своихъ, чтобъ съ нимъ помирился, и шахъ де отказалъ послу ево: будетъ турской отдастъ ему городъ Богдатъ, и шахъ съ нимъ помиритца, а будетъ не отдастъ, и межъ де ими миру не чаять. А прежъ де сего взялъ шахъ у турсково городовъ съ семдесятъ, а нынe де шахъ въ войнѣ въ Грузинской земли, а поималъ за себя Грузинской замли городы многіе. Да въ розговорехъ же я, холопъ твой, купчины спрашивалъ: вѣдастъ ли онъ про твоихъ государевыхъ посланниковъ, про Михайла Тиханова да про подъячего про Олексѣя Бухарова, которые отпущены съ Самары степью къ шаху зъ бухарскими и съ юргенческими тезики, на Бухарскую ли, или на Юргенческую землю они шли, и пришли-ль въ шахову землю? И про твоихъ государевыхъ посланниковъ, про Михайла Тиханова да про подъячего, про лексѣя Бухарова, купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что твои государевы посланники шли на Юргенческую землю и пришли въ шахову землю въ городъ Мешеть здорово; а провожалъ де твоихъ государевыхъ посланниковъ юргенческово царя Арапа дятька. А въ Мешеде ихъ приняли шаховы люди съ великою честью, а у шаха де имъ задежанья не чаять. А слышелъ де онъ, купчина, про тѣхъ твоихъ государевыхъ посланниковъ въ Шемахѣ, какъ пошелъ нынe къ тебѣ, великому государю. А про Ивана Брехова сказалъ мнѣ, холопу твоему, купчина: встрѣтилъ де онъ Ивана до Асторохани верстъ за двѣсте, и будетъ ево въ Асторохани не задержатъ, и Иванъ де Бреховъ къ шаху поспѣетъ напередъ Михайла Тиханова. А про иные, государь, вѣсти мнѣ, холопу твоему, у нихъ провѣдать не мочно, потому что исъ Казани со мною, холопомъ твоимъ, толмача не отпустили. А съ

*

купчиною, государь, идетъ къ тебѣ, великому государю, зять ево тезикъ Хозя Мааметъ, да кречетникъ шаховъ Амирхонъ, да у купчины, государь, три человѣка людей ево; а корму, государь, въ Казани указали имъ твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Иванъ Михайловичь Воротынской, съ товарыщи, давати на день по две гривны денегъ, да купчине по четыре чарки вина, полъ ведра меду, людемъ ево по две чарки вина, ведро пива на день; а купчининъ, государь, зять, тезикъ Хозя Мааметъ, да кречетникъ Амирхонъ написаны къ корму людьми ево. Да ноября, государь, въ 16 де(нь) писано ко мнѣ, холопу твоему, въ твоей государеве грамоте, а велено купчину взять къ тебѣ, государю, къ Москве со всѣми товары, по астороханской росписи, и я, холопъ твой, купчине говорилъ, чтобъ онъ взялъ съ собою всѣ свои товары, и купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что онъ емлетъ съ собою товары лутчіе всѣ, а худыхъ и топлыхъ товаровъ взяти ему съ собою нелзѣ для того, что тѣхъ товаровъ на Москвѣ у нихъ нихто не купитъ, а привозятъ они тѣ товары въ Казань для Черемисы, а рускіе де люди и въ Казани тѣхъ у нихъ товаровъ не емлютъ. И я, холопъ твой, всякими мѣрами купчине говорилъ многижда, чтобъ онъ взялъ съ собою всѣ товары, худые и добрые, которые съ нимъ изъ Астороханп пришли. И купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ: только де ему взять съ собою тѣ черемискіе товары къ Москве, а свѣдастъ то шахъ, и ему де отъ шаха за то быть казнену. И я, холопъ твой, тѣ ево рѣчи твоему государеву боярину и воеводамъ, князю Ивану Михайловичю Воротынскому съ товарыщи, сказывалъ, и князь Иванъ Михайловичь съ товарыщи велѣли мнѣ, холопу твоему, тѣмъ товаромъ, которые онъ емлетъ съ собою къ тебѣ, государю, къ Москве и которые оставливаетъ въ Казани, взяти у купчины роспись, и я, холопъ твой, взявъ у купчины роспись, что онъ какихъ товаровъ съ собою взялъ и что въ Казани оставилъ, отдалъ тоѣ роспись твоему государеву боярину и воеводамъ, князю Ивану Михайловичю Воротынскому съ товарыщи. И они тоѣ роспись послали къ тебѣ, государю, къ Москве, а я, холопъ твой, такову же роспись слово въ слово послалъ къ тебѣ, государю, подклея подъ сеѣ отписку. А что было кальи и кардамону, то взяли къ тебѣ, государю, къ Москве.

Роспись, что какихъ товаровъ изъ Казани шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза взялъ съ собою къ Москве, по ево, купчинине, сказке. (*См. раньше, стр. 17*).

На адресѣ: 123 г. декабря въ 19 день, съ стрельцомъ съ Неустройкомъ Ивановымъ.

На оборотѣ: И государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. сеѣ отписки слушалъ и приговорилъ съ бояры: тому кизылбашскому купчине быти напередъ въ посольской палате у діаковъ, и его роспросить, и грамоту шахову взять; да потомъ, сметя съ какимъ онъ дѣломъ пріѣхалъ и что въ грамоте писано отъ шаха, и велитъ ему государь у себя быти.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой Сенка Протопоповъ челомъ бьетъ. По твоему государеву указу посланъ я, холопъ твой, на встрѣчу къ шахъ Оббасову купчине, къ Хозя Муртозѣ, а велено мнѣ, холопу твоему, итти съ нимъ къ тебѣ государю къ Москве и честь, и береженье къ нему держати. И по твоему государеву указу исъ Казани твой государевъ боярипъ и воеводы, князь Иванъ Михайловичь Воротынской съ товарыщи, меня, холопа твоего, съ купчиною къ тебѣ, государю, отпустили ноября въ 24 де(нь), а въ Нижней Новгородъ пришолъ я, холопъ твой, съ купчиною декабря въ 4 де(нь), а шли па Курмышъ. Промешкали, государь, за подводами и для того, чтобъ товаровъ не помочить: Волга и малые рѣчки многіе не стали. А изъ Нижнего меня, холопа твоего, съ купчиною отпустили къ тебѣ, государю, декабря въ 7 де(нь). А провожатыхъ стрельцовъ дали всего десеть человѣкъ. И декабря жъ, государь, въ 8 де(нь) по утру, часу въ первомъ дни пріѣхалъ я, холопъ твой, съ купчиною въ Кузьмино помѣсье Минина, въ село въ Ворсну, отъ Нижнево сорокъ верстъ, а напередъ въ займку для дворовъ посылалъ нижегородцково стрелетцково десятника Ивашка Салтанова. И Ивашко Салтановъ на Ворсне дворъ запялъ крестьянина Ѳедотка Конанова. И купчину я, холопъ твой, на томъ дворѣ поставилъ, ажъ тотъ подворникъ Ѳедотко со многими людьми пришли съ кабака пьяни и на дворѣ учали шумѣть, стрельцовъ лять и проводниковъ съ возами зъ двора збивать. И я, холопъ твой, вышедчи на дворъ, учалъ ихъ розговаривать, чтобъ при иноземце не дуровали и твоему царскому имени позору не чинили. И тотъ Ѳедотко съ шуриномъ своимъ меня, холопа твоего, лаяли, и съ купчиною, и, водрався къ купчине в-избу, сѣли мужики пьяные за столомъ возле купчины па коврѣ и ево бесчестили, и лаяли. И я, холопъ твой, взявъ мужика изъ за стола, учалъ говорить, чтобъ они, пьяные люди, вышли вонъ, а иноземцу бесчестья не чинили: за то имъ отъ тебя, государя, быти въ поученье. И тотъ Ѳедотко, прискоча, взявъ меня, холопа твоего, за воротъ, зашумѣлъ, что де ты, голышъ, у меня гостей высылаешь вонъ, дворъ де мой, гдѣ хочу, тутъ своихъ гостей сажаю. И купчина, государь, видя такой позоръ, осердился, побежалъ зъ двора

пѣшъ, а лошеди всѣ проводники выпрегли, учали кормить. И я, холопъ твой, купчину всякими мѣрами одва уговорилъ, чтобъ онъ на другой дворъ взошолъ, покамѣста лошеди впрягутъ; а тово пьяново мужика сыщемъ и наказанье ему учинимъ. И посылалъ я, холопъ твой, къ Кузьмину приказщику, чтобъ онъ тово пьяново мужика сыскалъ и, приведчи передъ купчину, за такое воровство наказанье ему учинилъ. И Кузьминъ прикащикъ, пришедъ, мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что онъ безъ Кузьмина вѣдома наказанья никакова тому мужику учинить не смѣетъ; а здѣлалось де то не хитростью, пьянствомъ. А вѣдомо, государь, то нижегородцкимъ стрельцомъ десятнику Ивашку Салтанову съ товарыщи, и ямскимъ проводникомъ, которые были подъ купчиною и подъ его товары. Да въ тѣ жъ поры ѣхалъ къ тебѣ, государю, къ Москве съ твоею государевою казною изъ Кай городка целовальникъ Ивашко Дементьевъ и тому целовальнику вѣдомо жъ, какъ меня, холопа твоего, и купчину тотъ Ѳедотко съ товарыщи лаяли и бесчестили, чтобъ мнѣ, холопу твоему, впередъ за такое дѣло отъ тебя, государя, въ опале не быти. А изъ Мурома меня, холопа твоего, съ купчиною отпустили къ тебѣ, государю, декабря въ 12 де(нь), а въ Володимеръ пришли декабря въ 14 де(нь), и твой государевъ воевода Микита Михайловичь Пушкинъ не хотѣлъ мнѣ, холопу твоему, подъ купчину подводъ дать, а сказалъ, что де у меня въ Володимере подводъ нѣтъ, многіе подводы въ розгопехъ, а покамѣста купчину за подводами издержалъ, и купчине, государь, не велѣлъ подворнику и дровъ дать, чѣмъ каша сварить; а ко мнѣ, холопу твоему, присылалъ Микита говорить: только де велишь у подворника дрова имать, и язъ де на тебѣ велю доправить за всякое полѣно по десети алтынъ. И подводы, государь, мнѣ, холопу твоему, одва велѣлъ дать, а провожатыхъ далъ всего восмь человѣкъ стрельцовъ, а отпустилъ меня, холопа твоего, съ купчиною къ тебѣ, государю, декабря въ 16 де(нь). И я, холопъ твой, съ тою вѣстью отпуслъ къ тебѣ, государю, къ Москве, тово жъ числа, володимерского стрельца Ярилка Иванова наскоро. А что мнѣ, холопу твоему, кизылбашской купчина въ розговорехъ сказывалъ и что какихъ торовъ купчина взялъ съ собою къ тебѣ, государю, къ Москве, и я, холопъ твой, ту отписку послалъ къ тебѣ, государю, съ тѣмъ же стрельцомъ съ Ярилкомъ, потому что мнѣ, холопу твоему, тоѣ отписки напередъ сего послати было къ тебѣ, государю, нѣ съ кемъ, а парочново гончика въ городѣхъ нигдѣ мнѣ, холопу твоему, не дали.

На оборотѣ помѣта: Чтена.

И декабря въ 27 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила

Оедоровича в. Р. указу кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза былъ въ посольскомъ приказе у посольского у думново діяка, у Петра Третьякова. А посыланъ по него и ѣхалъ съ нимъ въ городъ приставъ ево, Семенъ Протопоповъ. А лошедь съ санми посылана подъ купчину отъ думново діяка, отъ Петра Третьякова. А какъ купчина ѣхалъ въ городъ, и въ тѣ поры на площеди и у посольской полаты на крыльцѣ и въ посольской полате были стрельцы бесъ пищалей, и всякіе люди. А какъ купчина вшелъ въ посольскую полату, и думной діякъ Петръ Третьяковъ съ купчиною корошевался и клалъ на него руку, вставъ, и велѣлъ ему сѣсти. И спрашивалъ купчину о здоровье. А посидѣвъ немного, говорилъ купчине думной діякъ Петръ Третьяковъ:

Писали къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Оедоровичю в. Р. с. изъ Астарахани боярин и воевода, князь Иванъ Микитичь Одоевской съ товарыщи, что ты пришелъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михаилу Оедоровичю в. Р. с. къ его царскому величеству отъ государя своего отъ шахъ Аббасова в., зъ грамотою [1]). И по государеву указу велено его болрину и воеводамъ изъ Асторохани отпустить въ Казань, а изъ Казани велено ему быти къ Москве, а напередъ сего былъ онъ царскаго в. въ вотчине въ Асторохани съ товары, и какъ былъ въ Асторохани воръ Ивашко Заруцкой да Маринка, и онъ отпущенъ былъ къ государю своему къ шаху отъ Ивашка да отъ Маринки, а съ нимъ вмѣсте отъ Ивашка посланы были изъ Асторохани въ посланникехъ Иванъ Хохловъ да Якушъ Глядковъ. А ныне онъ опять пришелъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Оедоровичю в. Р. отъ государя своего, отъ шахъ Аббасова, в. зъ грамотою. И онъ бы, Хозя Муртоза, про то объявилъ: коими обычеи онъ былъ напередъ сего царского величества въ вотчине въ Асторохани, и какъ ево отпустили къ шаху изъ Асторохани Ивашко Зарутцкой да Маринка, и о чемъ его къ государю ихъ, къ шаху, Ивашко и Маринка посылали, и что съ нимъ писали и приказывали, и былъ ли онъ у шаха, и съ чѣмъ ево ныне шахъ къ великому государю отпустилъ, и сколь онъ давно отъ шаха, и о кою пору, и отъ кого шаху вѣдомо учинилось про великаго государя ц. и в. кн. Михайла Оедоровича в. Р., что онъ великій государь учинился на своихъ великихъ и преславныхъ Росейскихъ государствахъ великимъ государемъ царемъ и в. кн. в. Р. самодержцемъ? И государевы посланники Михайло Тихановъ и шаховъ посланникъ

---

[1]) Слѣдующія за тѣмъ слова— „и съ дары„—зачеркнуты.

Амиръ Али бекъ къ шаху пришли-ль и у шаха при немъ были-ль, и онъ ихъ виделъ ли? И будетъ они при немъ къ шаху не пришли, и гдѣ онъ про нихъ слышелъ? И гонца Ивана Брехова, которой отъ государя посланъ къ шаху после посланника Михайла Тиханова, гдѣ встрѣтилъ, и вскоре ль онъ будетъ къ шаху?

И кизылбашскій купчина Хозь Муртоза въ разговоре думному діяку Петру Третьякову говорилъ: приходилъ онъ въ Асторохань съ товары до Ивашка Зарутцкого, а шахъ писалъ съ нимъ въ Асторохань къ воеводе, ко князю Ивану Хворостинину, и къ иным асторохапскимъ людемъ, чтобъ ево купчинамъ съ товары въ Асторохань приходить было повольно, а изъ Асторохани бъ люди въ его городы, въ Дербень и въ Шамахань, ѣздили повольно жъ и что имъ у шаха понадобится въ помочь противъ которыхъ недруговъ и шахъ имъ то все пришлетъ. И какъ воръ Ивашко Зарутцкой въ Асторохань пришелъ и свѣдалъ то, что шахъ къ астораханскимъ людемъ писалъ о томъ, что имъ попадобица, и онъ имъ пришлетъ, и воръ Ивашко Заруцкой и Маринка изъ Асторохани послали ево къ шаху, а съ нимъ въ посланникехъ къ шаху послалъ Ивана Хохлова да Якова Глядкова, а писалъ съ ними къ шаху, чтобъ шахъ прислалъ къ нимъ въ Асторохань людей и казны, а ему будто очищать было отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей Московское государство. А воевода де, князь Иванъ Хворостининъ, писалъ съ нимъ къ шаху тайно, что Ивашко Зарутцкой съ Маринкою прибежалъ въ Асторохань воровствомъ, потому что ему дѣтца негде: изъ Московского государства его выбили вонъ а на Московскомъ государстве учинился государь царь и в. князь Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., и о чемъ къ нему, къ шаху, Ивашко писалъ, и онъ бы въ томъ ни въ чемъ не вѣрилъ. И онъ, Хозя Муртоза, пріѣхавъ къ шаху, княжъ Иванову грамотку отдалъ и рѣчью розсказывалъ, что Ивашко въ Асторохань прибежалъ воровствомъ, что ему окромѣ того дѣтца было нѣгде. И шахъ де ему, Хозь Муртозѣ, сказалъ, что онъ Ивашкову письму не вѣритъ, и людей, и казны къ нему не послалъ. А хочетъ онъ быти въ братцкой дружбе и въ любви съ великимъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р., и чего у него государь ни попроситъ, и онъ за то за все не постоитъ, что великому государю надобно, то дастъ. И отпустилъ сво шахъ къ государю съ грамотою о любви, и словомъ съ нимъ приказалъ, что шахъ хочетъ быти съ великимъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. въ братстве и въ любви, и въ дружбе свыше прежнихъ великихъ государей російскихъ, да и то де шахъ къ великому

государю приказалъ: кто каковъ ни буди другъ будетъ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Оедоровичю в. Р., а таковъ не будетъ, что онъ, шахъ, великому государю другъ. А про Асторохань вѣдомо шаху учинилось при немъ, что Асторохань государевы бояре и воеводы взяли, а Ивашко Зарутцкой выбежалъ, а какъ Ивашка Зарутцково государевы люди поимали и повели къ Москве, и про то ему вѣдомо учинилось на Терке, какъ онъ шелъ къ государю. И съ тою онъ вѣстью отпустилъ къ шаху съ Терки человѣка своего. А государевы послы, Михайло Тихановъ, къ шаху при немъ не бывали, а гонца Ивана Брехова онъ встрѣтилъ, не доезжая Асторохани, верстъ за двѣсте, и чаетъ онъ, что Иванъ Броховъ будетъ у шаха напередъ Михайла Тиханова, потому что шахъ нынѣ близко Терки въ Грузинской землѣ. И отпустилъ ево шахъ къ государю изъ Грузинскіе земли, а какъ онъ отъ шаха отпущенъ, и тому 6-й мѣсецъ. А куды шахъ изъ Грузинскіе земли пойдетъ, того онъ не вѣдаетъ.

Да думной же діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ купчине Хозе Муртозѣ, чтобъ онъ далъ ему шахову грамоту, которая прислана отъ шаха къ государю, и онъ тоѣ грамоту, переведчи, донесетъ до царского в., и царское величество, выслушавъ зъ грамоты переводъ, велитъ ему видеть свои царскіе пресвѣтлые очи и велитъ ево отпустить къ шаху, не издержавъ.

И кизылбашской купчина говорилъ діяку Петру Третьякову: посланъ онъ отъ государя своего, отъ шахъ Аббасова в., къ государю, и грамота ему велено подать государю самому, и наказалъ ему шахъ: видевъ царскіе очи, быти къ себѣ назадъ вскоре. И только въ томъ воленъ Богъ да государь: будетъ государь велѣлъ грамоту принять ему, и онъ за грамоту не стоитъ, только бъ ему въ томъ отъ государя своего, отъ шаха, въ опале и въ казни не быти. Да подалъ купчина по(со)льскому думному діяку Петру Третьякову грамоту.

И думной посольской діякъ Петръ Третьяковъ, у купчины принявъ грамоту, велѣлъ ему сѣсти. И посидѣвъ немного, сказалъ ему государево жалованье въ стола мѣсто кормъ, и отпустилъ ево къ себѣ на подворье.

А корму въ стола мѣста дано купчине. Зъ дворца: колачь смесной, 4 чарки вина боярского, крушка вина рядового, крушка меду обарново, крушка меду вишневого, полведра меду паточново, полведра пива доброво, три ведра меду княжево, три ведра пива. Зъ большово приходу: на 3 алтына хлѣбовъ, на 3 алтына колачей, гусь, тетеревъ, четверть стяга говядины, боранъ шерстью, 4 курятъ, гривенка масла коровья. А поденово корму купчине по 10 алтынъ на день съ

людьми, съ шестью человѣки, изъ большово приходу. Питья зъ дворца: по 4 чарки вина, по полуведра меду на день; людемъ сво 6 человѣкомъ по две чарки вина, по ведру пива на день.

А се переводъ съ шахъ Аббасовы грамоты, что прислана съ купчиною, съ Хозь Муртозою [1]).

Генваря жъ въ 12 де(нь) кизылбашской гонецъ Хозя Муртоза приказывалъ къ думному діяку, къ Петру Третьякову, съ приставомъ, съ Семеномъ Протопоповымъ, чтобъ думной діякъ Петръ Третьяковъ велѣлъ ему съ собою видетца, а ему съ нимъ по шахову приказу говорити о государственныхъ дѣлехъ.

И думной діякъ Петръ Третьяковъ докладывалъ о томъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р., и государь приказалъ думному діаку Петру Третьякову, а велѣлъ кизылбашскому гонцу Хозе Муртозѣ быти въ посольской полате у дьяка у Петра Третьякова велѣлъ.

И генваря-жъ въ 13 де(нь) кизылбашской купчина Хозя Муртоза у думново діяка, у Петра Третьякова, былъ въ посольской полате, а посылапъ по него приставъ ево, Семенъ Протопоповъ; а лошедь подъ него съ саньми посылапа отъ діяка, отъ Петра Третьякова. А какъ онъ ѣхалъ въ городъ, и въ тѣ поры въ городе на площади и въ посольской полате были стрельцы безъ пищалей. А какъ кизылбашской купчина пріѣхалъ въ городъ, и вышелъ изъ саней у посольской полаты. А какъ вшелъ въ посольскую полату, и думной діякъ Петръ Третьяковъ спрашивалъ купчины о здоровье и велѣлъ ему сѣсти. А посидя немного, говорилъ думной діякъ Петръ Третьяковъ гонцу: приказывалъ онъ къ нему, Петру, съ приставомъ своимъ, чтобъ ему съ нимъ видетца и поговорити съ нимъ о государскихъ дѣлехъ, и что съ нимъ отъ государя его, отъ шахова в., приходъ, о какихъ о государевыхъ дѣлехъ, и онъ бы ему то объявилъ.

И кизылбашской гонецъ Хозя Муртоза говорилъ: приказалъ ему государь ево, шахъ Аббасово в., известить брату своему великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. о томъ, что многіе посланники и гонцы посланы отъ государя ево къ прежнимъ російскимъ государемъ, а иные къ цесарю римскому, и нынѣ они въ Російскомъ государстве задержаны, а живутъ въ Казани и въ Нижнемъ, и в-ныихъ городѣхъ, а отпуску имъ отъ государя нѣтъ. И будетъ они живутъ по государеву велѣнью, и государь бы ихъ къ шаху велѣлъ отпустить. А будетъ они живуть въ государевыхъ городѣхъ самовольствомъ, а иные и поженились, и государь бы, для братцкіе любви и дружбы зъ

[1]) Она помѣщается дальше, стр. 37—41.

государемъ ево, съ шахъ Аббасовымъ в., велѣлъ ихъ изъ своихъ городовъ къ шаху выбити; а государь ево, шахъ Аббасъ, приказалъ съ нимъ къ великому государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., что онъ хочетъ съ великимъ государемъ съ царскимъ величествомъ быти въ крѣпкой въ братцкой дружбе и въ любви. И будетъ что государю у шаха какіе казны противъ недрузей его на помочь или ратныхъ людей надобно, и государь бы къ нему о томъ о всемъ приказалъ и отписалъ, не стыдяся. И государь ево для брацкіе любви и дружбы ему, великому государю, ни за что не постоитъ, тотчасъ пришлетъ казну или людей, что ему государю годно.

Да государь же его, шахъ Аббасово в., велѣлъ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. и то объявити, что многіе есть такіе люди, которые межъ государя его шахъ Аббасова в. и межъ царского в. брацкіе дружбы и любви видети не хотятъ, дѣлаютъ межъ ихъ государей ссору; а именно: кумыцкой Гирѣй князь зъ братьею, за шахомъ его сестра, и шахъ его пожаловалъ учинилъ его ханомъ и многое къ нему свое жалованье показалъ, и онъ шаху мапитъ, пишетъ къ шаху и приказываетъ, что онъ хочетъ служити шаху и холопъ шаховъ, а какъ шахъ пошлетъ своихъ куды людей черезъ его землю, и онъ, Гирѣй князь, тѣхъ шаховыхъ людей грабитъ и побиваетъ; а къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. такъ же Гирѣй князь пишетъ и приказываетъ, будто онъ служитъ государю, а онъ все мапитъ и государей соритъ. И такіе бъ люди межъ ихъ великихъ государей не были, и будетъ дей шахъ на Кумытцкую землю не пойдетъ, и онъ ратныхъ своихъ людей пошлетъ, и хочетъ ихъ извоевать, чтобъ такіе ссорники межъ ихъ великихъ государей впередъ не были. А съ царскимъ величествомъ государь его, шахъ Аббасово в., хочетъ быти въ брацкой любви и въ крѣпкой дружбе, и въ любительной ссылке на веки неподвижно.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ кизылбашсково шахъ Аббасову гонцу Хозе Муртозѣ говорилъ, что онъ говорилъ государя своего шахъ Аббасовыхъ посланниковъ, которые отъ него присланы въ Московское государство къ прежнимъ великимъ російскимъ государемъ, и которые посланы къ цесарю, и то все дѣлалось въ смутное время, какъ по злому умыслу польской Жигимонтъ король почалъ всякое зло дѣлать всему Російскому государству и Московскимъ государствомъ хотѣлъ завладѣть, за креснымъ целованьемъ, до великого праведнаго государя нашего, Богомъ избраннаго царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. А какъ по милости Божіей и по избранью всякихъ чиновъ людей

всего великого Російскаго царствія на Московскомъ и на всѣхъ великихъ и преславныхъ Російскихъ государствахъ учинился государемъ царемъ и в. княземъ в. Р. с. великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с., и вѣдомо великому государю царю и в. кн. Махайлу Ѳедоровичю в. Р. учинилось, что государя вашего шахъ Аббасовъ посланникъ Муршу Кулы бекъ пришелъ въ великого государя нашего государство, въ городъ въ Можаескъ, черезъ Литовскую землю, а идетъ онъ къ государю вашему, къ шахъ Аббасову в., а польскіе и литовскіе люди ещо въ тѣ поры были въ великого государя нашего городѣхъ, въ Вязьмѣ и въ Дорогобуже; а польсково Жигимонта короля недружба ко всему Російскому государству и нашей православной хрестіянской вѣрѣ греческаго закона поруганье и Московскому государству разоренье, и крестьянское многое отъ него и отъ его людей невинное кроворозлитіе, и всѣмъ великимъ окрестнымъ государемъ и ихъ государствамъ какое онъ разоренье и невинное крестьянское кроворозлитіе въ Російскомъ государстве учинилъ, и великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. государя вашего посланника Моршу Кулы бека, которой посыланъ былъ къ цесарю, черезъ свое великое государство пропустить было непригоже, потому что онъ шелъ черезъ злого недруга литовского короля землю, да великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с., вѣдая съ прежними великими государи цари и великими князи російскими, съ предки своими, государя ихъ, шахъ Аббасова величества, ;братцкую любовь и крѣпкую дружбу и любительную ссылку, оказуючи къ брату своему, къ великому государю вашему, къ шахъ Аббасову в., свою брацкую любовь и дружбу, и хотя быти нынѣ и впередъ съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в., въ братстве и въ любви, и въ сылке навеки неподвижно свыше прежнихъ великихъ російскихъ государей, то учинилъ, чему было никакъ быти невозможно: черезъ свое государство пропустити ево велѣлъ, и въ свое преславное Московское государство ево припяти, и свои пресвѣтлые царскіе очи видети ему велѣлъ, и кормы ему и почесть во всемъ по ево царского в. приказу была и нынѣ есть по ево достоинству, свыше прежнихъ великихъ російскихъ государей, а нынѣ онъ въ Казани, и ему потому жъ во всемъ чинятъ почесть, и кормы великіе даютъ не скудно.

А цесаревъ посланникъ Адамъ Дорнъ, которой идетъ къ великому государю отъ цесаря, нынѣ въ великого государя нашего государстве, въ городѣ въ Ярославле, и кормы ему даютъ и почесть чинятъ во всемъ же, а ни въ чемъ ему скудности и утеспенья нѣтъ, а къ государю ихъ, къ шаху, отпустить было ево немочно потому:

вѣдомо ему самому, Хозѣ Муртозѣ, что царского величества вотчина Асторохань была въ смуте отъ вора, отъ Ивашка Зарудцково, и дороги въ тѣ поры къ шаху на Астарахань не было, а ныне ево зимнимъ путемъ потому жъ отпустить немочно.

А что государя жъ вашего шахъ Аббасова в. посланникъ Амиръ Але бекъ пришелъ въ Московское государство, тому ужь семой годъ, а въ то же время по злому умыслу польсково Жигимонта короля стоялъ подъ Москвою другой воръ, назвался первого вора ростригинымъ имянемъ, которой былъ на Московскомъ государстве, и за свои злые богомерскіе дѣла въ Московскомъ государстве убитъ, и тотъ государя вашего посланникъ Амиръ Але бекъ, мимо царя Василья, которой въ то время былъ на Московскомъ государстве, пріѣхалъ къ тому другому вору въ таборы и былъ у того вора многое время. А какъ по милости Божіей тово вора отъ Московсково государства отогнали, и польскихъ и литовскихъ людей побили, и тотъ воръ ушелъ не со многими воры въ Калугу, и государя вашего посланникъ Амиръ Али бекъ пришелъ къ царю Василью поневоле, и царь Василей, для брацкіе дружбы съ государемъ вашимъ шахъ Аббасовымъ в., того Амиръ Али бека принялъ и ево пожаловалъ платьемъ, и кормъ ему велѣлъ давати по посольскому обычею. А какъ по злому умыслу и по повелѣнью Жигимонта короля польскіе и литовскіе люди Московскимъ государствомъ завладѣли были оманомъ, преступя крестное свое целованье, царствующій градъ Москву выжгли, и многіе люди посѣкли, и въ Москвѣ сѣли; а государя вашего посланникъ Амиръ Али бекъ да гонецъ Мигибъ бекъ сидѣли въ Московскомъ государстве съ польскими и литовскими людьми вмѣсте. И какъ, прося у Бога милости, Московско-о государства бояре и всякихъ чиновъ люди всего Російскаго государства пришли подъ Московское государство и польскихъ и литовскихъ людей въ Московскомъ государстве осадили, и всякую тесноту учинили, и польскіе и литовскіе люди государя вашего посланника Амиръ Али бека изъ Москвы выпустили, а гонецъ Миге бекъ остался въ осаде въ Москвѣ съ польскими и съ литовскими людьми, и Московского государства бояре и всякихъ чиновъ люди, вѣдая прежнихъ великихъ государей своихъ російскихъ съ государемъ вашимъ братственную дружбу и любовь, посланника его, Амиръ Али бека, отпустили въ Нижней Новгородъ съ почестью, и кормъ ему велѣли давати доволенъ, и почесть ему во всемъ чинили и до царского обиранья по посольскому обычею. А какъ по милости Божіей великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и государя вашего

посланникъ Амиръ Але бекъ присылалъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бити челомъ, чтобъ великій государь нашъ его ц. в. ево пожаловалъ, велѣлъ ево изъ Нижнево взять къ себѣ, государю, и свои царскіе пресвѣтлые очи велѣлъ ему видети, и велѣлъ бы ево отпустити къ государю вашему. И великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., оказуючи къ брату своему, къ великому государю вашему Аббасъ шахову в., брацкую любовь и дружбу, и хотя быти съ великимъ государемъ вашимъ съ шахъ Аббасовымъ в-мъ въ братцкой дружбе и въ любви, тому государя вашего посланнику Амиръ Али беку велѣлъ быти къ себѣ, государю, и свои царскіе пресвѣтлые очи видети ему велѣлъ. И какъ послалъ великій государь нашъ къ великому государю вашему къ шахъ Аббасову в. государство свое обестить и о братцкой дружбе и о любви напомнить, и польского Жигимонта короля неправды объявить посланника своего Михайла Тиханова да Олексѣя Бухарова напередъ всѣхъ великихъ государей. И государя вашего посланника Амиръ Али бека къ государю вашему отпустилъ съ ними жъ вмѣсте на Юргенчь, которымъ мѣстомъ николи отъ государя нашего и отъ вашего государя послы и посланники не хаживали, потому что въ тѣ поры великого горударя нашего въ вотчине, въ Асторохани, былъ воръ Ивашко Зарутцкой и многую смуту учинилъ, про что государю вашему самому подлинно вѣдомо, и имъ было на Асторохань итти къ государю вашему не мочно. А какъ великого государя нашего отчина Асторохань отъ воровскіе смуты очистилась, и великій государь нашъ послалъ къ государю вашему другово гонца своего, Ивана Брехова, про свое государское здоровье обестить и брата своего великого государя вашего здоровье видети, и про своего государева посланника, про Михайла Тиханова, и про государя вашего посланника, про Амиръ Али бека, провѣдать подлинно, здорово ль опѣ до государя вашего дошли? А все то великій государь нашъ его ц. в. дѣлалъ, оказуючи къ брату своему, къ великому государю вашему, свою братцкую любовь и дружбу. И государь вашъ шахъ Аббасъ великого государя нашего посланниковъ Михайла Тиханова и Олексѣя Бухарова, и гонца Ивана Брехова у себя задержалъ: по сл мѣста ихъ къ великому государю нашему не отпуститъ.

А нынѣ писали къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки царского величества воевода Петръ Головинъ, что братъ нашъ Аббасъ шахово в. Иверскую землю разорилъ и царя Теймураза согналъ, и нынѣ стоитъ въ Иверской землѣ и Кабардинскіе земли, искони вѣкъ великого государя нашего холопей, многіе мѣста

ратные ево люди воевали, и хочетъ де приходить самъ на Кабардинскую и на Кумытцкую землю войною. Да и ты теперьво говорилъ, что государь вашъ шахъ хочетъ на Кумытцкую землю войною хочетъ самъ приходити или воинскихъ своихъ людей послати, а государю ихъ шахъ Аббасову в. самому вѣдомо, что Иверская земля, цари и князи изначала наше православные крестьянскіе вѣры греческаго закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и ни кѣмъ не обладаемы. А после того, какъ извелись во Царѣгороде хрестьянскіе государи и какъ учала быти в-Иверской землѣ межъ царей и князей розпь и несогласіе, а турской учалъ имъ многую тесноту чинити, и иверской царь Александръ, видя себя беспомочна и пехотя быти отъ турского царя въ разоренье, билъ челомъ великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Иваповичю в. Р. с., чтобъ онъ, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., для крестьянскіе вѣры припялъ ево подъ свою царскую высокую руку и отъ турского бъ салтана и отъ шевкала обороняти ево велѣлъ, а онъ зъ детьми своими, съ царевичемъ Давыдомъ и съ царевичемъ Юрьемъ, и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ російскихъ государей царей не отступенъ будетъ навеки, на томъ онъ Олександро царь зъ детьми своими и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею блаженные памяти великому государю нашему ц. и в. кн. Ѳедору Иваповичю в. Р. с. правду далъ, по нашей крестьянской вѣре крестъ целовалъ, и тѣмъ себѣ вспоможенье и отъ турскихъ людей свободу получилъ. И никоторые ихъ недруги не умѣли имъ никоторые теснoты во вся лѣта при дяде великого государя нашего царѣ и в. кн. Ѳедоре Иваповиче в. Р. с. и при царѣ Борисе учинить. Да и то государю вашему шахъ Аббасову в. самому вѣдомо, какъ великій государь нашъ великого государя нашего дяди блаженные славные памяти царь и в. кн. Осдоръ Ивановичь в. Р. с. на Терке и на Койсе городы велѣлъ поставити и людей ратныхъ въ нихъ устроити велѣлъ для Иверскіе земли, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумытцкимъ людемъ теснити не дати и противъ недруговъ ихъ помогать, да и для того, что турскіе люди по многіе годы ходили на великого государя вашего шахъ Аббасову землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Суншу. И по его царского в. повелѣнью изъ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и литцкіе казаки на турскіе люди приходили, и на Сунше турскихъ многихъ людей побили, и впередъ тѣми мѣсты на государя вашего землю турскіе люди ходить не учали, и государю вашему тѣмъ велпкая помочь учинилась. Да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба великого государя нашего дяди великого государя ц. и в. кн. Ѳедора

Ивановича в. Р. с. къ государю вашему, къ шахъ Аббасову в. была, о чемъ самому великому государю нашему подлинно вѣдомо. А какъ судомъ Божіимъ великого государя нашего дяди, блаженные славные памяти великого государя царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., въ животѣ не стало, а на великихъ Російскихъ государствахъ учинился царь и в. кн. Борисъ Ѳедоровичь в. Р., и иверской Александръ царь царю Борису по тому жъ правду далъ съ детьми своими и со впучаты, и со всѣми своими думными людьми крестъ целовалъ, что имъ быти подъ російскихъ великихъ государей царей рукою со всею Иверскою землею навеки не отступнымъ. И по Олександрову цареву челобитью царь Борисъ исъ понизовныхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ поставить на шевкала и на всю Кумытцкую землю ратныхъ своихъ людей для того: какъ Олександро царь, съ повелѣнья царя Бориса, былъ у государя вашего въ рати, и шевкальской, по турского царя велѣнью, въ ту пору Иверскую землю воевали, и многіе городы и мѣста поймали и разорили, и въ Теркахъ и въ Таркалахъ городы поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государстве учала быти умышленьемъ польского короля смута и въ людехъ розпь, и кумытцкіе люди, сложась съ турскими людьми, которые въ то время были въ Кумытцкой землѣ, на великого государя нашего людей приходили, и бои были многіе, и многіе крови на обе стороны пролились; а все то для Иверскіе земли дѣлалось. А кабардинскіе черкасы, князи и мурзы, со всею Кабардинскою землею, и горскіе, и ерпельскіе, и Абаза, и Мичкизы, и иные черкаскіе земли были издавна холопи наши, переселились туто изъ нашихъ резанскихъ предѣлъ. А какъ поручилъ Богъ великому государю нашему ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р. великого государя нашего дѣду царство Казанское и Астороханское, и черкасы горскіе со всею своею землею, узнавъ своихъ природныхъ государей, били челомъ ему, великому государю нашему ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р. с., и во всей сво воле учинилися, и по ся мѣста служатъ намъ, великимъ государемъ, и многіе въ нашемъ Терскомъ городе живутъ, и слободы себѣ поставили. А какъ по всемогущего Бога милости великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. всѣ горскіе черкаскіе князи и мурзы, кумытцкой и казы-кумытцкой Али бекъ князь съ детьми, и Суркай князь карабудатцкой, и Будачѣй ерпельской съ дѣтьми, и всѣ горскіе и кабардинскіе князи и мурзы, и со всѣми уздени шертовали, и дѣтей своихъ, и братью въ заклады

подавали въ Терской городъ и служатъ великому государю нашему во всемъ, какъ есть природные государя нашего холопи. Да и кумытцкой Гирѣй князь и братья ево, Айдаръ мурза да Маметъ мурза, да Алла Гирѣй, да Суркай и шевкалъ, да салтанъ Мутъ, прежнего шевкала сынъ, и иные кумытцкіе князи и мурзы, по тому жъ передъ великимъ государемъ нашимъ, передъ ево царскимъ величествомъ исправились и прежніе свои вины, которые вины шевкала князя передъ дядею государя нашего великого государя блаженные памяти царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. и передъ царемъ Борисомъ, покрыли: великому государю нашему правду дали, на куране шертовали, и детей и братью свою на Терекъ въ аманаты подавали, и служатъ великому государю нашему потому жъ, какъ и горскіе и кабардинскіе князи и мурзы. И великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., слыша о томъ, что съ великого государя вашего шахъ Аббасовы стороны такъ дѣлаетца, тому подивилъ ся, что онъ великого государя нашего братъ, не обослався съ великимъ государемъ нашимъ, подданную великого государя нашего Грузинскую землю велѣлъ разорить, и великого жъ государя нашего искони вѣчныхъ холопей кабардинскихъ черкасъ великого государя вашего ратные люди воевали. И великому было государю вашему, шахъ Аббасу, непригоже такъ дѣлать, что не обослався съ великимъ государемъ нашимъ, Грузинскую землю разорять, и гдѣ были и святые Божіи церкви, и тутъ городы ставить, и на Кабардинскую и на Кумытцкую землю войною людей своихъ посылать непригоже жъ. И государь бы ихъ, шахъ, того нелюбья не вчиналъ, въ Грузинскую землю не вступался и на Кабарду, и на Кумыки людей своихъ войною не посылалъ. А которые государя нашего посланники, Михайло Тихановъ да Олексѣй Бухаровъ, да гонецъ Иванъ Бреховъ, нынѣ у государя ихъ, у шаха, и государь бы ихъ тѣхъ государя нашего посланниковъ и гонца отпустилъ къ великому государю нашему, не задержавъ; а великій государь нашъ государя вашего посланниковъ и купчинъ, которые нынѣ въ великого государя нашего государстве, потому жъ со всѣмъ велитъ отпустить, не задержавъ.

А что ты говорилъ про кумытцкого Гирѣя князя, что онъ манитъ на обе стороны, великому государю нашему и шаху, и ему бъ не вѣрить, и только Гирѣй учнетъ великому государю нашему манить, и оманы мочно узнать. А будетъ Гирѣй князь учнетъ быти передъ великимъ государемъ нашимъ въ какомъ въ непослушанье, и великому государю нашему зъ Гирѣемъ мочно управитца. А шахъ бы въ Кабарду

и въ Кумыки не вступался и тѣмъ съ великимъ государемъ нашимъ нелюбья не всчиналъ.

И кизылбашской гонецъ говорилъ: Грузинскую землю государь ево шахъ воевалъ за то, что онъ поддался былъ къ турскому, а къ нему не поѣхалъ и во всемъ ему манилъ, а нынѣ великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. Грузинскіе земли проситъ себѣ, а турской царь пишетъ, что Грузинская земля ево.

И думной діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ, что государю ихъ, шаху, самому про Грузинскую землю вѣдомо, что Грузинская земля въ подданствѣ у великихъ государей нашихъ да и ему про (?) то вѣдомо·жъ, какъ великій государь нашъ, блаженные памяти царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с. на Терке и на Койсе городы велѣлъ поставить, и людей ратныхъ многихъ въ ней устроити для Иверской земли велѣлъ, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумытцкимъ людемъ теснити не дать и противъ недруговъ ихъ помогать, да и для того, что турскіе люди по многіе годы на государя вашего Аббасъ шахову землю войною ходили на Койсу да на Терку, да на Супшу, и великій государь нашъ на тѣхъ рекахъ велѣлъ устроить городы и казакомъ велѣлъ жить неотступно, и на турскихъ людей приходить. И по повелѣнью великого государя нашего терскіе и вольскіе, и яитцкіе казаки на турскихъ людей приходили и на Сунше турскихъ людей побили многихъ, и впередъ тѣми мѣсты турскіе люди на шахову землю ходити не учали, и шаху тѣмъ многая помочь учинилась, да и многіе дружелюбные сходительства дядя великого государя нашего, великій г. ц. и в. кн. Ѳедоръ Иваповичь в. Р., и царь Борисъ къ шаху показали, про то ему про все самому подлинно вѣдомо. Да и самъ шахъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. и къ царю Борису писалъ и приказывалъ, чтобъ имъ, великимъ государемъ, Грузинскіе земли отъ турского оберегать. А какъ судомъ Божіимъ царя и в. кн. Ѳедора Иваповича в. Р. и царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государстве, за грѣхъ всѣхъ насъ, польского короля умышленьемъ учала быти смута и рознь, и которые государевы ратные люди были въ Кумытцкой землѣ, въ Таркахъ и въ Торкалахъ, и турскіе люди, сложась съ Кумыки, на тѣхъ государевыхъ ратныхъ людей приходили, и многія крови на обе стороны пролились, а все то дѣлалось для Иверскіе земли А помочи было въ тѣ поры государевымъ людемъ отъ Московского государства учинить не мочно, потому что въ тѣ поры любо было Иверской землѣ помогать, или Московское государство отъ польского короля очищать. А нынѣ Аббасъ шахово в., забывъ то все, такое

нелюбье свое къ великому государю оказалъ, чего и недругъ надъ недругомъ не дѣлаютъ: у великого государя нашего Иверскую землю отводитъ, и такое кроворозлитіе хрестьянское и разоренье в-Иверской землѣ учинилъ, чего николи не бывало.

А изговоря то, думной діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ кизылбашскому гонцу, что онъ про Иверскую землю говоритъ съ нимъ такъ, въ розговорехъ; а какъ государь ихъ шахъ Аббасъ съ великимъ государемъ нашимъ о томъ сошлетца и будутъ по прежнему въ братцкой дружбе и въ любви, и Иверская земля будетъ за великимъ государемъ нашимъ по прежнему. А напередъ сего, какъ шахъ былъ въ дружбе и въ любви съ царемъ Ѳедоромъ и съ царемъ Борисомъ, и онъ и самъ писалъ къ великимъ государемъ нашимъ и приказывалъ, что для ихъ великіе братцкіе дружбы и любви и для вспоможенья на турского царя не токмо въ Грузинскую землю вступался, и своихъ городовъ, Дербени и Шамахи, хотѣлъ поступитца, какъ ихъ у турского возьметъ.

И гонецъ противъ того говорилъ, чтобъ они великіе государи оба здоровы были на многіе лѣта, а какъ будетъ межъ ими братственная дружба и любовь, и ссылка, и государь ево шахъ Аббасъ государю за Иверскую землю не постоитъ.

Да Петръ же говорилъ гонцу: которые рѣчи онъ говорилъ съ нимъ о посланникехъ шаховыхъ, которые государя нашего въ государстве, и онъ о томъ донесетъ до великого государя; а онъ которые рѣчи отъ него, отъ Петра, слышитъ, и онъ бы про то сказалъ государю своему шаху, какъ будетъ у него. И гонецъ говорилъ, что онъ про то про все розскажетъ.

Да кизылбашской же гонецъ говорилъ думному діяку Петру Третьякову, что приказывалъ съ нимъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. государь ево шахъ Аббасъ, чтобъ ему прислалъ государь соболя живого да бѣлку живую же, которые бъ были изучены, чтобъ не кусалися, да кречатовъ, да сукна на епанчю а выбрать сукно велѣлъ шахъ про себя ему, Хозе Муртозѣ.

И думной діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ гонцу: о чемъ съ нимъ шахъ приказывалъ нынѣ, то къ нему будетъ готово, да и объ иномъ о чемъ шахъ къ великому государю прикажетъ, а что у него, у великого государя, въ казнѣ лучитца, и за то великій государь брату своему, государю ихъ, шахъ Аббасову величеству, не постоитъ.

Да какъ думной діякъ Петръ Третьяковъ учалъ отпускати кизылбашского гонца на подворье, и кизылбашской купчина подалъ

челобитную, а въ челобитной ево написано, что у него въ смутные годы и при Ивашке Зарутцкомъ имали въ Асторохани многіе всякіе товары насильствомъ; а та де вся казна была шахова. И государь бы ево пожаловалъ, велѣлъ ему въ той шахове казнѣ указъ учинити.

И думной діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ кизылбашскому купчине, что то дѣлалось до великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ безгосударное время, а Асторохань была въ воровствѣ, стояла противъ Московского государства долгое время. А какъ учинился на Московскомъ государстве великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., и они, астороханцы, воровствомъ пустили къ себѣ вора Ивашка Зарутцкого съ воровкою женою, съ Маринкою, да съ выбледкомъ, которыхъ онъ самъ подлинно въ Асторохани виделъ, и противъ государевыхъ людей стояли, а онъ былъ въ Асторохани жъ. И того подлинно какъ вѣдать: тѣ товары у него иманы сильно, или онъ астороханцовъ ссужалъ на вспоможенье противъ государя и Московского государства людей? А хотя будетъ у него въ Асторохани имали и сильно, и то дѣлалось до государя: хотя бъ воровствомъ, въ смутное время, астороханцы и надъ нимъ какое дурно или убивство учинили, нно бы голова ево была пуще товаровъ. Да въ тѣхъ товарехъ ему отказалъ.

Да думной же діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ кизылбашскому гонцу: которые товары съ нимъ есть, и онъ бы про тѣ товары объявилъ подлинно и цѣну всякимъ товаромъ сказалъ. И будетъ которые товары пригодятца въ государеву казну, и за тѣ товары ему дадутъ деньги изъ государевы казны, а достальные поволитъ государь ему продавать всякимъ людемъ. А цѣну бъ всякимъ товаромъ написалъ, по чему у нихъ которой товаръ въ кизылбашехъ и по чему за что въ Казани давали, и какъ ему здѣсь продать. И гонецъ говорилъ, что товары у него всѣ шаховы, а въ Казани у него торговали только дороговъ да саѳьяновъ, а давали за дороги по 4 рубли, а за саѳьяны по рублю, а здѣся по чему какіе товары учнутъ купить, того невѣдомо, потому что ему по ся мѣста торгу не дано. Да билъ челомъ: въ томъ де воленъ Богъ да государь, чтобъ ему дали подъячего и онъ всѣ свои товары перепишетъ съ цепою.

И того жъ дни посланъ къ кизылбашскому купчине переписывать переводчикъ Прокоѳей Вражской да подъячей Якубъ Лукинъ. А сколько у него товаровъ переписали и что чему цена, и тому роспись.

Какъ шаховъ гилянецъ былъ въ посольской полате у думного діяка, у Петра у Третьякова, и говорилъ въ розговоре отъ государя своего

шаха: которые шаховы посланники и гонцы посланы отъ государя ево къ прежнимъ государемъ, а иные къ цесарю, а нынѣ на Москвѣ задержаны, и тѣхъ бы отпустить; а которые живутъ самовольствомъ, и тѣхъ бы выбить.

И думной діякъ Петръ Третьяковъ отговаривалъ: которые шаховы и цесаревы гонцы нынѣ въ Московскомъ государстве, и тѣ приходили въ смутное и въ безгосударное время. А какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. учинился на государстве, и государь къ шаху послалъ государство свое обестить съ шаховымъ посланникомъ, съ Амиръ Али бекомъ вмѣсте, Михайла Тиханова, а после—Ивана Брехова, и нынѣ у шаха, и какъ шахъ ихъ отпуститъ, а государь шаховыхъ посланниковъ и гонцовъ совсѣмъ отпуститъ. И нынѣ отъ шаха Михайло Тихановъ и Иванъ Бреховъ отпущенъ, и шаховъ посланникъ идетъ. И про шаховыхъ людей, которые не отпущены, какъ нынѣ въ грамоте писать?

Гонецъ же говорилъ, чтобъ шаху прислать соболя живово да бѣлку живую, которые изучены, чтобъ не кусались, да кречетовъ, да на епанчю шаху жъ сукна доброво,—и гонцу сказано, что все будетъ готово и нынѣ то на отпуске готовить ли?

Другою рукою написано: Государь указалъ и бояре приговорили: его отпустить, а соболь и бѣлку, и сукно послать съ нимъ; а о сукнѣ послать память на казенной дворъ.

Сюда помѣщаемъ находящіяся особо, но въ этомъ же дѣлѣ, слѣдующія выписки:

1615 генв. 8 и іюля. Церемоніалъ, какъ былъ у государя на пріѣздѣ персидской гонецъ Хозя Муртаза. Переводъ съ шаховой и копія съ отвѣтной государевой къ шаху грамотъ. Записка чинимыхъ гонцу сему распросовъ о Иванѣ Хохловѣ, Якушѣ Гладкомъ и подъячемъ Богданѣ Накрачеевѣ, кои отправлены были изъ Астрахани отъ Маринки и Заруцкого къ шаху въ посольствѣ. Лл. 187 — 224.

Переводъ шаховой грамоты.

За помочью всѣхъ насъ сотворителя Бога.

Высокопрестольному и на государскій свой великій престолъ всѣдшему по прошенью всѣхъ и всѣми облаадателю, Божіею милостію превознесенному великому царю милостивому и богатырю, и недругомъ страшному, и всего свѣта надо всѣми превознесенному, крѣпостію подобна Бенратскому и Хозирскому государемъ, богатырствомъ подобна Рестам-

скому государю, разумомъ подобному Ѳерейдунскому царю, престоломъ и величествомъ подобному Хасрову царю, венецъ на главѣ твоей подобенъ солнцу и звездамъ, и повелѣніе твое надо всѣми государи Исусова закона, великому государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю. А после того вѣдомо тебѣ государю буди: какъ къ тебѣ ся моя грамота дойдетъ, и будетъ тебѣ пріятна будетъ, и тебѣ бы, государю, дружба моя и братъство и любовь вѣдома была, и чтобъ межъ нами дружба и любовь была по прежнему также, какъ и прежніе московскіе великіе государи со мною держали дружбу и любовь, и намъ бы ныне свыше того межъ собою дружбу и любовь имѣти. И какъ я услышелъ, что ты, великій государь, учинился на своемъ превысокомъ престоле, и я къ твоему величеству послалъ съ любовною грамотою поздравляти гилянца Хожа Муртозу, и для того, что мнѣ понадобитца въ государстве твоемъ купить, и о томъ о всемъ приказъ мой Муртозѣ. И чтобъ милостію Божіею межъ нами прямая дружба и любовь была свыше прежнихъ московскихъ государей царей. А начало дружбе и любви, чтобъ по прежнему обычаю намъ межъ собою послы и посланниками о своихъ здоровьяхъ ссылатись, и торговымъ бы людемъ было повольно. И тебѣ бы, государь, то мое слово пріятно было. Да велѣлъ я Муртозѣ промыслити кречетомъ. И что будетъ иное пригодитца, и тебѣ бы, государю, велѣти ему тѣмъ промышляти повольно, приставя къ нему доброго и вѣрнаго своего человѣка, чтобъ ему у тебя, государя, и въ дороге было повольно. А приказъ мой Муртозѣ о кречете о добромъ. И тебѣ бы, государю, велѣти приказать, чтобъ промыслити добрымъ кречетомъ. И Муртазу бы тебѣ, государю, велѣть ко мнѣ отпустить вскоре. А то дѣло дѣлаетца отъ болшіе дружбы и любви. И о своемъ бы здоровье и о дружбе тебѣ, государю, ко мнѣ велѣти отписати и о всемъ подлинно. И которое тебѣ, государю, дѣло у меня надобно, о чемъ ни буди, и тебѣ бы, государю, повелѣнье свое мнѣ учинити, и у меня тотчасъ готово. Словъ бы нашихъ было не долго, любовь бы и дружба межъ нами была долга.

А въ печати написано: Божій рабъ шахъ Абасъ.

И декабря въ 28 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с., сего переводу съ шаховы грамоты слушавъ съ бояры, приговорилъ: шахову купчине Хозя Муртозе быти у него, государя, и приняти его во всемъ честно по прежнему обычаю и отпустити его къ шаху, не задержавъ.

И генваря въ 8 де(нь) г. ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. велѣлъ быти у себя, государя, на дворѣ кизылбашского Аббасъ шаха

гонцу Хозѣ Муртозѣ. Да въ тотъ же день указалъ государь быти у себя, государя, выезжимъ нѣмцамъ, князю Ортемью Астону съ товарыщи, которые пріѣхали ко государю съ аглинскимъ посломъ вмѣсте.

И того дни у государя на дворѣ кизылбашской гонецъ Хозь Муртоза былъ. А посылалъ по него приставъ его Семенъ Протопоповъ да толмачь; а лошедь подъ него посылана отъ думного діака, отъ Петра Третьякова.

А какъ ѣхалъ гонецъ въ городъ, а стрельцы всѣхъ приказовъ были въ городе на площеди въ чистомъ платье, безъ ружья. А пріѣхавъ гонецъ въ городъ, вышелъ исъ саней у посольскіе полаты, и какъ гонецъ вшелъ въ посолскую полату, и думной дьякъ Петръ Третьяковъ зъ гонцомъ корошевался и спрашивалъ его о здоровье.

А после того пріѣхали въ городъ и вошли въ посолскую въ полату выезжіе нѣмцы, князь Арторъ Астонъ съ товарыщи. И кизылбашской купчина и выезжіе нѣмцы дожидались государева выходу въ посолской полате.

А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. былъ въ середней въ золотой въ подписной полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ мѣсте въ царскомъ платье. А при государе были рынды въ бѣломъ платье и въ золотыхъ чепяхъ. Съ правую сторону: Иванъ Ивановъ сынъ Львова Салтыковъ, да Ондрѣй Осиповъ сынъ Плещѣевъ. Съ лѣвою сторону: Иванъ Васильевъ сынъ Плещѣевъ, да Исакъ Семеновъ сынъ Погожей. А бояре и дворяне, и дьяки сидѣли по мѣстамъ въ золотомъ платье. А по крыльцу и на лѣснице дворяне и приказные люди были въ чистомъ платье.

А шолъ гонецъ исъ посольскіе полаты ко государю площедью да середнею лѣсницею, а встрѣчи ему не было. А какъ гонецъ вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его государю челомъ ударить околничей князь Данило Ивановичь Мезетцкой, а молылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! брата вашего великого перситцкого государя шахъ Абасова величества гонецъ Хозя Муртоза вамъ, великому государю, челомъ ударилъ.

И г. ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. пожаловалъ гонца къ руке и клалъ на него свою царскую руку. И бывъ, гонецъ, у руки, правилъ государю отъ шаха челобитье, а молылъ:

Высокопрестолный и надо всѣми государи превознесенный великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! Перситцкій и Ширванскій, и многихъ

мусульманскихъ государей повелитель шахъ Абасъ тебѣ, брату своему, великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с., велѣлъ челомъ ударить и велѣлъ твоему царскому величеству известить: вѣдомо учинилось шахъ Абасову в., что ты, великій государь, учинился на прародителей своихъ и на своемъ царскомъ превысокомъ престоле, и шахъ Абасъ тебѣ, великому государю, и на престолъ твой вознесенью обрадовался сердечною радостію и послалъ меня къ твоему царскому величеству (съ) своею любительною грамотою и поздравляти, чтобъ ты, великій государь, на своемъ царскомъ превысокомъ престоле былъ въ счастливомъ въ добромъ здоровье на многіе лѣта и недругомъ своимъ страшенъ, и чтобъ твоя царская сабля была на шеѣ у твоихъ царскихъ недруговъ.

И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. спрашивалъ про шахово здоровье, вставъ, а молылъ: Братъ нашъ, Абасъ шахъ, здорово ль? И гонецъ, сказавъ про государя своего здоровье, подалъ государю отъ шаха грамоту. И г. ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., принявъ шахову грамоту, отдалъ думному Петру Третьякову.

А после того околничей князь Данило Ивановичь Мезецкой являлъ государю шаховы и гонцовы поминки, а молылъ: великій г. ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! братъ вашъ, перситцкой великой государь Абасъ шахово в., къ вамъ, великому государю, прислалъ поминковъ. И являлъ поминки по росписи. А после того являлъ поминки гонцовы, а молылъ: великій г. ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! брата вашего великого перситцкого государя гонецъ Хозя Муртоза вамъ, великому государю, челомъ бьетъ. А какъ околничей поминки явилъ, и государь велѣлъ посольскому діаку Петру Третьякову сказать гонцу свое государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ. И Петръ молылъ: Хозя Муртоза! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ въ стола мѣсто кормъ, ѣству и питье. И отпустилъ гонца на подворье.

И гонецъ шолъ отъ государя сверху середнею жъ лѣсницею да площадью и сѣлъ въ сани у посольскіе полаты, а провожалъ его до подворья приставъ его Семенъ Протопоповъ.

А какъ кизылбашской купчина поѣхалъ за городъ, и исъ посольскіе полаты ко государю пошли выезжіе нѣмцы. А какъ они пріѣхали въ городъ и (у) государя были, и тому записка въ особномъ въ ихъ столпу.

А стрельцы были въ городе для кизылбашского гонца, а не для выезжихъ нѣмецъ.

А се роспись, что къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Оббасъ шаховыхъ даровъ: пожъ булатной, черенъ золотъ съ яхонты и съ лалы, и зъ бирюзами, ножны золоты жъ съ яхонты и съ лалы, и зъ бирюзами, и зъ жемчюги. Хозя Муртозиныхъ даровъ: сабля булатная, ножны хозь зеленъ, нарядъ булатной, полоса булатная; лукъ мешетцкой, писанъ золотомъ, на рогахъ писаны молитвы ѳарсовскіе; лукъ мешетцкой, писанъ золотомъ же; тулумбасъ булатной, на немъ подпись ѳарсовская; тулумбасъ — мѣдь запрудная, травы рѣзанные; камка кизылбаская—шолкъ бѣлъ да рудожелтъ; дороги кашанскіе полосаты—шолкъ алъ да желтъ, да вишневъ; дороги кашанскіе жъ полосаты — шолкъ сахарной цвѣтъ, да черчатъ, да вишневъ; дороги двоеличны—шолкъ желтъ да черчатъ; кушакъ шелковой цветной зъ золотомъ и съ серебромъ; кисея индѣйская; простыня индѣйская жъ кисейная, каймы около еѣ шелковы; трон дороги мешетцкіе лазоревы, зелены, желты.

А корму въ стола мѣсто кизылбашскому купчине дано. Изъ большого приходу: на 3 алтына хлѣбовъ, на 3 алтына колачей, гусь, заецъ, тетеревъ, четь стяга говядины, боранъ шерстью, 6 курятъ, 2 гривенки масла коровья, 50 ейцъ.....

Государева грамота.

Бога единого безначального и безконечного, невидимого, страшного и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владающаго силами небесными, и единымъ безсмертнымъ Словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся содержащаго, и самодержавнымъ божественнымъ Духомъ вся оживляющаго, и недреманнымъ окомъ на землю призирающаго, и всяческая на ней устроляющого, и утешенія благая всѣмъ человѣкомъ подающаго, Его же въ трехъ имянехъ трепещутъ и боятца небесная и земная и преисподняя, Того единого Бога въ трехъ лицехъ чтемъ и поклоняемся, и трисіятельного Его всемогущаго Божества неизреченнымъ милосердіемъ стоимъ и движемся и пребываемъ, и величеству Его славу возсылаемъ, утвердившого насъ скифетръ держати православія, Мы, великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всея Русіи самодержецъ *(титулъ)* Восточного предѣла, высокостольнейшого мѣста, превысочайшіе прехвальные степени велико-здержательную власть древнихъ великихъ государей, персидскихъ царей, пріимшему, превознесенную честь, яко рогъ пирога, достигшему, мусульманскихъ высочайшихъ превысходящему честію и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, нареченному въ чести величества пзящному, Персидскіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ шахову величеству, любовному пріятелю, нашего царского величе-

ства любовное поздравленіе и счасливое пребыванье, и надъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: въ нынешнемъ во 123-мъ году прислалъ еси къ нашему царскому величеству съ своею грамотою гилянца Хозя Муртозу. И Мы, великій государь, для васъ, брата нашего любительного, Аббасъ шахова величества, гилянцу, Хозя Муртозѣ, велѣли наши царскіе очи видети вскоре, и грамоту вашу, брата нашего, приняли и выслушали любительно. А въ грамоте своей къ нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, писали: какъ вамъ, брату нашему, Аббасъ шахову в. вѣдому учинилось, что мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., учинились на нашихъ великихъ и преславныхъ государьствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. самодержцемъ, и вы, великій государь, братъ нашъ, Аббасъ шахово в. тому порадовалися и послалъ къ намъ отъ себя съ любовною грамотою поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ его, гилянца Хозь Муртозу, и для того, что тебѣ понадобитца въ нашемъ великомъ государстве купити, и о томъ о всемъ приказъ твой Хозя Муртозѣ, и чтобъ межъ нами, великими государи, прямая дружба и любовь была свыше прежнихъ государей царей російскихъ, прародителей нашихъ. А начало дружбе и любви то, чтобъ по прежнему обычею намъ, великимъ государемъ, межъ собою послы и посланники о своихъ здоровьяхъ ссылатися и торговымъ бы людемъ ходити на обе стороны было повольно, и гилянца Хозя Муртозу намъ, великому государю, велѣть къ тебѣ отпустити вскоре; а которое дѣло нашему царскому величеству у тебя, брата нашего, Аббасъ шахова величества, надобно, и намъ бы, великому государю, тебѣ, брату нашему, о томъ вѣдомо учинити. А рѣчью гилянецъ же вашъ Хозя Муртоза нашимъ приказнымъ людемъ отъ васъ, брата нашего, говорилъ о иныхъ о многихъ дѣлехъ. И на тѣ его рѣчи наши приказные люди и отвѣтъ ему учинили, а подлинно о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ, о чемъ нашимъ приказнымъ людемъ Хозя Муртоза говорилъ, прикажемъ къ вамъ, брату нашему, съ своими посланники. А гилянцу Хозѣ Муртозѣ по вашему, брата нашего, приказу въ нашихъ великихъ Російскихъ государствахъ товары ему свои продавати, и на васъ, брата нашего, купити, что вамъ, брату нашему, годно, поволили есмя беспошлинно. И береженье къ Хозѣ Мурзѣ (sic), по нашего царского величества повелѣнью, наши приказные люди держали великое, и кормы ему и его людемъ для васъ, брата нашего, Аббасъ шахова в. любви велѣли давати довольно. И гилянца вашего, Хозя Муртозу, велѣли къ вамъ отпустити по его воле, какъ онъ въ нашихъ государствахъ, по

вашему приказу, исторговался. И вамъ бы, великому государю, брату нашему любительному, Аббасъ шахову величеству, та наша царского величества къ вамъ любовь была вѣдома. И впередъ бы вамъ, брату нашему, Аббасъ шахову в., быти съ нашимъ царскимъ величествомъ въ братцкой сердечной дружбе и любви, и въ ссылке на веки неподвижнымъ. Писана въ государствія нашего дворѣ, въ царствующемъ граде Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7123-го, іюля мѣсяца.

Такова грамота послана къ шаху съ купчиною зъ Хозя Муртозою, а печать у ней большая съ царскимъ титломъ на красномъ воску, подъ кустодьею.

А послано къ шаху отъ государя подарковъ: 10 аршинъ сукна багрецу [1]).

Іюля въ 10 де(нь) указалъ государь ц. и в. к. Михайло Ѳедоровичь в. Р. кизылбашскому гонцу Хозе Муртозѣ быти на отпуске въ посольской полате у думного діака, у Петра Третьякова. И того жъ дни кизылбашской гонецъ Хозя Муртоза у думново діака, у Петра Третьякова, былъ въ посольской полате. А посланъ по него приставъ его Давыдъ Харламовъ; а лошедь подъ него верхомъ посылана отъ думного діака, отъ Петра Третьякова. А какъ онъ ѣхалъ въ городъ, и въ тѣ поры въ городе на площади у посольскіе полаты и въ посольскомъ приказе были стрельцы безъ пищалей. А какъ купчина пріѣхалъ, и ссѣлъ съ лошеди у посольскіе полаты. А какъ вшелъ въ посольскую полату, и думной діакъ Петръ Третьяковъ съ купчиною корошевался и спрашивалъ купчину о здоровье, и велѣлъ ему сѣсти. А посидя немного, говорилъ думной діакъ Петръ Третьяковъ:

Присылалъ тебя къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. братъ ево великого государя, шахъ Аббасово в., зъ грамотою и его, великого государя, поздравляти на его великихъ и преславныхъ государствахъ. И великій государь нашъ его ц. в., для брата своего шахъ Аббасова в., тебя, его гонца, принялъ милостивно и грамоту выслушалъ любительно, и ныне великій государь нашъ его ц. в. велѣлъ тебя къ шахъ Аббасову в. отпустити назадъ и свою царскую любительную грамоту къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., посылаетъ и о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ, о какихъ дѣлехъ шахъ Аббасово в. къ его царскому в. писалъ, и то все великій государь нашъ, его ц. в., писалъ въ своей грамоте; а что онъ, Муртоза, говорилъ по приказу

---

[1]) Записка объ Иванѣ Хохловѣ, Якушкѣ Гладкомъ и подъячемъ Богданѣ Пакрачеевѣ помѣщается дальше.

своего государя шахъ Аббасова в. какіе дела рѣчью, и о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ велитъ государь отписати къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., въ грамоте съ своими государскими послы. Да отдалъ гонцу государеву грамоту.

И купчина Хозь Муртоза, государеву грамоту принявъ, говорилъ: какъ де ево отпущалъ къ великому государю, къ его ц. в., братъ сво великого государя, великій государь шахъ Аббасово в., и на отпуске приказывалъ съ нимъ къ ц. в., чтобъ онъ, великій государь, послалъ съ нимъ къ шаху своихъ царского в. пословъ или посланниковъ, а нынѣ государь велѣлъ ево отпустити съ одною съ своею царскою грамотою.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ кизылбашскому гонцу говорилъ: какъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., учинясь на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, и онъ, государь, послалъ къ брату своему, къ Аббасъ шахову в., государство свое обестити посланниковъ своихъ, Михайла Тихапова да подъячего Олексѣя Бухарова, и шахъ Абассово в. принялъ ихъ любительно и нынѣ ихъ отпустилъ къ великому государю нашему, къ его царскому в., и посланника своего, Булатъ бека, къ великому государю нашему къ его ц. в. прислалъ, и нынѣ тотъ посланникъ въ Володимере. И какъ онъ будетъ у великого государя нашего, и велитъ государь его отпустити назадъ къ шаху, и съ нимъ тогды великій государь нашъ, его ц. в., къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., пошлетъ отъ себя, государя, большихъ пословъ или посланниковъ о дружбе и о любви напомянути, и онъ, бы Муртоза, ѣхалъ нынѣ къ шаху напередъ, чтобъ шахъ Аббасову в. великого государя нашего его ц. в. дружба и любовь была вѣдома.

И купчина Хозь Муртоза говорилъ: товары у него есть въ Казани и въ Астарахани не испроданы, и государь бы ево пожаловалъ, велѣлъ ему тѣ его товары испродати; а про великого государя, про его ц. в., что онъ, государь, учинился на своихъ великихъ государствахъ Російского царствія, учинилъ вѣсть шаху прежъ всѣхъ онъ, Муртоза. И государь бы его пожаловалъ, велѣлъ въ которомъ городе зимовать, чтобъ ему товары свои испродать. И своихъ бы государь пословъ къ шаху послалъ, и шаховыхъ прежнихъ купчинъ государь велѣлъ отпустити къ шаху.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ купчине говорилъ: говорилъ онъ ему напередъ сего, что великій государь нашъ его ц. в. послалъ къ шаху трехъ своихъ посланниковъ, и какъ отпуститъ тѣхъ государевыхъ посланниковъ ко государю шахъ, и государь нашъ, его ц. в., тогды

пошлетъ къ шаху своихъ пословъ или посланниковъ, а ныне къ великому государю нашему, къ его ц. в., шахъ, его царского в., пословъ отпустилъ, и ныне они ко государю пріѣхали, и государь нашъ, его ц. в., пошлетъ своихъ пословъ съ шаховымъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ вмѣсте. А объ отпуске своемъ онъ, Муртоза, приказывалъ съ нимъ и не одинова, чтобъ ево государь пожаловалъ, велѣлъ отпустити къ шаху, и потому его ныне государь, его ц. в., велѣлъ отпустити къ шаху.

И купчина говорилъ: писалъ де съ нимъ государь ево, шахъ Аббасово в., къ великому государю, къ его царскому величеству, въ своей грамоте о кречетѣ да о соболѣ, да о бѣлке, да о сукнѣ добромъ на сианчю, чтобъ великій государь, его ц. в., для брата своего шахъ Аббасова в. крѣпкіе любви и дружбы, прислалъ къ нему своей царскіе потѣхи кречетъ да соболь, да бѣлку, живые. И ныне великій государь, его ц. в., къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., кречетъ да соболь, да бѣлку и сукно съ нимъ посылаетъ ли?

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ: великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. посылаетъ съ нимъ къ брату своему, къ Аббасъ шахову в., для братцкіе любви и дружбы, соболь да бѣлку, живые, да изъ своей царской казны сукна багрецу; а кречета съ нимъ государь не посылаетъ, потому что та его царского в. потѣга водитца въ одномъ мѣсте, и ловятъ ихъ временемъ; а то мѣсто, гдѣ ловятъ, поудалело: вскоре теперво взять ихъ нѣгде. А какъ великій государь нашъ, его ц. в., пошлетъ къ брату своему къ Аббасъ шахову в. своихъ большихъ пословъ, и съ тѣми своими послы пришлетъ государь къ Аббасъ шаху и кречеты. Да и прежъ сего кречеты посылываны зъ государевыми жъ послы.

И купчина говорилъ: съ чѣмъ же де ему отъ царского в. ко государю своему къ Аббасъ шаху и ѣхать, только государь не пошлетъ кречата съ нимъ? Да говорилъ, чтобъ государь велѣлъ ему въ Казани или въ Астарахани зимовать, потому что есть въ Казани шахова казна, и ему бъ тое казну поволилъ испродати. Да послалъ бы государь шаху своихъ пословъ, чтобъ межъ ихъ государей дружба и любовь была безъ урыву.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ, чтобъ онъ ѣхаль ныне къ шаху наскоро, а государь велитъ послати своихъ пословъ зъ шаховымъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте, а за то нѣ за что стоять, что ему зимовать въ Казани или въ Астарахани, и онъ, чаетъ, государевыхъ пословъ и дождетца, и съ ними вмѣсте къ шаху ево отпустятъ. А будетъ только ныне онъ поспѣетъ къ шаху, и онъ бы

ѣхалъ къ шаху, не мешкая, чтобъ царского величества дружба и любовь шаху была вѣдома.

И купчина говорилъ: нынѣ ему къ шаху не поспѣти, потому что испоздалось, и государь бы его пожаловалъ, велѣлъ ему зимовать въ Казани или въ Астарахани, а онъ въ тѣ поры шаховы товары и свои испродастъ. Да билъ челомъ, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ ему видетца государя сго съ шаховымъ послапникомъ, зъ Булатъ бекомъ: нѣтъ ли де отъ государя его, отъ шаха, съ нимъ къ нему какого приказу? Да государь же бы пожаловалъ, велѣлъ, для брата своего шахъ Аббасова величества дружбы и любви, отпустити изъ Казани и изъ Астарахани шаховыхъ купчинъ, которые пріѣхали напередъ его отъ шаха.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ, чтобъ онъ нынѣ ѣхалъ къ шаху, не мешкая, а съ послапникомъ, зъ Булатъ бекомъ, увидитца онъ на дороге; а купчинъ шаховыхъ велитъ государь отпустити съ своими послы вмѣсте. Да сказалъ ему государево жалованье въ стола мѣсто кормъ, и отпустилъ его на подворье.

А въ стола мѣсто купчине корму дано. Зъ дворца: колачъ смесной, 4 чарки вина боярского, кружка вина рядового, кружка меду обарново, кружка меду вишневого, полведра меду паточного, полведра пива доброво, 3 ведра меду княжего, 3 ведра пива. Изъ большого приходу: на 3 алтына хлѣбовъ, на 3 алтына колачей, четверть стяга говядины, боранъ шерстью, 6 курятъ, гривепка масла коровья.

Царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ вопчей вашъ холопъ Хозя Муртоза. Въ нынешнемъ, государь, во 123-мъ году шолъ я отъ государя своего шахъ Аббаса къ тебѣ, государю, для вашихъ государьскихъ дѣлъ до Терки сухимъ путемъ, а за собою, государь, я холопъ вашъ опчей (?) велѣлъ быти морскимъ ходомъ на бусе зятю своему Хозя Магметю. И зять, государь, мой пріѣхалъ ка мнѣ въ Астарахань, десеть день спустя, какъ я пріѣхалъ въ Астарахань, и въ Астрахани, государь, къ зятю моему приставилъ государя же нашего торговой человѣкъ Назамъ, зъ братьею своею и съ товарыщи, воровствомъ, хотя зятя моего испродать, что бутто зять мой, Хозя Магметъ, въ прошломъ во 119-мъ году въ Астрахани племянника ево Назамова, Хожъ Ахметя, окормилъ. А преже, государь, сего въ прошломъ жа во 119-мъ году тотъ Назамъ зъ братьею съ своею на зятя моего въ Астрахани билъ челомъ князю Ивану Хворостинину и Володимиру, что бутто зять мой того его Назамова племянника окормилъ. И по тому, государь, ево челобитью про то дѣло въ Астрахани сыскивано, и сыскано, что племянникъ ево, Назамовъ, умеръ судомъ Божьимъ, а не зять мой окормилъ, и

по тому, государь, сыску тому Назаму зъ братьею и отказано, что онъ бьетъ челомъ ложно. И нынѣ, государь, какъ зять мой пріѣхалъ въ Астрахань ка мнѣ, а изъ Астрахани со мною сталъ отпускатца къ тебѣ, государю, къ Москве, и въ томъ жа, государь, дѣле тотъ Назамъ зъ братьею съ своею приставилъ, и зятя моего велѣли дати на поруки твой государевъ боярин и воеводы, князь Иванъ Микитичь Адоевской съ товарыщи. И я, государь, въ Астрахани билъ челомъ твоему государеву боярину и воеводе, Ивану Микитичю Адуевъскому съ товарыщи, чтобъ они тому Назаму велѣлъ(и) ѣхати къ Москве жъ къ тебѣ, государю, будетъ ему какое дѣло есть до зятя моего, или какъ ты, государь, велишь меня отпустити ко государю моему, шахъ Абасу, и онъ бы, Назамъ, ѣхалъ ко государю жь нашему шахъ Абасу. И тотъ, государь, Назамъ къ тебѣ, государю, не поѣхалъ, а ко государю нашему шахъ Абасу не ѣдетъ жа, хотя воровство свое совершить и мнѣ мотчанье. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, опшего холопа своего, не вели, государь, по Назамову воровству нынѣ въ Астрахани на зятя моего въ другорядъ суда давати, чтобъ меня по прежнему въ Астрахани не задержали. А будетъ, государь, тому Назаму, зъ братьею, до меня и до зятя моего какое дѣло, и онъ бы ѣхалъ бити челомъ государю нашему шахъ Абасу, и вели, государь, о томъ дати въ Астрахань къ своему государеву боярину и воеводамъ, ко князю Ивану Микитичю Адуевъскому съ товарыщи, свою государеву грамоту. Царь государь, пожалуй!

На оборотѣ: Дать грамота: будетъ онъ шаховъ, хто къ зятю его приставливаетъ, и на зятя его суда не давать, а бить челомъ на него, какъ будутъ у шаха.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Астарахань боярину и воеводе, князю Ивану Никитичю Одоевскому, да окольничему нашему и воеводе Семену Васильевичю Головину, да дьяку нашему Василью Юдину. Билъ намъ челомъ шахъ Аббасовъ купчина Хозь Муртоза, а сказалъ, въ нынешнемъ де во 123-мъ году, ... будто тотъ его зять, Хозь Магметъ, въ прошломъ во 119-мъ году въ Астарахани племянника Назанова Хожахметя окормилъ смертнымъ зельемъ. *(И проч. Конецъ грамоты оторванъ).*

Лѣта 7123-го іюля въ 5 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову, въ казачей приказъ къ Ивану Михайловичю Пушкину да къ дьяку, къ Дементею Образцову. Въ памяти за твоею, Савиною, припискою написано: прислати въ посольской приказъ дватцать

человѣкъ казаковъ, а провожати имъ кизылбасково купчину Хозя Муртозу до Коломны. И казачьи слободчики посланы къ вамъ въ посольской приказъ въ провожанье, а имянъ ихъ списокъ подъ сею памятью. *Подпись (начало)*: дiякъ Демептей.

Ясаулъ Иванъ Дмитрѣевъ, десятникъ Ерооѣй Иваповъ, Лука Михайловъ, Михайло Захрлнинъ, Певъ Яковлевъ, Онтонъ Ооопасьевъ, Дружина Ашманасвъ, Иванъ Васильевъ, Кирилка Семеновъ, Левонтей Иваповъ, десятникъ Иванъ Демидовъ, Третьякъ Чаркинъ, Ѳедя Кумыка, Василей Шиловъ, Богданъ Кувшиновъ, Степанъ Бакака, Рыжикъ (?) Баншикъ, Петръ Онцыѳоровъ, Микитка Иваповъ, Матвѣй Митроѳаповъ. *Подпись (конецъ)*: Образцовъ.

Лѣта 7123-го іюля въ 13 день г. ц. и в. кп. Михайло Федоровичь в. Р. велѣлъ Давыду Ондрѣевичю Харламову ѣхати съ кизылбашскимъ купчипою, съ Хоземъ Муртозою, на Коломну, а людей съ купчиною шесть человѣкъ, а для толмачества и кормовъ про купчину и всякого для береженья посланъ съ нимъ толмачь Айдаръ Соѳроповъ. Да для провожанья купчины посланы съ Москвы до Коломны „ “ человѣкъ стрельцовъ; а на Коломну пріѣхавъ, побыти ему съ купчиною на Коломпе до государева указа. И ѣхати съ кизылбашскимъ купчипою на Коломну, не мешкая, и держати хъ купчине береженье и честь, чтобъ ему ни отъ кого безчестья не было ни въ чемъ. А отъ купчины бъ и отъ его людей русскимъ людемъ потому жъ обиды и насильства не было. И на станѣхъ съ купчиною ставитись бережно и усторожливо, и провожатымъ велѣти ѣхати и на станѣхъ ставитися блиско купчины, и караулити велѣти неоплошно, чтобъ надъ купчиною въ дороге и на станѣхъ отъ воровъ дурно не учинилося. А напередъ себя послать на Коломну къ воеводамъ съ вѣстью кого пригоже, чтобъ на Коломпе хъ купчинину пріѣзду дворъ и кормы, и питье, по государеву указу, были готовы. А отъ г. ц. и в. кп. Михайла Федоровича в. Р. о томъ на Коломну къ воеводе писано. А какъ Давыдъ съ купчипою на Коломну пріѣдетъ и дать о купчине, пріѣхавъ на Коломну, государеву грамоту воеводамъ и дьяку и говорить имъ, чтобъ по государеву указу велѣли купчине на Коломне дати дворъ доброй и кормъ и питье, и на мѣлкое сьестное деньги, давати и сторожей на дворъ купчине послали, и для береженья дали ему дѣтей боярскихъ съ меньшихъ статей дву человѣкъ, да стрельцовъ пяти человѣкъ, и быть па Коломпе у купчины и береженье къ нему и честь держати, и кормъ и питье купчине и людемъ ево давати по росписи, емлючи въ Муроме у воеводъ и у приказныхъ людей, а къ нимъ о томъ отъ государя писано. А того беречи крѣпко, чтобъ па Коломне хъ купчинѣ

и къ людемъ ево рускіе люди и иноземцы не приходили нихто, никаковъ человѣкъ, и не розговаривали съ нимъ ни о чемъ, и не продавали бы безъ государева указу купчине нихто ничего. А корму и питья послано про посланника съ Москвы до Коломны на недѣлю; а на Коломне и въ Муроме велено купчине кормъ и питье, и на мѣлкое сьестное деньги давати по росписи. А коли купчина учнетъ просити рыбные ѣствы, и „ “ купчине въ мясные ѣствы мѣсто давати рыбпая ѣства, емлючи на Коломне жъ у воеводъ. А устроя купчину на подворье и взявъ къ нимъ на дворъ сторожей и для береженья дѣтей боярскихъ и стрельцовъ, отписать къ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. къ Москве, а отписку велѣти отдати въ посольскомъ приказе дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову, а самому у купчины быти до государева указу.

Отъ ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Коломну воеводе нашему князю Василью Ондрѣевичю Звенигородцкому да дьяку нашему Василью Яковлеву. По нашему указу отпущенъ отъ насъ съ Москвы на Коломну кизылбашского шаха купчина Хозя Муртоза, а съ нимъ людей ево шесть человѣкъ, а въ приставстве посланъ съ нимъ Давыдъ Харламовъ да толмачь, а велено имъ съ кизылбашскимъ посланникомъ на Коломне побыть до нашего указу. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Давыдъ Харламовъ съ кизылбашскимъ купчиною на Коломну пріѣдетъ, и вы бъ кизылбашскому купчине велѣлъ дать на Коломне стоять дворъ доброй, гдѣ пригоже, и поденной кормъ и питье, и на мѣлкое сьестное деньги купчине и съ людьми ево, велѣлъ бы еси давати по нашему указу, по росписи, какова кормовая роспись дана на Москвѣ приставу его Давыду Харламову. И сторожей бы еси на тотъ дворъ къ купчине велѣлъ послати, взявъ съ посаду, сколько человѣкъ пригоже, да для береженья далъ бы еси приставу Давыду Харламову дву человѣкъ дѣтей боярскихъ съ меньшихъ статей, да стрельцовъ пяти человѣкъ. Да и того бъ еси велѣлъ беречи накрепко, чтобъ къ кизылбашскому купчине и къ его людемъ рускіе люди и иноземцы нихто не приходилъ никаковъ человѣкъ, и ни о чемъ съ нимъ и съ его людьми не розговаривалъ, и людей бы своихъ купчина съ Коломны никуды не посылалъ, и продавати ему товаровъ безъ нашего указу никому не велѣлъ. И безчестья бъ купчине ни въ чемъ ни отъ кого и въ корму, и въ питье недостатку не было. А которого числа Давыдъ съ кизылбашскимъ купчиною на Коломну пріѣдетъ и что къ вамъ купчина учнетъ приказывать, и ты бъ о томъ писалъ къ намъ, къ Москве, а отписки велѣлъ отдавати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да

Саве Романчкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123-го, іюля въ 13 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ѳонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году писали мы, холопи твои, къ тебѣ, ко государю, напередъ сего: пришедъ въ твою государеву въ съѣзжую полату, и сказывали намъ, холопемъ твоимъ, казанской стрелецъ Баймова приказу Болтина, Мартынко Михайловъ, да посадцкой человѣкъ, Ѳилька Спиридоновъ: стояли де они на карауле у кизылбашского купчины, у Хозь Муртозы, и имъ де сказывали того купчины двое робятъ, что ихъ въ разоренье взяли казаки, одного въ Вязьме, а другово подъ Москвою, и свезли въ Касимовъ, и тому де купчине—не вѣдомо—ихъ продали, или даромъ дали. И купчина де ихъ свезъ въ Казань и держитъ ихъ у себя тайно, и неволитъ ихъ въ свою мусульманскую вѣру, и кресты съ нихъ снялъ И въ твоей государеве цареве и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ, а велѣно приставу или сторожемъ тѣхъ робятъ скрасти, чтобъ Хозѣ Муртозѣ было неявно. А будетъ, государь, у него тѣхъ робятъ никоими мѣрами тайно скрасти не мочно, и намъ бы, холопемъ твоимъ, о томъ къ Хозѣ Муртозѣ приказати, съ кѣмъ пригоже, и велѣти выговорить, что онъ то дѣлаетъ не гораздо: держитъ у себя рускихъ людей тайно и кресты съ нихъ посымалъ, а хочетъ ихъ истинные православные хрестьянскіе вѣры отвратить и привести въ свою бусульманскую вѣру насильствомъ. А напередъ сего нетокмо торговые люди, и послы и посланники шахова в. того не дѣлывали, въ твоемъ государеве Московскомъ государстве рускихъ людей у себя тайно не держивали и отъ православные хрестьянскіе вѣры въ свою мусульманскую вѣру не приваживали, а онъ нынѣ то дѣлаетъ непригоже. Изговоря, государь, ему то, велѣти у него тѣхъ робятъ взять явно, чтобъ однолично тѣхъ робятъ мусульманить и съ собою свести ихъ ему не дать. Да какъ у него тѣхъ робятъ скрадутъ, или съ выговоромъ явно возьмутъ, и что про нихъ Хозя Муртоза учнетъ говорить, и гдѣ ихъ, скажетъ, взялъ, и намъ бы, холопемъ твоимъ, о томъ отписати къ тебѣ, ко государю, къ Москве въ посольской приказъ, а отписку велѣти отдати твоимъ государевымъ діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. И у кизылбашского, государь, купчины, у Хози Муртозы, рускихъ робятъ никоторыми мѣрами тайно скрасти было пельзѣ, и мы, холопи твои, посылали къ Хозе Муртозе для тѣхъ рускихъ робятъ Матвѣя Семенова сына Львова, да подъячего Путила Одинцова, а велѣли ему говорити, чтобъ онъ тѣхъ рускихъ

робятъ прислалъ къ намъ, холопемъ твоимъ. И купчина Хозя Муртоза тѣхъ рускихъ робятъ Матвѣю и подъячему Путилу отдалъ. И какъ ихъ привели передъ насъ, холопей твоихъ, и тѣ робята въ роспросе одинъ сказался руской человѣкъ московского стрельца сынъ, зовутъ его Ѳедькою, Семеновъ сынъ, а убили де отца его подъ Москвою, а его взялъ въ таборехъ казакъ, Олешою звали, мала, а ныне онъ лѣтъ въ двенатцеть, и держалъ у себя, и продалъ его касимовскому татарину Исенѣю Карамышеву; а что взялъ, того онъ не вѣдаетъ. И Исенѣй его свезъ въ Касимовъ, а въ Касимове Исенѣй отдалъ его тому кизылбашскому купчине; а слышалъ, что далъ даромъ. Да сверхъ его, Ѳедьки, Исенѣй же тому купчине далъ бочку вина. А другой детина, лѣтъ въ десеть, сказался: родиною онъ татаринъ, зовутъ его Алкаскомъ, отецъ его былъ касимовского уѣзду татаринъ, а мать нѣмка, а родился онъ въ Касимове у царева у аталыка, у Сергѣя, а аталыкъ его далъ Исенѣю Карамышеву, а Исенѣй его продалъ купчине, а какъ взростетъ, и его приказалъ отпустить на волю. А продалъ ихъ Исенѣй съ Ѳедькою вмѣсте, а что на нихъ взялъ, того онъ не вѣдаетъ; а то видели: какъ ихъ къ купчине Исенѣевы люди привели, и купчина Исенѣевымъ людемъ давалъ киндяки и зендени, и кушаки. И мы, холопи твои, тѣхъ робятъ до твоего государева указу отдали держать казанскимъ земскимъ старостамъ.

На оборотѣ: Дать ихъ на поруку или прислать къ Москве.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенка Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ооонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ годуапрѣля въ 16 де(нь) прислалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, челобитную кизылбашского Аббасъ шаха царя купчина Хозя Муртоза. И мы, холопи твои, тое его челобитную послали къ тебѣ ко государю, подклея подъ сею отпискою.

Царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ Кизылбашскіе земли шегъ Аббасовъ купчина и твой государевъ холопъ, Хозя Муртоза. Въ прошломъ, государь, въ 123-мъ году было, государь, моихъ денегъ семдесетъ пять рублевъ за Исенеемъ Карамышевымъ, и по твоей государевѣ грамоте велено мне, холопу твоему, купити немецкого и тотарского полону людей, и тотъ, государь, Исенеи Карамышевъ прислалъ ко мнѣ въ Муромъ съ людьми своими техъ моихъ денегъ пятдесятъ рублевъ да двое робятъ, Алкаска да Костровка, за дватцать за пять рублевъ. И кой, государь, у меня приставъ былъ, сынъ боярской Давыдъ Ивановъ, да толмачь московской Айдаръ и, безъ меня, техъ робятъ допрашивали: не рускіе ль люди? И оне, государь, имъ сказали что у нихъ матери были немки, а отцы тотарева, и родомъ не рускіе

люди, и я, холопъ твой, потому ихъ къ себѣ взялъ. И понече, государь, техъ робятъ въ Казани у меня, холопа твоего, взяли твой государевъ бояринъ и воеводы, и дьяки. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., смилуйся, пожалуй, государь, меня, холопа своего, вели, государь, мне о техъ купленыхъ робятахъ свой царьской указъ учинити! Государь царь, смилуйся, пожалуй! И какъ, государь, я ехалъ съ Москвы и пріехалъ въ Касимовъ, и его дома не заехалъ и ждалъ его два дни, и после того ждалъ я его въ Муроме два дни, и онъ, государь, въ Муромъ съ людьми своими те мои деньги и тѣхъ робятъ прислалъ мне за дватцать за пять рублевъ. Государь царь, смилуйся!

На адресѣ: 124 г. маія въ 14 день съ казанцемъ зъ Безсономъ Васильчинымъ.

Помѣта: Велѣть за тѣхъ робятъ заплатити.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого, да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову, да Офонасью Истомину. Писали есте къ намъ напередъ сево о рускихъ дву робятехъ, что вы, по нашему указу, ихъ у кизылбашского купчины, у Хозь Муртозы, взяли, которыхъ ему далъ Исенѣй Карамышевъ, и отдали ихъ держати казанскимъ старостамъ до нашего указу. Да после того писали есте къ намъ въ другой своей отписке и прислали Хозь Муртозы о тѣхъ же робятехъ челобитную; а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 123-мъ году *(и проч.)*. И какъ къ вамъ сл наша грамота придетъ, и вы бъ тѣхъ робятъ ему отдавати не велѣли, а велѣли бъ есте купчине Хозь Муртозѣ за нихъ заплатити деньги дватцать пять рублевъ, изъ нашихъ исъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ. А заплатя за тѣхъ робятъ деньги, велѣли ихъ подавати въ Казани на поруки, а будетъ въ Казани поруки по нихъ не будетъ, и вы бъ ихъ прислали къ намъ къ Москве, съ кѣмъ будетъ пригоже, да о томъ о всемъ отписали, а отписку велѣли отдати и съ робяты явитись въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 31 де(нь).

Написано въ докладъ.

Въ нынешнемъ во 123-мъ году писалъ къ государю царю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки воевода Петръ Головинъ: въ прошломъ де во 122-мъ году іюля въ 19 де(нь) пріѣхалъ исъ

Тарковъ на Терекъ Аббасъ шаховъ купчина Хозь Муртоза, а въ роспросе ему сказалъ: отпущенъ былъ онъ отъ Маринки да отъ вора, отъ Ивашка Зарутцково, изъ Астарахани, а съ нимъ посланы къ шаху Иванъ Хохловъ да Яковъ Глядковъ. А умыслъ де и приказъ де былъ тайно отъ Маринки и отъ вора, отъ Ивашка Зарутцкого, къ шаху одному Якову Глядкову, а Ивану Хохлову приказу тайново отъ Ивашка Зарутцково и отъ Маринки не было. И какъ де они пріѣхали въ Баку, и ему де, Муртозѣ, въ Бакѣ хотѣлось пожить, а Иванъ де Хохловъ и Яковъ Глядковъ, не дожидаясь ево, Муртозы, изъ Баки поѣхали къ шаху; а пріѣхали де прежъ его, Муртозы, за два мѣсяца, и Маринкины де грамоты шаху отдали. А шахъ де въ ту пору хотѣлъ итти на Грузинскую землю войною. И Яковъ де Глядковъ билъ челомъ шаху со слезами и лежалъ у ногъ, чтобъ шахъ вскоре велѣлъ ему дати ратныхъ людей ближніе своее думы человѣкъ съ пятьсотъ и денежные казны, и хлѣбныхъ запасовъ. И шахъ де ему говорилъ: что де ты бьешь челомъ объ людехъ словомъ, а въ Маринкиныхъ грамотахъ объ людехъ не писано. И Якушъ де Глядковъ сказалъ: приказала де Маринка съ нимъ, съ Якушомъ, словомъ, а велѣла де бить челомъ, чтобъ онъ пожаловалъ, велѣлъ дати людей вскоре для того: лихи де на неѣ, Маринку, московскіе недруги,—только де ратныхъ людей вскоре не дастъ и денежные казны, и хлѣбныхъ запасовъ не дастъ, и ихъ вскоре не отпуститъ, и съ Москвы де вскоре будетъ рать, и Астарахань де осадятъ и изъ Астарахани ихъ не выпустятъ. А только де ратныхъ людей шахъ дастъ вскоре, и они де, въ Астарахани собрався съ ратными людми, Москву возьмутъ и отъ Литовскихъ людей очистятъ. И шахъ де, не вѣдая ево воровства, чая того, что подлинно Литва Московскимъ государствомъ завладѣла, хотѣлъ де дати денежной казны 12,000 тюменей и хлѣбные запасы готовити велѣлъ, и людей былъ дати хотѣлъ же. И какъ де пріѣхалъ къ шаху онъ, Муртоза, а сказалъ, что воръ Ивашко Зарутцкой и Маринка въ Астарахани живутъ воровствомъ, а на Московскомъ государстве учинился государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., и земля государева утвердилась, и онъ де шахъ то все отставилъ, денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ, и ратныхъ людей посылати не почалъ.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году декабря въ 19 день писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Семенъ Протопоповъ: сказывалъ ему въ розговоре кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозь Муртоза. Былъ онъ, Муртоза, въ Астарахани немалое время, а Астарахань была въ воровской смуте. И какъ де воръ Ивашко Зарутцкой

съ Маринкою пришли въ Астарахань, а онъ, купчина, былъ при нихъ въ Астарахани жъ, и послалъ де Зарутцкой отъ себя къ шаху Ивана Хохлова да Якова Глядкова съ грамотами, называючи у себя Маринкина сына царевичемъ, чтобъ имъ шахъ далъ людей и на подмогу казны, будто имъ отъ полскихъ и отъ литовскихъ людей Московское государство очищать. А ево, купчину, отпустилъ Зарутцкой къ шаху с-Иваномъ же да съ Яковомъ вмѣсте. И Иванъ де и Яковъ шаху грамоты отдали, и шахъ грамоты у нихъ принялъ, и велѣлъ Ивана держать въ крепи за приставы, потому что съ нимъ, с-Ивапомъ, послалъ изъ Астарахани въ потай князь Иванъ Хворостининъ къ шаху грамоту о томъ, что учинился на Московскомъ государстве великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р.,и онъ бы, шахъ Аббасъ, тому вору Ивашку Зарутцкому ни въ чемъ не вѣрилъ, а ево, Ивапа, Ивашко Зарутцкой прислалъ къ нему неволею. А после того послалъ шахъ въ Астарахань къ Зарутцкому посланника своево съ грамотою, а приказалъ говорить: хто де будетъ на Московскомъ государстве царемъ, и онъ, шахъ. будетъ великому государю, брату своему, помогать казною и людми, а ему, вору, помогать не хочетъ. И какъ де они пришли въ Дербень и въ Дербени имъ сказали, что государева отчина Астарахапское царство отъ воровскіе смуты очистилась, а воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою изъ Астарахани побежалъ. И шаховъ де посланникъ, послыша то, изъ Дербени поворотился назадъ къ шаху.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году писалъ ко государю воевода Петръ Головинъ. По государеву указу посылалъ онъ съ терскими съ ратными людми и съ вольными атаманы, и казаки голову стрелетцково Василья Хохлова подъ Астарахань, а велѣлъ надъ воромъ, надъ Ивашкомъ Зарутцкимъ, и надъ Маринкою промышляти. И Василей де Хохловъ съ ратными людми государю служилъ и Астарахань отъ вора, отъ Ивашка Зарутцково, очистилъ до государевыхъ бояръ, до князя Ивана Никитича Одоевского, съ товарыщи, приходу. А очистя Астарахань, привелъ астарахапскихъ служилыхъ людей па государево имя хъ крестному целованью. А воръ де, Ивашко Зарутцкой, съ Маринкою изъ Астарахани побежалъ съ невеликими людми, и на дороге многихъ воровъ побили и живыхъ поймали, а Ивашко Зарутцкой ушолъ на море съ невеликими людми, и они за нимъ гоняли. И о томъ ко государю Василей Хохловъ писалъ.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году писалъ ко государю съ Терки жъ воевода Петръ Головинъ. Ъздилъ де съ Терки въ Тарки хлѣба купить Соловово приказу Протасьева стрелецъ Микитка Солодовъ,

а пріѣхавъ исъ Тарковъ, сказывалъ ему въ роспросе: какъ де были у шаха вора Ивашка Зарутцково посланники Иванъ Хохловъ съ товарыщи, и шахъ де спрашивалъ Ивана Хохлова про Койсу и про Тарки: прежде того ваши на Койсе и въ Таркахъ городы стайвали ль? И Иванъ Хохловъ говорилъ шаху, что городы на Койсе и въ Таркахъ прежъ того стайвали государевы. И шахъ де говорилъ: нѣ для чего на Койсе городы ставить, хотя де и велю поставить, и тѣ де городы будутъ за государемъ, а землею государевою владѣти не хочю.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году маія въ 30 де(нь) писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки воевода Петръ Головинъ: писали къ нему исъ Кизылбашскіе земли изъ Шамахи казанецъ Иванъ Хохловъ да астараханской подъячей Богданъ Накрачѣевъ съ товарыщи, которые посланы изъ Астарахани отъ литовки, отъ Маринки, да отъ вора, отъ Ивашка Зарутцково, къ шаху съ терскимъ коннымъ стрельцомъ Лукьянова приказу Вышеславцова зъ Девяткомъ, что писалъ онъ, Петръ, къ нимъ съ Терки въ Кизылбаши въ Кенжу городъ, что Божіею милостію и заступленіемъ Пречистые Его Богоматери и святыхъ великихъ чюдотворцовъ московскихъ онъ, Петръ, да голова стрелетцкая Василей Хохловъ, соединясь и укрепясь накрепко, не хотя видети злово еретическово умыслу вора Ивашка Зарутцково, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. крестъ целовали. И прося у Бога милости, посылалъ онъ подъ Астарахань голову стрелецково Василья Хохлова съ терскими съ ратными со многими людми и съ терскими съ атаманы и казаки, и они, пришедъ подъ Астарахань, Ивашковыхъ подъещиковъ Зарутцково побили и живыхъ поимали. И воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою, видя свою погибель, изъ Астарахани побежали, и Астарахань отъ воровъ очистилась. И по ево де отписке Иванъ Хохловъ да подъячей Богданъ Накрачѣевъ про государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. и про ево царьское многолѣтное здравье услыша, а на литовку Маринку и на Ивашка Зарутцково побѣду, тому всему обрадовались душами своими великою радостью, стали надежны на милость Божью и на великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. милость и жалованье, великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. крестъ целовали іюля въ 29 де(нь) въ Кенже городе на томъ, что имъ великому государю служити и прямити и добра хотѣти, и въ Кизылбашской землѣ другу отъ друга не отстати, и в-ные городы никуды не отъѣхати, а ѣхати имъ вмѣсте ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Русіи. А къ шаху Иванъ Хохловъ исъ Кенжи послалъ толмча да стрельца бити челомъ объ отпуске, и о томъ къ

шаху писалъ, что Божіею милостію Астарахань и Терекъ отъ воровскихъ людей очистилась, и воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою изъ Астарахани побежали, и астараханскіе всякіе люди государю крестъ целовали и учинились подъ ево царьскою высокою рукою по прежнему, а ево бъ, Ивана, Хохлова, шахъ отпустилъ ко государю къ Москве.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году іюня въ „ “ день писалъ ко государю съ Терки воевода Петръ же Головинъ: пріѣхали де исъ Тарковъ на Терекъ государевы посланники Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, а съ ними пріѣхали на Терекъ Иванъ Хохловъ съ товарыщи, которые были посыланы отъ вора, отъ Ивашка Зарутцково, да отъ Маринки. И опъ на Терке Ивана Хохлова съ товарыщи, приведчи къ государеву крестному целованью, отпустилъ ихъ къ государю къ Москве вмѣсте съ Михаиломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ.

И по государеву указу посланы съ Москвы по Ивана Хохлова съ товарыщи татарскіе переводчики Курмоналѣй Кутлеяровъ да Семейка Ондрѣевъ, а велено имъ Ивана Хохлова съ товарыщи привести къ Москве съ великимъ береженьемъ, чтобъ они отъ нихъ зъ дороги не ушли. И іюня въ „ “ день переводчики Курманалѣй да Семейка Ивана Хохлова съ товарыщи къ Москве привезли, и Иванъ Хохловъ съ товарыщи розданы по приставомъ и сидятъ и по сл мѣста у приставовъ.

И ныне бьетъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Хохловъ. Въ прошломъ де во 113-мъ году, при царѣ Борисе, посланъ опъ исъ Казани на годовые службы на Терекъ съ воеводою, с- Ываномъ Головинымъ, и въ прошломъ же де во 114-мъ году на Терке и въ Астарахани своровали, царю Василью креста не целовали. И въ томъ же де году присланъ изъ Казани на Терекъ братъ ево, Василей Хохловъ, съ стрелецкимъ приказомъ, а царю Василью крестъ целовали, и сотниковъ и стрельцовъ своего приказу ко кресту привелъ въ Астарахани. И на Терекъ пріѣхавъ, терскимъ людемъ розговаривалъ, чтобъ они царю Василью крестъ целовали. И терскіе люди отъ воровства не отстали, царю Василью креста не целовали, и ево за то и брата ево, Василья, бивъ па смерть и ограбя до нага, посадили въ тюрьму. И мучили животъ свой полтора года. и розвели розно: отослали ево, Ивана, въ Астарахань съ приставомъ, и въ Астарахани за приставомъ животъ свой мучилъ же, и хотѣли убить до смерти. И какъ де Маринка и воръ Ивашко Зарутцкой пришли въ Астарахань, и ево де послали въ Кизылбаши къ шаху неволею. И будучи де опъ у шаха, приказывалъ къ шаху съ купчиною, съ Хозь Муртозою, что на Владимерскомъ и

на Московскомъ государстве и на всемъ великомъ Російскомъ государстве учинился государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., и шахъ бы Маринкину и Ивашкову воровству не повѣрилъ. Да билъ онъ челомъ шаху, чтобъ ево шахъ отпустилъ къ государю къ Москве. И по ево де челобитью отставилъ ево шахъ въ Кѣнже; а Якова Глядкова взялъ съ собою въ походъ, какъ пошелъ воевать Грузинскіе земли. И после де того опъ въ Кѣнже государю крестъ целовалъ и къ шаху посылалъ апять бити челомъ, чтобъ ево отпустилъ къ государю къ Москве. И какъ де государевы посланники Михайло Тихановъ да Олексѣй Бухаровъ пришли къ шаху, и Михайло де ему, Ивану, сказалъ государево милостивое слово, что де писано къ нему отъ государя с-Иваномъ Бреховымъ, а велено де ему, Ивану Хохлову, итти къ государю къ Москве съ нимъ, съ Михайломъ, вмѣсте. И онъ де исъ Кизылбашъ пошелъ къ государю къ Москве съ Михайломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ вмѣсте. И какъ онъ будетъ въ Володимере, и по государеву де указу присланы въ Володимеръ исъ посольсково приказу Кармапалѣй Кутлеяровъ да Семенъ Ондрѣевъ; а велено де имъ ево, Ивана, вести къ Москве за приставомъ, и рухлядь ево, что есть, велено отписать на государя. А нынѣ де опъ на Москвѣ сидитъ за приставомъ, и сидя за приставомъ, животъ свой мучитъ. И государь бы ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. сго, Ивана, пожаловалъ, велѣлъ ево изъ за пристава освободить. А въ Кизылбаши онъ къ шаху посланъ неволею, и въ Кизылбашехъ въ неволе всякую нужу терпѣлъ, и государеву имяни порухи ни въ чемъ не учинилъ.

И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу кизылбашской купчина Хозь Муртоза, противъ челобитной Ивана Хохлова, допрашиванъ. А въ розпросе сказалъ: былъ онъ, купчина, въ Астарахани немалое время. И какъ де пришли въ Астарахань воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою, и ево де, Муртозу, отпустили изъ Астарахани къ шаху, а съ нимъ послалъ воръ Ивашко отъ себя Ивана Хохлова неволею. И Иванъ де Хохловъ, пріѣхавъ къ шаху, приказывалъ съ нимъ, что ныне учинился на Московскомъ государстве и на всѣхъ великихъ Російскихъ государствахъ великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., и шахъ бы Маринкину и Ивашкову воровству вѣры не попялъ, а его, Ивана, послалъ къ нему Ивашко Зарутцкой неволею, и шахъ бы ево, Ивана, отпустилъ ко государю къ Москве. И по ево де челобитью шахъ оставилъ его въ Кенже, и онъ, Иванъ, исъ Кенжи къ шаху посылалъ бити челомъ въ другорядъ, чтобъ ево шахъ велѣлъ отпустити ко государю, а вору бъ Ивашку Заруцкому и Маринке ни въ чемъ не вѣрилъ.

И іюля въ 12 де(нь) думной діакъ Петръ Третьяковъ сю выписку Ивана Хохлова вверхъ носилъ и государя докладывалъ. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., слушавъ сее выписки, Ивана Хохлова пожаловалъ, для своего царского ангела хранителя, велѣлъ его отъ пристава свободити за брата его, за Васильеву, службу Хохлова. А въ отъѣзде и во всякомъ воровствѣ приказалъ государь взяти по немъ поручную запись. И по Иване Хохлове взята поручная запись такова. А въ записи пишетъ [1]).

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой, Ивашка Хохловъ. Какъ ты, государь, меня, холопа своего, изъ за пристава велѣлъ свободить и дати на поруки зъ записью, что мнѣ, холопу твоему, ставитца въ посольскомъ приказе передъ твоимъ государевымъ думнымъ діякомъ, передъ Петромъ Третьяковымъ, до твоего государева указу. И ныне ты, государь, меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ быти въ Казани по прежнему. И порутчики, государь, мои, которые меня ручали, о порушной записе мнѣ говорятъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, холопа своего: вели, государь, порушную мою запись мнѣ отдать! Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ помѣта: Запись отдать [2]).

Да память князю Ивану жъ Михайловичю да дьяку Ивану Сукину. Въ прошломъ во 123-мъ году декабря въ 29 де(нь) билъ челомъ государю царю и в, кн. Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи перситцкого шахъ Аббасовъ гонецъ Хозь Муртоза, а сказалъ: какъ де онъ пріѣхалъ съ Терки въ Астарахань въ судне, и къ судну де пріѣхалъ къ нему діакъ Василей Юдинъ и взялъ у него шахову грамоту и шаховы поминки, и свою грамоту, что писана отъ шаха къ боярину, ко князю Ивану Никитичю Одоевскому да къ окольничему къ Семену Васильевичю Головину, да къ нему, къ діаку, къ Василью Юдину. А после де того прислали они къ нему на гилянское подворье тое шахову грамоту съ подъячими, зъ Богданомъ да съ Михайломъ, а чьи словутъ, того онъ не вѣдаетъ. А после де его пріѣзду, спустя день съ пять, прислалъ къ нему на подворье окольничей Семенъ Головинъ человѣка своего,— въ рожю его онъ знаетъ, а имени его не вѣдаетъ,—а былъ де тотъ

[1]) Записи въ дѣлѣ не оказалось.

[2]) Здѣсь оканчиваются отдѣльныя выписки, далѣе слѣдуетъ общее дѣло.

Семеновъ человѣкъ прежъ того у вора, у Ивашка Заруцкого, ближней вѣрной человѣкъ, а приказывалъ де Семенъ къ нему съ тѣмъ своимъ человѣкомъ, чтобъ онъ, Муртоза, побывалъ у него на подворье. И онъ де, Муртоза, къ Семену на подворье ходилъ. А какъ онъ пришолъ къ нему въ хоромы, и въ тѣ поры де толмача не было, а велѣлъ Семенъ толмачить мальцу своему, татарченку, лѣтъ въ десеть или всего въ двенатцать, а тотъ де малецъ былъ у вора-жъ, у Ивашка Заруцкого, а говорилъ де ему Семенъ, чтобъ онъ ему перепустилъ по своей цѣнѣ двѣ сабли булатные, да два ковра, да каменья. И онъ де, Муртоза, Семену въ томъ отказалъ, сабель ему и ковровъ не продалъ. А виделъ онъ въ тѣ поры у Семена въ горнице коверъ шолковъ большой, а посланъ де былъ тотъ коверъ отъ шаха къ царю Борису съ нимъ, Муртозою, въ поминкахъ, и какъ де воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою были въ Астарахани, и тотъ коверъ у него Ивашко взялъ. И онъ, Муртоза, того ковра у Семена просилъ, и Семенъ де ему того ковра не отдалъ, а сказалъ, что онъ тотъ коверъ купилъ у казаковъ, а что за него далъ, и того ему не сказалъ. И Семенъ де его отъ себя съ подворья отпустилъ. И онъ, Муртоза, после того въ розрядъ къ боярину ко князю Ивану и къ Семену, и къ діяку ходилъ самъ о своемъ отпуске бити челомъ четырже, чтобъ ево изъ Астарахани отпустили ко государю къ Москве. И они де ево изъ Астарахани ко государю не отпустили, а держали четыре недѣли. И онъ, Муртоза, послалъ къ нимъ по подворьямъ отъ себя подарковъ съ толмачомъ, съ Васильемъ, боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому трои дороги розные цвѣты, два саобяна, да три киндяка; а окольничему Семену послалъ былъ онъ подарковъ меньши того. И Семенъ де тѣхъ ево подарковъ не взялъ, а приказалъ къ нему, чтобъ онъ, Муртоза, прислалъ подарковъ тожъ, что и князю Ивану, а онъ въ Астарахани ровенъ со князь Ивапомъ. И онъ де ходилъ въ розрядъ къ боярину и воеводамъ бити челомъ: для чего у него взяли съ судна зятя его и ево съ дороги воротили? И боярипъ де и воеводы ему сказали, что билъ челомъ на него, Муртозу, и на его зятя кизылбашенинъ Назапъ, будто онъ, Муртоза, велѣлъ тому зятю своему, Хозю, Назанова племянника убить въ прошломъ во 119-мъ году, и для того они зятя его велѣли отъ него съ судна взяти. И онъ, Муртоза, имъ билъ челомъ: какъ де Назанъ былъ у государя ихъ, у шаха, съ ними вмѣсте, и онъ шаху на него и на зятя его не бивалъ челомъ, а въ Астарахани жилъ онъ четыре недѣли, и Назанъ на нихъ имъ не бивалъ же челомъ, а ныне Назанъ бьетъ челомъ, какъ ево отпустили изъ Астарахани.

И держали де ево въ Астарахани после того три дни. И онъ де, Муртоза, посылалъ къ нимъ о своемъ отпуске бити челомъ тезика Магмута и Сембура. И боярин де князь Иванъ и Семенъ приказали къ нему съ тѣмъ тезикомъ, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ по дватцати по пяти золотыхъ, да по двои дороги, да по два ансыря шолку аряскова, и они ево ко государю изъ Астарахани отпустятъ тотчасъ. И онъ де, Муртоза, послалъ къ нимъ съ тѣмъ тезикомъ по десети золотыхъ, и тѣхъ де золотыхъ они у него не взяли, а приказали, чтобъ онъ къ нимъ прислалъ сполна по дватцати по пяти золотыхъ. И онъ де, Муртоза, послалъ къ нимъ по пятинатцати золотыхъ, и они де и тово не взяли. И онъ де послалъ къ нимъ по дватцати золотыхъ, и они де золотые у тезика взяли, а приказали къ нему съ нимъ, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ ещо по двои дороги, да по два апсыря шолку аряского. И онъ де, Муртоза, то все по ихъ прошенью послалъ съ тѣмъ же тезикомъ. Да ему жъ де учинилось убытка воеводцкимъ людемъ и приставомъ, и толмачемъ пять рублевъ; да сверхъ того взяли по немъ въ Астрахани поруку десети человѣкъ кизылбашенъ и бухарцовъ, и армянъ въ томъ, что ему, бывъ на Москвѣ у государя, пріѣхать опять въ Астарахань; а хто именемъ по немъ ручался, того онъ не упомнитъ; а ималъ де по немъ запись поручную приставъ его Данило. А взявъ по немъ поручную запись, изъ Астарахани его отпустили после коровану, а кованъ де пошелъ напередъ его, и онъ де доезжалъ кованъ три дни, а для поспешенья въ греблю сажалъ людей своихъ, чтобъ ему кованъ съѣхать. А дьякъ де Василей Юдинъ о подаркахъ къ нему ни съ кѣмъ не приказывалъ, а послалъ былъ онъ къ нему для почести пять золотыхъ собою. И онъ де тѣхъ золотыхъ не взялъ, а прислалъ къ нему назадъ, и боярину и воеводамъ объ его отпуске говорилъ, чтобъ его изъ Астарахани отпустили къ Москве. Да въ Астарахани жъ де мечеть ихъ была запечатана, гдѣ они по своей вѣре Богу молятца, и онъ де о томъ воеводамъ билъ челомъ, чтобъ они велѣли мечеть имъ отпечатать, и они де тое мечети не отпечатали. А какъ имъ далъ отъ того по двои дороги, и они де велѣли и мечеть отпечатать. Да пріѣхали де въ Астарахань кизылбашскіе торговые люди съ товары, и воеводы де имъ лавокъ не даютъ и товары ихъ запечатываютъ, и тѣ де товары воляютца по гилянскому двору. И съ кого де возьмутъ помынки, тѣмъ и лавки подаютъ. И оттого де пріѣзжимъ людемъ чинитца продажа великая. Да ѣхали де съ нимъ изъ Астарахани въ Казань тезики, четыре ихъ человѣки, юргенецъ Девлетъ бай, да кошанецъ Дербышъ Магметъ, да два гилянца,

Рахметъ, да Кемалъ . . . . . [1]) Астарахани боярин и воеводы. взявъ съ нихъ золотыхъ, а сколько взяли золотыхъ, того онъ допрямо не вѣдаетъ, и пыпе де тѣ тезики въ Казани. Да въ Астарахани жъ де на бухарскомъ и на гилянскомъ дворѣ тезики живутъ лѣтъ по десети и по пятипатцати, а иные и больши, и какъ де пріѣдутъ въ Астарахань повые торговые люди, и тѣ де тезики у тѣхъ новыхъ торговыхъ людей товары покупаютъ украдомъ и продаютъ врозпь, а на пріѣзде де съ тѣхъ съ пріѣзжихъ торговыхъ людей государеву пошлину емлютъ сполна, а тѣ де тѣзики государевы пошлины не платятъ, и та де пошлина у государя пропадаетъ. А какъ де . . . . . людей узарочные товары . . тезики сказываютъ про тѣ товары боярину и воеводамъ, и боярипъ де и воеводы емлютъ у нихъ товары, а деньги даютъ немногіе. И для того де воеводцкого насильства, съ товаромъ ѣздити иноземцы въ Астарахань не хотятъ. Да на бухарскомъ же и на гилянскомъ дворѣ живутъ армяне съ женами и съ детьми бе(съ) съѣзду лѣтъ по тритцати и больши, называютца де крестьяны. А при царѣ де Борисе тѣ армяне съ тѣхъ дворовъ были сведены. Да пріѣзжимъ же де людемъ продажа великая отъ таможенныхъ головъ и отъ целовальниковъ: емлютъ пошлины передъ прежнимъ лишекъ.

И „ “ пріѣхавъ въ Астрахань, будетъ боярин, князь Иванъ Никитичь изъ Асторахани . . . . . роспросити про то боярина. . . . . тича Одоевского, до окольничего Семена Васильевича Головина и дьяка Василья Юдина противъ сего Муртозина челобитья, какъ писано въ семъ наказе, подлинно, порозно, накрепко, чтобъ они того ничего не утаили, а сказали про то про все въ правду, по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. крестному целованью: для они чего у Хозь Муртозы шахову грамоту діаку Василью Юдину велѣли имать, и назадъ тое шахову грамоту къ нему на подворье отослали ль, и съ кѣмъ ее отослали: съ подъячимъ ль Богданомъ да съ Михайломъ отослали, или с-ыпымъ съ кѣмъ? и на подворье къ нимъ Муртоза подарки приносилъ ли, и кому сколько (?) принесъ? и для чего зятя его, Хозь Магметя, отъ него съ судна приставу его Данилу имати и ковать велѣлъ: по Назанову ль челобитью велѣли его съ судна взяти и ковать, или в-ыномъ въ какомъ дѣле? и для чего его, Муртозу, въ Астарахани держали долгое время, а ко государю не отпустили? и о своемъ отпуске въ розрядъ къ нимъ бити челомъ коли Муртоза прихажпвалъ ли, чтобъ ево изъ Астарахани отпустили ко государю

1) Столбцы, числомъ 9, попорчены; такія мѣста обозначены точками.

къ Москве, и что ему отв . . . . . и для чего самъ къ нимъ прихо . . . . . самъ о своихъ дѣлехъ и объ отпуске (?) бить челомъ въ розрядъ не прихаживалъ? Тѣмъ они дѣлали государеву имени позоръ . . . . . тезика Магмута и Сембура о своемъ же отпуске бити челомъ по подворьямъ присылали ли? и съ тѣмъ тезикомъ Магмутомъ и Сембуромъ бояринъ князь Иванъ Никитичь Одоевской и околничей Семенъ Васильевичь къ нему, къ Муртозѣ, приказывали-ль, чтобъ онъ къ нимъ прислалъ по двадцати по пяти золотыхъ, да по двои дороги, да по два апсыря шолку аряского, а они ево отпустятъ изъ Астарахани ко государю тотчасъ? И Муртоза къ нимъ съ тѣмъ тезикомъ по дватцати золотыхъ да по двои дороги, да по два апсыря шолку отъ своего отпуску, чтобъ ево отпустили ко государю, прислалъ ли? а они то у того тезика все взяли ль? и поруку по немъ для чего велѣли имать въ томъ, что ему, бывъ на Москвѣ у государя, пріѣхать опять въ Астарахань, и въ какомъ дѣле . . . . . взяли и хто имяны . . и кому именемъ вел . . . . имать по немъ поручную запись, и гдѣ та нынѣ ево поручная запись, и для чего они ему, Муртозѣ, по его челобитью мечети безъ подарковъ не отпечатали, и отъ того, что мечеть отпечатать, у него по двои дороги взяли? Да и про то ему окольничего Семена Васильевича Головина допросити накрепко: какъ того человѣка его именемъ зовутъ и чей словетъ, что бывалъ у вора, у Ивашка Заруцкого, а нынѣ у него служитъ, и гдѣ онъ нынѣ, и гдѣ тотъ человѣкъ нынѣ, съ кѣмъ Муртоза былъ (?) и кого онъ нынѣ? И коверъ шолковъ у него есть ли и гдѣ тотъ коверъ взялъ, и у кого именемъ взялъ или купилъ, и что за него далъ? Да того Семенова человѣка и татарченка, и коверъ отъ Семена взяти и ихъ роспросити про то про все подлинно, розводя порознь, накрепко, какъ ихъ по имяни зовутъ и чьи словутъ, и служивали ль у вора, у Ивашка Заруцкого, или у иного кого служивали? и давно ль они у Семена служатъ и для чего его Семенъ хъ кизылбашскому гонцу, къ Хозе Муртозѣ, на подворье посылалъ: для-ль того, чтобъ онъ, Муртоза, побывалъ у него на подворье, или для иного какого дѣла? и какъ Муртоза былъ у него въ хоромехъ и что съ нимъ, Муртозою, Семенъ говорилъ: о томъ ли говорилъ, чтобъ онъ ему перепустилъ двѣ сабли булатныхъ да два ковра и каменья, или об-ыномъ о чемъ съ нимъ говорилъ, а тотъ татарченокъ у нихъ въ тѣ поры толмачилъ? и коверъ у него шолковъ есть ли? и гдѣ онъ тотъ коверъ взялъ или купилъ, и у кого именемъ взялъ или купилъ, и что за него денегъ далъ? и подарковъ что Муртоза къ нему, Семену, съ толмачомъ съ Васильемъ

да съ тезикомъ съ Магмутомъ и Сенбуромъ присылывалъ ли, и отъ своего ль отпуску какихъ подарковъ прислалъ . . ской съ товарыщи. Да и толмача Василья допросити накрепко жъ: отъ кизылбашского купчины, отъ Хози Муртозы, къ боярину, ко князю Ивану, подарковъ трои дороги розные цвѣты, да два саѳьяна, да три киндяка, а къ Семену подарковъ меньши того относилъ ли? и Семенъ тѣ подарки взялъ ли, или отослалъ назадъ къ Муртозѣ, а приказалъ съ нимъ къ Муртозѣ, чтобъ прислалъ къ нему подарковъ тожъ, что и князю Ивану, а онъ со княземъ Ивапомъ въ Астарахани ровенъ? И Муртоза подарковъ тожъ, что князю Ивану, къ Семепу съ пимъ послалъ ли? и Семепъ у него тѣ подарки принялъ ли? А къ діаку къ Василью Юдину подарковъ кутню да дороги, да два саѳьяна, да два киндака послалъ ли? и съ нимъ ли, съ Васильемъ, или по Семенову жъ приѣазу подарки какіе прислалъ? Да будетъ только тѣ Семеповы люди по сыску и по роспросу дойдутъ и до пытки, и ему велѣти ихъ пытати накрепко. Да на ково учнутъ они въ роспросе и съ пытки говорити, и ему велѣти тѣхъ людей сыскивати и ихъ роспрашивати по тому жъ подлинно, порознь розводя. И которые дойдутъ по сыску и по роспросу до пытки, и ему и тѣхъ людей по тому жъ велѣти пытати, а дѣла прямого доискиватца. Да и подъячихъ, Богдана да Михайла, которые шахову грамоту относили назадъ къ Хозѣ Муртозѣ, распросити жъ, розводя порознь: хто съ ними тоѣ грамоту къ Муртозѣ послалъ и для чего ее бояринъ и воеводы послалъ, или с-ынымъ съ кѣмъ? и для-ль своей почести онъ къ нимъ подарки посылалъ или они къ нему сами приказывали? А будетъ въ томъ дойдутъ пытки, и ихъ въ томъ пытати накрепко, а чтобъ одполичпо про то сыскати вправду. Да и Данила, которой былъ у него, Муртозы, въ Астарахани въ приставстве, о томъ допросити жъ накрепко: по чьему онъ велѣнью у него, Муртозы, съ судна зятя его, Хозь Магметя, ималъ и въ цепь и въ желѣза ево сажалъ? и для какова дѣла ималъ и ковалъ: по Назапову-ль челобитью, или в-ыномъ въ какомъ дѣле? и одинъ ли онъ по немъ поручную запись ималъ, или пе одинъ? и будетъ не одинъ, и хто съ нимъ товарыщей въ тѣ поры имяны были? И про подарки онъ что вѣдаетъ ли, или у кого слышелъ, что Муртоза посылалъ подарки къ боярину, ко князю Ивану Одоевскому съ товарыщи? и отъ своего ль отпуску посылалъ, или по ихъ прошенью онъ подарки посылалъ? и сколько какихъ подарковъ хъ кому послалъ, и съ кѣмъ именемъ отсылалъ? и поручную запись онъ ималъ ли, что ему, Муртозѣ, бывъ у государя на Москвѣ, пріѣхать назадъ въ Асторахапь? И будетъ ималъ и хто ему такую запись по немъ велѣлъ имать, и гдѣ та запись

нынѣ? Да гдѣ онъ тое поручную запись скажетъ, и ему та поручная запись взяти и приклеить тутъ же къ дѣлу и привести ее ко государю къ Москве съ собою вмѣсте. А будетъ тотъ Данила учнетъ въ томъ во всемъ запиратца, а по роспросу дойдетъ будетъ и до пытки, и ево въ томъ во всемъ велѣти пытать. Да будетъ онъ въ роспросе и съ пытки учнетъ па ково имянно говорити, и ему и тѣхъ людей сыскивати, а сыскавъ, потому жъ ихъ роспрашивати и сыскивати про то про все накрепко. Да и кизылбашенина Назана, будетъ онъ нынѣ въ Астарахани есть, о томъ допросити жъ накрепко: билъ ли онъ челомъ на Муртозу и на зятя его, на Хозь Магметя, въ Астарахани боярину и воеводамъ? И будетъ билъ челомъ, и въ каковѣ дѣле билъ челомъ: въ томъ ли, что онъ, Муртоза, вслѣлъ тому зятю своему ево, Назанова, племянника убить въ прошломъ во 119-мъ году, или в-ыномъ въ какомъ дѣле, и въ тѣ-ль поры на нихъ онъ билъ челомъ, какъ онъ, Муртоза, хотѣлъ изъ Астарахани ѣхать, или ранее того?—чтобъ онъ про то про все сказалъ вправду, не утая ничего. Да и тезиковъ, и армянцовъ, и бухарцовъ, которые по Муртозѣ ручались, потому жъ роспросити накрепко: такову они на себя запись давали ль? и будетъ давали, и въ какомъ дѣле, и хто тое запись имяны у нихъ ималъ: приставъ ли Муртозинъ, или иной хто? и одинъ ли онъ ималъ, или с-ными своими товарыщи, и какъ тѣхъ ево товарыщей имяны зовутъ, и хто имъ такую запись велѣлъ у нихъ имать? Да и тезика Магмута и Сембура о томъ допросити жъ: посылалъ ли ево Хозь Муртоза къ боярину, ко князю Ивану Никитичю Одоевскому да къ окольничему къ Семену Васильевичю Головину по подворьямъ о своемъ отпуске бити челомъ, чтобъ они ево отпустили ко государю къ Москве, и они съ нимъ къ нему, Муртозѣ, приказывали ль, чтобъ онъ къ нимъ прислалъ по дватцати по пяти золотыхъ да по двои дороги, да по два аксыря шолку арясково; а они ево отпустятъ изъ Астарахани ко государю къ Москве тотчасъ? И Муртоза съ нимъ, Магмутомъ, золотые и дороги, и шолкъ къ нимъ посылалъ ли, или нѣтъ? и будетъ посылалъ, и бояринъ князь Иванъ и Семенъ золотые и дороги, и шолкъ у него взяли-ль, или нѣтъ? А роспрося ихъ про то про все накрепко, какъ писано въ семъ наказе, велѣти подъячихъ и тезика Магмута и Сембура, и пристава его Данила, и толмача Василья, и Семеновыхъ людей, и иныхъ людей, до которыхъ дѣло будетъ дойдетъ, подавати на крепкіе поруки съ записьми въ томъ, что имъ изъ Астарахани до тѣхъ мѣстъ, покамѣста дѣло вершитца, никуды не съѣхати. А будетъ по которыхъ людехъ поруки не будетъ, и ему тѣхъ людей роздати по приставомъ и велѣти ихъ беречи

накрепко, чтобъ они отъ нихъ никуды не ушли и дурна какова не учинили. А самому ему „ “ после того обыскати про то про все въ Астарахани всякими сыски накрепко, ни по комъ не покрывая, архимариты и игумены, и старцы—по иноческому обещанью, а протопопы и попы, и дьяконы,—по священству, а дворяны и детьми боярскими, и приказными людьми, и старосты, и целовальники, и посадцкими, и всякими тутошними и пріѣзжими людьми—по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью: какъ Муртоза съ Терки въ Астарахань пріѣхалъ, и къ судну діакъ Василей Юдинъ пріезжалъ ли? и грамоту, что писана къ государю отъ шаха у Хозь Муртозы онъ, Василей, взялъ ли? и для чего тое грамоту, что послана съ нимъ была ко государю, къ себѣ имали, и назадъ тое грамоту къ Муртозѣ они съ кѣмъ отослали-ль? и съ подъячимъ ли зъ Богданомъ да съ Михайломъ отослали, и чьи словутъ Богданъ да Михайла? а окольничей Семенъ Васильевичь къ Муртозѣ на подворье человѣка своего посылалъ ли, и ково имянемъ посылалъ: того-ль человѣка, что прежъ сего служивалъ у вора, у Ивашка Заруцкого, или иного которого, и ныне тотъ Семеновъ человѣкъ у него ли, или нѣтъ? и будетъ нѣтъ, и гдѣ онъ ныне, и съ чѣмъ его Семенъ къ Муртозѣ на подворье посылалъ: съ тѣмъ ли, чтобъ онъ у него на подворье побывалъ? и будетъ для того, и Муртоза къ Семену на подворье ходилъ ли, или нѣтъ? и хто въ тѣ поры у Семена какихъ людей на дворѣ имяны были, какъ онъ, Муртоза, къ нему на подворье приходилъ? и о томъ ли ему Семенъ говорилъ, чтобъ онъ ему перепустилъ двѣ сабли булатные да два ковра и каменья по своей цепѣ, или об-ыномъ о чемъ? и хто въ тѣ поры ему толмачилъ, какъ онъ ему о саблѣхъ говорилъ? Семеновъ ли малецъ татарченокъ, которой служивалъ у вора, у Ивашка Заруцкого, или иной хто толмачилъ? и ныне тотъ татарченокъ у него-ль, Семена, и давно-ль у него служитъ? И у Семена коверъ шолковъ есть ли, и сколь великъ, и гдѣ онъ тотъ коверъ взялъ или купилъ, и у кого именемъ взялъ или купилъ, и сколь давно и что за него далъ? И сколько его, Муртозу, въ Астарахани держали? и на подворье онъ къ боярину ко князю Ивану Одоевскому да къ окольничему къ Семену Головину по камкѣ по цветной, да по трои дороги, да по два саѳьяна, да по три кипдяка послалъ ли и отъ своего ли отпуску, или собою къ нимъ для почести послалъ, и съ кѣмъ именемъ послалъ: съ толмачемъ ли, съ Васильемъ, послалъ, или съ кѣмъ с-ыным? и хто тѣ подарки у нихъ на подворье людей ихъ имяны принималъ, и сторонніе люди въ тѣ поры хто былъ ли, и хто имяны, или кому про то про все подлинно

вѣдомо? а какъ онъ, Муртоза, хотѣлъ въ судне отпуститца отъ берега, и отъ боярина, отъ князя Ивана Никитича Одоевского, съ товарыщи, къ нему на судно приставъ Данила по зятя его, Хозь Магметя, приходилъ ли? и чей Данила словетъ, и въ какомъ дѣле зятя его велѣли они взяти: по Назанову-ль челобитью, или въ какомъ в-ыномъ дѣле? и для чего его держали после того въ Астарахани три дни, а коровапъ отпустили? И Муртоза къ боярину и воеводамъ о своемъ отпуске, чтобъ ево отпустили ко государю, тезика Магмута и Сембура бити челомъ посылалъ ли? и боярипъ князь Ивапъ да окольничей Семенъ съ тѣмъ тезикомъ Магмутомъ къ нему приказывали-ль, чтобъ къ нимъ прислалъ, къ двумъ, по дватцати по пяти золотыхъ да по двои дороги, да по два ансыря шолку аряского, а они ево отпустятъ ко государю къ Москве? и будетъ приказывали, и съ кѣмъ приказывали? И Муртоза къ нимъ отъ того съ тѣмъ тезикомъ золотые и киндяки, и шолкъ послалъ ли, и запись поручную по немъ въ томъ взяли-ль, что ему, бывъ на Москвѣ, пріѣхать опять въ Астарахань? и будетъ поручная запись такова взята, и хто имяны по немъ какихъ людей ручались и запись имали? Да онъ же, Муртоза, боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Одоевскому да окольничему Семену Васильевичю Головину отъ мечети, чтобъ ему они велѣли мечеть отпечатать, по 2 дороги далъ ли? а прежъ сего та мечеть для-ль ихъ Перситцкіе земли торговыхъ и всякихъ людей поставлена, или про иного кого поставлена, и до тѣхъ мѣстъ се печатывали-ль, или нѣтъ? А которые торговые люди пріезжаютъ изъ Кизылбашъ съ товары, и боярипъ князь Иванъ и окольничей Семенъ тѣмъ торговымъ людемъ лавки на товары давать велятъ ли, и не исъ посулу-ль лавки велятъ имъ давать? И не валяютца-ль тѣхъ торговыхъ людей товары по двору, которые торговые люди поминковъ къ нимъ не принесутъ? И продажи какіе тѣмъ торговымъ людемъ отъ воеводъ нѣтъ ли, или есть? и будетъ есть, и кому которымъ иноземцомъ продажу чинили и чѣмъ чинили? и сколько съ тезиковъ, съ четырехъ человѣкъ, которыхъ отпустили изъ Астарахани въ Казань, золотыхъ взяли? да тѣхъ тезиковъ въ Казани допросити: сколько они отъ своего отпуску въ Астарахани воеводамъ золотыхъ дали? И тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у повыхъ у пріѣзжихъ людей товары какіе украдомъ покупаютъ ли, и узарочные товары боярипъ и воеводы на себя у тѣхъ новопріѣзжихъ людей емлютъ ли? и будетъ емлютъ, и деньги тѣмъ торговымъ людемъ за тѣ товары даютъ ли? и будетъ даютъ, и сполна ль за какіе товары деньги по ценѣ даютъ или не сполна? И сколько лѣтъ которой арменинъ въ

Астарахани на гилянскомъ и на бухарскомъ дворѣ живетъ? и при царѣ Борисе тѣ армяня зъ гилянского и зъ бухарского двора сведены-ль были, или нѣтъ? и будетъ сведены были, и гдѣ въ тѣ поры жили, и почему ныне опять на тѣхъ дворе(хъ) живутъ. Да и тезиковъ, кизылбашанъ и бухарцовъ, и юргенцовъ, которые въ Астарахани ныне, розпросити же накрепко, чтобъ они сказали правду по своей вѣре, по шерти: какъ они пріезжали изъ своихъ земель въ Астарахань съ товары, и окольничей Семенъ Головинъ имъ на товары лавки давати велѣлъ ли, и не изъ посуловъ ли давати велѣлъ? и будетъ оттогоималъ посулы, и сколько чего у кого имянемъ взялъ? И до тѣхъ мѣстъ, покамѣста посуловъ возьметъ, товары ихъ по двору не валялися ли? и будетъ валялися, и чьи имянемъ товары по двору валялися? и насильства и продажъ имъ отъ Семена Головина не было ли? и будетъ было, и кому имянемъ какое насильство Семенъ Головинъ учинилъ? Ихъ же братья тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у нихъ, у пріѣзжихъ торговыхъ людей, товары какіе украдомъ покупали ли? и хто имянемъ, сколько какихъ товаровъ у кого имянемъ украдомъ купилъ? И какъ пріезжали они въ Астарахань, и у нихъ у кого имянемъ сколько какихъ товаровъ узорочныхъ было, и хто имянемъ воеводамъ про тѣ узорочные товары на нихъ сказывалъ, и тѣ узорочные товары бояринъ и воеводы у нихъ, у новопріѣзжихъ людей, имали ли? и будетъ имали, и у кого имянемъ сколько какихъ узорочныхъ товаровъ взяли, и деньги имъ, торговымъ людемъ, за тѣ товары боярин и воеводы сполна ли платили? или не сполна? и будетъ не сполна, и кому имянемъ за какіе товары сколько рублевъ денегъ не доплатили. Да и тѣхъ тезиковъ, которые на гилянскомъ и на бухарскомъ дворѣ живутъ лѣтъ по пятинатцати и больши, про то роспросити накрепко: какъ пріѣдутъ въ Астарахань новые торговые люди, и они украдомъ товары у нихъ покупаютъ ли, и пошлины съ тѣхъ товаровъ въ государеву казну платятъ ли? и про узарочные товары боярину и воеводамъ они сказываютъ ли? и будетъ сказываютъ, и боярин и воеводы тѣ узарочные товары себѣ емлютъ ли, а деньги за тѣ товары тѣмъ торговымъ людемъ даютъ ли? и сполна-ль даютъ по цѣнѣ деньги, или не сполна? и продажи отъ воевод тѣмъ пріѣзжимъ новымъ торговымъ людемъ какіе нѣтъ ли? И сколько лѣтъ на которомъ дворѣ которой арменинъ имепемъ живетъ? и при царѣ Борисе съ тѣхъ дворовъ они сведены ль были? и будетъ сведены были, и гдѣ въ тѣ поры жили и почему они ныне опять на тѣхъ дворехъ живутъ? и отъ таможенныхъ головъ и отъ целовальниковъ торговымъ пріѣзжимъ людемъ какіе продажи нѣтъ ли, и государевы

пошлины съ товаровъ ихъ емлютъ ли? и по прежнему-ль государеву указу пошлины емлютъ, или лишекъ передъ прежнимъ? и сколько лишку съ какихъ товаровъ передъ прежнимъ взято? и въ государеву-ль казну тѣ пошлины иманы, или таможенные головы и цеповальники сами тѣми пошлины завладѣли? Да хто что въ роспросе и съ пытки, и въ обыску про то про все скажетъ, и „ “ велѣти тѣхъ имена и рѣчи написати на списокъ земскому или церковному дьячку подлинно, порознь, по статьямъ, да къ тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ велѣти обыскнымъ людемъ руки свои приложить. А которые обыскные люди грамоте не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто велѣти руки прикладывать отцомъ ихъ духовнымъ, да тѣ обыскные рѣчи за обыскныхъ людей, за своими руками, привести ко государю, къ Москве, и отдати въ посольскомъ приказе діакомъ, думпому Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. А о томъ обыскнымъ людемъ говорити накрепко, чтобъ они про то про все, что въ семъ наказе писано, сказывали въ правду, что вѣдаютъ, не утая ничего, и ни по комъ не покрывая. А будетъ они про то про все правды не скажутъ, а опосле про то сыщетца, и тѣмъ людемъ быти отъ государя въ великой опале.

Да память „ “.

Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичу в. Р. Хозь Муртоза. Какъ де пошолъ шахъ изъ Грузинскіе земли на Симанову землю, и ево, Хозя Муртозу, послалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичу в. Р. зъ грамотою, и онъ ѣхалъ до Гирѣя князя кумыцкого, и Гирѣй де князь держалъ ево у себя долгое время, недѣль съ пятнатцать. И онъ, Муртоза, послалъ отъ себя исъ Кумыкъ дву человѣкъ и съ ними писалъ на Терку къ воеводе, къ Петру Головину, чтобъ подъ него прислалъ судно, какъ ему мочно на чемъ подпятца. И воевода де Петръ прислалъ къ нему сотника да десяти человѣкъ стрельцовъ зъ двемя лотки. И онъ, Муртоза, съ ними исъ Кумыкъ на Терку пріѣхалъ и подарилъ онъ сотника для почести: далъ ему дороги да киндякъ, да саѳьянъ. Да стрельцомъ далъ три рубли. А какъ онъ на Терку пріѣхалъ, и съ Терки у Петра Головина просился, чтобъ сво на Терке задержати не велѣлъ, отпустилъ бы ево ко государю къ Москве, и грамоту опъ и помники Петру казалъ и для почести послалъ онъ отъ себя къ Петру на подворье зъ гилянцомъ, съ Шехайдаромъ, камку да дороги, да саѳьянъ, да киндякъ, да голову сахару. И Петръ у него то все принялъ, а на завтрее де тѣ ево подарки прислалъ къ нему назадъ съ толмачемъ съ Васильемъ, а чей Василей словетъ, того опъ не упомнитъ; а приказалъ де съ нимъ, чтобъ онъ, Муртоза, прислалъ

къ нему подарковъ больши того, и онъ ко государю ево отпуститъ вскоре. И онъ, Муртоза, въ другорядъ къ нему подарковъ ничево не послалъ. И Петръ де за то ево держалъ на Терке двѣ недѣли. А о своемъ онъ отпуске ходилъ къ Петру бити челомъ двожды, чтобъ ево Петръ велѣлъ отпустити въ Асторахань. И Петръ ево отпустилъ съ Терки въ Астарахань зъ Гирѣевымъ посломъ вмѣсте въ одномъ судне, и ево де, Муртозу, тѣмъ обесчестилъ, что ево посадилъ зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне. И о томъ онъ Петру говорилъ многижда, чтобъ ево, Муртозу, зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне не сажалъ, а далъ бы ему особное судно. И Петръ де ево не послушалъ, а посадилъ ево зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне, а ему де было зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне ѣхати не вмѣстно.

И князю Ивану Михайловичю да „ “ въ Астарахани у воеводъ у „ “ съ товарыщи взяти дворянина добра или голову стрелетцкого и послати на Терекъ, а велѣти ему на Терке сыскати сотника стрелетцкого и стрельцовъ, которыхъ посылалъ Петръ Головинъ въ Кумыки по кизылбашского купчину, по Хозь Муртозу; а сыскавъ того сотника и стрельцовъ, розпросити порознь, чтобъ они сказали правду: съ Терка воевода Петръ Головинъ ево, сотника и стрельцовъ, въ Кумыки по купчину по Хозь Муртозу посылалъ ли? и Муртоза исъ Кумыкъ на Терку съ ними ли пріѣхалъ, и ихъ, сотника и стрельцовъ, Муртоза дарилъ ли, и чѣмъ ково дарилъ, и для чево ихъ дарилъ? А гилянца Шехайдара, сыскавъ, розпросити: какъ былъ на Терке при воеводе, при Петрѣ Головинѣ, кизылбашской купчина Хозь Муртоза, и тотъ Хозь Муртоза съ нимъ, Шехайдаромъ, къ Петру Головину подарки посылалъ ли? и что съ нимъ Хозь Муртоза къ Петру послалъ, и что онъ, Шехайдаръ, къ Петру отнесъ, и хто у него тѣ подарки принималъ? Да толмача Васку розпросити: какъ былъ на Терке при воеводе, при Петрѣ Головинѣ, кизылбаской купчина Хозь Муртоза, и Петръ къ Муртозѣ съ нимъ, Ваською, подарки посылывалъ ли, и что послалъ: отъ себя ли какіе подарки, или что ево, Муртозино? и что Петръ съ нимъ, Ваською, къ Муртозѣ приказывалъ ли, и онъ, Васька, по Петрову приказу что Муртозѣ говорилъ, и что Муртоза противъ ево речей ему, Ваське, говорилъ? Да хто что про то про все въ розпросе скажетъ, и князю Ивану Михайловичю да „ “ имяна и рѣчи ихъ велѣти написати подлинно, порознь. Да сверхъ того велѣти ему на Терке обыскати всякими терскими рускими людьми по государеву крестному целованью, а Сунгалѣемъ мурзою и иными мурзами по ихъ вѣре, по шерти: какъ ѣхалъ къ государю исъ Кизылбашъ

кизылбашской купчина Хозь Муртоза, и исъ Кумыкъ на Терекъ къ воеводе, къ Петру Головину, людей своихъ онъ, Муртоза, присылалъ ли? и для чего присылалъ? И Петръ Головинъ по того Хозь Муртозу въ Кумыки посылалъ ли, и кого имянемъ сотника и сколько человѣкъ стрельцовъ посылалъ и съ кѣмъ тотъ Муртоза на Терекъ пріѣхалъ? и тѣхъ, кого Петръ посылалъ, онъ, Муртоза, дарилъ ли? и будетъ дарилъ, и что кому имянемъ далъ и для чего онъ ихъ дарилъ? и съ Терки тотъ Хозь Муртоза у Петра Головина просился ли, чтобъ ево къ государю къ Москве отпустилъ, не задержавъ? и грамоту и поминки онъ, Муртоза, Петру Головину казалъ ли, и поминки отъ себя къ Петру посылалъ ли, и съ кѣмъ имянемъ сколько какихъ подарковъ послалъ? и тѣ подарки Петръ Головинъ взялъ ли, или назадъ тѣ подарки къ Муртозѣ отослалъ, и съ кѣмъ имянемъ какіе подарки къ Муртозѣ послалъ? и Муртоза тѣ подарки назадъ взялъ ли? И Петръ Головинъ ево, Муртозу, на Терке держалъ ли, и сколько недѣль держалъ, и для чего ево, Муртозу, Петръ на Терке держалъ? И Муртоза къ Петру Головину бити челомъ самъ ходилъ ли, чтобъ ево Петръ съ Терки велѣлъ отпустити въ Астарахань? и сколькижда Муртоза бити челомъ Петру ходилъ? И Петръ Головинъ ево съ Терки въ Астарахань отпустилъ одново ли въ особномъ судне, или зъ Гирѣевымъ посломъ вмѣсте въ одномъ судне? и онъ, Муртоза, Петру Головину говорилъ ли, чтобъ ево зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне не сажалъ, а далъ бы ему особное судно? и многижда ли онъ о томъ Петру говорилъ? и что ему, Муртозѣ, Петръ противъ ево челобитья отказывалъ? Да хто что про то про все въ сыску скажетъ, и князю Ивану Михайловичю да „ “ то все велѣти ему писати на списокъ, да къ тому обыску велѣти обыскнымъ людемъ руки приложити, да тѣ обыски велѣти привести къ себѣ въ Астарахань; а имъ тѣ обыски привести къ государю къ Москве.

Царю государю и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ шахъ Абасовъ купчина Незамадинъ, что, государь, было въ Астарахани государя моево шахъ Абасовъ животъ, и тотъ животъ розграбленъ, а что, государь, ухоронилъ прикащикъ мой, и того достальново шахъ Абасова живота взяли въ Астарахани на тебя, государя, бояринъ твой и воеводы князь Иванъ Никитичь Одоевской да Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Василей Юдинъ: бархатъ золотной доброй да восмь бархатовъ безъ золота цветныхъ, да пятпатцеть камокъ добрыхъ безъ золота, тринатцаты дороги, да на собя взяли опрочѣ твоего госуда-

рева обиходу князь Иванъ Микитичь Одоевской взялъ три камки добрыхъ да двои дороги. Семенъ Головинъ взялъ три камки добрыхъ да двои дороги. Дьякъ Василей Юдинъ взялъ камку добрую да двои дороги, да кушакъ шолковой; да князь Ивановъ дворецкой взялъ два киндяка да дороги, да два сафьяна. И за тотъ, государь, шахъ Аббасовъ животъ денегъ намъ ничево не дано. И тебѣ бы, государю царю и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. было вѣдомо. Да што, государь, послалъ я исъ Казани зъ боярсково докладу государю своему шахъ Аббасу товару, немного суконъ поставовъ и соболей, и сукна, государь, мѣрили аршиномъ и што за поставомъ вымерили, то къ себѣ взяли. А на человѣкѣ на моемъ доправили сто дватцеть рублевъ, И тебѣ бы, государь, про тое астораханскую обиду было вѣдомо. Царь. государь, смилуйся!

Царю г. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ шахъ Аббасовъ купчина Незамедпнъ. Въ прошломъ, государь, во 123-мъ году отпущенъ исъ Казани человѣкъ мой Худадатко, по твоему государеву указу, съ товаромъ, въ Астрахань къ брату моему. И на Царицыне твой государевъ воевода Мисюръ Соловцевъ того человѣка моего, Худодатка, оманулъ, а въ Асторохань ево не отпустилъ, а сказалъ ему: язъ деи женю тебя на руской девке, и ты деи живи на Царицы(нѣ). И животъ государя нашего, товаръ, весь къ себѣ поималъ. Милосердый государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Русіи, покажи милость, не вели человѣка нашего крестити, и штобъ животъ государя нашего шахъ Басовъ не пропалъ! А товару пошло съ тѣмъ Худадаткомъ суконъ и соболей, и всякого товару на шесть сотъ рублевъ. Да послалъ, государь, я исъ Казани зъ достальнымъ товаромъ человѣка своего Дербыша къ государю своему, къ шахъ Обасу, и въ Астрахани того Дербыша, повѣся, мучили, вверхъ ногами, и вымучили у нево государя пашего живота сто дватцать рублевъ. И тебѣ бы, государю царю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., было вѣдомо, штобъ и тотъ животъ государя нашего, шахъ Баса, не пропалъ. Царь государь, смилуйся!

Царю г. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ Кизылбашскіе земли шахъ Баса царя купчина Хозя Назямедпнъ. Пріѣхалъ, государь, въ твою государеву отчину въ Астрахань Гилянскіе земли тезикъ Мамутко, тому четвертой годъ, и въ Астрахани женился на татарке, а иные, государь, тезики живутъ въ Астрахани лѣтъ десять и больши, товары перекупаютъ и дворы позаняли, а пріѣждимъ торговымъ людямъ, которые внове пріѣдутъ съ товары, дворовъ и лавокъ не даютъ. А тотъ, государь, Мамутко, живучи въ Астрахани, многимъ нашимъ

Кизылбаскіе земли торговымъ людямъ и буснымъ хозяевамъ убытки чинитъ великіе, ябедничяетъ и въ Астрахани твоимъ государевымъ воеводамъ и діякомъ, живучи, оглашаетъ ложно своимъ умышленьемъ воровскимъ, и товары у торговыхъ людей емлетъ, а сказываетъ нести воеводамъ и дьякомъ, и того до воеводъ и до діяка не доноситъ ничево, тѣмъ онъ, воръ и ябедникъ, корыстуетца, а торговымъ людемъ въ томъ продажу и убытокъ чинитъ великой и продаетъ напрасно. А былъ, государь, тотъ Мамутко въ Гилянской землѣ кашеваръ, а пришло съ нимъ товару рублевъ зъ дватцать или съ тритцать, и тотъ Мамутко нынеча отъ своего ябедничества обогатѣлъ, стало у него живота тысечи зъ двѣ или съ три и больши. И толмашное, государь, тотъ воръ и ябедникъ Мамутко въ Астрахани откупилъ, а прежъ, государь, сего толмашное имали по твоему царскому указу съ рубля по полушке, а тотъ ябедникъ и откупщикъ Мамутко нынеча на насъ, на торговыхъ людехъ, и на буснихъ хозяевяхъ емлетъ толмачного и съ товару не по твоему царскому указу, емлетъ съ рубля деньги по две и по три, и больши, или по чему онъ ябедникъ и откупщикъ, захочетъ. А въ Астрахани отъ твоихъ государевыхъ бояръ и воеводъ и отъ діяковъ указу не слушаетъ, падѣясь на свое великое богатество и на ябедничество. А которые, государь, торговые люди и буснные хозяева пошли были изъ своихъ земель въ твою царьскую отчину въ Астрахань и, слыша тово ябедника Мамутка, съ моря съ товары въ свою землю воротилися, боячись его великіе продажи. Милостивый государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., смилуйся, пожалуй меня, шахъ Басова купчину и торговыхъ людей, и буснихъ хозяевъ: вели, государь, тому Мамутку въ его воровствѣ и въ ябедничестве, и въ продаже свой царьской указъ учинити, и вели, государь, того Мамутка и старыхъ тезиковъ, которые живутъ въ Астрахани лѣтъ десять и больши, изъ Астрахани вонъ выслати, и не вели, государь, никакимъ тезикомъ толмачново въ откупъ отдавати, и вели, государь, толмачное и пошлину на собя, государя, брати въ таможенной избѣ по прежнему, по чему ты, государь, укажешь, чтобъ впредь отъ того ябедника намъ, торговымъ людемъ и буснымъ хозяевямъ, продажи и убытковъ не было и твоя государева таможенная пошлина за нимъ напрасно не стала. Царь государь, смилуйся!

Роспись что взято на государя ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. въ казну у купчины у Хози Нузомодинина прикащика, у Кузь Маметя, товару: бархотовъ цветныхъ тринатцать, а цапа бархотомъ по пятинатцати рублевъ, да десеть бархотовъ казылбаскихъ золотныхъ, а цапа всякому бархоту по пятинатцати рублевъ; шесть камокъ

казылбаскихъ безъ золота, а цана всякой камкѣ по осми рублевъ; комка добрая одна, цана ей десеть рублевъ; восмъ луковъ ширязкихъ, цана всякому луку по осми рублевъ; семь кушаковъ шолковыхъ, а цапа всякому кушаку по четыре рубли; да две выбойки, цана по два рубли.

124 г. генваря въ 31 день приказалъ думной дякъ Петръ Третьяковъ сыскати кизылбашского купчины Хози Незамедина человѣка, а сыскавъ его, роспросити: для чего онъ къ Москве исъ Казани пріѣхалъ и для какого дѣла, и по государеву-ль указу, или пріѣхалъ онъ къ Москве собою, и хто съ нимъ въ приставстве есть, и есть ли у него проѣзжая грамота, и сколь давно къ Москве пріѣхалъ, и гдѣ сталъ? И того жъ дни купчининъ человѣкъ сыскапъ и роспрашиванъ, а въ роспросе сказалъ: зовутъ его Хозя Магметь, кизылбашского купчины Хози Незамидина приказщикъ, а пріѣхалъ онъ исъ Кизылбашъ въ Астарахань съ купчининымъ съ Хозинымъ товаромъ, тому деветь лѣтъ, какъ онъ торгуетъ въ Астарахани; а поѣхалъ онъ изъ Астарахани къ Москве государю бити челомъ въ прошломъ во 123-мъ году съ государевыми посланники, съ Михайломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ, вмѣсте, для того: взяли де у него на государя въ Астарахани бояринъ князь Иванъ Одоевской съ товарыщи купчининыхъ товаровъ, а денегъ за тѣ товары сму не заплатили. А пріѣхавъ въ Казань, жилъ по ся мѣста у купчины своего, у Хози Незамедина, а ныне онъ билъ челомъ въ Казани діаку Ѳедору Лихачеву, чтобъ ево отпустилъ съ товаромъ къ Москве, и о томъ товаре, что у него взято въ Астарахани, государю бити челомъ. И дякъ де Ѳедоръ исъ Казани ево къ Москве отпустилъ и проѣзжюю ему грамоту далъ, и онъ ѣхалъ на Нижней, и наѣхалъ въ Нижнемъ кизылбашенина торгового человѣка Асана Максютова и съ нимъ ѣхалъ изъ Нижнего на Ярославль, а изъ Ярославля пріѣхали къ Москве генваря въ 29 де(нь) въ вечеру, и стали на гостине дворѣ въ анбаре, и товаръ онъ свой записалъ въ таможне. И тотъ де ево товаръ весь взяли на государя на казенной дворъ, а денегъ ещо за тѣ товары ему не плачивали. А ѣхали де дорогою они по проѣзжимъ грамотамъ, имая проѣзжіе грамоты у воеводъ, отъ города до города. Да казалъ проѣзжюю грамоту, какову ему дали въ Ярославле воеводы.

А взяли де у него въ Астарахани бояринъ князь Иванъ Одоевской, съ товарыщи, на государя товаровъ: бархатъ золотной, цены не вѣдаетъ, 8 бархотовъ гладкихъ по 15 рублевъ бархатъ, 15 камокъ кизылбашскихъ добрыхъ по 10 рублевъ камка, 13 дороги розными цвѣты по 4 рубли дороги. Да князь Иванъ Одоевской взялъ на себя 3 камки добрыхъ по 10 рублевъ камка, 2 дороги по 4 рубли дороги. Семенъ Головинъ взялъ

себѣ жъ: 3 камки добрыхъ по 10 же рублевъ, 2 дороги по 4 рубли. Діякъ Василей Юдинъ: камку, дороги, кушакъ шелковъ. Да князь Ивановъ человѣкъ взялъ: дороги, юоть саѳьяновъ. И нынѣ онъ государю бьетъ челомъ, чтобъ государь его пожаловалъ, велѣлъ ему за тѣ купчинины товары деньги заплатить, чтобъ у него тѣ товары даромъ не пропали. Да и о томъ онъ пріѣхалъ государю бити челомъ: послалъ де купчина Хозя Незамединъ изъ Казани отъ себя къ шаху человѣка своего, Дербыша, съ товаромъ, а онъ съ нимъ встрѣтился на дороге, и въ Астарахани де боярин князь Иванъ Одоевской съ товарыщи, доправили на немъ, Дербышѣ, тамги 120 рублевъ, а доправя, отпустили къ шаху. Да они жъ де у того Дербыша мѣрили поставъ сукна въ 30 аршинъ, а что за тѣмъ оставалось у поставовъ, и они то имали себѣ безъ денегъ. Да Хозя жъ де Незамединъ послалъ отъ себя въ Астарахань въ прошломъ во 123-мъ году человѣка своего Богдашка, а по кизылбашски зовутъ Худодатко, съ шаховыми товары, а товаровъ на 600 рублевъ. И какъ де тотъ Богдашко пріѣхалъ на Царицынъ, и воевода де Мисюръ Соловцовъ того Богдашка въ Астарахань не пропустилъ, а подбаелъ его съ тѣмъ товаромъ къ себѣ, а хотѣлъ де его у себя женить, дать за него рускую дѣвку. И тотъ де Богдашко и нынѣ на Царицыне у Мисюря Соловцова. И государь бы его пожаловалъ, велѣлъ тѣ таможенные деньги и сукна, и того человѣка Богдашка и съ товаромъ отдати купчине Хози Незамедину.

А Асанъ Максютовъ въ роспросе сказалъ, что онъ кизылбашенинъ, торговой человѣкъ, а пріѣхалъ онъ изъ Кизылбашъ въ прошломъ во 123-мъ году, съ товары, и торговалъ въ Казани и въ Нижнемъ, а какъ де пріѣхалъ изъ Казани Хози Незамединова человѣкъ Хозя Магметь, а привезъ къ нему отъ Хози Незамедина грамотку, чтобъ онъ съ тѣмъ его человѣкомъ съѣздилъ къ Москве, потому что тотъ его человѣкъ по турски и по руски не умѣетъ, а только и умѣетъ по ѳарсовски, а онъ, Асанъ, умѣетъ по турски и по руски, и онъ, Асанъ, поѣхалъ изъ Нижнего съ нимъ для того. А ѣхали на Ярославль по проѣзжимъ грамотамъ, а пріѣхали къ Москве генваря въ 29 дс(нь) въ вечеру и стали на гостине дворѣ въ анбаре,. и товары Хозя свои въ таможне записалъ, и тѣ товары его поимали на государя, а онъ пріѣхалъ безъ товаровъ, купити товаровъ, товары всѣ изпродалъ въ Ярославле. А въ прошломъ во 121-мъ году, какъ учинился на Московскомъ и на всѣхъ Російскихъ государствахъ великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., и по государеву указу посланы отъ государя въ Казань и въ Асторохань къ воеводамъ государевы грамоты, а велено

ко всякимъ иноземцомъ береженье держать великое и приставовъ къ нимъ велено приставить, и пущать ихъ никуды съ товары и безъ товаровъ безъ государевыхъ грамотъ не велено. А будетъ какіе иноземцы учнутъ о чемъ бити челомъ государю, и о томъ имъ велено писать и челобитные всякихъ иноземцовъ велено присылать къ государю къ Москве.

Приписка дьяка: Взять казанскіе грамоты, а въ Казань отписать . . . . . (?), чтобъ того сыскалъ.

Да Хози жъ Незамедина человѣкъ, Хозя Магметь, подалъ думному діаку Петру Третьякову купчининыхъ три челобитныхъ. А въ первой челобитной написано: бьетъ челомъ государю шахъ Аббасовъ купчина Незамединъ. Взяли де у него въ Астарахани на государя боярина князь Иванъ Одоевской, съ товарыщи, бархатъ золотной доброй, да восмь бархатовъ безъ золота цветныхъ, да пятнатцать камокъ добрыхъ цветныхъ, тринатцатеры дороги, да на себя взяли: князь Иванъ взялъ три камки добрыхъ, двои дороги; окольничей Семенъ Головинъ три камки да двои дороги; діакъ Василей взялъ камку, двои дороги да кушакъ шелковъ; да князь Ивановъ дворецкой взялъ два кипдяка да дороги, да два саѳьяна. А денегъ ему за то за все ничего не дано. Да послалъ онъ исъ Казани къ государю своему, къ шахъ Аббасу, товару, немного суконъ и соболей, съ воеводцкого докладу, и тѣ де сукна въ Астарахани мѣрили въ аршины, а что за поставомъ вымерили, то себѣ воеводы побрали; а на человѣке его доправили сто дватцать рублевъ.

Помѣта дьяка: Справитца съ казанскимъ дворцомъ, да будетъ не платили, и ему деньги тамъ (?) дать тотчасъ.

А въ другой ево челобитной написано: въ прошломъ де во 123-мъ году, по государеву де указу, отпущенъ исъ Казани человѣкъ его, Хододатко, въ Астарахань къ брату его, съ товаромъ. И на Царицыне де воевода Мисюръ Соловцовъ того его человѣка оманулъ, въ Астарахань его не отпустилъ, а хотѣлъ его у себя женить, и тотъ государя ево товаръ весь къ себѣ поималъ; а товару де съ тѣмъ его человѣкомъ было на шесть сотъ рублевъ. Да послалъ онъ исъ Казани зъ достальнымъ товаромъ въ Астарахань, да и къ шаху, человѣка своего Дербыша, и въ Астарахани де боярин и воеводы того его человѣка мучили, повѣся вверхъ ногами, и вымучили сто дватцать рублевъ.

Помѣта дьяка: Сыскивать князю Ивану накрепко.

А въ третьей челобитной его написано: пріѣхалъ де въ Астарахань Гилянскіе земли тезикъ Мамутко, тому четвертой годъ, а иные де тезики живутъ въ Астарахани лѣтъ по десяти и больши и товары де перекупаютъ и дворы позанели; а пріѣзжимъ торговымъ людемъ, которые внове пріѣдутъ

съ товары, дворовъ и лавокъ не даютъ. А тотъ Мамутко, живучи въ Астарахани, многимъ кизылбашскіе земли торговымъ людемъ и буснымъ хозяевямъ убытки чинитъ великіе, ябедничеетъ и государевымъ боярину и воеводамъ оглашаетъ ложно своимъ воровскимъ умышленьемъ, и товары выманиваетъ, будто на воеводъ, а къ воеводамъ того не относитъ, а корыстуетца самъ, и отъ того своего воровства забогатѣлъ, можетъ живота тысячи за две и за три. А былъ тотъ Мамутко въ Гилянской землѣ кошеваръ и живота его съ нимъ въ Асторахань пришло немного, рублевъ на дватцать или на тритцать. И толмацкое тотъ Мамутко въ Астарахани откупилъ; а по государеву указу имали съ нихъ прежъ сего. толмацкого съ рубля по полушке; а тотъ де Магмутко ныне емлетъ съ рубля деньги по две и по три, и больши, или какъ онъ захочетъ, а воеводъ не слушаетъ. А которые де торговые люди и буспые хозяеве пошли были изъ своихъ земель въ Астарахань съ товары, и тѣ, слыша про того Магмутка насильство, воротились назадъ въ свою землю. (*Помѣта дьяка*: Бояре приговорили, велѣли сыскать, да будетъ такъ, и того Магмутка отставить). И государь бы его, купчину Незамедина, пожаловалъ, велѣлъ за его товары, что взято на государя въ Астарахани, и что воводы себѣ понимали, деньги заплатить, и деньги и детину Богдашка и съ его животомъ съ Царицына ему отдати, а Магмутка бъ и иныхъ тезиковъ, которое живутъ въ Астарахани лѣтъ по десяти и больши, велѣлъ государь изъ Астарахани вывести вонъ, и въ Магмуткове воровствѣ и въ продаже свой царской указъ учинить, и велѣлъ бы государь толмачное и пошлину збирати на себя, государя, въ таможне, а тезикомъ толмачное въ откупъ давати не велѣлъ, чтобъ кизылбашскимъ торговымъ людемъ отъ того продажи не было.

По государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу отъ Ярославля и до Москвы по городомъ воеводамъ и діякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ. Въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ 16 де(нь) отпущонъ изъ Ярославля Кизылбашскіе земли купчининъ приказщикъ Хозь Маметь съ товаромъ для торгу на двоихъ санехъ, да у нево же на возу Кизылбашскіе жъ земли торговой человѣкъ Осанко Маскутовъ. И по городомъ воеводамъ и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ тѣхъ торговыхъ людей кизылбашскіе земли купчинина приказщика Хозь Маметя на двоихъ санехъ съ товаромъ, да у нево жъ на санехъ Осапку Маскутова, до Москвы пропущали везде. Къ сей проезжай воевода Григорей Григорьевичь Пушкинъ печать свою приложилъ. Лѣта 7124-го генваря въ 16 де(нь). *(Восковая печать).*

По государеву п. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу отъ

Ярославля по дороге до Ростова и да Переславля Залесково и да Москвы воеводамъ и діякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ. Въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ 16 де(нь) отпущонъ изъ Ярославля Кизылбашскіе земли торговой человѣкъ Осанко Маскутовъ къ Москве для торгу купчины приказщика Хозь Маметя на санехъ, и по городомъ воеводамъ и діякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ Осанку Маскутова у купчинина приказщика на санехъ до Москвы пропущали везде. Къ сей проезжай воевода Григорей Григорьевичь Пушкинъ печать свою приложилъ. Лѣта 7124-го генваря въ 16 де(нь) (*Восковая печать*).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. князю Ивану Михайловичю Борятинскому да дьяку нашему Ивану Сукину. Въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ 31 де(нь) пріѣхалъ изъ Казани къ намъ къ Москве кизылбашского купчины Хози Незамедина приказщикъ Хозь Магметъ, а въ роспросе сказалъ (*и проч.*) И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а вы какъ будете въ Казани, и вы бъ допросили въ Казани кизылбашского купчины Хози Незамедина самово, о кою пору у него въ Асторохани боярипъ и воевода князь Иванъ Одоевской да околничей Семенъ Головинъ и дьякъ Василей Юдинъ товары ево па себя поимали и что тѣмъ ево товаромъ, камкамъ и дорогамъ, и кушаку, и кипдякомъ, и саѳьяномъ, подлинная цена и сколь давно онъ, Хозя, человѣка своего Дербыша съ сукны и съ собольми къ шаху отпустилъ и сколько онъ послалъ отъ себя къ шаху съ человѣкомъ своимъ, зъ Дербышемъ, поставовъ сукна и сколько сороковъ соболей, и по кольку въ поставе аршинъ было сукна и по чему аршинъ ценою, и за что на томъ человѣке ево, на Дербыше, въ Асторохани же бояринъ и воеводы князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарыщи сто дватцать рублевъ доправили. Да что онъ вамъ про то скажетъ и (вы бъ) ево скаски велѣли записать и роспись тому всему у него взяли за порукою. А какъ вы пріѣдете въ Астарахань, и вы бъ про то про все боярина нашего и воеводъ, князя Ивана Одоевского и окольничего Семена Головина и діака Василья Юдина, запросили самихъ, по нашему крестному целованью: въ прошломъ во 123-мъ году у Хозина приказщика Незамедина, у Хози Магметя, товаровъ онъ, князь Иванъ, да окольничей Семенъ по три камки да по двои дороги, а дьякъ Василей камку да двои дороги, да кушакъ шелковъ взяли-ль, и деньги за нихъ платили-ль или не платили? И какъ Хозя Незамединъ отпустилъ человѣка своего Дербыша къ шаху, и они у человѣка ево сукна, взявъ къ себѣ, мѣрили-ль и для чего мѣрили, и по чему, по ихъ мѣре, въ поставе аршинъ сукна объявилося, по

тритцати ль аршинъ или больши, и будетъ по ихъ мѣре въ поставехъ было больши тритцати аршинъ и по чему лишка было за тритцать аршинъ, и тѣ они лишки исъ поставовъ отдирали ль или, не отдирая, сполна зъ Дербышемъ отпустили; а будетъ отдирали, и для чего отдирали, и гдѣ тѣ остатки дѣли: на насъ ли ихъ взяли или себѣ, и деньги за нихъ Дербышу платили ль или не платили? И деньги сто дватцать рублевъ на Дербышѣ доправили ль, и за что доправили, и гдѣ ныне тѣ деньги: въ нашей ли казнѣ или у нихъ? И сколько лѣтъ въ Астарахани гилянецъ Магмутка и сколь давно толматцкую пошлину въ откупъ себѣ взялъ: до нихъ ли ему дана, или они дали? и почему ему та толматцкая пошлина въ откупъ дана? На откупу ль та толматцкая пошлина прежъ сего была, или не всегда (?) такъ збирали, и по чему прежъ сего тоѣ толмацкіе пошлины съ рубля имали? И ныне онъ, Магмутко, по тому жъ ли емлетъ или передъ прежнимъ лишекъ и почему лишка емлетъ. И иные тезики на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по десети и больши живутъ ли, и хто именемъ, и насильства отъ нихъ какого новопріѣзжимъ торговымъ людемъ и буснымъ хозяевемъ нѣтъ ли, и для чего она (sic) на гилянской дворъ ихъ не пущаютъ и лавокъ имъ не даютъ. Да будетъ бояринъ князь Иванъ Одоевской съ товарыщи въ тѣхъ товарехъ и въ сукнахъ и въ деньгахъ не запрутца, что они у купчины или у его приказщика товары, камки и дороги, и кушакъ, и дворецкой князь Ивановъ дороги жъ и киндяки, и саоьяны имали, а денегъ по ся мѣста не платили; да и про сукна будетъ скажетъ, что они у Дербыша поставы сукна мѣрили, а что остовалось за тритцатью аршины лишку, и то они отдирали, и тѣ будетъ сукна ныне у нихъ же, а денегъ не платили жъ, и вы бъ у нихъ тѣ товары и сукна остатки поимали, или за тѣ товары и за сукна по цѣнѣ деньги взяли, а взявъ, отдали бы есте Хозе Незамедину или его людемъ, которые въ тѣ поры люди его въ Астарахани будутъ. Да про деньги про 120 рублевъ бояринъ и воеводы будетъ въ роспросе вамъ скажутъ, что они на Дербышѣ деньги сто дватцать рублевъ доправили въ какой нашей пене или въ протаможье, и ныне будетъ у нихъ тѣ деньги въ нашей казнѣ, и вы бъ у нихъ тѣхъ денегъ изъ нашей казны не имали до нашего указу, да о томъ къ намъ отписали, а будетъ они на Дербышѣ тѣ деньги сто дватцать рублевъ доправили не за вину, для своей корысти, и вы бъ тѣ деньги сто дватцать рублевъ на нихъ взяли и отдали ему жъ самому или людемъ его, а у него въ томъ во всемъ взяли отпись впередъ для спору.

А про гилянца будетъ боярин же и воевода князь Иванъ Одоевской въ роспросе скажетъ, что онъ въ Асторохани живетъ и толмацкую пошлину откупилъ до нихъ, и ныне передъ прежнимъ указомъ емлетъ лишнее, и проѣзжимъ торговымъ людемъ отъ него обиды и смута есть, а они по ся мѣста ево безъ нашего указа отставить не смѣли, и вы бъ гилянца Магмутка и иныхъ тезиковъ, которые живутъ лѣтъ по десяти и больши зъ гилянского двора велѣли свести и велѣли имъ жити въ Астарахани, гдѣ будетъ пригоже, чтобъ отъ нихъ какіе продажи и убытковъ новопріѣзжимъ торговымъ людемъ не было. Да о томъ бы есте о всемъ къ намъ же отписали. А толмацкое бы есте велѣли збирати въ нашу казну въ таможне и нашу пошлину съ нихъ имати по прежнему нашему указу, по чему прежъ того до смутного времени имано. А въ откупъ толмацкого отдавати никому не велѣли. Да что вамъ про то про все боярин и воевода, князь Иванъ Микитичь Одоевской, и окольничей Семенъ Головинъ, и дьякъ Василей Юдинъ скажутъ, и что вы по сыску у нихъ какихъ товаровъ или за товары денегъ на нихъ возьмете, и кизылбашскому купчине отдадите, и вы бъ о томъ отписали и роспросные ихъ рѣчи прислали къ намъ къ Москве, а велѣли отдать въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. А будетъ боярин нашъ князь Иванъ Никитичь и окольничей Семенъ Васильевичь Головинъ, и дьякъ Василей про то про все ничего сказывать не учнутъ, а учнутъ во всемъ запиратца или учнутъ намъ бити челомъ, что о томъ о всемъ купчина Хозя Незамединъ бьетъ челомъ намъ на нихъ ложно, а они того нечего не дѣлывали, и вы бъ, взявъ къ себѣ княжъ Иванова дворетцкого и Семена Головина и дьяка Василья Юдина лутчихъ людей, про все розпросили накрепко: князь Иванъ и Семенъ, и дьякъ Василей у купчины, у Хози, или у его приказщика товары, камки и дороги, и кушаки, и онъ, княжъ Ивановъ дворетцкой, у купчинина приказщика дороги и киндяки, и саѳьяны имали ль, и деньги платили ль, или даромъ имали, и отчего имали? и у купчинина жъ человѣка, у Дербыша, боярин, князь Иванъ съ товарыщи, какъ онъ исъ Казани ѣхалъ къ шаху, поставы сукна, взявъ къ себѣ, мѣряли ль? и лишки, что въ которомъ поставе оставалося за 30-ю аршены лишка, отдирали ль? и для чего отдирали: въ нашу ль казну, или себѣ имали? И деньги 120 рублевъ на Дербышѣ доправили ль, и за что доправили? и гдѣ ныне тѣ денги? Да будетъ люди ихъ въ роспросе скажутъ, что князь Иванъ и Семенъ, и дьякъ Василей за все у купчины и у его приказщика, и у Дербыша, которой поѣхалъ къ шаху, имали себѣ

безденежно, а онъ, дворетцкой, у нихъ дороги и киндяки, и сабьяны взялъ же, и деньги на Дербыше бояринъ князь Иванъ съ товарыщи 120 рублевъ доправилъ же, а ныне будетъ тѣ денги у нихъ, а не въ нашей казнѣ, и вы бъ потому жъ тѣ товары и сукна, и деньги, что на человѣке его, на Дербышѣ, доправили, на нихъ и на княжъ Иванове дворецкомъ взяли, а взявъ, отдали Хозе жъ Незамедину или его людемъ, которые его люди будутъ въ Астарахани, а роспросили бъ есте про то про все накрепко. А будетъ тудъ въ Астарахани будутъ купчипины Незамединовы люди, и вы бъ князь Иваповыхъ и Семеновыхъ и Васильевыхъ людей. . . . . роспрашивали накрепко жъ всякими мѣрами. А будетъ про то про все княжъ Иваповы и Семеновы, и діака Василья Юдина люди вроспросе на князя Ивана и на Семена, и на дьяка на Василья ничего не скажютъ, а учнутъ по нихъ покрывати, и вы бъ ихъ людей въ томъ, приветчи къ пытке, велѣли роспрашивать накрепко и стращали пыткою. Да будетъ и у пытки ничего не скажютъ, и вы бъ ихъ до большого сыску пытать не велѣли, а дали ихъ до сыску за приставовъ. А про то про все обыскали бъ есте въ Астарахани архимадриты и игумены, и старцы по иноческому обещанью; а протопопы и попы, и дьяконы по священству; а дворянъ и съ детьми боярскими и съ приказными людьми, и старосты, и целовальники и посадцкими людьми по нашему крестному целованью: въ прошломъ во 123-мъ году бояринъ князь Иванъ и околничей Семенъ Головинъ, и дьякъ Василей Юдинъ у Хозиныхъ людей какіе товары на себя имали ль, и сколько какихъ товаровъ взяли? и будетъ что товаровъ взяли, и деньги они за тѣ товары Хозиным людемъ платили ль, или нѣтъ? и сукна у человѣка, у Дербыша, которого онъ послалъ отъ себя изъ Казани къ шаху, мѣрили ль, и по скольку въ поставехъ аршинъ мѣрили: въ тритцать ли аршинъ всякой поставъ мѣрили или больши, и что за тѣмъ оставалось у всякого постава аршинъ и гдѣ тѣ остатки они девали: назадъ ли Дербышю отдавали, или себѣ имали, и деньги за товары, за сукна давали ль или не давали? и на Дербышѣ деньги сто двапцать рублевъ доправили ль, и за что доправили: въ нашей ли какой пене или въ пратаможье, или за тѣ его насильства для своей бездѣльные корысти? и сколь давно въ Астарахани живетъ гилянецъ Магмутко, кизылбашскимъ торговымъ людемъ и буснымъ хозяевемъ убытки всякіе чинитъ ли? и боярину князю Ивану и окольничему дьяку ложно оглашаетъ ли всякимъ воровскимъ умышленьемъ? и товары у нихъ, будто на воеводъ, смлетъ ли, а къ нимъ не относя, и тѣмъ самъ корыстуетца? и толмацкое онъ, Магмутка, въ Астарахани откупилъ ли, и пошлины съ рубля деньги по две и по

три и больши, и какъ онъ захочетъ, сверхъ нашего указу емлетъ ли? и хто ему и сколь давно то толмацкое въ откупъ далъ, и по чему дано: по нашему ль указу, или безъ нашего указу? и по нашему ль указу ту толмацкую пошлину онъ съ нихъ емлетъ или передъ нашимъ указомъ лишекъ, и сколько лишка емлетъ? и иные тезики въ Астарахани на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по десети и больши живутъ ли, и товары перекупаютъ ли, и лавки позаняли ль? и хто имяны тезиковъ въ Астарахани лѣтъ по десети и больши живетъ? и пріѣзжихъ торговыхъ людей, которые пріѣдутъ съ товары впове, на гилянской дворъ не пущаютъ ли, и лавокъ имъ не даютъ ли, и для чего не пущаютъ и лавокъ имъ не даютъ? и въ нынешнемъ во 124-мъ году торговые люди и бусные хозяева пошли были въ Астарахань изъ своихъ земель съ товары, и тѣ торговые люди, послыша про того Магмутка, назадъ въ свою землю воротились ли, и за нимъ ли въ Астарахань не поѣхали, или за инымъ чѣмъ? Да хто что про то про все всякіе сыскные люди скажутъ, и вы бъ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣли писати на списокъ земскому или церковному дьячку подлинно порознь, по статьямъ, да къ тѣмъ обыскомъ сыскнымъ людемъ велѣли руки свои прикладывать, а которые люди грамоте не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто велѣли прикладывать руки отцомъ ихъ духовнымъ. Да будетъ по сыску и по скаске астараханцовъ всякихъ людей про то сыщетца допряма, что въ Астарахани бояринъ князь Иванъ и окольничей Семенъ и Василей Юдинъ у Хозина приказщика, у Хози Магметя, камки и дороги имали, а денегъ не давали, и у Хозина жъ человѣка, у Дербыша, котораго онъ отпустилъ къ шаху, сукна мѣрили, и что оставалось въ поставехъ за тритцатью аршины лишка, и то имали себѣ, а денегъ не давали жъ? и дворецкой княжъ Ивановъ у Дербыша дороги и киндяки и саѳьяны взяли безденежно жъ, и на Дербышѣ жъ сто дватцать рублевъ денегъ бояринъ князь и окольничей Семенъ и дьякъ Василей доправили жъ не въ нашей пене и не въ протаможье, для своей корысти? и Гилянскіе земли тезикъ Магмутко къ нимъ, боярину и къ окольничему, и дьяку, для ссоры вхожъ часто, и въ немъ будетъ новопріѣзжимъ людемъ обиды и насильства и продажа чинитца, и отъ того будетъ торговые люди вновь въ Астарахань не пріезжаютъ, и вы бъ у боярина у князя Ивана Одоевского, и у окольничего, у Семена, и у дьяка, у Василья, по тому жъ тѣ товары и сукна, или будетъ за товары и за сукна по цепѣ деньги взяли, а взявъ, отдали тому жъ его прикащику, да и деньги бъ есте сто дватцать рублевъ, на нихъ

взявъ, отдали ему жъ, а у него въ томъ взяли отпись. А гилянца бы Магмутка и иныхъ тезиковъ, которые живутъ на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по десети и больши, съ гилянского двора велѣли свести, и велѣли имъ жить въ Астарахани, гдѣ пригоже, чтобъ отъ нихъ какіе продажи и насильства новопріѣзжимъ торговымъ людемъ не было. А толмацкое бы есте велѣли впередъ збирати въ нашу казну въ таможне, а въ откупъ толмацково никому давати не велѣли. Да о томъ бы есте о всемъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказѣ діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Рамапчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го ѳевраля въ 19 де(нь).

Отъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. князю Ивану Михайловичю Борятинскому да дьяку нашему Ивану Сукину. Билъ намъ челомъ кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозя Незамединъ, а сказалъ: въ прошломъ де во 123-мъ году послалъ онъ отъ себя исъ Казани въ Астарахань къ брату своему человѣка своего Хододатка, а по руски де Богдашка, съ товаромъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ про того его человѣка, про Хододатка, у воеводы, у Мисюря Соловцова, допросили: есть ли у него тотъ Хозинъ человѣкъ ныне и сколько съ нимъ товару къ нему на Царицынъ пришло: на шесть сотъ ли рублевъ, или меньши, и собою ль онъ, Хододатко, остался у него, или онъ его подбаелъ, а хотѣлъ за него дать дѣвку руску? и крестилъ ли его въ нашу хрестіянскую вѣру? и дѣвку за него далъ ли, или нѣтъ? Да будетъ Мисюръ у себя того Хододатка скажетъ, и вы бъ его, у Мисюря взявъ, потому жъ роспросили накрепко: сколь давно на Царицынъ пріѣхалъ и были ль Хозины товары или нѣтъ? и будетъ были, и сколько какихъ товаровъ было, и что тому товару цена, и собою ль онъ на Царицыне остался, или его Мисюръ подговорилъ, а хотѣлъ за него дать дѣвку руску? и крестилъ ли его Мисюръ? и дѣвку за него далъ ли? и гдѣ онъ хочетъ жить ныне: у Мисюря ль, или къ Хози Незамедину хочетъ ѣхать по прежнему служить? Да будетъ онъ, Хододатко, скажетъ, что пришло съ нимъ на Царицынъ Хозиныхъ товаровъ на шесть сотъ рублевъ, и въ нашу хрестьянскую вѣру ещо не крещенъ, и вы бъ того Хододатка и съ товаромъ, взявъ у Мисюря, отослали въ Казань, а велѣли его отдать со всѣмъ купчине Хози Незамедину. А будетъ Мисюръ того товару не отдастъ, а Хододатко въ нашу хрестіянскую вѣру крещенъ, и вы бъ на немъ и на его людехъ тотъ товаръ на шесть сотъ рублевъ, доправя отослали тотчасъ къ Незамедину, и вы бъ товаръ весь, взявъ у Мисюря,

отослали къ Незамедину жъ, а о Хододатке, отписали къ намъ къ Москве въ посольской приказъ. А будетъ того человѣка, Хододатка, Мисюръ у себя утаитъ, про него не скажетъ, и вы бъ у Мисюря велѣли понимати людей его, да потому жъ роспросили ихъ накрепко, розводя порознь, гдѣ тотъ Хозинъ человѣкъ и сколько съ нимъ товаровъ на Царицынъ пришло, и Мисюръ ли тѣми товары завладѣлъ, и крестилъ ли его, и дѣвку за него далъ ли, или нѣтъ, и собою ль онъ, Хододатко, у Мисюря остался, или его Мисюръ подговорилъ къ себѣ жить для товаровъ. А будетъ тѣ Мисюревы люди про того Хозина человѣка и про товары въ роспросехъ не скажютъ, а учнутъ таити, и вы бъ тѣхъ его людей въ томъ, приведя къ пытке, велѣли роспрашивать накрепко и стращали пыткою. Да будетъ и у пытки ничего не скажютъ, и вы бъ ихъ до большого сыску пытать не велѣли, а дали ихъ до сыску за приставовъ. А про того Хозина человѣка и про товары на Царицыне обыскали бъ всякими сыски накрепко всякими людьми: попы и дьяконы — по священству, а дворяны и детьми боярскими, и приказными людьми, и старосты, и целовальники, и посадцкими, и пріѣзжими всякими людьми — по нашему крестному целованью: сколь давно тотъ Хозинъ человѣкъ Хододатъко на Царицынъ пріѣхалъ, и сколько Хозина какого товару съ нимъ на Царицынъ пришло: на шесть сотъ ли рублевъ или меньши? и тѣмъ его товаромъ Мисюръ Соловцовъ завладѣлъ ли? и собою ль тотъ его человѣкъ на Царицыне у Мисюря остался, или Мисюръ его оманулъ, а хотѣлъ за него дать дѣвку руску? и крещенъ ли тотъ Богдашко въ нашу хрестьянскую вѣру? И будетъ крещенъ, и женилъ ли его у себя Мисюръ или нѣтъ? Да хто что про то въ обыску скажетъ, и вы бъ тѣхъ обыскныхъ людей имена и рѣчи велѣли написати на списокъ земскому или церковному дьячку подлинно, порознь, по статьямъ. Да будетъ про то царицынскими всякими людьми допряма сыщетца, что тотъ Хозинъ человѣкъ Хододатко пыне у Мисюра и товаровъ съ тѣмъ Хододаткомъ на Царицынъ на шесть сотъ рублевъ пришло, и тѣми товары всѣми завладѣлъ Мисюръ, и въ нашу крестьянскую вѣру тотъ Хододатко еще не крещенъ, и Мисюръ его не женилъ, а похочетъ тотъ Хододатко ѣхать служить къ Хози Незамедину, и вы бъ того Хододатка и съ товаромъ, взявъ, по тому жъ отослали въ Казань къ Хозе Незамедину, а людей Мисюревыхъ велѣли отъ приставовъ свободити. А будетъ обыскные люди всякіе скажютъ, что тотъ Богдашко остался на Царицыне собою, и въ нашу крестьянскую вѣру крещенъ, и вы бъ тѣ товары велѣли на Мисюрѣ и на его людехъ доправити тотчасъ,

*

а доправя, отослали къ Хозе Незамедину, а про Ходатка отписали къ намъ къ Москве.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февралл въ 18 де(нь).

1616, августа. Распросныя рѣчи астраханскихъ священно-и церковно-служителей, такожъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и прочихъ людей о пріѣздѣ туда персидскаго гонца Муртозы, о шаховой къ государю грамотѣ и о взяткахъ, емлемыхъ у того Муртазы разными приказными людьми. На 79 листахъ.

И въ сыску сказали соборные церкви попъ Левонтей да попъ Еремѣй, да дьякопъ Семенъ, да стрѣтенской попъ Іяковъ да сергевской попъ Акимъ, воскресенской попъ Антипа, да дьяконъ Терентей, да воздвиженскіе попы, попъ Давыдъ да попъ Артемей, да попъ Антонъ, да Рождества Богородицы попъ Кирила, да дьяконъ Кирила, да никольскіе попы, попъ Гаврила да попъ Иванъ, да дьяконъ Самойла и всѣ священницы градцкіе и посадцкіе, и дьякони сказали по священьству. Какъ пріѣхалъ въ Асторохань съ Терка Шахъ-абасовъ гонецъ Хозь Муртаза, и къ судну дьякъ Василей Юдинъ пріежалъ ли и грамоту у него, что писана ко государю отъ шаха, взялъ ли, и назадъ тое грамоту къ Хозь Муртазѣ отослали ли, и околничей Семенъ Головинъ къ Муртазѣ на подворье человѣка своего посылалъ ли?—и мы того не вѣдаемъ. А человѣкъ у него былъ, Оксенкомъ зовутъ, что пріѣхалъ въ Асторохань съ Маринкою и съ Заруцкимъ, а выпялъ его изъ тюрьмы и послалъ его Семенъ Головинъ изъ Асторохани въ станице къ Москвѣ своими лошедьми. А къ Семену Головину на подворье Хозь Муртаза хажпвалъ ли, а для чево приходилъ къ нему, и хто въ тѣ поры у Семена иныхъ какихъ людей были ли, и о чемъ съ пимъ Семенъ говорилъ, и кто въ тѣ поры толмачилъ,—и мы того не вѣдаемъ. А про Ивашку про тотарченка и про коверъ шолковъ, што послалъ царю Борису шахъ Абасъ съ Муртазою, у Семена Головина есть ли, и мы того всего не вѣдаемъ. А сколько Муртазу въ Асторохани держали, и мы того не упомнимъ. А что на подворье къ боярину, князю Ивану Никитичю Одоевскому, да окольничему Семену Головину Муртаза какихъ подарковъ приносилъ ли, и отъ своего отпуску, или для своея почести, или ково съ подарки посылалъ ли, и хто въ тѣ поры сторонные люди были ли, и отъ боярина и воеводъ къ Муртазѣ на судно приставъ

Данило по зятя его, Хозь Махметя, приходилъ ли, и съ судна ево ималъ ли, и Муртаза о своемъ отпускѣ къ боярину и воеводамъ тезика Махмута и Семьбура бити челомъ посылалъ ли,—и мы того не вѣдаемъ. А тезикъ Махмутъ къ боярину и воеводамъ ходилъ ли, и съ чѣмъ ходилъ, и мы того не вѣдаемъ. А Муртоза къ боярину и воеводамъ съ тѣмъ тезикомъ какіе подарки посылалъ ли и отъ мечети боярину и воеводамъ Муртаза, чтобъ велѣли мечеть отпеча(та)ти што давалъ ли, и мы того не вѣдаемъ. А мечеть на гилянскому дворѣ есть. А которые люди пріежаютъ изъ Кизылбашъ съ товары и сидятъ по лавкамъ, боярину и воеводамъ отъ тѣхъ лавокъ даютъ ли или нѣтъ, и мы того не вѣдаемъ. А тавары тѣхъ торговыхъ людей по двору не волялись, и продажи тѣмъ торговымъ людемъ отъ воеводъ никакіе не вѣдаемъ. А которыхъ тезиковъ изъ Асторохани четырехъ человѣкъ въ Казань отпустили, юргенца Девлетъ бая да кошанца Дербыша Мамета, да гиляицовъ Ахметя да Кемяла, а што у нихъ золотыхъ отъ тово взяли, и мы того не вѣдаемъ. А тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у новыхъ у пріежихъ людей украдомъ товаровъ покупаютъ ли или не покупаютъ, и мы того не вѣдаемъ. А узорочные товары бояринъ и воеводы, и дьякъ на государя имали ли, (и) деньги давали ли изъ государевы казны, а сколько у ково какихъ товаровъ взяли и кому сколько за товары деньги давали, и мы того не вѣдаемъ. А на себя у тѣхъ новопріежихъ людей бояринъ и воеводы, и дьякъ товаровъ какихъ имали ли и за товары сполна ли деньги платили, и мы того не вѣдаемъ. А на гилянскомъ дворѣ Арменья живутъ, а имянъ ихъ не вѣдамъ; а на бухарскомъ дворѣ арменьи нѣтъ. А которые крестилися, и тѣхъ съ гилянсково двора свели, а живутъ въ остроге въ посадцкихъ людехъ. А сыс(к)ные рѣчи писалъ попъ Еремѣй.

На оборотѣ: Къ сѣмь рѣчамъ попъ Леонтей руку приложилъ. Къ сѣмь сы(ск)нымъ рѣчемъ діяконъ Симпонѣй руку приложилъ. Къ симъ спросным рѣчемъ стретенской попъ Яковъ руку приложилъ. Къ сѣмъ рѣчямъ попъ Екимъ руку приложилъ. Къ семъ рѣчемъ попъ Оптонъ руку приложилъ. Къ сѣмъ сыскным рѣчемъ попъ Артемей руку приложилъ. Къ семъ сыскным рѣчемъ никольской попъ Иванъ р. п. Къ семъ сыскным рѣчемъ попъ Кирило р. п. Къ семъ речемъ попъ Антипа р. п. Къ семъ скным рѣчемъ никольской попъ Гаврило р. п. Къ семъ скным речемъ попъ Давыдъ р. п. Къ семъ рѣчемъ діяконъ Терепьтей р. п. Къ семъ сыскным рѣчямъ Рожества Христова дьяконъ Феодоръ р. п. Къ семъ скным речемъ діяконъ Кипоръ р. п. Къ семъ сыскным рѣчемъ никольской діяконъ Самойло р. п.

. . . . . (*Начала нѣтъ*) и Муртаза о своемъ отпуске къ боярину и воеводамъ тезика Махмута и Семъбура бити челомъ посы(ла)лъ ли, и мы того не вѣдаемъ. А тезикъ Махмутъ къ боярину и воеводамъ ходилъ ли, и о чемъ ходилъ, и мы того не вѣдаемъ. А Муртаза къ боярину и воеводамъ съ тѣмъ тезикомъ какіе подарки посылалъ ли, и отъ мечети. . . . . [1]) и воеводамъ Муртаза, чтобъ велѣлъ мечеть отпечати (sic) ш(то). . . . . мы того не вѣдаетъ. А мечеть на гилянскомъ дворѣ . . . . рые люди пріезжаютъ псъ Кизылбашъ съ товары. . . . . боярину и воеводамъ отъ тѣхъ лавокъ даютъ ли или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ. А товары по двору тѣхъ торговыхъ людей не волялися и продажи тѣмъ торговымъ людемъ никакіе не вѣда(емъ). А которыхъ тезиковъ изъ Асторохани четырехъ человѣкъ отпустили въ Казань, юргенца Девлетъ бая да кошапца Дербышъ Мамета, да гилянцовъ Ахмета да Кемила, а што у нихъ золотыхъ отъ того взяли, и мы того не вѣдаемъ; а тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у новопріѣзжихъ людей украдомъ товаровъ покупаютъ ли, или не покупаютъ, и мы того не вѣдаемъ. А узорочные товары боярин и воеводы, и дьякъ на государя имали ли и деньги давали ли и. . . . казны, а сколько у кого какихъ товаровъ взяли и кому сколько за товары деньги давали, и мы того не вѣдаемъ. А на себя у тѣхъ новопріѣзжихъ людей боярин и воеводы, и дьякъ товаровъ какихъ имали ли и за товары и за товары имъ деньги платили, и мы того не вѣдаемъ. А на гилян(скомъ дворѣ) армены живутъ, а имен ихъ не вѣдаемъ; а на буха(рскомъ дворѣ) армены нѣтъ. А которые крестилися, и тѣхъ зъ. . . . . свели, а живутъ въ отстрогѣ въ посадцкихъ людехъ. А сыскныя рѣчи писалъ Томилко Наумовъ. *На оборотѣ*. . . . монастыря черпай попъ строитель старецъ Мисайло во всѣхъ братій мѣста руку приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речемъ старецъ Спасково манастыря Описимице руку приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речемъ попъ черной старецъ С...стъ (Сильверстъ ?) руку приложилъ.

Астороханскихъ конныхъ стрельцовъ голова Данило Милославской и ево приказу сотники стрелецкіе, Василей Чупрасовъ, Тимофѣй Топорковъ, Посникъ Смагинъ, въ сыску сказали по государеву цареву и великого кн. Михайла Федоровича в. Р. крестному целованью: какъ пріѣхалъ съ Терки шахабасовъ гонецъ Хозя Муртоза, и къ судну діякъ Василей Юдинъ пріѣзжалъ ли..... (*Далѣе идетъ почти полное повтореніе перваго показанія; отмѣчаемъ только отличія*)..... а къ Семену

[1]) Края столбца оборваны.

Хозя Муртоза хаживалъ, а для чево къ нему приходилъ, и хто въ тѣ поры у Семена иныхъ какихъ людей были, и о чемъ съ нимъ Семенъ говорилъ, и хто въ тѣ поры толмачилъ, того не вѣдаемъ. А тотарченокъ Ивашко у Семена есть, а привезъ ево Гордѣй Пальчиковъ съ Еику, а изъ Асторохани послалъ ево Семенъ Головинъ съ лошадьми къ Москве съ Оксенкомъ вмѣсте . . . . . А мечеть поставлена для кизылбаскихъ людей, и мечети не печатывалъ. А торговымъ пріѣзжимъ людямъ, которые пріезжали исъ Кизылбашъ съ товары, и боярин и воеводы лавки на товаръ давать велѣли, а што посуловъ отъ тово имали-ль, того мы не вѣдаемъ... А тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у новыхъ у пріезжихъ людей украдомъ не покупаютъ ничево . . . . . А на гилянскомъ дворѣ арменья, Вартанъ да Сергѣй, да Петръ, да Ѳедоръ, да Иванисъ, да Григорей, живутъ дворами, а сколь давно живутъ, того не вѣдаемъ. А которые арменья крещены, и тѣ сведены на посадъ и живутъ нынѣ въ посадцкихъ людяхъ. А сыскные рѣчи писалъ подъячей того же приказу Денисko Ивановъ.

Подписи: Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ Данила руку (*далѣе на скрытъ:*) приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речемъ Василей Чюпрасовъ и вмѣст(о) Посниково да Тимоѳеево руку приложилъ.

Астороханскихъ пѣшихъ стрельцовъ голова Иванъ Чертковъ и ево приказу сотники Петръ Антоновъ, Григорей Кольцовъ, Любимъ Старковъ въ сыску сказали по государеву цареву и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью: какъ пріехалъ съ Терки шахбасовъ гонецъ (*и проч. На первый пунктъ отозвались невѣдѣніемъ. Далѣе:*) А человѣкъ у него, что былъ у вора, у Ивашка Заруцково, Оксенкомъ зовутъ, взялъ его исъ тюрьмы и послалъ его Семенъ Головинъ изъ Асторохани въ станице къ Москвѣ своими лошадьми. (*И проч., какъ раньше*). . . . . а тезикъ Магмутъ къ боярину и воеводамъ ходилъ ли (*и проч.*). А сыскные рѣчи писалъ Оска Яковлевъ сынъ Порошинъ.

Подписи на оборотѣ: Къ семъ сыскнымъ речамъ Петръ Оптоновъ и въ Иваново место Черткова и въ свое руку приложилъ. Къ семъ (сы)скнымъ речамъ, Григорій Кольцовъ руку приложилъ. Къ семъ скнымъ рѣчамъ Григорій Кольцовъ въ Любимово место Старковъ р. п.

Голова казанскихъ стрельцовъ Гордѣй Пальчиковъ въ сыску сказалъ по государеву цареву и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью. Какъ пріѣхалъ съ Терки въ Асторохань кизылбаской Шехобасовъ гонецъ Хозя Муртаза, и діякъ Василей Юдинъ къ судну ѣздилъ ли и съ нимъ таможенные головы были ли, и кто

былъ головъ и целовальниковъ, и товаръ у него пересматривали ли, и грамота, которая писана (*и проч.*), и поминки, которые посланы были ко государю, отвезъ ли въ избу? и Семенъ Головинъ (*и проч.*), того я ничего не вѣдаю: былъ я тое осени на Москве, а зимовалъ въ Казани. А человѣкъ у Семена Головина, Оксенкомъ зовутъ, что служилъ у вора у Заруцкого, и тотарчонокъ Ивашко, что служилъ у вора жъ, Ивашка Заруцкого, есть, а послалъ ихъ въ станицѣ..... а коверъ шолковъ у Семена Головина, что видѣлъ Муртаза въ горницѣ, есть ли, и сколько Муртазу въ Асторохани держали, и на подворье къ боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому, да окольничему Семену Головину по камкѣ по цвѣтной, да по трои дорогъ, да по два саоьяна, да по три кипдяка съ кѣмъ посылалъ ли, и какъ Муртаза въ судне хотѣлъ отпущатца съ берегу, и отъ боярина князя Ивана Никитича Одоевского, съ товарыщи, къ нему на судно приставъ Донило приходилъ ли, и зятя его (*и проч.*), и боярин князь Иванъ Никитичь, съ товарыщи, съ тезикомъ съ Магмутомъ приказывали ли, чтобъ къ нимъ прислали къ двемъ по дватцати по пяти золотыхъ, да по двои дороги, да по два апсыря шолку аряского, и Муртаза къ нимъ золотые и кипдяки, и дороги, и шолкъ посылалъ ли, и отъ мечети боярину князю Ивану Никитичю да окольничему Семену Головину, чтобъ ему мечеть отпечатать велѣли, по двои дороги далъ ли,—того я ничего не вѣдаю (*и проч.*). А товары тезицкіе на дворѣ леживали дни по два и по три, покамѣста въ лавки измѣстятца, и продажи тѣмъ торговымъ людемъ отъ воеводъ никакіе не слыхали, а кого тезиковъ именемъ отпустили въ Казань и сколько у нихъ взяли золотыхъ, того я не вѣдаю. А тезики, которые живутъ на гилянскомъ и на бухарскомъ дворѣ издавна и у новоприѣзжихъ людей товары украдомъ покупаютъ ли, того не ведаю. А узорошные товары бояринъ и воеводы, и съ ними таможенные головы у новоприѣзжихъ торговыхъ людей пересматриваютъ и емлютъ въ съѣзжую избу, а сколько какихъ товаровъ возьмутъ на государя, и что боляринъ и воеводы, и діякъ себѣ возьмутъ, того я не вѣдаю. А которые товары на государя имали, и за тѣ товары деньги изъ государевы казны сполна ли давали или не сполна, и хто армены въ Асторохани на гилянскомъ и на бухарскомъ дворѣ, того я ничего не вѣдаю. А сыскныя рѣчи писалъ Ивашко Гавриловъ лѣта 7124-го, августа въ 22 день. *На оборотѣ:* Къ сѣмъ рѣчямъ Гордѣй руку приложилъ.

Дворяня и дѣти боярскіе Астараханскова города: Иванъ Ротиславской, Василей Износковъ, Ѳѳонасей Аристовъ, Оедоръ Кутуковъ, Яковъ

Бухаровъ, Александръ Щекушинъ, Михайло Тарбѣевъ, Иванъ Обутковъ, Василей Пановъ, Третьякъ Волжинской, Михайло Блохинъ, Мисаплъ Оорпутиловъ, Максимъ Чекушниковъ, Парѳенъ Брюшковъ, Марко Дрожинъ, Семенъ Шмеленковъ, Василей Рагозинъ, Борисъ Кузминской, Кирило Чюлковъ, Данило Кольцовъ, Сергѣй Кутуковъ, Ондрѣй Авдѣевъ, Иванъ Усовъ, Воинъ Васильчипинъ, Василей Евтихѣевъ, Иванъ Кольцовъ, Матвѣй Анбаровъ, Иванъ Муравьевъ, Василей Уваровъ, Петръ Тарбѣевъ, Бессонъ Васильчининъ, Дмитрей Горожанкинъ, Май Тырковъ, Олексей Ростопчинъ, Иванъ Копьевъ, Кирило да Григорей Рагозины, Иванъ Шестаковъ, Олексѣй Кутуковъ, Степанъ Кутариновъ, Григорей Микулинъ, Олексѣй Бахмуровъ, Петръ Ростопчинъ, Степанъ Неклюдовъ, Микула Юдинъ, Иванъ Тырковъ, Оролъ Шестаковъ, Булатъ Болковъ, Семенъ Копьевъ, Василей Парѳеньевъ, Иванъ Севербѣевъ, Артемей Ростопчинъ въ сыску сказали: (*отозвались неподъпѣемъ*). А сыскные рѣчи писалъ сынъ боярской Иванъ Трусовъ.

Подписи: Къ сысынмъ къ семь речемъ Ооопасей Аристовъ руку приложилъ и в-Иванова места Ротисловъвсково. Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ Михайла Блохинъ р. п. Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ Парѳенъ Брюшковъ и в-Иваново мѣсто Шестакова р. п. Къ семъ сыскнымъ речемъ Петръ Тарбѣевъ и вмѣста Семена Копьева р. п. Къ семъ сыскнымъ речемъ Василей Рагозинъ р. п. и въ Васильево мѣсто Износкова, и в-Иваново мѣсто Обуткова, и въ Кирилово мѣсто Рагозина р. п. Къ семъ сыскнымъ речемъ Иванъ Тырковъ и вместо брата своего Мая Тыркова р. п. Къ семъ сыкнымъ речемъ Кирила Чюлковъ р. п. Къ семъ сыкпымъ речемъ Кирила Чюлковъ и въ Дмитреева вместа Горожанкина р. п. Къ сѣмъ сыскнымъ рѣчемъ Иванъ Муравьевъ р. п. Къ семъ сыкпымъ речемъ Олексѣй Кутузовъ р. п. Къ семъ сыскнымъ речамъ Данило Кольцовъ р. п. Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ Ортемей Ростопчинъ р. п. Къ семъ къ сы(ск)пымъ речемъ Василей Уваровъ и вмѣсто Бориса Кузьмпнсково р. п. Къ семъ сыскпымъ речемъ Ондрей Тарабѣевъ и вмѣсто дяди своево Михайла Тарабѣева и вмѣсто Григорья Микулина руку приложилъ.

Въ сыску дворяне дѣти боярскіе казанскіе жильцы, Иванъ Семеновъ сынъ Оркатовъ, Неудача Никитинъ сынъ Кобяковъ, Савинъ Ѳедоровъ сынъ Пелепелицынъ, Василей Юрьевъ сынъ Писемской, Никита Домашпева сынъ Васюпинъ, Яковъ Васильевъ сынъ Державинъ, Иванъ Степановъ сынъ Пантелѣевъ, Бажѣнъ Левоптьевъ сынъ Мещериновъ, Татаринъ Васильевъ сынъ Богдановъ, Ортемей Ивановъ сынъ Пелепелицынъ, Василей Тимоѳѣевъ сынъ Бѣлъкинъ, Ѳедоръ Яковлевъ

сынъ Макаровъ, Ѳедоръ Семеновъ сынъ Васюнинъ, Гаврило Вонновъ сынъ Левашевъ, Ѳедоръ Меркульевъ сынъ Онучинъ, Сава Ондрѣевъ сынъ Айдаровъ, Елисѣй Ондрѣевъ сынъ Макаровъ, Петръ Дмитреевъ сынъ Ризинъ, Посникъ Ондрѣевъ сынъ Белокуровъ, Григорей Дружининъ сынъ Тыхочевъ, Иванъ Петровъ сынъ Аминевъ, Купреянъ Муромцовъ сынъ Дубровинъ, Левоптей Олферьевъ сынъ Глядковъ, Иванъ Неустроевъ сынъ Маматовъ, Левоптей Левонтьевъ сынъ Мещериновъ, Иванъ Гавриловъ сынъ Щепинъ, Василей Давыдовъ сынъ Берсеневъ, Иванъ Ивановъ сынъ Редриковъ, Григорей Спиридоновъ сынъ Глуховъ, Ондѣй Ивановъ сынъ Захарьинъ, Василей Григорьевъ сынъ Берсеньевъ, Иванъ Девятова сынъ Волковъ, Никифоръ Михаиловъ Волтоковъ, Василей Бахтеяровъ сынъ Пасемской, Тихонъ да Иванъ Безсоновы дѣти Ростопчена, Олександра Штарина сынъ Озанъчѣевъ, Первой Обросимовъ сынъ Титовъ, Ондрѣй Посниковъ сынъ Белокуровъ, Смирной Мешкова сынъ Ондреяновъ, Семенъ Ивановъ сынъ Якшинъ, Прокофей Офонасьевъ сынъ Барсуковъ, Степанъ Юрьевъ Амиревъ, Борисъ Егуповъ Кѣзомина, Ондрѣй Ивановъ сынъ Левоповъ, Семенъ Неудашнова сынъ Пильниковъ; дворяне дети боярскіе Чебоксарскова города: Семенъ Ивановъ сынъ Болтинъ, Обрамъ Ѳедоровъ сынъ Каловской, Исакъ да Тимофей Михайловы дѣти Городецкіе, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Варпасевъ, Данило Ондрѣевъ сынъ Богдановъ, Иванъ Романовъ сынъ Секіотовъ, Гаврило Игнатьевъ,—сказали (*и проч.*)... Какъ пріѣхалъ съ Терки въ Асторохань кизылбаскова шахобасовъ гонецъ Хозя Муртоза, и дьякъ Василей Юдинъ къ судну ѣздилъ, а съ нимъ были таможенные головы Гаврило Онтипинъ да Лука Игнатьевъ, да целовальники Зиновъ Дмитреевъ, съ товарыщи, шесть человѣкъ, а головы, Гаврило да Лука, и цѣловальники сказали ли грамоту, которая писана отъ шаха ко государю у Ху (sic) Мортозы дьякъ Василей Юдинъ взялъ и товаръ у нево пересматривали ли и грамоту дьякъ Василей Юдинъ повезъ въ избу съ собою, и поминки, которые посланы ко государю, отвезъ ли въ избу же,—того мы не вѣдаемъ. А для чего тое грамоту имали и назадъ тое грамоту отослали, и Семенъ Головинъ человѣка своего къ Муртозѣ на подворіе посылалъ ли, того не вѣдаемъ. А человѣкъ у него, Оксенкомъ зовутъ (*и проч.*), а татарченокъ Ивашько, што служилъ у вора, у Заруцкова, у Семена есть, а поѣхалъ въ станицѣ съ лошадьми, съ казанцомъ сыномъ боярскимъ съ Кручиною Богдановымъ... (*На все отозвались невѣдѣніемъ*). А сыскные рѣчи писалъ казанецъ Посникъ Бѣлокуровъ лѣта 7124-го году.

На оборотѣ: Къ сѣмъ обыскнымъ рѣчемъ Савинъ Пелепелицынъ руку приложилъ. Къ с. р. Ѳедоръ Онучинъ р. п. Къ с. р. въ Левоптіево

место Гляткова, да в-Иванова места Сщепина, да в-Иванова места Пантелеева, да въ Ѳедорова место Васюпина Оедоръ Опучинъ р. п. Къ семъ с. р. Ортемей Пелепелицынъ р. п. Къ семъ обыскнымъ р. Василей Берсепьевъ р. п. Къ сему сыску въ Купреяново место Дубровина, да въ Прокоѳьево место Барсукова Борисъ Кезоминъ р. п. Къ сему сыску Борисъ Кезоминъ р. п. Къ сему обыску въ Васильево мѣсто Писемсково Степанъ Амиревъ р. п. Къ сѣмъ с. р. Степанъ Амиревъ р. п.

Свіяжскава города дворянѣ и дѣти боярскіе, Замятня Васильевъ сынъ Путиловъ, Матвей Семеновъ сынъ Паповъ, Кузьма Ивановъ сынъ Киреевъ, Иванъ Ивановъ сынъ Крестиковъ, Ивапъ Степановъ сынъ Глѣбовъ, Лука Правшинъ сынъ Тишинковъ, Сергей Дунаевъ сынъ Юматовъ, Поспикъ Казариновъ сынъ Корцовъ, Иванъ Матвеевъ сынъ Тишенковъ, Елизаръ Петровъ сынъ Шамской, Еоремъ Ивановъ сынъ Рубчинской, Иванъ Ивановъ сынъ Трусовъ, въ сыску сказали (*и проч. какъ въ предыдущемъ*). А сыскные рѣчи писалъ Свіяжскава города сынъ боярской Василей Выборской лѣта 7124-го августа въ 11 день.

На оборотѣ: Къ семъ с. р. и вмѣсто Ивана Крестникова и Замятни Путилова Иванъ Трусовъ р. п. Къ с. с. р. в-Иваново мѣста Глебова, да въ Серьгеево место Юматова, да въ Елизарьево мѣсто Щамскова Посникъ Корцовъ р. п.

Нижегородцкіе иноземцы, литва и нѣмцы, Иванъ Ерѣмеевъ Шортманъ немчинъ, Захарей Ивановъ Вестовъ, Юрьи Кулаковскій, Иванъ Жмутцкой, Яковъ Лащиловскій, Михайло Хвалковскій, Иванъ Шваргъ, Юрьи Юрьевъ Рымеровъ немчинъ, Тимоѳѣй Ушкулевъ немчинъ, Ивапъ Лавриновъ Морцовъ нѣмчинъ, Юрьи Мелдиръ, Семенъ Вестовъ немчинъ, Юрьи Ментуръ немчинъ, Романъ Ястровъ литвинъ, Микиооръ Магнушевскій, Еремка Анцовъ Швартовъ, Степанъ Бушотъ немчинъ, Иванъ Мустроменъ немчинъ, Михайло Матоѣевъ Ѳливекъ литвинъ, Микита Остаоесвъ Розщинъ литвинъ, Кирилко Матѳсевъ лукомлепинъ, Мартинъ Мартиновъ Ѳлигиръ немчинъ, Елисей Ушкулевъ немчинъ, Денисъ Врангилевъ литвинъ, Степанъ Оедоровъ литвинъ, Кондратей Степановъ повокрещепъ, Михалко Максимовъ немчинъ, Александръ Юнтыровъ, Иванъ Станиславовъ Семипошка (?) немчинъ, Юрьи Рыгеръ немчинъ, Михайло Михайловъ Оливеркъ немчинъ, Якушко Ментуровъ литвинъ, Клиско Яновъ Юркинскій литвинъ, Ондрюшка Микулаевъ литвинъ, Петрушка Яковлевъ Хващевскій, Васка Ждаповъ, Семейка Масловъ литвинъ, Павелъ Ивановъ Чорной повокрещепъ, Макарей Власовъ литвинъ, Обрамъ Григорьевъ литвинъ, Семенъ Лукояновъ литвинъ, Адамъ Жадотцкой, Иванко Островской Большой,

Захарко Петровъ Маневъ немчинъ, Пантѣлейко Ивановъ Анцовъ литвинъ, Тимошка Микѳоровъ Магнушевскій немчинъ, Дениско Кляусовъ Гетлинъ немчинъ, Данилко Даниловъ Стенбирховъ литвинъ, Остаѳій Хобенскій, Якушко Ѳипковъ литвинъ, Якушко князь Головнинъ Малишевскій, Ѳѳонка Микулаевъ, Ивашко Островской Меншой, Ѳролко Степановъ, Осипко Трооимовъ, Ѳедька Тормосовъ, Марко Мартсяновъ новокрещенъ, Ѳедосъ Семиновъ, Юрьи Ѳедоровъ, Микулай Тротцкой, Герасимко Богдановъ, Ондрѣй Вотской,—въ сыску сказали всѣ иноземцы по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью: (*на все отозвались невѣдѣніемъ*). А сыскные рѣчи писалъ литвинъ Микѳоорко Магнушевской.

На оборотѣ подписи:

Hans Schurtman myn egen Handt.
Arendt Westhoff myn egen Hand.
Symon Westhoff myn egen Handt.
Dyonnys Wrangil myn egen Handt.
Ich Hanz Nyrudt min egen Handt.
Къ сему къ сыску Юрьи Кулаковскій руку приложилъ.
Iwan Zmuczky ksyomu obysku ruku prylosyl.
Ich Steffen Busot min egen Handt.
Ich Mychel Flüweck myn egen Handt.
Ich Matthias Flüwerck myn egen Handt.
Ich Danygel Fluwerck myn egen Handt.
Jurgon Ryor myn egen Handtt.
Ian Hostinsky ruku prylosyl ksziemu obisku.
Reinholdt. . . . . myn egen Handt
Werner Schwardt myn egen Handt.
Ich Ganz Münsterman meyn egen Handt.
Къ семъ сыскнымъ речамъ Василей руку приложилъ.
Jak Marten Flüig myn egen Handt.
Къ сему обыску Микита руку приложилъ.
Къ семъ сыскнымъ речамъ Осипко руку приложилъ.
Къ семъ сыскнымъ речамъ Еремка руку приложилъ.

Астороханскіе подъячіе Прокофей Ѳедоровъ, Мирославъ Бологовской, Иванъ Михайловъ, Иванъ Лопухинъ, Терентей Матвѣевъ, Дорогой Одинцовъ, Левонтей Третьяковъ, Григорей Бѣлковъ, Осипъ Грязново, Василей Шеврига, Лева Ѳроловъ, Ондрюшка Воронинъ въ сыску сказали по государеву цареву и в. кн. М. Ѳ. в. Р. крестному целованью. Въ прошломъ въ 122-мъ году, какъ пріѣхалъ съ Терка въ Астороханъ

кизылбашсково шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза, и бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичь Одоевской, да окольничей Семенъ Головинъ послали на берегъ къ Муртозину судну діяка Василья Юдина да съ нимъ таможенныхъ головъ, Гаврила Оптипина да Луку Юдина, да целовальниковъ, Зинова Дмитреева съ товарыщи, а велѣли товары его пересмотрѣть, и на смотре взялъ діякъ Василей у Муртозы шахъ Аббасову грамоту, которая послана съ нимъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. къ Москвѣ, а назадъ еѣ къ нему отослали съ подъячимъ, со мною, Иваномъ Михайловымъ, а ко государю что съ нимъ было даровъ, и опъ, Муртоза, тѣ дары припесъ въ съѣзжую избу самъ, и бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичь съ товарыщи, тѣ дары велѣли въ съѣзжей избѣ переписати при немъ, Муртозѣ, а для чего шахаббасову грамоту у него имали, и Семенъ Головинъ человѣка своего къ Муртозѣ на подворье послали-ль, того не вѣдаемъ. А люди ево, Оксенкомъ зовутъ, да тотарченокъ Ивашко, что служили у вора Ивашка Зарутцкого, есть, и тѣхъ онъ людей послалъ вверхъ въ конной станицѣ съ лошадьми. А Муртоза къ Семену Головину на подворье ходилъ ли, и о чемъ съ Семепомъ говорилъ, и хто межъ ими толмачилъ, и коверъ у Семена, что видялъ Муртоза у Семена въ горницѣ, есть ли, и къ боярину, ко князю Ивану Никитичю Одоевскому, да къ Семену Головину на подворье по камкѣ цветной, да по трои дороги, да по два саоьяна, да по три кипдяка Муртоза тѣмъ посылалъ ли,— того ничего не вѣдаемъ. А какъ Муртоза отпускался въ суднѣ отъ Асторохани прочь, и бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарыщи, посылали къ нему на судно по зятя его, по Хозь Магметя, пристава Данила, и зятя его съ судна приставъ ималъ для того: билъ челомъ на зятя его тезикъ Нагметь и писалъ на немъ, бутто зять его обормилъ у него брата родного. А Муртозы въ Асторохани послѣ того не держали, жилъ онъ своимъ произволеніемъ. А тезика Магмута Муртоза о своемъ отпуске къ боярину и воеводамъ посылалъ ли, и бояринъ князь Иванъ Никитичь, съ товарыщи, съ тезикомъ, съ Магмутомъ, къ нему приказывалъ ли, чтобъ прислалъ Муртоза къ нимъ, къ двемъ, князю Ивану да Семену, по дватцати по пяти золотыхъ да по двои дороги, да по два ансыря шолку яряжского, и Муртоза къ нимъ золотые и киндяки, и дороги, и шолкъ посылалъ ли, и отъ мечети боярину князю Ивану Никитичю да окольничему Семеву Головину, чтобъ ему мечеть велѣли отпечатати, по двои дороги далъ ли, того ничего не вѣдаемъ. А ставилъ Муртоза мечеть для себя и для иныхъ кизылбашенъ, а мечети не печатывали. А торговымъ пріѣзжимъ

людемъ, которые пріѣзжали изъ Кизилбашъ съ товаромъ, боярин князь Иванъ и окольничей Семенъ лавки на товаръ давать велѣли, и отъ того у торговыхъ людей посулъ имали-ль, того не вѣдаемъ. А товары тезицкіе на гостинѣ на гилянскомъ дворѣ леживали дни по два и по три, покамѣста лавки измѣстятся, и продажи тѣмъ торговымъ людемъ отъ боярина и воеводъ никакіе не слыхали. А которыхъ тезиковъ отпустили изъ Астороханя въ Казань, четырехъ человѣкъ, юргенца Девлетбая да кошенца Дербышъ Маметя, да гилянцовъ, Арахметя да Кимала, и съ нихъ золотые имали ль, и сколько у кого взяли, того не вѣдаемъ. А тезики, которые живутъ на гилянскомъ и на бухарскомъ дворѣ издавна, и тѣ тезики у новыхъ пріѣзжихъ людей товары украдомъ покупаютъ для того, что указано съ нихъ имати перекупные пошлины съ рубля по два алтына, и имъ бы тоѣ пошлины не платити. А узорочные товары, у которыхъ торговыхъ людей объявятца на смотрѣ, которые торговые люди пріѣзжаютъ въ Астороханъ изъ за моря, и тѣ товары емлютъ у торговыхъ людей на государя боярин и воеводы, и дьякъ, да съ ними таможенные головы и цѣловальники, да за тѣ товары давали торговымъ людемъ по цѣнѣ деньги, а товары посылали ко государю къ Москвѣ, а боярин и воеводы, князь Иванъ съ товарыщи, изъ тѣхъ товаровъ себѣ имали-ль или нѣтъ, того не вѣдаемъ. А сыскные рѣчи писалъ подъячей Гришка Белковъ.

На оборотѣ: Къ семъ рѣчемъ Проня Ѳедоровъ р. п. Къ семъ р. Мирославко р. п. Къ сѣмъ рѣчамъ Ивашко Михайловъ р. п. Къ сѣмъ рѣчемъ Ивашко Лопухинъ р. п. Къ сѣмъ рѣчамъ Дорогинка Одинцовъ р. п. Къ сѣмъ рѣчамъ Терешка Матѳѣевъ р. п. Къ семъ рѣчамъ Васка Ерѣмовъ р. п. Къ с. рѣчемъ Оська Грязновъ р. п. Къ сѣмъ речамъ Левка Орловъ р. п.

Астороханскіе конные стрѣльцы Данилова приказу Иваповича Милославсково: Сотня Василья Чупрасова: пятидесятникъ Степанко Иваповъ нижегородецъ, Меркушко Максимовъ астороханецъ, Осинко Ивановъ василегородецъ, Онтонко Несвитаевъ астороханецъ, Ивашко Михайловъ, Петрушка Ждановъ Баковъ, Игнашка Симановъ астороханецъ, десятникъ Ивашко Ульяновъ чабаксарецинъ, Ларка Борисовъ вятчанинъ, Любимъ Ѳеопасьевъ нижегородецъ, Макарко Дементьевъ ростовецъ, Иванко Федоровъ юрьевчанинъ, Ооопя Кузминъ астороханецъ, Иванко Тимоѳѣевъ алаторецъ, Опдрюшка Семеновъ песоченинъ, Микифорко Ивановъ Шваловъ, Ивашко Максимовъ астороханецъ, Степанко Никитинъ москвитинъ, Ивашко Борисовъ астороханецъ, Кирюшка Григорьевъ астороханецъ, Исачко Степановъ

Кисельниковъ, Сенька Семеновъ астороханецъ, Ромашко Григорьевъ астороханецъ, Малахъ Оптипинъ ярославецъ, Гриша Федоровъ луховецъ, Степанко Степановъ Кисельниковъ, Прибылой Никитинъ астороханецъ, Матюша Петровъ алышевецъ, Посничко Петровъ москвитинъ, Бессонко Ивановъ шатчанинъ, Ондрюша Ермолаевъ олексинецъ, Иванко Ивановъ кадуевецъ, Олеша Степановъ астороханецъ, Ларя Ивановъ суздалецъ, Васка Яковлевъ астороханецъ, десятникъ Борисько Григорьевъ москвитинъ, Семейка Захарьевъ галичанинъ, Агѣйко Ивановъ орленинъ, Михалко Ивановъ Батраковъ, Петрушка Григорьевъ каневецъ, Жданко Максимовъ москвитинъ, Климъ Ильинъ астороханецъ, Ивашко Демидовъ астороханецъ, Левка Васильевъ а-цъ, Ивашко Елизарьевъ а-цъ, Микитка Панкратьевъ суздалецъ, Титко Костянтиновъ переславецъ, Якупка Ѳедоровъ а-цъ, Куземка Ѳедоровъ москвитинъ, Якупка Тимоѳѣевъ а-цъ, Ивашко Игнатьевъ костромитинъ, десятникъ Васка Кирьяковъ а-цъ, Ларка Пантелѣевъ переславецъ, Гриша Ивановъ путимецъ, Богдашко Осдоровъ романовецъ, Максимко Никитинъ а-цъ, Гаврилко Богдановъ Кайдаловъ, Михѣйко Пятовъ а-цъ, Иванко Григорьевъ Трескинъ, Ооопя Савельевъ костромитинъ, Якунка Гавриловъ Лебяжинской, Васька Тихоновъ суздалецъ, Васка Павловъ а-цъ, десятникъ Семейка Ивановъ Овсяникъ, Митя Логиновъ галичанинъ, Ондрюшка Крисанфовъ астороханецъ, Михѣйко Васильевъ Шулгинъ Серега Степановъ а-цъ, Савостьянъ Олексѣевъ астороханецъ, Невѣрко Ширяевъ казанецъ, десятникъ Оноха Максимовъ Горлищевъ, Обросимко Ивановъ москвитинъ, Ивашко Еремѣевъ астороханецъ, Казаринко Тимофѣевъ коломистинъ, Булгачко Тихоновъ резанецъ, Суря Ондрѣевъ резанецъ, десятникъ Кондрашка Семеновъ тверитинъ, Дорочка Ѳроловъ свіяжепинъ, Гаврилко Ивановъ мясникъ, Емеля Никиѳоровъ а-цъ, Яшка Ивановъ а-цъ, Демидко Васильевъ резанецъ. Сотня Тимоѳѣя Топоркова, пятидесятникъ Семейка Опооресвъ москвитинъ, Наумко Осиповъ болховитинъ, Митя Лукьяновъ мещеринъ, Никиѳорко Лукьяновъ казанецъ, Иванко Денисовъ москвитинъ, Никифорко Микулинъ туленинъ, Михалко Ѳилиповъ волочанинъ, Данилко Михайловъ Чортовъ, Семейка Федоровъ Вяткинъ, десятникъ Ондрюшка Никитинъ а-цъ, Михалко Фроловъ а-цъ, Микулка Даниловъ казанецъ, Сергушка Даниловъ а-цъ, Тонкушка Ондрѣевъ тотменинъ, Янка Ондрѣевъ а-цъ, Васка Алексѣевъ москвитинъ, Степанко Яковлевъ донковецъ, десятникъ Филинко Ѳедоровъ Ровново, Ивашко Ивановъ ярославецъ, Илейка Сысоевъ москвитинъ, Шумилко Михайловъ лушанинъ, Лучка Матвѣевъ балахонецъ, Ермачко Карповъ балахонецъ, Ивашко Ивановъ Ушаковъ,

Олеша Обрасимовъ городчанинъ, Иванко Емельяновъ а-цъ, десятникъ Девятка Офонасьевъ Колобовъ, Елизарко Лукьяновъ Шишкинъ, Епиоанко Овдокимовъ балахонецъ, Осинко Гавриловъ москвитинъ, Демка Сергѣевъ Пеуновъ, Митька Семеновъ сапожникъ, Ивашко Иваповъ а-цъ, Пятунька Иваповъ балахопецъ, Васька Лаврентьевъ касимовецъ, Ѳедька Левонтьевъ городчанинъ, десятникъ Ондрюша Никитинъ смольянинъ, Юшка Дмитреевъ балахонецъ, Васка Мартыновъ галичанинъ, Петрушка Мининъ Шулга, Ондрюша Михайловъ Сурначѣевъ, Ивашко Мокѣевъ балахонецъ, Гарасимко Давыдовъ режевитинъ, Иванко Тимооѣевъ Витушникъ, Иванко Михайловъ Аркатъ, пятидесятникъ Лукьянко Сидоровъ олексинецъ, Василей Васильевъ Еремѣевъ, Пропька Аристовъ олексинецъ, Ганька Терентьевъ астороханецъ, Кормилко Ѳоминъ а-цъ, Ооопя Никитинъ шатчанинъ, Никитка Иваповъ Губаревъ, Иванко Ѳедоровъ Стародубъ, Сепька Бессоновъ а-цъ, Игнаша Федоровъ москвитинъ, Степанъ Спиридоповъ коломнетинъ, десятникъ Тимошка Васильевъ а-цъ, Василей Васильевъ москвитинъ, Илейка Юдинъ а-цъ, Ѳедька Ѳедоровъ Кусакинъ, Богдашко Ивановъ москвитинъ, Васка Оедоровъ Пивдо, Куземка Матвѣевъ пермитинъ, Петрушка Семеновъ Агапитовъ, Оська Игнатьевъ а-цъ, десятникъ Григорей Игнатьевъ казанецъ, Иванко Онисимовъ москвитинъ, Еска Гавриловъ Стригинъ, Божѣнъ Олексѣевъ москвитинъ, Лазарко Иваповъ володимерецъ, Овдокимко Дементьевъ казанецъ, Ѳедька Федоровъ Роговъ, Максимко Ивановъ а-цъ, Гаврилко Ивановъ Карамышевъ, десятникъ Иванко Иваповъ любимецъ, Иванко Олександровъ нижегородецъ, Ооопька Панкратовъ, Василе(й) Гэродецъ, Ѳедька Остаоьевъ поугородецъ, Игнаша Окипфеевъ Болдырь, Игнаша Тимооѣевъ Хохловъ, Ивашко Михайловъ касимовецъ, десятникъ Данилко Сысоевъ резанецъ, Бессонко Клементьевъ бронникъ, Дѣйко Ивановъ москвитинъ, Савка Оомипъ резанецъ, Неустройко Иваповъ Булгаковъ, Жданко Яковлевъ олексинецъ, Никиоорко Иваповъ резанецъ, Пропька Ѳадѣевъ Стародубъ, въ сыску сказали (*ничего не вѣдаютъ*). А сыскные рѣчи писалъ пятисотной подъячей Дениско Ивановъ стародубецъ.

На оборотѣ. Къ семъ речамъ стрелецъ Гаврилко Карамышевъ руку приложилъ. Къ семъ рѣчемъ рядовой стрелецъ Васька Петровъ р. п. Къ семъ речемъ стрелецъ Ивашко Максимовъ р. п. Къ семъ рѣчемъ Тимошка Васильевъ р. п. Къ семъ распроспымъ речамъ Меркуша Максимовъ р. п. Къ семъ распроспымъ речамъ Семейка Безсоновъ р. п.

Астороханскіе стрѣльцы Олексѣева приказу Никитича Шушерина.

Сотня Ивана Стаханова: пятидесятникъ Онучя Ѳѳопасьевъ москвитинъ, Ивашко Степановъ москвитинъ, Дружинка Ондрѣевъ ярославецъ, Васька Троѳимовъ коширенинъ, Матюша Ондросовъ риленинъ, Проня Чѣевъ поугородецъ, Домка Якимовъ рязщенинъ, Илья Ѳедоровъ арзамасецъ, Матюша Дмитреевъ поугородецъ, Булгакъ Тимоѳѣевъ резанецъ, десятникъ Григорей Овдокимовъ колуженинъ, Домка Онаньинъ муромецъ, Ивашко Дивѣевъ суздалецъ, Оська Потаповъ шуянинъ, Малахъ Агѣевъ переславецъ, Данилко Степановъ ростовецъ, Ермолка Семеновъ суздалецъ, Матюша Ортемьевъ москвитинъ, Ивашко Яковлевъ москвитинъ, десятникъ Кондратей Марковъ козлетинъ, Семейка Никитинъ белозерецъ, Треня Радіоновъ костромитинъ, Ивашко Ѳедоровъ москвитинъ, Богдашко Федоровъ коломнятинъ, Ивашко Потаповъ луховецъ, Богдашко Ивановъ поугородецъ, Ивашко Степановъ Шербакъ, Ѳиля Лукіяновъ ярославецъ, Мишка Ивановъ арзамасецъ, Ивашко Тимоѳѣевъ галиченинъ, Ондрюшка Петровъ москвитинъ, Ивашко Григорьевъ шатченинъ, Ивашко Володимеровъ костромитинъ, Кондрашка Логиновъ шуянинъ, десятникъ Бесонъ Никитинъ астроханецъ, Селиванко Клементіевъ москвитинъ, Митя Гарасимовъ москвитинъ, Гриша Тимоѳѣевъ лихъ, Ивашко Максимовъ ярославецъ, Данилко Михайловъ нижегородецъ, Посникъ Михайловъ москвитинъ, Серога Исаевъ ярославецъ, Васька Олексѣевъ москвитинъ, Семейка Радіоновъ костромитинъ, пятдесятникъ Олексѣй Давыдовъ москвитинъ, Семейка Михайловъ любимецъ, Посникъ Ѳедоровъ асторохапецъ, Ѳедоръ Олферьевъ каргополецъ, Ивашко Гавриловъ вологженинъ, Серога Мартемьяновъ Кувшининъ, Ивашко Филиповъ колмогорецъ, Васька Левонтіевъ Воротниковъ, Иванъ Микулинъ астроханецъ, Иванъ Митроѳановъ ярославецъ, десятникъ Павелъ Григорьевъ михайловецъ, Ивашко Ѳедоровъ коломнетинъ, Степанъ Ивановъ костромитинъ, Семейка Ивановъ вологженинъ, Трофимко Васильевъ москвитинъ, Баженко Ивановъ астроханецъ, Иванъ Ивановгородчянинъ, Васька Злобинъ тверитинъ, Беляйко Ѳедосѣевъ белянинъ, Дружинка Исаевъ нижегородецъ, десятникъ Семейка Троѳимовъ астроханецъ, Гриша Ильинъ углеченинъ, Васька Малаѳѣевъ астроханецъ, Васька Григорьевъ нижегородецъ, Тимошка Никитинъ костромитинъ, Дороѳѣй Васильевъ Бовыкинъ, Ивашко Семеновъ Грибановъ, Ѳедоско Ѳедоровъ переславецъ, десятникъ Троѳимъ Васильевъ москвитинъ, Ѳетька Онаньинъ костромитинъ, Серога Гавриловъ астроханецъ, Ивашко Григорьевъ суздалецъ, Ѳетька Петровъ касимовецъ, Степанко Денисовъ астроханецъ, Ѳетька Нечяевъ астроханецъ, Гришя Васильевъ астроханецъ, Марко Еонмовъ касимовецъ,

десятникъ Онанья Ооонасьевъ володимерецъ, Мартинко Наумовъ казанецъ, Миня Викулинъ казанецъ, Ондрюшка Кондратьевъ нижегородецъ, Ѳетька Неклюдовъ коширенинъ, Ивашко Яковлевъ нижегородецъ, Ромашко Матвѣевъ москвитинъ, Пашка Васильевъ нижегородецъ Васька Радіоновъ костромитинъ, Оснашка Ивановъ казанецъ, въ сыску сказали (*ничего не вѣдаютъ*). А сыскные рѣчи писалъ пятисотной подъячей Дружинка Степановъ.

На оборотѣ: Къ семъ сыскнымъ речамъ десятникъ Семейка Трооимовъ р. п. Къ семъ сыскнымъ рѣчамъ Ивашка Микулинъ р. п. Къ семъ сыскнымъ речамъ Посникъ Ѳедоровъ р. п. Къ сѣмъ сыскнымъ рѣчемъ Ивашко Соколовъ р. п. Къ с. с. р. Томилко Наумовъ р. п. Къ семъ сыскнымъ речемъ Левка Григорьевъ р. п. Къ семъ сыскнымъ речѣмъ десятникъ Тренька ростовецъ р. п.

Астороханскія стрельцы Иванова приказу Григорьевича Черткова. Петровы сотни Онтонова: пятидесятникъ Кузьма Еорѣмовъ болахонецъ, Ивашко Ѳедоровъ псковитинъ, Тимошка Мининъ астороханецъ, Матюшка Ивановъ Маленькой, Михалко Григорьевъ астороханецъ, Ооонька Яковлевъ одовецъ, Борисko Оксентьевъ ноугородецъ, Жданко Григорьевъ козанецъ, Михалко Ивановъ нерехченинъ, Тренька Ѳедоровъ ерославецъ, Кузьма Яковлевъ кашинецъ, Томилко Ивановъ астороханецъ, Дружинка Григорьевъ москвитинъ, Сидоръ Ивановъ кузнецъ, Петрушка Микитинъ ерославецъ, Гаврилко Яковлевъ володимерецъ, Данилко Посниковъ астороханецъ, Васко Тимоѳѣевъ астороханецъ, десятникъ Гришка Михайловъ гороховленинъ, Якушко Власовъ нижгородецъ, Ивашко Семеновъ белозерецъ, Обрамко Сливановъ астороханецъ, Данилко Овдокимовъ туленинъ, Митька Григорьевъ аст., Кирилка Ивановъ аст., Кирилка Петровъ аст., Тихонка Прокоѳьевъ аст., Ивашко Ондрѣевъ аст., Кирилка Матѳѣевъ астороханецъ, Петрушка Ондрѣевъ аст., пятидесятникъ Тимоѳѣй Михайловъ костромитинъ, Осипка Олексѣевъ астор., Лучка Перѳильевъ аст., Васка Дороѳѣевъ аст., Ооонька Васильевъ аст., Ѳролко Павловъ вязьметинъ, Ѳетька Лукьяновъ москвитинъ, десятникъ Посникъ Соѳоновъ бѣжечепинъ, Данилко Ѳедоровъ костромитинъ, Игнашка Микитинъ муромецъ, Ивашка Ондрѣевъ болахонецъ, Якушко Ивановъ москвитинъ, Соѳонька Савельевъ туленинъ, Ивашка Ивановъ володимерецъ, Ивашко Ивановъ аст., Илейка Ивановъ аст., Стенька Яковлевъ астор., Тимошка Ивановъ аст., Ооонька Лукьяновъ шуенинъ, Онанья Ондрѣевъ москвитинъ, Митька Григорьевъ москв., Дениска Васильевъ луховецъ, десятникъ Ѳетька Никиѳоровъ костромитинъ, Ивашка Семеновъ шатченинъ, Гришка

Григорьевъ аст., Ооонька Филипьевъ аст., Лучка Ивановъ аст., Данилка Сунгуровъ аст., Филька Ондрѣевъ аст., Степанка Еремѣевъ аст., десятникъ Пятунька Игнатьевъ нижегородецъ, Филька Ивановъ коломятинъ, Фетька Трофимовъ аст., Тимошка Ивановъ аст., Гришка Левонтьевъ аст., Ларька Денисовъ аст., Ивашка Феофиловъ аст., Онофрей Борисовъ шуенинъ. Сотня Савы Рагозина: пятидесятникъ Богданъ Михайловъ костромитинъ, Данилка Григорьевъ аст., Найденка Фоминъ москв., Данилка Ивановъ волошенинъ, Ондрюшка Трофимовъ аст., Кирилка Яковлевъ аст., Первушка Григорьевъ алаторецъ, Левка Семеновъ дриевецъ, Осипка Ивановъ аст., Игнашка Дмитреевъ аст., десятникъ Тимошка Олексѣевъ аст., Васка Ивановъ вологженинъ, Описимка Федоровъ москв., Петрушка Дементьевъ переславецъ, Емелька Меркульевъ козанецъ, Ларя Ивановъ резанецъ, Агѣйко Агапитовъ туленинъ, Семейка Романовъ аст., десятникъ Тонкуша Гавриловъ муромецъ, Степанка Ивановъ нижгородецъ, Ивашка Семеновъ аст., Сидорка Семеновъ коширенинъ, Левка Игнатьевъ костромитинъ, Левка Формонтьевъ ерославецъ, Васка Ивановъ подоленинъ, Якушко Степановъ нижгородецъ, Васка Ивановъ аст , десятникъ Митька Ивановъ Хохловъ, Ивашка Васильевъ аст., Михалка Васильевъ аст., Якимка Васильевъ козанецъ, Гришка Гавриловъ вереитинъ, Гришка Кондратьевъ аст., Семейка Родивоновъ луховецъ, Титка Фелелѣевъ аст., Олешка Ивановъ козанецъ, Ивашка Тихановъ одоевецъ, Титка Дорофѣевъ аст., пятидесятникъ Олексѣй Кузьминъ аст., Фетька Васильевъ нижгородецъ. Сотня Любима Старкова: пятидесятникъ Дмитрей Васильевъ москв., Левка Семеновъ орзомасецъ, Ивашко Сомойловъ нижгородецъ, Ивашка Ильинъ козанецъ, Родька Ивановъ Кисель, Первушка Федоровъ москв., десятникъ Гришка Григорьевъ мещерякъ, Потеха Фодѣевъ муромецъ, Васка Юрьевъ резанецъ, Гаврилка Ивановъ аст., Ларя Емельяновъ рященинъ, Елька Петровъ аст., Ондрюшка Дементьевъ павловецъ, Ортюшка Тимоофѣевъ аст., десятникъ Михалко Говриловъ аст., Фролко Михайловъ аст., Володька Кузьминъ аст., Торась Семеновъ костромитинъ, Ларя Максимовъ болахонецъ, Фетька Аристовъ козанецъ, Нехорошей Федоровъ нижгородецъ, Олешка Григорьевъ пронченинъ, десятникъ Меншикъ Григорьевъ коргополецъ, Анкудинка Вохромѣевъ аст., Русинка Фоминъ ростовецъ, Фетька Порфеньевъ аст., Жданка Гавриловъ козанецъ, Шестакъ Ларіоновъ москв., десятникъ Ондрѣй Долматовъ москв., Митька Кузминъ рященинъ, Фетька Потаповъ ноугородецъ, Степанка Олексѣевъ аст., Ивашка Юрьевъ аст., Васка Ивановъ резанецъ, Ивашка Григорьевъ аст., пятидесятникъ Ждапъ Олексѣевъ болахонецъ, Сергушка

Павловъ нижгородецъ, Пронька Ивановъ нижгородецъ, Ортюшка Ивановъ галичанинъ, Лазорка Прокооьевъ одоевецъ, Климка Олександровъ аст., Торасъ Петровъ туленинъ, Васка Еонмовъ колуженинъ, Оверс Ѳедоровъ рыбникъ, десятникъ Ивашка Тимооѣевъ шуенинъ, Осипка Порошинъ костромитинъ, Семейка Ульяновъ аст., Степанка Костентиновъ аст., Тимоха Борисовъ коломнятинъ, Ивашка Михайловъ рязенинъ, Ивашка Савеловъ козанецъ, Якушко Даниловъ Трусовъ, Горасимка Сергѣевъ аст., Ѳетька Ивановъ ржевитинъ, десятникъ Ивашка Васильевъ шатченинъ, Томилка Ѳоооновъ ерославецъ, Никопка Ондрѣевъ резанецъ, Ивашка Власовъ резанецъ, Ѳролко Ивановъ аст., Матюшка Торасовъ аст., Гаврилка Ивановъ аст., десятникъ Ивашка Ѳедоровъ Долгой, Ѳетька Парѳеньевъ аст., Левка Ондрѣевъ юрьевченинъ, Ѳетька Ѳилиновъ аст., Дорооѣйко Ѳилиновъ аст., Аптипка Ондрѣевъ аст., Минька Никоновъ аст., Васка Михайловъ аст., Максимка Ивановъ коломнятинъ, десятникъ Семейка Ивановъ вязьметинъ, Яковъ Васильевъ ерославецъ, Мокаръ Ивановъ аст., Мелехъ Ѳѳонасьевъ аст., Васка Ивановъ переславецъ, Ивашка Юрьевъ аст., Ѳетька Даниловъ асторохапецъ. Сотня Григорья Кольцова: пятидесятникъ Зовьялъ Прокооьевъ ерославецъ, Ѳетька Ивановъ коширенинъ, Куземка Даниловъ аст., Васка Ивановъ нижгородецъ, Оетька Михайловъ аст., Игнашка Петровъ аст., Нестерка Костентиновъ белевецъ, Михалко Ивановъ поугородецъ, Матюшка Максимовъ аст., Ивашка Мокѣевъ ржевитинъ, Андрюшка Описимовъ аст., Первушка Богдановъ ростовецъ, Мартынка Даниловъ нижгородецъ, Михалка Дмитреевъ аст., Ивашка Сидоровъ ерославецъ, десятникъ Васка Оксеновъ ерославецъ, Гришка Ивановъ Мутищовъ, Ивашка Васильевъ нижгородецъ, Плейка Гавриловъ аст., Михалко Родивоновъ строчникъ, Михалка Михайловъ москв., Васька Калининъ аст., Демка Лукьяновъ козанецъ, Ивашка Лукьяновъ аст., десятникъ Ивашка Семеновъ колмогорецъ, Ѳилипка Сойловъ (?) нижгородецъ, Гриша Михайловъ деневецъ, Ивашка Карповъ козанецъ, Ѳедька Михайловъ аст., Ѳетька Семеновъ аст., Данилка Ивановъ аст., Ондрюшъ Лукьяновъ москв., Ивашка Михайловъ аст., десятникъ Ѳетька Онтоновъ одоевецъ, Михалко Ѳедоровъ аст., Костя Борисовъ аст., Наумка Яковлевъ аст., Сомсонъ Исаевъ аст., Ивашка Ондрѣевъ аст., Степанка Яковлевъ аст., пятидесятникъ Пятокъ Никиѳоровъ москв., Деписка Гавриловъ каргополецъ, Демка Герасимовъ аст., Гаврилка Гордѣевъ москв., Ивашка Ивановъ москв., Ивашко Григорьевъ москв., Ѳетька Петровъ ялтцкой, Микитка Клементьевъ плесянинъ, Ларя Ѳоминъ болахонецъ, Горасимка Кириловъ болахонецъ, Микулка Григорьевъ болахонецъ,

Игнашка Родивоновъ тверитинъ, Кузьма Мокаровъ ржевитинъ, десятникъ Власъ Левонтьевъ курмышенинъ, Олешка Пиминовъ каргополецъ, Микитка Тимооѣевъ аст., Матюшка Ондрѣевъ аст., Петрушка Петровъ аст., Агѣйка Павловъ аст., Детко Ѳедоровъ аст., Первушка Михайловъ аст., Ивашка Павловъ аст., Петрушка Ворламовъ аст., десятникъ Павелъ Мартыновъ переславецъ, Ондрюшка Григорьевъ аст., Кирилка Еѳрѣмовъ аст., Илейка Лукьяновъ аст., Богдашка Лукьяновъ упженинъ, Ондрюшка Яковлевъ аст., Савка Степановъ свіяженинъ, Герасимка Петровъ аст., Васка Кондратьевъ аст., десятникъ Тренька Еремѣевъ москв., Онтопка Васильевъ аст., Троеимка Власовъ аст., Ивашка Ларивоновъ аст., Тораська Ивановъ аст., Якимка Костентиновъ аст., Елька Ивановъ аст., Ѳетька Семеновъ аст., Митька Ѳедоровъ аст., Михалка Кузьминъ асторохапецъ,—въ сыску сказали *(и проч.)*, тово не вѣдаемъ, а были мы въ тѣ поры по государевымъ службамъ на Яике и въ Козани. А человѣкъ у Семена Головина, Оксепкомъ зовутъ . . . . *(и на все прочее отозвались невѣдѣніемъ)*. А орменья въ Асторохани на гилянскомъ дворѣ есть, а имянъ имъ не вѣдоемъ, и зъ гилянсково двора ормепы не сваживали. А сыскные рѣчи писалъ стрелецъ Гришка Григорьевъ. *На оборотѣ*: Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ Рожества Богородицы попъ Кирила вмѣсто детей своихъ духовныхъ и прихожанъ руку приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речемъ Васка Ондрѣевъ руку приложилъ. Къ с. с. р. Ивашко Ивановъ р. п. Къ семъ сыскнымъ речамъ пятидесятникъ Пятунка руку приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речамъ Герасимко Сергѣевъ р. п. Къ семъ обыскнымъ рѣчемъ Оска Яковлевъ р. п. Къ семъ обыскнымъ речемъ пятидесятникъ Митька руку приложилъ.

Казанскій голова стрелецкой Сенгуръ Соковнинъ, да ево приказу сотники стрелецкіе, Иванъ Мокѣевъ, Василій Захарьинъ, Максимъ Нудомовъ. А въ сыску сказали по государеву *(и проч. На все отозвались невѣдѣніемъ)*. А сыскные речи писалъ стрелецъ тово жъ приказу Куземька москвитинъ. Лѣта 7124 году августа въ 22 день.

На оборотѣ: Къ сыскнымъ рѣчемъ Сенгуръ Соковнинъ р. п. Къ сыскнымъ рѣчамъ Иванъ Мокѣевъ и въ Васильево мѣсто Захарьина и въ Максимово мѣсто Нудомова р. п.

Казанскіе стрельцы Гордѣева приказу Ѳеопасьевича Пальчикова. Матвеевы сотни Кудашева: десятникъ Любимъ Кондратьевъ москвитинъ, Ивашко Михаиловъ москв., Филька Богдановъ казанецъ, Юрка Малаховъ Хлебниковъ, Матюшка Микитинъ суздалецъ, Семейка Левонтьевъ устюжанинъ, Десятко Степановъ устюжанинъ, Гапка Михайловъ

казанецъ, десятникъ Первой Дмитреевъ москв., Оска Васильевъ суздалецъ, Ѳетька Михайловъ строгальникъ, Еремка Яковлевъ сапожникъ, Ѳролко Костентиновъ беленинъ, Ѳетка Есиповъ костромитинъ, Гришка Микитинъ осколенинъ, Матюшка Ивановъ Друшковъ, Мишка Юрьевъ каз., десятникъ Дорофей Малаховъ Хлебниковъ, Любимко Дѣевъ юрьевчанинъ, Богдашко Ивановъ галечанинъ, Заметенка Семеновъ каз., Гришка Семеновъ месникъ, Васка Кондратьевъ Свистовъ, десятникъ Онанья Семеновъ москв., Ивашко Семеновъ каз., Спирька Павловъ муром., пятидесятникъ Григорей Ивановъ Корниловъ, Стенька Описимовъ смольянинъ, Захарко Григорьевъ ерославецъ, Семейка Лукинъ сапожникъ, Ивашка Ивановъ тетюшанинъ, десятникъ Нестеръ Ивановъ москв., Ивашко Гавриловъ москв., Олешка Микифоровъ Сусловъ, Савка Парфеновъ костромитинъ, Фетка Фадѣевъ казанецъ, Якушко Ивановъ Годовиковъ, Макарко Ивановъ костромитинъ, Семейка Гавриловъ каз., Максимко Игнатьевъ сапожникъ, десятникъ Ганя Степановъ каз., Онилька Микитинъ усолецъ, Ротка Борисовъ Малахеевъ, Ивашко Сергѣевъ Худяковъ, десятникъ Третьякъ Дмитреевъ вятченинъ, Якимко Микитинъ арзамасецъ, Ивашко Ульяновъ казанецъ, Ооонька Григорьевъ завязошникъ, Исачко Ильинъ алаторецъ, Якушко Ружининъ серебряникъ Мишка Васильевъ каз., десятникъ Ивашко Федоровъ каз., Серга Митрооановъ костромитинъ, Ивашко Васильевъ годовиковъ, Васка Ивановъ Папютинъ, Илейка Митрофановъ костромитинъ, Мишка Юрьевъ Косолаповъ, Корнилко Васильевъ асторохапецъ. Якимовы сотни Пыхочева: пятидесятникъ Федоръ Ортемьевъ Юрловъ, Ивашко Левонтьевъ овошникъ, Якушко Юрьевъ каз., Ивашко Ѳедоровъ шубникъ, Ивашко Опцыѳоровъ ярославецъ, Тренька Ивановъ серебряникъ. Дружинка Сысуевъ черникъ, Ивашко Микиѳоровъ ростовецъ, десятникъ Иванъ Оптоновъ костромитинъ, Елка Денисовъ казан., Кондрашка Ивановъ мосалитинъ, Мирошка Гавриловъ костромитинъ, Ѳетька Семеновъ казан., Бориско Тарасовъ костром., Еремка Тарасовъ казан., Петрунька Родивоновъ казан., Минька Сидоровъ ярославецъ, десятникъ Будило Ивановъ москв., Ромашко Ивановъ казан., Ивашко Олексѣевъ Пантюхинъ, Ивашко Савельевъ казан., Васка Тимофеевъ сапожникъ, Ѳомка Захаровъ нижегородецъ, Гаврилко Луконовъ казанецъ, десятникъ Посникъ Степановъ Толмачевъ, Томилко Григорьевъ Быкъ, Ивашко Дементьевъ москвит., Куземка Троѳимовъ казан., Митка Логиновъ казан., Ивашко Посниковъ казан., Семейка Микитинъ випокуръ, десятникъ Оверкей Степановъ казан., Васка Ивановъ белепинъ, Ортюшка Ивановъ Окатовской, Гришка Семеновъ Шишовъ, Мишка Савинъ

завязошникъ, Парѳенко Ивановъ казанецъ, Елфимко Григорьевъ смольянинъ, Семейка Кузьминъ казан., Ивашко Михайловъ немчинъ, десятникъ Любимъ Исаевъ смольянинъ, Гришка Клементьевъ Рошковъ, Нежданко Ларивоновъ казан., Данилко Васильевъ казан., Ромашко Микитинъ сапожникъ, Ивашко Офонасьевъ казан., Максимко Ивановъ чебоксаренинъ, десятникъ Петръ Исаковъ гороховленинъ, Кирило Романовъ казан., Васка Семеновъ вологженинъ, Семейка Федотовъ новоторжецъ, Ивашко Микитинъ Пыжовской, Васка Клементьевъ Кузьминъ, Ромашко Дмитреевъ сапожникъ, Ромашко Васильевъ немчинъ, десятникъ Родивонъ Сергѣевъ скорнякъ, Фетка Давыдовъ новоторжецъ, Ивашко Тимофеевъ муромецъ, Игнашко Ильинъ каз., Ивашко Васильевъ старечанинъ, Васка Григорьевъ устюжанинъ, десятникъ Иванъ Нестеровъ юрьевчанинъ, Митка Селиверстовъ казан., Мишка Степановъ половой, Ганка Гавриловъ плотникъ, Ивашко Наумовъ москв., Ивашко Нестеровъ масленикъ, Тараско Григорьевъ усолецъ. Семеновой сотни Урывкова: пятидесятникъ Степанъ Ермолинъ белозерецъ, Богдашко Офонасьевъ волочениновъ, Ивашко Остаѳьевъ сапожникъ, Ортюха Ерофеевъ каз., Любимко Яковлевъ сапожникъ, Титко Ерофеевъ казан., Мартынъ Мартыновъ литвинъ, Ивашко Федоровъ каз., Семейка Кондратьевъ каз., десятникъ Путило Федоровъ каз., Митка Ивановъ самаренинъ, Лучка Григорьевъ нижгородецъ, Еремка Конаповъ каз., Васка Семеновъ Жилинъ, Ѳетька Семеновъ Проскуряковъ, Мишка Васильевъ каз., Васка Силинъ кузнецъ, Ортюха Сидоровъ гороховленинъ, Богдашко Ивановъ хомутинникъ, Савка Ивановъ каз., десятникъ Василей Ефимовъ костромитинъ, Митька Курбатовъ коломнятинъ, Онтошка Ивановъ калашникъ, Ивашко Дѣевъ каз., Дружинка Юрьевъ каз., Терешка Левонтьевъ каз., Бориско Дмитреевъ шуянинъ, Булатко Ѳедотовъ ярославецъ, Володя Кузьминъ казан., Ѳедоско Ивановъ каз., десятникъ Севрюкъ Максимовъ курмытинъ, Томилко Григорьевъ каз., Ивашко Степановъ костромитинъ, Гришка Ивановъ каз., Якушко Григорьевъ каз., Ондрюшка Елезарьевъ Котыревъ, Ѳоимко Попкратьевъ юрьевчанинъ, Богдашко Русиновъ ярославецъ, Ондрюшка Микитинъ Горшковъ, Бориско Михайловъ каз., десятникъ Яковъ Корниловъ ярославецъ, Яковъ Ивановъ плотникъ, Климъ Костентиновъ ростовецъ, Фока Михайловъ каз., Ивашко Петровъ ножевникъ, Митька Описимовъ каз., Псачко Ивановъ плотникъ, Малахъ Ивановъ свіяженинъ, Ивашко Онооreевъ каз., десятникъ Оска Васильевъ вологженинъ, Ивашко Васильевъ каз., Ивашко Самойловъ, Костенька Дмитреевъ каз., Ивашко Елизарьевъ нижгородецъ, Михалко Семеновъ ростовецъ, Ѳилька Феѳиловъ Петухъ, Гришка Ивановъ

немчинъ. Иваповы сотни Маматовой: пятидесятникъ Петръ Осиповъ гороховленинъ, Самойло Нефедовъ костромитинъ, Богдашко Семеповъ москв., Максимко Офопасьевъ каз., Дружинка Михайловъ Уезда, Оска Петровъ Кисельниковъ, Гришка Григорьевъ Кривопаловъ, Илейка Ѳедоровъ каз., десятникъ Слота Савельевъ каз., Воинко Семеповъ павловецъ, Ивашко Ивановъ Шульга, Лунька Семеповъ муромецъ, Сергуша Микитинъ калугинъ, Сидорко Микитинъ кипешемецъ, Васка Павловъ москв., Тишка Григорьевъ чебоксаренинъ, Путилко Ортемьевъ рященинъ, Климко Павловъ Кожемякинъ, десятникъ Сооонъ Васильевъ холмитинъ, Ивашко Григорьевъ нижгородецъ, Ивашко Григорьевъ Четвертка, Фетка Петровъ москв., Ивашко Васильевъ колесникъ, Микиѳорко оптоновъ севергинъ, Ромашко Ивановъ Шульгинъ, Еремка Ивановъ немчинъ, десятникъ Филя Дорофеевъ балахонецъ, Гарасимко Семеновъ тенковецъ, Васка Евсеевъ псковитинъ, Гришка Микитинъ калугинъ, Япка Семеновъ Житченковъ, Ивашко Ивановъ павловецъ, пятидесятникъ Иванъ Михайловъ кадомецъ, Данилко Петровъ нижгородецъ, Матюша Сергѣевъ вятченинъ, Ивашко Костентиновъ псковитинъ, Гришка Михайловъ устюжанинъ, Данилка Олексеевъ Орловъ, Ивашко Романовъ володимерецъ, десятникъ Яковъ Лукояновъ шатченинъ, Гапка Васпльевъ каз., Петрунька Дмитреевъ каз., Данилко Лукояновъ шатченинъ, Стенька Ивановъ устюжанинъ, Шеступка Ивановъ свіяженинъ, Васка Яковлевъ каз., Ивашко Семеновъ вятченинъ, десятникъ Матюшка Микифоровъ нижгородецъ, Левка Васильевъ рукавишникъ, Баженко Федоровъ Епсохъ, Захарко Ивановъ беленинъ, десятникъ Левоптей Сергѣевъ Трясковъ, Офонька Олексѣевъ Веселой, Максимко Елизарьевъ смольянинъ, Архипко Борисовъ москв., Тишка Ивановъ каз., Олешка Ивановъ муромецъ. Максимовы сотни Хвостова: пятидесятникъ Клементей Савельевъ каз., Гарасимко Гавриловъ Ездокъ, Стенька Макаровъ юрьевчанинъ, Фетька Понкратьевъ месникъ, Офонька Якимовъ муромецъ, Пашка Семеновъ нижгородецъ, Ротка Ивановъ Смышляевъ, Ивашко Парѳеновъ арзамасецъ, Дениско Парфеновъ каз., Первой Власовъ москв., Игпашко Митроѳаповъ балахонецъ, десятникъ Павелъ Ларивоповъ каз., Онтошко Пятовъ Кузнецовъ, Васка Васильевъ каз., Ивашко Григорьевъ темниковецъ, Терешка Яковлевъ каз., Богдашко Семеновъ вятченинъ, Ивашко Лукояновъ каз., Якимко Яковлевъ сапожникъ, десятникъ Тиша Истоминъ холщевникъ, Тишка Гарасимовъ вологженинъ, Ротька Гавриловъ костромитинъ, Томилко Олексѣевъ каз., Демка Григорьевъ каз., Лучка Митрофановъ костромитинъ, Михалко Ивановъ Короткой, десятникъ Казаринъ Микитинъ ерославецъ, Ивашко Ивановъ

овчинникъ, Ивашко Сооповъ Мухинъ, Карпунька Васильевъ Гвоздь, Митька Ивановъ кузнецъ, Ортемко Павловъ тюменецъ, Терешка Васильевъ немчинъ, пятидесятникъ Жадай Максимовъ устюжанинъ, Ивашко Семеновъ каз., Тимошка Ивановъ каз., Бажепко Ларивоповъ свіяжепинъ, Треня Полуехтовъ ерославецъ, Ооопька Ларивоновъ свіяжепинъ, Ивашко Дементьевъ Завьялъ, Ивашко Лукояновъ портной мастеръ, Олешка Семеновъ костромитинъ, Ивашко Клементьевъ можаитинъ, Гришка Елизарьевъ шатчепинъ, Семейка Соѳоповъ Щадра, десятникъ Стенка Ѳедоровъ галечанинъ, Петруша Мартыновъ литвинъ, Сергуша Мипинъ каз., Трошка Ивановъ каз., Лучка Исаевъ тетюшапинъ, Васка Петровъ оловепишникъ, Ивашко Ондреевъ каз., десятникъ Проня Ермолинъ каз., Васка Ивановъ сапожникъ, Нестерко Ивановъ каз., Пронька Яковлевъ усолецъ, Ивашко Ивановъ немчинъ, десятникъ Исакъ Ивановъ поугородецъ, Микиоорко Ивановъ Торговкинъ, Давытко Ивановъ костромитинъ, Ивашко Семеновъ масленикъ, Ивашко Федоровъ каз., Ефремко Микиооровъ алаторецъ, Митка Микиѳоровъ каз., Богдашко Степановъ Сторожевъ, Левка Михайловъ Житченковъ, Васка Кондратьевъ Васильевъ, — въ сыску сказали *(не помнятъ или не вѣдаютъ)*. А сыскныя рѣчи писалъ стрелецъ того жъ приказу, Митька Селиверстовъ казанецъ, лѣта 7124-го году, августа въ 8 день.

На оборотѣ подписи: Къ семъ сыскпымъ рѣчамъ Ивашко Гавриловъ руку приложилъ. Къ с. с. р. Матюшка Никитинъ р. п. Къ с. с. р. Ѳетька р. п. Къ с. с. р. Ивашка Семеновъ р. п. Къ с. с. р. Якупка Годовиковъ р. п. Къ с. с. р. Васка р. п. Къ с. с. р. Богдашко р. п. Къ с. с. р. Поспичко р. п. Къ с. с. р. Оська Петровъ р. п. Къ с. с. р. Савка р. п.

Казанскіе стрѣльцы Сенгурова приказу Семеновича Соковнина. Ивановы сотни Мокѣева: пятидесятникъ Истома Осиповъ Молчановъ, Оспнъ Тимоѳѣевъ важеюпъ, Тишка Ильинъ каз., Куземка Онтроповъ ржевитинъ, Ивапко Яковлевъ свіяженинъ, Карпупка Сергѣевъ плотникъ, Ѳедька Назаровъ немчинъ, Яшка Похомовъ можареппнъ, Баженъ Еоимовъ бѣжечепинъ, Карпъ Ѳедоровъ невленинъ десятникъ Иванъ Матвѣевъ Болдырь, Гриша Трисоповъ каз., Иванко Захарьевъ каз., Олеша Архиповъ муромецъ, Нечайко Савельевъ каз., Иванко Терентьевъ нижегородецъ, Гришка Троонмовъ олаторецъ, Дорохъ Яковлевъ ржевитинъ, Иванко Борисовъ медынецъ, Иванко Сидоровъ москв., десятникъ Иванко Григорьевъ Резанъ, Терехъ Матвѣевъ торопченинъ, Савка Степановъ двипенинъ, Илейка Михайловъ каз., Ѳедька Микиѳоровъ каз., Левка Семеновъ каз., Ѳедька Харламовъ галиченинъ, Екимка Васильевъ

каз., Климка Васильевъ немчинъ, десятникъ Кузьма Ивановъ лапшевецъ, Ондрюшка Микѳоровъ володимѣрецъ, Кузьма Баженовъ москв., Ѳедька Дмитреевъ нижегородецъ, Ондрюшка Григорьевъ москв., Васка Дмитрѣевъ нижегородецъ, Иванко Васильевъ свіяженинъ, Иванко Дмитрѣевъ нижегородецъ, Олеша Перѳильевъ свіяженинъ, Пятунка Ондрѣевъ каз., десятникъ Кузьма Олександровъ важенинъ, Сава Семеновъ юрьевченинъ, Карпунка Ильинъ ярославецъ, Первой Савостьяновъ месникъ, Ѳедька Петровъ касимовецъ, Тренька Онисимовъ свіяженинъ, Янька Обросимовъ каз., Карпилка Ивановъ юрьевченинъ, Онтонка Михайловъ немчинъ, Бажепка Потаповъ каз., пятидесятникъ Макаръ Ѳѳопасьевъ усолецъ, Мишка Михайловъ Круглинъ, Иванко Яковлевъ болахонъ, Иванко Есиповъ вятченинъ, Илья Троѳимовъ москв., Иванко Михайловъ ярославецъ, Михалко Дмитрѣевъ свіяженинъ, Путилка Степановъ каз., Дружина Ѳедоровъ колуженинъ, Мишка Онисимовъ свіяженинъ, десятникъ Елистратъ Ѳедоровъ каз., Митька Ѳедоровъ Литвиновъ, Елѳиска Тарасовъ каз., Данилка Ѳедоровъ астороханецъ, Демка Емельяновъ костромитинъ, Исанка Тарасовъ каз., Куземка Ульяновъ каз., Логвинъ Огаѳоновъ володимерецъ, Иванко Кириловъ немчинъ, Стенька Троѳимовъ каз., десятникъ Иванъ Васильевъ устюженинъ, Кондратей Емельяновъ устюженинъ, Васка Григорьевъ москв., Осипъ Ивановъ Чередовъ, Иванко Михайловъ вологженинъ Васка Ѳедоровъ Барсуковъ, Тишка Борисовъ москв., Васка Ѳилипьевъ олаторецъ, Обрамка Карпиловъ лапшевецъ, Власъ Сергѣевъ смоленинъ, десятникъ Устинъ Максимовъ старорусецъ, Іевко Ѳѳопасьевъ Чередовъ, Данилка Карповъ каз., Макарка Михайловъ каз., Митька Ондрѣевъ пѣреславецъ Исанка Ивановъ каз., Семейка Ивановъ ярославецъ, Куземка Васильевъ Ладыгинъ, Гришка Устиновъ каз., Кондрашка Исаковъ пѣреславецъ, десятникъ Дружина Иваповъ свіяженинъ, Иванко Остаѳьевъ лапшевецъ, монастырщина Иванко Микитинъ москв., Ѳедька Никиѳоровъ володимерецъ, Русанко Осиповъ орзамазецъ, Полутка Троѳимовъ свіяженинъ, Володька Ореѳьевъ лапшевецъ, Микиѳорко Ондрѣевъ епанешникъ, Ларка Ѳедоровъ свіяженинъ. Васильевы сотни Захарьина: пятидесятникъ Лука Васильевъ ярославецъ, Микита Олексѣевъ нижегородецъ, Гриша Васильевъ стародубѣцъ, Олеша Ѳедоровъ орзамазецъ, Иванко Лукъяновъ зубченинъ, Копапко Ивановъ орзам., Пронька Ѳедоровъ орзам., Жданка Игпатьевъ Хахловъ, Богданко Игпатьевъ олексипецъ, Иванко Онтоновъ Попко, Матюшка Григорьевъ казан., десятникъ Евсевей Григорьевъ костромитинъ, Иванко Олександровъ важенинъ, Ооопька Дороѳеевъ шапошникъ, Семенъ Харитоновъ грезинъ, Лука Ивановъ месникъ,

Иванко Сельверстовъ костромитинъ, Ѳѳонька Максимовъ муромецъ, Харька Васильевъ казан., Ѳедька Юрьевъ каз., Бориска Яковлевъ казан., десятникъ Богданъ Васильевъ двинепинъ, Иванко Васильевъ стародубѣцъ, Максимъ Ондрѣевъ седельникъ, Иванко Ѳедоровъ шапошникъ, Екимко Емельяновъ Томилка, Михалко Ивановъ певленинъ, Оброска Теренътьевъ каз., Куземка Ивановъ Зуевъ, Петрупка Ондрѣевъ каз., Ѳедька Игнатьевъ каз., Ѳилька Сергѣевъ каз., десятникъ Микиѳоръ Обрамовъ вологженинъ, Иванко Ивановъ костромитинъ, Иванко Григорьевъ ярославецъ, Иванко Елизарьевъ володимѣрецъ, Куземка Елизарьевъ каз., Богданка Пѣтровъ пошехонъ, Мартынка Кабнинъ (?) сопожникъ, Богданка Ѳѳонасьевъ Чепырипъ, Ондрюшка Тимоѳѣевъ юрьевченинъ, Гришка Прокоѳьевъ каз., десятникъ Микиѳоръ Обрамовъ вологженинъ, Иванко Микиѳоровъ ростовецъ, Первушка Нечаевъ вологженинъ, Микиѳоръ Борисовъ торопченинъ, Микиѳоръ Микулинъ ржевитинъ, Ѳѳонька Титовъ москв., Пропька Даниловъ каз., Демка Ѳилипьевъ оловѣнишпикъ, Семейка Ѳѳонасьевъ устюженинъ, десятникъ Иванъ Оникѣевъ пѣреславецъ, Яковъ Васильевъ пѣресл., Купрѣянко Тимоѳѣевъ каз., Иванко Михайловъ костромитинъ, Иванко Дмитреевъ Микульской, Стенька Конановъ олаторецъ, Михалко Ивановъ коргаполецъ, Ѳома Ѳедосьевъ вятченинъ, Семка Ондрѣевъ Дягилевъ, Гришка Ивановъ казанецъ. Максимавы сотни Нудомова: пятидесятникъ Петръ Исаковъ каз., Ѳедька Ивановъ кайгородецъ, Ѳилька Ѳоминъ Пѣшковъ, Иванко Гавриловъ каз., Гришка Гавриловъ мурашкинецъ, Родька Семеновъ болахонецъ, Исачка Федоровъ котельникъ, Васка Давыдовъ каз., Савка Обрамовъ немчинъ, десятникъ Петръ Ивановъ Шетровской, Григорей Федоровъ псковитинъ, Богданко Перѳильевъ устюженинъ, Иванко Михайловъ ржевитинъ, Богданко Васильевъ ярославецъ, Тимошка Яковлевъ Кочкинъ, Иванко Ивановъ орзамазецъ, Гришка Ивановъ Новиковъ, Иванко Ермолинъ москв., десятникъ Микиѳоръ Борисовъ торопченинъ, Иванко Матвѣевъ двинепинъ, Иванко Юрьевъ кореленинъ, Иванко Михайловъ каз., Панька Яковлевъ лапшевецъ, Степька Ивановъ Шевыревъ, Серешка Микитинъ романовецъ, Останъ Лукьяновъ холмитинъ, десятникъ Оптипа Петровъ лапшевецъ, Ѳедька Ивановъ болахонецъ, Иванко Семеновъ корташевецъ, Демка Ѳедотовъ костромитинъ, Кондрашка Елизарьевъ нижегородецъ, Иванко Ивановъ Воротынцовъ, Панька Дмитреевъ каз., Ѳедька Васильевъ москв., Оска Ивановъ каз., десятникъ Ѳедоръ Васильевъ галичепинъ, Семейка Ѳроловъ костромитинъ, Ларька Ѳедоровъ кузнецъ, Левка Ѳедоровъ кузнецъ, Захарка Ивановъ каз., Иванко Игнатьевъ устюжинпнъ,

Изотка Троѳимовъ каз., Павелъ Мартыновъ коповалъ, Данилка Михайловъ немчинъ, Куприѣянко Ѳилипьевъ Лыковъ, пятидесятникъ Иванъ Федоровъ углеченинъ, Томила Окуловъ вологженинъ, Гриша Микитинъ ярославецъ, Васка Павловъ галиченинъ, Васка Марковъ ярославецъ, Лева Карповъ углеченинъ, Иванко Ооонасьевъ ржевитинъ Гаврилка Васильевъ свіяженинъ, Курдюкъ Васильевъ ярославецъ, Первушка Павловъ Жилинъ, десятникъ Микита Ларивоновъ Губинъ, Ѳедька Кондратьевъ лыковецъ, Семейка Даниловъ вологженинъ, Янька Огаѳоновъ володимѣрецъ, Стенька Исаевъ каз, Микиѳорка Ильинъ галиченинъ, Пятунка Ермолинъ лапшевецъ, Ооонька Ѳоминъ лапшевецъ, Пашка Ивановъ каз., Ондрюшка Ивановъ каз., десятникъ Дружина Семеновъ ярославецъ, Иванко Васильевъ Щербакъ, Лазарь Ивановъ ноугородецъ, Иванко Львовъ ярославецъ, Огаѳонька Ивановъ костромитинъ, Поспикъ Гавриловъ костромитинъ, Куземка Ульяновъ казанецъ, Милютка Наумовъ болахонецъ, Дружинка Наумовъ болахонецъ, Микитка Ивановъ свіяженинъ, Аристька Еуоимьевъ володимѣрецъ, Горасимко Ондрѣевъ каз., Власъ Дементьевъ тулепинъ, Васка Васильевъ нижегородецъ, Котиѳейка Ивановъ уѳинецъ, Васка Зиновьевъ свіяженинъ, Иванко Микиѳоровъ углеченинъ, десятникъ Нехорошей Терентьевъ Коралевъ, Епька Ортемьевъ Телешовъ, Иванко Моссевъ пѣсоченинъ, Иванко Карповъ юрьевченинъ, Тренька Савельевъ каз., Оска Оксеньтьевъ каз., Савка Кондратьевъ каз., Емелька Ооопасьевъ ростовецъ, Иванко Устиновъ костромитинъ. Обаймавы сотни Колзакова: пятидесятникъ Богданъ Ѳилипьевъ коломнетинъ, Иванко Якимовъ шатченинъ, Иванко Сидоровъ москв., Петрупка Ѳедоровъ каз., Васка Соѳоновъ костромитинъ, Ондрюшка Ивановъ москв., Иванко Богдановъ каз., Ѳилька Ивановъ кузнецъ, Ѳомка Ларивоновъ коломнетинъ, Микитка Григорьевъ кокшаженинъ, Ѳедька Васильевъ каз., Марка Игнатьевъ каз., Игонка Олѳерьевъ каз., Микитка Ѳилипьевъ суздалецъ, Поздейка Семеновъ нижегородецъ, Пароепко Макѣевъ юрьевченинъ, Олеша Ондрѣевъ новокрѣщенъ, Ѳролко Ѳедоровъ каз., десятникъ Микитка Сидоровъ ноугородецъ, Ондрюша Васильевъ Полстовалъ, Иванко Михайловъ вятченинъ, Богданко Прокооьевъ устюжинъ, Савка Михеевъ суздалецъ, Петрунька Васильевъ темниковецъ, Левка Горасимовъ каз., Овдакимка Ивановъ каз., Родька Матвѣевъ каз. Васка Дмитреевъ ярославецъ, Иванко Тимоѳеевъ москв., Михалка Ѳедоровъ новокрѣщенъ, Ларька Кузьминъ олаторецъ, Тимошка Михайловъ орзамазецъ, Богданъ Костентиновъ вятченинъ, Гришка Терептьевъ орзамазецъ, Иванко Микиѳоровъ суздалецъ, десятникъ

Овдакимъ Остаѳьевъ лапшевецъ, Булатъ Елисеевъ Молчановъ, Павелъ Олексѣевъ свіяженинъ, Ооопя Ѳилипьевъ суздалецъ, Матюша Даниловъ Паршиловъ, Опдрей Васильевъ Климовъ, Ѳедька Остаѳьевъ лапшевецъ, Семейка Даниловъ Паршиловъ, Петрунька Потаповъ корачевецъ Ѳторышка Ѳедоровъ каз., пятидесятникъ Терентей Мануйловъ костромитинъ, Жданка Денисовъ устюженинъ, Олферка Симоновъ кадомецъ, Тимоха Павловъ ржевитинъ, Иванко Ивановъ моск., Иванко Ѳедоровъ Голощаповъ, Панька Симоновъ кадомецъ, Ондрѣйка Еремеевъ суздалецъ, Стенька Тарасовъ тетюшенинъ, Любимка Терентьевъ каз., десятникъ Кирила Ивановъ Проскурнинъ, Степанко Ондрѣевъ смольенинъ, Посникъ Потаповъ ярославецъ, Матюшка Яковлевъ каз., Посникъ Огапитовъ яросл., Тимоха Сидоровъ лученинъ, Митя Ѳедоровъ ржевитинъ Ѳедотка Ѳилипьевъ опатошецъ, Дружинка Ивановъ Толмачовъ, Ва (sic) Сидоровъ переславецъ, Демка Ивановъ каз., Митька Левонтьевъ бѣленинъ, Васка Никитинъ упженинъ, Иванко Ѳроловъ пѣреславецъ, Баженка Михайловъ казанецъ, Иванко Ермолинъ темниковецъ, Васка Степановъ каз., Лучка Ѳилипьевъ каз., Овдакимка Троѳимовъ каз., Данилка Якимовъ каз., Иванко Павловъ Хомчаковъ, Обрамъ Ивановъ нижгородецъ, Тимоха Ивановъ Лопата, Молчанъ Ивановъ вологженинъ, Пароенка Спиридоновъ костромитинъ, Семейка Богдановъ Тарбѣевъ, Иванко Ѳедоровъ опаташецъ, Ѳока Ивановъ галиченинъ, Игонька Ларивоновъ устюженинъ, Денисъ Васильевъ вятченинъ, въ сыску сказали по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. крестному целованью: *(Ничего не въдаютъ).* А сыскные речи писалъ пятисотной подъячей Екушко Телѣшовъ, лѣта 7124-го августа въ 2 де(нь).

На оборотѣ подписи: Къ семъ речамъ воскресенской попъ Антипа, вместо детей своихъ духовныхъ, руку приложилъ. Къ с. с. р. Куземка москвитинъ р. п. Къ с. с. р. стрелецъ Ооонка р. п. Къ с. с. р. стрелецъ Иванка Васильевъ р. п. Къ с. с. р. стрелецъ Ивако (sic) р. п. Къ с. с. р. Булатко р. п. Къ с. с. р. Нехорошко р. п. Къ с. с. р. Богданко р. п.

Астороханскіе пушкари, староста Васька Федоровъ самопальникъ, Богдашко Васильевъ Брюховъ, Максимко Остафьевъ ситникъ, Истомка Матвѣевъ лученинъ, Володька Ивановъ москв., Ромашко Степановъ астр., Федько Алайпѣевъ Тела, Кирюшко Семеновъ астр., Артюшко Оомипъ кузпецъ, Ѳедько Ивановъ астр., Богдашко Дмитрѣевъ свіяженинъ, Ивашко Ивановъ Кропивинъ, Анашка Михайловъ, Тимошка Никаповъ, Ивашко Ивановъ шуянинъ, Лучка Истоминъ астр., Мещерко Ѳедоровъ свіяженинъ, Богдашко Михайловъ

галеченинъ, Шерапко Ивановъ москв., Мешникъ Игнатьевъ плотникъ, Ивашко Алексѣевъ Дурандинъ, Васка Ивановъ донковецъ, въ сыску сказали *(и проч., ничего не въдаютъ)*. А мечете поставлена для кизылбасскихъ людей при розтригѣ, а мечети на печатывали ..... А на гилянскомъ дворѣ арменья Вартанъ да Сѣргѣй. да Петръ, да Федоръ, да Иванисъ, да Григорѣй. А живутъ на гилянскомъ дворѣ Вартанъ лѣтъ зъ дватцать, а годы зъ два въ толмацкомъ откупу, а иные живутъ лѣтъ по десяти и по пятинатцати, а на бухарскомъ дворѣ армяньи пѣтъ. а при царѣ Борисѣ гилянсково двора арменьи не сважпвали, а которые крестились, и тѣхъ свели на посадъ, и живутъ въ посадцкихъ людехъ. А сыскные рѣчи писалъ стрѣлецъ Иванова приказу Черткова Герасимко Сергѣевъ. *Подписи.* Къ семъ сыскнымъ речамъ Васка Ѳедоровъ р. п. Къ семъ с. р. Богдашко р. п. Къ спмъ с. р. Лука Истоминъ р. п.

Астороханскіе посадскіе торговые земскіе люди, староста Макаръ Ивановъ Зверовщиковъ, Обросимъ Никитинъ, Иванъ Григорьевъ Карамышевъ, Иванъ Захарьевъ, Василей Салковъ, Ѳедоръ Трооимовъ, Иванъ Григорьевъ, Иванъ Ѳедоровъ, Максимъ Антипинъ, Перѳилей Касимовъ, Иванъ Ѳедоровъ Кузнецовъ, Василей Ермолинъ, Сооронъ Дементьевъ, Сутуръ Григорьевъ, Богданъ Семеновъ, Дмитрей Григорьевъ, Пятой Семеновъ, Ѳролъ Іевлевъ, Яковъ Васильевъ, Неупокой Степановъ, Михайло Христоооровъ, Григорей Михайловъ, Гаврило Антипинъ, Богданъ Козловъ, Ларивонъ Кузьминъ, Лука Игнатьевъ, Никита Крыловъ, Белюй Емельяновъ, Нагайка Идаловъ, Жданъ Осиповъ, Антонъ Игнатьевъ, Матвѣй Васильевъ, Зиновей Дмитреевъ, Томило Васильевъ, Иванъ Матвѣевъ, Василей Петровъ, Денисъ Васильевъ, Герасимъ Дмитреевъ, Семенъ Баберинъ, Григорей Меркульевъ, Симонъ Степановъ, Екимъ Никитинъ, Сава Лазоревъ, Богданъ Ивановъ, Неупокой Терентьевъ, Левонтей Ооопасьевъ, Ѳедоръ Глаткой, Исакъ Коптевъ, Харитонъ Ивановъ, Степанъ Бураевъ, Петръ Ивановъ, Степанъ Лукинъ, Иванъ Семеновъ, Мосѣй Ермолинъ, Ѳедотъ Понкратовъ, Семенъ Галеченинъ, Клементей Бусыга, Семенъ Медветчиковъ, Василей Ивановъ, Никита Матвѣевъ, Богданъ Неупокоевъ, Игнатей Лукояновъ, Иванъ Глазуновъ, Иванъ Павловъ, Ѳилипъ Семеновъ, Прокопей Семеновъ, Алексей Греченинъ, Исакъ Давыдовъ, Ширяй Кузьминъ, Иванъ Ѳилатовъ, Третьякъ Тимоѳеевъ, Кондратей Ильинъ, Семенъ Левонтіевъ, Родивонъ Петровъ, Василей Ермолинъ, Василей Шатковъ, Ѳедоръ Улановской, Павелъ Егуповъ, Семенъ Оѳремовъ, Борисъ Путиловъ, Емельянъ Васильевъ, Дружина Денежной, Емельянъ

Третьяковъ, Семенъ Михайловъ, Ондрѣй Степановъ, Русинъ Степановъ, Ларивонъ Ондрѣевъ, Василей Смольянинъ, Никита Ѳилипьевъ, Петръ Терентіевъ, Ѳедоръ Марковъ, Тимоѳей Изборовъ, Петръ Семеновъ, Баженъ Оксентьевъ, и всѣ посадцкіе люди въ сыску сказали ..... А для чево тое грамоту имали и назадъ тое грамоту съ кѣмъ отослали ли ..... того не вѣдаемъ ..... А Арменьи въ Асторохане на гилянскомъ дворѣ, Вартанъ да братъ его Петръ Муратъ Ѳедоровъ, да братъ его Александра Сергей Семеновъ, Иванисъ чей словетъ, тово не вѣдаемъ, Ширимъ да Миняй Григорьевъ, да Ѳедоръ; а живутъ лѣтъ по пятнатцати, а иные и по дватцати и больши, а иные родились въ Асторохани. А зъ гилянсково двора Армены не сважывали. А сыскные рѣчи писалъ посадцкой человѣкъ Гурко Артемьевъ, лѣта 7124 іюля въ 23 день. *Подписи*: Къ семъ с. р. Ѳедоровской попъ Данила вмѣсто сына своево духовново Семена Михайлова р. п. Къ с. с. р. Ивашко Федоровъ р. п. Къ семъ с. р. Максимко Онтипинъ р. п. Къ с. с. р. Гриша Томиловъ вмѣсто отца своего р. п. Къ с. с. р. Рожества Богородицы попъ Кирило вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п. Къ с. с. р. Никольской попъ Гаврило вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п. Къ семъ с. р. Исачко Коптевъ р. п. Къ с. с. р. Гриша Меркурьевъ р. п. Къ с. с. р. Тимошко Изборовъ р. п. Къ с. обыскнымъ р. Митько Григорьевъ р. п. Къ с. о. р. Никитка Ѳилипьевъ р. п.

Торговые люди зъ гостина двора верховыхъ городовъ ярославцы Тимоѳѣй да Иванъ Ѳедоровы дѣти Ступина, Гостя Надѣинъ, прикащикъ Шетешникова Ѳедотка Шкаровъ, Семенъ Луколяновъ, Васильевъ прикащикъ Лыткина Никонъ Юрьевъ, Иванъ Ондрѣевъ, Козьма Степановъ, Соѳонъ Ондреевъ свіяженинъ, Ларіонъ Лукояновъ, казанцы Иванъ Кириловъ Мыльниковъ, Иванъ Малютинъ, Микита Ямщикъ, Ѳедоръ Васильевъ, Пинай Никоновъ, Тихоновъ прикащикъ Минина Аристъ Федоровъ москвитинъ, Юнакъ Дмитреевъ, Иванъ Фроловъ углечанинъ, Гурей Надежинъ костромитинъ въ сыску сказали. (*Ничего не вѣдаютъ*). А сыскные рѣчи писалъ Богдашко Овдѣевъ. *На оборотѣ*: Къ семъ рѣчемъ Тимоха Ступинъ р. п. Къ с. р. Ивашко р. п. Къ семъ р. Ларка р. п. Къ сѣмъ рѣчамъ Соѳонко р. п. Къ семъ р. Никонко р. п. Къ с. р. Иванко р. п. Къ семъ р. Куземка р. п. Къ сѣмъ р. Ѳедотко р. п. Къ с. рѣчамъ Ивашко Малютинъ р. п.

Да князь Ивану жъ Михайловичю да дьяку Ивану Сукину тезиковъ, кизылбашанъ и бухарцовъ, и юргенцовъ, которые нынѣ въ Астарахани, розпросити жъ накрѣпко, чтобъ они сказали правду по своей вѣре, по шерти: какъ они пріезжали изъ своихъ земель въ

Астарахань съ товары, и окольничей Семенъ Головинъ имъ на товары лавки давати велѣлъ ли, и не изъ посуловъ ли давати велѣлъ, и будетъ отъ того ималъ посулы, и сколько чего у кого имянемъ взялъ, и до тѣхъ мѣстъ покамѣста посуловъ возьметъ, и тавары ихъ по двору не валялися ль? и будетъ валялись, и чьѣ имянемъ товары по двору валялись? и насильства и продажъ имъ отъ Семена Головина не было ль? и будетъ было, и кому имянемъ, какое насильство Семенъ Головинъ учинилъ? и ихъ же братья тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у нихъ, у пріѣзжихъ торговыхъ людей, тавары какіе украдомъ покупали-ль, и хто имянемъ, сколько какихъ товаровъ у кого имянемъ украдомъ купилъ? И какъ пріѣзжали они въ Астарахань, и у нихъ у кого имянемъ сколько какихъ товаровъ узорочныхъ было, и хто имянемъ воеводамъ про тѣ узорочные товары на нихъ сказывалъ, и тѣ узорочные товары бояринъ и воеводы у нихъ, у новопріѣзжихъ людей, имали ли? и будетъ имали, и у кого имянемъ сколько какихъ узорочныхъ товаровъ взяли и деньги имъ, торговымъ людемъ, за тѣ товары бояринъ и воеводы сполна ли платили или не сполна? и будетъ не сполна, и кому имянемъ за какіе товары сколько рублевъ денегъ не доплатили?

Да и тѣхъ тезиковъ, которые на гиляпскомъ и на бухарскомъ дворѣ живутъ лѣтъ по пятинатцети и больши, про то розпросити накрѣпко: какъ пріѣдутъ въ Астарахань новые торговые люди, и они украдомъ товары у нихъ покупаютъ ли, и пошлины съ тѣхъ товаровъ въ государеву казну платятъ ли, и про узорочные товары боярину и воеводамъ они сказываютъ ли? и будетъ сказываютъ, и бояринъ и воеводы тѣ узорочные товары себѣ емлютъ ли, а деньги за тѣ товары тѣмъ торговымъ людемъ даютъ ли, и сполна-ль даютъ по цѣнѣ деньги, или не сполна? и продажи отъ воеводъ тѣмъ пріѣзжимъ новымъ торговымъ людемъ какіе нѣтъ ли? и сколько лѣтъ на которомъ дворѣ которой армянинъ имянемъ живетъ, и при царѣ Борисѣ съ тѣхъ дворовъ они сведены ль были? и будетъ сведены были, и гдѣ въ тѣ поры жили и по чему они нынѣ опять на тѣхъ дворехъ живутъ? и отъ таможенныхъ головъ и отъ цѣловальниковъ торговымъ пріѣзжимъ людемъ какіе продажи нѣтъ ли? и государевы пошлины съ товаровъ ихъ емлютъ ли? и по прежнему ль государеву указу пошлины емлютъ или лишекъ передъ прежнимъ? и сколько лишку съ какихъ товаровъ передъ прежнимъ взято? и въ государеву ль казну тѣ пошлины имапы, или таможенные головы и цѣловальники сами тѣми пошлинами завладѣли?

И князь Иванъ Михайловичь Борятинской да діякъ Иванъ Сукинъ тезиковъ кизылбашенъ и бухарцовъ, которые нынѣ въ Астарахани, и

Орменью, которые живутъ на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по дватцети и болши, а иные въ Астарахани породились, противъ государева наказу розпрашивали по ихъ вѣре, по шерти.

И гилянского двора тезики кизылбашене Ади Мурзадепъ, Ади Пирюсепъ, Хамзе бекъ, Мала Раза, Хозь Магметь, Малла Осенъ, Юсаевъ, Хозя Талипъ, Хозя Семшедипъ, Хозя Муротъ Ханъ, Хозя Мамедели, Хозя Апшаръ Хозь Магмутовъ, Алиру, Хозь Мамеди Азизесипъ, Хозя Асанъ, Азихуръ, Хозя Шериевъ, Хозя Семшединъ Назаринъ розпроснымъ своимъ рѣчемъ дали письмо, а въ розпросныхъ рѣчехъ написано: [1])

هو

بتاریخ شهر رجب المرجب ثلث عشرین و الف بود که حضرت رفعت پناه خواجه مرتضی کرك یراق سرکار خاصهٔ شریفه ازجانب نواب نامدار کردون اقتدار همایون شاهی داخل حاجی ترخان شده وکتابت نواب فلکجناب بخود تحفه وهدیه درباب پادشاه عالیجاه مسکو آورده ومیخواست به پابوس نواب عالیجاه پادشاه مسکو مشرف شود چون درکمه نشست ویاران را وداع کرد روانه شد نیم روزی گذشته بود که کناس وصیله سمن آویچ دنیلهٔ پرستورا درپی خواجه مرتضی فرستاده و خواجه مشارالیه را باز گردانیده در شهر حاجی ترخان آوردند که رجوعی داریم وبعد ازان یکجفت غالی ودو قبضه شمشیر اعلی ومقدار دودسته ابریشم ارش ومبلغ پنجاه اشرفی از خواجه مرتضی ستانده رهاکردن ودنیلهٔ پرستو یك قدك و یکجفت تماج گرفته وخواجه را آزار بسیار کرده که شرح وبست (?) ندارد وبدینمطلب شاهدان زبدهٔ آل مسیح خواجه ورتان ارمنی وخواجه تاتوس ارمنی وسرکس ارمنی و شهود(?) کیلانیان خواجه محمد علی ولد مرضی وخواجه افشار ولد خواخه محمود و علیان رود وخواجه محمد ولد عزیز

وشاهدان چنین تقریر کردندکه این اشرفی و غالی و شمشیر وابریشم مذکور و معه دیکر آشکارا(?) خودشان دیدیم که نوکر کناس سمن وصیله آویچ با خواجه محمود سموری ستانده درپیش سمن وصیله آویچ برده‌اند

و دیکر آنکه کناس سمن وصیله آویچ بس خود فرستاد درمسجد بیجك کرده که کسی نماز نکند وجماعتی که دران مسجد نماز میکردند دعا وثناء هردو پادشاهان بجا می آوردند ومانع شده نکذاشت آخر الامر مقدار دو طاق دارائی داده درمسجد را فرمود واکردن مادام

[1]) Этотъ персидскій подлинникъ «розпросныхъ рѣчей» писанъ крайне безграмотно; печатается онъ здѣсь безъ всякихъ поправокъ.

ودر سال اربع عشرین و الف مرخداواندان ازجانب کیلان داخل حاجی ترخان شده اقمشه و اجناس در دکان آورده کناس سمن وصیله آویچ وکناس بزرك کس فرستاده دَرِ دکان را بیجك فرموده بتاجیکان بازار ندادند و دَرِ کاروان سرارا بسته نکذاشتن که کسی بآب برود آخرالامر توزیع فرموده هرکشتی اقمشه و اجناس بر داشته داده و باز دَرِ دکان فرمودند واکردن و اول ازکشتی مرخداوند خواجه حسن تا رشوه نکرفتن دَرِ دکان را وا نکردند

بتاریخ شهر جمادی الاول اربع عشرین و الف بنده کاتب رضا وجماعتی از شروان بکشتی رفعت پناه یوسف خان لرخانی داخل حاجی ترخان شده و حکم فرموده کناسان دَرِ دکان هارا بسته بازار ندادند که کناس را باید دیدن از خواجه محمود سموری پرسیدیم که چه چیز میطلبند (؟) فرمود سلام خوب بهم برسانید که آدم سیارید روسفیدی شما باشد آخرالامر حاجی میرزا جان شماخی وحاجی پیر حسن شماخی و حمزه بیك کاروان باشی توزیع کرده برای کناسان فرستاده که بما بازار دادند بدینمطلب

برای کناس درونی دارائی چار طاق فخ بوری سفید یکتوب وقدك دو عدد تماج یکجفت وکمان یك حلقه

برای کناس سمن وصیله آویچ برده اند دارائی چارطاق فخ بوری سفید یکتوب قدك دو عدد تماج یکجفت کمان یك حلقه قبول نکرده واپس داد هشت سام کرفت

برای دیك برده دارائی دوطاق قدك یکتا تماج یکجفت فیروز بوری یکتوب

نوکر کناس درونی قدك یکی تماج یکی

نوکر کناس بیرونی قدك یکی تماج یکی

نوکر دیك قدك یکی

اینقدر اقمشه و اجناس غیر حساب ازکشتی سوداکران نواب یوسف خان کرفته اند بدین علت امسال سوداکران شروان و شماخی نیامدند که پارسال ستم بسیار در بسیار کرده بودند

دیکر استاد طالب زرکر کیلانی میکوید که یك قبضه کارد آورده بودم خواجه محمود سموری ازماکرفت که برای تو میفروشم بدست تمقاجی داده بدین علت بنده طالب را پرستوکرده مبلغ شش سام کناس درونی ستانده و شش سام کناس سمن وصیله آویچ کرفته و یك دارائی دیك کرفته و نوکر کناس درونی یك دارائی کرفته و کاردرا هم خود برده که سی میدادند و ندادم وبیست سه سام بما داده و درمیان این معامله خواجه محمود سموری بود و میداند و شهود (؟) خواجه مراد خان و خواجه شمس الدین زرکر

جمعی مرخداوندان و سوداکران چنین تقریر کردند که تمغاء اقمشه که خودشان در دور زمان بریس قدر اوان اویچ میدادیم درین دوسال که کناس اوان و کناس سمن وصیله اویچ کناس حاجی ترخان (?) بودند زیاده تمغا کرفته اند وستم و ناحق بسیار در بسیار باهل تجار واقع شده‌است....

خواجه مراد خان تقریر کرد که در دروازه کاروان سرای بخارائی رفتم که چند نفر از راه ترك آمده بودند که احوالات ترك تحقیق کنم یك نفر بخارائی را آواز کرده‌م که خبر بکیرم در سر دروازه که آمد نوکر کناس سمن وصیله اویچ یکمشت بر کردن او زده اورا نکذاشت که بما حکایت کند بنده ازوی پرسیدم که مضمون چیست کفت از ماها رشوه میخواهند که در کاروان‌سرارا وکنند

خواجه افشار ولد خواجه محمود چنین تقریر کرد که مقدار یکصد جفت تماج خواجه خراسانی افضل را که درمیان سیصد پنجاه جفت تماج انتخاب کرده برداشته سرکار کناس اوان برده‌اند خودشان درمیان ...تیم (?) که مقدار یکصد زوج را بسرکار کناس برده‌اند پنجاه سام فرمودند که بما بدهند و بعد ازان که زر بما دادن بیست دو سام وکفتند که بیست هشت دیکررا بتمغا حساب شده است و بنده قبول نکرده رفتم که بکناس عرض کنم دروازه‌بان نکذاشت که اندرون قلعه رفته درد دل را بکناس عرض کنم و جمعی(?) که تماج را بردند الیانام نوکر کناس اوان و عیسی نام وخواجه محمود سموری همراه بودند و بنده که کریه کردم خواجه محمود سموری در جواب کفت که دغدغه بخود راه مده که من برای توقیمت را خواهم ستاند برین مضمون شاهدن خواجه افشار ولد خواجه محمود و خواجه شمس الدین ولد نظر کیلانی و خواجه شریف ولد حمزه

И тѣхъ розпросныхъ рѣчей переводъ.

Какъ пріѣхалъ съ Терка въ Астарахань Хозь Муртоза Танровъ, а ѣхалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. къ Москвѣ отъ шахъ Аббаса зъ дары, и билъ челомъ въ Астарахани боярину и воеводамъ, князю Ивану Никитичю Одоевскому съ товарыщи, чтобъ ево отпустили ко государю къ Москвѣ, не издержавъ. И какъ Хозь Муртозу отпустили, и отъѣхавъ отъ Астарахани верстъ съ семь, на городище и бояринъ, и воеводы прислали пристава Данила, и Хозь Муртозу и зъ зятемъ воротили въ Астарахань, и Хозь Муртозина зятя отдали за пристава приставу Даниду, и приставъ у него взялъ юоть саѳьяновъ да кипдякъ. И Хозь Муртоза для зятя своево жилъ дни съ три и

ходилъ Муртоза съ Магмутомъ къ Семену Головину на подворье бить челомъ о зятѣ своемъ, а понесъ къ Семену два ковра шолковые да двѣ сабли кизылбашскихъ, а взялъ ли у нихъ Семенъ Головинъ тѣ ковры и сабли, или не взялъ, того они не вѣдаютъ, то они видѣли, какъ съ гилянского двора понесли. Да послѣ того прислалъ Семенъ Головинъ человѣка своево, а имяни ему не вѣдаютъ, а знаетъ Семенова человѣка Муртозинъ человѣкъ Мамеделѣй терекомелецъ, а слышели они, что говорилъ Муртоза человѣку своему Мамеделѣю: есть де у тебя моихъ сто золотыхъ, и ты дай Магмуту да Семенову человѣку пятдесятъ золотыхъ да два ансыря шолку арянского. Да пришолъ Семена Головина человѣкъ да мечеть запечаталъ, и какъ отослали съ Магмутомъ двои дороги, и мечеть отпечатали. И которые хозяева на бусахъ пріѣзжаютъ съ торговыми людьми и поклали товары свои въ лавки, и лавки были запечатаны, и дворъ запертъ три дни, и хозяева стали говорить Магмуту, что де у насъ лавки запечатали? И Магмутъ де молылъ: сами де себя спознайте, и что де у кого лучилось, воеводъ почтите. И они воеводамъ челомъ ударили, и дворъ де отперли и лавки отпечатали. Да былъ въ Астарахани Юсупъ-хановъ человѣкъ, Булатъ да Обзамекъ, да Мурзеза, и имъ торгу не дали и лавки запечатали. И Магмута спросили, и Магмутъ сказалъ: почостки де у васъ хотятъ большой. И ходили де они прежъ къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, и отнесли четверы дороги да два кындяка, да миткали, да лукъ, да юѳть саѳьяновъ; а Семену Головину принесли четверы жъ дороги да миткали, да два кындяка, да лукъ, да юѳть саѳьяновъ, и Семенъ де дороги бросилъ, что де худы принесли, и взялъ у нихъ за дороги восмь рублевъ, а по деньги прислалъ человѣка своево, и они ему и деньги дали за дороги, а дьяку Василью Юдину двои дороги да юѳть саѳьяновъ, да миткали, да кындякъ, да княжъ Иванову человѣку дали кындякъ да саѳьянъ, а Семенову человѣку кындякъ же да саѳьянъ, да дьячьему человѣку кындякъ. Да взялъ у серебреника у Талипа Магмутъ ножъ да отнесъ таможенному головѣ Василью Зубину, а сказалъ: я де ево продамъ. И провѣдали бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарыщи, и говорили серебренику Талипу: что де ты намъ ножа не объявилъ? и Талипа серебреника далъ за пристава. И Магмутъ отнесъ къ боярину шесть рублевъ, а Семену Головину шесть рублевъ же, а дьяку Василью Юдину дороги да княжъ Иванову человѣку дороги, а имяни ему не упомнитъ, а ножю цена была тритцать рублевъ; а воеводы дали за ножъ дватцеть три рубли, а все то вѣдаетъ Магмутъ. А при прежнихъ государехъ, при

царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ, на нихъ пошлину имали прямую, а нынѣ при боярынѣ и воеводахъ, при князѣ Иванѣ Никитичѣ Одоевскомъ съ товарыщи, таваръ цѣнили дороже; а пошлину имали болши прежнево. Да пріѣхали съ Терка въ Астарахань бухарцы торговые люди, и тезикъ Муротъ ханъ пришолъ къ нимъ спросить про свое про племя, да спросилъ у тезика, имяни ему не упомнитъ, за что де васъ съ двора не спускаютъ? И онъ сказалъ: за то де насъ съ двора не пускаютъ—хотятъ отъ насъ воеводы поминковъ. И въ ту жъ пору пришолъ Семеновъ человѣкъ Головина и толкнулъ того тезика по зашейку: что де тебѣ за дѣло съ Муроть ханомъ говорить! Да пріѣхалъ съ Терка въ Астарахань карасапецъ Ази Явзялъ, а привезъ съ собою полчетверта ста юѳтей саѳьяновъ и на смотрѣ у него выбрали сто юѳтей лутчихъ саѳьяновъ, а взяли цѣловальники Илья Набокой, да Исаемъ зовутъ, отца ево имяни не упомнятъ, да Магмутъ съ ними же, и взявъ саѳьяны, отнесли въ розрядъ, а оцѣнили сто юѳтей пятдесятъ рублевъ. И Ази Явзялъ ходилъ въ городъ боярину и воеводамъ бити челомъ, и ево де караульщики и въ городъ не пустили, и онъ въ другой рядъ ходилъ бить челомъ, и боярынъ и воеводы дали е(му) денщика въ таможню, чтобъ таможенные головы пошлину на немъ взяли, а достальные деньги ему додали за сафьяны, и таможенной голова пошлины на немъ взялъ дватцеть восмь рублевъ, а дватцеть два рубли додали за саѳьяны.

Переводъ В. А. Жуковскаго.

Онъ (Богъ).

Это было въ почитаемый мѣсяцъ Раджабъ года 1023: прибылъ въ Астрахань высокостепенный ходже Муртеза, собственный его величества „поставщикъ“, отъ его величества славнаго, могущественнаго какъ небо, августѣйшаго шаха и привезъ съ собою къ высокосановному государю Московскому письмо отъ небеспочиннаго владыки съ дарами и посылками, и хотѣлъ сподобиться чести облобызать стопы высокосановнаго государя Московскаго. Онъ сѣлъ на корабль, простился съ товарищами и отправился; прошло съ полдня, князь Василій Семеновичъ отправилъ во слѣдъ за ходже Муртезою пристава Даниlу и сказаннаго ходже возвратили и привели въ городъ Астрахань: имѣемъ-де нѣкое требованіе (дѣло). Послѣ того взяли у ходже Муртезы пару ковровъ большихъ, два высокаго достоинства меча, двѣ связки арашскаго шелка и пятьдесятъ золотыхъ, и отпустили его; а приставъ Данила взялъ одинъ „кадекъ“, пару юфти и много мучилъ ходже,—чего объяснить и сказать невозможно. Этому дѣлу

свидѣтели: „сливки послѣдователей Мессіи“ — ходже Вартанъ армянинъ, ходже Татосъ армянинъ, и Саркисъ армянинъ, и свидѣтели Гиляпцы: ходже Мухаммедъ Али, сынъ Мур(те)зы, ходже Афшаръ, сынъ ходже Махмуда, Альянъ-рудъ и ходже Мухаммедъ, сынъ Азиза.

Свидѣтели подтвердили слѣдующее: эти золотые, ковры, мечи, шелкъ и прочія вещи мы сами воочію видѣли, какъ служитель князя Семена Васильевича съ ходже Махмудомъ Самурскимъ взяли и отнесли къ Семену Васильевичу.

Затѣмъ слѣдующее: князь Семенъ Васильевичъ послалъ своего человѣка и запечаталъ дверь мечети, чтобы никто не совершалъ молитвы; общество же, которое въ той мечети совершало молитвы, молилось и славословило обоихъ государей; онъ воспротивился и не дозволилъ. Наконецъ дали двѣ штуки „даран“ и онъ приказалъ открыть дверь мечети навсегда.

И въ 1024 году прибыли изъ Гиляна въ Астрахань „купцы“ и привезли въ лавки матеріи и товары; князь Семенъ Васильевичъ и князь великій послали людей, и двери лавокъ запечатали, и таджикамъ „базара не дали“ (торговать не позволили), и дверь каравансарая заперли и не позволили никому „ходить по воду“. Наконецъ сдѣлали раскладку, каждый корабль взялъ и далъ матеріи и товары,—и приказали опять открыть двери лавокъ; а сначала, пока не взяли взятки съ корабля „купца“ ходже Хасана, дверей лавокъ не открывали.

Въ мѣсяцъ Джумада первый 1024 года я-пишущій Риза и общество изъ Ширвана прибыли въ Астрахань на кораблѣ высокостепеннаго Юсуфъ-хана Ханларханли; князья приказъ приказали, двери лавокъ заперли и „базара не дали“: слѣдуетъ-де видѣть князя. Я спросилъ у ходже Махмуда Самурскаго: „чего они добиваются (требуютъ)?“ Тотъ изволилъ сказать: „устройте хорошій пріемъ (поклонъ): вы-люди путешествующіе, это будетъ вамъ на славу“. Наконецъ хаджи Мирза Джанъ Шемахинскій, хаджи Пиръ Хасанъ Шемахинскій и начальникъ каравана Хамзе Бекъ сдѣлали раскладку и послали для князей—и намъ дали базаръ.

Князю „внутреннему“: „даран“ — четыре штуки, „фахбури“ бѣлой—одну штука, „кадекъ“ — двѣ штуки, юфти—пару, лукъ—одинъ.

Князю Семену Васильевичу отнесли: „даран“ — четыре штуки, „фахбури“ бѣлой—одну штуку, „кадекъ“ — двѣ штуки, юфти—пару, лукъ—одинъ. Онъ не принялъ, отдалъ обратно; взялъ восемь рублей („самъ“).

Дьяку отнесли: „дараи“—двѣ штуки, „кадекъ“—одну штуку, юфти—пару, „фирузбури“—одну штуку.

Служителю „внутренняго“ князя: „кадекъ“—одинъ, юфть—одна.

Служителю „наружнаго“ князя: „кадекъ“—одинъ, юфть—одну.

Служителю дьяка: „кадекъ“—одинъ.

Такое количество матерій и товаровъ безъ числа взяли съ корабля торговцевъ его благородія Юсуфъ-хана. По той причинѣ въ этомъ году не пришли купцы ширванскіе и шемахинскіе, что въ прошломъ году очень сильно притѣснили.

Затѣмъ говоритъ Гилянскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Талибъ: привезъ я одинъ ножъ; ходже Махмудъ Самурскій у меня взялъ: я-де тебѣ продамъ; отдалъ таможенному,—по этой причинѣ меня Талиба отдали за пристава: шесть рублей взялъ князь „внутренній“, шесть рублей взялъ Семенъ Васильевичъ, дьякъ взялъ одну „дараи“ и служитель „внутренняго“ князя взялъ одну „дараи“; ножъ тоже самъ унесъ,—давали де тридцать (рублей), а я не отдалъ,—и далъ мнѣ двадцать три рубля. При этомъ дѣлѣ былъ ходже Махмудъ Самурскій и знаетъ, и свидѣтели: ходже Мурадъ ханъ и ходже Шемсэддинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Онъ (Богъ).

Общество „купцевъ“ и торговцевъ подтвердили слѣдующее: сравнительно съ пошлиною съ товаровъ, которую мы давали во время Бориса и Ѳеодора Ивановича, въ эти два года, какъ князьями Астрахани были князь Иванъ и князь Семенъ Васильевичъ, пошлинъ взяли больше, и притѣсненій и неправоты приключилось торговымъ людямъ очень много.... Ходже Мурадъ ханъ показалъ: пошелъ я въ ворота бухарскаго каравансерая, чтобы разузнать объ обстоятельствахъ (положеніи) Терка, такъ какъ съ Терка прибыло нѣсколько человѣкъ. Позвалъ я одного бухарца, чтобы спросить; когда онъ подошелъ къ воротамъ, служитель князя Семена Васильевича ударилъ его кулакомъ по шеѣ и не дозволилъ ему намъ разсказывать. Я у него спросилъ, что это значитъ, онъ сказалъ: хотятъ они съ насъ взятку, чтобы открыть двери каравансерая.

Ходже Афшаръ, сынъ ходже Махмуда, показалъ такъ: сто паръ юфти ходже Афзаля Хорасанскаго, которыя выбрали изъ ста пятидесяти паръ юфти, взяли и отнесли господину князю Ивану; мы сами....., какъ сто паръ отнесли господину князю. Приказали намъ выдать пятьдесятъ рублей. Послѣ того какъ намъ выдали двадцать два рубля золотомъ и сказали, что остальные двадцать восемь сочтены за пошлину, я не

согласился и пошелъ доложить князю; привратникъ не допустилъ меня войти въ кремль и доложить князю сердечное горе. И люди (?), которые отнесли юфти,—служитель князя Ивана по имени Илья и Иса; и съ ними былъ ходже Махмудъ Самурскій. Когда я заплакалъ, ходже Махмудъ Самурскій въ отвѣтъ сказалъ: „не безпокойся, потому что я для тебя возьму (взыщу) стоимость". „Дѣлу этому свидѣтели: ходже Афшаръ, сынъ ходже Махмуда, ходже Шемсэддинъ, сынъ Незера Гилянскаго, и ходже Шерифъ, сынъ Хамзы".

И князь Иванъ Михайловичъ Борятинской да дьякъ Иванъ Сукинъ пристава Данилка допрашивали. Сказалъ онъ въ роспросѣ: какъ онъ Хозь Муртозина зятя съ судна взялъ и въ розрядъ привелъ, и съ суда боярин и воеводы, князь Иванъ Никитичъ Одоевской съ товарыщи, велѣли ему тово Хозь Муртозина зятя дати на поруку, а у него ничего себѣ не имывалъ. А тезики въ сыску сказали, что онъ Данилко взялъ у него юѳть саѳьяновъ да киндякъ, и онъ бы, Данилко, про то сказалъ правду. И приставъ Данилко въ допросѣ сказалъ тѣ же рѣчи, что и напередъ сего сказывалъ: у Хозь Муртозина зятя юѳти саѳьяновъ и киндяка не имывалъ.

А тезика Магмута допрашивали. Сказывали въ роспросѣ тезики гилянскаго двора: какъ ходилъ Хозь Муртоза къ Семену Головину бити челомъ о зятѣ своемъ съ нимъ, Магмутомъ, а понесъ къ Семену два ковра шелковые да двѣ сабли кизылбашскіе, а онъ, Магмутъ, напередъ сего въ роспросныхъ своихъ рѣчахъ того не сказалъ. Да тезики жь въ роспросѣ сказывали: говорилъ Муртоза человѣку своему Мамеделѣю, а велѣлъ ему дать Магмуту да Семенову человѣку Головина пятдесятъ золотыхъ да два ансыря шелку арясково. Да какъ Семеновъ человѣкъ мечеть запечаталъ, и отослали они съ нимъ же, Магмутомъ, къ Семену двои дороги—и мечеть отпечатали. И которые хозяева пріѣзжаютъ на бусехъ съ торги съ торговыми людьми, и какъ товары въ лавки поклали, и лавки были запечатаны, и дворъ запертъ три дни, и онъ, Магмутъ, имъ говорилъ, чтобъ воеводъ почтить, и они воеводамъ челомъ ударили. Да онъ же, Магмутъ, взялъ у серебренника, у Талипа, ножъ да отнесъ таможенному головѣ Васке Зубину, и боярин и воеводы серебренника дали за пристава. И онъ, Магмутъ, отнесъ къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, шесть рублевъ, а Семену Головину шесть же рублевъ, а дьяку Василью Юдину дороги, да князю Иванову человѣку дороги жъ; а ножу цена была тритцеть рублевъ, а воеводы дали за ножъ дватцать три рубли. А вѣдаетъ про то про все онъ, Магмутъ. Да какъ пріѣхалъ съ Терки въ Астарахань карасанецъ

Ази Явзялъ, и у него, выбравъ, взяли цѣловальники, Илья Набокой да Исай, да онъ, Магмутъ, сто юфтей саѳьяновъ лутчихъ и отнесли въ розрядъ, а оцѣнили сто юфтей пятдесятъ рублевъ, и таможенной голова пошлинъ на немъ взялъ дватцать восемь рублевъ, а дватцать два рубли додалъ. И онъ бы, Магмутъ, про то про все сказалъ правду, не утая ничего.

И тезикъ Магмутъ въ допросе сказалъ по своей вѣрѣ по шерти: какъ онъ, Магмутъ, ходилъ къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, и къ Семену Головину о Муртозинѣ зятѣ бити челомъ, и по Муртозину челобитью давалъ имъ по десети золотыхъ, и они не взяли, а отказали: то де дѣло великое. И после того Муртоза послалъ къ боярину съ человѣкомъ своимъ, съ Мамеделѣемъ, двои дороги, да два киндяка, да золотыхъ—не вѣдастъ сколько: онъ, Магметъ, съ нимъ не ходилъ, а къ сему (*см.* Семену) ходилъ тотъ же человѣкъ ево Мамеделѣй съ нимъ, Магмутомъ, отнесли двои же дороги да два ансыря шолку, а колько золотыхъ отнесъ, того не вѣдаетъ, а слышелъ, что отнесъ столько же, что и боярину князю Ивану. И про то, онъ и напередъ сего въ розпросѣ сказывалъ, а съ Муртозою къ нимъ о зяте его бить челомъ не хаживалъ, и дву ковровъ шолковыхъ и дву сабель кизылбашскихъ не видалъ, и Муртоза человѣку своему Мамеделѣю ему, Мамуту, да Семенову человѣку Головина пятидесятъ золотыхъ да дву ансырей шолку аряского дати не веливалъ, и онъ, Магмутъ, не имывалъ. А безъ нево Семенову человѣку давалъ ли, того онъ не вѣдаетъ же. А отъ мечети онъ, Мамутъ, къ Семену двоихъ дороговъ не нашивалъ. А какъ были лавки съ товаромъ запечатали, и дворъ былъ запертъ три дни, и тезики его, Магмута, спрашивали: вѣдаетъ ли онъ, Магмутъ, за што у нихъ лавки запечатали и дворъ заперли, и онъ имъ сказалъ, что воеводы хотятъ отъ васъ почести, и они воеводамъ челомъ ударили, а что которому воеводѣ дали, того онъ не вѣдаетъ: онъ съ ними не ходилъ. А ножъ у серебрепика у Талыпа велѣли взять бояринъ и воеводы таможенному головѣ Васке Зубину, а что ему за ножъ денегъ дали, того онъ не вѣдаетъ. А къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, да къ Семену Говорину по шти рублевъ, да дьяку Василью дороговъ, да князю Иванову человѣку дороговъ же не нашивалъ, а самъ Талипъ што носилъ ли, того не вѣдаетъ. А какъ пріѣхалъ карасанецъ Ази Явзялъ, и у него целовальники саоьяны лутчіе выбирали и въ розрядъ относили, а онъ, Магмутъ, былъ съ ними же; а сколько саѳьяновъ выбрали и по чему оценили, и что за саѳьяны денегъ дали, того онъ не вѣдаетъ.

Бухарского двора пріѣзжіе тезики бухарцы Магметъ Муратъ Салѣевъ, Мисрякъ Усейновъ, Шеріевъ Мурзаковъ, Миряли Мангулѣевъ, да казанскіе жильцы Ѳарукъ Шахараповъ, Малазада Шехмагмутовъ, Хозь Маметъ Шехмагмутовъ, Бакѣй Азимовъ сказали по своей вѣре, по шерти: были они въ Астрахани при боярипѣ, при князе Иване Никитиче Одоевскомъ съ товарыщи, пріѣхавъ изъ Казани, недѣль зъ десять, и на тавары имъ лавки давали; а бояринъ князь Иванъ Никитичь и околничей Семенъ Головинъ, и дьякъ Василей Юдинъ себѣ посуловъ отъ лавокъ у нихъ не имывали ничего, и тавары ихъ по двору не волялись, и насильства и продажи имъ отъ Семена Головина и ни отъ ково никакіе не было; а кому инымъ какое насильство Семенъ учинилъ, того не вѣдаютъ.

Бухарского жъ двора тезики, которые живутъ въ Астрахани лѣтъ по пяти и по шти, и по десяти и болши, Хозя Бакипуровъ, Девлетъ бай Бабаевъ, Емшитъ Дерб(ы)шевъ, Тарбедѣй Магметъ Удиновъ, Авесъ Нуровъ, Касимъ толмачь, Абызъ Карамалла Абыллыновъ сказали по своей вѣре по шерти: таваровъ они у пріѣзжихъ тезиковъ не покупаютъ, а пріѣзжихъ людей тавары по двору не воляютца, лавки воеводы пріѣзжимъ людемъ даютъ, а посуловъ отъ того не емлютъ, а лѣтось во 124-мъ году, вскоре после Семеня дни, пріѣхало ихъ бухарцовъ человѣкъ съ шестьдесятъ, и съ пріѣзду взяли у нихъ воеводы, выбравъ лутчихъ, чатырсста кипдяковъ и зепденей, а заплатили имъ за кипдякъ по десяти алтынъ, а за зепдень по двѣ гривны; а въ ряду продавали и хуже тѣхъ кипдяки по полтине, а зепдень по десяти алтынъ, а красную по двѣнатцети алтынъ; а того не вѣдаютъ: на государя-ль у нихъ взяли, или воеводы себѣ. А дворъ бухарской велѣли запереть, мѣсяца съ два и больши съ двора ихъ не пущали, и торгу не давали, и они сметали восмьдесятъ рублевъ денегъ и купили тавару, и отнесли къ воеводамъ — тотъ же часъ дворъ велѣли отпереть и торговать велѣли; а за острогъ на татарской бозаръ покупати харчей и дровъ пущать не велѣли, и они отнесли ещо на сорокъ рублевъ тавару, и они и за острогъ на базаръ велѣли пущать. А какъ сее весны услышели воеводы, что ѣдутъ про нихъ обыскивать, и учали ихъ всѣхъ збивать за море, а они были не исторговались. И сметали они триста рублевъ денегъ и отнесли къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, коруванной ихъ головы, Турсъ Магметъ да Рахмангулъ, да онъ, Баки, полтараста рублевъ денегъ да коотапъ отласъ цветной, да околничему Семену Головину сто дватцеть рублевъ, а дьяку что дали, того не вѣдаютъ. А отнесли для того, чтобъ дали имъ исторговатца и дали имъ сроку на

двѣ недѣли. И они товары свои розметали на бесцѣнокъ и поѣхали за море, а онъ, Баки, съ товарыщи восмь человѣкъ остались въ Астарахани: ѣхать было имъ въ Гилянъ. А болши того паспльства отъ воеводъ не видали.

Подписи: قره ملا تل سالدی (Кара Мулла руку приложилъ).

باین حرف کواهی می دهم انچه سخن که دراین هست باقی این ضمیر باقی دست خود انداختم

(Этому писанію я даю свидѣтельство: за всякое слово, которое въ этой (запискѣ) находится, (я) Баки, сынъ Нура Замира Баки, своею рукою подписуюсь).

باین حرف کواهی میدهم هر سخن که درین تفتر هست به همین دست خود انداختم کواه هستم باقی زرکر ولد حاجم زرکر

(Этому писанію я даю удостовѣреніе: за всякое слово, которое въ этой запискѣ находится, собственною моею рукою подписуюсь и свидѣтелемъ состою. Золотыхъ дѣлъ мастеръ Баки, сынъ золотыхъ дѣлъ мастера Хаджима).

. . . . هستم انچه هر سخن که درین خط هست . . . .

(. . . . состою въ томъ, что каждое слово, которое въ этой запискѣ находится. . . .).

Астараханскіе жильцы Арменья, которые живутъ на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по дватцати и больши, а иные и породилися въ Астарахани, за моремъ не бывали, Ортемей Наврузовъ, Петрушка Иванисовъ, Минасъ Григорьевъ, Сергѣй Семеновъ, Муратъ Ѳедоровъ, Иваниско Сергѣевъ, Иваниско Атаевъ въ роспросѣ сказали по своей вѣре по арменской: какъ были въ Астарахани боярин, князь Иванъ Никитичь Одоевской, да околничей Семенъ Головинъ, да дьякъ Василей Юдинъ, а которые при нихъ тезики кизылбашеня и бухарцы, и юргенцы въ Астарахань съ товары пріѣзжали, и имъ на товары лавки давали, а какъ товары въ лавки поклали, и на гилянскомъ дворѣ не велѣли тезикомъ товаровъ продавати, три дни дворъ былъ запертъ. А какъ къ боярину и воеводамъ помники отнесли,—и товары имъ всякіе продавать велѣли. А на бухарскомъ дворѣ лавки были заперты съ тезицкими товары три мѣсяцы для того, что товары велѣли имъ съ рускими людьми менятн на товары жъ, а на деньги продавать не велѣли. И какъ помники отнесли, и имъ товары велѣли менять и на деньги продавать, а отъ воеводъ къ тѣмъ тезикомъ приходили и помники съ ними посли съ гилянского двора тезикъ Магмутъ, а зъ бухарского двора тезикъ Касимъ. А сколько какихъ подарковъ относили, того не вѣдаютъ, то вѣдаютъ тѣ тезики,

Касимъ да Магмутъ. А товары никакіе по тезицкому двору не валивалися, а насильство и продажу какую Семенъ Головинъ кому учинилъ, того мы не вѣдаемъ. А орменинъ Ортемей Наврузовъ сказалъ: взялъ у него околничей Семенъ спорокъ отласной желтъ, по немъ крушки шиты золотомъ, процвечены шелкомъ лазоревымъ, цѣна тритцеть рублевъ; а Семенъ ему далъ только одинпатцать рублевъ. А тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у пріѣзжихъ людей какіе товары украдомъ покупали-ли и узорочные товары себѣ бояринъ и окольничей, и дьякъ себѣ имали-ли, того не вѣдаютъ. А которые товары имали на государя, и за тѣ товары давали по ценѣ деньги, а у ково сколько какихъ товаровъ на государя взяли и сполна-ли по ценѣ деньги давали, того не вѣдаемъ. А они у пріѣзжихъ людей товаровъ никакихъ украдомъ не купливали, а что они покупали, и они являли и перекупную пошлину платили въ таможне, а про узорочные товары къ боярину и воеводамъ сказывать не хаживали, и продажи торговымъ пріѣзжимъ людемъ отъ боярина и воеводъ, и отъ дьяка не вѣдаемъ. А при царѣ Борисѣ послѣ астраханского пожару подавали было имъ мѣста на посадѣ, и они не пошли для того, что имъ поселитца было нѣчемъ, а сошли въ тое пору зъ гилянского двора на посадъ арменья Касимъ да Михайло Христофоровъ, да Олексѣй Дмитреевъ, да Өеоня Яковлевъ, и нынѣ живутъ на посадѣ. А отъ таможенныхъ головъ и отъ целовальниковъ торговымъ людемъ продажа въ таможенной пошлинѣ: емлютъ пошлину со всякихъ товаровъ передъ прежнимъ мало не въ двое, взяли въ нынѣшнемъ во 124-мъ году съ арменина с-Ываниска двенатцать рублевъ, а довелось было дать всего семь рублевъ, и с-иныхъ емлютъ передъ прежнимъ лишекъ не по государеву указу; а лишнія пошлины на государя-ли емлютъ или на воеводъ, или сами корыстуютца, того не вѣдаютъ. *Подписи:*

Ես. ովանէս. խուլ խույտիմ

(ес. ованэс. хул хуйтим, т. е. я Ованэсъ (Іоаннъ) руку приложилъ).

Վարդն էրմանիի ընխդրանք (sic)

ովն ես տր Մխիթար ձեռք դր[ի] էն գրիս

(варди эрмании ъпхдранк-ови ес тр Мхитар дзерк др(и) эн эс грис, т. е. По просьбѣ (розысканію) армянина Вардана я теръ-Мхитаръ руку приложилъ къ этому писанію).

ես. տր Մխ[ի]թ[ար] ձեռք դրի էս գրի[ս]

(ес. тр Мх(и)т(ар) дзерк дри эс гри(с), т. е. я теръ-Мхитаръ руку приложилъ къ этому писанію).

ДѢЛА ГРУЗИНСКІЯ [1])

$\frac{7123}{1615}$ генваря 25 по 1616 іюня 15. Отпускъ съ государевою къ шаху о Грузинской землѣ грамотою, и обратной въ Москву пріѣздъ гонца Григорья Шахматова и терского толмача Ермолы. Тутъ же и переводъ съ шаховой къ государю грамоты. На 50 листахъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. па Терекъ воеводѣ нашему Петру Петровичю Головину. Писалъ еси къ намъ и не одинова, и терскіе жильцы, которые отъ васъ пріѣзжаютъ къ намъ къ Москвѣ съ отписками, сказываютъ въ розпросехъ, что Кизылбашской шахъ Иверскую землю разорилъ и царя Теймураза с-Иверскіе земли согналъ и нынѣ стоитъ в-Иверской землѣ, и многіе де Кабардинскіе мѣста, которые подошли къ Иверской землѣ блиско, люди его ратные повоевали, и будто хочетъ приходити войною па Кабардинскую землю, и Черкаскіе де князи, боясь отъ него разоренья, къ нему откладываютца. И мы о томъ къ Абазъ шаху послали съ нашею грамотою нарочно сына боярского Григорья Шахматова да толмача „ “. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Григорей Шахматовъ па Терекъ пріѣдетъ, и ты бъ Григорья Шахматова и толмача отпустилъ съ Терки къ Абазъ шаху, гдѣ онъ нынѣ, черезъ Кабарду, на которые мѣста лутче и ближе, и безстрашнѣе, давъ имъ лошади, взявъ въ цѣну, у кого ни буди, готчасъ, не державъ на Теркѣ ни одного дни, а хъ кабардинскимъ бы еси и хъ кумытцкимъ ко всѣмъ княземъ и мурзамъ, которые учинились подъ нашею царскою рукою, послалъ [2]) грамота, что вѣдомо нашему царскому величеству учинилось, что братъ нашъ шахъ Абазъ хочетъ паступати па Кабардинскую и на Кумытцкую землю, и опи, князи и мурзы, отъ него въ страхованьѣ, и мы, великій государь, жалѣя объ нихъ, послали къ брату нашему, къ Абазъ шаху, нарочно пашу грамоту зъ гонцомъ зъ Григорьемъ съ Шахматовымъ, чтобъ Абасъ шахъ съ нами, великимъ государемъ, дружбе и братству помѣшки не чинилъ, нелюбья не всчиналъ, на Кабардинскую и на Кумытцкую землю не наступалъ. И опи бъ гонца нашего Григорья

[1]) Для полноты изложенія помѣщаемъ здѣсь извлеченіе изъ дѣлъ по сношенію съ Грузіей.

[2]) Сверху написано: приказахъ.

Шахматова къ шаху пропускали, нигдѣ не задерживая, и провожали, и подводы ему и кормъ давали, чтобъ ему къ шаху поспѣть вскоре, а на нашу бъ царскую милость были надежны, отъ нашего царского величества къ шаху не отставали. А будетъ шахъ учнетъ въ нихъ вступатися и похочетъ на нихъ приходити самъ или рать свою похочетъ послати, и они бъ, прося у Бога милости, собрався, противъ его стояли; а мы, великій государь, ихъ не подадимъ, велимъ къ нимъ послати изъ нашіе отчины, изъ Астарахани, въ помочь нашихъ ратныхъ людей съ вогненнымъ боемъ, а къ вамъ есмя на Терекъ велѣли послати изъ Астарахани боярину нашему и воеводамъ, князю Ивану Никитичю Одоевскому да Семену Головину, съ головою пятьсотъ человѣкъ стрѣльцовъ и хлѣбные запасы, и денежное жалованье терскимъ людемъ указали есмя изъ Астарахани на Терекъ посылати по прежнему, ка(къ) бывало напередъ сего. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123-го генваря въ 25 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Володимеря и до Мурома, и до Нижнево, и до Казани, и до Самары, и до Астарахани бояромъ нашимъ и воеводамъ, и діакомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Послали есмя въ Кизылбаши къ Абазъ шаху для нашего и земского дѣла сына боярского, свіяжского жильца Григорья Шахматова да толмача Ермолу. И какъ въ которой нашъ городъ Григорей Шахматовъ и толмачь Ермола пріѣдутъ, и бояромъ нашимъ, и воеводамъ, и діакомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ сына боярского Григорья Шахматова да толмача Ермолу пропущати, не издерживал нигдѣ ни за чѣмъ ни часу, и подводы имъ велѣть давати по подорожнымъ, и провожати ихъ велѣти, будетъ гдѣ надобно, смотря по вестемъ, а однолично ихъ нигдѣ ни за чѣмъ не держати, чтобъ въ ихъ мешканьѣ нашему и земскому дѣлу порухи не было. А какъ они пріѣдутъ на Самару, и на Самаре стольнику нашему и воеводамъ, князю Василью Ивановичю Туренину да князю Михайлу Васильевичю Бѣлосельскому съ Самары ихъ тотчасъ отпустити, давъ имъ лошади, взявъ въ цѣну, у кого ни буди, какъ имъ мочно поднятца, и отпустити ихъ Волгою или степью, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы государеву дѣлу было спешнѣе и прибыльнѣе, и имъ бы проѣхати здорово, и проводити ихъ послати, смотря по тамошнему дѣлу, а однолично ихъ не задержати. А которого числа Григорей Шахматовъ и толмачь Ермола на Самару пріѣдутъ и которого числа ихъ съ Самары отпустятъ, и о томъ отписать къ намъ тотчасъ, а отписка велѣти отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Рамапчюкову. А какъ Григорей Шахматовъ и толмачь Ермола пріѣдутъ въ Астарахань, и

въ Астарахани боярину нашему и воеводе князю Ивану Никитичю Одоевскому да окольничему Семену Васильевичю Головину, да діяку нашему Василью Юдину отпустить ихъ тотчасъ на Терекъ моремъ въ судѣхъ или берегомъ коньми, смотря по тамошнему дѣлу, какъ спешнѣе и прибыльнѣе, и безстрашнѣе, и проводити послати, будетъ падобно, смотря по тамошнему дѣлу, и на Терекъ къ воеводе нашему, къ Петру Петровичю Головину, объ нихъ отписати; а отъ насъ на Терекъ объ ихъ отпускѣ писано. А которого числа Григорья Шахматова и толмача Ермолу изъ Астарахани на Терекъ отпустятъ и моремъ ли, или сухимъ путемъ, и о томъ отписати къ намъ с-ными нашими дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123-го, генваря въ 25 де(нь).

Лѣта 7123-го генваря въ „ “ день (по) государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича в. Р. указу память діакомъ Петру Микулину да Ооонасью Овдокимову. Указалъ государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь в. Р. послати въ Кизылбаши къ Абазъ шаху съ своею государевою грамотою, для своего государева и земского дѣла, сына боярского, свіяжского жильца, Григорья Шахматова, да терского города толмача Ермолу. А своего государева жалованья указалъ имъ государь для тоѣ службы дати на нынешней 123-й годъ оклады сполна, да на подмогу Григорью Шахматову тритцать рублевъ, толмачю Ермоле дватцать рублевъ. Да велѣлъ имъ государь дати жалованье и подмогу въ Казани, да имъ же пожаловалъ государь, велѣлъ дати своего государева жалованья запасовъ: сыну боярскому Григорью Шахматову двѣ чети сухарей, пол-осмины крупъ, пол-осмины толокна, пять ведръ вина, два полтя ветчины, полтора пуда на . . . . . государеву указу Григорью Шахматову да толмачю Ермоле велѣти дати и отпустити ихъ исъ Казани тотчасъ и проводити ихъ велѣти исъ Казани до Самары, чтобъ имъ до Самары дойти здорово.

И 124-го іюня въ 15 день Григорей Шахматовъ да съ нимъ терской толмачь Ермолка Григорьевъ изъ Кизылбашъ къ Москвѣ пріѣхали.

А въ роспросѣ Григорей сказалъ: въ прошломъ де во 123-мъ году по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. указу посланъ онъ, Григорей, былъ отъ государя въ Кизылбаши съ государевою грамотою къ шаху, а велѣно ему, пріѣхавъ въ Кизылбаши, отдати та государева грамота государевымъ посланникомъ Михайлу Тиханову да подъячему Олексѣю Бухарову, а имъ велено та государева грамота отдати шаху. А будетъ Михайло и Олексѣй отъ шаха до него будутъ отпущены или къ нимъ за какими мѣрами ѣхати нельзя, и ему,

Григорью, велѣно проситись къ шаху и та государева грамота, что съ нимъ была послана, подати шаху.

И онъ, Григорей, отпущенъ съ Москвы генваря въ 29 де(нь) и пріѣхалъ въ Казань ѳевраля въ 14 день, а исъ Казани его отпустили ѳевраля въ 19 де(нь). А въ Астарахань пріѣхалъ апрѣля въ 23 де(нь), а изъ Астарахани отпустили его апрѣля въ 30 де(нь) моремъ въ судпѣ на Терку, и на Терку де онъ пріѣхалъ маія въ 6 де(нь). А въ тѣ де поры на Терку пріѣзжалъ ко государеву жалованью Гирѣя князя родной братъ Мурза да Ахловъ князь торкаловской, и Петръ де Петровичь Головинъ его, Григорья, имъ объявлялъ, что онъ посланъ отъ государя къ шаху зъ грамотою, и они бъ, Мурза да Ахловъ были на государево жалованье надежны и были бъ по(дъ) государевою рукою и ево, Григорья, проводили черезъ свою землю до шаховыхъ городовъ, а государь за ихъ службу пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ.

И Мурза де и Ахловъ противъ первыхъ рѣчей говорили, что они люди молодые, такому слову отвѣту дати не умѣютъ, а есть де ихъ въ Кумыкахъ старѣе, а ево, Григорья, они для царского къ нимъ жалованья черезъ свою землю до шаховыхъ городовъ проводятъ.

А съ Терки де его, Григорья, отпустилъ Петръ въ Тарки моремъ зъ Гигиревымъ (sic) братомъ, съ Мурзою, да съ Ахловымъ вмѣстѣ маія въ 9 де(нь), а провожать ихъ посылалъ Петръ съ Терки до Тарковъ сотника стрѣлетцкого Перваго Лукина съ стрѣльцы.

И въ Тарки они къ Гирѣю князю пріѣхали маія въ 12 де(нь), и Гирѣй де князь позвалъ ихъ къ себѣ на другой день, и они у Гирѣя князя были и по государеву наказу ему говорили, что они посланы отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. въ Кизылбаши къ шаху съ его царского величества грамотою, и онъ бы, Гирѣй князь, для его царского величества къ себѣ жалованья, отпустилъ его къ шаху и проводити ихъ велѣлъ до шаховыхъ городовъ. И Гирѣй де князь имъ говорилъ, что онъ, для царского величества къ себѣ жалованья, ихъ отпуститъ, не задержавъ, и проводити ихъ велитъ только какъ онъ позберетца съ людьми, а тушману де ныне много, съ кѣмъ бы ему водити и государева (бъ?) дѣла ему не потерять. И звалъ ихъ къ себѣ ѣсти, и они у него въ тѣ поры ѣли. А ѣтчи, ихъ Гирѣй отпустилъ къ себѣ на подворье. И жили они у Гирѣя послѣ того десять денъ.

И маія де въ 22 де(нь) Гирѣй князь ихъ исъ Тарковъ отпустилъ и лошади подъ нихъ подавалъ свои и провожалъ ихъ Гирѣй самъ съ

своими уздени до карабулацкого до Суркая князя. А пришли къ Суркаю на завтрее того, маія въ 23 де(нь), и начевали у Суркая одну ночь.

А на завтрее того отпустили отъ Суркая на Гирѣевыхъ же лошадѣхъ, а провожать посылалъ ихъ Суркай сына своего Казаналыпа, а съ нимъ ратныхъ людей было человѣкъ съ 300, и провожалъ ихъ Суркаевъ сынъ до шахова города до Дербени. И какъ де они пріѣхали въ Дербень, и Суркаевъ де сынъ Казаналыпъ обвестилъ про нихъ дербенскому салтану, и салтанъ де дербенской велѣлъ имъ тотчасъ дати дворъ. А пріѣхали де они въ Дербень маія въ 26 де(нь). И на завтрее де того, маія въ 27 де(нь) дербенской салтанъ позвалъ ихъ къ себѣ, и они де къ нему ходили, а пришедъ, говорили ему они по государеву наказу, что они посланы отъ великого государя ц. и. в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. къ брату его великого государя, къ Аббасъ шахову в., съ его царского величества съ любовною грамотою о ихъ государскихъ о вопчихъ о великихъ дѣлехъ, и онъ бы, салтанъ, ихъ отпустилъ къ шаху, гдѣ нынѣ шахъ, не задержавъ, и подводы подъ нихъ, и кормъ, и пристава имъ, и провожатыхъ далъ. И салтанъ де имъ сказалъ: что де спешишь, кабы де ѣдете съ смутными грамотами, ино де отпустятъ.

И они де ему говорили: что онъ такое затѣйное слово говоритъ, что они ѣдутъ (съ) смутными грамотами? спешатъ они для того, чтобъ тѣ дела, о чемъ царское величество писалъ къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., были вѣдомы вскоре, а въ его бъ задержаньѣ въ томъ ихъ государскимъ вопчимъ великимъ дѣламъ какіе порухи не было.

И салтанъ де имъ говорилъ, что онъ къ шаху отпуститъ, и держалъ ихъ въ Дербени пять день.

А маія же де въ 31 день дербенской салтанъ ихъ изъ Дербени отпустилъ и пристава имъ далъ, а лошеди далъ подъ нихъ свои, а кормъ велѣлъ имати по деревнямъ. И въ тѣ де поры мисюряне отъ шаха отложились, и они ѣхали по ночемъ до Шамахи съ великою нужею.

А въ Шамаху пріѣхали они іюнь въ 9 день, а шамахинсково воеводы въ Шамахѣ въ тѣ поры не было, а ходилъ де съ войскомъ на Телемелика, потому что онъ въ тѣ поры отъ шаха отложился, а приказано было въ Шамахѣ брату его, Давыдъ беку, и Давыдъ де имъ дворъ и кормъ далъ. И они де, Григорей и толмачь, Давыду беку о своемъ отпуске говорили, чтобъ онъ ихъ къ шаху отпустилъ, не задержавъ. И Давыдъ де имъ говорилъ, что онъ ихъ безъ брата своего къ шаху отпустити не смѣетъ, потому что ему братъ его приказалъ

въ Шамахѣ на время, а о томъ онъ отпишетъ къ брату своему. А на завтрее де того шамахинской воевода Исупъ хапъ въ Шамаху пріѣхалъ и велѣлъ имъ быти у себя, и они къ нему ходили и говорили о своемъ отпускѣ, чтобъ онъ ихъ отпустилъ къ шаху, не задержавъ, и пристава имъ, и кормъ, и подводы далъ. И Исупъ хапъ имъ говорилъ, что онъ ихъ отпуститъ къ шаху вскоре, да отпустилъ ихъ къ себѣ на подворье.

И держали де ихъ въ Шамахѣ после того двѣ недѣли. А какъ де двѣ недѣли минула, и ихъ де изъ Шемахи отпустили и подводы, и пристава, и кормъ имъ дали. А ѣхали они изъ Шамахи на городы на Ардевиль да на Казбинъ, да на Саву, да на Кумъ, да на Кашанъ, да на Нетензъ.

И пріѣхали въ городъ в-Испоганъ, гдѣ шахъ въ тѣ поры былъ, августа въ 9 де(нь), и дворъ де имъ и кормъ дали, и пристава приставили Ала Гулѣя.

И они де, Григорей и толмачь, говорили приставу, чтобъ онъ про нихъ известилъ шаху, что они посланы отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. къ брату его, къ великому государю къ шахъ Аббасову в., съ его царского величества любовною грамотою о ихъ государскихъ о великихъ дѣлѣхъ, и шахъ Аббасъ бы велѣлъ имъ быти у себя и свои очи видѣть. И приставъ де ихъ Ала Гулѣй говорилъ, что онъ о томъ известитъ шаховымъ ближнимъ людемъ.

И назавтрее де того, августа въ 10 де(нь) приходилъ къ нимъ на подворье шаховъ ближней человѣкъ Гусеинъ бекъ и почелъ де ихъ спрашивать: что де ихъ къ шаху пріѣздъ? И они де говорили, что они посланы отъ государя къ шаху съ его царского величества любительною грамотою о ихъ государскихъ о вопчихъ о великихъ дѣлѣхъ, и шахъ Аббасъ бы велѣлъ имъ быти у себя. И Гусеинъ де бекъ имъ говорилъ, что онъ объ нихъ шаху известитъ, да пошелъ отъ нихъ съ подворья. И послѣ того жили они в-Испагане, а у шаха ещо не были, три недѣли.

И августа жъ де въ 30 де(нь) пришелъ къ нимъ на подворье приставъ ихъ Алла Гулѣй, а говорилъ, что шахъ Абассово в. велѣлъ имъ быти у себя, и они бъ, Григорей и толмачь, были готовы.

И того дни они у шаха были, а пришедъ къ шаху, по государеву наказу поклонъ правили и грамоту подали. И шахъ государеву грамоту у нихъ принялъ самъ и отдалъ ближнему своему человѣку Саралазѣ, а отдавъ грамоту, спросилъ: сколь де вы давно отъ государя, и братъ де мой былъ въ тѣ поры на Москвѣ ли и здорово ли? И Григорей шаху

сказалъ: какъ онъ поѣхалъ отъ государя, тому нынѣ семой мѣсяцъ, а какъ поѣхалъ съ Москвы, и въ тѣ поры великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ былъ на Москвѣ въ добромъ здоровьѣ.

А какъ де онъ, Григорей и толмачь, вошли въ полату и отъ государя поклонъ шаху правили и государеву грамоту ему подали, и шахъ де все стоялъ, и о здоровье государевѣ спрашивалъ стоя жъ. А спрося шахъ о государевѣ здоровьѣ, сѣлъ. А сѣдчи, позвалъ ихъ къ рукѣ, и они у шаховы руки были. А посидѣвъ немного, спросилъ ихъ шахъ: какъ де братъ мой нынѣ съ нѣмецкимъ королемъ, въ миру ль или не въ миру, и нѣтъ ли межъ ихъ войны?

И Григорей говорилъ, что великій государь нашъ его ц. в. братъ твой нынѣ съ нѣмецкимъ королемъ въ миру, и послы нѣмецкого короля у его ц. в. при немъ были на Москвѣ, а глухо молылъ про нѣмецкого короля потому, что шахъ его спросилъ глухо жъ, а про которого нѣмецкого короля шахъ у него спрашивалъ, того не вѣдаетъ, только къ его слову молылъ, что у государя нѣмецкого короля послы при немъ на Москвѣ были, и межъ себя въ ссылкѣ. И шахъ де противъ его слова: что то добро, что братъ мой съ нѣмецкимъ королемъ въ миру и въ ссылкѣ. Да велѣлъ имъ быти у себя за столомъ. И они де того дни у шаха ѣли.

А какъ де они къ шаху вошли сперва въ полату и шаху отъ государя поклонъ правили, и грамоту подали, а въ тѣ де поры сидѣли у шаха турского салтана гонецъ Магметь да ѳрянского короля посланникъ Бекъ зада, да крымской выѣзжей царевичь Шакъ Гирѣй, да грузинской царевичь, что взятъ въ Грузехъ, Леверханъ, и у шаха они въ тѣ поры ѣли жъ, только о себѣ за столомъ, а они себѣ одни за столомъ. А шахъ де въ тѣ поры, какъ они ѣли у шаха, все ходилъ по полатѣ, тѣшился.

А были они, Григорей и толмачь, у шаха и поклонъ правили и грамоту подали, не вѣдая про то, что у шаха въ тѣ поры были турского гонецъ и ѳрянского короля посланникъ, а свѣдали они про нихъ послѣ, а въ тѣ поры имъ про нихъ не сказали. А какъ они отъѣли, и шахъ де ихъ отпустилъ къ себѣ на подворье.

А на завтрее де того дни приходилъ къ нему, Григорью, на подворье приставъ ихъ Алла Гулѣй, и они де ему говорили, что бъ онъ известилъ шаховымъ ближнимъ людемъ, а шаховы бъ ближніе люди известили шаху, что они по государя своего царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича

в. Р. с. приказу шаху поклонъ исправили и грамоту подали, и шахъ бы Аббасово в. велѣлъ ихъ отпустити ко государю и съ ними противъ государевы грамоты къ брату своему, къ великому государю, къ его царскому величеству отписалъ. И приставъ де имъ сказалъ, что опъ про то шахъ Аббасову в. извѣститъ.

А послѣ де того, спустя съ мѣсяцъ, присылалъ къ нимъ шахъ на подворье звати къ себѣ ѣсть пристава ихъ Алла Гула, чтобъ они у шаха были у стола.

И они де, Григорей (и толмачь), того дни у шаха у стола были, а сидѣли по прежнему жъ, а турского де гонецъ и ерлянской посланникъ у шаха въ тѣ поры у стола были жъ, а сидѣли по прежнему о себѣ столомъ, а они про нихъ ещо не вѣдали жъ. А какъ они отъѣли, и шахъ де ихъ отпустилъ къ себѣ на подворье. И жили они послѣ того в-Испоганѣ съ мѣсяцъ же. А въ тѣ де поры слышели они, что отъ литовского короля пріѣзжалъ къ шаху гонецъ, а съ чѣмъ и о чемъ пріѣзжалъ, того провѣдать не могли. А о своемъ отпускѣ они говорили многижда, чтобъ шахъ велѣлъ ихъ отпустить. И приставъ де ихъ говорилъ имъ, что шахъ велитъ ихъ ко государю отпустити вскорѣ, какъ будетъ время.

И октября въ 27 де(нь) велѣлъ имъ шахъ быти у себя на отпуске. И того дни они у шаха были, а какъ вошли въ полату, и шаховы де ближніе люди говорили имъ, что ихъ шахъ Аббасово в. велѣлъ къ брату своему отпустить и грамоту съ ними свою посылаетъ. Да въ тѣ поры они у шаха у стола были въ третіе. А ѣтчи, отпустили ихъ къ себе на подворье, а за ними прислалъ шахъ на подворье ко государю грамоту.

А после того, спустя съ недѣлю, шахъ изъ Аспогана пошолъ въ новой городъ въ Ѳарабатъ, а ихъ, Григорья и толмача, отпустили изъ Аспогана, спустя после того день съ пять, ноября въ 7 де(нь). И ѣхали они изъ Аспогана на тѣжъ городы, на которые ѣхали в-Испогань, да въ Дербень, а изъ Дербени ихъ отпустили тою же дорогою на Кумыки и провожали ихъ изъ Дербени до Гирѣя князя кумыцкого, и у Гирѣя князя жили они четыре дни.

А после того Гирѣй князь велѣлъ ихъ отпустити на Терку, а съ ними послалъ въ провожатыхъ до Терка 3-хъ человѣкъ узденей своихъ.

И на Терку де они пріѣхали за три недѣли до масленицы и жили на Теркѣ три мѣсяца за тѣмъ, что въ тѣ поры кочевалъ межъ Астарахани и Терка Иштерекъ. А какъ де Иштерекъ перешолъ в-ыпое мѣсто кочевать, и ихъ де съ Терки отпустили на другой недѣлѣ после велика

дни, моремъ. А куды Иштерекъ пошелъ кочевать и гдѣ нынѣ кочуетъ, того не вѣдаютъ.

А въ Астарахань пріѣхали они съ Терки въ пятой день. А изъ Астарахани пріѣхали они къ Москвѣ іюнь въ 15 де(нь).

А про вѣсти Григорей Шахматовъ и толмачь Ермолка допрашиваны, что они какихъ вѣстей, будучи въ Кизылбашехъ и ѣдучи дорогою и до Терки, слышели.

И Григорей и толмачь Ермолка въ роспросе сказали: какъ они были въ Кизылбашехъ, и при нихъ де съ турскимъ и съ бухарскимъ и с-индѣйскимъ цари войны никакіе не было, а слышели они, что было турскому ратныхъ людей на шаха по нынѣшней веснѣ посылать, и пришли-ль нынѣ на шаха турскіе люди или ещо не пришли, того не вѣдаютъ. И шахъ де отъ турского опасаетца, приходу людей его чаетъ. И дѣлаетъ де шахъ городъ каменой, а называютъ его Ѳарабатъ, близко моря, не упомнятъ у которые рѣки на устьѣ, и людей со всѣе Кизылбашскіе земли изо многихъ городовъ переводитъ въ тотъ городъ, и ужъ де тотъ городъ и здѣланъ и людьми наполненъ ратными и жилетцкими многими, сказываютъ его противъ Царя города; а проходъ де къ нему одинъ—межъ горъ щельми, а гдѣ городъ стоитъ, тамъ де мѣсто просторно и всѣмъ изобильно. И только де пойдетъ турской на шаха самъ, и шахъ съ нимъ хочетъ перевѣдыватца, а только де силы его не будетъ противъ турсково стоять, и онъ де хочетъ итти въ тотъ городъ для крѣпости отъ турского, и тотъ тѣсной путь хочетъ утвержать.

А грузинской де царь Теймуразъ у шаха всѣ свои городы, что было шахъ у него поималъ, очистилъ и людей шаховыхъ въ тѣхъ городѣхъ побилъ, и нынѣ де Грузинская земля подъ Теймуразомъ по прежнему. А какъ де Теймуразъ землю свою очистилъ, и шахъ де присылалъ на Теймураза воеводу своего Испандеяра бека, а съ нимъ 12,000 человѣкъ. И Теймуразъ де того шахова воеводу побилъ, а убилъ у него тысечь съ пять ратныхъ людей и коши всѣ у него отгромилъ, а Испандеяръ съ достальными людьми отшолъ отъ него въ шаховъ городъ въ Тевризъ, отъ Грузинскіе земли ходу до него день съ пять.

Да слышели они, ѣдучи дорогою, что про шаха въ Ардевилѣ обиходы пасутъ, а сказываютъ де, что хотѣлъ шахъ итти самъ на грузинского Теймураза царя, а подлинно про то не вѣдаютъ: пойдетъ ли шахъ на Теймураза или не пойдетъ. А въ Шамахѣ де и въ Дербени добрѣ крепятца и запасы запасаютъ, а блюдутца приходу грузинского Теймураза царя, а говорятъ въ Шамахѣ и въ Дербени: только де шахъ

къ нимъ самъ не придетъ, и имъ отъ Теймураза быть всѣмъ повоеванымъ. А Аряжъ де городъ Теймуразъ взялъ и людей шаховыхъ въ немъ всѣхъ побилъ и разорилъ. И нынѣ де Теймуразъ въ своей въ Грузинской землѣ, въ городѣ въ Загемѣ.

А гдѣ ныне болшіе Нагаи—Иштерекъ князь, и Казыевъ улусъ кочюютъ, того они не вѣдаютъ.

А болши того вѣстей они никакихъ не слыхали.

. . . . .

Великому величествомъ вознесенному, въ добрую звѣзду рожепному царскому сѣмени, грозою подобну Казаферу царю, богатствомъ подобну Дарію царю, величествомъ Кекеусу царю, богатырствомъ Растему, храбростію Олександру, звѣздочислено войско имѣющему, подобно съ солнцемъ сіяющему, превысочайшему престолу самоцвѣтнаго камени отрасли милостивому въ царстве повелителю, Російского государства царю богатому и великому и вознесеному, и возможпому, тѣхъ прежнихъ царей величества достигшему и на царстве величествомъ, и высотою, и кротостью, и милостью, и даролюбіемъ утвердившемусь, любительпому честному и прехвальному великому государю царю и в. кп. Михаплу Ѳедоровичю в. Р. величеству многосильному и великочестпому отъ вашего любительного бытья и отъ дружелюбства и отъ соединенные правды дружбѣ знамя. Вашего величества послапники, съ радостью въ сю землю пришедъ и къ нашему ближпему дружелюбству дошедъ, и письмо прямые дружбы и правды и про одиначенье въ немъ писапо, къ намъ донесли, и принесчи, намъ ее подали, хотя ближніе дружбы нашего благочестиваго царьского мѣста, и мы возрадовались и въ умѣ нашемъ любительное зерцало съ розными радости объявилось, и вамъ великого государства царю явно, что изъ стари се Думапское властелное мѣсто нашего царства, а отъ прежнихъ временъ по прямой правде и по одиначенью дружбою всякіе наши люди схаживалися, и нынѣ мы съ тобою, съ великимъ государемъ, тако же желаемъ, радуяся, быти въ братственой дружбѣ, а Грузинская земля не тайно отъ начала временъ наши шаховы служильцы и наши подручники, и всегды жаловали есмя и береженье наше къ нимъ было, а хотя въ нихъ в-ыныхъ людехъ лукавство есть, а в-ыныхъ правда и радѣнье, и будетъ отъ насъ до нихъ дѣло объявитца и отъ пашіе стороны убояся и станутъ въ вашу сторопу приходити, и тебѣ бъ туто своя любительпая къ намъ дружба явити и тѣхъ опять къ намъ поворотити, а преже сего, коли въ Російскомъ государствѣ межуусобпая смута была, и въ тѣ поры, пришедъ скопомъ не царьского роду, называясь царевичемъ,

и царьского мѣста добиваясь, Астарахань засѣлъ, и многіе послы къ намъ отъ него прошати помочи приходили, и мы, довѣдавъ, что онъ не царьского роду, ево прошенья ему не дали и ни въ чемъ не помогли. А того Дудмана по своей сердечной мысли исъ подъ своихъ рукъ не выдали. Слава и хвала намъ то Богу, что конецъ того на истинный путь нашедъ, недруги наши усѣлись. А того царевича великого возможного на царьской престолъ поставили и недруги жъ его подъ ногами стали. И нынѣ отъ нашего величества любовь и дружба то къ намъ, чтобъ отъ той стороны се сидѣнье и бытье въ любвѣ видѣчи, дружба своя сердечная не покинути, а мы по истинной правде и по одиначенью съ тобою высокого престола великимъ царемъ своей орды и украйны твоими почитаю, а твоихъ ордъ и украинъ тако же за свое почитаю. А отъ начала межъ нами розни и недружбы не бывало, а противъ сѣхъ словъ пригодитца тебѣ великому царю, съ лицемъ сіяющему, всегда дружба и ссылка держати и слово говорити умѣющими послы съ любительными своими грамоты насъ возвеселити. А что будетъ въ нашихъ ордахъ тебѣ понадобитца, и тебѣ бъ о томъ къ намъ, не чюжаясь, писати, и то бы твое дѣло такъ ся здѣяло. А хотя мы мало писали, а много хотимъ въ крѣпкой дружбѣ съ тобою быти.

Приписка: Бояре приговорили отписать отъ государя къ шаху про Грузинскую землю, чтобъ для государевы любви на Грузинскую землю не ходилъ, тамъ вѣра наша одна, а что неисправленье ихъ, и государь велитъ имъ передъ шахомъ исправитца.

. . . . здержательную власть древнихъ великихъ государей персидцкихъ царей пріимшему превознесенную честь, яко рогъ инрога достигшему, мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честію и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, поречennому въ чести величества изящному Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ-шахову величеству любовному пріятелю нашего царьского величества любезное поздравленіе и счастливое пребываніе и надъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: посылали есмя къ вамъ, брату нашему, Аббасъ шахову величеству съ нашею грамотою гончика Гришу Шахматова о нашихъ государственныхъ о братцкихъ любительныхъ дѣлехъ; да въ той же нашей грамотѣ писали есмя къ вамъ, брату нашему, о Иверской землѣ, что Иверская земля изначала наше православные крестьянскіе вѣры, и били челомъ Олександръ царь со всею Иверскою землею въ подданство дяде нашему великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Русіи, потомъ царю и в. кн. Борису Ѳедоровичю в. Р. и ихъ государьскимъ наслѣдникомъ, которые великіе государи на нашихъ

великихъ Россійскихъ государствахъ впередь будутъ, и вамъ бы, брату нашему, великому государю Аббасъ шахову в. в-Иверскую землю впередъ не вступатися и людей своихъ из-Иверской земли велѣти вывести. И вы-бъ, братъ нашъ, Аббазъ шахово в. гончика нашего Гришу Шахматова къ намъ, великому государю, отпустилъ, а съ нимъ прислалъ къ намъ, великому государю, свою любительную грамоту, а въ грамоте своей вы, братъ нашъ, къ нашему царскому величеству о Грузинской землѣ писали, что Грузинская земля отъ начала времянъ ваши служильцы и подданные, и всегда есте жаловали ихъ и берегли, и будетъ вамъ до нихъ впередъ дѣло будетъ, и отъ васъ будетъ брата нашего Абазъ шахова величества, только убоясь, учнутъ Грузинцы приходити въ наше государство, и нашему бъ царскому величеству къ вашему Аббасъ шахову в. наша любительная дружба объявити, тѣхъ опять къ тебѣ воротити. А вы, великій государь, по истинной правде съ нами, великимъ государемъ, дружбы и любви хочешь и свои городы отъ нашіе украины нашими почитаешь, а наши городы отъ вашіе украины своими почитаешь. И мы, великій государь, ту вашу, брата нашего, грамоту выслушали любительно и хотимъ съ вами, братомъ нашимъ, съ великимъ государемъ съ Абасъ шаховымъ величествомъ по тому жъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и въ ссылке на веки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей. А тому мы, великій государь, подивилися, что вы, великій государь, братъ нашъ Аббасъ шахово величество съ посланники своими и съ гонцы къ намъ, великому государю, приказываешь и въ грамотахъ своихъ къ нашему царьскому в. пишешь, что съ нами, великимъ государемъ, хочешь быти въ сердечной въ братцкой дружбе и въ любви, и въ ссылке и своей земли городы отъ нашей украины нашими называешь, а въ нашу поддапную Иверскую землю, нашіе крестьянскіе вѣры греческаго закона, которая крестнымъ целованьемъ издавныхъ лѣтъ намъ, великимъ государемъ, царемъ російскимъ, укреплена, вступаешься, и намъ въ ней кабы отказываешь: которые къ намъ отъ вашего, брата нашего, страху учнутъ къ нашему царскому величеству приходити, велишь къ себѣ ворочати. А мы, великій государь, къ тебѣ, брату нашему, съ гончикомъ нашимъ съ Гришею Шахматовымъ о Грузинской землѣ какими обычаи намъ, великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ російскимъ въ подданстве учинилась и какіе убытки отъ неѣ прежнимъ російскимъ государемъ учинились, писали подлинно, и сею нашею царскою грамотою вамъ, великому государю, объявляемъ и самому тебѣ, брату нашему, Абазъ шахову в. про то подлинно вѣдомо: Иверская земля, цари и князи изначала нашіе хрестьянскіе вѣры греческаго

закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и никѣмъ не обладаеми, после того, какъ перестали во Царѣ городѣ хрестьянскіе государи, а какъ учала быти в-Иверской землѣ межъ царей и князей рознь и несогласье, а турской имъ учалъ многую теспоту чинити, и Иверскіе земли Александръ царь сынъ Леонтья царя, видя себя безпомошна и боясь быти отъ турского въ разоренье, били челомъ блаженные славные памяти дяде нашему великому государю ц. и в кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., чтобъ онъ, великій государь, для хрестьянскіе вѣры принялъ его подъ свою царскую высокую руку и отъ турского-бъ салтана и отъ Шевкала оборонити его велѣлъ, а онъ зъ детьми своими, съ царевичемъ Давыдомъ и съ царевичемъ Юрьемъ, и со внучаты и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ государей царей російскихъ не отступенъ будетъ на веки. И на томъ Олександръ царь зъ детьми своими и со внучаты и со всею своею Иверскою землею блаженные памяти великому государю дяде нашему ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. правду далъ по нашей хрестьянской вѣре, крестъ целовалъ, и тѣмъ себѣ вспоможенье и свободу отъ турскихъ людей получилъ, и никоторые ихъ недруги не умѣли имъ никоторые теспоты во вся лѣта при дяде нашемъ великомъ государе ц. и в. кн. Ѳедоре Ивановиче в. Р. и при царѣ Борисе учинити. Да и то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в. вѣдомо: какъ великій государь, блаженные славные памяти дядя нашъ, ц. и в. кн. Федоръ Ивановичь в. Р. с. на Терке и на Койсе городы велѣлъ поставити и людей ратныхъ въ нихъ устроити для Иверскіе земли, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумытцкимъ людемъ теспити не дати и противъ недруговъ ихъ помогати, да и для того, что турскіе люди по многіе годы ходили на вашу Аббасъ шахова в. землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Суншу. И по его царского в. повелѣнью исъ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и литцкіе казаки на турскихъ людей прихаживали и на Суншѣ турскихъ людей многихъ побили, и впередъ тѣми мѣсты на вашу, брата нашего, землю турскіе люди ходити не учали. И вамъ, брату нашему, тѣмъ великая помочь учинилась да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба дяди нашего великого государя царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с. къ тебѣ, брату нашему, была, о чомъ самъ подлинно вѣдаешь. А какъ судомъ Божіимъ блаженные памяти дяди нашего великого государя ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с. въ животѣ не стало, а на великихъ російскихъ государствахъ учинился царь и в. кн. Борисъ Ѳедоровичь в. Р., и иверской Александръ царь царю Борису потому жъ правду далъ зъ детьми

своими и со внучаты, и со всѣми думными своими людьми крестъ целовали, что имъ быти подъ російскихъ великихъ государей царей рукою со всею Иверскою землею на вѣки не отступнымъ. И по Олександрову цареву челобитью царь Борисъ изъ понизовыхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ послати на Шевкала и на всю Кумытцкую землю ратныхъ своихъ людей для того: какъ Олександръ царь съ повелѣнья царя Бориса былъ у тебя, брата нашего, въ рати, и шевкальской по турского велѣнью въ ту пору Иверскую землю воевалъ и многихъ хрестьянскихъ людей въ плѣнъ поимали. И царя Бориса ратные люди Кумытцкую землю воевали и многіе мѣста поимали и разорили и въ Таркахъ и въ Таркалахъ городы поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государстве учала быти умышленьемъ польского короля смута и въ людехъ розпь, и кумытцкіе люди, сложась съ турскими людьми, которые въ то время были въ Кумытцкой землѣ, на нашихъ людей приходили. . . . . [1]).

1616 марта 22—іюн. 27. Отпускъ въ Персію Россійскихъ посланниковъ Ѳедора Левонтьева и дьяка Богдана Тимофѣева для утвержденія взаимной съ шахомъ дружбы и для испрошенія казны къ продолженію съ польскимъ королемъ войны. — Челобитныя и отправляющихся съ ними кречетниковъ о разныхъ дѣлахъ, и по онымъ памяти въ разные приказы.—Отпускъ проѣзжихъ грамотъ въ понизовые города, такъ же къ кумыцкому князю Гирѣю, къ черкаскимъ и горскимъ князьямъ и мурзамъ.— И копія государевой къ шаху грамоты и данный Россійскимъ посланникамъ наказъ. На 294 листахъ.

Лѣта 7124-го марта въ 22 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память діакомъ Петру Овдокимову да Матвѣю Сомову. Указалъ государь ц и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. п(ослать) въ Персидцкое государство къ шахъ Аббасу для (своего) государева и земского дѣла посланниковъ с(воихъ), Ѳедора Исакова сына Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева, а съ ними вмѣсте ук(азалъ государь) отпустить съ Москвы шахова посланника Булатъ бека, а итти имъ съ Москвы до Нижнего и до Казани въ судѣхъ нынѣ на веснѣ вскоре. И по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу діякомъ, Петру Ов(докимову) да Матвѣю Сомову, велѣ . . . . Москвѣ рекѣ про госуда(ревыхъ посланниковъ) и про шахова (посла)нника и про

[1]) На этомъ отрывкѣ грамоты и оканчиваемъ выписку изъ Грузинскихъ дѣлъ.

его людей и подъ рух(лядь). . . . судна большихъ добрыхъ и крѣпкихъ, которые бъ подняли чети по штидесяти и больши. А которые будетъ худы и не конопачены, и тѣ велѣти подѣлать и выконопатить; а на томъ судне, въ которомъ ѣхать шахову посланнику, велѣть здѣлать чердакъ и покрыть и устроить по посольскому обычею, чтобъ то судно было крѣпко и стройно. Да въ провожатыхъ, которымъ провожать посланниковъ съ Москвы до Коломны, велѣти отписать судно доброе.

Лѣта 7124-го апрѣля въ 10 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Боярин Борисъ Михайловичь Салтыковъ да дьяки Иванъ Болотниковъ съ товарыщи сказали въ Кизылбаши къ шахъ Аббасу ѣхати съ кречаты и съ ястребы кречетникомъ и ястребникомъ; а кому кречетникомъ и ястребникомъ сказано и что имъ по списку дворовыхъ людей нынешняго 124-го году помѣсные и денежные оклады, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею памятью. *Начало подписи:* Діакъ.

Кречетники:

400 чети, денегъ 18 рублевъ. Остаѳей Сычовъ.

300 чети, денегъ 12 рублевъ. Михайло Паскинъ.

По 250 чети, денегъ по 10 рублевъ. Петръ Савеловъ, Иванъ Петровъ.

Продолженіе подписи: Патрекѣй.

Ястребники:

250 чети, денегъ 10 рублевъ. Истома Бакинъ.

200 чети, денегъ 8 рублевъ. Григорей Устиновъ.

Конецъ подписи: Насоповъ. *На оборотѣ:* Справилъ Игнашко Лу. . . .

Лѣта 7124-го апрѣля въ 14 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову съ товарыщи, въ памяти за твоею, Петровою, приписью написано: пожаловалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. кречетниковъ, Остаѳья Сычова, Михайла Паскина, Петра Савелова, Ивана Петрова, да ястребниковъ, Истому Бокина, Григорья Устинова: велѣлъ имъ дати для кизылбашскіе посылки свое государево годовое жалованье на два года, на нынешней на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по окладомъ ихъ сполна. И тѣмъ бы кречетникомъ и ястребникомъ государево жалованье на два года, на нынешней на 124-й годъ, да впередъ на 125-й годъ дати въ приказе большого дворца по ихъ окладомъ сполна. И кречетникомъ Остаѳью Сычову да Петру

Савелову, да ястребникомъ Истоме Бокину да Григорью Устинову государево жалованье на нынешней на 124-й годъ и впередъ на 125-й годъ оклады ихъ сполна въ приказе большого дворца даны. А кречетники Михайло Паскинъ да Иванъ Петровъ отъ кизылбашскіе посылки отставлены и жалованье имъ не дано потому, что Михайло Паскинъ во 123-мъ году былъ посланъ со птицы въ Крымъ и жалованье ему на нынешней на 124-годъ дано сполна; а Иванъ Петровъ взятъ въ кречетники нынѣ впове. И нынѣ на ихъ мѣсто выбраны въ Кизылбашскую посылку кречетники жъ, на Михайлово мѣсто Паскина—Василей Ѳоѳоповъ, на Иваново мѣсто Петрова—Ѳедоръ Тоболинъ, и жалованье имъ для кизылбашскіе посылки въ приказе большого дворца на нынешней, на 124-й, годъ и впередъ на 125-й годъ оклады ихъ сполна даны. Иванъ Болотниковъ. *На оборотѣ*: Справилъ Ивапко Дмитреевъ.

Лѣта 7124-го апрѣля въ 25 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память діакомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. ястребникъ Истома Бокинъ, а сказалъ: придано де ему государева жалованья помѣсного окладу за службу и за погорѣльское осадное сидѣнье пятьдесятъ чети да денегъ два рубли, а нынѣ онъ, Истома, посланъ на государеву службу въ Кизылбаши, а окладъ ево помѣсной и денежной въ посольской приказъ отосланъ старой, а та придача не послана, и государь бы ево пожаловалъ, велѣлъ ему тое помѣсную и денежную придачю къ прежнему окладу въ посольскомъ приказе справить. И въ приказе большого дворца въ списке дворовыхъ людей нынешнего 124-го году написано: ястребнику Истоме Бокину окладъ двѣсте пятьдесятъ чети, денегъ десять рублевъ. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. пожаловалъ, велѣлъ ему тое помѣсную и денежную придачю къ прежнему его окладу справить. И по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову, велѣти за ястребникомъ, за Истомою Бокинымъ, помѣсную и денежную придачю къ прежнему его окладу справить. *Подпись*: Діакъ Патрикѣй Насоповъ. *На оборотѣ*: Справилъ Ондрюшка Ботвиньевъ.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переяславля, и до Мурома, и до Нижнего Новагорода, и до Казани, и до Астарахани, и до Терки бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши къ Аббасъ шаху съ

посланники нашими, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дiакомъ, зъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, съ нашими птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетники да ястребники Остаѳей Сычовъ съ товарыщи, а птицъ съ ними восмь кречетовъ да три ястребы. И какъ они въ которой городъ со птицы пріѣдутъ, и вы бъ, бояре наши и воеводы, и дьяки, и всякіе наши приказные люди, ихъ отпущали безъ задержанья и суды подъ нихъ и кормщиковъ и гребцовъ давали противъ подорожныхъ сполна, и про птицы кормъ имъ давали, на птицу по гнезду голубей или по двое куровъ молодыхъ, или по курице по старой, и ледъ про кречетовъ и на голуби, и на куры кормъ отъ города до города, счетчи, въ колько день имъ отъ города до города поспѣти мочно. А съ Терки воеводамъ нашимъ, Миките Дмитреевичю Вельяминову да Петру Ѳедоровичю Проклонскому кречетниковъ и ястребниковъ, Остаѳья Сычова съ товарыщи, по тому жъ отпустили въ Кизылбаши съ посланники нашими вмѣсте водянымъ или сухимъ путемъ, не задержавъ, и кормъ про птицы дати, до коихъ мѣстъ мочно. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маiя въ 17 де(нь).

Написано въ докладъ. Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. кречетники Остаѳѣй Сычовъ, Василей Ѳоѳановъ, Петръ Савеловъ, Ѳедоръ Тоболинъ, да ястребники Истома Бакинъ, Григорей Устиновъ. По государеву де указу велено имъ ити въ Кизылбаши зъ государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, съ посланникомъ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дiакомъ зъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, а государева денежного жалованья для тоѣ службы дано имъ на два годы по окладомъ ихъ, а подмоги и запасу ничево имъ не дано; а которые ихъ братья, кречетники и ястребники, преже сего посланы были въ Кизылбаши со птицы, и тѣмъ государево жалованье на подмогу противъ годового жалованья вдвоя давано и запасъ давапъ, да по сукну по доброму, по два ведра вина, по 2 ведра меду, по 2 ведра уксусу; да въ Казани запасу давано по 5 чети муки рженые, по 5 чети муки пшеничной, по 5 ведръ уксусу по полоть ветчины. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ своево государева жалованья на подмогу и запасу, какъ государю Богъ известитъ. А въ памяти изъ приказу большого дворца за приписью дiака Патрекѣя Насонова написано: кречетникомъ и ястребникомъ государева жалованья денежные оклады: Кречетники: 18 рублевъ—Остаѳѣй Сычовъ, по 10 рублевъ—Василей Ѳоѳановъ, Петръ Савеловъ, Ѳедоръ Тоболинъ. Ястребники: 12 рублевъ—Истома Бакинъ, 8 рублевъ—Григорей Устиновъ.

И выписано изъ записныхъ тетратей по чему давано государева

жалованья кречетникомъ и ястребникомъ на подмогу. Въ прошломъ во 104-мъ году посыланы въ Кизылбаши съ посломъ со княземъ Ондрѣемъ Звинигородцкимъ кречетники Иванъ Петровъ и дано ему государева годового жалованья на 2 года, на 104-й годъ да на 105-й годъ, да подмоги вдвое противъ одного году 23 рубли. А что преже сего кречетникомъ и ястребникомъ государева жалованья запасовъ и вина на Москвѣ и въ городѣхъ для тое службы давано, и того въ посольскомъ приказе не сыскано, потому что после московского разоренья сыскапы записные тетрати не сполна. *Помьта дьяка*: Дать подмоги противъ жалованья всѣмъ вдвое, а запасу дать противъ тѣхъ кречетниковъ, которые посланы въ Царьгородъ.

Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. кречетники да ястребники, Остаѳѣй Сычовъ съ товарыщи. Сказано де имъ на государеву службу въ Кизылбаши, а государева жалованья велѣно дать на подмогу изъ большово приходу, и въ большомъ де приходе нынѣ денегъ нѣтъ, а отпускъ имъ будетъ вскоре. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ дать то свое государево жалованье подмогу изъ зборныхъ денегъ. А дове(де)тца имъ дати государева жалованья подмоги всѣмъ шти человѣкомъ 136 рублевъ. *Помьта дьяка:* Будетъ деньги есть, дать имъ что взяты пятинные деньги.

Написано въ докладъ. Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. кречетники Остаѳѣй Сычовъ, Василей Ѳоѳановъ, Петръ Савеловъ, Ѳедоръ Тоболинъ, да ястребники, Истома Бакинъ, Григорей Устиновъ. По государеву де указу велено имъ итти въ Кизылбаши съ государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, съ посланникомъ Ѳедоромъ Левоптьевымъ да съ дьякомъ съ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, а государева денежного жалованья для тоѣ службы дано имъ на два годы по окладомъ ихъ, а подмоги имъ и запасу ничего не дано; а которые де ихъ братья кречетники и ястребники прежъ сего хаживали въ Кизылбаши со птицы, и тѣмъ государево жалованье подмоги и запасъ давано. И государь бы царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. ихъ пожаловалъ на подмогу и запасу, какъ государю Богъ известитъ.

И выписапо изъ записныхъ тетратей по чему давано государева жалованья кречетникомъ и ястребникомъ на подмогу и запасу. Въ прошломъ во 109-мъ году (пос)лапы въ Кизылбаши съ посломъ со княземъ Олександромъ Засѣкинымъ кречетники Гаврила Микулинъ, Богданъ Марковъ, и дано имъ государева жалованья на два года, на 109-й да на 110-й, да подмоги на одинъ годъ противъ жалованья, да

имъ же велѣно дати запасу въ Астарахани обѣимъ 5 чети муки рженые, 5 чети сухарей, по полтю ветчины, 5 вѣдръ вина, осмина крупъ, осмина толокна. *Помѣта:* Дать ныне противъ того жъ.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгоруково да князю Семену Микитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ Ондрѣю Подлѣсову, да Ѳѳонасью Истомину. По нашему указу велѣно итти на нашу службу въ Кизылбаши съ нашими посланники, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да съ дьякомъ съ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, съ нашими птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетникомъ и ястребникомъ Остаѳью Сычову, Василью Ѳѳанову, Петру Савелову, Ѳедору Тоболину, Истоме Бакину, Григорью Устинову, всего шти человѣкомъ. А для тое кизылбашскіе посылки указали есмя имъ дать въ Казани нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ на два человѣки пять чети муки рженые, пять чети сухарей, пять ведръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ велѣли дать нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ для кизылбашскіе посылки кречетникомъ и ястребникомъ, Остаѳью Сычову съ товарищи, шти человѣкомъ, на два человѣки пять чети муки рженые, пять чети сухарей, пять ведръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна. И въ росходъ бы есте тѣ запасы велѣли записать имянно. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 17 де(нь).

Лѣта 7124-го маія въ 20 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память діякомъ, Олексѣю Витовтову да Павлу Матюшкину, да Василью Семенову. Пожаловалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. Ѳедора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева для кизылбашскіе службы, велѣлъ имъ купити въ Нижнемъ съ кабака вина, сколько имъ вѣдръ надобно въ пріимочное ведро, а цѣну у нихъ велѣлъ за то вино взять по той цепѣ, по чему ставитца ведро на винокурне. И по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу діякомъ Олексѣю Витовтову да Павлу Матюшкину, да Василью Семенову послать въ Нижней государева грамота къ боярину и воеводамъ, а велѣть Ѳедору Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѳѣеву продать вина съ кабака, сколько вѣдръ надобно, а денги у нихъ велѣть взять за то вино по той ценѣ, по чему ставитца на винокурне.

Лѣта 7124-го, маія въ 20 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память діакомъ Петру Микулину съ товарищи. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Руси послать

къ брату своему, къ шахъ Аббасову в. въ послапникехъ Ѳедора Исакова сына Левонтьева да дьяка Богдапа Тимооѣева, а съ нпми вмѣсте отпущены къ шаху съ Москвы шаховъ послапникъ Булатъ бекъ, да изъ Нижнего гопецъ Мигибъ бекъ, да исъ Казани послапникъ же Муршу Кулы бекъ и торговые купчины, которые въ Казани, а по прежнему государеву указу будетъ исъ Казани, до государевыхъ и до шаховыхъ послапниковъ къ шаху не отпущены. А итти государевымъ посланникомъ съ Москвы па Нижней да на Казань, а въ Казани, сождався съ шаховыми посланники и зъ гонцомъ, итти на Самару, па Саратовъ, па Царицынъ, да па Асторохань. Да будетъ имъ гдѣ про пагайскихъ или про крымскихъ, или про Казыевъ улусъ, или про азовскихъ людей, или про воровскихъ какихъ людей вѣсть учипитца, а съ тѣми будетъ провожатыми, которые будутъ съ пими исъ Казани, пройти имъ не мочно, и посланникомъ велено по вестемъ имать провожатыхъ къ тѣмъ провожатымъ въ прибавку, въ которомъ городе прилучитца, сколько человѣкъ пригоже, смотря по вестѣмъ, чтобъ имъ и шаховымъ послапникомъ отъ воровъ проѣхать было безстрашно и здорово. И по государеву ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу діякомъ, Петру Микулину съ товарыщи, послати па Самару и па Саратовъ, и па Царицынъ къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ государевы грамоты и къ нимъ отписать, въ которой городъ посланники государевы и шаховы придутъ, а вѣсть имъ про какихъ воинскихъ людей или про воровъ учипитца, и проѣхать имъ будетъ съ тѣми провожатыми, которые съ пими будутъ исъ Казани, не мочно, и они бъ имъ въ городѣхъ провожатыхъ давали къ тѣмъ провожатымъ въ прибавку, сколько чѣловѣкъ пригоже, смотря по вестемъ, чтобъ государевымъ и шаховымъ посланникомъ проѣхать здорово, и государеву бъ и земскому дѣлу за провожатыми порухи не учинилось.

Лѣта 7124-го маія въ 18 де(нь) по государеву ц. и в. кп. Михайла Оедоровича в. Р. указу память думному дьяку Петру Третьякову да дьякомъ Петру Микулину съ товарыщи. Пожаловалъ государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. Оедора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева для кизылбашскіе службы, велѣлъ имъ дати своего государева жалованья по сороку соболей: Ѳедору Левонтьеву сорокъ соболей въ сорокъ рублевъ, дьяку Богдану Тимоѳѣеву сорокъ соболей въ тритцать рублевъ. И по государеву ц. и в. кп. Михапла Ѳедо(ро)вича в. Р. указу дьяку думному Петру Третьякову да дьякомъ Петру Микулину съ товарыщи государево жалованье для кизылбашскіе службы Ѳедору Левонтьеву сорокъ соболей въ сорокъ рублевъ да дьяку Богдану Тимоѳѣеву сорокъ соболей въ тритцать рублевъ велѣти дати.

Лѣта 7124-го маія въ 15 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу память діакомъ, думному Петру Третьякову да Саве Рамапчюкову, въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову съ товарыщи. За твоею, Савиною, приписью написано: велѣти-бъ отписати къ вамъ въ посольской приказъ подъячему Ивану Ѳедосѣеву, что во дворцѣ денежной окладъ и для кизылбашскіе службы государево жалованье ему дано на одинъ ли годъ или на два, и въ приказе большого дворца въ росходныхъ въ окладныхъ книгахъ нынешняго 124-го году написано: подъячему Ивану Федосѣеву государева жалованья денежной окладъ дватцать рублевъ, и по памяти отъ васъ исъ посольского жъ приказу за твоею, Савиною, приписью подъячему Ивану Ѳедосѣеву для кизылбашскіе службы дано ему государево денежное жалованье на два годы, на нынешней на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по окладу его сполна дано. Діакъ Патрекѣй Насоновъ.

На оборотѣ: Справилъ подъячей Венедиктко Маховъ.

Лѣта 7124-го маія въ 15 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову, въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову съ товарыщи. Въ памяти за твоею, Петровою, приписью написано: велѣно дать государева жалованья Ѳедору Левонтьеву да діяку Богдану Тимоѳѣеву для кизылбашскіе посылки зъ дворца питья и рыбныхъ запасовъ, и муки крупичатые. И тѣхъ имъ запасовъ зъ дворцовъ не дано. *Подпись:* Діякъ Патрикѣй Насоновъ.

Внизу: Дать въ Нижнемъ и Казани запасовъ противъ Петра Матурова да Семейки Самсонова.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ооонасью Истомину. Посланы отъ насъ въ Кизылбаши къ Абасъ шаху въ посланникехъ Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ, а для тое посылки указали есмя имъ дати въ Казани нашего жалованья запасовъ, въ дворцового запасу мѣсто, Ѳедору Левонтьеву двѣ чети муки пшеничные, а не будетъ пшеничные и въ пшеничные мѣсто три чети муки ржаные, двѣ чети муки ржаные жъ, пять полоть ветчины, пять пудъ меду прѣсново, десять вѣдръ вина, пять вѣдръ уксусу. Діяку Богдану Тимоѳѣеву четверть муки пшеничные, а не будетъ пшеничные и въ то мѣсто три осмины муки ржаные,

четь муки ржаные жъ, три полтя ветчины, три пуда меду прѣсного, шесть вѣдръ вина, полтретья ведра уксусу. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Ѳедоръ и дьякъ Богданъ къ вамъ въ Казань пріѣдутъ, и вы бъ имъ то наше жалованье запасы въ дворцовыхъ запасовъ мѣсто велѣли дати.

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьютъ челомъ холопи твои Ѳедько Левонтьевъ да Богдашко Тимоѳѣевъ. По твоему государеву указу велѣно намъ итти въ Кизылбаши, и съ нашихъ съ московскихъ дворишковъ правятъ мосту и посаженныхъ денегъ. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, для кизылбашскіе посылки: не вели, государь, на насъ мосту и посаженныхъ денегъ правити. Царь, государь, смилуйся!

На оборотѣ: 124-го, маія въ 18 де(нь) подалъ Федоръ Левонтьевъ.

Помѣта: Государь пожаловалъ, мосту мостити и посаженныхъ денегъ имати не велѣлъ.

Лѣта 7124-го маія въ 22 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память Ѳеопасью Ѳедоровичю Зиновьеву да дьякомъ, Дороге Хвицкому, да Шестаку Голышкину. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ: по государеву де указу велено имъ итти на государеву службу въ Кизылбаши (*и проч.*). И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. ихъ, Ѳедора и дьяка Богдана, пожаловалъ, не велѣлъ на нихъ для тое своей государевы службы мосту и посаженныхъ денегъ правити. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу Ѳеонасью Ѳедоровичю Зиновьеву да дьякомъ Дороге Хвицкому да Шестаку Голышкину на Ѳедоре и на дьяке на Богдане мосту и посаженныхъ денегъ правити не велѣти.

Лѣта 7124-го маія въ 20 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Петру Микулину съ товарыщи. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послати въ Кизылбаши съ посланники, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да съ дьякомъ съ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, пять сороковъ соболей по пятинатцати и по дватцати и по дватцати по пяти рублевъ, и по тритцати рублевъ сорокъ, пять лисицъ черныхъ по три и по четыре, и по пяти, и пошти, и по семи рублевъ лисица. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу діакомъ, думному Петру Третьякову да Петру Микулину съ товарыщи, велѣти соболи и лисицы изготовити. А отпускъ Ѳедору и дьяку Богдану съ Москвы будетъ вскоре. *Подпись:* Діакъ Сава Рамапчюковъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Иваповичю Бахтеярову Ростовскому, да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементью Обрасцову. Отпущены отъ насъ къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, съ Москвы посланникъ его Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ же кречетниковъ три человѣка, да людей ихъ девять человѣкъ. А въ приставехъ съ ними для береженья посланъ отъ насъ съ Москвы до Нижнего и до Казани „ “; а въ Казани дожидатися ему съ тѣмъ шаховымъ посланникомъ нашихъ посланниковъ Ѳедора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева, которыхъ посылаемъ мы отъ себя къ шахъ Аббасу съ его посланники вмѣсте. А отпускъ нашимъ послапникомъ отъ пасъ будетъ вскоре жъ. Да съ посланникомъ жъ нашими и съ шаховымъ посланникомъ вмѣсте указали есмя отпустити къ шаху изъ Нижнего шахова гонца Мигибъ бека, которой ныне въ Нижнемъ, а отпущенъ въ Нижней отъ бояръ нашихъ, какъ наше Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистилось. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашского посла приставъ Володимеръ Оничковъ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью, въ которой день быти ему съ кизылбашскимъ посланникомъ въ Нижней, и вы бъ тотчасъ изготовили про кизылбашского посланника дворъ добръ, гдѣ пригоже, и велѣли бъ есте тотъ дворъ очистить и сторожей къ нему приставить, чтобъ тотъ дворъ къ посланникову пріѣзду былъ готовъ. А въ которой день почаете посланникова пріѣзду въ Нижней, и у васъ бы въ тотъ день въ городе и на посаде и тою улицею, гдѣ стоять посланнику и до двора было людно и стройно по посольскому обычею, и встрѣтить бы есте его велѣли у посаду, а на встрѣчю послали дворенина добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и сотниковъ человѣкъ до пятидесятъ, и проводить ево велѣли до двора, и кормъ бы есте и питье посланнику до тѣхъ мѣстъ, покамѣста онъ побудетъ въ Нижнемъ, давали по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу его Володимеру, и въ дорогу отъ Нижнего до Казани дали бъ есте Булатъ беку кормъ и питье по той же росписи и отпустили его изъ Нижнего въ Казань зъ гонцомъ, съ Мигибъ бекомъ, вмѣсте. А къ гонцу бъ естя, къ Мигибъ беку, послали на дворъ дворянина добра или подъячего добра же отъ мѣста и велѣли ему сказать, что онъ, Мигибъ бекъ, пришелъ въ наше Російское государство въ смутное время до насъ, великого государя, съ шаховымъ послапникомъ съ Амиръ Али бекомъ вмѣсте и были у вора въ Тушинѣ; а после были на Москвѣ у царя Василья и по московское разоренье.

А какъ польскіе и литовскіе люди Москву выжгли, и Амиръ Али бекъ ушелъ за городъ царьского в-ва къ бояромъ, которые въ то время были подъ Москвою, а онъ, Мегибъ бекъ, сидѣлъ въ Московскомъ государстве съ польскими и съ литовскими людьми и до Московского взятья. А какъ Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистилося и Москву взяли, а его, Мигибъ бека, взяли въ Москвѣ съ польскими жъ и съ литовскими людьми и послали въ Нижней, и по ся мѣста ему по нашего царского в-ва указу кормъ въ Нижнемъ даванъ доволенъ и нужи ему никоторые не было; а отпустити было его ко государю ихъ къ шахъ Аббасову в-ву по ся мѣста не мочно, потому что на Астараханское государство, за смутою вора Ивашка Зарутцкого, дороги въ ихъ государство не было. А нынѣ, какъ по милости Божіей и нашимъ царскимъ счастьемъ, воровская смута поминовалася, и Астороханское государство очистилось, и дорога въ ихъ землю на Астарахань отворилась, и мы, великій государь, видя къ себѣ государя ихъ шахъ Аббасова в-ва братцкую дружбу и любовь и ссылку, его, Мигибъ бека, пожаловавъ нашимъ жалованьемъ, велѣли отпустить государя жъ его шахъ Аббасова величества съ посланникомъ зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, которой приходилъ къ намъ, великому государю, отъ государя ихъ поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ и о иныхъ о добрыхъ дѣлехъ, которые пристоятъ нашему царскому в-ву зъ государемъ ихъ, съ шахъ Аббасовымъ в-омъ, къ братственной дружбе и любви, и своихъ посланниковъ мы, великій государь, къ брату нашему къ великому государю ихъ къ шахъ Аббасу отпускаемъ. И опъ бы, Мегибъ бекъ, слыша къ себѣ наше жалованье, ѣхалъ въ Казань и исъ Казани къ государю своему къ шахову в-ву зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, и посланниковъ нашихъ подождали въ Казани; а нашимъ посланникомъ съ Москвы отпускъ будетъ вскоре. А сказавъ бы есте ему наше жалованье отпускъ, отпустили ево въ Казань зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, не мешкая, и пристава съ нимъ до Казани послали, выбравъ сына боярского добра изъ нижегородцовъ, и судно ему и кормщика, и гребцовъ, и въ дорогу отъ Нижнего до Казани кормъ и питье противъ прежнего нашего указу, что ему даете въ Нижнемъ, дали. Да и въ запросъ бы есте ему ѣствы и питья для почести въ дорогу дали, смотря по тамошнему дѣлу, какъ пригоже. А нашего бъ есте жалованья шахову гонцу Мигибъ бек(у) на отпуске дали изъ нижегородцкихъ доходовъ дватцать рублевъ денегъ да сорокъ соболей въ пятнатцать рублевъ. А которого числа „ “съ шаховымъ посланникомъ въ Нижней придетъ,

въ которомъ числѣ вы Булатъ бека и Мигибъ бека изъ Нижнего въ Казань отпустите и сколько про нихъ изъ Нижнего до Казани пошлете корму и питья, и кого именемъ съ Мигибъ бекомъ пошлете въ приставехъ, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе дѣякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, апрѣля въ 13 де(нь).

.Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому да князю Семену Семеновичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Полдѣсову, да Ооонасью Истомину. Отпущенъ отъ насъ къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, съ Москвы посланникъ его Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ же кречетниковъ три человѣки, да людей ихъ деветь человѣкъ, а въ приставехъ съ ними для береженья посланъ отъ насъ съ Москвы до Нижнего и до Казани Володимеръ Оничковъ. А въ Казани шахову посланнику дожидатись нашихъ посланниковъ, Ѳедора Левоптьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева, а отпускъ отъ насъ нашимъ посланникомъ будетъ вскоре. Да съ посланники жъ нашими и съ шаховымъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте указали есмя отпустить къ шаху жъ изъ Нижнего шахова гонца Мигибъ бека, да исъ Казани шахова жъ посланника Мурши Кулы бека, которой пришелъ въ наше государство съ цесаревымъ посломъ, съ Юзуѳомъ вмѣсте видеть наши царскіе пресвѣтлые очи, и иттить было ему черезъ наше государство исъ Польскіе земли непригоже, да мы, великій государь, по своему царскому милостивому нраву и для брата нашего великого государя его братственные дружбы и любви, и хотя съ нимъ, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в-мъ впередъ быти въ братственной дружбе и въ любви, его, Муршу Кулы бека, пожаловали, велѣли его въ наше Московское государство принять честно и кормъ ему дати доволенъ, и свои царскіе пресвѣтлые очи велѣли ему видети, и пожаловавъ его нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить въ Казань и хотѣли его къ шахову в-ву отпустить вскоре, и его, Муршу Кулы бековъ, отпускъ исъ Казани позамешкался затѣмъ, что его къ шахову в-ву вскоре отпустить было не мочно, потому что нашего царского в-ва отчина Астороханское государство было въ смуте отъ вора, отъ Ивашка Зарутцкого, и дороги въ тѣ поры къ шахову в-ву на Астарахань не было. А ныне, какъ по милости Божіей и нашимъ царскимъ счастьемъ, воровская смута поминовалась, и Астороханское государство очистилось, и дорога на Асторохань къ шаху отворилась,

и мы, великій государь, видя къ себѣ брата нашего, великого государя ихъ шахъ Аббасова в-ва братственную дружбу и любовь, и ссылку, его, Муршу Кулы бека, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить къ шахову в-ву государя жъ его шахъ Аббасова в-ва съ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте, которой приходилъ къ намъ, великому государю, отъ брата нашего, великого государя ихъ, поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ и о иныхъ о добрыхъ дѣлехъ, которые пристоятъ нашему царскому в-ву зъ государемъ ихъ съ шахъ Аббасовымъ в-мъ къ братственной дружбе и къ любви. И своихъ посланниковъ мы, великій государь, къ брату нашему, къ великому государю ихъ, къ шахъ Аббасову в-ву отпускаемъ, и онъ бы, Муршу Кулы бекъ, къ шахову в-ву ѣхать готовился зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, а посланниковъ нашихъ подождали недолгое время, а посланники отъ насъ съ Москвы отпущены и въ Казань будутъ вскоре. Да съ тѣмъ же бъ есте кого къ Муршу Кулы беку то изговорить пошлете, послали нашего жалованья на отпуске Муршу Кулы беку изъ нашихъ казанскихъ доходовъ сорокъ рублевъ денегъ да сорокъ соболей въ дватцать рублевъ. А приказали ему, изговоря то все противъ сей нашей грамоте, дать ему то нашего жалованья на отпуске. Да какъ отъ насъ съ Москвы посланники наши, Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ, въ Казань придутъ, и вы бъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ Булатъ бека и Муршу Кулы бека, и гонца Мигибъ бека, исъ Казани въ Асторохань отпустили тотчасъ, и суды имъ добрые и кормщиковъ, и гребцовъ, и провожатыхъ отъ Казани до Асторохани, и кормъ всѣмъ поденной и питье по росписямъ, смѣтя въ колько денъ отъ Казани до Асторохани поспѣти мочно, дали тотчасъ и отпустили ихъ, не мешкая ни часу. А которые будетъ суды у васъ худы, и вы бъ тѣ суды велѣли подѣлать и якори, и парусы, и шеймы на тѣ суды велѣли дать. А кормщиковъ и гребцовъ велѣли на суды дать, смотря по судомъ. А на отпуске бъ ихъ у васъ въ городе и на посаде, и до судовъ было людно и стройно, и урядно, по посольскому обычею. А суды бъ у васъ большіе, въ чемъ вамъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ отпустити исъ Казани въ Асторохань, однолично были готовы, чтобъ однолично посланникомъ нашимъ и шаховымъ ни за чѣмъ у васъ мотчанья не было. Да и въ почесть бы есте шаховымъ посланникомъ и гонцу корму и питья сверхъ поденово корму дали, сыскавъ и примѣрясь къ прежнимъ шаховыхъ посланниковъ и гонцовъ отпускомъ, какъ пригоже, будетъ прежъ того сверхъ поденного корму

па отпуске давано, чтобъ нашему царскому имени къ чести. Да писано къ вамъ отъ насъ напередъ сего, а велено вамъ шаховыхъ же купчинъ Хозь Незамяднна да Хозь Муртозу отпустить исъ Казани къ шаху со всѣми ихъ товары, примѣрясь къ прежнему, какъ купчинамъ исъ Казани бывалъ отпускъ напередъ сего. И будетъ тѣ купчины по ся мѣста въ Асторохань и къ шаху не отпущены за какими мѣрами ни буди, или они позамешкалися за своимъ дѣломъ, и вы бъ тѣхъ купчинъ отпустили въ Асторохань со всѣми ихъ товары съ нашими жъ и съ шаховыми посланники вмѣсте по прежнему нашему указу. А которого числа посланники наши къ вамъ въ Казань пріѣдутъ и въ которомъ числѣ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ и гонца, и кого имянемъ съ ними вмѣсте шаховыхъ торговыхъ людей исъ Казани въ Асторохань отпустите, и сколько про шаховыхъ посланниковъ и про гонца пошлете до Асторохани корму и питья, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го апрѣля въ 13 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементью Образцову. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши съ посланники нашими, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да съ діякомъ съ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, подъячей Иванъ Ѳедосѣевъ да Елисѣй Минчаковъ. А для тое посылки указали есмя имъ дати въ Нижнемъ нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ и вина по чети муки ржаные, по осмине крупъ, по осмине толокна, по полтю ветчины, по ведру вина. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ велѣли дати подъячимъ Ивану Ѳедосѣеву, да Елисѣю Минчакову нашего жалованья запасовъ и вина по чети муки ржаные, по осмине крупъ, по осмине толокна, по полтю ветчины, по ведру вина, и въ расходные-бъ есте книги тотъ запасъ и вино велѣли написати. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 23 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементью Образцову. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши съ посланники нашими, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, да съ дьякомъ съ Богданомъ Тимоѳѣевымъ переводчикъ Семенъ Ондрѣевъ, да толмачи, Семенъ Герасимовъ да Степанъ Никифоровъ, да Тимоѳѣй Баубековъ. А для тое кизылбашскіе посылки указали есмя имъ дати

въ Нижнемъ нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ и вина на два человѣки пять чети муки ржаные, пять чети сухарей, пять вѣдръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ велѣли дати нашего жалованья перевотчику Семену и толмачомъ хлѣбныхъ запасовъ и вина на два человѣки пять чети муки ржаные, пять чети сухарей, пять вѣдръ вина, по полтю ветчины, осмину крупъ, осмину толокна. И въ росходные бъ есте книги тотъ запасъ и вино велѣли написати. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 23 де(нь).

Отъ ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Астрахань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому, Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. По нашему указу отпущены отъ нашего царского величества къ брату нашему, хъ кизылбашскому шахъ Аббасу, для нашего и земского дѣла въ посланникехъ Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ, а съ ними посланы для нашего жъ дѣла переводчикъ татарской Семейка Ондрѣевъ, да толмачи, Семейка Гараспмовъ, Степанъ Микпоровъ, Тимоѳѣй Баубековъ, да со птицы шесть человѣкъ кречетниковъ, Остаоей Сычовъ съ товарыщи, да съ ними жъ вмѣсте отпущены въ Кизылбаши къ шаху съ Москвы шахъ Аббасовъ посланникъ Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ кречетниковъ три человѣки, да людей посланниковыхъ деветь человѣкъ. Да изъ Нижнево и исъ Казани шаховъ же посланникъ Мурши Кулы бекъ да гопецъ Мигибъ бекъ. А пришли Мурши Кулы бекъ и Мигибъ бекъ въ наше Московское государство до насъ, великого государя, а дожидатись имъ велено нашихъ посланниковъ въ Казани съ приставомъ, съ Володимеромъ Опичковымъ. Да въ Казани жъ были шаховы купчины Хозя Незамединъ—пришелъ въ Московское государство лѣтъ съ шесть, Хозя Муртоза—приходилъ къ намъ отъ шаха послѣ ихъ зъ грамотою, какъ наши бояря и воеводы нашу отчину Астрахань отъ воровъ, отъ Ивашка Зарутцкого, очистили и подъ нашу царскую руку привели. И по нашему указу тѣхъ купчинъ исъ Казани велено отпустити въ Астрахань, а изъ Астрахани велено ихъ отпустить къ шаху давно. И пѣшто будетъ купчины за своими товары исъ Казани или изъ Астрохани потти къ шаху до нихъ, нашихъ посланниковъ и до шаховыхъ, не успѣли, и тѣхъ купчинъ указали есмя исъ Казани и изъ Астрахани, или гдѣ ихъ заѣдутъ наши посланники и шаховъ посланникъ Булатъ бекъ, отпустити къ шаху съ ними жъ вмѣсте. Да съ посланники жъ нашими, съ Федоромъ и зъ Богданомъ послано къ брату нашему, къ шахъ

Аббасову в-ву въ дарѣхъ восмь кречетовъ да три ястребы со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы по росписи. А съ Москвы велено посланникомъ нашимъ итти на Нижней да на Казань, а псъ Казани велено посланникомъ нашимъ и шахову посланнику, сождався съ прежними шаховыми жъ посланникомъ и зъ гонцомъ, и съ купчины, будетъ купчины до нихъ къ шаху не пошли, итти на Самару и въ Асторохань всѣмъ вмѣсте. А изъ Асторохани велено имъ итти куды лутче и поспѣшне: водянымъ ли путемъ на Гилянь, или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ городы ныне за шахомъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а посланники наши, Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ, и шахъ Аббасовы посланники, Булатъ бекъ да Мурши Кулы бекъ, да гонецъ Мигибъ бекъ и купчины, которые до нихъ по прежнему нашему указу къ шаху не пошли, въ Асторахань пріѣдутъ, и вы бъ ихъ изъ Асторахани отпустили, поговоря съ нашими и съ шаховыми посланники, и роспрося гилянцовъ накренко, которые въ Кизылбаши морской ходъ знаютъ, куды лутче и спешнѣе, водянымъ ли путемъ на Гилянь или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ городы за шахомъ. Да будетъ вы отпустите ихъ изъ Асторохани водянымъ путемъ на Гилянь, и вы бъ имъ и подъ подарки и подъ нашу казну, что съ нашими посланники послано къ шаху, дали бусу или двѣ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ лутче и прибыльнѣе, и стрельцовъ бы есте съ ними для провожанья и наряду послали, примѣряся къ прежнему и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ дотти здорово, а Асторахани бъ безлюдной и безъ наряду не быти жъ. Да имъ же бъ есте дали въ Асторахани, примѣряся прежнихъ нашихъ пословъ и посланниковъ, которые посыланы къ шаху, только пойдутъ на бусахъ, вожей и кормщиковъ и посовщиковъ гилянцовъ, сколько человѣкъ пригоже, которые бъ въ Кизылбаши морской ходъ знали и напередъ сего въ Кизылбашехъ бывали. Да на бусу по четыре якори да по два паруса, да къ бусе жъ по сандалу съ парусы и съ якоремъ и шеймы и всякіе бусные снасти дали имъ новые, чтобъ имъ моремъ итти, было безстрашно. И кормъ и питье въ дорогу про шаховыхъ посланниковъ и про гонца отпустили по росписи, какова у посланниковъ нашихъ, смѣтя въ колько недѣль имъ отъ Асторохани до шаховыхъ городовъ поспѣти мочно, да и про наши кречаты и про ястребы корму отпустили бъ есте на только жъ, чтобъ ихъ до шаха довести здорово и зъ голоду бъ не поморить. А будетъ, гилянскихъ бусъ въ Асторохани нѣтъ, и вы бъ дали

подъ нихъ бусы астороханскіе лутчіе со всѣмъ, что надомно къ морскому ходу, чтобъ однолично въ Астороханн посланникомъ нашимъ и шаховымъ посланникомъ и гонцу ни зачѣмъ въ Астороханн мотчанья не учинить ни часу. А будетъ шаховы посланники и гонецъ поговорятъ съ вами, и гилянцы вамъ въ роспросе скажутъ, что нашимъ и шаховымъ посланникомъ итти лутче и ближе на Терекъ, и вы бъ ихъ отпустили изъ Астороханн на Терекъ тотъ же часъ всѣхъ вмѣсте, не мешкая ни часу, со всѣмъ же, что имъ надобно. А будетъ лутче такъ, что нашимъ и шаховымъ посланникомъ самимъ итти на Терекъ, а съ Терки на Кабарду да на шаховы городы сухимъ путемъ, а людей будетъ съ ихъ запасомъ и съ рухледью лутче отпустить моремъ прямо на Гилянь, и вы бъ потому и учинили, и посланниковъ нашихъ и шаховыхъ отпускали не мешкая, о всемъ съ ними переговоря, какъ лутче и нашему дѣлу прибыльнѣе и спешнѣе, а однолично бъ вамъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ и гонца, и торговыхъ людей, которые до посланниковъ нашихъ къ шаху не пошли, отпустить не мешкая ни часу, чтобъ имъ въ Астороханн ни зачѣмъ мотчанья, а нашему и земскому великому дѣлу въ томъ мотчанья не учинить. А которого числа ихъ изъ Астороханн и на которое мѣсто и на колькихъ бусахъ отпустите, и сколько стрельцовъ и паряду, и вожей, и кормщиковъ, и нособщиковъ гилянцовъ съ ними пошлете, и вмѣсте ль ихъ съ людьми и съ запасы отпустите, или порознь—и вы бъ о томъ отписали къ намъ, къ Москве, съ нарочнымъ гонцомъ, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 23 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводамъ нашимъ, Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову да Петру Ѳедоровичю Приклонскому. По нашему указу отпущены отъ нашего царского величества къ брату нашему, хъ кизылбашскому шахъ Абасу, для нашего и земского дѣла въ посланникехъ Ѳедоръ Исаковъ сынъ Левонтьевъ да діакъ Богданъ Тимоѳѣевъ, а съ ними посланы для нашего жъ дѣла переводчикъ Семейка Ондреевъ да толмачи: Семейка Гарасимовъ, Степанъ Микиѳор(овъ), Тимоѳѣй Баубековъ, да со птицы шесть человѣкъ кречетниковъ, Остаѳей Сычовъ съ товарыщи. Да съ ними жъ вмѣсте отпущены въ Кизылбаши къ шаху съ Москвы шахъ Аббасовъ посланникъ Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ кречетниковъ три человѣки, да людей посланниковъ деветь человѣкъ, да изъ Нижнево и изъ Казани шаховъ же посланникъ (Мур)ши Кулы бекъ, да гонецъ

Мигибъ бекъ. А пришли Мурши Кулы бекъ и Мигибъ бекъ въ Московское государство до насъ, великого государя. Да въ Казани были шаховы купчины, Хозя Незамединъ — пришелъ въ Московское государство лѣтъ съ шесть, Хозя Муртоза—приходилъ къ намъ, великому государю,отъ шаха зъ грамотою, какъ наши бояря и воеводы нашу отчину Асторахань отъ воровъ, отъ Ивашка Заруцкого, отчистили и подъ нашу руку привели. И по нашему указу тѣхъ купчинъ исъ Казани велено отпустити въ Асторахань и изъ Асторахани къ шаху давно. И нѣшто будетъ купчины за своими товары исъ Казани потти къ шаху до нихъ, нашихъ посланниковъ и до шаховыхъ, не успѣютъ, и тѣхъ купчинъ указали есмя исъ Казани и изъ Асторахани, или гдѣ ихъ заѣдутъ, отпустити къ шаху съ ними жъ вмѣсте. Да съ ними жъ, съ Федоромъ и зъ Богданомъ, послано отъ насъ, великого государя, къ брату нашему къ шахъ Аббасову величеству въ дарѣхъ восьмь кречатовъ да три ястреба со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы, по росписи. А съ Москвы посланникомъ нашимъ велено итти на Нижней да на Казань, а исъ Казани, сождався съ шаховыми посланники и зъ гонцомъ, велено имъ ити на Самару и въ Асторохань всѣмъ вмѣсте, а изъ Асторохани велено ихъ отпустить, куды лутче и поспѣшнее, водянымъ ли путемъ на Гилянь, или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ городы ныне за шахомъ, переговоря о томъ съ шаховыми посланники и зъ гонцомъ и роспроса гилянцовъ, которые морской ходъ въ шахову землю знаютъ, куды лутче и безстрашнее, и ближе; а съ шаховыхъ посланниковъ сымать того не велено. И только будетъ посланники наши и шаховы посланники приговорятъ изъ Асторохани итти сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, и какъ посланники наши, Ѳедоръ Левонтьевъ да діакъ Богданъ Тимоѳѣевъ и шахъ Аббасовы посланники Булатъ бекъ да Мурши Кулы бекъ, да гонецъ Мигибъ бекъ и купчины, Хозя Незамединъ да Хозя Муртоза, которые будетъ по прежнему нашему указу до нихъ къ шаху не пошли, на Терекъ пріѣдутъ, и вы-бъ межъ себя съ нашими и съ шаховыми посланники переговорили накрепко: которою дорогою съ Терки на Дербень итти лутче и безстрашнее. Да которою дорогою итти съ Терки на Дербень приговорите, и вы бъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ, и гонца, и купчинъ, которые съ ними будутъ, отпустили съ Терки тотчасъ, и подводы бъ есте, и кормъ, и питье про шаховыхъ посланниковъ и про гонца, или за кормъ деньги, дали противъ росписи, какова у посланниковъ нашихъ, смѣтя, въ колько недѣль имъ отъ Терки до

шаховыхъ городовъ поспѣть мочно, и провожатыхъ съ ними до Кабарды послали, сколько человѣкъ пригоже, чтобъ имъ ни зачѣмъ на Терке не замешкати. А кого съ ними провожатыхъ пошлете, и вы бъ имъ наказали накрепко, чтобъ они съ посланники нашими и съ шаховыми посланники дорогою шли бережно и усторожливо и нигдѣ отъ нихъ не отставали, чтобъ надъ нашими и надъ шаховыми посланники въ дороге отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ людей, и отъ Кумыкъ, и отъ пятигорскихъ черкасъ, и отъ азовскихъ, и ото всякихъ воровскихъ людей которое лихо не учинилось и безвѣстно бъ на нихъ нигдѣ не пришли, и дурна никоторово не учинили. Да и кречетомъ бы есте и ястребомъ, которые посланы отъ насъ въ дарѣхъ къ шаху, въ дорогу дали жъ, смѣтя противъ нашего указу, на сколько имъ надобно, чтобъ ихъ до шаха довести здорово и зъ голоду не поморить. А однолично бъ вамъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ съ Терки отпустить со всѣмъ, что имъ въ дорогу будетъ надобно, не мешкая ни часу, и ни зачѣмъ ихъ на Терке не задержать, чтобъ посланникомъ нашимъ мотчанья, а нашему и земскому дѣлу ни въ чемъ большіе порухи не учинить. А которово числа посланники наши и шаховы посланники и гонецъ изъ Асторохани на Терекъ придутъ и которого числа ихъ съ Терки и на которые мѣста отпустите, и сколько съ ними и до коихъ мѣстъ провожатыхъ съ ними пошлете, и вы бъ о томъ отписали къ намъ наскоро съ нарочнымъ гонцомъ. А какъ отъ посланниковъ нашихъ тѣ провожатые назадъ къ вамъ пріѣдутъ, и что вамъ про посланниковъ нашихъ и про шаховыхъ до коихъ мѣстъ ихъ проводятъ, и какъ ихъ изъ Кабарды въ шаховы городы отпустятъ, и подводы и провожатыхъ давать имъ учнутъ ли, или не учнутъ, и вы бъ съ тѣмъ исъ тѣхъ же провожатыхъ прислали къ намъ въ гонцѣхъ наскоро и о всемъ съ нимъ подлинно къ намъ отписали, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе діякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Рамапчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 23 де(нь).

Царю г. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ сирота твоя государева торговой человѣкъ Покровскіе сотни Родька Пушникъ. По твоему царскому указу посылаютъ въ Кизылбаши посланника Ѳедора Левоптьева, а съ нимъ діака Богдана Тимоѳѣева. Милостивый государь ц. и в. кн. Михаило Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, сироту свою, вели, государь, мнѣ пойти съ товарищкомъ одиннатцать сороковъ соболей, двѣнатцать поставовъ сукна англинского, тритцать пудъ кости рыбьи, пятнатцать дюжинъ зеркалъ хрустальныхъ,

четыре сорока харекъ, а со мною людишокъ три человѣка. И вели, государь, мне, сироте своему, дать свою царскую грамоту проѣзжую. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Помѣта: Дать грамота къ посломъ, велѣть его съ собою взять, только бъ заповедныхъ товаровъ, кречетовъ, и всякихъ ловчихъ птицъ, и соболей, и бѣлокъ, и горностаевъ живыхъ и желѣзного ничего съ нимъ не было.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. посланникомъ нашимъ Ѳедору Исаковичю Левонтьеву да дьяку нашему Богдану Тимоѳѣеву. Билъ намъ челомъ московской торговой человѣкъ Родивонъ Пушникъ, чтобъ намъ ево пожаловати, велѣти ему ѣхати съ товаромъ для промыслу въ Кизылбаши съ вами вмѣсте, а товару у нево одиннацать сороковъ соболей, двепатцать поставовъ сукна англинского, трицать пудъ кости рыбья зуба, пятнацать дюжинъ зеркалъ хрустальныхъ, четыре сорока хорьковъ, да людей съ нимъ будетъ три человѣки. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ московскому торговому человѣку Родивону Пушнику велѣли ѣхати въ Кизылбаши съ тѣмъ ево товаромъ съ собою вмѣсте, а заповедныхъ бы есте товаровъ, кречетовъ и ястребовъ, и всякихъ ловчихъ птицъ, и соболей, и горностаевъ живыхъ, и желѣзного ничего возити ему, опричь тѣхъ товаровъ, что писано въ сей нашей грамоте, въ Кизылбаши не велѣли. А будетъ тотъ рыбей зубъ, что посланъ отъ насъ къ шаху, плохъ, и вы бъ тотъ зубъ (?) взяли у Родіона, а ему въ то число отдали тотъ зубъ, что посланъ отъ насъ. А будетъ будутъ съ вами иные торговые люди, а у нихъ будетъ рыбей зубъ лутче, и вы бъ у всѣхъ рыбей зубъ выбрали на насъ, чтобъ лутче того и въ ту версту рыбьево зуба у торговыхъ людей не было, каковъ подадите отъ насъ шаху. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7124-го, маія въ 31 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переславля Резанского и до Мурома и до Нижнево Новагорода и до Казани и до Астарахани и до Терки бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Билъ намъ челомъ московской торговой человѣкъ Покровскіе сотни Родивонъ Пушникъ, чтобъ намъ его де пожаловати, велѣти его отпустить съ товаромъ съ посланники нашими и проѣзжая наша грамота ему велѣти дати. А товару де съ нимъ идетъ въ Кизылбаши (*и проч.*). И по нашему указу Родя Пушникъ за Федоромъ и за Богданомъ отпущенъ, гдѣ ихъ съѣдетъ. И по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ московского торгового

человѣка Родивона Пушника съ тѣмъ ево товаромъ пропущати безъ задержанья, а изъ нашіе отчины, изъ Астарахани, отпустити Родю въ Кизылбаши съ тѣмъ ево товаромъ отпустити съ посланники нашими вмѣсте, а опричь тѣхъ товаровъ, что въ сей нашей грамоте написано, и заповедныхъ товаровъ, кречетовъ и всякихъ ловчихъ птицъ и соболей, и бѣлокъ, и горностаевъ живыхъ, и желѣзного ничего съ нимъ не пропущати. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 31 де(нь).

Божіею милостію отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. *(титулъ)* Гирѣю князю наше царское милостивое слово. Послали есмя къ брату нашему къ Аббасъ шахову в. для нашего государственного великого дѣла посланниковъ нашихъ Федора Исаковича Леонтьева да діяка Богдана Тимофѣева. И гдѣ имъ лучитца ѣхати твоею землею сухимъ или водянымъ путемъ, и ты бъ, Гирѣй князь, посланниковъ нашихъ, Ѳедора и дьяка Богдана, своею землею пропускалъ вездѣ безъ задержанья со всѣми людьми и зъ животы, что съ ними будетъ, безо всякого мешканья и зацѣпокъ, и подводы, и приставовъ, и провожатыхъ давалъ, чтобъ имъ до брата нашего, до Аббазъ шахова в-ва городовъ дойти здорово. А какъ они отъ брата нашего, отъ Аббазъ шаха, пойдутъ къ намъ, великому государю, а лучитца имъ ити твоею землею, и ты бъ ихъ по тому жъ пропускалъ и подводы и приставовъ, и провожатыхъ имъ давалъ. То бъ еси учинилъ для нашего царского в-ва, тѣмъ бы еси нашему царскому в-ву послужилъ: посланниковъ нашихъ къ шаху и назадъ къ намъ отъ шаха проводилъ; а мы, великій государь, за твою къ намъ службу и радѣнье пожалуемъ тебя нашимъ царскимъ жалованьемъ. Писанъ государствія нашего дворѣ царствующего града Москвы лѣта 7124-го, маія мѣсяца. *Внизу:* Добра грамота. Савелей Юрьевичь и ко всѣмъ такову велѣлъ писать.

Далѣе: Такова грамота послана, а печать у грамо(ты) кормленная на красномъ воску, подъ кустодьею. Подпись дьячья подъ печатью.

Божіею милостію отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. (*титулъ*) черкаскимъ и горскимъ княземъ и мурзамъ наше царское молостивое слово. Послали есмя къ брату нашему къ Аббасъ шахову в. для нашего государственного великого дѣла посланниковъ нашихъ, Ѳедора Исаковича Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева, и гдѣ имъ лучитца ѣхати которого князя или мурзы землею, сухимъ или водянымъ путемъ, и вы бъ, черкаскіе и горскіе князи и мурзы, посланниковъ нашихъ, Ѳедора и дьяка Богдана, черезъ свои земли пропущали безъ задержанья, со всѣми людьми ихъ и зъ

животы, что съ ними будетъ, безо всякого мешканья и зацѣповъ, и подводы имъ, и приставовъ, и провожатыхъ давали, чтобъ имъ до брата нашего, до Аббасъ шахова в., городовъ дойти здорово. А какъ они отъ брата нашего, отъ Аббасъ шаха, пойдутъ къ намъ, великому государю, а лучитца имъ черезъ ваши земли итти, и вы бъ ихъ потому жъ пропущали и подводы, и приставовъ, и провожатыхъ имъ давали. То бъ есте учинили для нашего царского в-ва, тѣмъ бы есте нашему ц. в. послужили, посланниковъ нашихъ къ шаху и назадъ къ намъ отъ шаха проводили, а мы, великій государь, за ваши къ намъ службы и радѣнье пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. Писанъ государствія нашего дворѣ царствующего града Москвы лѣта 7124-го маія мѣсяца.

Внизу: Такова проѣзжая грамота послана за отворчетою печатью, печать большая царственная, на красномъ воску, подъ кустодьею.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопъ твой, Бориско Пріимковъ Ростовской, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 124-мъ году по твоему государеву указу посланы съ Москвы въ Кизылбаши къ Аббасъ шаху съ посланники твоими государевы, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да съ діякомъ съ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, съ твоими государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетники да ястребники Остафей Сычовъ съ товарыщи. И тѣ, государь, кречетники и ястребники пригребли на Коломну съ твоими государевы птицы въ трехъ стругѣхъ маія въ 29 де(нь). А въ твоей государеве проѣзжей грамоте написано птицамъ кормъ: велено давать на птицу по гнезду голубей или по двое куровъ молодыхъ, или по курице старой на день, а тово въ твоей готудареве грамоте не написано исъ какихъ доходовъ птицамъ кормъ покупать. И я, холопъ твой, велѣлъ деньги взяти изъ кабацкихъ доходовъ на покупку птицамъ на кормъ. А въ тѣхъ, государь, стругѣхъ, въ которыхъ пригребли онѣ съ Москвы, ѣхати не похотѣли. И я, холопъ твой, велѣлъ имъ дать исъ казанскихъ струговъ, въ которыхъ прислана твоя государева астороханская рыба, лутчей стругъ и велѣлъ для твоихъ государевыхъ птицъ намостить и покрыть на столбахъ лубьемъ длина пять саженъ. А коломенскіе ямскіе охотники съ яму съ женами и съ детьми розбѣжались всѣ. И я, холопъ твой, для поспешенья, чтобъ кречетниковъ и ястребниковъ отпустить до Переславля Резанскова безъ задержанья, велѣлъ кормщика да осми человѣкъ гребцовъ паняти твоими государевы деньгами, а птицамъ кормъ на Коломне и въ дорогу велѣлъ дати на пять денъ по твоей государеве проѣзжей грамоте. И кречетники и ястребники, Остафей Сычовъ съ

товарыщи, въ тѣхъ стругѣхъ, въ которыхъ пригребли, и въ казанскомъ, которой стругъ я, холопъ твой, имъ далъ, съ Коломны не ѣдутъ, бражничаютъ, и мнѣ бъ, холопу твоему, въ томъ отъ тебя, государя въ опале не быть. И о томъ о всемъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На оборотѣ: Отписать: велѣть бить батоги, да выслать тотчасъ бояре велѣли.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Бориска Пріимковъ Ростовской, челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, 124-мъ году маія въ 29 день пригребли на Коломну кречетники и ястребники, Остафей Сычовъ съ товарыщи, съ твоими государевы кречеты и съ ястребы и стоятъ на Коломне. И били челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р., коломенскіе площедные подъячіе, Трепка Сотцково да Юрка Олексѣевъ, да конюхъ Иванъ Тимофѣевъ, да посадцкой человѣкъ Якушко Ослоповъ въ ихъ насильстве, и мнѣ, холопу твоему, принесли челобитные. И я, холопъ твой, тѣ ихъ челобитные послалъ къ тебѣ, государю, къ Москве въ посольской приказъ подъ сею отписною.

На адресѣ: 124-го іюнь въ 2 день съ поугородцомъ зъ Гордѣемъ съ Комаровымъ.

Царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ спрота твой государевъ коломнетинъ посадцкой человѣкъ Якушко Ивановъ сынъ Ослоповъ. Жалоба, государь, мнѣ твоего государева кречетника на Васильевыхъ людей Фофонава. Стоятъ, государь, тѣ кречетники на Коломнѣ и дѣялось, государь, въ нынешнемъ въ 124-мъ году въ Петровъ постъ на первой недѣли въ чтверхъ въ третьенатцатомъ часу дня того Васильевы люди Фофонава пришли къ моей къ торговой бани и учели въ бане дратца для жонъ воровски(хъ). И женишка, государь, моя учела имъ говорить, что у меня въ бани воровскихъ жонъ нѣтъ, парятца у меня въ бани добрые жены, болярыни и попадьи, и мирскіе жены. И они, государь, женишку мою учели бить ослопы да вырволи изъ ушей трои серьги серебрены чюжіе: давали жены въ бани на соблюденья, чены имъ не вѣдома; а у меня, Якушка, выдрали бороду. И я, государь, съ тою бородою пришолъ къ тому Василью и учелъ ему бороду казать, что выдрали люди его, Васильевы. И тотъ, государь, Василей, у меня вырвовъ изъ рукъ бороду, да кинулъ въ воду. Милостивый царь государь и в. кн. Михаило Ѳедоровичь в. Р., смилуйся, вели мнѣ на нихъ дати свой царской праведной сыскъ и оборонь. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю государю и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой государевъ стряпчей конюхъ, Ивашка Тимоѳѣевъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году маія въ 30 день по твоей государеве грамоте послалъ меня твой государевъ воевода, князь Борисъ Никитичь Пріимковъ Ростовскій, збирати съ коломпечь съ посадцкихъ людей твоимъ государевымъ птицамъ, кречетамъ и ястребомъ, корму: куриць и голубей. И какъ собравъ куриць и голубей, и принесъ къ твоему государеву кречетнику къ Остаѳью Васильеву сыну Сычеву, и тотъ, государь, Остаѳей вышелъ исъ судна пьянъ и учалъ меня бить и руку перешибъ и бороду выдралъ, и замертва покинулъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., смилуйся, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, съ тѣмъ съ Остаѳьемъ въ томъ мосмъ увѣчьи свой царской указъ учинити. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю г. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой громлепой и разареной староруской подъячей Трешка Ѳедотовъ сынъ Соцкого. Жалоба, государь, мнѣ на твоего государева кречетника, которой посланъ, на Василья Ѳоѳанова сына. Дѣялося, государь, нынешнего сто двадесять четвертаго году маія въ двадесятъ девятый день на Коломнѣ. Былъ, государь, у меня горпасталь, ученъ для добра христолюбца, и тово, государь, у меня горпасталя отнялъ своимъ насильствомъ и меня, холопа твоего, убилъ и ограбилъ. А грабежю, государь, съ меня . . . . . (?) дватцать пять рублей съ четью. Государь, смилуйся, пожалуй!

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой коломенской площедной подъячишка Юшко Олексѣевъ. Жалоба, государь, мнѣ на твоего государева кречетника, на Василья Карпова сына Ѳоѳанова. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году маія въ 29 де(нь) по твоему государеву указу посланъ онъ въ Кизылбашь съ твоими государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, и того, государь, числа пригребли на Коломну. И тотъ, государь, Василей у Москвы реки на берегу ухвотилъ меня, холопа твоего, и сталъ просить на мнѣ пить и за то меня убилъ полѣномъ и каменьемъ до полусмерти. Милосердый царь г. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р., пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ на того Василья въ томъ дати свой царской судъ и управу. Царь государь, смилуйся!

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. на Коломну воеводе нашему князю Борису Никитичю Пріимкову Ростовскому. Писалъ еси къ намъ про кречетниковъ да про ястребниковъ, про Остаѳья Сычова съ товарыщи, что они съ Коломны за посланники нашими не ѣдутъ,

бражничеютъ, а ты имъ суды и кормщиковъ и гребцовъ, и про птицъ кормы далъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ кречетниковъ и ястребниковъ, Остаоья Сычова съ товарыщи, велѣлъ за ихъ воровство и непослушанье бить батоги, а бивъ батоги, велѣлъ бы еси ихъ тотчасъ съ Коломны выслать и велѣлъ имъ ѣхать за посланники нашими паспѣхъ, чтобъ имъ ѣхати вмѣсте съ послапники нашими. А то ты жъ къ намъ писалъ въ другой своей отписке и прислалъ коломепскихъ площадныхъ подъячихъ Треньки Сотцково да Юрка Олексѣева, да конюха Иванка Тимоѳѣева, да посадцкого человѣка Якушка Ослопова на Остаѳья жъ Сычова съ товарыщи челобитные въ насильстве, и ты бъ имъ сказалъ, что кречетники нынe посланы отъ насъ въ Кизылбаши и управы на нихъ нынe дать нѣколи; а какъ они изъ Кизылбашъ сходятъ, и они бъ на нихъ въ тѣ поры намъ били челомъ, и на нихъ будетъ судъ и управа тогды. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7124-го, іюнь въ 4 де(нь). Послано съ коломпетиномъ, с-Ивапомъ Бритвинымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой Бориско Ірінмковъ Ростовской челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, 124-мъ году по твоему государеву указу посланы съ Москвы въ Кизылбаши къ Аббасъ шаху съ посланники твоими государевы, съ Федоромъ Левоптьевымъ да съ дьякомъ съ Богдапомъ Тимоѳѣевымъ съ твоими государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетники да ястребники, Остаоей Сычовъ съ товарыщи. И тѣ, государь, кречетники и ястребники пригребли на Коломну съ твоими государевы птицы въ трехъ стругѣхъ маія въ 29 день. А въ твоей государеве въ проѣзжей грамоте написапо: птицамъ кормъ велено давать на птицу по гнезду голубей *(и проч., какъ раньше)* и въ дорогу кормъ велѣлъ дать на пять денъ. И о томъ я, холопъ твой, къ тебѣ. государю, писалъ съ Гордѣемъ Комаревымъ маія въ 31 де(нь). А кречетники и ястребники, Остаоей Сычовъ съ товарыщи, іюня по 3-е число съ Коломны не пошли, а просятъ у меня, холопа твоево, сорока человѣкъ гребцовъ; а въ томъ, государь, стругу и меньши тѣхъ гребцовъ мочно до Переславля гресть. А мнѣ, холопу твоему, гребцовъ взять пѣ съ ково и депегъ, нсъ какихъ доходовъ гребцовъ напять, о томъ у меня, холопа твоево, твоево государева указу нѣтъ. Да іюня въ 2 де(нь) по твоему государеву указу послапъ для кабардинскихъ князей Левонтей Звѣревъ и сталъ на Коломпе, гребцовъ взяти пе съ ково. И я, холопъ твой, Левонтью не велѣлъ отпускать московскихъ гребцовъ, чтобъ до Переславля онѣ гребли. И Левонтей гребцовъ отпустилъ, а сталъ на Коломнѣ. И о томъ о всемъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На адресѣ: 124-го, іюня въ 4 де(нь) подалъ коломпетинъ Иванъ Бритвинъ.

Внизу: Писано противъ отписки, а велено ястребникомъ и Левоптью гребцовъ дати сколько пригоже, какъ мочно поднятца и противъ подорожныхъ. Съ Иваномъ же Бритвинымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой Бориска Пріимковъ Ростовской челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, 124-мъ году по твоему государеву указу посланы въ Кизылбаши посланники Федоръ Леонтьевъ да діакъ Богданъ Тимоѳѣевъ, да на Терекъ Микита Вельяминовъ, да діякъ Петръ Овдокимовъ, и иноземцы, и талмачи. И діаки, Богданъ Тимоѳѣевъ да Петръ Овдакимовъ, и иноземцы, и талмачи пригребли па Коломну въ дву лодьяхъ іюня въ 3 де(нь); а приходили ко мнѣ, холопу твоему, для судовъ и кормщиковъ и гребцовъ, и чтобъ па судѣхъ здѣлать чердаки. И мнѣ, холопу твоему, такихъ судовъ лодей взять нѣгде, па Коломнѣ такихъ лодей нѣтъ, а чердаки безъ твоего государева указу дѣлати нѣкимъ и нѣчимъ; а кормщиковъ и гребцовъ взять нѣ съ ково: ямскіе охотники розбежались всѣ зъ женами и зъ детьми, и о томъ я, холопъ твой, писалъ двожди: маія въ 31 день зъ Гордѣемъ Комаровымъ, да іюня во 2 день с-Иваномъ Бритвинымъ. И твой государевъ указъ ко мнѣ, холопу твоему, о томъ іюня по 4-е число не бывалъ. И я, холопъ твой, поговоря зъ дворяны и зъ детьми боярскими, и съ посадскими людьми, чтобъ діака Богдапа Тимоѳѣева отпустить, не издержавъ, для твоего государева дѣла велѣлъ кормщика и гребцовъ наняти твоими государевы деньгами до твоего государева указу и велѣлъ, государь, дати противу подводы по гребцу да кормщикъ. И діакъ Богданъ Тимофѣевъ за подводу по гребцу не взялъ, а хочетъ за подводу взяти по два гребца, а съ Москвы, государь, ему дано восмь же гребцовъ, да кормщикъ, и за подводу, государь, по гребцу не взялъ, и стали па Коломпе, твоимъ государевымъ дѣломъ мотчаетъ діакъ Богданъ Тимоѳѣевъ, и мнѣ бъ, холопу твоему, въ томъ отъ тебя, государя, въ опале не быть. А твоимъ государевымъ кречетникомъ и ястребникомъ твоимъ государевымъ птицамъ, кречетомъ и ястребомъ, кормъ, голуби и куры, велѣлъ дати на пять денъ и въ дорогу до Переславля Резанского, и надъ птицы велѣлъ покрыть для мочи па пять саженъ и отпустилъ ихъ съ Коломны маія въ 30 день, и онѣ съ Коломны не пошли, дождались діака Богдана Тимофѣева А въ проѣзжей твоей государеве грамоте у нихъ написано: отпустити кречетниковъ и ястребниковъ безъ задержанья, часа того. И которыхъ, государь, я, холопъ твой, кормщика да осми человѣкъ гребцовъ велѣлъ

подъ кречетниковъ папяти твоими государевы деньгами, и тѣ ярыжные, приходя, бьютъ челомъ тебѣ, государю, что онѣ тѣ наемные деньги въ пять день проѣли. А кречетники и ястребники гребцовъ просятъ по подорожнымъ же сорока дву человѣкъ, и впередъ, государь, птицамъ кормъ, голуби и куры, емлютъ. И о томъ о всемъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь? Да іюня, государь, въ 2 день писалъ я, холопъ твой, къ тебѣ государю с-Иваномъ Бритвинымъ, что послалъ за кабардинскими князи Леонтей Звѣревъ съ товарыщи съ твоею государевою казною, и онъ было за гребцы и за сдудномъ сталъ на Коломнѣ. И я, холопъ твой, для поспѣшенья твоего государева дѣла велѣлъ паняти осми человѣкъ гребцовъ да кормщика твоими государевы деньгами, и далъ имъ казанской стругъ, и гдѣ быть твоей государеве казнѣ, велѣлъ покрыть лубьемъ, твоими же государевы деньгами, и отпустилъ Леонтья Звѣрева съ товарыщи съ Коломны іюня жъ во 2 день.

Помѣта: Отписать къ Богдану съ опалою, что такъ долго мѣшкаетъ: еще немного отъ Москвы отъѣхавъ, такъ стали дуровать, а тамъ . . . . . (?) дѣлать.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой, Богдашко Тимоѳѣвъ, челомъ бьетъ. По твоему государеву указу велѣно итить на твою государеву службу къ Кизылбаши Фодору Левонтьеву да мнѣ, холопу твоему. И Федоръ, государь, Левонтьевъ по твоему государеву указу отпущенъ для запасовъ до Костромы сухимъ путемъ; а я, холопъ твой, отпущенъ съ Москвы съ твоею государевою казною водянымъ путемъ. И на Москвѣ подъ твою государеву казну мнѣ, холопу твоему, судно и гребцы противъ подводъ даны. И я, холопъ твой, на Коломну съ твоею государевою казною пришолъ іюня въ 2 де(нь). И то судно, идучи рекою, на меляхъ испортилось, и зъ гвоздей позскакала, и въ Оку реку итить въ немъ не мочно. И я, холопъ твой, на Коломнѣ у твоего государева воеводы, у князя Бориса Пріимкова Ростовскова, по твоей государеве грамоте и по подорожной судна и кормщика, и гребцовъ подъ твою государеву казну и подъ себя просилъ. И онъ мне судна и гребцовъ не далъ, а сказалъ, что ямщики всѣ розбежались и отказалъ: въ коемъ де ты судне и которые въ томъ судне были гребцы съ Москвы и въ томъ де судне и зъ гребцы и поѣдь. А которые, государь, были съ Москвы гребцы, и тѣ всѣ, пришедъ на Коломну, розбежались. И я, холопъ твой, стою нынѣ за судномъ и за гребцами на Коломне, а впередъ съ твоею государею казною въ Оку реку ѣхать не смѣю и пельзѣ, чтобъ мнѣ, холопу твоему, твоей государевой казны не потопить. Да по твоему жъ государеву

указу посланы кречетники и ястребники съ твоими государевыми птицами и стоятъ на Коломне жъ; а воевода князь Борисъ же на судно гребцовъ и на птицы корму имъ не даетъ же, а купить голубей не добудемъ, на посаде не продаютъ, и птицамъ нужа великая. И о томъ мнѣ, холопу своему, какъ ты, государь, укажешь?

На адресѣ: 124-го, іюня въ 6 де(нь) съ подъячимъ съ Елисѣемъ Михайловымъ (sic).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Коломну воеводе нашему князю Борису Никитичю Пріимкову Ростовскому. Писалъ еси къ намъ про дьяка про Богдана Тимоѳѣева, что онъ и съ кречатники и съ ястребники пригребли на Коломну въ дву лодьяхъ іюня въ 3 де(нь) и, поговоря ты зъ дворяны и зъ детьми боярскими, и съ посадскими людьми, для нашего дѣла, велѣлъ имъ дати кормщика и гребцовъ *(и проч.)*. А дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ писалъ къ намъ, что онъ съ нашею казною пришелъ на Коломну іюня въ 2 день *(и проч)*. И будетъ у дьяка, у Богдана Тимоѳѣева, подлинно судно попортилось и въ Оку рѣку съ нашею казною ити ему въ томъ судне не мочно, а ты того судна не переменишь или подѣлать не велишь и кормщиковъ, и гребцовъ противъ подорожныхъ и на птицы корму не даешь, а къ намъ будетъ на него пишешь ложно, и ты то дѣлаешь негораздо, что такимъ нашимъ и земскимъ великимъ дѣломъ мотчаешь, поровя коломенскимъ посадцкимъ и всякимъ людемъ для своей бездѣлные корысти, и оправдая себя только, пишешь къ намъ ложно. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а у дьяка у Богдана Тимоѳѣева судно будетъ подлинно попортилось, и Окою рекою въ томъ судне итти будетъ ему не мочно, и ты бъ то судно ему переменилъ, взявъ у всякихъ людей, чей хто ни будь, или то жъ судно велѣлъ подѣлать тотчасъ, чтобъ ему съ нашею казною Окою рѣкою было итти безстрашно. И кормщиковъ бы еси дьяку Богдану и переводчику и толмачомъ, и кречатникомъ и ястребникомъ, которые посланы въ Кизылбаши, противъ ихъ подорожныхъ, далъ тотъ же часъ и отпустилъ ихъ съ Коломны, не мешкая ни часу, чтобъ имъ на Коломне однолично ни зачѣмъ не замотчать, и тѣмъ бы нашему и земскому дѣлу поруху не учинить. А только дьяка Богдана и переводчика, и толмачей, и кречетниковъ, и ястребниковъ съ Коломны тотчасъ не отпустишь, и судно, только будетъ попорчено, переменить или подѣлать вскоре не велишь, и кормщиковъ и гребцовъ, противъ ихъ подорожныхъ, и на птицы корму не дашь, и ихъ на Коломне задержишь зачѣмъ нибудь, а тѣмъ нашему и земскому дѣлу учинишь мотчанье и поруху, и тебѣ отъ насъ быть въ великой опале. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюня въ 7 де(нь).

Внизу: Послана за приписью думново діяка Петра Третьякова съ подъячимъ съ Елисѣемъ Минчаковымъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. дьяку нашему Богдану Тимоѳѣеву. Писалъ къ намъ съ Коломны воевода князь Борисъ Пріимковъ Ростовской, что де ты и толмачи пригребли на Коломну (*и проч.*). А ты, Богданъ, (пишешь [1]), что ты съ нашею казною пришелъ на Коломну іюня въ 2 день (*и проч.*). И ты то дѣлаешь негораздо, что живешь на Коломнѣ, невѣдомо для чего, и нашимъ дѣломъ мотчаешь и къ намъ пишешь ложно, избывая своей дурости. Ещо немного отъ Москвы отъѣхали, а такъ есте стали дуровать и о нашемъ дѣлѣ не радѣть, а отъѣхавъ подале, и вы учнете и больши того дуровать. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тотчасъ съ кречетники и съ ястребники и со птицы съ Коломны шелъ, не мѣшкая ни часу, и тѣмъ на себя нашіе опалы не наводили, чтобъ вашею дуростью и мотчаньемъ нашему и земскому большому дѣлу мотчанья не учинилось. А только вы впередъ учнете такъ дуровать и въ городѣхъ учнете для своихъ бездѣльныхъ корыстей мотчати, а вашею оплошкою и нерадѣньемъ нашему и земскому дѣлу учинится поруха, и тебѣ за то отъ насъ быти въ великой опале. А ныне отъ насъ къ воеводе, ко князю Борису, писано жъ: только будетъ у тебя судно подлинно попортилось и въ Оку въ немъ съ нашею казною итти тебѣ немочно, и ему велено то судно переменить или тожъ подѣлать и кормщиковъ и гребцовъ, противъ вашихъ подорожныхъ дать и отпустить васъ велено съ Коломны тотчасъ безо всяково задержанья. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюнь въ 7 де(нь).

Внизу: Послана съ подъячимъ съ Елисѣемъ Минчаковымъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. посланникомъ нашимъ Ѳедору Псаковичю Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѳѣеву. Въ прошломъ въ 122-мъ году посылали есмя къ шаху съ нашею грамотою о Грузинской землѣ гончика Григорья Шахматова, что шахъ учинилъ не дружнымъ обычаемъ, не обослався съ нами, съ великимъ государемъ, вступился въ нашу поддапную въ Грузинскую землю, повоевалъ и велѣлъ разорити, и царя Теймураза съ Грузинскіе земли согналъ, и гдѣ были нашіе хрестіянскіе вѣры монастыри и церкви, гдѣ имя Божіе славилось, тутъ велѣлъ ставити свои городы. И опъ бы, шахъ Аббасъ, съ нами, съ великимъ государемъ, въ нелюбьѣ не былъ, в-Ыверскую землю не вступался и из-Ыверскіе земли людей

[1]) Слово это въ отпускѣ пропущено.

своихъ велѣлъ вывести. И нынѣшнего 124-го іюнь въ 15 день Григорей Шахматовъ къ намъ пріѣхалъ, а привезъ къ намъ противъ той нашей грамоты отъ шаха грамоту, а въ грамоте своей къ намъ шахъ писалъ, что Грузинская земля отъ начала времяни служильцы и подданые Персидцкіе земли и всегда ихъ жаловали и берегли Персидскіе земли государи. И будетъ ему до нихъ впередъ дѣло будетъ и отъ него будетъ, только убоялся, учнутъ грузинцы приходити въ наше государство, и намъ бы къ нему тѣхъ опять воротить. И того жъ числа іюнь въ 15 де(нь) писалъ къ намъ съ Терки воевода нашъ Петръ Прилопской и прислалъ Грузинскіе земли Теймураза царя къ намъ грамоту, которого шахъ согналъ зъ Грузинскіе земли. А въ той своей Теймуразъ царь грамоте къ намъ пишетъ, что нынѣ Божіею милостію, а нашимъ царскимъ счастьемъ въ свою въ Грузинскую землю онъ вшолъ и отъ кизылбашскихъ приказныхъ головъ со всѣми воинскими людьми землю свою подъ собя подворотилъ (*далѣе обведено чертой:* а после того приходили на него и на его Грузинскую землю многіе цари и царевичи и шаховы воеводы со многими съ ратными людьми, и какъ ему про нихъ вѣсть учинилась и онъ противъ ихъ ходилъ, и Божіею милостію, а нашимъ де царскимъ счастьемъ, ихъ всѣхъ побилъ на голову; а которые де достальные и ушли были отъ него въ Таплинской городъ, и опъ ихъ осадилъ и взялъ злата и серебра, и военного оружья, и збруи, и шатровъ, и лошадей, и верблюдовъ только, что и исъ числа вышло), и намъ бы, великому государю, держати его въ нашемъ царскомъ жалованье по тому жъ, какъ были при прежнихъ государехъ дѣдъ его Олексапдръ царь зъ детьми, и за него бъ стояти, турскому и инымъ его недругомъ не подати, и къ шаху бъ объ о немъ намъ отъ себя отписати, чтобъ опъ для насъ, великого государя, гонепья ему и тесности не чинилъ. И мы къ шаху о томъ послали нашу грамоту, и та наша грамота и съ нея списокъ слово въ слово посланы къ вамъ съ сею нашею грамотою вмѣсте. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а вы, какъ ожъ дастъ Богъ, у шаха будете, и вы бъ и тое нашу грамоту шаху подали вмѣсте съ прежнею нашею грамотою, а молыли бъ есте про неѣ, что такова грамота прислапа отъ насъ за вами въ дорогу. Да что будетъ шахъ и шаховы ближніе люди учнутъ вамъ о Иверской землѣ говорити, и вы бъ шаху и его ближнимъ людемъ о Иверской землѣ говорили по паказу, какъ у васъ о Иверской землѣ въ нашемъ паказе написано, и примѣрясь съ сей нашей грамоте, которая нынѣ отъ насъ къ шаху писапа и смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы лутче и нашему царскому имени къ чести и къ повышенью, а государствамъ нашимъ

къ прибавленью и къ разширенью. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, іюнь въ 27 де(нь).

Роспись, что послано было въ Кизылбаши государевыхъ ц. и в. кн. Михаила Ѳеодоровича в. Р. соболей и лисицъ, и суконъ съ Ѳедоромъ Исаковичемъ Леонтьевымъ на роздачу черкаскимъ княземъ и мурзамъ, и что изъ тѣ посылки соболей и суконъ въ Кизылбашехъ продано и что за нихъ взято денегъ, и что на тѣ деньги на государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Кизылбашехъ куплено.

Послано было съ Москвы:

40 соболей въ 27 рублевъ, 40 соболей въ 25 рублевъ, 2 сороки соболей по 18 рублевъ, 40 соболей въ 16 рублевъ; лисица черна въ полъ 6 рубли, 2 лисицы въ 7 рублевъ, лисица черна въ 3 рубли, лисица чернобура въ 3 рубли жъ; 2 постова сукна пастраѳилю лазоревого. И изъ того числа въ Кизылбашехъ въ Шемахѣ дано рускимъ торговымъ людемъ продати 3 сороки соболей да 2 постава сукна.

Москвитину Родіону Семенову 40 соболей въ 25 рублевъ и за тотъ сорокъ взалъ онъ 36 рублевъ, а на тѣ деньги на государя у него куплено: бархатъ черчатъ гладкой 9 аршинъ и 4 вершки рускихъ, данъ 3 рубли 25 алтынъ; бархатъ полосатъ гладкой цвѣтной 9 аршинъ и 4 вершки, данъ 3 рубли и 25 алтынъ, бархатъ рудожелтъ гладкой 9 аршинъ 44 вершки, данъ 3 рубли и 8 алтынъ 2 де(ньги); бархатъ зеленъ гладкой 9 аршинъ и 8 вершковъ, данъ 3 рубли 8 алтынъ 2 де(ньги); камка двоеличная шелкъ зеленъ да черчатъ 8 аршинъ безъ 4-хъ вершковъ, дана 3 рубли 20 алтынъ; да на 18 рублевъ и на 13 алтынъ на 2 де(ньги) куплено 20 апсырей безъ чети апсыря шелку всякихъ цвѣтовъ.

Казанцомъ Ивашку Истомину да Поикратью Шубину данъ 40 соболей въ 18 рублевъ и за тотъ они сорокъ взяли 20 рублевъ и 13 алтынъ 2 де(ньги), и на тѣ денги купили они камку свѣтлозелену 7 аршинъ и 6 вершковъ; другую камку двоеличну шелкъ зеленъ да черчатъ 7 аршинъ и 6 вершковъ; третью камку двоеличну жъ шелкъ желтъ да вишневъ 7 аршинъ и 8 вершковъ,—всѣ даны по 3 рубли и по 20 алтынъ камка; 2 камки полосатыхъ цветныхъ розные шелки по 7 аршинъ безъ 3-хъ вершковъ камка, даны по 2 рубли и по 13 алтынъ по 2 де(ньги); 5 апсырей и 15 золотниковъ шелку аряшского цветного по 31 алтыну апсырь. Лальского городка Лазарю Игнатьеву данъ 40 соболей, что былъ 18 рублевъ, и за тотъ сорокъ взялъ онъ 20 рублевъ, и на тѣ деньги онъ купилъ 21 апсырь шелку черчатого по 31 алтынъ апсырь, да 2 кипдяки 16 алтынъ 4 де(ньги).

Казанцу Вавилу Конищеву данъ половина постава сукна пастраонилю лазоревого, рускихъ 17 аршинъ, а кизылбашскихъ 12 аршинъ, и за то сукно взялъ опъ 7 рублевъ и 6 алтынъ 4 де(ньги), и на тѣ деньги купилъ: камку зелену 6 аршинъ и 6 вершковъ, дана 3 рубли, да 4 ансыря съ полуансыремъ и зъ золотникомъ шелку аряшского цветного по 31 алтыну ансырь.

Того жъ постава другая половина дапа костромичемъ Гурью Надежину да Омельяну Григорьеву, и за ту половину постава сукна взяли они 9 рублевъ, и на тѣ деньги купили: каѳтанъ бархатъ зеленъ гладкой, подклатка киндякъ желтъ, подпушка дороги полосаты, данъ 4 рубли; камку тмозелену 7 аршинъ и 6 вершковъ, дана 3 рубли; камку двоеличную шелкъ зеленъ да черчатъ 7 аршинъ и полъ 2 вершка, дана 2 рубли.

Москвичемъ Четвертому Васильеву да ярославцу Добрыне Шестакову данъ другой поставъ сукна пастраѳилю лазоревого, а въ немъ 33 аршина съ полуаршипомъ, и за тотъ поставъ взяли они 13 рублевъ и 16 алтынъ 4 де(ньги), и на тѣ деньги они купили 2 каѳтана озямскихъ камки цветные съ серебромъ, подклатки: подъ однимъ кутня осиновой цвѣтъ, подъ другимъ дороги свѣтло зелены, даны 10 рублевъ и 16 алтынъ 4 де(ньги); камку цветную шелкъ зеленъ да алъ съ серебромъ, 7 аршинъ и 4 вершки, дана 3 рубли и 16 алтынъ 4 де(ньги). И въ тоѣ покупку сверхъ государевыхъ денегъ 13 рублевъ и 16 алтынъ 4-хъ де(негъ) перешло ихъ, Четвертово и Добрынпныхъ, денегъ 16 алтынъ 4 де(ньги).

А за продажею исъ тѣхъ государевыхъ соболей, исъ 5 сороковъ, осталось было 2 сороки соболей: одинъ сорокъ въ 27 рублевъ, другой въ 16 рублевъ. И по государеву указу тѣ 2 сороки соболей розданы въ подаркѣхъ въ Кизылбашехъ приказнымъ людемъ и приставомъ, и въ дороге черкаскимъ кпземъ и мурзамъ *(приписка другою рукою:* а въ списке Ѳедорове того не написано, кому что дано, а писано, что потчивалъ, что лучилось и обнадеживалъ государевымъ жалованьемъ).

Да въ остаткѣ исъ тоѣ жъ государевы посылки за продажею и за подарками у соболей осталось 5 лисицъ, которые были по государеву указу съ Москвы съ тѣми собольми вмѣсте въ Кизылбаши посланы, и тѣ лисицы въ подаркѣхъ никому не даны и въ Кизылбашехъ не проданы для того, что ихъ передъ государевою указною цѣною въ Кизылбашехъ торговали дешево, по десяти и по двепатцати алтынъ и по четыре гривны лисицу, и тѣ лисицы ко государю къ Москве привезены.

Да съ Ѳедоромъ же Исаковичемъ по государеву указу послано было съ Москвы къ Аббасъ-шаху въ поминкѣхъ 5 пудъ рыбья зубу

самого меньшего, а въ нихъ по счету 163 зуба. И исъ того числа исъ 5 пудъ выбрано 18 зубовъ, которые шаху въ подаркѣхъ подати пригодились, а въ нихъ вѣсу пудъ. А достальные 4 пуда, а въ нихъ по счету 145 зубовъ, по государеву указу отданы на обмѣнъ рускимъ торговымъ людемъ, которые съ Ѳедоромъ Исаковичемъ ѣхали въ Кизылбаши, а у нихъ въ то мѣсто взятъ большой и середней рыбей зубъ: у москвитина торгового человѣка, у Родіона Семенова сына Шушника, 2 пуды и 25 гвивенокъ, въ 1-мъ пуду 8 зубовъ, а въ другомъ пуду 9 зубовъ, а въ 25 гривенкахъ 6 зубовъ; у казанца у Ивариса Истомина 3 зубы, а въ нихъ 15 гривенокъ. Лальского городка у Лазоря Игнатьева 11 зубовъ, а въ нихъ вѣсу пудъ. А цѣнили Родіоновъ и Иваписовъ рыбей зубъ казанцы торговые люди Вавило Копищевъ, Поикратей Шубинъ, ярославецъ Добрыня Ларіоновъ, по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью, по 25 рублевъ пудъ съ пошлинами и съ провозомъ, а Лазаревъ пудъ цѣнили 20-ю рубли. А государевъ рыбей зубъ, что на обмѣнъ имъ данъ, которой съ Москвы къ Аббасъ шаху былъ посланъ, цѣнили по 10 рублевъ пудъ, а больши того его не цѣнили для того, что тотъ рыбей зубъ мѣлокъ.

И ѳевраля въ 13 де(нь) явился въ посольской полате москвитинъ торговой человѣкъ Родивонъ Семеновъ, а сказалъ, что опъ тѣ товары, что онъ, Родіопъ, съ товарыщи купили на государя бархатовъ и камокъ, и шелковъ, и каѳтановъ азямскихъ на тѣ деньги, что онъ продалъ соболей государевыхъ, которые онъ взялъ на продажу у государева посланника у Ѳедора Левонтьева исъ кизылбашскіе посылки, съ собою къ Москве привезъ; а гдѣ ему тѣ товары отдать, и о томъ ему какъ государь укажетъ? И посольской діякъ Сава Раманчюковъ о тѣхъ товарехъ докладывалъ государя, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. указалъ тѣ товары торгового человѣка, у Родивопа Семенова съ товарыщи, по росписи на казенной дворъ и роспись тѣмъ товаромъ, и объ нихъ память указалъ послать. И по государеву указу о тѣхъ товарехъ память и роспись на казенной дворъ послана такова съ татарскимъ толмачомъ, съ Ѳѳонасьемъ Золотухинымъ, а велено тѣ товары у торговыхъ людей, у москвитина, у Родивопа Семенова, взять въ государеву казну по росписи.

Лѣта 7126-го ѳевраля въ 17 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память казначѣю Микиѳору Васильевичю Траханіотову да дьякомъ Ждану Шипову, да Булгаку Милованову. Пріѣхалъ къ Москве исъ Кизылбашъ москвитинъ торговой человѣкъ Родивонъ Семеновъ съ товарыщи, а привезъ съ собою бархаты и камки,

и шелкъ, и каѳтаны азямскіе, и киндяки; а куплены на государя въ Кизылбашехъ на тѣ деньги, что онъ же, Родивонъ, съ товарыщи продали въ Кизылбашехъ же государевыхъ соболей, которые далъ имъ на продажу посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ, а нынѣ тѣ товары стоятъ на Москвѣ въ таможне у тѣхъ же торговыхъ людей, у Родивона Семенова съ товарыщи. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. указалъ тѣ товары у тѣхъ торговыхъ людей, у Родивона Семенова съ товарыщи, взять въ свою государеву казну на казенной дворъ, а у кого имянемъ и сколько тое купленые рухледи, и тому послана роспись подъ сею памятью. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу казначѣю Никѳору Васильевичю Трахаѳіотову да дьякомъ Жлану Шипову да Булгаку Милованову тѣ товары у торговыхъ людей, у Родивона Семенова съ товарыщи, велѣти въ государеву казну взять по росписи, какова послана подъ сею паматью.

Роспись, что взяти въ государеву въ казну бархатовъ и камокъ, и шелку, и каѳтановъ у москвитина, у Родивона Семенова съ товарыщи.

У москвитина у Родивона Семенова: бархатъ червчатъ гладкой 9 аршинъ и 4 вершки, данъ 3 рубли 25 алтынъ; бархатъ полосатъ гладкой цветной 9 аршинъ и 4 вершки, данъ 3 рубли и 25 алтынъ; бархатъ рудожелтъ гладкой 9 аршинъ 4 вершки, данъ 3 рубли 8 алтынъ 2 де(ньги); бархатъ зеленъ гладкой 9 аршинъ 8 вершковъ, данъ 3 рубли 8 алтынъ 2 де(ньги); камка двоеличная шолкъ зеленъ да червчатъ 8 аршинъ безъ 4-хъ вершковъ, дана 3 рубли 20 алтынъ; 20 ансырей безъ чети ансыря шелку всякихъ цветовъ. У казанца у Ивана Истомина да Понкратья Шюбина: камка свѣтозелена 7 аршинъ 6 вершковъ; камка двоелична шелкъ зеленъ да червчатъ 7 аршинъ 6 вершковъ; камка двоелична жъ шелкъ желтъ да вишневъ 7 аршинъ 8 вершковъ; две камки полосатыхъ цветныхъ розные шелки по 7 аршинъ безъ 3-хъ вершковъ камка; 5 ансырей 15 золотниковъ шелку аряшского цветного. Лальского города у Лазаря Игнатьева: 21 ансырь шелку червчатово да 2 киндяки. У казанца у Вавилы Конищева: камка зелена 6 аршинъ 6 вершковъ, да 4 ансыря съ полуансыремъ и зъ золотникомъ шелку аряшского цвѣтново. У костромичей, у Гурья Надежина да у Омельяна Григорьева: камка тмозелена 7 аршинъ 6 вершковъ; камка двоелична шелкъ зеленъ да червчатъ 7 аршинъ полъ 2 вершка; каѳтанъ бархатъ зеленъ гладкой, подкладка киндякъ желтъ, подпушка дороги полосаты. И про тѣ товары москвитинъ Родивонъ Семеновъ сказалъ, что товары казанцевъ Ивана Истомина да Панкратья Шубина и Вавилы Конищева, и костромичей Гура Надежина и Омельяна Григорьева присланы къ Москве съ нимъ

же, и ныне опѣ у него. У москвича у Четвертого Васильева да у ярославца у Добрыни Шестакова: 2 каѳтана озямскихъ камки цветные съ серебромъ, подкладки: подъ однимъ кутня осиновой цвѣтъ, подъ другимъ дороги свѣтлозелены; камку цветную шелкъ зеленъ да алъ съ серебромъ 7 аршинъ 4 вершки.

1616 апрѣля. Копія съ грамоты государевой къ шаху, отправленной съ посланникомъ Ѳедоромъ Левонтьевымъ и дьякомъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ. Лл. 100—112.

Бога единаго безначальнаго и безконечнаго, невидимаго и страшнаго и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владующаго силы небесными и единымъ безсмертнымъ Словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся содержащаго, и самодержавнымъ божественнымъ Духомъ вся оживляющаго, и недремаппымъ окомъ на землю призирающаго и всяческая на ней устрояющего, и утешенія благая всѣмъ человѣкомъ подавающаго, Его же въ трехъ имяпехъ трепещутъ и боятца небесная и земная, и преисподняя. Того единаго Бога въ трехъ лицехъ чтемъ и покланяемся, и трисіятельнаго всемогущаго божества неизреченнымъ милосердіемъ стоимъ и движемся, и пребываемъ, и величеству его славу возсылаемъ, утвердившего насъ скиѳетръ держати православія, во обдержаніе въ месть врагомъ, въ похвалу добродѣемъ,—мы, великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ *(титулъ)* и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и облаадатель + *(выноска:* подпись діячья на грамоте и съ креста по другой крестъ) восточнаго предѣла высокостольнѣйшаго мѣста, превысочайшей прехвальные степени великоздержательную власть древнихъ великихъ государей персидскихъ царей пріемшему превознесенную честь, яко рогъ инрога, достигшему мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честію и многимъ мусульманскимъ родамъ повелителю, пореченному въ чести величества изящному, Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику, Аббасъ шахову величеству любовному пріятелю + нашего царского величества любовное поздравленіе и счастливое пребываніе и надъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: въ прошломъ во 123-мъ году прислалъ еси къ нашему царскому величеству съ своею грамотою посланника своего, птичника Булатъ бека. И мы, великій государь, для васъ, брата нашего любительнаго Аббасъ шахова в—ва, посланнику вашему Булатъ беку велѣли наши

царскіе очи видети вскоре, и грамоту вашу, брата нашего, приняли и выслушали любительно. А въ грамоте своей къ нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, писали: какъ учала быти ссылка и братцкая любовь межъ дядею нашимъ, блаженные славные памяти великимъ государемъ царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. самодержцемъ, и межъ тобою, великимъ государемъ, шаховымъ величествомъ, первое посломъ Григорьемъ Васильчиковымъ, и съ тѣхъ мѣстъ и по се время тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, со всѣми великими російскими государи, предки нашими, никоторого дурна окромѣ дружбы и любви не бывало; а какъ въ смутное время нашего царского величества въ вотчине въ Астарахани назывался государскимъ именемъ воры, и ты, братъ нашъ, того не вѣдая, чая въ томъ правды, по прежнему обычаю похотя нашего великого Російского государства зъ государи дружбы, изо устъ своихъ слово испустилъ: въ Астарахань казны своей дать хотѣлъ. А какъ отъ насъ, великого государя, къ вамъ, брату нашему, шахову величеству, пришелъ посланникъ нашъ съ нашею любительною грамотою и отъ него тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву, про насъ, великого государя, что мы, великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи самодержецъ учинились на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ, вѣдомо учинилось, и вы, великій государь, братъ нашъ шахъ Аббасово величество тому порадовались сердечною радостію и хотите съ нами, великимъ государемъ, быти въ сердечной братцкой дружбе и въ любви свыше прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, и послали къ нашему царскому величеству съ своею любительною грамотою вѣрного своего человѣка, птичника своего, Булатъ бека; а намъ бы, великому государю, также съ тобою, братомъ нашимъ, великимъ государемъ съ шахъ Аббасовымъ величествомъ о братственной любительной дружбе ссылка держать. А какъ до нашего царского величества съ вашею, брата нашего шахъ Аббасова в—ва, грамотою Булатъ бекъ дойдетъ, и намъ бы, великому государю, у себя задержать ево не велѣти, а велѣти бъ ево къ вамъ, великому государю, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, отпустить тотчасъ, чтобъ тебѣ, брату нашему, слыша про наше царского величества здоровье, радоватца. А будетъ которое дѣло намъ, великому государю, до васъ, брата нашего, шахъ Аббасова в—ва и до вашего государства, и намъ бы, великому государю, о томъ тебѣ, брату нашему, вѣдомо учинить, и то дѣло нашего царского величества все такъ учинитца. А посланникъ

вашь Булатъ бекъ отъ васъ, шахъ Аббасова в—ва поздравлялъ насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, а рѣчью говорилъ о томъ же, что вы, братъ нашь, къ нашему царскому величеству и въ грамоте своей писали, что ты, великій государь, братъ нашь, шахъ Аббасово в—во, похотя съ нами, великимъ государемъ, быти въ братстве и въ любительной дружбе свыше прежнихъ російскихъ государей, послалъ его къ намъ, великому государю, съ своею любительною грамотою поздравляти насъ, великого государя на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія и велѣлъ намъ, великому государю, известити, чтобъ намъ, великому государю, ево въ нашемъ государстве задержать не велѣть, а велѣть его отпустить къ вамъ, брату нашему, не задержавъ. А ты, великій государь, братъ нашь, шахъ Аббасово в—во пришлешь къ намъ, великому государю, большихъ своихъ пословъ съ большимъ поздравленіемъ и съ любительными поминки. Да посланникъ же вашь, брата нашего, говорилъ нашимъ приказнымъ людемъ въ тайне, что присланъ онъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, отъ шахъ Аббасова в—ва, о братственной дружбе и любви, что хочешь ты, братъ нашь, съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкомъ братстве и въ любви навеки неподвижно и на всякого нашего недруга хочешь стоять заодно: хто будетъ намъ, великому государю, другъ, тотъ и тебѣ, брату нашему, великому государю, шахъ Аббасову в—ву, другъ; а хто намъ, великому государю, недругъ, тотъ и тебѣ, брату нашему, недругъ. И намъ бы, великому государю, быти съ тобою, братомъ нашимъ, по тому жъ въ крѣпкомъ братстве и въ дружбе, и въ любви. А напередъ посланника твоего Булатъ бека присылалъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, съ грамотою въ прошломъ во 123-мъ году гилянецъ Хозя Муртоза и говорилъ въ розговорехъ нашимъ приказнымъ людемъ: будетъ намъ, великому государю, противъ нашихъ недрузей надобно на помочь какіе казны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, къ тебѣ отписати или приказати, не стыдяся, и ты, великій государь, братъ нашъ шахъ Аббасово в—во, намъ, великому государю, ни за что не постоишь, тотчасъ къ намъ, великому государю, пришлешь. И мы, великій государь, васъ, брата нашего, великого государя, шахъ Аббасово в—во въ томъ похваляемъ, чты ты, помня прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, дяди нашего блаженные славные памяти царя и великого князя Ѳедора Ивановича в. Р. и царя и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р., братственную дружбу и любовь, и ссылку, ныне съ

нами, великимъ государемъ, хочешь быти въ братственной дружбѣ и въ любви, и свыше того и на всякого нашего недруга хочешь стояти съ нами, великимъ государемъ, заодно, и казною своею и людьми намъ, великому государю, хочешь на недруговъ нашихъ помогать. И вы бъ, великій государь, братъ нашь шахъ Аббасово в—во, какъ есть великій государь, братъ нашь, какъ къ намъ, великому государю, въ грамоте своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершалъ, на томъ бы своемъ слове крѣпко стоялъ: былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви навеки неподвиженъ и на всякого нашего недруга стоялъ съ нами, великимъ государемъ, заодно. А мы, великій государь, потому жъ съ тобою, братомъ нашимъ, шахъ Аббасовымъ в—вомъ хотимъ быти въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви, и въ сылке безурыву, мимо всѣхъ великихъ государей; на то нашему царскому величеству мысль крѣпко утвердилася. А нынѣ нашего царского в—ва у васъ, брата нашего, прошенье то: вѣдомо тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, подлинно изъ нашіе царского в—ва грамоты, что послали есмя къ вамъ съ посланникомъ нашимъ, съ Михаиломъ съ Тихановымъ, и отъ посланника нашего отъ Михайла и отъ гонцовъ, и отъ твоихъ, брата нашего, торговыхъ людей, которые были въ нашихъ государствахъ, каковъ нашему царскому в—ву недругъ польской Жигимонтъ король, черезъ многіе своѣ и пословъ своихъ и посланниковъ крестное целованье государства нашего многіе мѣста и самой царствующій градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ, предковъ нашихъ, за много лѣтъ собранье, розграбили и многіе неисчетные крови пролили и землю запустошили. Мы, великій государь, царьствующаго града Москвы одни стѣны взяли и тѣ разорены, и съ польскимъ королемъ за многіе грубости и неправды войну ведемъ и недружбу ево ему доводимъ. И вамъ бы, брату нашему, къ намъ начало своей братскіе любви объявити: противъ нашего недруга, польского короля, нашему царскому в—ву вспоможенье учинити своею казною. А послали есмя къ тебѣ, брату нашему, съ сею нашею любительною грамотою просити вспоможенья посланниковъ нашихъ Ѳедора Исаковича Левонтьева да діака Богдана Тимоѳѣева и посланника вашего Булатъ бека съ ними жъ къ вамъ, брату нашему, отпустили. А хотѣли были есмя посланниковъ нашихъ къ вамъ, брату нашему, послати и вашего посланника отпустити вскоре, да подержали за тѣмъ: выжидали есмя совершенья дѣлу, что межъ насъ, великого государя, и недруга нашего польского короля учинится, чтобъ къ тебѣ, брату нашему, съ подлинною вѣстью отпустити,

да ещо межь насъ на мѣре не сталось. И вы бъ, великій государь, братъ нашь, шахъ Аббасово в—во, къ намъ, великому государю, начало братственной сердечной любви показалъ: того нашего послапника Ѳедора да діака Богдана къ намъ отпустили, не задержавъ, и своего большого посла ближнево человѣка къ намъ съ ними вмѣсте прислалъ, и казны денежные къ намъ съ ними, что у васъ, великого государя, лучилось, къ намъ съ нашими послапники и съ своимъ посломъ прислалъ, чѣмъ намъ противъ недруга нашего стояти и недружба его ему мстити. И о всемъ бы еси посломъ своимъ къ нашему царскому в-ву подлинно наказавъ, какъ нашему царскому величеству впередъ быти въ крѣпкой братской дружбе и любви на веки неподвижно, и какихъ узорочей, что ведетца въ нашихъ государствахъ къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ пришлете, послати. А какъ нашего царского в—ва послапники и твой, брата нашего, посолъ у нашего царского в—ва будетъ, и мы, великій государь, велимъ нашимъ думнымъ людемъ съ твоимъ, брата нашего, посломъ о велкихъ добрыхъ дѣлехъ говорити и ставовити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братской любви и въ дружбе на веки неподвижно, и посла твоего къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не задержавъ, и своего большого посла къ вамъ, брату нашему, пошлемъ и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной и сердечной дружбе и любви мимо всѣхъ великихъ государей на веки неподвижно. На то наша царского величества мысль крѣпко утвердилась. Да говорилъ нашего царского величества приказнымъ людемъ послапникъ вашь Булатъ бекъ, что многіе послапники и гонцы посланы отъ васъ, брата нашего, отъ шахъ Аббасова в—ва къ прежнимъ російскимъ государемъ, а иные идутъ отъ цесаря къ тебѣ, брату нашему, и нынe они въ нашихъ государствахъ задержаны, а живутъ въ Казани и въ Нижнемъ и в-ныхъ городѣхъ, а отпуску имъ отъ насъ, великого государя, нѣтъ, и будетъ они живутъ по нашему указу, и намъ бы, великому государю, велѣти ихъ къ тебѣ, брату нашему отпустить, а будетъ которые живутъ самовольствомъ, и намъ бы, великому государю, для твоей, брата нашего, великого государя, шахъ Аббасова в—ва братскіе дружбы и любви, велѣти ихъ исъ своихъ городовъ къ тебѣ, брату нашему, выбить. И которые твои, брата нашего, люди въ нашихъ государствахъ позажились были за дорогою, что на Асторохань было пройти нельзя, что Асторохань была въ воровской смуте, послапникъ Мурши Кулы бекъ да гонецъ Мигибъ бекъ, и мы ихъ нынe отпустили къ вамъ, брату нашему, съ послапники нашими и съ твоимъ послапникомъ Булатъ бекомъ

вмѣсте. А о иныхъ нашихъ дѣлехъ наказали есмя вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву говорити посланникомъ нашимъ, и ты бъ имъ въ томъ вѣрилъ. Писана въ государствія нашего дворѣ царствующего града Москвы лѣта 7124-го апрѣля мѣсяца.

Грамота писана къ шаху золотомъ: Божье имя и государево по Владимерского; а шаху писано золотомъ же: Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ шахову величеству. А печать у грамоты подъ кустодіею большая съ царственными титлами. Подпись дьячья назади на загибке.

А се государевъ наказъ, каковъ данъ государевымъ посланникомъ Ѳе . . . . . .

1616 мая 29. Наказъ, данный отправляющимся въ Персію государевымъ посланникамъ Федору Исаковичу Левонтьеву и дьяку Богдану Тимоѳѣеву. Лл. 114—294.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. посланникомъ нашимъ Федору Исаковичю Леонтьеву да дьяку Богдану Тимофѣеву. Посланъ къ вамъ нашъ наказъ, по чему вамъ, будучи у шаха, наше дѣло дѣлать, да грамоты проезжіе: одна къ Гирѣю князю за глухою нашею печатью, а другая за отворчетою печатью ко всѣмъ кабардинскимъ княземъ и къ мурзамъ, съ переводчикомъ, съ Семейкою Ондрѣевымъ съ товарыщи. И какъ къ вамъ переводчикъ Семейка Ондрѣевъ нашъ наказъ и грамоты привезетъ, и вы бъ, взявъ у него нашъ наказъ и грамоты, къ шаху шли, нигдѣ не мешкая, на спехъ, днемъ и ночью, чтобъ вамъ поспѣти сего лѣта къ шаху и назадъ отъ шаха къ намъ. А какъ, ожъ дастъ Богъ, у шаха будете, и вы бъ наше дѣло дѣлали по нашему наказу, а одполчно бъ вамъ о томъ всего больши радѣти: казны на вспоможенье у шаха выпросити, хоти четыреста тысечь рублевъ, а по послѣдней мѣре сто тысечь рублевъ. А будетъ познаете, что шаховы ближніе люди будутъ на то подвижны, шаха на то учнутъ наговаривать, а похотятъ отъ васъ за то подарковъ, и вы бъ имъ, въ комъ почаете дѣла и помочи, и дали подарковъ, что будетъ пригоже, только бъ вамъ одполчно тѣмъ промыслити и намъ тѣмъ послужити, чтобъ шахъ къ намъ ныне казны на вспоможенье съ посломъ своимъ и съ посланникомъ одполчно съ вами вмѣсте прислалъ на семъ лѣте. А какъ вашею службою и радѣньемъ то у шаха здѣлаетца, казны къ намъ на вспоможенье пришлетъ, и мы васъ за то пожалуемъ нашимъ

царскимъ великимъ жалованьемъ и вамъ однолично о томъ порадѣти, у шаха казны къ намъ выпросить. И итти бъ вамъ къ шаху, нигдѣ не мешкая, на спехъ, чтобъ затѣмъ нашему дѣлу порухи не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюнь въ 4 де(нь).

Къ посланникомъ, къ Ѳедору да къ діаку къ Богдану, послано съ переводчикомъ съ Семеномъ Ондрѣевымъ:

Государевъ наказъ, по чему имъ государево дѣло дѣлать. Грамота къ шаху. Грамота къ Гирѣю князю кумыцкому. Грамота за отворчетою печатью ко всѣмъ горскимъ княземъ и къ мурзамъ. Грамота на Сомару. Грамота на Царицынъ объ ихъ отпуске. Грамота что имъ говорить шаху о казнѣ. Да къ Левонтью Звѣреву о лошадехъ. Грамота къ Супчалѣю князю Янглычеву. Грамота хъ Куденеку князю къ Енбулатову.

Лѣта 7124-го маія въ 29 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. велѣлъ Ѳедору Исаковичю Левонтьеву да діаку Богдану Тимоѳѣеву итти хъ кизылбашскому шаху для своего государева и земского дѣла въ посланникехъ. А съ ними посланы для государева дѣла переводчикъ Семейка Ондрѣевъ да толмачи Семейка Гераснмовъ, Степанъ Микпооровъ, Тимоѳѣй Баубековъ, да со птицы шесть человѣкъ кречатниковъ, Остаоей Сычовъ съ товарыщи, да съ ними жъ вмѣсте отпущены въ Кизылбаши къ шаху съ Москвы шахъ Аббасовъ посланникъ Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ кречатниковъ три человѣки, да людей посланниковыхъ девять человѣкъ, да изъ Нижнево и исъ Казани шаховъ же посланникъ Мурши Кулы бекъ, да гопецъ Мигибъ бекъ. А пришли Мурши Кулы бекъ и Мигибъ бекъ въ Московское государство отъ шаха до великого государя ц. и в. кп. Михапла Ѳедоровича в. Р., а дожпдаютца ихъ, Ѳедора и Богдапа, въ Казани съ приставомъ съ Володимеромъ Опичковымъ. Да въ Казани жъ были шаховы купчины Хозя Незамедпнъ, пришелъ въ Московское государство лѣтъ съ шесть, да Хозя Муртоза, приходилъ къ государю ц. и в. кп. Михаплу Ѳедоровичю в. Р. отъ шаха зъ грамотою, какъ государевы бояре и воеводы Асторохань отъ воровъ, отъ Ивашка Зарудского, очистили и подъ государеву руку привели. И по государеву указу тѣхъ купчипъ исъ Казани велепо отпустити въ Асторохань и изъ Асторохани къ шаху давно, и пѣчто будетъ купчины за своими товары исъ Казани потти къ шаху до пихъ, государевыхъ посланниковъ и до шаховыхъ, не успѣютъ, и тѣхъ купчинъ указалъ государь исъ Казани и изъ Асторохани, или гдѣ ихъ заѣдутъ, отпустить къ шаху съ ними жъ вмѣсте. А съ ними, съ Ѳедоромъ и зъ Богданомъ, послано отъ государя ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ брату его,

къ шаху Аббасову в—ву, въ дарѣхъ восмь кречетовъ да три ястреба со всѣмъ птичьимъ парядомъ, да соболи и лисицы и съ росписи. А съ Москвы итти имъ, Ѳедору и Богдану, на Нижней да на Казань, а исъ Казани, сождався государевымъ посланникомъ и шаховымъ посланникомъ и гонцу, всѣмъ итти на Самару и въ Асторохань вмѣсте. А о провожаньѣ исъ Казани до Асторохани и о судѣхъ, и объ ихъ и шаховыхъ посланниковъ и гонцовъ, и о торговыхъ людехъ, которыхъ велено отпустить къ шаху до нихъ, а они, будетъ ихъ въ Казани или въ Асторохани заѣдутъ, объ отпуске въ Казань и въ Асторохань къ бояромъ и воеводамъ, и къ діакомъ отъ государя писано, а изъ Асторохани велено ихъ отпустити куды лутче и поспѣшнее: водянымъ путемъ на Гилянь, или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ городы ныне за шахомъ. А будетъ отпустятъ водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустити на бусе или на дву, смотря по тамошнему дѣлу, какъ лутче и прибыльнѣе, и стрельцовъ для провожанья съ ними велено послати и наряду, примѣрясь къ прежнему и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ дойти здорово; а Асторохани бъ безлюдной и безъ наряду не быти. Да имъ же велено дать въ Асторохани, примѣрясь прежнихъ государейословъ и послапниковъ, которые посыланы къ шаху, только пойдутъ на бусахъ, вожей и кормщиковъ, и носовщиковъ гилянцовъ, сколько человѣкъ пригоже, которые бъ въ Кизылбаши морской ходъ знали и напередъ сего въ Кизылбашехъ бывали. А на бусу по четыре якори да по два парусы да къ бусе жъ по сандалу съ парусы и съ якоремъ, и шеймы, и всякіе буспые снасти велено имъ на бусы дать новые, чтобъ имъ моремъ итти безстрашно. А будетъ лутче и ближе ити на Терекъ и кизылбашскіе посланники изъ Асторохани пойдутъ на Терекъ, и имъ съ шаховыми жъ посланники ити вмѣсте на Терекъ, переговоря о томъ съ ними, куды лутче и безстрашнее и ближе,—того всего съ шаховыхъ посланниковъ не сымать. И послапникомъ Ѳедору Исаковичю да дьяку Богдану ѣхати въ Казань и въ Асторохань, не мешкая. А какъ пріѣдутъ въ Казань, и имъ говорити боярину и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому съ товарыщи, чтобъ ихъ и съ ними шаховыхъ посланниковъ, Булатъ бека и Муршу Кулы бека, и гопца Мигибъ бека, и купчинъ, Хозь Незамядина и Хозь Муртозу, будетъ тѣ купчины до ихъ пріѣзду исъ Казани къ шаху не пошли, давъ суды и гребцовъ со всею судовою спастью и въ дорогу кормъ по росписи, и въ запросъ, чего попросятъ, отпустили исъ Казани, не мешкая, въ Астарахань. А будетъ тѣ суды подъ ними и подъ кизылбашскимъ послапникомъ, которые пойдутъ съ Москвы,

худы и до Астороханн доѣхать имъ немочно, и они бъ суды имъ дали добрые со всѣми судовыми снастьми, и кормщиковъ и гребцовъ имъ дали и отпустили ихъ исъ Казани, не задержавъ, и провожатыхъ съ ними послали, сколько пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ до Астороханн доѣхать здорово. Да какъ ихъ исъ Казани отпустятъ, и имъ итти въ Астороханъ, не мешкая жъ, всѣмъ вмѣсте бережно и устороженно, и по городомъ, на Самаре и на Царицыне роспрашивать, нѣтъ ли отъ казаковъ на Волге воровства, и всякими мѣрами про то про все провѣдывать, чтобъ на Волге Нагай и Казыева улуса и Крымскіе и Завольскіе люди и воры казаки и черкасы безвѣстно не пришли и дурна никакого не учинили. А будетъ имъ гдѣ про воровъ про казаковъ или про иныхъ про какихъ людей вѣсть учинится и проѣхать будетъ отъ нихъ съ тѣми провожатыми не мочно, и Ѳедору и Богдану взять провожатыхъ въ прибавку въ которомъ городѣ прилучится, сколько человѣкъ пригоже, смотря по вестемъ, чтобъ имъ отъ воровъ проѣхать здорово. А отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ тѣ городы къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ о томъ писано исъ казанского дворца. А пріѣхавъ, Ѳедору и Богдану въ Астороханъ, переговорити о томъ съ шаховыми посланники, зъ Булатъ бекомъ и съ Муршу Кулы бекомъ, и зъ гонцомъ съ Мигибъ бекомъ, на которое мѣсто они итти къ шаху похотятъ: изъ Астороханн ль прямо моремъ въ бусахъ на Гилянь, или похотятъ итти изъ Астороханн на Терекъ, а съ Терки на Дербень? Да будетъ шаховы посланники похотятъ итти изъ Астороханн моремъ на Гилянь, и Ѳедору и Богдану говорити въ Астороханн воеводамъ князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ Петру Овдокимову, да Гаврилу Богданову, чтобъ онѣ ихъ и шаховыхъ посланниковъ отпустили въ Кизылбаши на гилянскихъ бусахъ и стрельцовъ съ ними послали и вожей и пищали, и что будетъ иное надобно, безъ чего быти нельзя, имъ дали. А будетъ гилянскихъ бусъ пѣтъ, и они бъ дали подъ нихъ бусы асторохапскіе лутчіе со всѣмъ, что надобно къ морскому ходу дать. Какъ ихъ изъ Астороханн отпустятъ, и Ѳедору и Богдану, взявъ знатковъ судовщиковъ и провожатыхъ, и нарядъ, изъ Астрохани ити въ Гилянь моремъ, которымъ мѣстомъ пригоже, съ великимъ береженьемъ. А будетъ шаховы посланники похотятъ итти изъ Астороханн на Терекъ, а съ Терки на Дербень, и имъ потому жъ въ Астороханн объ отпуске говорить воеводамъ, чтобъ ихъ изъ Астороханн отпустили на Терекъ, не мешкая ни часу. А будетъ лутче такъ, что имъ, Ѳедору и Богдану и шаховымъ посланникомъ, ити на Терекъ, а съ Терки на Кабарду да на шаховы

городы сухимъ путемъ, а людей будетъ своихъ съ запасомъ и съ рухлядью лутче отпустити, моремъ прямо на Гилянь, и имъ по тому учинити. О томъ отъ государя въ Асторохань къ воеводамъ писано, велено ихъ отпустити, совѣтовавъ съ ними, какъ лутче, какъ бы государеву дѣлу прибыльнѣе и спешнѣе. А какъ они съ шаховыми посланники на Терекъ придутъ, и Ѳедору и Богдану по тому жъ съ шаховыми посланники переговорити, которою дорогою съ Терки на Дербень итти лутче и безстрашнее. Да какъ приговорятъ итти, и имъ о томъ говорити на Терке воеводамъ Миките Дмитреевичю Вельяминову да Петру Приклонскому, чтобъ они, давъ имъ провожатыхъ и посланникомъ кормъ по росписи, по тому жъ отпустили ихъ, не мешкая, чтобъ имъ ни за чѣмъ на Терке не замешкать, итти къ шаху; а итти имъ съ Терки бережно жъ и усторожливо, чтобъ надъ ними на походе и на стану отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ людей, и отъ кумыкъ, и отъ пятигорскихъ черкасъ, и отъ азовскихъ, и ото всякихъ воровскихъ людей которое лихо не учинилось, и безвѣстно бъ на нихъ нигдѣ не пришли.

А какъ придутъ въ Кабарду, и Ѳедору и Богдану посылати отъ себя къ тѣмъ кабардинскимъ княземъ и къ мурзамъ государевы грамоты о ихъ проѣзде, и приказывати къ нимъ, чтобъ они, князи и мурзы, по своей правде и шерти, какъ они великому государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. правду дали, на курапе шертовали, послужили: ихъ, государевыхъ и шаховыхъ посланниковъ, черезъ свою землю пропустили, приставовъ имъ давали и проводити велѣли, и подводы имъ давали, чтобъ имъ къ шаху поспѣти вскоре, а они отъ царского в—ва посланы къ шаху о великихъ государственныхъ и о земскихъ дѣлехъ, которое годно обоимъ великимъ государемъ и имъ, княземъ и мурзамъ. А которой будетъ князь или мурза пріѣдетъ съ ними повидатца, и имъ того князя или мурзу потчивать и подарить, что у нихъ лучитца, и государевымъ жалованьемъ ево обнадежити и говорить, чтобъ государю послужилъ, пристава имъ далъ и проводити ихъ велѣлъ, а государь ихъ за ихъ службу пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ.

А изъ терскихъ провожатыхъ взяти съ собою до Дербени человѣкъ пяти или шти, чтобъ было съ кѣмъ къ государю отписати, какъ которого числа въ Дербень придутъ. А какъ ихъ съ Терки отпустятъ и, на которые мѣста, на чьѣ кабаки на Дербень пойдутъ и гдѣ ихъ черкаскіе приставы и провожатые встрѣтятъ, и какъ ихъ учнутъ провожать изъ которого мѣста и съ которого числа придутъ въ Дербень, и что провѣдаютъ про шаха, гдѣ нынѣ шахъ, и какъ нынѣ съ турскимъ царемъ,

и какъ с-ыверскимъ и въ бухарскимъ и съ юргенскимъ, съ которымъ въ миру и съ которымъ не въ миру, и государевъ сынъ боярской Григорей Шахматовъ нынѣ при шахе ль и для чего не отпущенъ? или отпущенъ и гдѣ онъ нынѣ? и шахъ нынѣ въ которомъ своемъ городе или гдѣ въ походе и на которую землю пошолъ, и ево земли которой государь не воюетъ ли? О всемъ о томъ провѣдавъ, къ государю отписать подлинно. Да и о томъ отписати: со всѣмъ ли пойдутъ на Дербень или запасы отпустятъ на Гилянь.

А будетъ съ Терки лутче, по тамошней мѣре смотря, ити водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустити водянымъ путемъ и судна, и кормщики, и гребцы велено имъ дать, смотря по тамошнему дѣлу. А до конхъ мѣстъ судами пойдутъ и съ которыхъ мѣстъ сухимъ путемъ, и что провѣдаютъ, и Ѳедору и дьяку Богдану по тому жъ къ государю отписати.

А будетъ пойдутъ изъ Астарахани на Гилянь, и имъ потому жъ къ государю отписать изъ Астарахани.

Да какъ, оже дастъ Богъ, придутъ въ шаховы городы, и имъ приказывать къ шаховымъ приказнымъ людемъ, что приходилъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. отъ государя ихъ, отъ шахъ Аббасова в—ва, посланникъ ево Булатъ бекъ поздравляти великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. на его великихъ и преславныхъ государствахъ и о иныхъ о добрыхъ дѣлехъ, и великій государь того посланника государя ихъ приняти велѣлъ съ великою честію и свои царскіе пресвѣтлые очи видети ему велѣлъ и, пожаловавъ ево, отпустилъ къ государю ихъ, не издержавъ, и съ нимъ вмѣсте прислалъ великій государь къ государю ихъ, къ шахъ Аббасову в—ву ихъ, посланниковъ своихъ, о многихъ добрыхъ дѣлехъ, которые належатъ обѣимъ великимъ государствамъ ко всякому добру, и они бъ дали имъ пристава и подводы, и кормъ, и отпустили ихъ къ шаху, гдѣ будетъ шахъ.

А будетъ въ которомъ городе шаховъ которой ближней человѣкъ велитъ имъ быти у себя, и Федору и діаку Богдану къ тому шахову ближнему человѣку не ходити, а приказать къ нимъ, что имъ, не бывъ у шаха и не исправя посольства, ни у кого быти непригоже; а отпустили бъ ихъ къ шаху, не издержавъ, и подводы и кормъ велѣли имъ дать. Да будетъ только подъ ними будутъ рускіе бусы или суды, и имъ приказать къ тутошнимъ приказнымъ людемъ, чтобъ тѣхъ бусъ велѣли берсчи до ихъ пріѣзду, какъ онѣ пойдутъ назадъ исъ Кизылбашъ.

А нѣчто которой приказной человѣкъ велитъ у „ “ переписывать

рухлядь, и имъ приказать къ тому шахову приказному человѣку, а велѣти о томъ говорити, что государь ихъ шахъ Аббасово в—во прислалъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. послапника своего Булатъ бека съ любительною грамотою, а въ грамоте своей шахъ Аббасово в—во писалъ и рѣчью послапникъ ево великому государю на посольстве говорилъ, что государь ихъ шахъ Аббасово в—во хочетъ съ великимъ государемъ быти въ братственной дружбе и въ любви, и въ ссылке, и на всякого государева недруга хочетъ стояти заодинъ, а великому бъ государю съ его шахъ Аббасовымъ в. по тому жъ быть въ братственной дружбе и любви, и чтобъ межъ ихъ великихъ обѣихъ государей о братстве и о любви и о всякихъ добрыхъ дѣлехъ была ссылка послы и послапники безъ урыву. И ныне великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. прислалъ ихъ въ послапникехъ къ шахъ Аббасову в. о дружбе и о любви, и о всякихъ добрыхъ дѣлехъ, и шаховы бъ приказные люди такого непригожево дѣла не всчипали и ихъ тѣмъ не бесчестили: рухляди переписывать не велѣли. А которые послы и послапники, и гонцы государя ихъ пріѣзживали къ прежнимъ великимъ государемъ, къ великому государю блажепные памяти къ царю и в. кп. Ѳедору Иваповичю в. Р. с. и къ царю Борису, и которые были государя нашего въ государстве и въ безгосударное время, и которые были ныне при великомъ государе ц. и в. кп. Михайле Ѳедоровиче в. Р., и тѣмъ посломъ и послапникомъ, и гонцомъ въ государя нашего государстве честь была свыше иныхъ государей пословъ, и у пословъ, и у послапниковъ, и у гонцовъ рухлядей ихъ не емлютъ и не переписываютъ. Да не токмо что у пословъ и у послапниковъ, которые съ ними и торговые люди пріезжаютъ въ великіе государя нашего государства, и у тѣхъ торговыхъ людей товаровъ ихъ не переписываютъ и пошлинъ съ нихъ никакихъ не емлютъ, и такова бесчестья надъ ними пе бываетъ, какъ вы ныне хотите надъ нами бесчестье учинить мимо посольской обычай. И ныне которое будетъ бесчестье учините надъ нами, и надъ государя вашего Аббасъ шаховыми послы бесчестье по тому жъ впередъ учинятъ. И они бъ того остерегали, чтобъ тѣмъ непригожимъ дѣломъ межь великихъ государей ссылка и любовь не урвалась. Да одноличпо Ѳедору и Богдану рухляди своей и толмачей, и кречетниковъ переписывать не давать.

А будетъ гдѣ которой ханъ или шаховы приказные люди похотятъ смотрити и писать государевы ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. поминки, и Ѳедору и Богдану по тому жъ отговаривати накрепко и переписывать государевыхъ поминковъ отнюдь не давать никакими мѣрами.

Да какъ Ѳедора и Богдана изъ Гиляни или изъ Дербени отпустятъ къ шаху, и имъ говорити приставомъ, чтобъ ихъ вели къ шаху, не мешкая, гдѣ шахъ будетъ, и говорить съ приставы, чтобъ они допесли до шаха, чтобъ шахъ велѣлъ имъ быти у себя вскоре. А будетъ шахъ въ походе противъ которого своего недруга и велитъ имъ у себя быти въ рати, и Ѳедору и Богдану въ ту пору къ шаху не ходити, а дожидатись того, какъ шахъ придетъ изъ походу въ свое государство, а отговаривати о томъ, что имъ у шаха на посольстве въ чюжомъ государстве быти непригоже, шахъ ныне противъ своего недруга въ войнѣ, а имъ, государевымъ посломъ, въ тѣ поры у шаха быти. Да и прежъ того николи тово не бывало, чтобъ послы и посланники въ войнѣ на посольстве бывали. А отговаривать гладостью и пословно, а однолично въ войнѣ въ чюжомъ государстве на посольстве не быти.

А какъ Ѳедору и Богдану велитъ шахъ у себя быти на посольстве, и имъ приказать съ приставы къ шаховымъ ближнимъ людемъ, чтобъ у шаха въ то время, какъ имъ быти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ никово не было; а только будутъ, и имъ на посольство итти и посольства править непригоже.

А нѣчто въ то время, какъ они придутъ на посольство, будутъ у кизылбашсково шаха турсково салтана и иныхъ государей послы и посланники, и гонцы, и Ѳедору и Богдану съ тѣми послы вмѣсте къ шаху не ходити, а хоти и придутъ на дворъ, а увѣдаютъ про то, что иныхъ земель у шаха послы или посланники, и имъ, пришедъ къ шаху, посольства не правити, итти вонъ изъ полаты, а говорити приставомъ, чтобъ имъ шахъ велѣлъ у себя на посольстве быти однимъ, опричь иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ. А передъ посольствомъ приставовъ роспросити: какъ имъ у шаха быть на посольстве и какъ шахъ приметъ? Да и про всякіе тамошніе мѣры роспросити и провѣдывати, что имъ вѣдати.

А какъ Ѳедоръ и Богданъ пойдутъ къ шаху на посольство и учнутъ будетъ имъ приставы говорити, чтобъ имъ съ лошадей сойти не блиско шахова двора или, пришедъ къ шахову двору, велятъ . . . . . [1]) шахова двора, и пришедъ къ шахову двору, кланяютца въ порогъ, и Ѳедору и Богдану говорити приставомъ: то мы и сами знаемъ, какъ намъ, пріѣхавъ къ государскому двору, съ лошадей ссѣсти. А что велите намъ кланятца у шахова двора въ порогъ, и мы присланы къ Аббасъ шахову в—ву, а порогу намъ для чево

[1]) Столбецъ оборванъ.

кланятца? Да ссѣсти съ лошадей, не доезжая воротъ шахова двора, какъ пригоже. А толмачомъ велѣти съ лошадей ссѣсти напередъ себя.

А будетъ приставы или встрѣчники учнутъ говорити, чтобъ они поклонились къ которой полате, потому что въ той полате шахъ сидитъ, или велятъ имъ итти къ шаху въ полату, а поминки, что посланы съ ними отъ государя къ шаху, велятъ нести къ шаху после ихъ, пословъ,— и Ѳедору и Богдану говорити: намъ то въ подивленье, что, не видя государскихъ очей, велите кланятца полате: ни у которыхъ великихъ государей того въ обычее не ведетца; а какъ Аббасъ шахова в. очи увидимъ и тогды ему, государю, челомъ ударимъ; сами мы знаемъ, какъ великимъ государемъ честь воздавати. А которые послы и посланники государя вашего приходили къ великому государю нашему блаженные памяти къ царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. и къ царю Борису, а послѣднее ныне былъ у великого государя нашего, у его ц. в. посланникъ государя вашего Булатъ бекъ, и великій государь нашъ блаженные памяти царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с. и царь Борисъ государя вашего пословъ и посланниковъ, и ныне великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. государя вашего посланника, для Аббасъ шахова в. братцкіе любви, жаловалъ: на посольстве пріималъ честно и поминки отъ Аббасъ шахова в. пріималъ въ любовь при своихъ царскихъ очехъ и во всемъ имъ велѣлъ почесть воздавати. Да одиначно Ѳедору и Богдану у шахова двора въ порогъ и на дворѣ полате не кланятца, и поминки велѣти нести на крыльцо и до шаховы полаты передъ собою по посольскому обычаю.

А будетъ нѣчто приставы учнутъ говорити, чтобъ имъ на посольстве шаха целовати въ ногу, какъ у шаха въ обычее ведетца по тому жъ, какъ иныхъ государей послы шаха целуютъ въ ногу,—и Ѳедору и Богдану говорити: прежъ сего которые послы и посланники были у шаха великого государя нашего дяди блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., и тѣхъ шахъ жаловалъ, звалъ ихъ къ руке. А отъ царя Бориса были у шаха жъ послы князь Александръ Засѣкинъ съ товарыщи, а послѣднее ныне отъ великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. были у шаха посланники Михайло Тихановъ, да подъячей Олексѣй Бухаровъ, и они шаха целовали въ руку жъ, а не въ ногу. А которые послы и посланники и гонцы Аббасъ шахова в. приходили къ великому государю блаженные памяти къ ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. и после того къ царю Борису, и великій государь блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедоръ

Ивановичь в. Р. с. и царь Борисъ шаховыхъ пословъ на посольстве пріимали и почесть имъ для Аббасъ шахова в. велѣли воздавати. И, пожаловавъ ихъ на пріѣзде и на отпуске, звали къ своей царской рукѣ. И нынѣ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. шахова посланника Булатъ бека принялъ честно, пожаловалъ: велѣлъ ему быти у своеѣ царскіе руки. И шахово бъ в—во таково непригожево дѣла вновь не всчинали, тѣмъ къ великому государю нашему нелюбья своего не объявлялъ, чтобъ межь ихъ, великихъ государей, тѣмъ дружба и братцкая любовь и ссылка не урвалась; а не учинитъ по тому шахъ, и намъ посольства не правити. Да однолично о томъ стояти накрепко и въ ногу шаха не целовать.

А нѣчто въ то время шахъ, какъ они придутъ въ Кизылбаши, будетъ въ дороге и велитъ у себя быти на посольстве въ дороге, а самъ будетъ въ то время шахъ учнетъ сидѣти на конѣ,—и Ѳедору и Богдану въ то время къ шаху на посольство не ходити, а говорити приставомъ и къ шаховымъ къ ближнимъ людемъ приказывати, что великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., ихъ царское величество, прислалъ ихъ къ шахову в—ву о добрыхъ дѣлехъ, и нынѣ шахъ дѣлаетъ не по прежнему обычею, велитъ себѣ посольство правити въ дорогѣ, а самъ хочетъ сидѣти на конѣ, и тѣмъ великому государю нашему ихъ царскому величеству нелюбье свое оказуетъ и доброе дѣло и ссылку о братцкой любви хочетъ порушить; а имъ такимъ обычаемъ посольства правити не мочно. И посольства имъ однолично не правити, только шахъ учнетъ сидѣти на лошади.

А будетъ шахъ велитъ Ѳедору и Богдану быти у себя на посольстве въ которомъ городе или и въ дороге въ своемъ государстве на стану, въ шатрѣ, и скажутъ имъ приставы, что имъ быти у шаха однимъ, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ въ то время у шаха не будетъ и шаху сидѣть (?) не на конѣ, а целовати имъ шаха въ руку,—и Ѳедору и Богдану къ шаху на посольство итти, а пришедъ къ шаху, правити отъ государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. шаху поклонъ Ѳедору, а молыти:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р с. *(титулъ)* великому государю въ чести величества изящному и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, Персицкіе и Шерванскіе земли начальнику вамъ, брату своему, Аббасъ шахову в—ву велѣлъ поклонитись и свое царское здоровье велѣлъ сказати, а ваше, брата своего, здоровье велѣлъ видети.

Да подати отъ государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р.

Аббасъ шаху грамота; а съ подворья отъ себя и на шаховъ дворъ вести грамота дьяку Богдану Тимоѳѣеву. А у шаха въ полате государева грамота взяти и подати шаху Ѳедору.

И будетъ Аббасъ шахъ спроситъ о здоровьѣ великого государя царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с.,—и Ѳедору и Богдану молыти: какъ мы поѣхали отъ великого государя нашего, и Божіею милостію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., его ц. в., на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ въ добромъ здоровьѣ.

А послѣ того явити шаху отъ государя поминки, а молыти: Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову в—ву напоминаетца своею любовью поминки. Да подати поминки по росписи.

А после поминковъ говорити рѣчь Ѳедору, а молыть:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ великихъ государствъ государь и облаадатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову в—ву велѣлъ говорити: въ прошломъ во 123-мъ году прислалъ еси къ нашему царскому в—ву со своею грамотою посланника своего птичника Булатъ бека. И мы, великій государь, для васъ, брата нашего любительного Аббасъ шахова в—ва посланнику вашему Булатъ беку велѣли наши царскіе очи видети вскоре и грамоту вашу, брата нашего, приняли и выслушали любительно. А въ грамоте своей къ нашему ц. в. вы, братъ нашъ, писали: какъ учала быть ссылка и братцкая любовь межь дядею нашимъ блаженные славные памяти великимъ государемъ, ц. и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. с. и межь тобою, великимъ государемъ, шаховымъ в—мъ первое—посломъ Григорьемъ Васильчиковымъ, и съ тѣхъ мѣстъ и по се время тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву со всѣми великими російскими государи, предки нашими, никоторого дурна, окромѣ дружбы и любви не бывало. А какъ въ смутное время нашего ц. в. въ вотчине въ Астрахани назывались государскимъ именемъ воры, и ты, братъ нашъ, того не вѣдая, чая въ томъ правды, по прежнему обычею похотя нашего великого Російского государства зъ государи дружбы, изо устъ своихъ слово испустилъ: въ Астрахань казны своей дать хотѣлъ. А какъ отъ насъ, великого государя, къ вамъ, брату нашему, шахову в—ву пришелъ посланникъ нашъ съ нашею любительною грамотою, и отъ нево тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву про насъ, великого государя, что мы, великій государь, учинились на нашихъ

великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. самодержцемъ, вѣдомо учинилось, и вы, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. тому порадовались сердечною радостію и хотите съ нами, великимъ государемъ, быти въ сердечной братцкой дружбе и любви свыше прежнихъ великихъ государей царей и в. кн. російскихъ, и послали къ нашему ц. в. съ своею любительною грамотою вѣрпово своего человѣка, птичника своего Булатъ бека; а намъ бы, великому государю, также съ тобою, братомъ нашимъ, великимъ государемъ шахъ Аббасовымъ в—мъ о братственной любительной дружбе ссылка держать. А какъ до нашего ц. в. съ вашего, брата нашего, шахъ Аббассова в. грамотою Булатъ бекъ дойдетъ, и намъ бы, великому государю, у себя задержать ево не велѣть, а велѣти бъ ево къ вамъ, великому государю, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву отпустити тотчасъ, чтобъ тебѣ, брату нашему, слыша про наше ц. в. здоровье, радоватца. А будетъ которое дѣло намъ, великому государю, до васъ, брата нашего, шахъ Аббасова в. и до вашего государства, и намъ бы, великому государю, о томъ тебѣ, брату нашему, вѣдомо учинить, и то дѣло нашего ц. в. все такъ учинитца. А посланникъ вашъ Булатъ бекъ отъ васъ, шахова в—а, поздравлялъ насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія; а рѣчью говорилъ о томъ же, что вы, братъ нашъ, къ нашему царскому в. и въ грамоте своей писали, что ты, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в., похотя съ нами, великимъ государемъ, быти въ братственной и въ любительной дружбе свыше прежнихъ російскихъ государей, послалъ ево къ намъ, великому государю, съ своею любительною грамотою поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, и велѣлъ намъ, великому государю, известить, чтобъ намъ, великому государю, ево въ нашемъ государстве задержать не велѣть, а велѣть ево отпустить къ вамъ, брату нашему, не задержавъ. А ты, великій государь братъ нашъ, шахъ Аббасово в. пришлешь къ намъ, великому государю, большихъ своихъословъ съ большимъ поздравленіемъ и съ любительными поминки. Да посланникъ же вашъ, брата нашего, говорилъ нашимъ приказнымъ людемъ втайне, что присланъ онъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, отъ ш. Аббасова в. о братственной дружбе и о любви, что хочешь ты, братъ нашъ, съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкомъ братстве и въ любви на веки неподвижно, и на всякого нашего недруга хочешь стоять заодно: хто будетъ намъ, великому государю, другъ,

тотъ и тебѣ, брату нашему, великому государю, ш. Аббасову в. другъ; а кто намъ, великому государю, недругъ, тотъ и тебѣ, брату нашему, недругъ. И намъ бы, великому государю, быти съ тобою, братомъ нашимъ, по тому жъ въ крѣпкомъ братстве и въ дружбе и въ любви. А напередъ посланника твоего Булатъ бека присылалъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, зъ грамотою въ прошломъ же во 123-мъ году гилянецъ Хозя Муртоза и говорилъ въ розговорехъ нашимъ приказнымъ людемъ: будетъ намъ, великому государю, противъ нашихъ недрузей надобно на помочь какіе казны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, къ тебѣ отписати или приказать, не стыдясь, и ты, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. намъ, великому государю, ни за что не постоишь, тотчасъ къ намъ, великому государю, пришлешь. И мы, великій государь, васъ, брата нашего, великого государя, шахъ Аббасово в—во въ томъ похваляемъ, что ты, помня прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей россійскихъ, дяди нашего блаженные славные памяти ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. и царя и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р. братственную дружбу и любовь, и ссылку, ныне съ нами, великимъ государемъ, хочешь быти въ братственной дружбе и въ любви и свыше того и на всякого недруга хочешь стояти съ нами, великимъ государемъ, за одно, и казною своею и людьми намъ, великому государю, хочешь на недруговъ нашихъ помогать. И вы бъ, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в., какъ есть великій государь, братъ нашъ, какъ къ намъ, великому государю, въ грамоте своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершалъ, на томъ бы своемъ слове крѣпко стоялъ: былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви на веки неподвиженъ и на всякого нашего недруга стоялъ съ нами, великимъ государемъ, заодно. А мы, великій государь, по тому жъ съ тобою, братомъ нашимъ, шахъ Аббасовымъ в—мъ хотимъ быти въ крѣпкой братственной дружбе и любви и въ ссылке безъ урыву, мимо всѣхъ великихъ государей, на то нашего царского в. мысль крѣпко утвердилась. А ныне нашего ц. в. у васъ, брата нашего, прошенье то: вѣдомо тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в. подлинно изъ нашіе царского в—ва грамоты, что писали есмя къ вамъ съ посланникомъ нашимъ, съ Михайломъ съ Тихановымъ, и отъ посланника нашего, отъ Михайла, и отъ гонцовъ, и отъ твоихъ, брата нашего, торговыхъ людей, которые были въ нашихъ государствахъ, каковъ нашему ц. в. недругъ польской Жигимонтъ король, черезъ многое свое и пословъ своихъ и посланниковъ крестное целованье государства нашего многіе

мѣста и самой царствующій градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ, предковъ нашихъ, за много лѣтъ собраніе розграбили и многіе неисчетные крови пролили, и землю запустошили: мы, великій государь, царствующаго града Москвы одни стѣны взяли и тѣ разорены. И съ польскимъ королемъ за многіе грубости и неправды войну ведемъ и недружбу ево ему доводимъ, и вамъ бы, брату нашему, къ намъ начало своей братцкіе любви объявити: противъ нашего недруга польского короля нашему царскому в-ву вспоможенье учинити своею казною.

Діаку Богдану Тимоѳѣеву:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ тебѣ, шахъ Аббасову в., говорити: а послали есмя къ тебѣ, брату нашему, съ сею нашею любительною грамотою просити вспоможенья посланниковъ нашихъ Ѳедора Исаковича Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева, и посланника вашего Булатъ бека съ ними же къ вамъ, брату нашему, отпустили, а хотѣли были есмя посланниковъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, послати и вашего посланника отпустити тотчасъ вскоре, да подержали затѣмъ: выжидали есмя совершенья дѣлу, что межь насъ, великого государя, и недруга нашего польсково короля учинитца, чтобъ къ тебѣ, брату нашему, съ подлинною вѣстью отпустити, да еще межь насъ на мѣре не стало. И вы бъ, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в—во къ намъ, великому государю, начало братственные сердечные любви показалъ, того нашего посланника Ѳедора да дьяка Богдана къ намъ отпустилъ, не задержавъ, и своево большого посла ближнево человѣка къ намъ съ ними вмѣсте прислалъ и казны денежные къ намъ съ ними, что у васъ, великого государя, лучилося, къ намъ съ нашими посланники и съ своимъ посломъ прислалъ, чѣмъ намъ противъ недруга нашего стояти и недружба его ему мстити, и о всемъ бы еси посломъ своимъ къ нашему царскому величеству подлинно наказалъ, какъ вашему величеству съ нами, великимъ государемъ, впередъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви на веки неподвижно. и какихъ узорочей, что ведетца въ нашихъ государствахъ, къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ пришлете, послати. А какъ нашего царского в. посланники и твой, брата нашего, посолъ у нашего ц. в. будутъ, и мы, великій государь, велимъ нашимъ думнымъ людемъ съ твоимъ, брата нашего, посломъ о всякихъ добрыхъ дѣлехъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межь собою въ братцкой любви и въ дружбе на веки неподвижно. И посла

твоего къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не задержавъ, и своего большого посла къ вамъ, брату нашему, пошлемъ. И будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбе и любви мимо всѣхъ великихъ государей на веки неподвижно. Да говорилъ нашего ц. в. приказнымъ людемъ посланникъ вашъ Булатъ бекъ, что многіе посланники и гонцы посланы отъ васъ, брата нашего, отъ шахъ Аббасова в. къ прежнимъ російскимъ государемъ и нынѣ они въ нашихъ государствахъ задержаны, а живутъ въ Казани и въ Нижнемъ и в-ныхъ городѣхъ, а отпуску имъ отъ насъ, великого государя, нѣтъ. И будетъ они живутъ по нашему указу, и намъ бы, великому государю, велѣти къ тебѣ, брату нашему, отпустить; а будетъ которые живутъ самовольствомъ, и намъ бы, великому государю, для твоей, брата нашего, великого государя шахъ Аббасова в. брацкіе дружбы и любви велѣти ихъ изъ своихъ городовъ къ тебѣ, брату нашему, выслать.

Федору Исаковичю:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, велѣлъ тебѣ, брату своему, шахъ Аббасову в. говорити: и которые твои, брата нашего, люди въ нашихъ государствахъ позажились были за дорогою, что на Асторохань было пройти нельзя, что Асторохань была въ воровской смуте, посланникъ Мурши Кулы бекъ да гонецъ Мигибъ бекъ, и мы ихъ нынѣ отпустили къ вамъ, брату нашему, съ посланники нашими и съ твоимъ посланникомъ, съ Булатъ бекомъ, вмѣсте.

А нѣчто шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити, что государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. къ шаху прислалъ малые поминки, а отъ прежнихъ великихъ государей московскихъ, отъ царя и в. кн. Ѳедора Иваповича в. Р. и отъ царя Бориса поминки бывали большіе,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити, чтобъ шахову в—ву въ большихъ поминкахъ на царское величество не подосадовать: вѣдомо шахъ Аббасову в—ву подлинно изъ великого государя нашего грамоты, что послана къ нему царского в—ва съ посланникомъ съ Михайломъ Тихановымъ, и отъ посланника отъ Михайла, и отъ гонцовъ, и его шахова в. отъ торговыхъ людей, которые были въ Російскихъ государствахъ, какъ польской Жигимонтъ король черезъ многое свое и пословъ своихъ и посланниковъ крестное целованье великихъ Російскихъ государствъ многіе мѣста и самой царствующій градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ за много лѣтъ собранье розграбили, и многіе неисчетные крови пролили и землю запустошили; а великій государь

нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. царствующій градъ Москву одни стѣны взялъ и тѣ разорены. Да и по ся мѣста после того разоренья у великого государя нашего въ его царского в—ва казнѣ всякихъ узорочей въ собранье мало. А что нынѣ у великого государя нашего после разоренья польскихъ и литовскихъ людей лучилось, и царское в—во къ брату своему, великому государю вашему, то и прислалъ. А какъ, ажъ дастъ Богъ, великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и великій государь Аббасъ шахово в—во учинятца межь себя въ братцкой любви и въ дружбе, а съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ царское в. управитца, и царское в—во брату своему Аббасъ шахову в., по его любви смотря, своею царскою любовью будетъ воздавать, великій государь нашъ его ц. в., государь мудрой, разумной, милосердой, Богомъ украшенъ во всемъ свыше человѣкъ, знаетъ, какъ брату своему з(а) его любовь противъ воздаяніе учинить. А и нынѣ царское в. поминки послалъ честные, какъ есть брату своему: ни хъ кому царское в. птицъ въ поминкахъ не посылаетъ опричь шахова величества.

А нѣчто Аббасъ шахъ будетъ гдѣ въ походе и велитъ имъ быти у себя на посольстве въ дороге въ шатрѣ, и имъ къ шаху въ дороге въ шатры итти и посольство правити по сему-жъ государеву наказу. А будетъ Аббасъ шахъ позоветъ ихъ къ себѣ ѣсти,—и Ѳедору и дьяку Богдану къ Аббасъ шаху ѣсти ѣхать; а о томъ приказывать съ приставы, чтобъ въ то время, какъ имъ у шаха ѣсти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ не было, а ѣсти бъ имъ у шаха однимъ. Да будетъ въ то время у шаха будутъ иныхъ государей послы и посланники, и имъ къ шаху за столъ не ходить. А имянно провѣдывать о турскомъ посланнике и гонцѣ, чтобъ имъ однолично съ турскимъ вмѣстѣ у шаха не быть.

Да какъ после посольства велитъ будетъ шахъ быти имъ у себя на дворѣ и вышлетъ къ нимъ ближнихъ своихъ людей говорити о дѣлехъ, и учнутъ шаховы ближніе люди говорити, что говорили они на посольстве, чтобъ шахову в—ву съ государемъ вашимъ быти въ братцкой дружбе, и шахово в. съ царскимъ величествомъ въ братцкой дружбе и въ любви, и въ соединеньѣ, и въ докончаньѣ быти хочетъ, только бъ объявити: на которой мѣре тому сстатися,—и Федору и Богдану говорити: великій государь нашъ, его ц. в., прислалъ насъ къ шахову в—ву для того: присылалъ къ великому государю нашему, къ его ц. в., великій государь вашъ шахъ Аббасово в. посланника своего Булатъ бека поздравляти великого государя нашего на его великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, а въ грамоте своей къ великому

государю нашему шахово в. писалъ и рѣчью посланникъ его Булатъ бекъ говорилъ, что шахово в. хочетъ быти съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братстве и въ любви на вски неподвижно и на всякого недруга хочетъ стоять за одно: хто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и великому государю вашему шахъ Аббасову в—ву другъ; а хто великому государю нашему недругъ, тотъ и великому государю вашему шахъ Аббасову в. недругъ. И великому бъ государю нашему быти съ великимъ государемъ вашимъ по тому жъ въ крѣпкомъ братстве и въ любви. А напередъ посланника Булатъ бека присланъ къ великому государю нашему отъ великого жъ государя вашего зъ грамотою гилянецъ Хозь Муртоза и говорилъ въ розговорехъ царьского в. приказнымъ людемъ: будетъ великому государю нашему противъ его ц. в. недрузей надобно на помочь какіе казны или ратныхъ людей, и великому бъ государю нашему къ шахову в. о томъ отписать или приказать, не стыдася, и великій государь вашъ шахъ Аббасово в. великому государю нашему ни за что не постоитъ, тотчасъ великому государю нашему пришлетъ. И великій бы государь вашъ шахъ Аббасово в., какъ къ великому государю нашему въ грамоте своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершилъ, на томъ своемъ слове крѣпко стоялъ: былъ съ великимъ государемъ нашимъ въ крѣпой братственной дружбе и въ любви на веки неподвиженъ и на всякого царьского в. недруга стоялъ съ великимъ государемъ нашимъ заодно. А нынѣ бъ великій государь вашъ шахъ Аббасово в. къ великому государю нашему начало своей братцкіе любви объявилъ, противъ царьского в. недруга, польского короля, его царскому в—ву вспоможенье учинилъ своею казною, и ихъ бы царьского в. посланниковъ, Ѳедора и дьяка Богдана, съ тѣмъ отпустилъ къ великому государю нашему, не задержавъ, и своего большого посла ближнего человѣка къ великому государю нашему съ ними вмѣсте прислалъ, и казны денежные, что у великого государя вашего лучилось, къ великому государю нашему съ ними вмѣсте и съ своимъ посломъ прислалъ, чѣмъ великому государю нашему противъ его царьского в. недруга стоять и недружба его ему мстить. И о всемъ бы великій государь вашъ посломъ своимъ къ царьскому в. подлинно наказалъ, какъ царьскому в—ву съ великимъ государемъ вашимъ впередъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви на веки неподвижно. А какъ великого государя вашего посолъ у царьского в. будетъ, и великій государь нашъ велитъ своего царьского в—ва думнымъ людемъ великого государя вашего съ посломъ о всякихъ о добрыхъ дѣлехъ говорити и становити, какъ имъ, великимъ государемъ,

межь собою быти впередъ въ братцкой любви и въ дружбе на веки неподвижно, а больши того имъ у шахова в. дѣлать и закреплять ничего не указано: такіе великіе дѣла, какъ государемъ межь себя въ дружбе впередъ быти, дѣлаютъ межь государей великіе послы.

Да однолично Ѳедору и Богдану съ шаховыми ближними людьми ни о чемъ не дѣлать и не закреплять, а говорити, чтобъ шахъ о большихъ дѣлехъ, какъ ему зъ государемъ впередъ быти, слалъ къ царскому в. съ ними вмѣсте своево ближнего человѣка, о всемъ съ нимъ наказавъ подлинно, какъ ему съ царскимъ в. въ братственной дружбе и въ любви быти, и царское в. о всемъ велитъ съ шаховымъ ближнимъ человѣкомъ своимъ царского в. думнымъ людемъ говорити и утвердити, какъ имъ, государемъ, межь себя въ дружбе и въ любви впередъ быти; а царского в—ва мысль на то крѣпко утвердилась, что хочетъ съ шаховымъ в. быть въ крѣпкомъ братстве и въ дружбе и въ любви на веки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди вспросятъ: пишетъ царское в. къ шаху о казнѣ на помочь противъ своего недруга, и вы о томъ говорите,—какъ нынѣ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. съ польскимъ королемъ? даетъ ли ему, государю, Богъ помощь надъ его недругомъ? И Федору и дьяку Богдану говорити шаховымъ ближнимъ людемъ: какъ волею всемогущаго Бога великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., по племяни великихъ государей ц. и в. кн. російскихъ и по избранью всѣхъ людей Російскихъ государствъ, учинился на великихъ Російскихъ государствахъ великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с., и Божіею милостію, а своимъ царьскимъ счастьемъ и премудрымъ разумомъ государства свои правитъ мирно и не мятежно, и другомъ своимъ дружбу, а недругомъ недружбу доводитъ и польскихъ и литовскихъ людей изъ великихъ Російскихъ государствъ его царьскимъ счастьемъ его царьского в—ва бояре и воеводы выгнали и его царьского в—ва городы Російского государства, которые были въ смутное и въ безгосударное время засѣли польскіе и литовскіе люди, очистили и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили и живыхъ лутчихъ полковниковъ и ротмистровъ въ полонъ поимали больши 8.000 человѣкъ. И всѣ его царьского в. государства подъ его царьскою высокою рукою въ соединеньѣ учинились и его царскому в—ву служатъ съ радостью. А хоти и не вспросятъ, и Ѳедору и Богдану и самимъ въ розговорехъ къ слову о томъ выговорити.

И будетъ учнутъ ихъ спрашивати: колько государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. на помочь казны надобно, и они бъ объявили,

а шахово в—во за то брату своему не постоитъ,—и Ѳедору Исаковичю и дьяку Богдану Тимооѣеву говорити: имянно съ нами о томъ царского в—ва приказу нѣтъ, только велѣлъ намъ царское в. брату своему Аббасъ шахову в. о томъ говорити, чтобъ его, государя, для братцкіе любви ссудилъ казною; а въ томъ шахъ воленъ: чѣмъ государя нашего ссудитъ, то государь нашь царское в—во шаху и заплатитъ. Царское в—во ратнымъ своимъ людемъ, которые стоятъ противъ литовского, даетъ своего государева годового жалованья на годъ на два срока по 400.000 рублевъ—то стрельцомъ и казакомъ, опричь дворянъ и детей боярскихъ. Только съ нами о томъ не наказано, чего у шахова в—ва просити.

И будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что шахъ царское величество деньгами ссудитъ, только бъ было чему вѣрити, и учнутъ имъ говорити, чтобъ они въ томъ дали запись и крестъ на томъ целовали, что государю тѣ деньги заплатити, и учнутъ приговаривать сроки, или учнутъ говорити, чтобъ въ томъ далъ государь въ закладъ Астарахань, чтобъ они Астарахань въ закладъ записали и крестнымъ целованьемъ утвердили,—и Ѳедору и Богдану говорити: съ нами о томъ не наказано, колько казны просити и какъ въ томъ крепитца, и намъ мимо государя своего наказъ собою ничего дѣлать пельзя; а послалъ бы шахово в. казну съ ними вмѣсте съ своими большими послы, зъ ближними людьми, и съ ними бъ о томъ наказалъ, какъ въ той казнѣ съ царскимъ в—мъ крепитца, и царское величество велитъ о томъ съ ними своимъ бояромъ ближнимъ говорити и закрепити; а царское в. государь праведной, премудрой, слово ево царское инако, что молвитъ, не бываетъ, въ томъ съ шаховымъ в—мъ въ нелюбьѣ быти не похочетъ, заплатити шаху тое казну по договору велитъ тотчасъ узорочными товары, которые въ его государстве ведутца.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити: какъ въ Астарахани былъ воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою и присылалъ воръ Ивашко Зарутцкой къ шахову в. съ тѣмъ, бутто онъ пришелъ въ Астарахань зъ государскимъ сыномъ, и шахову бъ в—ву за него вступитца и Московского государства людемъ ево не подать, и шахово в. ему не повѣрилъ, помочи никакіе ему не учинилъ и тѣхъ посланниковъ, которые къ шахову в. присланы были отъ Ивашка Зарутцкого, Ивана Хохлова съ товарыщи, къ государю отослалъ, и нынѣ бъ царьское в. за тое его братцкую дружбу и любовь свою любовь показалъ, поступился Астарахани шахову в—ву, а шахово в—во и впередъ царскому величеству противъ его недруговъ своею казною помогати станетъ и

будетъ въ крѣпкой дружбе и въ любви, а Астарахань искони вѣкъ мусульманского закону и цари въ ней бывали мусульманскіе вѣры; а взялъ Астарахань царь и в. кн. Иванъ Васильевичь в. Р. не въ давныхъ лѣтехъ,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити шаху или его ближнимъ людемъ: то онъ великій государь шахъ Аббасово в. учинилъ, какъ есть великій и преславный государь, что такой воровской смуте не повѣрилъ и помочи ему никакіе не учинилъ, и великій государь нашъ его ц. в. за то будетъ его шахову в. противъ воздавать своею царьскою братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. А Астарахани чтобъ великому государю нашему его ц. в. поступитись шахову в—ву, и говорити непригоже, да и дѣло то не статочное: Астарахань за великими государи нашими изъ давныхъ лѣтъ, а бывали на Астарахани цари изъ рукъ государей нашихъ; а блаженные памяти при великомъ государе ц. и в. кн. Иване Васильевичѣ в. Р. астараханскіе цари учали быть непослушны, и за ихъ неправды великій государь, блаженные памяти ц. и в. кн. Иванъ Васильевичь в. Р., къ Астарахани посылалъ бояръ своихъ и воеводъ со многими людьми, и Астарахань ему, государю, Богъ поручилъ. И съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста Астараханское государство было все за великими государи нашими цари російскими. Да и ныне зъ Божіею помощію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. отчину свою Астараханское государство можетъ подъ своею царьскою высокою рукою держать, и шахово бъ в—во къ великому государю нашему къ его ц. в. тѣмъ нелюбья не казалъ: о томъ, чему нелзя статися, о Астарахани, говорити не велѣлъ. Великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. на шахова в—ва любовь былъ надеженъ и, смотрячи по прежней его ссылке зъ дядею великого государя нашего съ царемъ и в. кн Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. с. и съ царемъ Борисомъ и по нынешней присылке къ великому государю нашему, что шахово в—во писалъ и словомъ зъ гилянцомъ своимъ, съ Хоземъ Муртозою, и съ послашникомъ зъ Булатъ бекомъ приказывалъ, а хотѣлъ съ великимъ государемъ нашимъ съ его ц. в. быти въ братцкой дружбе и въ любви на веки неподвиженъ, не токмо Астарахани у великого государя нашего себѣ просилъ, и своихъ городовъ, Шамахи и Дербени, хотѣлъ великому государю нашему, для братцкіе дружбы и любви поступитись,—чаялъ великій государь нашъ въ шахове величестве всего добра. А ныне, невѣдомо какими обычаи, вы, шахова в. ближніе люди, говорите, чего недругъ недругу не дѣлаетъ, и шахово бъ в. и въ мысли себѣ того не держалъ, что царьскому в—ву Астарахани поступитца. Мы о томъ отъ государя

своего и говорити страшимся. Да и вамъ, ближнимъ людемъ, пригоже о томъ шахову в—ву говорити, чтобъ шахово в—во съ государемъ нашимъ недружбы не вчиналъ, о Астарахани такихъ словъ говорити не велѣлъ, и того бъ они въ мысли не держали.

А нѣчто шаховы ближніе люди учнутъ спрашивати, чтобъ имъ „ “ сказали подлинно, какими обычеи въ Російскихъ государствахъ смута сталася отъ польскихъ и литовскихъ людей, и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и литовскихъ людей свободилъ, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: какими обычаи въ Російскихъ государствахъ смута сталась отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и литовскихъ людей свободилъ, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и о томъ о всемъ подлинно писалъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. къ брату своему, къ великому государю ихъ, къ шахъ Аббасову в., въ грамоте своей съ посланники своими, съ Михайломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ, да и рѣчью, чаютъ, въ разговорехъ шахову в—ву и имъ, ближнимъ людемъ, царьского в—ва посланники, Михайло и Олексѣй, про то про все объявляли же и имъ про то про все и до нихъ вѣдомо. А будетъ они и отъ нихъ нынѣ про то похотятъ вѣдати, и они имъ про то роскажутъ подлинно жъ: какъ Божіимъ судомъ великого государя царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., нынешняго великого государя нашего дяди, въ животѣ не стало, оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженство. А после его, великого государя, по избранью Московского государства всякихъ чиновъ людей былъ на Московскомъ государстве и на всѣхъ великихъ государствахъ Російского царствія ц. и в. кн. Борисъ Ѳедоровичь в. Р., и въ прошломъ во 109-мъ году присылалъ къ царю Борису Жигимонтъ король польской и литовской пословъ своихъ великихъ, канцлѣра великого княжества Литовского Льва Сопѣгу съ товарыщи, и приговорили тѣ послы царьского в—ва съ бояры перемирье межъ государемъ ц. и в. кн. Борисомъ и межъ Жигимонтомъ, королемъ польскимъ и литовскимъ, и межь великихъ государствъ на дватцать на два года съ лѣта 7109-го по лѣто 7131-й годъ. И то перемирье царь Борисъ и Жигимонтъ король крестнымъ целованьемъ своими душами закрепили, что было въ тѣ перемирные лѣта государемъ и государству съ государствомъ быти въ миру и въ дружбе и въ любви,

а войны и никоторые недружбы не всчинать и людей въ землю Московского государства не всылать, и черезъ свою землю никакихъ воинскихъ людей не пропускати, и недругомъ никакими людьми и казною не вспомогать. И после того укрепленья вскоре нѣкоторой воръ чернецъ еретикъ, именемъ Гришка Отрепьевъ, изъ Московского государства за нѣкоторые за злые свои богомерскіе дела збежалъ въ Литву и, скинувъ съ себя черное платье, и врагомъ рукописаніе на себя далъ: аще пріиметъ царьскій престолъ, то отъ Бога отлученъ будетъ. И назвался царевичемъ Дмитреемъ углетцкимъ, дѣда великого государя нашего великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ; а царевича Дмитрея углецкого не стало до того времени за тринатцать лѣтъ. И какъ тотъ воръ ростригa пришолъ въ Литву и по совѣту и умышленью польсково радново пана воеводы сендомирсково Юрья Мнишка пристали къ тому вору князь Адамъ да князь Костянтинъ Вишневетцкой, да острянской староста Михайло Ратомской и иные многіе польскіе и литовскіе люди, и привели того вора Гришку ростригу къ Жигимонту королю, именуючи его государьскимъ сыномъ, бутто они про него подлинно вѣдаютъ, что онъ сынъ великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. царевичь Дмитрей углетцкой; а тотъ воръ билъ челомъ королю о помочи, чтобъ ему быти на Московскомъ государстве государемъ. И король Жигимонтъ, поруша мирное постановенье и преступивъ свое крестное целованье, что утверженo было съ царемъ Борисомъ ихъ душами, тому вору на вспоможенье далъ многую казну и людей противъ царя Бориса и Московского государства. А воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ зговорилъ за того вора дать дочь свою Марину, которая была съ воромъ с-Ивашкомъ Зарутцкимъ въ Астарахани, и многую ему казну на вспоможенье далъ, и самъ съ нимъ на украйну Московского государства съ ратными людьми пошолъ. И пришолъ тотъ воръ Гриша Отрепьевъ и воевода сендомирской со многими съ польскими и съ литовскими людьми на украину Московского государства въ Сѣверскіе городы безвѣстно. А царь Борисъ, вѣдаючи мирное постановенье и межь собою съ Жигимонтомъ королемъ о томъ укрепленье, въ Сѣверскихъ городехъ отъ Литовскіе украйны прибыльныхъ ратныхъ людей не держалъ. И тотъ воръ нѣкоторые Сѣверскіе городы, оплона, взятьемъ взялъ; а иныхъ городовъ Московского государства учалъ доступать, и грамоты король учалъ отъ себя писать на смуту во всѣ городы Московского государства ко всякимъ людемъ, именуючи того вора великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ, царевичемъ Дмитресмъ углетцкимъ, чтобъ противъ его не стояли. И отъ того ихъ

смутного письма въ украинныхъ въ дальнихъ городѣхъ незнающіе простые люди изъ Дону и съ Волги, и съ Яика воры казаки почали быть въ смуте, къ тому вору приставать. А многіе люди Московского государства, помня Бога и свои души, на чомъ царю Борису правду учинили, крестъ целовали и вѣдая про царевичеву княжь Дмитрееву Ивановича смерть, противъ того вора и польскихъ и литовскихъ людей стояли и съ ними билися во многихъ мѣстехъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ то же время Божіимъ судомъ царя и великого князя Бориса Ѳедоровича в. Р. въ животѣ не стало и въ государствѣ Московскомъ учала быть рознь и межьусобная брань, и кровопролитье. Которые повѣрили такой смуте, и къ тому вору пристали многіе люди и бояръ и воеводъ, которые были въ полкехъ и по городомъ, связавъ, къ тому вору приводили и вражьимъ дѣйствомъ, а умышленьемъ и вспоможеньемъ Жигимонта короля польсково и литовского тотъ воръ дошелъ до царствующаго града Москвы, и злокозненымъ дьявольскимъ дѣйствомъ тотъ воръ богоотступникъ еретикъ и царьского престола достигъ, и государемъ московскимъ именовался. А съ нимъ пришли въ царствующій градъ Москву многіе польскіе и литовскіе люди. И учинясь на Московскомъ государстве тотъ воръ государемъ, многихъ бояръ и воеводъ, и всякихъ людей по городомъ въ заточенье розослалъ, а иныхъ смертными казньми казнилъ. А потомъ къ тому вору пришелъ изъ Литвы воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ со многими польскими и литовскими людьми; а привезъ съ собою воевода сендомирской, по договору съ тѣмъ воромъ, дочь свою Марину и далъ ему въ жену. Да съ воеводою жъ сендомирскимъ вмѣсте пришли отъ короля къ тому жъ вору послы Миколай Олешницкой, кашпелянъ Мологотцкой, да Александръ Гасевской, дворянинъ королевской, поздравляючи его на государстве и объявляючи ему король свою дружбу, что онъ учинился на Московскомъ государстве его королевскимъ вспоможеньемъ. И будучи на Москвѣ, польскіе и литовскіе люди по велѣнью того вора почали вѣре крестьянской многое поруганье чинити и Московского государства людемъ многое насильство дѣлали. И умыслилъ былъ тотъ воръ, Гришка, съ поляки митрополитовъ и архіепископовъ, и бояръ, и воеводъ, и всякихъ чиновъ людей лутчихъ побити, а Московское государство къ Польше и къ Литвѣ прилучити, а нашу истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона разорити, а свою латынскую вѣру утвердити, а государство Московское великое и широкое изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Сибири и изъ Астарахани, и из-иныхъ мѣстъ въ годъ одва пріезжаютъ, и многіе ратные люди въ то время были въ такихъ въ дальнихъ мѣстехъ. А

которые Московского государства люди были въ Московскомъ государстве и вѣдали про того вора, да стати противъ его не могли: служилые всѣ люди были въ отъѣзде. А какъ служилые и всякихъ чиновъ люди съѣхались изъ дальнихъ мѣстъ и, соединясь единомышленно и облича того вора, по его злымъ воровскимъ дѣломъ злой смерти предали; а воеводу сендомирского зъ дочерью и его пріятелей Вишневетцкихъ и иныхъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей бояре отъ смерти уберегли. А посломъ королевымъ ни въ чемъ никоторого бесчестья не учинено и честь имъ была, и кормъ давали по посольскому обычаю по прежнему, безъ убавки. И вскоре по убивке того вора Московского государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ люди служилые и земскіе изобрали на Московское государство и на всѣ государства Російского царствія государемъ изъ бояръ отъ рода суздальскихъ князей князя Василья Ивановича Шуйсково. И учинясь на государстве, царь и в. кн. Василей Ивановичь в. Р. послалъ въ Литву къ Жигимонту королю посланниковъ своихъ князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова, объявляючи ему про свое государство и припоминая ему его неправду, какъ онъ свое крестное целованье преступилъ и мирное постановенье порушилъ, такую смуту и напрасное кровопролитіе въ людехъ учинилъ, и прислалъ бы къ нему пословъ своихъ, наказавъ имъ подлинно, какъ такіе великіе неправды, которые учинились съ его сторону, исправити и многіе неисчетные убытки, которые учинились отъ него Московскому государству, заплатити. И Жигимонтъ, король польской, съ тѣми посланники къ царю Василью писалъ и приказывалъ, что онъ о всякихъ добрыхъ дѣлехъ шлетъ къ нему своихъ посланниковъ и къ посломъ своимъ, которые въ то время были на Москвѣ, подлинной указъ свой пришлетъ, какъ имъ о всякихъ о добрыхъ дѣлехъ договоръ учинити и становити. И присылалъ къ царю Василью Жигимонтъ король посланниковъ своихъ Станислава Литовского, Войского Парцовского, да князя Яна Здрутцка Соколинского, секретарей своихъ; а самъ король и паны рада, умысля Московское государство разорити больши прежнего, устремилися въ Московскомъ государстве смуту дѣлати и кровь напраспую проливать, велѣлъ пустить славу во всѣ пограничные мѣста Московского государства и на Донъ хъ казакомъ, бутто тотъ воръ, которой былъ на Москвѣ государемъ, съ Москвы уполъ и у нихъ въ Польшѣ, а въ его мѣсто бутто убитъ нѣкоторой литвинъ. Да умысля и изыскавъ, выслалъ на украину Московского государства въ Сѣверскую землю иного вора родомъ жидовина, называючи его царемъ, тѣмъ же именемъ, которымъ прежней воръ рострига назывался Дмитреемъ,

бутто тотъ воръ съ Москвы отъ убивства убежалъ. А къ нему пришли на украйну по королевскому велѣнью князь Романъ Ружинской да Александръ Збаровской, да князь Адамъ Вешневетцкій, да Янъ Петръ Сапѣга, да Самойло да Янъ Тишкѣевичи, именуючися гетманы и полковники и иные полковники и ротмистры со многими польскими и съ литовскими людьми и почали розсылати смутные грамоты во всю Сѣверскую землю по городомъ и по мѣстамъ, именуючи тово вора прежнимъ воромъ Дмитреемъ, и многіе малодушные сѣверскихъ и украинныхъ городовъ казаки и боярскіе холопи, и худые люди такимъ ихъ смутнымъ грамотамъ повѣрили; а иные, видя отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей себѣ разоренье и войну, къ тому вору пристали, и почала быть въ людехъ рознь и кроворозлитье болши прежнево, и многіе городы сѣверскіе, и отъ Польскіе украйны тому другому вору почали здаватца для многіе войны и разоренья отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей. А потомъ тотъ воръ, собрався съ польскими и съ литовскими со многими людьми и съ казаки, и съ черкасы, устремились итти подъ царствующій градъ Москву и, пришедъ блиско Москвы, табаромъ сталъ, и по городомъ въ уѣзды войну роспустилъ, и почали Московское государство разоряти, села и деревни жечь и людей въ полонъ имать, а иныхъ побивать и грабить, и кровь напрасную проливать безъ милости, и къ царьствующему граду Москвѣ приступать. А которые послы и посланники Жигимонта короля въ то время были на Москвѣ и они, по приказу Жигимонта короля, и видя такое разоренье Московскому государству, никоторово доброво дѣла не дѣлали, хъ королю о его неправде не посылали и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые пришли съ воромъ, отъ кроворозлитія не унимали, а говорили многіе высокіе мѣры, и говоря много съ бояры по многіе дни съезжалися, приговорили перемирье межъ царемъ Васильемъ и польскимъ Жигимонтомъ королемъ и межь ихъ государствъ вновь на четыре годы на томъ, что царю Василью отпустити въ Литву воеводу сендомирсково съ дочерью и всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые задержаны были на Москвѣ въ ихъ неправдахъ. А королю было, какъ отъословъ вѣсть къ нему придетъ, польскихъ и литовскихъ людей, которые съ воромъ, изъ Московского государства вывести всѣхъ до одноью человѣка. А о большихъ дѣлехъ, о договоре, какъ тѣ нарушеные дела исправити, и о убыткахъ, что учинилося Московскому государству отъ короля, слати на съѣздъ на рубежъ съ обе стороны большихъословъ и о всемъ о добромъ дѣле договоръ учинити и поставити. Да на томъ на всемъ царь Василей литовскому Жигимонту королю на перемирной

грамоте крестъ целовалъ; а за короля послы его и посланники крестъ целовали. И отпущены тѣ послы и послапники королевы отъ царя Василья съ честью по прежнему обычаю; а съ ними вмѣсте отпущены воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ зъ дочерью и съ его пріятели и многіе именитые польскіе и литовскіе люди, которые были задержаны въ Московскомъ государстве за ихъ неправды. А на томъ воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ и сынъ его староста сепатцкой да Жигимонтъ Тарло и иные паны лутчіе за всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые отпущены, присягу дали, крестъ целовали, что было имъ къ тому вору, которой стоитъ подъ Москвою, не пристати и съ польскими и съ литовскими людьми, которые при томъ воре, въ соединенье не быть и Московскому государству лиха никоторого не дѣлать. Да и проводить ихъ до границы царь Василей людей своихъ послалъ. И воевода сендомирской, по королевскому жъ велѣнью, съ своими пріятели то крестное целованье преступили: вышедъ исъ царствующаго града Москвы, съ тѣмъ воромъ, которой въ то время стоялъ подъ Москвою, и съ польскими и съ литовскими людьми, которые были при томъ воре, сослались и московскихъ провожатыхъ, которые ихъ посланы провожати, многихъ побили, а иныхъ въ полонъ поимали. А сами послы Жигимонта короля Миколай Олешницкой, каштелянъ мологоцской съ товарыщи и воевода сендомирской съ своими пріятели и зъ дочерью пришли къ тому вору въ таборы. И пришедъ къ тому вору въ таборы, воевода сендомирской и дочь свою за тово другово вора далъ и съ нимъ былъ въ таборехъ, и на всякое зло ево поучали, и обычаи всякіе прежнего вора росстриги тому вору росказали, и по его злому совѣту и умыслу тотъ воръ пытался къ государству Московскому всякими мѣрами розными бои и приступомъ къ городу. И Божіею милостію тотъ воръ у Москвы хотѣнья своего не получилъ: многихъ у него польскихъ и литовскихъ людей, изъ Москвы выходя, побили и исъ табора ихъ выгнали. И тотъ воръ съ польскими и съ литовскими людьми, выбѣжавъ исъ таборъ исъ подъ Москвы, учалъ стояти въ городе въ Колуге, отъ Москвы во сте восмидесятъ верстахъ и учалъ ссылатись съ литовскимъ зъ Жигимонтомъ королемъ о всякомъ зломъ умышленьѣ на разоренье Московского государства. А Жигимонтъ король того нового перемирья и крестного целованья пословъ своихъ и послапниковъ, что закрепили на Москвѣ при царѣ Василье, нимало не здержалъ, на большое кроворозлитье устремился, не токмо бъ что по договору пословъ своихъ и посланниковъ и по ихъ крестному целованью изъ Московского государства польскихъ и литовскихъ людей

вывести, и самъ пришолъ ратью и съ нарядомъ Московского государства къ городу къ Смоленску со многими польскими и съ литовскими и иныхъ розныхъ земель съ наемными людьми. И городъ Смоленескъ осадивъ, по городу изъ наряду велѣлъ бити, розными приступы и подкопы города Смоленска доступалъ, не памятуя своего прежнего и пословъ своихъ послѣднихъ крестного целованья. А подъ царствующій градъ Москву прислалъ гетмана польского Станислава Желковского и полковниковъ и ротмистровъ со многими жъ польскими и съ литовскими, и немецкими людьми. А вору, которой, отшедъ отъ Москвы, сталъ былъ въ Колуге, велѣлъ король итти со всѣми польскими и литовскими людьми подъ Москву-жъ, и стали подъ Москвою зъ дву сторонъ, съ одну сторону гетманъ польской Стаславъ Желковской и съ полковники и съ ротмистры со многими людьми; а зъ другую сторону съ воромъ гетманъ же Янъ Петръ Сапѣга со многими жъ польскими и литовскими людьми. А въ то жъ время, по ссылкѣ литовского жъ Жигимонта короля, пришли въ землю Московского государства въ новгородскіе и во псковскіе мѣста немецкіе воинскіе люди. И царь Василей, оберегаючи своей земли, послалъ зъ бояры и съ воеводы свои дворъ многихъ ратныхъ людей въ Великій Новгородъ и во Псковъ; а на Москвѣ остались бояре и воеводы, и ратные люди немногіе, а иные бояре и воеводы, которые были по городомъ, Михайло Салтыковъ съ товарыщи, забывъ Бога и свои души, на чомъ царю Василью крестъ целовали, изменили, отъѣхали къ литовскому королю Жигимонту. И умысля съ ними, литовской Жигимонтъ король писалъ и приказывалъ зъ гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ на Москву къ бояромъ и воеводамъ и всякихъ чиновъ къ людемъ служилымъ и жилецкимъ, бутто онъ, жалѣючи о крестьянстве и хотя Московское государство упокоити и кроворозлитіе уняти, самъ пришелъ въ землю Московскую на украину, а гетмана Желковского послалъ подъ Москву бутто не для войны, для договору о добромъ дѣле, и чтобъ московскіе всякіе люди для покою крестьянского взяли на государство его королева сына королевича Владислава, а сынъ ево будетъ на Московскомъ государстве въ нашей православной крестьянской вѣре греческаго закона во всемъ по тому, какъ были прежніе великіе государи на Московскомъ государстве, и ни въ чемъ никоторыхъ заповедей не порушити, да и листъ статейной король за своею рукою и за печатью къ бояромъ прислалъ, какъ сыну его быти на Московскомъ государстве; а въ листу король писалъ, что сыну ево быти на Московскомъ государстве въ нашей вѣре греческаго закона и во всемъ потому, какъ прежніе московскіе великіе

государи были, а съ нимъ польскимъ и литовскимъ людемъ на Москвѣ не быти и въ урядехъ на Москвѣ, и по городомъ, и въ порубежныхъ мѣстехъ полякомъ и литвѣ не быти жъ, и истинные наше православные крестьянскіе вѣры ничѣмъ не рушити, и костеловъ на Москвѣ и по городомъ не ставить, и вѣре нашей поруганья никоторого не дѣлать, также патріарха московского и митрополитовъ, и архіепископовъ и всего освященного чину людей честно имѣти. А къ тому многіе иные земскіе дѣла въ томъ листу написаны по статьямъ, какъ было королевичю быти на государстве и правити всякіе дела по тому договору. И многіе люди Московского государства, которые были въ то время на Москвѣ, слыша такое королевское письмо, чая въ томъ правды и видя такое утеснепье отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и въ осаде будучи, всякіе нужи и голодъ не мога терпѣти, почали быти въ шатости, а бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди, которые въ то время были на Москвѣ немногіе, били челомъ государю ц. и в. кн. Василью Ивановичю в. Р., чтобъ государство свое для покою крестьянского отставилъ. И царь Василей государство свое отставилъ, а многіе бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне большіе, и дворяня изъ городовъ, и дети боярскіе, и стрельцы, и казаки, и всякіе служилые люди въ то время были въ дальнихъ мѣстехъ противъ немецскихъ людей и въ Сибири, и в-ыныхъ дальныхъ странахъ, а про то не вѣдали, что учинилось надъ государемъ на Москвѣ. И отстави государя отъ государства, московскіе бояре и воеводы, и дворяне, и всякихъ чиновъ люди, которые были на Москвѣ немногіе люди, отъ теспоты и отъ осаду польскихъ и литовскихъ людей, изобрали были на Московское государство Жигимонтова королева сына Владислава и съ польскимъ гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ о всѣхъ статьяхъ, какъ королевичю быти на государстве, договоръ учинили и записьми и крестнымъ целованьемъ утвердились, а целовали крестъ за Жигимонта короля польского и за сына его Владислава, и за всю Польскую и Литовскую землю гетманъ коруннои Станиславъ Желковской и полковники и ротмистры на томъ, что было гетману Станиславу Желковскому со всѣми польскими и литовскими людьми отъ Москвы отойти и воинскихъ людей всѣхъ изъ Московского государства вывести вонъ, а королю было отъ Смоленска отойти прочь въ Литву и Смоленску лиха никоторого не учинити. Да по тому договору и укрепленью пошолъ къ Жигимонту королю, подъ Смоленескъ съ Москвы великій господинъ митрополитъ Филаретъ ростовской и ярославскій, да въ послѣхъ бояринъ князь Василей Васильевичь Голицынъ съ товарыщи, и дворяня, и всякихъ чиновъ люди, а на Москвѣ почалъ быть

во правительстве и владѣти во всемъ, пріѣхавъ отъ короля по повелѣнью Жигимонта короля, Московского государства измѣнникъ, что былъ боярин Михайло Глѣбовъ сынъ Салтыковъ съ своими совѣтники, которые были съ нимъ у короля, а гетманъ коруны польскіе Станиславъ Желковскій, преступя крестное целованье, отъ Москвы съ ратными людьми не отшелъ и, умысля вмѣсте Московского государства с-ызмѣнники, съ Михайломъ Салтыковымъ и съ его совѣтники, по королевскому велѣнью, обманомъ, бутто для береженья отъ воровскихъ людей польскихъ и литовскимъ, и немецкихъ людей, пустили въ Москву въ каменные городы, и царя и в. кн. Василья и великихъ бояръ, братью его, отдали тому гетману Станиславу Желковскому, утаясь ото всѣхъ людей; а онъ ихъ отослалъ къ Жигимонту королю черезъ крестное целованье. И видя такіе злые дела, святѣйшій Гермогенъ патріархъ московскій и всеа Росіи тѣхъ измѣнниковъ въ ихъ злыхъ дѣлехъ обличалъ и по всѣмъ городомъ грамоты отъ себя писалъ, что Московскому государству разоренье и крестьянской вѣре поруха чинитца; а король того приговору, на чомъ учиненъ съ гетманомъ, съ Станиславомъ Желковскимъ, и крестнымъ целованьемъ укрепленъ, ничего не здержалъ и крестное целованье гетмана и полковниковъ, и ротмистровъ порушилъ, Московского государства великихъ пословъ у себя задержалъ, и многое имъ безчестье и тесноту подъ Смоленскомъ учинилъ и, перековавъ, разослалъ ихъ въ заточенье въ Польшу и въ Прусы, чего николи ни въ которыхъ государствахъ такъ надъ послы не доведетца, что Жигимонтъ король надъ ними, великими послы, учинилъ. А сына своего на государство Московское, по своему договору, не далъ и самъ отъ Смоленска не отшелъ. А польскіе и литовскіе люди, которые на Москвѣ вошли въ городъ, урядниковъ своихъ на Москвѣ и въ городѣхъ по приказомъ учинили и на Москвѣ жъ и по городомъ многіе зборы денежные и кормы немѣрные почали збирать, и Московского государства всякимъ людемъ великіе налоги и наспльства учали чинити и истинной нашей православной крестьянской вѣре греческаго закону поруганье дѣлати, и костелы своей вѣры на Москвѣ учинили, и въ свою ляцскую вѣру учали Московского государства людей сильно приводити, и по городовымъ воротомъ и на городе нарядъ и въ казнѣ нарядъ же и зелье, и свинецъ, и ядра, и всякіе пушечные запасы польскіе и литовскіе люди взяли къ себѣ, и по городовымъ воротомъ и по улицамъ у решетокъ сторожей поставили своихъ польскихъ и литовскихъ, и немецкихъ людей, и учали приводить по нашей вѣре хъ крестному целованью на Москвѣ и въ городѣхъ на королевское на Жигимонтово имя, мимо сына ево, королевича

Владислава. И Московского государства бояре и воеводы и всякіе люди, видя ту королевскую неправду, многижда о томъ къ Жигимонту королю писали и посылали говорить, чтобъ онъ, Жигимонтъ король, въ своей правде стоялъ, на чемъ душею его гетманъ коруиной Станиславъ Желковской ко всему нашему Московскому государству за него и за сына ево, королевича Владислава, крестъ целовалъ, сына своего, королевича Владислава, на Московское государство въ нашей православной крестьянской вѣре греческаго закона далъ вскоре и отъ города отъ Смоленска отшелъ, и ратныхъ своихъ людей изъ Московского государства вывести велѣлъ, и Московского государства пустошити и своей латынской вѣры розпространити въ нашемъ Московскомъ государствѣ не велѣлъ. И Жигимонтъ король польскій и паны рада, забывъ гетманского крестного целованья, и нашего прошенья не послушалъ и больши прежнего на всякое зло на Московское государство учали умышляти, сына своего, королевича Владислава, на Московское государство въ нашей вѣре по договору не далъ, и отъ Смоленска не отшелъ, и Смоленескъ за крестнымъ целованьемъ взятьемъ взялъ и многихъ бояръ и дворянъ, и всякихъ людей отъ мужеска полу и женска и до сущихъ младенецъ безъ милости побилъ, и неповинную многую кровь пролилъ. А которые ево польскіе и литовскіе, и немецкіе люди въ Москвѣ были, и тѣ, по ево жъ велѣнью, царствующій градъ выжгли и церкви Божьи и монастыри осквернили, и честные иконы и многоцелебные чюдотворные мощи обругали, и патріарха Гермогена съ великимъ бесчестьемъ съ престола свергли и, въ заточенье посадя, уморили; а бояръ большихъ думныхъ, князя Ондрѣя Васильевича Голицына и иныхъ бояръ и дворянъ, и детей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей и гостей и всякихъ торговыхъ и жилецскихъ людей безчисленное множество мужеска полу и женска и до сущихъ младенецъ побили и кровь многую неповинную пролили, а царскую казну, многое собранье изъ давныхъ лѣтъ прежнихъ царей, ихъ царскіе утвари и всякое царское достояніе хъ королю отослали и по себѣ, розграбя, роздели(ли), и царствующій градъ Москву польскіе и литовскіе люди засѣли. И видя такіе великіе беды и разоренье Московскому государству, а литовского Жигимонта короля неправду и злокозной ево умыслъ, и слыша то, что царя Василья къ литовскому королю отослали, царствующій градъ Москву засѣли, во всѣхъ городѣхъ Московского государства бояря и воеводы, и чашники, и стольники, и стрянчіе, и дворяня, и дети боярскіе, и всякіе служилые и жилецкіе люди, межь собою сослався, совѣтъ учинили и крестнымъ целованьемъ укрепились, что всѣмъ противъ Жигимонта короля и сына ево Владислава за

истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона и за государство Московское на польскихъ и литовскихъ людей стояти за одинъ, и короля и королевича на Московское государство никакъ не хотѣть. И собрався, пришедъ подъ Москву, стояли подъ Москвою два года, къ Москве, къ большому каменному городу и хъ Китаю и хъ кремлю приступали, и въ приступехъ и на выласкахъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И первое взяли каменной большой городъ и многихъ польскихъ и литовскихъ, и немецскихъ людей въ то взятье побили безчисленно и живыхъ поимали больши четырехъ тысячь человѣкъ. А достальные польскіе и литовскіе люди сѣли въ Китае да въ кремлѣ и сидѣли цѣлой годъ. А бояре наши и всякіе ратные люди со всѣхъ сторонъ хъ Китаю и хъ кремлю приступомъ приступали и изъ паряду по городу били, и ежеденъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ прошломъ во 120-мъ году въ августе мѣсяцѣ присылалъ Жигимонтъ король къ польскимъ и къ литовскимъ людемъ къ московскимъ сидѣльцомъ на помочь гетмана литовского Карлуса Хоткѣева со многими польскими и съ литовскими, и съ неметцкими людьми, и съ венгры, и иныхъ земель съ наемными со многими людьми. И Московскаго государства бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и дворяне со многими ратными людьми гетмана встрѣтили, не допустя Москвы, и дѣло съ нимъ учинили, и билися съ нимъ, не сседая съ коней три дни, день и ночь. И Божіею милостію гетмана Карлуса побили на голову и живыхъ въ полонъ взяли больши десяти тысячь человѣкъ. А гетманъ побежалъ въ Литву не со многими людьми и послалъ о томъ отъ себя хъ королю, чтобъ король, собрався, самъ шолъ, а его побили. И король тотчасъ по гетманове присылке учалъ збиратца. И бояре и воеводы, слыша королевской зборъ, что, собрався, хочетъ къ Москве самъ приходить, и пошли къ городомъ хъ Китаю и хъ кремлю приступомъ со всѣхъ сторонъ. И Божіею милостію Китай и кремль городъ взяли и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили больши пятинатцати тысячь, а достольныхъ, пана Миколая Струса старосту хмелинсково и любетцкого, которой тутъ былъ въ Москвѣ въ гетманское мѣсто, и капитановъ и ротмистровъ, и всякихъ служилыхъ людей взяли живыхъ зъ девять тысячь человѣкъ. А какъ Божіею милостію царьствующій градъ Москву бояре и воеводы, и всякіе ратные люди отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистили, а король въ тѣ поры пришолъ въ Московское государство самъ, а съ нимъ гетманъ Карлусъ Хоткѣевъ со многими съ польскими и съ литовскими, и съ неметцкими, и розныхъ земель

со многими съ насмными людьми, и бояре и воеводы противъ короля посылали воеводъ многихъ, а съ ними дворянъ и детей боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей. И воеводы съ королемъ бились блиско Волока Ламсково два дни, не сседая съ копей, и многихъ людей у короля побили, больши тысячи человѣкъ живыхъ взяли. И король съ того бою отшелъ въ Литву съ великимъ страхованьемъ, и по городомъ и по острожкамъ по многимъ, гдѣ польскіе и литовскіе люди сидѣли, въ Московскомъ государстве польскихъ и литовскихъ людей побили, и изъ Московскаго государства польскихъ и литовскихъ людей выгнали. А на великихъ государствахъ, на Владимерскомъ и на Московскомъ, и на Новгородцкомъ, и на царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія учинились по Божіей милости и по племяни великихъ государей царей російскихъ, и по избранію, и по челобитью Московскаго государства царей и царевичей, которые служатъ въ Московскомъ государстве, и бояръ и окольничихъ, и дворянъ, и детей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ людей всѣхъ городовъ всего великого Московскаго государства великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. И ныне подъ его царского в. высокою рукою всѣ его великіе государства въ соединеньѣ и въ тишинѣ, и его царскимъ счастьемъ и къ Богу вѣрою и молитвою, и премудрымъ его царского в—ва разумомъ и бодроопаснымъ осмотрительствомъ строитца все доброе, и городы Російского государства, которые были позасѣли въ смутное въ безгосударное время польскіе и литовскіе люди, Дорогобужъ, Вязьму, Бѣлую, Путивль, Черниговъ и иные городы, и тѣ всѣ городы царского в—ва бояре и воеводы, и царского в—ва ратьми очистили и польскихъ и литовскихъ людей многихъ побили и живыхъ поимали, и Литовскую землю во многихъ мѣстахъ воевали и городы многіе, поимавъ, сожгли; а въ городѣхъ и на боѣхъ многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, а живыхъ взяли полковниковъ и ротмистровъ, и капитановъ съ тѣми, что взяты на Москвѣ, больши 40.000 человѣкъ; въ одномъ царского в—ва городе въ Смоленске сидятъ польскіе и литовскіе люди, и подъ тѣмъ государя нашего люди стоятъ третей годъ неотступно и ни съ чѣмъ въ Смоленескъ не пропустятъ. А въ нынешнемъ во 124-мъ году по присылке паповъ радъ коруны польскіе и великого княжества литовского къ великого государя нашего царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. его царского в—ва къ бояромъ съезжалися съ великого государя нашего повелѣнья подъ царского в—ва отчиною подъ Смоленскомъ царского

в-ва зъ бояры, зъ бояриномъ и намѣсникомъ казанскимъ со княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ, да зъ бояриномъ и намѣсникомъ нижегородцкимъ со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ Ярославскимъ, да съ окольничимъ и намѣсникомъ колужскимъ съ Ортемьемъ Васильевичемъ Измайловымъ съ товарыщи, паны рада коруны польскіе и великого княжества Литовскаго князь Христопъ Казимирскій бискупъ кіевскій, да гетманъ навышшей великого княжества Литовского Карлусъ Хоткѣевъ, да Миколай Глѣбовичь зъ Дубровны воевода Мстиславской, да гетманъ полной князь Христопъ Радивилъ съ товарыщи, межь великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и межь польскаго Жигимонта короля о дружбе и о любви, а межь государствъ о покое и о тишинѣ говорити и становити. А мирилъ великого государя нашего съ польскимъ королемъ цесарь римскій, и посолъ его Радимутъ Годеліусъ тутъ же былъ на съѣзде. И доброе дѣло межь государей ещо не сталося. А на розходе былъ межь государя нашего и польскихъ людей бой: засылали польскіе и литовскіе послы умышленьемъ на государевыхъ людей полковника Томошевского со многими польскими и съ литовскими и съ неметцкими людьми, оплоша за ссылкою, только царского величества ратнымъ воеводамъ о томъ вѣдомо учинилось напередъ ихъ приходу. И царского в-ва воеводы посылали на нихъ царского в-ва лехвихъ воеводъ съ ратными людьми и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей побили всѣхъ на голову. А полковника Томошевского и ротмистровъ всѣхъ ротъ, и порутчиковъ, и знаменщиковъ, и трубачѣевъ, и лутчихъ гусарей, и рейтаровъ поимали живыхъ съ четыреста человѣкъ. И ныне Смоленескъ отъ царского в-ва людей осаженъ крѣпко, голодъ польскіе люди терпятъ великой, ни съ чѣмъ къ нимъ царского в-ва ратные люди не пропустятъ; а которые похотятъ итти изъ города для кормовъ и для травы и тѣхъ побиваютъ, не выпустятъ отъ города съ перестрѣлъ. И чаемъ, что ужь Смоленескъ по ся мѣста царского величества воеводы взяли.

А хоти будетъ о томъ шаховы ближніе люди и не вспросятъ,— и Ѳедору и Богдану къ рѣчи про съѣздъ и про бой, что надъ литовскими людьми Богъ даетъ побѣду, росказывати.

А нѣчто шахъ или его ближніе люди учнутъ говорити: въ грамоте царского в. къ шаху писано, и они сказываютъ про того, которой сперва назывался царевымъ Ивановымъ сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ, называютъ его воромъ ростригою, а виделъ то шаховъ посланникъ „ “, которой былъ у цесаря римсково и шелъ черезъ Польскую и Литовскую землю, и былъ у воеводы сендомирского, и при немъ

приходилъ посланникъ изъ Московскаго государства думной человѣкъ Ѳѳонасей Власьевъ и съ шаховымъ посланникомъ въ Литвѣ виделся, и были у воеводы сендомирского вмѣсте, и Ѳѳонасей того Дмитрея называлъ прямымъ государевымъ царевымъ Ивановымъ сыномъ, и грамоты Московскаго государства бояре о томъ къ королю прислали за своими печатьми, бьючи челомъ о томъ королю, что король за него вступился и ему способствовалъ, а онъ прямой государской царевъ Ивановъ сынъ. И Ѳедору и дьяку Богдану говорити: Ѳѳонасей Власьевъ тому вору былъ совѣтникъ и другъ, и послалъ тотъ воръ Ѳѳонасья въ Литву тайно къ воеводе сендомирскому по дочерь его, по Маринку, которая была и зъ Зарутцкимъ въ Астарахани. А далъ тому Ѳѳонасью тотъ воръ казну многую, и Ѳѳонасью было какъ за того вора не говорити и государскимъ сыномъ не называти? А боярскихъ рукъ и печатей у грамотъ не бывало и королю о томъ не бивали чломъ, то все затевалъ король и паны рада собою. А рострига, что будетъ съ своими совѣтники и писали, и то онъ писалъ воровствомъ. А которые всякихъ чиновъ люди на того вора стали, въ его злыхъ дѣлехъ обличали, и за то тотъ воръ многихъ отъ святельского и священного чину, и отъ бояръ, и ото всякихъ людей побилъ и замучилъ розными смертми и въ заточенье розсылалъ, про то всему Російскому государству вѣдомо. Да чаемъ о томъ и шахову в. и вамъ, его ближнимъ людемъ, вѣдомо жъ отъ своихъ людей, которые бывали въ Російскихъ государствахъ. И посолъ Амиръ Али бекъ, чаю, про то вѣдаетъ же: онъ былъ въ Російскомъ государстве долгое время и онъ про все вѣдаетъ, что тотъ былъ воръ, вражья прелесть, а не государской сынъ; а государь царевичь Дмитрей лежитъ съ прародители своими въ церквѣ Архангила Михаила и нынѣ ничѣмъ невредимъ. А того вора всѣмъ Російскимъ государствомъ, облича, убили, и лежалъ онъ на лобномъ мѣсте на обличенье всѣмъ три дни, и тѣло его скаредное сожгли, и нынѣ его не токмо костей, и праху злодѣйсково нѣтъ.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити „ “, что писалъ государь къ государю ихъ къ шаху въ своей грамоте и вы намъ говорите, что польской Жигимонтъ король по договору Московского государства зъ бояры сына своего Владислава королевича на Московское государство не далъ и имъ то подлинно вѣдомо, какъ Московскаго государства бояре и воеводы Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистили, и вскоре после того приходилъ Жигимонтъ король къ Москве самъ и съ сыномъ своимъ, королевичемъ Владиславомъ, и сына своего Владислава королевича на

Московское государство давалъ, и Московскаго государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди сына ево, королевича Владислава, на Московское государство не похотѣли и ево не взяли, и тѣмъ ево обесчестили.—И Ѳедору и Богдану о томъ ближнимъ людемъ говорити: какъ Жигимонтъ король польской въ прошломъ во 119-мъ и во 120-мъ году преступилъ свое и гетмана своево коруннаго Станислава Желковского крестное целованье, пословъ Московскаго государства, Ѳиларета митрополита и боярина князя Василья Васильевича Голицына съ товарыщи, у себя въ Польше задержалъ, и городъ Смоленескъ черезъ крестное целованье взятьемъ взялъ, и церкви Божіи разорилъ, и кровь крестьянскую многую бесчисленную невинно пролилъ, и сына своего Владислава королевича по гетманскому договору въ нашей греческой вѣре на Московское государство вскоре не далъ, а хотѣлъ Московскимъ государствомъ самъ король къ Польше и къ Литвѣ завладѣти, и царствующій градъ Москву выжегъ и высекъ, и православную нашу крестьянскую вѣру обругалъ, и церкви Божіи, монастыри многіе разорилъ, — и Московскаго государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ всякіе люди всѣхъ городовъ всего великого Російского царствія, собрався и учиня межъ себя благосоюзный крѣпкой совѣтъ, и крестнымъ целованьемъ межъ себя укрѣпились на томъ, что противъ польскаго Жигимонта короля и сына ево Владислава королевича, за его многіе неправды и крестопреступленье стати крѣпко и неподвижно и битись съ ними до смерти, и на Московское государство польскаго Жигимонтова королева сына Владислава королевича и из-иныхъ ни исъ которыхъ государствъ иноязычныхъ вѣръ, опричь греческіе вѣры, никого не хотѣти, а обрати на Московское государство государя греческаго закону, кого Богъ дастъ. И какъ по милости всемогущаго въ Троице славимаго Бога нашего Московскаго государства бояре и воеводы, и всякіе ратные люди литовского гетмана Карлуса Хоткѣева побили и царствующій градъ Москву у польскихъ и у литовскихъ людей взяли, и польской Жигимонтъ король, послыша то, пришелъ былъ къ Москве самъ, а съ нимъ гетманъ Карло Хоткѣевъ со многими людьми; а королевичь Владиславъ, сказываютъ, былъ съ нимъ же. А выходцы и языки многіе Московскаго государства бояромъ въ роспросе сказывали, что польской король однолично идетъ и досталь на розоренье Московского государства и своихъ польскихъ людей, которые взяты на Москвѣ, выручать, а не сына своего на Московское государство давать, а того у него и въ мысли не было, что было ему сына своего Владислава королевича на Московское государство дати. Да хоти бъ Жигимонтъ король въ тѣ поры ужь и

похотѣлъ сына своего на Московское государство дати, а мы ужь всѣ крестнымъ целованьемъ на томъ укрепились, что сына его на Московское государство никакъ не хотѣти, о томъ и не мыслити, и черезъ крестное целованье, какъ что учинити, хоти было намъ всѣмъ помереть, а Жигимонта короля и сына его ныне и впередъ на Московское государство государемъ не хотѣти. И къ Жигимонту королю Московского государства бояре и воеводы многижда о томъ писали, чтобъ онъ въ Московское государство за свои неправды не ходилъ и сына своего съ собою не водилъ. И Жигимонтъ король, забывъ Божіей помощи, превознесся гордостью, хвалясь на Московское государство до конца разорити, а насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ побити и въ плѣнъ поимати, въ Московское государство пошелъ со многими своими и съ наемными силами, гордостію розпалаясь. И Московского государства бояря и воеводы, видя его злой умыслъ и превознесенную гордыну, возложивъ упованіе на всемогущаго Бога и на милость пресвятые Богородицы, видя свою передъ нимъ правду, прося у всевышняго Бога помощи, противъ короля посылали съ Москвы воеводъ со многими людьми. И Божіею милостію, а пресвятые Богородицы молитвами Московского государства воеводы сошлись съ королемъ подъ Волокомъ Ламскимъ, отъ Москвы за девяносто верстъ, и польского короля побили и многихъ живыхъ поимали, и нарядъ взяли. И король съ того бою побежалъ съ великимъ страхомъ и зъ бесчестьемъ. А ныне Московсково государства бояря и воеводы и всякихъ чиновъ люди служатъ всѣ отъ мала и до велика съ радостію праведному и Богомъ избранному великому государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., соединясь всѣ вмѣсте. И Божіею милостію, а великого государя нашего счастьемъ и бодроопаснымъ осмотрительствомъ во всемъ его Російскомъ царствіи вся добрая строитца и всѣ его государевы недруги отъ его царского имяни трепещутъ, и любви его царскіе къ себѣ желаютъ. А о Жигимонтове королеве сыне и говорити непригоже, что онъ надъ Московскимъ государствомъ неправду учинилъ, и всемогущій Богъ надъ ними и свыше того показалъ.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити: шахово в-во, объявляючи къ великимъ государемъ царямъ и великимъ княземъ російскимъ и жалѣя о государстве Московскомъ, слыша въ немъ смуту и разоренье, посылалъ въ Московское государство посла своего Амиръ Али бека зъ добрымъ дѣломъ съ московскими людьми, которыхъ высвободилъ изъ рукъ турскихъ людей, да въ Московское жь государство посылалъ гонца Мегибъ бека, да къ цесарю послалъ вмѣсте съ цесаревымъ посломъ посла Мурши Кулы бека и иные шаховы люди,

и купчины по шахову велѣнью ѣздили въ Московское государство, и изъ нихъ отпущенъ къ шаху только одинъ посланникъ Амиръ Али бекъ, а тѣ всѣ и по ся мѣста были задержаны, и то дѣлаетца не по прежнему: преже сего шахова в-ва людей не задерживали и честь имъ была во всемъ.

И Ѳедору и дьяку Богдану говорити: вѣдомо государя вашего послу, Амиръ Али беку, какая смута была въ Російскомъ государстве отъ польского короля и отъ пановъ радъ, первое: ворами насылаючи, Московское государство разорялъ; а послѣднее: съ сыномъ за крестнымъ целованьемъ хотѣлъ Московскимъ государствомъ самъ къ Польше и къ Литвѣ завладѣти. А какъ посланники его пришли въ Астрахань, а Астрахань въ тѣ поры была въ смуге, и ихъ изъ Астарахани прислалъ подъ Москву въ таборъ къ вору, которой назывался царевичемъ Дмитреемъ, въ первого вора въ ростригино мѣсто, и будучи они подъ Москвою, и вражью прелесть и смуту всю видели сами, на тѣхъ ворѣхъ и пытати нѣчего, все было воровское, злое, разбойничье. А какъ воръ исъ подъ Москвы побежалъ, и польскихъ и литовскихъ людей исъ таборъ выгнали, и посла Амиръ Али бека и гонца Мегибъ бека съ людьми царь и в. кн. Василей Ивановичъ в. Р. велѣлъ взяти исъ таборъ къ Москве и на Москвѣ имъ велѣлъ кормъ давати и честь держати, какъ есть великого государя посломъ. А быти имъ у царя Василья не лучилось, что его, государя, зашли многіе скорби и кручины, видея въ государстве смуту и рознь. А хоти будетъ имъ въ тѣ поры въ кормѣхъ и недостатокъ былъ, и они сами видели, какъ было опустошено и разорено и царьствующій градъ Москва былъ въ осаде, во всемъ было недостаточно. А какъ царь Василей по челобитью московскихъ людей государство отставилъ, а избрали были на Московское государство королевича и что надъ царствующимъ градомъ здѣлалось, то шаховъ посолъ Амиръ Али бекъ и гонецъ Мегибъ бекъ сами видели, нихто былъ московскихъ бояръ въ тѣ поры неволенъ, что было дѣлать. А какъ посолъ Амиръ Али бекъ съ Москвы отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей ушелъ въ полки къ бояромъ и воеводамъ, и ему бояре и воеводы честь воздали, кормъ велѣли давати доволенъ и отпустили его по его воле въ Нижней, и тамъ ему кормъ былъ доволенъ, и честь во всемъ по посольскому обычею. А гонецъ Меги бекъ сидѣлъ въ Москвѣ съ польскими и съ литовскими людьми въ осаде и до тѣхъ мѣстъ, какъ царского в-ва бояре и воеводы царствующій градъ Москву взяли. А какъ Москву взяли, и гонцу Меги беку во всемъ честь же учинили и отпустили

его съ Москвы въ Нижней по его жь воле и кормъ доволенъ велѣли давати, а хотѣли ихъ отпустити къ шахову в-ву, да не отпустили за тѣмъ, что Астарахань въ тѣ поры была въ смуте и дорога затворена. А какое будетъ бесчестье или будетъ животы и товары какіе у шаховыхъ людей въ таборехъ и на Москвѣ и въ Колуге поимали воры, и то дѣлали польскіе и литовскіе люди, и Московского государства измѣнники, которые разоряли Московское государство въ таборехъ и на Москвѣ вмѣсте съ польскими и съ литовскими людьми, и того сыскать негдѣ, то шахову в. самому вѣдомо, какая была казна несчетная прежнихъ великихъ государей царей російскихъ собранье отъ многихъ лѣтъ, всякіе царьскіе дорогіе вещи, чаемъ, ни въ которыхъ государствахъ такихъ дорогихъ вещей не бывало, то все польскіе и литовскіе люди Московского государства с-ызмѣнники розграбили и къ королю отослали, а иное по себѣ розделили, и церкви Божіи и чюдотворные гробы розорили. А Московского государства бояре, будучи въ неволе, и за то не устояли, не токмо что было за пословъ стоять. А что шахово в. посылалъ посла своего Муршы Кулы бека черезъ великіе Російскіе государства къ московского государя нашего брату къ цесарю римскому съ цесаревымъ человѣкомъ, съ Юсуѳомъ, вмѣсте, и тѣхъ пословъ царского в-ва бояре къ цесареву величеству пропустили честно жъ и кормъ, и подводы давали довольно, и своего гонца, объявляючи королевскіе неправды, къ цесарю съ ними вмѣсте посылали. И цесарь шахова в-ва посла Муршу Кулы бека и своего человѣка Юсуѳа отъ себя отпустилъ опять къ шаху, а шли они отъ цесаря въ великого государя нашего государство черезъ Польскую и Литовскую землю, и ихъ было и пропустити не довелось для того, что польской и литовской король Московскому государству злой недругъ, многую смуту и разоренье учинилъ Московскому государству, чего и говорити нельзѣ. А по всещедраго Бога милости великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. въ тѣ поры ужь на великіе Російскіе государства избранъ, а шолъ на свой царской престолъ къ Москвѣ изъ Ярославля и онъ, государь, для шахова в. любви велѣлъ ихъ приняти честно и кормъ давати велѣлъ доволенъ. А какъ государь пришелъ къ Москве на свой царской престолъ, и его ц. в. шахову послу Муршы Кулы беку велѣлъ видети свои царскіе очи и отпустити ихъ велѣлъ въ Казань по ихъ воле, и кормъ и подводы, и честь велѣлъ имъ во всемъ воздавати. А какъ его царскому в-ву извѣстно учинилось о шахове послѣ Амиръ Али бекѣ, что онъ въ Нижнемъ, и великій государь нашь его ц. в. послу Амиръ Али беку

велѣлъ быти къ Москвѣ тотчасъ и велѣлъ ему видети свои царскіе очи вскоре, и припялъ его, и рѣчи его выслушалъ любительно. И, вѣдая великій государь нашъ его ц. в. братственную крѣпкую любительную дружбу и любовь Аббасъ шахова в-ва зъ дидею своимъ, съ великимъ государемъ блаженные славные памяти съ царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р., и съ царемъ Борисомъ, и хотя по тому жъ съ шаховымъ в-мъ быти въ братственной въ крѣпкой дружбе и любви, посылалъ государство свое обестити и здоровье свое сказати, а шахова в-ва здоровье видети и польсково Жигимонта короля неправды объявити посланниковъ своихъ Михайла Тиханова да Олексѣя Бухарова, и шахова в-ва посла Амиръ Али бека отпустилъ съ ними жъ царского величества послы вмѣсте, съ Волги, съ Самары полемъ степью, куды преже сего межь ихъ государей послы и посланники, и гонцы не хаживали. А тѣхъ всѣхъ шаховыхъ людей отпустить было туды пельзя: прямая дорога межь государствъ на Астарахань и Астарахань въ тѣ поры ещо царскому в-ву не добила челомъ. А ныне, какъ по милости Божіей, а великого государя нашего ц. в-ва счастьемъ, а астраханскіе люди вины свои принесли, царскому в-ву добили челомъ, и дорога на Астарахань отворилась, и великій государь нашъ ц. в. шаховыхъ людей всѣхъ, посла Муршу Кулы бека и гонца Мегибъ бека, и купчинъ, Хозя Незамедина и Хозя Муртозу, къ шахову в-ву отпустить велѣлъ давно.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорить о цесаревыхъ посланникехъ, о Юзуое да о Адаме Дорпе, что онѣ посланы отъ цесаря къ шахову в-ву и царское в-во для чего ихъ въ своемъ государстве велѣлъ задержать и къ шаху ихъ не отпуститъ?— и Ѳедору и дьяку говорити: про цесаревыхъ посланниковъ, про Юзуоа и про Адама Дорна, шахову в-ву и имъ, ближнимъ людемъ, объявляютъ: какъ по милости и воле всемогущего Бога и по племяни великихъ государей царей російскихъ и по избранью, и по челобитью всѣхъ людей Московского государства великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ и венчался царскимъ своимъ венцомъ и діадимою по древному своему царскому чину и достоянію, и того жъ лѣта пришелъ въ великого государя нашего государства великого государя вашего шахъ Аббасова в-ва посланникъ Муршы Кулы бекъ, а съ нимъ вмѣсте пришелъ отъ цесаря посланникъ цесаревъ Юзуоъ, и приказывалъ тотъ Юзуоъ царского в-ва бояромъ и въ розговорехъ говорилъ, что онъ посланъ великого государя нашего отъ брата, отъ Матьяша

цесаря, къ брату жъ великого государя нашего къ шахъ Аббасову в-ву въ послѣхъ для великого доброво дѣла, которые годны всѣмъ великимъ государемъ, и великому бъ государю нашему для государя ево, Матьяша цесаря, братцкіе любви пропустить ево къ шахову в-ву черезъ свои великіе государства. А шелъ онъ, Юзуѳъ, въ великого государя нашего государства черезъ злово царского величества недруга Польскую и Литовскую землю и у польского короля былъ, и великому было государю нашему черезъ свои великіе государства и пропустить непригоже, потому что онъ шелъ черезъ польского короля землю и у польского короля былъ, а польского Жигимонта короля многіе неправды къ великому государю нашему и къ его великимъ государствамъ, ему, великому государю вашему, шахъ Аббасову в-ву да и во всѣхъ окрестныхъ государствахъ вѣдомы, и великій государь нашъ его ц. в., хотя зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в. быти въ крѣпкой братственной сердечной дружбе и любви, черезъ свои великіе государства пропустить было ево къ шахову в-ву велѣлъ и почесть ему велѣлъ чинити во всемъ по посольскому обычею и отпустить ево велѣлъ своего царского в-ва въ вотчину, въ Казань, не на долгое время, покамѣста къ шахову в. въ Перситцкое государство дорога на Астарахань очиститца, и кормъ ему давать велѣлъ доволенъ. И тотъ цесаревъ посолъ Юзуѳъ, будучи въ великого государя нашего государстве въ Казани, почалъ дѣлать не посольскимъ обычаемъ, лазучествомъ учалъ къ себѣ призывать польскихъ и литовскихъ людей, которые сидѣли великого государя нашего въ государстве въ Москвѣ и Московское государство разоряли, и кровь крестьянскую невинно проливали, а нынѣ взяты въ полонъ, и съ ними почалъ о всякомъ злѣ на великого государя нашего и на ево великіе государства умышлять, и съ польскимъ королемъ грамотки и словеснымъ приказомъ ссылатца. И въ томъ на него многіе польскіе и литовскіе люди и его, Юзуѳовы, люди свидѣтельствовали и обличали, и грамотки за ево, Юзуѳовою, рукою и печатью у него къ польскому королю и къ паномъ раде выняли. А писалъ Юзуѳъ въ тѣхъ своихъ грамоткахъ хъ королю и къ паномъ раде измѣною и воровствомъ про великого государя нашего государства, затѣявъ многіе смутные рѣчи, чего не бывало и впередъ, по милости Божіей и великого государя нашего счастьемъ, не будетъ. Да и великого государя вашего шахъ Аббасовъ посланникъ Муршу Кулы бекъ, будучи на Москвѣ и въ Казани, царского в-ва къ бояромъ про того Юзуѳа приказывалъ, что онъ, цесаревъ посолъ Юзуѳъ, идучи въ великого государя нашего

государство Польскою землею, у польского короля былъ и пришелъ де онъ въ великого государя нашего государство по приказу польского короля на смуту жъ, и къ брату нашему, къ великому государю, къ шахъ Аббасову в-ву проситца, хотя великого государя нашего съ шаховымъ в-мъ ссорить, а не для доброво дѣла. И великому государю нашему того Юзуеа нынѣ и впередъ за такое ево многое воровство и измѣну къ шахову в-ву и къ государю ево, къ цесарю, изъ своего государства отпустить никакъ невозможно, и къ государю ево къ цесарскому в-ву, великій государь нашъ про то ево воровство и измѣну писалъ.

А цесарской же посолъ Адамъ Дорнъ пришелъ въ великого государя нашего государство царского величества съ переводчикомъ съ Еремѣемъ Еремѣевымъ вмѣсте; а посланъ былъ тотъ переводчикъ къ Матьяшу цесарю царского в-ва отъ бояръ и ото всеѣ земли до обиранья на всѣ великіе Російскіе государства великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р., а та смута, которая учинилась въ великихъ Російскихъ государствахъ отъ польского короля въ тѣ поры еще не поминовалась и дорога еще къ шахову в-ву въ персидцкое государство въ тѣ поры была не очищена для того, что по Жигимонтовѣ жъ королевской ссоре и злому его умышленью царского в-ва отчина Астраханское государство было въ смуте, были въ Астарахани воры, Ивашко Зарутцкой да воеводы сендомирского дочь, воровская жена, Маринка, и по Жигимонтову велѣнью смуту дѣлали. А дорога къ шахову в. въ Перситцкое государство изъ нашихъ государствъ одна: рѣкою Волгою, на Астарахань. Про то шахову в-ву самому вѣдомо. И великій государь нашъ цесареву послу указалъ постоять своего царского в-ва въ вотчине въ Ярославле и честь ему, и береженье во всемъ велѣлъ держать, и кормъ доволенъ давать. И писалъ великій государь нашъ его ц. в. къ брату своему къ великому государю, къ цесарскому в., о воровствѣ посланника его Юзуеа и о Адаме Дорне. И покамѣста будетъ о томъ письмо къ царскому в-ву отъ цесарского в-ва, до тѣхъ мѣстъ Адаму Дорну побыти въ великого государя нашего государствѣ.

А будетъ шахъ или ево ближніе люди учнутъ „ “ спрашивать про Ивашка Зарутцкого и про Маринку, гдѣ они нынѣ, и смута ихъ воровская ужли поминовалась?—и „ “ говорити: какъ по милости Божіей Московского государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ всякіе люди всего Російского государства, стоя подъ Московскимъ государствомъ, учали чинить польскимъ и литовскимъ людемъ утесненье

великое и Московского государства доступать, а воръ Ивашко Зарутцкой въ тѣ поры подъ Москвою былъ съ ними жъ вмѣсте и, узнавъ Російского государства бояръ и воеводъ, и всякихъ ратныхъ людей крѣпкое стоянье и промыслъ, а польскихъ и литовскихъ людей противъ Московского государства ратныхъ людей изнеможенье и свое воровство, что онъ съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ, и съ польскими и съ литовскими людьми на всякое зло Російскому государству ссылался, исъ подъ Москвы побежалъ, и взявъ съ собою прежнихъ вѣдомыхъ воровъ и богоотступниковъ, которые по злому жъ умыслу польского Жигимонта короля назывались государскими детьми ложно, жену воеводы сендомирского дочь, Маринку, и збежалъ царского в-ва въ вотчину въ Астарахань; а къ нимъ въ Астрахани пристали прежніе воры, которые воровали въ смутное и въ безгосударное время и воровъ государскими детьми называли ложно съ ними вмѣстѣ. И будучи въ Астарахани, хотѣли своимъ злымъ умысломъ заводити такое же воровство по прежнему. И великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, посылалъ на вора и на измѣнника своего, на Ивашка Зарутцкого, бояръ своихъ и воеводъ, князя Ивана Никитича Одоевского съ товарыщи, съ своими многими ратными людьми. И Божіею милостію, а ево государскимъ счастьемъ и бодроопаснымъ содержательствомъ, царского в-ва бояря и воеводы Астарахань взяли и воровъ, которые были съ воромъ, с-Ивашкомъ Зарутцкимъ, въ совѣте, и польскихъ и литовскихъ людей побили на голову, а вора Ивашка Зарутцково и Маринку съ сыномъ, и иныхъ пущихъ воровъ поймали и привели къ государю къ Москве. И по своимъ злымъ дѣламъ Ивашко Зарутцкой и Маринкинъ сынъ казнены. И Божіею милостію, а великого государя нашего счастьемъ отчина ево царского в-ва Астараханское государство отъ воровскіе смуты очистилась, и воровская смута поминовалась вся, и ныне въ Астарахани и на Терке воеводы и всякіе служилые и жилетцкіе люди живутъ по прежнему.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ Ѳедору и Богдану говорити о Грузинской землѣ, что шахъ Грузинскую землю взялъ. . . . (?) повоевалъ за то, что цари грузинскіе служили турскому, — и Ѳедору и Богдану говорити: вѣдомо великому государю Аббасъ шахову в-ву самому, что Иверская земля, цари и князи, изначала наше крестьянскіе православные вѣры греческаго закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и ни кѣмъ не обладаемы. Послѣ того, какъ извелись во Царѣгороде крестьянскіе государи и какъ учала быти

в-Иверской землѣ межь царей и князей розпь и несогласье, а турской учалъ имъ многую теспоту чинить, и иверской Александръ царь, видя себя безпомочна и не хотя быти отъ турского въ разоренье, билъ челомъ блаженные славные памяти дяде великого государя нашего великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., чтобъ онъ великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с. для хрестьянскіе вѣры припялъ его подъ свою царскую высокую руку, и отъ турского бъ салтана и отъ шевкала оборопяти ево велѣлъ, а онъ зъ детьми своими, съ царевичемъ Давыдомъ и съ царевичемъ Юрьемъ, и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ російскихъ государей царей не отступенъ будетъ на веки. И на томъ онъ, Александръ царь, зъ детьми своими и со внучаты и со всею своею Иверскою землею блаженные памяти дяде великого государя нашего, великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., правду далъ по нашей крестьянской вѣрѣ, крестъ цѣловалъ и тѣмъ себѣ вспоможенье и отъ турскихъ людей свободу получилъ. И никоторые ихъ недруги не умѣли имъ никоторые тесноты во вся лѣта при дяде великого государя нашего, при великомъ государе ц. и в. кн. Ѳедоре Ивановиче в. Р. с. и при царѣ Борисе, учинити. Да и то самому великому государю Аббасъ шахову в. вѣдомо, какъ великій государь блаженные славные памяти дядя великого государя нашего царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с. на Терке и на Койсе городы велѣлъ поставить и людей ратныхъ въ нихъ устроити велѣлъ для Иверскіе земли, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумыцкимъ людемъ теснити не дати и противъ недруговъ ихъ помогати, да и для того, что турскіе люди помногіе годы ходили на Аббасъ шахова в-ва землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Супшу. И по его царского в-ва повелѣнью исъ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и яицкіе казаки на турскіе люди приходили и на Супше турскихъ многихъ людей побили. И впередъ тѣми мѣсты на великого государя Аббасъ шахова в-ва землю турскіе люди ходити не учали, и великому государю Аббасъ шахову в-ву тѣмъ великая помочь учинилась. Да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба дяди великого государя нашего царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с. великому государю Аббасъ шахову в. была, о чемъ самому Аббасъ шаху подлинно вѣдомо. А какъ судомъ Божіимъ блаженные славные памяти дяди великого государя нашего, великого государя царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., въ животѣ не стало, а на великихъ Російскихъ государствахъ учинился царь и в. кн. Борисъ Ѳедоровичь в. Р., и иверской Александръ царь царю

Борису по тому жъ правду далъ зъ детьми своими и со внучаты и со всѣми думными своими людьми крестъ целовали, что имъ быти подъ російскихъ великихъ государей царей рукою, со всею Иверскою землею на вѣки не отступнымъ. И по Александрову цареву челобитью царь Борисъ исъ понизовыхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ послати на шевкала и на всю Кумытцкую землю ратныхъ своихъ людей для того, какъ Александръ царь съ повеленья царя Бориса былъ Аббасъ шахова в-ва въ рати, и шевкальской по турского велѣнью въ ту пору Иверскую землю воевали и многихъ крестьянскихъ людей въ плѣнъ поимали, и царя Бориса ратные люди Кумытцкую землю воевали и многіе городы и мѣста поимали и разорили, и въ Таркахъ и въ Таркалахъ городы поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государствѣ учала быти умышленьемъ польского короля смута и въ людехъ розпь, и кумытцкіе люди, сложась съ турскими людьми, которые въ то время были въ Кумытцкой землѣ, на великого государя нашего людей приходили, и бои были многіе, и многіе крови на обе стороны пролились. А все то для Иверскіе земли. А ныне великій государь Аббасъ шахово в-во, пришодчи в-Иверскую землю войною, Иверскую землю повоевали и разорили, и царя Теймураза зъ Грузинскіе земли согнали, и гдѣ были нашіе православные хрестьянскіе вѣры монастыри и церкви, гдѣ имя Божіе славилось, тутъ де ныне Аббасъ шахово в-во велѣлъ ставити свои городы. А какъ великій государь Аббасъ шахово в. на Иверскую землю пошолъ, и Иверской де Теймуразъ царь посылалъ къ нему бити челомъ и молити, чтобъ на него не ходилъ и невинные крови не розливалъ, мать свою да жену въ закладъ далъ, и Аббасъ шахово в. челобитья его не послушали, мать ево и жену у себя оставили, а надъ нимъ и надъ ево землею учинилъ разоренье, а съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ в-мъ, не обослався, тѣмъ великому государю нашему его царскому в-ву кабы не любовь оказалъ. Хоти-бъ иверскаго царя передъ шаховымъ в-мъ было какое неисправленье, и шахову было величеству пригоже о томъ обослатись съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ в-мъ. Только намъ ныне о томъ не наказано. А какъ о томъ на обѣ стороны будутъ большіе послы и тогды государи межъ себя о Иверской землѣ договоръ учинятъ. А чаютъ они того, что шахово в-во государь миролюбительной за Иверскую землю царскому величеству не постоитъ. А будетъ, что учнутъ о Иверской землѣ шаховы люди говорити на раздоръ и еѣ своити, и шаху своего какъ поступитца?— и Федору и дьяку Богдану

только и молыти, что Иверская земля была царского в-ва подданная, только намъ ныне о томъ ничего не наказано, а чего не наказано, то какъ дѣлать? Имъ за нее стоять и поступатца нельзя. А больши того имъ о томъ ничего не говорити.

А будетъ шаховы ближніе люди вспросятъ: какъ ныне зъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. кумытцкіе и горскіе и кабардинскіе князи и мурзы?—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: кабардинскіе черкасы, князи и мурзы, со всею Кабардинскою землею и горскіе, и ерпельскіе, и абаза, и мичкизы, и иные Черкаскія земли были издавна холопи великого государя нашего государствъ изъ резанскихъ предѣлъ. А какъ поручилъ Богъ нынешняго великого государя нашего дѣду, великому государю нашему ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р., царства Казанское и Астараханское, и черкасы горскіе со всею своею землею, узнавъ своихъ природныхъ государей, били челомъ ему, великому государю ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р. с., и во всей его воле учинились и по ся мѣста служатъ великимъ Російскимъ государемъ и многіе царского в-ва люди воинскіе и жилетцкіе въ Терскомъ городе живутъ, и слободы себѣ поставили. А какъ по милости Божіей великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и ему, великому государю нашему, всѣ горскіе черкаскіе князи и мурзы, и казый-кумытцкой Али бекъ князь зъ детьми, и Суркай князь карабудатцкой, и Будачѣй ерпельской зъ детьми, и всѣ горскіе и кабардинскіе князи и мурзы, и со всѣми уздени шертовали и детей своихъ и братью въ заклады подавали въ Терской городъ и служатъ великому государю нашему во всемъ, какъ есть природные великого государя нашего холопи. Да и кумытцкой Гирѣй князь и братья его Айдаръ мурза да Маметъ мурза, да Алла Гирѣй, да Суркай шевкалъ, да салтанъ Магмутъ мурза прежнего шевкала сынъ и иные кумытцкіе князи и мурзы по тому же передъ великимъ государемъ нашимъ его царьскимъ в-мъ исправились, и прежніе свои вины, которые ихъ вины были передъ великимъ государемъ нашимъ блаженные памяти царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Иваповичемъ в. Р. и передъ царемъ Борисомъ, покрыли, великому государю нашему, правду дали, на курапе шертовали и детей и братью свою на Терекъ въ оманаты подавали, и служатъ великому государю нашему по тому же, какъ и горскіе и кабардинскіе князи и мурзы.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что передъ шахомъ горскіе и кабардинскіе князи виноваты, скажутъ, въ чомъ

нибуди, а имяно только молатъ, что Гирѣй князь кумытцкой зъ братьею, за шахомъ его сестра, и шахъ его пожаловалъ, учинилъ ханомъ и многое къ нему жалованье показалъ, и онъ шаху манитъ, пишетъ къ шаху и приказываетъ, что онъ хочетъ служити шаху и холопъ шаховъ; а какъ шахъ пошлетъ куды своихъ людей черезъ его землю, и онъ тѣхъ шаховыхъ людей грабитъ и побиваетъ. А ко государю также пишетъ и приказываетъ, будто онъ государю служитъ, а онъ все манитъ и межъ государей с(с)оритъ, и такіе бъ сорщики межъ государей не были и за то ихъ шахъ хочетъ воевать. И Ѳедору и дьяку Богдану говорити: которая передъ шахомъ горскихъ черкасъ неисправленье, и шахово бъ в-во о томъ известилъ царскому в-ву, и царское в-во велитъ передъ шаховымъ в-мъ исправитьца, а безъ обсылки бъ черкасомъ никоторого зла не дѣлалъ, тѣмъ бы царскому в-ву нелюбьемъ не оказывался, чтобъ ихъ государской братственой дружбе и любви помѣшки не было. А кумытцкой Гирѣй князь, какъ царскому в-ву добилъ челомъ, правду далъ и закладъ въ Терской городъ далъ, и съ тѣхъ мѣстъ служитъ прямо и маповъ его никакихъ не бывало. А какъ шли къ царскому в-ву отъ шахова в-ва царского в-ва посланникъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, да шаховъ посланникъ Булатъ бекъ, и Гирѣй князь ихъ черезъ свою землю пропустилъ и провожалъ честно и кормъ давалъ; а только бъ манилъ, и маны-бъ мочно знать. И впередъ только учнетъ манить, и то не утаитца. А какъ въ немъ неправда объявитца, и царскому в-ву зъ Гирѣемъ можно управитца.

А будетъ „ “ учнутъ говорити, что Кумытцкая вся земля и кабардинскіе черкасы ныне учинились подъ государя ихъ подъ шаховымъ в-мъ и во всемъ ныне послушны шахову в-ву, и государь бы въ нихъ не вступался,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: кабардинскіе князи издавна холопи великихъ государей нашихъ, а намъ о томъ говорити и дѣлати не наказано; а то бъ лутче, чтобъ шахово в-во въ нихъ не вступался и съ царскимъ в-мъ за то нелюбья не всчиналъ. Да и не начаемся мы того, что шахову в-ву за то съ великимъ государемъ нашимъ въ нелюбьѣ быти, чаемъ, что шахово в-во въ нихъ не вступитца, отставъ. А нѣчто, какъ Федоръ и дьякъ Богданъ будутъ у шаха, а у шаха съ турскимъ война, а Гирѣй будетъ шахъ (sic) прямо отъ шаха отсталъ и учинился подъ турского рукою и съ турскимъ стоитъ на шаха, про то подлинно вѣдомо будетъ,—и имъ Гирѣя по тому жъ называти воромъ и на всѣ стороны маномъ, и то про него говорить, что царское в-во за его неправды ему терпѣти не учнетъ. А не розвѣдавъ о томъ подлинно, такихъ рѣчей про Гирѣя не говорити, чтобъ его отъ государя руки не отогнати.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ Ѳедору и Богдану говорити, что шахово в. приказывалъ къ царскому в-ву съ посланникомъ своимъ зъ Булатъ бекомъ и прежъ того зъ гонцомъ своимъ съ Хозе Муртозою, что онъ съ нимъ, великимъ государемъ, хочетъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и въ ссылке и на всѣхъ своихъ общихъ недруговъ хочетъ стояти заодинъ, а царскому-бъ в-ву построити городы на прежнихъ мѣстехъ, на Койсе и на Сунше и в-ныхъ мѣстехъ, чтобъ никого межъ государевы и шаховы земли не было, все бъ было сряду ихъ государскія земли, городы и люди, чтобъ ихъ государскимъ недругомъ было страшнѣе, и о томъ съ ними отъ царьского величества приказъ есть ли?—И Ѳедору и Богдану говорити: то великій государь вашъ Аббасъ шахово в. дѣлаетъ добро, что съ великимъ государемъ нашимъ съ ц. в. хочетъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и на всякого государева недруга хочетъ стояти заодинъ. А великій государь нашъ его ц. в. по тому жъ зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ съ Аббасъ шаховымъ в., хочетъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и въ сылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей. А чтобъ царскому в-ву въ прежнихъ мѣстехъ, на Койсе и на Сунше и в-ныхъ мѣстехъ городы свои поставити и опять (?) своихъ людей устроити, и великому государю вашему шахъ Аббасову в-ву и вамъ, его ближнимъ людемъ, самимъ вѣдомо, что нынѣ нѣтъ такова недруга никого царскому в-ву, что польской Жигимонтъ король, и царское в-во, отставя всякіе дѣла, управливаетца съ польскимъ королемъ, и всѣ рати царского в. стоятъ на польского и литовского короля земле. А какъ, ожъ дастъ Богъ, великій государь нашъ его ц. в. съ польскимъ королемъ нынешнимъ государевымъ вспоможеньемъ управитца, и великій государь нашъ его ц. в. тогды, сослався съ великимъ государемъ вашимъ съ Аббасъ шаховымъ в. о тѣхъ городѣхъ, и указъ свой царской велитъ къ своимъ государевымъ бояромъ и воеводамъ въ Астарахань послати. А нынѣ бъ великій государь вашъ Аббасъ шахово в. къ брату своему, къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. совершенную свою братцкую сердечную любовь показалъ, учинилъ своею государскою казною, противъ его государева недруга помогъ такъ же, какъ прежъ сего великого государя нашего дядя великій государь блаженные славные памяти царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с. учинилъ помочь брату своему Рудельоу цесарю римскому своею царскою многою казною противъ недруговъ его, чтобъ ихъ государскіе дѣла ихъ государскою межъ себя любовью утвердились вскоре. А чаемъ про то вспоможенье шахову в-ву вѣдомо.

И будетъ спросятъ: вѣдомо про то шахову в-ву, что помочь учинена цесарю, только про то подлинно невѣдомо, какою казною и сколько помочь учинена,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: послалъ дядя великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. великій государь нашъ блаженные славные памяти царь и в. кн. Федоръ Ивановичь в. Р. къ Рудельоу цесарю съ думнымъ своимъ дворяниномъ съ Михайломъ Ивановичемъ Вельяминовымъ собольми, лисицами дорогими и рысьми, и иными всякими узорочьи, которые въ его государстве ведутца, а у цесаря дорога, по московской цѣнѣ зъ десять сотъ тысечь рублевъ; а у цесаря его люди, которые тѣ товары знаютъ, цѣну имъ положили дватцать сотъ тысечь рублевъ.

А будетъ спросятъ про Нагай, какъ нынe въ государеве жалованье Большіе нагайскіе князи и мурзы и Казыева улуса? — и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: Нагаи заволскіе также издавна служатъ великимъ государемъ нашимъ, а нынe великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. Большіе Нагаи, Иштерекъ князь зъ братьею и зъ детьми, и съ племянники, со всѣми своими улусы и свыше прежнево учинились во всей въ царьского в-ва воле и шертъ и утверженье царскому в-ву дали передъ царьского в-ва дворяны. Иштерекъ князь зъ детьми и зъ братьями передъ Сунгуромъ Соковнинымъ, а братъ его Нурадынъ Шаитерекъ мурза зъ братьею жъ и зъ детьми и со всѣми улусы передъ царьского в-ва дворяниномъ, передъ Иваномъ Кондыревымъ, и пословъ своихъ съ тѣмъ къ царьскому в-ву присылалъ, что они ему, государю, правду дали, на куране шерть учинили, что учинились въ прямомъ холопстве навеки неотступно, и царьское бъ в-во ихъ держалъ въ своемъ царскомъ жалованьѣ по прежнему. И государь ихъ пословъ, пожаловавъ, къ нимъ отпустилъ и своихъ дѣтей боярскихъ къ нимъ своимъ царскимъ жаловальнымъ словомъ послалъ, что ихъ государь пожаловалъ по прежнему, и они бъ царскому в-ву служили и во всемъ на его царьскую милость и жалованье были надежны. И нынe нагайскіе люди, Иштерекъ князь и Нурадынъ Шаитерекъ мурза зъ братьею и зъ детьми, и съ племянники, въ царскомъ жалованье и въ повелѣнье по тому жъ, какъ былъ при прежнихъ великихъ государехъ царѣхъ и великихъ князехъ російскихъ.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что сказываютъ, что нагайскіе князи и мурзы служатъ государю въ его царскомъ повелѣнье, а нынѣ имъ вѣдомо учинилось, что с-Иштерекова княжово повелѣнья приходили нагайскіе мурзы въ Кабарду на Казыева

князя Шепшукова и его убили, и Кабардинскую землю многіе мѣста повоевали, и только бъ государю служили Нагаи, и они бъ государевыхъ холопей не воевали,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: учинилась межъ ихъ ссора улусными людьми, и они, межь себя ссорясь, повоевались на обе стороны безъ царского в-ва вѣдома, и царское в-во велѣлъ про то сыскать, за што такъ сталось? А то не диво, что они межь себя ссорились: и въ деревне на сусѣдствѣ межь собою обычной чорной человѣкъ съ сусѣдомъ по ссоре бьютца и мертвые бываютъ, а то царского в-ва подданные, а въ своихъ земляхъ владѣтели; ссора сталась, и они и повоевались. А Казыева улуса Нагаи тѣ были поотступили отъ великого государя нашего блаженные памяти царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., и великій государь нашъ блаженные памяти царь и в. кн. Ѳедоръ Иваповичь в. Р. с. указъ свой царской послалъ къ Большимъ Нагаемъ, а велѣлъ тѣхъ Казыева улуса Нагай посморить. И великого государя нашего царского в-ва искони вѣчные холопи Большіе Нагаи на нихъ ходили и ихъ повоевали и розгромили, и жены, и дѣти, и улусы ихъ къ себѣ поимали. А при царѣ Борисе астараханскіе воеводы посылали на достольныхъ Казыевъ улусъ Большихъ Нагай, а съ ними астараханскихъ стрельцовъ. И въ тѣ поры достальныхъ всѣхъ Казыева улуса людей разорили, и не кочуетъ ныне тутъ нихто. А ныне, услыша про великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с., что его великого государя Богъ учинилъ на его царскомъ престолѣ, на Московскомъ государстве, царемъ и в. кн. в. Р. с., Казыева улуса князи и всѣ мурзы присылали къ великому государю нашему поздравляти его царское в-во на его царскомъ престоле и били челомъ царскому в-ву, чтобъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подъ своею царскою рукою такъ же, какъ Большимъ Нагаемъ. И великій государь нашъ, его ц. в., Казыева улуса князей и мурзъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подъ своею царского в-ва рукою. И Казыева улуса князи и мурзы со всѣми своими улусы великому государю нашему служатъ и прямятъ такъ же, какъ и Большіе Нагаи.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити, что имъ то вѣдомо, что лѣтомъ Казыева улуса мурзы приходили въ государя вашего землю и воевали близко Москвы и въ Турского царя землю,—и Ѳедору и Богдану говорити: Казыева улуса мурзы въ государя нашего землю войною не ходили и близко Москвы не бывали, то вамъ сказывалъ нѣхто, не вѣдая. А какъ царское в. послалъ Казыева улуса мурзамъ свое царское повелѣнье, чтобъ они были подъ его царского в. высокою (рукою) и на всякого его государева недруга съ своими ратьми

ходили, куды имъ царского в-ва повелѣнье будетъ. И большихъ Нагай и Казыева улуса мурзы, собрався тысечь ихъ съ шездесятъ, пришли блиско государевыхъ украинныхъ польскихъ городовъ, которые подошли къ Польской и къ Литовской землѣ, и прислали къ царскому в-ву пословъ своихъ, куды имъ царское в-во повелитъ ити на которого своего недруга: на польского ль короля землю или на иного которого своего государева недруга? И царское в-во пословъ ихъ отпустилъ и своихъ детей боярскихъ съ своимъ царскимъ повелѣньемъ къ нимъ послалъ, а велѣлъ имъ всѣмъ итти войною на польского короля землю. И Большихъ Нагай и Казыева улуса мурзы со всѣми своими ратными людьми тысечь ихъ съ 60 по царского в-ва повелѣнью, ходили въ польского короля землю войною. Да въ тѣ жъ поры и царского в-ва многіе рати ходили польского жъ короля землю воевати, и польскую и литовскую земли воевали и многіе мѣста выжгли и разорили и въ полонъ безчисленно (?) попмали, и что польской король надъ великого государя нашего землю своимъ злымъ умысломъ и лукавствомъ учинилъ, а Богъ, за его неправды, надъ его землею и людьми и вдвое того воздалъ.

А будетъ учнутъ говорити, что Кумытцкая вся земля и кабардинскіе черкасы нынѣ учинились подъ государя ихъ подъ шаховымъ величествомъ и во всемъ нынѣ послушны шахову в-ву, и государь бы въ нихъ не вступался, — и „ “ говорити: кабардинскіе черкасы издавна холопи великихъ государей нашихъ, а намъ о томъ говорити и дѣлати не наказано, а то бъ лутче, чтобъ шахово в. въ нихъ не вступался и съ царскимъ величествомъ за то пелюбья не всчиналъ. (*Этотъ отрывокъ зачеркнутъ, а съ боку рукою дьяка написано*: Та статья написать въ одну съ верхней статьею вмѣсте; справить тетрадь, какъ о томъ съ Григорьемъ съ Шахматовымъ къ шаху писано).

А нѣчто спросятъ про Сибирь, какъ нынѣ Сибирская земля: по прежнему ль, какъ была при прежнихъ государехъ, — и „ “ говорити: Сибирская земля въ государеве жалованье, что и московскіе городы, и многіе въ ней государевы городы и люди въ нихъ многіе государевы устроены ратные и жилетцкіе торговые люди, и пашни многіе, и тамошніе люди сибирцы многіе крестились. И какъ царское в-во учинился на Московскомъ государстве, и въ тѣ поры на Москвѣ были многіе сибирскіе люди, и они царскому в. обрадовались, какъ есть государевы прирожепые холопи, что и московскіе жъ люди. А какъ была въ Московскомъ государстве смута по греху, а въ Сибири никакъ нихто не соблазнился, все была къ Московскому государству.

А будетъ шахъ или его ближніе люди учнутъ спрашивати, какъ

государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и съ цесаремъ римскимъ, и зъ датцкимъ, и съ англинскимъ, и с-ными государи, о которыхъ спросятъ, — и „ “ говорити: сами вѣдаютъ и они имъ сказываютъ, что прежніе великіе государи паши цари російскіе со всѣми великими государи были въ миру и въ сылке, а нынe, какъ по воле всемогущего Бога и по сродству прежнихъ великихъ государей пашихъ царей російскихъ и по избранью всякихъ людей всѣхъ городовъ всего великого Російского царствія учинился на Владимірскомъ и на Московскомъ государстве и на всѣхъ великихъ государствахъ Російского царствія государемъ ц. и в. кн. в. Р. с. великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., и ему, великому государю нашему, недружбы никоторые со всѣми великими пограничными государи нѣтъ, всѣ его царскіе дружбы и любви съ собою желаютъ и на всяково ево государева недруга стояти съ нимъ, великимъ государемъ, хотятъ заодинъ. А какъ великій гусударь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. на Московскомъ государстве учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, и царское в-во, какъ къ Аббасъ шахову в-ву, такъ и ко всѣмъ государемъ, къ цесарю римскому и къ аглинскому, и ко ѳранцовскому королемъ государство свое обестити посылалъ пословъ своихъ и посланниковъ, и тѣ всѣ государи хрестьянскіе царского в-ва присылали поздравляти на его великихъ и преславныхъ государствахъ своихъ пословъ и посланниковъ, а поморскіе и галанскіе и недерлянскіе государи, арцыкнязи и куроистры, саской, и брандеборской, и опалинской, и многіе князи неметцкіе рѣши сами и безъ царского величества присылки присылали къ царскому в-ву пословъ своихъ и посланниковъ поздравляти царское в-во на его великихъ государствахъ. И просятъ всѣ хрестьянскіе государи, чтобъ царское в-во принялъ ихъ къ себѣ въ дружбу и въ любовь, а князей въ свое царское любительное жалованье, а они всѣ ему царскому в-ву ради и тому обрадовались, что на тѣхъ великихъ Російскихъ государствахъ учинился опъ, великій государь, отъ прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ племяни, и всѣ ему царскому в. хотятъ противъ недруга ево, польсково короля, за его неправду способствовать, опричь цесаря римскаго; а цесарь великого государя нашего съ польскимъ королемъ миритъ, а никоторому государю, какъ царскому величеству, такъ польскому королю не помогаетъ.

А крымской Джанъ бекъ Гирѣй царь къ царскому в-ву поздравлятиего, великого государя нашего, на ево великихъ и преславныхъ государствахъ поздравляти присылалъ же, и ссылка межь царскимъ в-мъ и крымскимъ

царемъ есть, проситъ царского в-ва крымской царь, чтобъ великій государь держалъ его въ своемъ царскомъ любительномъ жалованье. И царское в. съ нимъ въ сылке для того, чтобъ онъ не помешалъ царскому в. управливатьца съ царского в-ва недругомъ, съ польскимъ королемъ, пишетъ къ нему царское в-во, что его въ своей царской любви держати хочетъ, а въ подлинномъ его государь въ своемъ жалованье и въ любви держати не хочетъ, и на мысли того царского в-ва нѣтъ, потому что крымской Джанъ бекъ Гирѣй царь голдовникъ турсково; а турской великому государю нашему и Аббасъ шахову в. недругъ

А съ турскими салтаны прежнимъ великимъ государемъ ц. и в. кн. російскимъ и дяде велнкого государя нашего царю и в. кп. Оедору Иановичю в. Р. с. о дружбе и о любви ссылки не бывали. А какъ великіе государи учинились на своихъ великихъ государствахъ, и они къ турскимъ салтаномъ государство свое обестити посылывали, а турскіе салтаны, учинясь на государствахъ, къ великимъ государемъ нашимъ государство свое по тому жъ обестити присылали. А великій государь нашъ ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. ныне учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, потому жъ посылалъ къ турскому государство свое обестити и польскаго Жигимонта короля неправды объявити. И будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя нашего турского посланникъ на Москвѣ былъ и государь нашъ того посланника къ турскому отпустилъ, и своего посланника къ турскому о дружбе и о любви послалъ, — и Ѳедору и Богдану говорити: мы вамъ сказываемъ: какъ великій государь нашъ его ц. в. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с. и онъ, великій государь нашъ, по прежнему обычею, какъ велось отъ прародителей его, да и у всѣхъ великихъ государей такъ же въ обычае бываетъ: посылаютъ къ турскому государство свое обестить посланниковъ своихъ. И турской царского в-ва посланниковъ отпустилъ и своего съ нимъ посланника Алѣя чеуша къ царскому в-ву поздравляти его царское в. на его великихъ государствахъ послалъ, какъ ведетца у всѣхъ великихъ государей, что и къ другу и къ недругу государство свое обѣщивать посылаютъ. И тотъ турского царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому в-ву не дошелъ, а были на Москвѣ армепьи, купецкіе люди, а не турского царя посланникъ. А купецкіе люди и во всѣ государства ходятъ безвозбранно. А ныне великій государь нашъ его ц. в. своего сына боярского съ грамотою къ турскому царю послалъ о томъ, что Казыева улуса мурзы учинилися подъ великимъ государемъ

нашимъ его ц. в. высокою рукою, и опъ бы въ нихъ не вступался, да о купецкихъ дѣлехъ; а о дружбе и о любви царскому в-ву съ турскимъ ссылки не бывали и впередъ не будутъ. А будетъ о томъ ихъ не спросятъ, и имъ самимъ о томъ однолично не говорити.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ спрашивати, какъ зъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. свѣйской король, — и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: свѣйской король государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. былъ недругъ по тому: какъ блаженные памяти великій государь нашъ царь и в. кн. Василей Ивановичь в. Р., послыша то, что польской Жигимонтъ король, поруша новое перемирье и крестное целованье, что здѣлали на Москвѣ при немъ, государе, послы его и посланники, Миколай Мологоской да Александръ Гасевской съ товарыщи, пришелъ самъ войною подъ Смоленескъ, послалъ былъ на короля брата своево, боярина, князя Дмитрея Ивановича Шуйсково, со многими рускими ратьми, да съ нимъ же свѣйскаго Карлуса короля, воеводу Якова Пунтусова, а съ неметцкими людьми, которые служили царю Василью за паемъ. И польской Жигимонтъ король, послыша ту посылку на себя, послалъ противъ князя Дмитрея Ивановича гетмана коруны польскіе Станислава Желковского, а съ нимъ многихъ пановъ радъ и дворъ свой весь съ своими ратными польскими и литовскими и иныхъ земель съ наемными людьми. И свѣйского короля воевода Яковъ Пунтусовъ, забывъ свою правду къ царю Василью, безъ свѣйского короля вѣдома, на бою подъ Клушинымъ съ неметцкими людьми изъ Дрогавъ отъѣхалъ къ польскому гетману къ Станиславу Желковскому. А отъ гетмана Желковского Яковъ Пунтусовъ тотъ же часъ пошелъ въ новгородцкіе мѣста и стоялъ подъ Новымъ городомъ, просилъ заслуженыхъ денегъ, что было взяти имъ на царѣ Василье. А стоявъ, отшелъ былъ въ свою землю. И какъ по злому умышленью Жигимонта короля польсково и его пановъ радъ царствующій градъ Москву польскіе и литовскіе люди выжгли и высекли, а Московскаго государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ люди изо всѣхъ городовъ всего Російскаго государства, сослався и укрепясь межь себя, пришли на польскихъ и литовскихъ людей подъ царствующій градъ Москву отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очищати, и Новгородцкого государства всякіе ратные люди пришли подъ Москву жъ зъ бояры и воеводы вмѣсте, и Яковъ Пунтусовъ пришелъ подъ Новгородъ безвѣстно. И новгородцкіе всякіе люди за крестнымъ целованьемъ Якова Пунтусова съ немногими съ неметцкими людьми пустили въ городъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста заплатятъ заслуженые деньги, что было сму взять на царѣ

Василье. И Яковъ Пунтусовъ черезъ крестное свое целованье новгородцовъ, оплоша, Новгородъ былъ засѣлъ. И прежнего свѣйского Карлуса короля не стало, а на его мѣсто на свѣйскомъ королевстве учинился сынъ его Густавъ Адольфъ король. А какъ по милости Божіей Московского государства бояре и воеводы, и всякіе ратные люди царствующій градъ Москву отъ польскаго Жигимонта короля и отъ его польскихъ и литовскихъ людей очистили, а на Владимірскомъ и на Московскомъ и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія учинился великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., и новгородцкого государства митрополитъ Исидоръ да царского в. боярин и воевода князь Иванъ Никитичь Одоевской, и всякихъ чиновъ люди всего Новгородцкого государства присылали къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. бити челомъ и милости просити изо властей и изъ дворянъ, и изо всякихъ чиновъ людей всего Новгородцкого государства, чтобъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. по своему царскому милостивому нраву милость свою показалъ, велѣлъ съ свѣйскимъ королемъ обослатьца о всякихъ о добрыхъ дѣлехъ, чтобъ ихъ всякихъ людей Новгородцкого государства свободить отъ иноплеменникъ милостивно, а не обнаженнымъ мечемъ, и отчина бъ своя царскому в-ву, Новгородцкое государство, очистить безъ крови; а свѣйской король о томъ радѣетъ, чтобъ царскому в-ву съ нимъ помиритьца. Да въ тѣ жъ поры къ великому государю нашему къ его царскому в. писали и прислали пословъ своихъ Якубъ король аглинской да галанскіе и недерлянскіе земли владѣтели по свѣйского короля присылке съ великимъ прошеньемъ, чтобъ великій государь нашъ его ц. в. съ свѣйскимъ королемъ помирился. А послы ихъ тутъ же межъ царского в-ва великихъ пословъ и свѣйскихъ пословъ на съѣзде будутъ. И великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., по своему царскому милостивому нраву и жалѣя о народе хрестьянскомъ, посылалъ на съѣздъ съ свѣйскими послы о добрыхъ дѣлехъ и о покое хрестьянскомъ говорити и становити пословъ своихъ великихъ, окольничего и намѣсника суздальского князя Данила Ивановича Мезетцкого съ товарыщи. А аглинского короля посолъ тайные его думы дворянинъ князь Иванъ Мерикъ и галанскихъ и недерлянскихъ владѣтелей послы Реингольтъ ѳанъ-Бредировъ съ товарыщи царского жъ величества и съ свѣйскими послы на съѣзде были и царское в. съ свѣйскимъ королемъ помирили на томъ, что свѣйскому королю царскому величеству царского величества отчину Новгородъ и пригороды отдати и совсѣмъ очистити въ нынешнемъ году іюня мѣсяца въ первый день. А учиня

перемирье и записи подписавъ, съ тѣмъ царского в. послы, окольничей и намѣсникъ суздальской князь Данило Ивановичь Мезетцкой съ товарыщи и аглинского короля посолъ князь Иванъ приходили къ царскому в-ву. А свѣйского короля послы и галанскихъ, и недерлянскихъ владѣтелей послы ходили къ свѣйскому королю, и пошли съ обѣихъ сторонъ при пасъ же къ сроку іюня къ 1-му числу для очищенья царского величества городовъ тѣ жъ всѣ послы съ обѣихъ сторонъ. А помирилися на томъ, что на литовского короля стояти заодинъ; а такихъ недруговъ межъ собою нѣтъ, что польской межъ собою съ свѣйскимъ, миру межъ ими никакъ не бывать ныне и впередъ. А будетъ о свѣйскомъ не вспросятъ, и имъ самимъ о томъ не говорити.

Да какъ, ожъ дастъ Богъ, шахъ ихъ отпуститъ и пошлетъ съ ними своихъ пословъ и съ ними казны ко государю на вспоможенье, или казны не пошлетъ, и съ чѣмъ съ ними пословъ своихъ пошлетъ, и что о томъ съ ними шахъ и шаховы ближніе люди поговорятъ,—и Ѳедору и дьяку Богдану о томъ отписати ко государю паскоро напередъ себя исъ Кабарды, только пойдутъ на Кабарду исъ Терки и изъ Астарахани, чтобъ государю про то было вѣдомо.

Да память посломъ Ѳедору Исаковичю Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѳѣеву. Какъ они придутъ въ Астарахань или на Терекъ, а вѣсть имъ учинитца въ Астарахани или на Терке, или гдѣ въ дороге, что Божіимъ судомъ Аббасъ шаха въ животѣ не стало, а на его мѣсто учинился будетъ на государстве сынъ ево „ “ или братъ, или племянникъ, и къ тому новому шаху итти. Да какъ имъ велитъ тотъ новой шахъ быти у себя на посольстве, и посломъ, пришедъ, говорити:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. *(титулъ)* и иныхъ многихъ государствъ государь и облаадатель его царское в-во послалъ былъ насъ къ брату своему, къ Аббасъ шахову в., съ посланникомъ ево, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте о братственной дружбе и о любви, и о иныхъ о добрыхъ дѣлехъ, которые пристоятъ обѣимъ великимъ государемъ и ихъ великимъ государствамъ къ доброму дѣлу, а о томъ намъ царского в-ва приказъ есть: будетъ судомъ Божіимъ Аббасъ шахова в-ва не стало и хто на ево мѣсто на Перситцкомъ государстве учинился государемъ, и намъ царское величество приказалъ тому шаху посольство правити и тѣ дела о братцкой любви объявити. Да правити имъ отъ государя царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. тому новому шаху поклонъ и грамота подати, и рѣчь говорити, и поминокъ явити по государеву наказу, какъ велено править и Аббасъ шаху.

И о всемъ, будучи въ Казылбашской землѣ и у нового шаха, дѣлати и промышляти, и о чемъ ихъ вспросятъ, говорити по сему жъ государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. наказу, какъ имъ велено дѣлати у Аббасъ шаха.

И будучи имъ въ Кизылбашехъ, провѣдывати накрѣпко, какъ шахъ съ турскимъ салтаномъ и зъ бухарскимъ: въ миру-ль или не въ миру, и внове хто хъ кизылбашскому шаху отъ турского или отъ бухарского послы и посланники бывали-ль? И будетъ были, и о чемъ приходили? И кизылбашской шахъ съ чѣмъ ихъ отпустилъ и своихъ пословъ и посланниковъ къ турскому и къ бухарскому послалъ ли? и съ чѣмъ ихъ послалъ, и впередъ межъ ихъ чево чаять: миру-ль или войны? и которые городы поималъ шахъ внове у турского? и будетъ взялъ, и которые горды взялъ? и многая ль рать у кизылбашского шаха, какъ вся рать збирастца? и с-ными съ которыми государи шаху ссылка есть ли? и хто шаху на турского помогаетъ? и какъ шахъ ныне зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ, и съ кумытцкими, и съ кабардинскими князьми? и которые кумытцкіе и кабардинскіе князи шаху прямятъ, и которой князь кумытцкой шаху-ль прямитъ, или служитъ государю и прямо-ль государю служитъ? И хто ныне в-Иверской землѣ царь: крестьянскіе ли или мусульманскіе вѣры? и какъ ныне Иверская земля съ шахомъ? и каковы которые государства силою и людьми и богатствомъ? О томъ о всемъ, подлинно провѣдавъ, себѣ записать, а пріѣхавъ къ Москвѣ, сказати о томъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. самодержцу.

И о всемъ Ѳедору и Богдану государевымъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. дѣломъ промышляти, дорогою ѣдучи и въ городѣхъ, и будучи въ Кизылбашской землѣ, государевымъ дѣломъ промышляти, по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича въ Р. крестному целованью, правдою и по сему государеву наказу, и какъ ихъ Богъ вразумитъ, и какъ бы государеву имяни къ чести и къ повышенью, а сво государеву дѣлу было прибыльнѣе, и розни бъ межъ ихъ ни въ чемъ не было. А сесь государевъ царевъ и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. паказъ держати у себя тайно; а гдѣ, будетъ грехомъ, почаютъ себѣ какова недобра, гдѣ ни буди, и имъ сесь государевъ паказъ ухоронити, или изодрать, или зжечь, или въ воду утопить, чтобъ однолично сево государева наказу не вѣдать никому, и держати имъ у себя сесь государевъ наказъ однолично тайно, чтобъ опричь дву изъ нихъ нихто у нихъ сего государева наказу не вѣдалъ. А о казнѣ однолично шаху и его ближнимъ людемъ говорити накрепко и

промышляти всякими мѣрами, чтобъ казны шахъ съ ними послалъ побольши, тѣмъ бы имъ однолично государю послужити.

А будемъ судомъ Божіимъ въ шахове землѣ Ѳедора въ дороге до посольства или после посольства въ животе не станетъ, и дьяку Богдану Тимоѳѣеву приказывати съ приставы къ шаховымъ ближнимъ людемъ, что послалъ былъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. къ великому государю, брату своему, Аббасъ шахову в. государство свое обестити и о братцкой любви и о дружбе, и о всякихъ добрыхъ дѣлехъ напомянути, въ посланникехъ дворянина своево Ѳедора Исаковича Левонтьева, и Божіимъ судомъ Ѳедора не стало, а по приказу великого государя нашего его ц. в. велепо ему у великого государя Аббасъ шахова в. на посольстве быти и посольство правити, и всякое дѣло дѣлати обѣма, и они б'ь, шахова в. ближніе люди, известили о томъ шахову в-ву, чтобъ шахово в-во, для братцкіе любви и дружбы, велѣлъ сму, Богдану, быти у себя на посольстве, не замешкавъ, и говорити о томъ приставомъ бесъ престани. Да какъ шахъ велитъ Богдану быти у себя на посольстве, и Богдану къ шаху на посольство итти и отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. шаху посольство правити и грамота подати, и рѣчь говорити, и о всякихъ государевыхъ дѣлехъ съ шахомъ и съ ближними людьми, о чемъ его учнутъ спрашивати, говорити и о всемъ дѣлати по сему государеву наказу, какъ было имъ государево дѣло дѣлати вмѣсте съ Ѳедоромъ.

Да память Ѳедору Исаковичю Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѳѣеву. Послано съ ними къ шаху отъ государя въ поминкахъ восмь кречатовъ да три ястребы, и только надъ которымъ кречатомъ или надъ ястребомъ въ дороге учинитца, которой заболитъ, вести будетъ нельзя, или которой умретъ, и Ѳедору и Богдану въ того кречета или въ ястреба мѣсто такихъ же птицъ сыскивать въ городѣхъ, гдѣ у кого найдутъ, а гдѣ у кого кречата или ястреба скажутъ, и имъ у того та птица взяти на государя и велѣти вести къ шаху въ убылые мѣсто. А гдѣ надъ которою государевою птицою что учинитца и у кого гдѣ въ то мѣсто птицу возьмутъ, и имъ о томъ отписати ко государю.

И нѣчто учнетъ къ нимъ шахъ присылати, какъ поѣдетъ тѣшитца, чтобъ прислали къ нему для птицъ государева кречетника, а его кречетники къ тѣмъ птицамъ не пріобытчились, и Федору Исаковичю и діаку Богдану отговаривати: кречетники посланы съ птицами того для, чтобъ ихъ довести здорово, а ныне они у шаховыхъ

кречетниковъ и шаховы кречетники ихъ приводите по своему, какъ имъ надобно, а государевымъ кречетникомъ ужь пыне што за дѣло? а въ государеве наказе о томъ имъ не написано, что государевыхъ кречетниковъ съ шахомъ посылать на потѣху, и шахово бъ в-во того на нихъ не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опале не быть. А будетъ шахъ о томъ учнетъ приказывати накрепко, чтобъ прислати къ нему на потѣху государева кречетника, — и Федору и діаку Богдану, отговорився всякими мѣрами, будетъ отговоръ не иметъ, государева кречетника послати, которой бы былъ досужъ и навыченъ. А будетъ пачаютъ, что птицы носить будутъ для того, что имъ въ дороге ученья не будетъ,— и Федору и дьяку Богдану потому и отговаривать и кречетниковъ не посылать. А будетъ учнутъ говорить накрепко отъ шаха, чтобъ велѣли государеву кречетнику государевыхъ птицъ къ ловле приводити, а отговоритца будетъ не мочно, — и Федору и дьяку Богдану велѣти государеву кречетнику птицъ приводити по ихъ обычею, какъ государевы кречетники на то извычены. А будетъ шахъ учнетъ говорити, чтобъ оставити у него для птицъ государева кречетника или ястребника или дву на время,— и Федору Исаковичю и дьяку Богдану отговаривати: о томъ у нихъ государева указу нѣтъ, и имъ безъ государева указу пыне оставити не смѣть, чтобъ на нихъ того шахово в-во не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опале не быть, только имъ учинити безъ государева наказу. А будетъ шахъ за то упрямитьца и учнетъ о томъ говорити накрепко, а государеве ссылке будетъ радъ и во всемъ съ государемъ похочетъ быти въ дружбе и въ любви, ко всякому добру будетъ придвиженъ, и на помочь казны послати похочетъ, — и Федору Исаковичю и дьяку Богдану оставити кречетника которого одного изъ молодыхъ, которой бы ко птицамъ зналъ гораздо и во всемъ къ тому дѣлу былъ навыченъ, а оставити на время и о томъ договоритца: какъ будутъ къ шаху иные государевы послы или посланники, или гонцы, или отъ шаха къ государю пойдутъ послы или посланники, или гонцы, и шаху того государева кречетника отпустити съ ними, не задержавъ.

Да память Ѳедору Исаковичю Леонтьеву да дьяку Богдану Тимоѳеву. Нѣчто шахъ пришлетъ къ нимъ свое жалованье, платье, на подворье и велитъ имъ ѣхати въ своемъ платье, и кого къ нимъ о томъ пришлетъ,—и Федору и дьяку Богдану говорити: то государя вашего Аббасъ шахова в-ва къ великому государю нашему нелюбовь, а къ намъ то его нежалованье, безчестье, что намъ велитъ ѣхать въ своемъ

жалованье, въ платье: у великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. въ поведеньяхъ ведетца отъ предковъ его великихъ государей царей російскихъ: всѣхъ государей пословъ и посланниковъ государь жалуетъ, велитъ на нихъ свое государево жалованье класти при своихъ царскихъ очехъ. И только бъ шахъ насъ по тому жъ пожаловалъ, велѣлъ на насъ свое жалованье положити передъ собою— въ томъ его воля, а нынѣ намъ къ шаху ѣхати въ его платье непригоже, тѣмъ бы насъ не безчестилъ, нашему закону то противно, что ходити въ платье не по своему обычею; а которые послы и посланники, и гонцы бывали у прежнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей російскихъ и нынѣ у великого государя нашего, его царского в-ва, и тѣ всѣ видали царского в-ва очи въ своемъ платье по своему обычаю, а не въ царскомъ жалованье, и шахъ бы надъ нами такъ же велѣлъ учинить. Да одиолично всякими мѣрами о томъ отговариватьца, смотря по тамошнему дѣлу, а къ шаху въ его платьѣ не ходити.

Да память Федору Исаковичю да дьяку Богдану. Будетъ которые торговые люди похотятъ съ ними ѣхати въ Кизылбаши или исъ которыхъ понизовныхъ городовъ,—и Федору и Богдану взяти съ собою торговыхъ людей немногихъ добрыхъ, кому бъ мочно вѣрити, съ поруками, хто бъ былъ не воръ и не бражникъ, а бражниковъ, воровъ и иноземцовъ отнюдь никово не имати, а взяти съ собою человѣкъ до семи и до осьми, а больши десяти человѣкъ не имати, а о томъ заказать накрѣпко и самимъ того беречи накрѣпко, чтобъ тѣ торговые, люди заповедныхъ товаровъ, птицъ никакихъ и соболей, и куницъ, и бѣлокъ живыхъ, и желѣза, и воску, и никакихъ заповедныхъ товаровъ, одиолично съ собою не возили, и самимъ къ шаху въ поминкахъ птицъ никакихъ, кречетовъ, соколовъ и ястребовъ, въ поминкахъ не носити. Отставить рядовое не самое много.

Да память Ѳедору Исаковичю Леонтьеву да дьяку Богдану Тимофѣеву. Послано съ ними въ запасъ два постава сукна пастрафилю да пять сороковъ соболей, да пять лисицъ черныхъ на роздачю для черкаскихъ князей и мурзъ, только пойдутъ черезъ Кабарду и черезъ горы. И только Федоръ и Богданъ съ шаховыми посланники пойдутъ на Терекъ, а съ Терекъ черезъ Кабарду и черезъ горы, и по государевымъ проезжимъ грамотамъ, которые съ ними къ черкаскимъ княземъ и къ мурзамъ посланы, учнутъ къ нимъ черкаскіе князи и мурзы пріезжати и ихъ провожати, и Федору и Богдану черкаскимъ княземъ и мурзамъ псъ тѣхъ соболей и лисицъ давати государева

жалованья, кому что пригоже, смотря по службе и по радѣнью и по человѣку. А что кому государева жалованья дадутъ, — и Ѳедору и Богдану то велѣти записати. А будетъ тѣхъ суконъ и соболей, и лисицъ черкаскимъ княземъ не роздадутъ, и имъ на тѣ сукна и соболи, и лисицы купити въ Кизылбашехъ на государя всякихъ узорочей, которые къ государеве казне пригодятца.

Да память Ѳедору Исаковичю да діяку Богдану Тимооѣеву. Будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ ихъ спрашивати о Иване о Хохлове да о Якушке о Глядкове съ товарыщи, которые присланы были къ шахову в—ву изъ Астороханн отъ вора отъ Ивашка Зарутцкого и отъ Маринки, называя воровского сына государскимъ сыномъ, и объ нихъ великій государь ихъ приказывалъ къ царскому в—ву съ посланникомъ своимъ, зъ Булатъ бекомъ, чтобъ царскому в—ву для братцкіе дружбы и любви шахъ Аббасова в—ва тѣхъ винныхъ, Ивана Хохлова, Якуша Глядкова, съ товарыщи, пожаловать, хотя будетъ они достойны и смертные казни, и имъ бы и смертная казнь отдать; а которые винные люди у великого государя ихъ и хотя потому жъ будутъ достойны смертные казни, а царское в—во только объ нихъ свое царское милостивое слово къ брату своему, къ шахъ Аббасову в—ву пришлетъ, и государь ихъ, шахъ Аббасово в., своимъ виннымъ также опалу свою и смертную казнь отдастъ,—и имъ про то вѣдомо-ль: царское в—во тѣхъ винныхъ для брата своего шахъ Аббасова в. пожаловалъ ли? И Ѳедору и Богдану говорити: про то имъ вѣдомо, что шахъ Аббасово в—во Ивана Хохлова съ товарыщи къ царскому в—ву прислалъ съ великого государя нашего посланникомъ съ Михайломъ Тихановымъ и зъ своимъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте, и объ нихъ къ великому государю нашему къ его ц. в. съ посланникомъ своимъ зъ Булатъ бекомъ приказывалъ, чтобъ царскому в—ву для ево, брата своего, великого государя вашего шахъ Аббасова в—ва братцкіе дружбы и любви тѣхъ винныхъ пожаловать, смертная казнь имъ отдати. И хоти были тѣ воры за ихъ многое воровство и за измѣну, что опѣ къ шахову в—ву ѣздили отъ вора, называючи ево государскимъ сыномъ, и просили у шахова в—ва тому вору и воровке, для ихъ воровства, казны и помочи противъ его царского величества на розлитіе крови, и для того, что они, будучи у шахова в., многую смуту межъ Російского государства чинили: воровского Маринкина сына называли прямымъ государскимъ сыномъ и мать его, вориху Маринку, называли государынею, и многіе ссорные воровскіе слова на крестьянское кроворозлитіе шахову в—ву вмещали,—довелись многихъ мукъ и смертные казни,

да великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., по своему царскому милосердому праву и для великого государя вашего шахъ Аббасова в—ва братцкіе дружбы и любви, и хотя съ нимъ, великимъ государемъ вашимъ, впередъ по тому жъ быти въ братцкой дружбе и въ любви на веки неподвижно, тѣхъ всѣхъ виппыхъ, Ивапа Хохлова, Якуша Глядкова съ товарыщи, пожаловалъ, смертную казнь имъ отдалъ и въ своемъ царскомъ жалованье и въ призрѣнье учинилъ ихъ по прежнему. И великій государь вашъ шахъ Аббасово в—во то отъ царского величества припялъ въ любовь и съ великимъ государемъ пашимъ, съ его царскимъ величествомъ, былъ въ братцкой дружбе и въ любви навеки неподвиженъ. И о чемъ великій государь нашъ къ великому государю вашему къ шахъ Аббасову в. съ посланники своими или зъ гонцы отпишетъ или прикажетъ, и великій бы государь вашъ по тому жъ на всякое добро и на братственную любовь и дружбу съ великимъ государемъ нашимъ былъ подвиженъ. И хотя будетъ шахъ или его ближніе люди и спрашивати про то не учнутъ, и Ѳедору и дьяку Богдану, изговоря рѣчь по большому государеву паказу, про то шаху или ево ближнимъ людемъ объявити, чтобъ про то шаху было вѣдомо.

Роспись, что послано отъ государя къ шаху поминковъ съ Ѳедоромъ Левоптьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ:

Сорокъ соболей въ 200 рублевъ, сорокъ во 150 рублевъ, сорокъ во 100 рублевъ; лисица черпа въ 30 рублевъ, лисица черна въ 20 рублевъ; 5 пудъ рыбья большого зубу; да восмь кречетовъ: 2 кречета красныхъ, 2 кречета подкрасныхъ, 2 кречета кропленыхъ, 2 кречета сѣрыхъ; да 3 ястребы.

А шаху явити на посольстве перечнемъ, а цены не объявлять: 3 сороковъ соболей, 2 лисицы черны, 5 пудъ рыбья зубу, 8 кречетовъ: 2 красныхъ, 2 подкрасныхъ, 2 кропленыхъ, 2 сѣрыхъ; 3 ястребы.

И маія въ 23 де(нь) въ пятницу государевы посланники, Ѳедоръ Левоптьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ съ Москвы къ шаху отпущены; а государева грамота къ шаху послана съ пими отъ государя такова [1])

. . . . . .

И какъ его поставили съ переводчикомъ съ Семейкою съ очей на очи, и подъячей Иванъ сказалъ: выкладывали у него толмачи

---

[1]) См. раньше, стр. 172—177.

Семейка Ондрѣевъ да Семейка Гарасимовъ, а онъ тутъ же былъ, и то онъ вѣдаетъ, что шахъ послалъ 10.000 тюменей; а слышелъ про то у толмачей; а Федору де про то какъ было не вѣдать?

И допрашиванъ подъячей: для чего у него того въ списке не написано и для чего объ томъ къ государю въ отписке имянно не написали, а написали, что про то невѣдомо. И подъячей сказалъ: онъ былъ человѣкъ невольной, подначальной, какъ ему Ѳедоръ велѣлъ писати, и онъ такъ и писалъ.

И ноября въ 21 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу спрашиванъ Ѳедоръ Левонтьевъ: вѣдалъ ли онъ, Ѳедоръ, что шахъ ко государю денежные казны съ послы своими послалъ и гдѣ про то свѣдалъ, и для чего о томъ ко государю имянно не отписалъ, и государю самому про то не сказалъ, какъ государь ево спрашивалъ? Да онъ же сказалъ, что шлетъ шахъ ко государю суды золотые и то дары велѣлъ продавать, да денги государю давать, а послы сказали: того ничего нѣтъ. И на чомъ шаху билъ челомъ, какъ ему шахъ велѣлъ сказати тихонько, что онъ ко государю казны шлетъ, а сму велено у шаха казны просить въ займы, а не челобитьемъ и бить челомъ о томъ шаху не велено, а то шахъ говорилъ тайно невѣдомо о чомъ, а онъ, вставъ, да билъ челомъ.

Да Ѳедоръ же спрашиванъ противъ письма кизылбашскихъ пословъ: сказывали про него кизылбашскіе послы, что велѣлъ ему, Ѳедору, шахъ приходити къ себѣ въ компату безъ опсылки по вся дни и по вся часы, чтобъ онъ ему про всякіе государевы дела сказывалъ, что съ нимъ наказано, и шахъ де хотѣлъ государевъ приказъ исполнити, и онъ будто своею дуростью и спесью къ шаху не ходилъ, а коли и придетъ, и шахъ деи его пожалуетъ изъ своихъ рукъ какимъ питьемъ, и онъ де, Ѳедоръ, иную чарку выпьетъ вполы, а иную, прикушавъ, отдастъ да и тутъ охнетъ,—и шаху деи то стало за кручину. Хотѣлъ деи былъ шахъ послати ко государю и больши того казны, да онъ де Ѳедоръ говорилъ о казнѣ только одинова. А какъ деи шахъ его, Ѳедора, отпустилъ и велѣлъ деи ему подождати на стану своего жалованья, и послалъ деи шахъ къ нему зъ Булатъ бекомъ своего жалованья сто тюменей, и онъ деи, Ѳедоръ, и того шахова жалованья не дождался, съ стану съѣхалъ, и шаху деи стало за кручину и давать ему того своего жалованья не велѣлъ. И онъ, Ѳедоръ, для чего такъ дѣлалъ упрямо: къ шаху не ходилъ и о государевыхъ дѣлехъ и о казнѣ не говорилъ, и для чего не пилъ, что шахъ подавалъ, и для чего не ждалъ шахова жалованья на стану?

И ноября въ 25 де(нь) Ѳедоръ Левонтьевъ съ переводчикомъ съ Семейкою съ очи на очи въ роспросе сказалъ, что Семейку къ Исупъ хапу па завтрее отпуску посылалъ для подводъ и спросить велѣлъ Исупъ хана: посылаетъ ли шахъ ко государю казну, а имяппо о томъ спрашивать не велѣлъ, сколько шахъ казны посылаетъ. И переводчикъ ему, Семейка, о томъ не сказывалъ.

А Семейка съ очей па очи съ Ѳедоромъ говорилъ, что посылалъ его имянно о томъ спрашивать и онъ спрашивалъ, и Исупъ ханъ ему сказалъ, что посылаетъ 1.000 тюменей, да слался въ томъ на Семейку Герасимова, что и Семейка съ нимъ ѣздилъ. И сказывали про то, пріѣхавъ, Ѳедору оба, что Исупъ хапъ имъ сказалъ, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей.

А Семейка Герасимовъ съ очей на очи сказалъ тожъ, что и онъ съ Семейкою Ондрѣевымъ ѣздилъ, и Исупъ ханъ имъ про то сказалъ, и они, пріѣхавъ, Ѳедору сказали.

А Оедоръ говорилъ, что никакъ онъ о томъ спрашивать не велѣлъ, и они ему пе сказывали, а слышелъ въ розговорехъ и не у одного, что посылаетъ 1.000 тюменей, а иные говорили больши, и онъ того для имянно и не писалъ, что нѣчему вѣрить.

. . . .сылаетъ казны, а толмачи, которые съ нимъ были, сказываютъ, что онъ то вѣдалъ: назавтрее де того, какъ его шахъ отпустилъ, посылалъ онъ къ Исупъ хану о томъ провѣдывать толмача Семейку Ондрѣева, и Исупъ ханъ къ нему съ Семейкою приказалъ, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей, а на завтрее ему Исупъ ханъ и самъ сказалъ, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей, и онъ для чего о томъ ко государю пе писалъ и въ списке такъ для чего не написалъ?

И Оедоръ сказалъ: слышелъ онъ то въ разговорехъ не у одного Исупъ хана, и у многихъ людей. Иные сказывали, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей, а иные сказываютъ, что посылаетъ и 100.000 тюменей. Мало-ль чего сказывали, да онъ тому не вѣрилъ, что у шаха изъ устъ о томъ не слышелъ, потому и ко государю имянно не писалъ и въ списокъ того писати не велѣлъ, что не вѣсть чему вѣрить. А Семейки онъ Ондрѣева къ Исупъ хану не посылывалъ, Семейка мало и у дѣла былъ: немогъ. И шахъ и шаховы ближніе люди Семейкѣ не вѣрили, и онъ его для того и не посылалъ, то па него Семейка затѣялъ, что онъ его къ Исупъ хану.....

ОТРЫВОКЪ [1]).

...и иную тяжелую рухлядь, которую кизылбашской посолъ похочетъ оставити, тоѣ бы еси рухлядь всю после себя перевести велѣлъ въ Нижней же на подводахъ. И пришедъ съ кизылбашскимъ посломъ и съ купцомъ въ Нижней Новгородъ, и съ нимъ сталъ. Да какъ Волга станетъ и гораздо укрепитца, и ты бъ съ кизылбашскимъ посломъ шелъ въ Казань и шелъ на нижегородцкихъ подводахъ Волгою до тѣхъ мѣстъ, до коихъ мѣстъ ходятъ, а отъ тѣхъ мѣстъ подводы бы еси подъ кизылбашского посла и подъ дворянъ, и подъ людей его, и подъ купца, и подъ рухлядь ихъималъ у всякихъ людей столько жъ, на колькихъ изъ Нижнего пойдешь. А шелъ бы еси Волгою, а горою одполично не ходилъ. А подъ себя и подъ толмачей подводы ималъ по подорожнымъ, а подъ стрельцовъ для береженья до Казани велѣлъ имати по подводе подъ человѣка. А что еси писалъ, что кормовыхъ денегъ у тебя только стало октября по 24 день, и ты бъ про кизылбашского посла кормъ до Нижнего ималъ у всякихъ людей безденежно. А какъ въ Нижней придешь, и ты бъ про кизылбашского посла и про дворянъ и про людей на кормъ деньги ималъ, и медъ и вино ималъ по розписи въ Нижнемъ у воеводы у Левонтья у Оксакова и у дьяка у Ивашки. . . . .

---

[1]) Столбецъ, попавшій въ это дѣло, по всей вѣроятности, относится къ третьему пріѣзду Анди-бека въ Россію. (См. 1-й томъ Дипломат. сношеній Московской Руси съ Персіей, стр. 287—318). Такъ надо заключать по имени нижегородскаго воеводы Леонтія Аксакова и дьяка Ивана (Шарапова).

1616 февраль. 8—іюля. Челобитныя персидскаго купчины Хозя Незамедина и прикащиковъ его о взятыхъ у нихъ въ Астрахани на государя товарахъ, и по онымъ отпускъ въ Казань и Астрахань государевыхъ грамотъ. На 57 листахъ.

Лѣта 7124-го февраля въ 8 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу память діаку Саве Рамапчюкову въ приказъ казанского дворца къ діакомъ, къ думпому къ Петру Третьякову да къ Петру Микулину съ товарыщи. Въ памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велено выписать сколько взято на государя въ Асатрахани въ прошломъ во 123-мъ году кизылбашского Хози Назамедина какихъ товаровъ и что ему цена, и даны ль ему за тѣ его товары по ценѣ денги, да та выпись велено прислати въ посольской приказъ. И въ прошломъ во 123-мъ году іюня въ 13 де(нь) писали ко государю ц. и в. кп. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. изъ Астарахани бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарыщи, и прислали ко государю съ казанцомъ съ Сергѣемъ Москотипеевымъ товаровъ, а взяты тѣ товары въ Астарахани кизылбашского купчины у Хозь Назамединова человѣка у Хозя Аната, а сказалъ Хозя Анатъ: лежалъ де у него тотъ товаръ въ Астарахани схоронепъ восмь лѣтъ, а денегъ за тѣ товары въ Астарахани Хозь Назамединову человѣку Хозь Нату не дано; а говорилъ Хозя Анатъ, чтобъ тѣ деньги дати хозяину ево въ Казани. И въ прошломъ же во 123-мъ году іюня въ 21 де(нь) послана государева ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамота въ Казань къ боярину и воеводе, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діаку къ Федору Лихачеву, а велено за тѣ товары кизылбашскому купчину Хозь Назамединову по астараханской ценѣ деньги сто семьдесятъ одинъ рубль дватцать алтынъ дати изъ государевы казны въ Казани, и исъ Казани бояринъ и воеводы о томъ ко государю не писывали: даны-ли кизылбашскому купчине Хозь Назамединову за тѣ его товары по ценѣ деньги, или не дано, и того въ приказе казанского дворца не вѣдомо. А сколько товаровъ изъ Астарахани ко государю прислано и что за нихъ по астараханской ценѣ порознь, и тому послана къ тебѣ роспись съ сею памятью за дьячьею приписью.

Роспись, что прислано ко государю ц. и в. кп. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Астарахани бархатовъ и дорогъ съ Сергѣемъ Москотиньевымъ:

Бархатъ серебрянъ съ шолки цветными, цена 16 рублевъ; 3 бархата черьвчетыхъ, цена по 7 рублевъ съ полтиною; 2 бархата зеленыхъ, цена по 7 рублевъ съ полтиною; бархатъ тоусинной, цена 7 рублевъ съ полтиною; 2 бархата чорныхъ, цена по 7 рублевъ съ полтиною; камка шолкъ ярлинной да рудожелтъ, цена 6 рублевъ; камка шолкъ дымчетъ да зеленъ, цена 6 рублевъ; камка шолкъ дымчетъ да ярлпенъ, цена 6 рублевъ; камка зелена, цена 5 рублевъ съ полтиною; 5 камокъ ярлинной цвѣтъ, цена по 5 рублевъ; 2 камки рудожелтыхъ, цена по 4 рубли съ полтиною; камка шолкъ алъ да ярлпенъ, цена 4 рубли; камка шолкъ ярлпенъ да червчетъ, цена 4 рубли; камка шолкъ глинпастъ да ярлпной, цена 4 рубли; камка шолкъ желтъ да дымчатъ, цена 3 рубли; 12 дороговъ черьвчетыхъ, цена по 60 алтынъ; дороги полосаты, цена по 2 рубли,—и всего 171 рубль 20 алтынъ.

По склейкамъ скрьпа: Діакъ Иванъ Шевыревъ. *Помьта:* Справилъ Иванъ Переносовъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Григорью Петровичю Ромодановскому да думному дворелпину Кузьмѣ Миничю, да дьяку нашему Марку Поздѣеву. Въ прошломъ во 123-мъ году іюня въ 21 де(нь) послана въ Казань къ боярину нашему и воеводе, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діаку къ Ѳедору Лихачеву, наша грамота, а велено имъ дати изъ нашіе казны кизылбашскому купчине Хозе Незамедину за его товары, что у него взято на насъ въ Астарахани, деньги по астараханской ценѣ сто семьдесятъ одинъ рубль дватцать алтынъ. А какъ они тѣ деньги купчине изъ нашіе казны дадутъ, и о томъ велено имъ отписати къ намъ, къ Москве. И боярин нашъ и воевода князь Иванъ Михайловичь Воротынской и дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ о томъ къ намъ не писывали и по ся мѣста, и намъ того не вѣдомо: даны ль ему тѣ деньги за тѣ его товары, или не даны. А нынe намъ купчина Хозя Незамединъ билъ челомъ, что ему за тѣ его товары, что взяли на насъ въ Астарахани, въ Казани денегъ не дано и по ся мѣста, и намъ бы его пожаловати, велѣти за тѣ его товары деньги заплатити изъ нашіе казны въ Казани. И мы его, купчину, пожаловали, велѣли ему за тѣ его товары деньги сто семьдесятъ одинъ рубль дватцать алтынъ изъ нашіе казны дати, будетъ ему тѣхъ денегъ по ся мѣста не дано. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ ему, купчине, велѣли за тѣ его товары изъ нашіе казны деньги сто семьдесятъ одинъ рубль

дватцать алтынъ дати. А какъ ему тѣ деньги дадите, и вы бъ о томъ отписали къ намъ, къ Москве, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе дiакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 9 день.

Царю г. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбашенинъ торговой человѣкъ Осанко Максютинъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, вели, государь, мнѣ дати подорожную на Ярославль и до Нижнево, и до Казани, и до Астарахани; а товару у меня четыре сорока соболей да шесть сороковъ хорьковъ, да лябяжья пуху пудъ, да тритцать пять скляницъ виницейскихъ, пятнатцать череповъ рыбьихъ, да сукна семь аршинъ розныхъ, да два погребца винныхъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй! *Помѣта:* дать.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Ярославля и до Мурома, и до Нижнего Новагорода, и до Василя города, и до Кузмодемьянска, и до Чебоксаръ, и до Свiяжского, и до Казани, и до Астарахани бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Билъ намъ челомъ кизылбашенинъ торговой человѣкъ Асанъ Максютинъ, а сказалъ: пріѣхалъ де онъ къ Москве (*и проч.*). И мы его пожаловали, велѣли ему дати нашу проѣзжюю грамоту и пропущати его по городомъ съ тѣмъ ево товаромъ безъ задержанья. И по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ его, Осана, пропущати съ товаромъ его безъ задержанья; а наша пошлина съ него и съ товаровъ его имати по нашему указу. А въ Астарахани боярину нашему и воеводамъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Ѳедору Лихачеву да Гаврилу Богданову, по тому жъ ему, Асану, велѣти торговати, а наши пошлины съ нево и съ ево товаровъ имати по нашему жъ указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 18 де(нь).

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ купчининъ Хоже Назомодинъ прикащикъ Кузьмаметь. Милостивый царь г. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй, государь, вели, государь, меня отпустити назадъ купчинѣ къ своему съ таварамъ, и вели, государь, мнѣ дати подорожную. А товаръ у меня, которой сюды превезенъ, и тотъ у меня не проданъ и везу его назатъ въ Казань. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ

купчининъ Хоже Назомединъ прикащикъ Кузь Мамедъ. Привезъ я купчины своего товару къ Москвѣ продавати, и я товару всего продалъ здеся на Москвѣ со сто рублевъ, а весь товаръ у меня не проданъ, а везу ево съ собою назадъ купчинѣ, а здеся у меня прошаютъ твоихъ государевыхъ пошлинъ таможной голова Григорей Твердиковъ съ товарыщи и съ тово товару, которой у меня не проданъ; а ты, государь, пожаловалъ купчину моего, велѣлъ торговати безпошлино. Милосердый царь г. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй, государь, не вели, государь, на мнѣ взяти своихъ государевыхъ пошлинъ и вели, государь, отпустити безпошлино. Царь государь, смилуйся, пожалуй. *Внизу:* Память послана. *На оборотѣ:* Государь пожаловалъ, пошлинъ съ того товару имати не велѣлъ.

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбашского царя шахъ Аббаса купчина Нуземединъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, вели, государь, меня отпустить въ Кизылбаши исъ Казани весною съ карамапомъ къ своему государю шахъ Аббасу съ таваромъ и зъ женою, и зъ детьми, и съ людьми. А сверхъ моего товару двѣ бочки пожей. И вели, государь, мнѣ свое царское жалованье струги и гребцовъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй! *На оборотѣ:* Дать грамота, велѣть отпустить по тому жъ, какъ и прежнихъ купчинъ отпускивали.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Иваповичю Бахтеярову Ростовскому да князю Семену Никитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ооонасью Истомину. Билъ намъ челомъ кизылбашепинъ шахъ Аббасовъ купчина Незамединъ, чтобъ намъ его пожаловати (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ кизылбашского Хозя Незамедина и зъ женою его, и зъ дѣтьми, и съ товаромъ исъ Казани отпустили въ Астарахань по тому жъ, какъ и прежь сего исъ Казани шаховыхъ купчинъ отпускивали, давъ ему кормъ и подводы или суды и гребцовъ, и кормщиковъ, да и въ приставстве бъ есте съ нимъ послали, кого будетъ пригоже. А которого числа купчину исъ Казани въ Астарахань отпустите и кого именемъ съ нимъ въ приставстве пошлете, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 18 де(нь).

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ

купчина Пузиманидинъ приказщикъ Позь Маметко. Продалъ, государь, л въ Ярославле купчинина товару и съ того, государь, товару просятъ въ Ярославле твонхъ государевыхъ пошлинъ, а купчину, государь, ты пожаловалъ, велѣлъ ты, государь, ему торговать безпошлинно, а у меня, государь, просятъ съ его товару пошлинъ, а дове(де)тца, государь, съ его товару пошлинъ рублевъ съ тритцать, и я, государь, въ пошлинахъ оставилъ человѣка въ закладе въ Ярославле. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй, государь, вели дать свою государеву грамоту, а по своей государеве грамоте не вели съ того товару своихъ государевыхъ пошлинъ взять, да и прежніе, государь, пошлины вели отдать, которые взяты у купчинина жъ человѣка, у Ивана, безъ твоего государева указу съ купчинина жъ товару. Царь государь, смилуйся, пожалуй! *На оборотѣ*: Государь пожаловалъ, пошлинъ съ того товару имати не велѣлъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Ярославль воеводе нашему Григорью Григорьевичю Пушкину. Билъ намъ челомъ кизылбашского шахъ Аббасова купчины Хози Незамедина приказщикъ Хозь Магметь, а сказалъ *(и прч.)*. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тѣхъ пошлинъ съ тѣхъ купчининыхъ товаровъ у приказщика его, у Хозь Маметя, имати не велѣлъ и человѣка его отпустилъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124, февраля въ 19 (?) де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ооопасью Истомину. Въ прошломъ во 123-мъ году посланы въ Казань къ воеводамъ наши грамоты, а велено ко всякимъ иноземцомъ береженье держати великое и приставовъ къ нимъ велено приставливать и пущать ихъ никуды съ товары и безъ товаровъ безъ нашего указу не велено. А будетъ которые иноземцы учнутъ намъ о чемъ бити челомъ, и о томъ имъ велено писати и тѣ ихъ челобитные присылати къ намъ къ Москве. И въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ „ “ де(нь) пріѣхали къ намъ къ Москве исъ Казани кизылбашского шахъ Аббасова купчины Хози Незамедина человѣкъ Хозя Магметь да торговой человѣкъ Асанъ Максютовъ, а сказали, что ихъ исъ Казани отпустилъ къ Москве діакъ Ѳедоръ Лихачевъ по ихъ челобитью и проезжею грамоту ему далъ, и тоѣ проѣзжую грамоту взяли у нихъ воеводы въ Нижнемъ, а имъ дали новую проѣзжюю грамоту. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тѣ наши прежніе грамоты велѣли сыскати, а сыскавъ, держали бъ естя ко

всѣмъ иноземцомъ по прежнимъ нашимъ и по сей нашей грамоте береженье великое и приставовъ къ нимъ приставливали, и пущати ихъ исъ Казани съ товары и безъ товаровъ безъ нашего указу къ Москве не велѣли. А будетъ которые иноземцы о чемъ похотятъ бити челомъ, и они бъ приносили тѣ челобитные къ вамъ, а вы тѣ ихъ челобитные учнете посылать къ намъ къ Москве, и мы по тѣмъ ихъ челобитнымъ велимъ тотчасъ нашъ указъ учинить. Да тѣ бъ есте ихъ челобитные у нихъ имали и о всякихъ ихъ нужахъ писали, и тѣ ихъ челобитные присылали къ намъ къ Москве, а отписки и челобитные велѣли отдавати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову, и мы велимъ по тѣмъ челобитнымъ нашъ указъ учинить. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 25 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ѳоонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году апрѣля въ 16 день билъ челомъ тебѣ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. шагъ Абаса царя купчина Хозя Назямадинъ, а къ намъ, холопемъ твоимъ, прислалъ челобитную. И мы, холопи твои, тоѣ его челобитную послали къ тебѣ, ко государю, подклея подъ сею отпискою.

На адресѣ: 124-го, маія въ 14 де(нь) съ казанцомъ зъ Безсономъ Васильчинымъ.

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ шагъ Абаса царя купчина Хозя Назямадинъ. Въ прошломъ, государь, во 123-мъ году посылалъ, государь, я изъ Казани прикащика своего Анаята въ Нижней и въ Ярославль торговати со многими товары государя своего царя шигъ Абаса, и изъ Ярославля онъ ѣздилъ къ Москве и съ Москвы онъ былъ отпущенъ, и прикащика моего Анаята подъ Москвою воры убили и животъ государя нашего шихъ Абаса царя розграбили, и я, послыша то, билъ челомъ тебѣ государю о сыску о всемъ животѣ, что было отпущено съ прикащикомъ моимъ Анаятомъ. И нынѣ, государь, слухъ мнѣ дошелъ изъ Нижнево отъ человѣка моего Осана, которой былъ посланъ съ тѣмъ Анаятомъ въ товарыщахъ, а посылалъ я въ Нижней провѣдывати племянника своего, и тотъ Осанъ сказалъ въ Нижнемъ племяннику моему, что взяли воры живота государя моего шихъ Абаса царя у прикащика моего Анаята денегъ пятьдесятъ рублевъ, шестьдесятъ золотниковъ жемчюгу, да шубу соболью новую, да саблю, а послѣдней животъ весь, что былъ посланъ

съ прикащикомъ моимъ, Апаятомъ, и тотъ его животъ человѣкъ мой Осанъ привезъ въ Нижпей. А которые воры прикащика моего убили и что у него взято живота государя моего ц. шихъ Абаса, и тѣ воры перенманы и животъ государя моего на Москвѣ въ твою царьскую казну. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., покажи милость, вели, государь, изъ Казани отписати къ Москве и вели, государь, тотъ животъ государя моего царя шихъ Абаса изъ своей царьскіе казны отдати на Москвѣ послу государя нашего Пулатъ бету (sic), которой животъ у воровъ сысканъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Помѣта: Отписать: животъ, которой у Осапка, велено отослать; а воровъ не сыскано, велено про шихъ Осапка роспрашивать, а какъ ихъ сыщутъ и что будетъ живота отыщутъ, то ему велятъ дати; а воровъ казнить.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ пашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ѳеонасью Истомину. Маія въ 14 де(нь) писали есте къ намъ съ казанцомъ зъ Безсономъ Васильчинымъ и прислали шахъ Аббасова купчины Хози Назамадина челобитную, а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 123-мъ году (*и проч.*)... отдати кизылбашскому посланнику Булатъ беку. И отъ насъ въ Нижней къ боярину пашему и воеводамъ, ко князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому съ товарыщи, писано, а велепо тотъ товаръ, что у Осанка, отослати изъ Нижпего къ вамъ въ Казань тотчасъ съ сыномъ боярскимъ добрымъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а изъ Нижпего къ вамъ въ Казань тотъ товаръ пришлютъ, и вы бъ того Осанка съ тѣмъ товаромъ отослали хъ купчине къ Хози Незамедину на подворье съ кѣмъ будетъ пригоже, а велѣли ему сказать: Осанка съ товары у тѣхъ разбойниковъ ушолъ, и мы, великій государь, его, купчину, пожаловали, велѣли тѣ его товары и Осанка отдати ему; а воровъ, которые прикащика его убили, еще по ся мѣста не сыскапо; а велено про тѣхъ воровъ въ Нижпемъ Осапка роспросити подлинно, хто ихъ именемъ разбойниковъ розбивалъ, и знаетъ ли онъ кого въ лицо; а роспрося, велено о томъ отписати къ намъ, къ Москве. А какъ къ намъ изъ Нижпего о томъ отпишютъ и только тѣхъ воровъ и что будетъ живота его сыщутъ, то ему отдати велимъ, а тѣхъ воровъ велимъ за ихъ воровство казпити. Да что купчина съ тѣмъ, съ кѣмъ товары къ нему пошлете, поговоритъ, и которого числа купчину изъ Казани

отпустите, и вы бъ о томъ о всемъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказѣ діакомъ нашимъ, думному Петру. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 17 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Бахтеяровъ Ростовской, Бориско Нащокинъ да Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 124-мъ году апрѣля въ 12 день сказывалъ намъ, холопемъ твоимъ, нижегородцкихъ стрельцовъ сотникъ Борисъ Бѣлово: явился де въ Нижнемъ у торгового человѣка у гилянца у Осанка Максютина кизылбашскіе товары, камки и луки, а сего де, государь, великого поста, пріѣхавъ въ Нижней, Осанко въ розговоре говорилъ, что его, Осанка, а съ нимъ кизылбашсково купчинина приказщика, ѣдучи съ Москвы, розбивали розбойники, и товары и животы у нихъ всѣ поимали; а нынѣ у него, Осанка, тѣ товары, которые были съ купчининымъ приказщикомъ, объевились въ Нижнемъ. И мы, холопи твои, торгового человѣка гилянца Осанка Максютина розспрашивали: какіе у него ныне кизылбашскіе товары явились? А сеѣ зимы поѣхалъ онъ, Осанко, къ Москве изъ Нижнего съ товары кизылбашсково купчины съ приказщикомъ да зъ гречениномъ вмѣсте; а сего великого, государь, поста пріѣхавъ онъ, Осанко, въ Нижней, сказывалъ въ розговоре, какъ онъ, Осанко, съ тѣмъ купчинымъ приказщикомъ и зъ гречениномъ поѣхали съ Москвы, и на дороге де ихъ розбили розбойники, и животы у нихъ и товары поимали, а купчинина приказщика и гречепина убили до смерти; а ныне у него, Осанка, въ Нижнемъ объявились тѣ жъ товары, которые съ ними изъ Нижнего пошли къ Москве, и онъ бы, Осанко, про то сказалъ подлинно, какими ихъ обычаи розбойники на дороге розбивали, и купчининъ приказщикъ и гречепинъ, которые съ нимъ, Осанкомъ, съ товары ѣхали, гдѣ нынѣ: живы ли, или побиты? и товары у нихъ и животы, что съ ними пошло съ Москвы, все ли у нихъ розбойники поимали? и про тѣ розбои онъ, Осанко, къ тебѣ, государю, писалъ ли, и по городомъ приказнымъ людемъ являлъ ли? а которые товары ныне у него, Осанка, объявились въ Нижнемъ, и тѣ онъ товары въ Нижнемъ въ таможне головамъ объявилъ ли? И въ роспросе, государь, намъ, холопемъ твоимъ, гилянецъ Осанко Максютинъ сказалъ: сеѣ зимы исъ Казани кизылбашсково шахъ Аббасовъ купчина Хозя Мезединъ отпустилъ къ Москве съ товаромъ приказщика своего Козь Маметя, и онъ, Осанко, съ тѣмъ приказщикомъ да зъ гречепиномъ съ Кузьмою съ товары ѣхали къ

Москве, и на Москвѣ стояли онѣ всѣ вместе, а на Москве у кизылбашсково купчинина приказщика товары для твоего государева обиходу на казенной дворъ имали. И съ казенново двора тѣ товары ему назадъ отданы, потому что купчининъ приказщикъ тѣмъ товаромъ своимъ велику цѣну положилъ. А иные де товары купчининъ приказщикъ на Москвѣ продавалъ на деньги. И какъ де, государь, онѣ и купчининъ приказщикъ Козь Маметь и греченинъ Кузьма поѣхали съ Москвы съ торговыми жъ со всякими людьми, и на дороге де ихъ за Мытищемъ версты съ три розбивали розбойники и купчинина приказщика Козь Маметя убили до смерти, а взяли съ него денегъ сорокъ рублевъ да шездесятъ золотниковъ жемчюгу, да платье, что на немъ было, да саблю; а греченина Кузьму на томъ розбое ранили, да и многихъ де рускихъ людей, которые съ ними вмѣсте съ Москвы ѣхали, тѣ жъ розбойники переграбили и побили, и переранили. А которой де, государь, товаръ былъ съ купчининымъ приказщикомъ двѣ коробьи, и тотъ весь товаръ, опричь что взяли съ самого приказщика, онъ, Осанко, увезъ; да и убитово приказщика и греченина Кузьму после розбою везъ онъ, Осанко, и въ Переславле въ Залѣскомъ, въ никитцкомъ монастырѣ греченина Кузьму, по его Кузьмину велѣнью, отдалъ его со всѣмъ, что съ нимъ было, игумену зъ братьею, а игуменъ зъ братьею въ томъ ему, Осанку, во всемъ дали отпись за своими руками; а приказщика Козь Маметя везъ онъ съ собою до костромсково уѣзда, а исъ костромсково уѣзда отпустилъ его съ романовскими тотары, а велѣлъ имъ похоронити въ татарскомъ кладбище, а какъ тѣхъ романовскихъ тотаръ имена, и онъ про то запаметовалъ. А пріѣхавъ де, государь, онъ, Осанко, въ Ярославль, воеводе Григорью Пушкину и въ таможне головамъ про тотъ розбой сказывалъ и тотъ купчининъ товаръ, что онъ увезъ у розбойниковъ, въ Ярославле въ таможне объявилъ, и въ Ярославле таможенные головы, снявъ у тѣхъ коробей печати, товары и деньги пересмотривъ и переписавъ, запечатали таможенною печатью и отдали ему, Осанку, и роспись ему тому товару по своему смотру за таможенною жъ печатью дали, и ныне та роспись у него. А изъ Ярославля онъ, Осанко, съ тѣмъ товаромъ пріѣхавъ въ Нижней, въ таможне головамъ явился по купчининой подорожной, и ныне тотъ весь товаръ и деньги въ дву коробьяхъ за Ярославскою таможенною печатью у него, Осанка, цѣлъ. А въ Казань хъ кизылбашскому купчине Хозе Мезондину писалъ онъ, что приказщика его съ Москвы на дороге розбойники убили, а товаръ его весь и деньги, что съ

Москвы съ его приказщикомъ пошло, цѣлъ у него, у Осанка, опричь того, что съ приказщика его взяли, и онъ бы о томъ своемъ товару билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. И мы, государь, холопи твои, таможенную голову, гостя Ивана Сверчкова розпрашивали: гилянецъ Осанко, пріѣхавъ ныне съ Москвы въ Нижней, какіе товары въ таможне объявилъ ли? И таможенная голова гость Иванъ Сверчковъ сказалъ, что у нихъ въ таможне гилянецъ Осанко, пріѣхавъ въ Нижней, никакихъ товаровъ не объявилъ, только казалъ имъ Осанко проезжую. И мы, государь, велѣли таможенному головѣ, гостю Ивану Сверчкову, да подъячему у гилянца, у Осанка, по его Осанкове сказке въ тѣхъ въ дву коробьяхъ кизылбашсково купчинина приказщика Козь Маметя, срѣзавъ печати, товаръ пересмотрити и переписати все на лицо. И Иванъ, государь, Сверчковъ да подъячей, пересмотря товару и переписавъ, къ намъ, холопемъ твоимъ, принесли роспись. И мы, государь, холопи твои, тотъ товаръ и деньги, запечатавъ въ Нижнемъ, велѣли держати до твоего государева указу. Да принесъ, государь, къ намъ, холопемъ твоимъ, кизылбашского шахъ Аббасова купчины Хозя Мезединъ племянникъ Азъ Маметь о томъ дяди своего Хози Мезедина товару челобитную. И, мы, государь, холопи твои, списавъ съ тое росписи, списокъ и челобитную купчинина племянника послали къ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. подъ сею отпискою.

Роспись кизылбашсково шахъ Аббасова купчины Хозя Мезединину товару:

Коробья ноугородцкая, а въ ней бархату вишневого полъ 10 аршина. 9 камокъ кизылбашскихъ съ розными шелки золото. 7 камокъ кизылбашскихъ цветныхъ. 2 камки рудожолтые кизылбашскіе, камка лазорева. 2 камки объяринной цвѣтъ, камка зелена. Камка двоелишная, шолкъ бѣлкъ да лазоревъ. Камка двоелишная, шолкъ бѣлъ да свѣтлозеленъ. Камка двоелишная шелкъ червчатъ да зеленъ. 4 дороги вишневы, дороги червчаты. 6 кушаковъ объяринныхъ полосатыхъ розные шелки. 2 кушака камчатые гилянскіе розные шолки. 2 полукушака гилянскіе, 11 хорьковъ, 9 луковъ шпяскихъ, козица кожаная да 2 мешка портяныхъ съ деньгами за ярославскою таможенною печатью. Ножи угорскіе, 5 зеркалъ немецкихъ, хозь объяринной.

Коробья ноугородцкая, а въ ней 3 каетана кизылбашскіе розные шелки: одинъ подложенъ дорогами зелеными, каетанъ кизылбашской же съ розными шелки золото. Бархатъ ценинен гладкой, 2 бархата рудожолтые, 4 бархата зеленыхъ, бархатъ червчатъ, 3 бархата черныхъ;

2 бархата полосатые розные цвѣты, 6 полукушаковъ гилянскихъ, 3 выбойки кизылбашскихъ, 25 аршинъ кружива золотнова, 27 хорьковъ, блюдо мѣдное, 10 тарѣлей оловянныхъ, 7 маточниковъ морскихъ, 6 зеркалъ неметцкихъ, полъ 10 юфти саѳьяновъ жолтыхъ, 3 окончины слюденыхъ.

Помѣта: Отписать: велѣть роспросить Осанка, въ которомъ мѣстѣ и какими обычаи ихъ розбивали и хто съ ними въ тѣ поры ѣхалъ имяны, и всѣхъ ли побивали, или иные ушли, и хто куды ушелъ? Да роспрося, отписать тотчасъ. А товары съ купчининымъ племянникомъ по росписи отослать въ Казань съ сыномъ боярскимъ.

Государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю въ Р. бьетъ челомъ кизылбаского купчины Незамдинъ племянникъ Азимъ Маметь. Убили, государь, купчинина прикашика до Москвы ѣдучи за двенацеть верстъ, сюды ѣдучи въ Нижной, а съ нимъ же былъ, съ прикашикомь, Осапко. И какъ прикашика убили, и тотъ Осанъ ушелъ со всемъ животомъ. И вѣсть купчине въ Казань дошла, што прикашика ево убили, а про животъ вѣсти нѣтъ: цѣлъ ли животъ, или нѣтъ? И купчина прислалъ для животовъ своихъ меня, племянника своево, Ази Мамета, и я пріѣхалъ въ Нижной и тово Осапка вѣдялъ въ Нижномъ, и онъ, Осанко, мнѣ сказалъ, што животъ цѣлъ, а я не вѣдаю, цѣлъ ли животъ у нево, или нѣтъ: вѣдаетъ купчина, и роспись у купчины. И по твоему, государь, царьскому указу тотъ животъ весь переписанъ и запечятапъ. Асапко данъ ноне за пристава. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., смилуйся, вели, государь, мнѣ тотъ животъ и Асапка отдать ѣхать хъ купчине въ Казань для ради исправки. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Бахтеяровъ Ростовской, Бориско Нащокинъ, Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году апрѣля въ 21 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., что сказывалъ намъ, холопемъ твоимъ, пижегородцкихъ стрельцовъ сотникъ стрелетцкой Борисъ Бѣлой: явились де въ Нижнемъ у торгового человѣка у гилянца у Осанка Максютина (*и проч.*). И къ намъ, холопемъ твоимъ, о томъ твой государевъ указъ маія по 3 е число не бывалъ. А ныне, государь, къ намъ, холопемъ твоимъ, присылаетъ шаховъ посланникъ Булатъ бекъ, чтобъ, государь, намъ, холопемъ твоимъ, Осанка съ тѣмъ купчининымъ товаромъ отпустить изъ Нижнего въ Казань съ нимъ, Булатъ бекомъ, вмѣсте. И мы, государь, холопи твои, Осанка съ тѣмъ купчининымъ

товаромъ до твоего государева указу въ Казань кизылбашскому купчине отпустить не смѣемъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементью Обрасцову. Писали есте къ намъ про гиляица, про Асанка Максютова, что онъ въ великой постъ *(и проч.)*. Да вамъ же подалъ кизылбшского купчины Хози жъ Незамедина племянникъ челобитную, и вы и тое челобитную прислали къ намъ же, къ Москве, съ купчининою росписью вмѣсте, а въ той его челобитной написано *(и проч.)*. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ того Асанка Максютова про тотъ розбой розпросили подлинно: въ которомъ мѣсте ихъ розбойники розбивали и какими обычаи розбивали? и хто розбивалъ, и многіе ль люди? и знаетъ ли онъ кого исъ тѣхъ розбойниковъ въ лицо и хто имяны съ ними въ тѣ поры съ ними съ Москвы вмѣстѣ ѣхалъ, и многіе ль люди, и всѣхъ ли тѣхъ людей, которые съ ними ѣхали, розбойники побили, или иные ушли, и хто куды ушолъ? Да что вамъ Осанко про тотъ розбой въ роспросе скажетъ, и вы бъ о томъ тотчасъ къ намъ къ Москве отписали, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. А товары бъ есте купчинины, что опъ, Осапко, увезъ, отослали бъ противъ росписи всѣ, и племянника, и Осанка отпустили въ Казань съ сыномъ боярскимъ зъ добрымъ, а велѣли товары и племянника, и Осанка отдати въ Казани боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимооѣевичю Долгорукого съ товарыщи, а имъ велено отдати купчине Низамедину, и о томъ отъ насъ къ нимъ писано. А съ кѣмъ имепемъ товары и которого числа племянника и Асанка, и товары въ Казань отпустите, и вы бъ потому жъ къ намъ къ Москве отписали въ посольской приказъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 17 день.

Послана съ казанцемъ съ Степапомъ Левашовымъ.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Бахтеяровъ Ростовской, Бориска Нащокипъ, да Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Маія, государь, въ 10 де(нь) писали къ намъ, холопемъ твоимъ, исъ Козани твой государевъ боярипъ и воеводы, князь Володимеръ Тимофѣевичь Долгорукой съ товарыщи, что билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаплу Федоровичю в. Р. кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозя Незамединъ *(и проч.)*. И къ намъ, государь, холопемъ твоимъ, о томъ твой государевъ указъ

маія по 23 число не бывалъ. И мы, государь, холопи твои, до твоего государева указу того Осанка съ купчининымъ товаромъ въ Козань отпустить не смѣемъ. И (о) Асанке, государь, и о купчинине товаре вели, государь, свой государевъ указъ учинити намъ, холопемъ твоимъ, а въ Козань, государь, мы, холопи твои, писали къ твоему государеву боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому съ товарыщи, съ ихъ гонцомъ, съ Михаиломъ Баировымъ: какъ твой государевъ указъ къ намъ, холопемъ твоимъ, будетъ о томъ Осанке и про купчининъ товаръ, и мы къ нимъ противъ твоего государева указу тотчасъ про то отпишемъ.

Помѣта: Злодѣи! какъ по ся мѣста указы не посланы? пошлите противъ прежнего!

Отъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементью Образцову. Іюнь въ 7 де(нь) писали есте къ намъ, что писали къ вамъ исъ Казани боринъ нашъ (*и проч.*). И нашъ указъ къ вамъ о томъ писанъ маія въ 17 день съ казанцомъ съ Степаномъ Левашовымъ, а велено вамъ Асанка Максютова про тотъ розбой роспросити подлинно, а роспрося, велено вамъ Асанка съ купчининны товары отослать въ Казань къ боярину нашему и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого съ товарыщи, съ сыномъ боярскимъ добрымъ, а имъ велено Осанка и товары отдати купчине Хози Незамедину да о томъ къ намъ отписати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ по прежней и по сей нашей грамоте Осанка про тотъ розбой роспросили подлинно, въ которомъ мѣсте ихъ розбойники розбивали и какими обычаи розбивали, и хто розбивалъ, и многіе-ль люди, и знаетъ ли кого онъ исъ тѣхъ розбойниковъ въ лицо, и хто имяны въ тѣ поры съ ними съ Москвы вмѣсте ѣхалъ, и многіе-ль люди, и всѣхъ ли тѣхъ людей, которые съ ними ѣхали, розбойники побили, или иные ушли, и хто куды ушолъ? А роспрося, отослали-бъ есте его и съ купчининны товары въ Казань съ сыномъ боярскимъ зъ добрымъ, а велѣли его и съ товары отдати въ Казани боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого съ товарыщи, а имъ велено его отослати хъ купчине на дворъ. А что вамъ Осанка въ роспросе про розбой скажетъ, и которого числа и съ кѣмъ имянемъ его съ товары въ Казань пошлете, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру

Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюнь въ 12 де(нь).

Послана съ нижегородцкимъ пушкаремъ зъ Бажѣнкомъ Дмитріевымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Бахтеяровъ Ростовской, Борисько Нащокинъ, да Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 124-мъ году маія въ 30 день въ твоей государеве ц. и. в. кн. Михайла Федоровича в. Р. грамоте за приписью твоего государева думного дьяка Петра Третьякова писано къ намъ, холопемъ твоимъ, что писали къ тебѣ, государю, мы, холопи твои, про гилянца, про Асанка (*и проч.*). И по твоей государеве грамоте того жъ дни, мы, холопи твои, Асанка Максютина про тотъ розбой подлино розпрашивали, а что, государь, намъ, холопемъ твоимъ, въ розпросе Асанко сказалъ, и мы, холопи твои, тѣ Асанковы розпросные рѣчи послали къ тебѣ, государю ц. и в. к. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. подъ сею отпискою; а купчининъ, государь, товаръ весь и деньги по розписи таможеной головы гостя Ивана Сверчькова и съ тѣмъ товаромъ Асанка, и подъ тотъ товаръ давъ судно и гребцовъ, послали, государь, мы, холопи твои, въ Казань съ нижегородцкимъ съ сотникомъ стрелецкимъ зъ Борисомъ зъ Бѣлымъ; а для береженья съ нимъ до Кузьмадемьянсково послали десеть человѣкъ стрельцовъ. А въ Казань про тотъ купчининъ товаръ и про Асанка, писали мы, холопи твои, къ твоему государеву боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому съ товарыщи, и роспись, государь, къ нимъ купчининымъ товаромъ и деньгамъ, списавъ съ росписи таможеные головы гостя Ивана Сверчькова, послали, а купчининъ, государь, племяникъ, что былъ въ Нижнемъ для тѣхъ товаровъ, изъ Нижнего поѣхалъ въ Казань прежь сего (съ) своими товарыщи, съ торговыми людьми вмѣсте.

И маія въ 30 день противъ государевы грамоты боярину и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому, Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку Дементью Образцову, въ роспросе Осанко Максютовъ сказалъ: поѣхалъ онъ съ Москвы съ купчининымъ приказщикомъ Хозь Маметомъ, да съ ними греченинъ Кузьма Лукьяновъ, всѣ три вмѣсте, зъ гостина двора, напявъ ярославскихъ извощиковъ, а имянъ тѣхъ извощиковъ не упомнитъ. Да съ ними же де вмѣсте съ Москвы поѣхали Ѳторого люди Чистого, Захаръ да Треня, да ростовецъ Семенъ, а зналъ того Семена товарищъ его, Осанковъ, греченинъ Кузьма; да и многіе де всякіе торговые люди и извощики съ ними зъ гостина двора вмѣсте поѣхали,

а имянъ ихъ не упомнитъ. И по переславской де дороге отъ Москвы въ пятинатцати верстахъ, не доезжая деревни Мытища трехъ верстъ, часа за два до вечера, наѣхали на нихъ съ стороны на конехъ человѣкъ съ восьмь, а иные де позади ихъ, и противъ тѣхъ воровъ выскочилъ изъ саней купчининъ приказщикъ Хозь Маметь съ саблею, и тѣ воры Хозь Маметя убили изъ пищали, и что было на немъ, то все съ него тѣ воры сняли и ограбили де его до нага. Да тѣ же де воры ранили товарища ихъ греченина Кузьму да Өторого человѣка Чистово, Захарка; а иныхъ рускихъ людей тѣ воры ково убили-ль и ранили-ль, того онъ не вѣдаетъ, и тѣхъ онъ воровъ въ рожей не знаетъ, и отъ товарищевъ своихъ онъ не слыхалъ же, какіе люди тѣ воры ихъ грабили, да иныхъ деи рускихъ людей ихъ товарищевъ тѣ воры грабили жъ. И съ того воровсково розгрому пріѣхали въ деревню въ Мытищъ, и съ Мытища, нанявъ онъ, Осанко, мужиковъ, посылалъ для купчинина приказщика. И тѣ де мужики привезли къ нему того купчинина приказщика въ одной рубашке на послѣднемъ дыханье, и онъ, Осанко, розпрашивалъ того купчинина приказщика, что съ него тѣ воры взяли, и купчининъ приказщикъ сказалъ ему, что де тѣ воры сняли съ него денегъ сорокъ рублевъ да шездесятъ золотниковъ жемчюгу, да шубу соболью и все, что на немъ платье было, да саблю. А купчининъ весь товаръ, что пошло съ ними съ Москвы, отъ тѣхъ воровъ увезъ онъ, Осанко, въ своихъ санехъ. И купчининъ приказщикъ тоѣ-жъ ночи на Мытищъ отъ той раны умеръ. И того приказщика и греченина Кузьму везъ онъ, Осанко, съ собою и въ Переславле Залѣскомъ греченина Кузьму по его, Кузьмину, обещанью оставилъ его въ Никитцкомъ монастырѣ со всѣмъ его животомъ, и отпись ему, Осапку, Никитцкого монастыря игуменъ зъ братьею во всемъ, что у него зъ гречениномъ съ Кузьмою взяли Кузьмина живота, дали, и съ той отписи у Осанка взятъ списокъ; а купчинина приказщика изъ Ярославля послалъ онъ, Осанко, на Романовъ съ романовскими тотары, а велѣлъ его похоронить въ тотарскомъ кладбище. А Өторого де человѣкъ Захарко съ Мытищъ же пошолъ къ Москве бить челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. про тотъ розбой и лечитьца. Да слышалъ деи онъ, Осапко, въ Ярославле въ разговоре, что бутто де тѣхъ розбойниковъ знаетъ ростовецъ Семенъ, которой съ ними ѣхалъ съ Москвы; а отъ какихъ людей онъ въ розговоре слышелъ въ Ярославле, того не упомнитъ.

Государю ц. и в. кп. Михаилу Өедоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гагаринъ, Андрюшка Подлѣсовъ, Ѳоонька

Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году маія въ 7 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ, ко государю, что въ нынешнемъ во 124-мъ году апрѣля въ 19 день въ твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ, а велено намъ, сыскавъ твою государеву прежнюю грамоту, какова прислана въ Казань въ прошломъ во 122-мъ году къ твоему государеву боярину и воеводе, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ твоему государеву дьяку къ Ѳедору Лихачеву, дати изъ твоей государевы казны кизылбашскому купчине Хозе Незамедину за его товары, которые у него взяты на твой государевъ обиходъ въ Астарахани, сто семьдесять одинъ рубль и дватцать алтынъ, и мы, холопи твои, безъ твоего государева указу тѣхъ денегъ купчине дати не смѣли, потому что прежніе твоей государевы грамоты 122 г. въ Казани не сыскано. И іюня, государь, въ 1 день билъ челомъ тебѣ, государю, купчина Незамединъ о тѣхъ же своихъ деньгахъ и прислалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, челобитную за своею рукою, и мы, холопи твои, ту его челобитную послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отписною.

Царю г. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбаскова царя купчина Хозя Назамединъ: взяли, государь, у меня въ Астарахани твой государевъ боярин и воевода князь Иванъ Никитичь Одуевской да окольничей Семенъ Васильевичь Головинъ, да діякъ Василей Юдинъ на тобя, государя, многіе дорогіе товары и посланы къ тебѣ, государю, къ Москве. И за тѣ, государь, товары велено было мнѣ дати здеся, въ Казани, изъ твоей государевы казны деньги сто семьдесятъ одинъ рубль и дватцать алтынъ, и тѣхъ, государь, денегъ мнѣ по ся мѣстъ не дано, а по твоему государеву указу велено меня изъ Казани отпустить въ свою землю, и я, государь, въ Казани живу за тѣми деньгами. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровичь в. Р., покажи милость, вели, государь, мнѣ за тотъ товаръ, которай у меня въ Астарахани взятъ на тобя, государя, и посланъ къ тебѣ, государю, къ Москве по своему государеву указу, дати въ Казани деньги, а безъ тѣхъ, государь, денегъ мнѣ въ свою землю ѣхати не мошно, и вели, государь, сю мою челобитную послати къ себѣ, государю, къ Москве, чтобъ мнѣ твоихъ государевыхъ пословъ не остатися. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Подпись на оборотѣ:

خاجه نظام لدين كوب جى بادشاه سريزند دست نهاد

Помѣта: Отписать: велѣть дати тотчасъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Офонасью Истомину. Писали есте къ намъ, что по нашему указу велено вамъ, сыскавъ нашу прежнюю грамоту, какова прислана въ Казань въ прошломъ во 122-мъ году къ боярину нашему, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діаку къ Ѳедору Лихачову, а сыскавъ, велено вамъ дати изъ нашіе казны (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тотчасъ кизылбашскому купчине Хози Незамедину за тѣ его товары, что у него товаровъ взято на насъ въ Астарахани, велѣли по прежней и по сей нашей грамоте деньги сто семьдесятъ одинъ рубль и дватцать алтынъ заплатити изъ нашіе казны изъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ. А какъ тѣ деньги купчине за тѣ его товары дадите, и вы бъ о томъ отписали къ намъ, къ Москве, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюнь въ 29 де(нь).

Съ казанцомъ съ Семеномъ Бобровскимъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Мисюръ Соловцовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 124-мъ году маія въ 9 день въ твоей государеве цареве и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамоте писано ко мнѣ, холопу твоему, что писалъ къ тебѣ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. исъ Казани твой государевъ боярин князь Володимеръ Тимооеевичь Долгорукой съ товарыщи и прислали шахъ Обасова купчины Незамедина челобитную, что билъ онъ челомъ тобе, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., а сказалъ: въ прошломъ де въ 123-мъ году отпустилъ онъ исъ Казани человѣка Худодатка зъ животомъ, и я де, холопъ твой, тово человѣка ево перенялъ и хотелъ крестить и женить на русской девке, а животомъ де я ево хотелъ завладеть и съ Царицына де ево въ Асторохань не отпустилъ. И въ прошломъ, государь, въ 123-мъ году ѣхалъ, государь, со мною исъ Казани вмѣсте въ кораване кизылбасково купчининъ человѣкъ и, проѣхавъ, государь, Сомару, тово купчининъ человѣкъ принесъ челобитную и билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., чтобъ ты, государь, ево пожаловалъ, велелъ на Царицыне крестить. И на Царицыне, государь, не токмо што храмъ, и острогъ не почятъ дѣлать, и я, холопъ твой, тово купчинина человѣка Худодатка послалъ

въ Асторохань со всѣмъ животомъ и казанскую ево проѣзжую таможенную грамоту къ боярину, ко князю Ивану Микитичю Адуевскому съ товарыщи, съ курмышениномъ съ сыномъ боярскимъ, съ Кондратьемъ съ Щяхматовымъ, сентября въ 28 день, какъ почали на Царицыне острогъ ставить. И прежь, государь, сего я, холопъ твой, къ тебѣ, государю, писалъ о томъ съ курмышенином зъ Борисомъ съ Сивцовымъ, и изъ Асторохани, государь, бояринъ князь Иванъ Микитичь Адуевской съ товарыщи ко мнѣ, холопу твоему, о томъ купчинине человѣкѣ и о животѣ ево, что они ево въ Асторохани у сына боярсково, у Кондратья Шахматова, и по таможенной казанской грамоте товаръ взяли весь сполна.

Помѣта: Взять къ дѣлу.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенка Гагаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ооопка Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ во 124-мъ году іюня въ 2 день въ твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ: маія въ 14 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ ко государю съ казанцомъ зъ Бессономъ Васильчипымъ и прислали шахъ Аббасова купчины Хози Незамедина челобитную, а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 123-мъ году посылалъ онъ (*и проч.*). И изъ Нижнего, государь, Новагорода твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Ивановичь Бахтеяровъ Ростовской съ товарыщи, Осапка съ товаромъ въ Казань прислали съ сотникомъ стрелецкимъ зъ Борисомъ Бѣлымъ іюня въ 7 день. И мы, холопи твои, того же дни Осанка съ товары отослали хъ купчине къ Хозе Незамедину на подворье съ подъячимъ съ Микитою Суетинымъ и велѣли, государь, ему, купчине, сказати противъ твоего государева указу, что ты, великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р., его, купчину Хозю Незамедина, пожаловалъ, велѣлъ ему Осапка и съ товары, что онъ, Осанко, увезъ съ собою, отдати ему, а воровъ розбойниковъ, которые приказщика его убили, ещо по ся мѣста не сыскано, и товару у нихъ въ твою государеву казну не имывано; а велено про тѣхъ воровъ въ Нижнемъ Осанка роспросити, хто ихъ именемъ розбойниковъ розбивалъ и знаетъ ли онъ кого въ лице, а распрося его, велепо о томъ отписати къ тебѣ ко государю къ Москве. А какъ изъ Нижнего къ тебѣ, государю, о томъ отпишутъ и только тѣхъ воровъ и что будетъ живота его у нихъ сыщутъ, и то ему ты, великій государь, велишь отдати; а тѣхъ воровъ велишь за ихъ воровство казнити. А

ныне ты, великій государь, его, купчину, пожаловалъ, велѣлъ исъ Казани къ шаху со всѣмъ отпустить вмѣсте съ шаховымъ посланникомъ зъ Булатъ бекомъ, которой отпущенъ отъ тебя, отъ государя, съ Москвы. И подъячей Микита Суетинъ, пришедъ, намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ, что купчина Хозя Незамединъ товары взялъ и на твоемъ государеве жалованье челомъ билъ, а ничего съ нимъ не говорилъ. А отписку, государь, велѣли мы, холопи твои, отдати на Москвѣ въ посольскомъ приказе твоимъ государевымъ діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову.

1616 октябр. — феврал. Пріѣздъ купчины Маметъ Казима съ грамотою отъ шаха о свободномъ ему торгѣ въ Россіи и отпускъ его обратно въ Персію. На 121 листѣ.

125-го октября въ 4 де(нь) писали къ государю ц. и в. кп. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Асторохани воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарыщи, что идутъ къ государю отъ шахъ Аббаса зъ грамотою внове шахъ Аббасовъ купчина Магаметъ Касымъ да кизылбашской тезикъ Курмалѣй, съ каменьемъ: съ яхонты и съ лалы, и съ изумруды.

Внизу: А подлинная отписка въ казанскомъ дворцѣ.

Отъ царя и в. кп. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. Нынѣшнего 125-го году октября въ 5 де(нь) писали есте къ намъ, что идетъ къ намъ отъ шахъ Аббаса зъ грамотою внове шахъ Аббасовъ купчина Магаметъ Касымъ да кизылбашской тезикъ Курмалѣй, съ каменьемъ, съ яхонты и съ лалы, и съ узумруды. И мы указали купчинѣ Магаметю Касыму и тезику изъ Астарахани ѣхать къ намъ къ Москвѣ, а на встрѣчю къ кизылбашскому купчине посланъ отъ насъ съ Москвы костромитинъ Мосѣй Ивановъ сынъ Пановъ, и ѣхать до Москвы, и кормъ ему давать, и въ приставехъ у нихъ быти велено ему, Мосѣю. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашской купчина и тезикъ будетъ до сее нашіе грамоты изъ Асторохони въ Казань не отпущенъ, и вы бъ кизылбашского купчину Магаметь Касыма и тезика Курмалѣя со всѣми ихъ товары отпустили изъ Астарахани въ Казань съ приставомъ зъ добрымъ тотчасъ, не задержавъ ни часу, и кормъ и питье

про купчину и про тезика въ дорогу и до Казани, примѣрясь къ прежнему, по чему корму и питья давали купчинамъ напередъ сего, которые къ намъ отъ шаха хаживали, и суды и гребцовъ, и кормщиковъ, какъ имъ изъ Астарахани мочно поднятца, дали, и проводити ихъ послали до коихъ мѣстъ мочно и сколько человѣкъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, съ кѣмъ бы имъ было дорогою проѣхати безстрашно. А которого числа вы купчину и тезика изъ Астарахани въ Казань отпустите и кого съ нимъ въ приставехъ пошлете, и по чему корму на день дадите, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказѣ діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го октября въ 10 де(нь).

Отъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ооонасью Истомину. Въ нынѣшнемъ во 125-мъ году октября въ 5 де(нь) писали къ намъ изъ Астарахани воеводы (*и проч.*). И мы указали того купчину и тезика изъ Астарахани отпустити въ Казань съ приставомъ зъ добрымъ, и въ Астарахань отъ насъ къ воеводамъ объ ихъ отпускѣ писано, а кормъ ему указали есмя въ Астарахани въ дорогу и до Казани, примѣрясь къ прежнему, какъ кизылбашскимъ купчинамъ, которые къ намъ хаживали напередъ сего зъ грамотами, кормъ давывали; а встрѣчю хъ кизылбашскому купчине посланъ отъ насъ съ Москвы костромитинъ Мосѣй Паповъ, а велено ему пообождати купчины и тезика въ Казани. А какъ они въ Казань пріѣдутъ, и ему велено съ ними ѣхати изъ Казани въ приставѣхъ и до Москвы. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и изъ Астарахани купчина и тезикъ въ Казань пріѣдутъ, и вы бъ Мосѣя Папова съ купчиною и съ тезикомъ изъ Казани отпустили къ намъ къ Москве тотчасъ, не мешкая, давъ подъ нихъ суды и гребцовъ, и кормщиковъ, какъ мочно поднятца, и проводити ихъ исъ Казани и до Нижнего послали сколько человѣкъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, съ кѣмъ бы имъ было дорогою проѣхати здорово и безстрашно. А покамѣста купчина и тезикъ въ Казани побудутъ, и вы бъ про купчину и про тезика велѣли давати кормъ и питье по астараханской росписи, какова будетъ роспись у пристава ихъ, хто съ ними изъ Астарахани будетъ въ приставстве данъ, въ дорогу бъ есте кизылбашскому купчине и тезику кормъ и питье до Нижнего Новагорода велѣли дати по той-же росписи, счотчи въ колько день

мочно имъ исъ Казани до Нижнего поспѣти. А которого числа Мосѣя съ купчиною и съ тезикомъ изъ Казани отпустите. и вы бъ о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову, да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го октября въ 10 де(нь).

Внизу: Въ Нижней писана такова жъ.

Лѣта 7125-го октября въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память Мосѣю Ивановичю Панову. Ѣхать ему въ Казань и въ Асторохань и гдѣ встрѣтитъ кизылбашского купчину Магаметь Касыма да тезика Курмалѣя для того: нынешнего 125 г. октября въ 4 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Асторохани воеводы (*и проч.*). И по государеву указу велено тому купчине и тезику ѣхать къ государю къ Москве, а въ приставехъ у нихъ быти и до Москвы ѣхать, и кормъ имъ въ дороге давать ему, Мосѣю. А въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому съ товарыщи, объ ихъ отпуске и о корму шахъ Аббасову купчине писано, а велено имъ ево, Мосѣя, съ купчиною и съ тезикомъ отпустить къ государю къ Москве, и кормъ купчине въ Казани и въ дорогу велѣно дать, примѣрясь къ прежнему, по чему давано кизылбашскимъ купчинамъ корму напередъ сего, которые пріѣзживали къ государю зъ грамоты. И Мосѣю Ивановичю, пріѣхавъ въ Казань, отдать боярину и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому съ товарыщи, государева грамота, а отдавъ, говорити имъ, чтобъ они по государеву наказу велѣли ему быти у купчины и кормовую роспись, по чему купчине давать корму, отдали, и отпустили бъ ево съ тѣмъ купчиною и съ тезикомъ къ государю къ Москве, не замѣшкавъ, и кормъ ему въ дорогу до Нижнего по росписи дали. Да какъ бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Тимоѳѣевичь Долгорукой съ товарыщи, по государеве грамоте быти ему у купчины велятъ, и Мосѣю, пришедъ къ купчине, молыти: великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. его ц. в. отчины царства Казанского бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Тимоѳѣевичь Долгорукого съ товарыщи, прислалъ къ нему, къ купчине, царского величества дворянина ево, Мосѣя, а велѣли ево (sic) у него быть въ приставехъ, и кормъ давать, и ѣхать съ нимъ къ Москве. А изговоря, роспросити ему купчины въ розговорехъ, о какихъ дѣлехъ онъ нынѣ къ царскому величеству идетъ, и грамоты съ нимъ къ царскому в-ву отъ шаха есть ли? и какъ нынѣ шахъ зъ бухарскимъ и съ юргенчскимъ, и какъ съ турскимъ,

и гдѣ нынѣ Шаинъ Гирѣй царевичь съ шаховыми ратными людьми, и бои у него съ турскими и съ крымскими были ль, или ещо сходъ межъ ними не бывалъ? И на которые мѣста имъ на крымского итти? И впередъ у шаха съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ чего чаять: миру или войны? и будетъ межъ ими чаять миру, и на чемъ миру чаять? А роспроси и провѣдавъ у него про всякіе вѣсти подлинно, записать себѣ и отписать о томъ къ государю тотчасъ. Да какъ Мосѣя изъ Асторохани въ Казань отпустятъ, и Мосѣю, взявъ у воеводъ купчине и его людемъ, сколько съ нимъ будетъ, въ дорогу кормъ, счетчи по росписи отъ Асторохани до Казани, и подводы, и провожатыхъ, ѣхать съ купчиною въ Казань. И ѣдучи дорогою, кормъ ему давать по росписи, и честь и береженье къ нему держать, чтобъ ему въ корму недостатку и бесчестья ни отъ кого ни въ чемъ не было, и отъ него бъ рускимъ людемъ по тому жъ бесчестья и обидъ не было жъ, и кормовъ бы сильно мимо указу даромъ нигдѣ ни у кого не имали, а покупали бъ кормъ по цепѣ, какъ гдѣ что куплятъ. А къ воеводамъ отъ государя о томъ писано. А покамѣстa Мосѣй до отпуску въ Казани побудетъ, и ему того беречь накрепко, чтобъ купчина съ кизылбашскимъ и зъ бухарскими и съ юргенчскими купчинами и съ тезики, и ни съ какими иноземцы, которые будетъ нынѣ въ Казани, не свиделся, и писмомъ и словеснымъ приказомъ не сослатися. А какъ ево, Мосѣя, изъ Казани воеводы отпустятъ, и Мосѣю, взявъ въ Казани у воеводъ кизылбашскому купчине и людемъ на кормъ, счетчи отъ Казани до Нижнего кормъ по росписи, ѣхать съ кизылбашскимъ купчиною и съ тезикомъ къ Москве, и въ дороге до Москвы по тому жъ береженье къ нимъ держать, чтобъ къ нимъ иноземцы татарове и рускіе люди нихто не приходили и ни о чемъ не розговарпвали. Да и тезика ему про товары роспросить, какіе съ нимъ въ Московское государство идутъ товары. А распрося, взяти у него всякимъ ево товаромъ роспись, да та роспись прислать къ государю къ Москве напередъ себя. А товаровъ ему никакихъ до Москвы продавать по городомъ нигдѣ не велѣть, и самому ему никакихъ рускихъ заповедныхъ товаровъ покупати нигдѣ не давати жъ. А будетъ Мосѣй встрѣтитъ кизылбашского купчину по сю сторону Нижнего, и Мосѣю, обослався съ приставомъ, которой будетъ съ кизылбашскимъ купчиною изъ Казани или изъ Асторохани, и съѣхався, объявити ему себя встрѣчникомъ и приставомъ отъ приказныхъ людей того города, которово города не доѣзжая, кизылбашского купчину встрѣтитъ, а тому приставу для береженья велѣть ѣхати съ собою жъ

вмѣсте. А гдѣ купчину встрѣтитъ, и сколько съ нимъ людей и тезиковъ, и что у нихъ какихъ товаровъ, и хто съ ними отпущенъ приставъ, и что кизылбашскому купчине и ево людемъ корму, и роспрося кизылбашского купчину про всякіе вѣсти противъ того, какъ у него писано въ семъ наказе выше сего, обо всемъ отписать напередъ себя къ государю къ Москве, а отписку велѣть отдать въ посольскомъ приказе, а съ кизылбашскимъ съ купчиною ѣхать къ Москве и береженье и честь къ нему держать, и кормъ давать по сему государеву наказу. А будетъ кизылбашской купчина учнетъ Мосѣя спрашивать: какъ великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. учинился на Московскомъ государстве, и послы и посланники у него, государя, отъ крестьянскихъ и отъ мусульманскихъ государей, и отъ него, государя, къ тѣмъ государемъ послы и посланники бывали-ль, и съ которыми государи онъ, государь, нынѣ въ миру и съ которымъ не въ миру? —

И Мосѣю говорити кизылбашскому купчине: какъ по милости Божіей и по избранью всякихъ чиновъ людей всего великого Російского царствія великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с. и онъ, великій государь, посылалъ ко всѣмъ великимъ крестьянскимъ и къ мусульманскимъ государемъ государство свое обестить и польского Жигимонта короля и пановъ радъ передъ великимъ государемъ нашимъ и передъ всѣмъ Московскимъ государствомъ злое умышленье и неправды объявити пословъ своихъ и посланниковъ, и тѣ всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе, слыша про то, что его царское величество учинился на Московскомъ государствѣ великимъ государемъ, всѣ порадовались и пословъ его царского величества и посланниковъ приняли и отпустили къ его царскому в-ву съ великою честью, и своихъ пословъ и посланниковъ съ ними вмѣстѣ присылали къ царскому в-ву поздравляти его ц. в. на его великихъ и преславныхъ государствахъ и о дружбѣ и о любви, и о всякихъ добрыхъ дѣлехъ, которые настоятъ имъ, великимъ государемъ, просячи его царского в-ва къ себѣ любви, съ великими любовными поминки, чтобъ его ц. в. впередъ былъ съ ними со всѣми великими государи въ братцкой любви и въ крѣпкой дружбе, и въ любительной ссылке по тому-жъ, какъ были предки ихъ съ прежними великими государи цари російскими. И недруга великому государю нашему, опричь польского короля, нѣтъ никого. А тѣ всѣ великіе государи, слыша великого государя правду, а польского короля

передъ его царскимъ в-мъ и передъ всѣмъ Московскимъ государствомъ злые умыслы и неправды, за тѣ его неправды хотятъ съ царскимъ величествомъ стать на него заодинъ и неправды ихъ имъ мстити.

А будетъ купчина учнетъ спрашивати: какъ нынѣ государь съ турскимъ съ Ахметъ салтаномъ царемъ и о чемъ государь къ турскому царю посланника своего нынѣ послалъ?—и Мосѣю говорити: какъ великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на Владимерскомъ и на Московскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, и онъ, великій государь его ц. в., посылалъ ко всѣмъ хрестьянскимъ и мусульманскимъ государемъ государство свое обестить и польского короля неправды объявити пословъ своихъ и посланниковъ по прежнему обычею и какъ ведетца во всѣхъ великихъ крестьянскихъ государствахъ и въ ихъ царскихъ поведеніяхъ, и къ турскому Ахматъ салтану великій государь нашъ по тому жъ государство свое обестить посылалъ же. И турской Ахметъ салтанъ государя нашего посланниковъ къ великому государю нашему отпустилъ и съ ними вмѣсте послалъ былъ къ великому государю нашему посланника своего Алѣя чеуша поздравлять великого государя нашего на ево великихъ и преславныхъ государствахъ. И того Ахметъ салтанова посланника въ дороге не стало, а до великого государя нашего не дошелъ. И тѣхъ дѣлъ, съ чѣмъ былъ тотъ посланникъ къ великому государю нашему отъ Ахметъ салтана посланъ, великому государю нашему не вѣдомо. И нынѣ отъ великого государя нашего къ Ахметъ салтану посланы посланники для того, чтобъ великому государю нашему тѣ дела, съ чѣмъ былъ къ великому государю нашему отъ Ахметъ салтана Алѣй чеушъ посланъ, были вѣдомы. А опричь того иново дѣла великому государю нашему до турского Ахметъ салтана никоторово нѣтъ.

А будетъ кизылбашской купчина ево, Мосѣя, про турского Ахметъ салтана зъ государемъ ссылку не спроситъ, и Мосѣю самому про то не всчинать и не говорить про то ничего.

А будетъ кизылбашской купчина учнетъ Мосѣя спрашивать про иные какіе дѣла и вѣсти про Московское государство, и Мосѣю про тѣ дѣла говорити, смотря по его рѣчамъ и по тамошнему дѣлу, по тому ему и отвѣтъ чинить, сказывати кизылбашскому купчине про все доброе, чтобъ государскому имени къ чести и къ повышенью и государству Московскому къ добру. А чего допряма не вѣдаетъ, или что и вѣдаетъ, а государьству не на пользу, и Мосѣю говорити, что онъ человѣкъ служилой, на Москвѣ не бывалъ долгое время, а былъ на государевыхъ службахъ, и ему про то слышати не лучилось.

А какъ Мосѣй съ кизылбашскимъ купчиною придетъ исъ Казани въ Нижней, и Мосѣю потому жъ проситись у воеводъ съ кизылбашскимъ купчиною къ Москве. А какъ его, Мосѣя, воеводы изъ Нижнево съ купчиною къ Москве отпустятъ и кормъ купчине въ дорогу въ Нижнемъ по росписи дадутъ, и Мосѣю съ купчиною изъ Нижнево ѣхать и кормъ ему по росписи давать, и береженье во всемъ въ дороге держать по тому-жъ, какъ о томъ писано въ сей наказной памяти выше сего. А какъ будетъ съ кизылбашскимъ купчиною блиско Москвы, стань за два, и ему о томъ отписать и роспись кормовую прислать къ государю напередъ себя къ Москве, а отписки велѣти отдати въ посольскомъ приказе дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову, а безъ указу безвѣстно съ купчиною къ Москве не ходити.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Офонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, въ 125-мъ году октября въ 18 день писали къ намъ, холопемъ твоимъ, изъ Астарахани твои государевы воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарыщи: отпустили они къ тебѣ, ко государю, изъ Астарахани казылбашского Аббасъ шахова купчину Магметь Касима съ грамотою и съ дары, а съ нимъ астарахапскіе годовальщики дети боярскіе, Семенъ Болтинъ съ товарыщи, да Александръ Щекушинъ съ твоею государевою казною. А кизылбашской купчина Магметь Касимъ и дети боярскіе, Семенъ Болтинъ съ товарыщи, пріѣхали въ Казань того-жъ дни. Да изъ Астарахани жъ отпущенъ къ тебѣ, ко государю, тезикъ Курамалѣй, которой привезъ съ собою на продажу каменье: яхонты, лалы, изумруды, бирюзы; а приказана та казна беречь сыну боярскому Александру Щекушину. Да прислалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, купчина Магметь Касимъ Семена Болтина, которой у него въ приставехъ, чтобъ ему дати въ Казани дворъ постоять, и мы, холопи твои, купчине въ Казани дворъ дали.

На адресѣ: 125-го ноября въ 7 (?) день подалъ казанской жилецъ Богданъ Нехаевъ.

На оборотѣ: Въ столпъ.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Оедоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ооонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году октября въ 20 день писали къ тебѣ, ко государю мы, холопи твои, съ Богданомъ съ Нехаевымъ: пріѣхалъ изъ Асторохани въ

Казань съ Семеномъ Болтинымъ кизылбашской купчина Хозя Маамутъ Казимъ; а присылалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, въ Казань просить двора, гдѣ ему стоять. И мы, холопи твои, кизылбашскому купчине дворъ велѣли дати и сторожей къ двору велѣли приставить по прежнему обычаю. И октября, государь, въ 25 день сказывалъ намъ, холопемъ твоимъ, Семенъ Болтинъ, которой приставленъ къ кизылбашскому купчине: приказывалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, съ нимъ кизылбашской купчина Хозя Маамутъ, чтобъ ему, купчине, для твоего государева дѣла быть къ намъ, холопемъ твоимъ, въ съѣзжую полату. И мы, холопи твои, купчине Хозе Моамуту велѣли быти въ съѣзжую полату. А въ ту пору велѣли быть въ городѣ и въ полате людно и устройно. И купчина Хозя Моамутъ въ съѣзжей полате говорилъ намъ, холопемъ твоимъ, что послалъ егокъ твоему царскому величеству шахъ Аббасъ зъ грамотою д и для того: которые посланники и купчины посланы отъ Аббасъ шаха напередъ сего, а назадъ въ Кизылбаши не бывали долгое время, и ему-бъ провѣдать: зачѣмъ тѣ посланники и купчины замешкались? Да купчина жъ намъ, холопемъ твоимъ говорилъ, что ему нынѣ до зимнего пути побыти въ Казани для того, чтобъ ему на Волге на пустоплесе не замерзнуть и просилъ на тезичьѣ дворѣ дву лавокъ, гдѣ бы ему людей своихъ посадить упродать товаровъ про свою нужу. Да купчина жъ подалъ намъ, холопемъ твоимъ, грамоту, писана по парсовски. И мы, холопи твои, ту грамоту велѣли перевесть на руское письмо, а ту подлинную грамоту послали къ тебѣ, ко государю, съ сею отписною вмѣсте. А купчине на пріѣзде велѣли дать твоего государева жалованья въ почесть корму два борана да гусь, да трое куровъ, да ведро вина, да два ведра меду, да три ведра пива въ посольское ведро. Да купчина жъ къ намъ, холопемъ твоимъ, присылаетъ о поденномъ корму, и мы, холопи твои, бесъ твоего государева указу купчине корму давать на смѣемъ, потому что изъ Асторохани корму ему не указано и кормовой росписи не прислали.

На адресѣ: 125-го ноября въ 9 день съ казанцомъ съ Сухимъ Останковымъ.

Переводъ съ шаховы грамоты, какову пишетъ въ Казань къ боярину и воеводамъ.

Отъ нашего шахъ Аббасова величества высокопрестольного и благосчасного и храброго крестьянского великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи воеводе казанскому князю царскимъ жалованьемъ исполнену. Потомъ объявляю: вѣдомо бы

вамъ было, что прежь сего купчины наши и всякіе торговые люди въ Казань всегда для покупки и продажи ѣзживали и, искупя товаровъ, къ намъ съ надобными товары здорово безъ зацѣпокъ пріѣзживали, а ныне мы послали товаровъ купити Хозя Магаметь Касыма Мазандрана города, и вамъ бы ево съ товарыщи по городомъ и вездѣ поберечь, и будетъ ево какое дѣло лучитца, и вамъ бы то ево дѣло здѣлати; а будетъ что вамъ попадобитца у него, и вамъ бы, не стыдясь, о томъ къ намъ велѣти известити, и мы то ваше дѣло велимъ такъ же здѣлати. Лѣта 7125-го.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого, да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову, да Ѳеонасью Истомину. Писали есте къ намъ съ казанцомъ съ Сухимъ Останковымъ, что пріѣхалъ *(и проч.)*. И ныне мы указали вамъ того купчину Мааметь Касыма отпустити изъ Казани къ намъ къ Москве. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы къ нему приказали отъ себя зъ дворяниномъ или съ подъячимъ зъ добрымъ, что вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что онъ Мааметь Касымъ ѣдетъ отъ великого государя своего, брата нашего, шахъ Аббасова величества къ намъ, великому государю, зъ грамотою и о иныхъ нашихъ государственныхъ дѣлехъ, и мы, великій государь, хотя быти зъ государемъ ево, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, въ братственной дружбе и въ любви, а его, купчину Мааметь Касыма, жалуя, чего напередъ сего отъ прежнихъ государей къ нимъ и не бывало, что купчинамъ кормъ давать, велѣли ему давать наше жалованье кормъ доволенъ и велѣли его изъ Казани отпустити къ намъ, къ Москвѣ. А вы, боярин нашъ и воеводы, корму ему по ся мѣста не давали затѣмъ, что дожидались отъ насъ, великого государя, указу. А сказавъ, ему дали бъ есте въ Казани и на отпуске въ дорогу кормъ по росписи, какова къ вамъ послана отъ насъ съ Москвы подъ сею нашею грамотою. А давъ ему кормъ, отпустили бъ его изъ Казани къ намъ, къ Москве, тотчасъ, не мѣшкая, съ Мосѣемъ Паповымъ, которой посланъ къ тому купчине на встрѣчю, да съ астараханскимъ приставомъ, давъ подъ купчину подводы, на чемъ ему мочно поднятца, и проводити ихъ послали, до конхъ мѣстъ мочно и сколько человѣкъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, съ кѣмъ бы имъ дорогою проѣхати было здорово ибезстрашно. А которого числа купчину съ Мосѣемъ Пановымъ и съ астараханскимъ приставомъ изъ Казани къ намъ, къ Москвѣ, отпустите и на колько

день про купчину корму въ дорогу дадите, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го, ноября въ 15 де(нь).

Роспись, по чему давать государева жалованья кизылбашскому купчине Мааметь Касиму съ людьми поденного корму и питья. Самому купчине на хлѣбы и на колачи, и на всякое съестное по гривне на день. Купчине жъ питья, по 4 чарки вина, по полуведра меду на день. Людемъ купчининымъ, сколько ихъ будетъ, на хлѣбы и на колачи по шти денегъ человѣку на день. Питья: по 2 чарки вина человѣку на день, да на 3 человѣки по полуведра пива на день.

Внизу: А къ Мосѣю Панову послана кормовая роспись такова жъ

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. Мосѣю Ивано, вичю Панову. Писали къ намъ исъ Казани бояринъ нашъ и воеводы, князь Володимеръ Тимоѳѣевичь Долгорукого съ товарыщи, что пріѣхалъ въ Казань (*и проч.*). И ныне отъ насъ писано въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого съ товарыщи, а велѣно того купчину изъ Казани отпустити къ Москвѣ съ тобою да съ астарахапскимъ приставомъ тотчасъ, давъ подъ него подводы, на чемъ ему мочно поднятца, и кормъ про купчину до коихъ мѣстъ купчина побудетъ въ Казани, и въ дорогу велѣно имъ дати противъ росписи, какова къ нимъ нынѣ отъ насъ съ Москвы послана, а къ тебѣ отъ насъ послана роспись такова жъ подъ сею нашею грамотою. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тотчасъ изъ Казани съ купчиною шолъ къ намъ, къ Москве, не мѣшкая нигдѣ, и кормъ про купчину и питье ималъ бы еси по городомъ у воеводъ нашихъ и у приказныхъ людей по росписи. А не дошедъ до Москвы съ послѣдпего стану прислалъ бы еси про себя сказати съ вѣстью въ посольской приказъ по прежпему нашему указу, а безъ обсылки бъ къ Москве, не шолъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го ноября въ 15 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Ондрюшка Хованской, Ивашко Пушкинъ, Петрушка Овдокимовъ, Гаврилко Богдановъ, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 122-мъ году августа въ 21 день писали къ тебѣ ко государю изъ Астороханп твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичь Одоевской съ товарыщи, что пріѣхалъ въ Асторохань исъ Кизылбашъ кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза, а привезъ съ собою на продажу товаръ, и съ того ево продажново товару довелось въ

Астарохани взяти твоихъ государевыхъ таможенныхъ всякихъ пошлинъ дватцать четыре рубли и дватцать три алтына полъ-пяты деньги, и они до твоего государева указу съ купчины съ Хозе Муртозы въ Асторохани тѣхъ пошлинъ не взяли. А нынѣ, государь, пріѣхалъ въ Астарохань отъ тебя, государя, съ Москвы тотъ же купчина Хозя Муртоза, а привезъ съ собою сверху верховской товаръ, и мы, холопи твои, на Муртозѣ съ того привозного товару твоихъ государевыхъ пошлинъ до твоего государева указу не взяли жъ. А что было довелось у него взяти твоихъ государевыхъ таможенныхъ всякихъ пошлинъ, того не вѣдома, потому что тотъ товаръ въ Асторохани не смотренъ, сказалъ Муртоза: тотъ таваръ шахъ Аббасовъ. Да въ прошломъ же, государь, въ 124-мъ году августа въ 4 день пріѣхалъ въ Асторохань изъ Кизылбашъ шахъ Аббасовъ купчина Магаметь Касимъ, а послапъ онъ отъ шахъ Аббаса къ тебѣ, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., зъ грамотою и зъ дары, а къ намъ, холопемъ твоимъ, купчина Магметь Касимъ прислалъ грамоту, писана въ Астарохань къ воеводамъ отъ шахъ Аббаса на парситцки. И мы, холопи твои, велѣли въ Асторохани шахъ Аббасову грамоту перевести по руски и переводъ зъ грамоты чли, и въ той шахъ Аббасове грамоте написана, что послалъ онъ, шахъ Аббасъ, къ тебѣ, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р., къ Москве человѣка своего маздропца Магаметь Касима въ купчинахъ, и какъ онъ въ Астарохань пріѣдетъ, и астарохапскимъ бы воеводамъ велѣти купчину его Магаметь Касима отпустити изъ Асторохани къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ тотчасъ, не издержавъ, а что ему попадобитца въ Астарохани купити про его шахъ Аббасовъ обиходъ, и купчине бъ ево въ Асторохани купити поволити, а твоихъ бы государевыхъ пошлинъ съ него имати не велѣти. И мы, холопи твои, велѣли купчине Магаметь Касиму дати въ Асторохани на посаде дворъ, и кормъ и питье на пріѣзде, примѣрясь къ прежнему, какъ прежь сего давано въ Асторохани на пріѣзде кизылбашскимъ купчинамъ кормъ и питье. А дары, что съ нимъ послалъ къ тебѣ, ко государю, кизылбашской шахъ Аббасъ, и его, купчинины, товары велѣли мы, холопи твои, у купчины переписати; а что съ нимъ по переписи послано къ тебѣ, ко государю, отъ шахъ Аббаса даровъ, и мы, холопи твои, тѣмъ даромъ написавъ роспись, послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отпискою, и купчину Магаметь Касима отпустили изъ Асторохани къ тебѣ, ко государю, сентября въ 4 де(нь), а въ приставехъ съ нимъ послали сына боярского Семена Болтина. А твоихъ государевыхъ таможенныхъ всякихъ пошлинъ

довелося на купчине, на Магаметь Касиме, взяти съ товаровъ сто девеноста пять рублевъ и деветь алтынъ. И мы, холопи твои, тѣхъ пошлинъ на немъ до твоего государева указу не взяли, и впередъ, государь, какъ учнутъ пріѣзжати въ Асторохань кизылбашскіе шахъ Аббасовы купчины исъ Кизылбашъ или сверху, и съ тѣхъ ихъ товаровъ твои государевы пошлины имати ли, или не имати? И о томъ намъ, холопемъ своимъ, какъ ты, государь, укажешь?

Роспись, что съ кизылбашскимъ купчиною, съ Магаметь Касимомъ, послано отъ шахъ Аббаса ко государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. даровъ.

Тулумбасъ, серебрянъ резной, на немъ плащи золочены, съ камешки: зъ бирюски и съ лаликовыми искорками. Ножъ булатной, черенъ и ножны золоты, съ каменьемъ: съ лалы и зъ бирюзами, и съ яхонтовыми искорками. 2 камки кизылбашскіе одна—шелкъ яриной да алъ, съ серебромъ; другая — шолки цветные зъ золотомъ. Полсть бурнатная. 2 ковра болшихъ цвѣтныхъ.

На адресъ: 125-го ноября въ 9 день, казанецъ Сухой Останковъ.

Помѣта: Отписать: которой будетъ шаховъ товаръ, и съ того не имать, а которые товары ихъ, и съ тѣхъ пошлины имать.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ѳедоровичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Иванову. Писали есте къ намъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а впередъ которые шаховы купчины учнутъ пріѣзжать въ Асторохань исъ Кизылбашъ или сверху, а съ ними будутъ товары шаховы, и вы бъ съ тѣхъ шаховыхъ товаровъ пошлинъ на насъ не имали; а которые товары съ тѣми шаховыми посланники будутъ ихъ, купчинины, а не шаховы, и вы бъ на нихъ съ тѣхъ съ ихъ товаровъ пошлины на насъ имали по прежнему нашему указу; а заповедныхъ бы есте всякихъ товаровъ по прежнимъ нашимъ указомъ, сыскавъ въ Асторохани, за море однолично безъ нашего имянново указу ни съ кѣмъ не пропускали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го ноября въ 15 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенка Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ѳѳопька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году ноября въ 1 день въ твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ: писали къ тебѣ, государю, изъ Асторохани воеводы (*и проч.*). И отъ тебя,

государя, посланъ съ Москвы костромитинъ Моисѣй Пановъ (*и проч.*). И по твоей государеве грамоте мы, холопи твои, къ кизылбашскому купчине Магаметь Касиму послали Моисѣя Панова, а велѣли ему сказать, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ, государю, къ Москве тотчасъ, а въ приставстве съ нимъ велѣли быти ему, Моисѣю, и твое государево жалованье кормъ и питье въ дорогу ему велимъ дати. И Моисѣй, государь, Пановъ намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ, что онъ купчине о томъ говорилъ, и купчина де ему сказалъ, что ему ныне до зимнего пути исъ Казани ѣхати не мошно потому, что Волгою рѣкою идетъ ледъ, и ему бъ на пустоплесе не замерзнуть. И мы, холопи твои, купчине Магаметь Касиму да тезику Курмалѣю до пути велѣли давати кормъ и питье, примѣрясь къ прежнему; а по чему, государь, на день имъ корму и питья, и мы, холопи твои, послали къ тебѣ, государь, роспись подъ сею отпискою. А какъ, государь, путь станетъ, и мы, холопи твои, тотчасъ Моисѣя Панова и астараханского пристава Семена Болтина, съ купчиною и съ тезикомъ, отпустимъ и къ тебѣ, государю, отпишемъ.

Роспись, по чему кизылбашскому купчине Магаметь Касиму и людемъ его, и тезику Курмалѣю поденного корму и питья.

Купчине Магаметь Касиму корму на день 2 гривны, питья 4 чарки вина, полведра меду. Людямъ его 10-ти человѣкомъ по 2 чарки вина человѣку, да всѣмъ вопчѣ 2 ведра пива на день. Тезику Курмалѣю по 2 алтына на день.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопъ твой Моисѣйко Пановъ челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году октября въ 9 день по твоему государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу посланъ я, холопъ твой, въ Казань на встрѣчю шахъ Аббасову купчине Магаметь Касиму да кизылбашскому тезику Курмалѣю. И я, холопъ твой, пріѣхалъ въ Казань октября въ 30 де(нь) и по твоему государеву указу твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Тимооѣевичь Долгорукой съ товарыщи, мнѣ, холопу твоему, у купчины Магаметь Касима быти велѣли. И я, холопъ твой, пришедъ къ купчине Магаметь Касиму, по твоему государеву указу въ розговоре съ нимъ говорилъ: о какихъ дѣлехъ онъ ныне къ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., къ Москве идетъ и грамоты съ нимъ къ тебѣ, государю, отъ шаха есть ли? и какъ ныне шахъ зъ бухарскимъ и съ юрьгенскимъ, и съ турскимъ, и гдѣ ныне Шанъ Гирѣй царевичь съ шаховыми ратными людьми? и бой у него съ турскими и съ крымскими людьми былъ ли, или ещо сходъ межъ ихъ не

бывалъ? и на которые мѣста имъ на крымского итти, и впередъ у шаха съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ чаять миру или войны? и будетъ межъ ими миру чаять, и на чемъ миру чаеть? и какіе съ нимъ въ Московское государство идутъ товары? А что, государь, мнѣ въ розговоре купчина Магаметь Касимъ про бухарского и юргенского, и про крымского, и про Шанъ Гирѣя царевича сказалъ, и что тебѣ, государю, везетъ отъ себя челомъ ударить, и товару своего, и что тезикъ Курмалѣй сказалъ каменей и товару, — а каменье ден взяли въ Астарахани твои государевы воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичь Хованской съ товарыщи, и послали въ Казань за печатью царства Астораханского, съ приставомъ, и то де каменье въ твоей государеве казнѣ въ Казани поставлены для береженья до ихъ поезду, — и я, холопъ твой, купчинины розговорные рѣчи и что тебѣ, государю, везетъ челомъ ударить, и товару его, и тезика Курмалѣя товару жъ, и каменьямъ росписи послалъ къ тебѣ, государю, подъ сею отпискою А что, государь, съ купчиною людей его и хто именемъ, и что твой государевъ боярин и воеводы, князь Володимерь Тимооѣевичь съ товарыщи, купчине Магаметь Касиму дали твоего государева жалованья поденного корму и питья, и людемъ его на десять человѣкъ, и тезику Курмалѣю съ человѣкомъ, и я, холопъ твой, тое роспись и купчинпнымъ людемъ имяна къ тебѣ, государю, послалъ подъ сею отпискою. А купчина, государь, вскоре къ тебѣ, государю, къ Москвѣ не поѣхалъ потому, что водяной путь минулся, а зимнимъ путемъ дорога не уставилась.

И по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. наказу Моисѣй Пановъ съ шахъ Аббасовымъ купчиною Магаметь Касимомъ говорилъ въ розговорехъ: о какихъ дѣлехъ онъ ныне ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. къ Москве идетъ? и грамоты съ нимъ къ его царскому величеству отъ шаха есть ли?

И купчина Магаметь Касимъ въ розговорехъ говорилъ съ Моисѣемъ: государь его шахъ отпустилъ его, Магаметь Касима, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. къ его царскому в—ву къ Москве зъ грамотами и для того де меня,—провѣдывати: посланы къ Москве отъ государя его, шаха, купчины Хозя Муртоза да Ази Магаметь, и иные многіе купчины и торговые люди тому лѣтъ съ семь и съ восмь, и ко государю его, шаху, и по ся мѣста тѣ купчины и торговые люди не бывали. Да государь же его, шахъ, послалъ къ Москве посланника своего Булатъ бека про тѣхъ купчинъ и торговыхъ людей провѣдывати: для чего тѣ купчины и торговые

люди ко государю его, шаху, по ся мѣста не бывали и зачѣмъ не отпущены? И про посланника Булатъ бека государю его, шаху, слуху и по ся мѣста не бывало жъ. И онъ, Магаметъ Касимъ, про тѣхъ купчинъ и торговыхъ людей и про посланника Булатъ бека отъ государя своего, шаха, посланъ провѣдывати: для чего купчины и торговые люди и посланникъ Булатъ бекъ ко государю его, шаху, по ся мѣста не бывали и зачѣмъ не отпущены? И нынѣ онъ, Магаметъ Касимъ, того посланника Булатъ бека и купчинъ встрѣтилъ съ государевыми послы въ Астарахани. А идетъ онъ, Магаметъ Касимъ, ко государю къ Москве отъ шаха съ грамотами да и для того: хотя его царское величество видети.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре купчине Магаметъ Касиму: какъ нынѣ шахъ съ бухарскимъ и съ юргеньскимъ?

И купчина Магаметъ Касимъ говорилъ въ розговоре: бухарской и юргенской государю его, шаху, служатъ и по его велѣнью, гдѣ имъ государь его шахъ велитъ бухарскому и юргенскому быти, и они тутъ и будутъ и на помочь ко государю его шаху приходятъ и ему покорны, и во всемъ его слушаютъ.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре купчине Магаметъ Касиму: какъ нынѣ государь его шахъ съ турскимъ и гдѣ нынѣ Шанъ Гирѣй царевичь съ шаховыми ратными людьми, и бой у него съ турскими и съ крымскими людьми былъ ли, или ещо сходъ межь ихъ не бывалъ? и на которые мѣста имъ на крымского итти? и впередъ у шаха съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ чаять миру-ль или войны? и будетъ межь ими миру чаять и на чемъ миру чаять?

И купчина Магаметъ Касимъ въ розговоре говорилъ: какъ государь его шахъ отпустилъ ко государю къ Москве съ грамотами, и государь его шахъ былъ въ тѣ поры въ Тевризе, а слухъ ему, шаху, былъ, что идетъ турской царь со многими людьми на шаха, и буде турской царь на государя его, шаха, будетъ, и шахъ съ ними бьется; а не будетъ турской, и государь его, шахъ, въ своемъ царстве воленъ: куды хочетъ, туды идетъ. А Шанъ Гирѣй царевичь послалъ въ Щелкалы съ ратными людьми, а людей съ нимъ тысечь съ пятьдесятъ всякого бойца; а послалъ онъ въ Щелкалы для службы шаху, что идетъ крымской царь, а посланъ онъ, Магаметъ Касимъ, по сякову пору ко государю, къ Москве, мѣсяца съ четыре, а тово подлинно не вѣдомо, гдѣ крымской царь, а приказъ отъ шаха царевичю Шанъ Гирѣю былъ: какъ будетъ крымской царь, и шахъ велѣлъ ему, Шанъ Гирѣю, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю

в. Р. тотчасъ писати въ Астарахань и въ Казань, чтобъ государь велѣлъ помочь учинити противъ крымсково. А только будетъ крымсково царя приходъ, и царевичю Шаиъ Гирѣю велѣлъ шахъ быти на Сунше для обереганья государевы вотчины Терки и надъ крымскими людьми промышляти.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре купчине Магаметь Касиму: какіе съ нимъ въ Московское государство товары идутъ?

И купчина Магаметь Касимъ говорилъ Моисѣю: везетъ онъ, Магаметь, отъ себя ко государю къ Москве ему, государю, челомъ ударить, а что ко государю везетъ отъ себя ему, государю, челомъ ударить и тому роспись.

Лукъ мешецкой наволоженъ творенымъ золотомъ. Ножъ булатной, черенъ и ножны золотые, къ каменьемъ: съ лалы и съ яхонты, и съ бирюзы. Тулунбасъ серебряной съ золотыми плащи, а въ плащахъ каменье бирюзы. Два портища кизылбашскихъ: одно золотное, а другое серебряное, да кушакъ золотной. Два ковра кизылбашскихъ да полсть кизылбашская.

А товару онъ, Магаметь Касимъ, сказалъ у себя, а везетъ съ собою къ Москве, и тому товару роспись: 250 дороговъ всякимъ рознымъ цвѣтомъ; 350 юотей саѳьяновъ всякимъ цвѣтомъ, 200 ансырей шелку всякимъ цвѣтомъ, 4 пуда краски крутику, 50 киндяковъ всякимъ цвѣтомъ.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре тезику Курмалѣю: какіе съ нимъ въ Московское государство товары идутъ?

И тезикъ Курмалѣй говорилъ въ розговоре съ Моисѣемъ: было у него, Курмалѣя, товару каменье, и то каменье взяли въ Астараханй воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичь Хованской съ товарыщи, на государя й то каменье послали въ Казань съ приставомъ, и въ Казани то каменье для береженья до ихъ поѣзду поставлено въ Казани въ государеве казнѣ. А что какова каменья тезикъ Курмалѣй сказалъ, и тому роспись:

12 юотей лалъ; 2 юоти червчатого яхопту, сережные каменье; 2 юоти изумруду сережного каменья; изумрудъ большой, вѣсу въ немъ 5 золотниковъ; яхонтъ червчатъ перстневой; 3 яхонты червчатые, 3 яхонты лазоревые, пригодятца въ перстень; 33 изумруда, не великіе каменье; перстень золотъ, а въ немъ камень алмазъ; перстень золотъ же, а въ немъ камень лалъ; 7 юотей лазоревого каменья сережныхъ; 3 бирюзы большіе; 3 бирюзы середніе.

Да тезикъ же Курмалѣй въ розговоре сказалъ у себя товару:

10 дороговъ; 30 юфтей саѳьяновъ всякимъ цвѣтомъ.

Роспись. По государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Тимоѳѣевичь Долгорукой съ товарыщи, велѣли кизылбашскому купчине Магаметь Касыму давати государева жалованья корму: по две гривны денегъ на день съ людьми, да питья: одному купчине четыре чарки вина, полведра меду на день; людемъ его десяти человѣкомъ по две чарки вина человѣку, да всѣмъ по два ведра пива на день. Кизылбашскому тезику Курмалѣю съ человѣкомъ по два алтына на день.

Имена купчины Магаметь Касима людемъ, которымъ даютъ государево жалованье поденной кормъ.

Племянникъ его Асенѣй Увсейповъ, да шаховъ человѣкъ Муртоза Чемшиновъ, да купчинины люди: Усеинъ Ази Магаметевъ, Ямбазъ Шамсадинъ, Мирза Мурусейповъ, Маметь Салы Анаптовъ, Мирясянъ Магаметевъ, Аминъ Магаметевъ, Асанъ Шамсадинъ, Садиръ Агаметевъ.

На оборотѣ: Отписать: каменье велѣть прислать.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгоруково да князю Семену Микитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ооонасью Истомину. Писалъ къ намъ псъ Казани кизылбашского купчины Магаметь Касыма приставъ Мосей Пановъ, которой посланъ отъ насъ съ Москвы къ купчине на встрѣчю, что сказывалъ де ему купчина да тезикъ Курманалѣй: взяли де у нихъ въ Астарахани воеводы наши *(и проч.)*. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы то каменья, что къ вамъ прислано изъ Астарахани, прислали къ намъ къ Москве, съ кѣмъ будетъ пригоже, да о томъ бы естя къ намъ отписали, а отписку велѣли отдать и съ каменьемъ явитися въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го ноября въ 30 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гагаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ооонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, въ 123-мъ году ноября въ 20 де(нь) присланы въ Казань твои государевы ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамоты: одна псъ посольскаго приказу за приписью твоего государева думного діака Петра Третьякова. а другая псъ Казанского дворца за приписью діяка Ооонасья Овдокимова. А въ твоихъ государевыхъ грамотахъ написано: которые будетъ

иноземцы турскіе и кизылбаскіе, и бухарскіе, и юргенскіе, и черкаскіе, и нагайскіе, и иныхъ государствъ послы и посланники, и гонцы, и купчины, и тезики впередъ учнутъ приходить въ Казань и объ ихъ пріѣздѣ велено писати къ тебѣ ко государю къ Москвѣ, а отписки и роспися тезицкимъ имянамъ и товаромъ велено отдавать въ посольскомъ приказе твоимъ государевымъ діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову, и впередъ о тѣхъ иноземцехъ, объ ихъ пріѣздѣ и о всякихъ твоихъ государевыхъ указехъ въ Казанской дворецъ и въ иные ни въ которые приказы, опричь посольскаго приказу, никуды ни о чемъ писать не велено. А пошлины съ купетцкихъ людей съ товаровъ имати въ твою государеву казну по прежнему твоему государеву указу и по уставнымъ грамотамъ. И въ нынешнемъ, государь, въ 125-мъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ пріѣхали въ Казань изъ Астороханн и съ Уоы тезики, а кто именемъ и которые земли, и что у кого товару, и мы, холопи твои, тому роспись послали къ тебѣ къ государю подъ сею отпискою.

Роспись тезикомъ, которые пріѣхали изъ Астороханн съ товары:

Октября въ 29 день у тезика Бухарскіе земли у Салтанъ Асея Магаметева тавару: 8 портищъ выбойки арапскихъ. 90 кындяковъ красныхъ, 90 кындяковъ цветныхъ, 30 лисицъ трухменскихъ, полъ 2 пуда синей бумаги, 50 юѳтей саѳьяновъ, 10 пудъ краски крутику.

У тезика Бухарскіе земли у Шахъ Бандыша Муратова товару: 25 дороги гилянскихъ, 5 таѳтъ, 44 кындяка цветныхъ, 80 апсырей шолку рясково, 75 кындяковъ цветныхъ, 21 апсырь шолку пырсу, пудъ бумаги синіе.

У тезика Бухарскіе земли у Азисъ Али Асанова товару: 53 апсыря шолку пырсу, 180 кындяковъ червчатыхъ, 150 кындяковъ цвѣтныхъ, 150 юѳтей саѳьяновъ, 19 выбоекъ арапскихъ, 37 лисицъ трухменскихъ, 3 пуда бумаги синіе гилянской, 9 пудъ краски крутику.

У тезика Кизылбашскіе земли, у Магметя Магмутова товару: 50 апсыревъ шолку гилянского, 10 апсыревъ шолку пырсу, 22 юоти саѳьяновъ, 8 дорогъ краспыхъ, 4 дороги полосатые, 5 таѳтъ плохихъ.

У тезика Кизылбашскіе у Мула Иса Сахмамутова товару: 15 юѳтей саѳьяновъ, 25 апсыревъ шолку раскова, 20 апсырей шолку гилянского, 5 дороги цветныхъ и полосатыхъ, 10 таѳть горскихъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Врышъ Маметя Салтасепева товару: 20 юѳтей саѳьяновъ жолтыхъ, 38 выбоекъ гилянскихъ широкихъ, 40 апсырей шолку гилянского, полъ 3 пуда бумаги синіе.

У тезика Кизылбашскіе земли у Шасора Янятова товару: 50

ансыревъ шолку пырсу, 30 ансырей шолку грузысково, 55 юетей саѳьяновъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Калѣя Магмѣтева товару: 46 дорогъ цветныхъ гилянскихъ, 56 дорогъ красныхъ гилянскихъ, 30 аотъ, 145 киндяковъ цветныхъ, 120 ансырей шолку пырсу, 146 ансырей шолку ласу. Да у него жъ посыльново товару 30 ансырей шолку грузинского, 3 пуда синей бумаги, 600 гребней деревянныхъ.

У тезика Кизылбашскіе земли, у Хась Малѣя Танѣева товару: 6 миткали, 22 ансыря шолку ласу, 100 ансырей шолку арасково, 80 ансырей шолку гилянского, 7 юетей саѳьяновъ, 19 дарагъ цветныхъ, 4 пуда краски крутику, 4 пуда краски мяхкой, 2 миткали кизылбаскихъ, 10 гривенокъ чилибухи, 5 гривенокъ коренья жолтого Да у ево Хасьмалѣева кошевара, у Хонѣя, 30 ансырей шолку пырсу.

У тезика Кизылбашскіе земли у Мамеделѣя Махмутова товару: 63 киндяка цветныхъ, 20 дарагъ цветныхъ гилянскихъ, 5 дороги топлыхъ цветныхъ, 2 миткали, 33 ансыря шолку ласу, 55 луковъ бухарскихъ, 55 ансырей шолку пырсу, 4 пуда краски мяхкой, 9 пудъ краски крутику, 13 таѳтъ, 8 дорогъ гилянскихъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Садѣя Алибекова товару: 150 юетей саѳьяновъ жолтыхъ и красныхъ, 117 ансырей шолку пырсу, 10 таѳтъ, 52 дороги гилянскихъ цветныхъ.

У астараханца у армянина у Малдаруса Сабахтарова товару 10 ансырей шолку пырсу, пудъ паждаку, 30 гривенокъ ужовокъ, 20 гривенокъ чернильныхъ орѣшковъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Язнова Магметева товару: 11 дорогъ цветныхъ плохихъ, 60 ансырей шолку ласу.

Да у тезика у Молмина товару: 80 киндяковъ красныхъ; 52 кушака полушелковы, миткали, 6 выбоекъ, 6 коотаповъ, 21 зендень красныхъ, 35 портищъ бязи лощеной, 40 кушаковъ бумажныхъ. 15 нестредей, 5 оунтъ бумаги синіе, юеть саѳьяновъ лазоревыхъ, 2 юети жолтыхъ, 2 ями бязи.

У тезика у Курмана товару: 50 зенденей красныхъ, 50 зенденей цвѣтныхъ, 14 портищь бязи лощеной, 6 кисѣи, 8 юетей соѳьяновъ красныхъ, 2 юети жолтыхъ. 4 кушака полушелковы, 2 дороги зелены, дороги жолтые, 8 ансырей шолку игирдею, 11 нестредей, 47 кушаковъ бумажныхъ.

Пріѣхалъ съ Уом. . У тезика Бухарскіе земли у Мала Садыка Мала бекѣева товару: 183 кушака полушелковыхъ, 60 кушаковъ шолковыхъ, 62 пестреди, 20 кушаковъ чарэвь, 4 миткали, 120 зенденей

червчатыхъ топлыхъ, 80 зенденей широкихъ цветныхъ, 55 кушаковъ харчѣвыхъ, рубашка—камка кизылбаская краспая, рубашка—камка кизылбаская жолтая, 10 бязей, 70 зенденей краспыхъ, 70 кипдяковъ цвѣтныхъ, 13 рубахъ таотяныхъ бухарскихъ, 8 ямей бязи, 4 рубашки зендонныхъ, 100 зенденей цветныхъ, миткали арапскіе, 14 юетей саоьяновъ, 2 бязи лощеныхъ, 100 зенденей цветныхъ, 30 луковъ бухарскихъ, 10 бязей, 3 рубашки зенденныхъ, 4 обаба. Да у него жъ посыльного товару 5 юетей сооьяновъ, 16 кушаковъ, 3 дороги бухарскіе, 75 зенденей красныхъ, 4 кушаковъ, 5 ансырей шолку игирдѣну, 10 кисей, 30 зенденей семенди, 50 кушаковъ хорчавыхъ.

На адресъ: 125 г. декабря во 2 день съ казанцомъ зъ Безсономъ Васильчиковымъ.

Помѣта: Отписать: которые будетъ изъ тѣхъ тезиковъ похотятъ ѣхати къ Москве, и тѣхъ отпустити къ Москве, а которые тамъ похотятъ торговать, и тѣмъ велѣти торговать и назадъ ихъ отпустить по ихъ воле.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимооѣевичю Долгорукому да князю Семену Микитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ѳѳопасью Истомину. Декабря въ 2 де(нь) писали есте къ намъ *(и проч.)*. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а которые будетъ изъ тѣхъ тезиковъ похотятъ съ товары своими ѣхать къ намъ къ Москвѣ, и вы бъ ихъ отпустили къ намъ къ Москве и для береженья послали съ ними до Москвы, кого пригоже, чтобъ имъ по городомъ ни отъ кого никакихъ обидъ не было. А которые похотятъ торговать въ Казани, и вы бъ имъ велѣли торговати въ Казани и назадъ ихъ въ свою землю отпускали безо всякого задержанья по ихъ воле. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го декабря въ 3 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Нащокинъ да Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ твоей государеве грамоте изъ посольского приказу за приписью твоего государева дьяка Савы Романчюкова писано, государь, къ намъ, холопемъ твоимъ, съ Мосѣмъ Пановымъ: какъ, государь, исъ Казани Мосѣй Пановъ пріѣдетъ въ Нижней съ шахъ Аббасовымъ купчиною Магаметъ Касомъ (sic) да съ кизылбаскимъ тезикомъ съ Курмалѣемъ (*и проч.*). И въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году декабря въ 2 день пріѣхалъ въ Нижней исъ Казани Мосѣй Пановъ съ кизылбашскимъ купчиною и съ тезикомъ. И по твоему государеву указу мы, холопи

твои, и по росписи, какова роспись у Мосѣя Панова, кизылбашскому купчине и его людемъ денежной поденной кормъ и питье, вино и метъ, и пиво, зъ декабря съ 3-го числа и въ дорогу декабря 13 число, и по казанской подорожной подводы дали сполна, и изъ Нижнего къ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., отпустили мы, холопи твои, Мосѣя Панова съ купчиною и съ тезикомъ декабря въ 5 день; а провожатыхъ, государь, съ ними для береженья послали до Мурома нижегородцкихъ стрельцовъ дватцать человѣкъ, а велѣли, государь, имъ ѣхати дорогою не оплошно, съ великимъ бережепьемъ.

Помѣта: Вклепть въ столпъ.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенка Гагаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ѳеопка Истомпнъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году ноября въ 2 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ, ко государю, зъ Григорьемъ Пустошкинымъ, что по твоему государеву указу присланъ въ Казань Моисѣй Пановъ на встрѣчю кизылбашскому купчине Магаметь Каспму, которой ѣдетъ къ тебѣ, государю, отъ шахъ Аббаса зъ грамотою, да тезику Курмалѣю, которой ѣдетъ къ тебѣ, государю, съ каменьемъ: съ яхонты и съ лалы, и съ узумруды. А велѣно намъ, холопемъ твоимъ, Моисѣя съ купчиною и съ тезикомъ отпустить къ тебѣ, государю, давъ имъ кормъ, и послать провожатыхъ до Нижнего. И мы, холопи твои, къ купчине послали Моисѣя Панова, а велѣли сказать, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ, государю, къ Москве со всѣми товары, которые съ нимъ изъ Кизылбашъ. И купчина, государь, прислалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, челобитную, а въ челобитной, государь, написано, чтобъ ты, государь, его, купчину, пожаловалъ велѣлъ ему продать въ Казани товарцу, чѣмъ ему до Москвы поднятца, и на себя и на людей для зимнего пути теплое платье искупити, а упродать де ему товару немного. которой къ Москве вести не пригодитца. И тѣмъ товаромъ прислалъ къ намъ роспись. И мы, холопи твои, велѣли Моисѣю Панову купчине говорити, чтобъ онъ со всѣми товары къ тебѣ, ко государю, къ Москве ѣхалъ, а въ Казани бъ товаровъ своихъ не продавалъ. И Моисѣй Пановъ намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ, что онъ купчине про то говорилъ, и купчина де ему отказалъ, что ему, для нужи не продавъ товаровъ, къ Москве ѣхати не мошно, потому что у него и у людей теплого платье пѣтъ, а денегъ у него нѣтъ, покупать нѣчемъ. И мы, холопи твои, купчине плохіе товары для его подъему продать поволили, а Моисѣю, государь, приказывали, чтобъ у него купили рускіе люди на под-

ворьѣ, а иноземцовъ бы хъ купчине на дворъ никакихъ припускать не велѣлъ, и дорогихъ товаровъ купчина никакихъ не продавалъ. И отпустили мы, холопи твои, къ тебѣ, государю, Моисѣя Папова съ купчиною и съ тезикомъ ноября въ 19 день, давъ имъ кормъ и питье и провожатыхъ послали по твоему государеву указу до Нижнего. А которые, государь, товары купчина людемъ своимъ велѣлъ въ Казани продати, и мы, холопи твои, тѣмъ товаромъ послали къ тебѣ, государю, роспись подъ сею отпискою.

Роспись товару, которой товаръ кизылбашской купчина Магаметь Касимъ велѣлъ продати въ Казани: 200 апсырей шолку худово, 25 юфтей саоьяновъ моклыхъ, 4 дороговъ полосатыхъ, 20 таотъ, 20 дорожишокъ худыхъ розпымъ цвѣтомъ, 2 пуда бумаги хлопчатые, 20 кындячишковъ моклыхъ.

На адресъ: 125 г. декабря въ 16 де(нь) подалъ Мосѣй Пановъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Нащокинъ да Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году декабря въ 3 день сказалъ намъ, холопемъ твоимъ, кизылбашского шахъ Аббасова купчины приставъ Мосѣй Пановъ: декабря, государь, съ 2-го числа въ ночи украли де, государь, тати съ купчинина двора у купчины съ воза коробейку, а въ той де, государь, коробейкѣ, по скаске купчины, было живота его осмнатцать дороговъ розныхъ цвѣтовъ, да дватцать пять апсыревъ шолку, да шесть выбоекъ, а цена де, государь, дорогомъ по четыре рубли дороги, а шолку по три рубли апсырь, а выбойка по полтине, и всего, государь, по купчинине сказке украли живота его на сто на пятьдесятъ рублевъ; а тое де, государь, ночи стерегли на купчинине дворѣ, весь купчининъ животъ кузьмодемьянскіе охотники, Степанко Дементьевъ съ товарыщи пять человѣкъ, а надъ ними надзирали кузьмодемьянскихъ стрельцовъ четыре человѣки, Ивашко Клюкинъ съ товарыщи. Да декабря жъ, государь, во 8 день сказалъ намъ, холопемъ твоимъ, Мосѣй Пановъ, что тѣ кузьмодемьянскіе охотники и стрельцы, испродавъ свои лошади и всякую рухлядь, и дали купчине въ ту его пропажу девяносто четыре рубли съ полтиною, а додати де, государь, еще купчине по его купчинине скаске въ ту его пропажу пятьдесятъ пять рублевъ съ полтиною, и тѣмъ де, государь, ямщикомъ и стрельцомъ тѣхъ достальныхъ денегъ купчине доплатити нѣчимъ, и тѣхъ, государь, ямщиковъ, которые стерегли на купчинине дворѣ, и тѣхъ стрельцовъ, которые надъ тѣми ямщики надзирали, Мосѣй Пановъ въ тѣхъ въ достальныхъ въ купчининыхъ деньгахъ прислали къ намъ, холопемъ твоимъ, а намъ

бы, государь, холопемъ твоимъ, тѣхъ ямщиковъ и стрельцовъ велѣти держати до твоего государева указу. И мы, государь, холопи твои, тѣхъ ямщиковъ и стрельцовъ, которыхъ къ намъ, холопемъ твоимъ, прислали Моисѣй Наповъ, по его росписи, всѣхъ осмнатцать человѣкъ велѣли въ Нижнемъ посадити въ тюрьму до твоего государева ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Моисѣй Наповъ, Сенька Болтинъ, челомъ бьютъ. По твоему государеву ц. и в. кн. М. Ѳ. в. Р. указу послапъ я, холопъ твой, Моисѣйко, въ Казань па встрѣчю шахъ Басову купчине Могаметь Касиму да кизылбашскому тезику Кормалѣю. И по твоему государеву указу насъ, холопей твоихъ, съ купчиною и съ тезикомъ твой государевъ боярипъ и воевода, князь Володимеръ Тимоѳѣевичь Долгорукой съ товарыщи, изъ Казани отпустилъ ноября въ 18 де(нь) и провожатыхъ дали стрельцовъ дватцати человѣкъ до Нижнева Новагорода, и до Нижнева, государь, Новагорода доехали, далъ Богъ, здорово, а въ Нижнемъ, государь, учинилася пропажа: декабря въ 2 де(нь) съ попедѣльника противъ осторинка въ почи у купчины пропала съ воза коробья, а въ коробьѣ онъ, купчипа, сказалъ осмпатцетеры дороги, дватцеть пять апсыревъ шолку, шесть выбоекъ; а цѣну сказалъ дорогомъ по четыре рубли, да за шелкъ за апсырь по три рубли, за выбойку по полтине. А на карауле были въ тое пору казанскіе стрельцы четыре человѣки, да козьмадемьянского яму ямщики, которые были у купчины за лошадьми пятнатцеть человѣкъ, и имъ была приказапа та почь стеречи всѣмъ накрепко. И тѣ, государь, сторожи, стрельци и ямщики, за тое пропажу били челомъ ему, купчине и принесли денегъ девяносто четыре рубли шеснатцеть алтынъ четыре деньги, и онъ, государь, у нихъ тѣхъ денегъ не взялъ: прошалъ у нихъ ста пятидесятъ рублевъ; а больши, государь, того стрельцы и ямщики въ Нижнемъ денегъ не собрали. И мы, холопи твои, тѣхъ стрельцовъ и ямщиковъ въ Нижнемъ отдали твоему государеву воеводе Борису Ивановичю Нащокину, дьяку Дементью Обрасцову до твоего государева указу. И декабря, государь, въ 8 де(нь), какъ мы, холопи твои, пришли съ купчиною въ Муромъ, и тотъ, государь, купчина почалъ у насъ, холопей твоихъ, просити за тое свою пропажу тѣхъ денегъ, что ему давали стрельци и ямщики девяноста четырехъ рублевъ штинатцати алтынъ четырехъ денегъ, и отпись давалъ во всей своей пропаже. И мы, холопи твои, безъ твоего государева указу тѣхъ денегъ ему дати не смѣемъ потому, что онъ въ Нижнемъ у стрельцовъ и у ямщиковъ денегъ не взялъ, а въ

Нижнемъ, государь, купчина стоялъ на посаде у вдовы у Ѳедоры Власьевы дочери, а у неѣ живетъ на дворѣ Смирка Ивановъ, и пропажа, государь, учинилася у тое вдовы на дворѣ. И мы, холопи твои, тое вдовы и тово Смирки про тое пропажу роспрашивали и роспросные рѣчи и тѣхъ стрельцовъ и ямщиковъ имяна послали къ тебѣ, къ государю, къ Москве подъ сею отпискою; а тово, государь, Смирку отослали въ розрядъ къ воеводе къ Борису Ивановичю Нащокину, къ дьяку Дементью Образцову. А какова, государь, роспись кормовая дана мнѣ, холопу твоему, въ Казани, по чему давати купчине съ людьми поденово корму, и мы, холопи твои, списавъ съ тое росписи слово въ слово, послали къ тебѣ, къ государю, къ Москве подъ сею отпискою. А изъ Володимеря, государь, мы, холопи твои, съ купчиною и съ тезикомъ пошли декабря въ 12 де(нь), а въ Володимерѣ, государь, воевода князь Семенъ Григорьевичь Звенигороцкой корму далъ на четыре дни.

Списокъ съ росписи слово въ слово, а въ росписи (*сверху:* казанская) пишетъ: имати поденного корму и питья въ дорогу отъ Казани до Москвы шахъ Аббасову купчине Магметь Касиму да тезику Курмалѣю. Купчине Магметь Касиму съ людьми по 6 алтынъ по 4 де(ньги) на день. Купчине жъ питья по 4 чарки вина по полуведра меду на день. Людемъ его 10 человѣкомъ по 2 чарки вина человѣку, да всѣмъ вопчѣ два ведра пива на день. Тезику Курмалѣю по 2 алтынъ на день. У подлинные росписи приписъ дьяка Ондрѣя Подлѣсова.

Имяна купчининымъ людемъ Магметь Касима: племянникъ Магаметь Касима Асенѣй Усейновъ да шаховъ человѣкъ Муртоза Чемшиповъ; да купчинины люди: Усенъ Аза Магаметевъ, Амбасъ Шамсадинъ, Мирза Мурусейловъ, Маметь Салы Анаитовъ, Мирасанъ Магаметевъ, Аминъ Магаметевъ, Садиръ Магаметевъ, Асимъ бекъ Шамсадинъ—боленъ, остался въ Казани.

Имяна казанскимъ стрельцомъ, которые были въ Нижнемъ на карауле у купчины: Ивапъ Прокоѳьевъ сынъ Клюкинъ, Григорей Олексѣевъ сынъ Мартюгинъ, Іевъ Григорьевъ сынъ казанецъ, Первой Ивановъ сынъ Черпопельской, Козьмадемьянского яму ямщики, которые были на стороже: Олексѣй Дмитреевъ, Томило Давыдовъ, Степанъ Исаевъ, Баженъ Исаевъ, Посникъ Тарасовъ, Осипъ Корнильевъ. Яковъ Семеновъ, Василей Замятнинъ, Иванъ Первово, Степанъ Первушинъ, Ѳедька Ивановъ, Трепька Сухоной, Ѳилька Овдокимовъ, Сенька Лукъяновъ, Оверя Ивановъ.

Въ Нижнемъ Новѣгородѣ стоялъ купчина на посаде у вдовы у Ѳедоры Власьевы дочери, и у тое вдовы на подворье были два человѣки, а сказала вдова Ѳедора Моисѣю Папову въ роспросѣ: тѣ деи люди стояли у меня на подворьѣ. И Моисѣй спрошалъ тое вдовы Ѳедоры: какъ тѣхъ людей по имяномъ зовутъ? И вдова Ѳедора, помѣшкавъ, сказала: зовутъ одинъ—Смирной Неѳедьевъ. И Моисѣй роспросилъ тово Смирново, и тотъ Смирной сказался Ивановъ сынъ, а не Неѳедьсвъ. А другово человѣка, сказала, зовутъ Беляемъ, а отцу ево имени и прозвища не сказала; а Смирной сказалъ: зовутъ де ево не Беляемъ, имя де ему Обрамко, а отцу ево имени не вѣдаетъ, а ходилъ онъ на судне се лѣто у Тихона у Минина, а нынеча деи онъ прибегаетъ къ той же вдовѣ Ѳедоре. И какъ сталъ купчина у тое вдовы, и въ ту жъ пору былъ у тое вдовы третей человѣкъ, Петромъ зовутъ, а отца ево имени и прозвища не вѣдаетъ; а тово не сказала хъ кому прибегаетъ. И тотъ же Смирной сказалъ про тово Петра, что онъ казакъ юртовской, а нанялся на судно на Самаре въ кораулъ до Нижнева у Тихона Минина, а тово Смирной не вѣдаетъ, гдѣ онъ живетъ. И въ тое жъ пору, стоя та вдова Ѳедора тому Смирному сказала про тово Петра, что онъ живетъ въ ямской слободѣ повыше ямсково съѣзжево дво(ра) у старицiе, Ѳомьею зовутъ. Да какъ купчина сталъ на дворѣ, а не вѣдалъ опричь Смирново и въ день и въ вечеру. А какъ сталъ купчина ложитца спать часу въ пятомъ, и поглепулъ на полати, ажно лежатъ на полатехъ опрочь Смирново два человѣки. И какъ учинилася пропажа, и купчина всталъ въ заутренной позвонъ. Какъ пропажа учинилася, не видали опричь тово Смирново никово ни купчина, ни стрельцы, ни ямщики, ни люди купчины также не видали и стали спрашивати тое вдовы и Смирново про техъ людей, которыхъ купчина виделъ на полатехъ ночью. И вдова Ѳедора, помешкавъ, сказала и Смирной: начевали де тотъ Обрамко да Тихоновъ человѣкъ Минина Ивашко Аристовъ; а Ивашковъ деи отецъ Аристъ живетъ въ прикащикахъ у Тихана Минина.

На адресѣ: 125-го декабря въ 15 де(нь) съ володимерскимъ стрельцомъ съ Минкою Петровымъ.

Помѣта: Бояре приговорили, велѣли сыскивать и вдовы и Смирки, и тѣхъ, которые у вдовы почевали, сыскавъ, роспрашивать и съ стрельцы и со ямщики ставить съ очей на очи, и пытать, которыхъ доведется, накрѣпко, и огнемъ жечь; а которые съ пытки не скажутъ, и тѣхъ прислать къ Москве.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в Р. въ Нижней

Новгородъ воеводе нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Образцову. Нынешнего 125-го году декабря въ 3 де(нь) писали есте къ намъ (*и проч.*). А Мосѣй Паповъ писалъ намъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ про тоѣ купчинину пропажу велѣли сыскивати всякими сыски накрепко и вдову Ѳедорку, у которые стоялъ купчина, и Смирку, и иныхъ людей, которые въ то время были у вдовы у Ѳедорки на дворѣ, и ямщиковъ, и стрельцовъ, которые стерегли у купчины на дворѣ, велѣли сыскати, а сыскавъ, велѣли ихъ роспрашивати накрепко порознь: коими обычеи у купчины пропажа учинилась? Да на кого вдова и Смирка или стрельцы и ямщики межъ себя въ той пропаже учнутъ говорити, и вы бъ тѣхъ ставили съ очи на очи и про то сыскивали допряма. Да будетъ хто по сыску доведетца до пытки, и вы бъ тѣхъ людей велѣли пытать накрепко и огнемъ жечь. А которые люди съ пытки на себя ничего не скажутъ, а по сыску и по роспросным рѣчамъ та пропажа будетъ къ нимъ прилична, и вы бъ тѣхъ людей и роспросные ихъ рѣчи прислали къ намъ къ Москве съ кѣмъ пригожс, а на Москвѣ велѣли имъ явитись и роспросные рѣчи отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го, декабря въ 22 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои. Володька Долгорукой, Сенка Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ооонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году ноября въ 17 день сказывалъ намъ, холопемъ твоимъ, Мосѣй Паповъ: по твоему дси государеву указу велено ему быть въ приставехъ у кизылбашского у шахъ Аббасова купчины у Магметъ Касима да у тезика у Курмалѣя, которой отпущенъ къ тебѣ, ко государю, изъ Астарахани съ каменьемъ. А сколько у нихъ людей, и у него дси въ московской росписи написано имянно. А нынѣ дси, государь, сверхъ росписи у тезика у Курмалѣя объявился лишней человѣкъ детина погайченокъ. И мы, холопи твои, велѣли того детину, какъ онъ сойдетъ съ двора, поймавъ, передъ собя привести, чтобъ тезику Курмалѣю было не знатно. И того жъ дни сынъ боярской Ивашко Топѣевъ детину передъ нами, холопи твоими, поставилъ, а сказалъ, что взялъ его на гостине дворѣ въ тезицкомъ ряду. А въ роспросе намъ, холопемъ твоимъ, тотъ детина сказалъ: зовутъ его Митькою Васильевъ, родомъ бывалъ татарченокъ астарахапского черного попа Осипа Немово купленой человѣкъ; а изъ Астарахани съ тѣмъ попомъ пріѣхалъ вверхъ въ прошломъ во 123-мъ году, на весну будетъ три

годы, и были на Соловкахъ, а ѣдучи съ Соловковъ, попъ Осипъ оставилъ его одного въ Ярославле, а изъ Ярославля пріѣхалъ онъ въ Казань въ нынешнемъ во 125-мъ году съ свіяженіномъ съ Ѳедькою Онтипинымъ. А живетъ на подворье у казанского посадцкого человѣка у Гришки Медвенника, а кормитца на гостине дворѣ толмачествомъ, которые торговые люди торгуютъ съ тезики, и онъ у нихъ толмачитъ. А у тезика де у Курмалѣя былъ дни съ три, а хотѣлъ его тотъ тезикъ взять съ собою къ Москве для толмаченья. И мы, холопи твои, того новокрещена Митьку велѣли отдати держать приставу парядчику Корнилу Ежову. И того жъ, государь, дни сказывалъ намъ, холопемъ твоимъ, Моисѣй Пановъ: говорилъ ден ему тезикъ Курмалей о томъ детине, что онъ пропалъ безвѣсно, а было ден на немъ платье его. И мы, холопи твои, приказывали Моисѣю Панову, а велѣли тезику Курмалѣю говорить, что онъ то учинилъ негораздо, что такихъ людей безъ докладу къ себѣ пріимаетъ, а только бы такой невѣдомой человѣкъ отъ него сшелъ, его покрадчи, и то бъ ему учинилось отъ себя; а ныне по его челобитью велѣли того детину сыскивать, а будетъ не сыщетца, и мы велимъ за платье, что онъ на того детину положилъ, доправить деньги на караульщикахъ за то, что они того, какъ тотъ детина отъ него сшелъ, не уберегли. И ноября жъ, государь, въ 19 день сказывалъ намъ, холопемъ твоимъ, Моисей Пановъ, а ему ден сказывалъ Михайлова приказу Соловцова стрелецъ Силка Осдосѣевъ Шушниковъ: былъ ден онъ на карауле у тезика у Кармалѣя и ходилъ ден онъ съ нимъ ноября въ 18 день на гостинъ дворъ и на гостине дворѣ сказывалъ тому тезику Курмалѣю парядчикъ Корнило Ежовъ, что малой его, которой отъ него бѣжалъ, данъ держать ему, Корнилу, и про приводъ ево, какъ онъ былъ въ съѣзжей избѣ передъ нами, холопи твоими, и про платье, что на немъ было, росказывалъ. А стрелецъ Силка намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ тѣ же рѣчи, что и Моисѣй Пановъ на того парядчика на Корнила сказывалъ. И мы, холопи твои, Корнила за то велѣли бить батоги нещадно и до твоего государева указу кинуть въ тюрьму, чтобъ на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать, про твои государевы дѣла иноземцомъ сказывать. А детину Митьку до твоего жъ государева указу дали держать приставу. И о томъ намъ, холопемъ твоимъ, какъ велишь свой государевъ указъ учинить?

И декабря въ 26 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. указалъ кизылбашскому купчине Мааметь Касыму быти въ посольской полате у думного дьяка у Петра Третьякова и роспросити

его о государственныхъ дѣлѣхъ, съ чѣмъ онъ ко государю отъ шаха пріѣхалъ, и грамота съ нимъ ко государю отъ шаха и сверхъ грамотъ словесной приказъ о какихъ дѣлехъ есть-ли?

И того же дни кизылбашской купчина въ посольской полате у посольского думного діака, у Петра Третьякова, былъ. А посланъ по него и ѣхалъ съ нимъ въ городъ въ однихъ саняхъ приставъ его костромитинъ Моисѣй Паповъ. А сани по купчину посылалъ думной діакъ Петръ Третьяковъ отъ себя. А какъ купчина ѣхалъ въ городъ, и въ то время въ городе на площади и у посольскіе полаты были стрельцы всѣхъ приказовъ бесъ пищалей.

А какъ купчина вшелъ въ посольскую полату, и думной дьякъ Петръ Третьяковъ съ купчиною корошевался, вставъ, и роспрашивалъ его о здоровье и велѣлъ ему сѣсти. А посидѣвъ немного, спрашивалъ его, сколь онъ давно поѣхалъ отъ шаха, и государевыхъ посланниковъ Ѳедора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева и государя своего шаховыхъ посланниковъ Булатъ бека, и купчинъ Хозу Муторзу (sic) съ товарыщи, которые были въ Московскомъ государстве, гдѣ встрѣтилъ и съ ними виделся ль?

И купчина говорилъ: зъ государевыми онъ посланники виделся въ Астарахани и изъ Астарахани государевы и шаховъ посланники и купчины пошли при немъ; а онъ после ихъ мешкалъ въ Астарахани десять денъ.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ спрашивалъ про шаха: какъ онъ, Мааметь, поѣхалъ отъ государя своего, и государь ево шахъ въ тѣ поры гдѣ былъ? и исъ котораго города ево отпустилъ, и грамота съ нимъ ко государю отъ шаха и сверхъ грамоты словесной приказъ есть-ли? и о чемъ съ нимъ приказъ, то бъ онъ ему объявилъ, а онъ, Петръ, про то про все донесетъ до царского величества.

И купчина говорилъ: какъ ево шахъ отпущалъ ко государю, и шахъ въ тѣ поры былъ въ Тевризе, и грамота съ нимъ ко государю отъ шаха и сверхъ грамоты словомъ приказъ есть, и тое грамоту велено ему подать государю самому. А словомъ приказъ о томъ: прежніе всѣ російскіе государи были съ шаховымъ в. въ братственной дружбе и въ любви, а нынѣ государь ево шахъ по тому жъ хочетъ съ царскимъ в-мъ быти въ дружбе и въ любви, и въ сылке безъ урыву. И послалъ отъ государя ево къ царскому в-у посланникъ Булатъ бекъ, и онъ назадъ ко государю ево долго не бывалъ, и государь ево шахъ послалъ ево, Мааметь Касыма, ко государю съ своею грамотою государскіе очи видеть и про посланника своего

провѣдать и жадаетъ государь ево шахъ съ царскимъ величествомъ быти въ братственной дружбе и въ любви, и въ сылке мимо всѣхъ великихъ государей, и на семъ свѣте не имѣетъ себѣ такова друга что сво царское величество. А какъ ево шахъ отъ себя отпустилъ, и про посланника Булатъ бека, что онъ ко государю ево назадъ отпущенъ, вѣдома не было.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ: о иныхъ о какихъ дѣлехъ отъ государя ево приказъ съ нимъ есть ли?

И купчина говорилъ, что есть съ нимъ отъ государя ево грамота и писано о всемъ въ грамоте, а больши того ни о чемъ съ нимъ словесного приказу нѣтъ.

Думной же дьякъ Петръ Третьяковъ спрашивалъ гонца: какъ ныне шахъ съ турскимъ: въ перемирье ль учинился, или межъ ими война? и нынешнего лѣта война межъ ими была ль?

И гонецъ говорилъ, что у государя ево, у шаха, съ турскимъ дружбы никоторые нѣтъ и межъ ими война. А какъ нынешнего лѣта шахъ пришелъ въ Тевризъ и посылалъ отъ себя къ турскому, чтобъ онъ шаху отдалъ городъ ево Богдань, а Вавилонь тожъ, потому что тотъ городъ шаховыхъ прародителей, и ныне родители ево въ томъ городе лежатъ. А что турской противъ того шахову послу отказалъ, про то онъ не вѣдаетъ, потому что тотъ посолъ при немъ отъ турского къ шаху не бывалъ. А тотъ при немъ слухъ у шаха былъ, что турской и крымской царь хотѣлъ на шахову землю вести войною и своихъ людей съ другіе стороны хотѣлъ послать. И шахъ де крымскому царевичю Шанъ Гирѣю велѣлъ итти на Дербень противъ крымского. А самъ де шахъ со всѣми большими своими людьми пошелъ въ Тевризъ противъ турскихъ людей; а что де после того межъ ими здѣлалось, того онъ не вѣдаетъ: пошелъ онъ отъ шаха къ государю вскоре.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ, говоря съ гонцомъ о государевыхъ дѣлехъ и сказавъ ему государево жалованье въ стола мѣсто кормъ, отпустилъ ево на подворье.

Переводъ съ росписи съ кизылбашского тезика Карманалѣя, сколько у него взяли въ Астарахани воеводы каменья:

Изумрудъ большой, вѣсу въ немъ 5 золотникъ съ лишкомъ, 12 юотей сережново каменья лалы червчеты, изумрудъ въ золоте немного меньши золотника, 2 юоти каменья сережново изумруду вѣсу въ нихъ полтретья золотника, 33 камени перстневыхъ изумруды, 2 юоти сережнова каменья яхонту красново, яхонтъ лазоревъ въ золоте,

7 юѳтей яхонту лазоревово сережное каменье, 5 вставокъ перстневыхъ каменья яхонты лазоревы, 4 яхонта червчетыхъ перстневыхъ, перстень золотъ съ алмазомъ, перстень золотъ, а въ немъ камень лалъ, 3 бирюзы большихъ, 30 бирюзъ середнихъ, 4 винисы большихъ, 4 партища объяри черной.

А въ росписи, какову роспись прислалъ ко государю къ Москве изъ Казани кизылбашского купчины Хозь Магаметя приставъ Мосѣй Паповъ, написано: сказывалъ ему кизылбашской тезикъ Курманалѣй которой ѣдетъ вмѣсте съ купчиною, что взяли у него въ Астарахани воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарыщи, товаровъ его: 12 юѳтей лалъ, а какіе цвѣтомъ, того не написано; 2 юѳти червчетого каменья яхонту сережного каменья, 2 юоти изумруду сережного каменья, а сколько въ нихъ вѣсу, того не написано. Изумрудъ большой, вѣсу въ немъ пять золотниковъ; яхонтъ червчетъ перстневой, 3 яхонты червчетыхъ, а пригодятца въ перстни или нѣтъ, того не написано; 3 яхонты лазоревы, прогодятца въ перстни. И въ тезиновой росписи приписано передъ тѣмъ лишку 2 яхонты, а писаны всѣ пять (?) вставками. 33 изумруда не великіе каменье; перстень золотъ, а въ немъ камень алмазъ; перстень золотъ, а въ немъ камень лалъ; 7 юѳтей лазоревого каменья сережныхъ, а какіе каменье, того не написано, 3 бирюзы большіе, 3 бирюзы середніе. Да сверхъ того въ купчининой росписи приписи: изумрудъ въ золоте немного меньши золотника, яхонты лазаревы въ золоте, 4 винисы большихъ; 4 портища объяри черной.

А въ астарахапской росписи, какову роспись прислали изъ Астарахани воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарыщи, въ Казанской дворецъ, написано: взято на государя у кизылбашского тезика у Курмалѣя:

Двои каменье сережные яхонты червчеты певелики, одни побольши, а другіе поменьши. Вставочка корочка яхонта червчетого, 4 искорки яхонтовые червчеты певелики. Изумрудъ вставочной великъ. Изумрудъ въ золотомъ гнездѣ четвероуголенъ. 2 каменье изумруды сережные, одни побольши, а другіе поменьши. 35 искорокъ изумрудныхъ, яхонтъ лазоревъ въ золотомъ гнѣздѣ. 5 вставочекъ яхонтовыхъ, лазоревы. Трои каменье сережные яхонты лазоревы: двои середніе, а третіе поменьши. Перстенекъ золотъ съ алмазцомъ. Перстенекъ золотъ, а въ немъ камень лалъ. 9 каменье сережные, лалы середніе. 7-ры каменье сережные, лалы жъ поплоше. Вставка корка лаловая. 33 бирюзы большихъ и середнихъ. 40 бирюзокъ маленькихъ, 4 винисы большихъ. Бирюзки мелкіе въ дву бумашкахъ.

И декабря въ 29 де(нь) въ недѣлю указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. быти у себя, у государя, на дворѣ на пріѣзде кизылбашского Аббасъ шахову купчине Маметь Касыму да юргенчского Арапъ хапа послу Юсуѳъ Аджеѣ; а пріѣхалъ въ городъ напередъ кизылбашского шаха купчина.

А посылапъ по него и съ нимъ въ городъ ѣхалъ приставъ ево Мосѣй Паповъ; а сани подъ купчину посыланы отъ посольского думново діака отъ Петра Третьякова съ подворья. А на площеди въ то время стрельцы были всѣхъ приказовъ безъ пищалей.

А пріѣхавъ въ городъ, дожидался купчина государева выходу въ посольскомъ приказе. А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. въ середней въ золотной въ подписной полате въ своемъ царскомъ мѣсте и въ царскомъ платье въ діадиме скиѳетромъ. А при государе были рынды въ бѣломъ платьѣ, съ правую сторону—князь Семенъ княжъ Васильевъ сынъ Прозоровской, да Василей Ортемьевъ сынъ Измайловъ; съ лѣвую сторону—князь Матвѣй княжъ Васильевъ сынъ Прозоровской, да Ондрѣй Ортемьевъ сынъ Измайловъ. Бояре сидѣли при государе въ золотныхъ шубахъ и въ черныхъ шапкахъ. А какъ государь велѣлъ купчине итти къ себѣ, къ государю, и купчина шелъ къ государю изъ посольского приказу площедью мимо Архапъилъ, середнею лѣспицою, и къ государю въ полату съ приставомъ безо встрѣчи. А какъ купчина вшелъ къ государю въ полату, и являлъ его государю челомъ ударити околничей Ортемей Васильевичь Измайловъ, а являлъ его государю гонцомъ, а не купчиною; а молылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! брата вашего великого персидцкого государя шахъ Аббасова величества гонецъ Маамсть Касымъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ.

И государь пожаловалъ гонца къ руке и клалъ на него свою царскую руку.

А бывъ, купчина у руки, правилъ государю отъ шаха челобитье, а молылъ:

Подобенъ солнцу сіяющу высокопрестольный и надо всѣми государи превознесенный, Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! Любительный братъ вашъ персидцкій и ширванскій и многихъ мусульманскихъ государей повелитель шахъ Аббасово величество вамъ, великому государю, велѣлъ челомъ ударить и о здоровье спросити, и про свое здоровье сказать.

А какъ челобитье исправилъ, и государь спросилъ про шахово здоровье, вставъ, а молылъ: братъ нашъ шахъ Аббасъ здорово ль?

И купчина, сказавъ про шахово здоровье: какъ онъ поѣхалъ отъ государя своего, и государь ево шахъ Аббасово величество въ Тевризѣ, далъ Богъ, здорово. Да подалъ грамоту.

И государь велѣлъ грамоту приняти посольскому діяку Петру Третьякову и велѣлъ ему купчины спросити: опричь грамоты съ нимъ приказъ есть ли?

И купчина говорилъ рѣчь, а молылъ:

Вашему царскому величеству государь его, шахъ Аббасово величество, велѣлъ известить, что онъ, государь нашъ, съ вашимъ царскимъ славнымъ и преславнымъ величествомъ учинился въ братцкой пріятельной крѣпкой дружбе и любви и не имѣетъ такова брата и пріятеля во всей поднебесной, кромѣ тебя, великого государя, и для братцкіе дружбы и любви посылалъ ваше царское величество на вашемъ царскомъ превознесенномъ престолѣ поздравляти посланника своего Булатъ бека, и Булатъ бекъ позамешкался, и государю нашему шахъ Аббасову величеству про твое царское многолѣтное здоровье по мой отпускъ было не вѣдомо, и государь .... послалъ меня къ вамъ, великому государю, про ваше здоровье провѣдать, а свое здоровье вамъ, великому государю, сказати.

А какъ купчина рѣчь изговорилъ, и окольничей Ортемей Васильевичь Измайловъ являлъ государю купчинины поминки, а молылъ:

Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи и многихъ государствъ государь и облаадатель! брата вашего великого персидцкого государя купчина Мааметь Касымъ вамъ, великому государю, челомъ бьетъ: тулупбасъ серебрянъ золоченъ, съ каменьи съ лалы и зъ бирюзы; ножъ булатной, ножны золоты, съ каменьи съ лалы, и съ яхонты, и зъ бирюзы; двѣ камки кизылбашскіе зъ золотомъ и съ серебромъ, полсть бурнатная, 2 ковра большихъ цветныхъ.

А какъ окольничей государю поминки явилъ, и государь велѣлъ посольскому думному діяку Петру Третьякову сказать купчине свое государево жалованье въ стола мѣсто кормъ. И думной діакъ Петръ Третьяковъ, сказавъ купчине государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, отпустилъ купчину на подворье.

А государева жалованья корму купчине въ стола мѣсто послано на пріѣзде съ людьми его, зъ 10-ю человѣки, изъ большово приходу: на 2 гривны колачей 2—денежныхъ, на 2 гривны хлѣбовъ 2—денежныхъ, гусь, заецъ, тетеревъ, полстяга говядины, 2 борана шерстью,

6-ро курятъ, 2 гривенки масла коровья, 50 яицъ; зъ дворца: колачь крупичатой, 6 чарокъ вина боярского, крушка вина рядового, крушка меду обарново, крушка меду вишневого, крушка меду малинового, ведро меду паточново, ведро пива доброво, ведро меду княжово.

А поденново корму идетъ купчине, самому Мааметь Касыму: по 5 алтынъ на день; питья: по 4 чарки вина, по полуведра меду, по ведру пива на день. Людемъ ево 10 человѣкомъ: по алтыну на день, по 2 чарки вина человѣку, да всѣмъ имъ по 2 ведра пива на день.

А се переводъ съ шахъ Аббасовы грамоты, какова прислана къ государю съ купчиною, съ Мааметь Касымомъ:

Бога единаго крѣпостію и силою. Высокопрестольному и надо всѣми государи превознесенному и многимъ царемъ и государемъ заступникъ и надежа, и подобенъ солнцу сіяющу, премудрому и храброму, храбростію подобна Александру царю Александрѣйскому, и многое у себя войско имѣющему множествомъ подобно небеснымъ звездамъ, Божіею милостію великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю счастливое пребыванье и надъ недруги побѣда и одолѣнье, а после любительного поздравленія объявляемъ вашему царскому величеству, что изъ предковъ дѣды и отцы наши съ прежними великими московскими государи цари были въ братстве, и въ дружбе и въ любительной ссылке, и послы и торговые люди ходили на обе стороны безъ урыву, и съ обѣихъ сторонъ по ихъ любви и дружбе ко государемъ своимъ прихаживали со всѣмъ здорово. А я ныне по тому же съ тобою, великимъ государемъ, братомъ нашимъ, учинился въ братстве и въ любительной дружбе, и послалъ ныне купчину своего мазандранца Хозю Магметь Касима. И будетъ узорочное што въ государстве твоемъ, брата нашего, намъ пригодится, и тебѣ бы, брату нашему, на насъ то ему купити поволити велѣти, и по городомъ бояромъ своимъ и воеводамъ и приказнымъ людемъ объ немъ приказати велѣти, чтобъ ево берегли и челобитья ево во всемъ слушали, и къ намъ бы ево тебѣ, брату нашему, ево отпустить велѣть, не задержавъ, по его воле. И которые наши посланники и гонцы въ государстве твоемъ, брата нашего, и тебѣ бы ихъ велѣти къ намъ отпустить всѣхъ, и послы бъ и посланники межъ насъ о нашихъ здоровьяхъ ходили безъ урыву. И въ нашемъ государстве, что будетъ тебѣ, брату нашему, годно, и тебѣ бъ о томъ велѣть намъ объявить, и мы такъ учинимъ. А ся грамота хоти и коротко и писана, только, государь, Богъ умножитъ лѣтъ живота нашего съ тобою, братомъ нашимъ, въ счастливомъ пребываніи на многіе лѣта.

А назади въ грамоте написано въ печати: шахъ Аббасово величество.

И 125-го жъ ѳевраля въ 9 де(нь) въ недѣлю былъ у государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. кизылбашской Аббасъ шаховъ купчина Мааметь Касымъ на отпуске.

А посланъ по него на подворье и въ городъ съ нимъ ѣхалъ приставъ его ярославецъ Борисъ Волошенинновъ. А лошедь подъ него съ санми посылана отъ посольского думново діака, отъ Петра Третьякова. А какъ купчина ѣхалъ въ городъ, и въ то время въ городе на площеди были стрельцы всѣхъ приказовъ бесъ пищалей.

А какъ купчина пріѣхалъ въ городъ, и купчина вышелъ изъ саней у посольскіе полаты и шелъ напередъ въ посольскую полату. А какъ вшелъ въ полату, и думной діакъ зъ гонцомъ короневался, вставъ, и спрашивалъ его о здоровье, и велѣлъ ему сѣсти. А сидя, говорилъ думной діакъ съ купчиною: приходилъ онъ къ царскому величеству отъ великого государя своего Аббасъ шахова в-ва зъ грамотою, и царское в-во государя ихъ грамоту выслушалъ любительно и хочетъ зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ Аббасъ шаховымъ в-мъ, быти въ братственной дружбе и въ любви свыше прежнего. А нынe велѣлъ государь тебя отпустить къ брату своему къ Аббасъ шахову в-ву зъ грамотою жъ. И о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ, о чемъ къ царскому в-ву Аббасъ шахово в-во писалъ въ своей грамоте, и о чемъ онъ царского величества приказнымъ людемъ говорилъ, посылаетъ съ нимъ къ брату своему, къ великому государю Аббасъ шахову в-ву свою царскую любительную грамоту. А что государь же его Аббасъ шахъ писалъ къ царскому в-ву о своихъ людехъ, которые царского в-ва въ отчине въ Астарахани, чтобъ ихъ отпустить изъ Астарахани къ шахову в-ву, и которые шаховы люди, послы и посланники и купчины были въ великого государя нашего государстве, и тѣ всѣ отпущены зъ государевыми посланники съ Федоромъ Левонтьевымъ да зъ діякомъ зъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, которые посланы отъ царского величества къ государю ихъ о братственной дружбе и о любви. А что онъ, купчина, билъ челомъ государю объ обидахъ и объ насильстве на тезиковъ, которые живутъ царского величества въ вотчине, въ Асторохани, лѣтъ по 10 и по 8, а имянно на Магмутка, что онѣ шаховымъ торговымъ людемъ чинятъ продажи и убытки, и великій государь нашъ его ц. в. для братцкіе дружбы и любви государя ихъ, Аббасъ шахова в., тѣхъ всѣхъ тезиковъ, которые живутъ въ Асторохани лѣтъ по 10 и по 8, а не на государя нашего имени, велѣлъ изъ своей царского в-ва отчины изъ Асторохани выслать по ихъ землямъ, гдѣ хто живетъ; а о Магмутке имянно цар-

ского величества повелѣніе послано, а велено его съ тезицкого двора сослать, и въ толмачѣхъ ему быти и пошлины толматцкіе збирать ему не велѣно.

А которые тезики живутъ въ Асторохани же и на государеве имени, а шаховымъ торговымъ людемъ и пріѣзжимъ тезикомъ чинитьца будетъ отъ нихъ какое насильство и продажи, и государь и тѣхъ съ тезицкого двора велѣлъ сослать, и шаховыхъ людей велѣлъ отъ обидъ и отъ продажъ оберегать, чтобъ имъ ни отъ кого насильства и продажъ не было. И толматцкіе пошлины впередъ государь въ откупъ давать не велѣлъ, а указалъ государь толматцкую пошлину збирать со всякихъ торговыхъ людей, съ ихъ товаровъ, въ свою государеву казну по прежнему своему государеву указу, какъ толматцкую пошлину збиривали напередъ сего. А которые послы и посланники или гонцы, или купчины впередъ поѣдутъ къ великому государю нашему отъ Аббасъ шахова в-ва о ихъ государскихъ дѣлехъ, а съ ними будутъ какіе шаховы товары, и великій государь нашъ съ шаховыхъ товаровъ своей государевы пошлины имать не велѣлъ. А что онъ же Мааметъ Касымъ извещалъ царскому в-ву на купчину на Незамядина. что онъ проситъ у царского величества будто за свою бусу 200 рублевъ, и то онъ сказываетъ ложно, а та буса не ево, и государь бы за ту бусу Незамедину денегъ давать не велѣлъ. И великій государь нашъ за то ево похваляетъ, что онъ о ихъ государскихъ дѣлехъ радѣетъ, и денегъ за бусу Незамядину давать не велѣлъ. И о томъ о всемъ въ Асторохань царского в-ва къ воеводамъ его царское повелѣніе послано.

И купчина противъ того всего думному діяку Петру Третьякову говорилъ, что онъ о томъ о всемъ государю и билъ челомъ, и нынѣ, слыша, онъ царского величества съ государемъ ево съ Аббасъ шаховымъ в-мъ братственную дружбу и любовь, и видя къ нимъ ево царское милостивое жалованье и призрѣнье, донесетъ то все до шахова в-ва, и шахово в-во учнетъ ево царскому величеству по тому жъ воздавать своею братственною дружбою и любовью.

И говоря думной діакъ Петръ Третьяковъ съ купчиною о государевыхъ дѣлехъ, пошелъ къ государю. А купчина дожидался государева выходу и по себя присылки въ посольской полате.

А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. былъ въ середней въ подписной въ золотой полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ мѣсте въ діадиме съ скипетромъ. А при государе были рынды въ бѣломъ платье, съ правую сторону— стольникъ князь Ѳедоръ княжъ

Семеновъ сынъ Куракинъ, да Иванъ Ивановъ сынъ Бутурлинъ Сопля; съ лѣвую сторону—столникъ Ѳедоръ Матвѣевъ сынъ Бутурлинъ да стряпчей Ѳедоръ Михайловъ сынъ. Бояре сидѣли при государе въ золотныхъ шубахъ и въ черныхъ шапкахъ.

А какъ государь велѣлъ купчине идти къ себѣ, государю, и купчина вшелъ исъ посольсково приказу площадью, мимо Архапъилъ середнею лѣсницею и къ государю въ полату съ приставомъ безо встрѣчи. А какъ купчина вшелъ къ государю въ полату, и явилъ ево государю челомъ ударить околничей Ортемей Васильевъ сынъ Измайловъ, а являлъ попрежнему гонцомъ, а молылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! Брата вашего великого государя персидцкого Аббасъ шахова в. гонецъ Мааметь Касымъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ царскомъ жалованье челомъ бьетъ.

И гонецъ билъ челомъ на его государеве жалованье, на корму.

А после того велѣлъ государь посольскому дьяку Петру Третьякову молыть купчине рѣчь. И по государеву приказу посольской думной дьякъ говорилъ купчине рѣчь, а молылъ:

Мааметь Касымъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ тебѣ говорити: приходилъ есп къ нашему величеству отъ брата нашего, отъ шахъ Аббасова в—ва, съ грамотою, и мы, великій государь, брата нашего, великого государя вашего грамоту выслушели любительно и хотимъ съ братомъ нашимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шаховымъ величествомъ быти въ братственной дружбе и любви свыше прежнего и ныне велѣли есмя тебя отпустити къ брату нашему, къ Аббасъ шахову в—ву; а о тѣхъ дѣлехъ о чемъ къ нашему царскому в—ву Аббасъ шахово в—во писалъ въ своей грамоте, и о чемъ ты нашимъ приказнымъ людемъ говорилъ, посыласмъ съ тобою къ брату нашему любительному, къ великому государю вашему къ Аббасъ шахову в—ву, нашу царского величества любительную грамоту.

А какъ по государеву указу думной діакъ Петръ купчине рѣчь изговорилъ, и государь приказалъ къ шаху съ купчиною отъ себя, отъ государя, поклонъ, вставъ, а молылъ:

Маметь Касымъ! Какъ будешь у брата нашего шахъ Аббасова величества, и ты ему отъ насъ поклонись.

Да пожаловалъ государь купчину къ руке и клалъ на него свою царскую руку. А после того велѣлъ государь думному діаку Петру

Третьякову сказать купчине свое государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ и велѣлъ отпустить на подворье.

И по государеву указу посольской думной діакъ Петръ Третьяковъ сказалъ купчине государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, и отпустилъ ево на подворье. А государева жалованья корму и питья въ стола мѣсто послано хъ купчине тоже, что и на пріѣзде.

Такова государева грамота послана къ шаху съ шаховымъ купчиною съ Маметь Касымомъ, а дана ему на отпуске при государѣ:

Бога единаго безначальнаго и бескопечнаго, невидимаго, страшнаго и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владующаго силы небесными, и единымъ безсмертнымъ словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся сотворшаго и самодержавнымъ божественнымъ Духомъ вся оживляющаго и недреманнымъ окомъ на землю призирающаго и всяческая на ней устраяющаго и утешенія благая всѣмъ человѣкомъ подающаго, Его же въ трехъ именехъ трепещутъ и боятца небесная и земная и преисподняя, Того единаго Бога въ трехъ лицехъ чтемъ и покланяемся, и тресіятельного всемогущаго Божества непзреченнымъ милосердіемъ стоимъ и движемся и пребываемъ, и величеству Его славу возсылаемъ, утвердившего насъ скиоетръ держати православія, мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. (*титулъ*) и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и облададатель+восточного предѣла высокостольнѣйшаго мѣста превысочайшіе прехвальные степени великоздержательную власть древнихъ великихъ государей перситцкихъ царей пріимшему превознесенную честь, яко рогъ инрога, достигшему, мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честію, и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, поречепному въ чести величества изящному, Перситцкіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ шахову в—ву любовному пріятелю нашего царского величества любовное поздравленіе и счастливое пребываніе, и падъ недруги побѣда и одолѣніе. По вашей, брата нашего, пріятельской любви объявляемъ вашему величеству+Присылалъ есп, братъ нашъ Аббасъ шахово в—во, къ нашему царскому в—ву съ грамотою купчину своего мозандранца Хозя Магметя, и мы, великій государь, для васъ, брата нашего Аббасъ шахова в—ва, купчине вашему Хозе Магметю, наши царскіе очи велѣли видѣть и вашу, брата нашего, шахъ Аббасова в—ва грамоту приняли и выслушали еѣ любительно. А въ той вашей грамоте къ нашему ц. в—ву вы, братъ нашъ Аббасъ шахово в—во, писали есте, что отъ прародителей наши великіе государи цари и великіе князи російскіе бывали въ братстве и въ дружбе и

въ любительной ссылке, и послы и торговые люди ходили на обѣ стороны безъ урыву, и съ обѣихъ сторонъ по ихъ любви и дружбе ко государемъ своимъ прихаживали со всѣмъ здорово. А вы, братъ нашъ Аббассъ шахово в—во, ныне по тому же съ нами, великимъ государемъ, учинился въ братстве и въ любительной дружбе и ссылке, и послалъ купчину своего мозондрада Хозю Магметь Каспма, и будетъ узорочное что въ нашихъ государствахъ вамъ пригодитца, и нашему бъ царскому в—ву то ему на васъ купити поволити, и по городомъ бы нашимъ нашего царского в—ва бояромъ и воеводамъ, и приказнымъ людемъ объ немъ приказати велѣти, чтобъ ево берегли и челобитья ево во всемъ слушали и къ тебѣ бъ ево, брату нашему, велѣти отпустить, не задержавъ, по его воле. И которые ваши, брата нашего, въ нашихъ великихъ государствахъ послапники и гонцы, и намъ бы ихъ всѣхъ велѣти къ вамъ, брату нашему, отпустити, и послы бъ и посланники межъ нашего царского в—ва и межъ вашего Аббасъ шахова в—ва о нашемъ государскомъ здоровье ходили безъ урыву. И мы, великій государь ц. и в. кп. Михайло Федоровичь в. Р. с., то памятуемъ и подлинно вѣдаемъ, что съ прародители нашими, зъ дѣдомъ нашимъ, блаженные памяти съ великимъ государемъ ц. и. в. кн. Иваномъ Васильевичемъ въ Р. с., и съ сыномъ его, зъ дядею нашимъ блаженные памяти съ великимъ государемъ ц. и в. кп. Федоромъ Ивановичемъ в. Р. и съ царемъ и в. кп. Борисомъ Федоровичемъ в. Р. с. прародители ваши, великіе государи персидцкіе, дѣдъ твой шахъ Томазово в—во и отецъ твой шахъ Худобендѣево в—во, и вы, Аббасъ шахово в—во, были въ любительной сердечной братцкой дружбе и въ любви и въ сылке. И нынѣ мы, великій государь съ вами, братомъ нашимъ Аббасъ шаховымъ в—мъ, по тому же учинились въ братственной крѣпкой любви и въ дружбѣ, и въ сылке и свыше прежнего, и купчине твоему Хозь Магаметю торгъ велѣли есмя дати повольной и на тебя, брата нашего, по твоему къ нему приказу, что будетъ въ нашихъ великихъ государствахъ узорочныхъ товаровъ, что вамъ, брату нашему, годно, купити есмя ему поволили во всемъ по его воле, и пошлинъ своихъ съ тѣхъ товаровъ никакихъ имати не велѣли, и къ вамъ есмя его отпустили, ни въ чемъ не задержавъ, во всемъ по его воле. И въ нашемъ великомъ государстве по всѣмъ городомъ нашего царского в—ва бояромъ и воеводамъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ объ вашихъ, брата нашего, обо всѣхъ людехъ, которымъ лучитца въ нашихъ городѣхъ торговать, не объ одномъ о томъ купчине наше царское повелѣнье послали, велѣли къ нимъ во всемъ

береженье держати и торгъ давати повольной, и пропускати по ихъ воле; а прежніе ваши, брата нашего, посланники и гонцы, и купчины, которые были въ нашихъ великихъ государствахъ, приходили въ смутное время до нашего самодержавства, тѣ всѣ къ вашему шахъ Аббасову в—ву отпущены съ посланники нашими, съ Федоромъ Левонтье(вы)мъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ и съ твоимъ, брата нашего, посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ вмѣсте. И впередъ съ вами, братомъ нашимъ, хотимъ быти въ сердечной дружбе и въ любви мимо всѣхъ великихъ государей, и вы бъ, братъ нашъ, Аббасъ шахово в—во, съ нами, великимъ государемъ, по тому же были въ братстве и въ сылке, и въ любви на веки неподвижно, и нашихъ бы есте посланниковъ, Ѳедора Леонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева отпустили къ намъ, великому государю, не задержавъ съ тѣмъ со всѣмъ дѣломъ, о чемъ есмя мы, великій государь, къ вамъ, великому государю, брату нашему, писали и приказывали, ни въ чемъ прошенья нашего не оставя, и своего посла или посланника изъ ближнихъ своихъ людей съ ними вмѣсте къ нашему царскому в—ву прислали, о всемъ съ нимъ наказавъ подлинно, какъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву съ нашимъ царскимъ в—мъ впередъ быти въ братственной крѣпкой дружбе и въ любви навеки неподвижно.

Писано государствія нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7125-го, ѳевраля мѣсяца 9 дня.

А съ начала вся грамота писа(на) Божье имя и государево по Владимерскава и шахово имя золотомъ, да и во всей грамоте государево и шахово имя прописывано золотомъ. А печать у грамоты большая царственная на краспомъ воску подъ кустодіею. Писалъ грамоту по татарски переводчикъ С... Алѣй Томонаевъ.

А провожать съ Москвы до Казани купчину Мааметь Касыма посланъ казанецъ Сава Аристовъ, а государевъ наказъ данъ ему таковъ:

Лѣта 7125-го февраля въ 17 день государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ казанцу Саве приставу ѣхати съ казылбашскимъ купчиною Мааметь Касымомъ въ приставехъ до Казани; а людей съ купчиною „ “ человѣкъ. А итти ему съ купчиною на Володимерь да на Муромъ, да на Нижней, а для толмачества и кормовъ про купчину и всякого для береженья посланъ съ нимъ толмачь „ “, а для провожанья купчины посланы изъ Москвы до Володимеря „ “ человѣкъ стрѣльцовъ. И ѣдучи ему дорогою къ купчине бере(женье)... ни отъ ково безчестья... ни въ чемъ, а отъ купчины бъ и отъ его

людей рускимъ людемъ по тому жъ обиды и насильства не было, и на станехъ съ купчиною ставитись бережно и усторожливо, и провожатымъ велѣти ѣхати и на станѣхъ ставитись блиско купчины, чтобъ надъ купчиною въ дороге и на станѣхъ отъ воровъ дурна не учинилося. А напередъ себя...[1]) въ Володимерь и по инымъ город..... воеводамъ съ вѣстью кого... Володимере и по инымъ... съ купчиною поѣде... въ которомъ городѣ съ куп..... людно и стройно, и дворъ... къ купчинину пріѣзду былъ... царя и великого князя..... ча в. Р. о томъ... (въ Му)ромъ и въ Нижней, и въ Казань къ бояр... писано жъ. А коли купчина учнетъ просити рыбныя ѣствы, и „ “ купчине въ мясные ѣствы мѣсто давати рыбная ѣства, емлючи по городомъ у воеводъ. (*На оборотѣ*: ...(е)му, купчине, въ дорогѣ давать... (како)ва ему дана исъ по..... за дьячьею приписью...). А того „ “ беречи накрепко, чтобъ въ дороге и на станѣхъ хъ купчине и къ людемъ ево рускіе люди и иноземцы не приходили нихто никаковъ человѣкъ и не розговаривали съ нимъ ни о чемъ, и не продавалъ бы безъ государева указу купчине ни..... питья послано... сквы до Володимеря... и по инымъ городомъ велѣно купчине кормъ и питье и на мелкое съѣстное деньги давати по росписи. А въ которомъ городе купчина похочетъ побыти для своего покоя день или два, и ему то дать на волю. А въ дороге ему однолично беречи накрѣпко, чтобъ купчина въ Муроме не съѣхался съ цесаревымъ посломъ съ Юзуомъ и не свѣдалъ про него, о томъ имянно въ Муромъ къ воеводе приказать, чтобъ въ то время у Юзуа было бережно, чтобъ Узуѳу про купчину ни(какъ) не свѣдать.

---

[1]) Столбцы попорчены.

Посольство князя Михаила Петровича Барятинскаго.

1618. маія 23. Наказъ, данный отправленнымъ въ Персію россійскимъ посламъ князь Михайлу Петровичу Борятинскому, дворянину Ивану Ивановичу Чичерину, и дьяку Михайлу Тюхину. Копіи съ двухъ государевыхъ грамотъ къ шаху Аббасу, отправленныхъ съ оными послами и благодарности за присланные шахомъ съ Каемъ бекомъ и Булатъ бекомъ подарки и серебро, о снабденіи государя по настоящему военному времени вспомогательною казною, о постановленіи взаимнаго союза, о возвращеніи взятаго въ Казбинѣ по смерти рос. купцовъ имущества и о свободной торговлѣ персіянамъ въ Россійскихъ владѣніяхъ. На 211 листахъ [1]).

Таковъ государевъ наказъ данъ посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи, по чему имъ государево дѣло дѣлать:

Лѣта 7126-го маія въ 18 день, государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ дворенину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому, да дворенину Ивану Ивановичю Чичѣрину, да дьяку Михайлу Тюхину итти къ кизылбашскому шаху для своего государева и земского дѣла въ послѣхъ, а съ ними посланы для государева дѣла переводчикъ Милюта Нагаевъ и толмачи пять человѣкъ. Да со птицы десять человѣкъ кречатниковъ, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарыщи. Да съ ними-жъ вмѣстѣ итти въ Кизылбаши шахъ Аббасовымъ посломъ, которые были у государя, Кая салтану да Булатъ беку, изъ Казани, и дожидатца ихъ въ Казани; а съ ними шаховыхъ барсовниковъ и кречатниковъ девять человѣкъ, да людей посольскихъ тритцать человѣкъ. А съ нимъ, со княземъ Михайломъ съ товарыщи, послано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р., къ брату его, къ шахъ Аббасову величеству, въ дарѣхъ двепатцать кречатовъ, да восмь чегликовъ кречатьихъ, со всѣмъ птичьимъ парядомъ, да соболи и лисицы, и рыбей зубъ, и слюда, и вино по росписи. А съ Москвы итти имъ, князю Михайлу съ товарыщи, на Нижней, да на Казань, а изъ Казани имъ, государевымъ посломъ, итти на Самару и въ Асторохань съ шаховыми послы вмѣсте. А о провожанье изъ Казани до Астороханн и о судѣхъ въ Казань и въ

[1]) Наказъ этотъ напечатанъ Новиковымъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, т. V, стр. 1—135.

Асторохань къ бояромъ и къ воеводамъ, и къ діакомъ отъ государя писано. А изъ Астарахани велено ихъ отпустить куды лутче и поспѣшнее: водянымъ путемъ па Гилянь или сухимъ путемъ па Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ городы ныне за шахомъ. А будетъ отпустятъ водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустить на бусе или на дву бусахъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы лутче и прибыльнѣе. И стрельцовъ для провожанья съ ними велено послать и паряду, примѣряся къ прежнему и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ дотти здорово; а Астрахани бъ безлюдно и безъ паряду не быть. Да имъ же велѣно дать въ Астарахани, примѣряся прежнихъ государей пословъ и посланниковъ, которые посланы къ шаху при прежнихъ государехъ, только пойдутъ на бусахъ, вожей и кормщиковъ и посовщиковъ, сколько человѣкъ пригоже, которые бъ въ Кизылбаши морской ходъ знали и напередъ сего въ Кизылбашехъ бывали; а па бусу по четыре якори да по два паруса, да къ бусѣ жъ по сандалу съ парусы и съ якоремъ и съ шеймы, и всякіе бусные снасти велѣно имъ на бусы дать новые, чтобъ имъ моремъ итти безстрашно. А будетъ лутче и ближе итти на Терекъ, и кизылбашскіе послы изъ Астарахани пойдутъ на Терекъ, и имъ съ шаховыми жъ послы итти вмѣстѣ на Терекъ, переговоря о томъ съ ними, куды лутче и безстрашнѣе и ближе, того всего съ шаховыхъ пословъ не сымать.

И посломъ, князю Михайлу Петровичю да Ивану Ивановичю, да дьяку Михайлу Тюхину, ѣхати въ Казань и въ Астарахань не мѣшкая. А какъ пріѣдутъ въ Казань, и имъ говорити боярину и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому съ товарыщи, чтобъ ихъ и съ ними шаховыхъ пословъ, Кая салтана да Булатъ бека, давъ суды и гребцовъ со всею судовою снастью, и въ дорогу кормъ по росписи, и въ запросъ, чего попросятъ, отпустили исъ Казани, не мѣшкая, въ Астарахань. А будетъ тѣ суды подъ ними и подъ кизылбашскими послы, которые пойдутъ съ Москвы, худы, и до Астарахани доѣхать имъ не мочно, и они бъ суды имъ дали добрые со всѣми судовыми снастьми, и кормщиковъ и гребцовъ имъ дали, и отпустили ихъ исъ Казани, не задержавъ, и провожатыхъ съ ними послали сколько пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ до Астарахани доѣхать здорово. Да какъ ихъ исъ Казани отпустятъ, и имъ итти въ Астарахань, не мѣшкая жъ, всѣмъ вмѣстѣ, бережно и усторожливо, и по городомъ на Самарѣ и на Царицынѣ роспрашивать, нѣтъ ли отъ казаковъ на Волгѣ воровства, и всякими мѣрами про

то про все провѣдывать, чтобъ на Волгѣ Нагаи и Казыева улуса, и крымскіе и азовскіе люди, и воры казаки, и черкасы безвѣстно не пришли, и дурна никакого не учинили. А будетъ имъ гдѣ про воровъ про казаковъ, или про иныхъ про какихъ людей вѣсть учинится, и проѣхать будетъ отъ нихъ съ тѣми провожатыми не мочно, и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи взяти провожатыхъ въ прибавку, въ которомъ городѣ прилучится, сколько человѣкъ пригоже, смотря по вѣстемъ, по государевой проѣзжей грамотѣ, какова имъ дана изъ посольского приказу, чтобъ имъ отъ воровъ проѣхать здорово. А изъ Казанского дворца отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ тѣ городы къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ о томъ писано жъ. А пріѣхавъ князю Михайлу Петровичю съ товарыщи въ Астарахань, переговорити о томъ съ шаховыми послы, съ Кая салтаномъ, да съ Булатъ бекомъ, на которое мѣсто они идти къ шаху похотятъ: изъ Астарахани ль прямо моремъ въ бусахъ на Гилянь, или похотятъ идти изъ Асторахани на Терекъ, а съ Терки на Дербень. Да будетъ шаховы послы похотятъ итти изъ Асторахани моремъ на Гилянь,—и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити въ Астарахани воеводамъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому, да князю Олексѣю Михайловичю Львову, да дьякомъ, Ивану Тимоѳѣеву да Ивану Грязеву, чтобъ они ихъ и шаховыхъословъ отпустили въ Кизылбаши на гилянскихъ бусахъ, и стрѣльцовъ съ ними послали, и вожей, и пищали, и что будетъ иное надобно, безъ чего быти не льзя, имъ дали. А будетъ гилянскихъ бусъ нѣтъ, и они бъ дали подъ нихъ бусы астарахапскіе лутчіе со всѣмъ, что надобно къ морскому ходу.

Да какъ ихъ изъ Астарахани отпустятъ, и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, взявъ знатковъ судовщиковъ и провожатыхъ, и парядъ изъ Асторахани, идти въ Гилянь моремъ, которымъ мѣстомъ пригоже, съ великимъ береженьемъ.

А будетъ шаховы послы похотятъ идти изъ Астарахани на Терекъ, а съ Терки на Дербень,—и имъ по тому жъ въ Асторахани объ отпускѣ говорити воеводамъ, чтобъ ихъ изъ Астарахани отпустили на Терекъ, не мѣшкая ни часу; а будетъ лутче такъ, что имъ, князю Михайлу съ товарыщи и шаховымъ посломъ, идти на Терекъ, а съ Терки на Кабарду да на шаховы городы, сухимъ путемъ, а людей будетъ своихъ съ запасомъ и съ рухледью лутче отпустити моремъ прямо на Гилянь, и имъ по тому учинити. О томъ отъ государя въ Астарахань къ воеводамъ писано, велѣно ихъ отпустити, совѣтовавъ

съ ними, какъ лутче, какъ бы государеву дѣлу прибыльнѣе и спѣшнѣе.

А какъ они съ шаховыми послы на Терекъ придутъ, и князю Михайлу съ товарыщи по тому жъ съ шаховыми послы переговорити, которою дорогою съ Терки на Дербень идти лутче и безстрашнѣе. Да какъ приговорятъ итти, и имъ о томъ говорити на Теркѣ воеводамъ, Миките Вельяминову съ товарыщи, чтобъ они, давъ имъ провожатыхъ и посломъ кормъ по росписи, по тому жъ отпустили ихъ не мѣшкая, чтобъ имъ ни за чѣмъ на Теркѣ не замѣшкать, и итти къ шаху. А итти имъ съ Терки бережно жъ и усторожливо жъ, чтобъ надъ ними, на походѣ и на стану, отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ людей, и отъ кумыкъ, и отъ пятигорскихъ черкасъ, и отъ азовскихъ, и ото всякихъ воровскихъ людей которое лихо не учинилось, и безвѣстно бъ на нихъ нигдѣ не пришли.

А какъ придутъ въ Кабарду, и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи посылати отъ себя къ тѣмъ кабардинскимъ княземъ и къ мурзамъ государевы грамоты о ихъ проѣздѣ, и приказывати къ нимъ, чтобъ они, князи и мурзы, по своей правдѣ и шерти, какъ они великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. правду дали, на куранѣ шертовали, послужили, ихъ, государевыхъ и шаховыхъ пословъ, чрезъ свою землю пропустили, приставовъ имъ давали, и проводити велѣли, и подводы имъ давали, чтобъ имъ къ шаху поспѣти вскорѣ; а они отъ царьского величества посланы къ шаху о великихъ государственныхъ и о земскихъ дѣлѣхъ, которое годно обѣимъ великимъ государемъ и имъ, княземъ и мурзамъ.

А которой будетъ князь или мурза пріѣдетъ съ ними повидатца, и имъ того князя или мурзу потчивать и подарить, что у нихъ лучитца, и государевымъ жалованьемъ ево обнадежити, и говорить, чтобъ государю послужилъ, пристава имъ далъ, и проводити ихъ велѣлъ, а государь ихъ за ихъ службу пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ. А изъ терскихъ провожатыхъ взяти съ собою до Дербени человѣкъ пяти или шти, чтобъ было съ кѣмъ ко государю отписати, какъ которого числа въ Дербень придутъ.

А какъ ихъ съ Терки отпустятъ, и на которые мѣста, на чьѣ кабаки, на Дербень пойдутъ, и гдѣ ихъ черкаскіе приставы и провожатые встрѣтятъ, и какъ ихъ учнутъ провожать, и съ которого мѣста и по которое мѣсто которой князь и мурза проводитъ, и которого числа придутъ въ Дербень, и что провѣдаютъ про шаха, гдѣ нынѣ шахъ, и какъ нынѣ съ турскимъ царемъ, и какъ съ иверскимъ и съ

бухарскимъ и съ юргенскимъ, съ которымъ въ миру и съ которымъ не въ миру, и шахъ нынѣ въ которомъ своемъ городѣ, или гдѣ въ походѣ, и на которую землю пошолъ, и ево земли которой государь не воюетъ ли, и что въ его землѣ учинилъ крымской Джанбекъ Гирей царь, и гдѣ нынѣ царь крымской: въ Кизылбашской ли землѣ, и будетъ въ Кизылбашской землѣ, и въ которыхъ мѣстѣхъ? или исъ Кизылбашъ пошолъ, и сколь давно пошолъ, и въ которыхъ мѣстехъ въ Кизылбашской землѣ былъ, и на которые мѣста исъ Кизылбашскіе земли пошолъ? О всемъ о томъ провѣдавъ, къ государю отписать подлинно, да и о томъ отписать: со всѣмъ ли пойдутъ на Дербень, или запасы отпустятъ на Гилянь.

А будетъ съ Терки лутче, по тамошней мѣрѣ смотря, итти водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустити водянымъ путемъ, и суды и кормщики и гребцы велѣно имъ дать, смотря по тамошнему дѣлу; а до коихъ мѣстъ судами пойдутъ, и съ которыхъ мѣстъ сухимъ путемъ, и что провѣдаютъ, и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи по тому жъ къ государю отписати.

А будетъ пойдутъ изъ Астарахани на Гилянь, и имъ по тому жъ ко государю отписать изъ Астарахани.

Да какъ, оже дастъ Богъ, придутъ въ шаховы городы, и имъ приказывати къ шаховымъ приказнымъ людемъ, что приходили къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., отъ государя ихъ, отъ шахъ Аббасова в. послы Кая-Салтанъ да Булатъ бекъ, о дружбѣ и о любви, и о иныхъ добрыхъ дѣлѣхъ, и великій государь тѣхъословъ государя ихъ принялъ съ великою честію, и пожаловавъ ихъ, отпустилъ ко государю ихъ, не издержавъ, и съ ними вмѣстѣ послалъ великій государь къ государю ихъ къ шахъ Аббасову в. ихъ, пословъ своихъ, о многихъ добрыхъ дѣлѣхъ, которые належатъ обѣимъ великимъ государемъ, царьскому величеству и Аббасъ шахову величеству, и ихъ государствамъ ко всякому добру: и они бъ дали имъ пристава и подводы и кормъ, и отпустили ихъ къ шаху, гдѣ будетъ шахъ,—только шаховы послы отъ нихъ отстанутъ, а покамѣста будутъ вмѣстѣ съ шаховы послы, и имъ обо всемъ совѣтовати и говорити съ шаховыми послы.

А будетъ въ которомъ городѣ шаховъ которой ближней человѣкъ велитъ имъ быти у себя, и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи къ тому шахову ближнему человѣку не ходити, а приказать къ нимъ, что имъ, не бывъ у шаха и не исправя посольства, ни у кого быти не пригоже. Какъ были и у царского величества шахъ Аббасова величества послы, и они окромѣ царьского величества у царьского величества бояръ и воеводъ

по городомъ ни у кого не бывали: то царское величество велитъ дѣлать, остерегая его царского величества и шахова величества чести, а отпустили бъ ихъ къ шаху, не издержавъ, и подводы и кормъ велѣли имъ дать. Да будетъ только подъ ними будутъ рускіе бусы или суды, и имъ приказать къ тутошнимъ приказнымъ людемъ, чтобъ тѣхъ бусъ велѣли беречь до ихъ пріѣзду, какъ они пойдутъ назадъ изъ Кизылбашъ.

А нѣчто будетъ которой шаховъ приказной человѣкъ велитъ у князя Михайла съ товарыщи переписывать рухлядь, и имъ приказать къ тому шахову приказному человѣку, а велѣти о томъ говорити, что государь ихъ шахъ Аббасово величество присылалъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. пословъ своихъ Кая салтана да Булатъ бека съ любительною грамотою, а въ грамотѣ своей шахъ Аббасово величество писалъ, и рѣчью послы ево великому государю на посольствѣ говорили, что государь ихъ шахъ Аббасово величество съ великимъ государемъ нашимъ съ царскимъ величествомъ учинился въ братственной дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, и на всякого государева недруга стояти за одинъ, а великому бъ государю (съ) его шахъ Аббасовымъ величествомъ по тому жъ быть въ братственной дружбѣ и любви, и чтобъ межъ ихъ великихъ обѣихъ государей о братствѣ и о любви и о всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ была ссылка, послы и посланники безъ урыву. И нынѣ великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послалъ ихъ въ послѣхъ къ шахъ Аббасову величеству о дружбѣ и о любви и о всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ: и шаховы бъ приказные люди такого непригожево дѣла не вчинали и ихъ тѣмъ не безчестили, рухляди переписывать не велѣли. А которые послы и посланники и гонцы государя ихъ пріѣзживали и къ прежнимъ великимъ государемъ, къ великому государю блаженные памяти къ царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. и къ царю Борису, и которые были нынѣ при великомъ государѣ ц. и в. кн. Михайлѣ Ѳедоровичѣ в. Р., и тѣмъ посломъ и посланникомъ и гонцомъ въ государя нашего государствѣ честь была свыше иныхъ государей пословъ, и у пословъ и у посланниковъ, и у гонцовъ рухлядей ихъ не емлютъ и не переписываютъ; да не токмо что у пословъ и у посланниковъ, и у торговыхъ людей, которые съ ними, и торговые люди пріѣзжаютъ въ великіе государя нашего государства, и у тѣхъ торговыхъ людей товаровъ ихъ не переписываютъ и пошлинъ съ нихъ никакихъ не емлютъ, и такова безчестья надъ ними не бываетъ, какъ вы нынѣ хотите надъ нами безчестье учинити мимо посольской

обычай. И нынѣ, которое будетъ безчестье учините надъ нами, и надъ государя вашего Аббасъ шаховыми послы по тому жъ впередъ учинятъ, и они бъ того остерегали, чтобъ тѣмъ непригожимъ дѣломъ межъ великихъ государей ссылка и любовь не урвалась. Да однолично князю Михайлу Петровичю съ товарыщи рухляди своей и толмачей и кречатниковъ переписывать не давать. А будетъ гдѣ которой ханъ или шаховы приказные люди похотятъ смотрити и писати государевы царевы и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. поминки, и князю Михайлу съ товарыщи по тому жъ отговаривати накрѣпко и переписывать государевыхъ поминковъ отнюдь не давать никакими мѣрами.

Да какъ князя Михайла Петровича съ товарыщи изъ Гиляни или изъ Дербени отпустятъ къ шаху, и имъ говорити приставомъ, чтобъ ихъ вели къ шаху, не мѣшкая, гдѣ шахъ будетъ, и говорить съ приставы, чтобъ они донесли до шаха, чтобъ шахъ велѣлъ имъ у себя быти вскорѣ. А будетъ шахъ въ походѣ противъ которого своего недруга и велитъ имъ быти у себя въ рати,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, въ ту пору къ шаху не ходити, а дожидатися того, какъ шахъ придетъ изъ походу въ свое государство, а отговаривать о томъ, что имъ у шаха на посольствѣ въ чюжомъ государствѣ быти не пригоже: шахъ нынѣ противъ своего недруга въ войнѣ, а имъ, государевымъ посломъ, въ тѣ поры у шаха быти! да и прежъ того николи того не бывало, чтобъ послы и посланники въ войнѣ на посольствѣ бывали; а отговаривать гладостью и пословно, а однолично въ войнѣ въ чюжомъ государствѣ на посольствѣ не быти.

А какъ посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, велитъ шахъ у себя быти на посольствѣ, и имъ приказать съ приставы къ шаховымъ ближнимъ людемъ, чтобъ у шаха въ то время, какъ имъ быти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ никово не было, а только будутъ иныхъ государей послы и посланники, и имъ на посольство итти и посольства правити не пригоже.

А нѣчто въ то время, какъ они придутъ на посольство, будутъ у кизылбашского шаха турского салтана и иныхъ государей послы и посланники и гонцы, и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, съ тѣми послы къ шаху не ходити, а хоти и придутъ на дворъ, а увѣдаютъ про то, что иныхъ земель у шаха послы или посланники, и имъ, пришедъ къ шаху, посольства не правити, итти вонъ изъ полаты, а говорити приставомъ, чтобъ имъ шахъ велѣлъ у себя на посольствѣ быти однимъ, опричь иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ. А передъ посольствомъ приставовъ роспросити,

какъ имъ у шаха быть на посольствѣ, и какъ шахъ приметъ, да и про всякіе тамошніе мѣры розпросити и провѣдывати, чтобъ имъ вѣдати, а смотря по тамошней мѣрѣ, будетъ надобно, ино приставовъ чѣмъ и подарить отъ себя, не отъ велика, что будетъ пригоже.

А какъ князь Михайло съ товарыщи пойдутъ къ шаху на посольство и учнутъ будетъ имъ приставы говорити, чтобъ имъ съ лошадей сойти не блиско шахова двора или, пришедъ къ шахову двору, велятъ имъ клапятца въ воротѣхъ въ порогъ и учнутъ говорити, что у государя ихъ у Аббасъ шаха такъ въ обычаѣ ведетца, всѣхъ великихъ государей послы и посланники и гонцы съ лошадей сходятъ не блиско шахова двора и, пришедъ къ шахову двору, кланяютца въ порогъ,—и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити приставомъ: то мы и сами знаемъ, какъ намъ, пріѣхавъ къ государскому двору, съ лошадей ссѣсти; а что велите намъ кланятца у шахова двора въ порогъ, и мы посланы къ Аббасъ шахову величеству, а порогу намъ для чего кланятца? Да ссѣсти съ лошадей, не доѣжжая воротъ шахова двора, какъ пригоже, а толмачомъ велѣти съ лошадей ссѣсти напередъ себя.

А будетъ приставы или встрѣчники учнутъ говорити, чтобъ они поклонились хъ которой полатѣ, по тому что въ той полатѣ шахъ сидитъ, или велятъ имъ итти къ шаху въ полату, а поминки, что посланы съ ними отъ государя къ шаху, велятъ нести къ шаху послѣ ихъ, пословъ,—и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити: намъ то въ подивленье, что не видя государскихъ очей, велите кланятца полатѣ. Ни у которыхъ великихъ государей того въ обычаѣ не ведетца; а какъ Аббасъ шахова величества очи увидимъ, и тогды ему, государю, челомъ ударимъ. Сами мы знаемъ, какъ великимъ государемъ честь воздавати. А которые послы и посланники государя вашего приходили къ великому государю нашему, блаженные памяти къ царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., и къ царю Борису, и къ нынѣшнему къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., а послѣднее были у великого государя нашего, у его царского величества, государя вашего послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ: и великій государь нашъ, блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедоръ Иваповичь в. Р. с. и царь Борисъ государя вашего пословъ и послапниковъ, и нынѣ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. государя вашего послапниковъ и гонцовъ, и нынѣшнихъ пословъ, для Аббасъ шахова величества братцкіе любви, жаловалъ, па посольствѣ пріималъ честно, и поминки отъ Аббасъ шахова величества пріимали въ любовь, при своихъ царскихъ очехъ,

и во всемъ имъ велѣлъ почесть воздавати. Да однолично князю Михайлу Петровичю съ товарыщи у шахова двора въ порогъ и на дворѣ полатѣ не кланятца, и поминки велѣти нести на крыльцо и до шаховы полаты предъ собою, по посольскому обычаю.

А будетъ нѣчто приставы учнутъ говорити, чтобъ имъ на посольствѣ шаха цѣловати въ ногу, какъ у шаха въ обычаѣ ведетца, по тому жъ какъ иныхъ государей послы шаха цѣлуютъ въ ногу,—и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити: прежъ сего которые послы и посланники были у шаха, великого государя нашего дяди, блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедора Иваповича в Р. с., и тѣхъ шахъ жаловалъ звалъ ихъ къ рукѣ, а отъ царя Бориса были у шаха послы жъ, князь Олександръ Засѣкинъ съ товарыщи, а нынѣ отъ великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. были у шаха посланники Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, а послѣднее Ѳедоръ Левонтьевъ, и они шаха цѣловали въ руку жъ, а не въ ногу. А которые послы и посланники и гонцы Аббасъ шахова величества приходили къ прежнимъ къ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ, и великіе государи наши шаховыхъословъ на посольство пріимали, и почесть имъ для Аббасъ шахова величества велѣли воздавати, и пожаловавъ ихъ на пріѣздѣ и на отпускѣ, звали къ своей царской рукѣ, и нынѣ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. шаховыхъ словъ, Кая салтапа да Булатъ бека, принялъ честно и пожаловалъ, велѣлъ имъ быти у своей царскіе руки: и шахово бъ величество таково непригожево дѣла вновь не всчипалъ, тѣмъ къ великому государю нашему нелюбья своего не объявлялъ, чтобъ межъ ихъ, великихъ государей, тѣмъ дружба и братцкая любовь не парушилась, и ссылка не урвалась; а не учинитъ по тому шахъ, и намъ посольства не правити. Да однолично о томъ стояти накрѣпко и въ ногу шаха не цѣловати.

А нѣчто въ то время шахъ, какъ они придутъ въ Кизылбаши, будетъ въ дорогѣ и велитъ имъ у себя быти на посольствѣ въ дорогѣ, а самъ будетъ въ то время шахъ учнетъ сидѣти на конѣ, и князю Михайлу съ товарыщи въ то время къ шаху на посольство не ходити, а говорити приставомъ, и къ шаховымъ ближнимъ людемъ приказывати, что великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. его ц. в. прислалъ ихъ къ шахову величеству о добрыхъ дѣлѣхъ, и нынѣ шахъ дѣлаетъ не по прежнему обычаю: велитъ себѣ посольство править въ дорогѣ, а самъ хочетъ сидѣти на конѣ, и тѣмъ великому государю нашему ихъ царскому величеству нелюбье свое оказуетъ, и

доброе дѣло и ссылку о брацкой любви хочетъ порушить, а имъ такимъ обычаемъ посольства правити не мочно. И посольства имъ однолично не правити, только шахъ учнетъ сидѣти на лошади.

А будетъ шахъ велитъ князю Михайлу съ товарыщи быти у себя на посольствѣ въ которомъ городѣ, или въ дорогѣ въ своемъ государствѣ, на стану въ шатрѣ, и скажутъ имъ приставы, что имъ быти у шаха однимъ, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ въ то время у шаха не будетъ, и шаху сидѣти не на конѣ, а цѣловати имъ шаха въ руку,—и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи къ шаху на посольство идти.

Да какъ будутъ князь Михайло съ товарыщи у шаха на посольствѣ, на шаховѣ дворѣ въ полатѣ, или въ походѣ въ шатрѣ,—и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, пришедъ къ шаху, правити отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. шаху поклонъ князю Михайлу, а молыти:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. *(титулъ)* и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и облаадатель великому государю, въ чести величества изящному, и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, Персицкіе и Ширванскіе земли начальнику, вамъ, брату своему, Аббасъ-шахову величеству, велѣлъ поклонитися и свое царское здоровье велѣлъ сказати, а ваше, брата своего, здоровье велѣлъ видѣти.

Да подати отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. Аббасъ шаху грамоту; а съ подворья отъ себя и на шаховъ дворъ вести грамота дьяку Михайлу. А у шаха въ полатѣ государева грамота взяти и подати шаху князю Михайлу.

И будетъ Аббасъ шахъ спроситъ о здоровьѣ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с., и князю Михайлу Петровичю молыти: какъ мы поѣхали отъ великого государя нашего, и Божіею милостію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. его ц. в. на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ въ добромъ здоровьѣ.

А послѣ того явити шаху отъ государя поминки, а молыти: Божіею милостію великій государь ц. и в кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову величеству, напоминается своею любовью поминки. Да подати поминки по росписи.

А послѣ поминковъ говорити рѣчь шаху князю Михайлу, а молыти:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель вамъ, брату своему, шахъ Аббасову величеству велѣлъ говорити:

Присылалъ еси къ нашему царскому величеству пословъ своихъ Кая салтана да Булатъ бека, съ своею любительною грамотою, о дружбѣ, и о любви, и о иныхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ любительныхъ дѣлѣхъ, и мы, великій государь, вашу, брата нашего грамоту приняли и выслушали любительно. А въ грамотѣ своей къ нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество писали, что вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, слыша про наше царского величества здоровье отъ посланника нашего, отъ Ѳедора Левонтьева, добрѣ обрадовался, и учинился вы, братъ нашъ шахъ Аббасово величество, съ нами, великимъ государемъ, въ братцкой въ любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ также, какъ и съ прежними великими государи цари и великими князи російскими, предки нашими, и послалъ къ намъ, великому государю, о дружбѣ и о любви, съ нашимъ посланникомъ вмѣстѣ, съ своею любительною грамотою посла своего вѣрного и ближнего своего двора капычѣйского агу Кая бека, и нашему бъ царскому величеству съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, по тому жъ быти въ братственной крѣпкой дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, и торговымъ бы людемъ торгъ былъ повольной. А что намъ, великому государю, годно въ вашемъ, брата нашего, государствѣ, и намъ бы, великому государю, о томъ велѣти къ тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству приказать, и вы, братъ нашъ, то все наше дѣло любительно исполнишь. А ваши, брата нашего, шахъ Аббасова величества послы, нашего царского величества бояромъ, боярину и намѣстнику нижегородцкому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому Ярославскому съ товарыщи, и нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что приказалъ имъ вы, братъ нашъ, великій государь шахъ Аббасово величество намъ, великому государю, извѣстить, что по нашему царского величества указу, посланникъ нашъ Ѳедоръ Левонтьевъ говорилъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, что ты, братъ нашъ, послалъ къ нашему царскому величеству въ помочь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и вы деи, братъ нашъ, посланнику нашему сказалъ, что вы, братъ нашъ, посылаете нынѣ къ нашему царскому величеству съ послы своими лехкую казну, что нынѣ у васъ, брата нашего, шахъ Аббасова величества вскорѣ лучилось послать; а какъ дастъ Богъ, тѣ ваши, брата нашего, послы будутъ у насъ, великого государя, и что мы,

великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству съ ними о казнѣ или о ратныхъ людехъ, или про иное про какое дѣло прикажемъ, и вы, братъ нашъ, великій государь шахъ Аббасово величество, то все намъ, великому государю, нашему царскому величеству по нашей царской волѣ исполнишь, какъ нашему царскому величеству годно. И мы, великій государь, отъ васъ, великого государя, брата нашего, шахъ Аббасова величества, тѣ нынѣшніе твои къ намъ, великому государю, любительные поминки и серебро, что ты съ послы своими къ намъ, великому государю, прислалъ, приняли въ братственную въ сердечную дружбу и любовь, и противъ того мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавать, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно. И учинилися мы, великій государь, наше царское величество, съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, въ крѣпкой братственной въ нелицемѣрной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно, и пословъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству отпустили; а съ ними вмѣстѣ послали мы, великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству пословъ нашихъ, дворянина и намѣстника болховского, князя Михайла Петровича Борятинского, да дворянина Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка нашего Михайла Тюхина о братственной же дружбѣ и о любви, и о иныхъ нашихъ государьскихъ великихъ дѣлѣхъ, которые намъ обоимъ великимъ государемъ къ дружбѣ и любви годны, и вы бъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, по тому жъ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ ссылкѣ на вѣки неподвижно, и пословъ бы нашихъ отпустилъ къ намъ, великому государю, не издержавъ. Да объявляемъ мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву: ужъ не малое время войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и разорителемъ нашего Московского государства, съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, за его многіе неправды и за разоренье нашего Московского государства, отставя всякіе наши дѣла, и нынѣ насъ, великого государя, у васъ, брата нашего, у шахъ Аббасова в. любительное прошенье то, чтобъ вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в., къ намъ, великому государю, совершенную свою сердечную, братственную дружбу и любовь показали, прислалъ къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего польского короля казны денежные въ помочь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей противъ недруга нашего пожаловать, и противъ его за его многіе

неправды стоять. А то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству самому подлинно вѣдомо, что наши великіе Російскіе государства велики и многолодны, только нынѣ за грѣхъ ото многіе розни и межусобья и отъ войны недруга нашего польского Жигимонта короля, что дѣлалось до нашего царского величества самодержавства, ратные наши всякіе люди пооскудѣли, и вы бъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, на вспоможенье противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ людей пожаловать. А какъ паше царское величество съ недругомъ нашимъ съ польскимъ королемъ поуправимся, и мы, великій государь, наше царское величество, тое казну вамъ, брату нашему шахъ Аббасову величеству, заплатить велимъ, какими узорочьи изъ нашего государства вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству будетъ годно. Да и сверхъ того мы, великій государь паше царское величество, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству противъ вашіе любви учнемъ воздавать нашею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему царскому величеству возможно. А пословъ нашихъ, дворянина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинскаго съ товарыщи, къ намъ отпустилъ бы еси, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ ближнихъ людей, къ намъ съ ними вмѣстѣ прислалъ, наказавъ съ послы своими подлинно, какъ вамъ, брату нашему шахъ Аббасову величеству съ нашимъ царскимъ величествомъ впередъ быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви на вѣки неподвижно, и какихъ узорочей, что ведется въ нашихъ государствахъ, къ вамъ, брату нашему, за тое казну, что къ намъ пришлете, послать. А какъ нашего царского величества послы и твои, брата нашего, послы у нашего царского величества будутъ, и мы, великій государь, велимъ думнымъ нашимъ людемъ съ твоими, брата нашего, послы о всякихъ о добрыхъ дѣлѣхъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братцкой любви и въ дружбѣ на вѣки неподвижно, и пословъ твоихъ къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ, къ вамъ, брату нашему, пошлемъ, и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбѣ и любви мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно, на то нашего царского величества мысль крѣпко утвердилась. А о иныхъ нашихъ дѣлѣхъ, которые межъ насъ, великихъ государей, настоятъ, наказали есмя вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству говорити послом

нашимъ, дворянину нашему и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, и что онѣ вамъ, брату нашему, учнуть говорити, и вы бъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, имъ вѣрилъ.

И нѣчто тутъ же на посольствѣ, или послѣ посольства, шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити, что государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи къ шаху прислалъ малые поминки, а отъ прежнихъ великихъ государей московскихъ, отъ царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. и отъ царя Бориса, поминки бывали большіе, и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити, что бъ шахову величеству въ большихъ поминкахъ на царское величество не подосадовать: вѣдомо шахъ Аббасову величеству подлинно изъ великого государя нашего грамотъ, что посыланы къ нему царского величества съ посланники, съ Михайломъ Тихановымъ, а послѣ съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, и отъ нихъ, посланниковъ, и отъ гонцовъ, и отъ его шахова величества отъ посланниковъ и отъ гонцовъ, и отъ торговыхъ людей, которые были въ Російскихъ государствахъ, и отъ нынѣшнихъ его шахова величества пословъ, чаю, шахову величеству вѣдомо жъ, какъ польской Жигимонтъ король, черезъ многое свое и пословъ своихъ и посланниковъ крестное цѣлованье, великихъ Російскихъ государствъ многіе мѣста и самой царствующей градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ за много лѣтъ собранье розграбили, и многіе неисчетные крови пролили, и землю запустошили. А великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь, в. Р. с. царствующій градъ Москву одни стѣны взялъ, и тѣ разорены, да и по ся мѣста послѣ того разоренья у великого государя нашего въ его царского величества казнѣ всякихъ узорочей въ собраньѣ мало; а что нынѣ у великого государя нашего въ собраньѣ послѣ разоренья польскихъ и литовскихъ людей лучилось, и царское величество къ брату своему, великому государю вашему, то и прислалъ. А какъ, ажъ дастъ Богъ, великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ управится, и царское величество брату своему, Аббасъ шахову величеству, по его любви смотря, своею царскою любовью будетъ воздавать. Великій государь нашъ, его ц. в., государь мудрой, разумной, милосердой, Богомъ украшенъ во всемъ свыше человѣкъ, знаетъ, какъ брату своему за его любовь противъ воздаяніе учинить. А нынѣ царское величество поминки послалъ честные, какъ есть брату своему: ни къ кому царское величество птицъ въ поминкахъ не посылаетъ, опричь шахова величества.

А будетъ Аббасъ шахъ позоветъ ихъ къ себѣ ѣсти, и князю Михайлу съ товарыщи къ Аббасъ шаху ѣсти ѣхать, а о томъ приказывать съ приставы, чтобъ въ то время, какъ имъ у шаха ѣсти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ не было; а ѣсти бъ имъ у шаха однимъ, и будетъ имъ скажутъ, что въ то время у шаха будутъ иныхъ государей послы и посланники, и имъ къ шаху за столъ не ходить. А имянно провѣдывать о турскомъ посланникѣ и гонцѣ, чтобъ имъ однолично съ турскимъ вмѣстѣ у шаха не быти.

Да какъ послѣ посольства велитъ будетъ шахъ быти имъ у себя на дворѣ, и вышлетъ къ нимъ своихъ людей говорити о дѣлехъ, и учнутъ шаховы ближніе люди говорити, что говорили они на посольствѣ, чтобъ шахову величеству съ государемъ вашимъ быти въ брацкой дружбѣ, и шахово величество съ царскимъ величествомъ въ брацкой дружбѣ и любви, и въ соединеньѣ, и въ докончаньѣ быти хочетъ, только бъ объявити, на которой мѣрѣ тому сстатися,—и князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи говорити: великій государь нашъ, его ц. в., прислалъ насъ къ шахову величеству въ послѣхъ для того: присылалъ къ великому государю нашему, къ его ц. в., великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, пословъ своихъ Кая бека да Булатъ бека, съ любительною грамотою о дружбѣ и о любви, и о иныхъ государскихъ о вопчихъ любительныхъ дѣлѣхъ; а въ грамотѣ своей къ великому государю нашему государь вашъ, шахъ Аббасово величество, писалъ, что присылалъ великій государь нашъ, его ц. в., къ великому государю вашему посланника своего Ѳедора Левонтьева съ своею царского величества любительною грамотою, и великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, грамоту великого государя нашего принялъ, и рѣчь у его царского величества посланника выслушалъ любительно, и слыша про его царского величества здоровье, государь вашъ шахъ Аббасово величество обрадовался, и учинился великій государь вашъ съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, въ брацкой любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ такъ же, какъ и съ прежними великими государи нашими, цари и великими князи російскими, и великому бъ государю нашему, его царскому величеству, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, по тому жъ быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ, и торговымъ бы людемъ торгъ былъ повольной. А что великому государю нашему годно въ его государя вашего государствѣ, и государю бъ нашему о томъ велѣть къ нему, брату своему, къ великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству,

приказать, и государь вашъ то все его царского величества дѣло любительно исполнитъ; а только чего не исполнитъ, и ему то будетъ въ стыдъ. А послы великого государя вашего, послѣ посольства, царского величества приказнымъ людемъ въ рѣчахъ своихъ объявили, что приказывалъ имъ великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, великому государю нашему, его царскому величеству, извѣстить, что по его царского величества указу, посланникъ его царского величества Ѳедоръ Левонтьевъ говорилъ великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, чтобъ великій государь вашъ прислалъ къ великому государю нашему къ его ц. в. въ помочь противъ его царского величества недруговъ денежные казны, и государь вашъ великого государя нашего посланнику сказалъ, что онъ, великій государь вашъ, посылаетъ нынѣ къ великому государю нашему лехкую казну, что у великого государя вашего вскорѣ лучилось послать. А какъ, дастъ Богъ, они, великого государя вашего послы, будутъ у великого государя нашего, у его царского величества, и что великій государь нашъ, его царское величество, къ брату своему, къ великому государю вашему, къ шахъ Аббасову величеству, съ ними о казнѣ, или о ратныхъ людехъ, или про иное про какое дѣло прикажетъ, и великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, то все великому государю нашему, его царскому величеству, по его царского величества волѣ исполнитъ, какъ его царскому величеству будетъ годно. Да и напередъ тѣхъ государя вашегоословъ великій государь вашъ зъ гилянцомъ своимъ, съ Хозь Муртозою, и съ посланникомъ своимъ, зъ Булатъ бекомъ же, къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, въ грамотахъ своихъ писалъ, и рѣчью они царскому величеству и его царского величества приказнымъ людемъ, въ разговорѣхъ говорили, что великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, хочетъ быти зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братствѣ и въ любви на вѣки неподвижно, и на всякого недруга хочетъ стоять заодно: хто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, другъ; а хто великому государю нашему недругъ, тотъ и великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, недругъ. И будетъ великому государю нашему противъ его царского величества недрузей надобно на помочь какіе казны или ратныхъ людей, и великому бъ государю нашему къ шахову величеству о томъ отписать или приказать, не стыдясь, и великій государь вашъ шахъ Аббасово величество великому государю нашему ни за что не постоитъ, тотчасъ великому государю нашему пришлетъ, а будетъ

шахово величество царскому величеству прошенья его не исполнить, и шахову величеству то будетъ въ стыдъ. И великому государю нашему, царскому величеству, на шахово величество стало въ великую любовь, что шахово величество, какъ есть великій любительный государь брату своему, царскому величеству, въ то время, какъ съ недругомъ войну ведетъ, хочетъ помочь чинити, и великій бъ государь вашъ шахъ Аббасово величество, какъ къ великому государю нашему зъ гонцы своими и съ посланники, и съ нынѣшними своими послы въ грамотѣ своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершалъ: былъ съ великимъ государемъ нашимъ въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно, и на всякого царского величества недруга стоялъ съ великимъ государемъ нашимъ заодно. А великій государь нашъ, его ц. в., зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, по тому жъ учинился въ крѣпкой братственной въ нелицемѣрной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно, и ихъ, своего царского величества пословъ, нынѣ къ великому государю вашему прислалъ объявити, что царское величество съ шаховымъ величествомъ учинился въ сердечной брацкой крѣпкой дружбѣ и любви, и великій бъ государь вашъ, шахъ Аббасово величество, по тому жъ былъ съ великимъ государемъ нашимъ въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ на вѣки неподвиженъ. А нынѣ великій государь нашъ, его царское величество, обнадежась на шахова величества братственную дружбу и любовь, и письмо, и словесной приказъ, государю вашему шахъ Аббасову величеству велѣлъ объявити: вѣдомо шахову величеству самому, что великій государь нашъ, отставя всякіе свои дѣла, войну ведетъ съ недругомъ своимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ за его многіе неправды и за разоренье великого Московского государства, и нынѣ великого государя нашего, его ц. в., у брата его, великого государя вашего, шахъ Аббасова величества, любительное прошенье то, чтобъ великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, къ великому государю нашему, къ его ц. в., совершенную свою истинную сердечную братственную дружбу и любовь показалъ, какъ обѣщался, въ грамотахъ своихъ писалъ и словомъ приказывалъ, такъ бы и совершилъ, прислалъ бы къ великому государю нашему, противъ его царского величества недруга, польского короля, съ нами, его царского величества послы, казны денежные въ помочь, чѣмъ бы великому государю нашему было своихъ ратныхъ людей противъ недруга своего пожаловать и противъ ево за его многіе неправды стоять; а то великому государю вашему, шахъ Аббасову

величеству, самому вѣдомо подлинно, что великого государя нашего великіе Російскіе государства великіе и многолюдные, только нынѣ за грѣхъ ото многіе розни и межьусобья въ безгосударное время, до великого государя нашего государства, и отъ войны польского Жигимонта короля, ратные государевы всякіе люди пооскудѣли, а казна неисчетная прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, прародителей великого государя нашего, въ безгосударное время, и отъ польского короля разорена, пожаловать ратныхъ людей нечѣмъ, и шахово бъ величество къ великому государю нашему нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ великому государю нашему, на вспоможенье противъ недруга государева, казны, чѣмъ бы великому государю нашему ратныхъ своихъ людей пожаловать. А какъ великій государь нашъ, его ц.в., съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ поуправитца, и великій государь нашъ, его ц. в., тое казну брату своему великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, заплатить велитъ, какими узорочьи изъ его великого государя нашего государствъ шахову величеству будетъ годно, да и сверьхъ того великій государь нашъ, его ц. в., брату своему, шахъ Аббасову величеству, противъ тое ево любви учнетъ воздавати своею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. И своихъ бы пословъ великій государь вашъ къ брату своему, къ великому государю нашему, съ ними вмѣстѣ и съ тою казною, что пошлетъ къ великому государю нашему, слалъ, и о всемъ бы съ ними великій государь вашъ къ великому государю нашему приказалъ подлинно, какъ имъ, великимъ государемъ нашимъ, впередъ быти въ крѣпкой брацкой дружбѣ и любви на вѣки неподвижно. А какъ великого государя вашего посолъ у царского величества будетъ, и великій государь нашъ велитъ своего царского величества думнымъ людемъ великого государя вашего съ посломъ о всякихъ о добрыхъ дѣлѣхъ говорити и становити, какъ имъ, великимъ государемъ, межъ себя быти впередъ въ брацкой любви и въ дружбѣ на вѣки неподвижно.

И будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, чтобъ государевы послы, князь Михайло Петровичь съ товарыщи, объявилъ, на каковѣ мѣрѣ царское величество съ шахъ Аббасовымъ величествомъ хочетъ быти въ братственной дружбѣ и въ любви, есть ли съ ними о томъ приказъ? а шахово величество хочетъ съ царскимъ величествомъ въ томъ на мѣрѣ положити и укрѣпитца вѣрою и грамотами, какъ имъ, государемъ, впередъ межъ себя въ брацкой дружбѣ и любви быти на вѣки неподвижно, и на недруговъ стояти заодинъ.—

И посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи,

говорити: шахово величество къ царскому величеству въ грамотѣ своей съ послы своими писалъ и словомъ послы его, Кая салтанъ да Булатъ бекъ царскому величеству на посольствѣ и въ отвѣтѣ съ царского величества бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородцкимъ, со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ съ товарыщи, говорили, что шахово величество съ царскимъ величествомъ учинился въ брацкой дружбѣ и въ любви такъ же, какъ былъ и съ прежними великими государи цари російскими въ дружбѣ и въ любви на вѣки, и по тому съ ними о томъ дѣлать не наказано, и намъ мимо наказъ о томъ и закрѣплять пельзя, а наказалъ бы о томъ шахово величество къ царскому величеству съ своими послы, какъ шахову величеству съ царскимъ величествомъ впередъ быти, и царское величество велитъ съ Аббасъ шахова величества послы своимъ царского величества бояромъ говорити и становити, и закрѣпити велитъ, а съ ними, послы, о томъ не наказано, и чего съ нами не наказано, того намъ дѣлать нельзя, того бъ на насъ шахово величество спрашивати не велѣлъ.

Да однолично князю Михайлу Петровичю съ товарыщи съ шаховыми людьми у шаха ни о чемъ не дѣлать и не закрѣплять; а говорити, чтобъ шахъ о большихъ дѣлѣхъ, какъ ему зъ государемъ впередъ быти, слалъ къ царскому величеству съ ними вмѣстѣ своего ближнего человѣка, о всемъ съ ними наказавъ подлинно, какъ ему съ царскимъ величествомъ въ братственной дружбѣ и въ любви быть. И царское величество велитъ съ шаховымъ ближнимъ человѣкомъ своимъ царского величества думнымъ людемъ говорити и утвердити, какъ имъ, государемъ, межъ себя въ дружбѣ и въ любви впередъ быти. А царского величества мысль на то крѣпко утвердилась, что его царское величество хочетъ съ шаховымъ величествомъ быти въ крѣпкомъ братствѣ и въ дружбѣ, и въ любви, на вѣки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди вспросятъ: пишетъ царское величество къ шаху о казнѣ на помочь противъ своего недруга, и они, послы, о томъ говорятъ,—какъ нынѣ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. съ польскимъ королемъ: даетъ ли ему, государю, Богъ помощь надъ его недругомъ? — и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити шаховымъ ближнимъ людемъ: какъ волею Всемогущего Бога великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., по племени великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ и по избранью всѣхъ людей Російскихъ государствъ, учинился на великихъ Російскихъ государствахъ великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с., и Божіею милостію, а его царскимъ счастьемъ

и премудрымъ разумомъ государства свои правитъ мирно и не мятежно, и другомъ своимъ дружбу, а недругомъ недружбу доводитъ, и польскихъ и литовскихъ людей изъ великихъ Російскихъ государствъ его царскимъ счастьемъ его царского величества бояре и воеводы выгнали, и его царского величества городы Російскаго государства, которые были въ смутное и въ безгосударное время засѣли польскіе и литовскіе люди, очистили, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, и живыхъ лутчихъ полковниковъ и ротмистровъ въ полонъ поимали больши 8000 человѣкъ, и всѣ его царского величества государства подъ его царскою высокою рукою въ соединеньѣ учинились и его царскому величеству служатъ съ радостію. А хоти и не вспросятъ, и имъ самимъ въ розговорѣхъ къ слову о томъ выговорити.

А будетъ шаховы ближніе люди молатъ, что имъ вѣдомо есть, что польской королевичь въ государеву землю пришолъ и Дорогобужъ и Вязьму взялъ; а Дорогобужъ и Вязьма Москвы блиско, и государевымъ людемъ польскіе люди сильны,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, говорити: было такъ, и оплоша за ссылкою Дорогобужъ польскіе люди были взяли, и королевичь польской приходилъ, а Вязьмы не имывали: пришли были къ Вязьмѣ, и государевы бояре и воеводы, сшодчися съ Волока, изъ Можайска и съ Калуги, польскихъ людей отъ Вязьмы отбили и многихъ побили, и Дорогобужъ осадили; а королевичь отшолъ въ Смоленескъ, а чаемъ нынѣ и въ Смолепскѣ королевича нѣтъ, пошелъ въ свою землю: людей у нихъ столько нѣтъ, сколько у царского величества землѣ ратныхъ людей, да по грѣхомъ люди пооскудѣли, а пожаловать нечѣмъ. А будетъ чѣмъ царскому величеству людей своихъ пожаловать, и польскимъ и литовскимъ людемъ стоять противъ царского величества людей будетъ нельзя.

А будетъ учнутъ ихъ спрашивати, колько государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. на помочь казны надобно, и они бъ объявили, а шахово величество за то брату своему не постоитъ,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, говорити: имянно съ нами о томъ царского величества приказу нѣтъ, только велѣлъ намъ царское величество брату своему, Аббасъ шахову величеству, о томъ говорити, чтобъ его, государя, для брацкіе любви ссудилъ казною, а въ томъ шахъ воленъ: чѣмъ государя нашего ссудитъ, то государь нашъ ц. в. шаху и заплатитъ. Царское величество ратнымъ своимъ людемъ, которые стоятъ противъ литовского, дастъ своего государева годового жалованья на годъ на два срока по 400.000 рублевъ, то стрѣльцомъ и казакомъ, опричь дворянъ и дѣтей бояр-

скихъ, только съ нами не наказано, чего у шахова величества просити.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что шахъ царское величество деньгами ссудитъ, только бы было чему вѣрити, и учнутъ имъ говорити, чтобъ они въ томъ дали запись, и крестъ на томъ цѣловали, что государю тѣ деньги заплатить, и учнутъ приговаривать сроки, или учнутъ говорити, чтобъ въ томъ далъ государь въ закладъ Астарахань, чтобъ они Астарахань въ закладъ записали и крестнымъ цѣлованьемъ утвердили,—и князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити: съ нами о томъ не наказано, колько казны просити и какъ въ томъ укрѣпитца, и намъ мимо государя своего наказъ собою ничего дѣлать нельзя. А послалъ бы шахово величество казну съ ними вмѣстѣ съ своими большими послы, съ ближними людьми, и съ ними бъ о томъ наказалъ, какъ въ той казнѣ съ царскимъ величествомъ укрѣпитца, и царское величество велитъ о томъ съ ними своимъ бояромъ ближнимъ говорити и закрѣпити. А царское величество государь праведной, премудрой, слово его царское иноко, что молвитъ, не бываетъ, въ томъ съ шаховымъ величествомъ въ нелюбьѣ быти не похочетъ, заплатити шаху тое казну по договору велитъ тотчасъ узорочными товары, которые въ его государствѣ ведетца.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити: какъ въ Астарахани былъ воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою, и прислалъ воръ Ивашко Заруцкой къ шахову величеству съ тѣмъ, будто онъ пришелъ въ Астарахань съ государскимъ сыномъ, и шахову бъ величеству за него вступитьца, и Московского государства людемъ ево не подать, и шахово величество ему не повѣрилъ, помочи никакіе ему не учинилъ, и тѣхъ посланниковъ, которые къ шахову величеству присланы были отъ Ивашка Заруцково, Ивана Хохлова съ товарыщи, къ государю отослалъ, и нынѣ бъ царское величество за тое его брацкую дружбу и любовь, свою любовь показалъ, поступился Астарахани шахову величеству; а шахово величество и впередъ царскому величеству противъ его недруговъ своею казною помочь учинитъ и будетъ въ крѣпкой дружбѣ и любви; а Астарахань искони вѣкъ мусулманского закона, и церкви въ ней бывали мусульманскіе вѣры, а взялъ Астарахань царь и в. кн. Иванъ Васильевичь в. Р. не въ давныхъ лѣтѣхъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити шаху, или его ближнимъ людемъ: то онъ великій государь, шахъ Аббасово величество, учинилъ, какъ есть великій и преславный государь, что такой воровской смутѣ не

повѣрилъ и помочи ему никакіе не учинилъ. И великій государь нашъ, его ц. в., за то также будетъ его шахову величеству противъ воздавати своею царскою братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. А Астарахани чтобъ великому государю нашему, его ц. в., поступитися шахову величеству, съ нами о томъ не наказано и не статочное то дѣло.

А нѣчто шаховы ближніе люди учнутъ спрашивать, чтобъ имъ князь Михайло съ товарыщи сказали подлинно, какими обычаи въ Російскихъ государствахъ смута сталась отъ польскихъ и литовскихъ людей, и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и литовскихъ людей свободилъ, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: какими обычаи въ Російскихъ государствахъ смута сталась отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей свободилъ, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и о томъ о всемъ подлинно писалъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. къ брату своему къ великому государю ихъ, къ шахъ Аббасову величеству, въ грамотѣ своей съ посланники своими съ Михайломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ, а послѣднее съ посланникомъ съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, да и рѣчью, чаю, въ розговорѣхъ шахову величеству, и имъ, ближнимъ людемъ, царского величества посланники Михайло и Олексѣй, и Ѳедоръ Левонтьевъ про то про все объявляли жъ, и имъ про то про все и до нихъ вѣдомо; а будетъ они и отъ нихъ нынѣ про то похотятъ вѣдать, и они имъ про то роскажютъ подлинно жъ: какъ Божіимъ судомъ великого государя ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., нынѣшняго великого государя нашего дяди, въ животѣ не стало, оставя земное царство отъиде въ вѣчное блаженство; а послѣ его, великого государя, по избранью Московского государства всякихъ чиновъ людей, былъ на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Російского царствія ц. и в. кн. Борисъ Ѳедоровичь в. Р., и въ прошломъ во 109-мъ году присылалъ къ царю Борису Жигимонтъ король польской и литовской пословъ своихъ великихъ, канцлера великого княжества литовского Льва Сопѣгу съ товарыщи, и приговорили тѣ послы царского величества зъ бояры перемирье межъ государемъ ц. и в. кн. Борисомъ и межъ Жигимонтомъ королемъ

польскимъ и литовскимъ, и межъ великихъ государствъ, на дватцать па два годы, съ лѣта 7109-го по лѣто 131-й годъ, и то перемирье царь Борисъ и Жигимонтъ король крестнымъ цѣлованьемъ своими душами закрѣпили, что было въ тѣ перемирные лѣта государемъ и государству съ государствомъ быти въ миру и въ дружбѣ и въ любви, а войны и ни которые недружбы не всчинать, и людей въ землю Московскаго государства не всылать, и черезъ свою землю никакихъ воинскихъ людей не пропускати, и недругомъ ни которымъ ни какими людьми и казною не вспомогать. И послѣ того укрѣпленья вскорѣ, нѣкоторой воръ чернецъ еретикъ, именемъ Гришка Отрепьевъ, изъ Московского государства, за нѣкоторые злые свои богомерскіе дѣла, збѣжалъ въ Литву, и скинувъ съ себя черное платье, и врагомъ рукописаніе на себя далъ: аще пріиметъ царскій престолъ, тотъ отъ Бога отлученъ будетъ, и назвался царевичемъ Дмитреемъ углетцкимъ, дѣда великого государя нашего, великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р., сыномъ; а царевича Дмитрея углетцкого не стало до того времяни за тринатцать лѣтъ. И какъ тотъ воръ рострига пришолъ въ Литву, и по совѣту и умышленью польсково радново пана воеводы сендомирского Юрья Мнишка, пристали къ тому вору литовскіе князи, князь Адамъ да князь Костянтинъ Вешневетцкіе, да Острянской староста Михайло Ратомской, и иные многіе польскіе и литовскіе люди, и привели того вора Гришку ростригу къ Жигимонту королю, именуючи его государскимъ сыномъ, буттося они про него подлинно вѣдаютъ, что онъ сынъ великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича в. Р., царевичь Дмитрей углетцкой. А тотъ воръ билъ челомъ королю о помочи, чтобъ ему быти на Московскомъ государствѣ государемъ. И король Жигимонтъ, поруша мирное постановенье и преступивъ свое крестное цѣлованье, что утверженно было съ царемъ Борисомъ ихъ душами, тому вору на вспоможенье далъ многую казну и людей противъ царя Бориса и Московского государства. А воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ зговорилъ за того вора дать дочь свою Марину, которая была съ воромъ с-Ивашкомъ Зарутцкимъ въ Астарахани, и многую ему казну на вспоможенье далъ, и самъ съ нимъ на украину Московскаго государства съ ратными людьми пошолъ. И пришолъ тотъ воръ Гришка Отрепьевъ и воевода сандомирской, со многими съ польскими и съ литовскими людьми, на украину Московскаго государства въ Сѣверскіе городы безвѣстно. А царь Борисъ, вѣдаючи мирное постановенье и межъ собою съ Жигимонтомъ королемъ о томъ укрѣпленье, въ Сѣверскихъ городѣхъ

отъ литовскіе украины прибыльныхъ ратныхъ людей не держалъ, и тотъ воръ нѣкоторые Сѣверскіе городы оплоша взятьемъ взялъ, а иныхъ городовъ Московского государства учалъ доступать, и грамоты король учалъ отъ себя писать на смуту во всѣ городы Московского государства ко всякимъ людемъ, именуючи того вора великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ углетцкимъ, чтобъ противъ его не стояли: и отъ того ихъ смутного письма въ украинныхъ въ дальнихъ городѣхъ незнающіе простые люди, и зъ Дону, и съ Волги, и съ Яика воры казаки почали быть въ смутѣ, къ тому вору приставать. А многіе люди Московского государства, помня Бога и свои души, на чомъ царю Борису правду учинили, крестъ цѣловали, и вѣдая про царевичеву княжь Дмитрееву Иваповича смерть, прогивъ того вора и польскихъ и литовскихъ людей стояли, и съ ними бились во многихъ мѣстѣхъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ тожъ время Божіимъ судомъ царя и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р. въ животѣ не стало, и въ государствѣ Московскомъ учала быть рознь и межусобная брань и кровопролитье, которые повѣрили такой смутѣ, и къ тому вору пристали многіе люди, и бояръ и воеводъ, которые были въ полкѣхъ и по городомъ, связавъ, къ тому вору приводили. И вражьимъ дѣйствомъ, а умышленьемъ и вспоможеньемъ Жигимонта короля польсково и литовского, тотъ воръ дошелъ до царствующего града Москвы. И злокозненнымъ дьявольскимъ дѣйствомъ тотъ воръ богоотступникъ еретикъ и царского престола достигъ, и государемъ московскимъ именовался; а съ нимъ пришли въ царствующій градъ Москву многіе польскіе и литовскіе люди. И учинясь на Московскомъ государствѣ тотъ воръ государемъ, многихъ бояръ и воеводъ и всякихъ людей по городомъ въ заточенье розослалъ, а иныхъ смертными казньми казнилъ. А потомъ къ тому вору пришелъ изъ Литвы воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ со многими польскими и литовскими людьми, а привезъ съ собою воевода сендомирской по договору съ тѣмъ воромъ дочь свою Марину, и далъ ему въ жену. Да съ воеводою жъ сендомирскимъ вмѣстѣ пришли отъ короля къ тому жъ вору послы Миколай Олешнитцкой, каштелянъ мологоской, да Олександръ Гасевской, дворянинъ королевской, поздравляючи его на государствѣ и объявляючи ему король свою дружбу, что онъ учинился на Московскомъ государствѣ его королевскимъ вспоможеньемъ. И будучи на Москвѣ польскіе и литовскіе люди, по повелѣнью того вора, почали вѣрѣ крестьянской многое поруганье чинити и Московского государства людемъ многое

насильство дѣлати. И умыслилъ былъ тотъ воръ Гришка съ поляки митрополитовъ и архіепископовъ, и бояръ, и воеводъ, и всякихъ чиновъ людей лутчихъ побити, а Московское государство къ Польшѣ и къ Литвѣ прилучити, а нашу истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона разорити, а свою латыньскую вѣру утвердити. А Московское государство великое и широкое: изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Сибири и изъ Астарахани, и изъ иныхъ мѣстъ въ годъ одва пріѣзжаютъ, и многіе ратные люди въ то время были въ такихъ въ дальнихъ мѣстѣхъ. А которые Московского государства люди были въ Московскомъ государствѣ и вѣдали про того вора, да стати противъ его не могли: служилые всѣ люди были въ отъѣздѣ. А какъ служилые и всякихъ чиновъ люди съѣхались изъ дальнихъ мѣстъ, и соединясь единомышленно и обличя того вора по его злымъ воровскимъ дѣломъ, злой смерти предали; а воеводу сендомирсково зъ дочерью и его пріятелей Вишневетцкихъ и иныхъ многихъ польскихъ и литовскихъ людей бояре отъ смерти уберегли. А посломъ королевымъ ни въ чемъ никоторого безчестья не учинено, и честь имъ была, и кормъ давали по посольскому обычаю по прежнему безъ убавки. И вскорѣ по убивствѣ того вора, Московского государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди служилые и земскіе избрали на Московское государство и на всѣ государства Російского царствія государемъ изъ бояръ отъ рода Суздальскихъ князей, князя Василья Ивановича Шуйского. И учинясь на государьствѣ царь и великій князь Василей Ивановичь в. Р., послалъ въ Литву къ Жигимонту королю посланниковъ своихъ князя Григорья Волконского да дьяка Ондрея Иванова, объявляючи ему про свое государство и припоминая ему его неправду, какъ онъ свое крестное цѣлованье преступилъ и мирное постановенье порушилъ, такую смуту и напрасное кровопролитіе въ людехъ учинилъ, и прислалъ бы къ нему пословъ своихъ, наказавъ имъ подлинно, какъ такіе великіе неправды, которые учинились съ его сторону, исправити, и многіе неисчетные убытки, которые учинились отъ него Московскому государству, заплатити. И Жигимонтъ король польской съ тѣми посланники къ царю Василью писалъ и приказывалъ, что онъ о всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ шлетъ къ нему своихъ посланниковъ, и къ посломъ своимъ, которые въ то время были на Москвѣ, подлинной указъ свой пришлетъ, какъ имъ о всякихъ о добрыхъ дѣлехъ договоръ учинити и становити. И присылалъ къ царю Василью Жигимонтъ король посланниковъ своихъ, Станислава Витовского, войского парцовского, да князя Яна зъ Друтца Соколинского, секретарей своихъ; а самъ король и паны рада, умысля

Московское государство разорити, больши прежнего устремились въ Московскомъ государствѣ смуту дѣлати и кровь напрасную проливать, пустили славу во всѣ пограничные мѣста Московского государства и на Донъ хъ казакомъ, буттось тотъ воръ, которой былъ на Москвѣ государемъ, съ Москвы ушелъ и у нихъ въ Польшѣ, а въ его мѣсто бутто убитъ нѣкоторой полякъ. Да умысля и изыскавъ, выслалъ на украину Московскаго государства въ Сѣверскую землю иного вора родомъ жидовина, называючи его царемъ, тѣмъ же именемъ, которымъ прежней воръ рострига назывался, Дмитреемъ, буттось тотъ воръ съ Москвы отъ убивства убѣжалъ. А къ нему пришли на украину по королевскому велѣнью князь Романъ Ружинской да Олександръ Зборовской, да князь Адамъ Вишневетцкой, да Янъ Петръ Сопѣга, да Самойло да Янъ Кишкѣевичи, именуючись гетманы и полковники, и иные полковники и ротмистры со многими польскими и съ литовскими людьми, и розсылали смутные грамоты во всю Сѣверскую землю по городомъ и по мѣстомъ, именуючи того вора прежнимъ воромъ Дмитреемъ. И многіе малодушные сѣверскихъ украинныхъ городовъ казаки и боярскіе холопи и худые люди такимъ ихъ смутнымъ грамотамъ повѣрили, а иные, видя отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей себѣ разоренье и войну, къ тому вору пристали, и почала быть въ людехъ рознь и кроворозлитье больши прежнево, и многіе городы сѣверскіе и отъ польскіе украйны тому другому вору почали здаватца тою смутою и рознью, и для многіе войны и разоренья отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей. А потомъ, тотъ воръ, собрався съ польскими и съ литовскими со многими людьми, и съ казаки и съ черкасы, устремились итти подъ царствующій градъ Москву, и пришелъ блиско Москвы, таборомъ сталъ и по городомъ въ уѣзды такіе жъ смутные грамоты послалъ, и войну роспустилъ, и почалъ Московское государство разоряти, села и деревни жечь, и людей въ полонъ имать, а иныхъ побивать и грабить, и кровь напрасную проливать безъ милости; а иные учали прельщатися на его вражью воровскую прелесть. А которые послы и посланники Жигимонта короля въ то время были на Москвѣ, и они, по приказу Жигимонта короля и видя такое разоренье Московскому государству, никоторого доброго дѣла не дѣлали, хъ королю о его неправдѣ не посылали, и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые пришли съ воромъ, отъ кроворозлитья не унимали, а говорили многіе несхожіе мѣры, и говоря много зъ бояры, по многіе дни съѣзжались, приговорили перемирье межъ царемъ Васильемъ и польскимъ Жигимонтомъ королемъ и межъ ихъ государствъ вновь на четыре годы на томъ, что царю Василью

отпустить въ Литву воеводу сендомирского зъ дочерью и всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые задержаны были на Москвѣ въ ихъ неправдахъ. А королю было, какъ отъ пословъ вѣсть къ нему придетъ, польскихъ и литовскихъ людей, которые съ воромъ, изъ Московского государства вывести всѣхъ до одново человѣка, а о большихъ дѣлѣхъ, о договорѣ, какъ тѣ нарушеные дѣла исправити, и о убыткахъ, что учинилось Московскому государству отъ короля, слати на съѣздъ на рубежъ съ обѣ стороны большихъ пословъ, и о всемъ о добромъ дѣлѣ договоръ учинити и постановити. Да на томъ на всемъ царь Василей литовскому Жигимонту королю на перемирной грамотѣ крестъ цѣловалъ; а за короля послы его и посланники крестъ цѣловали, и отпущены тѣ послы и посланники королевы отъ царя Василья съ честью по прежнему обычаю. А съ ними вмѣстѣ отпущены воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ зъ дочерью и съ его пріятели, и многіе именитые польскіе и литовскіе люди, которые были задержаны въ Московскомъ государствѣ за ихъ неправды. А на томъ воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ и сынъ его староста сепацкой, да Жигимонтъ Тарло и иные паны лутчіе за всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые отпущены, присягу дали, крестъ цѣловали, что было имъ къ тому вору, которой стоитъ подъ Москвою, не пристати, и съ польскими и съ литовскими людьми, которые при томъ ворѣ, въ соединеньѣ не быти, и Московскому государству лиха никоторого не дѣлать, да и проводить ихъ до границы царь Василей людей своихъ послалъ. И воевода сендомирской по королевскому жъ велѣнью съ своими пріятели то крестное цѣлованье преступили, вышедъ изъ царствующаго града Москвы, съ тѣмъ воромъ, которой въ то время стоялъ подъ Москвою, и съ польскими и съ литовскими людьми, которые были при томъ ворѣ, сослались, и московскихъ провожатыхъ, которые ихъ посланы провожать, многихъ побили, а иныхъ въ полонъ поимали; а сами послы Жигимонта короля, Миколай Олешницкой, каштелянъ мологотцкой съ товарыщи, и воевода сендомирской съ своими пріятели и зъ дочерью, пришли къ тому вору въ таборы, и пришедъ къ тому вору въ таборы, воевода сендомирской и дочь свою за того другово вора далъ, и съ нимъ былъ въ таборехъ и на всякое зло ево поучали, и обычаи всякіе прежнего вора розстриги тому вору розсказалъ, и по его злому совѣту и умыслу тотъ воръ пытался къ государству Московскому всякими мѣрами, розными бои и приступомъ къ городу. И Божіею милостію тотъ воръ у Москвы хотѣнья своего не получилъ: многихъ у него польскихъ и литовскихъ людей, изъ Москвы выходя, побили и изъ табора ихъ выгнали. И тотъ воръ, съ польскими и съ

литовскими людьми выбѣжавъ изъ таборъ исъ подъ Москвы, учалъ стоять въ городѣ Колугѣ, отъ Москвы во стѣ восмидесятъ верстахъ, и учалъ ссылатися съ литовскимъ же Жигимонтомъ королемъ о всякомъ зломъ умышленьѣ на разоренье Московского государства. А Жигимонтъ король того нового перемирья и крестного цѣлованья пословъ своихъ и посланниковъ, что закрѣпили па Москвѣ при царѣ Васильѣ, ни мало не здержалъ, па большое кроворозлитіе устремился, не токмо что по договору пословъ своихъ и посланниковъ и по ихъ крестному цѣлованью, изъ Московского государства польскихъ и литовскихъ людей вывести велѣлъ, и самъ пришолъ ратью и съ нарядомъ Московского государства къ городу къ Смоленску, со многими съ польскими и съ литовскими и иныхъ розныхъ земель съ наемными людьми, и городъ Смоленескъ осадивъ, по городу изъ наряду велѣлъ бити, розными приступы и подкопы города Смолепска доступалъ, не памятуя своего прежнего и пословъ своихъ послѣднихъ крестного цѣлованья. А подъ царствующій градъ Москву прислалъ гетмана польского Станислава Желковского и полковниковъ и ротмистровъ, со многими жъ польскими и съ литовскими и съ нѣмецкими людьми. А вору, которой отшедъ отъ Москвы, сталъ былъ въ Колугѣ, велѣлъ король итти со всѣми польскими и съ литовскими людьми подъ Москву жъ. И стали подъ Москвою зъ дву сторонъ: съ одну сторону гетманъ польской Станиславъ Желковской и съ полковники, и съ ротмистры, со многими людьми; а зъ другую сторону съ воромъ гетманъ же Янъ Петръ Сопѣга, со многими жъ съ польскими и литовскими людьми. А въ то жъ время, по ссылкѣ литовского жъ Жигимонта короля, пришли въ землю Московского государства въ повгородцкіе и во псковскіе мѣста нѣмецкіе воинскіе люди. И царь Василей, оберегаючи своей земли, послалъ зъ бояры и съ воеводы свой дворъ, многихъ ратныхъ людей, въ великій Новгородъ и во Псковъ, а на Москвѣ остались бояря и воеводы и ратные люди немногіе; а иные бояря и воеводы, которые были по городомъ, Михайло Салтыковъ съ товарыщи, забывъ Бога и свои души, па чомъ царю Василью крестъ цѣловали, измѣнили, отъѣхали къ литовскому Жигимопту королю. И умысля съ ними, польской Жигимонтъ король писалъ и приказывалъ зъ гетманомъ съ Станиславомъ Желковскимъ па Москву къ бояромъ и воеводамъ и всякихъ чиновъ людемъ служилымъ и жилецкимъ, бутто опъ, жалѣючи о крестьянствѣ и хотя Московское государство успокоити и кроворозлитіе упяти, самъ пришолъ въ землю Московскую на украину, а гетмана Желковского послалъ подъ Москву, будтось не для войны, для договору о добромъ дѣлѣ, и чтобъ московскіе

всякіе люди для покою хрестьянского взяли на государство его королева сына королевича Владислава; а сынъ ево будетъ на Московскомъ государствѣ въ нашей православной хрестьянской вѣрѣ греческаго закона во всемъ по тому, какъ были прежніе великіе государи на Московскомъ государствѣ, и ни въ чемъ никоторыхъ заповѣдей не порушити. Да и листъ статейной король за своею рукою и за печатью къ бояромъ прислалъ, какъ сыну его быти на Московскомъ государствѣ. А въ листу король писалъ, что сыну его быти на Московскомъ государствѣ въ нашей вѣрѣ греческаго закона и во всемъ по тому, какъ прежніе московскіе великіе государи были, а съ нимъ польскимъ и литовскимъ людемъ на Москвѣ не быти, и въ урядѣхъ на Москвѣ и по городомъ, и въ порубежныхъ мѣстехъ полякомъ и литвѣ не быти жъ, и истинные нашіе православные хрестьянскіе вѣры ничѣмъ не рушити, и костеловъ на Москвѣ и по городомъ не ставити, и вѣрѣ нашей поруганья никоторого не дѣлати, также патріарха московского и митрополитовъ, и архіепископовъ, и всего освященного чину людей честно имѣти. А къ тому многіе иные земскіе дѣла въ томъ листу написаны по статьямъ, какъ было королевичю быть на государствѣ и правити всякіе дѣла по тому договору. И многіе люди Московского государства, которые были въ то время на Москвѣ, слыша такое королевское письмо, чая въ томъ правды и видя такое утѣсненье отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и въ осадѣ будучи, всякіе нужи и голоду не мога терпѣти, почали быти въ шатости. А боляре и воеводы и всякихъ чиновъ люди, которые въ то время были на Москвѣ не многіе, били челомъ государю царю и великому князю Василью Ивановичю в. Р., чтобъ государство свое для покою хрестьянского отставилъ, и царь Василей государство свое отставилъ. А многіе бояря и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяня большіе, и дворяня изъ городовъ, и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе служилые люди въ то время были въ дальнихъ мѣстехъ противъ нѣмецкихъ людей и въ Сибири, и въ иныхъ дальныхъ странахъ, а про то не вѣдали, что учинилось надъ государемъ на Москвѣ. И отставя государя отъ государства, московскіе бояря и воеводы, и дворяня, и всякихъ чиновъ люди, которые были на Москвѣ немногіе люди, отъ тѣсноты и отъ осаду польскихъ и литовскихъ людей, изобрали были на Московское государство Жигимонта королева сына Владислава, и съ польскимъ гетманомъ Станиславомъ Жолковскимъ о всѣхъ статьяхъ, какъ королевичю быти на государствѣ, договоръ учинили, и записьми и крестнымъ цѣлованьемъ утвердились. А цѣловали крестъ за Жигимонта

короля польского и за сына его Владислава, и за всю польскую и литовскую землю гетманъ коруннои Станиславъ Желковской, и полковники, и ротмистры на томъ, что было гетману Станиславу Желковскому со всѣми польскими и литовскими людьми отъ Москвы отойти, и воинскихъ людей всѣхъ изъ Московского государства вывести вонъ; а королю было отъ Смоленска отойти прочь въ Литву, и Смоленску лиха ни которого не учинити. Да по тому договору и укрѣпленью пошолъ къ Жигимонту королю подъ Смоленескъ съ Москвы великій господинъ митрополитъ Ѳиларетъ ростовскій и ярославскій, да въ послѣхъ бояринъ князь Василей Васильевичь Голицынъ съ товарыщи, и дворяня, и всякихъ чиновъ люди. А на Москвѣ почалъ быть во правительствѣ и владѣти во всемъ, пріѣхавъ отъ короля, по повелѣнью Жигимонта короля Московского государства измѣнникъ, что былъ бояринъ Михайло Глѣбовъ сынъ Салтыковъ, съ своими совѣтники, которые были съ нимъ у короля. А гетманъ коруны польскіе Станиславъ Желковской, преступя крестное цѣлованье, отъ Москвы съ ратными людьми не отшелъ, и умысля вмѣстѣ Московского государства с-измѣнники, съ Михайломъ Салтыковымъ и съ его совѣтники, по королевскому велѣнью, обманомъ, будто для береженья отъ воровскихъ людей, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей пустилъ въ Москву въ каменные городы. И царя и великого князя Василья и великихъ бояръ, братью его, отдали тому гетману Станиславу Желковскому, утаяся ото всѣхъ людей, а онъ ихъ отослалъ къ Жигимонту королю, черезъ крестное цѣлованье. И видя такіе злые дѣла святѣйшій Ермогенъ патреархъ московскій и всеа Русіи, тѣхъ измѣнниковъ въ ихъ злыхъ дѣлѣхъ обличалъ, и по всѣмъ городомъ грамоты отъ себя писалъ, что Московскому государству разоренье и крестьянской вѣрѣ поруха чинитца. А король того приговору, на чомъ учиненъ съ гетманомъ съ Станиславомъ Желковскимъ и крестнымъ цѣлованьемъ укрѣпленъ, ничего не здержалъ и крестное цѣлованье гетмана и полковниковъ и ротмистровъ порушилъ, Московского государства великихъ пословъ у себя задержалъ, и многое имъ безчестье и тѣсноту подъ Смоленскимъ учинилъ и, перековавъ, розослалъ ихъ въ заточенье въ Польшу и въ Прусы, чего николи ни въ которыхъ государьствахъ такъ надъ послы не ведетца, что Жигимонтъ король надъ ними, великими послы, учинилъ; а сына своего на государство Московское по своему договору не далъ и самъ отъ Смоленска не отшелъ.

А польскіе и литовскіе люди, которые на Москвѣ вошли въ городъ и на Москвѣ и въ городѣхъ урядниковъ своихъ по приказомъ

учинили, и на Москвѣ жъ и по городомъ многіе зборы денежные и кормы немѣрные почали збирать и Московского государства всякимъ людемъ великіе налоги и насильства учали чинить, и истинной нашей православной хрестьянской вѣрѣ греческаго закона поругапье дѣлати и костелы своей вѣры на Москвѣ учинили, и въ свою ляцкую вѣру учали Московского государства людей сильно приводити, и по городовымъ воротамъ и по улицамъ у рѣшотокъ сторожей поставили своихъ польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей, и учали приводить по нашей вѣрѣ хъ крестному цѣлованью на Москвѣ и въ городѣхъ на королевское на Жигимонтово имя, мимо сына ево королевича Владислава. И Московского государства бояря и воеводы, и всякіе люди, видя ту королевскую неправду, многижда о томъ къ Жигимонту королю писали и посылали говорити, чтобъ онъ, Жигимонтъ король, въ своей правдѣ стоялъ, на чемъ душею его гетманъ коруппой Станиславъ Желковской ко всему Московскому государству за него и за сына его королевича Владислава крестъ цѣловалъ: сына своего королевича Владислава на Московское государство въ нашей православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона далъ вскорѣ, и отъ города отъ Смоленска отшелъ, и ратныхъ своихъ людей изъ Московского государства вывести велѣлъ, и Московского государства пустошити, и своей латынской вѣры розпространити въ нашемъ Московскомъ государствѣ не велѣлъ. И Жигимонтъ король польской и паны рада, забывъ гетманскова крестного цѣлованья, и нашего прошенья не послушали, и больши прежнево на всякое зло на Московское государство учали умышляти: сына своего королевича Владислава на Московское государство въ нашей вѣрѣ по договору не далъ, и отъ Смоленска не отшелъ, и Смолепескъ за крестнымъ цѣлованьемъ взятьемъ взялъ, и многихъ бояръ и дворянъ и всякихъ людей отъ мужеска полу и женска и до сущихъ младенецъ безъ милости побилъ, и неповинную многую кровь пролилъ. А которые ево польскіе и литовскіе и нѣметцкіе люди въ Москвѣ были, и тѣ по ево жъ велѣнью царствующій градъ выжгли и церькви и монастыри осквернили, и честные иконы и многоцѣлебные чюдотворные мощи обругали, и патріярха Гермогена съ великимъ безчестьемъ съ престола свергли, и въ заточенье посадя, уморили; а бояръ большихъ думныхъ, князя Ондрея Васильевича Голицына, и иныхъ бояръ и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей, и гостей, и всякихъ торговыхъ, и жилетцкихъ людей безчисленное множество мужеска полу и женска, и до сущихъ младенецъ побили, и кровь многую неповинную пролили; а царьскую казну, многое собранье изъ давныхъ

лѣтъ прежнихъ царей, ихъ царьскіе утвари и всякое царское достоянье хъ королю отослали и по себѣ, розграбя, роздѣлили, и царствующій градъ Москву польскіе и литовскіе люди засѣли. И видя такіе великіе бѣды и разоренье Московскому государству, а литовского Жигимонта короля неправду и злокозненной ево умыслъ, и слыша то, что царя Василья къ литовскому королю отослали, царствующій градъ Москву засѣли, во всѣхъ городѣхъ Московского государства бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и дворяня, и дѣти боярскіе, и всякіе служилые и жилетцкіе люди, межъ собою сослався, совѣтъ учинили, и крестнымъ цѣлованьемъ укрѣпились, что всѣмъ противъ Жигимонта короля и сына его Владислава за истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона и за государство Московское на польскихъ и литовскихъ людей стояти заодинъ, и короля и королевича на Московское государство никакъ не хотѣть. И собрався, пришедъ подъ Москву, стояли подъ Москвою два года; къ Москвѣ, къ большому каменному городу и хъ Китаю и хъ кремлю приступали, и въ приступехъ и на выласкахъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И первое взяли каменной большой городъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ и нѣметцкихъ людей въ то взятье побили безчисленно, и живыхъ поимали больши четырехъ тысечь человѣкъ, а достальные польскіе и литовскіе люди сѣли въ Китаѣ да въ кремлѣ, и сидѣли цѣлой годъ. А бояре паши и всякіе ратные люди со всѣхъ сторонъ хъ Китаю и хъ кремлю приступомъ приступали, и изъ наряду по городу били, и ежеденъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ прошломъ во 120 году въ августѣ мѣсяцѣ присылалъ Жигимонтъ король къ польскимъ и къ литовскимъ людемъ, къ московскимъ сидѣльцомъ, на помочь гетмана литовского Карлуса Хоткѣева, со многими польскими и съ литовскими и съ нѣмецкими людьми, и съ венгры, и иныхъ земель съ наемными со многими людьми. И Московского государьства бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и дворяня со многими ратными людьми гетмана встрѣтили, не допустя Москвы, и дѣло съ нимъ учинили, и бились съ нимъ, не ссѣдая съ коней три дни, день и ночь, и Божіею милостію гетмана Карлуса побили на голову и живыхъ въ полонъ взяли больши десети тысечь человѣкъ; а гетманъ побѣжалъ въ Литву не со многими людьми, и послалъ о томъ отъ себя хъ королю, чтобъ король, собрався, самъ шолъ, а его побили. И король тотчасъ по гетмановѣ присылкѣ учалъ збиратца. И бояре и воеводы, слыша королевской зборъ, что, собрався, хочетъ къ Москвѣ самъ приходить, и пошли къ городомъ хъ Китаю

и хъ кремлю приступомъ со всѣхъ сторонъ, и Божіею милостію Китай и кремль городъ взяли и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, больши пятинатцати тысечь, а достальныхъ, пана Миколая Струса, старосту хмелинского и любетцково, которой тутъ былъ въ Москвѣ въ гетманское мѣсто, и капитановъ и ротмистровъ, и всякихъ служилыхъ людей взяли живыхъ зъ деветь тысечь человѣкъ. А какъ Божіею милостію царствующій градъ Москву бояре и воеводы и всякіе ратные люди отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистили, а король въ тѣ поры приполъ въ Московское государство самъ, а съ нимъ гетманъ Карлусъ Хоткѣевъ со многими съ польскими и съ литовскими и съ нѣмецкими и розныхъ земель со многими съ наемными людьми, и бояре и воеводы противъ короля посылали воеводъ многихъ, а съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей. И воеводы съ королемъ бились блиско Волока Ламсково два дни, не ссѣдая съ коней, и многихъ людей у короля побили, больши тысечи человѣкъ живыхъ взяли. И король съ того бою отшелъ въ Литву съ великимъ страхованьемъ, и по городомъ и по острошкамъ по многимъ, гдѣ польскіе и литовскіе люди сидѣли въ Московскомъ государствѣ, польскихъ и литовскихъ людей побили, и изъ Московского государства польскихъ и литовскихъ людей выгнали. А на великихъ государствахъ на Владимерскомъ и на Московскомъ, и на Новгородцкомъ, и на царствахъ Казанскомъ и Астарахапскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія учинились по Божіей милости и по племени великихъ государей царей російскихъ, и по избранью и по челобитью Московского государства царей, царевичей, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и бояръ и окольничихъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ людей, всѣхъ городовъ всего великого Московского государства, великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ, и выпѣ подъ его царьского величества высокою рукою всѣ его великіе государства въ соединеньѣ и въ тишинѣ. И его царскимъ счастьемъ и къ Богу вѣрою и молитвою, и премудрымъ его царьского величества разумомъ и бодроопаснымъ осмотрительствомъ строитца все доброе. И городы Російсково государства, которые были позасѣли въ смутное въ безгосударное время польскіе и литовскіе люди, Дорогобужъ, Вязьму, Бѣлую, Путивль, Черниговъ, и иные городы, и тѣ всѣ городы царьского величества бояре и воеводы и царьского величества ратьми очистили, и польскихъ и литовскихъ людей многихъ побили, и живыхъ поимали,

и Литовскую землю во многихъ мѣстѣхъ воевали, и городы многіе, поимавъ, сожгли; а въ городѣхъ и на боѣхъ многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, а живыхъ взяли полковниковъ и ротмистровъ и капитановъ, и съ тѣми, что взяты на Москвѣ, больши сорока тысечь человѣкъ въ одномъ царьского величества городѣ въ Смоленскѣ, польскіе люди въ осадѣ сидѣли. А въ прошломъ во 124 году, по присылкѣ пановъ радъ коруны польскіе и великого княжества Литовского къ великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи самодержца, его царского величества къ бояромъ, съѣзжались съ великого государя нашего повелѣнья, подъ царского величества отчиною, подъ Смоленскомъ, царского величества зъ бояры, зъ бояриномъ и намѣсникомъ казанскимъ, со княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ, да зъ бояриномъ и намѣсникомъ нижегородцкимъ, со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ Ярославскимъ, да съ окольничимъ и намѣсникомъ колужскимъ съ Ортемьемъ Васильевичемъ Измайловымъ съ товарыщи, паны рада коруны польскіе и великого княжества Литовского князь Христопъ Казимирскій бискунъ кіевскій, да гетманъ навышшей великого княжества Литовского Карлусъ Хоткѣевъ, да Миколай Глѣбовичь зъ Дубровны воевода Мстиславской, да гетманъ полной князь Христопъ Радивилъ съ товарыщи, межъ великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи самодержца, и межъ польсково Жигимонта короля о дружбѣ и о любви, а межъ государствъ о покоѣ и о тишинѣ говорити и становити. А мирилъ великого государя нашего съ польскимъ королемъ цесарь римскій, и посолъ его Эразмусъ Ганделіусъ тутъ-же былъ на съѣздѣ. И доброе дѣло межъ государей еще не сталось; а на росходѣ былъ межъ государя нашего и польскихъ людей бой: засылали польскіе и литовскіе послы умышленьемъ на государевыхъ людей полковника Томашевского со многими польскими, и съ литовскими, и съ нѣметцкими людьми, оплоша за ссылкою: только царьского величества ратнымъ воеводамъ о томъ вѣдомо учинилось напередъ ихъ приходу. И царьского величества воеводы посылали на нихъ царьского величества лехкихъ воеводъ съ ратными людьми, и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей побили всѣхъ на голову; а полковника Томашевского и ротмистровъ всѣхъ ротъ и порутчиковъ, и знаменщиковъ, и трубачеевъ и лутчихъ гусарей и рейтаровъ поимали живыхъ съ четыреста человѣкъ. А подъ Смоленскомъ государевы люди стояли осадивъ Смоленескъ, больши трехъ лѣтъ съ тѣхъ мѣстъ, какъ великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи

учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російсково царьствія, и многіе государевымъ людемъ съ польскими и съ литовскими людьми бои бывали и крови многіе на обѣ стороны лились, и царскому величеству въ его царской казнѣ многіе убытки были: еже годъ царьское величество всѣмъ ратнымъ людемъ жалованье денежное давали и хлѣбными запасы подмогали безпрестанно. И тѣ люди, которые были подъ Смоленскомъ, царскому величеству били челомъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ велѣлъ изъ подъ Смоленска перемѣнить. И царское величество послалъ былъ тѣмъ людемъ перемѣну, свои царскіе рати съ бояриномъ и воеводою со княземъ Юрьемъ Яншеевичемъ Сулешевымъ: и въ тѣ жъ поры пришли изъ Польши и изъ Литвы на помочь смоленскимъ сидѣльцомъ многіе польскіе и литовскіе люди, и государевы люди изъ подъ Смоленска пошли прочь, не дождався боярина князя Юрья Яншѣевича Сулешева. И царьское величество боярину своему князю Юрью Яншѣевичу велѣлъ съ тѣми ратными людьми итти назадъ къ себѣ ко государю, что ужъ тѣ люди хъ которымъ онъ посланъ, отъ Смоленска отошли. И какъ бояринъ князь Юрьи Яншѣевичь съ ратными людьми воротился, и литовскіе люди пришли изгономъ подъ государевъ городъ подъ Дорогобужъ безвѣстно и Дорогобужъ взяли, и нынѣ польскіе и литовскіе люди въ государевѣ землѣ въ Смоленскѣ и въ Дорогобужѣ и къ Вязьмѣ были пришли, и царского величества бояре и воеводы пошли на тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей съ Волока, изъ Можайска и съ Колуги, и польскихъ и литовскихъ людей подъ Вязмою побили, и въ Дорогобужѣ польскихъ и литовскихъ людей осадили, и чаемъ милости Божіей, что милосердый Богъ за великого государя нашего правду надъ тѣми польскими и литовскими людьми побѣду и одолѣнье подастъ: отовсюды царского величества рати прибываютъ.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити о которомъ шаховѣ послѣ, или о посланникѣ и гонцѣ, у которыхъ взяты будетъ животы, или граблены въ Росискомъ государствѣ при ворѣ, которой стоялъ въ Тушинѣ, или въ безгосударное время, какъ польскіе и литовскіе люди сидѣли въ Москвѣ, чтобъ сыскавъ, у кого что взято, государь велѣлъ заплатити.—

И посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: вѣдомо государя вашего послу Амиръ Али беку, какая смута была въ Російскомъ государствѣ отъ польского короля и отъ паповъ радъ — первое: ворами, насылаючи, Московское государство розорялъ, а послѣднее: съ сыномъ за крестнымъ цѣлованьемъ хотѣлъ Московскимъ

государствомъ самъ къ Польшѣ и къ Литвѣ завладѣти. А какъ послапники ево пошли въ Астарахань, а Астарахань въ тѣ поры была въ смутѣ, и ихъ изъ Астарахани, пришодъ подъ Москву въ таборъ къ вору, которой назывался царевичемъ Дмитреемъ, въ первого нора въ Ростригино мѣсто, и будучи они подъ Москвою, и вражью прелесть и смуту всю видѣли сами, на тѣхъ ворѣхъ и пытати нѣчево: все было воровское, злое, розбойничье. А какъ воръ изъ подъ Москвы побѣжалъ, и польскихъ и литовскихъ людей изъ таборъ выгнали, и посла Амиръ Али бека и гонца Мегибъ бека съ людьми царь и великій князь Василей Ивановичь всеа Русіи велѣлъ взяти исъ таборъ къ Москвѣ, и на Москвѣ имъ велѣлъ кормъ давати, и честь держати, какъ есть великого государя посломъ. А быти имъ у царя Василья не лучилось, что ево, государя, зашли многіе скорби и кручины, видячи въ государствѣ смуту и рознь. А хоти будетъ имъ въ тѣ поры въ кормѣхъ недостатокъ и былъ, и они сами видѣли, какъ было опустошено и разорено Російское государство, и царьствующій градъ Москва былъ въ осадѣ, во всемъ было недостаточно. А какъ царь Василей по челобитью московскихъ людей государство отставилъ, а изобрали на Московское государство королевича, и что надъ царьствующимъ градомъ здѣлалося, то шаховъ посолъ Амиръ Али бекъ и гонецъ Мегибъ бекъ сами видѣли: нихто былъ московскихъ бояръ въ тѣ поры не волепъ, что было имъ дѣлати. А какъ посолъ Амиръ Али бекъ съ Москвы отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей ушелъ въ полки къ бояромъ и воеводамъ, и ему бояре и воеводы честь воздали, кормъ велѣли давати доволепъ, и отпустили ево по его волѣ въ Нижней, и тамъ ему кормъ былъ доволенъ, и честь во всемъ по посольскому обычаю; а гонецъ Мегибъ бекъ сидѣлъ въ Москвѣ съ польскими и съ литовскими людьми въ осадѣ и до тѣхъ мѣстъ, какъ царьского величества бояре и воеводы царьствующій градъ Москву взяли. А какъ Москву взяли, и гонцу Мегибъ беку во всемъ честь же учинили и отпустили ево съ Москвы въ Нижней по его жъ волѣ, и кормъ доволенъ велѣли давати; а хотѣли ихъ отпустити къ шахову величеству, да не отпустили за тѣмъ, что Астарахань въ тѣ поры была въ смутѣ и дорога затворена. А какое будетъ безчестье, или будетъ животы и товары, какіе у шаховыхъ людей къ таборехъ и па Москвѣ, и въ Колугѣ поимали воры, и то дѣлали польскіе и литовскіе люди и Московского государства измѣнники, которые розоряли Московское государство въ таборѣхъ и па Москвѣ вмѣстѣ съ польскими и съ литовскими людьми, и того сыскать негдѣ, то шахову величеству самому вѣдомо, какая

была казна несчетная прежних великих государей царей російских собранье отъ многих лѣтъ, всякіе царьскіе дорогіе вещи, чаемъ, ни въ которых государствах таких дорогих вещей не бывало: то все польскіе и литовскіе люди Московского государства с-ызмѣнники розграбили и къ королю отослали, а иное по себѣ роздѣлили, и церкви Божіи и чюдотворные гробы разорили, а Московского государства бояре, будучи въ неволѣ, и за то не стояли, не токмо что было стоять за пословъ или за купчинъ.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити о цесаревых посланникѣх, о Юзуфѣ да о Адамѣ Дорнѣ, что они посланы отъ цесаря къ шахову величеству, и царское величество для чего их въ своемъ государствѣ велѣлъ задержати и къ шаху их не отпуститъ? —

И князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити про цесаревых посланников, про Юзуфа и про Адама Дарна, шахову величеству и имъ, ближнимъ людемъ, объявляютъ: какъ по милости и волѣ всемогущаго Бога и по племяни великих государей царей російских, и по избранью и по челобитью всѣх людей Московского государства, великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ учинился на своих великих и преславных государствах и вѣнчался царскимъ своимъ вѣнцомъ и діадимою, по древному своему царскому чину и достоянію, — и того жъ лѣта пришелъ въ великого государя нашего государства великого государя вашего шахъ Аббасова величества посланникъ Муршу Кулы бекъ, а съ нимъ вмѣстѣ пришелъ отъ цесаря посланникъ цесаревъ Юзуевъ. И приказывалъ тотъ Юзуевъ царьсково величества бояромъ и въ розговорехъ говорилъ, что онъ посланъ великого государя нашего отъ брата, отъ Матьяша цесаря, къ брату жъ великого государя нашего къ шахъ Аббасову величеству въ послѣхъ для великово доброво дѣла, которые годны всѣмъ великимъ государемъ, и великому бъ государю нашему, для государя ево, Матьяша цесаря, братцкіе любви, пропустить ево къ шахову величеству черезъ свои великіе государства. А шелъ онъ, Юзуевъ, въ великого государя нашего государства черезъ злово царсково величества недруга Польскую и Литовскую землю, и у польсково короля былъ. И великому было государю нашему черезъ свои великіе государства и пропустить непригоже, потому что онъ шелъ черезъ польсково короля землю и у польсково короля былъ; а польсково Жигимонта короля многіе неправды къ великому государю нашему и къ его великимъ государствамъ ему, вели-

кому государю вашему шахъ Аббасову величеству да и во всѣхъ окрестныхъ государствахъ вѣдомы. И великій государь нашъ, его царское величество, хотя съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, быти въ крѣпкой братственной сердечной дружбѣ и любви, черезъ свои великіе государства пропустить было ево къ шахову величеству велѣлъ, и почесть ему велѣлъ чинити во всемъ по посольскому обычаю, и отпустить ево велѣлъ своего царсково величества въ вотчину въ Казань не на долгое время, покамѣста къ шахову величеству въ Перситцкое государство дорога на Астарахань очиститца, и кормъ ему давать велѣлъ доволенъ. И тотъ цесаревъ посолъ Юзуѳъ, будучи въ великого государя нашего государствѣ, въ Казани, почалъ дѣлать не посольскимъ обычаемъ, лазучествомъ, учалъ къ себѣ призывать польскихъ и литовскихъ людей, которые сидѣли великово государя нашего государствѣ въ Москвѣ, и Московское государство разоряли, и кровь крестьянскую невинно проливали, а нынѣ взяты въ полонъ, и съ ними почалъ о всякомъ злѣ на великого государя нашего и на ево великіе государства умышлять, и съ польскимъ королемъ грамотки и словеснымъ приказомъ ссылатца, и въ томъ на него многіе польскіе и литовскіе люди, и его Юзуѳовы, люди свидѣтельствовали и обличили, и грамотки за его Юзуѳовою рукою и печатью у него къ польскому королю и къ папомъ радѣ выняли; а писалъ Юзуѳъ въ тѣхъ своихъ грамоткахъ хъ королю и къ папомъ раде измѣною и воровствомъ про великого государя нашего государства, затѣявъ многіе смутные рѣчи, чего не бывало и впередъ, по милости Божіей и великого государя нашего счастьемъ, не будетъ. Да и великого государя вашего шахъ Аббасовъ посланникъ Маршу Кулы бекъ, будучи на Москвѣ и въ Казани, царьского величества къ бояромъ про того Юзуѳа приказывалъ, что тотъ цесаревъ посолъ Юзуѳъ, идучи въ великого государя нашего государство Польскою землею, у польского короля былъ, и пришелъ де онъ въ великого государя нашего государство по приказу польсково короля на смуту жъ, и къ брату нашему, къ великому государю, къ шахъ Аббасову величеству, простица, хотя великого государя нашего съ шаховымъ величествомъ ссорить, а не для доброво дѣла. И великому государю нашему того Юзуѳа нынѣ и впередъ, за такое ево многое воровство и измѣну, къ шахову величеству и къ государю ево, къ цесарю, изъ своего государства отпустить никакъ не возможно, и къ государю ево къ цесарскому величеству великій государь нашъ про то ево воровство и измѣну писалъ.

А цесарской же посолъ Адамъ Дорнъ пришелъ въ великого государя нашего государство, царьского величества съ переводчикомъ съ Еремѣемъ Еремѣевымъ вмѣстѣ; а посланъ былъ тотъ переводчикъ къ Матьяшу цесарю царского величества отъ бояръ и ото всеѣ земли до обирапья на всѣ великіе Російскіе государства великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи; а та смута, которая учинилась въ великихъ Російскихъ государствахъ отъ польского короля, въ тѣ поры еще не поминовалась, и дорога еще къ шахову величеству въ Персидцкое государство въ тѣ поры была не очищена для того, что по Жигимонтовѣ жъ королевской ссорѣ и злому его умышленью, царьского величества отчина, Астараханское государство было въ смутѣ. Были въ Астарахани воры Ивашко Зарутцкой да воеводы сендомирского дочь воровская жена Маринка, и по Жигимонтову велѣнью смуту дѣлали, а дорога къ шахову величеству въ Перситцкое государство изъ нашихъ государствъ одна: рѣкою Волгою на Астарахань — про то шахову величеству самому вѣдомо. И великій государь нашъ цесареву послу указалъ постоять своего царьсково величества въ вотчинѣ въ Ярославлѣ, и честь ему и береженье во всемъ велѣли держать, и кормъ доволенъ давать. И писалъ великій государь нашъ, его царьское величество, къ брату своему къ великому государю, къ цесарскому величеству, о посланника его Юзуѳа воровствѣ и о Адамѣ Дорнѣ, что его пропустить нельзя: дороги нѣтъ, и покамѣста будетъ о томъ письмо къ царьскому величеству отъ цесарского величества, до тѣхъ мѣстъ Адаму Дорну побыти въ великого государя нашего государствѣ.

А будетъ шахъ, или ево ближніе люди учнутъ князя Михайла Петровича съ товарыщи спрашивать про Ивашка Зарутцково и про Маринку, гдѣ они нынѣ, и смута ихъ воровская ужли поминовалась?—

И князю Михайлу съ товарыщи говорити: какъ по милости Божіей Московского государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ всякіе люди всего Російского государства, стоя подъ Московскимъ государствомъ, учали чинить польскимъ и литовскимъ людемъ утѣсненье великое, и Московсково государства доступать, а воръ Ивашко Зарутцкой въ тѣ поры подъ Москвою былъ съ ними жъ вмѣстѣ, и узнавъ Російского государства бояръ и воеводъ, и всякихъ ратныхъ людей крѣпкое стоянье и промыслъ, а польскихъ и литовскихъ людей противъ Московского государства ратныхъ людей изнеможенье и свое воровство, что онъ съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ и съ польскими и съ литовскими людьми на всякое зло Російскому государству ссылался,

исъ подъ Москвы побѣжалъ, и взявъ съ собою прежнихъ вѣдомыхъ воровъ и богоотступниковъ, которые по злому жъ умыслу польсково Жигимонта короля назывались государскими дѣтьми ложно, жену воеводы сендомирского дочь Маринку, и збѣжалъ царьсково величества въ вотчину въ Астарахани; а къ нимъ въ Астарахани пристали прежніе воры, которые воровали въ смутное и въ безгосударное время и воровъ государскими дѣтьми называли ложно съ ними вмѣстѣ, и будучи въ Астарахани, хотѣли своимъ злымъ умысломъ заводити такое жъ воровство по прежнему. И великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ, учинясь на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, посылалъ на вора и на измѣнника своего, на Ивашка Зарутцкого бояръ своихъ и воеводъ, князя Ивана Никитича Одоевского съ товарыщи, съ своими многими ратными людьми, и Божіею милостію, а ево государскимъ счастьемъ и бодроопаснымъ содержательствомъ, царьсково величества бояря и воеводы Астарахань взяли и воровъ, которые были съ воромъ, съ Ивашкомъ Зарутцкимъ, въ совѣтѣ, и польскихъ и литовскихъ людей побили на голову; а вора Ивашка Зорутцково и Маринку съ сыномъ, и иныхъ пущихъ воровъ поимали и привели ко государю къ Москвѣ. И по своимъ злымъ дѣламъ Ивашко Зарутцкой и Маринкинъ сынъ кажнены. И Божіею милостію, а великого государя нашего счастьемъ, отчина ево царьсково величества Астараханское государство отъ воровскіе смуты очистилась и воровская смута поминовалась вся, и нынѣ въ Астарахани и на Теркѣ воеводы и всякіе служилые и жилетцкіе люди живутъ по прежнему.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи: какъ будутъ съ шаховыми ближними людьми въ отвѣтѣ и учнутъ говорити о государскихъ дѣлѣхъ, и будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорити о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ дѣлѣхъ шаховы послы ко государю письмо прислали и зъ бояры въ отвѣтѣ говорили, а отвѣту на тѣ дѣла у бояръ письменого не взяли, и въ грамотѣ отъ государя къ шаху о тѣхъ дѣлѣхъ не писано, потому что отъ шаха въ тѣхъ дѣлѣхъ въ грамотѣ ко государю не писано, и на посольствѣ передъ государемъ послы въ рѣчи того отъ шаха не говорили.

Будетъ учнутъ говорити шахъ самъ, или шаховы ближніе люди: приказывалъ къ царьскому величеству государь ихъ шахъ Аббасово величество, чтобъ царьскому величеству велѣть попрежнему на Койсѣ и въ Таркахъ, хотя и до Дербени поставить городы; а въ помочь

государь ихъ шахъ Аббасово величество къ царскому величеству пришлетъ своихъ ратныхъ людей тысечь тритцать, или сорокъ, или сколько будетъ царскому величеству годно, и о томъ государь ихъ приказалъ и ближнему своему Исупъ хану, только царского величества изъ городовъ пришлютъ царского величества воеводы о ратныхъ людехъ, или о какихъ дѣлехъ нибуди хоти стрѣльца; а государю ихъ шахъ Аббасову величеству въ тѣ поры любо лучитца гдѣ вдали быти, и Исупъ ханъ бы, не посылая съ тою вѣстью къ государю ихъ, тотъ бы часъ ратныхъ людей посылалъ въ помочь къ государевымъ воеводамъ исъ которыхъ городовъ присылка будетъ. И великому государю нашему, его царьскому величеству, самому то надобно, что на Койсѣ и въ Таркахъ городы поставить, да нынѣ того вскорѣ его царскому величеству, за войною съ недругомъ своимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ и съ его Польскою и съ Литовскою землею учинити не мочно: про то самому государю ихъ шахъ Аббасову величеству и имъ, ближнимъ людемъ, вѣдомо подлинно, что царьское величество, отставя всякіе дѣла, ведетъ войну съ недругомъ своимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ и съ его Польскою и съ Литовскою землею, и нынѣ всего великого Російсково государства всѣхъ городовъ всякіе ратные люди противъ польсково короля и противъ ево Польскіе и Литовскіе земли стоятъ. А какъ по милости Божіей, царьское величество съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ поуправится, и царское величество на Койсѣ, и на Супшѣ, и въ Таркахъ, и въ иныхъ въ которыхъ будетъ мѣстѣхъ пригоже, городы велитъ поставити тотчасъ, и людей и запасы въ тѣхъ городехъ велитъ государь устроить и учнетъ его царьское величество на общихъ своихъ недруговъ съ шаховымъ величествомъ стояти заодинъ.

А будетъ учнутъ говорити шахъ, или его ближніе люди, что государь ихъ шахъ Аббасово величество хочетъ великому государю нашему, его царскому величеству, своихъ ратныхъ людей въ помочь давати, какъ царьское величество станетъ тѣ городы ставить, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: великій государь нашъ, его царское величество, то отъ брата своего отъ великого государя вашего шахъ Аббасова величества пріимаетъ въ любовь, и противъ того ему, брату своему, великому государю шахъ Аббасову величеству также будетъ воздавать своею царскою любовью, гдѣ будетъ его царскому величеству возможно. И будетъ великому государю нашему въ тѣ поры, какъ ево царское вели-

чество тѣ городы велитъ ставить, ратные прибылые люди надобе, и великій государь нашъ, его царьское величество, о томъ съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ впередъ обошлетца.

А будетъ шахъ, или его ближніе люди учнутъ говорити, чтобъ великому государю кумытцкимъ княземъ и ихъ людемъ ни въ чемъ не вѣрити, потому что въ нихъ правды нѣтъ, и впередъ отъ нихъ правды ждать нечего: одинъ въ кумытцкихъ князехъ у государи ихъ шахъ Аббасова величества въ послушаньѣ Гирѣй князь, и царскому бъ величеству и тому вѣрити не велѣть, лише бъ царьскому величеству велѣть ему вѣрить въ томъ дѣлѣ, о каковѣ дѣлѣ къ его царьскому величеству государь вашъ, шахъ Аббасово величество, пришлетъ грамоту за своею малою печатью, которую онъ на своей рукѣ носитъ. А только государь велитъ поставить городы по старымъ мѣстомъ, и шахъ Аббасово величество Гирѣя князя хочетъ перевести со всѣмъ кабакомъ въ свое государство въ украинное мѣсто, чтобъ отъ Кумыкъ подалѣ и чтобъ межъ царьского величества и его шахъ Аббасова величества государствъ иныхъ сусѣдей никого не было. —

И посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: въ кумытцкихъ князехъ и въ мурзахъ при великого государя нашего государствѣ никакихъ неправдъ къ его царскому величеству не объявливалось, и къ недругомъ царского величества ни хъ которымъ не приставаютъ живутъ, и царскому величеству служатъ во всей царского величества волѣ, и въ государя нашего отчину на Терекъ къ царьского величества воеводамъ о всякихъ ево государевыхъ дѣлѣхъ пріѣзжаютъ, и къ брату своему, къ великому государю вашему шахъ Аббасову величеству, великій государь нашъ грубостей ихъ и неправдъ ни которыхъ при своемъ государствѣ не вѣдаетъ же и не слыхалъ. А будетъ впередъ въ кумытцкихъ, или въ черкаскихъ князехъ передъ великимъ государемъ нашимъ, передъ его царскимъ величествомъ, объявятца какіе неправды или ссоры, или учнутъ царского величества, или брата его, великого государя вашего шахъ Аббасова величества, къ общимъ недругомъ приставать, или великому государю нашему грубости или непослушанье которое похотятъ чинить, и великій государь нашъ, его ц. в. кумытцкимъ и черкаскимъ княземъ терпѣти не учнетъ, потому надъ ними смотря и наказанье имъ велитъ учинить, и съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, о томъ ссылатись учнетъ, какъ бы надъ ними его царского величества дѣломъ промышлять.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что шаховымъ торговымъ людемъ царского величества отъ астараханскихъ воеводъ и отъ дьяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая: таможенные будто головы емлютъ съ ихъ торговыхъ людей пошлины не по великого государя нашего указу, передъ рускими людьми вдвое, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: какъ Абасъ шахова величества послы. Кая бекъ да Булатъ бекъ, на царьского величества дворѣ въ отвѣте царского в-ва зъ бояры, зъ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородцкимъ, со княземъ Олѣксѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ-Ярославскимъ, по царьского величества приказу его царьского величества бояринъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичь съ товарыщи государя вашего пословъ, Кал салтана да Булатъ бека, допрашивали, чтобъ они имъ про то объявили подлинно, хто царского величества воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ, государя вашего шахъ Аббасова величества торговымъ людемъ какое насильство и продажу дѣлаютъ, и кому имянемъ какое насильство и продажу учинили, и у кого имянемъ у шаховыхъ людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлины вдвое взяли? И великій государь нашъ его ц. в. для брата своего, великого государя вашего шахъ Аббасова величества, братственные дружбы и любви, тотъ часъ про то про все свое царское повелѣніе пошлетъ, а велитъ про то сыскать накрѣпко, а по сыску велитъ надъ воеводы и надъ дьяки, и надъ толмачи, и надъ таможенными головами, хто государя вашего шахъ Аббасова величества людемъ обиды и насильства и продажу учинилъ, наказанье учинить нещадно. И государя вашего послы про то имянно не сказали, въ которое время и которые воеводы, и хто царского величества приказные люди и таможенные головы, и хто толмачи имянно такъ пегораздо дѣлали, только царское величество, хотя впередъ быти зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, въ нелицемѣрной братственной дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ, свое царьское повелѣніе въ свои царьскія отчины, въ Казань и въ Астороханъ, и на Терекъ своего царьского величества къ бояромъ и воеводамъ, и къ дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людемъ послалъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ онѣ государя вашего торговыхъ и всякихъ людей ото всякихъ обидъ и насильствъ оберегали, и самимъ имъ никакихъ обидъ и насильствъ и продажъ не дѣлали, и тѣмъ межъ великого государя нашего, его царьского величества, и государя вашего шахъ Аббасова величества, и межъ ихъ великихъ государствъ ссоры и

недружбы не всчинали; а хто учнетъ государя вашего торговымъ и всякимъ людемъ ихъ, боярскимъ и дьячьимъ, и всякихъ его царского величества приказныхъ людей, небереженьемъ чинить обиды какіе и насильства, и продажи, или сами они учнутъ имъ чинить насильства и обиды, и продажи, а про то сыщетца, и его царскому в-ву учинится вѣдомо подлинно, и имъ за то отъ царского величества будетъ наказанье нещадно.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что пріѣхалъ съ государя ихъ послы государя ихъ торговой человѣкъ Байрамъ, а съ нимъ немного шаховы казны товаровъ и съ того будто Байрама таможенные головы взяли пошлину вдвое, а у него царского величества жалованная грамота, что ему торговать безпошлинно на пять сотъ рублевъ,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, имъ говорити: писали къ царьскому величеству о томъ Байрамѣ изъ Астарахани воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичь Хованской съ товарыщи, что въ прошломъ во 125-мъ году пріѣхалъ съ Терки въ Астарахань терской жилецъ Бараимъ съ товаромъ, а сказалъ имъ, что у него тотъ товаръ государя вашего шахъ Аббасова величества, а велѣлъ ден ему тотъ товаръ свой продать, а грамоты ден съ нимъ о томъ товарѣ отъ государя вашего нѣтъ, а пошлинъ съ того товару довелось на Барамѣ взяти 94 рубли и 32 алтына пол-3 деньги, и о они о томъ объ указѣ писали къ великому государю нашему, къ его ц. в., а пошлинъ съ него безъ указу царского величества приказные люди не взяли. И по царского величества указу, послана въ Астарахань его царьского величества къ воеводамъ, ко князю Ондрѣю Хованскому съ товарыщи, грамота съ государя жъ вашего послы вмѣстѣ, а велѣно про то сыскать и государя вашего торгового человѣка Бараима допросити подлинно: прямо ли тѣ товары пришли государя вашего и для чего о тѣхъ товарѣхъ съ нимъ государя вашего грамоты нѣтъ, и не ложно-ли тотъ Баранмъ называетъ тѣ товары государя вашего? да будетъ тѣ товары государя вашего, и его царьское величество для великого государя вашего братственные дружбы и любви съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велѣлъ, да и сверхъ того свое царское повелѣнье въ Астарахань и въ Казань, и на Терекъ къ бояромъ и воеводамъ, и къ дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людемъ послалъ, чтобъ они и впередъ съ великого государя вашего со всякихъ съ его шахъ Аббасовыхъ товаровъ, которые учнутъ приходити съ его торговыми людьми, пошлинъ ни въ которыхъ городѣхъ не имали, про то и посломъ государя вашего объявлено, и грамоты

царского величества съ ними жъ посланы. А въ Асторахани посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, о томъ Байрамѣ воеводамъ говорити, чтобъ они по той государевѣ грамотѣ Байрамку указъ учинили, чтобъ имъ, посломъ, было что, пріѣхавъ, про то сказать шаху, чтобъ межъ государя и межъ шаха за то нелюбья и государеву дѣлу помѣшки не было, да что Байрамку по государевѣ грамотѣ учинятъ, и имъ по тому и шаховымъ людемъ сказать, чтобъ то дѣло очистить, чтобъ шаху досады не было.

А будетъ учнутъ шахъ, или его ближніе люди говорити, что будто въ Астарахани, зазвавъ къ себѣ, воеводы государя ихъ шахова Хожъ Сеитова человѣка и подмѣтя у него двѣсте рублевъ денегъ, оманули и его крестили, а деньги взяли себѣ и того малово привезли они съ собою къ Москвѣ, и царьского величества къ приказнымъ людемъ для роспросу прислали, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: то дѣлалось тѣмъ обычаемъ: въ прошломъ во 125-мъ году писали къ царьскому величеству изъ Астарахани воеводы, что тотъ малой пришелъ къ нимъ въ розрядную избу самъ и сказался родомъ крестьянинъ Переславля Резанского села Петровского пашенного человѣка сынъ, а взяли ево въ полонъ нагайскіе тотаровя мала, и былъ онъ въ нагаехъ и въ черкасехъ, а исъ черкасъ продали ево въ Шамаху, а въ Шамахѣ жилъ у тезика у Хози Алея, а Хозя продалъ ево тезику жъ Сеиту, а тезикъ Сеитъ прислалъ ево въ Асторахань съ товары, вмѣстѣ зъ Гирѣевымъ человѣкомъ Сеитомъ, и онъ ден, испродавъ всѣ товары, изъ Асторахани назадъ въ Шамаху ѣхать не похотѣлъ и пришолъ въ Астарахань къ нимъ, воеводамъ, и сказался родомъ крестьянинъ, и хочетъ быти въ нашей православной хрестьянской вѣрѣ, и они ево дали подъ начало царского величества богомольцу астороханскому архіепископу. да и самъ тотъ малой на Москвѣ царского величества приказнымъ людемъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ родомъ русакъ, уроженецъ Переславля Резанского села Петровского, и отца и матерь помнитъ, а взяли ден ево въ полонъ нагайскіе люди мала, и въ полону онъ былъ въ нагаехъ и въ черкасехъ, и въ Шемахѣ двенатцать лѣтъ, а въ Асторахань пріѣхалъ съ Гирѣевымъ человѣкомъ съ гиляпцомъ съ Сеитомъ, и какъ ден онъ исторговался, и онъ изъ Асторахани назадъ не поѣхалъ, потому что онъ мусульманской вѣры держать не похотѣлъ, а похотѣлъ держать нашу православную хрестьянскую вѣру, и пришедъ, о томъ билъ челомъ царьского величества воеводамъ, чтобъ ево приняли, и воеводы ево приняли, и въ Асторахани держали ево подъ началомъ, и крещенъ онъ опять въ нашу истинную право-

славную хрестьянскую вѣру; а изъ Астороханн онъ пріѣхалъ съ государя пашего послы вмѣстѣ для жъ того, чтобъ ему быти въ Російскомъ государствѣ въ православной хрестьянской вѣрѣ, и его было царскому величеству изъ православной хрестьянской вѣры греческаго закопа назадъ отдать не мочно.

Да говорили государя вашего послы про деньги, что будто съ того малого взяли царского величества астороханскіе воеводы двѣсте рублевъ, и то дѣлалось такъ: писали къ царскому величеству изъ Астороханн царского величества воеводы: какъ тотъ малой Лачинко, отставъ отъ тезика, отъ Сента, пришелъ къ нимъ въ розрядную избу и сказался родомъ русакъ, и хочетъ быти въ православной нашей хрестьянской вѣрѣ, и они, не вѣря тому малому въ сносѣ, велѣли ево обыскать передъ собою и нашли у него въ мошнѣ семь золотыхъ, да въ рубашкѣ у него жъ было зашито заповѣдныхъ старыхъ рускихъ денегъ пятьдесятъ одинъ рубль съ полтиною, да тотъ же малой имъ сказалъ, что Гирѣевъ человѣкъ Сентъ, съ которымъ онъ пріѣзжалъ въ Астороханъ, повезъ изъ Астороханн на себѣ тайно, зашивъ въ рубашкѣ, заповѣдныхъ денегъ со сто рублевъ, и они по ево скаскѣ посылали за тѣмъ тезикомъ обыскивать ево, на бусу, и нашли ден у того Гирѣева человѣка зашито въ рубашкѣ и привезли къ нимъ сто тринатцать рублевъ старыхъ московскихъ денегъ, и они тѣ деньги, что сняли съ малово и что нашли на бусѣ у Гирѣева человѣка, взяли въ нашу казну. И послѣ ден того писалъ къ нимъ съ Терки воевода Микита Вельяминовъ зъ Гирѣевымъ человѣкомъ съ Тумулдукомъ, да и Гирѣй отъ себя къ нимъ въ Астороханъ съ спимъ же, съ Тумулдукомъ, писалъ, что тотъ малой збѣжалъ отъ человѣка его, отъ Сента, а спесъ съ собою отъ того Сента его, Гирѣевыхъ, да брата его, Илдаровыхъ, шездесятъ четыре рубли денегъ да семъ золотыхъ, да съ человѣка его Сента сняли ево жъ, Гирѣевыхъ, да брата ево, Илдаровыхъ, старыхъ денегъ сто дватцать рублевъ, и имъ бы того малого и деньги, сыскавъ, отдать человѣку ево Тумулдуку: и по царского величества указу, посланъ въ Астороханъ къ воеводамъ его царского величества указъ. а велѣно тѣ деньги и золотые, что снято съ малово и что взято у Гирѣева человѣка у Сента, отослати къ Гирѣю князю, и тѣ деньги и золотые отосланы къ Гирѣю. Да и самъ тотъ малой въ роспросѣ царского величества приказнымъ людемъ сказалъ, что съ него взяли астороханскіе воеводы семь золотыхъ да пятьдесятъ одинъ рубль денегъ, да зъ Гирѣева человѣка взяли сто дватцать рублевъ, будто ево, и государь бы вашъ Аббасъ шахово величество, и они, ближніе

люди, тѣхъ денегъ спрашивали на Гиреѣ князѣ и на его людехъ, которымъ тѣ деньги по царского величества указу астороханскіе воеводы отдали.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что билъ челомъ царскому величеству государя жъ ихъ посолъ Булатъ бекъ: взялъ де у человѣка его на Теркѣ царского величества боярипъ и воевода Петръ Петровичь Головинъ триста рублевъ денегъ, и тѣхъ де денегъ и по ся мѣста ему не отдано, и царскому бъ величеству ево пожаловать, тѣ деньги, сыскавъ, велѣть ему отдать.—

И посломъ, князю Михайлу съ товарыщи, говорити: про тѣ деньги сыскивано царского величества бояриномъ и воеводою Петромъ Петровичемъ Головинымъ, а въ сыску царского величества боярипъ нашъ сказалъ, что онъ у человѣка ево никакихъ денегъ въ царского величества казну не имывалъ, и человѣка ево никого не видалъ, а дѣлалося де тѣмъ обычаемъ: въ которомъ году, того не упомнитъ, били челомъ ему. Петру, пріѣхавъ на Терекъ изъ Астороханп, тезики на терскихъ стрѣльцовъ, а сказали ему, что бутто послали они съ тѣми стрѣльцы изъ Астороханп двѣсте рублевъ денегъ, и они имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрѣльцовъ давалъ судъ, и на судѣ стрѣльцы въ тѣхъ деньгахъ отвѣчали, что они у нихъ денегъ двусотъ рублевъ не имывали, да слались на астороханскую проѣзжюю грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамотѣ не написано, и онъ велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжюю грамоту, и тезики де передъ него астороханскую проѣзжюю грамоту клали, и онъ де, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ, и въ той де грамотѣ товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ, написаны имянно; а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамотѣ не написано, и онъ де Петръ тѣхъ тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего у нихъ тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны, и по чему они въ тѣхъ деньгахъ стрѣльцомъ вѣрили? И тезики де сказали, что деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны, а деньги они съ стрѣльцы послали, вѣря имъ, что они терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ де, Петръ, въ тѣхъ деньгахъ тезикомъ отказалъ по тому, что тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны. Только царское величество для братцкіе любительные любви съ шаховымъ величествомъ, чего было и не довелось, сверьхъ боярскіе скаски Петра Петровича Головина, мимо Петра, велѣлъ про то сыскати на Теркѣ приказными и всякими людьми накрѣпко, а какъ про то сыщетца, и царское величество по тому и указъ свой царской велитъ учинить.

А будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорити, что билъ челомъ царскому величеству шаховъ посолъ Булатъ бекъ же, что въ Астороханп не стало человѣка его Хожа Сухамбедина, а послѣ того человѣка ево взяли астороханскіе воеводы живота ево 115 ансырей шолку розново цвѣту, и ему де того шелку и по ся мѣста не отдано, и царскому бъ величеству ево пожаловать, велѣть тотъ шелкъ ему отдать, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: великій государь нашъ, его ц. в., про тотъ шелкъ сыскали своего царского величества приказными людьми, что тотъ человѣка ево шелкъ въ его царского величества казнѣ въ Астороханп, и ево пожаловалъ, тотъ шелкъ велѣлъ ему отдать, а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и его царское величество велѣли ему, Булатъ беку, за тотъ шелкъ заплатить деньги изъ своей царскіе казны, и его царского величества повелѣнье въ Асторохань къ воеводамъ о томъ послано съ нимъ же, Булатъ бекомъ, и при нихъ царского величества воеводы Булатъ беку шелкъ отдали; или будетъ деньги заплатятъ, —какъ роздѣлаютца съ нимъ, такъ и сказать.

А нѣчто шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что присылалъ къ царскому величеству крымской Шанъ Гирѣй царевичь посла своего о томъ, чтобъ царское величество учинилъ ему помочь изъ Астороханп и съ Терки доступати ему отца своего Крымского юрта, да и шахова величества грамота къ царскому величеству о томъ съ Шанъ Гирѣевымъ царевичевымъ посломъ была жъ, да и самъ шахъ изъ своихъ устъ о томъ къ царскому величеству съ посланникомъ, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, и приказалъ, и что на то царского величества воля, съ чѣмъ царское величество къ Шанъ Гирѣю царевичю посла его отпустилъ: учинитъ-ли ему помочь отца ево Крымского юрта доступать? —

И посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, говорити: царское величество о Шанъ Гиреѣ царевичѣ пожалѣлъ, что онъ, царьской сынъ, отца своего юрта отбылъ, только ему царскому величеству помочи никоторые учинити невозможно: вѣдомо шахову величеству самому, что царское величество нынѣ долгое время войну ведетъ съ недругомъ своимъ искони вѣчнымъ, съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, отставя всякіе дѣла.

Да память посломъ, дворенину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому, дворянину Ивану Ивановичю Чичѣрину, діяку Михайлу Тюхину: будетъ шахъ или его ближніе люди учнутъ спрашивать, какъ государь царь и великій князь Михайло

Θедоровичь в. Р. съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и съ цесаремъ римскимъ, и съ датскимъ, и съ аглинскимъ, и съ иными государи, о которыхъ спросятъ? —

И князю Михайлу Петровичю съ товарыщи говорити: сами они вѣдаютъ и они имъ сказываютъ, что прежніе великіе государи наши цари російскіе со всѣми великими государи были въ миру и въ ссылкѣ, а нынѣ, какъ по волѣ всемогущаго Бога, и по сродству прежнихъ великихъ государей нашихъ царей російскихъ, и по избранію всякихъ людей всѣхъ городовъ всего великого Російского царьствія, учинился на Владимерскомъ и на Московскомъ государствѣ, и на всѣхъ великихъ государствахъ Російского царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Θедоровичь в. Р., и ему, великому государю нашему, недружбы никоторые со всѣми великими пограничными государи нѣтъ: всѣ его царскіе дружбы и любви съ собою желаютъ, и на всякого его государева недруга стоять съ нимъ, великимъ государемъ хотятъ заодинъ. А какъ великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Θедоровичь в. Р. с. на Московскомъ государствѣ учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, и царское величество къ Аббасъ шахову в., такъ и ко всѣмъ государемъ, къ цесарю римскому, и къ аглинскому, и ко францовскому королемъ, государство свое обестити посылалъ пословъ своихъ и посланниковъ, и тѣ всѣ государи крестьянскіе царского величества присылали поздравлять на его великихъ и преславныхъ государствахъ, своихъ пословъ и посланниковъ, а поморскіе государи и голанскіе, и недерляпскіе владѣтели, и арцыкнязи, и курѳистры саской и брамдеборской, и опалипской, и многіе князи нѣмецкіе рѣши сами безъ царского величества присылки присылали къ царскому величеству пословъ своихъ и посланниковъ поздравляти царское величество на его великихъ государствахъ, и просятъ всѣ крестьянскіе государи, чтобъ царьское величество принялъ ихъ къ себѣ въ дружбу и въ любовь, а князей въ свое царское любительное жалованье, а они всѣ ему, царскому величеству, ради и тому обрадовались, что на тѣхъ великихъ Російскихъ государствахъ учинился опъ, великій государь, отъ прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ племяни, и всѣ ему царскому величеству хотятъ противъ недруга его польского короля, за его неправду, способствовать, опричь цесаря римсково, а цесарь римской потому жъ съ царскимъ величествомъ въ ссылкѣ и въ любви.

А крымской Джанъ бекъ Гирѣй царь, къ царьскому величеству поздравлять его, великого государя нашего, на ево великихъ и преславныхъ государствахъ присылалъ же, и та ссылка межъ царского величества и крымского царя была о порубежныхъ дѣлѣхъ, которые ссоры дѣлаютца въ украинныхъ городѣхъ, да и о томъ царское величество съ посланникомъ его писалъ, чтобъ крымской на царского величества землю войною не ходилъ, и съ польскимъ королемъ управливатца не помѣшалъ, а впередъ дружбы и любви межъ царского величества и крымского не будетъ.

А съ турскими салтаны прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ, и дядѣ великого государя нашего царю и великому князю Ѳедору Иваповичю в. Р. с. о дружбѣ и о любви ссылки не бывали; а какъ великіе государи учинялись на своихъ великихъ государствахъ, и они къ турскимъ салтаномъ государство свое обестити посылывали; а турскіе салтаны, учинясь на государствахъ, къ великимъ государемъ нашимъ государство свое по тому жъ обестити присылали, а великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. нынѣ учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, по тому жъ посылалъ къ турскому государство свое обестити и польского Жигимонта короля неправды объявити.

И будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя вашего турского посланникъ на Москвѣ былъ, и государь вашъ того посланника къ турскому отпустилъ, и своего посланника къ турскому о дружбѣ и о любви послалъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: мы вамъ сказываемъ: какъ великій государь нашъ, его ц. в., учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. с., и онъ, великій государь нашъ, по прежнему обычею, какъ велось отъ прародителей его и ото всѣхъ великихъ государей также въ обычаехъ бываетъ, посылалъ къ турскому государство свое обестити посланниковъ своихъ, и турской царского величества посланниковъ отпустилъ и своего былъ посланника Алѣя чеуша къ царскому величеству поздравляти его ц. в. на его великихъ государствахъ послалъ, какъ ведетца и у всѣхъ великихъ государей, что и къ другу и къ недругу государство свое обещивать посылаютъ, и тотъ, турского царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому величеству не дошелъ; а были на Москвѣ Арменья, купецкіе люди, а не турского царя посланники, а купецкіе

люди и во всѣ государства ходятъ безвозбранно. А нынѣ великій государь нашъ, его ц. в., своего сына боярского зъ грамотою къ турскому царю послалъ о томъ, что Казыева улуса мурзы учинились подъ великого государя нашего, его царского величества, высокою рукою, и онъ бы въ нихъ не вступался, да о обидныхъ и о купецкихъ дѣлѣхъ, что въ безгосударное время турской изъ Азова казакомъ, которые на Дону служатъ Московскому государству, многіе обиды чинилъ, и турской нынѣ того сына боярского и многихъ государевыхъ торговыхъ людей Московского государства задержалъ и по ся мѣста ихъ къ государю не отпустилъ, и впередъ съ нимъ царскому величеству дружбы за то не чаять, потому что онъ государева посланника задержалъ и торговыхъ людей по ся мѣста не отпуститъ, и съ донскимъ казакомъ всегда у турскихъ людей бой и война подъ турского городы, подъ Азовомъ на Дону и на морѣ многую шкоту царского величества донскіе казаки турскимъ людемъ починили и нынѣ чинятъ.

А будетъ о томъ ихъ не спросятъ, и имъ самимъ о томъ однолично не говорити.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ спрашивати: какъ зъ государемъ царемъ и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. свѣйской король,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, говорити, что съ свѣйскимъ Адольѳомъ королемъ великій государь нашъ царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., его ц. в., по ево присылкѣ и третьеваньемъ великого государя Якуба короля аглинского и шкоцково, учинилъ вѣковѣчное мирное постановенье, и записьми и креснымъ цѣлованьемъ царьского величества послы и свѣйского короля послы то вѣковѣчное мирное постановенье межъ ихъ государей на обѣ стороны закрѣпили на томъ, что свѣйскому королю быти съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, въ сосѣдственной дружбѣ и въ любви на вѣки, и на всякого государева недруга, а именно на польского короля, стояти съ его царскимъ величествомъ зоодно, и царьского величества отчину великій Новгородъ со всѣми пригороды и уѣзды, что было за свѣйскимъ королемъ въ безгосударное время царьскому величеству отдалъ, и пословъ своихъ великихъ, Густава Стенбука съ товарыщи, закрѣпляти того вѣчного миру, при ево царскомъ величествѣ, его королевскою душею къ царьскому величеству прислалъ, и тѣ послы, будучи у великого государя нашего, то вѣчное мирное постановенье при ево царскомъ величествѣ государя своего Густава Адольфа короля душею закрѣпили.

А будетъ спросятъ про нагаи, какъ нынѣ въ государевѣ жало, ванье большіе нагайскіе князи и мурзы и Казыева улуса,—и посломъ-князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: Нагаи завольскіе издавна служатъ великимъ государемъ нашимъ, а нынѣ великому государю нашему царю и великому князу Михайлу Ѳедоровичю в. Р. большіе нагаи, Иштерекъ князь зъ братьею и зъ дѣтьми, и съ племянники, со всѣми своими улусы, и свыше прежнево учинялись во всей царьского величества волѣ, и шерть и утверженье царьскому величеству дали передъ царьского величества дворяны, Иштерекъ князь съ дѣтьми и зъ братьями передъ Сунгуромъ Соковнинымъ, а послѣ того передъ Сѳопасьемъ Нарматцкимъ съ товарыщи, иословъ своихъ съ тѣмъ къ царскому величеству присылалъ. что они ему, государю, правду дали, на курапѣ шерть учинили, что учинялись въ прямомъ холопствѣ на вѣки неотступно, и царское бъ величество ихъ держалъ въ своемъ царскомъ жалованьѣ попрежнему, и государь ихъ, словъ, пожаловалъ къ нимъ отпустилъ, и своихъ дѣтей боярскихъ къ нимъ съ своимъ царскимъ жаловальнымъ словомъ послалъ, что ихъ государь пожаловалъ попрежнему, и они бъ царьскому величеству служили, и во всемъ на его царьскую милость и жалованье были надежны: и нынѣ нагайскіе люди, Иштерекъ князь и Нурадынъ Шайтерекъ мурза зъ братьею и зъ дѣтьми, и съ племянники въ царскомъ жалованьѣ и въ повелѣньѣ по тому жъ, какъ былъ при прежнихъ великихъ государехъ царехъ и великихъ князехъ російскихъ.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что сказываютъ, что нагайскіе люди, князи и мурзы, служатъ государю въ его царскомъ повелѣньѣ, а нынѣ имъ вѣдомо учинилося, что с-Иштерекова княжево повелѣнья приходили нагайскіе мурзы въ Кабарду, на Казыя князя Шепшукова, и его убили, и Кабардинскую землю многіе мѣста повоевали, и только бъ государю служили нагаи, и они бъ государевыхъ холопей не воевали, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: учинилась межъ ихъ ссора съ улусными людьми, то дѣлалось еще до тѣхъ мѣстъ, пока-мѣста Иштерекъ князь и мурзы царьскому величеству не шертовали.

А Казыева улуса нагаи тѣ были поотступили отъ великого государя нашего блаженные памяти царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., и великій государь нашъ блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с. указъ свой царской послалъ къ большимъ нагаемъ, а велѣлъ тѣхъ Казыева улуса нагай посмирить, и великого государя нашего, его царского величества искони вѣчные холопи большіе нагаи

на нихъ ходили и ихъ повоевали, и розгромили, и жены и дѣти и улусы ихъ къ себѣ поимали. А при царѣ Борисѣ астараханскіе воеводы посылали на достальныхъ Казыева улуса на мурзъ и на улусныхъ людей большихъ нагай, а съ ними астараханскихъ стрѣльцовъ, и въ тѣ поры достальныхъ всѣхъ Казыева улуса людей разорили, и не кочуютъ нынѣ тутъ нихто. А нынѣ, услыша про великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. с., что его, великого государя, Богъ учинилъ на его царскомъ престолѣ, на Московскомъ государствѣ, царемъ и великимъ княземъ в. Р. с., Казыева улуса князи и всѣ мурзы присылали къ великому государю нашему поздравляти его царское величество на его царскомъ престолѣ и били челомъ царскому величеству, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подъ своею царскою рукою такъ же, какъ и большимъ нагаемъ, и великій государь нашъ его ц. в. Казыева улуса князей и мурзъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подъ своею царского величества рукою, и Казыева улуса князи и мурзы со всѣми своими улусы великому государю нашему служатъ и прямятъ такъ же, какъ и большіе нагаи.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити, что имъ то вѣдомо, что въ прошломъ во 123-мъ году, Казыева улуса мурзы приходили на государя вашего землю и воевали близко Москвы по турского царя велѣнью, и нынѣ въ государевѣ землѣ ходятъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: Казыева улуса мурзы на государя нашего землю войною не ходили и близко Москвы не бывали, то вамъ сказывалъ нѣхто, не вѣдая; а какъ царское величество послалъ Казыева улуса мурзамъ свое царское повелѣнье, чтобъ они были подъ его царского величества высокою рукою и на всякого его государева недруга съ своими ратьми ходили, куды имъ царского величества повелѣнье будетъ, — и большихъ нагай и Казыева улуса мурзы, собрався тысячь ихъ съ шездесятъ, пришли близко государевыхъ украинныхъ польскихъ городовъ, которые подошли къ Польской и къ Литовской землѣ, и прислали къ царскому величеству пословъ своихъ, куды имъ царское величество повелитъ итти, на которого своего государева недруга: на польского короля землю, или и на иного которого своего государева недруга? И царское величество пословъ ихъ отпустилъ, и своихъ дѣтей боярскихъ съ своимъ царскимъ повелѣньемъ къ нимъ посылалъ, а велѣлъ имъ всѣмъ итти войною на польского короля землю, и большихъ нагай и Казыева улуса мурзы со всѣми своими ратными людьми, тысечь ихъ съ шестьдесятъ,

по царского величества повелѣнью ходили на польского короля землю войною.

А нѣчто спросятъ про Сибирь, какъ нынѣ Сибирская земля, попрежнему ль, какъ была при прежнихъ государехъ,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: Сибирская земля въ государевѣ жалованьѣ, что и московскіе городы, и многіе въ ней государевы городы и люди въ нихъ многіе государевы устроены ратные и жилетцкіе торговые люди, и пашни многіе, и тамошніе люди сибирцы многіе крестились. И какъ царское величество учинился на Московскомъ государьствѣ, и въ тѣ поры на Москвѣ были многіе сибирскіе люди, и они царскому величеству обрадовались, какъ есть государевы прироженные холопи, что и московскіе жъ люди. А какъ была въ Московскомъ государствѣ смута по грѣху, а въ Сибири никакъ нихто не соблазнился, все была къ Московскому государству.

Да какъ, ожъ дастъ Богъ, шахъ ихъ отпуститъ и пошлетъ ли съ ними своихъословъ и съ ними казны государю на вспоможенье, или казны не пошлетъ, и съ чѣмъ съ нимиословъ своихъ пошлетъ, и что о казнѣ и о иныхъ государскихъ дѣлехъ съ ними шахъ и шаховы ближніе люди поговорятъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, о томъ отписати ко государю наскоро, напередъ себя, изъ Кабарды, только пойдутъ на Кабарду, и съ Терки и изъ Астарахани, чтобъ государю про то было вѣдомо.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи: какъ они придутъ въ Астарахань или на Терекъ, а вѣсть имъ учинится въ Астарахани или на Теркѣ, или гдѣ въ дорогѣ, что Божіимъ судомъ Аббасъ шаха въ живогѣ не стало, а на его мѣсто учинился будетъ на государствѣ сынъ „ “ или братъ, или племянникъ, и къ тому новому шаху идтти. Да какъ имъ велитъ тотъ новой шахъ быти у себя на посольствѣ, и посломъ, пришедъ, говорити: Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. (*титулъ*) его царьское величество, послалъ былъ насъ къ брату своему, къ Аббасъ шахову величеству, съ послы сво, съ Кая бекомъ да съ Булатъ бекомъ вмѣстѣ, о братственной дружбѣ и о любви, и о иныхъ о добрыхъ дѣлехъ, которые пристоятъ обѣимъ великимъ государемъ и ихъ великимъ государствамъ къ доброму дѣлу, а о томъ намъ царского величества приказъ есть: будетъ судомъ Божіимъ Аббасъ шахова величества не стало, а хто на ево мѣсто на Персидскомъ государствѣ учинился государемъ, и намъ царьское величество приказалъ тому шаху посольство правити и тѣ дѣла о брацкой любви

объявити. Да править имъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. тому новому шаху поклонъ и грамота подати, и рѣчь говорити, и поминокъ явити по государеву наказу, какъ велѣно править и Аббасъ шаху.

И о всемъ, будучи въ Кизылбашской землѣ и у нового шаха, дѣлати и промышляти, и о чемъ ихъ вспросятъ, говорити по сему жъ государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. наказу, какъ имъ велѣно дѣлати у Аббасъ шаха.

И будучи имъ въ Кизылбашехъ, провѣдывати накрѣпко, какъ шахъ съ турскимъ салтаномъ и зъ бухарскимъ: въ миру ль, или не въ миру? и впорѣ хто хъ кизылбашскому шаху отъ турского или отъ бухарского послы и посланники бывали-ль? и будетъ были, и о чемъ приходили? и кизылбашской шахъ съ чѣмъ ихъ отпустилъ? и своихъ пословъ и посланниковъ къ турскому и къ бухарскому послалъ-ли? и съ чемъ ихъ послалъ? и впередъ межъ ихъ чево чаять: миру ль или войны? и которые городы поималъ шахъ вновѣ у турского? и будетъ поималъ, и которые городы взялъ? и многая ль рать у кизылбашского шаха, какъ вся рать збираетца? и съ иными съ которыми государи шаху ссылка есть ли? и хто шаху на турского помогаетъ? и какъ шахъ нынѣ зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ, и съ кумыцкими и кабардинскими князи? и которые кумыцкіе и кабардинскіе князи шаху прямятъ? и Гирѣй князь кумыцкой шаху ль прямитъ, или служитъ государю, и прямо ль государю служитъ? и хто нынѣ въ Иверской землѣ царь: крестьянскіе ль, или мусулманскіе вѣры? и каковы которые государства силою и людьми и богатствомъ, о томъ о всемъ, подлинно провѣдавъ, себѣ записати. А пріѣхавъ къ Москвѣ, сказати о томъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с.

И о всемъ посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, государевымъ царевымъ и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. дѣломъ промышляти; дорогою ѣдучи и въ городѣхъ, и будучи въ Кизылбашской землѣ, государевымъ дѣломъ промышляти по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному цѣлованью правдою и по сему государеву наказу, и какъ ихъ Богъ вразумитъ, и какъ бы государеву имени къ чести и къ повышенью, а ево государеву дѣлу было прибыльнѣе, и розни бъ межъ ихъ ни въ чемъ не было; а сесь государевъ царевъ и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. наказъ держати у себя тайно, а гдѣ будетъ, грѣхомъ, почаютъ себѣ какова недобра гдѣ нибудь, и имъ сесь государевъ наказъ ухо-

ронити, или изодрати, или сжечь, или въ воду утопить, чтобъ однолично сего государева наказу не вѣдать никому, и держать имъ у себя сесь государевъ наказъ однолично тайно, чтобъ опричь ихъ никто у нихъ сего государева наказу не вѣдалъ.

А о казнѣ однолично шаху и его ближнимъ людемъ говорити накрѣпко и промышляти всякими мѣрами, чтобъ казны шахъ съ ними послалъ больши, тѣмъ бы имъ однолично государю послужить.

А будетъ судомъ Божіимъ въ шаховѣ землѣ изъ нихъ ково въ дорогѣ до посольства или послѣ посольства въ животѣ которого изъ пословъ не станетъ,—и государево дѣло по сему государеву наказу дѣлать, которые останутца: къ шаху на посольство итти и отъ государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. шаху посольство правити и грамота подати, и рѣчь говорити, и о всякихъ государевыхъ дѣлехъ съ шахомъ и съ ближними людьми, о чемъ учнутъ спрашивать, говорити и о всемъ дѣлати по сему государеву наказу, какъ было имъ государево дѣло дѣлати вмѣстѣ.

Да память посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю съ товарыщи: послано съ ними къ шаху отъ государя въ поминкахъ двенатцать кречетовъ да восмь чегликовъ кречатьихъ, и только надъ которымъ кречетомъ или надъ чегликомъ въ дорогѣ учинитца, которой заболитъ, вести будетъ нельзя, или которой умретъ,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, въ того кречета или въ чеглика мѣсто, такихъ же птицъ сыскивать въ городѣхъ, гдѣ кого найдутъ; а гдѣ у кого кречета или чеглика скажутъ, и имъ у того та птица взяти на государя, и велѣти вести къ шаху въ выбылые мѣсто; а гдѣ надъ которою государевою птицею что учинитца, и у кого гдѣ въ то мѣсто птицу возмутъ, и имъ о томъ отписать къ государю.

А какъ будутъ у шаха, и птицы на посольствѣ отдадутъ, и нѣчто учнетъ къ нимъ шахъ присылати, какъ поѣдетъ тѣшитца, чтобъ прислали къ нему для птицъ государева кречетника, а его кречетники къ тѣмъ птицамъ не пріобычились,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, отговаривати: кречетники посланы со птицами того для, чтобъ ихъ довести здорово; а нынѣ они у шаховыхъ кречетниковъ, и шаховы кречетники ихъ приводите по своему, какъ имъ надобно, а государевымъ кречетникомъ ужъ нынѣ што за дѣло? а въ государевѣ наказѣ о томъ имъ не написано, что государевыхъ кречетниковъ съ шахомъ посылать на потѣху, и шахово бъ величество того на нихъ не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опалѣ не быть.

А будетъ шахъ о томъ учнетъ приказывати накрѣпко, чтобъ присылати къ нему на потѣху государева кречетника, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, отговорився всякими мѣрами, будетъ отговоръ не имѣтъ, государева кречетника послать, которой бы былъ досужъ и навыченъ.

А будетъ учнутъ говорити накрѣпко отъ шаха, чтобъ велѣли государеву кречетнику государевыхъ птицъ къ ловлѣ приводити, а отговоритца будетъ не мочно, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, велѣти государеву кречетнику птицъ приводить по ихъ обычаю, какъ государевы кречетники на то извычны.

А будетъ шахъ учнетъ говорити, чтобъ оставити у него для птицъ государева кречатника или двухъ на время, — и посломъ „ “ отговаривати: о томъ у нихъ государева указу нѣтъ, безъ государева указу нынѣ оставити не смѣть, чтобъ на нихъ того шахово величество не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опалѣ не быть, только имъ учинить безъ государева указу.

А будетъ шахъ за то упрямитца и учнетъ о томъ говорити накрѣпко, а государевѣ ссылкѣ будетъ радъ, и во всемъ съ государемъ похочетъ быти въ дружбѣ и въ любви, ко всякому добру будетъ придвиженъ, и на помочь казны послати похочетъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, оставити кречетника котораго одного изъ молодыхъ, которой бы ко птицамъ зналъ гораздо, и во всемъ къ тому дѣлу былъ навыченъ, а оставити на время, и о томъ договоритца: какъ будетъ къ шаху иные государевы послы или посланники, или гонецъ, или отъ шаха къ государю послы жъ и посланники, или гонецъ, и шаху того государева кречетника отпустить съ ними, не задержавъ.

А нѣчто шахъ пришлетъ къ нимъ свое жалованье платье на подворье, и велитъ имъ ѣхати въ своемъ платьѣ, и кого къ нимъ о томъ пришлетъ, — и „ “ говорити: то государя вашего Аббасъ шахова величества къ великому государю нашему не любовь, а къ намъ то его не жалованье, безчестье, что намъ велитъ ѣхать въ своемъ жалованьѣ, въ платьѣ. У великого государя нашего царя и великаго князя Михайла Ѳедоровича в. Р. самодержца въ повеленьяхъ ведетца отъ предковъ его великихъ государей царей російскихъ: всѣхъ государей пословъ и посланниковъ государь жалуетъ, велитъ на нихъ свое государево жалованье класти при своихъ царскихъ очехъ. И только бъ шахъ насъ потому жъ пожаловалъ, велѣлъ на насъ свое жалованье положити передъ собою, въ томъ его воля;

а нынѣ намъ къ шаху ѣхати въ его платьѣ непригоже, тѣмъ бы насъ не безчестилъ: нашему закону противно, что ходити въ платьѣ не по своему обычаю. А которые послы и посланники, и гонцы бывали у прежнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей російскихъ, и нынѣ у великого государя нашего его царского величества, и тѣ всѣ видали царского величества очи въ своемъ платьѣ, по своему обычаю, а не въ царскомъ жалованьѣ, и шахъ бы надъ ними также велѣлъ учинить. Да однолично всякими мѣрами о томъ отговариватца, смотря по тамошнему дѣлу, и къ шаху въ его платьѣ не ходити.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи: будетъ которые торговые люди похотятъ съ ними ѣхати въ Кизылбаши, или изъ которыхъ понизовыхъ городовъ,—и посломъ „ “ взяти съ собою торговыхъ людей немногихъ добрыхъ, кому бъ мочно вѣрити, съ поруками, хто бъ былъ не воръ и не бражникъ; а бражниковъ, воровъ и ипоземцовъ отнюдь никово не имати, а взяти съ собою человѣкъ до семи и до осми, а больши десети человѣкъ не имати. И по томъ заказати и самимъ того беречи накрѣпко, чтобъ тѣ торговые люди заповѣдныхъ товаровъ, птицъ никакихъ, и соболей, и куницъ, и бѣлокъ живыхъ, и желѣза, и воску, и никакихъ заповѣдныхъ товаровъ однолично съ собою не возили, и самимъ къ шаху въ поминкахъ птицъ никакихъ, кречетовъ, соколовъ и ястребовъ въ поминкахъ не носити.

Да память посломъ, дворенину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи: какъ они войдутъ въ шахову землю, и имъ, идучи къ шаху шаховою землею и будучи у шаха, до посольства, провѣдывати того накрѣпко, какъ нынѣ шахъ съ грузинскимъ царемъ и Грузинскою и с-Иверскою землею? грузинской царь нынѣ въ своей ли землѣ, и нѣтъ ли ему отъ шаха тѣсноты, и не сложился ль грузинской царь и Грузинская и Иверская земля съ турскимъ царемъ и съ иными государствы на шаха, и шаховы земли не воюютъ ли? Да будетъ они про то провѣдаютъ, что грузинской царь нынѣ въ своей землѣ, и отъ шаха ему и землѣ ево никоторой войны и тѣсноты нѣтъ, и съ турскимъ царемъ грузинской царь съ своею землею на шаха не сложился, и рати ево съ турского царя ратью нѣтъ,—и посломъ про иверского царя и про его землю шаху на посольствѣ, или его ближнимъ людемъ въ розговорехъ говорити: какъ былъ отъ царского величества у шахъ Аббасова величества въ посланникехъ царского величества дворенинъ Ѳедоръ Леонтьевъ, и шахъ Аббасово величество приказывалъ съ нимъ къ брату своему, къ великому государю

нашему, къ его царскому величеству, о Иверской землѣ, что государь вашъ, шахъ Аббасово величество, за Грузинскую землю царскому величеству не стоитъ и воевать ее впередъ не станетъ, и царское величество отъ брата своего, отъ великого государя вашего, отъ шахъ Аббасова величества, пріимаетъ то въ великую братственную сердечную и нелицемѣрную любовь, что онъ въ Иверскую землю вступатися не хочетъ, и тѣмъ къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, братственную свою любовь и дружбу оказуетъ. А то великому государю вашему и вамъ, его ближнимъ людемъ, и самимъ вѣдомо подлинно, что Иверская земля, цари и князи, изначала православные крестьянскіе вѣры греческаго закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и никѣмъ не обладаемы. Послѣ того, какъ извелись во Царѣ городѣ крестьянскіе государи, и какъ учала быти въ Иверской землѣ межъ царей и князей рознь и несогласье, а турской учалъ имъ многую тѣсноту чинить, и иверской Олександръ царь, видя себя безпомочна и не хотя быть отъ турского въ разореньѣ, били челомъ блаженные славные памяти дядѣ великого государя нашего, великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., чтобы онъ, великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с., для крестьянскіе вѣры, принялъ его подъ свою царскую высокую руку, и отъ турского салтана и отъ шевкала обороняти ево велѣлъ; а онъ зъ дѣтьми своими, съ царевичемъ Юрьемъ и со внучаты и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ російскихъ государей царей неотступенъ будетъ на вѣки: и на томъ онъ, Олександръ царь, зъ дѣтьми своими и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею, блаженные памяти дядѣ великого государя нашего, великому государю ц. и в. кн. Федору Ивановичю в. Р. с. правду далъ по нашей крестьянской вѣрѣ, крестъ цѣловалъ, и тѣмъ себѣ вспоможенье и отъ турскихъ людей свободу получилъ, и никоторые ихъ недруги не умѣли имъ никоторые тѣсноты во вся лѣта при дядѣ великого государя нашего, при великомъ государѣ ц. и в. кн. Ѳедорѣ Ивановичѣ в. Р. с. и при царѣ Борисѣ учинити. Да то и самому великому государю Аббасъ шахову величеству вѣдомо, какъ великій государь блаженные славные памяти дяди великого государя нашего, царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. с., на Теркѣ и на Койсѣ городы велѣлъ поставить и людей ратныхъ въ нихъ устроити велѣлъ для Иверскіе земли, турскимъ и кумышскимъ (sic) людемъ тѣснити не дати и противъ недруговъ ихъ помогати, да и для того, что турскіе люди по многіе годы ходили на Аббасъ шахова величества землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Суншу: и по его царского

величества повелѣнью, изъ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и яицкіе казаки на турскіе люди приходили, и на Суншѣ турскихъ многихъ людей побили, и впередъ тѣми мѣсты на великого государя Аббасъ шахова величества землю турскіе люди ходити не учали, и великому государю Аббасъ шахову величеству тѣмъ великая помочь учинилась, да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба дяди великого государя нашего царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с. великому государю Аббасъ шахову величеству была, о чемъ самому Аббасъ шаху подлинно вѣдомо. А какъ судомъ Божьимъ блаженные славные памяти дяди великого государя нашего, великого государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича в. Р. с. въ животѣ не стало, а на великихъ Російскихъ государствахъ учинился царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичь в. Р., и иверской Олександръ царь царю Борису потому жъ правду далъ: зъ дѣтьми своими и со внучаты, и со всѣми думными своими людьми крестъ цѣловали, что имъ быти подъ російскихъ великихъ государей царей рукою, со всею Иверскою землею навѣки не отступнымъ. И по Олександрову цареву челобитью царь Борисъ изъ понизовыхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ послати на шевкала и на всю Кумытцкую землю ратныхъ своихъ людей для того: какъ Олександъ царь съ повелѣнья царя Бориса былъ Аббасъ шахова величества въ рати, и шевкальской по турского велѣнью въ ту пору Иверскую землю воевали и многихъ крестьянскихъ людей въ плѣнъ поимали, а царя Бориса ратные люди Кумытцкую землю воевали и многіе городы и мѣста поимали и разорили, и въ Торкахъ и въ Торкалахъ городы поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государствѣ учала быти умышленьемъ польского короля смута и въ людехъ розпь, и кумытцкіе люди, сложась съ турскими людьми, которые въ то время были въ Кумытцкой землѣ, на великого государя нашего людей приходили, и бои были многіе, и многіе крови на обѣ стороны пролились, а все то для Иверскіе земли: и шахъ Аббасово бъ величество, по своему слову, какъ онъ къ брату своему къ велпкому государю нашему, къ его царскому величеству, приказывалъ съ посланникомъ его царского величества, съ Федоромъ Леонтьевымъ, такъ бы и впередъ совершалъ, Грузинскіе земли воевать не велѣлъ; а великій государь нашъ, его ц. в., противъ того также учнетъ шахъ Аббасову величеству воздавати своею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ его царскому величеству возможно.

А будетъ они провѣдаютъ допряма, что грузинской царь и Грузинская и Иверская земля, сложилась съ турскимъ царемъ и съ иными

государствы шахову землю воюютъ, и рати его съ турского царя ратьми въ шаховѣ землѣ есть, — и посломъ, будучи у шаха на посольствѣ и съ ближними людьми въ розговорехъ, о грузинскомъ царѣ и о Грузинской и о Иверской землѣ ничего не говорити.

А будетъ шахъ самъ спроситъ ихъ на посольствѣ, или его ближніе люди учнутъ ихъ въ розговорехъ спрашивать про Иверскую землю: какъ былъ у него, у шаха, отъ царского величества посланникъ Ѳедоръ Леонтьевъ, и онъ говорилъ ему отъ царского величества о иверскомъ царѣ и о его землѣ, чтобъ ему, шаху, для братственные дружбы и любви въ Иверскую землю не вступатись и ее не воевать, и онъ, шахъ Аббасъ, приказывалъ отъ себя къ царскому величеству съ Ѳедоромъ же Леонтьевымъ, что онъ по его царского величества приказу, для братственные дружбы и любви, въ Иверскую землю впередъ вступатись и воевати ее не хочетъ и царскому величеству за Грузинскую землю не стоитъ; а нынѣ грузинской царь, сложась съ недругомъ его съ турскимъ царемъ, стоитъ на него и землю его воюютъ, и царскому величеству про то вѣдомо ль? и нынѣ съ ними про грузинского царя и про его землю что́ отъ царского величества приказъ? — и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, шаху или его ближнимъ людемъ говорити: и намъ было о Иверской землѣ шахову величеству для крестьянскіе вѣры говорити наказано, а того царское величество не вѣдалъ и въ Теймуразѣ царѣ того не чаялъ, что ему приложитьца царского величества и шахъ Аббасова величества къ недругу, къ турскому салтану, и мы, слыша Теймураза царя неправды и грубости къ царскому величеству и къ шахъ Аббасову величеству, объ немъ нынѣ и не говоримъ.

А будетъ шахъ, или ево ближніе люди о Иверской землѣ не вспросятъ, и имъ самимъ про Иверскую землю не говорить ничего, только провѣдаютъ, что сложился иверской царь съ турьскимъ.

Да память посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи: нѣчто ихъ хъ какой мѣрѣ въ розговорехъ учнутъ спрашивати шахъ самъ или шаховы ближніе люди, для чего у царского величества у стола не были шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, и иныхъ государей послы у царского величества у стола бываютъ ли? — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити: искони у великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, у предковъ великого государя нашего, также и у его царского величества, великихъ государей послы и у стола бываютъ, какъ его царского величества не

зайдутъ иные ихъ государскіе великіе дѣла; а коли въ то время, какъ бываютъ у его царского величества послы, заходятъ ихъ государственные и земскіе иные дѣла, и его царское величество посылаетъ къ великихъ государей посломъ съ столомъ, отъ своего царского стола, съ ѣствою и съ питьемъ, своихъ ближнихъ людей стольниковъ. А какъ великого государя шахъ Аббасова величества послы были у царского величества на посольствѣ, и въ тѣ поры его царского величества зашли иные государственные и земскіе дѣла, и его царское величество, любячи брата своего великого государя вашего шахъ Аббасово величество, а пословъ его жалуя, посылалъ къ нимъ на дворъ отъ своего царского стола съ ѣствою и съ питьемъ своего царского величества стольника, ближнего человѣка, великого роду, князя Ивана Ивановича Одоевского, и потчивать ему государя вашего пословъ велѣлъ, и честь имъ чинити, какъ есть великого государя брата своего любительного пословъ по тому жъ, какъ и у прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ въ обычаехъ и въ ихъ царского величества поведеньяхъ бываетъ.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи: нѣчто будетъ имъ вѣдомо, что городы Шемаху и Баку и Дербень взяли у шаха турскіе люди, и для того имъ будетъ сухимъ путемъ на тѣ городы итти нелзѣ, а пойдутъ моремъ на Гилянь, и будетъ нѣчто, по грѣхомъ, ихъ вѣтромъ занесетъ подъ Дербень, или на морѣ ихъ, по грѣхомъ, возмутъ турского люди,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, наказъ и рѣчь, и грамота государева большая, и роспись поминкамъ, изготовя съ каменемъ, тайно, и обязавъ во что крѣпко, вкинуть въ воду, чтобъ никому не примѣтно стало, или приготовя огонь, зжечь, или изодрать, чтобъ однолично устроити, лише оставити у себя грамота къ шаху о торговомъ дѣлѣ, что съ ними послана на запасъ. А гдѣ ихъ въ которой городъ къ турсково воеводамъ приведутъ и учнутъ ихъ спрашивать паши, или сапчаки, или судовые капитаны, для чего они идутъ хъ кизылбашскому шаху?—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарыщи, говорити въ роспросѣ, что послалъ ихъ государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. къ Аббасъ шаху о торговомъ дѣлѣ, что присылалъ Аббасъ шахъ къ великому государю нашему царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. пословъ своихъ, Кал салтана да Булатъ бека, съ грамотою; а въ грамотѣ своей писалъ, чтобъ его торговымъ людемъ поволить пріѣзжать съ товары торговать въ государя нашего государствѣ, въ Казани и въ Астороханн, и дорога бъ имъ

была отворена, и торгъ людемъ ево велѣть давать повольной по прежнимъ обычаемъ. И великій государь нашъ противъ того къ шаху писалъ, что прежъ сего дядя его великого государя нашего, блаженные памяти царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р., послалъ къ шаху въ Персидцкое государство для своихъ потребныхъ товаровъ купить, которые были годны къ его царской казнѣ, съ своею бологодѣтью со многою, людей своихъ торговыхъ Дмитрея Ивашева да Ѳедора Першина, и тѣхъ великого государя нашего дяди людей Дмитрея Ивашева на морѣ, идучи въ шахову землю, не стало, а Ѳедора Першина въ его же шаховѣ землѣ въ Казбинѣ не стало, и тое великого государя нашего дяди великого государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича в. Р. бологодѣть шахъ велѣлъ взять казначею своему на себя, и великого государя нашего дядя, великій государь царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р., о той бологодѣти посылалъ къ шаху многижда, чтобъ шахъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, прислалъ, и шахъ тоѣ бологодѣти великого государя нашего къ дядѣ не присылывалъ, и великій государь нашъ, его царское величество, и его шаховыхъ торговыхъ людей пущать въ свои государства не велѣлъ. А нынѣ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. для тоѣ бологодѣти послалъ къ шаху, съ его послы вмѣстѣ, насъ, пословъ своихъ: меня, князя Михайла Борятинского съ товарыщи, и шахъ бы тоѣ великого государя нашего дяди бологодѣть, сыскавъ, къ великому государю нашему съ нами прислалъ; а какъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, къ великому государю нашему съ нами пришлетъ, и великій государь нашъ тогда по ево присылкѣ его шаховымъ торговымъ людемъ дорогу отворить велитъ и въ государства свои, въ Асторохань и въ Казань, его торговыхъ людей пропущать велитъ: съ тѣмъ мы отъ великого государя нашего къ Аббасъ шаху и посланы. Да и государю вашему Ахметъ салтану про то извѣстно, что великій государь нашъ съ кизылбашскимъ шахомъ ссыластца по прежнему обычею о торговлѣ; а съ великимъ государемъ нашимъ нынѣ великій государь вашъ Ахметъ салтанъ въ дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ свыше прежнего. Какъ великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. с., и его царское величество, оказуючи къ великому государю вашему, къ Ахметъ салтанову величеству, братственную свою любовь, напередъ всѣхъ великихъ государей обестить свое государство и о братственной дружбѣ и о любви, и объявляя передъ собою, великимъ государемъ, и

и передо всѣми Російскими государствы польского Жигимонта короля неправды, посланниковъ своихъ Солового Протасьева да дьяка Михайла Даниlова: и великій государь вашъ тѣхъ великого государя нашего посланниковъ принялъ честно, и къ великому государю нашему отпустилъ ихъ, не издержавъ, и съ ними вмѣстѣ къ великому государю нашему о братственной же дружбѣ и о любви послалъ былъ чеуша своего Алѣя, и его, идучи къ великому государю нашему, въ дорогѣ не стало, а которую грамоту къ царскому величеству великій государь вашъ послалъ былъ съ тѣмъ чеушомъ своимъ съ Алѣемъ, и тоѣ грамоту до царского величества довезли люди ево, и въ той грамотѣ государь вашъ Ахметъ салтанъ писалъ къ великому государю нашему, что великій государь вашъ Ахметъ салтанъ хочетъ быти съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, въ братственной дружбѣ и въ любви, мимо всѣхъ великихъ государей навѣки неподвиженъ и на всякого его государева недруга, а именно на польского короля, хочетъ съ нимъ, великимъ государемъ нашимъ, стоять за одно; а о иныхъ де о многихъ государственныхъ дѣлехъ къ великому государю нашему отъ государя вашего приказъ былъ словесно, и про тѣ дѣла великому государю нашему не вѣдомо, потому что чеуша ево въ дорогѣ не стало, и великій государь нашъ, его царское величество, государя вашего торговыхъ людей, которые были съ чеушомъ, Касыма съ товарыщи, и Алѣя чеуша людей, которые довезли до великого государя нашего государя вашего грамоту, пожаловалъ, далъ имъ видѣти свои царскіе очи и, пожаловавъ ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ, отпустилъ ихъ къ государю вашему, не издержавъ; а съ ними вмѣстѣ послалъ великій государь нашъ къ великому государю вашему о братственной дружбѣ и о любви, и о тѣхъ дѣлехъ, о чемъ великій государь вашъ къ великому государю нашему словесно приказывалъ съ чеушемъ своимъ съ Алѣемъ, которово въ дорогѣ не стало, посланниковъ своихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова, и нынѣ тѣ государя нашего посланники у великого государя вашего. И впередъ великій государь нашъ, ево царское величество, мимо всѣхъ великихъ государей хочетъ быти съ великимъ государемъ вашимъ, съ Ахметъ салтановымъ величествомъ, въ братственной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ на вѣки: и вы бъ насъ не держали, хъ кизылбашскому шаху насъ пропустили, и наказу нашего и грамоты выслушали и посмотрили, а тѣмъ межъ великого государя нашего и государя своего братцкой любви и ссылкѣ порухи не учинили. Да о томъ посломъ кизылбашскимъ и подъячимъ, и толмачомъ, и всякимъ людемъ своимъ и кизылбашскимъ

наказали именно, чтобъ они въ одно говорили со княземъ Михайломъ съ товарыщи, а не врознь.

Таковъ государевъ особной наказъ данъ посломъ въ запасъ, нѣчто ихъ занесетъ къ турсково царя городомъ:

Лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ дворенину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому да дворенину Ивану Ивановичю Чичѣрину, да дьяку Михайлу Тюхину итти отъ себя, отъ государя, въ Кизылбаши къ шахъ Аббасу въ послѣхъ. А съ ними вмѣсте отпущены отъ государя шаховы послы Кая салтанъ да Кая (sic) бекъ, которые приходили къ государю отъ шаха о торговле, чтобъ государю поволити шаховымъ торговымъ людемъ ходить со всякими товары въ свои государства, въ Казань и въ Асторохань.

И посломъ, князю Михайлу Петровичю да Ивану Ивановичю, да дяку Михайлу Тюхину, пришедъ къ шаху, говорити отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. рѣчь:

Бога безначальнаго, невидимаго, превыше небесъ пребывающаго и Словомъ вся сотворшаго, и Духомъ своимъ всѣмъ животъ дарующаго, страшнаго и неприступнаго, владающаго силами небесными и устроющаго по всей землѣ всяческая, Его же трепещутъ и боятца небеспая и земпая, и пресподпия. Сего силою и дѣйствомъ стоимъ и движемся, и пребываемъ, и величеству Его славу возсылаемъ, утвердившего насъ скиѳетръ держати православія и пастырствовати словеснымъ Его овцамъ устроивша, Ему же славу возсылаемъ, — мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. (*титулъ*) и иныхъ многихъ государствъ государь и облаадатель, Персидскіе и Ширванскіе земли начальнику шахъ Аббасу велѣлъ поклонитись.

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ тебѣ, брату своему, свое здоровье сказать, а о твоемъ здоровье спросити.

Да подати отъ государя шаху грамота. А послѣ грамоты подати шаху поминки, а послѣ того посломъ говорити:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ тебѣ, брату своему, говорити: присылалъ еси къ нашему царскому в-ву пословъ своихъ, Кая салтана да Булатъ бека, а съ ними приказывалъ еси къ нашему царскому в-ву и въ грамотѣ своей къ намъ писалъ, чтобъ намъ поволить твоимъ торговымъ людемъ пріѣзжать съ товары въ наши государства, въ Асторохань и въ Казань, и

дорога имъ была отворена, и торгъ бы твоимъ торговымъ людемъ велѣти дать повольно по прежнимъ обычаемъ. И преже сего дядя нашъ, блаженные памяти великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. посылалъ въ твое государство для своихъ потребныхъ товаровъ купить, которые были годны къ его царской казнѣ, съ своею бологодѣтью со многою людей своихъ торговыхъ, Дмитрея Ивашева да Ѳедора Першина. И тѣхъ, дяди нашего людей, Дмитрея Ивашева, на морѣ, идучи въ вашу землю, не стало, а Ѳедора Першина въ вашей землѣ въ Казбине не стало, и тоѣ дяди нашего великого государя ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. бологодѣть ваше величество велѣлъ взять казначѣю своему на себя, и дядя нашъ великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. къ вашему шахъ Аббасову в-ву о той бологодѣти посылалъ гонца своего Микулу Иванова, чтобъ ваше шахово в-во тоѣ бологодѣть, сыскавъ, прислалъ. И ваше величество тоѣ бологодѣти къ дядѣ нашему не присылывалъ, и мы потому и твоихъ торговыхъ людей пущать въ наши государства не велѣли. И мы нынe для тоѣ бологодѣти послали къ тебѣ, къ шахъ Аббасову в-ву, съ твоими послы вмѣсте пословъ своихъ, дворенина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинского, дворенина жъ нашего Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка нашего Михайла Тюхина. И ты-бъ, шахъ Аббасово в-во, тоѣ дяди нашего бологодѣть, сыскавъ, къ намъ съ послы нашими прислалъ. А какъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, пришлешь къ нашему царьскому в-ву, и мы тогда по твоей присылкѣ твоимъ торговымъ людемъ дорогу отворить велимъ и въ наши государства, въ Асторохань и въ Казань, твоихъ торговыхъ людей съ товары торговать пропущать велимъ. Такъ бы еси вѣдалъ.

Божіею милостію отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. (*титулъ*) Гирѣю князю паше царское милостивое слово. Послали есмя къ брату нашему, къ Аббасъ шахову в-ву, для нашего государственного великово дѣла пословъ нашихъ, дворенина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинсково, дворенина нашего Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка Михайла Тюхина. И гдѣ имъ лучитца ѣхати твоею землею сухимъ или водянымъ путемъ, и ты бъ, Гирѣй князь, пословъ нашихъ, князя Михайла и Ивана, и дьяка Михайла своею землею пропускалъ вездѣ безъ задержанья со всѣми людьми ихъ и съ животы, что съ ними будетъ, безо всякого мешканья и зацѣпокъ, и подводы имъ и приставовъ и провожатыхъ давалъ, чтобъимъ до брата нашего до

басъ Ашахова в-ва городовъ дойти здорово. А какъ они отъ брата нашего, отъ Обасъ шаха, пойдутъ къ намъ, великому государю, а лучитца имъ итти твоею землею, и ты бъ ихъ по тому жъ пропускалъ и подводы, и приставовъ, и провожатыхъ имъ давалъ: то бъ еси учинилъ для нашего царского в-ва, тѣмъ бы еси нашему царскому в-ву послужилъ, пословъ нашихъ къ шаху и назадъ къ намъ отъ шаха проводилъ; а мы, великій государь, за твою къ намъ службу и радѣнье пожалуемъ тебя нашимъ царскимъ жалованьемъ. Писанъ государствія нашего дворѣ царствующемъ граде Москвѣ лѣта 7126-го маія мѣсяца.

Божіею милостію отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. (*титулъ*) черкаскимъ и горскимъ княземъ и мурзамъ наше царское милостивое слово. Послали есмя (*и проч., какъ въ предыдущей*). А мы, великій государь, за ваши къ намъ службы и радѣнье пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. Писанъ государствія нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7126-го маія мѣсяца.

$\frac{7126}{1618}$ мая 23. Копіи съ двухъ грамотъ государя царя Михайла Ѳедоровича къ шаху Аббасу, отправленныхъ съ россійскими послами князь Михайломъ Борятинскимъ, Иваномъ Чичеринымъ и дьякомъ Михайломъ Тюхинымъ. Лл. 189—211.

Богда единаго, безначальнаго (*и проч.*) утвердившаго насъ скиѳетръ держати православія во обдержаніе великого Російского царствія въ месть врагомъ, въ похвалу добродѣемъ, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. (*тутулъ*) восточново предѣла высокостольпѣйшего мѣста, превосочайшіе прехвальные степени великоздержательную власть древнихъ великихъ государей персидцкихъ царей пріемшему, превознесенную честь, яко рогъ пирога достигшему, мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честію и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю пореченному въ чести величества изящному Перситцкіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ шахову в-ву, любовному пріятелю нашего царского в-ва любовное поздравленіе и счасливое пребываніе и надъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: въ нынешнемъ во 126-мъ году присылалъ еси къ нашему царскому в-ву пословъ своихъ, Кая бека да Булатъ бека, съ своею любительною грамотою о дружбе и о любви, и о иныхъ нашихъ государьскихъ о вопчихъ

любительныхъ дѣлехъ, и мы, великій государь, ту вашу, брата нашего грамоту приняли и выслушали любительно; а въ грамоте своей къ нашему ц. в-ву вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, писалъ, что вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, слыша про наше царского величества здоровье отъ посланника нашего Ѳедора Левонтьева, добрѣ обрадовался и учинился вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, съ нашимъ царскимъ в-мъ въ братцкой въ любительной дружбе и въ любви и въ ссылке такъ же, какъ и съ прежними великими государи цари и великими князи російскими, предки нашими, бывали предки ваши великіе персидцкіе шахи, и послалъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому в-ву ваше шахъ Аббасово в-во о дружбе и о любви съ нашимъ посланникомъ вмѣсте съ своею любительною грамотою посла своего вѣрново и ближнего своего двора капычейского агу Кая бека, и намъ, нашему бъ царскому в-ву, съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в-мъ, по тому жъ быти въ братственной въ крѣпкой дружбе и любви и въ сылке, и торговымъ бы людемъ торгъ былъ повольной. А что намъ, великому государю, годно въ вашемъ, брата нашего, государстве, и намъ бы, великому государю, о томъ велѣть къ тебѣ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву приказати, и вы, братъ нашъ, то все наше дѣло любительно исполнишь, а ваши, брата нашего, шахъ Аббасова в-ва послы нашего царского в-ва бояромъ, боярину и намѣстнику нижегородцкому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому-Ярославскому съ товарыщи и нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что приказалъ имъ вы, братъ нашъ, великій государь, шахъ Аббасово в-во намъ, великому государю, нашему царскому в-ву, известить, что по нашему царского в-ва указу посланникъ нашъ Ѳедоръ Левонтьевъ говорилъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, чтобъ ты, братъ нашъ, прислалъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому в-ву, въ помочь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и вы де, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, посланнику нашему сказалъ, что вы, братъ нашъ, посылаете ныне къ нашему царскому в-ву съ ними, послы своими, лехкую казну, что нынѣ у васъ, брата нашего, шахъ Аббасова в-ва, вскоре лучилось послати; а какъ, ажь дастъ Богъ, они, ваши, брата нашего, послы, будутъ у насъ, великого государя, и что мы, великій государь, наше царское величество, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, съ вами о казнѣ или о ратныхъ людехъ, или про иное про какое дѣло прикажемъ, и вы, братъ нашъ, великій государь, шахъ Аббасово в-во, то все намъ,

великому государю, нашему царскому в-ву по нашей царской воле исполнишь, какъ нашему царскому в-ву будетъ годно, и мы, великій государь, наше царское в-во отъ васъ, великого государя, брата нашего, шахъ Аббасова в-ва, тѣ нынѣшніе твои къ намъ, великому государю, любительные поминки и серебро, что ты съ послы своими къ намъ, великому государю, прислалъ, припели въ братственную сердечную дружбу и любовь, и противъ того мы, великій государь, наше царское в-во вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавать, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно. И учинилися мы, великій государь, наше царское в-во, съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в-мъ въ крѣпкой, братственной, въ нелицемѣрной дружбе и любви и въ ссылке, мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно. Иословъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, отпустили; а съ ними вмѣстѣ послали мы, великій государь, наше царское в-во къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-вуословъ нашихъ, дворянина и намѣстника болховского, князя Михайла Петровича Борятинского, да дворянина Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка нашего Михайла Тюхина о братственной же дружбе и о любви, и о иныхъ нашихъ государскихъ о великихъ дѣлехъ, которые намъ обоимъ, великимъ государемъ, къ дружбе и къ любви годны. И вы бъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, по тому жъ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой въ братственной дружбе и въ ссылке на вѣки неподвижно. А то мы, великій государь, наше царское в-во вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, объявляемъ, что мы, великій государь, нынѣ войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и разорителемъ нашего Московского государства съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ за его многіе неправды, отставя всякіе наши дѣла. И нынѣ насъ, великого государя, у васъ,брата нашего, у шахъ Аббасова величества любительное прошеніе то и съ послы нашего царского в-ва, и съ вашими, шахъ Аббасова в-ва, послы къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству приказывали о томъ же, чтобъ вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, къ намъ, великому государю, нашему ц. в., совершенную свою сердечную братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего, польского короля, казны денежные въ помочь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей пожаловать и противъ недруга нашего, польского короля, за его многіе неправды стоять. А то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству

самому подлинно вѣдомо, что наши великіе Російскіе государства великіе и многолюдные, только нынѣ, за грѣхъ, ото многіе розни и межъусобья, что было до нашего государства, и отъ войны недруга нашего польского Жигимонта короля до нашего самодержавства же ратные наши всякіе люди пооскудѣли, и вамъ бы, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показать: прислать къ намъ, великому государю, на вспоможенье противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ людей пожаловать. А какъ наше царское величество съ недругомъ нашимъ, съ польскимъ королемъ, управимся, и мы, великій государь, наше ц. в. тоѣ казну вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, заплатить велимъ, какими узорочьи изъ нашего государства вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству будетъ годно, да и сверхъ того мы, великій государь, наше ц. в., вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству противъ вашее любви учнемъ воздавати нашею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему царскому величеству возможно. А пословъ нашихъ, дворенина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинсково съ товарыщи, къ намъ отпустили бы есте, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ ближнихъ людей къ намъ съ ними вмѣстѣ прислалъ, наказавъ съ послы своими подлинно, какъ намъ, великимъ государемъ, межъ себя впередъ быти въ крѣпкой братственной дружбе и любви на вѣки неподвижно, и какихъ узорочей, что ведетца въ нашихъ государствахъ, къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ пришлете, послати. А какъ твои, брата нашего, послы у нашего царского величества будутъ, и мы, великій государь, велимъ нашимъ думнымъ людемъ съ твоими, брата нашего, послы о всякихъ о добрыхъ дѣлехъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братцкой любви и въ дружбе навеки неподвижно, и пословъ твоихъ къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не задержавъ, и своихъ большихъ пословъ къ вамъ, брату нашему, пошлемъ, и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбѣ и любви мимо всѣхъ великихъ государей навѣки неподвижно: на то нашего царского величества мысль крѣпко утвердилась. А о иныхъ нашихъ дѣлехъ наказали есмя вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству говорити посломъ нашимъ, дворянину нашему и намѣстнику болховскому, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, и что они вамъ, брату нашему, учнутъ говорити, и вы бъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово вели-

чество, имъ вѣрили. Писанъ государствія нашего дворѣ въ царствующемъ граде Москвѣ лѣта отъ созданія міру 7126-го маія мѣсяца 23-го дня.

А се государева грамота къ шаху жъ въ запасъ, нѣчто государевыхъ пословъ занесетъ моремъ къ турского царя городомъ.

Бога безначальнаго, невидимаго *(и проч.)*, мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. *(титулъ)* и всея сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ государствъ государь и облададатель, Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику шахъ Аббасову в-ву. Присылалъ еси къ нашему ц. в. пословъ своихъ, Кая салтана да Булатъ бека, а съ ними приказывалъ еси къ нашему ц. в. и въ грамоте своей къ намъ писалъ, чтобъ намъ поволити твоимъ торговымъ людемъ пріезжать съ товары въ наши государства, въ Асторохань и въ Казань, и дорога имъ была отворена, и торгъ бы твоимъ торговымъ людемъ велѣти дать повольно, по прежнимъ обычаемъ. И преже сего дядя нашъ блаженные памяти великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. посылалъ въ твое государство для своихъ потребныхъ товаровъ купити, которые были годны къ его царской казнѣ, съ своею бологодѣтью со многою людей своихъ торговыхъ, Дмитрея Ивашева да Ѳедора Першина, и тѣхъ дяди нашего людей, Дмитрея Ивашева, на морѣ, идучи въ вашу землю, не стало, а Ѳедора Першина въ вашей землѣ, въ Казбинѣ, не стало. И тоѣ дяди нашего великого государя ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. бологодѣть ваше величество велѣлъ взять казначею своему на себя, и дядя нашъ великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь в. Р. къ вашему шахъ Аббасову в-ву о той бологодѣти посылалъ гонца своего Микулу Иванова, чтобъ вы, шахово в-во, тоѣ бологодѣть, сыскавъ, прислалъ. И ваше величество тоѣ бологодѣти къ дяде нашему не присылывалъ, и мы потому и твоихъ торговыхъ людей пущать въ наши государства не велѣли. И мы нынѣ для тоѣ бологодѣти послали къ тебѣ, къ шахъ Аббасову в-ву, съ твоими послы вмѣсте пословъ своихъ, дворенина и намѣсника болховского князя Михайла Петровича Борятинского съ товарыщи, и ты бъ, шахъ Аббасово в-во, тоѣ дяди нашего бологодѣть, сыскавъ, къ намъ съ послы нашими прислалъ. А какъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, къ намъ пришлешь, къ нашему царскому в-ву, и мы тогда по твоей присылке твоимъ торговымъ людемъ дорогу отворить велимъ и въ наши государства, въ Асторохань и въ Казань, твоихъ торговыхъ людей съ товаромъ торговать пропущать велимъ. Такъ бы еси вѣдалъ. Писана въ великого государства нашего дворѣ въ царствующемъ граде Москвѣ лѣта отъ созданія міру 7126-го маія мѣсяца 23-го дня.

Книга персицкого повытья съ 7126-го по 7129-й годъ. А въ ней выписки изъ отписокъ російскихъ пословъ дворянина Ивана Чичерина, да дьяка Михайла Тюхина, какъ они посыланы отъ великого государя царя Михайла Ѳеодоровича къ перьсицкому Аббасъ шаху съ первымъ посломъ, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ, которой въ Персиде умре, съ прошеніемъ казны въ заимъ въ помочь имѣющейся войны съ недругомъ полскимъ Жигимонтомъ королемъ, понеже російскіе люди отъ многіе разни и междоусобья и отъ войны того полского короля оскудѣли. И статейной ихъ списокъ бытія ихъ въ Персиде. Въ сей же книгѣ пріѣздъ въ Москву персицкого посла Булатъ бека 7129-го году, которой предлагалъ, чтобъ царское величество велѣлъ поставити въ Кумыцкой землѣ на Сунше городы, а какъ городы въ тѣхъ мѣстехъ станутъ и межъ царского величества и шахова величества иного никого въ сусѣдехъ не будетъ, ино все будетъ ихъ государская земля и недругомъ своимъ будутъ страшны, и о нѣкоторыхъ обидныхъ дѣлехъ.

Другое заглавіе:

Книга № 6, содержащая персидскія дѣла. $\frac{7126}{1618}$ мая 18 — $\frac{7132}{1624}$ іюня 27.

I. Отписки къ государю изъ Персіи отъ посланника Ивана Чичерина и дьяка Михайла Тюхина, какъ ѣхали они въ дорогѣ, какъ были у шаха на посольствѣ, о послѣдовавшей смерти первому ихъ товарищу послу князю Михайлу Борятинскому, объ отпускѣ ихъ обратно въ Россію и объ отправленіи съ ними къ государю персидского посла Булатъ бѣка. Листы 1—3—47.

II. Грамоты государевы въ Казань, Астрахань и на Терекъ къ воеводамъ о принятіи ѣдущаго къ государю персидского посла Булатъ бѣка, и на оныя грамоты отъ нихъ воеводъ отписки. Листы 47—77.

III. Статейный списокъ пословъ князя Михайла Борятинского, Ивана Чичерина, и дьяка Михайла Тюхина, какъ были они въ Персіи и у шаха на посольствѣ. Листы 77—332.

IV. Записка, что препоручено было онымъ посламъ въ государевъ наказъ и что по тому исполнено. Листы 333—357.

V. Отписка къ государю отъ казанского воеводы объ отправленіи въ Москву персидского посла Булатъ бѣка, л. 357—384. Пріѣздъ онаго посла въ Москву, л. 384—407. Бытность ево, посла, у государя на

пріѣздѣ и проч., л. 407—504, и обратной оному послу отпускъ, л. 504—525 (окончанія нѣтъ).

VI. Отписка къ государю изъ Персіи отъ пасланника Василья Коробьина и дьяка Остафья Кувшинова, какъ они были у шаха на отпускѣ, и о ѣдущихъ къ государю шаховыхъ послахъ Русанъ бѣкѣ, Булатъ бѣкѣ и купчинѣ Мама Салаи, съ коими послана къ государю Риза Господня. Листы 526—532. У сего начала и конца нѣтъ.

Лѣта 7127-го іюля въ 14 де(нь) писали къ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ: посланы они къ шахъ Аббасову величеству и они пришли въ Шемаху августа въ 31-мъ числѣ, и шахъ Аббасово величество прислалъ къ Исупъ хану въ Шемаху, а велѣлъ ихъ отпустить къ себѣ въ Родевиль, и Исупъ ханъ ихъ отпустилъ изъ Шемахи въ Родевиль сентября въ 25-мъ числѣ, и они пришли въ Родевиль октября въ 12-мъ числѣ, и октября жъ въ 14 день шахъ Аббасъ пришелъ изъ Родивиля въ Казбинъ, а имъ велѣлъ итти за собою жъ въ Казбинъ, и ихъ после шаха отпустили изъ Родивиля въ Казбинъ октября въ 21 де(нь), а въ Казбинъ они пришли ноября въ 3 де(нь), и ноября жъ въ 4 де(нь) шахъ Аббасъ прислалъ къ нимъ Кая салтана, а велѣлъ имъ быти у себя на посольстве, и они посольство по государеву наказу правили и государеву грамоту къ шахъ Аббасу князь Михайло поднесъ, и шахъ, приневъ грамоту, спросилъ про царское здоровье и грамоту при нихъ, роспечатавъ, чолъ. А что было съ ними къ шахъ Аббасову в. послано было казны и кречетовъ, и то все шахъ государеву посылку принелъ въ любовь и сказалъ, что онъ великому государю брату своему помогати казною радъ, и что есть и за то не стоитъ, и о чемъ де вы ко мнѣ присланы, и я де васъ отпущу совсѣмъ. И после тово шахъ жилъ въ Казбине три дни и поѣхалъ изъ Казбина въ Гилянь, а изъ Гилянь пошолъ въ Ѳоробатъ зимовать, а имъ велѣлъ себя дожидатца въ Казбине до весны, и хотѣлъ ихъ отпустити къ государю весною вскоре. А съ турсково, государь, людьми у шаховыхъ людей межъ Тевриза и Родивиля былъ бой августа въ 19-мъ числѣ, и шаховы люди турсково людей многихъ побили, а убили де больши пятинатцати тысечь, и живыхъ многихъ поимали. А крымской де царь и грузинской тутo жъ были съ турсково людьми на бою, и на томъ же де бою крымсково царя шаховы люди взяли ближнево человѣка Мурза бека. А какъ они

у шаха на посольстве были, и шахъ имъ тово Мурза бега объявлялъ. И после шахова отъѣзду изъ Казбина вскоре, товарищъ ихъ князь Михайло Борятинской розболѣлся, и отъ тоѣ болѣзни не стало декабря въ 15-мъ числѣ. А отписку послали изъ Казбина генваря въ 21-мъ числе.

И августа въ 4 де(нь) писано отъ государя къ Ивану Чичѣрину и ко дьяку къ Михаилу Тюхину: какъ, Богъ дастъ, придутъ они исъ Кизылбашъ въ Астарахань, и они бъ изъ Астарахани ѣхали къ государю къ Москве, не мешкая. А какъ у нихъ въ Кизылбашехъ государево дѣлалось и какъ ихъ шахъ къ государю отпустилъ и исъ которого города и кого съ ними послалъ въ послѣхъ, и что съ тѣмъ посланникомъ казны или поминковъ, и сколько съ посломъ будетъ людей, и о какихъ дѣлехъ идетъ, и о томъ о всемъ велено отписать къ государю къ Москве напередъ себя съ гонцомъ тотчасъ въ посольской приказъ.

И 128 г. маія въ 27 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ съ толмачомъ зъ Гавриломъ Есиповымъ: посланы они къ шахъ Аббасову в. въ прошломъ во 126-мъ году, августа въ 17 де(нь) пришли въ шахову землю моремъ въ Дербенской уѣздъ и на берегъ изъ бусъ сошли въ деревне Низове, а съ Низовы пошли въ Шемаху сухимъ путемъ на подводахъ. И августа въ 31-мъ числѣ пришли они въ Шемаху, и шемохѣйской Исупъ ханъ выслалъ къ нимъ на встрѣчю шемахѣйсково везиря Усеинъ бека, а съ нимъ конныхъ и пѣшихъ людей, а подъ нихъ прислалъ лошеди свои, и встрѣчали ихъ отъ города съ версту. А въ приставехъ у нихъ велѣлъ быти шемохѣйскому беку Максимъ Али агѣ, и говорилъ имъ тотъ Максимъ Али ага: приказывалъ де къ вамъ Исупъ ханъ, чтобы вамъ побыти въ Шемахе до шахова указу, а шахъ де нынеча въ Родевили, и Исупъ деи ханъ къ шаху послалъ и объ вашемъ приходе писалъ. И поставили ихъ въ ханове саду. И въ прошломъ же во 127-мъ году сентября въ 14 де(нь) присланъ отъ шаха изъ Родивиля въ Шемаху шаховъ ясаулъ баша Кардалѣй, а велено имъ быти въ Родивиль. И Исупъ ханъ ихъ отпустилъ изъ Шемахи въ Родивиль сентября въ 25 де(нь). И они пришли, не выходя Ардивиля за две версты, октября въ 12-мъ числѣ, и встрѣтилъ ихъ кизылбашенинъ Усеинъ бекъ, а на встрѣче Усеинъ бекъ имъ говорилъ: шахово де величество прислалъ ево къ нимъ, а велѣлъ ему быти въ приставехъ у нихъ и велѣлъ де имъ быти въ городъ. И они съ приставомъ пріѣхали въ городъ, и поставили ихъ на подворье. А встрѣчи имъ не было, и они и приставу

Усеинъ беку говорили: какъ у государя нашего царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. у его царского величества отъ шахова величества бываютъ послы и посланники, и царское величество для Аббасъ шахова величества братцкіе дружбы и любви велитъ шаховыхъ пословъ и посланниковъ встречати за городомъ, и на встрѣчахъ бываютъ дворяня и дети боярскіе многіе, и бываютъ имъ встрѣчи чесные, и высылаютъ къ посломъ царского величества съ конюшни лошеди подъ пословъ и подъ людей ихъ; а они отъ царского величества пришли къ шахову в. что въ пустой городъ: встрѣчи намъ не было, и лошадей къ нимъ отъ шахова в. не прислано. И приставъ Усеинъ бекъ имъ говорилъ: шахъ деи вскоре идетъ изъ Родивеля въ Казбинъ, а вамъ де быти въ Казбине жъ, и какъ де будете въ Казбине, и тамъ де вамъ будетъ встрѣча и лошади.

И октября жъ въ 13 де(нь) пріѣхали къ нимъ Кая салтанъ, что былъ преже сево у государя на Москвѣ отъ шаха въ послѣхъ, да приставъ Усеинъ бекъ [1]). И говорили имъ: прислалъ де насъ къ вамъ шахъ, а велѣлъ вамъ говорити, что шахъ изъ Родивеля идетъ въ Казбинъ, а вамъ де шахъ велѣлъ итти за собою въ Казбинъ. И они Кая салтану и приставу говорили, чтобъ шахово в. пожаловалъ, велѣлъ имъ очи свои видети и посольство править и государеву посылку приняти въ Родевиле. И Кая салтанъ и приставъ Усеинъ бекъ сказали имъ: шахъ де уже обиходы свои всѣ отпустилъ, а самъ де идетъ лехкимъ дѣломъ наскоро, и вамъ де у шаха быти немочно, что походъ шаховъ вскоре приспѣлъ, а велѣлъ де вамъ шахъ говорити: присланы отъ царсково величества къ шахову величеству кречеты, и вамъ бы де нынеча тѣ кречеты отослать къ шаху, а какъ де будете въ Казбине, а шахово де величество велитъ вамъ быти у себя на посольстве, и тѣ деи кречеты шахъ къ вамъ пришлетъ, чтобы вамъ тѣ кречеты с-ыною посылкою на посольстве шаху объявити. И они Кая салтану и приставу Усеинъ беку противу тово говорили, что въ прежнихъ обычаехъ тово не бывало, что посломъ, не видя государевыхъ очей, отъ великого государя поминки отдавати. И они имъ сказали: только бы де то шаху не за кручину стало, что вы къ нему кречетовъ не послали. И октября въ 14 де(нь) шахъ изъ Родевиля пошелъ въ Казбинъ, а имъ велѣлъ итти за собою жъ въ Казбинъ, и ихъ де после шаха отпустили изъ Родевиля въ Казбинъ октября въ

[1]) Въ статейномъ спискѣ это отнесено къ 18 октября; но надо полагать, что тамъ сдѣлана описка, такъ какъ далѣе идетъ 14-е октября, какъ и въ донесеніи.

21 де(нь), а къ Казбину они пришли ноября въ 3 де(нь). И не доходя до Казбина за полверсты, встрѣтилъ ихъ казбинской воевода да калентарь, да съ ними конныхъ людей немного, а сьѣхався съ ними на лошадѣхъ, учали имъ говорити: шахово де величество велѣлъ имъ васъ встрѣтити и о здоровье спросити и велѣлъ де вамъ шахъ ѣхати въ городъ. И они казбинскому воеводе и калентарю противу тово говорили: они на великого государя Аббасъ шахова величества жалованье челомъ бьютъ, что Аббасъ шахово величество учинилъ великого государя нашего его царсково величества для братцкіе любви и дружбы: велѣлъ ихъ встрѣтить.

И какъ пріѣхали они блиско посаду, и за посадомъ ихъ встречали пѣшіе люди, а лошадей подъ нихъ отъ шахова в. не прислали, ѣхали въ городъ на тѣхъ же подводахъ, на которыхъ дорогою ѣхали, и они учали приставу Усеинъ беку говорити противу прежнихъ своихъ речей: какъ къ великому государю нашему къ его ц. в. отъ великого государя Аббасъ шахова в. приходятъ послы и посланники, и къ посломъ и посланникомъ царсково величества съ конюшни присылаютъ лошеди подъ нихъ и подъ людей, а къ нимъ отъ шахова в. лошеди не присланы. И приставъ намъ сказалъ: у великого де государя вашего такъ де инѣхъ повелося, что подъ пословъ государьсково величества съ конюшни лошеди посылаютъ, а у шаха деи прежъ сево тово не бывало и нынеча нѣтъ же, что посылать подъ пословъ лошеди. И они приставу говорили: преже насъ отъ великого государя нашего отъ ево ц. в. былъ посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ, и шахово в. велѣлъ ево встрѣтити многимъ людемъ коннымъ и пѣшимъ и прислалъ къ нему аргамакъ своей конюшни. И приставъ имъ говорилъ: Ѳедоръ деи Левонтьевъ у шаха былъ на стану, а шахъ деи въ тоѣ пору шелъ изъ Грузей, и Богъ деи ему подаровалъ: Грузинскую землю повоевалъ и многими городами завладѣлъ; а хъ кому деи шахъ лошеди посылаетъ, и онъ деи тѣхъ лошадей назадъ не емлетъ. А воевода казбинской и калентарь и съ ними встрѣчники конные и пѣшіе провожали ихъ до подворья. И тово же дни въ вечеру пріѣхалъ къ нимъ Кая салтанъ и Усеинъ бекъ отъ шаха и говорили имъ: шахъ деи ихъ прислалъ къ нимъ, а велѣлъ вамъ говорити, что шаховы очи видети и посольство правити завтра. И ноября же въ 4 де(нь) они были у шаха и по государеву наказу отъ его царского в. шахъ Аббасову в. посольство правили и государеву грамоту князь Михайло шаху поднесъ. И шахъ, приневъ грамоту, спросилъ п(р)о царское величество многолѣтное здоровье и государеву грамоту шахъ,

роспечатавъ, положилъ передъ собою, а ихъ позвалъ къ руке. И после тово князь Михайло учалъ говорити рѣчь по государеву наказу.

И какъ князь Михайло рѣчь выговорилъ, и шахъ учалъ говорити: язъ де брату своему великому государю вашему помогати радъ казною; что есть и за то не стою, и любительное прошенье брата своего великово государя вашего исполню. А имъ велѣлъ сѣсти блиско себя, да посмотря на птицы, послалъ Исупъ агу, а велѣлъ къ себѣ принести кречетъ подкрасной и держалъ ево у себя на рукѣ не малое время, и клобучокъ съ нево снималъ и отдалъ Исупъ агѣ, да учалъ смотрить государеву грамоту и, посмотря, отдалъ дьяку своему Сары хозе, а посылку велѣлъ приняти и велѣлъ поднести къ себѣ пити, а имъ велѣлъ сказати: азъ ден пью чашу здоровья брата своего великого государя вашего. И выпивъ про царское здоровье чашу, и учалъ съ ними говорити про царьского величества многолѣтное здравье, какъ по милости Божіей великій государь учинился на своихъ великихъ преславныхъ государствахъ Російсково царствія и про московское разоренье, и про полсково и литовсково короля неправды, и про вора про Ивашка Зарутцково, и про Маринку. И говоря съ ними и съ своими ханы, и велѣлъ имъ ѣхати къ себѣ на подворье; а на отпуске имъ шахъ говорилъ: грамоту де язъ брата своего великого государя вашего вычту и вы ден у меня опять будете. И ноября жъ въ 5 день [1]) шахъ къ нимъ прислалъ пристава Усеинъ бека, а велѣлъ быти къ себѣ ему, дьяку Михаилу, да переводчику Милюте Нагаеву, и они, князь Михайло и Иванъ, учали приставу говорити: посланы они отъ великого государя своего отъ его ц. в. къ великому государю къ Аббасъ шахову в., а велено имъ всякіе дела дѣлати всѣмъ вмѣсте, а товарыщу ихъ дьяку Михайлу къ шахову величеству одному ѣхати непригоже. А дьякъ Михайло приставу учалъ говорити, что ему къ шахову величеству одному ѣхати непригодитца жъ, въ томъ воленъ Богъ да шахово величество. И приставъ имъ говорилъ: я де тово не вѣдаю, для чево шахъ велѣлъ быти Михайлу. И они о томъ приставу говорили долго и стояли о томъ много, что не пригодитца Махайлу одному ѣхати къ шахову в. И после де тово отъ шаха зъ двора прибегали стрельцы многижда, чтобъ Михайло къ шаху ѣхалъ тотчасъ, не мешкая. И приставъ имъ учалъ всѣмъ говорити: навести ден вамъ на себя отъ шаха великую кручину, только ден Михайло не поѣдетъ къ шаху вскоре. И они, побояся отъ шаха кручины, чтобы не навести

[1]) Въ статейномъ спискѣ: въ 6 день.

на себя шаховы кручины, поговоря межъ себя, онъ, дьякъ Михайло Тюхинъ, да съ нимъ переводчикъ къ шаху поѣхали, и прѣхали къ шахову двору, и ихъ взяли на дворъ къ шаху, а шахъ сидитъ въ заднихъ воротехъ простымъ обычаемъ.

И учалъ ему, Михайлу, шахъ говорити съ великимъ гнѣвомъ и съ великою яростію: пришли де вы ко мнѣ отъ государя своего въ послѣхъ ли, или государь вашъ прислалъ васъ ко мнѣ для того, чтобъ межъ нами любовь и дружба нарушить? Какъ деи мои послы были у государя вашего и на Москвѣ де ихъ и въ городѣхъ въ Казани и въ Астарахани запирали по дворомъ, что скотину, и съ дворовъ ихъ никакова человѣка не выпускали и корму, чѣмъ имъ сытнмъ быти, и купити ничево не дали, и у воротъ деи стояли многіе стрѣльцы, и я де надъ вами такожъ крѣпость учиню и васъ засажу, и птицы вамъ видети не дамъ, не токмо де птицы, и пера птичья вамъ не видать, и голодомъ велю поморить, и то деи что межъ нами, великими государи, за любовь? Государь вашъ моихъ пословъ запиралъ и голодомъ морилъ, а я противъ тово васъ запру и свѣту вамъ видети не дамъ и зъ голоду также уморю, какъ моихъ пословъ голодомъ уморили.

И Михайло шаху противъ того говорилъ: въ томъ твоя, государь, воля что надъ нами учинишь; а они пришли къ нему отъ великого государя своего отъ его ц. в. о братственной дружбѣ и о любви, чтобъ намъ про великого государя своего его царсково величества указу промежъ васъ, великихъ государей, братцкую дружбу и любовь подкрепити, а не нарушити. А то тебѣ, великому государю, нѣхто сказалъ не гораздо, на смуту, не хотя васъ, великихъ государей, видети въ братцкой дружбе и любви. Посломъ твоимъ у великого государя нашего у его царского в. никоторово дурна и запору не бывало и въ кормѣхъ имъ достатокъ былъ не малой, и въ запросъ чего они похотятъ, и то имъ все по государеву указу зъ дворца давано, а сверхъ того великій государь нашъ его ц. в., любя тебя, брата своего, великого государя Аббасъ шахова в., а пословъ твоихъ жалуючи, велѣлъ къ нимъ посылать зъ дворца по вся дни съ ѣствою и съ питьемъ ѣствы блюдъ на сороке и на пятидесятъ, а съ питьемъ оловяниковъ и кружекъ по пятинатцати и больши; а въ городѣхъ во всѣхъ, на которые городы твои государевы послы шли, кормъ и питье имъ по государеву указу давано довольно. И ты, великій государь, вели спросить своихъ государевыхъ пословъ съ нами съ очей на очи: какое имъ было отъ царского величества утесненье? А у двора, государь, у твоихъ государевыхъ

пословъ стрельцы стояли для береженья: у великого государя нашего у его ц. в. на Москвѣ многихъ государствъ всякіе люди и чтобы твоимъ государевымъ посломъ и ихъ людемъ отъ иноземцовъ и отъ московскихъ людей которово дурна и позору не было, а не для запору. А твоихъ государевыхъ пословъ люди ихъ на Москвѣ и въ городѣхъ по улицамъ и по рядомъ, и по площади ходили безпрестани, гуляли и покупали что хотятъ безъ запрещенья.

И шахъ говорилъ: то де ужъ минулось; только бы де впередъ моимъ посломъ у великого государя вашего запору и голоду не было. Что деи въ томъ межъ нами за любовь: государь вашъ велитъ запереть моихъ пословъ, а я противу тово васъ запру и голодомъ поморю? Да шахъ же говорилъ: у великого де государя вашего какая ко мнѣ любовь! въ городѣхъ деи восводы государя вашего въ Казани и въ Астарахани моимъ торговымъ людемъ многую шкоду починили, пошлины съ нихъ имали вдвое и втрое передъ тѣмъ, какъ было напередъ сего при прежнихъ вашихъ государей, не токмо деи, что съ торговыхъ людей, и съ моихъ товаровъ пошлины имали, и что я велѣлъ купити на себя, и грамота моя за моею печатью къ воеводамъ государя вашаго была, и мои торговые люди тоѣ грамоту казали, и воеводы деи грамоте моей не повѣрили и съ товаровъ съ моихъ пошлину имали, и товаровъ купить на меня не дали, что деи пульное дѣло птица ястребъ! купилъ деи было мнѣ мой торговой человѣкъ въ Астарахани ястребъ, и астараханскіе де воеводы ястреба у моево торгового человѣка отняли, а тотарина, у ково купили, сажали въ тюрьму. А говорили деи воеводы: то заповедное и покупать тово не велено. А мне деи то дорого ли? Вы деи привезли ко мнѣ отъ государя своего птицы кречеты, и язъ деи изъ нихъ велю вырвати только по перу, да всѣ пущу, и они летятъ, куды хотятъ. И то деи какая межъ нами братство и любовь! и коли бы де государь вашъ хотѣлъ со мною быти въ братствѣ и въ любви, и заказу бы деи ни о чемъ не было, и моимъ торговымъ людемъ насильства и убытковъ не чинили, и повольность бы была также, какъ и въ моемъ государстве государя вашего торговые люди ѣздятъ и покупаютъ что хотятъ, а съ нихъ ничево не емлютъ и насильства имъ никакова не чинятъ. И братъ бы деи мой, великій государь вашъ, тѣмъ своимъ людемъ, которые межъ нами, великими государи, смуту чинятъ, велѣлъ наказанье учинить: отъ такихъ людей отъ смуты Московское государство въ розоренье было, и только де такіе воры впередъ будутъ, и Московскому де государству и покою не будетъ. И Михайло противъ того Аббасъ шахову вели-

честву говорилъ: какъ де были твои, великого государя Аббасъ ш. в., послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ на царского величества дворѣ въ отвѣте царского величества зъ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородцкимъ, со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ Ярославскимъ, и твои государевы послы боярину и нижегородцкому намѣстнику князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому Ярославскому говорили, что твоимъ государевымъ торговымъ людемъ въ городѣхъ воеводы и приказные люди, и таможенные головы обиды и насильства и продажи чинятъ многіе, и пошлины емлютъ передъ прежнимъ вдвое и втрое. И по царского в. приказу его царского в. бояринъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичь съ товарыщи твоихъ, великого государя Аббасъ шахова в., пословъ Кая салтана да Булатъ бека допрашивали, чтобъ они про то объявили подлинно, хто царсково величества воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ твоимъ Аббасъ шахова в. торговымъ людемъ насильства и продажу дѣлаютъ и кому именемъ какое насильство и продажу учинили, и у кого именемъ у твоихъ государевыхъ торговыхъ людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлины вдвое и втрое взяли, и великій государь нашъ его ц. в. для тебя, брата своего, великого государя Аббасъ шахова в. братственные дружбы и любви тотчасъ про то про все свое царское повелѣнье пошлетъ, а велитъ про то сыскати накрепко, а по сыску велитъ надъ воеводы и па(дъ) дьяками, и надъ таможенными головами, хто твоимъ великого государя Аббасъ шахова в. людемъ обиды и насильства и продажу учинилъ, паказанье учинить нещадно. И твои великого государя послы про то именно не сказали, въ которое время и которые воеводы и хто царсково в. приказные люди и таможенные головы именно такъ негораздо дѣлали. Только великій государь нашъ его ц. в., хотя впередъ быти съ тобою, братомъ своимъ, съ великимъ государемъ съ Абасъ шаховыхъ величествомъ въ нелицемѣрной братственной дружбе и любви и въ ссылке, свое царское повелѣнье въ свои царскія отчины, въ Казань и въ Астарахань, и на Терекъ, своего царского в. бояромъ и къ воеводамъ, и къ дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людемъ послалъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ онѣ твоихъ великого государя Аббасъ шахова величества торговыхъ и всякихъ людей ото всякихъ обидъ и насильствъ оберегали и сами бы имъ никакихъ обидъ и насильствъ и продажъ не дѣлали, и тѣмъ межъ великого государя нашего его ц. в. и тебя великого государя Аббасъ шахова в. и межъ вашихъ великихъ государствъ ссоры и недружбы не всчинали. А хто учнетъ твоимъ великого государя Аббасъ шахова в. торговымъ и

всякимъ людемъ и ихъ, боярскимъ и воеводскимъ, и дьячьимъ, и всякихъ его ц. в. приказныхъ людей небереженьемъ чинити обиды какіе и насильства, и продажи, или сами онѣ учнутъ имъ чинить насильства жъ и обиды, и продажи, а про то сыщетца и его царскому величеству учинитца вѣдомо подлинно, и имъ за то отъ царсково в. наказанья будетъ нещадно. А что, государь, на твой государевъ обиходъ надобно купити, и по царсково в. указу велено твоимъ государевымъ всякимъ людемъ покупати безпошлинно. А что тебѣ, великому государю, сказали будто въ Астарахани воеводы у твоего торгового человѣка ястребъ отнял(и), и то, государь, никако не статочное дѣло: нѣхто тебѣ, великому государю, сказалъ на смуту жъ. И шахъ, государь, выслушавъ моихъ речей, да учалъ мнѣ говорити: пошлю деи съ вами ко государю вашему грамоту, запечатавъ своими трема печатьми. И показалъ печати. Тѣми де печатми грамоту запечатаю, и вы деи не пророните моево ни одново слова, до государя своего донесите, въ чомъ мнѣ на государя вашего досада, и что у меня топерьво слышите, ни одново слова не утаите, чтобъ въ такихъ безлепишныхъ ссорахъ наша братственная дружба и любовь не нарушилась. Какъ де я почалъ съ московскими съ прежними государи цари братственную дружбу и любовь держати, такъ деи и ныне зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, хочю и до своего живота братственную дружбу и любовь свершить. Да шахъ же, государь, говорилъ: только бы деи межъ нами не морское растоянье, и я бы деи къ брату своему, къ великому государю вашему, самъ пріѣхалъ самъ другъ или самъ третей. Да и то деи государю вашему извѣстно, какъ Московское государство было въ смуте, а воръ Зарутцкой зъ женкою да съ робенкомъ прибежалъ въ Астарахань, и ко мнѣ деи прислалъ отъ себя пословъ своихъ, чтобъ мнѣ имъ помочь учинити, а давалъ мнѣ Астарахань, и я де той ихъ воровской смуте не повѣрилъ и Астарахани у нихъ не взялъ, и помочи имъ никоторые не учинилъ. А какъ де учинился на Московскомъ государстве братъ мой, великій государь вашъ, царь и в. кн. Михайло Оедоровичь в. Р., и ко мнѣ деи прислалъ гонца Михайла Тиханова, и я де, помнечи прежнихъ государей вашихъ братственную дружбу и любовь и хотя быти ныне съ великимъ государемъ вашимъ въ братстве и въ любви, и Зарутцково пословъ съ посланникомъ государя вашего послалъ къ великому государю вашему къ Москве. А въ смутное де время язъ Астарахань кормилъ и пшено къ нимъ посылалъ; а о томъ никоторыми дѣлы не помыслилъ, что мнѣ Астарахань взять. Да и ныне деи

до своего живота хочю съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, быти въ любви и въ дружбе. А изговоря де ему, шахъ велѣлъ Мамгули хану своему поднести къ собѣ пить и взявъ чарку шарапу, да вставъ, учалъ ему говорити: язъ де пью за здоровье брата своего, великого государя вашего, на томъ, что мнѣ съ нимъ до своего живота свершить братственную дружбу и любовь также, какъ и съ прежними великими московскими государи. Да выпивъ чарку, подалъ ему тоѣ жъ чарку, а говорилъ ему: ты де тоѣ чарку выпей за здоровье великого государя своего и за мое здоровье. И велѣлъ ему ѣхати на подворье.

И ноября де въ 6 де(нь) шахъ пошолъ изъ Казбина въ Гилянь, а изъ Галяни пошолъ въ Ѳарабатъ зимовать; а намъ, холопемъ твоимъ, велѣлъ себя дожидатца въ Казбинѣ до весны и хотѣлъ ихъ отпустить къ государю весною вскоре, не задержавъ. А на кормъ прислалъ къ нимъ денегъ девяносто тюменей. И они зимовали въ Казбине. И ѳевраля по 23-е число отъ шаха къ нимъ изъ Ѳарабата вѣсти не бывало. И они, поговоря съ приставомъ съ Усѣинъ бекомъ, посылали къ шаху толмача Соѳона Огаркова, а приставъ съ нимъ послалъ племянника своего Мурза бѣка, а велѣли толмачю Соѳону Аббасъ шахову величеству бити челомъ, чтобъ шахъ ихъ пожаловалъ, отпустилъ къ царскому величеству, не задержавъ. И апрѣля въ 11-мъ числѣ толмачь Соѳонъ Огарковъ пріхалъ къ нимъ въ Казбинъ и сказалъ имъ, что онъ шахъ Аббасова в. очи виделъ и о отпускѣ билъ челомъ, и шахъ де сказалъ: отпущу деи язъ къ брату своему къ великому государю вашему пословъ ево вскоре. И мая въ 23 де(нь) пріѣхалъ къ нимъ отъ шаха изъ Ѳарабата въ Казбинъ Булатъ бекъ, которой прежъ сево былъ у царского величества въ послѣхъ. А сказалъ имъ: шахъ деи пошолъ изъ Ѳарабата в-Ыспогань, а вамъ деи шахъ велѣлъ быти къ себѣ в-Ыспогань наскоро, а мнѣ деи, приставу Усеинъ беку, шахъ велѣлъ къ себѣ ѣхати съ вами вмѣсте, а велѣлъ деи вамъ шахъ взяти съ собою князь Михайлова племянника Борятинского, а Михайлу сына своего да переводчика Милюту, да толмача Ивана Сергѣева, да дву человѣкъ кречетниковъ, да велѣлъ вамъ вопчѣ взяти человѣка одново, а больши десети человѣкъ васъ и людей вашихъ шахъ имати никого къ себѣ не велѣлъ, а велѣлъ деи вамъ дати десеть подводъ. И они Булатъ беку о томъ говорили, что какъ имъ къ шахову величеству ѣхати безъ людей? отнюдь никоторыми дѣлы немошно: чтобъ имъ подводъ прибавили. И Булатъ бекъ имъ сказалъ: указалъ деи шахъ васъ взяти десети человѣкъ, и вы деи поѣдьте по шахову указу, а подводъ

вамъ больши десети лошадей никакъ мимо шахова указу не прибавятъ; а в-Испогани де вамъ побыти немного: будетъ деи вамъ из-Испогани къ царскому величеству отпускъ. А только деи не поѣдете и шахова указу не послушаете, и вы деи шаха на гнѣвъ подвигнете; а у шаха де людей много, мошно де васъ взяти и по неволе. И они Булатъ беку говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово в., велитъ насъ вести къ себѣ безлюдныхъ, что полонениковъ, то онъ показуетъ къ великому государю нашему къ его ц. в. нелюбье, а намъ никоторыми дѣлы къ шахову в. безъ людей ѣхати не мочно и позорно. Да велѣли они въ Казбине лошеди подъ людей своихъ купити и до Испогани наймовати, чтобы имъ ѣхати людней. И свѣдали дорогою [1]) калентарь и Булатъ бекъ, что они лошеди покупаютъ и наймуютъ, и они заказали накрепко всякимъ людемъ лошедей имъ въ Казбинѣ продавать и наймоватца у нихъ до Испогани не велѣли. А говорилъ имъ Булатъ бекъ: какъ де вы противу шахова величества стоите! шахъ де отнюдь больши десети человѣкъ васъ и людей вашихъ имати къ себѣ не велѣлъ, а вы де хотите людно ѣхати! И они де о томъ стоя долго, говорили приставу и Булатъ беку многижда. Да маія въ 26 де(нь) съ приставомъ съ Усепиъ бекомъ да зъ Булатъ бекомъ в-Испогань къ шаху поѣхали въ великой неволе, а взяли съ собою, по шахову указу, племянниковъ своихъ и толмачей, и кречетниковъ, да десеть человѣкъ людишекъ своихъ, а подъ люди лошеди покупали и наймовали до ихъ заказу. И которые у нихъ лошеди были покуплены и наняты, и тѣхъ лошадей у нихъ не отняли. А дорогою ѣдучи, Булатъ бекъ имъ сказывалъ: шахъ де мнѣ сказалъ, велѣлъ мнѣ готовитися, а посылаетъ де меня къ великому государю вашему вмѣсте съ вами. И они Булатъ бека спрашивали: сказываетъ имъ, что ево шахово в. посылаетъ къ великому государю нашему къ его ц. в. съ ними вмѣсте, будетъ ли съ тобою отъ шахова в. къ царскому величеству въ посылке денежная казна? И Булатъ бекъ имъ сказалъ: про то де язъ вѣдаю, что будетъ со мною иная посылка къ царскому в., а денежные казны въ посылке, чаю, не будетъ. И іюня въ 5 де(нь) пріѣхали они къ Испогани и, не доѣзжая до Испогани за пятнатцать верстъ, поставили ихъ въ деревне, а сказали имъ приставъ и Булатъ бекъ: шахъ де в-Испогань не бывалъ, а ходитъ де около Испогани по деревнямъ, тѣшитца. Да того же дни приставъ и Булатъ бекъ поѣхали отъ нихъ въ городъ в-Испогань, а съ ними оставили людей своихъ. Іюня жъ въ 9 де(нь) пріѣхалъ къ нимъ въ деревню

[1]) Т. е. черезъ даругу — полиціймейстера.

Булатъ бекъ, а сказалъ имъ: шахъ деи меня прислалъ къ вамъ, а велѣлъ деи вамъ ѣхати въ городъ. И привелъ подъ нихъ лошеди подъ сѣдлы, и они тово жъ часу, а съ ними Булатъ бекъ, поѣхали въ городъ. И ѣдучи дорогою, Булатъ бекъ имъ говорилъ: шахъ де приказалъ, велѣлъ вамъ ѣхати къ своему двору, не бывъ на подворье, и быти де вамъ у шаха. И они Булатъ беку учали говорить: какъ намъ шахова в. очи видети, не бывъ на подворье, а мы запылились и перегрезнились? И Булатъ бекъ имъ сказалъ: воленъ де Богъ да шахъ, а вамъ деи какъ ево не слушати и воли ево не творити? А про лошеди имъ сказалъ: которые лошеди подъ нихъ привелъ, то де не шаховы лошеди, приказалъ деи шахъ испоганскому везирю свои лошеди подъ васъ послати. А встрѣча имъ была далеча за посадомъ: стояли пѣшіе люди съ пищальми улицею и по посаду и до шахова двора, и многіе пѣшіе люди безъ оружья были на встрѣче. И они пріѣхали въ посадъ и, не бывъ на подворье, по шахову указу поѣхали къ шахову двору, и пріѣхавъ близко воротъ, съ лошадей ссѣли и пошли на шаховъ дворъ, а пришедъ на дворъ, вошли въ полату, а полаты стоятъ въ саду. И Булатъ бекъ и приставъ имъ говорили: посидите де немного, а шахово де величество къ вамъ будетъ не вдолге. И они сидѣли въ полате, шаха дожидались часы съ три и больши. И пришелъ въ полату къ нимъ шахъ Аббасъ и велѣлъ имъ сѣсти близко себя и учалъ имъ говорити съ гнѣвомъ тѣ же статьи, что въ Казбине говорилъ ему, Михайлу. И они противу тово шахова величеству говорили по государеву наказу, о которыхъ статьяхъ у нихъ въ наказе написано [1])... А на литовсково де короля станемъ всѣ три съодново, и ему де у насъ и въ Польше не усидѣти. И они противъ тово шаху говорили: и напередъ сево ты, великій государь, Аббасъ шахово в. зъ гилянцомъ своимъ съ Хозь Муртозою и съ посланникомъ своимъ зъ Булатъ бекомъ къ великому государю нашему къ его царскому в. въ грамотахъ своихъ писалъ и рѣчью они царскому величеству и его царского величества приказнымъ людемъ въ розговорехъ говорили, что ты, великій государь, Аббасъ шахово в. хочешь быти съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братстве и въ любви навеки неподвижно и на всяково недруга хочетъ стояти заодно: хто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и тебѣ, великому государю Аббасъ шахову в., другъ, а хто великому государю

[1]) Дальнѣйшее изложеніе идетъ такъ же, какъ въ статейномъ спискѣ, помѣщаемомъ ниже, съ тою лишь разницею, что разсказъ о Мурза бекѣ въ донесеніи помѣщенъ послѣ отвѣта пословъ на предложеніе шаха о присылкѣ своихъ ратныхъ людей.

нашему недругъ, тотъ и тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову в. недругъ. А великій государь нашъ его ц. в. прислалъ насъ къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову в. велѣлъ тебѣ объявити, что великій государь нашъ его царское в. съ тобою, великимъ государемъ, съ Аббасъ шаховымъ в. учинился въ сердечной крѣпкой братцкой дружбе и любви и въ ссылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей навеки неподвижно. И шахъ имъ говорилъ: язъ де вамъ тожъ говорилъ: какъ язъ къ брату своему, къ великому государю вашему, писалъ и приказывалъ, такъ и совершаю, хочю до своего живота зъ братомъ своимъ съ великимъ государемъ вашимъ быти въ крѣпкомъ братствѣ и въ дружбе и на недруга стояти заодинъ.

И после, государь, тово велѣлъ намъ ѣхати на подворье. А провожалъ ихъ до подворья Булатъ бекъ.

И они въ Испогани жили долгое время, а отпуску имъ нѣтъ. Пріѣзжаютъ къ нимъ Булатъ бекъ и приставъ, и они имъ говорили безпрестани, чтобы они ихъ челобитье до шахова в. донесли, чтобъ шахъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ отпустить къ царскому величеству. И Булатъ бекъ и приставъ имъ сказываютъ, что они ихъ челобитье шахову в. розсказывали, и шахъ деи говоритъ, что одполишно вскоре отпущу, какъ посылку изготовятъ. И толмача къ шаху бити челомъ о отпуске и къ его ближнимъ людемъ говорити посылывали многижда.

И іюля въ 21 день въ ночи шахъ из-Испогани пошолъ совсѣмъ и зъ женами, и со всѣми обиходы. И они послали по Булатъ бека, и Булатъ бекъ къ нимъ пріѣхалъ, и они учали Булатъ беку говорити: шахово в. из-Испогани пошелъ совсѣмъ, а насъ къ царскому в. не отпустилъ, и мы чаемъ себѣ, что намъ зимовати в-Испогани. И Булатъ бекъ имъ говорилъ: шахъ де ходитъ по часомъ, въ каковѣ часу ему въ городъ притти и въ каковѣ часу изъ города выти, а то де ево часъ пришелъ, что ему итти изъ города, и онъ де пошолъ со всѣмъ да сталъ въ садѣхъ, пять верстъ отъ Испогани, а будетъ де опять въ городъ лехкимъ дѣломъ для вашего отпуску, а отпустя де васъ, шаху итти совсѣмъ въ горы, въ холодные мѣста лѣтовати. И іюля въ 24 день въ полдни сказали имъ, что шахъ пришелъ и взъѣхалъ на задней свой дворъ, а сталъ деи на дворѣ блиско воротъ подъ солночникомъ, а въ полаты не пошолъ. И тово жъ дни въ полчаса ночи пріѣхалъ къ нимъ Булатъ бекъ, а привезъ отъ шаха платье, да учалъ имъ говорити: шахово деи величество жалуетъ васъ, прислалъ къ вамъ платье, да велѣлъ де вамъ шахъ ѣхати къ себѣ, отпущаетъ де васъ къ царскому величеству, а самъ деи шахъ завтра ѣдетъ въ горы.

И они поѣхали къ шаху, а съ ними Булатъ бекъ. И пріѣхали къ шахову двору блиско, съ лошадей ссѣли и пришли въ ворота, а въ воротехъ сидятъ шаховы ханы: Мамгули ханъ, да дворовой ево воевода Алымъ Гулу ханъ, да ближней ево человѣкъ Испендеръ бекъ и кулышаховы и беки, и ханы. И Булатъ бекъ имъ говорилъ: посидите де съ нами, Аббасъ шахова величества подождите. И они сидѣли въ воротехъ съ ханы съ полчаса. И сказали имъ: шахово деи величество идетъ и велѣлъ имъ на лошеди сѣсть. Поставили ихъ на лошедяхъ блиско воротъ. И скоро де после тово шахъ выѣхалъ за ворота на лошеди, и пріѣхавъ къ нимъ, не велѣлъ имъ съ лошадей сходить. И учалъ шахъ имъ говорить: отпущаю де васъ къ брату своему къ великому государю вашему, а съ вами де отпущаю къ брату своему къ великому государю вашему, Булатъ бека въ большихъ послѣхъ; преже деи сево онъ бывалъ у государя вашего въ меншихъ послѣхъ, а нынеча де ево посылаю въ большихъ послѣхъ для тово, что ему заобычай: преже де сево и неодинажды, онъ бывалъ у великого государя вашего. А что деи у мени лучилося, и язъ де посылаю къ брату своему, къ великому государю вашему, съ своимъ посломъ, зъ Булатъ бекомъ. Да изговоря имъ тоѣ рѣчь, шахъ позвалъ ихъ къ руке, и они, съ лошадей збежавъ, пошли къ руке къ шаху. И бывъ у руки, шахъ отъѣхалъ отъ своихъ людей подале, а имъ велѣлъ итти за собою, да учалъ имъ шахъ говорити: преже деи сево язъ вамъ говорилъ и не одинажды и нынеча съ вами приказываю къ брату своему, къ великому государю вашему, чтобы деи великій государь вашъ однолично на Койсѣ и въ Таркахъ велѣлъ городы поставить. И они Аббасъ шахову в. говорили тожъ, что и преже сево: какъ по милости Божіей онъ, великій государь его ц. в., съ недругомъ своимъ, зъ Жигимонтомъ королемъ польскимъ, управитца, и великій государь нашъ, его ц. в., на Койсе велитъ тотчасъ городъ поставить. И велѣлъ имъ шахъ ѣхать на подворье, а самъ поѣхалъ на свой дворъ. И въ ту же ночь шахъ из-Испогани пошолъ въ горы, а сказываютъ от-Испогани до тѣхъ мѣстъ, гдѣ шаху стояти, ѣздятъ въ четыре дни. А Булатъ беку шахъ велѣлъ ѣхати за собою, а имъ велѣлъ в-Испогани дожидатися Булатъ бека. И они жили в-Испогани, дожидалися Булатъ бека. И августа въ 19 де(нь) Булатъ бекъ отъ шаха пріѣхалъ в-Испогань къ нимъ, а сказалъ имъ: шахово де в. велѣлъ вамъ дати подводы и велѣлъ де имъ итти къ царскому величеству, а ему деи велѣлъ съ ними жъ итти. И они пошли из-Испогани августа въ 24 де(нь), а Булатъ бекъ поѣхалъ съ ними вмѣсте. И по городомъ имъ многое

мешканье было за подводами: вскоре подводъ не зберутъ. А въ Шемаху они пришли нынешнего 128-го году октября въ 20-мъ числѣ. И въ Шемахѣ де ихъ Исупъ ханъ держалъ две недѣли за подводами жъ, а отпустилъ ихъ изъ Шемахи Исупъ ханъ ноября въ 3 де(нь). А на Терекъ они и шаховъ посолъ Булатъ бекъ пришли ноября въ 29 де(нь), и на Терке они и посолъ Булать бекъ позазимовали, потому что морской ходъ поминовался и въ Астарахань проѣхати было не мочно. А дорогою ѣдучи и на Терке будучи, Булатъ бека спрашивали многижда и людей ево провѣдывали всякими мѣрами: есть ли отъ шахова в. къ царскому величеству въ посылке денежная казна? И Булатъ бекъ имъ сказывалъ: денежные де казны съ нимъ отъ шахова в. къ царскому в. нѣтъ, а есть де съ нимъ отъ шахова в. къ царскому величеству многая посылка, только денежные казны нѣтъ. А люди ево имъ сказываютъ то жъ, что денежные казны зъ Булатъ бекомъ въ посылке нѣтъ. Да сказывалъ имъ приставъ Усеинъ бекъ и иные многіе шаховы беки и кулы, что деи промежъ великими ими государи учинилъ многую смуту и ссору Булатъ бекъ, и шахъ де по Булатъ бекове смуте и на васъ гневенъ; а до тѣхъ де мѣстъ, покамѣста Булатъ бекъ къ шаху не пріѣхалъ, какъ про васъ писалъ къ шаху въ Родивилъ шемахинской Исупъ ханъ, и шахъ деи было и посылку ко государю вашему готовити велѣлъ многую и вамъ деи велѣлъ было встрѣчю учинити, и лошеди подъ васъ изготовить, и честь воздати великую. И какъ де пріѣхалъ въ Родивиль Булатъ бекъ, и то деи все по Булатъ бекове смуте шахъ велѣлъ отставить. А что шахъ говорилъ имъ про ястребъ, будто ему ястребъ купили въ Астарахани, и тотъ ястребъ воеводы у купчины велѣли отняти, и про тоѣ статью Булатъ бекъ имъ самъ говорилъ: язъ де шахову в. сказалъ, что воеводы ястребъ отняли. Да шаховъ же посолъ Булатъ бекъ говорилъ имъ, чтобъ ему и имъ побыти въ Астарахани немного, а сказывалъ имъ, что писалъ къ нему изъ Шемахи Исупъ ханъ, что будетъ за нимъ къ великому государю отъ шаха посылка, и ему де Исупъ ханъ велѣлъ тоѣ посылки ждати въ Астарахани; а будетъ деи та посылка къ нему въ Астарахань вскоре. И они у Булатъ бека спрашивали: какая посылка отъ шахова в. къ великому государю нашему будетъ? И Булатъ бекъ имъ не сказалъ, какая посылка отъ шаха за нимъ будетъ, а говорилъ имъ: я де и самъ про тоѣ посылку подлинно не вѣдаю, какая посылка будетъ.

И по той отписке писано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в Р. въ Астарахань къ воеводамъ, ко князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да ко князю Олексѣю Михайловичю Львову

да ко дьякомъ къ Ивану Тимоѳѣеву да къ Ивану Грязеву, 128-го іюня въ 13 де(нь): будетъ къ шахову послу къ Булатъ беку съ шаховою посылкою исъ Шемахи въ Астарахань пріѣхали или хоти будетъ и не бывали, а похочетъ будетъ посолъ ѣхати къ государю, не дождався посылки, а до сеѣ будетъ государевы грамоты они изъ Астарахани пословъ государевыхъ Ивана Чичѣрина и дьяка Михайла Тюхина и шахова посла Булатъ бека не отпустили, и имъ велено государевыхъ пословъ и казылбашского посла, давъ суды и кормщиковъ и гребцовъ, и шахову послу до Казани кормъ и питье дати по тому жъ, по чему ему давано въ Астарахани, примѣрясь къ прежнему, какъ прежнимъ шаховымъ посломъ кормъ даванъ, и въ запросъ чего попросятъ, а добыть будетъ мочно, чтобъ шахову послу въ кормѣхъ нужи не было. И отпустити ихъ изъ Астарахани велѣно тотчасъ, и провожатыхъ съ ними велено послати, сколко человѣкъ пригоже, ратныхъ людей, чтобъ имъ до Самары и до Казани дойти здорово и безстрашно; а слона велено отпустити съ ними жъ вмѣсте водянымъ или сухимъ путемъ, какъ лутче, смотря по мѣре и ему покойнеѣ, чтобъ ево до Москвы довести жива, то имъ велено учинити по совѣту съ государевыми послы и съ кизылбашскимъ посломъ, да какъ лутче и бережнеѣ, такъ имъ велено его и отпустить, и на кормъ денегъ велено дати до Казани. А будетъ къ шахову послу посылка исъ Шемахи не бывала, а онъ, не дождався посылки, изъ Астарахани ѣхать не похочетъ, и имъ ему въ томъ велено дать на волю, и кормъ ему въ Астарахани и шаховымъ людемъ, которые съ нимъ, и посольскимъ людемъ велено въ Астарахани даватя, примѣряся къ прежнему, довольно, чтобъ ему въ кормѣхъ скудости не было, и отпустить его велено изъ Астарахани къ государю по ево воле; а государевыхъ пословъ отпустить велено къ государю напередъ шахова посла, только будетъ онъ изъ Астарахани, не дождався посылки, не пойдетъ. И проводить имъ государевыхъ пословъ велено по тому жъ послать до Самары и до Казани, какъ бы имъ дойтить здорово; а слона велено отпустити съ казылбашскимъ посломъ. Да какъ у нихъ учнетъ дѣлатца—вмѣсте ль шахова посла съ государевыми послы къ Москве отпустятъ, и сколько съ нимъ людей проводить пошлютъ, и какъ слона отпустятъ, Волгою-ль или степью, и по чему казылбашскому послу и шаховымъ и посольскимъ людемъ на день корму и питья велятъ давати, или шаховъ посолъ станетъ дожидатца въ Астарахани посылки исъ Шемахи, а безъ тово итти не похочетъ, — о томъ къ государю наскоро велено отписати напередъ государевыхъ пословъ, чтобъ государю о всемъ о томъ вѣдомо было

вскоре. А будетъ шаховъ посолъ съ государевыми послы вмѣсте не пойдетъ, а похочетъ итти после государевыхъ пословъ, дождався посылки, или хоти и не дождався, а похочетъ итти, и ево къ государю отпустить велено по его воле и кормъ ему и шаховымъ и ево людемъ велено дать до Казани и проводить послать велено, и въ Казань о томъ къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарыщи, велено отписать по чему корму на день кизылбашскому послу и шаховымъ и его людемъ давати, чтобъ имъ о томъ вѣдать.

А къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину да къ дьяку къ Михайлу Тюхину, писано отъ государя: будетъ шаховъ посолъ похочетъ изъ Астарахани съ ними итти вмѣсте, и имъ велено итти съ шаховымъ посломъ вмѣстѣ до Самары, а съ Самары имъ велено итти къ государю напередъ шахова посла тотчасъ, не мешкая нигдѣ ни часу. А того имъ, будучи въ Астарахани и въ дороге, у шахова посла и у шаховыхъ людей, которые съ нимъ, и у ево людей, которые съ нимъ, велено провѣдывать всякими мѣрами накрепко, о какомъ дѣле къ государю шаховъ посолъ идетъ и что съ нимъ отъ шаха къ государю посылки именно всякіе рухледи и денежная казна есть ли? и будетъ есть, и сколько денежные казны и какіе посылки посолъ ждалъ изъ Шемахи, и что къ нему изъ Шемахи прислано? чтобъ имъ про то одиолично провѣдати подлинно. А что провѣдаютъ, о томъ велено къ государю отписати наскоро. А будетъ шахову послу посылка еще не бывала, а не дождався посылки, изъ Астарахани съ ними вмѣстѣ не поѣдетъ, и имъ изъ Астарахани велено ѣхать къ государю тотчасъ, безъ кизылбашсково посла. А ѣхать велено одиолично наскоро, чтобъ государю про то про все государево дѣло, какъ у нихъ государево дѣло у шаха дѣлалось, было вѣдомо. А къ Москве пріѣхавъ, велено явитца въ посольскомъ приказе дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову.

Писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Астарахани воеводы князь Ондрѣй Хованской да князь Олексѣй Львовъ, да дьяки Иванъ Тимоѳѣевъ, да Иванъ Грязевъ, что въ нынешнемъ во 128-мъ году марта въ 25 де(нь) пріѣхалъ къ нимъ въ Астарахань съ Терки астараханской жилецъ орменинъ Минаско Григорьевъ, которово они напередъ сево послали изъ Астрахани въ Кизылбаши къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину да къ дьяку къ Михайлу Тюхину, съ грамотами для государева дѣла о перемирье съ тобою, великимъ государемъ, полсково и литовсково короля и провѣдать про твоихъ государевыхъ пословъ, для чево ихъ въ Кизылбашской землѣ

задержали. А съ нимъ, Минаскомъ, пріѣхалъ въ Астарахань съ Терка жъ отъ государевыхъ пословъ, отъ Ивана Чечѣрина да отъ дьяка отъ Михайла Тюхина, московской толмачь Гаврило Есиповъ. А писали къ нимъ Иванъ Чичѣринъ да Михайло Тюхинъ съ толмачомъ, зъ Гавриломъ Есиповымъ, да съ орменипомъ съ Минаскомъ, что они исъ Кизылбашъ отъ кизылбашского шаха Аббаса пришли на Терекъ, а съ ними къ царскому в. отъ шахъ Аббаса посланъ посолъ ево Булатъ бекъ, да зъ Булатъ бекомъ же отъ шахъ Аббаса къ царскому величеству послапъ слонъ; а того толмача отпустили они къ государю къ Москве съ отписки, и ево бъ изъ Астарахани отпустити къ государю къ Москве, не задержавъ. А они, Иванъ и Михайло, да съ ними шахъ Аббасовъ посолъ Булатъ бекъ съ Терки въ Астарахань будутъ вскоре.

Переводъ зъ граматы, что привезъ съ Терки гопецъ нынешнего 128-го году маія въ 27 де(нь), что писалъ дербенской Берхордаръ салтапъ хъ кизылбашскому послу къ Булатъ беку:

Чеснѣйшему, высокомѣсному, дружелюбному, ко всякому ласку имѣющему и всегда въ добромъ помышленье пребывающему доброю славою просіявшему Булатъ беку безчисленно много Бога молю про твое многолѣтное здоровье, чтобы тебѣ быти милостію Божіею сохранену и всегда въ счасливомъ пребыванье, а потомъ тебѣ слово наше то, что писалъ еси къ намъ грамоту и та грамота до насъ дошла, и о чемъ еси въ ней писалъ, и про то намъ вѣдомо учинилось. А что еси къ намъ писалъ о кашлаке на Терке, и здѣшніе люди съ Салтапъ Магмутомъ соединачились, а салтанъ Магмутъ хочетъ учинитца высокомѣсново государя подъ шахъ Аббасовою рукою въ холопстве, а шахъ Аббасово величество самъ хочетъ быти къ намъ. И какъ шахово величество къ намъ придетъ, и я ево, Салтанъ Магмутову, грамоту, по чему онъ билъ челомъ государю нашему, чтобы ему быти подъ шаховою рукою въ холопстве, шахову величеству подамъ, чтобы про то было вѣдомо. А Малые Нагаи съ шаховымъ величествомъ въ миру жъ и въ дружбе, потому что отъ нихъ были челобитчики, и ныне мы про Малые Нагаи дни зъ два спустя, ждемъ вѣсти подлинные, и тебѣ бы о томъ терскому воеводе поговорити, чтобы для государя пашего дружбы и любви съ Малыми Нагаи были въ соединенье и отъ недруговъ бы ихъ оберегали. А отъ ково именемъ ся грамота писано къ Булатъ беку, и тово въ грамоте не объявилось; а въ нишане имя Берхордаръ салтана.

Писалъ къ государю Микита Вельяминовъ, что въ нынешнемъ во 128-мъ году ноября въ 13 де(нь) пріѣхалъ къ нему исъ Кизылбашъ

на Терекъ сынъ боярской Первой Лаврентьевъ сынъ Лукинъ, которово онъ посылалъ въ Кизылбаши къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину съ товарыщи, съ радостными вестми о мирномъ постановленіе съ литовскимъ королемъ, а въ роспросе ему сказалъ: спрашивалъ де ево Иванъ Чичѣринъ: есть ли де на Терке сынъ боярской, Сергѣемъ зовутъ, Сипягинъ, а ему де Сергѣю у шаха въ переводчикахъ братъ родной, Замятенкою зовутъ, бусурманенъ, и тотъ де Замятенко розболѣлся и прислалъ къ Ивану Чичѣрину для вина, и Иванъ де ему вина послалъ съ человѣкомъ своимъ. И тотъ де Замятенка говорилъ Иванову человѣку: есть ли де на Терке сынъ боярской, Сергѣемъ зовутъ, Сипягинъ? И Ивановъ де человѣкъ сказалъ ему, что онъ на Терке не бывалъ и такова сына боярсково не знаетъ. И Замятенка де ему сказалъ, что ему братъ родной, а прислалъ де къ нему съ Терки грамотку съ астараханскимъ стрельцомъ, съ Кузмою съ Сухорукимъ. И учалъ де брата своево Сергѣя лаеть матерны и зъ грамоткою, и учалъ де говорить: не дорогъ де братъ мой и зъ грамоткою. И после де тово учалъ говорить: побью де челомъ государю своему Абазъ шаху, чтобъ отписалъ о брате моемъ къ государю къ Москве, чтобъ де ты, государь, отпустилъ брата ево къ нему въ Кизылбашскую землю; а будетъ, государь, брата его, Серешку, къ нему въ Кизылбашскую землю не отпустишь, и я де у государя своего, у Абазъ шаха, возьму ратныхъ людей тысечю человѣкъ и пойду подъ Терской городъ и Терской городъ возму взятьемъ, и брата своево Сергѣя выведу. А тотъ Сергѣй въ Терскомъ городѣ живетъ давно, отъ тѣхъ мѣстъ, какъ турскіе люди Тарки и Койсу взяли, а послуживецъ былъ головы стрелетцково Смирново Маматова, а въ дети боярскіе верстанъ прежъ ево пріѣзду. И онъ, воевода, преже пріѣзду исъ Кизылбашъ сына боярсково Первово Лукина того Сергѣя Сипягина послалъ къ государю зъ государевымъ дѣломъ октября въ 19-мъ числѣ. И по тѣмъ де вестямъ опъ, воевода, для того Сергѣя посылалъ въ Астарахань сына боярсково жъ Романа Протасова и велѣлъ ево взяти и привести къ себѣ на Терекъ для роспросу и сыску. И сынъ боярской Романъ, пріѣхавъ на Терекъ, ему сказалъ, что ево до Астарахани моремъ не пустили льды, потому что путь послѣдней зимней. Да сынъ боярской же Первой сказалъ: только бы де воевода ево, Первово, къ государевымъ посломъ не прислалъ, и государевымъ де посломъ у шаха быти было засаженымъ, потому что въ Кизылбашской землѣ тотъ слухъ былъ, будто литовской король Московскимъ государствомъ завладѣлъ.

И іюня въ 4 де(нь) по той отпискѣ писано по городомъ на

Терекъ и въ Казань, и въ Астарахань: будетъ тотъ Серешка Сипягинъ гдѣ объявитца, и ево велено прислать къ государю къ Москве, съ кѣмъ пригоже, будто съ кѣмъ для дѣла въ товарыщехъ.

129-го, октября въ 1 де(нь) писали къ государю изъ Казани бояринъ и воевода князь Борисъ Лыковъ да князь Ѳедоръ Борятинской, да дьяки Ондрѣй Степановъ, да Иванъ Васильевъ. Въ нынешнемъ де во 129-мъ году сентября въ 12 де(нь) пріѣхали въ Казань изъ Астарахани торговые люди, сѣняженинъ Ларя Оптининъ да казанской посадцкой человѣкъ Якушъ Мининъ, а въ роспросе имъ сказали: поѣхали де изъ Астарахани въ кораване астараханскіе воеводы князь Ондрѣй Хованской да князь Олексѣй Львовъ, да Иванъ Чичѣринъ, да дьяки Иванъ Тимооѣевъ, Иванъ Грязевъ, Михайло Тюхинъ, да съ ними жъ деи идетъ къ государю отъ кизылбашского Аббасъ шаха посолъ Булатъ бекъ, а съ нимъ людей ево человѣкъ съ полтретьятцать, а ѣдетъ онъ къ государю зъ дары, да кизылбашской же купчина Ага Асанъ ѣдетъ съ товары. Да въ томъ же кораване везутъ государеву рыбу въ двунатцати стругѣхъ. Да изъ Астарахани жъ ѣдутъ рускіе торговые люди на большихъ судѣхъ и въ кладныхъ стругѣхъ съ рыбою и съ солью, и съ товары, да тезиковъ ѣдетъ человѣкъ съ тритцать съ товары жъ; а поѣхали де они въ кораване изъ Астарахани іюля въ 30 де(нь). Да тово жъ деи дни, какъ они поѣхали изъ Астарахани, пріѣзжали въ Астарахань пять человѣкъ нагайскихъ татаръ Кара Кель Маметева улусу, а сказывали они, что многіе ихъ кочевные татаровя отъ Кара Кель Маметя отъѣхали къ Аксакъ Кель Маметю, а миру деи по ихъ поѣздъ межъ Кара Кель Маметя и межъ Аксакъ Кель Маметя не было. А на караванъ деи Волгою рекою воры казаки не прихаживали; а осталося деи было у каравану судно большое москвитина Ивана Юрьева съ рыбою и съ солью межъ Астарахани и Царицына о Половомъ яру, не доѣзжая Царицына за полтретьяста верстъ, и на то де Иваново судно приходили воры казаки человѣкъ съ триста и взяли де тѣ казаки хозяйсково запасу меховъ со сто, да они жъ имали жиръ да масло; а иного деи ничево хозяинского и ярыжныхъ не грабили. А будетъ деи кому что казакомъ у ярыжныхъ понадобилось, и они у нихъ покупали. А вѣсть де про то, что приходили казаки на то судно, пришла воеводамъ на Царицыне, и воеводы де на тѣхъ воровъ казаковъ ратныхъ людей не посылали, потому что чаяли ихъ, казачья, приходу на кораванъ. Да при нихъ же де на Царицынъ пришли зъ Дону казаки, а сказывали, что они идутъ въ Астарахань отъ казачья войска въ монастыри со вклады, съ ковши да съ чарками серебре-

пыми; а громили де они на море катарги. А Буимъ деи Болтинъ, которой отпущенъ ись Казани въ лѣтнемъ короване и съ послы зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ въ тѣ поры ись Казани пришолъ на Царицынъ, и тѣхъ донскихъ казаковъ посадилъ къ себѣ въ суды и повезъ ихъ съ собою въ Астарахань. Да тѣ же деи казаки сказывали имъ на Царицыне, что идетъ зъ Дону нагайскихъ улусовъ громити атаманъ Треня Усъ. Да къ каравану жъ де выше Царицына пріѣзжали в(зъ) степи къ Волге на берегъ два человѣка конныхъ казаковъ, и воеводы деи посылали къ тѣмъ казакомъ къ берегу говорити голову Петра Обернибесова, и казаки деи ему говорили: ѣздятъ деи они отъ войска, а въ войске де ихъ казаковъ съ четыреста человѣкъ; а идетъ деи войско ихъ полемъ, а сказали: громили де они нагайскіе улусы, и у нихъ деи много лошадей и ясырю; и будетъ деи хто похочетъ съ ними торговать, и они де къ нимъ будутъ со всемъ впереди къ Волге на яръ, а на которой яръ, того не упомнятъ. И они въ караване ѣхали до Саратова. А хъ казаки хъ коровану после того ни съ чѣмъ не бывали. А поѣхали деи они, Ларя и Якушъ, изъ каравану въ Казань съ Саратова въ лехкомъ стружку канунъ Семеня дни. А караванъ деи пошелъ съ Саратова тово жъ дни, а въ Казань деи чаять ихъ къ Покрову Святей Богородицы.

И по той отписке писано отъ государя въ Астарахань къ стольнику и воеводе, ко князю Семену Прозоровскому да къ околничему и воеводе къ Ортемью Измайлову, да къ дьяку къ Василью Мартемьянову, велено о Нагайцехъ и о донскихъ казакѣхъ отписати къ государю имянно: нагайскіе татаровя Кара Кель Маметева улуса въ Астарахань къ нимъ бывали-ль, и сколько ихъ человѣкъ, и о кою пору пріѣхали, и что вамъ въ роспросе про Кара Кель Маметя и про Акса Кель Маметь мурзу и про ихъ улусы сказали: что нынѣ въ нагаехъ межъ ими дѣлаетца и хто кому силенъ, и впередъ межъ ими чево чаять, и которая сторона намъ прямѣе: Кара Кель Маметь ли мурза зъ братьею и съ племянники, которые съ нимъ, или Аксакъ Кель Маметь съ своею братьею? И донскіе казаки къ вамъ въ Астарахань бывали же-ль? и будетъ были, и для чево пріѣзжали и сколько ихъ человѣкъ пріѣзжало? и ото всево-ль войска для какова дѣла пріѣзжали? и будетъ ото всего войска со вклады съ судами серебреными, и какіе суды серебреные съ ними были, и въ которые монастыри или собою, и что вамъ про свое донское войско въ роспросе сказали, и на море товарыщи ихъ на катарги хаживали-ль, и о кою пору ходили, и въ которыхъ мѣстехъ катарги и какихъ людей гро-

мили? и на нагайскіе улусы донскіе казаки войною ходили-ль? и будетъ ходили, и хто именемъ атамановъ и сколько съ ними войска, и на которые улусы ходили, и что у нихъ съ нагаи учинилось: хто ково и въ которыхъ мѣстехъ повоевали? О томъ о всемъ велено отписать къ государю, роспрося ихъ подлинно, чтобъ государю про то про все было вѣдомо подлинно.

Октября въ 13 де(нь) писали къ государю изъ Казани бояринъ и воеводы князь Борисъ Лыковъ съ товарыщи: въ нынешнемъ во 129-мъ году сентября въ 25 де(нь) пріѣхалъ въ Казань изъ Астарахани съ кизылбашскимъ посломъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте кизылбашской же гонецъ, а купчина опъ же, Хозя Ага Асанъ, на казанское устье, а изъ Астарахани объ немъ къ нимъ грамоты не прислано. И они роспрашивали про того купчину дьяка Ивана Грязева: приставъ у нево у купчины изъ Астарахани былъ ли, и государево жалованье поденной кормъ въ Астарахани и въ дороге ему даванъ ли? И дьякъ Иванъ Грязевъ имъ сказалъ: посланъ тотъ гонецъ Ага Асанъ къ государю отъ кизылбашского шахъ Аббаса опричь посла Булатъ бека съ особнымъ дѣломъ, и велено деи было его изъ Астарахани отпустить ко государю напередъ того посла Булатъ бека, и изъ Астарахани де того гонца напередъ отпустити было нѣ съ кемъ, а людей деи съ нимъ деветь человѣкъ; а въ приставехъ съ нимъ изъ Астарахани былъ посланъ сотникъ стрелецкой Иванъ Микитинъ, и грамота де объ немъ изъ Астарахани къ нимъ и кормовая роспись была у нево, Ивана, и прислана де къ воеводамъ, ко князю Ондрѣю Хованскому съ товарыщи съ Москвы государева грамота на встрѣчю выше Тетюшъ, а велено де того Ивашка по той государеве грамоте послати въ Астарахань съ приставомъ. И тово де они Ивана тотчасъ послали въ осенней коронанъ къ Богдану Износкову съ сотникомъ с-Ывашкомъ Михайловымъ, а Богдану велѣли его свести въ Астарахань. И тотъ деи Ивашко тоѣ астараханскую грамоту о гонцѣ о Ага Асане и кормовую роспись увезъ съ собою жъ въ Астарахань. И они у тово кизылбашского гонца тотчасъ велѣли быти въ приставехъ до отпуску казанцу Юрью Нарматцкому, и государево жалованье кормъ ему, Ага Асану, и людемъ ево дали на четыре дни: ему, Ага Асану, по пяти алтынъ на день да по шти чарокъ вина, по полу ведра меду; людемъ ево девети человѣкомъ по шти денегъ человѣку на день, примѣрясь къ инымъ купчинамъ противъ корму купчины жъ Миркете Сеита, которой шелъ къ государю къ Москве въ прошломъ во 128-мъ году. И въ дорогу до Нижнево дали корму на две недѣли,

и отпустили ево къ государю къ Москве съ приставомъ, съ казанцомъ съ Степаномъ Львовымъ сентября въ 30 де(нь). А пріѣхавъ въ Ярославль, Степану Львову велѣли отписати ко государю напередъ себя, и въ Нижней объ ево отпуске къ боярину и воеводе къ Петру Петровичю Головину да къ дьяку къ Василью Юдину они писали жъ.

Тово жъ дни писали къ государю исъ Казани бояринъ и воеводы князь Борисъ же Михайловичь Лыковъ съ товарыщи, что въ нынешнемъ во 129-мъ году сентября въ 25 де(нь) писали изъ Астарахани стольникъ и воеводы князь Семенъ Прозоровской съ товарыщи въ Казань къ боярину и воеводе ко князю Борису Хилкову съ товарыщи, что они по государеву указу отпустили ко государю пословъ Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, да съ ними казылбашского посла Булатъ бека съ шаховыми и съ его, Булатъ бековыми, людьми; а въ приставехъ у кизылбашского посла и для всяково береженья посланъ изъ Астарахани Мисюръ Товарыщевъ. А корму де дано кизылбашскому послу Булатъ беку съ людьми отъ Астарахани до Казани на шесть недѣль. И какъ государевы послы и кизылбаской посолъ съ людми въ Казань пріѣдутъ, и ихъ бы по государеву указу, давъ имъ подводы и провожатыхъ и кизылбаскому послу съ людьми въ дорогу кормъ по росписи, какова дана въ Астарахни Мисюрю Товарыщеву, отпустити ихъ къ государю къ Москве. И сентября де въ 26 де(нь) пріѣхали въ Казань Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ, а сказали имъ что прислана къ нимъ на Самару государева грамота, а велено имъ съ Самары ѣхати ко государю къ Москве напередъ кизылбашсково посла, а послу де велено ѣхати по государеву указу съ приставы съ Мисюремъ Товарыщевымъ после ихъ. И они де ѣхали съ Самары до Казани напередъ кизылбашсково посла. И по государеву указу они Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, давъ имъ суды и кормщиковъ и гребцовъ, отпустили ко государю сентября въ 29 де(нь); а кизылбашской шаховъ посолъ Булатъ бекъ съ шаховыми и съ своими людми пришолъ въ Казань сентября жъ въ 26 де(нь). И они кизылбашсково посла отпустятъ ко государю сентября въ 30 де(нь) съ астараханскимъ же приставомъ съ Мисюремъ Товарыщевымъ и кормъ почесной къ нему на пріѣзде и поденной кормъ на четыре дни по астараханской росписи на станъ на рѣчку на Казанку въ село Ягодное послали, и въ дорогу кормъ и питье до Нижнего и подводы и провожатыхъ дадутъ, и въ Нижней къ боярину и воеводе къ Петру Петровичю Головину да къ дьяку къ Василью Юдину отпишутъ, чтобъ они по государеву указу дали кизылбашскому

послу Булатъ беку съ шаховыми людьми кормъ и питье по той же астараханской росписи отъ Нижнево до Москвы и отпустили бъ ихъ къ государю. А что они послали къ послу государева жалованья корму на пріѣзде въ почесть и по его челобитью послано къ нему въ запросъ, и что поденново корму до отпуску дано, и они тому прислали къ государю роспись подъ отпискою; а что послу въ дорогу до Нижнево корму сентября съ 30-го числа дадутъ, и они о томъ къ государю отпишутъ.

Роспись, что дано государева жалованья кизылбашскому послу Булатъ беку на пріѣзде почесново корму и что ему жъ послу и людемъ его и шаховымъ кречетникомъ и арапомъ поденново корму въ Казани до отпуску по астараханской росписи сентября съ 26-го числа сентября жъ по 30-е число поденново корму дано.

Почесново корму послу на пріѣзде противъ прежнево послано 10 хлѣбовъ, 10 колачей, 5 куровъ, 3 борана. Да по ево посольскому челобитью послано къ нему въ запросъ: четверть ведра уксусу, 10 гривенокъ патоки, 140 яицъ, 4 гривенки масла коровья, четверикъ гороху, полъ осмины крупъ овсяныхъ, полъ осмины пшеницы, полъ осмины муки пшеничной. Да поденново корму до отпуску въ Казани на 4 дни дано: 8 хлѣбовъ, 8 колачей двуденежныхъ, 4 борана, 8 куровъ, луку и чесноку на 16 де(негъ) 12 гривенокъ, масла коровья на 4 де(ньги), на 8 де(негъ) свѣчь сальныхъ.

Людемъ ево 19 человѣкомъ 66 хлѣбовъ двуденежныхъ, 66 колачей денежныхъ, 8 барановъ.

Шаховымъ людемъ кречетникомъ 4-мъ человѣкомъ 16 хлѣбовъ, 16 колачей двуденежныхъ, луку да чесноку на 8 де(негъ), 6 гривенокъ масла коровья. 2 мъ человѣкомъ арапомъ, что были у слона, 8 хлѣбовъ, 8 колачей двуденежныхъ. Да кречетникомъ и арапомъ вопчѣ 4 борана.

Питья послу. 8 чарокъ вина двойново, 24 чарки вина, 3 ведра меду паточново, 8 вѣдръ меду кабатцково.

Людемъ ево 19 человѣкомъ: 150 чарокъ вина простово, по 2 чарки человѣку на день, 16 вѣдръ меду кабатцково всѣмъ же вопчѣ.

Шаховымъ кречетникомъ 4-мъ человѣкомъ 48 чарокъ вина по 3 чарки человѣку на день.

2-мъ человѣкомъ арапомъ 16 чарокъ вина по 2 чарки на день человѣку.

Да Булатъ бековымъ же людемъ и шаховымъ кречетникомъ и арапомъ вопчѣ 21 ведро и 5 кружекъ пива, все питье въ посольское ведро.

И октября въ 12 де(нь) писано отъ государя въ Ярославль къ воеводе къ Ивану Безобразову да къ дьяку къ Ивану Даргапову о кизылбашскомъ послѣ, что указалъ государь кизылбашскому послу Булатъ беку постоять въ Нижнемъ до зимнего пути, будетъ ихъ въ Нижнемъ государевъ указъ застанетъ; а будетъ не застанетъ, и ему постоять въ Ярославле до зимнево же пути и велено имъ, кизылбашскимъ посломъ, побыть въ Ярославле до зимнего пути, и дворы имъ велено дати самые добрые, и кормъ и питье имъ велѣли давать по росписи, какова у пристава ихъ, у Мисюря Товарыщева, и на дворъ къ нимъ для береженья сторожей и стрельцовъ велено приставить и бережепье къ нимъ велено держать, чтобъ имъ ни отъ ково никакова бесчестья не было, а государевымъ бы людемъ отъ нихъ потому жъ бесчестья и насильства не было. А въ которой день кизылбашскихъ пословъ почаять въ Ярославль быти, и у нихъ бы въ тотъ день тѣми мѣсты, куда посломъ итти, и до подворья было людно и стройно по посольскому обычею, и въ почесть бы есте къ посломъ сверхъ поденпово корму питья и ѣствы послать противъ поденново вдвое, или какъ пригоже, и въ запросъ, чего учнутъ просить, а добыть мочно, и къ нимъ посылать не отъ велика, чтобъ имъ въ питьѣ и въ ѣстве нужи и скудости не было. Да къ государю жъ идетъ кизылбашской же гонецъ купчина Хозя Ага Асанъ, и какъ онъ въ Ярославль пріѣдетъ, и ему велено побыть въ Ярославле жь и дворъ ему велено дать особной, и кормъ ему давать велено по тому жъ, по чему ему давали въ Казани и въ Нижнемъ, и приставу у нево велено быти тому жъ, которой ныне у нево. А какъ купчина станетъ на подворье, и къ нему велено послать на подворье дворенина добра, да отъ мѣста подъячево, и велено ево роспросити, сколь онъ давно отъ шаха къ государю посланъ: вмѣсте-ль съ посломъ, зъ Булатъ бекомъ, или после, и о кою пору, и грамота съ нимъ къ государю отъ шаха и сверхъ грамоты какой словесной приказъ есть ли, и какъ ему наказано отъ шаха у нашего царского величества быти: съ послы ли вмѣсте, или напередъ? и какіе съ нимъ узорочные товары есть-ли? О томъ о всемъ велено отписать къ государю наскоро съ нарочнымъ гонцомъ, чтобъ государю про то про все вскоре было вѣдомо.

А въ Нижней къ боярину и воеводе къ Петру Головину да къ дьяку къ Василью Юдину и кизылбашскихъ пословъ къ приставу къ Мисюрю Товарыщеву писано противъ тово жъ, что и въ Ярославль.

А къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину да къ дьяку къ Михаилу Тюхину, а велено имъ со всѣмъ съ тѣмъ, какъ у нихъ государево дѣло дѣлалось, ѣхать къ государю къ Москве наспехъ, не

мѣшкая нигдѣ ни часу, а пріѣхавъ къ Москве, явитись и посольства своего списокъ отдати въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Саве Рамапчюкову.

Писано отъ государя въ Нижней, велено кизылбашсково посла отпустити изъ Нижнево въ Ярославль тотчасъ, а велено итти въ Ярославль на Балахну и на иные мѣста жилыми мѣсты, не займуя Костромы.

А къ приставу кизылбашсково посла, къ Мисюрю Товарыщеву, и въ Ярославль къ воеводе писано отъ государя противъ тово жъ: какъ придетъ кизылбашской посолъ въ Ярославль, велено описать къ государю, а послу постоять указалъ государь въ Ярославле до своево государева указу.

И 129-го году октября въ 29 дс(нь) государевы послы Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ къ Москве пришли. А какъ у нихъ, будучи въ Кизылбашехъ, государево дѣло дѣлалось, и они тому дали посольства своего списокъ, и въ списке ихъ написано.

Статейный списокъ.

Лѣта 7126-го маія въ 18 день великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всея Русіи велѣлъ князю Михайлу Петровичю Борятинскому да Ивану Ивановичю Чичерину, да дьяку Михайлу Тюхину итти для своего государева и земсково дѣла въ посольство къ кизылбашскому Аббасъ шаху.

И маія въ 23 день отпущены послы отъ царсково величества съ Москвы въ судѣхъ и пришли въ Казань іюня въ 15 день и въ Казани сослались съ кизылбашскими послы, съ Кая салтаномъ и зъ Булатъ бекомъ. А велѣлъ имъ говорити великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи: его царское величество велѣлъ намъ, холопемъ своимъ, итти къ шахъ Аббасову величеству въ послѣхъ, а вамъ государь указалъ итти къ шаху съ ними вмѣстѣ, и вы бъ были готовы.

И іюня въ 17 день пріѣзжалъ ко князю Михайлу съ товарыщи шаховъ посолъ Булатъ бекъ, а говорилъ, что они итти въ Астарахань готовы.

Іюня въ 22 день пошли послы изъ Казани въ Астарахань, и ѣдучи въ Астарахань Волгою, съ послы договоръ учинили, что изъ Астарахани итти моремъ. И въ Астарахань пришли іюля въ 11 день и въ Астарахани подѣлывали бусы и затѣмъ жили три недѣли.

И августа въ 2 день пошли послы изъ Астарахани Волгою на море въ стругехъ, а шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ пошли вмѣстѣ въ стругѣхъ же, а бусы рускія провадили въ море порожжія и пріѣхали на море августа въ 6 день, а на море князь Михайло и Иванъ сѣли въ гилянскую бусу августа въ 8-мъ числѣ у торгового человѣка у Хозя Исупа, а съ ними переводчикъ да толмачъ, а шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ со княземъ Михайломъ да съ Иваномъ посадили на бусу шахова кречетника Имиръ хана, да барсовника Тугачи бѣка для провожанья: въ которомъ шаховѣ городѣ или въ деревнѣ буса пристанетъ, ино бы про государевыхъ пословъ было вѣдомо. А дьякъ Михайло сѣлъ въ русскую бусу, а съ нимъ три человѣки толмачей, да кречетники.

И августа въ 17-мъ числѣ діакъ Михайло присталъ въ шаховѣ землѣ въ деревнѣ Низовѣ, а та деревня за помѣщики.

А князь Михайло да Иванъ пришли августа во 18-мъ числѣ, потому что погода бусы рознесла, и изъ бусъ высѣли и послали шахъ Аббасова кречетника Имиръ хана, да барсовника Тугачи бѣка въ деревню Низову хъ помѣщикомъ, чтобъ они велѣли собрать подводы и отпустили пословъ къ шахову величеству, не задержавъ, и кормъ посломъ дали. И тово жъ дни Имиръ ханъ и Тугачи бѣкъ посломъ сказали, что они помѣщикомъ деревни Низовы Байсара бѣку да Наха беку, да Неха Муратъ беку о подводахъ и о корму говорили, и они имъ сказали: у насъ де подъ пословъ подводы, что съ насъ доведетца, готовы, а деревня Низова дербенсково уѣзда, и мы деи пошлемъ въ Дербень къ воеводѣ Бѣйгурда салтану, чтобъ Бѣйгурда салтанъ прислалъ, а велѣлъ подводы и кормъ собрати съ околнихъ деревень, а имъ деи деревнею одною пословъ не подняти и подводъ столко не собрати, и корму одною деревнею пословъ не прокормити.

А бусу рускую, въ которой ѣхалъ Михайло, отдали со всею судовою снастью Исупъ ханову человѣку Худовердѣю.

И августа въ 20 день изъ Дербени воевода Бѣйгурда салтанъ прислалъ дербенскихъ Усеинъ бека да Осанъ бека, а велѣлъ тотчасъ подводы собрать и кормъ посломъ давать.

И августа въ 26 день къ посломъ Усеинъ бекъ да Осанъ бекъ подводы привели, а кормъ давали поденно. И того жъ дни изъ деревни Низовы послы пошли въ Шемаху и пришли въ шемахинской уѣздъ въ деревню Мордовъ и, не доѣзжая деревни съ версту, встрѣтилъ пословъ шаховъ дворенинъ Бекъ Ташъ бекъ, а на встрѣчѣ посломъ говорилъ: прислалъ деи меня изъ Шемахи къ вамъ Исупъ ханъ, а

велѣлъ васъ, пословъ, встрѣтить и о здоровьѣ спросить, а мнѣ де Исупъ ханъ велѣлъ у васъ, пословъ, быти въ приставехъ и васъ проводити до Шемахи, и кормъ про васъ велѣлъ збирати зъ деревень.

И послы Бекъ Ташъ бѣку противъ тово говорили: мы на хановѣ любви челомъ бьемъ, что насъ прислалъ встрѣтить и о здоровьѣ насъ велѣлъ спросить.

Да пошли послы, а съ ними приставъ Бекъ Ташъ бекъ въ деревню Мордову, и въ той деревнѣ послы ночевали, и пошли въ Шемаху, а отъ деревни Мордовы шли до Шемахи пять день, а дорогою идучи, ставились по станомъ на кованъ сараехъ, а по рускому по гостинымъ дворомъ.

И августа въ 30 день послы пришли къ Шемахѣ, и не доѣзжая до Шемахи за двѣ версты, приставъ Бекъ Ташъ бекъ послалъ въ Шемаху къ Исупъ хану дербенскихъ Асанъ бека, а велѣлъ Исупъ хану про пословъ сказати, какъ посломъ итти въ Шемаху, а посломъ говорилъ, чтобъ деи вамъ постоять, дождатца вѣсти изъ Шемахи отъ хана, и послы стали на рѣчкѣ.

И того жъ дни отъ Исупъ хана пріѣхалъ къ посломъ капычѣйской ага Максимъ Али бекъ и спрашивалъ пословъ отъ Исупъ хана о здоровьѣ, и посидя немного, говорилъ посломъ: приказалъ де мнѣ Исупъ ханъ, а велѣлъ мнѣ у васъ быти въ приставехъ и велѣлъ деи вамъ Исупъ ханъ говорить, чтобъ вамъ тутo постоять до завтрея, а завтра де пришлетъ къ вамъ лошеди, и вамъ бы ѣхати въ городъ, и встрѣча де вамъ будетъ близко города.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, съ приставомъ съ Максимъ Али бекомъ къ Исупъ хану приказали, а велѣли ему говорить: приходили де къ великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи къ его царскому величеству отъ великого государя шахъ Аббасова величества послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ о дружбѣ и о любви и о иныхъ добрыхъ дѣлехъ, и великій государь нашъ его царьское величество тѣхъ государя ихъ шахъ Аббасова величества пословъ принялъ съ великою честью, и пожаловавъ ихъ, отпустилъ къ государю ихъ къ шахъ Аббасову величеству, не издержавъ, и съ ними вмѣстѣ послалъ великій государь нашъ его царское величество ко государю ихъ къ шахъ Аббасову величеству насъ, пословъ своихъ, о многихъ добрыхъ дѣлехъ, которые належатъ обѣимъ великимъ государемъ, царскому величеству и Оббасъ шахову величеству, и ихъ государствамъ ко всякому добру. И Исупъ бы ханъ далъ пристава, съ кѣмъ намъ къ шахову величе-

ству ѣхать, и подводы и кормъ намъ дати, и отпустилъ бы насъ къ шахову величеству, не издержавъ. А что Исупъ ханъ скажетъ, и онъ бы, Максимъ Али, про то имъ вѣсно учинилъ, не измѣшкавъ. И Максимъ Али бекъ князю Михаилу и Ивану, и дьяку Михайлу сказалъ: что деи вы со мною къ Исупъ хану приказываете, и я деи то все Исупъ хану скажу, а что деи Исупъ ханъ противу вашихъ рѣчей со мною къ вамъ прикажетъ, и я деи тотчасъ вамъ, пріѣхавъ, скажу. И поѣхалъ въ Шемаху.

И погодя немного, къ посломъ пріѣхалъ изъ Шемахи приставъ Максимъ Али бекъ и учелъ посломъ говорить: приказывали деи вы со мною къ Исупъ хану, чтобъ васъ въ Шемахѣ не задержать, отпустить васъ къ шахову величеству вскорѣ, и я де Исупъ хану про то, что вы со мною приказывали, сказывалъ.

И Исупъ ханъ со мною къ вамъ приказалъ: шахово деи величество нынѣча въ Родивили, и я деи пошлю въ Родивиль къ шахову величеству и велю про васъ извѣстить шахову величеству, что вы пришли отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества къ великому государю нашему шахъ Аббасову величеству въ послехъ о ихъ государской братственной дружбѣ и любви и о всякомъ добромъ дѣлѣ, которые належатъ обѣимъ имъ великимъ государемъ, царскому величеству и Оббасъ шахову величеству, и ихъ государствамъ ко всякому добру, и какъ деи шахово величество велитъ вамъ быть въ Родивиль, и я деи тотчасъ къ шахову величеству васъ въ Родивиль отпущу, а до тѣхъ деи мѣстъ, покамѣста отъ шаха будетъ вѣсть, побыть вамъ въ Шемахѣ.

Да Максимъ Али жъ бекъ посломъ учелъ говорить: Исупъ деи ханъ прислалъ къ вамъ со мною рыбы, какова у нево лучилась, двадцать пять шевригъ, да икры съ полпуда, да овощи, виноградъ, изюмъ и винные ягоды, и яблока, и груши, и шептала, и армуды, и вишни на пяти блюдехъ, да кормъ на нынѣшней день, и вамъ бы деи велѣти принять.

И князь Михайло и Иванъ, и Михайло Максимъ Али беку говорили: на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ. И велѣли у него приняти, а ево подчивали и дарили.

И Максимъ Али бекъ, посидѣвъ, поѣхалъ въ Шемаху, а у пословъ остался Бѣхъ Ташъ бекъ, да Усеинъ бекъ, которые съ послы ѣхали дорогою.

И августа въ 31 день пріѣхалъ изъ Шемахи присталъ Максимъ Али

бекъ, а за нимъ привели четверо лошадей съ сѣдлы и съ уздами, а говорилъ посломъ: Исупъ деи ханъ прислалъ къ вамъ лошеди, чтобъ вамъ на тѣхъ лошедяхъ ѣхати въ городъ, а мнѣ деи велѣлъ ѣхати съ вами жъ. И послы положили на себя платье чистое и чюги золотные и поѣхали въ Шемаху, и не доѣзжая Шемахи за версту, Исупъ ханъ прислалъ изъ Шемахи противу пословъ встрѣчю конныхъ и нарядныхъ людей человѣкъ съ тысечю и больши, да пѣшихъ тысечи зъ двѣ. А встрѣчали воеводы, Сидя салтанъ да Ибреимъ салтанъ, да Казалъ салтанъ, да усминской Бѣйгурда салтанъ, да дьякъ Усеинъ бекъ и капычѣй и капычѣйскіе аги и бѣки. И съѣхався съ послы на лошедяхъ, шемахинской везирь Усѣинъ бекъ учалъ посломъ говорити: Исупъ деи ханъ прислалъ воеводъ да меня съ ними и дворянъ многихъ, а велѣлъ васъ, пословъ, встрѣтить и о здоровьѣ спросити: здорово ли дорогою ѣхали?

И послы Усѣинъ беку противу того говорили: мы на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ, что къ намъ прислалъ лошеди и велѣлъ вамъ насъ встрѣтити. Да пошли послы къ городу, а съ послы ѣхали воеводы и везирь и всѣ встрѣчники до стану и поставили пословъ въ Исупъ хановѣ саду, отъ Шемахи съ полверсты, а говорилъ посломъ дьякъ Усеинъ бекъ да приставъ Максимъ Али бекъ: въ томъ деи хановѣ саду, опричь Шанъ Гирѣя царевича нихто не ставалъ, и къ вамъ деи Исупъ ханъ, показуючи свою любовь, велѣлъ васъ поставить въ своемъ саду. А встрѣчники, проводя до саду, поѣхали въ Шемаху. А приставу Максимъ Али велѣлъ Исупъ ханъ быти у себя. И тово жъ дни приставъ Максимъ Али отъ Исупъ хана къ посломъ пріѣхалъ и учалъ пословъ звати къ Исупъ хану, а говорилъ посломъ: велѣлъ деи мнѣ Исупъ ханъ вамъ бити челомъ, чтобъ вамъ съ Исупъ ханомъ видѣтца и у него побывати.

И послы приставу Максимъ Али беку говорили и къ Исупъ хану приказали, что, не бывъ намъ у шахъ Аббасова величества и не видя его государскихъ очей, и не исправя великого государя своего царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи его царского величества посольства, ни у кого быть не пригоже. Какъ были у великого государя нашего у его царского величества шахъ Аббасова величества послы, и они окромѣ царского величества у царского величества у бояръ и воеводъ по городомъ ни у кого не бывали, то царское величество велитъ дѣлати, остерегая его царского величества и шахова величества чести, а Исупъ бы ханъ насъ къ шахову величеству отпустилъ, не издержавъ, и подводы и кормъ велѣлъ намъ дати. Да послы жъ Исупъ

хану съ приставомъ съ Максимъ Али бекомъ приказали: которая буса подъ нами была руская, и мы тоѣ бусу на Низовѣ отдали человѣку Исупъ хапову Худовердею со всѣмъ буспымъ запасомъ, чтобъ Исупъ ханъ тоѣ бусу велѣлъ поберечь до нашево пріѣзду, какъ мы назадъ пойдемъ.

И тово жъ дни пріѣхалъ къ посломъ отъ Исупъ хана приставъ Максимъ Али съ кормомъ, а корму привезъ сорокъ батмановъ лепешекъ, да восмь бораповъ, да яловицу, да пятеро куровъ, да четыре гривенки масла, да десеть батмановъ шерапу и говорилъ посломъ: то ден вамъ кормъ Исупъ ханъ прислалъ па пынѣшней день, а впередъ ден вамъ велѣлъ давати корму на день по тому жъ. А что де вы приказывали со мною къ Исупъ хану про рускую бусу, въ которой вы въ шахову землю пріѣхали, и я де Исупъ хану сказывалъ, и Исупъ ден ханъ человѣка своего Худовердея роспрашивалъ: бусу онъ у васъ, пословъ, взялъ ли? и Худовердія де сказалъ, что онъ бусу у васъ, у пословъ, взялъ и приказалъ ее беречи на Низовѣ помѣщику Байраму съ племянники, а Исупъ ден ханъ отъ себя велѣлъ тотчасъ отписати, чтобъ они тоѣ бусы берегли до вашего посольсково приходу.

И 127-го сентября въ 2 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ шемахинского дьяка Усеинъ бека и спрашивалъ пословъ отъ Исупъ хана о здоровьѣ, и послы противу тово говорили Усеинъ беку: мы на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ. И учали ево подчивать. И Усеинъ бекъ, посидя немного, вставъ, учелъ посломъ говорить: прислалъ ден меня къ вамъ Исупъ ханъ, а велѣлъ вамъ бити челомъ, чтобы вамъ севодни у Исупъ хана ѣсть.

И послы Усеинъ беку говорили: на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ, а не видя намъ шахова величества очей и не исправя отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи, его царского величества, шахову величеству посольства, быти ни у кого никоторыми дѣлы непригоже, и напередъ сего мы съ приставомъ съ Максимъ Али къ Исупъ хану приказывали тожъ. И Исупъ бы ханъ на насъ въ томъ не подосадовалъ. И Усеинъ бекъ говорилъ посломъ: Исупъ ден ханъ тому радъ, чтобы вы у него побывали и съ нимъ видѣлись, да въ томъ ден ваша воля. Да посидя немного, Усеинъ бекъ поѣхалъ къ хану.

И сентября жъ въ 4 день прислалъ Исупъ ханъ къ посломъ капычейского агу ишикъ агасы, да капычѣявъ Имиръ хана, да Нали бека, да подьячево Имиръ хача, а говорилъ посломъ ишикъ агасы съ товарыщи: прислалъ ден насъ къ вамъ Исупъ ханъ шахова величества

зъ грамотою, а пишетъ деи шахово величество къ Исупъ хану, что былъ бой Карчеге беку съ турсково царя людьми, и шаховы деи люди турскихъ людей побили, и грамоту де шахову Исупъ ханъ передъ вами велѣлъ прочесть, и для тово и подьячево съ нами къ вамъ прислалъ.

И послы говорили ишикъ агасѣ съ товарыщи, что Исупъ ханъ показуетъ къ намъ свою любовь, что намъ велѣлъ про такое великое дѣло объявити и шахову грамоту велѣлъ передъ нами прочесть, и мы шаховы грамоты слушети ради.

И ишикъ агасы грамоту шахову передъ послы подьячему велѣлъ честь, а въ грамотѣ написано:

Августа въ 19-мъ числѣ межъ Тевриза и Родивеля былъ бой Карчегѣ бѣку съ турсково людми, и Божіею де помощію шаховы люди Карчага бѣкъ турсково царя людей побилъ и многихъ живыхъ взялъ, а на томъ деи бою былъ крымской Джанъ бекъ Гирѣй царь, да грузинской Теймуразъ царь, и грузинсково де царя збили съ лошеди и вѣдома про нево нѣтъ, утекъ ли зъ бою, или убитъ. А взяли деи на томъ бою крымсково царя ближнево человѣка Мурза бека и иныхъ крымскихъ мурзъ, да турсково царя пашей холяпсково Мухамѣтъ пашу, да вальсково Магаметь пашу, да халяпсково жъ вакиля, да узрюмского Усѣинъ пашу.

И послы, выслушавъ шаховы грамоты, капычѣйскому агѣ ишикъ агасѣ съ товарыщи говорили и къ Исупъ хану приказали: Исупъ ханъ про то и самъ вѣдаетъ: великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи его царское величество съ шахъ Аббасовымъ величествомъ въ братственной дружбѣ и любви и въ ссылкѣ, а нынѣ шахова величества ратнымъ людемъ надъ недругомъ ево надъ турсково царя ратными людьми учинился поискъ: турского царя ратныхъ людей побили и многихъ живыхъ поимали, и мы о томъ учнемъ писати къ великому государю своему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи, чтобъ его царскому величеству про то было вѣдомо.

И ишикъ агаса съ товарыщи посломъ говорили: Исупъ деи ханъ для тово насъ къ вамъ и прислалъ, чтобы вамъ о томъ къ великому государю своему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи его царскому величеству отписать и вѣдомо про то царскому величеству учинить.

И послы ишикъ агасу съ товарыщи подчивали и ихъ дарили.

Да посидя немпого, капычѣйской ишикъ агаса съ товарыщи, вставъ, учали посломъ говорить: велѣлъ деи вамъ Исупъ ханъ бити челомъ, чтобъ пожаловати у него побывать и любовь своя къ нему показать.

И князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло говорили тожъ ишикъ агасѣ: и напередъ сего мы къ хану о томъ приказывали, что намъ, не видя шахова величества очей, у Исупъ хана быти никакъ не мошно, а на ево любви челомъ бьемъ. И ишикъ агаса посломъ говорилъ: то бы деи хану отъ васъ было въ великую любовь, чтобъ вы у нево побывали и съ нимъ повидались, а толко деи съ нимъ не повидаетеся, и ему деи добрѣ будетъ досадно на васъ.

И послы ишикъ агасѣ говорили: коли хочетъ Исупъ ханъ съ нами видѣтися, и онъ бы къ намъ пріѣхалъ и съ нами повидался, а мы ево любви добрѣ ради.

И ишикъ агаса посломъ говорилъ: язъ деи ваши рѣчи Исупъ хану роскажу, въ томъ деи воленъ Богъ да вы, какъ вамъ возможно, такъ и дѣлаете. Да поѣхалъ ишикъ агаса съ товарыщи къ хану.

И сентября въ 8 день пріѣхали изъ Баки шаховы послы Кая салтанъ, да Булатъ бекъ въ Шемаху, и тово жъ дни у пословъ былъ Булатъ бекъ, а сказалъ, что ихъ на морѣ погодою посило три недѣли, и буса у нихъ немного не потонула, а къ Бакѣ онѣ пристали тому четвертой день, а изъ Баки пріѣхали нынѣ въ Шемаху.

Да посломъ же говорилъ Булатъ бекъ: указалъ де мнѣ шахъ быти къ себѣ напередъ, а Кая де салтану шахъ велѣлъ побыти въ Шемахѣ, а велѣлъ деи ему ѣхати къ себѣ съ вами вмѣстѣ, да шахъ же деи мнѣ велѣлъ васъ допросить: сколко съ вами великого государя вашего царского величества всякихъ людей и сколко съ вами вашихъ людей? и то деи мнѣ шахъ велѣлъ, написавъ, привести къ себѣ.

И послы Булатъ беку сказали сколко съ ними царского величества людей и сколко ихъ людей съ ними, и Булатъ бекъ написалъ въ роспись.

И того жъ дни пріѣхалъ къ посломъ Полотъ ханъ бекъ и учелъ посломъ говорити: велѣлъ деи Исупъ ханъ быти мнѣ у васъ въ приставѣхъ, а прежнему де приставу Максамъ Али беку у васъ быти не велѣлъ, а корму велѣлъ у васъ убавити, а велѣлъ де вамъ давати по пяти барановъ на день, да яловицу на два дни, и всяково корму въ полы.

И послы учели Полотъ хану говорити: съ нами великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества всякихъ людей и нашихъ людишекъ сто пятьдесятъ шесть человѣкъ, и тѣмъ чѣмъ быти сытимъ? и чтобъ Исупъ ханъ велѣлъ кормъ давати по прежнему, а будетъ Исупъ ханъ корму по прежнему не велитъ давати, и онъ бы поволилъ намъ въ Шемахѣ

съѣстное продавати: бораны и яловицы, и инои всякой кормъ, а по государской милости великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи ево царсково величества жалованьемъ есть намъ чѣмъ купити, а зъ голоду бы насъ поморити не велѣлъ.

И тово жъ часу Полотъ ханъ бекъ поѣхалъ къ хану, а сказалъ посломъ: я де ваши рѣчи хану роскажу.

И тово жъ дни Полотъ ханъ пріѣхалъ къ посломъ, а сказалъ посломъ: я де хану ваши рѣчи розсказывалъ, и Исупъ деи ханъ къ вамъ приказалъ, а велѣлъ вамъ говорити: покамѣста де Булатъ бека здѣсь не было, и я деи къ посломъ кормъ посылалъ, сколко у меня чево лучилось, а нынеча де Булатъ бекъ сказалъ, что имъ у великого государя вашего у его царского величества въ кормѣхъ была скудость великая, а хочетъ де Булатъ бекъ про то сказывати шахову величеству, а Исупъ де хану Булатъ бекъ говорилъ, чтобъ у васъ корму убавити, давати бъ передъ прежнимъ въ полы, и вамъ де въ томъ на Исупъ хана не подосадовати, а какъ де Булатъ бекъ поѣдетъ къ шаху, и ханъ де къ вамъ кормъ велитъ по прежнему посылать полной.

И послы отказали: мы великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества жалованьемъ будемъ сыти и безъ вашего корму, топерво у насъ запасовъ съ нами всякихъ много. А какъ были у великого государя нашего у его царского величества отъ Аббасъ шахова величества послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, и имъ по царского величества указу даванъ кормъ всякой полной, и въ запросъ чево похотятъ, и то имъ давано.

И сентября въ 12 день пріѣхалъ къ посломъ отъ Исупъ хана приставъ Полотъ ханъ и говорилъ посломъ: Исупъ де ханъ прислалъ меня къ вамъ, а велѣлъ вамъ говорити: Булатъ бекъ де нынѣ поѣхалъ къ шахову величеству, а корму де вы не имали три дни, и Исупъ де ханъ прислалъ къ вамъ кормъ противъ прежнево и впередъ велѣлъ къ вамъ кормъ потому жъ посылати. И послы велѣли кормъ взяти.

И сентября въ 14 день пріѣхалъ къ посломъ приставъ Полотъ ханъ, а говорилъ посломъ: велѣлъ деи вамъ Исупъ ханъ говорити: писалъ къ нему шахово величество, а велѣлъ васъ изъ Шемахи отпустити въ Родивиль къ своему Аббасъ шахову величеству.

И послы Полотъ хану противъ того говорили: мы къ шахову величеству ѣхать готовы, чтобъ Исупъ ханъ насъ отпустилъ, не издержавъ.

И приставъ Полотъ ханъ посломъ сказалъ: Исупъ деи ханъ послалъ въ уѣздъ збирати подводъ, а какъ зберутъ подводы подъ васъ, и ханъ де васъ къ шаху отпуститъ тотчасъ.

Сентября жъ въ 17 день пріѣхалъ къ посломъ шемахинской келентарь Баатырь да дьякъ Усеинъ бекъ, а съ ними многіе аги капычѣйскіе и бѣки и говорили посломъ: прислалъ де насъ къ вамъ Исупъ ханъ, а велѣлъ васъ навѣстить и о здоровьѣ спросити.

И послы, князь Михайло съ товарыщи, колентарю и везирю говорили: мы на Исупъ хановѣ и на вашей любви челомъ бьемъ, что прислалъ васъ, а велѣлъ насъ навѣстити. И посидя немного, колентарь и везирь Усеинъ бекъ учали посломъ говорити: велѣлъ ден вамъ бити челомъ Исупъ ханъ, чтобъ вы съ нимъ повидались, и вамъ бы ден однолично пожаловати, Исупъ хана не оскорбити, у него побывати и съ нимъ видѣтися.

И князь Михайло съ товарыщи колентарю и дьяку говорили: и напередъ сево Исупъ ханъ къ намъ присылалъ пристава да тебя, Усеинъ бека, а велѣлъ насъ звати къ себѣ, и мы вамъ отказали: любви Исупъ хановѣ ради, а не видя шахова величества очей, быти у нево никако не мочно. И нынѣ вамъ тожъ сказываемъ, что намъ, не бывъ у шахова величества, у Исупъ хана быти непригоже. И колентарь и Усеинъ бекъ говорили посломъ: хану де то за великую досаду, что вы съ нимъ не повидались, а Исупъ ден ханъ у шаха ближней человѣкъ, и жалуетъ ево шахъ въ сына своего мѣсто. Да сидѣли у пословъ не малое время, а послы ихъ подчивали, и поѣхали отъ пословъ пьяни.

Сентября жъ въ 24 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ съ приставомъ, съ Полотъ хапомъ, подъ государево вино дватцать пять телѣгъ, да подъ юки пятнатцать верблюдовъ, а подъ мелкую рухледь быки.

Да сентября жъ въ 25 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ съ лошеди въ подводы, и тово жъ дни послы изъ Шемахи къ шаху въ Родивиль (поѣхали), а провожали пословъ Бѣйгурда салтанъ да калентарь Баатырь, да дьякъ Усеинъ бекъ, а съ ними многіе дворяня, аги и бѣки, и проводя пословъ съ версту отъ Шемахи и простясь съ послы, воротились назадъ, а послы пошли къ шаху въ Родивиль, а въ приставехъ у пословъ съ Кая салтапомъ и до Родивиля отъ Шемахи ѣхали по третьи недѣли. А дорогою ѣдучи, Кая салтанъ съ посломъ въ разговорѣ говорилъ: сказывалъ ден мнѣ шаховъ ясаулъ Кардали бекъ, которой пріѣзжалъ къ Исупъ хану съ шаховою грамотою, что велѣно васъ изъ Шемахи отпустити къ шаху, шахово де величество велѣлъ противу васъ встрѣчѣ и лошеди подъ васъ готовити, и встрѣча де вамъ будетъ честпая.

И октября въ 11 день, не доѣзжая до Родивиля за пять верстъ,

Кая салтанъ учалъ посломъ говорити: чтобъ деи вамъ тутъ постояти, а я де пошлю къ шахову величеству, велю про васъ объявить. И тово жъ часу послалъ къ шаху ясаула Кардали бека, а съ нимъ человѣка своего Урусланка, а велѣлъ шахову величеству про пословъ сказать, какъ шахово величество велитъ посломъ быти въ Родивиль. И погодя часы зъ два, пріѣхалъ Кая салтановъ человѣкъ Урасланка и сказалъ Кая салтану, что Кардали бекъ шахову величеству про пословъ извѣщалъ, и шахово деи величество велѣлъ пословъ поставити въ монастырьской деревнѣ Шахсоеирѣй Кеньгарачь отъ Родивиля за двѣ версты, а завтра деи пришлетъ къ посломъ пристава и велитъ посломъ быть въ Родивиль. И Кая салтанъ по шахову указу поставилъ пословъ въ монастырьской деревнѣ, а самъ поѣхалъ къ шаху.

И октября въ 12 день пріѣхалъ отъ шахова величества къ посломъ дворенинъ Усеинъ бѣкъ и учалъ посломъ говорити: прислалъ деи меня шахово величество къ вамъ, а велѣлъ мнѣ у васъ быти въ приставехъ и вамъ велѣлъ ѣхати въ городъ, а лошедей подъ пословъ не привелъ.

И послы приставу учали говорить: велѣлъ шахово величество намъ ѣхати въ городъ—лошади подъ насъ и встрѣча намъ будетъ ли? И приставъ сказалъ: указалъ деи вамъ шахъ ѣхати въ городъ на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ вы ѣхали изъ Шемахи, а лошедей подъ васъ и встрѣчи вамъ не будетъ, потому что деи шахово величество идетъ въ Казбинъ вскорѣ, а вамъ деи быть у шаха въ Казбинѣ и лошеди деи подъ васъ и встрѣча вамъ будетъ въ Казбинѣ.

И послы приставу Усѣинъ бѣку говорили: какъ у великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи самодержца у его царского величества бываютъ Аббасъ шахова величества послы и посланники, и царское величество для Аббасъ шахова величества брацкіе дружбы и любви велитъ шаховыхъ пословъ и посланниковъ встрѣчати за городомъ, и на встрѣчахъ бываютъ дворяня и дѣти боярскіе многіе, и бываютъ имъ встрѣчи честные, и высылаютъ къ посломъ царьского величества съ конюшни лошеди подъ пословъ и подъ людей ихъ, а мы отъ царьсково величества пришли къ шахову величеству что въ пустой городъ: встрѣчи намъ нѣтъ и лошадей къ намъ отъ шахова величества не прислано. А какъ преже сево отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царсково величества послы и посланники у шахъ Аббасова величества бывали, и въ которомъ городѣ будетъ шахъ, имъ встрѣчи бывали и лошеди, на чомъ въ городъ ѣхать, шахово величество

къ посломъ присылывалъ, а на тѣхъ намъ клячехъ какъ ѣхать отъ Шемахи и до Родивиля? одва подъ нами дошли, а иные многіе поустали, и на дорогѣ усталые лошеди пометали, а людишка наши многіе пѣши брели, и намъ на тѣхъ лошадехъ ѣхати позорно. А какъ мы къ Шемахѣ пришли, и Исупъ ханъ, для шахова величества и своей чести, намъ учинилъ честь: подъ насъ лошеди прислалъ и встрѣчю намъ учинилъ, а нынѣ намъ отъ шахова величества лошедей и встрѣчи нѣтъ, и въ томъ шахову величеству какая честь! то шахово величество къ великому государю нашему его царскому величеству показуетъ нелюбье, а къ намъ немилость: лошадей намъ не прислалъ и встрѣчи намъ не учинилъ. И приставъ Усеинъ бѣкъ посломъ говорилъ: какъ де указалъ вамъ шахъ въ городъ ѣхати, и вы де такъ и подьте, а мнѣ де мимо шахова указу ничево учинити не мочно.

И князь Михайло съ товарыщи учали приставу Усеинъ беку говорити: пожалуй, скажи намъ за совѣтъ, коимъ обычаемъ встрѣчи намъ и лошедей подъ насъ шахово величество не прислали и за что на насъ гнѣвенъ, что насъ такъ велѣлъ позорити, велѣлъ намъ ѣхати въ городъ на тѣхъ же подводишкахъ, а они и дорогою ѣдучи, подъ нами валялись, а мы тебѣ будемъ впередъ любовь свою воздати и дарити, что у насъ есть, а дорогою ѣдучи, Кая салтанъ намъ сказывалъ, что намъ отъ шахова величества будетъ встрѣча великая, и лошеди де подъ васъ шахъ вышлетъ и съ сѣдлы и со всѣмъ нарядомъ. И приставъ Усеинъ бекъ учелъ посломъ говорити: я де вамъ скажу по вашей любви, и вамъ бы де ни съ кѣмъ тово не говорить: какъ деи писалъ къ шахову величеству изъ Шемахи Исупъ ханъ, что вы пришли въ Шемаху, и шахъ деи было велѣлъ вамъ готовити лошеди и противъ васъ встрѣча и кормъ велѣлъ приготовити передъ шемахинскимъ вдвое, и люди, кому васъ встрѣчать, и подъ васъ лошеди и сѣдлы и снаряды съ шаховы конюшни были готовы, и послѣ деи тово пріѣхалъ изъ Шемахи Булатъ бекъ, которой былъ у великого государя вашего съ Кая салтаномъ въ послѣхъ, и многую деи ссору межъ великихъ государей учинилъ, и сказалъ деи шаху, что онѣ у великого государя вашего были въ великомъ утѣсненьѣ и въ запорѣ и многой голодъ терпѣли, и шахъ деи по Булатъ бековѣ ссорѣ на васъ роскручинился, встрѣчю отставилъ и лошедей подъ васъ послати не велѣлъ. И какъ де пришли вы къ Родивилю, и велѣлъ васъ поставити въ деревнѣ, а про кормъ приказалъ мнѣ, велѣлъ вамъ давати кормъ противъ шемахійсково, а на Исупъ хана деи про то кручинился, что вамъ корму даваъ, много, и вы де пожалуйте, про то ни съ кѣмъ не говорите, а нѣчто де

Богъ судилъ, будете въ Казбинѣ у шаха, и вы де про то про все у шаха сами услышите.

И князь Михайло и Иванъ, и Михайло приставу Усеинъ бѣку говорили: мы за твою любовь будемъ тебя дарити, что ты намъ про то сказалъ, а чтобъ тебѣ шахову величеству извѣстити, чтобъ шахово величество пожаловалъ, насъ тѣмъ не опозорилъ: на такихъ клячехъ какъ намъ ѣхати и какъ чистое платно на себя положити? только лише себѣ позоръ учинити! чтобъ пожаловалъ, лошеди къ намъ прислалъ, на чемъ намъ въ городъ ѣхати. И шахову величеству то не честь же, что насъ позорити.

И приставъ Усеинъ бекъ посломъ говорилъ: шаха де мнѣ о томъ докладывати не мочно. Какъ вамъ шахъ указалъ итти, такъ вы по шахову указу на тѣхъ подводахъ и поѣдьте, а лошадей де подъ васъ шаховыхъ однолично не будетъ, про то де мнѣ отъ шаха приказъ именной: будетъ вы, послы, учнете мнѣ про встрѣчю и про лошеди говорити, и мнѣ деи приказалъ шахъ, а велѣлъ вамъ про встрѣчю и про лошеди отказати.

И послы, князь Михайло съ товарыщи, о томъ говорили много и стояли долго, да съ приставомъ Усеинъ бекомъ поѣхали въ Родивиль на тѣхъ же подводахъ, и ѣхали посадомъ, а велъ приставъ рядами, а поставилъ въ Родевилѣ на посадѣ, на монастырскомъ дворѣ. И какъ пословъ приставъ Усеинъ бекъ на подворье поставилъ, и въ то жъ время пріѣхалъ къ посломъ Кая салтанъ.

И послы Кая салтану и Усеинъ беку учали говорити: какъ у великого государя нашего царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи самодержца у его царского величества отъ шахова величества бываютъ послы и послапники, послѣднее вы, Кая салтанъ да Булатъ бекъ, были у царского величества, и царское величество, для Аббасъ шахова величества брацкіе дружбы и любви, а васъ, пословъ, жалуючи, велѣлъ вамъ встрѣчю учинить, и на встрѣчѣ были многіе дворяне и дѣти боярскіе, встрѣча вамъ была честная, и лошеди подъ васъ и подъ людей вашихъ присланы были царского величества съ конюшни, а мы отъ царьсково величества пришли къ шахову величеству что въ пустой городъ, встрѣчи намъ не было и лошадей къ намъ отъ шахова величества не прислано.

И приставъ Усеинъ бѣкъ посломъ сказалъ: въ томъ деи волент Богъ да шахово величество, а встрѣча деи вамъ отставлена не отъ меня, про то деи вы и сами впередъ будете отъ шаха вѣдать. А Кая салтанъ учелъ посломъ говорить: толко бы деи я поѣхалъ изъ Шемахи къ

шаху напередъ васъ, и я бы деи межъ такими великими государи такія ссоры не учинилъ, и вамъ бы деи такова позору не было; Булатъ бекъ деи и на меня шахову величеству нанесъ, и я деи и по ся мѣста шаховыхъ очей не видалъ, а то деи вы и сами вѣдаете, какъ мы съ вами ѣхали изъ Казани и до моря, и язъ деи надъ Булатъ бекомъ всякую честь держалъ и тутъ ему не могъ услужить, а убычай де у нево таковъ, что и съ роднова отца голову сорветъ, и вы деи пожалуйте, при немъ отнюдь ничево не говорите и оберегайтесь его во всемъ.

И октября жъ въ 18 день пріѣхали отъ шахова величества къ посломъ Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ и говорили посломъ: прислалъ деи насъ къ вамъ шахово величество, а велѣлъ вамъ говорити, что шахово величество изъ Родивиля идетъ въ Казбинъ, а вамъ деи шахъ велѣлъ итить за собою жъ въ Казбинъ.

И послы Кая салтану и приставу Усеинъ беку говорили: мы шахову величеству челомъ бьемъ, чтобы пожаловалъ, далъ намъ очи свои видѣти и посольство велѣлъ намъ правити въ Родивилѣ.

И Кая салтанъ и приставъ Усеинъ бекъ посломъ сказали: шахъ деи уже обиходы свои всѣ отпустилъ, а самъ остался легкимъ дѣломъ, идетъ деи наскоро въ Казбинъ, и вамъ деи у шаха быти не мочно, потому что походъ шаховъ приспѣлъ вскорѣ. А велѣлъ деи вамъ шахъ говорити: присланы отъ царсково величества къ шахову величеству кречеты, и вамъ бы деи нынеча тѣ кречеты къ шаху отослать, а какъ деи будете въ Казбинѣ, а шахово величество велитъ вамъ быть у себя на посолствѣ, и тѣ деи кречеты шахъ къ вамъ пришлетъ, чтобъ вамъ тѣ кречеты съ иною посылкою на посольствѣ шаху объявити.

И послы Кая салтану и Усеинъ беку противу тово говорили, что въ прежнихъ обычаехъ тово не бывало, что посломъ, не видя государевыхъ очей, отъ великого государя поминки отдавать, въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, чтобы пожаловалъ, надъ нами такіе неволи не учинилъ, чево въ прежнихъ обычаехъ не повелось.

И Кая салганъ и приставъ Усеинъ бекъ посломъ сказали: шаху деи то будетъ за великую кручину, что вы къ нему кречетовъ не послали. Да посидѣли у пословъ, а послы ихъ подчивали, и поѣхали отъ пословъ къ шаху.

И октября въ 19 день пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ, а сказалъ посломъ: шахово деи величество пошелъ изъ Родивиля въ Казбинъ, а вамъ деи, посломъ, велѣлъ итить за собою жъ въ Казбинъ. А велѣлъ деи шахъ вамъ дати въ подводы сто лошедей, да подъ государеву казну и подъ вашу рухледь подо вьюки сто верблюдовъ.

И послы, князь Михайло съ товарыщи, учали приставу говорити: вѣдаешь ты и самъ, что съ нами государевыхъ людей и нашихъ людишекъ съ полтораста человѣкъ, и намъ какъ поднятца на сто лошедей? толко на одну лошедь по два человѣка сажати, и то непригоже; чтобы вамъ посовѣтовати съ воеводою да подводъ намъ прибавити!

И приставъ Усеинъ бекъ посломъ говорилъ: нечево деи мнѣ о томъ съ воеводою и совѣтовати, мимо шаховъ указъ ни одной лошеди не смѣть прибавити, а людей де своихъ, которые у васъ есть помоложе, велите сажати на верблюды по вьюкамъ.

И послы приставу говорили: люди наши на верблюдахъ ѣздити не умѣютъ, и тово у великого государя нашего у его царского величества въ государствѣ не повелося: на верблюдахъ не ѣздятъ, а чтобы вамъ прибавити лошадей намъ въ подводы.

И приставъ посломъ говорилъ, что никакъ ни одной вамъ лошеди не прибавятъ, а у шахова де величества въ государствѣ тѣмъ не соромятца: на верблюдахъ ѣздятъ, шаховыхъ деи жонъ и дѣтей возятъ на верблюдахъ, да въ томъ не соромятца.

И октября въ 21 день пріѣхалъ къ посломъ, ко князю Михаилу съ товарыщи, приставъ Усеинъ бѣкъ, а за нимъ привели подводы сто лошадей, да подъ государеву казну и подъ посолскую рухледь сто верблюдовъ, и вамъ бы деи къ шахову величеству ѣхати въ Казбинъ, не мѣшкая.

И послы приставу говорили: мы тебѣ прежъ сево говорили, чтобы лошадей въ подводы прибавити, а на верблюдахъ люди наши ѣздити не умѣютъ, и ты для чево намъ лошадей не прибавилъ? и намъ на тѣхъ лошадѣхъ не поднятися.

И приставъ посломъ, князю Михайлу съ товарыщи, противу того говорилъ: язъ де вамъ тогды жъ сказывалъ и нынѣча вамъ тожъ говорю, что мимо шаховъ указъ ни одной лошеди никто не смѣетъ прибавити, а къ вамъ деи лошади и верблюды приведены по шахову указу сполна, и вы деи какъ хотите: хошь ѣздьтя, хошь не ѣздтя, а больши того ни одной лошеди не прибавятъ, а то деи все надъ вами Булатъ бекъ дѣлаетъ.

И князь Михайло съ товарыщи, посовѣтовавъ межъ себя, что не ити не смѣть, чтобы шаха на большей гнѣвъ не подвигнуть, да велѣли лошеди и верблюды взяти и велѣли на верблюды вьючити. Да тово жъ дни изъ Родевиля пошли къ шаху въ Казбинъ, а съ послы поѣхалъ приставъ Усеинъ бекъ.

И до Казбина отъ Родевиля ѣхали 11 день, а ставилися по наслѣ-

гамъ въ деревняхъ, по дворомъ, а кормъ приставъ посломъ давалъ по шемахійской росписи, по чему въ Шемахѣ ханъ давалъ.

И ноября въ 1 день за часъ до вечера, не доѣзжая до Казбина за пятьдесятъ верстъ, пріѣхалъ отъ шаха изъ Казбина къ посломъ на встрѣчю Кая салтанъ, а говорилъ Кая салтанъ князю Михаилу съ товарыщи: шахово деи величество прислалъ меня къ вамъ, а велѣлъ вамъ говорити, чтобы вамъ ѣхати къ шахову в-ву наспѣхъ днемъ и ночью для того, что шахъ идетъ изъ Казбина вскорѣ въ Ѳорабатъ, а въ Ѳарабатѣ деи шаху зимовати, и только деи вы шаха въ Казбинѣ не заѣдете, и вамъ деи будетъ въ Казбинѣ зимовати, а шаховыхъ очей не видати.

И князь Михайло съ товарыщи противу того Кая салтану говорили: воленъ Богъ да шахово величество, а мы къ нему, великому государю, ѣхати готовы. И тово жъ часу послы съ Кая салтаномъ поѣхали въ Казбинъ и ѣхали всю ночь и день весь.

И ноября въ 2 день за часъ до вечера пріѣхали послы въ деревню, не доѣзжая до Казбина за десять верстъ, и Кая салтанъ учалъ говорити посломъ: чтобы де вамъ въ той деревнѣ ночевати, а съ вами деи останетца приставъ Усеинъ бекъ, а язъ деи поѣду въ Казбинъ къ шаху и про вашъ пріѣздъ шахову величеству скажу.

И послы въ деревнѣ стали и начевали, а съ послы начевалъ приставъ Усеинъ бѣкъ.

И ноября въ 3 день въ другомъ часу дни пришелъ къ посломъ приставъ Усеинъ бѣкъ и говорилъ князю Михаилу съ товарыщи: послалъ деи ко мнѣ Кая салтанъ, а велѣлъ деи вамъ шахово величество ѣхати въ городъ въ Казбинъ.

И послы приставу сказали: мы (къ) шахову величеству ѣхати готовы, да скажи намъ: будутъ ли отъ шахова величества лошеди и встрѣча намъ будетъ ли?

И приставъ посломъ сказалъ: про лошеди де язъ не вѣдаю, будутъ ли къ вамъ отъ шаха лошеди, а встрѣча деи вамъ будетъ, а чаю деи близко города и съ лошедьми отъ шахова величества къ вамъ будутъ.

И послы тово жъ часу поѣхали въ Казбинъ, а съ послы приставъ. И не доходя до Казбина за полверсты, встрѣтилъ пословъ казбинской восвода да калентарь, да съ ними конныхъ людей немного, а съѣхався съ послы на лошедяхъ, учали посломъ говорити: шахово деи величество велѣлъ намъ васъ встрѣтити и о здоровьѣ велѣлъ васъ спросити и велѣлъ де вамъ шахъ ѣхати въ городъ.

И послы казбинскому воеводѣ и калептарю противу тово говорили:

мы на великого государя Аббасъ шахова величества жалованьѣ челомъ бьемъ, чтобъ Аббасъ шахово величество учинилъ великого государя нашего его ц. в. для братцкіе любви и дружбы, велѣлъ насъ встрѣтити и о здоровьѣ спросити. Да послы же учали приставу Усейнъ бѣку говорити противу прежнихъ своихъ рѣчей: какъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству отъ великого государя Аббасъ шахова величества приходятъ послы и посланники, и къ посломъ и къ посланникомъ царсково величества съ конюшни присылаютъ лошеди подъ нихъ и подъ люди; а къ намъ отъ шахова величества лошеди не присланы.

И приставъ Усеинъ бекъ посломъ говорилъ: у великого де государя вашего такъ въ чинѣхъ повелося, что подъ пословъ царсково в-ва съ конюшни лошеди посылаютъ, а у шаха деи преже сево тово не бывало, и нынеча нѣтъ же, что посылать подъ пословъ лошеди. И послы приставу Усеинъ беку говорили: прежъ насъ отъ великого государя нашего отъ его царского величества у шахъ Аббасова величества былъ посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ, и шахово величество велѣлъ ево встрѣтить многимъ людемъ конным и пѣшимъ и прислалъ къ нему аргамакъ съ своей конюшни.

И приставъ посломъ говорилъ: Ѳедоръ де Левонтьевъ былъ у шаха на стану, а шахъ деи въ ту пору шелъ изъ Грузей, и Богъ де ему подаровалъ, Грузинскую землю повоевалъ и многими городами завладѣлъ, а къ кому деи шахъ лошеди посылаетъ, и онъ деи тѣхъ лошадей назадъ не емлетъ. Да подъѣхавъ къ посломъ, приставъ: то деи вамъ язъ такія рѣчи говорю для воеводы и калептаря, а про то де язъ вамъ въ Ордевили сказывалъ, что все то дѣлаетца надъ вами отъ Булатъ бековой смуты.

И какъ пріѣхали послы близко посаду, и за посадомъ встрѣчали пословъ пѣшіе люди тысечи съ три и больши.

Да пріѣхали послы въ посадъ и посадомъ ѣхали торгами промежъ лавокъ, а по посаду по улицамъ шатался пѣшіе жъ люди.

И пріѣхали послы, князъ Михайло съ товарыщи, ко двору, гдѣ имъ стояти, а казбинской воевода и колентарь и съ ними конные и пѣшіе люди провожали пословъ до двора.

И того жъ дни ввечеру пріѣхали къ посломъ Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ, и говорили посломъ: прислалъ де насъ къ вамъ шахъ, а велѣлъ вамъ говорити, чтобъ вамъ завтра быти у шахова величества и отъ великого государя своего его царского величества посольства правити. И послы Кая салтану и приставу говорили,

чтобъ шахово величество пожаловалъ насъ, завтра бы намъ у себя быти не велѣлъ, для того что мы севодни зъ дороги и намъ неколи исправиться.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили, чтобы деи вамъ однолишно быти у шаха завтра, потому что деи шахъ идетъ вскорѣ въ Ѳарабатъ зимовать, а быти деи вамъ у шаха вмѣстѣ съ индѣйскимъ посломъ.

И послы Кая салтану и приставу учели говорить: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, и мы будемъ готовы, а чтобы надъ нами тоѣ неволи не учинилъ, а съ индѣйскимъ посломъ намъ быти вмѣстѣ у шахова величества непригожее дѣло, и шахово бы величество насъ пожаловалъ, далъ намъ очи свои видѣти однимъ, а въ тоѣ бы пору индѣйскому послу у шахова величества не быти.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: шахъ деи съ нами къ вамъ приказалъ, а велѣлъ вамъ говорити: про то шахъ вѣдаетъ, что вамъ отговариватись и вмѣстѣ съ индѣйскимъ посломъ не хотѣти быти, и вамъ бы де однолично быти у шахова величества вмѣстѣ съ индѣйскимъ посломъ, потому пишетъ деи шахово величество къ великому государю вашему къ его царскому в-ву: хто великому государю вашему другъ, тотъ и шаху другъ, а хто великому государю вашему недругъ, тотъ и шаху недругъ, а великій деи государь вашъ къ шахову величеству пишетъ тожъ: хто шахову величеству другъ, тотъ и великому государю вашему другъ, а хто шаху недругъ, тотъ и великому государю вашему недругъ. А индѣйской де царь Джанъ Ляли Акмеръ съ шахомъ живетъ въ братствѣ и въ великой дружбѣ и въ любви также, какъ и великій государь вашъ его царское величество живетъ съ шахомъ въ братцкой дружбѣ и любви, и шаху де того хочетца, что отъ великихъ государей, отъ его братьи и друзей, пришли вы, послы, и васъ бы деи шахову величеству у себя видѣти вмѣстѣ.

И послы противу того Кая салтану и приставу говорили: какъ у великого государя нашего у его царского величества бываютъ шахова величества послы и посланники, и великій государь нашъ, его царское величество, для Аббасъ шахова величества братцкія дружбы и любви въ то время никоторыхъ государствъ посломъ у своего царского величества быти не велитъ, а бываютъ у царского величества одни послы шахова величества. Также бы и шахово величество тѣмъ насъ не поневолилъ, индѣйскому послу вмѣстѣ съ нами быти не велѣлъ, а пожаловалъ бы насъ, велѣлъ намъ быти у себя однимъ, а съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ никакъ намъ не бывати.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: шаху деи и тово хочетца видѣти, вы деи отъ великого государя своево отъ его царского величества присланы избранные люди и рожеемъ добро зрачны, а индейскіе де люди ростомъ малы и рожеемъ худы и чорны, и они бы де будучи у шахова величества, ваше дородство передъ своею худобою видѣли.

И послы Кая салтану и приставу говорили: коли похотятъ индѣйскіе люди насъ смотрити, и они насъ увидятъ въ улицахъ, какъ мы поѣдемъ къ шахову величеству.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: и такъ деи на васъ шахъ кручиноватъ по Булатъ бекову напосу, а пынеча деи и досталь шаху будетъ за великую кручину на васъ, что вы шахова повелѣнья не слушаете и воли ево не творите.

И послы Кая салтану и приставу говорили: въ томъ волепъ Богъ да шахово величество, положилъ на насъ гнѣвъ свой по Булатъ бекову напосу, не сыскавъ, а впередъ великій государь нашъ его царское величество и Аббасъ шахова величества промежъ себя Булатъ бекову ссору сыщутъ, и мы чаемъ тово, что Булатъ беку за тоѣ ссору отъ шахова величества не пробудетъ.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: что деи вы съ нами говорили, а къ шахову величеству приказывали, и мы деи ваши рѣчи шахову величеству роскажемъ. Да поѣхали отъ пословъ къ шаху на дворъ.

И ноября въ 4 день съ утра къ посломъ пріѣхали Кая салтанъ да приставъ, а учели посломъ говорити: что деи вы вечеръ съ нами говорили и къ шахову величеству приказывали, и мы де ваши рѣчи до шахова величества доносили, и что у васъ слышели, и мы деи то все шахову величеству росказали, и шахово деи величество въ томъ на васъ добрѣ кручиноватъ, что такъ встрѣчно говорите, а шахова повелѣпья не слушаете, и приказалъ деи къ вамъ шахъ, чтобы вамъ однолично шахово повелѣнье исполнити и быти бъ у шаха съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ. А только деи вы шахова повелѣнья не послушаете, а съ индѣйскимъ посломъ у шаха вмѣстѣ не будете, и вы деи отъ шаха на себя великой гнѣвъ наведете, и посолство де ваше будетъ не въ посольство. И велѣлъ деи вамъ шахово величество говорити: которые государи великому государю вашему и шаху недруги, и шахъ деи васъ тѣмъ не неволитъ, великого государя вашего недругомъ посломъ ихъ быти у себя съ вами вмѣстѣ не велитъ, а индѣйской де царь съ шаховымъ величествомъ живетъ въ любительномъ братствѣ

и въ дружбѣ, а съ великимъ деи государемъ вашимъ индѣйскому царю прежъ сево ссылки и дружбы и недружбы не бывало, а шахово деи величество впередъ тово хочетъ, чтобы великій государь вашъ его царское величество съ индѣйскимъ царемъ учинилъ ссылку и былъ бы деи съ нимъ въ дружбѣ и любви также, какъ великій государь вашъ и съ шаховымъ величествомъ живетъ въ любительной дружбѣ и въ братствѣ.

И послы Кая салтану и приставу говорили: въ томъ воленъ Богъ да великій государь нашъ его царское величество, какъ великій государь нашъ его царское величество на то изволитъ, что быти съ индѣйскимъ царемъ въ ссылкѣ и въ дружбѣ, а насъ бы шахово величество пожаловалъ, не поневолилъ: никакъ съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ быти невозможно.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: упрямо деи дѣлаете, что шахова повелѣнья не слушаете, шаху деи на васъ за великую кручину будетъ. Да поѣхали отъ пословъ къ шаху.

И тово жъ дни въ осмомъ часу пріѣхали къ посломъ Кая салтанъ и приставъ и учали посломъ говорити: шахово деи величество прислалъ къ вамъ насъ, (а) велѣлъ вамъ говорити, чтобы вамъ ѣхати къ шахову величеству, и лошеди подъ васъ прислалъ. А говорили деи вы намъ, чтобы шахову величеству индѣйскому послу въ то время у себя быти не велѣлъ, какъ вы у шаха будете, и шаху деи то за великую кручину, что вы такъ упрямо дѣлаете. Только жъ деи шахъ къ вамъ приказалъ, что индѣйской посолъ въ то время не будетъ, какъ вы будете у шаха, а приказъ де о томъ отъ шаха дворовому воеводѣ Алымъ Гули хану, и вамъ бы деи ѣхати къ шахову величеству, не мѣшкая, а лошеди деи подъ васъ приведены и люди готовы, кому нести царского величества къ шахову величеству присылку.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, изготовя царского величества посылку, что послано къ шаху, по росписи, да поѣхали къ шаху, а посылку царского величества велѣли нести передъ собою по посолскому обычаю и пріѣхали къ шахову двору, и тутъ около полаты по площеди огорожено рѣшотками, и послы, въѣхавъ въ рѣшотки, съ лошадей ссѣли. И Кая салтанъ и приставъ пословъ поставили противъ полаты въ рѣшоткѣ и велѣли послати ковры, а говорили посломъ: шахъ деи еще отъ жонъ въ полату не бывалъ, и вамъ бы де посидѣти немного, шаха подождати. И тутo жъ у рѣшотокъ стоятъ индѣйского царя дары: слоны и ноздророги и всякіе дары.

И послы Кая салтану и приставу говорили: то мы видимъ индѣйсково царя дары и чаемъ того, что будетъ индѣйской посолъ у шаха съ нами, и намъ никакъ съ индѣйскимъ посломъ у шахова величества вмѣстѣ не бывать, и только шахово величество надъ нами и неволю учинитъ, велитъ намъ быти въ полатѣ у себя, а посолъ индѣйской туто жъ будетъ въ полатѣ, и намъ посольства не править и иттить вонъ изъ полаты. И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: то деи индѣйсково царя дары, а велѣлъ деи шахъ поставити, чтобы вамъ то видѣти, а посолъ де индѣйской никакъ съ вами вмѣстѣ не будетъ. Да узже деи къ вамъ будетъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ, и шаховъ деи полной приказъ къ вамъ съ Улымъ Гули ханомъ. Да пошолъ Кая салтанъ отъ пословъ къ полатѣ.

И тово жъ часу къ посломъ пришелъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ да съ нимъ Кая салтанъ, да учелъ Алымъ Гули ханъ посломъ говорити: шахово деи величество велѣлъ вамъ говорити, что вы упрямствомъ дѣлаете, съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ у шаха быти не хотите, и шаху деи въ томъ на васъ за великую кручину. А индѣйской де царь великому государю вашему его царскому величеству недругомъ не бывалъ, и ссылка у великого государя вашего съ нимъ не бывала, и вы деи за посмѣхъ упрямитеся, съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ быти не хотите, и вамъ бы де однолично упрямство свое отставити, а быти у шаха съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ.

И послы Алымъ Гули хану говорили: мы о томъ Кая салтану и приставу много говорили, чтобы до шахова величества рѣчи наши донесли, шахово бъ величество насъ пожаловалъ, не поневолилъ, а съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ намъ быти не велѣлъ. А и тебѣ мы о томъ же говорили, чтобы тебѣ наши рѣчи до шахова величества донести: никакъ намъ съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ быти непригоже, а хотя и въ полату придемъ къ шахову величеству, а увидимъ индѣйсково посла въ полатѣ, и намъ посольства при немъ не правити, пойдемъ вонъ изъ полаты.

И Алымъ Гули ханъ посломъ говорилъ: упрямствомъ де дѣлаете, да подождите де маленко, а язъ де ваши рѣчи шахову величеству роскажу. И пошолъ въ полату.

И тово жъ часу шахъ пріѣхалъ въ рѣшотку на лошеди, а съ нимъ ѣдутъ въ рядъ пять человѣкъ, и поѣхалъ мимо пословъ къ полатѣ, и послы шаху поклонились по обычаю и шахъ на пословъ посмотрилъ.

И послы спросили у пристава: хто съ шахомъ ѣхалъ и какіе люди?

И приставъ посломъ сказалъ: ѣхали де съ шахомъ ханы да крымсково царя ближней человѣкъ Мурза бекъ, которой взятъ на бою, какъ бой былъ шаховымъ людемъ съ турскими людми.

И пріѣхалъ шахъ близко полаты, и ханы съ нимъ, ссѣли съ лошадей, и пошолъ шахъ въ полату, и тово жъ часу Алымъ Гули ханъ прислалъ къ посломъ изъ полаты отъ шаха Кая салтана, а говорилъ Кая салтанъ посломъ: прислалъ деи меня къ вамъ Алымъ Гули ханъ, а велѣлъ вамъ говорити: о чомъ деи вы съ Алымъ Гули ханомъ говорили, и онъ де ваши рѣчи шахову величеству розсказывалъ, и шахово де величество велѣлъ вамъ итти къ себѣ въ полату, а индѣйской де посолъ Уша въ ту пору не будетъ, а велѣлъ деи шахъ индѣйскому послу посидѣти въ иной полатѣ, покамѣста вы отъ великого государя своего шахову величеству посольство исправите.

И послы пошли къ шаху въ полату, а подъ полатою сдѣланы ворота, а изъ воротъ промежъ полаты вверхъ лѣсница, и пошли послы по лѣсницѣ и взошли въ полъ лѣсницы, встрѣтилъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ, а говорилъ на встрѣчѣ посломъ: шахово де величество велѣлъ мнѣ васъ встрѣтить.

И послы Алимъ хану говорили: мы на шаховѣ величестве жалованьѣ челомъ бьемъ.

Да пошли послы съ Алымъ Гули ханомъ по лѣсницѣ и вошли въ полату, а въ полатѣ стоятъ шаховы кулы и беки, а изъ полаты пошли къ шаху, а шахъ сидѣлъ: здѣлано передъ полатою на площеди, кабы крыльцо отведено да покрыто, а по сторонамъ здѣланы рѣшотки низеньки толко въ колѣно, а они называютъ сольпочникомъ. И послы пришли къ шаху; шахъ сидитъ на коврахъ, а передъ нимъ послана скатерть, а на скатерти стоятъ по блюдамъ ягоды и яблоки, и многіе овощи, да въ сулеяхъ стоятъ питье шарапъ, а за скатертью по лѣвую сторону отъ шаха сидятъ ханы въ рядъ съ шахомъ, а на правой сторонѣ у шаха сидитъ баба стара близко жъ шаха, а на другой сторонѣ по правую сторону отъ шаха послана скатерть же, поставлены овощи, а за скатертью сидятъ ханы жъ.

И послы, вшедъ въ сольношникъ къ шаху, да вспросили у Алымъ Гули хана: какіе люди сидятъ близко шаха? и Алымъ Гули ханъ сказалъ: то деи отъ шаха сидятъ сеитъ, а отъ сеита сидятъ ханы и шаховы ближніе люди.

И послы, князь Михайло, отъ великого государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества шахъ Аббасову величеству правилъ поклонъ. А послѣ тово князь Михайло говорилъ рѣчь противъ наказу:

Божіею милостію великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи самодержецъ владимерскій, московскій, новгородцкій, царь казанскій, царь астарахапскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятцкій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода низовскіе земли, черниговскій, резанскій, полотцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлоозерскій, лиѳлянскій, удорскій, обдорскій, кондинскій и всея сѣверныя страны повелитель и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и облаадатель великому государю, въ чести величества изящному и многимъ мусулманскимъ родомъ повелителю, Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику вамъ, брату своему, Аббасъ шахову величеству велѣлъ сказати поклонитися, а свое царское здоровье велѣлъ сказати, а ваше, брата своего, здоровье велѣлъ видѣти. Да подалъ князь Михайло государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи Аббасъ шаху грамоту. А съ подворья и на шаховъ дворъ везъ государеву грамоту дьякъ Михайло и отдалъ въ шаховѣ полатѣ князю Михайлу.

И князь Михайло, выговоря рѣчь противъ наказу, поднесъ къ шаху государеву грамоту, и шахъ, приневъ государеву грамоту, спросилъ про великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца здоровье, приподнявся на колѣни. И князь Михайло шаху про царское величество здоровье сказалъ: какъ мы поѣхали отъ великого государя нашего, и Божіею милостію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. его царское величество на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ въ добромъ здоровьѣ.

И послѣ тово явилъ шаху отъ государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи поминки: Божіею милостію великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову величеству напоминаетца своею любовью поминки. Да подали поминки по росписи.

И шахъ поминки велѣлъ приняти любительно ближнему своему человѣку Алымъ Гули хану, а розговоровъ никакихъ про то не было, и позвалъ пословъ къ рукѣ.

И послы, бывъ у руки, князь Михайло учалъ говорити рѣчь: великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель вамъ, брату своему, шахъ Аббасову величеству велѣлъ говорити: прислалъ еси къ нашему царскому величеству пословъ своихъ Кая салтапа да Булатъ бека съ своею любительною грамотою и о дружбѣ и о любви, и о иныхъ па-

шихъ государскихъ добрыхъ любительныхъ дѣлехъ, и великій государь нашъ вашу, брата своего, грамоту принялъ и выслушалъ любительно, а въ грамотѣ своей нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, слыша про наше царского величества здоровье отъ посланника нашего отъ Ѳедора Левонтьева, добрѣ обрадовался и учинился вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество съ нами, великимъ государемъ, въ братцкой въ любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ также, какъ и съ прежними великими государи цари и великими князи російскими, предки нашими, и послалъ къ намъ, великому государю, о дружбѣ и о любви съ нашимъ посланникомъ вмѣстѣ съ своею любительною грамотою посла своего, вѣрного и ближнего своего двора капычѣйсково агу Кая бека, и нашему царскому величеству съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ по тому жъ быти въ братственной крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, и торговымъ бы людемъ торгъ былъ поволной. А что намъ, великому государю, годно въ вашемъ, брата нашего, государствѣ, и намъ бы великому государю о томъ велѣти къ тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству приказать, и вы, братъ нашъ, то все наше дѣло любительно исполнишь, а ваши, брата нашего, шахъ Аббасова величества послы нашего царского величества бояромъ, боярину и намѣстнику нижегородцкому князю Олексѣю Юрьевичю Сицкому Ярославскому съ товарыщи и нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что приказалъ имъ вы, братъ нашъ, великій шахъ Аббасово величество намъ, великому государю, извѣстить, что по нашему царского величества указу посланникъ нашъ Ѳедоръ Левонтьевъ говорилъ брату нашему, шахъ Аббасову величеству, чтобы ты, братъ нашъ, послалъ къ нашему царскому величеству въ помочь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и вы дети, братъ нашъ, посылаете нынѣ къ нашему царскому величеству съ послы своими легкую казну, что нынѣ у васъ, брата нашего, шахъ Аббасова величества вскорѣ лучилось послать, а какъ, дастъ Богъ, тѣ ваши, брата нашего послы будутъ у насъ, великого государя, и что мы, великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству съ ними о казнѣ или о ратныхъ людехъ или про иное про какое дѣло прикажемъ, и вы, братъ нашъ, великій государь шахъ Аббасово величество то все намъ, великому государю, нашему царскому величеству по нашей царской волѣ исполнишь, какъ нашему царскому величеству годно. И мы, великій государь, отъ васъ, великого государя, брата нашего, шахъ Аббасова величества тѣ нынѣшніе твои къ намъ, великому государю, прислалъ, приняли въ братственную въ сердечную дружбу и лю-

бовь, и противъ того мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавати, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно, и учинилися мы, великій государь, наше царское величество съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ въ крѣпкой братственной въ нелицемѣрной дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей навѣки неподвижно и пословъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству отпустили, а съ ними вмѣстѣ послали мы, великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству пословъ нашихъ дворенина и намѣстника болховского князя Михаила Петровича Борятинсково да дворенина Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка нашего Михайла Тюхина о братственной же дружбѣ и о любви и о иныхъ нашихъ государскихъ великихъ дѣлехъ, которые намъ обоимъ великимъ государемъ къ дружбѣ и любви годны, и вы бъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество по тому жъ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ ссылкѣ навѣки неподвижно, и пословъ бы нашихъ отпустилъ къ намъ, великому государю, не издержавъ. Да объявляемъ мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству: ужь не малое время войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и разорителемъ нашего Московского государства, съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, за его многіе неправды и за разоренье нашего Московского государства, отставя всякія наши дѣла. И нынѣ насъ, великого государя, у васъ, брата нашего, у шаха Аббасова величества любительное прошенье то, чтобъ вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество къ намъ, великому государю, совершенную свою сердечную братственную дружбу и любовь показали, прислали къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего польского короля казны денежные въ помочь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей противъ недруга нашего пожаловать и противъ его за его неправды стоять. А то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству самому подлинно вѣдомо, что наши великіе Російскіе государства велики и многолюдны, только нынѣ за грѣхъ ото многіе розни и межусобья, и отъ войны недруга нашего польского Жигимонта короля, что дѣлалось до нашего царьского в-ва самодержавства, ратные наши всякіе люди оскудѣли, и вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, на вспоможенье противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ лю-

дей пожаловать. А какъ наше царское величество съ недругомъ нашимъ съ полскимъ королемъ поуправимся, и мы, великій государь, наше царское величество тоѣ казну вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству заплатить велимъ какими узорочьи изъ нашего государства вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству будетъ годно. Да и сверхъ того мы, великій государь, наше царское величество вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству противъ вашіе любви учнемъ воздавать нашею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему царскому величеству возможно. А пословъ нашихъ, дворенина нашего и намѣстника болховского князя Михаила Петровича Борятинсково съ товарыщи, къ намъ отпустилъ бы еси, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ, ближнихъ людей, къ намъ съ ними вмѣстѣ прислалъ, наказавъ съ послы своими подлинно, какъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству съ нашимъ царьскимъ величествомъ впередъ быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви навѣки неподвижно, и какихъ узорочей, что доведетца въ нашихъ государствахъ къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ пришлете, послать. А какъ нашего царского величества послы и твои, брата нашего, послы у нашего царского величества будутъ, и мы, великій государь, велимъ думнымъ нашимъ людемъ съ твоими, брата нашего, послы о всякихъ о добрыхъ дѣлехъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братцкой любви и въ дружбѣ навѣки неподвижно, и пословъ твоихъ къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ къ вамъ, брату нашему, пошлемъ и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбѣ и любви мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно; на то нашего царского величества мысль крѣпко утвердилась. А о иныхъ нашихъ дѣлехъ, которыя межъ насъ, великихъ государей, настоятъ, наказали есмя вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству говорити посломъ нашимъ, дворенину нашему и намѣстнику болховскому князю Михаилу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, и что онѣ вамъ, брату нашему, учнутъ говорити, и вы бъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество имъ вѣрилъ.

И какъ князь Михайло рѣчь выговорилъ, велѣлъ шахъ посломъ сѣсти съ правую руку близко себя, и кликнулъ къ себѣ Муртозу Гули хана гиляпсково, а велѣлъ поднести къ себѣ пить, и Муртоза Гули ханъ подносъ шаху шарапу, и наполня шахъ чарку шерапу, вставъ на колѣни, и сказалъ посломъ: язъ де пью за здоровье брата своего великого государя вашего его царского величества. И выпивъ, опять

сѣлъ, а посломъ велѣлъ сѣсти жъ, да учалъ кречетовъ смотрить, а смотря, велѣлъ къ себѣ принесть Исупъ агѣ кречетъ подкрасной. И какъ Исупъ ага кречетъ къ шаху принесъ, и шахъ кречетъ взялъ себѣ на руку и держалъ на рукѣ немалое время, и клобучекъ съ нево снималъ, и положа клобучекъ, отдалъ назадъ Исупъ же агѣ, а государеву грамоту роспечаталъ, да посмотря немного, отдалъ везирю Сары хозѣ.

И послѣ тово велѣлъ шахъ быть къ себѣ въ тоѣ жъ полату индѣйскимъ посломъ, и послы индѣйскіе были и шаха цѣловали въ ногу, и цѣловавъ въ ногу, да поднесъ къ шаху грамоту, и отшотчи, сталъ у дверей, а рѣчи никоторые не говорилъ. И шахъ у нихъ велѣлъ приняти дары, и какъ учалъ дары шаху объявляти, и шахъ посломъ, князю Михайлу съ товарыщи, велѣлъ даровъ смотрити. А въ дарехъ къ шаху шесть слоновъ, четыре съ чердаки, а два безъ чердаковъ, а на нихъ сидятъ арапы, да два поздророги, да буйволъ, да пять возковъ нарядныхъ невеликихъ, а впрежены въ возки по двѣ буйволицы въ темнѣ бѣловаты, да десеть роговъ мамонтовыхъ и буйволовыхъ большихъ и малыхъ, да четыре лошадки невелики подъ сѣдлы, да лань, да боранъ подъ попонкою, да два барсы живыхъ чюбары и иные многіе дары. Да передъ шаха жъ принесли во шти клѣткахъ въ серебреныхъ птицы индѣискія черны, а сказали, что тѣ птицы говорятъ розными языки. А слоновъ велѣлъ и иныхъ звѣрей водить по майдану и въ возкехъ на буйволицехъ велѣлъ ѣздити. И побыли индѣйскіе послы у шаха съ полчаса, и шахъ индѣйскимъ посломъ велѣлъ ѣхати на подворья.

И какъ индѣйскіе послы ѣхали на подворья, и шахъ Аббасъ велѣлъ къ себѣ послать крымсково царя ближнево человѣка Мурза бека, и какъ Мурза бекъ пришелъ, и шахъ учелъ посломъ, князь Михаилу съ товарыщи, сказывать: былъ ден бой людемъ моимъ Корчагѣ бѣку съ турсково царя людьми тому недѣль зъ десеть, а крымской де царь и грузинской на томъ бою были турсково царя съ людьми, и мои люди турсково царя людей и крымсково царя и грузинсково побили и многихъ живыхъ поимали, а тово ден Мурза бѣка на томъ же бою взяли, а Мурза бекъ де у крымсково царя былъ человѣкъ ближней.

Да шахъ же спросилъ пословъ: вы ден тово Мурза бека знаете ль и напередъ сево сво видали ль? И послы сказали, что они Мурза бека не знаютъ и нигдѣ ево не видали.

А Мурза бекъ и самъ передъ шахомъ сказалъ, что онъ пословъ князя Михайла и Ивана и Михайла не знастъ, а переводчика Милюту

онъ узналъ, а сказалъ, что тотъ переводчикъ былъ въ Крыму у царя съ послы недавно.

И шахъ спросилъ переводчика Милюту: ты де Мурза бека знаешь ли? И переводчикъ Милюта сказалъ: былъ де онъ посланъ отъ великого государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Росіи отъ его царского величества къ крымскому царю о порубежныхъ дѣлехъ, и онъ де тово Мурза бека у царя видѣлъ.

Да шахъ же учалъ посломъ говорити: отецъ деи мой и дѣдъ съ московскими государи вашими не ссылались, ссылка и братственная любовь и дружба не бывала, а почалъ деи ссылатца язъ съ Московскимъ государствомъ блаженные памяти съ царемъ и великимъ княземъ Оедоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, а посолъ деи первой отъ царя Оедора у меня былъ Григорей Васильчиковъ, и дружба и братственная любовь межъ нами учинилась. А послѣ деи великого государя вашего царя и великого кн. Ѳедора Ивановича в. Р. учинился на Московскомъ государствѣ изъ московскихъ родовъ государемъ царемъ Борисъ, потому что онъ государю вашему царю Ѳедору былъ шуринъ, и у меня де и съ царемъ Борисомъ ссылка была и дружба и братственная любовь. И какъ деи Борисъ на Московскомъ государствѣ учинился и учалъ деи людемъ своимъ Московского государства дѣлать неправду и своею неправдою людей своихъ Московского государства ожесточилъ, и вѣрилъ воровскимъ людемъ доводомъ, и всего Московского государства отъ большихъ и до меншихъ людей почали ево ненавидѣть, и въ тѣ де поры въ Литвѣ воръ назвался царя Ивановымъ сыномъ Дмитреемъ и собрался съ литовскими людми, и пришелъ на украйну государя вашего, и къ нему отъ Борисовы жосточи и отъ доводъ учели многіе люди приставать, и рать свою Борисъ противъ ево послалъ, и онѣ де съ нимъ и битца не почали, и Борисъ деи съ тоѣ кручины и умеръ, а послѣ ево остался сынъ ево да жена. И тотъ деи воръ, послыша, что Борисъ умеръ, пошелъ подъ Москву, и всѣмъ деи Московскимъ государствомъ тово вора приняли, а Борисова сына и жену вору поступились, и воръ деи Борисова сына и жену велѣлъ уморить, а самъ пришелъ къ Москвѣ и многую крестьянскую кровь пролилъ. И Московсково деи государства люди тово вора многіе узнали и ево убили, а на Московскомъ государствѣ учинился царь Василей изъ московскихъ же родовъ, и тово деи царя Василья Московсково государства въ городѣхъ многіе не взлюбили, а говорили деи, что выбрали на Московское государство царя Василья, зъ городы не сослався, одною Москвою, и къ прежней деи воровской статьѣ примѣрился, иной воръ объявился въ украинныхъ городѣхъ, и многіе де

городы украинные тово вора приняли. И тотъ деи воръ, сослався съ литовскимъ королемъ и собрався съ литовскими людми и съ своими воры казаки, пришелъ подъ Москву, а доступалъ деи Московского государства литовскому королевичю, а литовской де король, стакався съ воромъ, въ тѣ поры пришелъ Московсково государства подъ городъ подъ Смоленескъ, а воръ деи стоялъ подъ Москвою, и тово деи вора изъ подъ Москвы отогнали, а литовской король прислалъ своихъ людей. И московскіе де всякихъ чиновъ люди у литовского короля на Московское государство просили сына его, и король де имъ сына своего хотѣлъ дати, и московскіе де люди литовскихъ людей пустили въ городъ, и литовскіе де люди, вшедчи въ городъ, надъ московскими людьми учели дѣлать неправду и московскихъ людей учали побивать. И Московского деи государства люди учали литовскимъ людемъ говорить, что король сына своево на Московское государство не дастъ, а опѣ литовскіе люди дѣлаютъ неправду: крестное целованье по своей вѣре преступаютъ и московскихъ людей побиваютъ. И литовскіе люди учинили съ московскими людьми бой и многихъ московскихъ людей побили и высѣкли, и городы, Москву и дворы, и лавки, и посады, выжгли, и казну прежнихъ великихъ государей пограбили, а сами сѣли въ каменныхъ городѣхъ. И Московсково деи государства достальные люди въ городѣхъ собрались и пришли подъ Москву, и литовскихъ людей осадили, и голодомъ выморили, а достальныхъ поимали живыхъ, и Московское государство очистили. А какъ деи сидѣли въ осадѣ на Москвѣ литовскіе люди, и опѣ де многихъ Московского государства людей ѣли и сами деи межъ себя поѣдалися. И послѣ деи тово Московскимъ государствомъ всякихъ чиновъ люди избрали себѣ великому государю царю и великому князю Михаилу Ивановичю всеа Русіи на Московское государство великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи для унятія крови, чтобъ впередъ въ Московскомъ государствѣ воры государскими дѣтьми не назывались. И нынѣ великій государь вашъ со мною въ братцкой любви и въ дружбѣ, а язъ де съ великимъ государемъ вашимъ хочю и впередъ быти въ такой же братцкой любви и дружбѣ, какъ и съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ. А что де у васъ въ Московскомъ государствѣ въ разоренье дѣлалось, и язъ де то все подлинно вѣдаю отъ своихъ людей и отъ великого государя вашего посланниковъ слышелъ.

И послы, князь Михайло, выслушавъ у шаха рѣчей, учали говорити: какъ ты, великій государь, говорилъ, все такъ было.

И шахъ говорилъ: язъ де вамъ сказывалъ, что мнѣ сказывали

брата моего великого государя вашего посланники, которые прежъ васъ, у меня были.

Да говоря, шахъ велѣлъ поднести къ себѣ шерапу и учалъ подавать князю Михаилу и Ивану, и дьяку Михайлу изъ своихъ рукъ пить, и какъ послы выпили, и шахъ посломъ велѣлъ ѣхати на подворья въ пятомъ часу ночи. Да опять учалъ говорить: я де пришлю по васъ покоемъ и съ вами о всемъ переговорю.

И послы, ударя челомъ шаху, поѣхали на подворья, а провожали пословъ до подворья Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ.

А въ то время, какъ послы у шаха были, и при шахѣ сидѣли: съ лѣвую сторону подлѣ шаха сеитъ, подлѣ сеита Имамъ Гули ханъ ширязскій и киргускій, и ларскій, и шимирскій, и мнижинскій и подлѣ сво Тулипъ ханъ, а подлѣ Тулипъ хана сидѣлъ Надыръ ханъ ударбскій, подлѣ Надыръ хана сидѣлъ шаховъ сынъ Сома Амерь мурза, подлѣ шахова сына сидѣлъ царевичь грузинской Меврей, подлѣ ево сидѣлъ Усеинъ ханъ уристанскій. Съ правую сторону сидѣлъ близко шаха сеитъ, подлѣ ево жонка, баба стара, подлѣ тоѣ бабы крымскіе два мурзы, которые взяты въ полонъ, подлѣ мурзъ Кенжели ханъ керметцкій, подлѣ Сенжи сидѣли крымской Мурза бекъ, и шахъ ево кликнулъ къ себѣ, а велѣлъ ему сѣсти подлѣ сеита и на томъ мѣстѣ сѣлъ мурза крымской же, подлѣ мурзы сидѣлъ Муртоза Гули ханъ гиляпской, къ шаху подносилъ пити; подлѣ тово сидѣлъ Иса ханъ карчибаши, шахова сестра за нимъ; подлѣ тово Чигангиръ ханъ, а у дверей стояли Алымъ Гули ханъ казбинскій да везирь Сары Хозя.

И ноября въ 6 день шахъ Аббасово величество прислалъ къ посломъ пристава Усеинъ бека, а велѣлъ быти къ себѣ тотчасъ дьяку Михаилу Тюхину, а съ собою велѣлъ взяти переводчика, а тово Усеинъ бекъ не сказалъ, для чево шахъ къ себѣ дьяку Михаилу велѣлъ быти. И послѣ того многіе прибѣгали стрѣльцы, чтобъ ѣхати къ шаху вскорѣ тотчасъ.

И князь Михайло и Иванъ, и Михайло учали приставу говорити: посланы мы отъ великого государя своево отъ его царсково величества къ великому государю къ Аббасъ шахову величеству, а велѣно намъ всякіе государевы дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ, а одному изъ нихъ къ шахову величеству ѣхати непригожея дѣло. А будетъ шахово величество велитъ намъ быти къ себѣ всѣмъ вмѣстѣ, и мы къ шахову величеству ѣхати готовы. А Михайло приставу говорилъ тожъ, что никоторыми дѣлы одному ему ѣхати къ шахову величеству не пригодитца.

И приставъ Усеинъ бекъ учалъ князю Михаилу и Ивану говорить:

шахъ деи велѣлъ ѣхать къ себѣ одному Михайлу, а вамъ деи къ себѣ ѣхати не велѣлъ, а вы де по шахову указу отпускайте со мною Михаила тотчасъ, а присланы де вы отъ государя своево къ шахову величеству, и вы де творите шахову волю, а только вы де со мною къ шаху Михайла не отпустите, и у шаха де людей много, и язъ де Михаила и поневолѣ возму, и вы де не измѣшкайте: отпустите со мною Михаила къ шахову величеству тотчасъ, а на себя отъ шаха не наведите гнѣву и кручины.

И князь Михайло и Иванъ приставу говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, велитъ взяти сильно, въ томъ онъ, государь, воленъ, толко мы Михаила одново къ шахову величеству не отпускаемъ. Чтобъ тебѣ съѣздити къ шахову величеству и о томъ шахова величества доложити и наши бы рѣчи царскому величеству розсказати, чтобъ пожаловалъ шахово величество, велѣлъ намъ быти къ себѣ всѣмъ тремъ, а не одному Михайлу. И приставъ Усеинъ бекъ къ шаху было поѣхалъ, и какъ поѣхалъ отъ посолсково двора, и къ нему встрѣчю отъ шаха прибѣжали сотники стрѣлетцкіе и стрѣльцы многіе, чтобъ однолично Михаило ѣхалъ тотчасъ къ шаху. И приставъ Усеинъ бекъ опять воротился къ посломъ назадъ и учалъ говорити шаховымъ словомъ: шахъ деи ко мнѣ прислалъ съ великою кручиною, тотчасъ велѣлъ у васъ Михаила взяти и привести къ себѣ, и вы де навели на себя шаховъ гнѣвъ.

И князь Михайло и Иванъ приставу говорили тожъ: въ томъ воленъ Богъ, да шахово величество, что велѣлъ Михаила взяти одново, а Михайлу одному ѣхати непригожее дѣло. Да о томъ говорили много и стояли о томъ долго.

И не смѣя шаха роскручинити, Михайло и переводчикъ Милюта къ шаху съ приставомъ съ Усеинъ бекомъ поѣхали, а какъ пріѣхали къ шаху, а шахъ сидитъ на дворѣ своемъ въ заднихъ воротехъ простымъ обычаемъ, а съ нимъ сидятъ Имамъ Гули ханъ, да двѣ жонки, одна баба стара, а другая сидитъ подлѣ ево жонка молода, да жонка передъ нимъ стоитъ.

И какъ передъ шахъ Аббасова величества пришли Михайло и переводчикъ Милюта, и шахъ учалъ говорити съ великимъ гнѣвомъ: прислалъ де васъ ко мнѣ государь вашъ для братственныя ли любви и дружбы, или государь вашъ прислалъ васъ ко мнѣ, что межъ нами братственную дружбу и любовь нарушити. Называетеся вы послами, а вы де послами не называйтесь, а ссылка деи у меня съ государемъ вашимъ о братственной дружбѣ и о любви, и вы деи у меня люби-

тельные гости, а не послы, а мои бы де у государя вашего также послами не назывались, а хочю деи язъ съ государемъ вашимъ и впередъ (въ) братственной дружбѣ и любви и въ ссылкѣ быти.

И дьякъ Михайло Тюхинъ шахъ Аббасову величеству противъ того говорилъ: какъ мы отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи ево царского величества пришли къ тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству въ Казбинъ, и ты, великій государь, шахъ Аббасово величество велѣлъ намъ очи свои видѣти и отъ великого государя нашего царского величества посольство правити всѣмъ тремъ вмѣстѣ, князю Михаилу и Ивану, и мнѣ, Михалку, и мы, государь, твои государскіе очи видѣли и отъ великого государя своево его царсково величества, тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству посольство правили и грамоту отъ великого государя нашего его ц. в. тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову в-ву объявляли, и ты, великій государь, шахъ Аббасово величество любительные поминки великого государя нашего его царского величества велѣлъ принять, и твое государское шахъ Аббасова величество слово намъ было, что ты, великій государь, шахъ Аббасово величество великого государя нашего царское величество, о чомъ мы къ тебѣ присланы, казною ссудишь и любительное прошенье и хотѣнье великого государя нашего его царского величества исполнишь, и великій государь нашъ его царское величество насъ, холопей своихъ, прислалъ къ тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству братственную дружбу и любовь поипаче подкрѣпити, а не нарушить, а тово у насъ и въ разумѣ нѣтъ и помыслить не умѣть, что намъ межъ васъ, великихъ государей, братственную дружбу и любовь нарушить.

И шахъ учалъ говорить: о чомъ деи государь вашъ ко мнѣ писалъ и васъ прислалъ, и какъ вы у меня были и рѣчь мнѣ отъ государя своего говорили, и то деи я самъ все помню и государя вашего прошенье и хотѣніе исполню, и казною денежною брата своево великого государя вашего ссужу, а что де мнѣ на государя вашего досада и ссора, и я деи великому государю вашему про тоѣ смуту и ссору съ тобою приказываю, и ты деи что у меня услышишь, то все государю своему извѣсти и слова моево ни одново не утаи.

И шахову величеству Михайло сказалъ, что присланы мы отъ великого государя нашего царя и великого князя Михайла Оедоровича всеа Русіи его царского величества къ тебѣ, великому государю, три: князь Михапло да Иванъ, да я, Михалко, и ты, великій государь, вели намъ къ себѣ быти всѣмъ тремъ вмѣстѣ, и что къ великому государю

нашему словесной твой приказъ будетъ, и мы всѣ вмѣстѣ словесной приказъ твой, выслуша у тебя, великого государя нашего, его царского величества, донесемъ.

И шахъ учалъ говорить: велѣлъ де я тебѣ быти къ себѣ одному и приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему къ его царскому величеству свою грамоту, запечатавъ своими тремя печатми, и ты деи ни одново моево слова не утаи: великому государю своему его царскому величеству то все извѣсти, чтобъ въ томъ межъ насъ, великими государи, смуты и ссоры не было и наша братственная дружба и любовь не нарушилась, а посломъ деи у меня быти не мочно, потому что я иду утре рано изъ Казбина въ Ѳарабатъ.

И шахъ учалъ говорити: досада деи мнѣ на великого государя вашего въ томъ: какъ де мои послы были у великого государя вашего у его царского величества, и пословъ деи моихъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ Казани и въ Астарахани запирали по дворомъ что скотину, и зъ дворовъ ихъ никакова человѣка не выпускали, и утѣсненье имъ было великое и купити имъ ничево не дали и у воротъ деи стояли многіе стрѣльцы и зъ двора ихъ не спускали, а я деи надъ вами также крѣпость велю учинити и васъ засажу и птицѣ деи черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не токмо деи вамъ птицу видѣть, и вамъ деи и пера птичья не видать. И то деи что межъ нами, великими государи, за любовь: государь вашъ моимъ посломъ утѣсненье чинилъ и на дворехъ ихъ запирали и зъ двора не спускали, а я де противъ тово васъ запру и свѣту вамъ видѣти не дамъ, и многую вамъ крѣпость учиню, и выдержу васъ что ловчую птицу, и вы будете и тому ради, что и свѣтъ увидѣти.

И Михайло сказалъ шаху: какъ были у великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи его царского величества послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, и великій государь нашъ его царское величество для твоей шахъ Аббасова величества братственныя дружбы и любви посломъ твоимъ велѣлъ учинити честь великую свыше прежнево, и встрѣча имъ была большая отъ города версты за двѣ, а на встрѣчѣ были многіе дворяня, и приказные, и всякіе люди, и многіе дворяня и дѣти боярскіе изъ городовъ, и лошеди подъ нихъ были присланы великого государя нашего его царского величества съ конюшни и съ конскими наряды, и шли они въ городъ на посолской дворъ съ великою честью. И по указу великого государя нашего его царского величества кормъ имъ давано много свыше прежнево и въ запросъ, чево они похотятъ, и

то имъ все по государеву указу давано зъ дворца, а сверхъ тово великій государь нашъ его царское величество, любя тебя, брата своего, шахъ Аббасова величества, указалъ посылать къ твоимъ шахъ Аббасова величества посломъ повсядневно зъ дворца съ ѣствою и съ питьемъ, ѣствы блюдъ на сорокѣ и на пятидесятъ, а питья оловенисковъ и кружокъ по пятинатцати и больши, и въ городѣхъ во всѣхъ, на которые городы великого государя нашего его царсково величества твои шахъ Аббасова величества послы шли, кормъ и питье имъ по государеву указу давано много свыше прежнево, а запору имъ на дворехъ и утѣсненья никоторово не было. А то у великихъ государей нашихъ и нынѣ у великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царсково величества, издавна въ обычаехъ повелось: стрѣльцы для береженья у посолскихъ дворовъ у воротъ стоятъ для тово, что великого государя нашего его царского величества Московское государство многолюдно и иноземцовъ всѣхъ государствъ много, чтобы посломъ московскіе люди и всякіе иноземцы безчестья никоторово не учинили, и твоимъ шахъ Аббасова величества посломъ повольность людей своихъ для покупки, что имъ надобно, посылать была, а для береженья съ ними посланы были стрѣльцы, чтобъ имъ безчестья никоторово не учинилось, и заказу ни о чемъ не было, что хотятъ, то купятъ. А то, государь, нѣкоторой врагъ такую безлѣпишную затѣйную смуту и ссору учинилъ воровскимъ умышленьемъ. не хотя видѣти васъ, великихъ государей, въ братственной дружбѣ и любви, и ты, государь, вели своихъ пословъ поставить съ нами съ очей на очи и вели ихъ спросить: какое имъ у великого государя нашего его царского величества утѣсненье было, и по дворомъ будто ихъ запирали и зъ дворовъ не пускали? и та ихъ ложь и ссора и смута объявитца.

Да шахъ же говорилъ: то де государь вашъ оказуетъ ко мнѣ нелюбовь; воеводы де государя вашего по городомъ въ Астарахани и въ Казани и въ иныхъ городѣхъ моимъ торговымъ людемъ многую шкоту чинили и пошлины съ нихъ имали вдвое и втрое передъ тѣмъ, какъ было при прежнихъ великихъ государей нашихъ: не токмо де что съ моихъ торговыхъ людей пошлину имали, и которые де были мои товары невеликіе, я де было свои товары съ своими торговыми людьми послалъ, велѣлъ продать и на тѣ деньги велѣлъ покупати въ государя вашего городѣхъ въ Астарахани и въ Казани товары, какіе мнѣ годны, и воеводы государя вашего и съ моихъ товаровъ пошлину имали, и грамота за моею печатью къ воеводамъ государя вашего въ Астара-

хань была, и мои торговые люди тоѣ мою грамоту казали, и воеводы де грамоты моей не послушали и товаровъ купить на меня моимъ торговымъ людемъ не давали, что деи пульное дѣло птица ястребъ: купилъ деи было мнѣ мой торговой человѣкъ въ Астарахани ястребъ, и астараханскіе воеводы тово ястреба у моево торгового человѣка отняли, а татарина, у ково купилъ, сажали въ тюрьму, а говорили: то заповѣдное, продавати птицъ не велѣно. А мнѣ деи то дорого ли? вы деи привезли ко мнѣ отъ государя своево птицы, и язъ де изъ нихъ толко велю вырвать по перу да всѣхъ пущу, и они летятъ, куды хотятъ. То ль деи межъ нами братство и любовь! А коли бы де государь вашъ хотѣлъ со мною быть въ братствѣ и въ любви, и заказу бы деи ни о чемъ не было, и моимъ торговымъ людемъ насильства и убытковъ не чинили, и поволность бы была: какіе товары хотятъ, такіе бы имъ и покупать давали, а пошлину бы имали рядовые, какъ было напередъ сего; кто деи будетъ моихъ торговыхъ людей своруетъ, пошлину платить воровствомъ не похочетъ, или товары свои утаитъ, а про то сыщетца, и у тѣхъ бы де у торговыхъ людей пошлину имали вдвое и втрое, а сверхъ бы они тово и товары у нихъ имали, да о томъ бы деи ко мнѣ отписали, и какъ де тотъ торговой человѣкъ учнетъ мнѣ бити челомъ, что у нево товары взяти въ Астрахани или въ Казани не по винѣ, а ево деи вина мнѣ будетъ весна, что у нево товары взяты по винѣ, и я де сверхъ тово велю ему брюхо роспороть. Да имянно де про то брату моему великому государю своему извѣсти: которые мои торговые люди ѣздять торговать въ Астарахань и въ Казань, и пріѣхавъ назадъ въ мою землю, мнѣ бьютъ челомъ, что имъ великого государя вашего Московского государства въ Астарахани и въ Казани и въ иныхъ городѣхъ, гдѣ кому случитца быть, и въ тѣхъ де городѣхъ воеводы и всякіе приказные люди и таможенные головы пошлину съ нихъ имали передъ прежнимъ вдвое и втрое и наспльства имъ, и обиды, и убытки чинили, и я де о томъ пишу отъ себя съ великимъ молепьемъ къ воеводамъ великого государя вашего въ тѣ городы, гдѣ кому моимъ торговымъ людемъ насильства и убытки, и продажу чинили и у ково пошлины имали вдвое и втрое, и воеводы бы ко мнѣ противъ моей грамоты отписали подлинно, какъ у нихъ дѣлаетца: торговые мои люди мнѣ бьютъ челомъ прямо ли, или воровствомъ и тѣмъ насъ, великихъ государей, ссариваютъ, и я бы де и тѣмъ своимъ торговымъ людемъ по сыску велѣлъ брюхо роспороть, и та бы де ссора и смута межъ нами унялась. А пишу де брата своево великого государя

вашего къ воеводамъ о всякихъ дѣлехъ о сыску и молю у нихъ съ великимъ прошеньемъ, чтобы опѣ противъ моево писма мнѣ учинили вѣдомо и отписали подлинно, какъ что дѣлалось. И воеводы деи государя вашего ко мнѣ ни о чемъ не писывали, и мнѣ деи то мнитца, что прямо моимъ торговымъ людемъ чинятца продажи и обиды, и пошлину съ нихъ емлютъ вдвое и втрое.

И дьякъ Михайло Тюхинъ противъ тово говорилъ, что отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи по городомъ въ Казань и въ Астарахань къ воеводамъ и ко всякимъ людемъ посланы ево государскіе грамоты, чтобъ твоимъ государевымъ торговымъ людемъ въ Казани и въ Астарахани поволность была: какіе имъ товары надобетъ, и они бы имъ тѣ товары покупати велѣли безъ запрещенья, что кому надобеть, а съ твоихъ государевыхъ товаровъ, что купитъ на тебя государя, отнюдь пошлинъ имать не велѣно. А только бы государь нашъ то свѣдалъ, что тебѣ какіе товары надобе, и государь бы нашъ тѣ всѣ товары для твоей государскіе братственные дружбы и любви безъ покупки прислалъ, а воеводамъ и всѣмъ приказнымъ людемъ и таможеннымъ головамъ тотчасъ велѣлъ наказанье учинить, которые твоимъ государевымъ купцомъ покупати на твой государевъ обиходъ не дали и пошлину съ нихъ имали мимо государева указу, и тѣмъ бы велѣлъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ наказанье учинити нещадно.

И шахъ Аббасово величество говорилъ: какъ деи изъ предковъ у прежнихъ великихъ государей вашихъ и нынѣ у великого государя вашего повелось, съ торговыхъ людей съ товаровъ пошлину имати и съ торговыхъ бы деи людей съ моихъ со всякихъ съ ихъ товаровъ пошлину имали по прежнему, а будетъ деи которой протаможитца или что утантъ, и у такихъ бы деи воровъ пошлину имали вдвое и втрое, а сверхъ бы деи тово и всѣ ево товары взяли на государя вашего, а коли деи на тово въ которомъ городѣ мой торговой человѣкъ протаможитца воеводы государя вашего отписали, и я деи у него за то ево воровство и весь ево животъ, что у нево въ моей землѣ будетъ, велю поимать на себя, а ему велю брюхо роспороть, чтобъ межъ нами въ томъ смуты и ссоры не было.

Да шахъ же учелъ говорити: теперво деи я вамъ говорю, чтобъ государь вашъ про то сыскалъ накрѣпко и тѣмъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ, которые межъ нами, великими государи, братственную любовь и дружбу хотятъ нарушить, велѣлъ наказанье учинить, и что де я съ вами теперво приказываю, то все государю своему

скажите, а сверхъ деи тово пошлю съ вами къ государю вашему грамоту, запечатавъ своими тремя печатьми. И показалъ печати. Тоѣ де грамоту тѣми печатьми запечатаю, и вы деи не пророните моево ни одново слова, до государя своево донесите и подлинно государю своему извѣстите, въ чемъ мнѣ на государя вашего досада, и что у меня теперво слышите ни одново слова не утаите, чтобъ въ такихъ безлѣпишныхъ ссорахъ отъ такихъ людей наша братственная дружба и любовь не нарушилась, какъ деи я началъ съ московскими съ прежними государи, съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ и съ царемъ Борисомъ, братственную дружбу и любовь держати, такъ деи нынѣ съ государемъ вашимъ хочю до своево живота братственную дружбу и любовь свершити, а государь бы де вашъ меня отъ тѣхъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые межъ нами, великими государи, ссору чинили, велѣлъ, про то сыскавъ, мнѣ оборонь учинити. А толко деи въ моей землѣ, въ которомъ городѣ нибуди, мои ханы и всякіе приказные люди государя вашего торговымъ или какимъ людемъ нибуди какое насильство или убытки учинятъ, а государь вашъ про то ко мнѣ отпишетъ или прикажетъ на тово, кто кому рускому человѣку дурно какое учинилъ, и я де по сыску тому тотчасъ велю брюхо розпороть.

И дьякъ Михайло Тюхинъ противъ тово говорилъ: толко ты, великій государь, къ государю нашему на ково отпишешь, и государь нашъ не токмо ему наказанье велитъ учинить, и до конца ево велитъ розорвать. А какъ были у государя нашего его царского величества твои государевы шахъ Аббасова величества послы, Кали (sic) бѣкъ да Булатъ бѣкъ, и на царского величества дворѣ въ отвѣтѣ царского величества съ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородцкимъ Ярославскимъ по царского величества приказу его царского величества бояринъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичь съ товарыщи твоихъ государевыхъословъ Кая салтана да Булатъ бека допрашивали, чтобъ они имъ про то объявили подлинно, хто великого государя нашего его царского величества воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ твоимъ государевымъ шахъ Аббасова величества торговымъ людемъ какое насильство и продажу учинили, и у ково именемъ у твоихъ государевыхъ шахъ Аббасова величества людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлины взяли вдвое? и великій государь нашъ царь и великій князъ Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи его царское величество для тебя, брата своего, великого государя шахъ Аббасова величества братственные дружбы и любви тотчасъ про то свое царское повелѣнье пошлетъ, а велитъ про то сыскати

накрѣпко, а по сыску велитъ надъ воеводы и надъ дьяки, и надъ толмачи, и надъ таможенными головами, хто твоимъ государевымъ шахъ Аббасова величества людемъ обиды и насильства, и продажу учинилъ, наказанье учинить нещадно.

И твои государевы шахъ Аббасова величества послы про то имянно не сказали: въ которое время и которые воеводы, и хто великого государя нашего его царсково величества приказные люди и таможенные головы, и хто толмачи имянно такъ не гораздо дѣлали. Толко великій государь нашъ его царское величество, хотя впередъ быти съ тобою, зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ шахъ Аббасовымъ величествомъ въ нелицемѣрной братственной дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ, великій государь нашъ свое царское повелѣнье въ свои царскіе отчины въ Казань и въ Астарахань, и на Терекъ своево царского величества бояромъ и воеводамъ, и дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людемъ послалъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ онѣ твоихъ государевыхъ шахъ Аббасова величества торговыхъ и всякихъ людей ото всякихъ обидъ и насильствъ и продажъ не дѣлали, тѣмъ межъ вами, великихъ государей, вашихъ великихъ государствъ ссоры и недружбы не всчинали, а кто учнетъ твоимъ государевымъ шахъ Аббасова величества торговымъ и всякимъ людемъ ихъ боярскимъ и дьячьимъ, и всякихъ великого государя нашего его ц. в. приказныхъ людей небереженьемъ чинить обиды какія и насильства, и продажи, или сами онѣ учнутъ имъ чинить насильства жъ и обиды, и продажи, а про то сыщетца, и великому государю нашему его царскому величеству учинитца вѣдомо подлинно, и имъ за то отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Оедоровича всеа Русіи будетъ наказанье нещадно.

И шахъ сказалъ: съ послы деи моими къ государю вашему о томъ приказу отъ меня не было, что имъ про торговыхъ людей на воеводъ и на приказныхъ людей про насильство говорить, а какъ деи ко государю вашему послы мои шли, и въ Астарахани де и въ Казани мои торговые люди, которые въ то время были съ товары, посломъ моимъ сказывали, что имъ передъ прежнимъ многое отъ воеводъ и ото всякихъ приказныхъ людей насильство и продажи, и убытки великіе, и пошлины съ нихъ емлютъ передъ прежнимъ и вдвое и втрое, а именно моимъ посломъ торговые мои люди на государя вашего воеводъ не указали, а хотя будетъ и вѣдали послы мои про то подлинно, въ которыхъ городехъ и хто именемъ воеводъ и всякихъ приказныхъ людей и кому именемъ моимъ торговымъ людемъ насильство и продажу, и убытки чинили, и пошлину вдвое и втрое имали, и послы мои безъ моего

вѣдома про то говорить не смѣли, толко лише про то напоминали, чтобъ впередъ такова насильства моимъ торговымъ людемъ не было. И какъ де послы мои и торговые люди пришли ко мнѣ, и онѣ деи мнѣ про все сказывали подлинно, какое имъ насильство было и отъ ково именемъ отъ воеводъ, а всѣхъ деи пуще въ Астарахани воевода Ивашка Пушкинъ межъ нами, великими государи, смуту и ссору чинили и моимъ торговымъ людемъ продажу и насильства, и убытки дѣлалъ и пошлинуималъ вдвое и втрое, не токмо деи что торговымъ людемъ, и онъ деи и пословъ моихъ позорилъ и помѣшку имъ въ нашихъ обчихъ дѣлехъ великую учинилъ, и государь бы деи вашъ про тово Ивашку велѣлъ сыскати и по сыску бы надъ нимъ наказанье учинилъ, чтобъ впередъ межъ нами смуты и ссоры не было.

И Михайло говорилъ: про то, государь, великому государю нашему его царскому величеству вѣдомо не учинилось, и послы твои государевы въ отвѣтѣ про Ивашку ничево не говорили, толко лише деи напомянули, что ихъ Ивашка въ Астарахани позадержалъ, и государь нашъ Ивашку велѣлъ взяти къ Москвѣ за приставы и наказанье велѣлъ ему учинити.

И шахъ сказалъ: я деи хочю съ государемъ вашимъ и впередъ быти въ братственной дружбѣ и любви, и нынѣ де межъ нами, великими государи, учинилась смута и ссора, и я деи великому государю вашему тое ссору и смуту объявляю, чтобъ межъ нами, великими государи, братственная дружба и любовь не урвалась; а только бы деи межъ нами, великими государи, не морское растоянье, и я бы деи къ великому государю вашему и самъ пріѣхалъ самъ другъ или самъ третей, и бывъ деи у государя вашего, и назадъ къ себѣ пріѣхалъ недѣли въ двѣ или въ три, а то намъ самимъ съѣхатца не мочно, потому что межъ нами морское растоянье.

Да извѣстно деи то великому государю вашему самому, какъ въ Московскомъ государствѣ было разоренье, и Московское государство было въ смутѣ, а воръ Зарутцкой съ женкою съ литовскою, съ Маринкою, да съ робенкомъ прибѣжалъ въ Астарахань, и въ Астарахани воры къ нимъ многіе пристали и тово Маринкина сына называли царевичемъ, и ко мнѣ деи Зарутцкой и Маринка съ сыномъ прислали отъ себя пословъ своихъ, чтобъ мнѣ имъ помочь учинить, а давали деи мнѣ за то Астарахань, и я деи той ихъ воровской смутѣ не повѣрилъ и Астарахани у нихъ не взялъ, и помочи имъ никоторые не учинилъ. А какъ деи учинился на Московскомъ государствѣ государь вашъ царь Михайло и ко мнѣ деи прислалъ гонца своево Михайла Тихапова, и я деи,

помнечи прежнихъ великихъ государей вашихъ братственную дружбу и любовь и хотя быти нынѣ съ великимъ государемъ вашимъ въ братственной же дружбѣ и любви, Зарутцково пословъ съ посланникомъ государя вашего послалъ ко государю вашему къ Москвѣ. А въ смутное де время Астарахань перекормилъ и пшено къ нимъ посылалъ, а о томъ никоторыми дѣлы не помыслилъ, что мнѣ Астарахань взяти и Астараханью завладѣти. Да и нынѣ деи и до своего живота хочю зъ государемъ вашимъ быти въ братственной любви и дружбѣ и прошеніе брата своего великово государя вашего все, о чемъ вы ко мнѣ присланы, исполню.

И ноября пріѣхалъ къ посломъ отъ шаха Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ и учали посломъ говорити: шахово деи величество идетъ совсѣмъ въ Ѳарабатъ зимовати, а вамъ деи зимовати въ Казбинѣ, и прислалъ деи къ вамъ шахъ на кормъ денегъ сто тюменей, да вамъ же деи прислалъ вина двѣнатцать бочекъ, да дватцать погребцовъ скляничныхъ съ виномъ, и вамъ бы деи деньги на кормъ и вино взяти.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, учали говорити Кая салтану да приставу Усеинъ беку: шахово величество пожаловалъ, прислалъ къ намъ сто тюменей денегъ на кормъ да вино, и мы челомъ бьемъ шахову величеству, чтобы пожаловалъ, велѣлъ намъ давать кормъ по прежнему, а деньги намъ не надобны, потому что наши люди языку вашему не знаютъ и покупать имъ не умѣть, а въ Казбинѣ хлѣбъ и всякое съѣстное дорого, а дрова и всего дороже, а то къ намъ Аббасъ шахово величество не жалованье, что къ намъ вино прислалъ: вѣдаете вы и сами, что у насъ, по великого государя нашего жалованью, вина своего много и намъ вино ненадобно, и вамъ бы Обасъ шахову величеству наше челобитье донести и рѣчи наши росказати: какъ у великого государя нашего у его царского величества Обасъ шахова в-ва послы были ты, Кая салтанъ, да Булатъ бекъ, и вамъ по государской милости кормъ всякой полной и питье давано поденно нескудно ничѣмъ и въ запросъ, чево похотите, давано вамъ много, и шахово бы величество пожаловалъ: въ корму насъ оскудити не велѣлъ.

И Кая салтанъ посломъ сказалъ: про то деи про всѣ статьи и про кормъ шахову величеству росказалъ Булатъ бекъ, потому что онъ пріѣхалъ къ шаху напередъ меня, а язъ де былъ въ Шемахѣ, а изъ Шемахи въ Родивиль ѣхалъ съ вами, и шахъ деи въ ту пору на меня былъ кручиноватъ по Булатъ бекову жъ наносу и ни про что меня не роспрашивалъ, а язъ бы деи промежи великихъ государей такія смуты не чинилъ, а хто деи такую смуту промежъ великихъ государей

учинилъ, и тому дѣи злодѣю и самому отъ Бога не пробудетъ, да и сами вы у шахова величества про смуту и про всякіе мѣры слышели, и вы дѣи пожалуйте на меня не досадуйте, не мое де то дѣло.

Да тово жъ часу Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ отъ пословъ поѣхали, а сказали: мы де шахову величеству ваши рѣчи роскажемъ. А вино, бочки и погребцы, велѣли поставити у двора въ воротѣхъ.

И тово жъ дни часа за два до вечера пріѣхали къ посломъ Кая салтанъ да Усеинъ бекъ, и говорили посломъ Кая салтанъ и Усеинъ бекъ: какъ дѣи мы отъ васъ поѣхали и пріѣхали къ шахову двору, а шахъ дѣи ужь пошелъ въ Ѳарабатъ, мы де его на дворѣ не заѣхали, и мы де за нимъ ѣздили за городъ, и угпали де шаха за посадомъ, и сказали дѣи шаху ваши рѣчи про кормовыя деньги и про вино, что вы вина не емлете.

И шахъ дѣи приказалъ къ вамъ съ великою кручиною, а велѣлъ вамъ говорити, что вы дуруете, шахова жалованья вина не емлете. Язъ де, ихъ жалуючи, послалъ къ нимъ вино, потому что имъ зимовати въ Казбинѣ, а у меня дѣи въ Казбинѣ питья никакого нѣтъ, дати имъ нечево. И вамъ бы дѣи однолишно шаха на большой гнѣвъ не воздвигнути, вино велѣти взяти.

А про кормовые дѣи деньги шахъ приказалъ мнѣ жъ да приставу вашему Усеину, а велѣлъ вамъ сказати: деньги кормовые возьмите, а тѣ деньги велѣлъ вамъ шахъ дати на кормъ на два мѣсяца, а какъ дѣи у васъ деньги изойдутъ кормовые, и шахъ дѣи велѣлъ приставу вашему къ себѣ отписати. Да которое де ваше дѣло къ шахову величеству впередъ будетъ, и шахъ дѣи велѣлъ мнѣ вамъ сказати: о всякомъ дѣле сказывайте приставу Усеинъ беку. А Усеинъ беку шахъ приказалъ о всякихъ вашихъ дѣлехъ писати къ себѣ.

А приставъ Усеинъ бекъ посломъ про кормъ сказалъ тожъ: приказалъ дѣи шахъ тѣ кормовые деньги отдати вамъ на два мѣсяца, а какъ деньги изойдутъ, и шахъ де велѣлъ о томъ мнѣ къ себѣ отписати, да какія дѣи ваши дѣла будутъ впередъ до шахова величества, и вамъ бы дѣи мнѣ сказывати, а шахъ дѣи приказалъ, велѣлъ мнѣ о всемъ къ себѣ писати.

А про вино дѣи шахъ у меня спросилъ: для чево послы не взели вина? И язъ дѣи шаху сказалъ ваши рѣчи, что вы сказали: у васъ вина своего много. И шахъ дѣи меня спросилъ: гдѣ жъ вы вино поставили? И язъ сказалъ, что поставлено у вашего посолсково двора въ воротѣхъ. И шахъ дѣи велѣлъ вамъ говорити: для чево вина не

емлете, за что на меня гнѣваетеся? А говорилъ де шахъ съ великою кручиною, приказалъ де мнѣ: толко вы вино не возьмете, и шахъ де велѣлъ мнѣ къ себѣ на станъ съ вѣстью прислати, и вамъ бы деи однолишно вино велѣти взяти, а шахова величества не роскручинить.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, поговоря межъ себя, да сказали Кая салтану и приставу: воленъ Богъ да шахово величество; онъ, государь, изволилъ такъ, что деньгами дати на кормъ, и намъ денги взяти за великую неволю, потому что не смѣемъ его, государя, роскручинить, а вѣдаете вы и сами, что наши люди вашего языка не знаютъ и покупать будетъ имъ съ великою пужею, да въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, и вы денги пришлите, и мы велимъ взяти.

А про вино, поговоря межъ себя, сказали Кая салтану и приставу: слышимъ отъ васъ великого государя шахъ Аббасова величества на себя кручину, и мы того не смѣемъ учинити, что намъ вина не взяти: воленъ Богъ да шахово величество, чтобы намъ на себя большего гнѣву не навести, вино у васъ велимъ взяти. И Кая салтана и пристава подчивали.

И ноября въ 8 день приставъ Усеинъ бекъ къ посломъ прислалъ съ сыномъ своимъ кормовыхъ денегъ девяносто тюменей, а по рускому счету пятьсотъ сорокъ рублевъ, а десять тюменей—шездесятъ рублевъ—приставъ себѣ взялъ, а приказалъ къ посломъ: взялъ де я десять тюменей изъ вашего корму по шахову указу, тѣмъ де меня шахъ пожаловалъ: во всякомъ корму въ поденномъ и въ денежномъ корму велѣлъ имати десятую часть, и вы де на меня въ томъ не досадуйте: язъ де взялъ по шахову указу.

И послы у приста(во)ва сына кормовые деньги велѣли взяти.

И того жъ дни къ посломъ пріѣхали Кая салтанъ да приставъ, и учалъ Кая салтанъ посломъ говорить: шахъ де велѣлъ мнѣ за собою ѣхати, и вы де велите вино взяти, чтобъ де мнѣ шаху сказати.

И послы, бояся на себя отъ шаха кручины, велѣли вино у нихъ взяти.

Да изъ того вина послали ближнему шахову человѣку Мамъ Гули хану двѣ бочки вина, дворовому ево воеводѣ Алымъ Гули хану послали бочку вина, ближнему ево везирю Сары Хози послали бочку вина, приставъ Усеинъ бекъ взялъ двѣ бочки вина, десять погребцовъ, Кая салтану дали три погребца вина, а достальное вино роздали переводчику и толмачомъ, и кречетникомъ, и стрѣльцомъ, и себѣ по невелику взяли.

И послѣ шаха вскорѣ князь Михайло розболѣлся и декабря въ 15 день князь Михайла не стало. А отходя сего свѣта, князь Михайло приказывалъ, чтобъ тѣло ево вывести на Русь.

И Иванъ и Михайло поговорили приставу Усеинъ беку, чтобъ онъ послалъ къ шахову величеству извѣстить, что товарыща нашего князя Михайла судомъ Божіимъ не стало, и шахово бъ величество пожаловалъ, велѣлъ князь Михайлово тѣло и его племянника и людей ево, и рухледь отпустить на Русь напередъ насъ, пословъ, и подводы бъ подъ тѣло и подъ племянника ево и подъ людей, и подъ рухледь и кормъ въ дорогу велѣлъ дати. А послѣ князь Михаила остался племянникъ да людей ево дватцать девять человѣкъ, и надобно подъ князь Михайлово тѣло и подъ племянника ево и подъ людей дватцать пять подводъ. А какъ шли изъ Родевиля въ Казбинъ, и подъ князь Михайловою рухледью было шестнатцать верблюдовъ, и онъ бы, Усеинъ бекъ, къ шахову величеству отписалъ имянно, сколько надобно подводъ и верблюдовъ подъ рухледь.

И приставъ Усеинъ бекъ сказалъ: къ шахову де величеству пошлю скорохода и отъ себя про князь Михайлову смерть и о подводахъ, и о верблюдехъ отпишу имянно, сколко надобно подводъ и верблюдовъ.

И декабря въ 21 день пришолъ къ Ивану и къ Михайлу приставъ Усеинъ бекъ, а съ собою привелъ скорохода и учалъ говорить: вы де говорили, чтобъ мнѣ писати къ шахову величеству о князе Михайловѣ смерти и отпускѣ, и я де противъ вашихъ рѣчей къ шахову величеству о князь Михайловѣ смерти и о подводахъ, и о корму, о всемъ писалъ, и теперво де того скорохода отпускаю къ шаху, и вамъ де отъ шаха указъ будетъ тотчасъ. И отпустилъ скорохода изъ Казбина въ Ѳарабатъ при послѣхъ. А сказалъ приставъ Усеинъ бекъ, что скороходъ отъ шаха сходитъ въ три недѣли. И тотъ скороходъ изъ Ѳарабата отъ шаха ѳевраля по 23-е число въ Казбинъ не бывалъ.

И Иванъ и Михайло учали приставу говорить Усеинъ беку: послалъ ты къ шахову величеству скорохода, и скороходъ твой, какъ пошолъ тому два мѣсяца, и по ся мѣста отъ шаха не бывалъ, и вѣсти про него нѣтъ, а нашему пути время спѣетъ, живемъ мы послѣ шаха въ Казбинѣ четыре мѣсяцы, а указу намъ отъ шаха никакова нѣтъ, а на кормъ намъ дано деньгами на два мѣсяца, а мы живемъ въ Казбинѣ четыре мѣсяца и два мѣсяца покупаемъ кормъ своими деньгами, и ты пошли ещо къ шахову величеству человѣка своего, а мы съ твоимъ человѣкомъ пошлемъ толмача бить челомъ о своемъ отпускѣ и о князь Михайловѣ тѣлѣ.

И приставъ Усеинъ бекъ сказалъ: я де пошлю племянника своего Мурза бѣка, а вы де посылайте съ моимъ племянникомъ къ шахову величеству толмача. И послы къ шаху въ Ѳарабатъ послали съ приставовымъ племянникомъ толмача Соѳона Огаркова, а отпустили ихъ изъ Казбина ѳевраля въ 23-мъ числѣ, а приказали толмачю Соѳону Агаркову велѣли бити челомъ шахову величеству, чтобъ пожаловалъ пословъ, отпустилъ къ царскому величеству, не задержавъ, а путь посольскому ходу приближелъ, и пожаловалъ бы, велѣлъ отпустить князь Михайлово тѣло и племянника его и людей, и подводы подъ князь Михайлово тѣло и подъ люди, и подъ рухледь велѣлъ дати, да и о корму велѣли пропомянуть, что дано денегъ на кормъ на два мѣсяца, а тому ужь четыре мѣсяцы. И толмачь Соѳонъ Огарковъ жилъ у шаха за отпускомъ въ Ѳарабатѣ апрѣля по 1 день, а отъ шаха исъ Ѳорабата пріѣхалъ въ Казбинъ апрѣля въ 11 де(нь), а сказалъ посломъ Соѳонъ, что былъ въ Ѳарабатѣ и шаховы очи видѣлъ двожды и шаху о отпускѣ билъ челомъ, и шахъ де сказалъ: пословъ де я отпущу къ брату своему къ великому государю вашему вскорѣ и своего посла къ великому государю вашему съ ними пошлю. Да привезъ въ Казбинъ къ дорогѣ и хъ калентарю шахову грамоту о князь Михайловѣ тѣлѣ и отпускѣ и о подводахъ и о корму и отдалъ Ивану и Михайлу.

И Иванъ и Михайло послали по пристава по Усеинъ бека. Того жъ часу приставъ Усеинъ бекъ пришолъ, и учали приставу говорить: послали мы съ племянникомъ твоимъ къ шахову величеству толмача Соѳона Огаркова, и толмачь Соѳонъ Огарковъ отъ шаха къ намъ въ Казбинъ пріѣхалъ, а привезъ шахову грамоту къ дорогѣ и къ калентарю о князь Михайловѣ тѣлѣ о отпускѣ и о нашемъ корму, и ты поѣдь къ дорогѣ и хъ калентарю, а мы съ тобою пошлемъ съ шаховою грамотою переводчика, чтобъ они не помѣшкали, подводы подъ князь Михайлово тѣло и подъ ево людей, и подъ рухледь дали, и кормъ бы намъ велѣли дати.

И Усеинъ бекъ сказалъ: я де къ дорогѣ и къ колентарю ѣду сесь часъ, а вы де пошлите со мною къ нимъ переводчика съ шаховою грамотою. И Иванъ и Михайло послали съ шаховою грамотою съ приставомъ переводчика Милюту Нагаева, а велѣли дорогѣ и колентарю, шахову грамоту отдавъ, говорить, чтобъ они по шаховѣ грамотѣ подъ князь Михайлово тѣло и подъ люди и подъ рухледь подводы дали и отпустили бы, не задержавъ, и кормъ бы намъ велѣли дати.

И того жъ дни къ Ивану и къ Михайлу приставъ Усеинъ бекъ да

переводчикъ Милюта пришли и сказали, что они дорогѣ и колентарю шахову грамоту отдали, и дорога и колентарь, вычетчи шахову грамоту, сказали: подводы они збирать велѣли съ уѣзду, а на кормъ велено дати деньгами, собравъ съ посаду и съ уѣзду, и они, собравъ деньги, на кормъ дадутъ, а велѣно де дати на кормъ денегъ сто тюменей.

И апрѣля въ 12 день пріѣхалъ къ Ивану и къ Михайлу казбинской калентарь и послалъ по пристава, по Усеинъ бека, и какъ приставъ къ Ивану и къ Михайлу пришолъ, и колентарь сказалъ: прислана де грамота къ дорогѣ и ко мнѣ отъ шаха, а велѣно де князь Михайлово тѣло и людей ево и рухлядь отпустить на Русь, а дати одна подвода, а вчерась де мы грамоту чли, и того не росмотрили, сколько дати подводъ, а нынѣ де мы грамоту розсмотрили, и велѣно де дати одна подвода.

И Иванъ и Михайло учали колентарю говорить: какъ тому статца, что князь Михайлово тѣло и людей ево и рухледь поднять на одной подводѣ? а людей деи топерво князь Михайловыхъ и съ племянникомъ дватцать три человѣка, а какъ изъ Родевиля шли въ Казбинъ, и подъ рухледь у князя Михайла было шестнатцать верблюдовъ, а нынѣ князь Михайлово тѣло и людей, и рухледь поднять на одной подводѣ статочное ль то дѣло?

И колентарь посломъ сказалъ: шахову де грамоту велите честь передъ собою, а намъ де мимо шахова указу больши одной подводы прибавить не мочно. А что де шахъ указалъ, и вы де тоѣ подводу емлите и тѣло князь Михайлово отпускайте, а намъ де мимо шахова указу отнюдь ничего сдѣлати не умѣть.

И Иванъ и Михайло колентарю сказали: на одной намъ подводѣ князь Михайлово тѣло и людей ево и рухлядь отпустить не мочно, и дорогѣ бы и тебѣ, колентарь, послати къ шаху и о томъ отписати, чтобъ шахово величество велѣлъ дати подводы, какъ мочно поднятись, а то нестаточное дѣло, что на одной подводѣ князь Михайлово тѣло и людей, и рухлядь бы поднять. И колентарь сказалъ: къ шаху де мы скорохода о указѣ пошлемъ тотчасъ, и сами де мы то знаемъ, что не статочное дѣло на одной подводѣ поднять, нѣчто будетъ подъячей описался въ грамотѣ.

И маія въ 2 день дорога и колентарь прислали къ посломъ съ приставомъ съ Усеинъ бекомъ восмьдесятъ девять тюменей пять обасъ, а десять тюменей взялъ приставъ, а сорока пяти обасъ въ тѣ поры не добрали, а хотѣли додать, послѣ тѣхъ сорока пяти обасъ не

присылывали. И Иванъ и Михайло тѣ деньги велѣли взяти и роздѣлили по головамъ всѣмъ противъ прежнего.

Да дорога жъ и колентарь къ Ивану и къ Михайлу съ приставомъ приказывали, что они посылали къ шаху о указѣ о подводахъ скорохода, и скороходъ де къ нимъ отъ шаха пришолъ и грамоту указную принесъ, а въ шаховѣ де грамотѣ написано: больши одной подводы подъ князь Михайлово тѣло и подъ люди, и подъ рухлядь дати не велѣно. И Иванъ и Михайло сказали: намъ на одной подводѣ князь Михайлово тѣло и рухледь отпустить не мочно, не статочное то дѣло.

И маія въ 6 день пріѣхалъ къ посломъ изъ помѣстья своего Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: прислалъ де ко мнѣ шахъ скорохода, а велѣлъ де мнѣ къ себѣ ѣхать въ Ѳарабатъ на спѣхъ, и язъ де къ шаху буду къ вамъ заѣхати видѣтися.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: ѣдешь ты къ шахову величеству, пожалуй, донеси до шахова величества наше челобитье, тобъ пожаловалъ насъ отпустилъ къ царскому величеству, а путь приспѣлъ нашему ходу, и пожаловалъ бы, князь Михайлово тѣло велѣлъ отпустить, а бусы въ Астарахань всѣ пошли.

И Булатъ бекъ сказалъ: чаю де шахъ мнѣ велитъ быть къ себѣ для вашего отпуску, да и мнѣ де чаю къ великому государю вашему ѣхати съ вами жъ вмѣстѣ, а васъ де, чаю, шахъ отпуститъ сухимъ путемъ на Терекъ. Да того жъ часу Булатъ бекъ отъословъ поѣхалъ къ шаху въ Ѳарабатъ.

И маія въ 16 день приходилъ къ Ивану приставъ Усенпъ бекъ пьянъ, а у Ивана въ тѣ поры былъ переводчикъ Милюта Нагаевъ, и говорилъ приставъ про государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и про Московское государство непригожіе рѣчи, а сказалъ, что Московское де государство нынѣ въ разоренье отъ литовскихъ людей, и государя де у васъ на Москвѣ нѣтъ.

И Иванъ ему учалъ говорить: что ты брешешь, приходя пьянъ? большое ты во снѣ видѣлъ; впередъ ко мнѣ съ такимъ бездѣльемъ не ходи. И приставъ отъ Ивана пошолъ къ себѣ, и Иванъ тотчасъ прислалъ по Михайла и учалъ Михайлу Усенповы рѣчи сказывать. И поговоря Иванъ съ Михаиломъ, послали по Усенна, чтобъ онъ пришолъ къ намъ тотчасъ.

И приставъ Усенпъ бекъ къ Ивану и къ Михайлу не пошолъ, и Михайло, поговоря съ Иваномъ, взявъ съ собою толмача Ивана Сергѣева, пошолъ къ приставу къ Усенну и пристава Усенна роспра-

шивалъ, коимъ обычаемъ такую безлѣпишную смутную статью бредилъ и отъ кого то слышелъ? и тебѣ бъ намъ про то сказати подлинно.

И приставъ Усеинъ бекъ сказалъ: подлинно де я про тоѣ статью самъ не вѣдаю, а слышелъ де я про тоѣ статью на мойданѣ, а сказываютъ де, что пріѣхали изъ Астарахани торговые люди гиляицы, и они де про то слышели въ Астарахани.

И Михайло учалъ Усеину говорить: скажи ты намъ, кто имянемъ торговые люди такую смуту вмѣщаютъ? И Усеинъ бекъ сказалъ: завтра я про то подлинно провѣдаю и вамъ де скажу.

И маія въ 17 день Усеинъ бекъ пришолъ къ Ивану и къ Михаилу и учалъ говорить: что де я къ вамъ приходилъ вчерась, и я де того ничево не помню, потому что былъ пьянъ добрѣ.

И Иванъ и Михайло учали Усеину говорити: нѣчто мы увидимъ великого государя шахъ Оббасова величества очи, и намъ битя челомъ на тебя шахову величеству, что ты такую безлѣпишную смуту во многіе люди вмѣстилъ и нашихъ всѣхъ рускихъ людей тою безлѣпишною статьею смутилъ, и топерво мы всѣ въ великой необычной скорби и въ плачѣ.

И Усеинъ бекъ сказалъ: язъ де про великого государя вашего ничего не говаривалъ, нѣчто де будетъ переводчикъ вашъ ослышался, а хотя де я что и говорилъ, и я де передъ шахомъ того не заперся. И осердясь, отъ Ивана и отъ Михайла пошолъ къ себѣ, а идучи, говорилъ: вамъ де надобеть было топерво гонятця за своими головами, а не за нашими, ваши де головы часовые, а наши вѣковые, а мнѣ де было приказано, вашихъ людей изъ двора пускать не велѣно, и я де людей вашихъ не запиралъ и для корму зъ двора пускалъ.

И маія въ 21 день прислалъ къ посломъ съ Терка воевода Микита Вельяминовъ сына боярского Первова Лукина да толмача, да четырехъ человѣкъ стрѣльцовъ, а съ ними къ посломъ прислалъ двѣ отписки: одна отписка отъ астараханскихъ воеводъ, а другая отписка отъ Микиты Вельяминова. А въ отпискехъ написано, что милостію Божіею великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи на Московскомъ государствѣ, далъ Богъ, во многолѣтномъ здравье, и Московское государство мирно и безмятежно, и по государскому бодроопасному осмотрѣнію и милостивому призрѣнью Московского государства всѣ люди въ мирѣ и въ покоѣ и въ тишинѣ, а съ польскимъ королемъ у великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи у его царского величества учинилось мирное постановенье на четырнатцать лѣтъ на шесть мѣсяцъ.

И Иванъ и Михайло послали по пристава по Усейнъ бека, и какъ приставъ Усеинъ бекъ пришолъ, и Иванъ и Михайло учали приставу Усеинъ беку говорить: вмѣщалъ ты про великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича в. Р. его царского величества и про Московское государство многіе непригожіе, безлѣпишные вражьи статьи, и нынѣ къ намъ писали изъ Астарахани и съ Терека воеводы и прислали съ Терка сына боярского да толмача, да стрѣльцовъ четырехъ человѣкъ, а пишутъ къ намъ: Божіею милостію великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи на Московскомъ государствѣ во многолѣтномъ здоровьѣ, и Московское государство въ мирѣ и въ покоѣ, и въ тишинѣ, а литовскіе люди многіе побиты, а достальные пошли изъ Московского государства въ свою землю съ великимъ стыдомъ.

И приставъ говорилъ: язъ де такіе слова пьянъ бредилъ, а слышелъ де у пьяныхъ же и сказать про нихъ не про кого. А нынѣ де, слыша отъ васъ про великого государя вашего его царского величества здоровье, отпишу къ шахову величеству вскорѣ, а къ дорогѣ де пошлите того жъ сына боярского, да толмача, велите ему сказать про великого государя своего его царского величества здоровье, чтобъ де ему было вѣдомо.

И Иванъ и Михайло и всѣ государевы люди, которые съ ними посланы, слыша такую Божію милость великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи многолѣтному здравію обрадовались и велѣли за государево многолѣтное здоровье пѣти молебны, а отпѣвъ молебны, велѣли на радости стрѣльцомъ и своимъ людемъ изъ ружья стрѣлять, а къ дорогѣ послали толмача Ивана Сергѣева да терского сына боярскаго Первова Лукина, а велѣли ему сказати про великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи многолѣтное здоровье и про Московское государство, что Божіею милостію великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи бодроопаснымъ смотрительствомъ и милостивнымъ призрѣньемъ Московское государство въ миру и въ покоѣ и въ тишинѣ, а которые литовскіе люди были въ Московскомъ государствѣ, и тѣ многіе побиты, а достальные литовскіе люди пошли въ свою землю съ великимъ стыдомъ.

И дорога и колентарь приказали къ Ивану и къ Михайлу: великій де государь вашъ его царское величество съ шахъ Аббасовымъ величествомъ живутъ въ братцкой дружбѣ и въ любви, и мы де, слыша про великого государя вашего многолѣтное здоровье, тому обрадовались, а къ шахову величеству пошлемъ и о государевѣ здоровьѣ отпишемъ,

чтобъ шахову величеству про великого государя вашего его царского величества многолѣтное здоровье вѣдомо было.

И маія въ 23 день пріѣхалъ въ Казбинъ изъ Ѳарабата отъ шаха Булатъ бекъ. И того жъ дни Булатъ бекъ пришолъ къ посломъ да съ нимъ приставъ Усеинъ бекъ, и учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество изъ Ѳарабата пошелъ въ Испоганъ, а меня де прислалъ къ вамъ, а велѣлъ вамъ шахъ ѣхати къ себѣ въ Испоганъ наспѣхъ, а мнѣ де и приставу Усеину шахъ велѣлъ ѣхать съ вами въ Испоганъ, а велѣлъ де вамъ шахъ взяти съ собою князь Михайлова племянника Борятинского, да тебѣ, Ивану, племянника своего, да тебѣ, Михайлу, сына своего, да переводчика Милюту Нагаева, да толмача Ивана Сергѣева, да дву человѣкъ кречетниковъ, да вопчѣ вамъ велѣлъ взяти человѣка одного, а больши десяти человѣкъ шахъ имати не велѣлъ. Да вамъ же де велѣлъ дати пять верблюдовъ подъ рухледь, и вы де поваренныхъ робятъ посадите на верблюды.

И Иванъ и Михайло учали говорить Булатъ беку: мы къ шахову величеству ѣхати ради, да какъ намъ ѣхати къ шахову величеству безъ людей? чтобъ намъ подводъ прибавили, а безъ людей намъ не ѣзживать.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: указалъ де шахъ васъ взяти всѣхъ десяти человѣкъ, и вы поѣдьте по шахову указу, а подводъ де вамъ больши десяти лошадей никакъ ни одной лошади не прибавятъ. А въ Испогани де вамъ побыть немного, будетъ де вамъ къ царскому величеству отпускъ. А только де шахова указу не послушаете и вскорѣ къ шаху не поѣдете, и вы де шаха на гнѣвъ подвигнете, и у шаха де людей много, мочно васъ взяти и поневолѣ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, велитъ насъ къ себѣ вести безлюдныхъ что полопениковъ, то онъ, государь, показуетъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству нелюбье, а къ намъ немилость свою, и намъ никоторыми дѣлы къ шахову величеству безъ людей не ѣзживать, хотя смерть свол увидѣть.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: упрямо де дѣлаете, противъ шаховы воли стоите, и вы де себѣ какъ хотите, а язъ де ѣду въ деревню свою, а буду къ вамъ вскорѣ, и вы де готовьтеся, какъ вамъ ѣхати.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку сказали: намъ готовитися нечего: мы всегды готовы, толко намъ прибавьте подводъ, а на тѣхъ намъ подводахъ не ѣзживать.

И Булатъ бекъ сказалъ посломъ: язъ де поговорю о подводахъ зъ дорогою и съ колептаремъ, чтобъ вамъ подводъ прибавить. Да поѣхали отъ пословъ Булатъ бекъ и приставъ къ дорогѣ, и бывъ у дороги, того жъ дни Булатъ бекъ поѣхалъ въ деревню къ себѣ, а къ посломъ отъ дороги не заѣхалъ. А Иванъ и Михайло послали, велѣли добывать лошадей, купити и наймовать, а купили того дни и нанели восмь лошадей.

И маія жъ въ 24 день пришолъ къ посломъ приставъ Усеинъ, а говорилъ посломъ: были де вчера Булатъ бекъ и я у дороги, и Булатъ бекъ де говорилъ дорогѣ, чтобъ одноконечно подводъ вамъ болши десяти лошадей не прибавливалъ; шахъ де указалъ всѣхъ ихъ взяти десяти человѣкъ, ино бы де отнюдь больши десяти лошадей посломъ не давать, чтобъ больши десяти человѣкъ ихъ самихъ и людей ихъ не было. А кошевары де ихъ сидятъ по верблюдомъ.

Да Булатъ же бекъ приказывалъ дорогѣ и колентарю, чтобъ заказали накрѣпко всякимъ людемъ, чтобъ вамъ лошадей не продавали и у васъ никто не наймовался и дорога де свѣдалъ сегодни, что вамъ лошеди покупали, а иныя нанели, и онъ де велѣлъ накрѣпко заказати, чтобы никаковъ человѣкъ вамъ лошадей не продавали, и никто бы вамъ лошадей въ наемъ не давали. А все де то дѣлаетъ Булатъ бекъ падъ вами.

И Иванъ и Михайло приставу говорили: которыя у насъ лошади куплены и наняты, и тѣхъ лошадей у насъ не отымутъ ли? а иныхъ лошадей послали мы купить.

И приставъ говорилъ: которыя де у васъ лошеди куплены и наняты, тѣхъ де лошадей у васъ не смѣютъ отняти, а иныхъ продавать вамъ не велятъ. И которыхъ людей послы посылали лошадей купить, и они пришли съ базару при приставѣ и сказали, что никаковъ человѣкъ лошадей не продастъ и не наймется никто, а говорятъ де всѣ, что имъ заказано на крѣпко, не велѣно посломъ лошадей продавать и наймоватися.

И маія въ 25 день Булатъ бекъ изъ помѣстья своего пріѣхалъ въ Казбинъ и того жъ дни Булатъ бекъ пришолъ къ посломъ и учалъ говорить: чтобъ де вамъ завтра ѣхати къ шахову величеству, а подводы де къ вамъ и верблюды по шахову указу сегодни пришлютъ.

И Иванъ и Михайло учали Булатъ беку говорить: подводъ намъ прибавятъ ли? будетъ прибавятъ подводъ, и мы готовы ѣхати, а только не прибавятъ, и намъ на тѣхъ подводахъ безъ людей не ѣзживать. Да послы жъ Булатъ беку говорили: какъ ты такъ Булатъ бекъ дѣлаешь? Мы

велѣли лошадей купить и нанять, на чомъ людемъ нашимъ съ нами ѣхать, а ты приказалъ дорогѣ и колентарю, а велѣлъ заказати накрѣпко, чтобы намъ никаковъ человѣкъ лошадей не продавалъ и не наймовались у насъ.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: какъ де вы то дѣлаете, противъ шаха стоите и его повелѣнья не слушаете, хотите ѣхать людно, а шахъ де мнѣ приказывалъ накрѣпко, чтобъ отнюдь васъ и съ вами всякихъ людей больши десяти человѣкъ къ нему не ѣздили, а кошеваровъ де вашихъ велѣлъ посажати на верблюды; было де бы шаха столко, что вамъ дати лошадей пятьдесятъ и шестьдесятъ, да онъ де такъ изволилъ и приказалъ накрѣпко, чтобъ отнюдь васъ самихъ и съ вами всякихъ людей больши десяти человѣкъ имати не велѣлъ, а только де вы упрямствомъ своимъ сдѣлаете, людей своихъ мимо шаховъ указъ возмете, и вы де на себя отъ шахова величества великой гнѣвъ наведете.

И Иванъ и Михайло о томъ говорили много и стояли долго, чтобъ подводъ прибавили, да не посмѣли шаха роскручинить и чтобъ государеву дѣлу порухи не учинить, и посовѣтовавъ промежъ себя, по великой неволѣ положили потому ѣхать къ шаху въ Испоганъ.

И маія въ 26 день Булатъ бекъ и приставъ къ посломъ пріѣхали, а за ними привели подводы десять лошадей, да пять верблюдовъ и говорили посломъ, чтобы де вамъ сево дни ѣхати.

И послы приказали, велѣли лошади и верблюды взяти.

И того жъ дни Иванъ и Михайло, а съ ними Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ бекъ изъ Казбина въ Испоганъ поѣхали, а взяли съ собою по шахову указу князя Михайлова племянника, князя Ѳадѣя, да Иванова племянника, да Михайлова сына, да переводчика Милюту Нагаева, да толмача Ивана Сергѣева, да дву человѣкъ кречетниковъ, Ѳедора Тоболина да Ѳедора Савелова, да попа, да на купленыхъ и на наемныхъ лошедяхъ взяли съ собою людей своихъ осми человѣкъ, да терского сына боярского, да терского стрѣльца на ихъ лошадяхъ, на чомъ они пріѣхали, да пяти человѣкъ поваренныхъ робятъ посадили на верблюды. И отъѣхали отъ Казбина сорокъ верстъ, у терского сына боярского лошедь розболѣлась, и Иванъ и Михайло сына боярского поворотили назадъ въ Казбинъ.

А какъ пріѣхали къ посломъ съ Терка сынъ боярской да толмачь, да стрѣльцы, и казбинской дорога велѣлъ имъ и лошедямъ ихъ дати корму на три дни.

И Иванъ и Михайло посылали толмачей къ дорогѣ и къ колен-

тарю, а велѣли имъ говорить: вѣдаете вы и сами, что намъ шахова жалованья даваны деньги на кормъ, и тѣ денги у насъ давно изошли, и мы хлѣбъ и всякое съѣстное покупаемъ на свои денги. А нынѣ намъ шахъ Аббасово величество велѣлъ ѣхати къ себѣ въ Испогань, а безъ насъ оставаютца люди наши, а корму имъ не дано, и мы оставляемъ людемъ своимъ на кормъ своихъ же денегъ. А присланы къ намъ съ Терка великого государя нашего его ц. величества сынъ боярской да толмачь, да четыре человѣки стрѣльцовъ, а оставаютца они въ Казбинѣ, и вамъ бы велѣти имъ дати и лошедямъ ихъ кормъ, чѣмъ имъ и лошедямъ ихъ безъ насъ сытимъ быть.

И толмачи, пришедъ къ посломъ, сказывали: по вашему де приказу дорогѣ и колентарю о корму говорили, и дорога де и колентарь отказали: воленъ де Богъ да шахово величество съ послы, что де намъ указано дати денегъ посломъ, и мы де тѣ денги къ посломъ отослали, а терскимъ де гонцомъ дали кормъ на три дни, а больши де того корму имъ дати не смѣемъ; пріѣхали де они къ посломъ, послы ихъ и кормите, а намъ де до нихъ дѣла нѣтъ.

И Иванъ и Михайло, ѣдучи изъ Казбина, дали терскимъ толмачю и стрѣлцомъ на кормъ государевыхъ денегъ тритцать абасъ, а какъ послы поѣхали изъ Казбина въ Испогань и людемъ своимъ оставили денегъ на кормъ на мѣсяцъ по Булатъ бековѣ сказкѣ; чаели себѣ изъ Испогани отпуску вскорѣ.

А ѣхали послы изъ Казбина до Испогани десять день, а по дорогѣ шаховыхъ городовъ мимо ѣхали: городокъ Сава, да городокъ Кумъ, да городъ Кошанъ, да городокъ Нетепзь. А ѣдучи дорогою, Булатъ бекъ сказывалъ посломъ: шахово де величество сказалъ, а велѣлъ готовитися, отпущаетъ де меня къ великому государю вашему съ вами вмѣстѣ. Да сказалъ де мнѣ шахъ, что и впередъ, пока я мѣста живъ буду, мнѣ ходить къ царскому величеству, а мимо де меня иныхъ никого шаху къ великому государю вашему не посылати.

И іюня въ 5 день пріѣхали послы, не доѣзжая до Испогани за пятнатцать верстъ въ деревню Урамъ, и въ той деревнѣ пословъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ поставили, а сами поѣхали къ шаху въ Испогань.

И на завтрее пріѣхалъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ изъ Испогани, и пришли къ посломъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ бекъ и учалъ посломъ говорить: шахъ де въ Испогань не бывалъ, а ходитъ де около Испогани по деревнямъ, тѣшитца, и вамъ бы де постоять въ деревнѣ до шахова указу, а мы де опять ѣдемъ въ городъ,

а съ вами де оставливаемъ для корму людей своихъ, кому про васъ кормъ збирати.

И того жъ дни Булатъ бекъ и приставъ поѣхали въ Испогань, а съ послы въ деревнѣ оставили дву человѣкъ людей своихъ.

И іюня жъ въ 7 день мимо тоѣ деревни, гдѣ стояли Иванъ да Михайло, прошолъ индѣйской посолъ, и поставили ево въ другой деревнѣ, отъ тоѣ деревни, гдѣ стоялъ Иванъ да Михайло, съ версту.

А какъ Иванъ да Михайло ѣхали мимо городъ Кошанъ, а индѣйской посолъ стоялъ въ тоѣ пору въ Кошани.

И іюня въ 9 день въ другомъ часу дни пріѣхалъ изъ Испогани къ посломъ Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: шахово де величество прислалъ меня къ вамъ, а велѣлъ вамъ ѣхати въ городъ. И привелъ подъ пословъ двѣ лошеди подъ сѣдлы.

И послы того-жъ часу положили на себя чистое платье, да шапки горлотные, да поѣхали зъ Булатъ бекомъ въ городъ, а отъ тоѣ деревни, гдѣ стояли, послы, по дорогѣ и до города и въ городѣ до мойдану, и въ мойдану до шахова двора стояли кизылбашеня по обѣ стороны улицею съ пищальми.

А послѣ пословъ по той же дорогѣ ѣхалъ въ Испогань индѣйской посолъ.

И пріѣхавъ близко города, Булатъ бекъ учалъ посломъ говорить: шахъ де приказалъ къ вамъ, чтобъ вамъ ѣхати къ шаху на дворъ, не бывъ на подворьѣ, и быти де сего дни вамъ у шаха.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: какъ намъ шахова величества очи видѣть, не бывъ на подворьѣ? а мы запылились и перегрязнились, а се топерво на насъ чистое платье, а коли шахъ велитъ намъ быть у себя, и намъ надобе золото.

И Булатъ бекъ сказалъ: воленъ де Богъ да шахъ, а вамъ де велѣлъ быть у себя, не бывъ на подворьѣ, въ томъ же платьѣ, въ чомъ есте ѣхали, и вамъ де какъ шаховы воли не творить?

Да Булатъ бекъ же, ѣдучи, сказывалъ: которыя де лошеди къ вамъ приведены, и тѣ де не шаховы лошеди, а приказалъ шахъ испогапьскому везирю подъ васъ послати свои лошеди.

И какъ послы пріѣхали близко посаду, и за посадомъ встрѣчали многіе люди пѣшіе съ ружьемъ и безъ ружья, и жонки многія, а въ посадъ въѣхали,—и въ улицахъ ѣздили на копехъ ханы и беки, и кулы шаховы, а имянные встрѣчи отъ шаха къ посломъ не было. Какъ пріѣхали въ городъ, и Булатъ бекъ съ послы поѣхали къ шахову двору и пріѣхали близко шахова двора на мойданъ, а по мойдану стоятъ

малые робята лѣтъ отъ двунатцати и отъ пятинатцати, и до шахова двора больши тысечи человѣкъ по обѣ стороны межъ стрѣльцовъ, да за ними стрѣльцы по обѣ жъ стороны.

А ѣдучи къ шахову двору, учали послы Булатъ беку говорить: шахово величество изволилъ, что намъ, не ссѣдая съ лошадей, велѣлъ быти у себя и видѣти свои государскіе очи, и въ тѣ бы поры у шахова величества иныхъ государствъ посломъ не быти.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: будутъ де у шаха послы индѣйской и шпанской, и аглинской, только де не съ вами вмѣстѣ. У шаха де на дворѣ въ саду полаты многіе стоятъ порознь, и вамъ де и инымъ посломъ изготовлены полаты особные, и быти де вамъ и инымъ посломъ въ полатахъ порознь.

И пріѣхали послы къ шахову двору близко воротъ и съ лошадей ссѣли, а у воротъ стоитъ жонокъ со сто, да поютъ пѣсни, а у двора шахова на полатахъ стоятъ, играютъ въ сурны и въ трубы, и во всякіе игры, и по бубномъ бьютъ.

И послы съ Булатъ бекомъ пошли на шаховъ дворъ, а на дворѣ сады, а промежъ садовъ сдѣланы рѣпотки улицами и вымощены каменьемъ, и приведены воды.

И пришли съ Булатъ бекомъ къ полатѣ, а полата поземная, и у полаты у дверей встрѣтилъ пословъ шаховъ ближней человѣкъ Исупъ ага. И говорилъ посломъ Исупъ ага, чтобъ послы пошли въ полату, подождали шаха, потому что шахъ въ полату не бывалъ. И пошли въ полату, а въ полатѣ стоятъ шаховы кулы и беки, а высланы полаты коврами, а по коврамъ посланы скатерти шиты золотомъ и серебромъ по камкамъ и по отласомъ, а по скатертямъ поставлены овощи на серебреныхъ блюдахъ, ягоды розные, и яблока, и груши, и шивталы, и армуды, и сахары многіе, а по краемъ скатертей поставлены съ шарапомъ сулеи серебреные позолочены, а посереди выкладено каменьемъ кругло и приведены воды.

И Исупъ ага учалъ посломъ говорить: чтобъ де вамъ садитися, а подождать шахова величества; а шахъ де къ вамъ не вдолгѣ будетъ. И послы сѣли за скатертью посереди полаты близко приводной воды, а Исупъ ага пошолъ къ шаху, а пословъ приказалъ подчивать.

А Булатъ бекъ пошелъ за Исупъ агою къ шаху жъ, и послы въ полатѣ сидѣли часы съ три и больши, и прибѣжалъ въ полату Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: идетъ де къ вамъ шахъ, а былъ де у индѣйского да у шпанского посла и ихъ де отпустилъ.

И того жъ часу пришолъ къ посломъ въ полату шахъ, а за

шахомъ въ полату пришли два сына его, Имамъ Гулу мурза да Худобердѣй мурза, да ханы: Имамъ Гули ханъ да Даудъ ханъ, да Асаѳирь ханъ, да шаховъ зять и ближней ево человѣкъ Испендерь бекъ, да Исупъ ага, да везирь Исупъ Хозя, да Сары Хозя, да человѣкъ зъ десять куловъ грузинцы, да крымского царя Мурза бекъ. И пришодъ шахъ въ полату, пословъ спросилъ о здоровьѣ, да сѣлъ за скатертью за тою жъ, за которою послы сидѣли, а ханомъ велѣлъ сѣсти близко себя, а Ивану и Михаилу велѣлъ сѣсти противъ себя, а дѣтемъ своимъ сѣсти не велѣлъ, а крымского царя Мурза беку да куламъ велѣлъ сѣсти за другою скатертью на лѣвой сторонѣ, а передъ шахомъ стояли Исупъ ага да везири, Исупъ Хозя да Сары Хозя, да робятъ молодыхъ человѣкъ зъ дватцать. А меньшей шаховъ сынъ Смагинъ мурза держалъ въ рукахъ шахову саблю.

А зъ другую сторону у полаты двери и въ тѣхъ дверяхъ пришли въ полату жонокъ съ тритцать, да сѣли близко тѣхъ же дверей, въ которыя вошли, за скатертью да, сидѣчи, пѣсни пѣли по своему языку.

И учалъ шахъ посломъ говорить: напередъ де сего въ Казбинѣ я тебѣ, Михайлу, говорилъ, какъ ты у меня въ Казбинѣ былъ, и азъ де съ тобою къ посломъ приказывалъ, въ чомъ мнѣ досада на брата моего, на великого государя вашего, и ты де мой приказъ посломъ сказывалъ ли?

И Михайло противъ того шаху говорилъ: что ты, государь, Аббасъ шахово величество мнѣ говорилъ, и я твои государевы рѣчи посломъ, товарыщамъ своимъ, сказывалъ, и твои государевы рѣчи у насъ записаны. И нынѣ де я вамъ то жъ говорю, чтобъ вы мой словесной приказъ донесли до великого государя своего. И Иванъ и Михайло шаху говорили: прежней твой, государь, приказъ у насъ записанъ, а нѣчто Богъ велитъ, увидимъ великого государя своего его царского величества пресвѣтлые очи, и мы твой государевъ словесной приказъ до великого государя своего донесемъ.

И шахъ говорилъ: чтобъ де вамъ брату моему, государю своему. сказати, въ чомъ мнѣ досадно на брата моего, государя вашего.

А всего де мнѣ досаднѣе на государя вашего: пульное де дѣло птица. купили было мнѣ въ Астарахани мои люди ястребъ, и астараханскіе де воеводы тотъ ястребъ у людей моихъ велѣли отняти, а того татарина, которой продалъ ястребъ, посадили въ тюрьму. А говорили воеводы: то заповѣдное, купить того не велѣно. Какая жъ де межъ нами, государи, братственная дружба и любовь? что мнѣ падобно и моимъ людемъ у государя вашего въ государствѣ не вольно купить! А государя де вашего

торговые люди пріѣзжаютъ въ мою область, ѣздятъ по городомъ по всѣмъ, и что имъ надобно, то и купятъ, а ни въ чемъ заказу нѣтъ, а какъ мои учнутъ покупать, и имъ повольности нѣтъ. А все де то дѣлаютъ воеводы для своихъ корыстей; и язъ де за то не стою, хотя бъ и посулъ взяли, а что надобно, купить дали. И братъ де бы мой великій государь вашъ про то велѣлъ сыскати, и которые люди промежъ насъ ссору чинятъ, и тѣмъ бы де велѣлъ наказанье учинить.

И Иванъ и Михайло шаху говорили: то тебѣ великому государю Аббасъ шахову величеству нѣхто сказалъ на смуту, не хотя васъ, великихъ государей, видѣти въ братцкой дружбѣ и любви, а никако, государь, того не бывало и нестаточное то дѣло. Великого государя нашего отъ его царского величества посланы грамоты въ Казань и въ Астарахань къ бояромъ и воеводамъ и ко всякимъ приказнымъ людемъ, что надобно купчинамъ твоимъ и всякимъ торговымъ людемъ на твои обиходы, и то, государь, велѣно покупать безъявошно и безпошлинно безъ запрещенья.

И шахъ посломъ говорилъ: язъ де подлинно про то вѣдаю, что было такъ, какъ мнѣ сказывали: астараханскіе воеводы отняли у человѣка моего ястреба, не солжутъ де мои люди, сказываютъ мнѣ правду. Да ужъ де то прошло, чтобъ де впередъ того не было: что мнѣ надобно купить у брата моего, у великого государя вашего, въ государствѣ, и то бы де повольно было, и заказу бъ о томъ не было. И по городомъ бы де воеводы моимъ торговымъ людемъ продажи и насильства не чинили, а пошлину бъ съ ихъ товаровъ велѣли имати рядовую по прежнему, какъ при прежнихъ государехъ было. И взглянувъ вверхъ: язъ де Богомъ обѣщаюся, какъ началъ жити въ братствѣ и въ дружбѣ съ прежними великими государи цари московскими, зъ бѣлымъ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ и съ царемъ Борисомъ, также де хочю жити зъ братомъ съ своимъ великимъ государемъ вашимъ, съ царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ всеа Русіи въ братственной дружбѣ и въ любви быти и до своего живота, а отецъ де мой и дѣдъ съ московскими цари не ссылывались и въ братственной дружбѣ не бывали.

И Иванъ и Михайло противъ того шаху говорили: и напередъ сего ты, великій государь, Аббасъ шахово величество съ гилянцомъ своимъ съ Хозя Муртозою и съ посланникомъ своимъ зъ Булатъ бекомъ къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, въ грамотахъ своихъ писалъ и рѣчью они царскому величеству и его царского величества приказнымъ людемъ говорили, что ты, великій

государь, Аббасъ шахово величество хочешь быти съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братствѣ и въ любви на вѣки неподвижно и на всякого недруга хочешь стояти заодинъ: хто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству другъ, а хто великому государю нашему его царскому величеству недругъ, тотъ и тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству недругъ. И великій государь нашъ его царское величество прислалъ насъ къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству велѣлъ тебѣ объявити, что великій государь нашъ, его царское величество, съ тобою, великимъ государемъ, Аббасъ шаховымъ величествомъ учинился въ сердечной въ крѣпкой дружбѣ и любви и въ ссылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей.

И шахъ посломъ говорилъ: язъ де вамъ то жъ говорю: какъ язъ къ брату своему, къ великому государю вашему, писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ и совершаю, хочю до своего живота съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, быти въ крѣпкомъ братствѣ и въ дружбѣ и на недруга стояти за одинъ, только бы де братъ мой, государь вашъ, велѣлъ въ своемъ государствѣ, что мнѣ надобно, купить безъ запрещенья.

Да шахъ же пословъ спросилъ: былъ де у меня напередъ васъ отъ брата моего, великого государя вашего, посланникъ Федоръ Левонтьевъ, и язъ де съ нимъ рѣчью приказывалъ къ брату своему, къ великому государю вашему, о своихъ дѣлехъ, и противъ де моего приказу государя вашего приказъ словесной съ вами ко мнѣ есть ли, а въ грамотѣ де ко мнѣ не писано,

И Иванъ и Михайло противъ того шаху говорили: только ты, великій государь, Аббасъ шахово величество велишь намъ объявить, о чемъ къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, съ Оедоромъ Левонтьевымъ приказывалъ, и будетъ, государь, отъ великого государя нашего его царского величества о томъ намъ наказано, и мы тебѣ, великому государю, скажемъ.

И шахъ посломъ говорилъ: приказывалъ де язъ съ Оедоромъ Левонтьевымъ къ брату своему, къ великому государю вашему, чтобъ великій государь вашъ велѣлъ на Койсѣ и въ Таркахъ поставить городы и людей посадить, а сколько въ тѣхъ городѣхъ осадпымъ людемъ хлѣба надобно, и язъ де велю къ нимъ хлѣбъ посылати и сколко надобно, а будетъ люди надобны, и язъ де и людей въ прибавку дамъ, а чтобъ де промежъ нашихъ государствъ ничьей земли не было.

И Иванъ и Михайло противъ того шахъ Аббасову величеству говорили: великому государю нашему его царскому величеству самому

то надобно, что на Койсѣ и въ Таркахъ городы поставить, да нынѣ, государь, того вскорѣ его царскому величеству за войною съ недругомъ своимъ, зъ Жигимонтомъ королемъ полскимъ, и съ его польскою и съ литовскою землею учинити не мочно. Самому тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству вѣдомо, что царское величество, отставя всякіе дѣла, ведетъ войну съ недругомъ своимъ, зъ Жигимонтомъ королемъ польскимъ, и съ его польскою и съ литовскою землею не малое время, и нынѣ царского величества великого Російского государства всѣхъ городовъ всякіе ратные люди противъ польского короля и его польскіе и литовскіе земли стоятъ. А какъ по милости Божьей царское величество съ недругомъ своимъ съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ поуправитца, и царское величество на Койсѣ и на Сунжѣ, и въ Таркахъ, и въ иныхъ въ которыхъ будетъ мѣстехъ пригоже, велитъ городы поставить тотчасъ, и людей и запасы велитъ государь устроить и учнетъ его царское величество на общихъ своихъ недруговъ съ тобою, великимъ государемъ, Аббасъ шаховымъ величествомъ стояти заодинъ.

Да шахъ же говорилъ посломъ: что де азъ съ вами къ брату своему, къ великому государю вашему, приказываю, и вы де ни одного моего слова не пророните, про все великому государю своему скажите, въ чомъ мнѣ на брата моего, великого государя вашего, досадно.

И Иванъ и Михайло противъ того говорили: что мы у тебя, великого государя, Аббасъ шахова величества слышимъ, а какъ, дастъ Богъ, великого государя своего его царского величества просвѣтлые очи увидимъ, и мы прежней твой государевъ и нынѣшній приказъ, что у тебя, государя, слышимъ, великому государю своему его царскому величеству про все подлинно извѣстимъ.

Да послы жъ шахъ Аббасову величеству говорили: о чемъ, государь, великій государь нашъ его царское величество къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству писалъ и насъ, холопей своихъ, прислалъ и на посолствѣ мы тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству говорили, чтобъ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову в-ву, къ великому государю нашему къ его царскому величеству совершенную свою истинную, сердечную, братственную дружбу и любовь показати, послати бъ съ нами къ великому государю нашему денежные казны въ помочь, чѣмъ бы великому государю нашему было своихъ ратныхъ людей противъ недруга своего Жигимонта короля польского пожаловати и противъ его за ево неправды стояти, и насъ бы, государь, тебѣ, великому государю Аббасъ шахову величеству, къ великому государю нашему къ его

царскому величеству велѣти отпустить, не задержавъ, а пути, государь, нашему время приспѣло.

И шахъ посломъ говорилъ: о чемъ де братъ мой, великій государь вашъ, ко мнѣ писалъ и васъ прислалъ, и язъ де посылаю къ великому государю вашему своего посла, а отпущаю де его съ вами вмѣстѣ, и что де у меня лучилось и доперво есть, и язъ де посылаю къ великому государю вашему съ своимъ посломъ, а отпущу де васъ къ великому государю вашему вскорѣ. А будетъ де брату моему, великому государю вашему, надобны ратные люди на помочь, и язъ де къ брату своему, къ великому государю вашему, ратныхъ своихъ людей пошлю, сколько государю вашему надобно.

Да шахъ же посломъ говорилъ: здѣся де у меня есть взяты на бою крымского царя ближніе люди, Мурза бекъ съ товарыщи. Да велѣлъ Мурза бека позвати къ себѣ и велѣлъ ему сѣсти близко себя и учалъ говорить: язъ де того Мурза бека съ товарыщи отпущаю къ крымскому царю и пишу де отъ себя къ крымскому царю и рѣчью приказываю съ Мурза бекомъ, чтобъ крымской царь со всѣми своими ратными людьми пошелъ на недруга брата моего, великого государя вашего, на литовского короля и въ его бъ землѣ былъ, и воевалъ литовскую землю безъ выходу. Да и о томъ отпишу къ крымскому царю, чтобы онъ былъ съ моимъ братомъ, съ великимъ государемъ вашимъ, ноипаче въ дружбѣ и въ любви, и станемъ де три насъ стояти на недруга съодного. И какъ де мы, три насъ, великій государь вашъ да язъ, да крымской царь, будемъ въ дружбе и въ братстве и въ любви, и противъ де насъ недруги наши не будутъ стоять, а на литовского де короля станемъ три насъ заодно жъ, и онъ де и въ Полшѣ отъ насъ не усидитъ.

И Иванъ и Михайло противъ того шаху говорили: то великій Государь нашъ его царское величество отъ тебя, брата своего, великого государя, Аббасъ шахова в. пріимаетъ въ любовь и противъ того великій государь нашъ его ц. в. тебѣ, брату своему, великому государю Аббасъ шахову величеству также будетъ воздавать своею царскою любовью, гдѣ будетъ его царскому величеству возможно. А то тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству самому то вѣдомо, что великого государя нашего великіе Російскіе государства великіе и многолюдные, только нынѣ за грѣхъ ото многіе розни и межусобья въ безгосударное время до великого государя нашего государства и отъ войны Жигимонта короля польского ратные всякіе люди пооскудѣли, а казна неисчетная прежнихъ великихъ государей царей и великихъ кня-

зей російскихъ, прародителей великого государя нашего, въ безгосударное время и отъ польского короля разорена, пожаловать ратныхъ людей нечѣмъ, а какъ ты, великій государь, Аббасъ шахово величество къ великому государю нашему къ его царскому величеству денежные казны на вспоможенье противъ его царского величества недруга Жигимонта короля польского пошлешь, а великій государь нашъ, его царское величество, тою казною пожалуетъ своихъ царского величества ратныхъ людей, и мы чаемъ милости Божіи, что великій государь нашъ его царское величество съ недругомъ своимъ, съ Жигимонтомъ королемъ польскимъ, вскорѣ управитца.

И шахъ посломъ говорилъ: язъ де сказывалъ: что у меня лучилось, и язъ де къ великому государю вашему посылаю съ своимъ посломъ.

И велѣлъ шахъ Исупъ агѣ поднести къ себѣ шерапу, и Исупъ ага поднесъ къ шаху чарку шерапу, и шахъ подалъ Ивану и послѣ того другую чарку шарапу подалъ шахъ Михайлу.

И Иванъ и Михайло, выпивъ, челомъ ударили. И шахъ говорилъ: поѣдьте де на подворье, а отпущу де васъ къ великому государю вашему вскорѣ.

И Иванъ и Михайло, шахову величеству ударя челомъ, да пошли изъ полаты и поѣхали на подворье. А провожали до подворья Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ бекъ.

И того жъ дни въ полчаса ночи пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ и учалъ посломъ говорить: прислалъ де къ вамъ шахово величество а велѣлъ вамъ говорить, чтобъ вамъ ѣхати къ нему, а шахъ де сидитъ въ рядѣхъ, тѣшитца, и вамъ бы де шаховы потѣхи видѣти, и лошеди де подъ васъ шахъ прислалъ со мною, а привелъ восмь лошадей подъ сѣдлы.

И Иванъ и Михайло поѣхали къ шаху, съ собою взяли князя Михайлова племянника, да Иванова племянника, да Михайлова сына, и переводчика, и толмача, и кречетниковъ, а людемъ своимъ велѣли пѣшимъ итти передъ собою. И пріѣхали къ мойдану, а на мойданѣ и въ рядехъ по лавкамъ по всѣмъ горятъ чиряки многіе и свѣчи, а шахъ въ ряду, гдѣ воду черную продаютъ, и велѣлъ посломъ итти къ себѣ, и какъ къ шаху Иванъ и Михайло пришли, а шахъ сидитъ на коврахъ передъ лавкою, кушаетъ, и велѣлъ шахъ Ивану и Михайлу съ собою сѣсти ѣсть. И Иванъ и Михайло шаху учали говорить: на твоей государской милости челомъ бьемъ, а нынеча у насъ постъ, и мяса мы не ѣдимъ. И шахъ велѣлъ Ивану и Михайлу сѣсть противъ себя неподалечю отъ себя, и Иванъ и Михайло сѣли. И шахъ велѣлъ

Ивану и Михайлу подносить шарапъ. Да шахъ же велѣлъ Алымъ Гулу хану налить чарку шарапу, и Алымъ Гулу ханъ, наливъ чарку шарапу, поднесъ къ шаху, и шахъ, вставъ на колѣни, и велѣлъ переводчику сказати посломъ: язъ де пью за здоровье брата своего великого государя вашего. И выпивъ самъ, велѣлъ поднести шарапу къ Ивану и къ Михайлу. Да учалъ шахъ тѣшитца, велѣлъ передъ собою робятомъ метатца метальникомъ и велѣлъ играть въ свои игры. И какъ шахъ откушалъ, и пошолъ гулять по рядомъ и по лавкамъ, а въ лавкахъ сидятъ торговые люди и съ дѣтми. И товары всякіе велѣлъ оказывать бархаты и отласы, и камки, да въ лавкахъ же по полкомъ насыпано деньги обасы тысечь по пяти и по шти и болши, и ходячи по лавкамъ, пилъ шарапъ. И взглянулъ на Ивана и на Михайла и схватилъ съ Ивана и съ Михайла шапки горлатные и учалъ говорить: сколь де у васъ лисицы чорные добрые дороги и по сколку тюменей лутчую лисицу купятъ? И Иванъ и Михайло шахову величеству сказали: добрую, государь, лисицу купятъ рублевъ въ полтораста и въ двѣстѣ и больши.

И шахъ учалъ говорить: ко мнѣ де прислалъ въ поминкахъ в. государь вашъ царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь и царь Борисъ четыре лисицы черны и хороши добрѣ были, и у меня де они были въ казнѣ лѣтъ съ шесть, потому что у насъ они ни къ чему не годятца, и я де ихъ велѣлъ продать турскимъ людемъ. И гулялъ шахъ часа съ три по рядомъ и, по многимъ лавкамъ ходячи, шарапъ пилъ и напился пьянъ и вышелъ изъ лавокъ на майданъ, сѣлъ на лошедь и поѣхалъ къ себѣ на дворъ, а Иванъ и Михайло поѣхали къ себѣ на подворье, а приставъ Усеинъ бекъ Ивана и Михайла провожалъ до подворья, а лошади, которые были подъ послы, приставъ взялъ.

И іюня жъ въ 14 день Булатъ бекъ пріѣхалъ къ посломъ, а сказалъ: шахъ де прислалъ къ вамъ на кормъ дватцать тюменей денегъ, и вамъ бы де тѣ деньги взяти.

И послы Булатъ беку говорили: прислалъ шахово величество дватцать тюменей денегъ, на сколко день станетъ, есть ли съ тобою о томъ приказъ?

И Булатъ бекъ сказалъ: того де мнѣ шахъ не приказалъ, на сколько день вамъ денги прислалъ, только де мнѣ велѣлъ къ вамъ отвезти на кормъ денегъ дватцать тюменей.

И послы денги на кормъ взяли, и изъ тѣхъ денегъ приставъ Усеинъ бекъ у пословъ взялъ себѣ два тюмени по прежнему шахову указу.

Да іюня жъ въ 22 день пришли шаховы послы изъ Нагай Али бекъ да гилянецъ торговой человѣкъ, Шеймуратомъ зовутъ, а посланы

они были въ Нагаи отъ шаха къ Ищѣреку князю свататца за дочерь, а съ ними пришли къ шаху нагайскіе послы человѣкъ съ пятнатцать. А тотъ гилянецъ Шеймуратъ прежъ сего жилъ въ Астарахани лѣтъ зъ десять безъ съѣзду.

И іюня жъ въ 24 день пріѣхалъ къ Ивану и къ Михайлу Булатъ бекъ, а сказывалъ: послы де шаховы были посыланы въ Нагаи для шахова дѣла, а сказывали де они шаху что въ Астарахани съ Москвы и въ Нагаехъ подлинные вѣсти есть: великій де государь вашъ царь и великій князь Михаило Федоровичь всеа Русіи на Московскомъ государствѣ здравствуетъ во многолѣтномъ здоровьѣ, а съ литовскимъ де королемъ помирился, и литовскіе де люди изъ Московского государства вышли всѣ. Да они жъ де шаху сказывали про астараханскихъ воеводъ и хвалятъ ихъ добрѣ, а сказывали де шаху, что изъ Астарахани воеводы посылали къ нимъ въ улусы съ кормомъ и съ питьемъ, и шаху де добрѣ за честь. А на Теркѣ де воевода также шаховымъ посломъ честь воздалъ и кормъ имъ давалъ полной, и послы де про то про все шаху розсказывали. А подлинно де про то шаху розсказывалъ гилянецъ Шеймуратъ, которой былъ съ шаховымъ посломъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: на добрыхъ вѣстехъ мы тебѣ челомъ бьемъ, что намъ сказалъ добрыя вѣсти. И послѣ того говорили Булатъ беку: пожалуй, скажи намъ по своей любви, скоро ли насъ шахово величество отпуститъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству? И Булатъ бекъ сказалъ: хочетъ де шахъ васъ вскорѣ отпустить. И послѣ того Булатъ бекъ отъословъ поѣхалъ къ себѣ.

И Иванъ и Михайло приказали толмачю Ивану Сергѣеву, а велѣли того гилянца Шеймурата сыскати и позвати къ себѣ, чтобъ сво роспросить о астараханскихъ вѣстехъ.

И іюня въ 28 день толмачь Иванъ Сергѣевъ сыскалъ гилянца Шеймурата, и пришолъ съ нимъ къ посломъ, а гилянецъ Шеймуратъ гораздъ по русски говоритъ, что много лѣтъ жилъ въ Астарахани. И послы его роспрашивали: для чего шахъ ихъ посылалъ въ Нагаи, и были ль они въ Астарахани, и что они шаху сказывали?

И гилянецъ Шеймуратъ сказывалъ посломъ: посылалъ де шахъ посла своего Али бека да меня съ нимъ въ Нагаи къ Ищереку князю свататца за дочерь, и Ищерекъ де дочерь свою хочетъ дати за шаха и съ нами де прислалъ къ шаху пословъ своихъ о договорѣ.

Да Шеймуратъ же сказывалъ: былъ де я въ Астарахани, ѣздилъ изъ Нагаевъ, и въ Астарахань де съ Москвы вѣсти подлинные: вели-

кій государь вашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи на Московскомъ государствѣ здравствуетъ во многолѣтномъ здоровьѣ, а съ литовскимъ де королемъ помирился, и въ Нагаехъ де я про государево здоровье слышелъ то жъ, и шаху де я про государево здоровье сказывалъ.

И послы спросили Шеймурата: какъ ты про великого государя нашего его царского величества здоровье шаху сказалъ, и шахъ тебѣ что говорилъ?

И Шеймуратъ сказалъ: какъ де шаху сказалъ про великого государя вашего здоровье, и онъ де промолчалъ, а ничего мнѣ не отказалъ. Да язъ же де шаху сказывалъ, что былъ я въ Астарахани, и воеводы астараханскіе кормъ и питье давали довольно, а къ послу его, къ Али беку, съ кормомъ и съ питьемъ посылали въ Нагаи и честь намъ воздали великую. И какъ де мы ѣхали изъ Нагаи и были на Теркѣ, и съ Терка де воевода также намъ кормъ и питье давалъ доволи, и шаху де про то добрѣ за честь. А про васъ де никакова слова не помянулъ.

И Иванъ и Михайло Шеймурата подчивали и подарили его.

Да Шеймуратъ же сказывалъ посломъ: язъ де слышелъ ото многихъ отъ шаховыхъ отъ кизылбашенъ и отъ гилянцовъ въ Казбинѣ и въ Испогани, что Булатъ бекъ великую ссору учинилъ промежъ великихъ государей, великого государя вашего его царского величества и шахова в-ва, и шахъ де по ево смутѣ и на васъ кручиноватъ и задержалъ де васъ шахъ у себя, и тѣснота вамъ учинилась, и въ кормѣхъ недостатки все по Булатъ бековѣ смутѣ.

А мнѣ де великого государя его царского величества до смерти не забыть: жилъ де я царского величества въ вотчинѣ въ Астарахани лѣтъ зъ десять и больши, и язъ де никакова дурна надъ собою не видалъ. А какъ де язъ нынѣча шаху розсказывалъ, что къ послу ево, къ Али беку, въ улусы астараханскіе воеводы посылали съ кормомъ и съ питьемъ и мнѣ де въ Астарахани честь воздали великую, и шаху де про то за честь добрѣ. А про васъ де никакова слова не молылъ. Только бы де не тотъ врагъ, Булатъ бекъ, промежъ великихъ государей ссору учинилъ, и вамъ бы де отъ шахова величества окромѣ милости ничего не было. Да многіе де шаховы люди говорятъ: что впередъ сыщется про Булатъ бекову ссору, никако де ему отъ шаха не пробудетъ.

Да Шеймуратъ же говорилъ посломъ: покажите де милость, не проносите моихъ рѣчей никому, что язъ вамъ сказывалъ про Булатъ

бека; только де Булатъ бекъ свѣдаетъ, и мнѣ де отъ шаха никако не пробудетъ. Язъ де вамъ сказываю по вашей добродѣтели и впередъ де отъ кого что про васъ услышу, и я де вамъ учну сказывать.

И іюля въ 2 день за часъ до вечера пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ, а говорилъ: прислалъ де къ вамъ шахово величество, а велѣлъ вамъ быти къ себѣ, а будетъ де у шаха потѣха на мойданѣ, и вамъ бы де шаховы потѣхи посмотрить, и лошеди де подъ васъ шахъ прислалъ.

И Иванъ и Михайло къ шаху съ приставомъ поѣхали, а взяли съ собою князь Михайлова и Иванова племянниковъ и Михайлова сына и переводчика, и толмача, и кречетниковъ и пріѣхали къ шахову двору на мойданъ за полчаса до вечера. И приставъ посломъ говорилъ, чтобъ де вамъ съ лошадей не ссѣдати, а постоять на лошадехъ, а шахъ де узжо будетъ.

И послы стали на лошадехъ близко шаховыхъ воротъ.

И того жъ часу шахъ съѣхалъ зъ двора своего на лошеди, и Иванъ и Михайло шаху поклонились по обычею.

И шахъ пословъ спросилъ о здоровьѣ, да отъѣхавъ немного на мойданъ, учалъ шахъ тѣшитца, велѣлъ спускать бараповъ бойцовъ, и бараны многіе бились, да послѣ того велѣлъ спускати быковъ бойцовъ же, и быки билися.

А пословъ велѣлъ подчивать, подносили шарапъ и ягоды, и иные овощи.

И тѣшился шахъ въ ночи часы съ четыре, да тѣшась, поѣхалъ къ себѣ на дворъ.

А Иванъ и Михайло поѣхали на подворье, а провожалъ до подворья приставъ Усеинъ бекъ.

И іюля жъ въ 8 день писали изъ Казбина къ посломъ люди ихъ съ казбинцомъ съ торговымъ человѣкомъ, а пишутъ, что побѣжали отъ нихъ людей ихъ два человѣка: Ивановъ литвинъ сапожной мастеришко, да Михайловъ литвинъ же, поваришко былъ. И къ дорогѣ де и къ колентарю они съ толмачи ходили и о томъ говорили, чтобъ тѣхъ бѣглыхъ людей велѣли сыскать и отдати.

И Иванъ и Михайло того жъ дни послали по пристава, чтобъ къ нимъ пріѣхалъ, и приставъ къ посломъ пріѣхалъ, и Иванъ, и Михайло учали приставу говорить: писали къ намъ исъ Казбина люди наши, что побѣжали отъ насъ два человѣка, и тебѣ бы шахову величеству наши рѣчи донести, чтобъ Аббасъ шахово величество велѣлъ нашихъ людей сыскать и по прежнему ихъ къ намъ отдать.

И приставъ говорилъ посломъ: язъ де рѣчи ввши шахову величеству розскажу, а людемъ де вашимъ негдѣ дѣтися и не пропадутъ де никакъ: одноличпо ихъ сыщутъ.

И іюля въ 9 день пріѣхалъ къ посломъ приставъ и учалъ посломъ говорить: приказывали де со мною къ шахову величеству, что въ Казбинѣ сбѣжали отъ васъ людей вашихъ два человѣка, и язъ де шаху сказывалъ, и шахъ де приказывалъ везирю, а велѣлъ послати грамоту къ казбинскому дорогѣ тотчасъ, а велѣлъ де людей вашихъ сыскать и отдать вашимъ людемъ въ Казбинѣ тотчасъ, а къ вамъ де шахъ приказалъ, что однолично люди ваши не пропадутъ.

И Иванъ и Михайло приставу говорили: прежъ сего того не бывало, что посольскимъ людемъ пропасть безвѣстно, а нынеча бы Аббасъ шахово величество велѣлъ людей нашихъ сыскати и намъ отдати.

И приставъ говорилъ: прежъ де сего того не бывало, что посолскимъ людемъ пропасть безвѣстно и нынѣча не будетъ, а однолично де людей вашихъ сыщутъ и вамъ отдадутъ.

И того жъ дни пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ и учалъ посломъ говорить: слышалъ де я у вашего пристава, что въ Казбинѣ сбѣжали люди ваши два человѣка да и пропали безвѣстно.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: писали къ намъ изъ Казбина люди наши, что сбѣжали отъ насъ два человѣка, и мы приставу говорили и тебѣ говоримъ о томъ же: прежъ сего того не бывало, чтобъ посольскимъ людемъ пропасть безвѣстно, и тебѣ бы Аббасъ шахову величеству челобитье наше донести, чтобъ пожаловалъ людей нашихъ, велѣлъ сыскать и отдати.

И Булатъ бекъ говорилъ: прежъ де сего того не бывало, что посолскимъ людемъ пропасть и нынеча того не будетъ, а одноличпо шахъ велитъ людей вашихъ сыскать: игла де ваша безъ васъ не останетца, не токмо что человѣкъ.

Да іюля жъ въ 16 день въ часъ ночи пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ и учалъ посломъ говорить: шахово де величество прислалъ къ вамъ, а велѣлъ вамъ говорить, чтобъ вамъ ѣхать къ нему, а шахъ де тѣшитца въ арменской слободѣ, и лошеди де подъ васъ приведены. И Иванъ и Михайло того жъ часу съ приставомъ къ шаху поѣхали и пріѣхали въ арменскую слободу, и въ слободѣ по дворамъ по всѣмъ хоромамъ и по воротамъ горятъ чиряки многіе, а шахъ сидитъ на воротехъ наверхъ полатъ. И пріѣхавъ къ воротамъ, съ лошадей ссѣли и пошли съ приставомъ въ ворота, а въ воро-

техъ горятъ свѣчи болшіе многіе, а на пропускѣ у воротъ стоитъ Исупъ ага.

И послы вошли въ ворота, и Исупъ ага посломъ говорилъ: чтобъ де вамъ итти вверхъ на полаты, а шахово де величество наверхъ полатъ сидитъ.

И Иванъ и Махайло пошли на полату по лѣсницѣ и взошли верхъ полаты, а на полатѣ верхъ на двое роздѣланъ, а наверху сидитъ шахъ, и послы подошли близко шаха да челомъ ударили по обычею.

И шахъ посломъ велѣлъ сѣсть по правую сторону недалече отъ себя. И послѣ того пришли къ шаху зъ другую сторону индѣйской посолъ да ишпанской посолъ, и шахъ имъ тамъ и велѣлъ сѣсть на другой на лѣвой сторонѣ. А противъ шаха на низу сидѣли многіе ханы.

И велѣлъ шахъ къ Ивану и къ Михайлу подносити пить и прислалъ испередъ себя блюдо сахару да блюдо ягодъ.

И посидѣвъ шахъ съ часъ, сошолъ съ полатного верху и схватилъ чалму съ Мамъ Гули хана, а свою на него положилъ. Да зашодчи позади хановъ, да легъ на коврѣ, а чалму въ головы положилъ да заснулъ.

А зять шаховъ Испендерь бекъ пришолъ къ Ивану и къ Михайлу и говорилъ: чтобъ де вамъ посидѣть, а шаха подождать. А ишпанскому послу велѣлъ ѣхать къ себѣ.

И спалъ шахъ часы зъ два, да всталъ и пришолъ къ посломъ и велѣлъ поднести къ посломъ шарапу.

И Иванъ и Михайло учали шаху бить челомъ, а говорили: присланы, государь, мы отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству о вашей государской братственной дружбѣ и любви, и о иныхъ о великихъ вашихъ государскихъ и о земскихъ дѣлехъ, и намъ, государь, у тебя задержанья учинилось, и пути нашему время приходитъ, и тебѣ бы, великому государю, Аббасъ шахову величеству къ великому государю нашему его ц. в. отпустить насъ, не издержавъ.

И шахъ посломъ сказалъ: отпущу де васъ къ брату своему, къ великому государю вашему, вскорѣ. Да велѣлъ шахъ посломъ ѣхать на подворье, а провожалъ пословъ до подворья приставъ Усеинъ бекъ.

И іюля жъ въ 17 день въ послѣднемъ часу дни пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ, а говорилъ посломъ: прислалъ де къ вамъ шахъ, а велѣлъ вамъ говорити, чтобъ вамъ ѣхати къ шахову

величеству смотрити его потѣхи, а шаху де тѣшитца, а сидѣть у своего двора наверхъ полатъ на воротехъ, и лошеди де подъ васъ приведены.

И Иванъ и Михайло того жъ часу поѣхали съ приставомъ и пріѣхали на мойданъ, а противъ мойдана у шахова двора на воротехъ полата велика и высока, вверхъ сажень дватцать и больши, и у воротъ встрѣтилъ Булатъ бекъ, а говорилъ Булатъ бекъ посломъ: шахъ де вамъ велѣлъ итить наверхъ полатъ. И послы пошли на полаты по лѣсницамъ, а лѣсницы дѣланы внутри полатъ, а съ послы шолъ Булатъ бекъ, и на шестой лѣспицѣ встрѣтилъ пословъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ и спросилъ пословъ о здоровьѣ, да пошолъ съ послы на полату.

И какъ послы взошли наверхъ полатъ, и къ посломъ пришолъ шаховъ зять и ближней ево человѣкъ Испендерь бекъ, а говорилъ посломъ: чтобъ де вамъ пожаловати, сѣсти.

И Иванъ и Михайло сѣли на коврахъ, а по коврамъ посланы скатерти и поставлены по блюдомъ яблака и ягоды, и сахары.

И Испендерь бекъ поднесъ къ посломъ пить, а говорилъ посломъ: шахово де величество велѣлъ васъ подчивать и хотѣлъ де къ вамъ быть самъ, да по грѣхомъ занемогъ. А на шаховѣ дворѣ по полатамъ въ рядѣхъ по лавкамъ и по всѣмъ дворомъ по полатамъ и по мечетямъ горятъ чиряки многіе.

А сидѣли послы наверъ полатъ часы съ три, а съ послы сидѣли шаховы ханы и беки и пословъ подчивали.

И розговаривали съ послы: шахъ Аббасово величество тѣмъ часто тѣшитца: въ которомъ городѣ ни будетъ, и у шаха де во всѣхъ городѣхъ при немъ по всѣмъ дворомъ и въ рядехъ по лавкамъ и по мечетямъ чиряки многіе зажигаютъ, а шахъ де во всю ночь сидитъ тѣшитца, пьетъ и насъ де жалуетъ. А нынѣча де шахово величество также хотѣлъ тѣшитца да по грѣхомъ де заболѣлъ.

И послы ханомъ говорили: то уже нашъ грѣхъ приспѣлъ, что шахово величество занемогъ: мы его государевыхъ очей не видали.

И пришолъ къ посломъ Испендерь бекъ и учалъ пословъ подчивать, подносить шарапъ, а говорилъ посломъ: чтобъ де вамъ прохладитца и ѣхати къ себѣ на подворье.

И Иванъ и Михайло учали Испендерь беку говорить: пожалуй, донеси наше челобитье до Аббасъ шахова величества, чтобъ пожаловалъ насъ: къ царскому величеству отпустилъ. А пути нашему время минуетца.

И Испендерь бекъ посломъ говорилъ: однолично де шахъ васъ отпуститъ вскорѣ къ царскому величеству. То де уже у шаха послѣдняя потѣха. А отпустя де васъ, шахъ тотчасъ идетъ въ горы къ ключевымъ водамъ въ холодныя мѣста тѣшитца.

Да послы жъ говорили Испендерь беку: писали къ намъ изъ Испогани люди наши, что сбѣжали отъ насъ два человѣка нашихъ людей, и дорога де и колентарь тѣхъ бѣглыхъ нашихъ людей не сыскали, и мы приставу Усеинъ беку и Булатъ беку говорили, чтобъ они шахову величеству извѣстили, а тебѣ мы о томъ же говоримъ, чтобъ тебѣ Аббасъ шахову величеству наши рѣчи донести, а шахово бъ величество пожаловалъ, велѣлъ тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей сыскати и намъ отдати.

И Испендерь бекъ посломъ сказалъ: приставъ де вашъ шаху про ваши бѣглые люди сказывалъ, и шахъ де велѣлъ отписати въ Казбинъ къ дорогѣ и къ колентарю, а велѣлъ людей вашихъ тотчасъ сыскати и отдати вашимъ людемъ на дворъ. А что де у васъ топерво слышу, и язъ де шахову величеству рѣчи ваши роскажу, а однолично де люди ваши не пропадутъ. Да и Булатъ беку отъ шахова величества о вашихъ людехъ приказъ будетъ, никакъ де ваши люди не пропадутъ.

И говоря послы съ Испендерь бекомъ, да того жъ часу пошли съ полаты на низъ и поѣхали къ себѣ на подворье, а провожалъ пословъ и до подворья приставъ Усеинъ бекъ.

И іюля въ 21 день въ ночи шахъ изъ Испогани пошолъ совсѣмъ и съ женами и со всѣми обиходы невѣдомо куды.

И того жъ дни Иванъ и Михайло послали толмача по Булатъ бека, и Булатъ бекъ къ посломъ пріѣхалъ, и Иванъ и Михайло учали Булатъ беку говорити: шахово величество пошолъ изъ Испогани совсѣмъ, а насъ къ царскому величеству не отпустилъ, и мы чаемъ себѣ, что намъ зимовать въ Испогани.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: шахъ де ходитъ по часомъ, въ каковѣ часѣ ему въ городъ притти и въ какомъ часѣ изъ города вытить, а тотъ де ево часъ пришолъ, что ему изъ города вытти, и онъ де пошолъ совсѣмъ да сталъ въ садѣхъ въ пять верстъ отъ Испогани, а будетъ де въ городъ опять легкимъ дѣломъ для вашего отпуску, а отпустя де васъ, шаху итти совсѣмъ въ горы, въ холодныя мѣста.

И іюля въ 24 день въ полдни сказали посломъ, что шахъ пришолъ въ Испогань и взъѣхалъ на свой на задней дворъ, а

сталъ де на дворѣ близко воротъ подъ солнычникомъ, а въ полаты не пошелъ.

И того жъ дни въ полчаса ночи пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ и учалъ посломъ говорить: шахъ де прислалъ къ вамъ съ лошедьми, а велѣлъ вамъ ѣхать къ себѣ, а хочетъ де васъ отпустить къ великому государю вашему. А привели за нимъ подъ пословъ пять лошадей съ сѣдлы и съ уздами. Да съ Булатъ бекомъ же принесли ево люди платье, и учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество жалуетъ васъ платьемъ. Да поднесъ къ Ивану два каѳтана озямское дѣло: одинъ каѳтанъ бархатъ кизылбашской по серебреной землѣ, другой каѳтанъ камка кизылбашская жъ по серебреной же землѣ; къ Михайлу поднесъ два каѳтана таковы жъ, дѣломъ оба камчаты кизылбашскіе по серебреной землѣ; переводчику Милютѣ Нагаеву два каѳтана камчаты камочки кизылбашскіе цвѣтные; князь Михайлову племяннику, князю Ѳадѣю Борятинскому, Иванову племяннику, Михайлову сыну, по каѳтану камочки кизылбашскіе жъ, толмачю Ивану Сергѣеву, дву человѣкомъ кречетникомъ по каѳтану камочки таковы жъ кизылбашскіе, дву человѣкомъ Иванову да Михайлову по каѳтану.

И учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество велѣлъ вамъ ѣхать къ себѣ въ своемъ жалованьѣ въ каѳтанѣхъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: мы шахову величеству на его государевѣ жалованьѣ челомъ бьемъ. А то государя вашего Аббасъ шахова величества къ великому государю нашему нелюбовь, а къ намъ то его не жалованье, безчестье, что намъ велитъ ѣхать въ своемъ жалованьѣ въ платьѣ. А великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца въ поведеньяхъ ведетца отъ предковъ его великихъ государей царей російскихъ: всѣхъ государей пословъ и послапниковъ государь жалуетъ, велитъ на нихъ свое государево жалованье платье класть при своихъ царскихъ очахъ, и только бъ шахъ насъ по тому жъ пожаловалъ, велѣлъ на насъ свое жалованье положить передъ собою—въ томъ его воля, а нынѣ намъ къ шаху ѣхать въ его платьѣ непригоже, тѣмъ бы насъ не безчестилъ, нашему закону то противно, что ходити въ платьѣ не по своему обычею. А которые послы и посланники, и гонцы бывали у прежнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей російскихъ и нынѣ у великого государя нашего его царского величества, и тѣ всѣ видали царского величества очи въ своемъ платьѣ по своему обычею, а не въ царскомъ жалованьѣ. И шахъ бы надъ нами также велѣлъ учинить. И Булатъ бекъ учалъ говорить: тѣмъ де шаха роскручините,

что въ своемъ платьѣ поѣдете и отпуску де вамъ, чаю, не будетъ, и вы де творите шахову волю. И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: ты, Булатъ бекъ, самъ у великого государя нашего у его царского величества былъ и не по одиножды и царского величества жалованье къ себѣ видѣлъ. Великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи жаловалъ васъ платьемъ при своемъ царскомъ велпчествѣ, а не на подворья къ вамъ посылалъ, а что говоришь, что намъ отъ шахова величества отпуску не будетъ, въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, а въ шаховѣ платьѣ намъ къ шаху не ѣзживать.

И Булатъ бекъ сказалъ: упрямо де дѣлаете, что шахова повелѣнья не слушаете.

И Иванъ и Михайло, положа на себя свое платье золотное да горлатные шапки, и поѣхали къ шаху зъ Булатъ бекомъ на дворъ въ другомъ часу ночи и ѣхали черезъ мойданъ къ шахову двору, а на мойданѣ передъ шаховымъ дворомъ стояли на конехъ ишпанской посолъ. А Ивану и Михайлу Булатъ бекъ говорилъ, чтобъ ѣхали къ шахову двору, и пріѣхалъ къ воротамъ близко и у воротъ съ лошадей ссѣли и пошли на шаховъ дворъ, и пришли въ ворота, а въ воротѣхъ въ полаткѣ сидятъ шаховы ханы Имамъ Гули ханъ да ближней человѣкъ шаховъ, зять его, Испендерь бекъ и многіе беки и кулы и ханы. И Булатъ бекъ учалъ посломъ говорить: чтобъ де вамъ посидѣть съ ханы немного, а Оббасъ шахово величество сесьчасъ будетъ. И послы съ ханы сѣли, а Булатъ бекъ пошолъ къ шаху и тово жъ часу пришолъ Булатъ бекъ къ посломъ и учалъ говорить: шахъ де идетъ въ сады къ женамъ, гдѣ былъ, а вамъ де, чаю, ѣхать съ шахомъ же и отпускъ де вамъ будетъ отъ шаха въ садѣхъ, и вы де садитеся на лошеди. И Иванъ и Михайло, сшодчи съ шахова двора, передъ вороты сѣли на лошеди, и того жъ часу шахъ зъ двора своего на лошеди съѣхалъ, поднивъ, и проѣхавъ Ивана и Михайла, поѣхалъ къ ишпанскому послу и, не ссѣдая съ лошеди самъ, и послу ссѣсти не велѣлъ же, и съ коня ишпанского посла и отпустилъ, и ѣхалъ съ нимъ до полумойдана, и поворотилъ назадъ да пріѣхалъ великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи къ посломъ, къ Ивану да къ діаку Михайлу, и посломъ съ лошадей ссѣдать не велѣлъ. И отъѣхавъ отъ людей, велѣлъ посломъ ѣхать за собою и учалъ посломъ говорить: отпущаю де я васъ къ брату своему къ великому государю вашему, а съ вами отпускаю въ болшихъ послѣхъ Булатъ бека, потому что Булатъ бекъ у государя вашего былъ и не одинова и сму де за обычей.

И Иванъ и Михайло шаху учали говорить: паша, государь, должная вамъ, государемъ, служити.

Да шахъ же учелъ говорить: какіе де вамъ дѣла до меня есть, и вы де топере мнѣ говорите. И Иванъ и Михайло шаху учали говорить: присланы, государь, мы отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству о братственной дружбѣ и о любви и чтобы ты, великій государь, шахъ Аббасово величество великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи братственную свою дружбу и любовь совершилъ: денежною казною великого государя нашего его царское величество ссудилъ, чѣмъ бы великому государю нашему царю и в. князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи было ратныхъ своихъ людей противъ недруга своего пожаловать и противъ его за его многіе неправды стояти. А какъ по милости Божіи великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи его царское величество съ полскимъ и съ литовскимъ королемъ управитца, и тоѣ казну тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству велитъ заплатить всякими узорочьи, какіе у великого государя нашего въ государствѣ есть, а за твою, великого государя, шахъ Аббасова величества братственную дружбу и любовь учнетъ тебѣ воздавать такъ же своею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. И шахъ сказалъ: посылаю де язъ къ брату своему, къ великому государю вашему съ вами вмѣстѣ своего посла Булатъ Бека, и что де у меня лучилось, и язъ посылаю къ великому государю вашему зъ Булатъ бекомъ же. Да изговоря шахъ тоѣ рѣчь, да позвалъ пословъ къ рукѣ. И Иванъ и Михайло, збѣжавъ съ лошадей, пошли къ шаху къ рукѣ. И какъ были у руки, и шахъ отъѣхалъ отъ своихъ людей подалѣ, а посломъ велѣлъ за собою итти, да отъѣхавъ, спросилъ у пословъ: есть ли съ вами толмачь крестьянинъ, а не бусурманъ? И послы сказали, что есть толмачь крестьянинъ.

И шахъ велѣлъ толмача позвати къ себѣ.

И Иванъ и Михайло велѣли толмачю Ивану Сергѣеву подойти къ шаху, и шахъ переводчика Милюты отослати не велѣлъ, а учалъ говорити толмачю Ивану Сергѣеву, а велѣлъ сказывать рѣчи свои посломъ: приказывалъ де язъ съ вами прежъ сего и нынеча де приказываю къ брату своему къ великому государю вашему, чтобъ де великій государь вашъ одиначно на Койсѣ и въ Таркахъ велѣлъ городы поставить.

И послы Аббасъ шахову величеству противъ того говорили тожъ,

что и прежъ того говорили: какъ по милости Божіи великій государь нашъ его царское величество съ недругомъ своимъ зъ Жигимонтомъ королемъ управитца, и великій государь нашъ его царское величество на Койсѣ велитъ тотчасъ городъ поставить.

И шахъ посломъ говорилъ: язъ де съ Ѳедоромъ Левоптьевымъ къ великому государю вашему приказывалъ и съ вами приказываю, и вы де однолично брату моему великому государю своему роскажите, о чемъ язъ съ вами прежъ сего нынеча приказываю, ни одного моево слова не пророните, а о иныхъ де статьяхъ язъ къ вамъ пришлю письмо, по руски написавъ, а есть де у меня кому по руски написать.

А изговоря рѣчь шахъ, да велѣлъ посломъ ѣхати на подворье, а самъ, не ѣздя на дворъ, поѣхалъ къ женамъ въ сады.

И послы поѣхали на подворье, а провожалъ пословъ до подворья Булатъ бекъ.

И іюля въ 26 день къ посломъ пріѣхалъ Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: шахово де величество пошелъ изъ садовъ и зъ женами и со всѣми обиходы въ горы въ холодныя мѣста къ ключевымъ водамъ тѣшитца, а быти де шаху тамъ и до осени. А отъ Испогани до тѣхъ мѣстъ, гдѣ шаху тѣшитца, въ три дни ѣздятъ. А мнѣ де шахъ велѣлъ ѣхати за собою, и отпускъ де мнѣ будетъ отъ шаха на стану, а вамъ де шахъ приказалъ, велѣлъ побыть въ Испогани до тѣхъ мѣстъ, покамѣста меня къ вамъ отпуститъ.

И послы Булатъ беку говорили: тебѣ шахъ велѣлъ ѣхати за собою, а намъ велѣлъ тебя дожидатися, а ты вѣдаешь и самъ, что у насъ корму нѣтъ, деньги кормовые давно у насъ изошли, и чтобъ шахъ пожаловалъ, велѣлъ намъ дати кормъ.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: о корму де мнѣ отъ шаха приказу нѣтъ, а какъ де шаха увижу, и язъ де скажу, что у васъ кормовые деньги всѣ изошли.

И того жъ дни Булатъ бекъ изъ Испогани поѣхалъ къ шаху.

И августа въ 22 день Булатъ бекъ отъ шаха пріѣхалъ въ Испогань, и того жъ дни прислалъ къ посломъ пасынка своего Исачка, а говорилъ Исачка посломъ: прислалъ де къ вамъ Булатъ бекъ, а велѣлъ вамъ сказати: шахово де величество Булатъ бека къ великому государю вашему отпустилъ, а вамъ де шахъ велѣлъ ѣхать ко государю своему, а Булатъ беку велѣлъ съ вами ѣхать вмѣстѣ, и подводы подъ васъ и кормъ въ дорогу велѣлъ шахъ дати.

И Иванъ и Михайло съ Исачкомъ къ Булатъ беку приказывали:

ѣхать они готовы, а чтобъ Булатъ бекъ самъ у насъ побывалъ и про отпускъ намъ сказалъ.

И августа въ 23 день къ посломъ пріѣхалъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ бекъ. И учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество велѣлъ вамъ итти къ великому государю своему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи, а мнѣ де шахъ велѣлъ итить къ царскому величеству съ вами вмѣстѣ, и подводы де подъ васъ велѣлъ дати, и кормъ вамъ давати, по деревнямъ збирая. А велѣлъ де шахъ изъ Шемахи Исупъ хану васъ отпустить на Терекъ сухимъ путемъ и подводы подъ васъ и подъ вашу рухледь верблюды велѣлъ шахъ дати.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: самъ ты знаешь: морской ходъ уже минулся, а насъ шахъ задержалъ не малое время, а зимней путь ближеетъ, и мы чаемъ того, что намъ не поспѣть и въ Астарахань.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: язъ де и самъ знаю, что ужь путь нашъ упоздалъ, да въ томъ де воленъ Богъ да шахъ; не думаетъ де шахъ ни съ кѣмъ: какъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ. Язъ де, пріѣхавъ изъ Испогани, жилъ у шаха въ полку дватцать день слишкомъ, а шаховыхъ очей не видалъ, а шахъ де въ горахъ тѣшитца зъ женами да съ малыми робяты, а окромѣ де жонъ да малыхъ робятъ никакова человѣка съ шахомъ пѣтъ, по дорогамъ де поставлены заставы, никакова человѣка къ шаху не пропустятъ.

И Иванъ и Михайло учали Булатъ бека спрашивать: какъ насъ шахово величество къ царскому величеству отпустилъ, и намъ шахъ говорилъ: о иныхъ де статьяхъ пришлю къ вамъ съ Булатъ бекомъ писмо, по руски написавъ, а есть де у меня кому по руски написать, и съ тобою отъ шахова величества есть ли къ намъ писмо по руски написано?

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: писма де шахъ со мною къ вамъ никакова не прислалъ и словомъ ничего къ вамъ не приказывалъ.

Да послы жъ Булатъ беку говорили: збѣжали отъ насъ въ Казбинѣ людей нашихъ два человѣка, и мы о томъ тебѣ и приставу Усеину говорили, чтобъ вы до шахова величества наши рѣчи донесли, а шахово бъ величество пожаловалъ, людей нашихъ велѣлъ сыскать и намъ отдать. И ты, Булатъ бекъ, и приставъ намъ сказывалъ, и шахово де величество велѣлъ въ Казбинъ къ дорогѣ послати грамоту, а велѣлъ людей нашихъ бѣглыхъ тотчасъ сыскать и намъ отдати. И изъ

Казбина люди наши къ намъ писали, что по ся мѣста бѣглые наши люди не сысканы.

И Булатъ бекъ Ивану и Михайлу сказалъ: приказалъ де мнѣ и дорогѣ шахъ накрѣпко, чтобъ вашихъ людей сыскать и вамъ отдать, и какъ де будемъ въ Казбинѣ, однолично людей вашихъ сыщемъ и вамъ отдадимъ; не мните де себѣ того, что вашимъ людемъ пропасть.

Да зъ Булатъ бекомъ же принесли въ полату сундукъ, и Булатъ бекъ, вставъ, учалъ Ивану и Михайлу говорить: шахъ Аббасово де величество васъ жалуетъ бархатами и камками, и дорогами, и киндяками. Да велѣлъ сундукъ роскрыти, да учалъ выкладывати изъ сундука, а сказалъ посломъ: шахъ де жалуетъ князя Михайлову жену, а велѣлъ де къ ней отвезти. И отложилъ бархатъ полосатъ, да камочку золотную по червчетой землѣ, да камочку цвѣтную кизылбашскую жъ, да девятнатцать дороговъ розными цвѣты, да два кушака шолковыхъ, да девятнадцать киндяковъ.

А Ивану бархатъ червчатъ да бархатъ зеленъ, да камочку золотную, да камочку кизылбашскую дву шелковъ, да камочку жъ цвѣтную да тринатцать дороговъ розными цвѣты, да кушакъ шолковой, да четырнатцать киндяковъ.

Михайлу бархатъ червчатъ да камку золотную, да камку цвѣтную, да десять дороговъ, да десять киндяковъ.

Переводчику Милютѣ камку да четверы дороги, да семь киндяковъ.

Толмачю Ивану трои дороги да пять киндяковъ.

Кречетникомъ, Ѳедору Тоболину да Ѳедору Савелову, четверы дороги да шесть киндяковъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: мы на шаховѣ жалованьѣ челомъ бьемъ, а прежъ насъ отъ великого государя нашего отъ его царского величества бывали у шахова величества посланники, и шахово величество ихъ жаловалъ деньгами и платьемъ, и лошедми, и ратнымъ оружьемъ, а мы то видимъ: нѣхто врагъ промежъ великихъ государей нашихъ великого государя нашего его царского величества и Аббасъ шахова величества смутилъ, и шахово величество по смутѣ къ великому государю нашему къ его царскому величеству показалъ нелюбье, а къ намъ свое нежалованье и многое намъ безчестье учинилъ и въ кормѣхъ скудость великую.

И приставъ Усеинъ бекъ учалъ посломъ говорить: прямо де врагъ нѣхто ненавистникъ промежъ великихъ государей такую смуту учинилъ, а только бъ де не было промежъ великихъ государей смуты, и вамъ бы де

у шахова величества была такая жъ честь и жалованье, какъ и прежнихъ великихъ государей посломъ и посланникомъ. Да и сами де вы у шахова величества слышели, и что онъ съ вами приказывалъ къ царскому величеству, въ чомъ ему, государю, на великого государя вашего досадно.

А Булатъ бекъ учалъ говорить: и мы де видимъ, что шахово величество на васъ кручиноватъ по смутѣ, а язъ де никакъ шахову величеству никакихъ смутныхъ рѣчей не сказывалъ, только де язъ шаху сказалъ, что по моему было приказу въ Астарахани у юртовского татарина купили шаху ястребъ бѣлой, и воеводы де того ястреба велѣли отнять, а того татарина велѣли въ тюрьму посадить. А говорили де воеводы: то заповѣдное, того купить не велѣно. И шаху де то кручинно, что намъ не вольно купить. А купчины де и торговые люди били челомъ шаху сами, что имъ въ Астарахани и въ Казани и въ иныхъ городѣхъ продажи и убытки отъ воеводъ живутъ великіе.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: шахово величество говорилъ мнѣ, Михайлу, съ великимъ гнѣвомъ, будто у великого государя нашего у его царского величества на Москвѣ и въ городѣхъ васъ, пословъ, на дворѣхъ запирали и зъ голоду васъ поморили, и корму вамъ не давали, и людей вашихъ зъ дворовъ не пущали, и купить ничего не давали, а у воротъ стояли многіе приставы. А у великого государя нашего у его царского величества было вамъ великое жалованье и честь, и кормы къ вамъ посылываны многіе и въ запросъ вамъ всякіе запасы даваны, чего похотите, что никоторыхъ государствъ посломъ такова царского величества жалованья и чести не бывало, какая была вамъ у царского величества жалованье и честь. А людей вашихъ на дворѣхъ не запирывали, людемъ вашимъ на Москвѣ и въ городѣхъ повольно было ходить по площеди и по торгомъ, и что хотѣли, то и покупали, ни въ чемъ заказу не было. А стрѣльцы стояли у дворовъ вашихъ у воротъ для береженья, чтобъ вамъ и людемъ вашимъ отъ иноземцовъ и отъ московскихъ людей безчестья никакова не было.

И Булатъ бекъ учалъ говорить: язъ де того не вѣдаю, хто такую смуту шаху нанесъ, а язъ про то ничего шаху не сказывалъ. Да того жъ часу Булатъ бекъ отъ пословъ поѣхалъ къ себѣ.

И приставъ Усеинъ бекъ, идучи за нимъ изъ попаты, тихонько говорилъ Ивану и Михайлу: шахово де величество съ царскимъ величествомъ смутилъ онъ, Булатъ бекъ, и вамъ де было позоръ и безчестье по его смутѣ. Язъ де вамъ и прежъ сего то жъ сказывалъ.

И августа въ 24 день испоганской воевода и колентарь отпу-

стили пословъ, Ивана и діака Михайла, изъ Испогани въ Казбинъ, а съ ними отпустили къ великому государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеи Русіи шахова посла Булатъ бека.

И 128-го сентября въ 1-й день Иванъ и Михайло пріѣхали изъ Испогани въ Казбинъ, а Булатъ бекъ, не заѣзжая въ Казбинъ, поѣхалъ въ свое помѣстье, отъ Казбина верстъ зъ дватцать. И которые посольскіе люди были въ Казбинѣ, сказали Ивану и Михайлу про бѣглыхъ людей, что збѣжали отъ нихъ два литвина, и тѣ де люди не сысканы, и къ дорогѣ де они съ толмачами хаживали многижда и объ людехъ ему говаривали, чтобъ тѣхъ бѣглыхъ людей сыскалъ, и дорога де имъ говорилъ, что однолично бѣглыхъ людей сыщутъ, никакъ не пропадутъ. А передъ вашимъ де пріѣздомъ дорога отказалъ, что людей сыскать ни которыми дѣлы не умѣли: пропали безвѣстно.

А рускіе де люди, которые обусурманены, многіе сказывали, что тѣхъ бѣглыхъ людей дорога сослалъ въ свое помѣстье.

И сентября въ 2 день Иванъ и Михайло послали къ дорогѣ переводчика Милюту Нагаева да толмачей, а велѣли дорогѣ говорить: збѣжали безъ насъ зъ двора два человѣка нашихъ, и люди наши къ тебѣ прихаживали многижда объ тѣхъ бѣглыхъ людехъ тебѣ говорить, чтобъ тебѣ тѣхъ бѣглыхъ людей велѣть сыскать. И ты имъ говорилъ, что люди не пропадутъ, однолично сыщутся, а нынѣча де ты жъ имъ отказалъ, что тѣхъ бѣлыхъ людей нашихъ нѣкоторыми дѣлы сыскать не мочно. Да и къ намъ въ Испогань писали наши люди про тѣхъ бѣглыхъ людей, и мы о тѣхъ бѣглыхъ людехъ приставу Усеинъ беку и Булатъ беку и ближнему шахову человѣку Испендерь беку говорили, чтобъ они наши рѣчи до шахова величества донесли, а шахово бъ величество пожаловалъ, велѣлъ нашихъ людей сыскать и намъ отдать. И приставъ Усеинъ бекъ, и Булатъ бекъ, и Испендерь бекъ намъ сказывали, что они наши рѣчи до шахова величества доносили, и шахово де величество велѣлъ къ тебѣ послати свою грамоту, а велѣлъ тебѣ людей нашихъ сыскати и намъ отдати. Да они жъ, Испендерь бекъ и приставъ, и Булатъ бекъ, намъ сказывали: приказывалъ де къ вамъ шахово величество, что однолично люди ваши не пропадутъ, а мы пріѣхали въ Казбинъ, а бѣглые люди наши не сысканы, а ты де людемъ нашимъ отказалъ, что людей бѣглыхъ нѣкоторыми дѣлы не сыскать.

А прежъ сего великого государя нашего его царского величества у Оббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и николи того не бывало, чтобъ посольскимъ людемъ пропасть безъ вѣдома. И тебѣ, бъ, дорога, промежъ великихъ государей, великого государя нашего

его царского величества и Аббасъ шахова величества, такіе ссоры не учинить, бѣглыхъ людей нашихъ сыскати и намъ отдати.

И того жъ часу переводчикъ Милюта и толмачи къ Ивану и къ Михайлу пришли, а сказали посломъ: по вашему де приказу дорогѣ рѣчи ваши выговаривали, и дорога де намъ сказалъ: прихаживали де ко мнѣ посольскіе люди и сказывали, что отъ нихъ збѣжали два человѣка посолскихъ, и язъ де всякими мѣрами сыскивалъ въ городѣ и въ казбинскомъ уѣздѣ по всѣмъ деревнямъ посылали сыскивать съ великою шаховою заповѣдью, и шахова де грамота о посольскихъ людехъ ко мнѣ прислана, велѣно посолскихъ людей сыскати и отдать ихъ на дворъ къ посольскимъ людемъ. И язъ де вамъ говорю по шаховѣ головѣ, по рускому молыть: по государеву крестному цѣлованью, всякими сыски сыскивалъ въ городѣ и въ уѣздѣ до шаховой грамоты и по шаховѣ грамотѣ, да никакъ де никоторыми дѣлы не сыскалъ и сыскъ мой не взялъ; чаю де того, что воръ которой изъ животовъ передавитъ ихъ и въ землю закопаетъ, и сыскати не мочно. А что де вы говорите, что прежъ сего великого государя вашего у Оббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и того не бывало, чтобъ посольскимъ людемъ пропасть безвѣстно, — и я де и самъ то вѣдаю, что николи того не бывало въ шаховѣ области, чтобъ посолскимъ людемъ пропасть безвѣстно. Да въ томъ де воленъ Богъ да шахово величество, всякими де мѣрами сыскивалъ тѣхъ посольскихъ людей съ великимъ запрещеньемъ, да сыскъ мой не взялъ. А ещо де велю сыскивать и заповѣдывать накрѣпко съ шаховою казнью. Да отказавъ де намъ дорога такіе рѣчи, насъ отъ себя и отпустилъ.

И сентября въ „ “ день пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ, и Иванъ и Михайло учали Булатъ беку говорить: какъ мы были у шахова величества въ Испогани, а безъ насъ въ Казбинѣ сбѣжали нашихъ два человѣка, и людишка наши безъ насъ къ казбинскому дорогѣ и къ колентарю о бѣглыхъ нашихъ людехъ говорили, чтобъ они тѣхъ нашихъ людей велѣли сыскать, а сыскавъ, имъ отдать. И дорога и колентарь тѣхъ нашихъ людишекъ безъ насъ и по сл мѣста не сыскали. А мы въ Испогани тебѣ и приставу о тѣхъ бѣглыхъ людехъ говорили многижда, чтобъ вы рѣчи наши до шахова величества донесли, чтобъ шахово величество пожаловалъ, велѣлъ тѣхъ нашихъ людей сыскати и нашимъ людемъ отдать. И ты, Булатъ бекъ, и приставъ намъ сказывали, что вы до шахова величества рѣчи наши доносили, и шахъ де приказалъ послати къ дорогѣ свою грамоту, а велѣлъ людей нашихъ тотчасъ сыскать и людемъ нашимъ отдать.

Да ты жъ, Булатъ бекъ, намъ сказывалъ, что приказъ тебѣ Аббасъ шахово величество, а велѣлъ съ дорогою одиличио нашихъ людей сыскать и намъ отдать. А нынѣча мы изъ Испогани пріѣхали въ Казбинъ, и тѣ бѣглые люди наши не сысканы, и мы къ дорогѣ посылали переводчика и толмачей, о бѣглыхъ своихъ людехъ велѣли ему говорить, чтобъ онъ людей нашихъ сыскалъ и намъ отдалъ. И дорога переводчику и толмачомъ отказалъ, что никоторыми дѣлы сыскать людей не умѣли и сыскъ его не взялъ. Да намъ же сказываютъ, что тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей сослалъ дорога въ свое помѣстье.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: слышелъ де я, что ваши люди не сысканы, и я де къ дорогѣ поѣду и по шахову приказу объ вашихъ людехъ ему выговорю и самъ съ нимъ людей вашихъ станемъ сыскивать. Да того жъ часу Булатъ бекъ отъ пословъ поѣхалъ къ дорогѣ.

И сентября въ „ “ день Булатъ бекъ пріѣхалъ къ посломъ и говорилъ посломъ: былъ де я у дороги и о вашихъ людехъ говорилъ, для чего онъ вашихъ людей по ся мѣста не сыскалъ? и дорога де мнѣ божитца по шаховѣ головѣ, что сыскивалъ всякими сыски накрѣпко въ городѣ и въ уѣздѣ съ великою заповѣдью, да никоторыми дѣлы не умѣлъ сыскать. А говоритъ де дорога: чаемъ, любо ихъ убили воры изъ платья, или де они въ иной городъ сошли вскорѣ, а въ Казбинѣ де и въ Казбинскомъ уѣздѣ гдѣ они ни маленько не объявились. Да и то де я дорогѣ говорилъ, что вы мнѣ сказывали про свои люди, будто вашихъ людей дорога сослалъ въ свое помѣстье. И дорога де говоритъ: я де у шаха милости не прошу, будетъ объявятца у меня посольскіе люди, безъ милости меня вели шахъ казнить, никако де никоторыми дѣлы и мысли моей не бывало, не токмо что мнѣ такъ сдѣлать: посольскихъ людей подговорить велѣть и въ деревню свою сослать.

Да Булатъ бекъ же сказалъ: послали де мы съ дорогою въ уѣздъ по деревнямъ ещо, а велѣли заповѣдывать накрѣпко объ вашихъ людехъ, да и въ городѣ приказали потому жъ накрѣпко, а велѣли сыскивать вашихъ людей, любо объявятца гдѣ, язъ де, чаю, никакъ люди ваши не пропадутъ.

И сентября жъ въ „ “ день пріѣхалъ Булатъ бекъ къ посломъ и учалъ говорити: сыскивали де вашихъ людей всякими сыски въ городѣ и въ уѣздѣ, никоторыми дѣлы не умѣли людей вашихъ сыскати, нигдѣ не объявливались, пропали безвѣстно.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: какъ такъ, что людей

не сыскать? Прежнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей російскихъ у Аббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и нынѣшняго великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи были у шахова величества посланники, ни надъ кѣмъ того не бывало, чтобъ у пословъ и у посланниковъ людемъ пропасть безвѣстно. Также у прежнихъ великихъ государей нашихъ и у в. государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. отъ Аббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и того ни надъ кѣмъ не бывало, чтобъ у великого государя нашего у его царского величества въ государствѣ посолскимъ людемъ пропасть безвѣстно. Да ты, Булатъ бекъ, у великого государя нашего у его царского величества отъ шахова величества былъ дважды, и надъ тобою того не бывало, чтобъ твой дѣтинка пропалъ безвѣстно. А у насъ нынѣча подговорили дву человѣкъ, да и про то вы по шахову указу не сыскали, и вы то дѣлаете промежъ великихъ государей, великого государя нашего его царского величества и Аббасъ шахова величества, смуту, не хотя ихъ, великихъ государей, видѣть въ братственной дружбѣ и въ любви.

И Булатъ бекъ отказалъ посломъ съ сердца: что жъ де мнѣ дѣлать, коли ваши люди не сыскалися, мнѣ де ихъ гдѣ взяти? Да осердяся, отъ пословъ побѣжалъ и поѣхалъ къ себѣ въ деревню.

И сентября въ „ “ день къ посломъ пріѣхалъ казбинской калентарь Али бекъ да Булатъ бекъ, а съ ними кизылбашенъ человѣкъ съ тритцать. И учалъ колентарь посломъ говорить: шахово де величество писалъ ко мнѣ, а велѣлъ васъ изъ Казбина отпустить, да велѣлъ де мнѣ у васъ пересмотрить людей вашихъ всѣхъ и рухледей вашихъ, пересмотря, смѣтивъ сколко надобно подъ васъ и подъ ваши люди подводъ, и сколько подъ рухледь верблюдовъ надобно, а торговыхъ бы де людей съ вами не было и на шаховыхъ подводахъ не ѣздили, и товаровъ своихъ не возили, а только де у васъ объявятца торговые люди съ товары, и шахъ де у торговыхъ людей товары всѣ велѣлъ поимати на себя.

И Иванъ и Михайло противъ того колентарю говорили: какъ у великого государя нашего у его царского величества отъ шахова величества послы и посланники бываютъ, и по царского величества указу приказные люди посылаютъ къ нимъ приставовъ, а спрашиваютъ у пословъ и у посланниковъ, сколко имъ надобно подводъ, столько имъ и дадутъ, а людей у нихъ не смотрятъ и рухледей ихъ не смѣчаютъ. А намъ то позоръ и безчестье, что вы у насъ хотите людей нашихъ смотрить и рухледи наши смѣчать, а торговыхъ людей съ нами нѣтъ ни одного

человѣка, которые были съ нами пріѣхали для своихъ торговъ, и тѣ всѣ поѣхали въ Астарахань на бусахъ.

И колентарь посломъ говорилъ: коли де вы противъ шахова повеленья стоите, а людей своихъ пересмотрить не дадите, и рухледей своихъ смѣтить не дадите жъ, и вы де живите въ Казбинѣ, а шахъ де вамъ не велѣлъ давати подводъ и корму, и на базарѣ де вамъ продавать хлѣба и никакого съѣстного не велимъ. Да поѣхалъ колентарь отъословъ къ себѣ.

И послы учали говорить Булатъ беку: ты былъ у царского величества и не одинова такова тебѣ безчестья николи не бывало, чтобъ людей твоихъ смотрить и рухледи смѣчать; сколько тебѣ подводъ надобно, и по царского величества указу столько тебѣ подводъ и давано. Для чего нынѣча надъ нами такое безчестье и позоръ дѣлаютъ?

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: чтожъ де мнѣ дѣлать, не отъ меня де то сдѣлалось. Писалъ де шахъ къ колентарю, а велѣлъ у васъ людей пересмотрить и рухледь вашу смѣтить для того, что у шаха подводъ нѣтъ, а наймуютъ лошеди и верблюды дорогою цѣною, для де того шахъ велѣлъ и смѣтить, сколко отъ подводъ дати пайму. А у великого государя вашего въ городѣхъ и промежъ городовъ устроены ямы, и по государеву де указу, сколько кому подводъ указано, столько и дадутъ, а мѣшканья де за подводами нисколько не живетъ, а въ шаховой де области искони того не повелося: въ городѣхъ и промежъ городовъ ямовъ нѣтъ, ѣздятъ де всѣ на наемныхъ подводахъ, а вамъ де за то стоять не за что, что людей вашихъ пересмотрить и рухледь ваша смѣтить. Да изговоря, Булатъ бекъ поѣхалъ отъ словъ къ себѣ въ помѣстье, а помѣстье его отъ Казбина верстъ зъ дватцать.

И сентября въ 9 день Иванъ и Михайло послали толмачей къ дорогѣ и къ колентарю, чтобъ прислали къ нимъ подводы и ихъ бы не держали, по шахову указу изъ Казбина отпущали.

И дорога сказалъ толмачю: писалъ де шахъ о посолскомъ отпускѣ и о подводахъ къ колентарю, а мнѣ де до того дѣла нѣтъ.

А колентарь сказалъ толмачомъ: послы де противно дѣлаютъ, шахова повелѣнья ни слушаютъ, а мнѣ де мимо шахова указу ничего не смѣть сдѣлать: не смотря ихъ людей и рухледи ихъ не смѣтя, ни одной подводы не смѣю дати, и послы бъ не упрямились, а шахова повелѣнья слушали.

И того жъ дни колентарь да Булатъ бекъ пріѣхали къ посломъ и учали говорить: что де вы упрямитеся, шахова указу не слушаете, людей своихъ пересмотрить и рухледи смѣтить не дадите, ещо де

вамъ здѣшнее житье не докучело! только де людей своихъ и рухледи смотрити не дадите, и вамъ де и другая зима здѣся зимовать.

И Иванъ и Михайло стояли о томъ долго и отговаривалися много, чтобъ не дати людей и рухледи пересматривать, да поговоря межъ себя, велѣли всѣмъ людемъ притить къ себѣ. И колентарь людей перечолъ всѣхъ, толмачей и кречетниковъ, и стрѣлцовъ, и князь Михайловыхъ, и Иваповыхъ, и Михайловыхъ людей сочли всѣхъ па лицо сто шеснатцать человѣкъ, а рухледь у всѣхъ перевязана по вьюкамъ. И колентарь смотрилъ вьюковъ и смѣтилъ: подъ рухледь и подъ запасъ надобно сорокъ восмь верблюдовъ, а смѣтя люди и рухледь, колентарь поѣхалъ къ себѣ, а Булатъ бекъ поѣхалъ къ себѣ въ деревню, а посломъ сказали: подводы де къ вамъ и верблюды вскорѣ пришлемъ.

И сентября въ 12 день пришли зъ базару посольскіе люди и сказали Ивану и Михайлу: казбинскіе де приставы па базарѣ поимали сына боярского Дмитрея Хомякова и повели де ево къ колентарю, а того де не сказали, за что его поимали. А того сына боярского князь Михайло Борятинской взялъ въ Казани, ѣдучи въ Кизылбаши, и жилъ онъ у князя Михайла, а въ Казбинѣ князь Михайло его на гостинѣ дворѣ посадилъ въ лавкѣ, продавалъ князь Михайловы соболи и куницы, и всякую рухледь, что у князь Михайла продажного было.

И Иванъ и Михайло того жъ часу толмача Соѳона Огаркова послали къ колентарю, а велѣли ему говорить: для чего приставы па базарѣ поимали сына боярского и повели его къ тебѣ, что до него дѣло?

И колентарь толмачю Соѳону сказалъ: тотъ де человѣкъ не сынъ боярской, торговой человѣкъ, знаютъ де ево въ Казбинѣ, что онъ сидѣлъ на гостинѣ дворѣ въ лавкѣ, продавалъ соболи и куницы и иные товары, а взятъ де онъ по шахову указу: писалъ де ко мнѣ шахъ, что тотъ торговой человѣкъ продалъ сорокъ соболей дешевою цѣною, а такихъ у шаха въ казнѣ пѣтъ, а купилъ де у него тѣ соболи Сарыхозинъ человѣкъ, а далъ десять тюменей, а соболи де судятъ пятидесять тюменей, и онъ де своровалъ: такіе дорогіе соболи продалъ, утаясь, а шаху в-ву не объявилъ, и шахъ де за то его велѣлъ взяти и подержати до сыску. Да колентарь же де говорилъ, чтобы де послы того торгового человѣка животы отдали, а ево де, Дмитрея Хомякова, колентарь отдалъ за пристава. И толмачь Соѳонъ Огарковъ тѣ рѣчи сказалъ Ивану да Михайлу, а Булатъ бека въ тѣ поры въ Казбинѣ не было, съѣхалъ въ свое помѣстье, сына женилъ.

И Иванъ и Михайло къ Булатъ беку въ деревню послали толмача Ивана Сергѣева, а велѣли Булатъ беку говорить: коимъ обы-

чаемъ и для чего колентарь велѣлъ взяти сына боярского и отдалъ за пристава, а называетъ его торговымъ человѣкомъ, а ты самъ ево знаешь, что онъ сынъ боярской, жилъ у князя Михайла.

А къ колентарю послали переводчика Милюту Нагаева да толмачей, а велѣли колентарю говорить: прежъ сего великого государя нашего его царского величества бывали у Аббасъ шахова величества послы и посланники, и такова бесчестья надъ ними не бывало, что ты нынѣча надъ нами учинилъ, людей у пословъ не имывали и за пристава не давали, а ты нынѣча насъ, царского величества пословъ, тѣмъ обесчестилъ, велѣлъ поимати сына боярского, а съ послы не поговоря и не сослався, и вины ево намъ не сказалъ, и то ты дѣлаешь не гораздо, насъ, пословъ, тѣмъ бесчестишь, а называешь того сына боярского торговымъ человѣкомъ, а сидѣлъ де онъ въ лавкѣ и продавалъ соболи и куницы, да будто онъ продалъ дорогіе соболи, такихъ у шаха въ казнѣ нѣтъ, а взялъ дешевую цѣну десять тюменей, и то вы на него затѣваете, а того не бывало. А тотъ сынъ боярской не торговой человѣкъ, а жилъ онъ у посла, у князя Михайла, а сидѣлъ онъ на гостинѣ дворѣ въ лавкѣ не на велико время, продавалъ соболи и куницы князь Михайловы, а какъ испродалъ князь Михайловы соболи, и онъ тотчасъ изъ гостина двора сшолъ, а такихъ онъ соболей не продавывалъ и у князя Михайла такихъ соболей не бывало, каковы ты сказываешь. И тебѣ бы велѣти того сына боярского къ посломъ отпустить, и только не отпустишь того сына боярского, и послы тебѣ велѣли сказать, что намъ изъ Казбина не ѣзживать, а пошлемъ на тебя о своемъ безчестьѣ бити челомъ шаху, что ты у насъ сына боярского велѣлъ поимати и за пристава отдалъ, а называешь его торговымъ человѣкомъ. А хотя бы онъ былъ и торговой человѣкъ, и его было имати не надобно: которая бъ и вина его была, и тебѣ было о томъ прислать къ посломъ, а не поговоря съ послы, его не имати.

И того жъ часу переводчикъ Милюта и толмачи пришли къ посломъ, а сказали, что они у колентаря были и что съ ними приказывали, и они тѣ рѣчи колентарю говорили. И колентарь де имъ отказалъ: присылаютъ де ко мнѣ послы и приказываютъ съ кручиною, что язъ у нихъ взялъ торгового человѣка, а онъ сынъ боярской, а не торговой человѣкъ, и язъ де того не знаю, сынъ боярской ли онъ, или торговой человѣкъ, только де всѣ казбинскіе торговые люди ево знаютъ, что онъ сидѣлъ на караванъ сараи въ лавкѣ и продавалъ соболи и куницы и иные товары. А приказы-

ваютъ де ко мнѣ, что язъ ихъ тѣмъ обесчестилъ, взялъ у нихъ сына боярского, съ ними не поговоря, и язъ де то сдѣлалъ, велѣлъ взяти того торгового человѣка и за пристава отдалъ по шахову указу: писалъ де ко мнѣ шахъ грамоту, а велѣлъ пословъ изъ Казбина отпустить тотчасъ, а того торгового человѣка, которой у посла жилъ, велѣлъ оставить до сыску, а безъ шахова де указу какъ было мнѣ такъ учинить, что у пословъ человѣка взяти! мнѣ де на пословъ и зрѣть не смѣть, не токмо что было у нихъ взяти человѣка. Да послы жъ де съ вами приказываютъ, хотятъ на меня къ шаху посылать бить челомъ, что язъ тѣмъ ихъ обесчестилъ, что у нихъ взялъ человѣка, а сами де не хотятъ изъ Казбина ѣхать, и въ томъ де послы вольны: хотятъ ѣдутъ, хотятъ не ѣдутъ. А къ шаху де посылаютъ бить челомъ, язъ де того не боюся: велѣлъ де язъ поимать торгового человѣка и за пристава дать по шахову указу безстрашно, а не хотятъ де послы изъ Казбина ѣхать, и то де въ ихъ волѣ: по ся де мѣста имъ корму не давано, а впередъ также ничего не дадутъ, и на базара де закажемъ, продавать отнюдь ничего не велимъ за ихъ упрямство.

И сентября въ 13 день пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ, и послы учали говорить Булатъ беку: коимъ обычаемъ у насъ колентарь велѣлъ поимать сына болярского, а называетъ его торговымъ человѣкомъ, а ты вѣдаешь самъ, что онъ сынъ боярской, а не торговой человѣкъ, жилъ у князя Михайла, а продавалъ князь Михайловы соболи. А хотя бъ и торговой человѣкъ былъ, а съ нами пріѣхалъ, и вина бъ его которая была, и колентарю было, не поговоря съ нами и не объявя намъ вины его, торгового человѣка не имати, а насъ тѣмъ не бесчестить.

И Булатъ посломъ говорилъ: язъ де вамъ сказываю: былъ де язъ у колентаря и говорилъ ему по вашему приказу, что вы ко мнѣ съ толмачомъ приказывали, и колентарь де показывалъ мнѣ шахову грамоту, а пишетъ де къ нему шахъ: которой торговой человѣкъ жилъ у большого посла, и шахъ де велѣлъ его взять и за пристава дати для того, что онъ продалъ дорогіе соболи дешевою цѣною, а шаху тѣхъ дорогихъ соболей не объявилъ. И язъ де колентарю говорилъ и то ему сказывалъ, что тотъ не торговой человѣкъ, а жилъ онъ у посла, у князя Михайла. И колентарь мнѣ говорилъ: казбинскіе де торговые люди многіе его знаютъ, что онъ сидѣлъ на корванъ сарай въ лавкѣ, продавалъ соболи, язъ де того не вѣдаю: князь Михайловы-ль онъ соболи продавалъ, или свои, а иныхъ де кромѣ его торговыхъ людей у пословъ нѣтъ, и вамъ бы де затѣмъ не мѣшкать, ѣхати впередъ, а сво де шахъ велитъ за

вами вскорѣ отпустить. Колентарь де и язъ къ шаху писали, что тотъ человѣкъ не торговой, жилъ у посла у князя Михайла, сынъ боярской, а продавалъ онъ князь Михайловы соболи, а не свои. И Иванъ и Михайло противъ того Булатъ беку говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, тѣмъ насъ велѣлъ обсчестить, что у насъ велѣлъ человѣка взяти и за пристава отдати, а прежъ сего царского величества надъ послы и надъ посланники такова бесчестья не бывало, что надъ нами учинилось, и намъ изъ Казбина не ѣзживать, а только намъ ѣхати, а того сына боярского у колентаря оставить, а безъ насъ колентарь того сына боярского по невоѣ обусурманитъ, и намъ отъ царского величества быть въ опалѣ.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: и не мните де себѣ того, что колентарю того сына боярского обусурманить, на мнѣ де вамъ то, что однолично шахъ того сына боярского тотчасъ велитъ отпустить, котораго часу моя грамота къ шаху придетъ, и онь де васъ однолично въ Шемахѣ доѣдетъ, а вамъ бы де въ Казбинѣ долго за тѣмъ не жить, ѣхать, не мѣшкая, потому что зимней путь ближетъ. А тотъ де сынъ боярской однолично за вами будетъ. А только де заупрямитеся, а изъ Казбина не поѣдете, и вамъ де въ Казбинѣ зимовать. А корму де вамъ шахъ не велитъ давать за ваше упрямство. Да говоря, Булатъ бекъ поѣхалъ отъ пословъ въ деревню свою, а посломъ говорилъ, чтобъ де вамъ однолично сбиратися и ѣхать, затѣмъ не мѣшкать

И послы въ Казбинѣ жили десять денъ, а корму не давали, и пришли къ посломъ толмачи и кречетники, и стрѣлцы и учали Ивану и Михайлу говорить: что де мы живемъ за однимъ человѣкомъ, а мы всѣ голодомъ помираемъ, что де у насъ было своего рухледишка, и то де проѣдена, а нынеча де намъ корму не даютъ, а у насъ ни у кого ничего нѣтъ, и купить нечѣмъ. Шаховъ де посолъ Булатъ бекъ идетъ къ царскому величеству съ вами вмѣстѣ, а говоритъ вамъ: на себя то перенмаетъ, что однолично того сына боярского шахъ за вами тотчасъ велитъ отпустить. А вамъ де для чего въ Казбинѣ жити? чтобъ де вамъ ѣхать, а насъ зъ голоду не поморите. А хотя де что шахъ и учинитъ надъ сыномъ боярскимъ, и у царского величества шаховъ посолъ будетъ и купчины, и царское де величество за то не учнетъ молчать шахову послу и купчинамъ.

И Иванъ и Михайло къ колентарю посылали переводчика и толмачей многожда и Булатъ беку говорили, чтобъ колентарь того сына боярского Дмитрея Хомякова отпустилъ, и колентарь отказывалъ, что никакъ безъ шахова указу отпустить его не мочно, а Булатъ бекъ,

пріѣзжая къ посломъ, говоритъ тожъ, что колентарю никакъ безъ шахова указу сына боярского отпустить не мочно. А вамъ бы де однолично ѣхать, не мѣшкая. А язъ де вамъ говорилъ и нынѣча то жъ говорю: кой часъ мою грамоту до шаха донесутъ, тотчасъ шахъ велитъ того сына боярского отпустить, то де вамъ на себя переимаю, велите де подводы имать и чтобъ ѣхать, не мѣшкая.

И Иванъ и Михайло стояли о томъ много и межъ себя поговорили, послали къ Булатъ беку, чтобъ прислали къ нимъ подводы.

И сентября въ „ “ день пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ, а за нимъ привели подводы, и учалъ посломъ говорить: собрали де подъ васъ и прислали къ вамъ семдесятъ пять лошадей да подъ рухледь сорокъ четыре верблюды, и вамъ бы де велѣти лошеди и верблюды взяти и роздати кому сколько надобно.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку учали, говорить: вѣдаешь ты и самъ, что у насъ сто шестнатцать человѣкъ, а привелъ ты къ намъ семдесятъ пять лошадей, и намъ на нихъ не поднятися, и тебѣ бъ съ колентаремъ поговорить, а подводъ намъ прибавить.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: вѣдаете и вы сами, что у шаха подводы наймуютъ дорого, и вамъ бы де людей своихъ молодыхъ посажати по верблюдомъ, а больши де вамъ того лошадей не будетъ. Да сказалъ Булатъ бекъ посломъ: язъ де ѣду въ деревню свою, а съ вами де для корму оставливаю человѣка своего, а деревня де моя по дорогѣ куды вамъ ѣхати, и язъ де васъ на дорогѣ съѣду. Да поѣхалъ Булатъ бекъ отъ пословъ къ себѣ въ помѣстье.

И Иванъ и Михайло послали къ колентарю толмачей, а велѣли говорить: вы сами видѣли всѣхъ посолскихъ людей и перечитали сто шестнадцать человѣкъ, а прислали подводъ семдесятъ пять лошадей, и намъ на тѣхъ лошедяхъ не поднятись, и вамъ бы лошедей прибавить, чтобъ на чомъ было намъ поднятись.

И толмачи пришли къ посломъ, а сказали: мы де вашъ приказъ колентарю выговорили, и колентарь де намъ сказалъ: собрали де подъ пословъ девяносто лошадей, и я де всѣ тѣ лошеди хотѣлъ послати къ посломъ, и Булатъ бекъ де изъ тѣхъ лошадей выбралъ себѣ пятнатцать лошадей лутчихъ, а къ посломъ де повелъ съ собою семдесятъ пять лошадей, а сказалъ де мнѣ, что посломъ мочно поднятися и на тѣхъ лошедяхъ, да и самъ де поѣхалъ въ деревню, и мнѣ больши того за Булатъ бековымъ словомъ ни одной лошеди прибавить не мочно, и посломъ де бы ѣхать на тѣхъ лошедяхъ, что къ нимъ отвелъ Булатъ бекъ.

Да того жъ дни колентарь прислалъ къ посломъ кормъ: четыре бараны, двѣнатцать куровъ, три батмана масла, четыре батмана пшена, дватцать батмановъ лепешекъ.

И Иванъ и Михайло послали къ колентарю толмача Ивана Сергѣева, а велѣли ему говорить, что того корму мало, и взяти намъ того печего, чтобъ корму прибавили.

И того жъ часу толмачь пришолъ отъ колентаря и сказалъ Ивану и Михайлу, что онъ у колентаря былъ и по вашему приказу колентарю о корму говорилъ. И колентарь де сказалъ: привезъ де ко мнѣ Булатъ бекъ шаховъ указъ, а велѣно де давать посломъ корму по пяти барановъ на день, да по пяти батмановъ масла, да по осми батмановъ пшена, по тритцати батмановъ хлѣба, по дватцати куровъ, по двѣнатцати батмановъ шарапу, и уксусъ, и чеснокъ, и лукъ. И язъ де по шахову указу велѣлъ кормъ весь собрать и къ посломъ отослати, и изъ того де изъ посольского корму Булатъ бекъ себѣ велѣлъ имати по барапу, а масла и пшена, и хлѣбовъ, и куровъ и всякого корму велѣлъ имати къ себѣ половину, а шарапъ де велѣлъ къ себѣ жъ имати.

И послы, изготовясь и купя запасъ на дорогу, потому что корму даютъ мало, и пошли изъ Казбина сентября въ 16 день въ Родевиль, а ѣхали мимо шаховыхъ городовъ Валгата да Салтанею, да Зенчу, а изъ Зенчи въ Родевиль.

А въ дорогѣ посломъ Булатъ бекъ кормъ давалъ по тому, что въ Казбинѣ давано скудно, и себѣ изъ того кормуималъ половину.

И пришли въ Родевиль октября въ 1-мъ числѣ, а изъ Родевиля ханъ и колентарь отпустили Ивана и Михайла въ Шемаху октября въ 8-мъ числѣ, и не доѣзжая Шемахи, съ послѣдняго стану изъ арменскіе деревни послалъ Булатъ бекъ въ Шемаху къ Исупъ хану человѣка своего Тушманка, а велѣлъ Исупъ хану про Ивана и про Михайла, и про себя сказать.

И человѣкъ Булатъ бековъ Тушманко изъ Шемахи отъ Исупъ хана пріѣхалъ и сказалъ, что Исупъ ханъ вѣлѣлъ посломъ и Булатъ беку итить въ Шемаху, а встрѣча де посломъ будетъ за городомъ. И Иванъ и Михайло и Булатъ бекъ пошли къ городу къ Шемахѣ, и не доѣзжая Шемахи верстъ за пять, встрѣтили Ивана и Михайла приставъ Поло(тъ) ханъ, а съ нимъ бековъ пять человѣкъ, и посломъ отъ Исупъ хана правили челобитье и спрашивали Ивана и Михайла о здоровьѣ, а говорилъ: Исупъ де ханъ велѣлъ вамъ говорить, чтобъ де вы ѣхали потише, потому что будетъ вамъ изъ Шемахи встрѣча, а мнѣ де Исупъ ханъ велѣлъ у васъ быть въ приставехъ.

И Иванъ и Михайло Полотъ хану говорили: мы на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ. Да ссѣдчи съ лошадей, перемѣнили платье, а перемѣня платье, поѣхали въ Шемаху. И не доѣзжая до Шемахи версты за двѣ, прислалъ изъ Шемахи Исупъ ханъ къ приставу Полотъ хану Али бека и велѣлъ съ послы итить въ городъ, а встрѣча де имъ готова. И не доѣзжая Шемахи за полверсты, встрѣтили Ивана и Михайла шемахинской колентарь Баатырь да везирь Усеинъ бекъ, а съ ними капычѣйскіе аги и беки человѣкъ зъ двѣсти. И съѣхався съ Иваномъ и съ Михайломъ на лошедяхъ, учали говорить: Исупъ де ханъ велѣлъ васъ встрѣтить и о здоровьѣ спросить: здорово ль дорогою ѣхали? и дворы де вамъ въ городѣ готовы, гдѣ вамъ стояти.

И Иванъ и Михайло противъ того колентарю и везирю говорили: мы на шаховѣ любви челомъ бьемъ. Да поѣхали колентарь и везирь съ послы въ городъ вмѣстѣ и посадомъ ѣхали, и провожали пословъ до дворовъ.

И того жъ дни приставъ Полотъ ханъ привезъ къ посломъ отъ хана кормъ, то жъ, что дано въ Казбинѣ и въ дорогѣ давано.

И послы приставу Полотъ хану учали говорить: вѣдаешь ты самъ, какъ мы были прежъ сего въ Шемахѣ, и намъ корму отъ хана приваживали болши того, а въ дорогѣ намъ корму давано скудно, а нынѣ намъ того корму мало жъ.

И приставъ Полотъ ханъ посломъ говорилъ: приказалъ де къ вамъ ханъ, чтобъ де вамъ велѣти кормъ имати по тому жъ, что вамъ давано въ Казбинѣ и въ дорогѣ, а мимо де Булатъ бекова слова хану корму вамъ прибавить не умѣть. А Булатъ бекъ де былъ у хана и хану говорилъ, чтобъ больши того корму вамъ не прибавливалъ, по чему давано въ дорогѣ. А приказалъ де къ вамъ ханъ сверхъ того корму: язъ буду вамъ бить челомъ своимъ, что у него есть.

И Иванъ и Михайло велѣли кормъ взяти.

И октября въ 23 день пріѣхали къ Ивану и къ Михайлу Булатъ бекъ да везирь Усеинъ бекъ, да приставъ Полотъ ханъ и учали посломъ говорить: велѣлъ де вамъ бить челомъ Исупъ ханъ, чтобъ вамъ севодни у него хлѣба ѣсть, и вамъ бы де пожаловать, севодни у хана быть, а хану де добрѣ съ вами хочетца видѣть, а какъ де будетъ время, и мы де по васъ будемъ съ лошедьми.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку и Усеинъ беку и Полотъ хану сказали: на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ, а къ Исупъ хану мы ѣдемъ.

Да Иванъ же и Михайло Булатъ беку говорили: взялъ у насъ

въ Казбинѣ колентарь сына боярского Дмитрея Хомякова, а ты намъ говорилъ, что колентарь того сына боярского отпуститъ за нами вскорѣ, и по ся мѣста тотъ сынъ боярской къ намъ не бывалъ.

И Булатъ бекъ сказалъ посломъ: вы де о томъ не кручиньтеся, а однолично того сына боярского за вами вскорѣ отпустятъ и будетъ къ вамъ не вдолгѣ. Да поѣхали везирь и Булатъ бекъ отъ пословъ къ хану.

И того жъ дни за часъ до вечера пріѣхалъ къ Ивану и къ Михайлу Булатъ бекъ да везирь, да приставъ Полотъ ханъ и говорили: прислалъ де къ вамъ Исупъ ханъ лошеди и велѣлъ васъ звати, чтобъ вамъ ѣхать къ нему.

И Иванъ и Михайло зъ Булатъ бекомъ да съ везиремъ и съ приставомъ Полотъ хапомъ поѣхали къ Исупъ хану, и у Исупъ хана были и у него ужинали, и Исупъ ханъ подчивали. И говорилъ Исупъ ханъ Ивану и Михайлу, стоячи: городъ де государя нашего шахъ Аббасова величества Шемаха великого государя вашего зъ землею смежно, и мы де холопи опчіе ихъ, великихъ государей, и сколко де я хочю добра великому государю своему, столко жъ де хочю добра великому государю вашему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи, а межъ бы де великихъ государей нашихъ братственная дружба и любовь во вѣки не нарушалась, но и паче прибавливалась, и на томъ де пью за здоровье великого государя вашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, чтобъ онъ, великій государь, былъ на своихъ преславныхъ великихъ государствахъ во многолѣтномъ здравьѣ, и смуты де межъ ими, великими государи, учинить не хочю, а кто де межъ ими, великими государи, смуту учинитъ, и тому де отъ Бога не пробудетъ и чтобъ де ему и въ адѣ мѣста не было.

И Иванъ и Михайло Исупъ хану говорили: отъ великого государя нашего его царского величества у Аббасъ шахова величества прежъ насъ были его посланники, и Аббасъ шахово величество для великого государя нашего его царского величества братственные дружбы и любви тѣхъ посланниковъ жаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ и честь имъ была, и въ кормѣхъ достатки, и во всемъ было къ нимъ береженье. А мы отъ великого государя своего, отъ его царского величества, къ Аббасъ шахову величеству присланы для братственные дружбы и любви и для ихъ государскихъ и земскихъ великихъ дѣлъ, чтобъ ноипаче была ихъ государская братственная дружба и любовь. И Аббасъ шахово величество по смутѣ враговъ и непавистниковъ, которые, не хотя видѣть великихъ государей нашихъ въ братственной

дружбѣ и любви и повѣря имъ, врагомъ, къ великому государю нашему его царскому величеству показалъ нелюбье, а къ намъ немплость многая, безчестье и позоръ велѣлъ надъ нами учинить и въ кормѣхъ великую скудость и недостатки, и людей отъ насъ подговорили, и тѣ люди наши не сысканы, а послѣднее въ Казбинѣ колентарь велѣлъ у насъ поимать сына боярского и отдать за пристава, и велѣлъ его оковать и его оставилъ. А указываютъ на него вину, чего и не бывало, затѣевъ своимъ бездѣльемъ. Великого государя нашего его царского величества во многихъ государствахъ бываютъ послы и посланники, и во всѣхъ государствахъ великого государя нашего его царского величества пословъ и посланниковъ великіе государи для великого государя нашего его царского величества честь имъ воздаютъ, и береженье къ нимъ бываетъ великое, а намъ у Аббасъ шахова величества въ его государствѣ многое безчестье и позоръ и тѣспота была, что николи ни надъ кѣмъ того не бывало.

И Исупъ ханъ посломъ говорилъ: язъ де вѣдаю прямо такъ, какъ вы говорите. Аббасъ шахово величество, повѣря вражьей смутѣ, къ вамъ показалъ свою немилость. Только де впередъ великіе государи наши будутъ по прежнему въ братственной дружбѣ и въ любви, а которой де врагъ межъ ихъ великихъ государей смуту учинилъ, и тотъ де врагъ за свои неправды вскорѣ пропадетъ. А котораго де человѣка у васъ колентарь оставилъ, и того де человѣка за вами вскорѣ къ вамъ отпустятъ; язъ де про то вѣдаю.

А Булатъ бекъ въ тоѣ пору говорилъ: я де шахову величеству никакихъ смутныхъ рѣчей не говаривалъ, а что де видѣлъ и слышелъ, и я де про то про все шаху сказывалъ.

И Исупъ ханъ говорилъ: хто де ненавистникъ промежъ великихъ государей смуту учинилъ, и про то де вскорѣ сыщется, и тому де ненавистнику отъ шахова величества не пробудетъ.

Да Исупъ же ханъ учалъ говорить посломъ: великого де государя вашего торговые люди пріѣзжаютъ въ государя нашего въ шахъ Аббасову область, а напередъ де пріѣзжаютъ въ Шемаху и иные де ѣздятъ по городомъ, а иные въ Шемахѣ торгуютъ, и язъ де, Богъ видитъ, берегу великого государя вашего торговыхъ людей также, какъ и шаховыхъ людей; мнѣ де всѣ ровны, какъ шахъ Аббасовы люди, такъ и великого государя вашего люди: ко всѣмъ де ровно береженье держу и приказываю всякимъ людемъ накрепко, чтобъ отнюдь нихто ничѣмъ великого государя вашего торговыхъ людей не обидили; а самъ де къ нимъ по тому жъ честь и береженье держу. Не попусти де меня

Богъ, будетъ похочю чѣмъ которого торгового человѣка изобидить. Да вы де спрашивайте великого государя своего торговыхъ людей, которые въ Шемахѣ торгуютъ и которые мимо Шемахи ѣздили, кто чѣмъ въ Шемахѣ изобиженъ?

И Иванъ и Михайло Исупъ хану говорили: слышели мы у торговыхъ людей, которые зимовали въ Шемахѣ, торговали, и которые мимо Шемахи ѣздили по городомъ, торговали, и они намъ сказывали про твое береженье, а обидъ никакихъ не сказывали, твоею добродѣтелью хвалятца. А какъ, дастъ Богъ, увидимъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества пресвѣтлые очи, и мы про твое береженье до царского величества людей донесемъ.

И Исупъ ханъ посломъ говорилъ: язъ де вамъ и говорю, чтобъ де вамъ до великого государя своего его царского величества моя работа донести и его государевымъ ближнимъ людемъ росказати.

И сидѣли послы у хана часовъ съ пять и поѣхали отъ хана, а до двора провожали пословъ Булатъ бекъ да приставъ Полотъ ханъ, да хановы люди съ свѣчами.

И октября въ 26 день Иванъ и Михайло отпустили изъ Шемахи ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи съ отписками толмача Гаврила Еспова, а съ нимъ послали до Терка проводить астараханскихъ стрѣлцовъ десять человѣкъ, а Исупъ ханъ подъ толмача и подъ стрѣльцовъ далъ подводы и провожатыхъ до Дербени и до Тарковъ.

И ноября въ 2 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ подводы и верблюды, и Иванъ и Михайло велѣли подводы и верблюды взять и роздати.

А жили послы въ Шемахѣ ноября по 3 день, а были у хана трожды, ѣли, а ханъ радъ добрѣ посольскому пріѣзду и подчивалъ гораздо.

И того жъ дни пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ да приставъ Полотъ ханъ, да привезъ къ посломъ дары, а говорилъ Булатъ бекъ: Исупъ де ханъ для вашіе любви прислалъ къ вамъ дары. Да къ Ивану поднесъ камку кизылбашскую по серебреной землѣ, да двѣ кутни, да дороги. А къ Михайлу поднесъ камку червчату казылбашскую да дороги, да кутню. Да переводчику Милютѣ дороги, да киндякъ. Да толмачю Ивану Сергѣеву дороги.

Да Булатъ бекъ же говорилъ посломъ: чтобъ де вамъ подождати немного, а будетъ де къ вамъ ханъ и провожати де ему васъ за городъ.

И немножко погодя, пріѣхалъ къ посломъ Исупъ ханъ, а съ нимъ пріѣхалъ сынъ ево да многіе съ нимъ пріѣхали за ними капычѣйскіе аги и беки, и послы ево встрѣтили по обычею передъ полатою и пошли съ нимъ въ полату. И учалъ Исупъ ханъ посломъ говорить: лзъ де пріѣхалъ къ вамъ и съ сыномъ своимъ съ вами простится и на вашей любви вамъ бить челомъ и васъ проводить.

И Иванъ и Михайло противъ того Исупъ хану говорили: мы тебѣ на твоей любви челомъ бьемъ, что ты къ намъ прислалъ зъ дарами и самъ къ намъ пріѣхалъ.

И учали послы хана и сына его подчивать, и сидѣлъ ханъ у пословъ съ часъ, и Иванъ хана дарилъ, поднесъ къ нему пищаль да кубокъ серебренъ, да оопарь слюденой о пяти верхахъ, и Исупъ ханъ, принявъ Ивановы дары, говорилъ: язъ де на вашей любви челомъ бью, что де учинили любительнымъ обычаемъ.

И Иванъ и Михайло поѣхали изъ города, а Исупъ ханъ поѣхалъ провожать, а съ нимъ человѣкъ зъ двѣсте, и провожалъ отъ города съ версту и, простясь съ послы, поѣхалъ къ себѣ, а послы пошли въ городъ въ Шеврапъ. А Булатъ бекъ поѣхалъ съ послами вмѣстѣ. И шли горами три дни, а ноября въ 7-мъ числѣ пришли въ городокъ въ Шеврякъ, а изъ Шеврани пошли въ Дербень и, не доѣзжая Дербени за полгоры версты, встрѣтилъ Ивана и Михайла дербенской юзбаши, а съ нимъ бековъ человѣкъ со сто, да пѣшихъ людей человѣкъ съ пятьдесятъ. И ѣхали съ Иваномъ и съ Михайломъ беки до двора, а пришли въ Дербень ноября въ 10-мъ числѣ. А изъ Дербеня Байгурда салтанъ отпустилъ Ивана и Михаила ноября въ 12-мъ числѣ. И провожалъ версты съ три салтанъ самъ, а съ нимъ бековъ человѣкъ съ триста. И ѣхали Иванъ и Михайло изъ Дербени шаховою землею черезъ Каракамелы до Уцмы князя кайдатцкого, а изъ Каракамеловъ ѣхали на Буйнаки, а съ Буйнаковъ пришли ноября въ 15-мъ числѣ, и не доѣзжая Тарковъ съ версту, встрѣтилъ пословъ Илдаръ князь кумытцкой, и съѣхався Илдаръ съ послы на лошедяхъ, и поѣхалъ съ послы въ Тарки и провожалъ пословъ до дворовъ, а проводя пословъ, поѣхалъ къ себѣ въ городокъ.

И ноября въ 16-мъ числѣ Иванъ и Михайло посылали къ Илдару толмача Ивана Есипова, а велѣли Илдару говорить, чтобъ Илдаръ поѣхалъ къ посломъ и съ ними видѣлся.

И того жъ часу Илдаръ князь къ Ивану и къ Михайлу пріѣхалъ, и Иванъ и Михайло учели Илдару говорить: послана съ нами великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича

всеа Русіи его царского величества грамота брату твоему, Гирѣю, князю кумытцкому въ то время, какъ мы отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи отъ его царского величества къ шахъ Аббасову величеству отпущены вмѣстѣ съ шахъ Аббасовыми послы, съ Кая салтаномъ да съ Булатъ бекомъ. И шаховы послы похотѣли итить моремъ, и въ то время мы до шаховы земли шли моремъ, а брата твоего Бекъ Гирѣя князя не стало, а на его мѣсто учинился ты, Айдаръ князь, а насъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи къ его царскому величеству шахъ Аббасъ отпустилъ сухимъ путемъ, и по ся мѣста намъ были подводы шаховы, и тѣ подводы у насъ Булатъ бекъ емлетъ. И тебѣ бъ, Илдаръ князь, великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи служба своя показати, а насъ въ Таркахъ не задержати, подводы намъ и кормъ дати. Да отдали Илдару великого государя цэря и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамоту, что послана была къ брату его, Гирѣю, князю кумытцкому. Илдаръ, принявъ государеву грамоту, поцѣловавъ, положилъ на голову и сѣлъ на колѣнкахъ. И вставъ, учалъ говорить: топерво де со мною такова человѣка нѣтъ, кому великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества грамота вычесть, а какъ де я великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества грамоту выслушаю, и я де къ вамъ пріѣду завтра и о вашемъ отпускѣ и о подводахъ съ вами переговорю. И послы Илдара подчивали, и поѣхалъ отъ пословъ Илдаръ пьянъ, а про кормъ приказалъ узденю своему Куршиту, а велѣлъ кормъ давать тѣмъ людемъ, у которыхъ послы стояли. А переводчика и толмачей, и кречетниковъ, и подьячихъ, и стрѣлцовъ, и посолскихъ людей розвели по дворомъ, да велѣли кормить. Да отъ себя Илдаръ прислалъ Ивану и Михаилу по барану, да козелъ.

Да крымской Шанъ Гирѣй царевичь прислалъ съ Коробудакъ къ Ивану и къ Михаилу два барана да козелъ, да дватцать батмановъ жита.

И Иванъ и Михайло корму у Илдара имати не велѣли, потому что почели давать мало, а лепешки просяные, а дурны добрѣ, а кормили всякихъ людей своимъ запасомъ, что лучилось.

Да того жъ дни Иванъ да Михайло послали къ Илдару поминки. Иванъ послалъ однорядку — мясной цвѣтъ, завязки шолкъ съ золотомъ, кружево золотное, а Михайло послалъ каѳтанъ—камка шолкъ червчатъ да лазоревъ.

И ноября въ 17 день къ Ивану и къ Михайлу Илдаръ князь пріѣхалъ, и Иванъ и Михайло учели Илдару говорить: дали мы тебѣ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества грамоту, и ты тоѣ государеву грамоту вычелъ ли? и будетъ вычелъ, и ты насъ не держи, подводы подъ насъ вели собрать и насъ къ великому государю нашему отпускай, чтобъ намъ за подводами не замотчать; а и корму ты намъ велѣлъ давать скудно, и сытимъ тѣмъ кормомъ быть не чѣмъ.

И Илдаръ сказалъ: великого де государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества грамоту я вычелъ и съ своими узденями о вашемъ отпускѣ и о подводахъ говорилъ, и язъ де вамъ сказываю по шаховѣ головѣ, а по русски молвить: по государеву крестному цѣлованью, уздени мои мнѣ отказали: подводъ де у насъ подъ пословъ нѣтъ, и напередъ де сего которые великого государя гонцы и посланники хаживали на Терку, и имъ де подводъ въ Таркахъ не давывали, а наймовали де они подводы въ Таркахъ сами, а послы де на Терку и не хаживали. А нынѣ де на Тарки дорогу прокладываютъ вновѣ, и вы де сами у узденей подводъ просите или наймуйте, а теперво де со мною лутчихъ узденей есть человѣкъ зъ десять, и вы де имъ о подводахъ говорите, а корму де мнѣ больши того давать нечего, взять негдѣ, что де у насъ есть, тѣмъ васъ и подчиваемъ, а подводъ де силою у узденей взять не мочно. Да велѣлъ кликнуть къ себѣ узденей своихъ.

И Иванъ и Михайло учели говорить Илдару и Илдаровымъ узденямъ, чтобъ Илдаръ и ево уздени великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи его царскому величеству службу свою показали, подводы бъ подъ насъ и подо всякихъ государевыхъ людей, которые нынѣ съ нами, и подъ нашихъ людей дали, и насъ бы изъ Тарковъ отпустили на Теркъ, не издержавъ. И уздени сказали: напередъ де сего на Тарки послы не хаживали, а которые гонцы и посланники на Тарки ѣзживали, и мы де имъ подводъ не давывали, а вамъ де у насъ подводъ нѣтъ же. И вы де собѣ подводы наймуйте, а наймутца де у васъ до Аксайского култука, а отъ Тарковъ де Оксайской култукъ семдесятъ верстъ. А Илдалъ учелъ Ивану и Михайлу говорить: я де вамъ челомъ бью: трое лошадей да пять телѣгъ зъ быками, Ивану двѣ подводы да три телѣги, а Михайлу лошедь да телѣга, а больши де того у меня лошедей нѣтъ и взяти мнѣ негдѣ.

И Иванъ и Михайло велѣлъ лошеди наймовать, и Илдаръ своимъ узденямъ велѣлъ найму имать отъ верховые лошеди до Аксайского култука

на семдесятъ верстъ по два киндяка, а отъ телѣги зъ быками по четыре киндяка, а меньши того имать не велѣлъ.

И Иванъ и Михайло наняли подъ себя и подъ людей свои лошеди, а подъ рухледь телѣги зъ быками, а давали найму отъ Тарковъ до Аксайского култука на семдесятъ верстъ отъ верховые лошеди по два киндяка, а отъ телѣги по четыре киндяка. А переводчикъ и толмачи, и кречетники, и подъячіе, и стрѣлцы по тому жъ наймовали лошеди и телѣги, а шахову послу Булатъ беку Илдаръ князь давалъ лошеди и телѣги зъ быками, а иныя лошеди и телѣги Булатъ бекъ наймовалъ по тому жъ.

И какъ напели лошеди и телѣги, и послы пошли изъ Тарковъ ноября въ 19 день, а Булатъ бекъ съ послы жъ поѣхалъ изъ Тарковъ вмѣстѣ, а Илдаръ прислалъ къ посломъ узденя своего Куршита. А говорилъ посломъ Куршитъ: прислалъ де къ вамъ Илдаръ князь, а велѣлъ вамъ говорить, чтобъ де вамъ не покручинитца, не будетъ провожать, нелзѣ де ему на лошедь сѣсть: вчерась де у Булатъ бека пилъ и ѣхалъ отъ него пьянъ, да убился съ лошеди и росшибъ де ногу. А посылаетъ де съ вами провожать васъ до Аксайского култука и до Терка сына своего Амерь хана, а съ нимъ узденей.

И какъ послы изъ Тарковъ (пошли), и ночевали отъ Тарковъ верстъ зъ десять. А въ ночи пріѣхалъ къ посломъ Илдаровъ сынъ Амирь ханъ, да съ нимъ узденей десять человѣкъ и провожали пословъ до култука.

А въ култукъ пришли послы ноября въ 25-мъ числѣ.

И того жъ дни къ Ивану и къ Михайлу въ култукъ прислалъ съ Терка воевода Микита Вельяминовъ сотника Ивана Михайлова степью, а съ нимъ, сотникомъ, семдесятъ человѣкъ стрѣльцовъ, а сказалъ Ивану и Михайлу: что де вы послали ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи съ отписками толмача Гаврила Еспова, и Микита де Вильяминовъ толмача Гаврила Еспова ко государю съ отписками не отпустилъ, потому что морской ходъ миновался. А подъ васъ де послалъ струги въ култукъ, а въ стругѣхъ де будетъ къ вамъ сотникъ стрѣлетцкой Родивонъ Горбатой. А струги де подъ васъ послалъ для того, что на Теркѣ подводъ столько нѣтъ, поднять васъ и кизылбашского посла не на чомъ, а култукомъ де въ стругѣ проѣхать мочно.

И ноября въ 26-мъ числѣ пришолъ сотникъ Родивонъ Матвѣевъ сынъ Горбатого и сказалъ Ивану и Михайлу: прислалъ де меня къ вамъ съ Терка воевода Микита Вельяминовъ, а со мною де прислалъ

подъ васъ и подъ князь Михайлово тѣло и подъ Булатъ бека и подъ кречетниковъ и подъ толмачей четыре струга.

И того жъ дни Иванъ и Михайло велѣли рухледь свою и Булатъ бекову въ струги возить, и сами и Булатъ бекъ въ струги сѣли и пошли на Терекъ, а пришли на Терекъ ноября въ 29-мъ числѣ.

А съ Терка въ Астарахань ѣхати было не мочно, потому что море замерзло и судовой ходъ поминовался.

И Иванъ и Михайло и кизылбашской посолъ съ ними зазимовали на Теркѣ.

Да къ Ивану жъ и къ Михайлу на Теркѣ присылалъ Булатъ бекъ человѣка своего Тушманка, а говорилъ Тушманка Ивану и Михайлу: Булатъ бекъ де велѣлъ вамъ говорить, что остались люди ево въ Шемахѣ, а дожидатца де людемъ ево отъ шахова величества къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи посылки, и мнѣ де, не дождався людей, ѣхать съ Терка не мочно. А какъ де люди ево изъ Шемахи съ шаховою посылкою на Терекъ пріѣдутъ, и онъ де тотчасъ въ Астарахань ѣхать готовъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку приказали, что имъ зимовать на Теркѣ, потому что моремъ судовой ходъ поминовался.

Ѳевраля въ 17 день сынъ боярской Дмитрей Хомяковъ, котораго въ Казбинѣ оставилъ колентарь, пріѣхалъ къ посломъ на Терекъ съ рускими торговыми людьми, которые были въ Шемахѣ торговали, да съ тезики съ торговыми жъ людьми.

А сказывалъ Ивану и Михайлу: какъ де ево поимали въ Казбинѣ приставы и привели къ колентарю на дворъ да посадили ево въ полаткѣ, и пришли де кизылбашеня, а говорили ему: колентарь де велѣлъ тебя спросить, скажи: сколько вьюковъ твоего живота у пословъ, не утаи, а толко де не скажешь, и тебѣ де быть пытану.

И онъ де, Дмитрей, отказалъ, что жилъ онъ у посла, у князя Михаила Борятинского, за человѣка мѣсто, а не торговой онъ человѣкъ и животовъ у него пѣтъ ни на одинъ алтынъ. А что было у князя Михайла продажныхъ соболей, и онъ де по князь Михайлову велѣнью тѣ соболи продавалъ. И тѣ де кизылбашеня ему грозили розными пытками, а спрашивали животовъ ево. Да они жъ де кизылбашеня, ему говорили: колентарю де сказывали, что у пословъ твоихъ животовъ пять вьюковъ, и колентарь де говоритъ: какъ послы поѣдутъ изъ Казбина, и онъ де у нихъ хочетъ отнять пять вьюковъ чьихъ нибудь, чтобъ они отдали твои животы.

И язъ де, Дмитрей, имъ говорилъ: колентарь что хочетъ, то и

говоритъ, а у меня животовъ моихъ нѣтъ ни на одинъ алтынъ, потому что я сынъ боярской, а не торговой человѣкъ, а жилъ у посла у князя Михаила Петровича за человѣка мѣсто. А что де вы говорите, колентарь хочетъ отнять у пословъ ихъ животовъ пять вьюковъ, и то де колентарю мочно учинить надъ послами что ихъ пограбить, а впередь де то колентарю не пробудетъ, что пословъ хочетъ грабить и безчестить.

Да того жъ дни отъ колентаря зъ двора взялъ ево, Дмитрея, приставъ и отвелъ къ себѣ на дворъ и положилъ ему на шею чепь, а на ноги желѣза, и сидѣлъ де у пристава скованъ двѣ недѣли. Да сослалъ де ево колентарь въ свою деревню отъ города пятнатцать верстъ и жилъ де онъ въ деревнѣ октября по 26 число, дѣлалъ беспрестани на корванъ сарай, по руски гостинъ дворъ, посилъ кирпичь.

А октября въ 26 день прислалъ по него колентарь и велѣлъ его привести къ себѣ на дворъ, и колентарь де далъ проѣзжую грамоту до Шемахи, а велѣлъ ему ѣхать за послы, а написалъ де въ грамотѣ, велѣлъ ему давать подводу, да кормъ поденной въ городѣхъ и по деревнямъ, и ему де подводы ни корму нигдѣ не давали, ѣхалъ на своей лошеди, а купилъ де ему лошедь Надѣинъ приказщикъ Светешникова Семейка и на дорогу на проѣсть денегъ далъ ему Семейка жъ. А какъ де привели ево къ колентарю изъ деревни, и колентарь де ему, давъ проѣзжую грамоту, да сказалъ ему: поѣдь де на Русь за послами, а на дорогѣ тебѣ никто ничего не учинитъ. А больши де того рѣчей съ нимъ никакихъ не розговаривалъ и ни о чемъ ево не роспрашивалъ.

И онъ де, Дмитрей, поѣхалъ изъ Казбина въ Шемаху. А какъ де онъ пріѣхалъ въ Шемаху, и онъ де къ шемахинскому къ Исупъ хану ходилъ съ проѣзжею грамотою, и Исупъ де ханъ у него проѣзжую грамоту взялъ, а велѣлъ ему дати свою проѣзжую грамоту до государева города до Терка.

И онъ де, Дмитрей, жилъ въ Шемахѣ на гостинѣ дворѣ съ рускими людми два мѣсяца, дожидался рускихъ торговыхъ людей, пріѣхалъ съ ними на Терекъ на своей же лошеди. А въ Шемахѣ де ему подводы и корму не дано жъ.

И какъ Дмитрей Хомяковъ пріѣхалъ на Терекъ, и Булатъ бекъ прислалъ къ посломъ человѣка своего Тушманка. А говорилъ Тушманко посломъ: прислалъ де къ вамъ Булатъ бекъ, а велѣлъ вамъ говорить: говорилъ онъ вамъ въ Казбинѣ и въ Шемахѣ: которого человѣка у васъ взялъ колентарь, и тотъ человѣкъ однолично къ вамъ

будетъ и вскорѣ ево за вами отпустятъ. И тотъ де человѣкъ, которой оставленъ въ Казбинѣ, къ вамъ пріѣхалъ, далъ Богъ, здорово.

И Иванъ и Михайло къ Булатъ беку противъ того послали толмача, а велѣли ему говорить: присылалъ ты къ намъ сказывати про сына боярского, что тотъ сынъ боярской Дмитрей Хомяковъ изъ Казбина отпущенъ, а пріѣхалъ къ намъ на Терекъ, а сказывалъ, что колептарь ево держалъ двѣ недѣли скована въ чепи и въ желѣзахъ, а спрашивалъ у него животовъ и пытками ему грозилъ, да послѣ того сослалъ въ свою деревню, и онъ жилъ въ деревнѣ и у колентаря пять недѣль дѣлалъ безпрестани, на корванъ сарай кирпичь носилъ. И мы того не вѣдаемъ, за што колептарь того сына боярского у насъималъ и ево ковалъ, и въ деревнѣ своей велѣлъ ему работать?

И того жъ часу толмачь пришелъ къ Ивану и къ Михайлу отъ Булатъ бека, а сказалъ Ивану и Михайлу: по вашему приказу Булатъ беку рѣчи ваши выговорилъ. И Булатъ бекъ де мнѣ отказалъ: язъ де того не вѣдаю, что ево ковали и въ деревне онъ на корванъ сарай работалъ, толко де онъ самъ здорово къ вамъ пріѣхалъ.

Отвѣтъ пословъ на статьи наказа.

Въ государеве наказе написано: какъ князь Михайло съ товарыщи пойдутъ къ шаху на посольство и учнутъ будетъ имъ приставы говорить, чтобъ имъ съ лошадей сойти не блиско шахова двора, или пришедъ къ шахову двору, велятъ имъ кланятца въ воротехъ въ порогъ, или поклонились къ которой полате, и какъ послы были у шаха и ссѣли съ лошадей, въѣхавъ на шаховъ дворъ противъ полаты, а что кланятца въ воротехъ въ порогъ и полате,—и про ту статью помину никакого не бывало.

Въ государеве жъ наказе написано: нѣчто на посольстве, или после посольства шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. къ шаху прислалъ малые поминки, а напередъ того бывали большіе поминки,—и того шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говорили, только шахъ принялъ поминки въ любовь.

Въ государеве жъ наказе написано: какъ шахъ Аббасово в. пословъ позоветъ къ себѣ ѣсти, и про ту статью ничего не бывало: шахъ пословъ къ себѣ не зывалъ, а какъ пріѣхали къ шаху в-Испогань въ Петровъ постъ, и тово жъ часу шахъ велѣлъ быти у себя.

И Иванъ и Михайло у шаха были, и что шахъ с-Иваномъ и съ Михайломъ говорилъ, и то писано выше сего.

Въ государеве наказе написано: какъ после посольства велитъ будетъ шахъ быть посломъ у себя на дворѣ и вышлетъ къ нимъ своихъ людей говорить о дѣлехъ, и учнутъ шаховы ближніе люди говорити, что говорили они на посольстве, чтобъ шахову в. зъ государемъ вашимъ быть въ братцкой дружбе, и шахово в. съ царскимъ в. въ братцкой дружбе и любви, и въ соединенье, и въ докончанье быть хочетъ, только-бъ объявить, на которой мѣре тому статись,—и о той статье помину не бывало и самъ шахъ и шаховы ближніе люди о докончанье про братственную дружбу и любовь ничего не говаривали, а во многихъ статьяхъ шахъ самъ то говорилъ: какъ де я былъ въ братственной дружбе и любви съ великимъ государемъ блаженные памяти съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. и после того съ царемъ Борисомъ, такъ де и ныне хочю свершить съ великимъ государемъ вашимъ его царского величества съ царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. братственную дружбу и любовь и до своего живота.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, чтобъ государевы послы князь Михайло съ товарыщи объявили, на каковѣ мѣре царское величество съ шахъ Аббасовымъ в. хочетъ быть въ братственной дружбе и въ любви, есть ли съ ними о томъ приказъ? а шахово в. хочетъ съ царскимъ в. въ томъ на мѣре положить и укрепитьца вѣрою и граматами, какъ имъ государемъ, впередъ межъ себя въ братцкой дружбе и любви быть навеки неподвижно и на недруговъ стояти заодинъ,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ ничего не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди вспросятъ: пишетъ царское в. къ шаху о казнѣ на помочь противъ своего недруга и они, послы, о томъ говорятъ: какъ ныне государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. съ полскимъ королемъ—даетъ ли ему, государю, Богъ помощь надъ его недругомъ? —и про ту статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало. А какъ были князь Михайло и Иванъ, и Михайло у шаха въ Казбине на посольстве, и шахъ про московское разоренье и про королевскую неправду говорилъ самъ. И князь Михайло и Иванъ, и діакъ Михайло шаху подлинно противъ наказу про московское разоренье и про королевскую неправду розсказывали, и какъ

великому государю его ц. в. царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Богъ помощь даетъ надъ недругомъ ево надъ польскимъ королемъ. И то все писано выше сего въ посолскихъ рѣчахъ.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ (или) шаховы ближніе люди молатъ, что имъ вѣдомо есть, что польской королевичь въ государеву землю пришолъ и Дорогобужъ и Вязму взялъ, а Дорогобужъ и Вязма Москвы блиско, и государевымъ людемъ полскіе люди сильны,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали и помину про то не бывало; а сказывалъ приставъ Усеинъ бекъ князю Михайлу и Ивану, и дьяку Михайлу, что де нынѣ государя вашего землѣ дѣлаетца, и какъ шахъ Аббасова величества послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ у великого государя вашего были, и Булатъ бекъ де про всякіе мѣры провѣдывалъ, какъ у великого государя вашего нынѣ съ полскимъ и съ литовскимъ королемъ, и какъ пришолъ литовской королевичь великого государя вашего землю и которые городы поималъ, и сколь далеко нынѣ стоитъ отъ Москвы, и про то про все шахову в. розсказывалъ подлинно Булатъ бекъ въ Родевили, какъ пріѣхалъ исъ Шемахи напередъ васъ, и шаху про то подлинно вѣдомо, потому и у шахова величества вамъ чести нѣтъ и посылка, денежная казна, ноудачю будетъ ли, что шахъ ваше посольство положилъ ни во што.

Въ государеве наказе написано: будетъ учнутъ у пословъ спрашивать, колко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. на помочь казны на помочь падобно, и они бъ объявили, а шахово в. за то брату своему не постоитъ, — и про тоѣ статью шахъ самъ и шаховы ближніе люди, сколько казны надобетъ, ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что шахъ царское величество деньгами ссудитъ, толко бъ было чему вѣрить, и учнутъ имъ говорить, чтобъ они въ томъ дали запись и крестъ на томъ целовали, что государю тѣ деньги заплатить, и учнутъ приговаривать сроки или учнутъ говорить, чтобъ въ томъ далъ государь въ закладъ Астарахань, чтобъ они Астарахань въ закладъ записали и крестнымъ целованьемъ утвердили,—и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ многожда, что онъ къ великому государю его царскому величеству, что у него есть, съ тѣмъ посылаетъ своего посла, а про укрепленье, чему вѣрить, и про закладъ про Астарахань шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про укрепленье и про закладъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе

люди учнутъ говорить: какъ въ Астарахани былъ воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою, и прислалъ воръ Ивашко Зарутцкой къ шахову величеству съ тѣмъ, будто онъ пришолъ въ Астарахань зъ государскимъ сыномъ, и шахову бъ величеству за него вступитца и московского государства людемъ ево не подать, и шахово в. ему не повѣрилъ, помочи никакіе ему не учинилъ и тѣхъ послапниковъ, которые къ шахову в. присланы были отъ Ивашка Зарутцкого, Ивана Хохлова съ товарыщи, къ государю отослалъ, и нынѣ бъ царское в. за тоѣ его братцкую дружбу и любовь свою показалъ, поступился Астарахани шахову в., а шахово в. и впередъ царскому в. противъ ево недруговъ своею казною помочь учинитъ и будетъ въ крѣпкой дружбе и любви, а Астарахань искони вѣкъ мусулманского закона и церкви въ ней были мусульманскіе вѣры, а взялъ Астарахань царь и в. кн. Иванъ Васильевичь в. Р. не въ давныхъ лѣтехъ, и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ на посольстве, какъ воръ Зарутцкой съ Маринкою былъ въ Астарахани и присылалъ воръ Ивашка Зарутцкой къ его шахову в., будто онъ пришолъ въ Астарахань зъ государскимъ сыномъ, и шахово бъ величество за него вступился и Московского государства людемъ его не подавалъ, а давалъ ему шахову в. Астарахань, и онъ шахово в. той воровской смуте не повѣрилъ, Астарахани не взялъ и пословъ вора Зарутцкого съ посланникомъ съ Михайломъ съ Тихановымъ къ великому государю къ его царскому величеству къ Москве послалъ Ивана Хохлова съ товарыщи. А подлинно про тоѣ статью, что шахъ говорилъ, писано выше сего, какъ были послы у шахова в. на посольстве, а про то помину не бывало, шахъ и шаховы ближніе люди не говаривали, чтобъ великому государю его ц. в. шаху Астарахани поступитца.

Въ государеве наказе написано: нѣшто шаховы ближніе люди учнутъ спрашивать, чтобъ имъ князь Михайло съ товарыщи сказали подлинно, какими обычеи въ Російскихъ государствахъ смута сталась отъ полскихъ и литовскихъ людей и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ полскихъ и литовскихъ людей свободилъ, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ, какъ въ Московскомъ государстве смута учинилась отъ полскихъ и литовскихъ людей, и какъ была рознь, и какъ Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей Богъ свободилъ, и какъ великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и то писано выше сего въ посолскихъ рѣчехъ.

Въ государевѣ наказе написано: будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорить о которомъ шахове послѣ или посланнике и о гонце, у которыхъ взяты будетъ животы или граблены въ Російскомъ государстве при ворѣ, которой стоялъ въ Тушинѣ, или въ безгосударное время, какъ полскіе и литовскіе люди сидели въ Москвѣ, чтобъ сыскавъ, у кого что взято, государь велѣлъ заплатить,—и шахъ самъ и ево ближніе люди о послѣхъ ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государевѣ наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорить о цесаревыхъ посланникехъ, о Юзуѣ да о Адаме Дорпе, что они посланы отъ цесаря къ шахову величеству, царское величество для чего ихъ въ своемъ государстве велѣлъ задержать и къ шаху ихъ не отпуститъ?—и шахъ о цесаревыхъ посланникехъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государевѣ наказе написано: будетъ шахъ или ево ближніе люди учнутъ спрашивать про Ивашка Зарутцкого и про Маринку, гдѣ они нынѣ? и смута ихъ воровская ужли-ль поминовалась?—и про тоѣ статью шахъ самъ и шаховы ближніе люди про вора про Ивашка Зарутцкого и про Маринку, гдѣ они нынѣ, и смута ихъ воровская ужли поминовалася, ничего не говаривали, и помину о томъ не было.

Въ государевѣ наказе написано: память посломъ, какъ будутъ съ шаховыми ближними людьми въ отвѣте и учнутъ говорить о государскихъ дѣлехъ, и будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорить о тѣхъ дѣлехъ, о которыхъ дѣлехъ шаховы послы ко государю писмо прислали и зъ бояры въ отвѣте говорили, а отвѣту на тѣ дела у бояръ писменого не взяли, и въ грамоте отъ государя къ шаху о тѣхъ дѣлехъ не писано, потому что отъ шаха въ тѣхъ делехъ въ грамотехъ ко государю не писано и на посольстве передъ государемъ послы шаховы въ речи того не говорили, и про тоѣ статью въ отвѣте съ шаховыми ближними людьми послы не бывали и ничего не говаривали, а про какіе статьи шахъ самъ говорилъ, и то писано выше сего.

Въ государевѣ наказе написано: будетъ учнутъ говорить шахъ самъ или шаховы ближніе люди приказывать къ царскому величеству государь шахъ Аббасово в., чтобъ царскому величеству велѣлъ попрежнему на Койсе и въ Таркахъ хотя и до Дербени поставить городы, а въ помочь государь ихъ, шахъ Аббасово в., къ царскому величеству пришлетъ своихъ ратныхъ людей тысечь тритцать или сорокъ, или сколько будетъ царскому величеству годно, и о томъ государь ихъ приказалъ и ближнему своему Исупъ хану: только царского величества изъ

городовъ пришлетъ изъ городовъ царского величества воеводы о ратныхъ людехъ или о какихъ дѣлехъ ни буди хоти стрельца, а государю ихъ шахъ Аббасову величеству въ тѣ поры любо лучитца гдѣ вдали быти, и Исупъ ханъ бы, не посылая съ тою вѣстью къ государю, ихъ тотъ бы часъ ратныхъ людей посылалъ въ помочь къ государевымъ воеводамъ исъ которыхъ городовъ присылка будетъ, и великому государю нашему его ц. в. самому то надобно, что на Койсе и въ Таркахъ городы поставить,—и про тоѣ статью шахъ посломъ, Ивану и Михайлу, в-Испогани, какъ пріѣхали къ шаху, и на отпуске говорилъ, чтобъ на Койсе и въ Таркахъ поставить городы, и то писано выше сего.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или ево ближніе люди учнутъ говорить, чтобъ великому государю кумытцкимъ княземъ и ихъ людемъ ни въ чемъ не вѣрить, потому что въ нихъ правды нѣтъ и впередъ отъ нихъ правды ждать нѣчего: одинъ въ кумытцкихъ князехъ у государя ихъ шахъ Оббасова величества въ послушанье Гирѣй князь, и царскому бъ величеству и тому бъ вѣрить не велѣть, лише бъ царскому величеству велѣть ему вѣрить въ томъ дѣле, о какове дѣле къ его царскому в. государь ихъ шахъ Оббасово в. пришлетъ грамоту за своею малою печатью, которую онъ на своей рукѣ носитъ. А только государь велитъ поставить городы по старымъ мѣстомъ, и шахъ Оббасово в. Гирѣя князя хочетъ перевести со всѣмъ кабакомъ въ свое государство украинное мѣсто, чтобъ отъ Кумыкъ подале, и чтобъ межъ царского величества и его, шахъ Оббасова в-ва государствъ иныхъ сусѣдей никого не было,—и про тоѣ статью шахъ самъ и его ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не было.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или ближніе люди учнутъ говорить, что шаховымъ торговымъ людемъ царского величества отъ астарахапскихъ воеводъ и отъ діяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, таможенные будто головы емлютъ съ ихъ торговыхъ людей пошлины не по великого государя нашего указу, передъ рускими людьми вдвое, и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ, что ево шаховымъ торговымъ людемъ царского величества отъ астарахапскихъ воеводъ и отъ дьяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, и что послы шаху противъ того говорили, и то писано выше сего.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или ближніе люди учнутъ говорить, что пріѣхалъ съ государя ихъ послы государя ихъ торговой человѣкъ Байрамъ, а съ нимъ немного шаховы казны товаровъ,

и съ того будто Байрама таможенные головы взяли пошлину вдвое, а у него царского величества жаловальная грамота, что ему торговать беспошлинно на пять сотъ рублевъ,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государевѣ наказе написано: будетъ учнетъ шахъ или ближніе люди учнутъ говорить, что будто въ Астарахани, зазвавъ къ себѣ, воеводы государя ихъ шахова Хожъ сеитова человѣка и подмѣтя у него двѣсте рублевъ денегъ, оманули, его крестили, а деньги взяли себѣ и того малого привезли они съ собою къ Москве, и царского величества къ приказнымъ людемъ для роспросу прислали,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государевѣ наказе написано: будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что билъ челомъ царскому величеству государя ихъ посолъ Булатъ бекъ, взялъ де у человѣка его на Терке царского величества боярина и воевода Петръ Петровичь Головинъ триста рублевъ денегъ, и тѣхъ денегъ и по ся мѣста ему не отдано, и царскому бъ величеству ево пожаловать, тѣ деньги, сыскавъ, велѣть ему отдать,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не было.

Въ государевѣ наказе написано: будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорить, что били челомъ царскому величеству шаховъ посолъ Булатъ бекъ же, что въ Астарахани не стало человѣка его Хожа Сухамбедина, а после того человѣка ево взяли астарахапскіе воеводы живота его сто пятнатцать апсырей шолку розново цвѣту, и ему де того шолку и по ся мѣста не отдано, и царскому бъ величеству ево пожаловать, велѣть тотъ шолкъ ему отдать,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государове наказе написано, что шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что прислалъ къ царскому величеству крымской Шанъ Гирѣй царевичь посла своего о томъ, что царское величество учинилъ ему помочь, изъ Астарахани и съ Терки доступати ему отца своего Крымского юрта, да и шахова величества грамота къ царскому величеству о томъ съ Шанъ Гирѣевымъ царевичевымъ посломъ была жъ, да и самъ шахъ исъ своихъ устъ о томъ царскому величеству съ посланникомъ, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, приказалъ, что на то царского величества воля, съ чѣмъ царское величество къ Шапъ Гирѣю царевичю посла ево отпустилъ: учинилъ ли ему помочь отца его Крым-

ского юрта доступать,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: память посломъ: будетъ шахъ или ево ближніе люди учнутъ спрашивать: какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и съ цесаремъ римскимъ, и зъ датцкимъ, и съ аглинскимъ и с-ными государи, о которыхъ спросятъ,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве (наказе) написано: будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя вашего турского посланникъ на Москвѣ былъ, и государь вашъ того посланника къ турскому салтану отпустилъ и своего посланника къ турскому о дружбе и о любви послалъ, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ спрашивать: какъ зъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. свѣйской король, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ спросятъ про Нагаи, какъ нынѣ въ государеве жалованье большіе нагайскіе князи и мурзы и Казыева улуса,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что сказываютъ, что нагайскіе князи и мурзы служатъ государю въ его царскомъ повелѣнье, а нынѣ имъ вѣдомо учинилося, что с-Ыштерекова княжова повелѣнья приходили нагайскіе мурзы въ Кабарду на Казыя князя Шепшукова и его убили, и Кабардинскую землю многіе мѣста повоевали, и только бъ государю служили Нагаи, и они бъ государевыхъ холопей не воевали,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорить, что имъ то вѣдомо, что въ прошломъ во 123-мъ году Казыева улуса мурзы приходили на государя вашего землю и воевали близко Москвы по турского царя велѣнью и нынѣ въ государеве землѣ ходятъ, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: нѣчто спросятъ про Сибирь, какъ нынѣ Сибирская земля: по прежнему ль, какъ было при прежнихъ государехъ?—и про тоѣ статью помину не бывало, и про Сибирь не спрашивали.

Въ государеве наказе написано: какъ, ажъ дастъ Богъ, шахъ ихъ отпуститъ и пошлетъ ли съ ними своихъ пословъ и съ ними казны государю на вспоможенье, или казны не пошлетъ, и съ чѣмъ съ ними пословъ своихъ пошлетъ, и что о казнѣ и о иныхъ государскихъ дѣлехъ съ ними шахъ и шаховы ближніе люди поговорятъ?

Въ государеве наказе написано: о казнѣ одиолично шаху и его ближнимъ людемъ говорить накрепко и промышляти всякими мѣрами, чтобъ казны шахъ съ ними послалъ болши, тѣмъ бы имъ одиолично государю послужить. А о казнѣ шаху на посольстве князь Михайло съ товарыщи говорили накрепко, и после князь Михайла Иванъ и Михайло шаху о казнѣ напоминали многижда, чтобъ шахово величество великого государя нашего его царского величества казною ссудилъ, и шахъ самъ говорилъ многижда: что у него есть, и онъ великого государя нашего ссудитъ.

Въ государеве наказе написано: какъ будутъ у шаха и птицы на посолстве отдадутъ, и нѣчто учнетъ къ нимъ шахъ присылать, какъ поѣдетъ тѣшитьца, чтобъ, прислали къ нему для птицъ государева кречетника, а его кречетники къ тѣмъ птицамъ не пріобычились,—и про тоѣ статью помину не бывало и о кречетникѣ ничего не говаривали.

А нѣчто шахъ пришлетъ къ нимъ свое жаловапье платье на подворье и велитъ имъ ѣхати въ своемъ платье, и кого къ нимъ о томъ пришлетъ, и про тоѣ статью писано выше сего, какъ шахъ присылалъ съ платьемъ Булатъ бека, и Булатъ бекъ шаховымъ словомъ говорилъ, чтобъ къ шаху ѣхати въ шахове платье, и Иванъ и Михайло къ шаху ѣздили въ своемъ платье.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ самъ спроситъ ихъ на посольстве или ево ближніе люди учнутъ ихъ въ розговорехъ спрашивать про Иверскую землю: какъ былъ у него, у шаха, отъ царского величества посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ, и онъ говорилъ ему отъ царского величества о Иверскомъ царѣ и о его землѣ, чтобъ ему, шаху, для братственные дружбы и любви в-Иверскую землю не вступатися и еѣ не воевать, и онъ, шахъ Аббасъ, приказывалъ отъ себя царскому величеству съ Ѳедоромъ же Левонтьевымъ, что онъ по его царского величества приказу для братственные дружбы и любви в-Иверскую землю впередъ вступатися и воевать еѣ не похочетъ, и

царскому величеству за Грузинскую землю не стоитъ, а нынѣ грузинской царь, сложась съ недругомъ ево, съ турскимъ царемъ, стоитъ на него и землю его воюютъ, и царскому величеству про то вѣдомо-ль? и нынѣ съ ними про грузинского царя и про его землю что отъ царского величества приказъ?—и про Иверскую землю шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, а послы, князь Михайло съ товарыщи, шаху о Иверской и о Грузинской землѣ ничего не говарили жъ, потому что въ ту пору иверской и грузинской царь былъ съ турского царя людьми, стояли противъ шаховыхъ людей. И какъ турского царя людей и иверского царя и крымского царя побили шаховы, и грузинской царь съ того бою пошолъ со крымскимъ царемъ къ турскому царю.

Въ государеве наказе написано: память посломъ: нѣчто ихъ хъ какой мѣре въ розговорехъ учнутъ спрашивать шахъ самъ или шаховы ближніе люди: для чего у царского величества у стола не были шаховы послы, Кая салтанъ да Булатъ бекъ, и иныхъ государей послы у царского величества у стола бываютъ ли?—и про тоѣ статью шахъ самъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Пріѣздъ посла Булатъ бека.

Въ прошломъ во 129-мъ году генваря въ 21 де(нь) писали ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. исъ Казани бояринъ и воеводы князь Борисъ Лыковъ съ товарыщи: въ нынешнемъ де во 129-мъ году сентября въ 30 де(нь) отпустили они ко государю кизылбашского посла Булатъ бека, а съ нимъ людей его девятнатцать человѣкъ, да шаховыхъ кречетниковъ четыре человѣки, да два человѣка араповъ, которые были у слона, съ астараханскимъ приставомъ съ Мисюрмъ Товарыщевымъ, давъ ему суды и кормщиковъ и гребцовъ и провожатыхъ казанскихъ стрельцовъ до Нижнего, и государево жалованье поденной кормъ и питье послу и людемъ его и шаховымъ кречетникомъ и арапомъ отъ Казани до Нижнего въ дорогу сентября съ 30-го числа дали по астараханской росписи. А что они послу и людемъ его и кречетникомъ и арапомъ поденного корму въ дорогу до Нижнего дали, и они тому роспись прислали ко государю подъ отпискою. А въ росписи пишетъ.

Роспись, что государева царева и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. жалованья кизылбашскому послу Булатъ беку и людемъ его и

шаховымъ кречетникомъ, и арапомъ отъ Казани въ дорогу до Нижнего поденного корму дано по астараханской росписи септября съ 30-го числа на две недѣли. Послу: 28 хлѣбовъ, 28 калачей двуденежныхъ, 14 барановъ, 28 куровъ, луку и чесноку на 9 алтынъ на 2 де(ньги), 42 гривенки масла коровья на 2 алтына на 2 де(ньги), гороху на 4 алтына на 4 де(ньги), свѣчь салныхъ. Людемъ посольскимъ 19 человѣкомъ 266 калачей денежныхъ, 266 хлѣбовъ двуденежныхъ, 28 барановъ. Шаховымъ людемъ: кречетникомъ 4-мъ человѣкомъ 56 хлѣбовъ, 56 калачей двуденежныхъ, луку и чеснoку на 4 алтына на 2 де(ньги), 21 гривенка масла коровья; арапомъ 2-мъ человѣкомъ, которые были у слона,— 28 хлѣбовъ, 28 калачей двуденежныхъ; да кречетникомъ и арапомъ вопчѣ 14 барановъ. Питья послу: 28 чарокъ вина двойного, 84 чарки вина простого, 11 вѣдръ бесъ четверти ведра меду паточного, 14 вѣдръ меду кабатцкого, а за другую половину за 14 вѣдръ дано прѣснымъ медомъ 35 гривенокъ патоки. Людемъ ево 19 человѣкомъ 388 чарокъ вина простого, по 2 чарки человѣку на день. Да всѣмъ имъ 56 вѣдръ меду кабатцкого. Шаховымъ кречетникомъ 4-мъ человѣкомъ 168 чарокъ вина, 2 человѣкомъ арапомъ 56 чарокъ вина. Да Булатбековымъ же людемъ и шаховымъ кречетникомъ, и арапомъ вопчѣ за 70 вѣдръ пива 5 вѣдръ и 1 кружка вина. Все питье въ посольское ведро.

Генваря въ 21 де(нь) писалъ ко государю царю и в. кп. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. изъ Нижнего Новагорода бояринъ и воевода Петръ Головинъ да дьякъ Василей Юдинъ: по государеву указу велено имъ кизылбашского посла отпустить изъ Нижнего въ Ярославль, а приказати бъ имъ велено приставу, чтобъ онъ ѣхалъ изъ Нижнего до Ярославля на Балахну и на иные жилые мѣста, не займуя Костромы; а кормъ и питье велено отпустить съ приставомъ изъ Нижнего до Ярославля по росписи сполна, чтобъ послу въ дороге бесъ корму не быть. А которого числа изъ Нижнего въ Ярославль отпустятъ, и имъ о томъ велено отписать ко государю къ Москве, а отписку велено отдати въ посольскомъ приказе. И они кизылбашского посла Булатъ бека, давъ ему въ Нижнемъ подводы и кормъ, и питье по росписи до Ярославля сполна, декабря съ 15-го числа на две недѣли, отпустили въ Ярославль съ тѣмъ же приставомъ, съ Мисюремъ Товарыщевымъ, а для провожанья отпустили съ нимъ до Ярославля нижегородцкого сотника стрелетцкого Ѳѳонасья Лонского, да съ нимъ нижегородцкихъ стрельцовъ тритцать человѣкъ.

И 129-го же генваря въ 8 де(нь) указалъ государь ц. и в. кп. Михайло Федоровичь в. Р. кизылбашскому послу Булатъ беку ѣхать

изъ Ярославля къ себѣ, государю, въ Москве, а на встрѣчю противъ посла указалъ государь послать дворенина добра. А встрѣтить посла и рѣчь говорить указалъ государь отъ окольничихъ.

И генваря въ 10 де(нь) по государеву указу послапъ въ Ярославль на встрѣчю кизылбашского посла дворенинъ володимерецъ Григорей Клементьевъ сынъ Зловидовъ, а наказъ государевъ данъ Григорью таковъ:

Лѣта 7129-го генваря въ 10 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ Григорью Клементьевичю Зловидову ѣхати въ Ярославль для того: пришелъ въ Ярославль кизылбашского Аббасъ шаховъ посолъ Булатъ бекъ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. указалъ кизылбашского посла встрѣтить въ Ярославле ему, Григорью. И Григорью ѣхати въ Ярославль встрѣчю кизылбашского посла Булатъ бека, не мешкая нигдѣ. А пріѣхавъ въ Ярославль, велѣти ему про себя кизылбашскому послу сказати толмачю, которой съ посломъ исъ Казани посланъ, что прислали ево съ Москвы царского величества окольничіе къ нему, послу, въ приставы, а о томъ бы ему поговорилъ толмачь, которой съ нимъ, какъ онъ Григорей къ нему, послу, на дворъ пріѣдетъ. И посолъ бы ево почтилъ, встрѣтилъ ево на крыльце, или гдѣ пригоже. А приставъ бы казанской Мисюръ Товарыщевъ въ тѣ поры былъ у посла жъ. Да какъ онъ къ послу на дворъ всьѣдетъ, а посолъ ево встрѣтитъ, и Григорью говорить послу рѣчь толмачомъ, которой съ нимъ, а для толмачества посланъ; а молыть: Божіею милостію великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ и ордъ, и земель восточныхъ и полуденныхъ, и сѣверные страны государя и повелителя его царского величества окольничіе велѣли тебя, персидцкого Аббасъ шахова в. посла, встрѣтить и велѣли тебя о здоровье спросить: здорово-ль еси дорогою ѣхалъ? и велѣли мнѣ съ тобою ѣхать до Москвы, и кормъ тебѣ велѣли давать. Да изговоря рѣчь, съ нимъ корошеватца. И быти ему у посла въ приставехъ и кормъ, ѣству и питье, давать по росписи, какова роспись у пристава ево у Мисюря Товарыщева, а Мисюрю велѣти быть у посла жъ вмѣсте съ собою. А на кормъ деньги, или кормъ и медъ, и вино по росписи имать по городомъ, смѣтя въ колко денъ отъ города до города поспѣть мочно. И того самому и надъ казанскимъ приставомъ, и надъ толмачи надзирать накрепко, чтобъ приставы кормъ давали по росписи сполна, и береженье къ послу держать, чтобъ ему отъ приставовъ и ото всякихъ рускихъ людей бесчестья никакова не было и во всемъ бы было имъ честно. А изъ Ярославля, взявъ про

посла и про его людей кормъ и питье, и подводы, ѣхати ему къ государю къ Москве. А которого числа Григорей въ Ярославль пріѣдетъ, и у посла будетъ, и рѣчь изговоритъ, и что ему кизылбашской посолъ поговоритъ, и какъ Григорей съ кизылбашскимъ посломъ пойдетъ изъ Ярославля въ которомъ числѣ, и сколько съ посломъ будетъ шаховыхъ дворянъ или кречетниковъ и его людей, и торговыхъ людей съ товары, и по чему послу и шаховымъ и посольскимъ людемъ идетъ корму и питья на день, и Григорью о томъ тотчасъ наскоро съ нарочнымъ гонцомъ ко государю отписати, чтобъ о томъ о всемъ государю было вѣдомо. А какъ съ посломъ придетъ въ Ростовъ и въ Переславль и въ Братошино, и ему ко государю писати, а съ послѣдпего стану, изъ Братошина, безъ государева указу къ Москве не ходить, а подождать государева указу о томъ въ Братошине, какъ ему съ посломъ изъ Братошина итти къ Москве. А того ему въ Ярославле и ѣдучи дорогою въ городѣхъ и по станомъ беречь накрепко, чтобъ къ послу иноземцы иныхъ государствъ нихто не подходили и ни о чемъ не розговаривали и писмомъ никакимъ не ссылались. А самому ему, будучи у посла въ приставстве, провѣдывать того подлинно: съ чѣмъ онъ ко государю идетъ, и шахъ Аббасъ ныне съ которымъ государствомъ въ миру и съ которымъ не въ миру, и съ цесаремъ и с-ыпапскимъ и со ѳранцужскимъ королемъ ссылка шаху бывала-ль? И будетъ была, и о чемъ они съ шахомъ ссылаютца? И турской Асманъ салтанъ ныне съ шахомъ въ миру-ль, и пословъ своихъ, и посланниковъ турской къ шаху присылывалъ ли, и о чемъ и сколь давно прислалъ? и шахъ турского Асманъ салтановыхъ пословъ честно-ль принялъ, и отъ себя ихъ отпустилъ ли, и съ чѣмъ отпустилъ, и чего впередъ съ турскимъ у шаха чаять? И какъ ныне шахъ зъ бухарскимъ и съ крымскимъ царемъ: въ миру-ль, или не въ миру? И опричь тѣхъ государей съ которыми государи шахъ въ миру и съ которыми не въ миру? О томъ о всемъ провѣдывать ему подлинно тайно, смотря по мѣре, какъ мочно, и записывать себѣ; а пріѣхавъ къ Москве, сказать про то про все и записку отдать въ посольскомъ приказе діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Рамапчюкову.

А нѣчто кизылбашской посолъ учнетъ Григорья спрашивать: какъ ныне государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. съ папою и съ цесаремъ римскимъ, и со ѳранцовскимъ, и съ аглинскимъ и зъ датцкимъ короли, и галанскіе земли со владѣтели, и съ турскимъ Асманъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и с-ыными пограничными государи, про которого будетъ государя спросить имянно,—и Григорью говорить

про цесаря: съ прежнимъ Матьяшемъ цесаремъ царское величество былъ въ ссылке и въ братцкой любви, а ныне вѣдомо царскому в., что Матьяша цесаря не стало, а ныне, сказываютъ, въ цесарской землѣ рознь и война, розделилось цесарское государство на трое, и того еще не вѣдомо, хто будетъ ныне на цесарстве. А съ папою римскимъ царскому величеству по ся мѣста ссылка послы и посланники не бывала и впередъ не чаять, потому что до него царскому величеству ни о которыхъ его государственныхъ дѣлехъ не достало. А оранцужской и аглинской и датцкой короли и всѣ великіе крестьянскіе государи съ великимъ государемъ нашимъ ц. и в. кн. Михаиломъ Федоровичемъ в. Р. с. учинилися въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви навеки ноипаче прежнего, какъ съ прежними государи цари російскими тѣ крестьянскіе государи въ дружбе и въ любви были, и на всякого государева недруга хотятъ съ великимъ государемъ нашимъ стояти заодинъ. А галанскіе и недерлянскіе земли владѣтели, и Мавриціусъ князь галанской присылалъ ныне къ великому государю нашему посланника своего Исака Аврамова, и прося у великого государя нашего съ покорнымъ челобитьемъ того, чтобъ великому государю нашему его царскому в. ихъ недерлянскихъ и галанскихъ владѣтелей пожаловать, приняти ихъ въ свое царское жалованье въ докончанье и въ соединенье на всѣхъ государевыхъ недруговъ, а они, галанскіе владѣтели, великому государю нашему его ц. в. на всякого его государева недруга всякимъ вспоможеньемъ помогать готовы будутъ, и государь посланника ихъ отпустилъ и въ свое царское жалованье ихъ принялъ. А говорить про то про все по вспросу, будетъ его посланникъ вспроситъ, а не вспроситъ его посолъ, и ему самому о тѣхъ статьяхъ не вчинать.

А съ свѣйскимъ Адольфомъ королемъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. учинился въ докончанье и записьми и крестнымъ цѣлованьемъ царского в. послы и свѣйского короля послы тотъ миръ на обе стороны закрепили на томъ, что свѣйскому королю быти съ великимъ государемъ нашимъ съ его царскимъ величествомъ въ сосѣдственной дружбе и любви на веки во всей царского в. воле и на всякого государева недруга стояти съ его царскимъ величествомъ заодно. А говорить про то, только вспроситъ посолъ, а самому не вчинать.

А съ крымскимъ Джанъ бекъ Гирѣемъ царемъ царское в. былъ въ сылке для того, чтобъ онъ не помешалъ царскому в. управитца съ царского величества недругомъ, съ полскимъ королемъ, а на чемъ

впередъ у царского величества съ крымскимъ царемъ будетъ, того не вѣдомо.

А съ турскими салтаны прежнимъ великимъ гусударемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ о дружбе и о любви ссылки не бывали. А какъ которой великій государь учнится на своихъ великихъ государствахъ, и они къ турскимъ салтаномъ государство свое обестити посылывали, а турскіе салтаны, учинясь на государствахъ, къ великимъ государемъ нашимъ государство свое по тому жъ обестити посылывали. А какъ великій государь нашь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ російского царствія, и онъ, великій государь, къ турскому государство свое обестить посылалъ же.

И будетъ шаховъ посолъ учнетъ говорити, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя турской посланникъ прежъ сего на Москвѣ былъ, и государь того турского посланника къ турскому отпустилъ и своего послапника къ турскому о дружбе и о любви посылалъ; и тотъ государевъ посланникъ отъ турского ко государю и назадъ пришелъ. И Григорью говорити: и мы тебѣ сказываемъ: какъ великій государь нашъ его ц. в., учинясь на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. самодержцемъ, по прежнему обычею, какъ велося отъ прародителей ево, и у всѣхъ великихъ государей также въ обычаехъ бываетъ, посылалъ къ турскому государство свое обестить посланниковъ своихъ, и турской царского в. посланниковъ отпустилъ и своего былъ посланника Алѣя чеуша къ царскому величеству поздравляти ево царское в. на великихъ государствахъ послалъ, какъ ведетца и у всѣхъ великихъ государей, что и къ другу и къ недругу обѣщивать посылаютъ. И тотъ турского царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому величеству не дошелъ, а были на Москвѣ арменья купетцкіе люди, а не турского царя посланникъ, а купетцкіе люди и во всѣ государства ходятъ невозбранно, а великій государь нашъ его ц. в. своего сына боярского съ грамотою къ турскому посылалъ о томъ, что Казыева улуса мурзы учинилися подъ великого государя нашего его царского в. высокою рукою, и онъ бы въ нихъ не вступался, а о дружбе и о любви и о соединенье царскому в. съ турскимъ ссылки нѣтъ.

А будетъ шаховъ посолъ про турского и про крымского говорить не учнетъ, самому о томъ однолично не говорить же.

А будетъ шаховъ посолъ спроситъ про нагайскихъ, какъ нынѣ

въ государеве жалованье Большіе нагайскіе князи и мурзы, и Казыева улуса мурзы?—И Григорью говорити, что нагайскихъ Иштерека князя и брата ево Нурадына Шайтерекъ мурзы не стало, а ныне послѣ ихъ дядья ихъ и братья и племянники и Казыевъ улусъ со всѣми своими улусными людьми ныне подъ великого государя нашего царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. его царского в. высокою рукою въ его царского величества жалованье и повелѣнье потому жъ, какъ былъ при прежнихъ великихъ государехъ, и во всемъ царскому в. служатъ.

А будетъ кизылбашской посолъ учнетъ Григорья спрашивать: какъ ныне великій государь съ полскимъ Жигимонтомъ королемъ и впередъ чего межъ ими чаяти?—И Григорью говорить: въ прошломъ во 127-мъ году по присылке паповъ радъ польскихъ и литовскихъ съ повелѣнья великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. сьезжались царского в. бояре и великіе послы, боярин и намѣстникъ пъсковской Ѳедоръ Иваповичь Шереметевъ съ товарыщи, съ папы рады и съ великими послы, со княземъ Адамомъ Новодворскимъ, бискупомъ камепетцкимъ, съ товарыщи, и приговорили межъ царского величества и полского короля и межъ великихъ російскихъ государствъ и коруны полскіе и великого княжства литовского перемирья на четырнатцать лѣтъ и на шесть мѣсяцъ и отца великого государя нашего его ц. в. великого государя святѣйшего патріарха Ѳиларета Никитича московского и всеа Русіи, и бояръ, которые съ нимъ были, польской король изъ Литвы всѣхъ отпустили и полоненики на обе стороны розменились И ныне на обе стороны тишина и покой, и недружбы ныне съ полскимъ королемъ и с-ынымъ ни съ кѣмъ у царского величества нѣтъ.

А будетъ кизылбашской посолъ учнетъ ихъ спрашивать о какихъ о иныхъ дѣлехъ, — и Григорью говорить, что имъ о тѣхъ дѣлехъ слышеть не лучилось, а о иныхъ не великихъ дѣлехъ чинить отвѣтъ, смотря по дѣлу, бережно, какъ бы государеву имени было къ чести и къ повышенью.

И генваря въ 20 де(нь) писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. кизылбашского посла приставъ Григорей Зловидовъ: по государеву указу велено ему въ Ярославле встрѣтить Аббасъ шахова посла Булатъ бека, и онъ пріѣхалъ въ Ярославль генваря въ 14 де(нь) и къ послу послалъ про себя обестить, что онъ присланъ съ Москвы къ нему, послу, къ Булатъ беку царского величества отъ окольничихъ и велѣлъ толмачю говорить, чтобъ онъ почтилъ, встрѣтилъ на крыльце. И толмачь ему говорилъ. И какъ де онъ пріѣхалъ къ послу на дворъ, и пословы люди ево встрѣтили на дворѣ у воротъ, а Аббасъ шаховы

кречетники встрѣтили у лѣспицы. И онъ взошелъ на крыльцо, посылалъ къ послу толмача, чтобъ встрѣтилъ на крыльце самъ посолъ. И приставъ Мисюръ Товарыщевъ ему говорилъ же, чтобъ посолъ встрѣтилъ самъ на крыльце, и онъ сказалъ толмачю: встрѣтилъ бы де я на крыльце, да нога болитъ, ходилъ де почью на дворъ да упалъ, зашибъ ногу, на дворъ де итить не мочно. И какъ онъ, Григорей, вополъ в-ызбу, и онъ ево встрѣтилъ въ половине избѣ, и онъ, Григорей, послу рѣчь говорилъ: Божіею милостію великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ и ордъ, и земель восточныхъ и полуденныхъ, и сѣверные страны государя и повелителя его царского в. окольничіе велѣли тебя, персидцкого Аббасъ шахова в. посла, мнѣ встрѣтить и велѣли тебя о здоровье спросить здорово-ль есп дорогою ѣхалъ? и велѣли мнѣ съ тобою ѣхати до Москвы и кормъ тебѣ велѣли давать. И посолъ, выслушавъ рѣчи, и противъ рѣчи говорилъ: Божіею милостію великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. многихъ государствъ государя и облаадателя, его царскою милостью ѣхалъ дорогою, далъ Богъ, здорово; а его царского величества окольничимъ, на ихъ жалованье, челомъ бью, что пожаловали, прислали тебя меня о здоровье спросить и велѣли мнѣ ѣхать съ тобою къ Москве. И изговоря рѣчь, съ нимъ корошевался и послѣ того ево посадилъ, и самъ сѣлъ. И посидѣвъ немного, всталъ, и отшедъ отъ лавки, говорилъ: великого государя ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и многихъ государствъ государя и облаадателя какъ его, государя, Богъ милуетъ на ево великихъ и преславныхъ государствахъ? И онъ, выслушавъ рѣчь, говорилъ: Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михаилъ Ѳедоровичь в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ и ордъ, и земель восточныхъ и полуденныхъ, и сѣверные страны государь и повелитель на своихъ великихъ и преславныхъ государствъ царствуетъ — далъ Богъ — здорово. И посолъ противъ того говорилъ: мы де холопи ихъ вопчіе про его великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. многихъ государствъ государя и облаадателя жадни слышеть про его царское здоровье, что онъ, государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, съ нашимъ государемъ Аббасъ шахомъ живетъ въ дружбе и въ братстве и въ любви, а мы де ихъ государскіе холопи вопчіе.

А какъ де онъ пойдетъ съ посломъ изъ Ярославля, и ему велено писать ко государю, и онъ пошолъ изъ Ярославля съ посломъ къ Москве генваря въ 17 де(нь). Да ему жъ велено прислать роспись,

сколько съ посломъ Аббасъ шаховымъ дворянъ и кречетниковъ, и купчинъ? И шаховыхъ де кречетниковъ четверо человѣки, да два арапа, что были у слона, да девятпатцать человѣкъ ево посолскихъ людей, а купчинъ съ собою не сказываетъ. А что де послу и шаховымъ кречетникомъ, и ево людемъ, и арапомъ идетъ на день корму и питья, и онъ роспись послалъ, подклея подъ сею отписною ко государю къ Москве съ сыномъ боярскимъ съ Семеномъ Кулюбакинымъ.

Роспись, что давали кизылбашскому послу Булатъ беку поденного корму.

Шахъ Аббасову послу Булатъ беку: 2 хлѣба дву денежныхъ, 2 калача дву денежныхъ, баранъ, луку и чеснoку на 4 де(ньги), 3 гривенки масла коровья, гороху на деньгу, свѣчь салныхъ на 2 де(ньги), 2-е куровъ; да ему жъ сверхъ того: курица, гривенка масла. Людемъ ево 19 человѣкомъ: 2 барана, 19 хлѣбовъ дву денежныхъ, 19 калачей денежныхъ. Шаховымъ людемъ кречетникомъ четыремъ человѣкомъ: 4 хлѣба дву денежныхъ, 4 калача денежныхъ, луку и чеснoку на 2 де(ньги), полъ 2 гривенки масла коровья. Двумъ человѣкомъ арапомъ, что были у слона: 2 хлѣба, 2 калача дву денежныхъ. Да кречетникомъ и арапомъ вопчѣ—баранъ. Питья Булатъ беку на день: по 2 чарки вина двойного, 6 чарокъ вина простого, ведро безъ чети меду паточного, 2 ведра меду кабатцкого. Людемъ ево 19 человѣкомъ: по 2 чарки вина простого, по 4 ведра меду отдаточныхъ. Шаховымъ кречетникомъ 4-мъ человѣкомъ по 3 чарки вина человѣку. 2-мъ человѣкомъ арапомъ по 2 чарки вина. Да Булатъ бековымъ же человѣкомъ и шаховымъ кречетникомъ и арапомъ вопчѣ, въ пива мѣсто, за 5 вѣдръ и за 4 кружки съ третью по 37 чарокъ вина. И всего на день Булатъ беку съ шаховыми и съ его людьми 2 чарки вина двойного, да 97 чарокъ вина простого, ... *) ведра бесъ чети меду паточного, 6 вѣдръ меду кабатцкого.

Лѣта 7129-го генваря въ 20 де(нь) по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память Григорью Клементьевичю Зловидову. Писалъ еси ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. съ ноугородцомъ съ Семеномъ Кулебакинымъ, какъ ты былъ у кизылбашского посла и рѣчь ему говорилъ, и что онъ противъ того говорилъ, и какъ ты съ нимъ пошелъ изъ Ярославля, и государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. вѣдомо, а того еси не отписалъ: въ которой день почаешь съ посломъ быть къ Москве?

*) Въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

И ты бъ съ посломъ шолъ по его воле. Будетъ добрѣ морозы велики будутъ, и ты бъ его не неволилъ много днемъ итти, чтобъ ему было не досадно. А какъ съ посломъ почаешь быть къ Троице на послѣдней станъ въ Ростокино и къ Москве, и ты бъ о томъ тотчасъ ко государю отписалъ, а велѣлъ отписку отдати въ посольскомъ приказе діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову; а береженье бъ еси къ послу держалъ по государеву указу.

И 129-го генваря въ 22 де(нь) писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. исъ Переславля Залѣского воевода князь Семенъ Лыковъ, что Григорей Зловидовъ съ посломъ пришли въ Переславль генваря въ 20 де(нь), а исъ Переславля де посолъ пойдетъ генваря въ 21 де(нь).

Лѣта 7129-го генваря въ 23 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память Григорью Клементьевичю Зловодову. Писалъ еси ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., что ты съ кизылбашскимъ посломъ пришелъ на станъ въ Братошино сегодни, генваря въ 23 де(нь), а въ Братошине дожидаешься государева указу, а посолъ тебѣ говорилъ, чтобъ ему отъ Москвы постоять веретъ за пять или за шесть. И государю ц. и в. кн Михаилу Ѳедоровичю в. Р. то вѣдомо, и государь указалъ кизылбашскому послу завтра въ середу изъ Братошина итти къ Москве, у стану указалъ быть въ Ростокине на Яузе, отъ Москвы шесть верстъ. И ты бъ завтра съ посломъ изъ Братошина пошолъ съ утра рано, а почевалъ бы еси противъ четверга и съ посломъ на Яузе въ Ростокине; а какъ въ Ростокино придешь, и ты бъ тотчасъ прислалъ съ вѣстью въ посольской приказъ, а велѣлъ явитьца діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчюкову. И къ тебѣ государевъ указъ будетъ, какъ тебѣ быть къ Москве, въ которомъ часу; а не дождався-бъ еси указу, изъ Ростокина къ Москве не ходилъ, а былъ бы еси наготове.

Писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Григорей Зловидовъ, что онъ пришелъ съ посломъ на послѣдней станъ въ Ростокино генваря въ 24 де(нь), а безъ государева указу къ Москве съ посломъ итти не велено, и о томъ бы ему государевъ указъ учинить.

И генваря въ 25 де(нь) писано къ Григорью Зловидову, а велено ему быть утре наготове со всѣмъ на зорѣ, а ждать вѣсти отъ встрѣчниковъ, какъ ему съ посломъ итти; а встречать посла за деревянымъ городомъ Степану Ислѣньеву да дьяку Войну Трескину, и онъ бы шелъ, обсылаясь съ ними. А притить бы ему къ Москве

въ четвертомъ часу дни или кончее въ пятомъ; а ждалъ бы вѣсти отъ нихъ, а безъ обсылки съ ними къ Москвѣ ходить не велено.

И генваря въ 25 де(нь) кизылбашской посолъ Булатъ бекъ къ Москве пришелъ.

И по государеву цареву и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу встречали кизылбашского посла у Москвы за городомъ по переславской дороге за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, перестрѣла зъ два, Степанъ Ивановъ сынъ Ислѣньевъ, да дьякъ Воинъ Трескинъ. А съ ними на встрѣче было детей боярскихъ изъ городовъ и дворовыхъ людей, и конюховъ, и охотниковъ 50 человѣкъ на конехъ въ цветномъ платье. А на выезде для посольского пріѣзду были за городомъ стольники и стряпчіе и дворяне большіе, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскіе изъ городовъ, и подъячіе, и приказные люди на конехъ въ цветномъ платье. А устраивали ихъ розрядные діаки.

А санникъ съ саньми и съ медвѣдномъ подъ посла да подъ шаховыхъ кречетниковъ, подъ 4-хъ человѣкъ, да подъ посольскихъ людей подъ лутчихъ, подъ 10 человѣкъ, лошеди съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни. А являли послу лошеди на встрѣче отъ государя.

А наказъ государевъ о встрѣче Степану Ислѣньеву да дьяку Воину Трескину данъ таковъ:

Лѣта 7129-го генваря въ 17 де(нь) государь ц. и в. кн. Михаилъ Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ Степану Ивановичю Ислѣньеву да дьяку Воину Трескину встрѣтить кизылбашского посла Булатъ бека по переславской дороге за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, перестрѣла за два и быть уословъ въ приставехъ имъ же; а которымъ детемъ боярскимъ изъ городовъ и дворовымъ людемъ, и конюхомъ, и подъячимъ, и охотникомъ съ ними быть на встрѣче, и которымъ съ ними жъ ѣздить ко государю на дворъ передъ послы, и которымъ детемъ боярскимъ и охотникомъ жить на дворѣ уословъ для береженья, и тому Степану да дьяку Воину даны списки изъ розряду. А стольниковъ и стряпчихъ и жильцовъ, и дворянъ большихъ, и дьяковъ, и дворянъ, и детей боярскихъ изъ городовъ и приказныхъ всякихъ людей кому быть противъ посла на выезде, велено устраивать розрядным діакомъ; а сани подъ посла съ саннкомъ и подъ шаховыхъ людей лошеди съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни съ стремяннымъ конюхомъ с-Иваномъ Арбеневымъ, а велено ему съ саньми и съ лошедьми немного напередъ ихъ и сани подвести ото встрѣчи съ перестрѣлъ. И Степану Ивановичю и дьяку Воину, выехавъ за деревяной городъ и сождався со встрѣчники, по-

слати кизылбашскихъ пословъ къ приставу къ Григорью Зловидову въ Ростокино съ вѣстью сына боярского добра, а съ нимъ приказати къ приставу, чтобъ онъ ѣхалъ къ Москве. И какъ послы сядутъ въ сани, а шаховы кречетники и люди на лошеди сядутъ и поѣдутъ къ городу, и Степану и дьяку Воину къ посломъ повыехати и встрѣчникомъ велѣти подвинутца, да какъ послы подъѣдутъ къ нимъ блиско, и имъ послати отъ себя къ послу сына боярского добра, которой бы досужъ былъ и наряденъ, а велѣти про себя сказати, что великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, прислалъ къ нимъ встрѣчю дворенина своего Степана Ивановича Ислѣньева да дьяка Воина Трескина, и есть до нихъ рѣчь царская, и послы бъ вышли изъ санеи. И какъ кизылбашской посолъ изъ санеи выдетъ, и Степану и дьяку Воину изъ санеи вытить же, да говорити посломъ рѣчь Степану: Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. владимерскій (*большой титулъ*) и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и облаадатель, любячи брата своего, Аббасъ шахова величества, а тебя, посла его, жалуючи, велѣлъ тебя встрѣтить и о здоровье спросить: здорово-ль еси дорогою ѣхалъ? А после того молить діаку: великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ у тебя быть въ приставехъ дворенину своему Степану Иваповичю Ислѣньеву да мнѣ, діаку Воину Трескину, и дворъ тебѣ указати.

А изговоря рѣчь, Степану и дьяку Воину съ посломъ коротшеватца.

А встрѣтя посла и рѣчь изговоря, велѣти подъ посла подвести сани, и ѣхать Степану у посла по правой сторонѣ, а Воину по лѣвой. И ѣхать въ городъ Стрѣтенскою улицею и поворотить на площедь къ Пречистой Гребневской да площедью мимо лесной рядъ, да въ Китай городъ, въ Ильинскіе ворота и ильинскимъ хресцомъ на дворъ новгородцкого митрополита, а того имъ велѣть беречь, чтобъ встрѣчники ѣхали стройно напередъ посла и по обе стороны, а дороги бъ не переезжали и задору ни въ чемъ не чинили; а посолскіе бъ люди ѣхали вмѣсте, не розрываясь. А пріѣхавъ съ послы на дворъ и проводя пословъ въ хоромы, ѣхати ко государю ц. и в. кн Михаилу Ѳедоровичю в. Р. Степану Иваповичю Истлѣньеву да дьяку Воину Трескину, а Григорью Зловидову остатись у посла и его устраивать и побыти до тѣхъ мѣстъ, доколе послы уставятца. И жити у посла и почевать, переменялись по днемъ, Григорью да дьяку; а съ ними по два толмача

да детей боярскихъ и охотниковъ, росписавъ съ собою поровну, по кольку человѣкъ пригоже. А Степану пріезжать посла навещать по вся дни по двожды на день, изутра и вечере. А съ нимъ пріезжати на дворъ переводчику Прокоѳью Враскому. А кормъ посломъ давати по росписи, какова дана за приписью діака Савы Романчюкова. А толмачемъ съ Степаномъ быти Семейке Ондрѣеву съ товарыщи. А у корму быти и кормъ давать стрянчему зъ дворца, да изъ большого приходу подьячему.

А тѣмъ детемъ боярскимъ и охотникомъ и толмачомъ, которые приставлены будутъ, велѣти съ ними жить на дворѣ съ великимъ бережепьемъ и съ послы и съ ихъ людьми ни о чемъ не говорить, и вестей никакихъ и смутныхъ речей не говорить. И того самимъ и детемъ боярскимъ приказати беречь накрепко, чтобъ къ посломъ и къ ихъ людемъ татаровя и всякіе иноземцы и рускіе люди никто не приходили и не пріезжали, и ни о чемъ съ посломъ и съ людьми его не розговаривали. А хто руской человѣкъ или какой иноземецъ учнетъ къ посломъ и къ ихъ людемъ приходить и о чемъ розговаривати, и тѣхъ людей, спустя зъ двора, чтобъ было послу незнатно, велѣть имати, а имая, присылать въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Ивану Грамотину да къ Саве Романчюкову. Да и того приставомъ Степану и Григорью, и дьяку смотрить и беречь накрепко, чтобъ кормовщики кормъ послу давали по росписи сполна. А что будетъ надобно, и въ запросъ чего послы попросятъ, и имъ, про то сказывая въ посольскомъ приказе, давати. А что посолъ съ Степаномъ или зъ Григорьемъ и зъ діакомъ поговорятъ, и Степану и Григорью, и дьяку про то сказывати въ посолскомъ приказе дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову.

А будучи имъ у кизылбашского посла, провѣдывать: съ чѣмъ онѣ ко государю пришли, и сколько съ ними шахъ прислалъ къ государю въ помочь казны, и какую казну прислалъ, и что какихъ узорочей? и сверхъ узорочей что прислалъ денежные казны? И съ кѣмъ не въ миру, и съ цесаремъ и с-ышпанскимъ. и со орапцужскимъ, и съ аглинскимъ у шаха ссылка бывала ли? И будетъ была, и цесарь и ишпанской, и орапцужской, и англинской короли къ шаху пословъ или посланниковъ присылывали-ль? И съ турскимъ салтаномъ и зъ бухарскимъ царемъ и съ крымскимъ нынѣ шахъ въ миру-ль, или не въ миру? И турской Ахметъ салтанъ къ шаху пословъ своихъ или посланниковъ присылывалъ-ли? И будетъ присылалъ—и о чемъ и сколь давно присылалъ? И шахъ турского Ахметъ салтановыхъ пословъ принялъ ли, и честно-ль

принялъ, и отъ себя ихъ отпустилъ ли, и съ чѣмъ отпустилъ? И чево впередъ съ турскимъ у шаха чаять: миру-ль или войны? И опричь тѣхъ государей съ которыми государи шахъ въ миру и съ которыми не въ миру? О томъ о всемъ провѣдывать и себѣ записывать, и сказывать про все въ посольскомъ приказе.

А нѣчто кизылбашской посолъ учнетъ Степана и дьяка спрашивать: какъ ныне государь ц. в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. съ папою и съ цесаремъ римскимъ, и со ѳрянцужскимъ, и съ аглинскимъ, и зъ датцкимъ короли, и галанскіе земли со владѣтели, и съ турскимъ Асманъ салтаномъ, и съ крымскимъ царемъ, и с-ными пограничными государи, про которого онъ будетъ государя спроситъ имянно?—И Степану и дьяку Воину говорить про цесаря: съ прежнимъ Матьяшемъ цесаремъ царское величество былъ въ ссылке и въ братцкой любви, а нынѣ вѣдомо царскому величеству, что Матьяша цесаря не стало; а нынѣ сказываютъ, въ Цесарской землѣ рознь и война: розделилось Цесарское государство на трое, и того еще не вѣдомо, хто будетъ нынѣ на цесарстве утвердился. А съ папою римскимъ царскому величеству по ся мѣста ссылка послы и посланники не бывало, и впередъ не чаять потому что до него царскому величеству ни о которыхъ государственныхъ дѣлехъ не достало. А ѳранцужской, и аглинской, и датцкой короли, и всѣ великіе крестьянскіе государи съ великимъ государемъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. с. въ крѣпкой братственной дружбе и любви на веки нонпаче прежнего, какъ съ прежними государи цари російскими тѣ крестьянскіе государи въ дружбе и въ любви были и на всякого государева недруга хотятъ съ великимъ государемъ нашимъ стояти заодинъ. А галанскіе и педерлянскіе земли владѣтели и Мавриціусъ князь галанской присылали нынѣ къ великому государю нашему посланника своего Исака Аврамова, и прося у великого государя нашего съ покорнымъ челобитьемъ того, чтобъ великому государю нашему его царскому величеству ихъ, недерлянскихъ и галанскихъ владѣтелей, пожаловать, принять въ свое царское жалованье въ докончанье и въ соединенье на всѣхъ государевыхъ недруговъ, а они, галанскіе владѣтели, великому государю нашему его ц. в. на всякого ево государева недруга всякимъ вспоможеньемъ помогать готовы будутъ. И государь посланника ихъ отпустилъ и въ свое царское жалованье ихъ принялъ. А говорити про то про все по вспросу, будетъ ихъ посолъ вспроситъ, а не вспроситъ ихъ посолъ, и имъ самимъ о тѣхъ статьяхъ не всчинать.

А съ свѣйскимъ Густавомъ Адольѳомъ королемъ великій государь

нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. учинился въ докончанье и записми и крестнымъ целованьемъ царского величества послы и свѣйского короля послы тотъ миръ на обе стороны закрепили на томъ, что свѣйскому королю быти съ великимъ государемъ нашимъ съ его царскимъ величествомъ въ сосѣдственной дружбе и любви на веки во всей царского величества воле и на всякого государева недруга стояти съ его царскимъ величествомъ заодно. А говорить про то, только вспроситъ посолъ, а самимъ не всчинати.

А будетъ спроситъ про крымского, и имъ говорить: съ крымскимъ Джанъ бекъ Гирѣемъ царемъ царское величество былъ въ ссылке, а дружбы и недружбы у царского в. съ крымскимъ царемъ нѣтъ; а на чемъ впередъ у царского в. съ крымскимъ царемъ будетъ, того не вѣдомо.

А съ турскими салтаны прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ о дружбе и о любви ссылки мало бывало. А какъ которой великій государь нашъ учинитца на своихъ великихъ государствахъ, и они къ турскимъ салтаномъ государство свое обестить посылывали; а турскіе салтаны, учинясь на государствахъ, къ великимъ государемъ нашимъ государство свое по тому жъ обестить посылывали. А какъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, и онъ, великій государь, къ турскому государство свое обестить посылалъ же, а турской Асманъ салтанъ поздравляти великому государю нашему на государстве и про свое государство обестить присылалъ-же.

И будетъ шаховъ посолъ учнетъ говорить, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя турской посланникъ прежъ сего на Москвѣ былъ, и государь того турского посланника къ турскому отпустилъ и своего посланника къ турскому о дружбе и о любви посылалъ, и тотъ государевъ посланникъ отъ турского къ государю и назадъ пришелъ. И Степану и дьяку Воину говорить: и мы тебѣ сказываемъ: какъ великій государь нашъ его ц. в., учиняся на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и в. кн. в. Р. самодержцомъ, и онъ, великій государь, по прежнему обычею, какъ велося отъ прародителей ево, у всѣхъ великихъ государей, посылалъ къ турскому государство свое обестить посланниковъ своихъ, и турской царского в. посланниковъ отпустилъ и своего былъ посланника Алѣя чеуша къ царскому величеству поздравляти его ц. в. на великихъ государствахъ посылалъ, какъ ведетца и у всѣхъ

великихъ государей, что и къ другу и къ недругу обѣщивать посылаютъ. И тотъ турского царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому в. не дошелъ; а были на Москвѣ арменья купетцкіе люди, а не турского царя посланникъ, а купетцкіе люди, и во всѣ государства ходятъ невозбранно. А великій государь нашъ его ц. в. своего сына боярского съ грамотою къ турскому посылалъ о томъ, что Казыева улуса мурзы учинились подъ великого государя нашего его ц. в. высокою рукою, и онъ бы въ нихъ не вступался. А о дружбе и о любви, и о соединенье царскому величеству съ турскимъ ссылки нѣтъ.

А будетъ шаховъ посолъ про турского и про крымского говорить не учнетъ, и имъ самимъ о томъ одиолично не говорити жъ.

А будетъ шаховъ посолъ спроситъ: какъ нынѣ въ государеве жалованье Большіе пагайскіе князи и мурзы и Казыева улуса мурзы? и Степану и дьяку Воину говорить, что пагайскихъ Иштерека князя и брата его Нурадына Шайтерекъ мурзы не стало; а нынѣ после ихъ дядья ихъ и братья и племянники и Казыевъ улусъ со всѣми своими улусными людьми нынѣ подъ великого государя нашего ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. его царского величества жалованье и повелѣнье по тому жъ, какъ были при прежнихъ великихъ государехъ, и во всемъ царскому величеству служатъ.

А будетъ кизылбашской посолъ учнетъ Степана и дьяка Воина спрашивать: какъ нынѣ великій государь съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, и впередъ чего межъ ими чаять?—и Степану и дьяку Воину говорить: въ прошломъ во 127-мъ году по присылке пановъ радъ полскихъ и литовскихъ съ повелѣнья великого государя нашего царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. с. съезжались царского величества бояре и великіе послы, бояринъ и намѣстникъ псковской Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ съ товарыщи, съ паны рады и съ великими послы, со княземъ Адамомъ Новодворскимъ бискупомъ каменецкимъ, съ товарыщи, и приговорили межъ царского величества и польского Жигимонта короля и межъ великихъ Російскихъ государствъ и корупы польскіе и великого княжества Литовского перемирья на четырнатцать лѣтъ и на шесть мѣсецъ, и отца великого государя нашего его царского величества великого государя святѣйшего патріарха Ѳиларета Никитича московского и в. Р. и бояръ, которые съ нимъ были, полской король всѣхъ отпустилъ, и посланниками на обе стороны розмепились, и нынѣ на обе стороны тишина и покой, и недружбы нынѣ

съ полскимъ королемъ и с-ынымъ ни съ кѣмъ у царского величества нѣтъ.

А будетъ кизылбашской посолъ учнетъ ихъ спрашивать о какихъ о иныхъ дѣлехъ, и Степану и дьяку Воину говорити, что имъ о тѣхъ дѣлехъ слышеть не лучилось, а о иныхъ не великихъ дѣлехъ чинить отвѣтъ, смотря по дѣлу, бережно, какъ бы государеву имени было къ чести и къ повышенью.

Таковъ наказъ данъ стремянному конюху Ивану Арбеневу:

Лѣта 7129-го генваря въ 23 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память стремянному конюху Ивану Арбеневу. Ѣхати ему про противъ кизылбашского посла Булатъ бека зъ государевымъ царевымъ и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. жалованьемъ съ санникомъ и съ саньми, да съ нимъ же указалъ государь послати подъ шаховыхъ людей, подъ кречетниковъ, подъ четырехъ человѣхъ, да подъ посольскихъ лутчихъ людей, подъ десяти человѣкъ, лошеди, кони и мерины съ сѣдлы и съ узды. А встрѣтити ему посла по переславской дороге за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, перестрѣла за два, а отъ того мѣста, гдѣ болшимъ приставомъ посла встречать, съ перестрѣлъ; а ждать того, какъ приставы большіе на встрѣчю выѣдутъ и будутъ готовы. А встрѣчать посла за городомъ Степану Истлѣньеву, да дьяку Воину Трескину; а ему, Ивану, ѣхать къ послу съ саньми и съ лошедьми немного напередъ приставовъ и сани подвести послу ото встрѣчи съ перестрѣлъ. А пріѣхавъ къ послу, молыть:

Великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, любя брата своего шахъ Аббасово величество, а тебя, Аббасъ шахова посла жалуя, велѣлъ къ тебѣ послати съ своей царской конюшни санникъ съ саньми, на чемъ тебѣ ѣхать на подворье, а явя, подвести послу сани, а шаховымъ людемъ кречетникомъ, четыремъ человѣкомъ, да посольскимъ лутчимъ людемъ, десяти человѣкомъ, и всего четырнатцати человѣкомъ лошеди, кони и мерины роздать безъ скаски. А подведчи подъ посла санникъ, и кречетникомъ и посолскимъ людемъ лошади роздавъ, ѣхать въ городъ до подворья съ приставы вмѣсте. Да какъ посолъ пріѣдетъ на дворъ и исъ саней выдетъ, и Ивану велѣти лошеди взяти стряпчимъ конюхомъ и ѣхати съ ними на государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. конюшню, а пріѣхавъ, сказати о томъ въ посольскомъ приказе діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчюкову.

И генваря въ 31 де(нь) указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. быти у себя, у государя, на дворѣ кизылбашскому послу Булатъ беку на пріѣзде. И того дни кизылбашской посолъ у государя на дворѣ былъ, а посыланы по нево звати ко государю на дворъ приставы его, Степанъ Ислѣньевъ да дьякъ Воинъ Терескинъ. А лошедь подъ посла съ санми да подъ шаховыхъ кречетниковъ, подъ 4-хъ человѣкъ, да подъ посольскихъ подъ лутчихъ людей, подъ 10 человѣкъ, лошеди съ сѣдлы посыланы зъ государевы конюшни. А ѣхали съ посломъ въ городъ съ правую сторону Степанъ Ислѣньевъ, а съ лѣвую сторону Григорей Зловидовъ да дьякъ Воинъ Терескинъ. А съ послы ѣхали въ городъ вь ѣздокѣхъ дети боярскіе и подъячьи и дворовые люди, и конюхи пятьдесятъ человѣкъ на конехъ въ чистомъ платьѣ.

А какъ посолъ ѣхалъ въ городъ, и въ то время въ городѣ отъ Красново крыльца и до Ѳроловскихъ воротъ и до посольсково двора стояли стрѣльцы въ цвѣтномъ же платьѣ съ пищальми.

А государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. въ тѣ поры въ золотой въ середней въ подписной полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣсте и въ царскомъ платье въ діадиме съ скипетромъ. А по обе стороны государя стояли рынды въ бѣломъ платье и въ золотыхъ чепяхъ. Съ правую сторону: князь Ѳедоръ княжъ Борисовъ сынъ Татевъ, да князь Ѳедоръ княжъ Ѳедоровъ сынъ Волконской; съ лѣвую сторону: князь Иванъ княжъ Борисовъ сынъ Татевъ, да князь Петръ княжъ Ѳедоровъ сынъ Волконской. А бояре и околничіе и дворяне большіе сидѣли въ золотыхъ шубахъ да въ черныхъ шапкахъ. А стольники и дворяне большіе сидѣли при государе въ полате въ золотомъ же платье. А въ сенѣхъ передъ золотою полатою сидѣли дворяне же и дети боярскіе изъ городовъ и приказные люди въ цветномъ платье.

А пріѣхавъ посолъ въ городъ, вышелъ изъ сапей на мостки противъ казенные полаты середнево быка. А кречетники ссѣли съ лошадей противъ казенново двора воротъ; а посольскіе люди ссѣли съ лошадей у угла Архангельскіе паперти, и шли ко государю середнею лѣсницею.

А какъ посолъ взошелъ на переходы, и встрѣтили посла у проходные полаты на рундукѣ въ дверехъ дворенинъ князь Олексѣй княжъ Григорьевъ сынъ Долгорукой да дьякъ Семенъ Собакинъ. И шли встрѣчники въ полату передъ посломъ.

А какъ посолъ вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его

государю челомъ ударитъ окольничей Ѳедоръ Левонтьевичь Бутурлинъ, а молылъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель! Брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ Аббаса посолъ Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ. И государь пожаловалъ, позвалъ посла къ руке и клалъ на нево свою царскую руку. И посолъ, бывъ у руки, правилъ государю отъ шаха челобитье, а молылъ: Высокопрестольный надъ государи превознесенный великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель! Персидцкій и ширванскій и многихъ государей повелитель братъ вашъ великій государь шахъ Аббасово величество велѣлъ вамъ, великому государю, челомъ ударити и ваше царское здоровье видеть! И государь, приподывся гораздо, молылъ: Братъ нашъ, шахъ Аббасъ, по здорову-ль? И посолъ сказалъ про шахово здоровье да подпесъ государю отъ шаха грамоту. И государь велѣлъ у него грамоту приняти посольскому думному дьяку Ивану Грамотину и велѣлъ посла спросить: опричь грамоты съ нимъ отъ шаха приказъ рѣчью есть ли? и будетъ есть, и онъ бы говорилъ. И посолъ говорилъ рѣчь: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель! Великій государь мой шахъ Аббасово величество велѣлъ мнѣ вамъ, великому государю, говорити, чтобъ вы, великій государь, былъ съ нимъ, зъ государемъ нашимъ, съ шаховымъ величествомъ въ дружбе и въ любви и о своихъ здоровьяхъ послы своими и посланники ссылатися безъ урыву. И государь, выслушавъ рѣчи, велѣлъ послу сѣсти на скамейке, а скамейка была, какъ и литовскимъ посломъ. Да какъ посолъ сѣлъ, и государь пожаловалъ къ руке шаховыхъ кречетниковъ и клалъ на нихъ свою царскую руку.

А после того являлъ государю отъ шаха поминки околничей Ѳедоръ Левонтьевичь Бутурлинъ, а молылъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель! Братъ вашъ, великій государь, персидцкій и ширванскій, шахъ Аббасъ прислалъ къ вамъ въ поминкахъ: покровецъ постелной, низанъ жемчюгомъ зъ бисеры и съ корольки, травы, люди и звѣри, и птицы; 2 покровца блюдные, низаны жемчюгомъ же и бисеры; карманецъ, низанъ жемчюгомъ съ корольки и зъ бисеры, индѣйское дѣло; бархатъ—по серебру травы розные шелки; 12 камокъ серебрепыхъ и золотыхъ; 12 кушаковъ шелковыхъ зъ золотомъ и съ

серебромъ, 11 портищъ бархатовъ розными цвѣты; 7 портищъ камокъ кизылбашскихъ шелковыхъ, цветныхъ; 14 портищъ камокъ цветныхъ, китайки, 36 портищъ камокъ розными цвѣты, меляшныхъ; 7 дороги кашанскіе розными цвѣты; 10 мисъ и блюдъ, и торѣлей, и достокановъ, и братинокъ, и чарокъ, и сулей сарѳунныхъ цепинныхъ; 8 ковровъ большихъ и середнихъ цветныхъ; 2 полсти бурнатныхъ; шатеръ кизылбашской киндячной съ выходы.

А после шаховыхъ помниковъ явилъ государю окольничей же посольскіе помники, а молылъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель! Брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ Аббаса посолъ вамъ, великому государю, челомъ бьетъ: 2 камки кизылбашскихъ цветныхъ зъ золотомъ и съ серебромъ, 2 камки китайки, бархатъ чернъ, барсъ, сабля булатная кизылбашская.

А какъ околничей шаховы и посольскіе помники государю явилъ, и государь велѣлъ посольскому думному дьяку Ивану Грамотину говорить послу рѣчь.

И по государеву указу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу рѣчь, а молылъ:

Булатъ бекъ! Великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ тебѣ говорити: которые еси рѣчи говорилъ нашему царскому величеству отъ брата нашего Аббасъ шаха на посольстве, и мы, великій государь, тѣ рѣчи выслушали и грамоту шахъ Аббасову велимъ перевести и выслушаемъ, и о которыхъ дѣлехъ шахъ къ нашему царскому величеству писалъ въ своей грамоте, и мы, великій государь, на тѣ па всѣ дѣла велимъ тебѣ ответъ учинить инымъ временемъ.

Да велѣлъ государь посольскому думному дьяку Ивану Грамотину сказать послу свое государево жалованье отъ стола ѣству и питье. И по государеву указу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ молылъ послу:

Булатъ бекъ! великій государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ отъ своего царсково стола ѣствою и питьемъ.

А сказавъ государево жалованье, отпустилъ посла съ приставы на подворье. А встрѣчники провожали посла до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали. А съ столомъ отъ государя къ послу посланъ стольникъ

князь Григорей княжъ Васильевъ сынъ Тюоякинъ, а наказъ ему данъ таковъ.

Лѣта 7129-го генваря въ 31 де(нь) государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ стольнику князю Григорью Васильевичю ѣхать къ кизылбашскому послу къ Булатъ беку съ своимъ государевымъ жалованьемъ съ ѣствою и съ питьемъ, и князю Григорью, пріѣхавъ на дворъ, выти изъ саней блиско лѣсницы и итти къ послу въ хоромы, а за собою велѣть нести вина и меды въ кубкахъ и ѣству и питье. А пришедъ къ послу, молыть: Великій государь ц. и в кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ государь и облаадатель брата своево любительново великого государя Аббасъ шаха любячи, а тебя, посла ево, жалуючи, прислалъ къ тебѣ съ своимъ царскимъ жалованьемъ съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ. Да велѣти на столъ скатерть наслати и судки поставити. И ѣству на столъ поставя, взявъ ковшъ питья, молыть князю Григорью: чаша великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича в. Р. с. и многихъ государствъ государя и облаадателя! Дай, Господи, великій государь нашъ царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и братъ его любительной, государь вашъ, шахъ Аббасово величество здоровы были на многіе лѣта, а намъ бы межъ ихъ, великихъ государей, впередъ видети братцкую любовь и ссылку! Да ковшъ выпити напередъ, а другой ковшъ подати послу; а после тово подати приставомъ и кречетникомъ. А подавъ чашу, ѣхать къ государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Русіи, и что съ нимъ кизылбашскіе послы поговорятъ, и ему про то сказати государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи.

Переводъ кизылбашского шахъ Аббасовы грамоты, что прислана съ посломъ ево зъ Булатъ бекомъ 129-го генваря въ 30 де(нь).

Господь есть великъ и милостивъ и великой хвалѣ достоенъ. Высокопрестольному всегда въ благосчастіи пребывающему великопменитому высокоручному милостивому, великого мѣста и великіе чести достойному, храбростію подобно Александру царю, великимъ государствамъ подобенъ Дарію царю и Джемшиду великому, защиченьемъ подобнымъ Газанѳеру царю, доброю славою просіявшему подобно солнцу сіяющему, царского корени отросли Російсково государствія Московскому и великому государю изъ государей мисійского закона избранному, разсудному и ко государству своему разширенье имѣющему, милостивому, дружелюбному, честному и хвальному, превысочайшему и великому государю Михаилу Федоровичю великому князю, Бѣлому царю, чтобъ вамъ милостію

Божіею и многою благодатію Божіею желаніемъ своимъ исполнену быти. А потомъ объявляю, что отъ прежнихъ московскихъ великихъ государей, какъ зачалося быти межъ насъ, великихъ государей, дружба и любовь и ссылка, и до сѣхъ мѣстъ безъ урыву, и нынѣ тѣмъ же обычаемъ отъ васъ, великово государя, послы ваши, въ доброй часъ пришедъ къ намъ, про ваше здоровое намъ объявили и посольство отправили, и мы, слыша про ваше здоровье и съ вами, великимъ государемъ, крѣпкую дружбу и любовь, и соединенье, обрадовались. И будетъ похотите вы, братъ нашъ, про насъ вѣдать, и мы воздаемъ славу Богу, что Божіею милостію пребываемъ, какъ годно другомъ радостно о насъ слышать и надъ недруги нашими во одолѣнье и ни отъ которые стороны отъ недруговъ недружбы и утесненья не имѣемъ. А отъ васъ, великово государя, желаемъ тово, чтобъ межъ насъ, великихъ государей, дружба и любовь и соединенье было по прежнему, а послы бъ и посланники межъ насъ, великихъ государей, съ любительными грамоты ходили всегда безъ урыву, и будетъ которое дѣло ваше лучитца у насъ въ государстве, и вамъ бы про то намъ объявить, и мы то дѣло учнемъ съ радостію исполнять. Пишемъ къ вамъ, великому государю, о дружбе и о любви и о соединенье; а окроме дружбы и любви ничего не желаемъ. А потомъ, дай Богъ вамъ, великому государю, во веки всѣмъ желаньемъ своимъ исполнену быти! А съ сею любительною грамотою послали къ вамъ ближнево своево человѣка Булатъ бека, и вамъ бы, великому государю, велѣть ево, не задержавъ, вскорѣ отпустить къ намъ.

А назади у грамоты въ печати пишетъ: шахъ Аббасъ.

И марта въ 1 де(нь) государь ц. и в. князь Михайло Федоровичь в. Р. указалъ быти у себя, государя, на дворѣ и у бояръ въ отвѣте кизылбашскому послу Булатъ беку, а въ отвѣте указалъ государь быти бояромъ: боярину ближнему и намѣстнику казанскому князю Ивану Борисовичю Черкаскому, да боярину и намѣстнику ржевскому князю Ивану Федоровичю Троекурову, да діакомъ, думному посольскому дьяку Ивану Курбатову сыну Грамотину да Саве Раманчукову. И того дни кизылбашской посолъ у государя на дворѣ былъ. А посыланы по нево и ѣхали съ нимъ ко государю на дворъ приставы ево Степанъ Ислѣньевъ да дьякъ Воинъ Трескинъ. А лошедь подъ него съ саньми да подъ шаховыхъ кречетниковъ подъ 4-хъ человѣкъ да подъ посольскихъ лутчихъ людей подъ 10 человѣкъ лошади съ сѣдлы посыланы зъ государевы конюшни противъ того жъ, сколько посылано къ нему въ тотъ день, какъ опъ у государя былъ на пріѣзде. А ѣхали съ посломъ

въ городъ приставы, Степанъ съ правую сторону, а дьякъ Воинъ съ лѣвую сторону. А передъ посломъ ѣхали въ городъ детей болрскихъ и дворовыхъ людей и подьячихъ и конюховъ 50 человѣкъ.

А государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. въ тѣ поры былъ въ золотой въ середней въ подписной полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣсте и въ царскомъ платье, въ діадиме съ скифетромъ. А по обе стороны государя стояли рынды: съ правую сторону Иванъ Васильевъ сынъ Морозовъ да князь Ѳедоръ княжъ Ѳедоровъ сынъ Волконской, съ лѣвую сторону князь Юрьи княжъ Ондрѣевъ сынъ Ситцкой да князь Петръ княжъ Ѳедоровъ сынъ Волконской. А бояре и окольничіе и дворяне большіе сидѣли въ золотыхъ шубахъ да въ черныхъ шапкахъ. А стольники и дворяне большіе сидѣли при государе въ полате въ золотномъ же платье. А въ сѣнехъ передъ золотою полатою сидѣли дворяне и дьяки, и приказные люди, и гости въ золотномъ же платье. А по крыльцу и по середней лѣснице были дворяне же и дети боярскіе и приказные люди въ золотномъ же и въ чистомъ платье. А стрельцы всѣхъ приказовъ стояли съ рушницами отъ середніе лѣсницы и ото ѳроловскихъ воротъ площедью и Ильинскою улицею до посольсково двора, гдѣ стоитъ кизылбашской посолъ.

А пріѣхавъ посолъ въ городъ, вышелъ изъ саней на мостки противъ казенные полаты середнего быка. А кречетники ссѣли съ лошадей противъ казенново двора воротъ, а посольскіе люди ссѣли съ лошадей у угла Архангельскіе паперти и шли ко государю середнею лѣсницею.

А какъ посолъ взошолъ на переходы, и встрѣтилъ посла у проходные полаты на рундукѣ въ дверехъ князь Данило Долгорукой да дьякъ Семенъ Собакинъ. И шли встрѣчники въ полату передъ посломъ. А какъ посолъ вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его государю челомъ ударить окольничей Ѳедоръ Левонтьевичь Бутурлинъ. А молылъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель! Брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ Аббаса посолъ Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ государскомъ жалованье челомъ бьетъ. И посолъ билъ челомъ на государеве жалованье, что государь пожаловалъ посылалъ къ нему съ столомъ. И государь пожаловалъ, велѣлъ послу сѣсти на скамейке, а скамейка была попрежнему. А посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому думному дьяку Ивану Грамотину кизылбашскому

послу молыть рѣчь. И по государеву приказу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу рѣчь:

Булатъ бекъ! Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ тебѣ говорити: о которыхъ дѣлехъ писалъ къ нашему царскому величеству братъ нашъ, шахъ Аббасъ, въ своей грамоте, и мы тоѣ брата нашего, Аббасъ шаха, грамоту выслушали любительно, а после посольства приказывалъ еси нашего царского величества къ приказнымъ людемъ, что есть съ тобою къ намъ отъ Аббасъ шаха приказъ о нашихъ государскихъ о великихъ дѣлехъ известить нашего царского величества бояромъ, и мы, великій государь, тѣхъ дѣлъ посылаемъ у тебя слушати бояръ нашихъ, боярина ближнего и намѣстника казанского князя Ивана Борисовича Черкасково да боярина и намѣстника ржевского князя Ивана Ѳедоровича Троекурова, да дьяковъ нашихъ, думново Ивана Курбатова сына Грамотина да Саву Раманчукова.

А какъ Иванъ рѣчь изговорилъ, и государь велѣлъ съ посломъ приставомъ итти въ ответную въ набережную полату. А проводили ево встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встречали. А после того послалъ государь къ кизылбашскому послу отъ себя, государя, съ ответомъ бояръ, князя Ивана Борисовича съ товарыщи. И какъ бояре и дьяки вошли въ ответную полату, и посолъ бояръ встрѣтилъ середи полаты, и явилъ бояръ послу дьякъ Сава Раманчуковъ, а молылъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель выслалъ къ тебѣ на ответъ бояръ своихъ: боярина ближнево и намѣстника казанскова князя Ивана Борисовича Черкасково, боярина и намѣстника ржевскова князя Ивана Ѳедоровича Троекурова Ярославсково, да думново дьяка Ивана Грамотина, да дьяка меня, Саву Раманчукова.

И бояре и дьяки съ послы корошевались, а корошевався, боярі и дьяки по мѣстомъ: въ большомъ мѣсте отъ Москвы рѣки сидѣлъ бояринъ князь Иванъ Борисовичь, а въ лавке отъ Стрѣтенья сидѣлъ бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичь Троекуровъ да дьяки, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчуковъ. А послу велѣли сѣсти противъ себя на скамейке. И говорили послу бояринъ ближней и намѣсникъ казанской князь Иванъ Борисовичь Черкаской: Бога въ Троице славимаго милостію великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель, велѣлъ тебѣ говорити: доносили до нашего царского

величества приказные люди, приказывалъ ты съ приставомъ своимъ съ Степаномъ Ислѣньевымъ, что есть съ тобою къ нашему царскому величеству брата нашего Аббасъ шахова величества приказъ о тайныхъ о великихъ дѣлехъ, и нашему бъ царскому величеству тѣхъ дѣлъ велѣти у тебя выслушати нашего царского величества ближнимъ людемъ, и мы, великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ, велѣли у тебя тѣхъ дѣлъ выслушати нашего царского величества бояромъ, и ты бъ тѣ дела, что съ тобою къ нашему царскому величеству отъ шахова величества наказано, объявилъ бояромъ нашимъ.

И кизылбашской посолъ говорилъ: приказывалъ со мною къ великому государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи къ его царскому величеству великій государь мой, шахъ Аббасово величество, чтобъ великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи съ его шаховымъ величествомъ былъ по прежнему въ братцкой любительной дружбе и въ любви, а шахово величество съ царьскимъ величествомъ въ дружбе и любви хочетъ быти свыше прежнево и хочетъ шахово величество, чтобъ межъ царского величества и межъ его, государя, иного сусѣда никого не было, и для бъ того царьское величество велѣлъ поставити въ Кумытцкой землѣ, на Сунше, городы; а какъ царского величества городы въ тѣхъ мѣстехъ стапутъ, и межъ царсково величества и шахова величества иного никого въ сусѣдехъ не будетъ, ино все будетъ ихъ государская земля, и недругомъ своимъ будутъ страшны.

И бояре говорили: что мы у тебя слышимъ, и мы о томъ до царского величества донесемъ, а ты намъ объяви о иныхъ дѣлехъ, что съ тобою шахово величество наказалъ.

И кизылбашской посолъ говорилъ: велѣлъ шахово величество царскому величеству известити: въ прошлыхъ годѣхъ на Терке шахова величества людей пооскорбили, и про то бъ царское величество велѣлъ сыскати.

И бояре говорили: сколь давно и при которомъ воеводе, и хто какіе люди и ково шаховыхъ людей оскорбили и чѣмъ оскорбили, про то бъ сказалъ подлинно, а царскому величеству и намъ, царского величества бояромъ, про то ни отъ кого по ся мѣста вѣдома не было, что шаховы люди на Терке оскорблены.

И шаховъ посолъ Булатъ бекъ говорилъ: шахова человѣка Курчибашины люди торговали въ Астарахани и пошлины съ товаровъ платили, а изъ Астарахани поѣхали въ бусе на Терекъ, и не дошедъ

Терки, близко Терки бусу розбило, и которые у нихъ товары были на бусе, и тѣми товары завладѣли терскіе люди, что принесло къ берегу а имъ ничего не отдали, а дѣлалось то при нынешнемъ воеводе, хто воевода ныне на Терке.

И бояре говорили: сколь давно то дѣлалося и хто именемъ воевода былъ, и на сколько товаровъ взято?

И кизылбашской посолъ говорилъ: мочно сыскать про то въ Астарахани таможенными книгами, пошлину они съ тѣхъ своихъ товаровъ въ Астарахани не (sic) платили и по тому будетъ вѣдомо, сколько у нихъ товаровъ будетъ; а дѣлалося то при воеводе при Петрѣ Петровиче Головине, и прежъ того о томъ язъ, Булатъ бекъ, царьского величества бояромъ въ отвѣте говорилъ.

И бояре говорили: и мы о томъ до царского величества донесемъ и царское величество велитъ про то сыскати.

И посолъ говорилъ: приказывалъ съ нимъ шахово величество, велѣлъ царскому величеству известити: прежъ сево шахова в. торговымъ людемъ во всемъ было береженье, пошлину таможенную съ нихъ имали рядовую, а ныне въ Астарахани и на Терке емлютъ съ шаховымъ съ торговыхъ людей пошлину большую мимо царского величества указу не по прежнему, и многое насильство шаховымъ торговымъ людемъ чинятъ и продажи.

И бояре говорили: великій государь нашъ царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ для шаховы братцкіе дружбы и любви велѣлъ къ шаховымъ торговымъ людемъ въ Астарахани и на Терке держати береженье свыше прежнево. И по его государскому указу въ Астарахань и на Терекъ посланы его, государевы, грамоты къ воеводамъ съ великимъ запрщеньемъ, чтобъ шаховыхъ торговыхъ людей во всемъ берегли и обидить никому не давали, и пошлины велѣлъ имать прямые, а съ шаховыхъ товаровъ пошлинъ никакихъ имать государь не велѣлъ; а къ тому царское величество велѣлъ милости своей прибавить, чего прежъ сево и не бывало: прежъ сево птицъ ловчихъ и звѣрей живыхъ никому не продавывали, а ныне царское величество и то шаховымъ торговымъ людемъ продавати велѣлъ: звѣри живые и птицы ловчіе, какіе добудутъ шаховы люди, продавать велѣлъ повольно, а то царское величество велѣлъ учинити, оказуючи свою государскую любовь къ шахову величеству. А что ты сказываешь, что будто шаховымъ людемъ обида многая и пошлины смлютъ съ его торговыхъ людей большіе, и царскому величеству по ся мѣста про то не вѣдомо, и ты бъ намъ, царкого величества бояромъ, объявилъ: сколь давно то дѣлалось, при

которыхъ воеводахъ, и хто именемъ царского величества люди, и кому именемъ шаховымъ людемъ какіе обиды починили и въ какихъ дѣлехъ, и мы о томъ донесемъ до царского величества, и царское величество велитъ про то сыскать и наказанье тѣмъ людемъ, которые негораздо дѣлали, велитъ учинить. Намъ, царского в. бояромъ, и самимъ то надобно, чтобъ того непригожево дѣла не было, чтобъ въ томъ межъ великихъ государей ссоры не учинить.

И кизылбашской посолъ говорилъ: всего онъ подлинно не упомнитъ, что кому шаховымъ людемъ обидъ учинено, а то вѣдаетъ, что шаховымъ людемъ учинились обиды многіе при всѣхъ воеводахъ, которые преже сево были и которые ныне недобро дѣлаютъ, и гостина двора приставы и таможники, и толмачи чинятъ шаховымъ людемъ многіе обиды.

И бояре допрашивали, чтобъ сказалъ именно: при которыхъ воеводахъ что дѣлалось? Будетъ только што дѣлалось до царского величества самодержавства, и то дѣлалось въ смутные лѣта: того спрашивать нѣ на комъ; а только будетъ что дѣлался при государѣ — и про то сыскать мочно, и тѣмъ людемъ за то будетъ наказанье.

И посолъ говорилъ: и при государе де ужъ воеводы дѣлали недобро толко лише одинъ воевода астарахапской, именемъ князь Олексѣй, которой жилъ въ Астарахани въ остроге, а дѣлалъ межъ государей добро и шаховымъ людемъ насильства отъ него не было никоторого; а опричь де того ни отъ которово воеводы шаховымъ людемъ добра не было; также и отъ дьяковъ, и отъ головъ, и отъ таможниковъ, и отъ подьячихъ, и отъ толмачей насильства шаховымъ людемъ были многіе и поминки имали великіе, всего и упамятовать нельзѣ.

И бояре допрашивали, что(бъ) сказалъ именно: которой воевода астарахапской или терской, о которую пору, которому шахову человѣку какую неправду здѣлалъ, и государь того велитъ сыскать. А что будетъ дѣлалось до государя, и того ему спрашивать нѣ на комъ: тогды было время безгосударное.

И посолъ говорилъ: онъ то доподлинно не вѣдаетъ, а то вѣдаетъ: какъ на Терке былъ воевода Петръ Головинъ, и онъ у шахова человѣка взялъ триста рублевъ сильно.

И бояре говорили: преже тово о томъ рѣчи были, чаемъ: то дѣлалось до царьского величества державы.

И кизылбашской посолъ говорилъ: такъ де правда: то было за шесть мѣсяцъ до царсково величества обираньи.

И бояре говорили: хотя за два мѣсяца, не за шесть мѣсяцъ, однако дѣлалось въ безгосударьное время, и сыскъ про то былъ, и въ

томъ дѣле Петровы жъ вины Головина не объявилося. Вѣдаешь самъ, какъ были напередъ сево у царсково величества шахова величества послы Кая салтанъ да ты, Булатъ бекъ, и по царского величества указу были есте въ отвѣте у боярина и намѣстника пижегородцково, у князя Олексѣя Юрьевича Ситцково Ярославсково съ товарыщи, и вы тогды о томъ царского величества бояромъ говорили: взялъ де у государя вашего человѣка на Терке бояринъ Петръ Петровичь Головинъ триста рублевъ денегъ и по ся мѣста ему не отдалъ, и царскому бъ величеству тебя, Булатъ бека, пожаловать: тѣ деньги велѣть, сыскавъ, отдать тебѣ, и на то тебѣ тогда же бояринъ и намѣстникъ пижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичь Ситцкой съ товарыщи учинили отвѣтъ, что про тѣ деньги сыскивано царского величества бояриномъ и воеводою Петромъ Петровичемъ Головинымъ, а въ сыску царского величества бояринъ Петръ Головинъ сказалъ, что онъ у человѣка твоего никакихъ денегъ въ государеву казну и себѣ не имывалъ и человѣка твоево никово не видалъ, а дѣлалось де тѣмъ обычаемъ въ смутное время, а въ которомъ году, того не упомнитъ: били челомъ ему, Петру, пріѣхавъ на Терекъ изъ Астарахани, тезики на терскихъ стрельцовъ, а сказали, что будто послали онѣ съ тѣми стрельцы изъ Астарахани двѣсти рублевъ денегъ, и они имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрельцовъ давалъ судъ, и на судѣ стрельцы въ тѣхъ деньгахъ отвечали, что онѣ у нихъ денегъ дву сотъ рублевъ не имывали, да слались на астараханскую на проѣзжую грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамоте не написано, и онъ де велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжую грамоту, и тезики передъ нево астараханскую проѣзжую грамоту клали, и онъ, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ, и въ той де грамоте товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ изъ Астрахани, написаны имянно, а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамоте не написано. И онъ де, Петръ, тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего тѣ деньги у нихъ въ проѣзжѣй грамоте имянно не написаны и почему онѣ въ тѣхъ денгахъ стрельцомъ вѣрили? И тезики де сказали, что тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамоте не написаны, а деньги онѣ съ стрельцы послали, повѣря имъ, что онѣ терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ де, царского величества бояринъ, тезикомъ въ тѣхъ деньгахъ отказалъ потому, что тѣ деньги въ проѣзжей грамоте не написаны, и улики въ тѣхъ деньгахъ на стрельцовъ не сказали никоторые, и сыскать было про то нѣчемъ. Да и сверхъ боярина Петра Петровича велѣлъ государь про то сыскати на Терке мимо Петра всякими людьми накрепко, да и дѣлу записку подлинную, какъ

то дѣлалось, велѣлъ государь съ Терки взять для подлинного сыску къ Москве, ино по сыску и по записке по дѣлу было такъ, (какъ) сказалъ бояринъ Петръ Петровичь Головинъ, а ни у кого Петръ Головинъ у шаховыхъ людей денегъ не имывалъ, сыскать про то нѣчемъ, и впередъ того спрашивать нѣ на комъ.

И посолъ говорилъ: коли про то сыскано подлинно, что дѣлалось такъ, а до Петра то дѣло не дошло, и онъ про то впередъ говорити не будетъ.

Да подалъ посолъ памятцу, писана татарскимъ писмомъ, а сказалъ, что въ той памятцѣ писано, что учинилось обидъ шаховымъ людемъ въ царского величества городѣхъ.

И бояре допрашивали посла: всѣ ль онъ дела о чемъ ему шахово величество приказалъ царскому величеству известить, имъ, бояромъ, объявилъ? И посолъ говорилъ: еще есть дѣло: какъ ужь меня шахово в. къ царскому величеству отпустилъ, и былъ ужь я въ дороге, и шахово в. прислалъ за мною грамоту, а велѣлъ мнѣ царскому величеству известити: пріѣхалъ къ шахову величеству служити Шаинъ Гирѣй царевичь крымской и ныне живетъ въ шахове области, шахово величество его жалуетъ и бережетъ, и преже сего объ немъ къ царскому в. писалъ, чтобъ царское в. для шахова величества къ нему свое жалованье держалъ, и ныне шахово в. велѣлъ царскому в. известити: ѣздятъ Шаинъ Гирѣевы царевичевы люди для его дѣлъ въ Астарахань и на Терку, и царское бъ величество велѣлъ Шаинъ Гирѣевымъ царевичевымъ людемъ береженье держать и никому бъ ихъ подавать не велѣлъ.

И бояре говорили: преже сево писалъ къ великому государю нашему къ его царскому в. Аббасъ шахово в. и съ послы своими приказывалъ, чтобъ царскому в. для ево братственные дружбы и любви держать крымсково Шаинъ Гирѣя царевича въ своемъ царскомъ милостивомъ жалованье и ото всѣхъ недруговъ ево во обороне, и царское в. по прошенью брата своево Аббасъ шахова в. по ся мѣста Шаинъ Гирѣя царевича держалъ въ своемъ государскомъ жалованье и людемъ ево въ царского величества городы пріѣздъ былъ повольной, и пошлинъ съ товаровъ ихъ не имали, а ныне писали къ царскому в. изъ Астарахани воеводы, что пріѣхалъ къ нимъ въ Астарахань шаховъ сокольникъ Бархардаръ ага, а привезъ съ собою отъ Шаинъ Гирѣя царевича къ нагайскимъ мурзамъ грамоты, а пишетъ къ нимъ Шаинъ Гирѣй царевичь, отводя ихъ отъ царского в. на Крымскую сторону, и тѣмъ дѣлаетъ межъ царского в. и межъ шахова в. ссору, а шаху то вѣдомо

самому, что нагайскіе князи и мурзы издавныхъ лѣтъ холопи великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, да и ныне подъ великого государя нашего его ц. в. высокою рукою и служатъ великому государю нашему, а великій государь нашъ держитъ ихъ подъ своею царьскою высокою рукою въ своемъ царскомъ милостивомъ жалованье.

И кизылбашской посолъ говорилъ: а къ которымъ нагайскимъ мурзамъ писалъ именно и куды ихъ отводитъ отъ царского жалованья?

И бояре говорили: писалъ къ нагайскимъ мурзамъ къ Яштерекъ мурзѣ Тенехматову да къ Аксакель Маметь мурзѣ Тинбаеву и къ инымъ мурзамъ, а отводитъ ихъ отъ царьсково величества жалованья съ астараханскіе стороны на крымскую сторону подъ Крымъ; а то тебѣ самому вѣдомо, что крымской царь царскому величеству непріятель, также и шахову в. недругъ, а другъ турскому салтану: и то добро ль дѣлаетъ Шаинъ Гирѣй царевичь, что нагайскихъ мурзъ отъ царского в. жалованья отводитъ къ крымскому царю?

И посолъ Булатъ бекъ говорилъ: онъ про то не вѣдаетъ; а что ему о Шаинъ Гирѣе царевиче велѣлъ говорити шахово в., и онъ то и говоритъ, а что онъ о Шаинъ Гирѣе царевиче слышитъ у нихъ, царского величества бояръ, и онъ про то шахову в. скажетъ.

И бояре говорили: о которыхъ ты дѣлехъ съ нами, царского величества бояры, говорилъ, и мы о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ до великого государя нашего до его царского в. донесемъ и отвѣтъ тебѣ на тѣ дѣла по царского величества указу учинимъ.

Да говорилъ послу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ о тѣхъ дѣлехъ, которые дѣла дѣлались не по пригожу съ шаховы стороны: царского величества бояре, остерегая межъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. его царского величества и межъ Аббасъ шахова в. ихъ государскіе дружбы и любви, чтобъ межъ ихъ, государей, ихъ государской дружбе и любви нарушенья не было, велѣли тебѣ объявити, что дѣлалось ныне въ шахове области надъ царского величества послы не по пригожу, мимо прежней обычай, чего преже сево николи такъ не бывало. Какъ пріѣхали царского в. послы къ Шемахе, и у Шемахи была встрѣча посломъ по прежнему обычаю и о здоровье пословъ отъ шемахѣйсково хана спрашивали, и кормъ тотъ день давали доволенъ, а какъ пріѣхалъ въ Шемаху ты, Булатъ бекъ, и съ тѣхъ мѣстъ у пословъ корму убавили: всего на сто на пятьдесятъ на шесть человѣкъ давали корму на день пять барановъ да на два дни яловица. А сказывали посломъ въ розговорехъ многіе люди, что сказывалъ де шаху

ты, Булатъ бекъ, что будто шаховымъ посломъ въ государеве землѣ давали корму мало и во всемъ была скудость.

И кизылбашской посолъ, выслушавъ речей, говорилъ къ нимъ: шахова величества посломъ царское жалованье многое онъ царское жалованье виделъ къ себѣ нонпаче иныхъ: сколько де язъ ѣлъ шахова хлѣба, столько царского величества хлѣба, потому что бывалъ въ Московскомъ государстве многижда, и ему было какъ то сказывать, чего не бывало, ничего онъ худого шаху не сказывалъ, а какъ де царского в. послы пріѣдутъ въ Шемаху, и кормъ де посломъ посылаетъ шемахѣйской Исупъ ханъ, сколько хочетъ, столько и пошлетъ, то шахъ положилъ на немъ, а шахъ свое жалованье кормъ даетъ по своему, какъ ему покажетца, а къ тому, что дастъ шемахѣйской ханъ, не примѣриваетца и на немъ послѣ того спрашивать не доведетца: воленъ Богъ да шахъ.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: а какъ послы пріѣхали въ Ардевилъ, гдѣ шахъ въ то время былъ, и имъ у Ардевиля встрѣчи не было и лошадей подъ нихъ шахово в. не прислалъ, ѣхали въ городъ на усталыхъ клячахъ, на худыхъ, да быти имъ шахъ у себя въ Ардевили не велѣли, а велѣлъ итти за собою въ Казбинъ, и подводъ послалъ и корму дали мало, и ѣхали съ великою [1]). А въ Казбинъ шахъ пришедчи, велѣлъ государевымъ посломъ ѣхати за собою въ Ѳарабатъ наскоро днемъ и ночью на тѣхъ же подводахъ, а лошадей имъ не прислалъ, а велѣлъ пословъ у Ѳарабата встрѣтить и на встрѣче встрѣчники о государскомъ здоровье спрашивали, не сседая съ лошадей, и на посольстве шахъ велѣлъ былъ государевымъ посломъ быть у себя с-ындѣйскимъ посломъ вмѣсте, и послы за то стояли, и шахъ велѣлъ быти будто однимъ, а индѣйской посолъ въ тѣ поры былъ у шаха жъ на дворѣ; а на завтреѣ велѣлъ быти у себя мимо большихъ пословъ дьяку Михайлу Тюхину, и послы Михайла пустити не хотѣли, и шахъ велѣлъ ево взяти сильно и говорилъ Михайлу съ кручиною многіе рѣчи, будто дѣлалось посломъ его въ государеве землѣ бесчестье и неволя во многихъ мѣрахъ; а посломъ шаховымъ въ царского величества землѣ николи ни въ чемъ безчестья и неволи не бывало. Да не токмо посломъ, и гонцомъ, и купчинамъ во всемъ царская милость и жалованье и кормъ даютъ доволенъ.

И кизылбашской посолъ говорилъ: было де все такъ; только государь его шахово величество государь великой, дѣлаетъ своимъ обычаемъ,

---

[1]) Тутъ слово пропущено, должно быть: «съ великою нужею».

указать ему нѣкому. А иное дѣлалося для того, что государевы послы шаха розгневили: какъ де пріѣхали царского величества послы въ Ардевиль, и въ тѣ де поры про шаха въ Ардевиле никого не было: всѣ были ратные люди противъ шахова недруга турсково салтана людей, и встрѣтить было у Ардевиля нѣкому, потому имъ и встрѣча не была. Да въ то жъ время пришла де къ шаху вѣсть, что Богъ ему надъ недругомъ его надъ турскимъ подаровалъ побѣду, и ему далъ Богъ радость и хотѣлъ смотрити царского величества присылки кречетовъ и посылалъ о томъ къ посломъ, чтобъ ему прислали кречетовъ посмотрити, и послы де шаха не послушали, кречетовъ къ нему не прислали и тѣмъ его розкручинили, и шахъ, осердясь на пословъ, такъ и дѣлалъ, и Михайла къ себѣ Тюхина ималъ мимо большихъ пословъ, ведь ему указать нѣкому: государь великой, какъ похочетъ А того шахъ при Михайле не говаривалъ, что посломъ шаховымъ недобро дѣлалось, а говорилъ про торговыхъ людей, что его торговымъ людемъ насильство и продажа, а береженья нѣтъ—о чомъ язъ топере подлинно вамъ по шахову приказу говорилъ, а про пословъ шахъ ничево не говаривалъ. А с-индѣйскимъ посломъ шахъ государевымъ посломъ велѣлъ быть у себя вмѣсте, а чаелъ того, что и такъ и лутче, что ихъ государская дружба и любовь будетъ, и индѣйскому вѣдомо, а индѣйской государь великой же и съ шахомъ въ дружбе. Да какъ государевы послы учали за то стояти, не захотѣли с-индѣйскимъ посломъ вмѣсте быти, и шахъ то и отставилъ; были государевы послы у шаха напередъ, а индѣйской посолъ былъ после царского величества пословъ, только одно то была помѣшка государевымъ посломъ, что шаха розкручинили, птицъ не прислали посмотрить, и шаху то стало на пословъ въ великую досаду.

И бояре говорили, что государевымъ посломъ учинити мимо государевъ указъ не мочно, и кречатовъ было напередъ посольства послать непригоже: съ чѣмъ же было самимъ посломъ итти къ шаху? Да и въ наказе у нихъ тово не написано, что напередъ кречеты послать, а ведь всякой посолъ повиненъ исполнять повелѣнья государя своего.

И посолъ говорилъ: и онъ то вѣдаетъ и напередъ того такъ не бывало, только шаху хотѣлося кречетовъ посмотрить, и послы не прислали и тѣмъ ево роскручинили. И что онъ ныне слышитъ у нихъ, царского величества бояръ, и онъ то шаху скажетъ.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: а что шахъ государевымъ посломъ велѣлъ давати корму, и исъ того корму приставы Усеинъ бекъ и онъ, Булатъ бекъ, имали себѣ десятую долю, а иногды больши, а иногды многое время посломъ корму и не давали, а поку-

пали послы кормъ собою, а въ одно время два мѣсяца покупали кормъ собою: дорогою ценою.

И кизылбашской посолъ говорилъ: было такъ: приказывалъ шахъ въ Казбине къ посломъ со мною, а велѣлъ ѣхати за собою въ Ѳарабатъ, и послы не поѣхали, и шахъ велѣлъ имъ дати на кормъ 100 тюменей, на колко станетъ. И после того послы присылали къ шахову величеству толмача, что у нихъ шахово жалованье кормовые деньги изошли, и шахъ де послалъ съ нимъ къ посломъ опять 100-жъ тюменей, а ему исъ того указалъ взяти на дорогу, и онъ взялъ по шахову приказу.

И бояре говорили: ино то царсково (*пропущено*: величества) послы кабы даньщики! ведь пословъ государи чтятъ вмѣсто государей ихъ, всякой посолъ государя своего парсону на себѣ носитъ, и шахову величеству довелося царского величества чтити также, какъ и царское величество здѣсь шаховыхъ пословъ во всемъ жалуетъ и почесть велитъ имъ чинить.

И кизылбашской посолъ говорилъ: въ томъ де шахова воля, нихто ему указать не смѣетъ, а до меня то дѣло не дошло. А какъ де поѣхалъ язъ съ послы из-Испогапа, и шахъ на пословъ кормъ велѣлъ збирать ему, и онъ кормъ збиралъ полной и посломъ давалъ.

И бояре говорили: сказывали царского величества послы бояромъ, что приказывалъ къ нимъ калентарь, что ты взялъ на нихъ кормъ весь сполна, а къ посломъ только прислалъ 4 борана, двенатцать куровъ, два батмана масла, четыре батмана пшена, дватцать батмановъ лепешекъ, и послы пошли исъ Казбина, покупая кормъ собою. Да и въ Шемахе ты посломъ корму велѣлъ давать не отъ велика, въ полы противъ прежнево и менши, и исъ того ималъ себѣ долю.

И посолъ говорилъ: давалъ кормъ посломъ доволенъ, а то послы, что будто имъ корму давано мало, сказывали неправду; а вы царского величества бояре посломъ вѣрите, а моимъ рѣчемъ не вѣрите.

И бояре говорили: преже сево послы жъ царского величества у шахова в. бывали, да коли чево не бывало, и они ничего худово не сказывали, а ныне мы тебѣ говоримъ въ розговоръ, остерегая межъ государей дружбы и любви, чтобъ отъ того межъ государей нелюбье не всчалося, а не иного для чего.

И кизылбашской посолъ говорилъ: чаю и то: послы вамъ, царского в. бояромъ, сказывали: въ Казбине де руской торговой человѣкъ продавалъ соболи, и шахъ велѣлъ ему прислати посмотрити къ себѣ соболи лутчіе, которые бъ пригодилися къ шахове казнѣ, и тотъ де человѣкъ соболи

присылалъ худые, и тѣмъ сказывалъ цѣну дорогу: триста рублевъ; а после де тово продалъ сорокъ соболей Сарыхозину человѣку, а взялъ за нево всего деветь тюменей, а къ шаху таковыхъ соболей не прислалъ, и шахову в. то стало добрѣ досадно и велѣлъ былъ шахъ того человѣка задержать, и велѣлъ про то сыскать казбинскому воеводе. И держали того человѣка мѣсяца зъ два и отпустили ево со всѣмъ въ цѣлости, и подводы и кормъ ему и проѣзжей листъ колентарь ему далъ. И тотъ де человѣкъ, пришедчи къ посломъ, сказывалъ, что ему была мука, да и мнѣ сказывалъ то жъ; а язъ де вѣдаю самъ подлинно, что ему никакой муки и безчестья большово не было; а чаю про то и вамъ, царского величества бояромъ, сказано неправдою. Да подалъ памятцу тотарское писмо съ нишаномъ, сказалъ, что тому человѣку калентаръ далъ проѣзжую и кормъ, и подводы по тому велѣлъ имать.

И бояре говорили: о которомъ онъ человѣке говорилъ, и то былъ не торговой человѣкъ, тотъ человѣкъ сынъ боярской, Дмитреемъ зовутъ Хомяковъ; а ѣздилъ въ Кизылбаши съ царьского величества посломъ со княземъ Михайломъ зъ Борятинскимъ, а калентарь его поималъ и далъ его за пристава не по дѣлу и мучилъ ево въ Казбине, и у себя въ деревне на работе не по дѣлу, и посломъ о томъ уграживалъ, чтобъ послы о томъ къ шаху бити челомъ не посылали. Да и ты, Булатъ бекъ, сказывалъ посломъ, что тотъ сынъ боярской взятъ по шахове грамоте. Да и корму посломъ для того давати не почали, чтобъ за тѣмъ въ Казбине не жили и къ шаху о томъ бити челомъ не посылали, и послы покупали кормъ собою. А того сына боярсково приводили передъ калентаря и его роспрашивали и пытать хотѣли: сколько у пословъ его животовъ, и пословъ за нево хотѣли грабити, будто у пословъ его животы; а хоти бъ и были у пословъ ево животы, ино послы и тотъ сынъ боярской люди царского величества, а не шаховы и роспрашивати было его и пытать и животовъ отъимать нѣ за что; а хоти бъ у нево были и соболи, и онъ въ своихъ животѣхъ воленъ: кому хочетъ, тому продаетъ. А отпустя пословъ изъ Казбина, того сына боярсково казбинской калентарь сослалъ къ себѣ въ деревню, и онъ у калентаря въ деревне работалъ съ мѣсяцъ, посилъ кирпичь на гостинъ дворъ. И то пригожее ль дѣло такъ надъ царского величества людьми дѣлать? Въ Московскомъ государстве надъ шаховыми людьми такого бесчестья николи не бываетъ; а хоти и малая обида учинитца, и вы про то говорите, и по царского в. указу про то сыскиваютъ и виноватымъ чинятъ наказанье.

И посолъ говорилъ: того не бывало, что тотъ человѣвъ былъ на

работе, и пословъ грабить за нево не хотѣли; а по шахову велѣнью того сына боярсково калентарь ималъ, и въ томъ шахова воля. А после того тотъ человѣкъ отпущенъ со всѣмъ въ цѣле, и кормъ и подводы ему даны.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: а какъ шахъ пошолъ исъ Ѳарабата в-Испоганъ, и государевымъ посломъ велено итти за шахомъ безъ людей, и везли пословъ на десети клячахъ, а больши того посломъ самимъ подводъ не дали и лошадей купить не поволили и вели ихъ что полоняниковъ; а людей ихъ, которые безъ нихъ остались въ Казбине, корму не давали. А какъ послы пришли къ Испогану, и подъ нихъ выслали двѣ лошади съ сѣдлы от-испоганскова приказново человѣка, а не отъ шаха, да на тѣхъ лошадѣхъ, не заѣзжая на подворье, и къ шаху пословъ привели, кабы въ неволю, а они, ѣдучи дорогою, упылились и перегрязнились: въ чомъ ѣхали, въ томъ платье и у шаха были. А преже тово надъ государевыми послы такого безчестья николи не бывало. А которые послы шахова в. бываютъ у царского в., и имъ встрѣчи у Москвы бываютъ, и о здоровье спрашиваютъ отъ царского в., и лошади подъ пословъ посылаютъ зъ государевы конюшни, а государевымъ посломъ преже того у шаха по тому жъ бывала почесть и встрѣчи бывали большіе, и лошади подъ пословъ присылываны, и о здоровье спрашивали отъ шаха.

И посолъ говорилъ: ему о томъ не наказано, а что посломъ было у шаха, и то дѣлалося по шахову велѣнью, а чаетъ онъ за то, что послы шаха роскручинили: птицъ къ нему напередъ посольства не прислали.

И думный дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: да царского жъ величества у пословъ подговорили въ Казбине 2 человѣка людей ихъ зъ животы, и они о томъ къ шаху бити челомъ посылали и къ шаховымъ приказнымъ людемъ приказывали, и приставомъ говорили, и приставы посломъ сказали, что тѣ люди есть, и ихъ, сыскавъ, пришлютъ; а после того отказали, что тѣхъ людей не сыскали; а государевымъ посломъ ото многихъ людей вѣдомо, что тѣхъ ихъ людей взялъ къ себѣ и сослалъ въ помѣстье казбинской калентарь.

И посолъ говорилъ: то ему вѣдомо, что у государевыхъ пословъ люди збежали, а что говорите, что тѣхъ людей взялъ къ себѣ калентарь, и про то шахову в. никакъ не вѣдомо, да и онъ про то не слыхалъ.

И думной дьякъ Иванъ Грамотонъ говорилъ: а на отпуске царского в. послы у шахова в. были на мойдане и у руки были у шаха,

и рѣчь имъ говорилъ шахъ, сидя на конѣ, мимо прежней обычай, чего николи не бывало; а государскому имени въ томъ учинена многая честь. И отпустилъ шахъ пословъ въ Казбинъ, а изъ Казбина велѣлъ отпустити казбинскому калентару, и въ Казбине у пословъ животы ихъ пересматривали и переписывали, чего нигдѣ не токмо надъ послы, и надъ торговыми людьми не дѣлаетца.

И посолъ говорилъ: въ томъ шахова воля: какъ хочетъ—дѣлаетъ, нихто ему казать въ его землѣ не смѣетъ, государь самовласной и дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ, а рухлядь де шахъ велѣлъ у пословъ переписать для подводъ, чтобъ вѣдомо было, колько подводъ дать, чтобъ лишнихъ подводъ за посмѣхъ не давать.

И бояре говорили: у царского в. не токмо надъ шаховыми послы, и надъ купчинами того не ведетца, и животовъ ихъ не переписываютъ, а даютъ подводы по ихъ скаске, сколько имъ надобе.

И посолъ говорилъ: вѣдаю язъ царского в. милость къ посломъ къ шаховымъ и къ купчинамъ подлинно, только то учинено не отъ меня: шахъ тому быти произволилъ, а мнѣ о томъ говорити не умѣть.

Да посолъ же говорилъ: слышелъ онъ у нихъ, царского величества бояръ, что жалуютца царского в. послы на шахово величество во многихъ мѣрахъ, а послы де сами были шаха не послушали: птицъ къ нему не прислали. Да и то де вамъ, царского в. бояромъ, вѣдомо, что здѣлали царского в. послы в-Испогани не доброе дѣло: былъ у шахова в. в-Испогане бухарсково царя посолъ, и послы велѣли у него людемъ своимъ подговорити полоненика русково человѣка зъ животы и велѣли ево убить и закопали въ землю въ арменскомъ кладбище, и того человѣка велѣлъ шахъ выкопать и осмотрить, и тотъ человѣкъ колотъ ножемъ въ трехъ мѣстехъ, а не исъ пищали убитъ. И шахову де в. на пословъ то стало въ великую кручину.

И бояре говорили: сказывали имъ, царского в. бояромъ, послы Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ, что дѣлалось въ прошломъ во 127-мъ году: присланъ былъ съ Терки къ посломъ терской стрелецъ Микитка Мещерякъ, и тотъ стрелецъ, будучи въ Кизылбашехъ, учалъ воровать и, напився пьянъ, убилъ себя самъ исъ пищали до смерти, и царского в. послы велѣли его погрести въ арменскомъ кладбище. И приставъ Усеинъ бекъ, которой былъ у пословъ, говорилъ царского в. посломъ, будто збежалъ отъ торгового человѣка, отъ бухарца, руской полоненикъ, а не отъ посла, а снесъ съ собою двацать одинъ тюмень денегъ, и будто тотъ полоненикъ у пословъ. Да и шаху про то на государевыхъ пословъ сказали ложно, будто того

полоненика у бухарца велѣли подговорити и деньги будто у нево взяли государевы послы и исъ того будто его велѣли убити. И по Усеинъ бекове ложной сказке, того стрельца изъ могилы велѣли выкапывать и бухарцу велѣли узнавать, и бухарецъ узналъ, что то не ево полоненикъ, а хаживалъ вмѣсте съ его полоненикомъ. И въ томъ полонепике велѣли взяти зъ двора у государевыхъ пословъ людей ихъ и пыткою имъ грозили и собаками травить хотѣли, и сидѣли посольскіе люди за приставомъ долгое время. А после про того полоненика сыскалось, что тотъ бухарцовъ полоненикъ пошолъ из-Испогани въ Казбинъ съ черкашенииомъ съ Сенкою Пьялою, а тотъ Сенка Пьяло въ Казбине сысканъ и къ шаху приведенъ, а въ роспросе сказалъ, что тотъ бухурсково торгового человѣка полоненикъ, которымъ государевыхъ пословъ поклепали, пошолъ из-Испогани съ нимъ вмѣсте въ Казбинъ, а изъ Казбина тово полоненика онъ, Сенка, отпустилъ въ Ардевиль, а на пословъ ничего въ томъ полопенике не говорилъ. И государевы послы въ томъ полопенике обесчесчены не по дѣлу; а людей ихъ у нихъ зъ двора имаиы и пыткою стращены, и за приставомъ сидѣли не за вину, чего николи надъ послы не бывало. А про того стрельца сыскано подлинно, что онъ убилъ себя исъ пищали самъ, а не послы ево убили. А которые шаховы послы бываютъ у царского в. на Москвѣ и въ государевыхъ городѣхъ, и надъ ними безчестья не бываетъ никоторого и людей у нихъ не емлютъ. И только у шаха надъ послы впередъ такъ учнетъ дѣлатца, и царскому величеству и посылать будетъ пословъ невѣдомо какъ.

И посолъ говорилъ бояромъ: вижу язъ, что царского в. послы сказывали вамъ, бояромъ, и то стала правда; а что язъ говорю, и то кривда, и послы де сказывали вамъ, царского в. бояромъ, неправду. Да подалъ памятцу — руское писмо, а сказалъ, что та памятца писана про то дѣло, что убитъ терской стрелецъ.

И бояре говорили: мы никого не правимъ, не винимъ; а то не статочное дѣло, что царского в. посломъ такъ учинити, что стрельца убить. И памятцу бояре чли, а въ памятцѣ пишетъ [9]).

И вычетчи памятцы, спрашивали шахова посла: та памятца чья рука, хто еѣ писалъ?

И посолъ говорилъ: служитъ шахову в. руской человѣкъ, звали ево Замятнею, а ныне онъ у шаха въ сотникахъ.

И бояре говорили: про того человѣка слышети имъ лучилось,

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ пробѣлъ.

что тотъ человѣкъ измѣнникъ, служивалъ у головы стрелетцково, у Смирного Моматова; а ныне, сказываютъ, онъ отъ православные вѣры отступилъ и обусурманился, и такому чему вѣрити? Хоти бъ онъ и отъ вѣры не отступилъ, и онъ худой человѣкъ, холопъ сына боярсково обычного, а се измѣнникъ, и ему о какомъ добрѣ мыслить, коли отъ Бога не убоялся, и ему какое добро дѣлать? Здѣсь такимъ худымъ людемъ ни въ чемъ не вѣрятъ.

И посолъ говорилъ: хто учнетъ государю своему служити правдою, тотъ бываетъ вѣренъ.

И бояре говорили: самъ разсуди: только хто отъ вашіе вѣры отстанетъ хъ какой вѣре ни буди, вѣренъ ли тебѣ мнитца быти? Также и тотъ худой человѣкъ своей православной вѣре и землѣ своей, гдѣ родился, невѣренъ, какъ можетъ быти вѣренъ вамъ, инороднымъ и иновѣрцемъ?

И посолъ молылъ: то де правда.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, выговоря всѣ статьи, кизылбашскому послу говорилъ: и то пригоже-ль дѣло дѣлаетца, что посломъ царского в. у шахова в. почесть была во всемъ менши прежнево и встрѣчи у Ардевиля не было, и лошадей шахъ для царского имени къ посломъ не прислалъ, и во многихъ мѣрахъ пословъ безчестили: возили на клячяхъ и однихъ безъ людей, и кормъ давали худой, и исъ того корму приставы имали себѣ долю, кабы на даньщикахъ или на невольникехъ? и людей у пословъ подговаривали зъ животы, а иныхъ хотѣли пытать и собаками травить, и животы и всякую рухлядь у пословъ переписывали? и царского в. людей, которые были съ послы, давали за пристава и къ пытке приводили и въ желѣза ковали, и въ деревню ссылали, и велѣли работать, и отпускалъ шахъ пословъ, сидя на коне, мимо прежней обычай? а у царского в. надъ шаховыми послы такова безчестья николи не бывало. Онъ, Булатъ бекъ, пріѣзжаетъ въ Московское государство многижда: коли такое бесчестье онъ надъ шаховыми послы слыхалъ или видалъ, что ныне дѣлалось въ Кизылбашехъ надъ царского в. послы? Царское величество у шахова величества кромѣ дружбы и любви ничего не хочетъ, а желаетъ того, чтобъ ему про брата своего любителново Абазъ шахова в. здоровье вѣдати всегда, а шахово бъ в. вѣдалъ про государево здоровье. И хочетъ того царское величество, чтобъ межъ ими, великими государи, братцкая дружба и любовь множилась и отъ часу прибавлялася, а не умалялася; также бъ общимъ ихъ государскимъ совѣтомъ искати имъ, государемъ, ихъ государскому имени чести и

повышенья, а государствамъ своимъ разширенья и прибавленья. И шахово бъ величество впередь царского величества посломъ и посланникомъ безчестья и тесноты чинити не велѣлъ, и которая смута была, и про ту бъ велѣлъ сыскать, отъ кого такая ссора учинилася, чтобъ за то межъ царского в. и шахова в. впередъ нелюбья не было.

И посолъ говорилъ: они о томъ Бога молятъ, чтобъ великіе государи были межъ себя въ дружбе и въ любви, и отъ часу бъ межъ ихъ, государей, братцкая дружба и любовь множилась; а то онъ все, что у царского в. бояръ слышитъ, до шахова в. донесетъ, только будетъ съ нимъ или после его царского в. у шахова в. посолъ или посланникъ, и ему про то будетъ вѣдомо.

Да думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу о Иверской и о Грузинской землѣ: да царское жъ величество велѣлъ тебѣ, шахова в. послу, говорити: бьютъ челомъ великому государю нашему его царскому в. грузинскіе цари, что по шахову велѣнью шаховы люди Грузинскую землю повоевали и церкви Божьи разорили до основанія, и православную хрестьянскую вѣру греческаго закона обругали, и Теймураза царя изъ Грузинскіе земли изогнали, а царицъ ево, мать и жену, взяли въ полонъ. А то, чаю, шахову в. и самому вѣдомо, что Грузинская земля, цари и князи, изначала православные хрестьянскіе вѣры греческаго закона, а подъ послушествомъ за много лѣтъ у великихъ государей царей російскихъ, и крестъ великимъ государемъ целовали издавна, и грамоты докончальные грузинскихъ царей въ царского величества казнѣ есть многіе. И царское в. отъ шаха не чаялъ, что ему наступити на Иверскую землю и еѣ разорити, вѣдая то, что они издавна служатъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ, и преже того великій государь нашъ его ц. в. къ шахову в. писалъ, чтобъ онъ, для царского в. любви, на Грузинскую землю не наступалъ и еѣ не воевалъ. И шахъ Аббасъ въ томъ къ царскому в. любви не показалъ: Иверскую землю люди ево разорили до основанья. И то шахова къ царьскому в. нелюбовь. А царское в. отъ шахова в. того не чаялъ, потому что прежніе великіе государи цари и великіе князи російскіе и ныне великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. съ шаховымъ в. въ братстве и въ дружбе, и въ любви мимо всѣхъ государей. И какъ въ прежніе лѣта турскіе и крымскіе люди на шахову землю ходили войною многижда, и по царского в. указу астараханскіе и терскіе воеводы посылали на турскихъ людей государевыхъ людей многихъ съ вогненнымъ боемъ, и государевы люди турского Асманъ пашу на Сунше побили, а съ нимъ многихъ людей,

и тѣмъ шахову в. многую помочь учинили. Да и после того государевы люди турскимъ и крымскимъ людемъ, которые хаживали въ шахову землю войною, учинили многую тесноту, и шахъ Аббасъ къ прежнимъ великимъ государемъ царемъ російскимъ писалъ съ великою любовью и хотѣлъ за то царскому в. воздавати противъ всякимъ добромъ, и пословъ государевыхъ для царского в. любви почиталъ свыше иныхъ государей пословъ, а хоти бъ въ чомъ грузинскіе цари передъ шаховымъ в. были и неправи, и шаху было пригоже о томъ обослатись съ великимъ государемъ нашимъ царемъ и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. самодержцемъ съ его царскимъ величествомъ, и царское бъ в. грузинскимъ царемъ передъ шаховымъ в. въ ихъ неисправленье велѣлъ исправитца, и шахово бъ в. для царского в. дружбы и любви впередъ на Иверскую землю людемъ своимъ наступати не велѣлъ и бѣдныимъ и воеванымъ крестьяномъ далъ свободу, и разоряти ихъ не велѣлъ. А выговоря, казалъ думной дьякъ Иванъ Грамотинъ шахову послу грузинсково Александра царя грамоты.

И кизылбашской посолъ говорилъ: онъ по грузински грамоте не знаетъ и того не вѣдаетъ, что въ нихъ писано; а того шахъ не вѣдалъ, что Грузинская земля была въ подданстве у царского величества; а что онъ ныне про Грузинскую землю слышитъ и то шаху известитъ.

И бояре говорили: какъ было шаху про Грузинскую землю не вѣдать, что они служатъ царскому величеству? Преже сево къ великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. шахъ писалъ, чтобъ царское в. отписалъ къ грузинскому Александру царю, чтобы онъ съ нимъ стоялъ на турсково заодинъ. И грамоты шаховы таковы и ныне въ царского в. казнѣ есть.

И посолъ говорилъ: что онъ слышитъ у бояръ, и онъ про то шаху скажетъ подлинно; а ему въ томъ шаху не указать.

И бояре послу говорили: о которыхъ мы дѣлехъ тепере у тебя слышимъ, и о тѣхъ дѣлехъ до царского в. донесемъ. И пошли бояре и дьяки ко государю, а съ посломъ въ ответной полате велѣли посидеть приставомъ, Степану Ислѣньеву да дьяку Вонну Трескину.

И сказывали боляре про тѣ про всѣ дела, что говорили съ посломъ, государю, а бояре въ то время при государе были всѣ, князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской съ товарыщи.

И государь велѣлъ посла отпустити на подворье дьяку Саве Раманчукову. И по государеву указу дьякъ Сава, пришедъ къ послу, шахова посла отпутилъ на подворье.

Апрѣля въ 19 (день) указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедо-

ровичь в. Р. быти у себя, государя, на дворѣ кизылбашскому послу Булатъ беку на отпуске. И въ тотъ день посолъ у государя на дворѣ былъ. А посылалъ посла звати ко государю на дворъ и ѣхали съ нимъ приставы Степанъ Истлѣньевъ да дьякъ Воинъ Трескинъ. А лошеди подъ посла съ сѣдлы да подъ шаховыхъ кречетниковъ, подъ 4-хъ человѣкъ, да подъ посольскихъ людей, подъ 10 человѣкъ, лошеди съ сѣдлы жъ посланы зъ государевы конюшни. А ѣхали приставы: съ правую сторону Степанъ Истлѣньевъ, а дьякъ Воинъ съ лѣвую сторону. А передъ посломъ ѣхали въ городъ дворовые люди и конюхи стремянные 50 человѣкъ.

А государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. въ тѣ поры былъ въ золотой въ середней въ подписной полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣсте, и въ царскомъ платье и въ діадиме (съ) скиоетромъ. А по обе стороны государя стояли рынды: съ правую сторону князь Ѳедоръ княжъ Борисовъ сынъ Татевъ да князь Ѳедоръ княжъ Ѳедоровъ сынъ Волконской; съ лѣвую сторону князь Иванъ княжъ Борисовъ сынъ Татевъ да князь Петръ княжъ Ѳедоровъ сынъ Волконской. А бояре и окольничіе и дворяне большіе сидѣли въ золотномъ платье да въ черныхъ шапкахъ. А стольники и дворяне большіе сидѣли при государе въ полате въ золотномъ же платье, а въ сенехъ передъ золотою полатою сидѣли дворяне и дьяки и приказные люди, и гости въ золотномъ же платье. А по крыльцу и по середней лѣснице были дворяне же и дети боярскіе и приказные люди въ чистомъ платье. А стрельцы всѣхъ приказовъ стояли съ ручницами отъ середней лѣсницы и до Ѳроловскихъ воротъ и ото Ѳроловскихъ воротъ площедью и Ильинскою улицею до посольского двора.

А пріѣхавъ посолъ въ городъ, ссѣлъ съ лошеди на мостки противъ казенные полаты середнего быка; а кречетники шаховы ссѣли съ лошадей у угла Архангелскіе паперти и шли середнею лѣсницею. А какъ посолъ взошелъ на Красное крыльцо, и встрѣтилъ посла у проходные полаты на рундукѣ въ дверехъ дворецкинъ князь Данило княжъ Ивановъ сынъ Долгорукой да дьякъ Семенъ Сабакинъ. И шли встрѣчники въ полату передъ посломъ.

А какъ посолъ вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его государю челомъ ударить околничей князь Григорей Констентиновичь Волконской, а молылъ:

Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель! брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ

Аббаса посолъ Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ царскомъ жалованье челомъ бьетъ.

И посолъ билъ челомъ на государеве жалованье, что государь пожаловалъ къ нему, посылалъ къ нему съ столомъ, и на корму.

И государь пожаловалъ, велѣлъ послу сѣсти на скамейке, а скамейка была по прежнему. А посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому думному дьяку Ивану Грамотину кизылбашскому послу молыти рѣчь.

И по государеву приказу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу рѣчь:

Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ тебѣ говорити: приходилъ еси къ нашему царскому величеству отъ брата нашего отъ шахъ Аббасова в. зъ грамотою, и о которыхъ дѣлехъ писалъ къ нашему царскому в. братъ нашъ шахъ Аббасъ въ своей грамоте, и мы, великій государь, тое, брата нашего, грамоту выслушали любительно. А после посольства приказывалъ еси нашего царского в. къ приказнымъ людемъ, что есть съ тобою къ нашему царскому в. отъ Аббасъ шаха приказъ о нашихъ государскихъ о великихъ дѣлехъ, а велено тебѣ о тѣхъ дѣлехъ известить нашего царсково величества бояромъ. И мы, великій государь, тѣхъ дѣлъ посылали у тебя слушати бояръ нашихъ, боярина ближнево и намѣсника казансково князя Ивана Борисовича Черкасково, боярина и намѣсника ржевсково князя Ивана Федоровича Троекурова, да дьяковъ нашихъ, думново Ивана Курбатова сына Грамотина да Саву Раманчукова. И о которыхъ дѣлехъ ты зъ бояры нашими въ ответе говорилъ, и намъ, великому государю, тѣ дела вѣдомы. А ныне мы, великій государь, отпускаемъ тебя къ шахъ Аббасову величеству, а съ тобою вмѣсте къ брату нашему къ Аббасъ шахову в. посылаемъ дворенина нашего Василья Гавриловича Коробьина да дьяка нашего Остаѳья Кувшинова.

А какъ рѣчь изговорилъ, и государь велѣлъ посольскому думному дьяку Ивану Грамотину сказать послу, чтобъ былъ у государя у стола и дожидался стола въ ответной полате.

И по государеву приказу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу:

Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель жалуетъ тебя: велѣлъ тебѣ быти у своево царсково стола, а теперьво велѣлъ тебѣ царское величество итти въ ответную полату; а великій государь его

царское величество пошлетъ съ тобою-поговорити о дѣлехъ бояръ своихъ.

И велѣлъ государь приставомъ итти съ посломъ въ отвѣтную въ набережную полату; а провожали ево встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встречали. А въ отвѣте были: боярин и намѣсникъ ржевской князь Иванъ Ѳедоровичь Троекуровъ, да дьяки, думной Ивапъ Грамотинъ да Сава Раманчуковъ. А боярин ближней и намѣсникъ казанской князь Иванъ Борисовичь Черкаской въ отвѣте не былъ для того, что преже тово съ посломъ о большихъ дѣлехъ говорено, а ныне говорили о не великихъ дѣлехъ. А поговоря бояре съ посломъ, пошли ко государю, а посолъ дожидался стола въ набережной полате съ приставы.

А какъ боярин князь Иванъ Ѳедоровичь Троекуровъ съ товарыщи вошли въ отвѣтную полату, и кизылбашской посолъ Булатъ бекъ встрѣтилъ боярина и дьяковъ блиско дверей. И объявилъ послу боярина князя Ивана Ѳедоровича и думного дьяка Ивана Грамотина дьякъ Сава Раманчуковъ.

Царского величества боярин и намѣсникъ ржевской кньзь Иванъ Ѳедоровичь Троекуровъ Ярославской да царского в. дьяки, думной Иванъ Курбатовъ сынъ Грамотинъ да Сава Раманчуковъ, и боярин и дьяки съ посломъ корошевались и сѣли по мѣстомъ: боярин князь Иванъ Ѳедоровичь въ большой лавке отъ Москвы рѣки, а дьяки въ лавке отъ Стретенья. А послу велѣли сѣсти въ скамьѣ и велѣли дворяномъ, которые вошли за бояриномъ, и приставомъ, и шаховым людемъ исъ полаты выти вонъ.

И говорилъ послу боярин князь Иванъ Ѳедоровичь: о которыхъ еси дѣлехъ говорилъ съ нами напередъ сего, и мы о тѣхъ дѣлехъ до царского в. доносили, и царскому в. то извѣсно, а ныне великій государь нашъ его царское в. велѣлъ намъ съ тобою поговорить исъ тѣхъ же и о иныхъ дѣлехъ, а тебѣ тѣ рѣчи сказати государю своему шахову величеству.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: которые прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ и после того отъ великого государя нашего царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. отъ его царского в. послы и посланники хаживали къ шахъ Аббасову в. и у шахова в. во всемъ имъ была честь и береженье по прежнимъ мѣрамъ, и на посольство ихъ пріималъ, и къ царскому в. отпускалъ по посольскому обычею съ великою честью, и въ кормѣхъ, и въ подводахъ имъ никакіе скудости не бывало; а ныне шахъ Аббасово в. царсково величества пословъ честныхъ людей, дворенина и намѣсника болховсково

князя Михайла Петровича Борятинсково съ товарыщи принялъ не по прежнему обычею: во многихъ мѣрахъ было имъ бесчестье и въ кормѣхъ и въ подводахъ скудость, чево николи надъ царского величества не токмо надъ послы и надъ посланники, и надъ гонцы не было, о чемъ вамъ объявляли есмя въ отвѣте напередъ сево, и шахово бъ величество, хотя съ великимъ государемъ нашимъ съ его царскимъ величествомъ быти въ любви, впередъ такъ надъ царского в. послы неволи и бесчестья чинить не велѣлъ, чтобъ впередъ отъ того межъ царского в. и шахъ Аббасова в. ихъ братственная дружба и любовь не нарушилась и ссылка межъ ихъ, великихъ государей, не урвалась. А только впередъ такъ надъ царского в. послы учнетъ дѣлатца, ино царскому в. невѣдомо какъ будетъ къ шахову в. и пословъ своихъ посылать? а съ царского в. сторону шахова в. посломъ и посланникомъ, и гонцомъ, и купетцкимъ людемъ во всемъ чинитца честь и въ торговле повольность великая свыше прежнево, а бесчестья ни въ чемъ и скудости никакіе не бываетъ.

И шаховъ посолъ говорилъ: было такъ: шахово в. на пынешнихъ царского в. пословъ былъ гнѣвенъ за то, что къ нему на пріѣзде птицъ не послали, какъ язъ вамъ, царского в. бояромъ, и напередъ сего о томъ въ отвѣте объявилъ.

И бояре говорили: царского в. послы дѣлали по царского в. указу. Только было царского в. посломъ послати къ шахову в. птицы, не бывъ у шаха, напередъ посольства, и на посольство имъ было къ шахову в. съ чѣмъ итти?

И шаховъ посолъ говорилъ: преже сево какъ были у царского в. въ послѣхъ отъ шахова в. Кая салтанъ да онъ же, Булатъ бекъ, а съ ними прислалъ шахово в. церковную казну, а велѣлъ былъ шахово в. поднести къ самому царскому в., и у нихъ тоѣ присылку взяли напередъ, и они противъ царского в. указу не стояли, а учинили такъ, какъ царское в. повелѣлъ, а посломъ было царсково величества по тому жъ шахово велѣнье учинити мочно.

И бояринъ и дьяки говорили: та присылка къ царского величества поминкамъ не пристоитъ: царское в. послалъ къ брату своему птицы въ поминкахъ отъ своеѣ царскіе потѣхи, чѣмъ самъ царское в. тѣшитца, а съ вами шахово в. прислалъ церковную казну, образы и пелены православные хрестьянскіе вѣры греческаго закона, а вы люди съ нами не одноѣ вѣры, и вамъ было тоѣ церковную казну на посольство самимъ нести и упріимати у васъ на посольстве непригоже, потому что то церковные вещи, и мирскимъ людемъ пріиматися за то

по нашему хрестьянскому закону не пристойно, кабы противно, и для того царское в. велѣлъ у васъ тоѣ церковную казну приняти свещенникомъ, слугамъ Божьимъ, которые на то учинены и въ церквахъ Божьихъ то вѣдаютъ; а мірскимъ было людемъ того приняти у васъ не пристойно. А иные поминки шаховы пріимали у васъ передъ царскимъ величествомъ, то самъ помнишь. А птицы—поминки потѣшные, къ церковнымъ освященнымъ вещямъ не пристоятъ. А преже сего говорили мы, царского в. бояре, тебѣ Оббасъ шахова в. послу о Грузинской землѣ, что по шахову велѣнью шаховы люди Грузинскую землю повоевали и церкви Божьи разорили до основанья, и православную хрестьянскую вѣру греческого закону обругали, и Теймураза царя изъ Грузинскіе земли изогнали, а царицъ ево, мать и жену, взяли въ полонъ. А то шахову величеству и самому вѣдомо, что Грузинская земля, цари и князи, изначала православные хрестьянскіе вѣры греческого закона, а подъ послушествомъ за много лѣтъ у великихъ государей царей російскихъ, и крестъ великимъ государемъ целовали издавна, и грамоту есмя тебѣ грузинскихъ царей казали. И шахово бъ величество для братственные дружбы и любви великого государя нашего въ Грузинскую землю не вступался и еѣ воевать и разорять не велѣлъ, и тѣмъ бы съ царскимъ величествомъ братственные дружбы и любви не нарушалъ. А прежъ сего о томъ царское величество къ шахъ Аббасову в. съ послы своими и съ посланники писалъ, и тебѣ, послу, въ отвѣте напередъ сего говорено жъ.

И шаховъ посолъ Булатъ бекъ говорилъ, что онъ о томъ и прежъ сего у нихъ, царского величества бояръ, слышелъ и о томъ до шахова в. донесетъ, а царское бъ величество и съ своими послы о томъ къ шахову в. наказалъ же; а чаетъ онъ того, что шахово в. для царского величества любви на Иверскую землю наступати и воевать ихъ не велитъ: въ той землѣ государю ихъ шахову в. не великая прибыль.

И бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичь и дьяки говорили о полонениках: прежъ сего рускіе полоненики, которые бывали въ полону въ Турской землѣ и въ Бухарехъ, и в-ныхъ земляхъ, а исъ Турскіе земли и изъ Бухаръ исъ полону выхаживали на государя вашего Аббасъ шахову землю, и шахово в., оказуя братственную дружбу къ прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ и къ великому государю нашему къ его царскому в., тѣхъ полоненикове пропускать велѣлъ черезъ свою землю въ государеву землю поволно безо всякіе зацѣпки, и отъ крестьянскіе вѣры отводить ихъ

и неволить никого не велѣлъ; а нынѣ царскому величеству вѣдомо подлинно учинилось, что руской многой полонъ выходитъ исъ полону исъ Турскіе земли и из-иныхъ государствъ въ шахову землю, и въ шахова в. землѣ чинятъ надъ ними многую неволю и ихъ бусурманятъ, и отъ вѣры крестьянскіе отводятъ, и въ царского в. землю не отпускаютъ. И шахово бъ в. велѣлъ рускихъ всякихъ полоняниковъ въ государеву землю пускать по прежнему обычею и въ неволю ихъ въ своей землѣ держати и отъ хрестьянскіе вѣры отводить и бусурманить не велѣлъ, чтобъ въ томъ ихъ государской дружбе и любви нарушенья не было, а бѣднымъ бы полоняникомъ по тому жъ нужи и утесненья не было.

И посолъ говорилъ: нѣчто будетъ которые полоняпки въ шахове области живутъ собою, не хотя сюды въ Московское государство ѣхать сами, и о которыхъ послы государевы, будучи у шаха, не извѣстили; а только бъ шаху послы государевы о которыхъ полоняникѣхъ сказали, и шахово бъ в. велѣлъ тѣхъ всѣхъ отпустить и въ неволю ихъ держать не велѣлъ.

И бояринъ и дьяки говорили: царского величества послом почему въ шахове области полоняниковъ вѣдать? прежъ сего шахово в. и бесъ царского в. пословъ прошенья полоняниковъ отпускалъ.

И шаховъ посолъ Булатъ бекъ говорилъ, что онъ о томъ до шаха донесетъ и чаетъ того, что учинитъ то шахъ по прежнему, и полоняникомъ неволи не будетъ.

И бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичь и діяки говорили: посылаетъ великій государь нашъ его ц. в. въ государя вашего въ шахъ Аббасову землю съ послы своими купчину своего доброго человѣка, гостя Ивана Юдина съ товарыщи, купить на его государевъ обиходъ всякихъ узорочныхъ товаровъ и шелку сырого и дѣланого и иныхъ товаровъ, которые въ государя вашего землѣ ведутца, а къ царского в. казнѣ будутъ годны, и шахово бъ в. для братственные дружбы великого государя нашего его царского в. тому царского в. гостю, Ивану Юдину съ товарыщи, въ своемъ государстве поволилъ покупати шелкъ сырой и всякіе товары, которые будетъ годны, и торговати бъ имъ велѣлъ повольною торговлею, и кормъ бы тѣмъ купчинамъ и подводы велѣлъ давать, и пошлинъ съ нихъ имать не велѣлъ по тому жъ, какъ царское в. жалуетъ государя вашего шахъ Аббасова в. купчинъ: повольность имъ во всемъ и пошлинъ съ нихъ царское в. никакихъ имати не велитъ, и кормъ имъ и подводы даютъ довольно, и во всемъ имъ вездѣ чинятъ бережепье.

И шаховъ посолъ Булатъ бекъ говорилъ: царского в. жалованье и береженье къ шаховымъ людемъ государю его шахову в. вѣдомо, и нынѣ шахово в. учинитъ царского в. купчине, какъ царскому в. годно, и въ торговле и во всемъ будетъ имъ повольность; а государевъ бы гость товары лутчіе всѣ, что съ нимъ будетъ, напередъ объявилъ шахову в., чтобъ дорогіе товары напередъ шаховы казны нигдѣ не объявились, а шахово в. велитъ ему заплатить деньги по прямой торговле, а неволи ему въ томъ не будетъ никоторые.

И бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичь и діаки говорили: что по царского в. указу купчина государевъ про товары объявитъ, да не токмо товары, хотя будетъ и кромѣ того шахову в. годно и къ царскому в. о чемъ прикажетъ или отпишетъ, а у царского в. то будетъ, и царское в. шахову в. за то не постоитъ.

И посолъ Булатъ бекъ говорилъ: и шахово в. царскому в. ни за что не постоитъ, что будетъ царскому в. годно, а у шахова в. то лучитца.

И бояринъ и діаки говорили: въ прошлыхъ годѣхъ, тому нынѣ третей годъ, Московского государства ярославской торговой человѣкъ, Надѣя Светечниковъ, посылалъ въ государя вашего шахъ Аббасова в. область торговать съ товары человѣка своего Сеньку Лукьянова, а товаровъ съ нимъ посылалъ суконъ и соболей на тысечю рублевъ, и тотъ ево человѣкъ съ тѣмъ ево со всѣмъ товаромъ остался въ шахове землѣ и, оставя истинную православную христьянскую вѣру, обусурманился, хотя тѣмъ животомъ завладѣть не по правде. И шахово бъ величество того Надѣина человѣка Светечникова, Сеньку Лукьянова, велѣлъ сыскать и велѣлъ ево отдать царского в. посломъ со всѣми его животы, и впередъ бы такихъ пріимать не велѣлъ, чтобъ въ томъ межъ великихъ государствъ повольной торговле нарушенья и помѣшки не было.

И посолъ Булатъ бекъ говорилъ: шахово в. про такого человѣка по ся мѣста того не вѣдаетъ и ему того слышеть не лучилося. А какъ онъ будетъ у шаха, и онъ то до шахова в. донесетъ, и то вѣдаетъ, что шахово в. про то велитъ сыскать и того мужика отдать велитъ со всѣмъ, будетъ онъ есть въ шахове землѣ.

Да посолъ же говорилъ: какъ язъ былъ напередъ сего въ отвѣте съ вами, бояры, и язъ говорилъ о Курчибашинѣ человѣке, которого розбило на море подъ Теркою, и тѣми его животы искорыстовались терскіе люди, а ему тѣхъ животовъ не отдали, и ему что о томъ государевъ указъ?

И бояринъ князь Иванъ Федоровичь и дьяки говорили: какъ они у него о томъ прежъ сего слышели, и они о томъ до царского в. доносили, и царское в. велѣлъ про то сыскать, и будетъ что сыщетца, то царское в. велѣлъ отдати.

И посолъ говорилъ: розбило де того человѣка блиско берега, не пропало ни што, и у купчины чьѣ товары были, не все пропало. И тѣ де товары терской воевода взялъ себѣ, а иной роздалъ терскимъ людемъ въ жалованье.

И бояринъ и діаки говорили: царское в. велитъ про то сыскать подлинно, и ему то самому будетъ вѣдомо; а то чаю не статочное дѣло, что терскому воеводе тѣмъ покорыстоватца и служилымъ людемъ роздать.

И посолъ говорилъ, чтобъ бояре донесли до царского величества, чтобъ царское в. велѣлъ его отпустить съ Москвы вмѣсте съ своими государевыми послы, чтобъ ему, ждучи государевыхъ пословъ, въ Нижнемъ и въ Казани не мешкать и чтобъ до шаха дойти сего лѣта.

И бояринъ и діаки говорили, что пословъ царское величество отпуститъ вскоре, мешканья ему за послы не будетъ писколько, а ему отпускъ будетъ напередъ, а съ послы съѣдетца въ дороге, въ Нижнемъ или въ Казани, а мешканья ему за царского в. послы не будетъ нигдѣ.

И посолъ говорилъ, чтобъ царское в. велѣлъ послать свой государевъ указъ къ астараханскимъ воеводамъ и посломъ бы царское в. паказалъ, чтобъ ихъ изъ Астарахани отпустили до Терки на бусахъ, а съ Терки бъ итти имъ сухимъ путемъ не великими людьми, а взяти бъ государевымъ посломъ и ему съ собою сухимъ путемъ по петинатцати человѣкъ, а достальныхъ бы людей и рухледь всю отпустить въ Шемаху моремъ на бусахъ, а въ Шемахѣ они всѣ съѣдутца и пойдутъ къ шаху со всѣми людьми вмѣсте.

И бояре говорили, что они о томъ известятъ царскому величеству, и указъ о томъ будетъ.

Да посолъ же спрашивалъ бояръ: грамота съ нимъ отъ царского величества къ шаху будетъ ли?

И бояринъ и діаки говорили: государевъ указъ въ Астарахань и на Терекъ объ отпуске ихъ, отпустятъ его такъ, какъ лутче и здоровѣе, и учинятъ то, смотря по тамошнему дѣлу; а грамоты отъ царского в. къ шаху съ нимъ не будетъ, потому что шахово в. съ царского в-ва послы грамоты не прислалъ, а посылаетъ царское в. къ шаху

своихъ пословъ съ нимъ вмѣсте, и грамота отъ царского в. будетъ къ шахову в. съ царского величества послы.

И посолъ Булатъ бекъ говорилъ: наказалъ былъ ему шахово в. купить здѣсь въ Московскомъ государстве птицъ кречатовъ и ястребовъ, и онъ того ничего не добылъ, и ныне ему къ шахову в. появитца нѣ съ чемъ.

И бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичь и дьяки говорили: по царского величества указу вольно было ему и шаховымъ людемъ во всемъ ходить и ѣздить, и покупати, и продавати, что хотятъ, да коли чего нѣтъ, и того гдѣ взять? А птицъ ныне въ привозѣ не было нисколько, потому что была зима люта: къ царскому в. десяти кречатовъ не привезли, а прежъ того приваживали много; а ныне не токмо птицы и звѣри, и древеса позябли: такова у насъ зима за много лѣтъ не бывала, какъ онъ и самъ виделъ. А заповеди въ томъ нѣтъ никакіе, продавати имъ велено все, да чего нѣтъ, и того гдѣ взять?

И посолъ говорилъ: шахову в. то всего дороже, что царское в. пришлетъ къ шаху кречатовъ больши, а того онъ не радъ слышеть, что у царского в. птицъ мало.

И бояре говорили: они ему о томъ объявили по правде, противъ ево речей, что зима была люта, и птицамъ привозу не было.

Да посолъ же говорилъ, чтобъ бояре донесли до царского в., что есть у него птица ловчая болобанъ, ловитъ всякой звѣрь и птицы, и будетъ царскому в. годно, и онъ еѣ государю челомъ бьетъ.

И бояре и діаки говорили, что о томъ до царского в. донесутъ, только царское в. такими птицами не тѣшитца, потому что они къ ловле не вѣжливы и потѣха не государская: царское в. тѣшитца кречаты да соколы, да ястребы, и къ ловле тѣ птицы приводятъ у насъ по своему обычаю; а царская потѣха у насъ отъ иныхъ потѣхъ отведена, и чаю та птица ко государской потѣхе не пригодитца.

И говоря бояре и діаки съ посломъ, пошли ко государю, а съ посломъ велѣли сидѣти и дожидатися стола приставомъ, Степану Истлѣньеву да Воину Трескину.

И сказывали бояринъ и діаки посольскіе рѣчи государю. А какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. пришолъ въ грановитую полату за столъ, и посылалъ государь посла за столъ звати стольника Юрья Игнатьева сына Татищева, а у дверей грановитые полаты встрѣтили посла прежніе встрѣчники, князь Данило да дьякъ Семейка. А какъ посолъ вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его государю челомъ ударить окольничей князь Григорей же Костентиновичь

Волконской. А столъ у государя былъ въ грановитой въ большой подписной полате. А поставецъ былъ большой, изо всѣхъ судовъ выборъ. А государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. сидѣлъ въ царскомъ мѣсте за золотымъ столомъ въ опашенкѣ въ объярпномъ въ золотномъ въ лазоревомъ и въ низапой таетѣ зъ запоны. А отъ государя выше государева мѣста на окнѣ поставленъ былъ столъ камень деманитъ съ язычки; а по другую сторону стояли въ окпѣ часы боевые большіе на слонѣхъ. А бояре у государя были у стола князь Иванъ Михайловичь Воротынской, князь Иванъ Никитичь Одоевской, князь Григорей Петровичь Ромодаповской и думные дьяки и дворяне большіе. А сидѣли бояре въ охобенкахъ въ объярпныхъ съ кружевы и въ черныхъ шапкахъ, а дворяне сидѣли въ чистыхъ въ цветныхъ охобенкахъ и въ шапкахъ въ черныхъ. А посолъ сидѣлъ въ кривомъ столѣ въ лавке, что отъ Благовѣщенья подлѣ другово окпа полатного; а противъ ево сидѣли и подчивали посла дворянинъ князь Данило Долгорукой да приставы Степанъ Ислѣньевъ, а подлѣ посла сидѣли діаки Семейка Сабакинъ, да Воинъ Трескинъ; а подъ ними дворяпя выборные десять человѣкъ; а подъ ними въ лавке шаховы кречетники да посольскіе люди, а подъ ними дворяпя изъ городовъ. А въ столы смотрили стольники: въ большой столъ князь Василей княжъ Семеновъ сынъ Куракинъ; въ кривой столъ — князь Ѳедоръ княжъ Семеновъ сынъ Куракинъ. А стольники и стрянчіе при государе были всѣ въ золотномъ платье и въ черныхъ шапкахъ. А подача первая была послу после третьево боярина. А какъ государь пожаловалъ посла, подалъ ему первую подачю, и крайчей Михайло Михайловичь Салтыковъ, поднесши послу подачю, молылъ: Великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь в. Р. самодержецъ жалуетъ тебя своимъ государскимъ жалованьемъ подачею! А после того какъ государь подавалъ послу иные подачи, и крайчей, поднесши подачи, говорилъ: царское величество жалуетъ, подаетъ! А въ столѣ государь пилъ чашу про шахово здоровье одинова.

А какъ государь пилъ чашу про шахово здоровье, и чашникъ объявилъ отъ государя послу напередъ, а молылъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, любя брата своего великого государя шахъ Аббасово величество, пьетъ про его здоровье чашу! А посолъ въ то время вышелъ изъ за стола и стоялъ. А выпивъ государь шахову чашу, пожаловалъ, подалъ чашу послу въ золотомъ ковшѣ; а подалъ послу чашу чашникъ Иванъ Плещѣевъ. И после того жало-

валъ государь посла подачами пятью и шестью. А подачи отъ государя подавалъ крайчей Михайло Михайловичь Салтыковъ.

А после стола пожаловалъ государь посла, велѣлъ на него положить свое государево жалованье; а сказывалъ государево жалованье послу думной посольской діакъ Иванъ Грамотинъ, а молылъ: Булатъ бекъ! Великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: шуба — олтабасъ золотной, на соболѣхъ, пугвицы серебряны золочены; шапка лисья горлатна, черна; кубокъ золоченъ, съ покрышкою! А государева жалованья дано послу: шуба во сто рублевъ, кубокъ шесть гривенокъ, шапка горлатна въ пятнадцать рублевъ. А кречетникомъ и слоновщику, и посольскимъ людемъ сказано государево жалованье у казны. А молылъ посольской діакъ, что государь жалуетъ ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ отъ своей царской казны. И пожаловалъ государь: подалъ послу пити въ золотомъ ковшѣ меду краснаго. А послѣ питья звалъ ко государю посольской діакъ посла къ руце, и приказалъ государь къ шаху поклонъ, приподывся. А молылъ: Булатъ бекъ! какъ будешь у брата нашего, Аббасъ шаха, и ты отъ насъ брату нашему, Аббасъ шаху, поклонись! И велѣлъ государь посла отпустить на подворье, а встрѣчники провожали посла до дверей.

А после стола посылалъ посла подчивать стольникъ князь Ѳедоръ княжъ Борисовъ сынъ Татевъ. А наказъ ему данъ таковъ.

Лѣта 7129-го апрѣля въ 29 день государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи велѣлъ стольнику князю Ѳедору Борисовичю Татеву ѣхать къ кизылбашскому къ шахъ Аббасову послу персидцкого къ Булатъ беку на дворъ съ своимъ государевымъ жалованьемъ съ питьемъ, и князю Ѳедору Борисовичю, пріѣхавъ на дворъ, сойти съ лошеди у лѣсницы и итти къ послу въ хоромы, а за собою велѣти нести питье, а пришедъ къ послу въ хоромы, молыть послу рѣчь толмачомъ: Великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, брата своего великого государя шахъ Аббасова величества любя, а тебя, посла его, жалуючи, послалъ къ тебѣ съ своимъ царскимъ жалованьемъ, съ питьемъ, и велѣлъ тебя подчивать. Да взявъ ковшъ питья, молыть: Чаша великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и многихъ государствъ государя и облаадателя! Дай, Господи, государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь в. Р. самодержецъ и его царского величества братъ, великій государь шахъ Аббасъ, здоровы были на многіе лѣта, а памъ бы межъ ихъ, великихъ государей,

видеть братцкую любительную дружбу и любовь, и ссылку о всякомъ добрѣ! Да ковшъ выпить напередъ, а другой ковшъ поднести послу и приставомъ, и дворяномъ чашу подати. Да подавъ чашу, ѣхать къ государю.

А будетъ посолъ после государевы чаши учнетъ пити шахову чашу, и стольнику князю Ѳедору Борисовичю шахова чаша пити жъ, и выпивъ, ѣхать къ государю.

А шаховымъ людемъ, кречетникомъ и слоновщику и посольскимъ людемъ послано государева жалованья отъ казны на подворье съ приставы ево, съ Степаномъ Ислѣньевымъ да съ дьякомъ съ Воиномъ Трескинымъ.

Кречетникомъ 4-мъ человѣкомъ велено было прислать по 40 соболей, по 15 рублевъ сорокъ. И съ казенного двора присланы и къ кречетникомъ отосланы по 17 рублевъ сорокъ, а въ 15 рублевъ сороковъ на казенномъ дворѣ не было. Слоновщику 40 куницъ. Посольскимъ людемъ, лутчимъ, Абдюлле съ товарыщи, 4-мъ человѣкомъ, по сукну по лундышу, да по 4 рубли денегъ. Середнимъ: Девлетъ Кильдѣю съ товарыщи, 4-мъ же человѣкомъ, по сукну по доброму по аглинскому да по 3 рубли денегъ человѣку. Достальнымъ 6-ти человѣкомъ по сукну по настраѳилю да по 2 рубли человѣку.

А се имена шаховымъ кречетникомъ и посольскимъ людемъ: Посолъ Булатъ бекъ. Шаховы кречетники: Туѳанъ, Имамъ Бердѣй, Магметь Янъ, Слондель Баизидъ. Посольскіе люди: Абдулла, Миръ Магметь, Дервишъ Рустямъ, Девлетъ Кильдѣй, Миръ Алѣй, Арапъ, Вели, Инаетъ, Иманитаги, Магмудъ, Канбаръ, Бишаратъ.

Да кизылбашского жъ посла Булатъ бека указалъ государь въ Казани боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарыщи, звати къ себѣ ѣсть. А после стола указалъ государь боярину и воеводе князю Борису Михайловичю Лыкову подарить посла отъ себя кубкомъ серебрянымъ да лисицею, да две пары соболей. А кубокъ и лисицу и пары указалъ государь къ боярину ко князю Борису Михайловичю Лыкову послать въ Казань съ Москвы исъ своей государевы казны. И по государеву указу послано въ Казань къ боярину ко князю Борису Михайловичю Лыкову на подарокъ послу съ приставомъ посольскимъ, которой посланъ посла провожать съ Москвы въ Казань, съ свіяженином, съ Федоромъ Елагинымъ: кубокъ серебрянъ, золоченъ, съ покрышкою, вѣсу 3 гривенки и 12 золотниковъ; лисица черна въ 10 рублевъ; пара соболей во 11 рублевъ, пара соболей въ 5 рублевъ.

А какъ послу велено быть у боярина у князя Бориса Михай-

ловича Лыкова у стола и какъ его велено боярину въ столѣ посадить и самому, и товарыщу ево, князю Ѳедору Борятинскому, и дьякомъ за столомъ сѣсти, и какъ боярину въ столѣ велено подать и самимъ пити государеву и шахову чашу, и какъ велено посла подчивать, и о томъ о всемъ писано къ боярину и воеводе, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарыщи, въ государеве грамоте, а грамота государева о томъ писана ниже сего.

А съ Москвы кизылбашской посолъ пошелъ и въ суды сѣлъ на Москвѣ рекѣ, у Живого мосту, маія въ 1 де(нь).

А лошеди подъ посла и подъ шаховыхъ кречетниковъ и подъ посольскихъ, подъ лутчихъ людей, съ сѣдлы, посланы зъ государевы конюшни, и ездоки передъ ними съ приставы ѣхали отъ посолского двора до Живого мосту и до судна противъ прежнего, сколько передъ посломъ ѣзживали къ государю на дворъ напередъ сего.

А приставы, Степанъ Ислѣньевъ да дьякъ Воинъ Трескинъ, провожали посла отъ посольского двора до судна жъ, и посадя посла въ суды, пріѣхали въ городъ. А какъ посолъ зъ двора ѣхалъ къ Живому мосту въ суды, и въ то время тѣмъ мѣстомъ въ городе и до Живого мосту и на Живомъ мосту ходили стрельцы бесъ пищалей и черные всякіе люди, и было людно. А провожатыхъ съ посломъ послано отъ Москвы до Коломны 20 человѣкъ московскихъ стрельцовъ.

А судовъ подъ посломъ пошло: лодья большая съ чердакомъ дощанымъ, передѣланъ на двое, да три струги съ полубами. А кормщиковъ и гребцовъ на посольское судно и на струги дано 40 человѣкъ.

А государева жалованья къ послу послано въ дорогу зъ дворца сверхъ поденного питья и коврижокъ и хлѣбцовъ черныхъ: пол-2 ведра меду вишневого, ведро меду малинового, пол-2 ведра меду обарного, 5 вѣдръ меду паточного, 3 ведра вина горячего, 4 коврижки, 3 хлѣбца черныхъ. А что про посла и про шаховыхъ людей и про кречетниковъ послано поденного корму отъ Москвы до Коломны и по чему давать велено корму и питья на день отъ Коломны по городомъ до Нижнего и до Казани, и тому дана приставу ево (роспись) и писана подъ наказомъ.

А въ приставехъ съ посломъ отъ Москвы до Казани посланъ свіяженинъ Ѳедоръ Елагинъ, а государевъ наказъ о провожанье и кормовая роспись Ѳедору даны таковы.

Лѣта 7129-го апрѣля въ 30 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ Ѳедору Григорьевичю Елагину ѣхати въ приставехъ съ кизылбашскимъ посломъ зъ Булатъ бекомъ въ судѣхъ до

Коломны и до Переславля Резанского, и до Касымова, и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани. А съ посломъ шаховыхъ кречетниковъ четыре человѣка да слоновщикъ, да посолскихъ людей девятнатцать человѣкъ. А для береженья и для кормовъ послапы съ нимъ два человѣка толмачей. Да до Коломны посланы съ нимъ дватцать человѣкъ стрельцовъ. И Ѳедору Елагину ѣхать съ послы въ Казань водою па Коломну да на Переславль Резанской, да на Касымовъ, да на Муромъ, да на Нижней. И ѣдучи дорогою, береженье къ послу и къ шаховымъ кречетникомъ и къ посольскимъ людемъ держать, чтобъ имъ ни отъ кого обидъ и бесчестья не было никоторыми дѣлы, а отъ нихъ бы рускимъ людемъ по тому жъ никому обидъ и насильства не было, и на станѣхъ ставитися съ ними бережно и усторожливо. А кормъ и питье послу и шаховымъ и посольскимъ людемъ отъ Москвы до Коломны и отъ Коломны до Нижнего и до Казани давать по росписи, какова ему дана на Москвѣ исъ посолского приказу за дьячьею приписью. А въ дорогу кормы посольскіе всякіе и про шаховыхъ кречетниковъ и про посольскихъ людей кормы жъ и питье взяти ему изъ большого приходу отъ Москвы до Коломны, счетчи съ того дни, какъ они пойдутъ съ Москвы, въ колько денъ до Коломны поспѣти мочно; а отъ Коломны до Нижнего взяти ему на всякіе кормы деньгами въ большомъ же приходе, смѣтя въ колько денъ ему отъ Коломны до Нижнего поспѣть мочно. А питье всякое про посла и про кречетниковъ и про посольскихъ людей и для посла леду взяти ему зъ дворца отъ Москвы до Коломны жъ, счетчи съ того дни, какъ они съ Москвы пойдутъ, по росписи, какова ему дана за дьячьею приписью; а отъ Коломны до Нижнего сьестные всякіе кормы покупать ему на тѣ деньги, что ему дадутъ на Москвѣ изъ большого приходу. А отъ Нижнего до Казани на всякіе сьестные кормы взяти ему деньги въ Нижнемъ, смѣтя противъ росписи жъ, съ того дни, какъ они изъ Нижнего въ Казань пойдутъ, въ колько денъ имъ изъ Нижнего до Казани поспѣть мочно. А въ Нижней къ боярину и воеводе къ Петру Петровичю Головину да къ дьяку къ Василью Юдину о томъ государевъ указъ посланъ: велено ему денги на кормъ денги дать, а питье—вино и медъ и пиво—про посла и про шаховыхъ и про посольскихъ людей и про посла жъ ледъ для лѣтнего времени имати ему на Коломне, въ Переславле, въ Касымове, въ Муроме, въ Нижнемъ, въ Казани у воеводъ и у кабатцкихъ головъ съ кабаковъ, противъ той росписи, по чему имъ давано въ дороге отъ Казани и отъ Нижнего до Москвы, какъ они шли ко государю къ Москве, въ колко денъ имъ отъ города

до города мочно поспѣть. А роспись ему тому дана жъ, и по городомъ отъ государя о томъ къ воеводамъ писано жъ. А кормы про посла велѣть имати по городомъ и по станомъ у всякихъ людей, а за кормъ денги платить по тамошней по прямой цѣнѣ, какъ гдѣ что купятъ. А что у него на кормъ денегъ изойдетъ, и ему то велѣть писать въ книги. А того надъ толмачи смотрить и беречь накрепко, чтобъ они кормомъ не корыстовались и велѣть отдавать кормовщикомъ при себѣ. Да и того ему велѣть беречь накрепко, чтобъ послу и людемъ ево въ дороге кречатовъ, соколовъ, ястребовъ, пансыревъ, свинцу, олова, мѣди и никакова заповедного товару не продавали; а заказывати о томъ не явно, чтобъ того посломъ было не знатно; а опричь того иные не заповедные товары велѣти имъ продавати. А наперед своего съ посломъ пріѣзду посылати ему по городомъ съ вѣстью изъ детей боярскихъ или исъ толмачей, или исъ провожатыхъ, чтобъ по городомъ воеводамъ посольской пріѣздъ былъ вѣдомъ, и на берегѣхъ бы, покамѣста посолъ постоитъ подъ городомъ, было людно и стройно. А будетъ въ которомъ городе посолъ похочетъ передневать для немочи или для своего покою, въ Переславле Резанскомъ или въ Нижнемъ, и Ѳедору съ посломъ въ тѣхъ городѣхъ передневати по одному дню, а больши одного дни не стояти, и в-ныхъ городѣхъ не стояти и говорить послу накрепко, чтобъ онъ шелъ, не мешкая, чтобъ ему въ Казани застати корованные суды и итти вмѣсте съ кораваномъ. Да однолично Ѳедору съ посломъ ѣхати въ Казань, не мешкая. А какъ будетъ блиско Казани, и Ѳедору въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарыщи, государева грамота послать исъ провожатыхъ съ кѣмъ пригоже, и о посольскомъ пріѣзде отписать наперед себя. А какъ боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарыщи, казылбашского посла велено принять и дворъ, и кормъ и питье изготовити, и какъ ево встрѣтить, и о томъ о всемъ писано къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарыщи, въ государеве грамоте. А какъ Ѳедоръ Елагинъ съ кизылбашскимъ посломъ пріѣдетъ въ Казань, и гдѣ про пословъ изготовлены будутъ дворы, и Ѳедору ѣхать съ послы на дворы и устроя шахова посла на подворье, сказати про него боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарыщи.

А будетъ посолъ учнетъ ему, Ѳедору, ѣдучи дорогою, говорити, чтобъ ему на которомъ городе купити полону литвы и нѣмецъ или татаръ,—и Ѳедору говорити, что ныне великій государь ц. и в. кн.

Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. учинился съ полскимъ и съ литовскимъ, и съ свѣйскимъ короли въ мирномъ постановленье; да и со всѣми окрестными государи и съ ихъ государствы великій государь нашъ въ дружбе и въ любви; а недружбы и войны ныне ни съ кѣмъ нѣтъ, и полоненикомъ ныне въ Російскомъ государстве быти нѣ отъ куды. А которые польскіе и литовскіе люди полоненики были, и тѣ всѣ по мирному договору отпущены назадъ въ свои государства, и купить ему ныне не ково. А въ кое время полоненики напередъ сево въ Російскомъ государстве были, и по царского величества указу шахова в. посломъ покупати имъ полоненіковъ давывали; а ныне полонеиіковъ ни въ которыхъ городѣхъ нѣтъ. А будетъ гдѣ посолъ похочетъ въ которомъ городе стоять дни два или три, и Ѳедору то отговаривать: самъ онъ царского в-ва бояромъ говорилъ, чтобъ ему не испоздать, и только ему по городомъ стоять, и ему будетъ измешкать, и онъ бы шелъ, не мешкая, и по городомъ не стоялъ, чтобъ ему не упоздать. А будетъ не отговоритца, и ему по неволе постоять день. И говорить послу накрепко, чтобъ не мешкалъ, а гдѣ не отговоритъ у посла стоянья, и ему имянно о томъ къ воеводамъ въ тотъ городъ приказывати, чтобъ у нихъ во всемъ было бережно и дворъ бы послу былъ готовъ на берегу, и въ тотъ бы день, какъ послу быть, было у нихъ людно.

Роспись, по чему давать на день кизылбашскому послу Булатъ беку и шаховымъ кречетникомъ, и арапомъ, и посольскимъ людемъ отъ Москвы до Коломны поденного корму и питья противъ того, по чему имъ давано на Москвѣ.

Послу Булатъ беку: по два хлѣба да по два калача двуденежныхъ, гусь или утя, двое куровъ, баранъ шерстью, по четыре гривенки масла коровья, по дватцати яицъ. Питья послу зъ дворца на день: по пяти чарокъ вина двойного, полъ ведра меду паточного, полъ ведра пива поддѣлного, ведро бесъ чети меду княжого, въ ѣствы четь ведра уксусу. А красное питье дано послу въ дорогу съ Москвы.

Шаховымъ людемъ четыремъ человѣкомъ кречетникомъ, да двемъ человѣкомъ арапомъ: по хлѣбу да по калачю двуденежному человѣку; да всѣмъ шти человѣкомъ вмѣсте по барану, по трое куровъ на день. Питья: по четыре чарки вина человѣку, по две кружки меду княжого.

Людемъ посольскимъ девятинатцати человѣкомъ: по хлѣбу двуденежному да по калачю денежному, да всѣмъ по два барана на день, да по трое куровъ на день.

Да про посла жъ и про шаховыхъ, и про посольскихъ людей

на лукъ, на чеснокъ и на яйца, и на сметану, и на иную покупку, что понадобитца на мѣлкое,—по два алтына на день.

А рыбные ѣствы давати, какъ коли попросятъ, смѣтя противъ мястные ѣствы.

А будетъ посолъ въ дорогу отъ Коломны учнетъ просить красного питья, и о томъ отговоривать, что красныхъ питей въ дороге добыть негдѣ, а про него красные питья отпущены съ Москвы.

А отъ Коломны до Переславля Резанского и до Касымова, и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани давати послу и шаховымъ кречетникомъ и посольскимъ людемъ питье вино и медъ противъ того, какъ имъ давано отъ Казани до Москвы, какъ они шли къ государю къ Москве:

Послу Булатъ беку на день: два хлѣба двуденежныхъ, два калача двуденежныхъ, баранъ, четыре гривенки масла коровья, трое куровъ, гороху на денгу, свѣчь сальныхъ на две денги, на лукъ да на чеснокъ по четыре денги на день.

Шаховымъ кречетникомъ четыремъ человѣкомъ да двемъ человѣкомъ арапомъ: по хлѣбу двуденежному, по калачю двуденежному человѣку; да вопчѣ кречетникомъ и арапомъ баранъ, полторы гривенки масла коровья, луку и чесноку по две денги на день.

Людемъ посольскимъ девятинатцати человѣкомъ по хлѣбу двуденежному да по калачю денежному, да всѣмъ вопчѣ два барана.

Питья послу по две чарки вина двойного, а будетъ двойного нѣтъ, ино давать рядовое доброе, по шти чарокъ вина простого, ведро меду паточного, два ведра меду кабатцкаго. Шаховымъ кречетникомъ четыремъ человѣкомъ по три чарки вина человѣку. Слоновщику по две чарки вина. Людемъ посольскимъ девятинатцати человѣкомъ по две чарки вина человѣку. Да всѣмъ по четыре ведра меду отдаточныхъ Да шаховымъ кречетникомъ и арапомъ, и посольскимъ людемъ всѣмъ вопчѣ въ пива мѣсто за пять вѣдръ и за четыре кружки съ третью кружки по тритцати по семи чарокъ вина на день. А коли похотятъ имати пивомъ, и имъ давать пивомъ.

Да память Ѳедору Елагину. Послана съ нимъ государева ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамота въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову, о встрѣче и объ отпуске кизылбашского посла Булатъ бека; да съ нимъ же послано къ боярину и воеводе, ко князю Борису Михайловичю кубокъ серебрянъ золоченъ, лисица черна, две пары соболей, за печатью думного діака Ивана Грамотина.

И какъ Федоръ пріѣдетъ въ Нижней, и Ѳедору та государева грамота и кубокъ, и лисицу, и пары соболей послать изъ Нижнего съ нарочнымъ гонцомъ, взявъ въ Нижнемъ у боярина, у Петра Петровича Головина съ товарыщи, изъ детей боярскихъ или изъ розсыльщиковъ, кого пригоже, напередъ себя, и велѣть ему ѣхать наскоро, чтобъ ему поспѣть напередъ посла дни за два и за три. А въ Казани ту государеву грамоту и кубокъ, и лисицу, и пары соболей велѣть отдати боярину и воеводе князю Борису Михайловичю Лыкову.

Лѣта 7129-го маія въ 2 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память кизылбашского посла приставу Ѳедору Елагину. Вѣдомо государю учинилось, что прежъ сего кизылбашскіе послы, ѣдучи мимо Касымовъ, у Касымова подъ городомъ ставливались и хъ касымовскому царю посылывали съ подарками, а царь касымовской присылывалъ хъ кизылбашскимъ посломъ людей своихъ съ ѣствою и съ питьемъ. И какъ ныне хъ Касымову подъѣдешь, и ты бъ, не доезжая Касымова за день, послалъ напередъ себя толмача и съ нимъ исъ провожатыхъ человѣкъ дву или трехъ и къ воеводе съ ними отписалъ, чтобы онъ, про посла изготовя по росписи кормъ и питье, тотчасъ послалъ впередъ на станъ за Касымовъ верстъ за десять или больши, гдѣ у тебя съ посломъ станъ будетъ, а ты бъ съ посломъ Касымовъ прогребъ въ ночи или изъ утра на зорѣ, чтобъ посолъ не видалъ, и чтобъ тебѣ въ Касымовъ съ посломъ не заезжать, и съ посломъ бы царевы люди не увиделися, и людей своихъ къ нему ни съ чѣмъ не прислали. А будетъ посолъ о томъ учнетъ тебѣ говорить, чтобъ ему въ Касымовъ заѣхать и постоять, и съ царемъ захочетъ для чего обослатьца противъ прежнего, и ты бъ ему говорилъ: какъ напередъ сего велось, того ты не вѣдаешь, а ныне про то у тебя въ государеве наказе не написано, а самому тебѣ о томъ доложить не лучилось, а безъ государева указу того учинить не смѣешь. Да однолично бъ еси съ посломъ прогребъ мимо Касымовъ и къ Касымову не приставалъ, чтобъ однолично посолъ съ царемъ не сослался, и татаръ бы еси къ послу пускать не велѣлъ, а приказалъ о томъ тайно, чтобъ послу и его людемъ однолично было не знатно.

И 129-го, апрѣля въ 30 де(нь) писано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Коломну къ воеводе къ Василью Наумову: какъ кизылбашскихъ пословъ приставъ Ѳедоръ Елагинъ пришлетъ къ нему напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему съ посломъ на Коломну, и у него бъ въ тотъ день въ городе и на

посаде, и тѣми мѣсты, куды послу итти, было людно и стройно по посольскому обычею, и кормъ, и питье послу велено давать по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу ево и въ до . . . . . [1])

. . . . . (Бу)латъ бека да купчину своего Мамеселѣя, а съ купчиною посылаю па бусе рухледь свою и рухледи своей роспись за своею печатью. И которая моя рухледь по росписи брату моему, великому государю, въ казну надобна, и онъ бы, великій государь, тое рухледь велѣлъ взяти въ свою государеву казну; а что будетъ въ его, государеву, казну негодно, и онъ бы, великій государь, то велѣлъ отдать купчине моему, а купчине бъ моему и торговымъ людемъ братъ мой, великій государь, въ своемъ государстве поволилъ купить и продать повольною торговлею также повольно, какъ брата моего великого государя купчинамъ и торговымъ людемъ въ моемъ государстве купить и продать во всемъ воля. А хоти будетъ братъ мой, великій государь, и не велитъ мнѣ продать кречетовъ, — кречеты у меня есть: поймали у меня, и нынѣ восмь кречетовъ; соболей не велитъ продать,—шубы у меня есть; пагай не велитъ продать,—холопей у меня много. А которые мои торговые люди пріѣзжаютъ брата моево великово государя отчину съ своими товары, а сказываютца, что съ моими товары, и братъ мой, великій государь, для меня пошлинъ съ нихъ имать не велитъ, и въ томъ у брата моего, у великого государя, казна теряетца. И впередъ которыхъ торговыхъ людей учну я посылать съ своею рухледью и у тѣхъ будутъ грамоты за моею печатью, а какова печать будетъ у грамотъ, и ту печать посылаю къ брату своему, къ великому государю, съ купчиною своимъ.

И какъ учнутъ пріѣзжать мои торговые люди съ моими грамоты, а у грамотъ будетъ печать, и братъ бы мой, великій государь, съ тѣхъ торговыхъ людей пошлинъ имать не велѣлъ; а у которыхъ торговыхъ людей моихъ грамотъ и той печати у грамотъ не будетъ, и государь бы съ тѣхъ торговыхъ людей велѣлъ пошлину свою имати по своему государеву указу. Да приказалъ шахъ Исупъ хану проводить ихъ до Терка, а имъ приказалъ шахъ съ своими послы сходитьца въ Шемахѣ, и у руки они у шахова в. были. И какъ шахъ ихъ отпустилъ и, поотшедъ отъ него, каѳтапы его сложили и дворомъ шаховымъ шли до лошадей, и въ станъ къ себѣ ѣхали въ государеве жалованье, въ платье. А въ Ѳарабатъ они отъ шаха пришли іюня въ 3

---

[1]) Далѣе нѣсколькихъ листовъ не достаетъ.

де(нь), а изъ Ѳарабату пошли въ Шемаху іюня въ 9 де(нь), а въ Шемаху пришли іюля въ 6 де(нь). А шаховы послы въ Шемаху не бывали, и они въ Шемахѣ дожидались шаховыхъ пословъ; а шаховы послы, грузинецъ Урусамъ бекъ да Булатъ бекъ, въ Шемаху пришли 132-го, ноября въ 4 де(нь). А къ великому государю и къ отцу къ великому государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи отъ шахова в. послы его везутъ даровъ, что они видели, а иное провѣдали: Христову срачицу, кресты золоты съ яхонты, два судна золоты съ каменьемъ, седло и узда, и наперсть оправлены золотомъ съ каменьемъ, что прислалъ къ шаху турской царь: шатеръ индѣйской,—верхъ и полы и дворъ бархатъ червчатъ, въ немъ подложено бархаты золотными и серебряными; дватцать семь камокъ золотныхъ, дватцать семь камокъ цвѣтныхъ; четыре ковра шолковы съ золотомъ; шесть аргамаковъ, три кобылицы аргамачьи, кобыла катыря, три барса, деветь попугаевъ, два слона. Да сказывали имъ въ Шемахѣ шаховы послы и шемахѣйской Исупъ ханъ, что шахъ из-Испогани по ссылке турсково богдацкого паши пошолъ подъ турской городъ, подъ Багдатъ. Да писалъ къ нимъ на Терекъ дербенской Ютемъ салтанъ, что писалъ къ нему шемахѣйской Исупъ ханъ, а къ Исупъ хану де писалъ шахъ, что онъ у турсково городъ Багдатъ съ пригороды взялъ. А какову грамоту Исупъ ханъ къ нему прислалъ, и тоѣ Исупъ ханову грамоту салтанъ прислалъ къ нимъ. А изъ Шемахи они и шаховы послы и купчина въ Дербень пошли ноября въ 20 де(нь), а въ Дербень они пришли декабря въ 4 де(нь). И были они и шаховы послы у дербенского салтана и при нихъ пріѣхалъ къ салтану крымской царевичь Шанъ Гирѣй. И говорилъ Шанъ Гирѣй царевичь имъ: шахъ де ево пожаловалъ, отпустилъ отъ себя въ Крымъ, и приказалъ де ему шахъ, чтобъ имъ великого государя нашего ничѣмъ не кручинить, и люди бъ крымскіе на государеву украйну войною не приходили. И они Шанъ Гирѣю говорили: самъ онъ былъ при шахове в-вѣ и то виделъ, какъ шахово в. великому государю нашему ц. в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. его ц. в-ву достойную честь воздаетъ, и межь ими, великими государи, братственную дружбу и любовь. И Шанъ Гирѣй царевичь имъ молвилъ: виделъ де я то все самъ да и вѣдаю, какая межь великими государи крѣпкая дружба и любовь ныне сталась. А изъ Дербени они пошли въ Тарки декабря въ 11 де(нь), а въ Тарки они пришли декабря 17 де(нь), а изъ Тарковъ они и шаховы послы пошли декабря въ 19 де(нь). А въ государеву отчину на Терекъ они и шаховы послы и купчина пришли декабря

въ 30 де(нъ), а на встрѣчю шаховымъ посломъ терскіе воеводы выслали отъ города версты за три Ѳедора Петрова сына Обернибесова съ конными людми, да княжъ Супчалѣевы дети, Шолохъ да Алкаса, да Муцала съ черкасы и съ окочены. А въ остроге отъ воротъ и до посольсково двора стояли стрельцы по обе стороны съ пищальми. А морской и вольской ходъ въ Асторохань миновался, къ великому государю вскорс послать было не мочно, зимовали на Терке. А съ шаховымъ посломъ, съ Урусамъ бекомъ, жена его да сынъ, да съ шаховыми жъ послы и съ купчиною шаховыхъ людей на Терекъ пришло сто дватцать одинъ человѣкъ. А съ Терка съ отписками къ государю послали толмача Юрья Бурнашева марта въ 1 де(нь).

И толмачь Юрьи Бурнашовъ пріѣхалъ къ Москве во 132-мъ году іюня въ 27 де(нь). А на Москвѣ толмачь Юрьи Бурнашовъ въ роспросе сказалъ, что государевы послы Василей Коробьинъ да дьякъ Остаѳей Кувшиновъ пришли изъ Шемахи па Терекъ на другой день после Рожества Христова нынешнего 132-жъ году. А пословъ шаховыхъ идетъ къ государю: большой посолъ Русамъ бекъ, родомъ грузинецъ, зъ женою да съ сыномъ; другой посолъ Булатъ бекъ, да купчина Мамеселѣй. А людей съ послы съ шаховыми: 4 ч. кречетниковъ, 6 ч. слоновщиковъ, 2 ч. копюховъ. А посольскихъ людей: зъ большимъ посломъ 50 ч., зъ другимъ 20 ч., съ купчиною 29 ч.

Іюля жъ въ 27 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Асторохани боярин и воеводы, князь Иванъ Федоровичь Хованской да Григорей Волуевъ, да дьяки, Марко Поздѣевъ да Василей Яковлевъ: марта въ 24 де(нь) писали къ нимъ съ Терки государевы посланники, Василей Коробьинъ да дьякъ Остаѳей Кувшиновъ, что они и шаховы послы, и купчина пришли на Терекъ декабря въ 30 де(нь), и имъ бы прислать изъ Асторохани на встрѣчю, для оберсганья, государевыхъ ратныхъ людей, чтобъ надъ ними и надъ шаховыми послы и надъ государевою казною воры казаки какова дурна не учинили. И они послали изъ Асторохани въ судѣхъ на море на встрѣчю государевыхъ и шаховыхъ пословъ и купчине нижегородцково голову стрелетцкова Василья Щукина, а съ ними ратныхъ людей казанскихъ и асторохапскихъ, и нижегородцкихъ стрельцовъ, а велѣли имъ на морѣ государевыхъ посланниковъ и шаховыхъ пословъ, и купчину оберегать, чтобъ имъ отъ воровскихъ казаковъ до Асторохани дойти здорово. И апрѣля въ 20 де(нь) въ Асторохань государевы посланники и съ ними вмѣсте шаховы послы и купчина пріѣхали, и они шаховыхъ пословъ, Русамъ бека и Булатъ бека, и купчину Ма-

месельѣя велѣли встрѣтить по прежнему обычею и поставили ихъ въ остроге на посадцкихъ дворехъ и велѣли у нихъ быти въ приставехъ и для всякого береженья детей боярскихъ и стрельцовъ. И государево жалованье на пріѣзде, кормъ, давати велѣли, примѣрясь къ прежнему.

А корму посломъ и купчине на пріѣзде по асторохапской росписи послано. Послу Русамъ беку: яловица, 4 борана, 8 куровъ, 2 ведра вина отдаточныхъ, 2 ведра меду доброво, 5 вѣдръ меду росхожево, 5 вѣдръ пива. Послу же Булатъ беку: 5 барановъ, 5 куровъ, ведро вина отдаточное, ведро меду доброво, 3 ведра меду росхожево, 3 ведра пива. Купчине Мамесельѣю четыре борана, 3 куровъ, полведра.....

1621, Іюня 3. Дѣло по челобитью кречетниковъ, сокольника Тоболина съ шестью товарищи, посыланныхъ въ Персію съ княземъ Борятинскимъ о придачѣ имъ за службу ихъ и терпѣніе жалованья денежнаго и помѣстнаго. На 12 листахъ.

...(Ондрю)шка Черпцовъ: б(ыли)...государевой службѣ съ послами въ Кизыл(баши, и мы, холо)пи твои, живучи на твоей государевой службѣ въ Кизылбашехъ, испроѣлись и опродалися, и одолжали великимъ долгомъ; а корму, государь, намъ шахова жалованья было скудно, на многіе мѣсецы и на дни корму не давано. И какъ, государь, отпустили твоихъ государевыхъ пословъ и насъ, и дали намъ, холопемъ твоимъ, подводы до Тарковъ, а въ Таркахъ, государь, подводы наймывали мы, холопи твои, до Терекъ дорогою ценою. А живучи мы, холопи твои, на Теркахъ и въ Астарахани, испроѣлись и опродались, и одолжали великимъ долгомъ, и покупали мы, холопи твои, на Теркахъ и въ Астарахани запасы дорогою ценою. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, за наше службишко и терпѣнье своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, государю, Богъ известитъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

А о чемъ государю ц. и в. кп. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. кречетники Ѳедоръ Тоболинъ, Михайло Паскинъ, Ѳедоръ Рыкуповъ, Юрьи Гребенкинъ, сокольникъ Михайло Мясоѣдовъ, ястребникъ Ондрѣй Черпцовъ бьютъ челомъ,—и выписано изъ отпуску въ Кизылбаши государевыхъ пословъ князя Михайла Борятинского съ товарыщи прошлого 126-го году. Какъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу посланы въ Казылбаши въ послѣхъ князь

Михайло Борятинской съ товарыщи, а съ ними посланы кречетники и сокольники, и ястребники, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарыщи десять человѣкъ. И на той государевѣ службѣ, идучи изъ Кизылбашь, кречетниковъ и соколниковъ, и ястребниковъ померло четыре человѣки, а къ Москвѣ ихъ изъ Кизылбашь пришло шесть человѣкъ.

А для тоѣ кизылбашскіе службы дано было имъ государева жалованья на два года, на 126-й да на 127-й годъ по ихъ окладомъ сполна, да подмоги противъ жалованья одного году. А на государевѣ службе были они 126-й, 127-й, 128-й годъ; а жалованья имъ въ тѣ поры, какъ они посланы въ Кизылбаши, на 128-й годъ не дано. А какъ они изъ Кизылбашь пришли, и били челомъ государю о жалованьѣ на прошлой на 128-й годъ, что они, будучи въ Кизылбашехъ, заслужили, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, то свое государево жалованье на 128-й годъ велѣлъ имъ дати. И по тому ихъ челобитью то имъ государево жалованье на прошлой на 128-й годъ, что они, будучи въ Кизылбашехъ, заслужили, дано противъ товарыщей ихъ по три четверти окладовъ. А государева имъ жалованья денежные и помѣстные оклады по памяти изъ дворца за приписью дьяка Патрекѣя Насонова—

Кречетникомъ: Ѳедору Тоболину помѣсной окладъ 400 чети, денегъ 20 рублевъ. Михайлу Паскину помѣстной окладъ 300 чети, денегъ 12 рублевъ. Ѳедору Рыкунову, Юрью Гребенкину помѣстные оклады по 250 чети, денегъ по 10 рублевъ. Сокольнику: Михайлу Мясоѣдову помѣстной окладъ 200 чети, денегъ 8 рублевъ. Ястребнику: Ондрѣю Черницову помѣстной окладъ 200 чети, денегъ 7 рублевъ.

А у выписки кречетники и сокольникъ, и ястребникъ про долгъ свой сказали, что они, будучи въ Кизылбашехъ, займовали и ныне на комъ сколько долгу: на Ѳедоре на Тоболинѣ 5 рублевъ, а на достольныхъ на всѣхъ на пяти человѣкехъ по 4 рубли на человѣкѣ. И только государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. кречетниковъ и сокольника, и ястребника Ѳедора Тоболина съ товарыщи, 6 человѣкъ, пожалуетъ за ту ихъ службу и терпѣніе, и за долгъ своимъ царскимъ жалованьемъ и помѣстною и денежною придачею, какъ объ нихъ государю Богъ известитъ,—и выписано на примѣръ:

Въ прошломъ во 124-мъ году посланы были на государеву службу во Царьгородъ съ посланники, съ Петромъ Мансуровымъ да съ дьякомъ съ Семеномъ Самсоновымъ, кречетникъ Василей Черницовъ да ястребникъ Бурнашъ Мословъ, и какъ они изъ Царягорода съ государевыми посланники пришли, а были на государевѣ службе полъ

пятаго, да и имъ дано государева жалованья въ приказъ и за долгъ, и въ жалованья мѣсто по 30 рублевъ да по камкѣ, да по сукну по доброму человѣку. Да имъ же придано государева жалованья къ прежнимъ ихъ окладомъ денегъ по 8 рублевъ, помѣсного окладу по 100 чети. А прежніе имъ были оклады: денегъ по 12 рублевъ, помѣстного по 300 чети.

Да въ прошломъ во 126-мъ году посыланы были въ Кизылбаши съ государевымъ посланникомъ съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ кречетники и ястребники, Остаѳей Сычовъ, Истома Бокинъ, Петръ Савеловъ, Василей Фоѳоновъ, Ѳедоръ Тоболинъ, Григорей Устиновъ, и какъ они исъ Козылбашь пришли, и придано имъ за тое кизылбажскую службу государева жалованья помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ къ прежнимъ ихъ окладомъ кречетнику Остаѳью Сычову къ 400 четвертямъ 50 чети, денегъ ко 18 рублемъ 4 рубли, да ему же дано въ приказъ 5 рублевъ, да сукно доброе, и придача ему денежная выдана. Ястребнику Истоме Бакину помѣстного окладу къ 300 четямъ 50 чети, денегъ къ 12 рублемъ 4 рубли, да въ приказъ 5 рублевъ, да сукно доброе, и придача ему денежная выдана. А достальнымъ кречетникомъ и ястребнику всѣмъ помѣсного окладу по 50 чети, денегъ по 2 рубли, и придача имъ денежная всѣмъ выдана. Да имъ же дано въ приказъ по 3 рубли да по сукну по доброму человѣку.

Да въ прошломъ же во 128-мъ году посыланы въ Крымъ съ государевыми посланники, съ Прокоѳьемъ Воейковымъ да съ подъячимъ съ Семепомъ Матчинымъ кречетники: Ѳедоръ Тоболинъ, Иванъ Ѳооановъ, да сокольники: Григорей Савеловъ, Гаврило Рыкуновъ, ястребники: Григорей Устиновъ, Богданъ Коноплевъ, Иванъ Чернцовъ. И какъ они исъ Крыму пришли, и имъ придано государева жалованья къ прежнимъ ихъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ помѣстья всѣмъ по 50 чети, а денегъ кречетникомъ по 4 рубли человѣку, а сокольникомъ и ястребникомъ по 3 рубли съ полтиною человѣку. Да имъ же дано государева жалованья за изронъ и въ приказъ, и за то, что было имъ на отпуске не дано, какъ они посланы въ Крымъ, по 5 рублевъ да по сукну по доброму человѣку.

Да государю жъ ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. кречетники Михайло Пасвинъ, Ѳедоръ Рыкуновъ, Юрьи Гребенкинъ, сокольникъ Михайло Мясоѣдовъ, ястребникъ Ондрѣй Чернцовъ бьютъ челомъ: какъ де они были на государеве службе въ Кизылбашехъ и зимовали въ Казбине и какъ де государевымъ посломъ шахъ велѣлъ быть у себя на отпускѣ в-Испогань, и послы де взяли съ собою изъ

Казбина в-Испогань переводчика да толмача, да ихъ дву товарыщевъ, Ѳедора Тоболина да Ѳедора Савелова, и были де государевы послы в-Испогане четырнатцать недѣль, а они де въ тѣ поры были въ Казбинѣ, и корму де имъ не давано ничево, и они де, живучи въ Казбинѣ, дожидаючись государевыхъ пословъ из-Испогани, проѣлися и опродались, и обдолжали великими долги. А государевымъ де посломъ и переводчику, и толмачю, и ихъ товарыщемъ дву человѣкомъ, которые были съ послы, шахово жалованье на отпуске дано платье и дороги, и киндяки, и денегъ де дано товарыщемъ ихъ по шти рублевъ человѣку, а имъ де тово шахова жалованья на отпуске не дано ничево, и они де передъ своею братьею въ конецъ погибли. И государь бы ихъ пожаловалъ для ихъ бѣдности своимъ царскимъ жалованьемъ противъ переводчика и толмача и ихъ товарыщей, которые были у шаха на отпускѣ, какъ объ нихъ государю Богъ известитъ.

И только государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. кречетниковъ и сокольника и ястребника Михайло Паскина съ товарыщи, пяти человѣкъ, пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ противъ переводчиковъ и толмача и ихъ товарыщей, какъ объ нихъ государю Богъ извѣститъ—

И выписано изъ списка государевыхъ пословъ, каковъ списокъ привезли съ собою къ Москвѣ государевы послы Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ: дано шахова жалованья на отпускѣ: переводчику Милютѣ Нагаеву камка да 4 дороги, да 7 киндяковъ, талмачю Ивану Сергѣеву 3 дороги . . . . . киндяковъ . . . . .

По склейкамъ помѣта дьяка: 129-го іюнь въ 3 де(нь) государь пожаловалъ кречетниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ, за ихъ кизылбашскую службу велѣлъ имъ придати своего государева жалованья къ прежнимъ окладомъ по 2 рубли человѣку да по сукну по доброму человѣку, а помѣстные оклады денежные придачи по 50 чети человѣку. Да имъ же, которымъ шахова жалованья не дано, и тѣмъ жалованье на 128-й годъ дати сполна, а писано у нихъ, что имъ съ товарыщи жалованья шахова не дано. А которымъ шахово жалованье дано, и тѣмъ дать на 128-й годъ противъ товарыщей ихъ московскихъ кречетниковъ и ястребниковъ, и сокольниковъ 3 чети окладовъ ихъ. А что они написали долгу, и тѣ имъ деньги пожаловалъ государь, велѣлъ выдать по тому, что долгъ . . . . .

1621 іюля 5. Дѣло по челобитью подъячихъ Богданова и Молотова, посыланныхъ въ Персію, о дачѣ имъ за ихъ службу и терпѣніе жалованья. На 6 листахъ.

Царю государю и в. кн. Михаилу Оедоровичю в. Р. бьютъ челомъ холопи твои, подъячіе Терешка Богдановъ, Сенька Молотовъ. Были мы, холопи твои, на твоей государевой службѣ съ твоими государевыми послы, со княземъ Михаиломъ Петровичемъ Борятинскимъ съ товарыщи, въ Кизылбашехъ, голодъ и всякую нужу терпели и одолжали великими долги, и отъ тово, государь, долгу ныне стоимъ на правежѣ, помираемъ голодною смертью. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, за наше службишко и за терпѣнье своимъ царьскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ, милосердому государю, объ насъ Богъ извѣститъ, чтобъ мы, холопи твои, отъ великого долгу, стоя на правежи, въ конецъ не погибли и голодною смертью не померли. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

И выписано изъ отпуску въ Кизылбаши государевыхъословъ прошлого 126-го году. Какъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Оедоровича в. Р. указу посланы въ Кизылбаши въ послѣхъ князь Михайло Петровичь Борятинской съ товарыщи, а съ ними посланы подъячіе костромскіе четверти Терентей Богдановъ, помѣстново приказу Семенъ Молотовъ. А для тое кизылбашскіе службы дано имъ государева жалованья Терентью Богданову на два года, на 126-й да на 127-й годъ по 20 рублевъ на годъ, да подмоги противъ жалованья на одинъ годъ. А Семену Молотову дано государево жалованье на одинъ на 126-й годъ 15 рублевъ да подмоги противъ жалованья на одинъ же годъ. А до тое кизылбашскіе службы было государева жалованья подъячему Терентью Богданову въ костромской четверти 15 рублевъ, а помѣстного приказу подъячей Семенъ Молотовъ до кизылбашскіе службы государевымъ жалованьемъ денежнымъ окладомъ не верстанъ. А то имъ государево жалованье Терентью по 20 рублевъ, а Семену по 15 рублевъ на годъ дано для тое кизылбашскіе службы. А на той государевѣ службѣ были они 126-й, 127-й, 128-й годъ. А какъ они въ нынѣшнемъ во 129-мъ (году прі)ѣхали зъ государевы службы (изъ Кизыл)башъ къ Москвѣ, и били челомъ государю, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дати свое государево жалованье, что они, будучи на той государевѣ службѣ заслужи(ли): Терентью на

128-й годъ, а Семену на два года, на 127-й да на 128-й же годъ, противъ кречетниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ, которые были на той же государевѣ службе. И по тому ихъ челобитью, для ихъ службы, государево имъ жалованье, что они, будучи на службе, заслужили, дано противъ кречетниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ того государева жалованья, что имъ дано въ тѣ поры, какъ посланы въ Кизылбаши, на одинъ годъ по три чети: Терентью 15 рублевъ, а Семену 11 рублевъ, 8 алтынъ, 5 де(негъ). А нынѣ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. подъячіе Терентей Богдановъ да Семенъ Молотовъ бьютъ челомъ: будучи де они на той государевѣ службѣ въ Кизылбашехъ, голодъ и всякую пужу терпѣли и обдолжали великими долги и отъ тово де долгу ныне стоятъ на правежѣ и помираютъ голодною смертью, и государь бы ихъ пожаловалъ, за ту ихъ службу и за терпѣнье своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ государю Богъ известитъ, чтобъ имъ отъ того долгу, стоячи на правежѣ, въ конецъ не погинуть и голодною смертью не помереть. И только государь ихъ пожалуетъ за ту ихъ службу своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ объ нихъ государю Богъ известитъ, — и выписано на примѣръ:

Въ прошломъ во 121-мъ году посланъ въ Аглинскую землю съ Олексѣемъ Зузинымъ да съ дьякомъ съ Олексѣемъ Витовтовымъ подъячей Ондрѣй Семеновъ, и какъ они изъ Аглинскіе земли пришли къ Москвѣ, и ему дано государева жалованья за службу въ приказъ 10 рублевъ да сукно доброе, да къ жалованью придано къ 15 рублемъ 2 рубли.

Во 121-мъ же году посланъ въ Датцкую землю со княземъ Иваномъ зъ Борятинскимъ да съ дьякомъ зъ Гаврилою Богдановымъ подъячей Екимъ Резановъ, и какъ они къ Москвѣ пришли, и ему дано государева жалованья въ приказъ и къ жалованью придано противъ Ондрѣя жъ Семенова.

Во 124-мъ году посланъ во Царьгородъ съ посланники, съ Петромъ Мапсуровымъ да съ дьякомъ съ Семейкою Самсоновымъ подъячей Тимооѣй Ивановъ, и какъ они къ Москвѣ пришли, и ему придано государева жалованья къ прежнему окладу къ 12 рублемъ 5 рублевъ, да въ приказъ и за долгъ 25 рублевъ, таота, сукно добрые.

Во 126-мъ году посланъ въ Дацкую землю с-Иваномъ Баклановскимъ для письма подъячей Иванъ Назарьевъ, и какъ они къ Москвѣ пришли, и ему дано государева жалованья въ приказъ 10 рублевъ, таота, сукно добрые, да ему жъ придано государева жалованья

къ денежному окладу, къ 15 рублемъ, 3 рубли, да ему жъ учинепъ помѣсной окладъ 150 четвертей.

На оборотѣ: Будетъ прежъ того за такіе службы давано, и ихъ служба выписать.

По склейкамъ помѣта: 129-го, іюль въ 5 де(нь) государь пожаловалъ за службу придачи: Терентью 3 рубли, а Семену 2 рубли да въ приказъ по сукну по доброму человѣку да по дорогамъ, потому что были на службѣ 3 годы, а помѣстьемъ не верстаны діакомъ тѣхъ приказовъ, смотря по нихъ будетъ пригоже.

Помѣта: Справилъ Окексѣй Шаховъ.

1621, Іюля. Дѣло по челобитью толмачей Ивана и Гаврила Есиповыхъ о награжденіи ихъ за персидскую съ посломъ княземъ Борятинскимъ службу жалованьемъ. На 11 листахъ.

. . . . . Ѳедоровичю в. Р. біютъ челомъ холопи твои посольского приказу толмачи Ивашка Сергѣевъ сынъ Есиповъ да Гаврилка Матвѣевъ сынъ Есиповъ. Посланы, государь, мы были, холопи твои, на твою государеву службу въ Козылбаши съ твоими государевыми послы, и мы, государь, будучи на твоей государевой службѣ въ Козылбашехъ, тебѣ, государю, служили и тесноту терпѣли и въ кормѣхъ многія недостатки были, и мы, холопи твои, изпроѣлися и одолжали до конца. Пословъ и насъ держали въ Таркахъ десеть денъ, и мы, государь, подводы наймовали подъ себя и подъ людишакъ до Мертвова моря, и на Терки, государь, мы зимовали и тутъ мы запасъ и дрова покупали дорогою ценою. И съ Терка, государь, мы пришли въ Асторохань за две педели до велико дни и жили въ Асторахани до Госпожина говѣнья, и мы, холопи твои, изпроѣлися и одолжали великимъ долгомъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, за нашу службишку и за терпенья своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, государю, Богъ известитъ и чѣмъ бы намъ долгъ заплатить. А которые, государь, наша братья ходили въ Козылбаши первея насъ съ Михайломъ Тихановымъ, имъ, государь, твоево царьского жалованья денежнова и помѣснова окладу прибавлено. Царь государь, смилуйся пожалуй!

На оборотѣ: 129-го ію . . . въ 14 (?) де(нь), выписать на примѣръ.

Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. посольского приказу татарскіе толмачи Иванъ да Гаврило Есиповы. Въ прошломъ дни во 126-мъ году по государеву указу посланы де были они на государеву службу въ Кизылбаши съ государевыми послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ да с-Иваномъ Чичѣринымъ. И будучи дни они въ Кизылбашехъ *(и проч.)*. А государева жалованья Ивану Есипову помѣсной окладъ 350 чети, а Гаврилу Есипову 300 жъ 50 чети, а денегъ обѣимъ по 20 рублевъ человѣку. А какъ Иванъ и Гаврило Есиповы въ Кизылбаши съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ да с-Иваномъ Чичѣринымъ отпущены, и дано имъ для тое кизылбашскіе службы государева жалованья на два года, на 126-й да на 127-й годъ, по окладомъ ихъ сполна, по 20 рублевъ на годъ, да подмоги противъ жалованья одново году по 20 же рублевъ человѣку, всего жалованья и подмоги по 60 рублевъ человѣку.

А въ посольскомъ спискѣ, каковъ привезъ съ собою Иванъ Чичѣринъ, какъ у нихъ въ Кизылбашехъ государево дѣло дѣлалось, написано: писалъ дни къ нимъ съ Терки воевода Микита Вельяминовъ съ сыномъ боярскимъ съ Первымъ съ Лукинымъ, что польскіе и литовскіе люди изъ Московского государства вышли и въ Московскомъ государствѣ по государскому доброопасному осмотрѣнію и милостивому призрѣнью въ Московскомъ государствѣ всякіе люди живутъ въ мирѣ, въ покоѣ и въ тишинѣ и во благоденствѣ, а съ польскимъ королемъ у великого государя его ц. в. учинилось мирное постановенье на четырнатцать лѣтъ на шесть мѣсяцъ. И Иванъ и Михайло, слыша такую милость Божію, про государево здоровье пѣли молебны, а пѣвъ молебны, посылали въ Казбинъ къ приказному человѣку къ дорогѣ толмача Ивана Сергѣева, а велѣли ему сказати про государское многолѣтное здравье и что милостью Божіею и государскимъ счастьемъ польскихъ и литовскихъ людей въ Московскомъ государствѣ побили, а достольные польскіе и литовскіе люди пошли въ свою землю съ великимъ стыдомъ. И дорога де приказывалъ къ нимъ, къ Ивану и къ Михайлу, съ толмачомъ с-Иваномъ же Есиповымъ, что онъ, слыша про государское многолѣтное здравье, тому обрадовался и къ шаху де онъ пошлетъ и о государевѣ многолѣтномъ здравьѣ отпишетъ, чтобъ дни шаху про государево многолѣтное здравье было вѣдомо.

Да въ спискѣ жъ написано: какъ де Ивана и дьяка Михайла учалъ шахъ ко государю отпускати, и спросилъ дни шахъ у Ивана и у Михайла: есть ли у нихъ толмачь крестьянинъ, а не бусурманъ? И Иванъ и Михайло велѣли подойти къ шаху толмачю Ивану Сер-

гѣеву, и шахъ де съ ними, с-Ываномъ и съ Михайломъ, приказывалъ ко государю рѣчью о дѣлехъ, а толмачилъ передъ шахомъ толмачь Иванъ Есиповъ.

А какъ де Иванъ и Михайло пришли въ Тарки и которые де были подъ ними подводы и верблюды шаховы, и тѣ деи поворотили назадъ, а въ Кумытцкой де землѣ имъ подводъ не давали, и они де, Иванъ и Михайло, и толмачи, и кречатники подводы наймовали отъ Тарковъ до Аксальского кудлака на семьдесятъ верстъ, а давали де найму отъ верховые лошади по два киндяка, а отъ телѣги съ быками по четыре киндяка; а корму де имъ и толмачомъ въ Таркахъ не давали жъ. А на Терекъ де Иванъ и Михайло, и толмачи пришли 128-го году ноября въ 29-мъ числѣ, и на Теркѣ зимовали, потому что море замерзло и судовой ходъ поминовался, а кормъ де они и толмачи и всѣ государевы люди, на Теркѣ живучи, покупали собою.

Да въ спискѣ жъ написано во многихъ статьяхъ, что послы, князь Михайло Борятинской и Иванъ Чичѣринъ, посылали къ ханомъ и къ шаховымъ ближнимъ и къ приказнымъ людемъ о всякихъ дѣлехъ толмачей Ивана да Гаврила Есиповыхъ.

И только государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. толмачей Ивана и Гаврила Есиповыхъ за кизылбашскую службу пожалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ,—и выписано на примѣръ:

Въ прошломъ во 121-мъ году посланы были въ Кизылбаши съ посланникомъ съ Михайломъ Тихановымъ для толмачества посольского приказу татарскіе толмачи, онъ же, Иванъ Есиповъ, да Семейка Гавриловъ, да Семенъ Лежневъ, и какъ они исъ Кизылбашь пришли, и придано имъ за тое кизылбашскую службу и за нужной польской проходъ, что они шли степью въ самые жары и нужу всякую терпѣли, къ старымъ ихъ окладомъ помѣсного окладу Ивану Есипову, Семену Герасимову, къ 300 четямъ по 100 чети, денегъ къ 13 рублемъ по 7 рублевъ человѣку, Семейкѣ Лежневу вновь учинено помѣсного окладу 300 чети, денегъ придано къ 13 рублемъ 5 рублевъ, и придача имъ на тотъ годъ, въ которомъ году придано, дана; да имъ же дано въ приказъ по 12 рублевъ да по тафтѣ, да по сукну по доброму человѣку.

Да въ прошломъ во 123-мъ году посланъ былъ въ Кизылбаши съ гонцомъ с-Ываномъ Бреховымъ посольского приказу татарской толмачь Степанъ Ооопасьевъ. И какъ онъ исъ Кизылбашь пришелъ, и придано ему государева жалованья помѣсного окладу къ 400 четямъ 50 чети, денегъ къ 20 рублемъ 5 рублевъ, и придаточные деньги

ему на 124-й годъ даны, да ему жъ дано въ приказъ 8 рублевъ да сукно доброе.

Помѣта: 130-го октября въ 5 де(нь) государь пожаловалъ придачи Ивану 50 чети, денегъ 5 рублевъ; Гаврилу 50 же чети, денегъ 4 рубли, да за убытки по 10 рублевъ да по сукну, да по таѳтѣ по доброй человѣку.

На оборотѣ: Справилъ Олексѣй Шаховъ.

Лѣта 7130-го октября въ 30 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Рамапчюкову, велѣть имъ отписать въ помѣсной приказъ къ боярину ко князю Ивану Борисовичю Черкаскому, да къ діакомъ, Ондрѣю Варѣеву, да къ Ивану Грязеву посольского приказу толмачей Гаврилу да Ивану Есиповымъ, что имъ помѣстной окладъ? Діакъ Ондрѣй Варѣевъ.

На оборотѣ: отписать.

Лѣта 7130-го ноября въ 9 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Борисовичю Черкаскому да дьякомъ, Ондрѣю Варѣеву да Ивану Грязеву, въ памяти въ посольской приказъ къ діакомъ, къ думному Ивану Грамотину да къ Саве Рамапчюкову, за твоею, Ондрѣевою, приписью написано: велѣти бъ отписати въ помѣсной приказъ къ тебѣ, боярину, ко князю Ивану Борисовичю Черкаскому, да къ діакомъ, къ Ондрѣю Варѣеву да къ Ивану Грязеву, что посольского приказу толмачемъ Ивану да Гаврилу Есиповымъ придача помѣсные оклады? И сыскано въ посольскомъ приказе въ помѣстномъ столпу прошлого 129-го году: посольского приказу татарскимъ толмачемъ Ивану да Гаврилу Есиповымъ помѣсные оклады за службу жъ съ придачами по четыреста чети человѣку.

$\frac{7128}{1620}$ іюля 9—$\frac{7142}{1634}$ окт. 9. Наказъ, данный дворянину Ивану Благово, о взятіи ему бывшаго въ Персіи въ посольствѣ дьяка Михайла Тюхина подъ арестъ, о учиненіи описи всей при немъ находящейся рухляди, писемъ и проч.—О привозѣ его, Тюхина, въ Москву, послѣдовавшіе потомъ ему, Тюхину, и другимъ роспросы и пытка по случаю бытности его у шаха безъ пословъ.—Ссылка его въ Сибирь, а напослѣдокъ возвращеніе въ Москву съ отпущеніемъ вины его. На 149 листахъ.

Въ прошломъ во 128-мъ году маія въ 27 день писали ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Астарахани государевы послы, что посыланы въ Кизылбаши, Иванъ Чичѣринъ да дьякъ

Михайло Тюхинъ, и прислали ко государю съ толмачомъ зъ Гавриломъ Есиповымъ отписки о своемъ пріѣздѣ къ шаху и о посольствѣ, какъ они были у шаха на посольствѣ, и что имъ шахъ на ихъ посольство отвѣтъ учинилъ, и какъ они у шаха были на отпуске и съ чѣмъ ихъ ко государю шахъ отпустилъ. Да въ той же ихъ отписке написано, что ноября въ 5 де(нь) послѣ ихъ посольства, какъ они у шаха были на пріѣздѣ, прислалъ къ нимъ шахъ пристава ихъ Усеинъ бека, а велѣлъ быти къ себѣ одному діаку Михайлу Тюхину да переводчику Милюте Нагаеву, и князь Михайло де Борятинской и онъ, Иванъ Чичѣринъ, говорили приставу, что посланы они отъ царского в-ва къ шахъ Аббасу, а велено имъ всякіе государевы дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ, а товарыщу ихъ Михайлу къ шаху безъ нихъ одному ѣхати не пригодитца. А онъ де, Михайло, приставу говорилъ, что ему къ шаху одному ѣхати непригоже. И говорили онѣ о томъ и стояли долго, и после де того отъ шаха зъ двора прибегали стрѣльцы многижда, чтобъ Михайло ѣхалъ къ шаху тотчасъ, и приставъ де имъ говорилъ: только Михайло не поѣдетъ, и имъ навести на себя отъ шаха великую кручину. И они де, побоялся отъ шаха кручины и поговоря межъ себя, онъ, Михайло, да съ нимъ переводчикъ Милюта Нагаевъ къ шаху поѣхали и у шаха были. И говорилъ де шахъ Михайлу съ великимъ гнѣвомъ о послѣхъ своихъ, что будто пословъ ево на Москвѣ и по городомъ въ Казани и въ Асторохани запирали по дворомъ и зъ дворовъ ихъ никакова человѣка не пускали и всякую тесноту имъ чинили, и торговымъ де ево людемъ по городомъ воеводы чинятъ насильство и бесчестье великое и товаровъ никакихъ на нево, что ему годно, покупать не даютъ, а что купятъ, и то отнимаютъ, и у человѣка ево асторохапскіе воеводы отняли птицу ястребъ, а сказали де воеводы, что то заповедное.

И государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ отписку чести бояромъ и говорилъ о томъ зъ бояры, что Михайло Тюхинъ учинилъ то, что ѣздилъ къ шаху одинъ съ толмачомъ мимо своихъ товарыщевъ, мимо прежніе обычаи, невѣдомо для какіе мѣры и потому чаять въ немъ воровства. И указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послать на встрѣчю противъ пословъ, Ивана и Михайла, дворянина добра, а дожидатись ихъ велѣлъ въ Нижнемъ. Да какъ ему учинитца про нихъ вѣсть, что они исъ Казани отпущены будутъ къ Нижнему, и ему ѣхать изъ Нижнего къ нимъ на встрѣчю, чтобъ ему ихъ встрѣтить за Нижнимъ верстъ за сто или за пятьдесятъ, межъ городовъ, а гдѣ ихъ встрѣтитъ, и тому дворянину велѣно у Михайла переписать и пересмотрити всякого письма и животовъ и запечатать; а переписавъ

животы и письмо всякое и запечатавъ, ѣхати тому дворянину къ Москвѣ съ Михайломъ Тюхинымъ и съ животы его вмѣстѣ.

И іюля въ 9 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича въ Р. указу посланъ противъ Ивана Чичѣрина и Михайла Тюхина Иванъ Благой, а государевъ наказъ Ивану данъ таковъ.

Лѣта 7128-го іюля въ 9 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память Ивану Степановичю Благово Ѣхати ему въ Нижней или гдѣ встрѣтитъословъ Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, а пріѣхавъ въ Нижней, дожидатися Ивана да дьяка Михайла, а идутъ они изъ Астарахани Волгою въ судѣхъ и беречи того Ивану накрѣпко, чтобъ Иванъ и Михайло безвѣстно въ Нижней не пріѣхали. А какъ ему будетъ вѣсть, что Иванъ и Михайло изъ Казани отпущены и ѣдутъ къ Нижнему, и Ивану ѣхать къ нимъ встрѣчю, чтобъ ихъ встрѣтить за Нижнимъ верстъ сто или пятьдесятъ, межь городовъ, да какъ съ ними съѣдетца, и Ивану итти на судно, на которомъ судне ѣдетъ діакъ Михайло Тюхинъ, а пришедчи на судно, сказати Михайлу, что по государеву указу велено ему, Ивану, у него, Михайла, переписати рухлядь всякую, и Михайло бъ ему отдалъ ключи всѣхъ коробей и сундуковъ, и ключи у него взяти тотчасъ и пересмотрити и переписати Михайлову всякую рухледь, что съ нимъ пошла съ Москвы, и шахово данье — платье золотное и иное всякое платье, и купленую всякую рухледь, что есть отласы и бархаты, и камки золотные, и всякіе бархаты и отласы, и камки, и доро̀ги, и сабли, и луки, и каменье дорогое всякое и какое есть, и жемчюгъ, и суды серебряные, и деньги, и письма всякого перескать накрепко и переписать всякое писмо и посыльные грамотки. А переискавъ и переписавъ все подлинно на роспись по статьямъ имянно, которая рухледь шахово данье и которая купленая, и которая съ нимъ съ Москвы пошла, и письмо всякое пересмотрити имянно, да тоѣ роспись за своею и за Михайловою рукою Тюхина и письмо, въ которомъ будетъ писано что приличное, прислати ко государю къ Москвѣ съ нарочнымъ гонцомъ, взявъ сына боярского въ Нижнемъ Новѣгородѣ у боярина у Петра Петровича Головина да у дьяка у Василья у Юдина, а къ нимъ о томъ писано: велено ему для розсылки людей дать. А рухледь всеѣ, что перепишетъ, вести съ собою ко государю къ Москвѣ, а Михайлу велѣть ѣхати съ собою жъ и въ дорогѣ нигдѣ отставать не давать и того смотрить, чтобъ Михайло куда не ушелъ и дурна надъ собою никоторого не учинилъ. А не доѣзжая до Москвы за два стана, прислать къ Москвѣ съ вѣстью, а велѣти сказати въ

посольскомъ приказѣ дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Рамапчюкову, а безъ указу къ Москве не ѣздить, а Ивану Чичѣрину велѣти ѣхати ко государю къ Москвѣ повольно, да и того беречи накрепко, чтобъ тоѣ рухледи, что возьметъ у Михайла на дорогѣ, на грязехъ и па рѣкахъ не подмочить и не испортить, и привести къ Москвѣ цѣло. Да и того Ивану беречь накрѣпко и сесь наказъ держати у себя тайно, чтобъ люди ево и иной хто про то не провѣдали и Михайлу вѣсти не подали, чтобъ Михайло, свѣдавъ про то, животовъ своихъ и рухляди не схоронилъ и по другомъ не розослалъ, да и самому Ивану переписывати и осматривать накрепко, и Михайлу въ томъ не понаровить, рухлядь отписати вся, а самому ничѣмъ не искорыстоватца. А учнетъ Иванъ отписывати съ поноровкою, а отъ того что возьметъ, а послѣ про то сыщетца, и Ивану за то отъ государя ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. быти въ великой опалѣ. А подводы подъ Михайла и подъ ево людей, и подъ рухлядь взяти въ Нижнемъ и по инымъ городомъ, какъ мочно поднятца. А будетъ гдѣ встрѣтитъ Михайловыхъ людей, ѣдутъ къ Москвѣ съ Михайловою рухлядью, и Ивану тоѣ всеѣ рухлядь у Михайловыхъ людей переписати сполна жъ безъ попоровки, и запечатать въ томъ городѣ, гдѣ пригоже, и приказати ту рухлядь и Михайловыхъ людей беречь до государева указу, а самому ѣхать въ Нижней и дѣлать по сему государеву наказу, да о томъ о всемъ писати ко государю тотчасъ.

А въ Нижней къ боярину и воеводѣ государева грамота послана такова:

Отъ царя и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней боярину нашему и воеводѣ Петру Петровичю Головину да діаку нашему Василью Іюдину. Посланъ для нашего дѣла въ Нижней, или гдѣ встрѣтитъ пословъ, Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, Иванъ Степановъ сынъ Благово, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Иванъ Благово для нашего дѣла къ вамъ въ Нижней пріѣдетъ, и будетъ ему для нашего дѣла понадобятца въ Нижнемъ дѣти боярскіе или стрѣльцы, и вы бъ ему для нашего дѣла дѣтей боярскихъ дву человѣкъ да стрѣльцовъ десяти человѣкъ дали, а подводы бъ есте ему, Ивану, для нашего дѣла и подъ рухлядь велѣли давать, какъ ему мочно поднятца, чтобъ ему въ дорогѣ за подводами не замѣшкать. А будетъ онъ пошлетъ отъ себя гонца напередъ, и вы бъ тому гонцу велѣли дати подводу съ проводникомъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7128-го іюля въ 9 де(нь).

И 129-го году октября въ 22 де(нь) пріѣхали ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. къ Москвѣ исъ Кизылбашъ Иванъ Чичѣринъ, а съ нимъ переводчикъ Милюта Нагаевъ да толмачь Иванъ Сергѣевъ, которые съ ними посланы для государева дѣла.

А про дьяка про Михайла Тюхина сказали, что по государеву наказу взялъ Михайла къ себѣ Иванъ Благой и остался съ нимъ и съ его рухлядью въ Нижнемъ.

А какъ Иванъ Чичѣринъ и Михайло Тюхинъ были у шаха на посольствѣ и посольство правили, и что имъ шахъ на ихъ посольство отвѣтъ учинилъ, и какъ онѣ были у шаха жъ на отпускѣ и съ чѣмъ ихъ ко государю шахъ отпустилъ, и тому всему Иванъ Чичѣринъ подалъ государю посольства своего списокъ.

А въ спискѣ ихъ про ту статью, какъ Михайло Тюхинъ былъ у шаха одинъ съ переводчикомъ, написано, что были государевы послы князь Михайло Борятинской и Иванъ Чичѣринъ, и дьякъ Михайло у шаха на посольствѣ и посольство правили ноября въ 4 де(нь) всѣ вмѣстѣ. А ноября въ 6 де(нь) шахъ прислалъ (*и проч*).

И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. приказалъ думпому дьяку Ивану Грамотину, а велѣлъ переводчика Милюту Нагаева роспросити подлинно, коими обычаи былъ у шаха на одинѣ дьякъ Михайло Тюхинъ? и онъ, Милюта, въ то время у шаха съ нимъ былъ-ли? и для чего присылалъ шахъ по Михайла мимо большихъ его товарыщей? и о кою пору Михайло у шаха былъ, и о чемъ шахъ Михайла напередъ спрашивалъ, и что Михайло съ шахомъ говорилъ, и одинъ ли онъ, Милюта, шаховы и Михайловы рѣчи толмачилъ, и не было ль въ то время при шахѣ кого изъ рускихъ людей или исъ кизылбашскихъ для толмачества? и безъ него, безъ Милюты, на одинѣ шахъ съ Михайломъ не сидѣлъ ли и съ нимъ о чемъ безъ него не розговаривалъ ли? и его, Милюту, шахъ отъ себя въ тѣ поры, какъ сидѣлъ съ Михайломъ, не высылалъ ли, и хто въ тѣ поры при шахѣ были шаховыхъ ближнихъ людей? и какъ Михайло Тюхинъ и онъ, Милюта, были у шаха, и иныхъ государствъ людей кого въ тѣ поры при шахѣ не было ль? про то бъ онъ про все сказалъ въ правду.

И переводчикъ Милюта Нагаевъ въ роспросѣ сказалъ:

На завтрее день того дни, какъ государевы послы, князь Михайло Борятинской съ товарыщи, были у шаха на посольствѣ и посольство правили, и грамоту государеву подали, и рѣчь говорили, прибежалъ часу въ четвертомъ дни посольского пристава Усенинъ бековъ человѣкъ,

а имени не упомнитъ, къ дьяку къ Михайлу Тюхину и почалъ ему говорити, что прислалъ къ нему Усеинъ бекъ, а велѣлъ ему говорити, что шахъ зоветъ къ себѣ его, Михайла, да толмача, и они бъ шли къ шаху тотчасъ. И Михайло де отговаривался, что ему безъ товарыщей итти не пригоже и безъ нихъ онъ нейдетъ, да по первой присылкѣ отказалъ и къ шаху не пошелъ. И того же дни часу вскорѣ прибѣжалъ къ Михайлу Усеинъ бѣковъ тотъ же человѣкъ и говорилъ Михайлу отъ Усеинъ бека съ угрозою, что шахъ на него, на Михайла, за то, что онъ къ шаху не идетъ, кручиноватъ. И какъ де въ другорядъ Усеинъ бѣковъ человѣкъ пришелъ, и Михайло де Тюхинъ пошелъ ко князю Михайлу и къ Ивану Чичѣрину и говорили межь себя, а что говорили и о чомъ совѣтовали, того де онъ не слыхалъ. И послѣ де того прислали по него, по Милюту, послы, князь Михайло и Иванъ, и какъ де онъ, Милюта, къ нимъ пришолъ, а Усеинъ бѣковъ человѣкъ тутъ же у пословъ дожидается Михайла, и послы де князь Михайло и Иванъ велѣли ему, Милютѣ, ѣхати къ шаху съ Михайломъ вмѣсте для толмачества. И они де Усеинъ бекову человѣку сказали, что у нихъ лошадей нѣтъ, и Усеинъ бековъ же человѣкъ про то пошелъ сказывать Усеинъ беку, и подъ нихъ де, подъ Михайла и подъ Милюту, прислали по лошеди по середней съ сѣдлы съ тѣмъ же Усеинъ бѣковымъ человѣкомъ, которой приходилъ по Михайла, а шаховы-ль лошеди или Усеинъ бековы, про то онъ не вѣдаетъ, спросить ему про то не лучилось. А самъ де приставъ Усеинъ бекъ по Михайла звать къ шаху пріѣзжалъ ли, и стрѣльцы отъ шаха къ посломъ для Михайла приходили ль, и съ угрозою посломъ отъ шаха что говорили-ль, того онъ, Милюта, самъ не видалъ, потому что стояли онѣ не въ одномъ мѣстѣ и не въ однихъ полатахъ: князь Михайло съ своими людьми стоялъ себѣ въ полатѣ, а Иванъ Чичѣринъ себѣ, а Михайло стоялъ въ особной полатѣ; а онъ де, Милюта, стоялъ съ толмачи подлѣ Михайла въ казенкѣ; а ворота были у пословъ не одни жъ: противъ княжъ Михайловы полаты ворота, а противъ дьяка Михайла другіе ворота, а межь воротъ было перегорожено, и что де у всѣхъ пословъ до него, Милюты, дѣлалось, какъ по него послы прислали къ себѣ звать, и что межь себя о томъ говорили, того онъ ничего не вѣдаетъ.

И того жъ дни часу въ шестомъ діакъ Михайло и онъ, Милюта, къ шаху поѣхали, а шелъ передъ ними и до шахова двора пѣшъ тотъ же Усеинъ бековъ человѣкъ, которой приходилъ по Михайла одинъ, а иново никово съ ними не было. И привелъ ихъ къ шаху

позади шахова двора въ шаховъ садъ, а какъ ихъ къ шаху привелъ, и шахъ въ тѣ поры сидѣлъ въ саду въ воротѣхъ, а за нимъ сидѣла баба стара, да передъ нимъ де стояли двѣ жонки, да тутo жъ деи у шаха стоялъ ближней ево человѣкъ Испендіяръ. И какъ де Михайло Тюхинъ и онъ, Милюта, пришли къ шаху въ ворота, и шахъ деи почалъ говорить Михайлу съ великимъ гнѣвомъ: какіе де вы ко мнѣ пришли послы! послы де бываютъ межь государей о порубежныхъ дѣлехъ, о миру или о войнѣ, а межь деи насъ съ великимъ государемъ вашимъ всегда братство и любовь, и дружба, а дурна межь насъ николи не бывало, а только де межь нами и ссылки, чтобъ мнѣ послать къ государю вашему здоровье видѣть и, что лучитца, поминковъ послать; а государю де вашему потому жъ присылать отъ себя мое здоровье видѣть и, что лучитца, прислать; а вы де меня не слушаете и ко мнѣ не ѣдете, а государь де вашъ надъ послы моими дѣлаетъ не по братцкой любви: пословъ де моихъ во дворѣ запираетъ и тесноту имъ чинитъ и воли имъ въ торговлѣ и в-ыномъ нѣтъ ни въ чомъ; а въ Астарохани и въ Казани, и по инымъ городомъ воеводы торговымъ моимъ людемъ обиды и насильства чинятъ великіе и пошлины съ моихъ товаровъ емлютъ свыше прежнего, и только де онъ нынѣ захочетъ надъ ними, государевыми послы, по тому жъ учинитъ, и онъ де ихъ такъ въ запорѣ учинитъ, что имъ не токмо птицы на свѣтѣ, и свѣта видѣти не дастъ. И учалъ де говорити сердитуя гораздо и въ лицѣ учалъ перемѣнятца. На што де того досаднѣе: послы де мои, Кая салтанъ да Булатъ бекъ, оставили въ Астарохани ястребника для птицъ, и мой де ястребникъ купилъ на меня ястреба бѣлово, и воеводы де астороханскіе того у него ястреба отняли, а того человѣка, у кого купилъ, посадили въ тюрьму, и мнѣ де нынѣ хитро-ль противъ того сдѣлать? Которые ко мнѣ прислалъ братъ мой, государь вашъ, поминки, кречеты и ястребы, и язъ де, вырвавъ у нихъ по перу, пущу ихъ на волю. А мнѣ де не птицы дороги, дорога межь насъ любовь, а то де что за любовь, что воли ни въ чомъ нѣтъ!

И Михайло де говорилъ, а толмачилъ онъ, Милюта, что про то нѣхто шахову в—ву сказывалъ на ссору, а того ничего не бывало. Да указалъ де Михайло на Кая салтана, которой былъ у государя въ послѣхъ, а стоялъ де онъ въ тѣ поры у шаха въ саду жъ, далече отъ шаха, а говорилъ про него, что извещалъ царского в—ва приказнымъ людемъ посолъ ево, Кая салтанъ, на астароханского воеводу на Ивашку Пушкина, что будто онъ ево, шахова величества, торговымъ людемъ учинилъ въ торговлѣ обиду, и царское в—во за то

надъ нимъ учинилъ наказанье, велѣлъ ево изъ Асторохани съ воеводства перемѣнить и привести велѣлъ къ Москвѣ скована. Про то де вѣдомо послу ево Кая салтану, и шахъ бы про то допросилъ посла своего Кая салтана. А про иные де онъ обиды, что шаховымъ людемъ дѣлается, не слыхалъ ни отъ кого и по ся мѣста, и обидъ ево людемъ и неволи нѣтъ нигдѣ, вездѣ имъ въ торгѣхъ и во всякихъ мѣрахъ повольность. И какъ де Михайло то слово выговорилъ, и шаху де то слово стало за честь и сталъ быть веселъ, и взявъ чашу, пилъ про государево здоровье, и выпивъ самъ, подалъ чашу Михайлу изъ своихъ рукъ, а ему де, Милютѣ, велѣлъ пити поднести чашнику. А выпивъ чушу, говорилъ: нѣту у меня такова брата и друга во всѣхъ подсолнышныхъ государехъ, что братъ мой великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., и почелъ де быть свѣтлымъ лицемъ.

А послѣ того шахъ говорилъ Михайлу: то де великому государю съ нимъ, шахомъ, и братственная дружба и любовь, чтобъ ево торговымъ людемъ ходить въ Російское государство и товары всякіе, что ему годно, покупать безъ заказно, а государевы бъ люди въ его государство по тому жъ ходили, а онъ ни въ чемъ торговать и покупать, что государю годно, не заказываетъ, во всемъ учинилъ имъ въ своемъ государствѣ торговать повольность. Да шахъ же де говорилъ про гилянцовъ: многіе де гилянцы воруютъ, отѣзжаютъ въ Астарахань и въ Казань и живутъ годы по два и по три, и больши, и многіе женятца и крестъ на себя кладутъ, и заворовавъ, опять убѣгаютъ въ Гилянь и в-ные городы, и ссору многую дѣлаютъ, и такихъ бы впередъ отъ воровства унимать и много имъ въ Астарахани и въ Казани жить не давать, и женитца и крестовъ на себя класти не велѣть, и какъ они товары свои испродадутъ, и ихъ бы де высылать вонъ.

А изговоря де то, Михайла и ево, Милюту, отъ себя отпустилъ, а на отпускѣ говорилъ Михайлу и ему, Милютѣ, чтобъ онѣ то все, что у него нынѣ слышатъ, пріѣхавъ, великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. росказали подлинно, чтобъ государю про то про все, что онъ съ ними говорилъ и про что ему досадно, было вѣдомо; а только де онѣ того не скажутъ, и онъ де о томъ о всемъ сверхъ своей большой грамоты пошлетъ ко государю особную грамоту за трема своими печатьми. А изговоря де то, шахъ отпустилъ ихъ на подворье. А больши де того шаху съ Михайломъ и съ нимъ, съ Милютою, никакихъ рѣчей не было, и наодинѣ Михайло съ шахомъ мимо ево ничего не говаривалъ, и иной нихто Михайловыхъ рѣчей шаху мимо ево, Милюты, не толмачилъ: пріѣхали они къ шаху и отъ

шаха поѣхали вмѣстѣ, и ближнихъ людей шаховыхъ и рускихъ никого у шаха окромѣ ихъ да одново ближнево шахова человѣка Испеньдіяра въ воротѣхъ никого не было.

Дьяки жъ, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчюковъ, допрашивали переводчика Милюту Нагаева да толмача Ивана Есипова: написано въ посольскомъ спискѣ, что приходилъ къ Ивану Чичѣрину приставъ ихъ Усеинъ бекъ и говорилъ про государя и про Московское государство непригожіе слова и послѣ того ходилъ къ нему о томъ допрашивати дьякъ Михайло Тюхинъ, а съ нимъ толмачь онъ, Ивашко Есиповъ, и они бъ про то сказали: коими обычаи приставъ Усеинъ бекъ говорилъ государевымъ посломъ про государя непригожіе рѣчи, и какъ послѣ того ходилъ къ Усеинъ беку на подворье дьякъ Михайло Тюхинъ съ нимъ, с-Иваномъ? и по совѣту-ль с-Иваномъ Чичѣринымъ ходилъ или одинъ собою? и для чего ходилъ, и что съ Усеинъ бекомъ говорилъ? и толмачилъ Михайлу и Усеинъ беку онъ ли, Иванъ?

И переводчикъ Милюта сказалъ: того де онъ не упомнитъ о кою пору приходилъ на подворье къ Ивану Чичѣрину приставъ ихъ Усеинъ бекъ пьянъ мертвъ и говорилъ въ розговорѣ про государя, что государь де вашъ на Москвѣ өутольдъ [1]), а по рускіи: кабы не стало. И какъ де онъ то слово у пристава услышелъ, и онъ де, Милюта, помертвѣлъ и сталъ блѣденъ, и Иванъ Чичѣринъ учалъ ево спрашивать, что ему, Милютѣ, Усеинъ бекъ говоритъ и для чего онъ побледнѣлъ? И Милюта де Ивану молылъ, чтобъ ему велѣлъ ещо Усеинъ бека допросить. И допрашивалъ де онъ, Милюта, Усеинъ бека трожды, и Усеинъ бекъ говорилъ по турски то жъ, что будто государя на Москвѣ нѣтъ, и Милюта то Ивану объявилъ, и Иванъ де Чичѣринъ велѣлъ ему сказать, что онъ то бредитъ пьянъ, и спрашивалъ ево: отъ кого то слышелъ? хто то вмѣщаетъ на ссору? И приставъ де, изговоря то слово, пошелъ къ собѣ, а Иванъ де и они, толмачи, слыша то, ужаспулися и учали плакать. А въ тѣ де поры были только Иванъ Чичѣринъ да онъ, Милюта, да толмачь Сеөонъ Огарковъ. И послалъ де Иванъ по Михайла Тюхина. И какъ Михайло пришелъ, и Иванъ де про то сказалъ, что Усеинъ бекъ говоритъ ссорные слова, и Михайло де, услыша то, заплакалъ же. И поговоря де, послѣ того съ часъ, ходилъ на подворье къ приставу къ Усеинъ беку, а съ нимъ ходилъ толмачь Иванъ Есиповъ; а для чего и что съ приставомъ говорилъ, и про то де онъ, Милюта, не вѣдаетъ.

---

[1]) Быть можетъ это татарское *битылды* въ смыслѣ: кончился.

А толмачь Иванъ Сергѣевъ сказалъ: то де онъ слышелъ отъ товарыщей, что приставъ Усеинъ бекъ былъ у Ивана Чичѣрина и про государя говорилъ непригожіе слова, и Иванъ его Чичѣринъ унималъ, а онъ де, Иванъ Сергѣевъ, въ тѣ поры у пословъ не былъ. А послѣ того, немного спустя, позвалъ его Михайло Тюхинъ къ себѣ въ станъ и какъ онъ къ Михайлу пришелъ, а Михайло плачетъ и сказалъ ему, что Усеинъ бекъ сказалъ про государя вѣсти недобрые, да взявъ ево съ собою, ходилъ къ Усеинъ беку. И пришедъ, Усеинъ бека Михайло допрашивалъ: коими обычаи онъ про государя такое слово говорилъ, отъ кого онъ то слышелъ? И Усеинъ бекъ заперся, что онъ про государя такова слова не говаривалъ, вырѣжь де тому языкъ, хто такое слово про государя говорилъ, а говорилъ де онъ при послѣхъ то, что государева рука высока и литовскихъ людей побили. И Михайло де, допрося ево, и пошелъ къ себѣ и про то сказалъ Ивану Чичѣрину и имъ всѣмъ, и они де почали опять быти радостны. А больши того дьякъ Михайло съ Усеинъ бекомъ, будучи у него, ни про что не розговаривалъ.

А въ спискѣ, каковъ далъ въ посольскомъ приказѣ Иванъ Чичѣринъ, про ту статью написано: Маія въ 16 де(нь) приходилъ (*и проч.*).

И 129-го же октября въ 26 де(нь) писалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Благой, что онъ діяка Михайла Тюхина встрѣтилъ ниже Чебоксаръ за пятнатцать верстъ на рѣкѣ на Волгѣ октября въ 4 де(нь) и, взошедъ къ нему на стругъ, ключи у него взялъ и его обыскалъ, и животы ево переписалъ. А что у него какова писма нашелъ и живота его переписалъ, и онъ то послалъ къ государю съ нижегородцомъ съ Филипомъ съ Василисовымъ.

А се отписка и роспись Михайловымъ животомъ и письму, что прислалъ къ государю къ Москвѣ Иванъ Благой съ Филипомъ Василисовымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой Ивашка Благой челомъ бьетъ. По твоему государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. наказу посланъ я, холопъ твой, въ Нижней Новгородъ, а велѣно мнѣ, холопу твоему, гдѣ я встрѣчю на Волгѣ діяка Михайла Тюхина, на стругу ево, Михаила, обыскать и животы ево переписать и письма всяково пересмотрить. И октября, государь, въ 4 день встрѣтилъ я діяка Михаила Тюхина ниже Чебоксаръ пятнатцать верстъ на рѣкѣ на Волгѣ, и по твоему государеву наказу я, холопъ твой, взошолъ къ Михайлу на стругъ, ключи у него взялъ и ево обыскалъ, и животы ево переписалъ, что съ нимъ пошло съ Москвы и что онъ купилъ въ Кизылбашехъ, и что ему шахъ далъ,

все порознь, по статьямъ, да тое роспись послалъ къ тебѣ, государю, за своею рукою и за Михайловою, запечатовъ, и письма всяково приличново пересмотрилъ, и что нашолъ письма, и то послалъ къ тебѣ, государю, за своею рукою, запечатавъ своею печатью, съ сыномъ боярскимъ, съ нижегородцомъ съ Филипомъ съ Василисовымъ.

Да Михайло жъ сказалъ: на стругу у нево коробка попа ево Измаила, кой съ нимъ былъ въ Кизылбашехъ, да коробочка маленька подъячево Терентья Богданова. И что въ нихъ рухледи, и то все я, холопъ твой, написавъ на роспись, послалъ къ тебѣ жъ, государю, за своею рукою и за Михаиловою, съ тѣмъ же съ сыпомъ боярскимъ.

На оборотѣ: 129-го октября въ 26 де(нь) съ сыномъ боярскимъ съ Филипомъ Василисовымъ. *Помѣта:* приклепть къ дѣлу.

Роспись.

Божья милосердья образъ Живопачальные Троицы, облаженъ серебромъ, вѣнцы, гривны сканные. Образъ Воскресеніе Христово, облаженъ серебромъ, вѣнчики сканные. Образъ архистратигъ Михаила, облаженъ серебромъ, вѣнцы и три гривны сканные (*съ боку помѣта:* отданъ Михайлу). Образъ Николы чюдотворца, облаженъ серебромъ, гривна и вѣнецъ басменные (*помѣта:* на лицѣ обожжено). Образъ Живоначальные Троицы на празеленѣ. Образъ Пречистыя Богородицы казанскіе на празеленѣ. Образъ казанскіе чудотворцы Гурья и Варсоноѳья, на золотѣ. Да книгъ: евангилье толковое. Книга Златоустъ, сказалъ Михайло: Семена Жеребцова (*помѣта:* у Михайла). Треготь цвѣтная. Минея опщея (*помѣта:* отдана). Шестадневецъ (*помѣта:* отданъ). Псалтыря (съ) слѣдованьемъ (*помѣта:* у Михайла). Канунникъ (*помѣта:* у Михайла). Стихараль.

Роспись діяка Михайловой рухледи Тюхина и что у нево куплено въ Кизылбашехъ, въ сундукѣ и въ коробьяхъ и въ мѣшкахъ.

Сундукъ, а въ немъ рухледь купленая: девяносто зенденей розныхъ цвѣтовъ семеньди, и въ томъ числѣ пятнадцать ихъ подмокло. Бархотъ червчатъ. Камка двоелишняя да двѣ камки червчеты. Четыре кушака кизылбашскихъ. Тритцеть шесть дороговъ розными цвѣты, въ нихъ и полосатые. Двѣ зуѳьни двойныхъ, одна лазорева, а другая темпозелепа. Остатокъ изуѳни, зелена. Каѳтанъ, кутня желтая, кизылбашской. Вошвы шиты по дорогамъ рудожолтымъ. Выбойка кутняная по зеленой землѣ. Изуѳрь красновишнево. Кушакъ полушелковой, жолтые да черные полосы. Платно золотное туретцкое по бѣлой землѣ, куплено на государя на государевы деньги на соболиныя да на четыре тюмени десеть обасъ, оберчено въ ѳату. Охобень, кирпичной

цвѣтъ. Двѣ ѳаты полосаты. Двѣ тесьмы, одна тринатцать аршинъ, а другая восмь аршинъ, да тесьма пятнатцать аршинъ. Четыре чарки каменные яшмовые. Чарка раковинная. Пять ширинокъ накишевоныхъ. Пять чарокъ ценинныхъ. Три пояса вязеныхъ шолковыхъ. Бахрома шолковая отъ завѣсу. Кисея бѣлая. Четыре ѳаты бѣлы сотконы вмѣстѣ. Тритцеть шесть подвязокъ кизылбашскихъ тканыхъ, шолковыя. Четыре выбойки. Завѣсь выбойчетой. Скатерть выбойчетая индѣйская. Таѳты жолтой четыре аршина. Лоскутки бархотные и кутняные и дорогильные. Три выбойки. Шесть мотковъ шолку красново и черново и лазоревого. Ожерельишко ветчано золотное. Ящикъ раковинной, а въ немъ дватцать три камени серовики. Три ожерелья камки кизылбашской. Камень кременчатой. Вставка зелена, камень простой льяникъ. Камушекъ, пуговка серапикъ. Печятка сердоликовая. Тесьма зелена зъ золотомъ двѣнатцать аршинъ. Тесьма шолкъ лазоревъ съ серебромъ даѣнадцать же аршинъ. Съ ожерелья бархоту червчету зъ золотомъ. Три пуговки серебреные тканые. Шесть тесемъ розными цвѣты, а въ нихъ семьдесятъ семь аршинъ. Ножикъ хрустальной, въ ножнахъ въ объяринныхъ. Морхи кизылбашскіе. Два завесца оброзовыхъ. Тесьма по зеленой землѣ съ серебромъ, одинатцать аршинъ. Два ножика, черены кременьчетые. Два треуха холодные подшеломники. Тритцеть пять камушковъ бечаты малиньки. Камышекъ вставка зелена, плохой. Два портища, нашивка шолкъ лазоревъ. Лоскутьишко мѣлкое дорогильное и кутняное и зуѳные и камчатые. Ѳата бѣлая. Торчь булатной безъ ножонъ. Наузъ шолковой. Черенъ хрустальной певеликъ. Оселка каменая. Ножичекъ хрустальной и черенъ. Ѳата пестрая. Киндякъ лазоревъ. Тесемочка серебрена, ткана съ лазоревымъ шолкомъ. Ножъ булатной, черенъ кременчетой. Два ножа, черены кременчеты жъ. Восмь ножей булатныхъ, дѣланы въ Кизылбашехъ на руское дѣло, черены рыбей зубъ (*съ боку:* взято 6, а 2 нѣтъ). Торчь кизылбашской въ ножнахъ, ножны серебромъ окованы, ножичекъ козылбашской, булатной, въ ножнахъ костеныхъ. Три ножичка булатные, черены кременьчеты въ рускихъ ножнахъ. Два киндяка ценинные. Киндякъ зеленой. Въ мѣшку перцу. Ножичекъ булатной, черенъ хрустальной. Связочка корицы. Лоскутъ съ ожерелья бархоту. Ставикъ порозженъ. Ставичекъ съ неѳтью. Мотокъ шолку зеленово золотника зъ 2. Связочка мишуры. Корень отъ лихоратки. Да денегъ у Михайла пять рублевъ, и тѣ ему даны на дорогу. Коробья лубяная, а въ ней коверъ полушолковой. Восмь луковъ мешетцкихъ, писаны золотомъ. Двѣ замши, вишнева да зелена. Одинатцать саоьяновъ жолтыхъ. Четырнатцать хозовъ

объеринныхъ. Пятнатцать саѳьяновъ зеленыхъ. Три сабли булатныи, маленькихъ. Двои сапоги мускіи, саѳьяныи. Бошмаки лазоревы (*съ боку:* нѣтъ). Двои бошмаки хозовые объяринные, одни руское дѣло, а другіе кизылбашское дѣло, поношены. Шесть раковинъ морскихъ. Шесть чарокъ меденыхъ. Деревцо сѣдельное по лазоревой землѣ. Двѣ козлинки бѣлые. Лоскутья саѳьяные. Шесть ременя подпружныхъ. Двои войлоки седельные, отданы Михайлу ѣхать. Шесть ковровъ кизылбашскихъ простыхъ. Пять сабель въ ножнахъ въ объярипныхъ (*съ боку:* и въ томъ числѣ одна съ серебромъ и правлена, безъ наконешника). Сабля въ кирпичныхъ ножнахъ. Восмь сабель въ черныхъ ножнахъ, все кизылбашскія, оберчены въ попону въ литовскую. Попона пестрая покромная (*съ боку:* и одни сказ(алъ) Иванъ: у Михайла). Три лука мешетцкіе. Четырнатцать крылъ лебяжьихъ. Завѣсь кизылбашской. Мешокъ кизылбашской, а въ немъ хвосты лисье. Двѣнатцать кожъ козлинъ дѣланыхъ. Двѣ кожи дѣланыхъ, яловичьи. Охобень дымчетъ и зуѳной. Деветь лисокъ красныхъ. Пологъ да занавѣсь (*сверху:* нѣтъ) выбойчеты. Барсъ— полстишка пестрая кизылбашская. Сапоги зелены саѳьяные. Коренья чепучинное; а сказалъ Михайло, что куплено на государевъ обиходъ, на государевы деньги. Три саѳьяны жолтыхъ. Три курлука клею. Почникъ меденой. Чашка глиненая (*съ боку:* нѣтъ). Котелъ кизылбашской (*съ боку:* нѣтъ). Кровать. Доска столовая писана. Полатка кизылбашская, не велика, бѣлая. Полатка индѣйская кипдяшна, рѣзана, подмокли обѣ. Два чапрака кизылбашскихъ, шиты золотомъ.

Да Михайловой же рухледи и платья, что съ нимъ пошло съ Москвы въ Кизылбаши:

Шапка горлатная. Ожерельишко бобровое отъ шубы. Платно золотное, завяски шолкъ червчатъ съ золотомъ. Однорядка полушарлатъ червчста безъ завязокъ, Сыдавнова Васильева. Двои завяски, однѣ съ золотомъ, а другіе съ серебромъ. Ѳерези, камка чешуйчета, нашивка золотная. Каѳтанъ, отласъ червчетъ, пашивка золотная. Однорядка сизовая, лундышъ, съ кружевомъ съ золотнымъ, завяски тканыи, шолкъ лазоревъ съ золотомъ. Однорядка, мясной цвѣтъ, завяски шолкъ чорной. Три пуговки серебреные невелики, отъ ожерелья (*съ боку:* въ ящикѣ въ раковинномъ). Коробка, а въ ней четыре кубка неметцкихъ, одинъ съ кровлею, а три безъ кровли. Ковшъ серебреной въ кожухѣ, Сидавнова Васильева. Два ожерелья низоныхъ, одно съ каменьемъ, отложное, а другое стоячее безъ каменья, Сыдавнова Васильева. Цевка золота, а другая серебра. Двѣ пуговки золотные нашивочные каѳтанные (*съ боку:* нѣтъ). Шапка, сукно червчето съ душкою, петли низоныя. Остатокъ кружива,

золото съ серебромъ. Вилки немстцкіе. Ножъ да вилки неметцкіе въ ножнахъ. Два погребца, а въ нихъ по осми склянницъ, въ одномъ виницейскіи, а въ другомъ зеленые (*съ боку:* нѣтъ, сказалъ: у Михайла). *Помыта:* по та мѣсто смотрено. Узда ременная, отдана Михайлу ѣхать. Ковшъ большой, писанъ въ Кизылбашехъ. Войлочишка худеньки, отданы ѣхать. Каѳтанишко куньс подъ дорожишками худыми, пестрыми, безъ рукавовъ. Однорядснко лазорево, людцкое. Каѳтанишко зелено, людцкое. Двѣ овчины. Коренья солоткое. Сѣдло Михайлово съ войлоки, отдано Михайлу ѣхать. Два чюнбура да дерево сапожное. Десеть тарелокъ бѣлыхъ. Пять блюдъ бѣлыхъ. Два ковша корельчетыхъ (*съ боку:* у Михайла). Два бруски сутковъ оловяныхъ да воронючикъ. Пищаль неметцкая. Пять сѣделъ людцкихъ да двои воплочишка да три уздишка сыромятные, даны ѣхать Михайловымъ робятомъ. Постеля, камка зелена (у Михайла). Двѣ подушки, наволочки на нихъ одна кутняная, а другая дорогильная, полосаты (у Михайла). Попона черкаская (у Михайла). Два ковришка худеньки (у Михайла). Одѣяло лисье (у Михайла). Охобнишко зелено зуѳреное (нѣтъ). Платья Михайлова ходильное, на Михайлѣ. Двои ѳерези, одне зелены, а другіе красные дорогильные. Одѣяло холодное. Двѣ однорядки, одна мясной цвѣтъ, а другая худа, темносиня. Каѳтанъ, камка зелена. Двѣ епанчишка людцкіе, голубы.

Судовъ, что дано Михайлу. Три котлишка невелики. Сковоротка чорная. Сковоротка бѣлая. Пять блюдъ бѣлыхъ. Три торелки. Ядовка меденая. Вѣчько мѣденое, не велико. Два замчишка.

Шахова данья, что дано Михайлу: бархотъ червчетъ. Камка цвѣтная. Камка кизылбашская, на золотѣ. Два каѳтана серебреныя съ розными шолки. Каѳтанъ, камка цвѣтная. Кутня вишневая—ханъ далъ почета. (*съ боку*: Благово).

Да рыбы 80 прутовъ бѣлужьихъ и осетрьихъ, и шевружьихъ, провесныхъ, да 26 прутовъ спинъ бѣлужьихъ и осетрьихъ, да десять тешанокъ и языченковъ маленки бѣлужьи, да полъ-осетришка вялова. Да двѣ бочки невелики вишенъ.

Подпись: Иванъ Благово руку приложилъ.

Внизу: Выписать изо всѣхъ росписей и списати всякую рухлядь вмѣстѣ, а по грамоткамъ роспросити.

На оборотѣ по склѣйкамъ росписи, параллельно идетъ скрыпа: Иванъ Благой. || Михайло Тюхинъ.

Да у Михайла жъ на стругу коробья новгородцкая, а сказалъ Михайло, что та коробья попа его, Измаила, кой съ нимъ былъ въ Кизылба-

шехъ; а въ ней дватцать кипьдяковъ розными цвѣты. Пятеры дороги розными цвѣты. Шолку зеленово да красново по два моточка. Шолку рудожолтово да зеленово два моточка. Лоскутъ бархоту чорново. Лоскутъ бархоту зеленово. Миткали бѣлые. Шепки колодезя горячево, въ платку завязано. Инбирю завязано въ мешечкѣ. Мешечикъ ладону росново. Кушакъ пестрой. Ансырь шолку лазорева. Мешечикъ зъ борошнишкомъ. Въ мешечкѣ клей вишневой. Лоскутишка ветчаново бархоту. Четыре книшки малинскіи. Охобенокъ вишневъ. Ряска чернеченская. Три саѳьяна красныхъ. Четыре саѳьяны желтыхъ. Три саѳьянца малыхъ, кирпичной цвѣтъ. Два саѳьяна темпа-лазоревы, да третей вишневъ. Пологъ бязинной. Однорячонко станбредное ветчаное. А попъ сказалъ Измайла: какъ де онъ былъ въ Кизылбашехъ, и тое ему рухлядь давали дети душевныи, которые померли въ Кизылбашехъ, по своихъ душахъ.

По склейкѣ: Къ сей роспись попъ Измайло руку приложилъ.

Да у Михайла жъ въ стругу рухледь подъячево Терентья Богданова:

Мѣхъ рогожной, а въ немъ вязига. Коробьишко невелика, а въ ней рубашка кизылбашская. Два блюдечка маленьки. Четыре гребени деревяныхъ кизылбашскихъ. Два кушака, одинъ полосатой полушелковой, другой пестрой бязинной. Четыре кындяка розными цвѣты. Завѣсь выбойчатой. Два саѳьяна желтыхъ. Саѳьянъ лазоревъ.

Подпись: Иванъ Благово. Михайло Тюхинъ.

Письмо, каково нашелъ въ рухледи у Михайла Тюхина Иванъ Благой.

Государю моему Банму Матвѣевичю Михайло Тюхинъ челомъ бьетъ. Писалъ, господине, я къ тобѣ напередъ сего, что послалъ я съ тобою къ Москвѣ три камки да шестеры дороги, да шесть кындяковъ, да три луки, да пять кисей, да двѣ сабли и иную мелкую всякую рухледь, и ты, господине, оставя свойственную мѣру, учинилъ надо мною самою безлепошною воровскою статьею: тое мою рухледь не отдалъ и грамотки и Сыдавному, и что я съ тобою послалъ, не довезъ, и въ томъ тобя со мною Богъ судитъ, что ты надо мною воровскою статьею учинилъ. А какъ мы пришли изъ Кизылбашъ зъ государевой службы на Терекъ, и язъ тебя спрашивалъ: рухледь мою до Москвы довезъ ли? на моемъ дворѣ женѣ моей отдалъ ли? и грамотки мои Сыдавному отдалъ ли? И ты мнѣ сказалъ, что ты грамотки Сыдавному отдалъ и рухледь мою отдалъ на моемъ дворѣ женѣ моей. И какъ мы пріѣхали съ Терка въ Астарахань, и въ Астарахани отдали мнѣ три грамотки Сыдавнова Васильевича рука, а

въ грамоткехъ написано во всѣхъ трехъ, что ты, Обоимъ Матвѣевичь, рухледишка моего, что я съ тобою послалъ, ничего не отдалъ. А пишешь, господине, ко мнѣ съ Терки, что ты мою рухледь отдалъ Кондрашѣ. И коли бы ты отдалъ, и Сыдавной бы ко мнѣ о томъ отписалъ; а у Кондраши, господине, твой умъ такъ бы надо мною Кондрашъ не сдѣлалъ, какъ ты учинилъ своимъ безумствомъ, воровски. Да прислалъ ты, господине, ко мнѣ два саѳьянишка да дорожишка, да три киндячишка всего, а того алтынъ съ сорокъ или рубли съ полтора, а про достальное хотѣлъ ты мнѣ платитьца, и ты, господине, оставя свою глупость и безумье и спросися съ людьми: на что ты примѣпяешь свойственную мѣру на бездѣлье! Хотя бы я съ тобою послалъ рублевъ ста на три или на четыре, и ты бы и на то свойства не оставилъ и на то (не) покусился, а ты и на то покусился, что я съ тобою послалъ рублевъ на сто, и тому ты покорыстывался. И ты, государь, учини себѣ оправданье: пожалуй, мнѣ заплати и пришли въ Астарахань поранѣе, покамѣста мы изъ Астарахани не уѣхали. А то, государь, мнѣ то обычное дѣло, что ты моимъ завладѣлъ: какъ я былъ на Теркѣ, и ты бы мнѣ сказалъ, что по грехомъ покусился, и межъ бы нами такихъ безлепишныхъ ссорныхъ вракъ не было. А то мнѣ за необычную досаду, что ты мнѣ сказалъ: отдалъ, а ты не отдавалъ. А только бы ты мнѣ на Теркѣ сказалъ, и ты бъ на Теркѣ жъ со мною роздѣлался. Да пожалуй, купи у козаковъ золотыхъ съ пять—съ шесть да саѳьяновъ юотей зъ десять жолтыхъ, да пришли въ уплату, а я тобѣ, своему господину, челомъ бью.

Господину моему Михайлу Окиѳеевичю Банмъ Голчинъ челомъ бьетъ. Какъ тебя Богъ милуетъ? а про меня спросишь, и я на Теркѣ живъ іюля въ 12 де(нь). Да писалъ ты ко мнѣ, Михайло Окиѳеевичь, велѣлъ купить юотей зъ десеть саѳьяновъ да золотыхъ съ пять и съ шесть, и здѣся саѳьяновъ нѣтъ, купить негдѣ да и не чѣмъ; а золотыхъ и отнюдь здѣся нѣтъ. И по яву писалъ ты, Михайло Окиѳеевичь, на меня Микитѣ Дмтреевичю Вельяминову съ кручиною, и мнѣ и по ся мѣста государево не выдано жалованье, и я и самъ задолжалъ, на Теркѣ живучи, великимъ долгомъ, а и буде, государь, у меня случится, и я тебѣ и куплю да къ тебѣ сошлю, а я вѣдаю и самъ, что вамъ купить. А въ томъ на меня не покручинься, а двойпинку плачю тебѣ, буде я въ дому твоемъ себѣ покорыстовался и нѣчто бъ мнѣ на мертвое тѣло вздѣть, или на ково у себя въ дому сдѣлалъ—судитъ Богъ того, хто тѣмъ покорыстовался. Да послалъ я тебѣ двѣ юоти саѳьяновъ да дороги, да три киндяки, и ты, господине, пишешь ко

мнѣ, всего сказываешь, что всево алтынъ съ сорокъ или рубли съ полтора, а я купилъ на полъ-пята рубли. И ты, государь, Михайло Аѳиѳеевичь отпиши къ Микитѣ Дмитрѣевичю свое жаловальное слово, чтобъ меня Микита Дмитрѣевичь пожаловалъ и гнѣву бъ не держалъ, а ты ко мнѣ тако жъ пиши свое жаловальное слово, хотя бъ за меня твоего и не только зашло или моего за тебя, и у меня-ль съ тобою росщоту не было? А я тебѣ челомъ бью.

На адресъ: Отдать грамотка въ Астарахани Михайлу Аѳиѳеіевичю Тюхину.

Государю моему кормильцу Михаилу Аѳинѳеевичю вскормленикъ великаго твоего жалованья Баимъ Голчинъ много челомъ бьетъ. Какъ тебя, государь, Богъ милуетъ? а о мнѣ пожалуешь, похочешь спросити, и я на государевѣ службѣ на Терке живъ маія по 12 число. Да пишешь ты, государь, ко мнѣ съ кручиною своею, что ты послалъ со мною къ Москвѣ двои дорошки гилянскіе да двѣ полукисеи, да кипдякъ, да двѣ юоти саоьяновъ, и я то все къ Москвѣ отвезъ да отдалъ Сыдавпову человѣку Кондрашѣ, а велѣлъ отдать семьѣ твоей въ домъ, и будетъ, государь, ихъ грѣхъ въ томъ поспѣшилъ, Кондраша не сплатился, и ты, государь, смилуйся въ томъ, отпиши ко мнѣ, а я не хочю на себѣ гнѣву твоего видѣти. Да смилуйся, государь, отпиши и что тому ссылку цѣна, и здѣсь ли велишь купить, или деньги прислати? А я не хочю на себѣ гнѣву твоего видѣти. Да пощади, государь, Михайло Аѳинѳѣевичь, что ты на меня вдругъ немилость свою положилъ, хотя бы, государь, и не столько твоей посылки было, ино бъ тому всему цена, а жалованья твоего и милости безцѣнно. Пишешь ты, государь, на меня къ Микитѣ Дмитреевичю и отженяешь меня отъ Микитины милости, и я было, государь, на твою неизреченную милость не токмо здѣсь, но и на Москвѣ надѣялся, и твоя бы государя моего милость пожаловалъ бы, писалъ, чтобъ меня Микита Дмитреевичь жаловалъ, а хотя на меня и двойни нападетъ, и я изъ подъ тово встану, а изъ подъ твоего нежалованья не могу встати. И ты, государь мой, умилися надо мною, утоли гнѣвъ свой, отпиши къ Микитѣ Дмитреевичю, чтобъ меня жаловалъ да и ко мнѣ свое жалованье объяви, отпиши жъ, и чтобъ я, государь, по твоему письму отъ Микиты Дмитреевича отжененъ не былъ и въ забвепіи....

Государю моему Михайлу Акинѳеявичу Ондрѣй Хавапской челомъ біетъ. Покажи, государь, милость, Михайла Акинѳеявичь, пожалуй, государь, пришли пасмотрить ка мнѣ сережекъ, а язъ, надѣючись на твои жалованья, пишу и челомъ бью.

Государю моему Михайлу Окинѳевичю женишка твоя Котеринка челомъ бьетъ. Здравствуй, государь, въ милости Божьей многолѣтно! Да пожалуй, государь, вели ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моево, всемилостивый Богъ сохраняетъ? А мнѣ, государь, слыша про твое здоровье, тѣмъ и обрадоватца, и потомъ бы всещедрый Богъ сподобилъ меня, скорбящую, видети въ радости твои благодатныя очи вскорѣ. А пожалуешь, государь, изволишь ведати про своихъ пріятелей и про меня, и прошлово 127-го году за двѣ недѣли до великова заговенья судомъ Божьимъ Сыдавнаго Васильевичя не стало крестьянскимъ концомъ; а Матѳѣй Михайловичь здорово, а Григорей Ивановичь не домогаетъ. А я, бѣдная, въ своихъ скорбѣхъ іюня по 9 день 128 году жива, а скитаюся, государь, въ конешной кручинѣ и въ скудости, слыша про твою, государя моево, золовную кручину, что судомъ Божьимъ, а нашимъ грѣхомъ, Ивана Михайловича не стало. А про тебя, государя моево, послѣ грамотокъ, которыя посланы съ Терки, не вѣдаю, какъ милосердый Богъ отъ великія кручины избавляетъ. А что, государь, писалъ ты про свою прежнюю посылку, и ко мнѣ, государь, по сея грамотку посылки отъ тебя не дохаживало ни съ кѣмъ ничево. Да пожалуй, государь, по своему благоутробію, не забуди меня, скорбящія, вели писать о своемъ здоровьѣ почасту, а я, государь, жадна слышети про твое здоровье паче всяки благодати. А потомъ тебѣ, государю своему, много челомъ бью. Аще ли вопрошаеши, како живемъ, пріятелю моему реку и болѣзнено пребываю благодеиствія насъ не постиже и призрѣнія емшево не имамъ, но хвалюся Христомъ Богомъ моимъ. Аминь.

На адресъ: Отдати ся грамотка царьсково величества послу государю моему Михаилу Окинѳѣявичю Тюхину.

..... съ Осипомъ Надѣинымъ послано четыре камонки, зелена лазурева, двѣ цвѣтныхъ, шолкъ зелепъ да червчетъ, два кушака полосаты зъ золотомъ, скатерть кизылбашская выбойка, четыре скатертки бѣлыхъ индѣйскихъ, четверы дорошки полосатыхъ, завѣсь выбойчатой; а то все зашито въ завѣсѣ. Съ Яковомъ съ Мининымъ да съ Семеномъ зъ Дѣевымъ послано два платна, по зеленой землѣ люди стоячіе и на конехъ, спорокъ золотной по червчетой землѣ, семь выбоекъ кизылбашьскихъ, зашито въ ѳату жъ ..... девяносто ....

..... и покровепъ десницею Вышняго Бога, а про меня, государь, пожалуешь, похошь вѣдать, и я Божіею милостію, далъ Богъ, здорова. Судомъ, государь, Божіимъ, а нашимъ грехомъ батька нашего и кормильца Сыдавного Васильевича не стало. Да писалъ ты, государь,

ко мнѣ, что Ивана Михайловича судомъ Божіимъ не стало; а я въ бѣдахъ да въ кручинахъ своихъ не могу вставать. Да пишешь, государь, ко мнѣ, что четыре присылки посылалъ, а ко мнѣ ни одна не бывала, а отъ меня тебѣ, государю, любительной поклонъ.

Такову роспись принесъ Иванъ Благой марта въ 27 де(нь).

Розпись что у Михайла у Тюхина книгъ и рухледи: Златоустъ, Минѣя общая, Шастодневецъ, Псалтырь съ слѣдованьемъ, Канунникъ. Чашка глиненая, розшибли ѣдучи, у Михайла; котлишка кизылбашской; погребецъ, да три котлишка маленьки, рускихъ; три уздишка ременныхъ; войлучишка худеньки; постеля, камка зелена; двѣ подушки, наволоки на нихъ полосаты, одна кутняна, другая дорогильна; одѣяло лисье, охобнишка худенько зелено; двои ѳерези дорогильны, однѣ зелены, а другія красны; двѣ однорятки, одна темносиня худенка, а другая мясной цвѣтъ; каѳтанъ, камка зелена; двѣ епанчи люцкихъ; сковоротка чорная, сковородка бѣлая; два блюда бѣлыхъ; одна торелка; вѣчко меденоя не велико; яндовка мѣденая.

Противъ росписи большой, котороя въ посольскомъ приказе рухледишка у Ивана Благово, что не отдано Михайловой: два ножи, башмаки лазоревы, двои войлучишка седѣльныя худенькіи, сабля булатная, погребецъ склянницы, уздишка ременная, сѣдло Михайлово безъ войлоковъ, два ковша корельчатыхъ, попонишка черкаская, два ковришка худеньки, одѣялишка холодноя, три блюда бѣлыхъ, три торелки белыхъ, три сѣдлишка худыхъ.

И 129-го же ноября въ 1 де(нь) писалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Благой съ московскимъ стрѣльцомъ съ Олешкою Ивановымъ, что онъ зъ діякомъ, съ Михайломъ Тюхинымъ, и съ его рухледью пріѣхалъ на Рогожу, отъ Москвы за сорокъ верстъ и дожидаетца государева указу. А се отписка Ивана Благово:

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Ивашка Благой, челомъ бьетъ. По твоему государеву наказу велѣно мнѣ, холопу твоему, какъ я пріѣду зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ до Москвы за два стапы, и мнѣ, холопу твоему, велѣно объ указѣ отписать къ тебѣ, государю, а безъ указу мнѣ, холопу твоему, къ Москвѣ зъ дьякомъ съ Михаиломъ Тюхинымъ ѣздить не велѣно. И ноября, государь, въ 1 день пріѣхалъ я, холопъ твой, зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ и съ ево рухледью на Рогожю, за сорокъ верстъ до Москвы. Да октебря, государь, въ 27 день пришолъ ко мнѣ, холопу твоему, въ Володимерѣ переводчикъ Семенъ Ондрѣевъ, а говорилъ мнѣ, холопу твоему: велѣно де ему, Семену Ондрѣеву, дьяка

Михайла Тюхина и сво рухледь взять, а мнѣ, холопу твоему, отъ тебя, государя, указу нѣтъ, што перевотчику Семену Ондрѣеву отдать дьяка Михайла Тюхина и съ ево рухледью, и перевотчику, государь, Семену Ондрѣеву я, холопъ твой, говорилъ, штобъ онъ ѣхалъ со мною, холопомъ твоимъ, и зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ и съ ево рухледью со мною вмѣстѣ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ. И о томъ я, холопъ твой, говорилъ перевотчику Семену: какъ у меня, холопа твоево, возьметъ дьяка Михайла Тюхина и ево рухледь, и онъ бы со мною въ рухледи росписался для спору, што у меня, холопа твоего, рухледи возьметъ. И Семенъ, государь, Ондрѣевъ въ рухледи со мною, холопомъ твоимъ, росписатца не хочетъ, а хочетъ у меня, холопа твоево, рухледь взять, не осмотря, глухо. И впередъ, государь, какой учинитца споръ въ той рухледи, и мнѣ бъ, холопу твоему, отъ тебя, государя, въ опалѣ не быть въ томъ. И о томъ, государь, мнѣ, холопу твоему, какъ ты, государь, укажешь? А я, холопъ твой, и зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ и съ ево рухледью стою на Рогожѣ до твоево государева указу, а переводчикъ, государь, Семенъ Ондрѣевъ съ Рогожи поѣхалъ напередъ къ Москвѣ, а рухледи за росписку у меня, холопа твоего, не взялъ, и я, холопъ твой, ему говорилъ, штобъ онъ дождался на Рогожѣ со мною, холопомъ твоимъ, и зъ дьякомъ, съ Михайломъ Тюхинымъ, твоево государева указу, и Семенъ Ондрѣевъ твоево государева указу на Рогожѣ дожидатца не сталъ, а поѣхалъ напередъ къ Москвѣ.

На адресѣ: 129-го ноября въ 1 де(нь) съ московскимъ стрѣльцомъ съ Олешкою Ивановымъ.

Помѣта: Послать память, велѣть самому ѣхати и съ рухлядью ѣхати въ городъ тотчасъ; а Михайла взяти къ себѣ на подворье, а безъ приказу ево въ городъ не водити.

И того же дни посланъ къ Ивану государевъ указъ таковъ:

Память Ивану Степановичю Благово. Писалъ еси ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., что пріѣхалъ ты зъ діакомъ Михайломъ Тюхинымъ и съ его рухлядью на Рогожю сего дни ноября 1-е число и ждешь о томъ государева указу, какъ тебѣ быти съ нимъ къ Москвѣ? И ты бъ съ Михайловою рухлядью ѣхалъ къ Москвѣ въ посольской приказъ, а Михайла Тюхина оставилъ у себя на подворьѣ и держалъ ево до государева указу, а безъ государева указу въ городъ его не водилъ и на его, Михайлово, подворье его не пускалъ и къ нему никого не припускалъ; а съ рухлядью бъ еси, пріѣхавъ къ Москвѣ, тотчасъ явился въ посольскомъ приказѣ діакомъ,

думному Ивану Грамотину да Савѣ Раманчюкову; а чтобъ тебѣ пріѣхати къ Москвѣ ноября въ 2 де(нь) въ вечеру попозже: въ часъ или въ два ночи; а стрѣлецъ къ тебѣ посланъ съ сею памятью ноября въ 1 де(нь) въ четвертомъ часу ночи.

И 129-го ноября въ 2 де(нь) Иванъ Благой съ Михайломъ Тюхинымъ и съ его рухледью къ Москвѣ пріѣхалъ и рухледь всякую по росписи, какову онъ прислалъ въ посольской приказъ напередъ себя, въ посольскомъ приказѣ отдалъ.

И діякъ Михайло Тюхинъ данъ держать до государева указу Ивану же Благово на подворье, а рухледь всякая поставлена въ посольскомъ приказѣ по Иваповѣ росписи, а рыба и вишни по государеву указу отданы Михайлѣ Тюхину и отослано на подворье къ женѣ ево. А что „ “.

Да Иванъ же Благой прислалъ къ Москвѣ напередъ себя съ росписьми жъ вмѣсте 5 грамотокъ посыльныхъ цѣлыхъ: грамотка Михайла Тюхина къ Баиму Голчину, грамотка Баима жъ Голчина къ Михайлу Тюхину, грамотка къ Михайлу жъ Баима Голчина, грамотка къ Михайлу жъ князя Ондрѣя Хованского, грамотка къ Михайлу жены ево Катерины.

А въ грамоткѣ въ первой писано отъ Михайла къ Баиму Голчину, что послалъ онъ съ нимъ къ Москвѣ три камки да шестеры дороги, да шесть киндяковъ, да три луки, да пять кисей, да три сабли и иную мѣлкую всякую рухледь, а сколько какіе рухледи, того имянно не написано, и онъ де надъ нимъ учинилъ самою безлѣпишною воровскою статьею, тоѣ ево рухледь не отдалъ и грамотки, что онъ послалъ съ нимъ къ Сыдавному, не довезъ.

Въ другой грамоткѣ написано: писалъ Баимъ Голчинъ къ Михайлу Тюхину, что писалъ онъ, Михайло, къ нему, Баиму, а велѣлъ купить юотей зъ десять саоъяновъ да золотыхъ съ пять и съ шесть, и у нихъ саоъяновъ нѣтъ и купить нѣчимъ, а золотыхъ и появу нѣтъ; а послалъ онъ, Баимъ, къ нему, къ Михайлу, двѣ юфти саоъяновъ да дороги, да три киндяка, и онъ, Михайло, къ нему пишетъ, что того всего алтынъ съ сорокъ или рубли съ полтора, а онъ, Баимъ, купилъ того на полпята рубли.

Въ грамоткѣ жъ въ Баимовѣ писано къ Михайлу: пишетъ онъ, Михайло, къ нему, къ Баиму, съ кручиною, что послалъ онъ съ нимъ къ Москвѣ двои дорожки гилянскіе да двѣ полукисеи, да киндякъ, да двѣ юоти саоьяновъ, и онъ то все отвезъ и отдалъ Сыдавново человѣку Кондрашѣ, а велѣлъ отдать семьѣ ево, и будетъ Кондрашъ не

росплатился, и онъ бы о томъ къ нему отписалъ, а онъ на себѣ гнѣву его видѣть не хочетъ.

Въ княжъ Ондрѣевѣ грамоткѣ Хованского писано, что онъ прислалъ къ нему посмотрѣть сережекъ.

Въ грамоткѣ жъ къ Михайлу отъ жены ево, отъ Катерины, писано про Сыдавново смерть Васильева, что его не стало, да про здоровье Матвѣя Сомова, да про посылку, что писалъ Михайло къ ней про прежнюю посылку, и къ ней посылки отъ него никаковы не прихаживали.

Да въ тѣхъ же грамоткахъ вклеено писмо вдвоемъ, въ одномъ мѣстѣ съисподу отодрано, а въ другомъ сверху, а была посыльная жъ грамотка. А въ письмѣ писано: съ Осипомъ съ Надѣиным послано четыре камопки зелена лозорева, двѣ цвѣтныхъ—шолкъ зеленъ да червчатъ, два кушака полосаты зъ золотомъ, скатерть—кизылбашская выбойка, четыре скатертки бѣлыхъ индѣйскихъ, четыре дорошки полосатыхъ за(н)день выбойчатой; а то все зашито въ завѣсе. Съ Яковомъ съ Мининым да съ Семеномъ зъ Дѣевым послано два платна—по зеленой землѣ люди стоячіе и на конехъ, спорокъ золотной по червчатой землѣ, семь выбоекъ кизылбашскихъ зашито въ оату, да 90, а чего—и того не знатно, потому что въ томъ мѣстѣ отодрано. А въ половинѣ грамотки написано про Сыдавново смерть Васильева да про Михайлова сына смерть Тюхина, что ихъ не стало. Да писалъ онъ, Михайло, что четыре присылки посылалъ, а къ нему ни одна не была. А отъ кого и хъ кому та грамотка, и того не вѣдомо жъ, потому что верхъ отодранъ.

И ноября жъ въ 7 де(нь) противъ тѣхъ посыльныхъ грамотокъ и писма въ посольскомъ приказѣ діяки, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчюковъ, спрашивали діяка Михайла Тюхина, сколько онъ изъ Асторохани послалъ къ Москвѣ с-Ываповыми людьми Грязева лошадей нагайскихъ и хъ кому послалъ, и гдѣ они нынѣ? и сколько онъ исъ Кизылбашъ выслалъ напередъ себя, и съ кѣмъ имянемъ какихъ узорочныхъ товаровъ и платья и иные какіе рухледи?—про то бъ онъ объявилъ правду, не утая ничего.

И діякъ Михаило Тюхинъ въ роспросѣ сказалъ: купилъ онъ въ Асторохани 5-ро лошадей, да князь Олексѣй Львовъ далъ ему лошедь, да Олексѣй Борзецовъ далъ ему лошедь же, да Иванъ Грязевъ далъ ему лошедь же, и онъ послалъ изъ Асторохани къ Москвѣ с-Ываповыми людьми Чичѣрина 5-ро лошадей, а велѣлъ былъ отдать ихъ на Москвѣ на своемъ дворѣ. И сказывалъ ему въ дорогѣ Иванъ Чичѣринъ,

что у людей ево пало въ дорогѣ ево, Михайловыхъ, двое лошадей, а 3 де у него. Да с-Иваповыми людьми Грязева послалъ двое лошадей, да третью лошадь послалъ съ ними къ Иванова данья Грязева; а довели-ль до Москвы тѣ ево лошеди, или не довели, того онъ не вѣдаетъ: о томъ къ нему съ Москвы не писывали. А больши онъ того лошадей не купливалъ и ни съ кѣмъ къ себѣ на подворье и къ друзьямъ ни хъ кому не посылывалъ.

Да Михайло же сказалъ про рухледь, съ кѣмъ онъ что къ Москвѣ послалъ: какъ де они ѣхали съ Москвы и пріѣхали въ Астороханъ, а въ тѣ же поры при нихъ пріѣхалъ въ Астороханъ же съ Терекъ голова Баимъ Голчинъ, а ему, Михайлу, свой; а ѣхалъ Баимъ къ Москвѣ, и онъ послалъ съ нимъ къ Москвѣ къ женѣ своей три камки да шестеры дороги, да шесть кындяковъ, да три лука, да пять кисей, да три сабли и иную рухледь, а какіе рухледи, того не упомнитъ. А всего онъ послалъ съ нимъ всякіе рухледи рублевъ съ 50, а подлинно не упомнитъ. И какъ онъ пріѣхалъ исъ Кизылбашъ на Терку, и онъ про ту рухледь Баима спрашивалъ, довезъ ли онъ тоѣ рухледь до жены ево? И Баимъ ему сказалъ, что онъ тоѣ рухледь отдалъ на Сыдавново дворѣ Васильева. А какъ онъ пріѣхалъ въ Астороханъ, и ему отдалъ въ Астороханп гиляпецъ Осанко грамотку отъ Сыдавново Васильева ево, Сыдавнова, руки; а въ грамоткѣ писалъ къ нему Сыдавной, что Баимъ на Сыдавновѣ дворѣ и на ево, на Михайловѣ, дворѣ никакіе рухледи не отдавывалъ. И онъ де, Михайло писалъ о той рухледи изъ Астороханп жъ на Терку къ Баиму Голчину, что онъ сплуталъ, тоѣ ево рухледи на Москвѣ не отдалъ. И Баимъ противъ къ нему писалъ, что будто онъ тоѣ рухледь его отдалъ Сыдавново человѣку Кондрашу, да прислалъ къ нему въ уплату дороги лазоревы да три кындяки, да четыре саоьяны; а достальную хотѣлъ платить.

Да изъ Казбина онъ же, Михайло, послалъ съ Надѣинымъ приказщикомъ Светечникова, съ Осипомъ, четыре камонки, зелена да лазорева, да двѣ цвѣтныхъ, шелкъ зеленъ да червчатъ, да два кушака полосаты зъ золотомъ, скатерть—кизылбашская выбойка, четыре скатерти бѣлыхъ индѣйскихъ, четверы дорожки полосатыхъ, завесь выбойчатой, а велѣлъ то все отдать въ Астороханп діяку Ивану Грязеву. А какъ онъ, Михайло, пріѣхалъ исъ Кизылбашъ въ Астороханъ, и Иванъ ему то все отдалъ, и та рухледь и ныне у него во взятьѣ. Да исъ тоѣ же рухледи спесли у него бѣглые ево люди 4 камки, 5-ры дороги, 3 скатерти индѣйскіе. Да онъ же, Михайло, послалъ изъ Казбина жъ съ казанцы съ торговыми людьми, съ Яковымъ съ Мининымъ да съ

Семеномъ зъ Дѣевымъ 2 платна по зеленой землѣ кизылбашскіе, спорокъ золотной по червчатой землѣ, семь выбоекъ; а велѣлъ былъ отослать къ себѣ на подворье. И тѣ два платна и спорокъ и по ся мѣста у нихъ, потому что Семенъ Дѣевъ нынѣ за моремъ. А съ Яковомъ не видался, и гдѣ онъ нынѣ, того не вѣдаетъ. Да Михайло жъ сказалъ: дали ему на Москвѣ Левъ да Иванъ Ѳеопасьевичи Плещѣевы шубу не до соболь да лисицу черну на шапку, и Михайло де въ той шубѣ здѣлалъ себѣ ѳерези, а въ лисицѣ—шапку; а въ Казбинѣ тотъ исподъ продалъ, а взялъ 21 рубль; а на тѣ денги купилъ 2 камонки кизылбашскіе съ серебромъ по алой землѣ, да бархатишко полосато съ медью, а иные рухледи не упомнитъ. И то все послалъ онъ къ себѣ же на дворъ съ казанцы, с-Ыванисомъ Ѳеопасьевымъ да съ Панкратьемъ Ѳилиповымъ сыномъ Шубина, а велѣлъ отдать у себя на подворьѣ женѣ, а къ женѣ отъ себя писалъ, а велѣлъ отослать на дворъ ко Льву да къ Ивану Плещѣевымъ; а подлинная росписца той посылкѣ у Иваниса да у Пакрата. И Иванисъ Ѳеопасьевъ сказывалъ ему, Михайлу, въ Асторохани, что та рухледь нынѣ у нихъ, къ Москвѣ не отсылывали. А больши де того онъ, Михайло, никакіе рухледи не покупывалъ и ни съ кѣмъ не посылывалъ.

А что въ грамоткѣ князя Ондрѣя Ховансково писано къ нему, Михайлу, о сергахъ, чтобъ къ нему прислалъ посмотрить, и у него, у Михайла, были сережки, турскіе бирюзы, и онъ ихъ князю Ондрѣю отослалъ, а денегъ у него взялъ 4 рубли и 2 гривны.

А что въ Михайловѣ жъ писмѣ написано 90, а чего, и того не знать, что отодрано, и Михайло сказалъ, что у него куплено въ Асторохани 90 зенденей, а помѣчено у него себѣ для памяти, и тѣ де зендены взяты на государя и нынѣ въ его рухляди.

А что въ розодраной грамоткѣ писано про Сыдавново смерть и про четыре посылки, что ни одна не бывала, и та де грамотка жены ево, а писалъ ей съ Москвы человѣкъ ево.

И 129-го ноября въ 8 день по государству ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу бояре, князь Ѳедоръ Иваповичь Мстиславской съ товарыщи, діака Михайла Тюхина роспрашивали, чтобъ онъ сказалъ правду, для чего шахъ по него по одново мимо большихъ ево товарыщевъ, князя Михайла Борятинского и Ивана Чичѣрина, присылалъ и для чево онъ къ шаху ходилъ? и по совѣту ль съ товарыщи или безъ ихъ совѣту? и какъ онъ былъ у шаха, и шахъ о чемъ съ нимъ говорилъ? и хто отъ него шаху, а отъ шаха ему толмачилъ: государевъ ли переводчикъ или толмачь, или шаховъ, и кто именемъ? и изъ русскихъ людей у шаха

въ то время хто былъ ли? и гдѣ и въ которомъ мѣстѣ былъ онъ у шаха, и долго ль былъ? Про то бъ онъ про все сказалъ имъ, бояромъ, вправду, не утая ничего. А будетъ онъ про то про все правды не скажетъ, и ему, Михайлу, быти пытану.

И Михайло Тюхинъ въ роспросѣ бояромъ сказалъ: послѣ де посольства ихъ, какъ онѣ у шаха были всѣ вмѣстѣ ноября въ 6 день, прислалъ къ нему, къ Михайлу, на подворье приставъ ихъ Усеинъ бекъ племянника своего говорити, чтобъ онъ, Михайло, ѣхалъ къ шаху, а шахъ де велѣлъ ему, Михайлу, быти у себя одному, и онъ де, Михайло, племяннику ево отказалъ, что ему къ шаху ѣхать одному, мимо своихъ товарыщевъ, не пригоже, и безъ товарыщевъ своихъ одинъ онъ не ѣдетъ, потому что государевы дѣла велѣно имъ у шаха дѣлать всѣмъ вмѣстѣ. А отказавъ де онъ о томъ Усеинъ бекову племяннику, пошелъ ко князю Михайлу и къ Ивану и про то имъ сказалъ, что приходилъ къ нему Усеинъ бековъ племянникъ и звалъ ево къ шаху одново. И послѣ де того отъ шаха приходили ко всѣмъ къ нимъ, ко князю Михайлу съ товарыщи, отъ Усеинъ бека шаховымъ словомъ племянникъ Усеинъ бековъ и стрѣльцы многижда съ угрозою, что онъ, Михайло, шаха не слушаетъ и къ нему нейдетъ, и хотѣли ево взять къ шаху сильно. И они де всѣ, бояся отъ шаха опалы, отпустили къ шаху ево, Михайла, а съ нимъ послали переводчика Милюту Нагаева. А какъ де онѣ пріѣхали къ шаху, а шахъ сидитъ въ воротѣхъ въ саду, а у него въ тѣ поры ближнихъ людей не было никого, лише сидѣла за шахомъ баба стара, да передъ шахомъ стояли на колѣнкахъ двѣ жонки. И на него де, Михайла, шахъ учалъ быти добрѣ кручиноватъ и сердитъ, и саблю на него вынималъ, и одва ево саблею нетялъ, и его бранилъ, а говорилъ: вѣть они присланы къ нему отъ великого государя не въ послѣхъ, за пословъ ихъ не почитаетъ: послы де ходятъ о ратныхъ дѣлехъ, а они де присланы о любви, и имъ дѣлать надобно, что онъ велитъ, потому что онъ съ государемъ въ братцкой любви и имъ его слушать пригоже, что своимъ людемъ. Да ему же шахъ говорилъ про астораханскихъ воеводъ, что людемъ ево ни въ чемъ воли не даютъ, и что купятъ, и то отнимаютъ, и онъ бы о томъ известилъ государю все, чтобъ того всего впередъ не было. И онъ де, Михайло, говорилъ, что шаху то все сказывалъ нѣхто на ссору, а того не бывало, а на астороханского воеводу на Ивашка Пушкина положилъ государь опалу и къ Москвѣ ево взяли скована; а что онъ, Михайло, у нево у шаха слышитъ, и то государю скажетъ. И шахъ де почалъ быть веселъ и пилъ про

государево здоровье чашу и ему подавалъ. Да въ то жъ де время у шаха по обѣ стороны ево были двѣ лужи крови кажненыхъ ево людей. И отпустилъ ево къ себѣ на подворье. А толмачилъ отъ шаха къ нему, а отъ него шаху государевъ переводчикъ Милюта Нагаевъ, а иной нихто шаховыхъ людей въ тѣ поры у шаха не были и ничево не толмачили.

А Иванъ Чичѣринъ передъ бояры жъ съ Михайломъ Тюхинымъ съ очи на очи ставленъ и роспрашиванъ, говорилъ, что приходили отъ шаха звать одново ево, Михайла, напередъ къ нему, Михайлу; а послѣ того присылалъ шахъ и къ нимъ ко всѣмъ, чтобъ итти къ шаху одному Михайлу, а князь Михайло и онъ, Иванъ, за то стояли много и пустить къ шаху одново Михаила не хотѣли. Да и Михайло де съ ними жъ вмѣстѣ за то стоялъ, чтобъ ему одному нейти. И отъ шаха де пріѣзжалъ по Михайла приставъ ихъ Усеинъ бекъ съ стрѣльцы и хотѣлъ Михайла взять сильно, и Михайло де къ шаху поѣхалъ, а онѣ ево къ шаху не отпускивали. А какъ Михайло къ шаху поѣхалъ, и опи, князь Михайло и Иванъ, послали съ нимъ переводчика Милюту Нагаева.

И Михайло с-Иваномъ Чичѣринымъ съ очи на очи говорилъ, что онъ за то стоялъ долго съ ними вмѣстѣ и ѣхать одинъ къ шаху безъ нихъ не хотѣлъ, а поѣхалъ онъ къ шаху по совѣту съ ними, блюдяся отъ шаха гнѣву.

А переводчикъ Милюта Нагаевъ передъ бояры въ роспросѣ сказалъ: какъ пріѣзжалъ къ Михайлу на подворье Усеинъ бековъ племянникъ звать къ шаху Михайла Тюхина, того онъ не видалъ, былъ у себя въ станѣ, а про то онъ слышалъ, что пріѣзжали Михайла къ шаху звать приставъ и стрѣльцы и ко всѣмъ посломъ объ Михайлѣ приходили. И послѣ того послы, князь Михайло и Иванъ, позвалъ ево, Милюту, къ себѣ, а Михайло былъ тутъ же, и говоря о томъ межъ себя, послы, князь Михайло и Иванъ, велѣли ему ѣхать къ шаху съ Михайломъ. И онъ де, Милюта, съ Михайломъ къ шаху ѣздилъ и толмачилъ шаховы рѣчи Михайлу, а Михайловы шаху онъ, Милюта. И шахъ Михайлу сперва говорилъ добрѣ кручиновато и сердито, и жаловался на астороханского воеводу, что ево людемъ чинитъ теспоту и у человѣка ево отнялъ ястреба, а того, хто продалъ, посадилъ въ тюрьму. И онъ противъ того велитъ ихъ запереть и свѣту имъ видети не дастъ; а послѣ того говорилъ ласково и приказывалъ имъ, Михайлу и Милютѣ, чтобъ слово ево до государя донесли, а онъ о томъ пошлетъ къ государю отъ себя грамоту, запечатаетъ тремя печатьми. А опричь де ихъ въ тѣ поры у шаха иныхъ людей никого не было

кромѣ дву жонокъ, которые съ шахомъ сидѣли и шили съ нимъ саадакъ.

Да бояре же Михайла Тюхина спрашивали: написано въ ихъ посольскомъ спискѣ, что приходилъ къ нимъ приставъ Усеинъ бекъ на подворье и говорилъ про государя и про Московское государство непригожіе слова, и онъ, Михайло, ходилъ о томъ допрашивать къ Усеинъ беку на подворье, и онъ для чего о томъ къ приставу ходилъ? и о чемъ его допрашивалъ? и для чего ему то было надобно, что про государя и про Московское государство говорилъ приставъ непригожіе слова и для какова умышленья? и не было ль съ нимъ съ Москвы отъ кого праказу и смутныхъ словъ? а по его, Михайлову, дѣлу то знатно, что онъ то дѣлалъ измѣною или по чьему наученью. И дурно ево объявилося и не въ одной мѣрѣ. Первое то, что послѣ посольства у шаха былъ одинъ безъ товарыщей, а послѣ того приставъ Усеинъ бекъ говорилъ про государя и про Московское государство непригожіе слова, а онъ къ нему ходилъ о томъ допрашивать, кабы тому обрадовался. И онъ бы, Михайло, сказалъ правду: для чего онъ къ приставу ходилъ? и вину бъ свою къ государю принесъ, и у государя милости просилъ; а не скажетъ, и ему быть пытану.

И Михайло Тюхинъ сказалъ, что приходилъ де къ Ивану Чичѣрину приставъ ихъ Усеинъ бекъ пьянъ, а его, Михайла, въ тѣ поры не было; а послѣ де того прислалъ по него, по Михайла, Иванъ Чичѣринъ, а какъ де къ нему онъ, Михайло, пришелъ, и Иванъ де плачетъ и сказалъ ему, что приходилъ къ нему, къ Ивану, приставъ Усеинъ бекъ и говорилъ про государя и про Московское государство не пригожія слова, что бутто на Московскомъ государствѣ государя нѣтъ, а Москвою завладѣли литва. И они де о томъ оба почали скорбѣть и говорили, чтобъ про то провѣдать, почему приставъ такіе слова говоритъ и для чего? И, поговоря де межъ себя, послали по пристава, чтобъ приставъ у нихъ побывалъ, и приставъ де къ нимъ не пошелъ. И онъ де, Михайло, поговоря с-Иваномъ же, взявъ съ собою толмача Ивана Есипова, ходилъ къ Усеинъ беку на подворье и его про то допрашивалъ: коими обычеи онъ такую безлѣпичную статью Ивану Чичѣрину брѣдилъ и отъ кого онъ то слышелъ? И приставъ де ему сказалъ, что онъ подлинно про то и самъ не вѣдаетъ, а слышелъ про то на майданѣ, а сказываютъ, что пріѣхали изъ Астороханы торговые люди гилянцы и они де про то слышели въ Астороханы, а именно про то не сказалъ. Да приставъ же де говорилъ, что онъ вчера былъ пьянъ и того не говаривалъ, а хто говорилъ, и ты де

выколи ему глазъ. А допрося, онъ, Михайло, про то Усеинъ бека, пошелъ онъ къ себѣ и Ивану про то сказывалъ. А больши того онъ, Михайло, съ Усеинъ бекомъ ничего не розговаривалъ и никакихъ у нихъ дурныхъ рѣчей про государя и про Московское государство не было, а ходилъ онъ къ Усеинъ беку про то допрашивать спроста, по совѣту с-Иваномъ, чтобъ того довѣдатца: отъ кого тѣ ненадобные слова пронеслись? А на завтрее де того, пришедъ къ нимъ, къ Ивану и къ Михайлу, Усеинъ бекъ, говорилъ, что онъ вчерась былъ пьянъ и что будетъ говорилъ, того не помнитъ.

И бояре спрашивали толмача Ивашка Сергѣева: съ Михайломъ съ Тюхинымъ онъ, Ивашко, къ приставу, къ Усеинъ беку, ходилъ ли? и будетъ ходилъ и для чего и хто ево посылалъ и съ какимъ дѣломъ, и что они съ приставомъ про государя и про Московское государство говорили?

И толмачь Ивашко Сергѣевъ передъ бояры въ роспросѣ сказалъ: слышелъ де онъ, а того не упомнитъ о кое время, приходилъ къ Ивану Чичѣрину приставъ Усеинъ бекъ пьянъ и говорилъ про государя непригожіе слова, и послы де, Иванъ и Михайло, о томъ у себя плакали и учали быти ужастны; а на завтрее де того присылалъ по него, по Ивашка, къ нему въ станъ Михайло Тюхинъ сына своего Ивана, а велѣлъ притти къ себѣ. И какъ де онъ къ Михайлу пришелъ, а Михайло де, сидѣчи съ сыномъ, плачютъ. И молылъ де Михайло ему, Ивашку: пожалуй де, пойдемъ со мною къ Усеинъ беку на подворье! И онъ съ нимъ и пошелъ. А какъ де Михайло пришелъ къ Усеинъ беку, и онъ спрашивалъ Усеинъ бека: пронеслося де отъ него про государя и про Московское государство дурное непригожее слово, и онъ бы сказалъ про то ему, Михайлу, подлинно: отъ кого онъ то слышелъ?

И бояре допрашивали толмача Ивашка накрѣпко, чтобъ сказалъ правду, не покрывая ни по комъ: такъ ли Михайло Усеинъ бека допрашивалъ, что пронеслося про государя и про Московское государство непригожее слово, или ево допрашивалъ, что онъ, Усеинъ бекъ, говорилъ про государя и про Московское государство непригожее слово и онъ то у кого слышелъ, а по той ево сказке кабы то слово всчалось отъ Михайла, а не отъ Усеинъ бека?

И толмачь Ивашко сказалъ, что пришедъ Михайло къ Усеинъ беку, допрашивалъ, что сказывалъ онъ, Усеинъ бекъ, Ивану Чичѣрину вчерась про государя и про Московское государство непригожее слово, и онъ бы ему объявилъ ныне подлинно: отъ кого онъ такое слово

слышелъ? И Усеинъ де въ томъ словѣ заперся, а сказалъ, что онъ такова слова Ивану не говаривалъ, а хто то говорилъ, и онъ бы тому выкололъ глазъ. А что онъ, Ивашко, сперва передъ бояры молылъ, что Михайло спрашивалъ Усеинъ бека глухо, и онъ въ томъ посмялся вчерась спроста, потому что ныне не можетъ; а взялъ де сво, Ивашка, Михайло съ собою отъ себя съ подворья, а Иванъ Чичѣринъ ево, Ивашка, съ Михайломъ не посылывалъ и отъ Ивана онъ про то не слыхалъ ничего.

А Иванъ Чичѣринъ съ Михайломъ съ очей на очи говорилъ, что приставъ Усеинъ бекъ, пришедъ къ нему, къ Ивану, про государя и про Московское государство говорилъ, и онъ де, Иванъ, сказалъ ему, что онъ то брѣдитъ пьянъ, а то слово ложно вмѣщаетъ нѣхто врагъ Божей на ссору, и пристава де онъ отъ себя выслалъ, да тотъ же часъ послалъ по Михайла и ему то слово сказалъ, и о томъ онѣ всѣ скорбѣли и плакали, и боялись отъ шаха разоренья. И, поговоря межъ себя, послали къ приставу, чтобъ онъ у нихъ побывалъ, и приставъ де къ нимъ не пошелъ, и они почали быть въ великой ужасти и говорили: какъ бы о томъ у Усеинъ бека провѣдать, хто то слово вмещаетъ? И Михайло де Тюхинъ къ тому слову молылъ: мнѣ де Усеинъ бекъ братъ, язъ де къ нему пойду и того у него довѣдаюсь. И онъ де, Иванъ, молылъ ему: какъ хочетъ, а онъ ево не посылаетъ и толмоча де онъ, Иванъ, къ приставу, къ Усеинъ беку, съ Михайломъ не посылывалъ; а ходилъ де Михайло къ Усеинъ беку собою.

И бояре Михайла къ Тюхина спрашивали: коими обычаи онъ, Михайло, пристава Усеинъ бека называлъ себѣ братомъ, а Усеинъ бекъ называлъ его, Михайла, себѣ братомъ и какая у него съ нимъ дружба сошлася, и не было ль межъ ими каково дурного умышленья и розговоровъ про государя и про Московское государство?

И Михайло Тюхинъ въ роспросѣ сказалъ: приставъ Усеинъ бекъ по своему языку называлъ его, Михайла, кардашомъ, а по руски братомъ, а онъ ево противъ того называлъ кардашомъ спроста, а хитрости никакіе не было и розговоровъ у нихъ ни про что никакихъ не было; да и князя Михайла де и Ивана Чичѣрина приставъ, пріѣзжая къ нимъ, братьями ихъ себѣ называлъ, а по кизылбашски кардашами.

И туто же, стоя передъ бояры съ Михайломъ съ очи на очи, Иванъ Чичѣринъ сказалъ, что того у нихъ не бывало, чтобъ князь Михайло или онъ, Иванъ, пристава своего Усеинъ бека братомъ

называли, а называлъ пристава братомъ изъ нихъ одинъ Михайло. И князь Михайло де и онъ, Иванъ, про то ему и говаривали, что онъ пристава называетъ братомъ не по дѣлу, дѣлаетъ то мимо прежніе обычаи, и Михайло де ихъ въ томъ не послушалъ.

И Михайло сказалъ: въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, что пристава называлъ братомъ себѣ спроста, а умышленья и розговоровъ ни про что не бывало, а что съ приставомъ звался братьями спроста, и въ той ево винѣ воленъ Богъ да государь.

И бояре Михайла Тюхина велѣли держать приставу Ивану Благово крѣпко и припускать къ нему никого и розговаривати съ нимъ никому не велѣли. А переводчика и толмача до сыску велѣли подержати приставомъ же. И переводчикъ Милюта Нагаевъ данъ держати переводчику жъ Прокоѳью Вражского. А толмачь Иванъ Сергѣевъ данъ держать переводчику же Семену Ондрѣеву.

Да толмачь же Ивашко Сергѣевъ допрашиванъ въ посольскомъ приказѣ про люди Михайла Тиханова (sic): сколько съ нимъ съ Москвы людей пошло и сколько исъ Кизылбашъ назадъ пришло, и хто изъ нихъ былъ у Михайла приказной человѣкъ, кому у нево было во дворѣ приказано?

И толмачь Ивашко Сергѣевъ сказалъ, что пошло съ Москвы съ Михайломъ Тюхинымъ людей ево 10 человѣкъ да племянникъ, и въ томъ де числѣ взялъ Михайло, ѣдучи въ Кизылбаши, на Москвѣ 2 человѣкъ литовскихъ людей исъ тюрьмы, да исъ тюрьмы жъ взялъ Михайло руского человѣка, бывалъ казакъ, а ходилъ съ литвою жъ. Да какъ де пришли государевы послы въ шахову землю, и встрѣтили ихъ на дорогѣ за Дербенью въ деревнѣ въ Низовѣ четыре человѣки полонениковъ, два литовскихъ людей да два рускихъ, одинъ сказался сынъ боярской орленинъ, а другой сказался стрѣлецъ, и приказалися къ посломъ, и послы къ себѣ ихъ приняли: князь Михайло взялъ сына боярского орлепина, а Иванъ Чичѣринъ взялъ былъ стрѣльца, а Михайло взялъ литвина бусурмана, Піялою звали; а другово литвина жъ имени не упомнитъ. И тотъ де Піялка былъ у Михайла въ толмачѣхъ, и для всякого дѣла ево отъ себя посылалъ и къ Усеинъ беку ево посылалъ, и жонки воровскіе къ Михайлу тотъ Піялко приводилъ. А жили тѣ полоненики у пословъ: у князя Михайла жилъ съ ползимы и сидѣлъ въ лавкѣ отъ князя Михайла для торговли съ сыномъ боярскимъ зъ Дмитреемъ Хомяковымъ вмѣсте, а лавку де въ Казбине далъ князю Михайлу для торговли шахъ по ево челобитью. И тотъ полоняникъ, которой сказывался орленинъ, изъ лавки отъ

князя Михайла побѣжалъ, а снесъ отъ нево 300 рублевъ денегъ и пропалъ безвѣстно. А у Ивана стрѣлецъ побылъ немного, для покупки съѣстной посылывалъ ево на торгъ. И Иванъ ево отослалъ, а сказался де Ивану, что онъ пошелъ къ руси, къ торговымъ людемъ. А у Михайла у Тюхина одинъ литвинъ пожилъ немного жъ, съ ползимы, и отъ Михайла отшелъ, а сказался, что пошелъ къ руси съ торговыми людьми; а другой де бусурманъ Піялко остался у Михайла и жилъ всю зиму мало не до ихъ отпуску, и къ приставу ево, къ Усеинъ беку, посылывалъ и во всемъ ему толмачилъ; а приставъ Усеинъ бекъ былъ Михайлу Тюхину братъ названой. И передъ отпускомъ посольскимъ прислалъ шахъ къ государевымъ посломъ из-Испогана въ Казбинъ Булатъ бека, а велѣлъ посломъ ѣхать къ шаху съ невеликими людьми, и государевы послы поѣхали, и Михайло въ тѣ поры тово бусурмана Піялка взялъ съ собою жъ в-Испогань. И пожилъ тотъ Піялко у Михайла в-Испогани немного, из-Испогани отъ Михайла збежалъ, а подговорилъ съ собою отъ бухарского посла полоняника новосильца сына боярского зъ животомъ и съ тѣхъ мѣстъ пропалъ безвѣстно, а приходилъ де тотъ бусурманъ Піялко къ Михайлу и приставалъ у него, отходя отъ нево недѣли по двѣ и по три невѣдомо куды, а послѣ тово опять придетъ, и поживъ у Михайла недѣли двѣ-три, и опять отойдетъ. А которые литовскіе люди пошли съ Михайломъ съ Москвы, которыхъ взялъ изъ тюрьмы, и тѣ литовскіе люди отъ Михайла збѣжали жъ: одинъ из-Испогани, а другой изъ Казбина с-Ивановымъ человѣкомъ Чичѣрина вмѣстѣ безъ нихъ, какъ они, Иванъ и Михайло, были у шаха въ Ѳаробатѣ. А какъ де Михайло поѣхалъ изъ Кизылбашъ, и отъ Михайла де, ѣдучи Волгою отъ Астрахани, збѣжали 3-жъ человѣка: Тренка, котораго онъ взялъ изъ тюрьмы на Москвѣ, да Сенька, да поворъ—имени не упомнитъ—а побѣжали де къ вольскимъ казакомъ. Да у Михайло жъ умерло въ Кизылбашехъ 2 человѣка; а съ Михайломъ де пріѣхали къ Москвѣ только племянникъ да малой лѣтъ въ 6 или въ 7.

И полбря въ 9 де(нь) допрашиванъ про то Иванъ Чичѣринъ: такихъ онъ польскихъ людей у Михайла, которыхъ Михайло взялъ на Москвѣ изъ тюрьмы и которово поляка взялъ въ Кизылбашехъ, зналъ ли? и гдѣ они у него дѣлись и съ нимъ, с-Иваномъ, какой литвинъ былъ въ Кизылбашехъ?

И Иванъ Чичѣринъ сказалъ, что онъ у Михайла тѣхъ польскихъ людей дву человѣкъ, которыхъ Михайло взялъ изъ тюрмы, въ Кизылбашехъ зналъ; а какъ онъ, Иванъ, и Михайло изъ Кизылбашъ пошли

на Русь, и Михайло де сказалъ, что тѣ поляки у него збѣжали да и отъ него де, Ивана, збежалъ детина, бывалъ литвинъ же, сапожной мастеръ, а побѣжалъ де вмѣсте съ Михайловымъ человѣкомъ исъ Казбина безъ него, какъ онѣ были у шаха въ Ѳарабатѣ. Да къ Михайлу же Тюхину присталъ былъ въ Кизылбашехъ бусурманъ родомъ черкашенинъ, Пьялкомъ звали, и къ Михайлу прихаживалъ часто, а иное приживалъ недѣли по двѣ и по три; а какъ онѣ поѣхали на Русь, и тотъ де Пьялко отъ Михайла отсталъ и остался въ Кизылбашехъ. А какъ де Пьялко къ Михайлу въ Кизылбашехъ приходилъ и у него жилъ, и онъ де, Иванъ, о томъ Михайлу говорилъ многижда, что Михайло то дѣлаетъ непригоже, что приходитъ къ нему и у него приживаетъ бусурманъ и отъ него всюда ходилъ. И Михайло де ему сказалъ, что онъ живетъ у него для покупки и для толмачества, что люди ево по кизылбашски не знаютъ и ему безъ того быти нельзѣ.

А по отпискѣ пословъ Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, какъ онѣ писали ко государю съ Терки, про того черкашенина Пьялку написано: въ прошломъ во 127-мъ году маія въ 22 де(нь) прислалъ къ нимъ съ Терки воевода Микита Вельяминовъ терского сына боярского Первово Лукина да толмача да четырехъ человѣкъ стрѣльцовъ съ грамотами о мирномъ договорѣ съ Польшею и съ Литвою, и какъ де они послѣ того поѣхали къ шаху в-Испогань и взяли съ собою для безлюдства терского сына боярского да стрѣльца Микитку мещеряка, и тотъ де стрѣлецъ заворовался, учалъ приходить къ бусульману къ Замятенкѣ Сипягину и грамотку къ нему ссыльную отъ брата его, привезчи съ Терки, отдалъ тайно, и они ему за то чинили наказанье. А послѣ того тотъ же стрелецъ, заворовався и запився, убилъ себя исъ пищали до смерти, и они велѣли ево погрести въ арменскомъ кладбищѣ. И того же де дни приставъ ихъ Усеинъ бекъ прислалъ къ нимъ говорить человѣка своего Мурза бека, что збѣжалъ де отъ торгового человѣка, отъ бухарца руской полоняникъ, а снесъ 21 тюмень денегъ, а сказываютъ ево у нихъ, да и шаху на нихъ сказали, будто они у бухарца полоненика велѣли подговорити и деньги у него взяли, и велѣли будто ево убить, и погребли въ арменскомъ кладбищѣ, и шахъ де по ихъ скаскѣ того стрѣльца велѣлъ выкопать и велѣлъ ево бухарцу узнавати, и бухарецъ де сказалъ, что то не ево полоненикъ, а хаживалъ съ его полоненикомъ, и въ томъ де имали у нихъ къ шаху Иванова человѣка, и шахъ де грозилъ ему пыткою и собаками травить хотѣлъ за то, чтобъ онъ взговорилъ въ томъ полоненикѣ на нихъ, пословъ. И тотъ де человѣкъ шаху на нихъ, на

пословъ, ничего не говорилъ и сидѣлъ въ томъ за приставомъ. И про тово де бѣглово полоняника сыскалось мимо ихъ, пословъ, что таковъ полоняникъ приходилъ къ мусульманину къ черкашенину къ Сенькѣ Пьялу и пошолъ из-Испогани съ Сенькою вмѣстѣ въ Казбинъ, и тотъ де Сенька въ Казбинѣ сысканъ и къ шаху приведенъ. А въ роспросѣ Сенка Пьяло сказалъ, что онъ пошелъ из-Испогани тому недѣли съ двѣ, а съ нимъ пошелъ из-Испогани жъ бухарского торгового человѣка тотъ полоненикъ, которымъ ихъ, пословъ, поклепали. И онъ де, Сенька Пьяло, того полоненика отпустилъ въ Родевиль съ корованомъ, а на нихъ, на пословъ, Сенька Пьяло передъ шахомъ про того бѣглово полоняника ничего не говорилъ же.

II ноября жъ въ 10 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу и по боярскому приговору ѣздилъ къ Михайлу Тюхину на подворье животовъ ево переписывать и запечатать діякъ Сава Раманчюковъ.

II по государеву указу діякъ Сава Раманчюковъ къ Михайлу Тюхину на подворье ѣздилъ, а пріѣхавъ, думному діаку Ивану Грамотину сказывалъ, что онъ у Михайла Тюхина никакихъ животовъ и запасу не нашелъ, опричь той рыбы, что привезъ Иванъ Благой съ Михайломъ вмѣстѣ и по государеву указу отдана женѣ ево, а лежитъ въ сушилѣ, да въ повалушѣ запечаталъ перинишко да медвѣдно; а больши того никакихъ животовъ и запасовъ у него на подворьѣ нѣтъ.

II ноября жъ въ 11 де(нь) въ посольскомъ приказѣ дьяки, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчюковъ роспрашивали Михайла Тюхина: какой у него черкашенинъ—Пьялкомъ звали—въ Кизылбашехъ былъ и гдѣ онъ его взялъ, и сколько у него пожилъ, и откуды отъ него сшелъ, и какихъ онъ литовскихъ людей взялъ съ собою съ Москвы исъ тюрьмы, и гдѣ они отъ него дѣлись?

II Михайло сказалъ: какъ они пришли въ Кизылбашскую землю и будутъ въ деревнѣ въ Низовой, ажъ ведутъ въ Дербени къ шаху полоненниковъ рускихъ и литовскихъ людей 8 человѣкъ, и онѣ ихъ о всякихъ вѣстехъ роспрашивали и вѣсти ихъ писали къ государю, а ихъ самихъ розняли по себѣ: князь Михайло да Иванъ взяли себѣ по 3 человѣки, а онъ, Михайло, взялъ дву человѣкъ. II одинъ литвинъ отъ него збѣжалъ на Русь, а другой черкашенинъ бусурманъ Пьянко у него пожилъ мало не до отпуску. А какъ шахъ велѣлъ имъ быть къ себѣ для отпуску в-Испогань, и онъ, Михайло, для безлюдства и того черкашенина взялъ былъ съ собою жъ в-Испогань, и тотъ черкашенинъ отъ него, Михайла, из-Испогани збѣжалъ. А

которыхъ литовскихъ людей взялъ онъ съ собою съ Москвы, и тѣ литовскіе люди отъ него збѣжали жъ въ Кизылбашехъ, а даны были ему на Москвѣ изъ розряду, а велѣлъ ему тѣхъ литовскихъ людей дву человѣкъ дати исъ тюрьмы діакъ Сыдавной Васильевъ.

Да Михайла жъ допрашивали дьяки по государеву указу и по боярскому приговору: посланъ къ нему на дворъ дьякъ Сава Романчюковъ досматривать ево животовъ, и у него на подворьѣ животовъ никакихъ и запасу нѣтъ, и онъ бы про свои животы объявилъ подлинно, вправду, гдѣ у него животы ево и у ково положены и коими обычеи у него на дворѣ запасу никакого и рухляди никакіе нѣтъ.

И Михайло сказалъ, что у него рухляди и животовъ во дворѣ нѣтъ и въ поклажеѣ ни у кого нѣту жъ: какъ онъ поѣхалъ съ Москвы въ Кизылбаши, и послѣ ево осталось у жены ево на подворьѣ только 20 чети муки ржаные, 10 чети муки пшеничные, да 3 чети крупъ, 10 полоть ветчины, да осетришковъ вялыхъ зъ 10 жъ, да женѣ же онъ своей оставилъ три рубли денегъ; а всему его животу, что пошло съ нимъ съ Москвы и что осталось на Москвѣ, и что на немъ долгу, оставилъ онъ духовную у Сыдавного Васильева; а нынѣ она у жены ево есть ли, или нѣтъ, того не вѣдаетъ. А что животовъ ево пошло съ нимъ исъ Кизылбашъ и то у него взято, и нынѣ въ посольскомъ приказѣ. А больши того у него никакихъ ево животовъ нѣтъ.

И 129-го же ноября въ 16 де(нь) въ посольскомъ приказѣ діякомъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Романчюкову, подалъ діякъ Матвѣй Сомовъ духовную Михайла Тюхина; а такову де духовную оставилъ Михайло послѣ себя у діяка у Сыдавново Васильева, какъ онъ поѣхалъ въ Кизылбаши. А въ духовной Михайла Тюхина пишетъ:

Се азъ рабъ Божей Михайло Акиноѣвъ сынъ Тюхинъ пишу сію изустную память своимъ цѣлымъ разумомъ для кизылбашскіе посылки, любо Богъ по душу мою сошлетъ. Долгу на мнѣ, на Михайлѣ, нѣтъ ничево, а самому на комъ мнѣ что взяти, и я ни на комъ печево не пытаю, и будетъ на ково мои памятишка объявитца, и по нихъ ни на комъ ничево не имати. Да оставаютца послѣ меня вотчинные мои деревнишка во тверскомъ уѣзде родственые наши сельцо Кошелево, деревня Копылово, деревня Красавино, деревня Косоногово съ пустошми и съ починки, да приданые матери моей сельцо Васильево, да купля отца моего въ клинскомъ уѣздѣ сельцо Долгая пожня да пустошь Кузнечьково; а я то сельцо купилъ у мачехи своей да у меньшіе братьи свои, а далъ сорокъ рублевъ,—и старинные мои вотчинишка сыну моему Ивану съ племянникомъ моимъ съ Михайломъ

Ивановымъ сыно(мъ) Тюхина подѣлити пополамъ; а купленые—сыну моему Ивану и приданые матери моей, а дворъ московской сыну моему Ивану съ мачехою, продавъ, подѣлить пополамъ. А что со мною пойдетъ въ Кизылбаши соболей и всякіе рухляди на двесте на пятьдесятъ рублевъ, и тѣмъ меня помянути, а роздати по мнѣ пятьдесятъ рублевъ, а досталь подѣлить сыну моему Ивану съ мачехою пополамъ. А платья мое и всякая служивая рухлядь—сыну моему и всякіе суды подаренные—сыну моему Ивану, а людей къ собѣ звати изъ воли; а которые людишка мои старинные, и тѣ—сыну моему Ивану, а жонку Матрюху отпустить, а дати ей изопча три рубли да плятьишко еѣ, а Тороканову жену, будетъ похочетъ, съ дочерьми отпустити, а сына еѣ, оставя у себя,—сыну моему Ивану, а ей дати платья ее и мужа еѣ что осталось у ней, да два рубли денегъ. Да дали мнѣ Левъ да Иванъ Ѳѳонасьевичи Плещеевы шубу не до соболи и что на ней въ Кизылбашехъ возьмутъ и за тое шубу цѣну заплати. А платья чюжова со мною ничьево нѣтъ, только что мнѣ пожаловалъ Сыдавной Васильевичь ожерелье стоячее да отложное, однорядку червчету, да Добрыня Семеповичь ожерелья пристежное, и то все отдати назадъ. Да Сыдавнова Васильевича жалованье четыре кубочка да братинка серебреная и то отдать назадъ Сыдавпому жъ. Да пожаловать государю моему Сыдавпому Васильевичю: сестры своей и дѣтишекъ моихъ не покинуть. Да государево жалованье помѣстьишка за мною въ ерославскомъ уѣздѣ, а мужиченками я говорилъ, что мнѣ съ нихъ имать по пяти рублевъ денегъ да по пяти вѣдръ вина, да запасишку всякого мнѣ имать съ нихъ сухорей и крупъ, и конопель, и гороху по осми чети, и дана имъ роспись за моею рукою; а привозити имъ по первому пути. Да я жъ имъ велѣлъ всѣеть на себя понемношку овса и пшеницы, и конопель, и горошку, и что Богъ пошлетъ и то имъ привозити. Да съ нихъ же взять тритцать гривенокъ масла да двѣсте яицъ, да по три сыра, да по десяти куровъ, да по тушѣ мяса свиного. А пожаловать государю моему Сыдавному Васильевичю да Матвѣю Михайловичю, будетъ Богъ по душу мою сошлетъ, душа моя устроить, а дать по душѣ послѣ, а женѣ и сыну дати по сей памяти. Руку приложилъ *(по склейкѣ)* къ сей изусной памяти Михайло Тюхинъ.

На оборотѣ: 129-го ноября въ 16 день подалъ Матфѣй Сомовъ.

И февраля въ 10 день бояре сего дѣла слушели и приговорили: Михайла Тюхина про то про все, что онъ былъ у шаха наодинѣ и къ приставу своему къ Усеинъ беку на подворье ходилъ одинъ и братомъ себѣ ево называлъ, и что польскихъ и литовскихъ людей съ

Москвы исъ тюрьмы съ собою ималъ и въ Кизылбашехъ припялъ къ себѣ бусурмана черкашенина Піянку, роспросить и пытать накрѣпко. А къ пыткѣ по боярскому приговору указалъ государь ѣхать боярину князю Юрью Яншѣевичю Сулешеву да думному дьяку Ивану Грамотину.

И по государеву указу боярин князь Юрья Яншѣевичь Сулешовъ да думной діакъ Иванъ Грамотинъ у пытки Михайла Тюхина и переводчика Милюту Нагаева и толмача Ивана Есипова, поставя съ Михайломъ съ очи на очи, розспрашивали: для чего онъ, Михайло, будучи въ Кизылбашехъ, дѣлалъ не по государеву наказу: у шаха былъ одинъ бесъ товарыщей своихъ наодинѣ невѣдомо для чего; другое: какъ приставъ ихъ Усеинъ бекъ былъ у пословъ и говорилъ про государя и про Московское государство непригожее слово, и послѣ того онъ же, Михайло, ходилъ на дворъ къ Усеинъ беку одинъ съ толмачомъ, и про то Усеинъ бека роспрашивалъ, и для чего онъ ималъ съ собою съ Москвы исъ тюрьмы литовскихъ людей, а государю о томъ не билъ челомъ? да онъ же, Михайло, взялъ къ себѣ въ Кизылбашехъ черкашенина Пьянку и жилъ тотъ черкашенинъ у него, и къ приставу къ Усеинъ беку его посылалъ и не одинова, и для чего посылалъ, для какого дурна или измѣны? и не было ль съ нимъ отъ кого каково приказу съ Москвы? А вѣдаетъ онъ, Михайло, про себя самъ, что онъ къ Литвѣ и къ черкасомъ доточенъ многими мѣрами, а ималъ съ собою съ Москвы литовскихъ людей, а въ Кизылбашехъ взялъ черкашенина, и потому знатно, что онъ то дѣлалъ для воровства и измѣны, или будетъ по чьему велѣнью? И онъ бы про то про все сказалъ въ правду, а вину свою принесъ къ государю и у государя просилъ милости; а не скажетъ—и ему быть пытану накрепко.

И Михайло Тюхинъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ ѣздилъ къ шаху одинъ по совѣту съ товарыщи своими, по неволѣ, потому что шахъ по него присылалъ многижда и хотѣлъ взять сильно, и они всѣ за то говорили много, и ѣхать къ шаху не хотѣлъ, да поневолѣ у шаха былъ, говоря всѣ. А съ нимъ де князь Михайло и Иванъ посылали толмача, а не бесъ совѣту онъ къ шаху ходилъ, да и въ спискѣ въ черномъ написано о томъ Иванова рука Чичѣрина, что онѣ, князь Михайло и Иванъ, его, Михайла, отпускали къ шаху по совѣту всѣ вмѣстѣ, не хотя шаха розгнѣвить. А въ государевѣ де наказѣ у нихъ того было не написано: только шахъ пришлетъ изъ нихъ по кого, и имъ за то стоять и къ шаху нейти. И того они не вѣдали жъ, что прежъ того шахъ надъ государевы послы такъ дѣлалъ ли, или

нѣтъ,—то онъ учинилъ поневолѣ, не хотя шаха розгнѣвити, говоря со всѣми товарыщи, а не собою.

И бояринъ князь Юрьи Яншѣевичь и думной діякъ Иванъ Грамотинъ говорили Михайлу, чтобъ онъ сказалъ правду не пытанъ: не по ево ль засылкѣ шахъ по него присылалъ и не было ль у него съ шахомъ какихъ розговоровъ въ какомъ дурне? а только бъ онъ былъ къ государю прямъ, и его бы хотя за ноги волокли, и онъ бы не шелъ, а блюлся бъ государя, а не шаховыхъ грозъ. А что онъ, Михайло, сказывалъ въ роспросѣ передъ бояры, что будто на него шахъ трожды выймалъ соблю, и толмачь Милюта, которой съ нимъ былъ, сказывалъ бояромъ, что того не бывало: шахъ на него сабли не выймывалъ, и то онъ сказалъ воровствомъ, затѣя собою.

И Михайло говорилъ, что шахъ по него присылалъ и хотѣлъ его взять сильно, и ево отпускали къ шаху товарыщи ево поневолѣ бояся отъ шаха опалы. И какъ ево привели къ шаху, и шахъ на нево саблю выймалъ трожды, да въ тѣ же поры передъ шахомъ была лужа крови человѣческой и сердитъ былъ шахъ добрѣ, и ему говорилъ со многою кручиною, что людемъ ево въ Московскомъ государстве во всемъ пужа и неволя великая.

И тутo жъ у пытки ставленъ съ Михайломъ Тюхинымъ съ очи на очи переводчикъ Милюта Нагаевъ и допрашиванъ про то: какъ Михайла Тюхина привели къ шаху, и шахъ на него саблю вынималъ ли и его сѣчь хотѣлъ ли? И Милюта Нагаевъ съ Михайломъ съ очи на очи въ роспросѣ сказалъ, что онъ у шаха съ Михайломъ вмѣстѣ былъ и шахъ де сперва говорилъ съ кручиною, что людемъ ево въ Астрахани многое насильство и тѣснота, и неволя, а того де не бывало: шахъ на Михайла сабли невыймывалъ; а кровь невѣдомо какая была, невелика лужица ручейкомъ шла. А какъ де Михайло поѣхалъ къ шаху, и ему де, Милютѣ, велѣли съ нимъ ѣхать князь Михайло и Иванъ; а отпускали ль князь Михайло и Иванъ къ шаху Михайла, или нѣтъ, и того ему слышать не лучилося, только ему съ нимъ къ шаху ѣхать велѣли.

А про литовскихъ людей Михайло сказалъ, что о литовскихъ людехъ, которыхъ изъ тюрьмы вынялъ, государю билъ челомъ, и выписка въ розрядѣ тому есть, а помѣта на челобитной ево дьяка Сыдавного Васильева или Михайла Данилова—тово не упомнитъ чья. Да и съ товарыщемъ де ево, с-Иваномъ Чичѣринымъ, литвинъ былъ же и побѣжалъ отъ него вмѣстѣ съ его литвиномъ. А черкашенина де Піялку онъ взялъ въ Кизылбашехъ вмѣстѣ съ товарыщи, какъ ихъ

вели къ шаху, для толмачества, а родомъ де тотъ Піялко русакъ, уроженецъ воронежской, а не литвинъ, только лише походилъ съ черкасы. И хотѣлъ де тотъ Піялко ѣхать съ нимъ на Русь, и онъ ево для того и взялъ и для толмачества; а посылалъ ево для покупокъ, а къ шаху ево и къ иному ни хъ кому ни для какова дѣла не посылывалъ и ни о чемъ съ нимъ не приказывалъ; а на отпускѣ де тотъ Піялко отъ него сшелъ и съ нимъ не поѣхалъ потому: сказываютъ де, что у него въ Кизылбашехъ жена.

А переводчикъ Милюта Нагаевъ да толмачь Иванъ Есиповъ съ Михайломъ съ очи на очи про Піялку сказали, что тотъ Піялко родомъ литвинъ, а не русакъ, и жена де у пево въ Кизылбашехъ въ Казбинѣ есть; у Михайла де тотъ Піялко приживалъ и отъ него ходилъ для покупокъ и гдѣ ево пошлетъ Михайло; а хотѣлъ ли тотъ черкашенинъ ѣхати съ Михайломъ на Русь, того они не вѣдаютъ.

И Михайло Тюхинъ въ томъ во всемъ пытанъ накрѣпко, чтобъ онъ сказалъ вправду: не по ево-ль засылкѣ былъ онъ у шаха и о чемъ съ нимъ шахъ говорилъ, и для чево съ собоюималъ съ Москвы литовскихъ людей и въ Кизылбашехъ пріималъ литвина черкашенина, и для чево ходилъ къ приставу одинъ и пазывалъ ево себѣ братомъ, и нѣтъ ли съ нимъ съ Москвы приказу воровского и измѣны? И пытанъ Михайло накрѣпко: было 70 ударовъ да двѣ стряски, и клещами горячими по спинѣ зженъ. Говорилъ тожъ, что и въ роспросѣ, что онъ съ Москвы литовскихъ людей взялъ съ собою бесъ хитрости, для безлюдства, а дали ему исъ тюрьмы тѣхъ литовскихъ людей изъ розряду по ево челобитью, и записка тому въ розрядѣ есть; а Піялка де черкашенина принялъ онъ въ Кизылбашехъ спроста для толмачества, а сказался ему тотъ черкашенинъ родомъ русакъ, воронежской казакъ; а къ шаху де онъ ѣздилъ по совѣту съ товарыщи неволею, бояся отъ шаха опалы и не хотя ево розгнѣвать; а говорилъ ему шахъ съ кручиною и жаловался на астараханскихъ воеводъ, что людемъ ево чинили во всемъ тесноту и неволю, и кручиноватъ де шахъ былъ добрѣ, и онъ де сказалъ, что государь за то на астараханскихъ воеводъ положилъ опалу; а на Москвѣ посломъ ево тесноты не бывало никакой, и шахъ де почалъ быти веселъ и пилъ про государево здоровье; а ему, Михайлу, приказалъ, что онъ приказываетъ ему, и онъ бы про то государю известилъ, чтобъ того впередь не было; а подлинно де рѣчи ево записаны въ посольскомъ спискѣ, а больши де того речей шахъ не говорилъ съ нимъ никоторыхъ и самъ онъ о томъ къ шаху, чтобъ ему велѣлъ быти у себя, не приказывалъ, и съ Москвы съ нимъ

приказу ни отъ кого не было. А у пристава де Усеинъ бека былъ онъ съ толмачомъ с-Ывашкомъ Сергѣевымъ; а стоялъ де тотъ Усеинъ бекъ съ ними, съ послы, на одномъ дворѣ, близко ихъ, у колодезя, а ходилъ ево спрашивати про непригожіе рѣчи: у ково онъ то слово слышелъ, и кто то вмещаетъ, а опричь того не говорилъ съ нимъ ничего; а братомъ Усеинъ бека называлъ себѣ спроста: какъ де тотъ приставъ ихъ встрѣтилъ, и онъ де ево назвалъ кардашемъ, а по руски братомъ, а онъ де ево по тому же звалъ кардашемъ.

И съ пытки Михайло отданъ держать прежнему приставу Гуру Волынцову, велѣно держати крѣпко.

Толмачь Иванъ Есиповъ въ роспросѣ сказалъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью, что терской стрелецъ Микитка убилъ себя исъ пищали самъ за то: свѣдалъ де что черкашенина Пиялку поимали, а онъ былъ у бухарца полоненика подговаривалъ съ нимъ вмѣстѣ, и забоявся того, что станетъ на нево въ томъ говорить, сперва учалъ тосковать и запиватьца, а послѣ того убилъ самъ себя исъ пищали, наступя на курокъ ногою, по самому животу. То онъ самъ видѣлъ, а послы государевы не убивывали. А животовъ де ево не осталося ничево.

Кречетникъ Ѳедоръ Тоболинъ въ роспросѣ сказалъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному цѣлованью: какъ де ималъ шахъ государевыхъословъ къ себѣ для отпуску исъ Казбина в-Ыспогань, и были послы в-Ыспогани у шаха десеть недѣль, и въ тѣ поры подговорилъ черкашенинъ Сенка Пьяла, которой жилъ у дьяка, у Михайла Тюхина, у бухарца, у торгового человѣка, русково полоненика новосильца сына боярсково; а тотъ бухарецъ стоялъ у юргенсково царевича на дворѣ, а подговоря того полоненика, Пьялко из-Ыспогани збѣжалъ. И тотъ де бухарской посолъ учалъ приходить къ посломъ и бити челомъ, что у него подговорили полоненика съ деньгами ихъ, рускіе, люди, а денегъ было въ коробкѣ 23 тюмени. И послы ему отказали, что у нихъ людей всѣ съ ними и нихто отъ нихъ ихъ рускихъ людей не бѣгивалъ, а побежалъ де отъ нихъ черкашенинъ Пьялко, а про полоненика они и люди ихъ не вѣдаютъ. И по шахову де приказу посланъ того Пьялку сыскивать бусурманъ Лачинко и того Пьялку сыскалъ, и привелъ къ сотнику, что бывалъ Смирновской холопъ Маматова къ Замятепкѣ Сипягину, и тотъ Пьялко сказалъ въ роспросѣ, что подговорилъ того бухарского полоненика съ деньгами онъ, Пьялко, да съ нимъ терской стрелецъ Микитка, и за городъ ево съ тѣмъ полоненикомъ выпроводилъ, и саблю ему за городъ вынесъ. И какъ де

того черкашенина Піялку привели къ тому сотнику, къ Замятенкѣ, и тотъ де черкашенинъ учалъ въ томъ сказывать въ убивствѣ на того терского стрельца, и послы де, Иванъ и Михайло, посылалъ(и) къ Замятенкѣ о томъ говорить, чтобъ онъ на государевыхъ людей ложно затевать не велѣлъ, а сыскивали-бъ про то вправду. И Замятенка де Сипягинъ приказалъ къ посломъ, что черкашенинъ Піялко въ томъ бухарцѣ въ убивствѣ говоритъ впрямъ на терсково стрельца. на Микитку, что онъ съ нимъ вмѣстѣ у бухарского тезика полоненика русково подговаривалъ. И какъ де то услышелъ терской стрелецъ, что на него Піялко въ томъ полоненикѣ говорилъ, и учалъ де пить и тосковать. И послѣ де тово стрелецъ, боясь въ томъ себѣ смерти, на посольскомъ дворѣ убилъ себя самъ изъ пищали. То онъ самъ видѣлъ, и послы де того стрельца велѣли погрести въ арменскомъ калдбищѣ; а животовъ де послѣ того стрельца не осталося никакихъ, лише остался одинъ конь, и послы де того коня велѣли продати и велѣли роздати по немъ на погребанье и на поминки; а опричь де того не осталося послѣ того стрельца ничего. А тотъ де черкашенинъ Піялко и по отпускъ посольской сидѣлъ за приставомъ у тово сотника, у Замятенки Сипягина, въ железахъ. А животовъ де того подговореного бухарца, сказываетъ, сыскали у того черкашенина у Піялки 18 тюменей. А послы де того стрельца Микитки убить не веливали, то онъ подлинно вѣдаетъ, а убилъ де себя тотъ стрелецъ самъ изъ пищали.

Кречетникъ же Михайло Мясоѣдовъ въ роспросѣ сказалъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному цѣлованью: самъ онъ съ послы в-Испогани не былъ, а отъ товарищей своихъ ото всѣхъ слышелъ, что терской стрелецъ Микитка убилъ себя изъ пищали самъ за то, что у бухарского посла подговаривалъ полоненика съ черкашениномъ со Пьялою вмѣсте, а больши де того ничего не вѣдаетъ.

И марта въ 1 де(нь), какъ былъ кизылбашской посолъ Булатъ бекъ у государя на дворѣ у бояръ въ отвѣтѣ, и бояре выговаривали послу о государевыхъ послѣхъ, о Иване Чичѣрине да о дьяке о Михайле Тюхине, что имъ у шаха во многихъ мѣрахъ было бесчестье мимо прежней обычай, чего прежнимъ государевымъ посломъ не бывало.

И посолъ Булатъ бекъ говорилъ въ отвѣтѣ царского величества бояромъ: послы де государю то сказываютъ, что имъ у шаха дѣлалось мимо прежніе обычаи, а того де не скажутъ, что они у шаха сами дѣлали. Былъ де у шаха в-Испогани бухарской посолъ, и послы велѣли у него людемъ своимъ подговорити полоненика бухарца—бывалъ

руской человѣкъ—зъ животы и велѣли ево убити изъ животовъ; а подговорилъ де ево руской человѣкъ, которой жилъ у пословъ, терской стрелецъ, и послы де того стрельца велѣли убить изъ животовъ; а животы того бухарца завладѣли сами, и того де стрѣльца закопали въ землю въ армепскомъ кладбищѣ, а сказали про него, что будто онъ убилъ себя самъ. И шахъ де того человѣка велѣлъ выкопать и осмотрить, и тотъ человѣкъ колотъ ножемъ: рапы на немъ въ трехъ мѣстѣхъ; а не исъ пищали убитъ.

И бояре, князь Иванъ Борисовичь Черкаской съ товарыщи, тѣ посолскіе рѣчи сказывали государю. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. приказалъ боярину князю Юрью Яншѣевичю Сулешову да думпому дьяку Ивану Грамотину про то допросити переводчиковъ и кречетниковъ, которые были въ Кизылбашехъ с-Ываномъ съ Чичѣрипымъ да зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ: терской стрелецъ, которой пріѣзжалъ съ посломъ въ Кизылбаши съ Терки съ вѣстьми, а въ посольскомъ спискѣ про него написано, что онъ убился исъ пищали самъ, самъ ли себя убилъ? и за что и коими обычаи убился, или велѣли ево послы убить за то, что у него взяли полопяпичьи животы? и за что его велѣли убить? и хто и коими обычаи ево убили, чтобъ про то сыскати допряма.

И марта жъ въ 13 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярипъ князь Юрьи Яншѣевичь Сулешовъ да думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, поставя передъ собою переводчиковъ Милюту Нагаева да толмача Ивана Есипова, да кречетниковъ Ѳедора Тоболина да Михайла Мясоѣдова, роспрашивали порознь, чтобъ они сказали вправду по государеву крестному цѣлованью, ни по комъ не покрывая и никого не блюдясь: терскому стрѣльцу Микиткѣ, что пріѣзжалъ къ посломъ въ Кизылбаши съ Терки съ вѣстьми, коими обычаи смерть случилась: самъ ли онъ себя исъ пищали убилъ, или послы ево велѣли убити? и за что онъ самъ себя убилъ, или послы за что его велѣли убить, и какими мѣрами ему смерть случилась, и хто ево животы завладѣлъ?

И переводчикъ Милюта Нагаевъ по своей вѣрѣ по шерти сказалъ: какъ де ѣздили государевы послы изъ Казбина къ шаху в-Испогань для отпуску, и того они терского стрѣльца Микитку имали в-Испогань съ собою жъ, а съ Михайломъ Тюхинымъ ѣздилъ в-Испогань черкашенинъ—Пьялкомъ зовутъ—бусурманъ; а в-Испогани де въ то жъ время былъ юргенской царевичь, а у него на дворѣ поставленъ былъ бухарского царя посолъ, а у тово посла былъ бухарецъ поло-

неникъ, бывалъ руской человѣкъ; да у царевича жъ на дворѣ была руская жъ полонянка жонка, а тому терскому стрѣльцу называлась сестра, и къ нимъ та жонка прихаживала: рубашки на нихъ шила и платье мыла. И послѣ того, не вѣдаютъ коими обычаи, збѣжалъ отъ бухарского тезика съ царевичева двора тотъ руской полоненикъ, а отъ Михайла Тюхина въ то жъ время збѣжалъ черкашенинъ Пьялко и пропалъ безвѣстно. И тотъ бухарской посолъ учалъ приходить къ посломъ и почалъ клепать посольскихъ людей, будто ево полоненика подговорили люди ихъ, съ деньгами, и они бъ про то велѣли сыскать. И послы де ему отказали, что отъ нихъ людей нихто не збѣжалъ, а збежалъ бусурманъ черкашенинъ Пьялко; а про его полоненика люди ихъ не вѣдаютъ. И тотъ де бухарской тезикъ о томъ на пословъ билъ челомъ шаху, и шахъ посылалъ за Пьялкою гонять в-Испогань бусурмана жъ Лачинка, и тотъ де Лачинко того черкашенина Пьялка на дорогѣ поималъ и къ шаху привелъ. И тотъ де черкашенинъ въ томъ подговорѣ, сказываютъ, говорилъ на того стрѣльца Никитку. И какъ терской стрѣлецъ услышалъ, что Пьялку сыскали и привели, и тотъ стрѣлецъ учалъ пити безмѣрно и, напився пьянъ, убилъ себя исъ пищали самъ. То онъ, Милюта, подлинно вѣдаетъ и самъ ево убитово видѣлъ. А послы ево никакъ убить не веливали, то на пословъ нѣхто затѣваетъ ложно, и убити было ево не исъ чево.

И марта же въ 18 день бояринъ князь Юрьи Яншѣевичь Сулешевъ да думной дiакъ Иванъ Грамотинъ ѣздили къ пыткѣ и у пытки переводчика Милюту Нагаева да толмача Ивана Есипова, да кречатниковъ, Федора Тоболина да Михайла Мясоѣдова, роспрашивали порознь всѣхъ накрѣпко и пыткою стращали, чтобъ они сказали вправду, не блюдяся никого и по послѣхъ, по Иванѣ Чичѣринѣ и по Михайлѣ Тюхинѣ, не покрывая: астараханской стрѣлецъ въ Кизылбашехъ исъ пищали самъ ли себя убилъ, или послы ево велѣли убить? и за что ево велѣли убить? А кизылбашской посолъ Булатъ бекъ въ отвѣтѣ государевымъ бояромъ сказывалъ, что того стрѣльца велѣли убить послы Иванъ Чичѣринъ да Михайло Тюхинъ изъ животовъ, что тотъ стрѣлецъ подговорилъ у бухарца полоненика въ животы, и раны де на немъ ножевые, а не пищальные. И они бъ сказали про то подлинно, а только они нынѣ про то подлинно не скажютъ, а впередъ про то вѣдомо учинитца окромѣ ихъ, и имъ за то быти отъ государя въ смертной казни.

И Милюта Нагаевъ въ роспросѣ у пытки сказалъ тѣ же рѣчи, что и напередъ того въ роспросѣ боярину князю Юрью Яншѣевичю

да думному діяку Ивану Грамотину сказывалъ, что астороханской стрѣлецъ убился исъ пищали самъ, а послы ево никакъ убить не веливали. Хотя ему на пыткѣ смерть своя видѣти, а на пословъ ему того нельзя затѣеть, что послы того стрѣльца убойству невинны.

Толмачь Иванъ Есиповъ въ роспросѣ у пытки же сказалъ, что стрѣлецъ подлинно убился самъ, запився и исторопясь того, что на него въ полоненичномъ подговорѣ говорилъ черкашенинъ бусурманъ Пьялко; а послы ево никакъ убить не веливали: про то имъ вѣдомо подлинно.

Кречетникъ Ѳедоръ Тоболинъ въ роспросѣ у пытки сказалъ, что онъ, Ѳедоръ, говорилъ въ роспросѣ напередъ сего, то и нынѣ говоритъ, что стрѣлецъ убился изъ пищали самъ, забражничався и исторопясь того, что на него говорилъ черкашенинъ Піялко въ подговорѣ у бухарца руского полоненика. А какъ онъ исъ пищали убился, и они то все сами слышели, какъ в-ысподи на дворѣ пищаль лунула; а Иванъ Чичѣринъ и Михайло, и они всѣ были вверху въ полатѣ. А попъ Иваповъ, которой былъ съ нимъ, того стрѣльца осматривалъ, какъ онъ убился, и погребалъ ево онъ же. А послы ево никакъ убить не веливали, про то они всѣ вѣдаютъ подлинно.

Кречетникъ же Михайло Мясоѣдовъ въ роспросѣ у пытки сказалъ, что онъ съ послы в-Ыспогани не былъ и какъ тотъ стрѣлецъ убился, того самъ не видалъ, а былъ онъ все въ Казбинѣ; а отъ товарыщевъ онъ своихъ ото всѣхъ слышелъ, что стрѣлецъ убился исъ пищали самъ; а про то онъ ни отъ кого не слыхалъ, что ево послы велѣли убить.

И марта жъ въ „ “ де(нь) бояре приговорили: переводчика Милюту Нагаева и толмача Ивана Есипова, и кречетниковъ отъ приставовъ освободить; а Михайла Тюхина за ево воровство и за измѣну сослать въ Сибирь и посадить въ тюрьму въ сибирскихъ пригородехъ, въ которомъ пригоже; а корму ему давать приговорили на день по десети денегъ.

И марта жъ въ 21 де(нь) Михайло Тюхинъ отосланъ исъ посольсково приказу въ казанской дворецъ съ приставомъ ево зъ Гуромъ Волынцовымъ; а переводчикъ Милюта Нагаевъ съ товарыщи отъ приставовъ освобожены. А память объ Михайлѣ Тюхинѣ въ казанской дворецъ къ боярину ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Ѳедору Опраксину, послана за приписью думново діяка Ивана Грамотина такова:

Лѣта 7129-го марта въ 21 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Ѳедору Опраксину. По вашему боярскому приговору посланъ въ казанской дворецъ къ тебѣ, боярину, ко князю Ивану Михайловичю, и къ діякомъ Михайло Тюхинъ, а велѣно ево за ево вину и за измѣну сослать въ Сибирь въ тюрьму, въ которой городъ пригоже; а корму указалъ государь давать ему по десети денегъ на день. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Ѳедору Опраксину, Михайла Тюхина съ Москвы въ Сибирь послать тотчасъ съ приставомъ зъ добрымъ, съ кѣмъ пригоже, и велѣти ево посадить въ Сибири въ тюрьму, въ которомъ городѣ пригоже, и всего ему корму давати на день по десети денегъ. А безъ государева указу исъ тюрьмы ево выпускать и къ Москвѣ отпускать не велѣть. Думной діакъ Иванъ Грамотинъ.

Лѣта 7131-го марта въ 16 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да діакомъ, Ивану Болотникову да Федору Опраксину, да Ѳеопасью Истомину, указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. сослать съ Москвы въ Сибирь Михайлову жену Тюхина къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ сосланъ отъ васъ же исъ приказу; а Михайлу Тюхину велѣлъ государь быть на житьѣ въ Сибири и свою государеву службу служить съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Ѳедору Опраксину, да Ѳеопасью Истомину, Михайлова жена Тюхина сослать въ Сибирь къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ нынѣ, съ кѣмъ пригоже; а Михайлу Тюхину велѣти въ Сибири служить государева служба съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ въ дѣтехъ боярскихъ; а къ Москвѣ ево безъ государева указу отпускати не велѣти.

Въ прошломъ во 129-мъ году марта въ 21 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. посланъ въ казанской дворецъ Михайло Тюхинъ, а велѣно его сослать въ Сибирь въ тюрьму въ которой городъ пригоже, а корму ему велѣно давати по 10 де(негъ) на день.

А въ прошломъ во 131-мъ году марта въ 16 день послана исъ посольского приказу въ казанской дворецъ память, а велѣно по

государеву указу сослать съ Москвы въ Сибирь Михайлову жену Тюхина къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ сосланъ отъ нихъ исъ приказу; а Михайлу Тюхину велѣно въ Сибири служить государева служба съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ, въ дѣтехъ боярскихъ; а къ Москвѣ безъ государева указу отпускати не велѣно.

Приписка: 142-го октября въ 7 де(нь) государь пожаловалъ, велѣлъ Михайла Тюхина исъ Сибири взяти къ Москвѣ и подводки дати. И по сей выпискѣ и помѣты память въ казанской дворецъ послана октября въ 9 день, а велѣно Михайла исъ Сибири взяти къ Москвѣ и подводки дати. А черная память вклеена подъ дѣломъ Михайла Тюхина.

Лѣта 7142-го октября въ 9 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память боярину князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкаскому да діакомъ, Федору Папову да Ивану Переносову. Въ прошломъ во 129-мъ году марта въ 21 день посланъ въ казанской дворецъ Михайло Тюхинъ, а велѣно его сослать въ Сибирь въ тюрьму въ которой городъ пригоже. А въ прошломъ во 131-мъ году марта въ 16 день послана исъ посольского приказу въ казанской же дворецъ память, а велѣно сослать съ Москвы въ Сибирь Михайлову жену Тюхина къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ сосланъ исъ казанского жъ приказу; а Михайлу Тюхину велѣно въ Сибири служить государева служба съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ въ дѣтехъ боярскихъ, а къ Москвѣ ево безъ государева указу отпускати не велѣно. И нынѣ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р., помнпая души отца своего блаженные памяти великого государя святѣйшего патріарха Филарета Никитича московского и всеа Русіи, Михайла Тюхина пожаловалъ, велѣлъ его исъ Сибири взяти къ Москвѣ и подводки дати. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкаскому да діакомъ, Федору Папову да Ивану Переносову, велѣти Михайла Тюхина исъ Сибири взяти къ Москвѣ и подводки ему дати.

Память послана съ толмачемъ съ Остаѳьемъ Онисимовымъ того жъ дни; а помѣта о томъ съ выпискою вклеена с-ыпыми опальными выписками подъ дѣломъ Бориса да Михайла Салтыковыхъ у Григорья у Львова.

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьютъ челомъ торговые люди гостиные сотни Ромашко Лукъяновъ сынъ Лукошковъ да суконной сотни Ерооейко Макаровъ. Выбраны мы къ твоей государевѣ опальной рухледи въ посольской приказъ, што, государь, продано, въ томъ и роспись дана и отпись взята; а што, государь,

достальново товару осталось, и тому, государь, письмо дано. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Оедоровичь в. Р., пожалуй. государь, насъ, сиротъ своихъ, вели, государь, у насъ тое рухледь взять и отпись, государь, дать, а насъ обменить; а мы тебѣ, государю, служимъ съ Евдокѣина дни шестой годъ; а мы, государь, сироты твои. сидечи, проѣлись и одолжали, государь, великимъ долгомъ, и чтобы мы впередъ у твоей царьской службы не остались и впредь не погибли. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

И въ прошломъ во 130-мъ году в-ыюлѣ дано изъ посольского приказу цѣловальникомъ москвичемъ торговымъ людемъ Михайлу Порывкину, Роману Лукошкову, Ерофею Романову на продажу Михайловы рухледи Тюхина на 225 рублевъ и на 31 алтынъ съ деньгою, а велѣно имъ тое рухледь продать.

И во 131-мъ году в-ыюлѣ взято у цѣловальниковъ за Михайлову рухледь денегъ ихъ продажи 125 рублевъ и 28 алтынъ 2 деньги. Да у нихъ же изъ рухледи взято безъ денегъ: треодь цвѣтная— 3 рубли съ полтиною, по государеву указу и по подписной челобитной отдана за Лузу въ богадѣльню. 2 ковра, одинъ 6 рублевъ, другой 4 рубли, отданы на свадьбу царевичю Михайлу Кайбулину. (И все)го у цѣловальниковъ взято деньгами и рухледью на 139 рублевъ и на 11 алтынъ 4 де(ньги). Да въ прошломъ во 134-мъ году въ маѣ, какъ Китай горѣлъ и ряды всѣ погорѣли, и цѣловальники Романъ Лукошковъ да Ерофѣй Романовъ принесли въ посольской приказъ Михайлове рухледи Тюхина, что у нихъ за пожаромъ осталось и что въ пожаръ пропало, роспись безъ цѣны. А по росписи пропало у нихъ въ пожаръ: въ коробкѣ 13 рублевъ денегъ, 4 ширинки, дороги, изуѳь, 2 ѳаты, 2 зендени, попонишко. А по росписи, какова имъ дана изъ посольского приказу съ цѣною, пропало у нихъ рухледи въ пожаръ на 10 рублевъ и на 28 алтынъ на 2 де(ньги). Да деньгами пропало 13 рублевъ, и всего на 23 рубли и на 28 алтынъ на 2 де(ньги). И всего у цѣловальниковъ продано Михайловы рухледи на деньги и что у нихъ взято безъ денегъ и что въ пожаръ пропало—на 163 рубли и на 6 алтынъ на 4 де(ньги). А осталося у целовальниковъ Михайловы рухледи послѣ пожару по ихъ же росписи: 2 платна кизылбашскихъ золотныхъ, чапракъ золотной, однорядка червчата полушарлатна, 6 луковъ кизылбашскихъ, попона турецкая, попона покромная руская, 7 хозовъ, сабля булатная безъ наконечника, 3 саѳьяна попорчены, 3 саѳьяна желтыхъ, 6 саѳьяновъ зеленыхъ полиняли, 2 мешины зеленыхъ, замша вишнева, 2-и сапоги, 2 ступни. Тесьмы всѣ цѣлы, а

сколько ихъ, того не написано. 3 ножика булатныхъ, ножъ руской да вилки, выбойка, нашивка лазорева, мишуришко, корень отъ лихоратки. А по росписи, какова имъ дана исъ посольскова приказу съ цѣною осталось у нихъ той рухледи послѣ пожару на 86 рублевъ и на 21 алтынъ на 2 де(ньги).

Роспись, что осталося послѣ пожару Михайловы рухледи Тюхина:

Тесьма ткана въ крушки, шолкъ зеленъ съ серебромъ, мѣрою одиннатцати аршинъ, цена по десяти алтынъ аршинъ; тесьма ткана въ крушки, шолкъ зеленъ, по краямъ тканъ шолкъ тоусиной съ полузолотьемъ, восемь аршинъ съ четью, по гривнѣ аршинъ; тесма зелена, мѣрою четырнатцать аршинъ, цена по гривнѣ аршинъ, остатокъ тесьмы, тоусиной цвѣтъ, шесть аршинъ съ четью, цена по гривнѣ ар(шинъ); портище нашивки лазоревы (да вишне)вые, кавтанные—цена десеть алтынъ; вилки, черенъ костяной, цѣна десеть денегъ; три ножика булатные черепки х. . ные, по полтинѣ ножъ; ножъ булатной, руское дѣло, черенъ костя . . . въ ножнахъ—восемь алтынъ двѣ деньги; да корицы немного, связочка мишуры; корень отъ лихоратки. . . . . чято полушарлато коло . . . . съ серебромъ безъ завя . . . . . мышь попортила въ по(латѣ), попона турецкая ветчана, згнила въ полате —дватцать алтынъ; попона покровная руская—десеть алтынъ; лукъ мешетцкой писанъ золотомъ по зеленому левкасу—два рубли; лукъ писанъ золотомъ по зеленому левкасу—полтора рубли; лукъ писанъ по зеленой краскѣ ру . . .; три луки оберещены кам . . . . тцати по пяти алтынъ лукъ; сабля булатная, хось обьяринень, оправлена серебромъ безъ накопечника —семь рублевъ; три саѳьяновъ жолтыхъ, погнили въ полатѣ, по десяти алтынъ саѳьянъ; три саѳьяна жолтыхъ, погнили, по пятнатцати алтынъ саѳьянъ; шесть саѳьяновъ зеленыхъ, погнили—по рублю по (де)сяти алтынъ. Исъ того . . . . . дьячей Оле . . . . . пожару два саѳьяна зеленъ да жолтой, две мешины зеленыхъ десяти алтынъ, семь хозовъ объяринныхъ по дватцати по пяти алтынъ хозь; . . . . . (в)ишневая—восмь алтынъ . . . . . (де)ньги . . . . . саѳьянные червчеты тринатцать алтынъ двѣ деньги; двои башмаки объяринные, одни пять алтынъ, а другіе—гривна; сапоги зеленые—тринатцать алтынъ двѣ деньги; кавтанъ кизылбашской отласенъ, а на немъ люди стоячіе и сидячіе, золотъ и розные шолки по зеленой землѣ, подложенъ киндякомъ червчотымъ—пятнатцать рублевъ; кавтанъ кизылбашской отласенъ, а на немъ люди конные и пѣшіе розными шолки съ золотомъ по зеленой землѣ подложенъ дорогами двоеличными—десеть рублевъ; чепракъ шитъ по отласу червчетому золотомъ и серебромъ и шолки розными люди . . . . . .

По склейкамъ: Къ сей росписи Романъ Лукошковъ руку приложилъ. *На оборотѣ*: Къ сей росписи Дружинка Ивановъ въ Ероѳѣево мѣсто Макарова по ево челобитью руку приложилъ.

Такову роспись за руками своими подали въ посольскомъ приказѣ торговые люди, которые продавали Михайлову рухлядь Тюхина, что у нихъ тоѣ рухляди послѣ пожару осталося и что которой рухледи цена.

Да сыскано въ посольскомъ приказѣ въ Олексѣевѣ ящикѣ Шахова послѣ его ссылки, какъ опъ по государеву указу сосланъ съ Москвы на Уржумъ, Михайловы рухляди Тюхина, его рука выписка, колько было тое Михайловы рухляди отдапо исъ посольского приказу продавать торговымъ людемъ, и что у пихъ было продано и что у пихъ (въ п)ожаръ згорѣло, и что осталось послѣ пожару на лицо; а тоѣ Михайлову рухлядь до ссылки вѣдалъ опъ, Олексѣй Шаховъ.

$\frac{1621}{7129}$ авг. 5—іюля 7-го 1622 г. Дѣло по доношенію астраханскихъ воеводъ о терскомъ боярскомъ сынѣ Сипягинѣ, и о высылкѣ подъ стражею въ Москву по причинѣ сношенія его съ братомъ, бывшимъ въ Персіи и обесурманившемся. На 21 листѣ.

Государю ц. и в. кн..... всеа Русіи холоп..... Измайловъ В..... государь, въ 129-мъ..... холопи твои къ тебѣ..... Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ станишникомъ съ астараханскимъ сотникомъ стрелетцкимъ зъ Дмитреемъ Горожанкипымъ, что по твоему государеву указу велено намъ, холопемъ твоимъ, прислать къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ, съ нарочнымъ приставомъ, терского сына боярского Серегу Сипягина. И мы, холопи твои, того Сереги къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ полемъ въ станицѣ не послали для того, что полемъ уберечь ево не мочно, а велѣли ево до весны держать за приставы съ великимъ береженьемъ и спускать ево пи съ кѣмъ не велѣли; а на веснѣ ево пришлемъ мы, холопи твои, къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ съ нарочнымъ приставомъ водянымъ путемъ. И мы, холопи твои, тово Серегу Сипягина изъ Астарахани къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ отпустили маія въ 18 день съ астрахапцомъ сыномъ боярскимъ, съ Микиѳоромъ Порѣцкимъ водянымъ путемъ, давъ ему стругъ и кормщика, и гребцовъ; а велѣли, государь, Микиѳору Серегу Сипягина, ѣдучи до Москвы, беречи накрепко, а на Москвѣ велѣли ему съ пимъ явитись въ посольскомъ приказѣ твоимъ госу-

даревымъ діакомъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Романчюкову.

На адресѣ: 129-го августа въ 5 де(нь) съ астороханцомъ съ Микиѳоромъ Порѣтцкимъ.

А на Москвѣ въ роспросѣ Сергѣй Сипягинъ сказалъ: родомъ онъ ростовецъ Савинъ сынъ Сипягина; а отецъ ево служилъ съ городомъ съ Ростова. И какъ учало быти при царѣ Борисѣ лихолѣтье, и онъ почалъ прихаживать отъ бѣдности у головы стрелетцкого у Смирново Маматова и зъ братомъ своимъ роднымъ съ Оникейкомъ, а прозвищемъ Заматенкою. А какъ при царѣ же Борисѣ посланъ былъ Смирной Маматовъ на государеву службу въ Шевкалы съ окольничимъ с-Иваномъ Михайловичемъ Бутурлинымъ съ товарыщи, и онѣ оба брата были на той службѣ съ Смирнымъ же. И какъ турскіе и кумытцкіе люди приходили къ Таркамъ на государевы люди и государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей побили и въ полонъ поимали, и городъ Тарки взяли, и въ тѣ поры брата ево родново Замятенку Сипягина взяли въ полонъ турскіе люди, а онъ, Серешка, отшелъ на Терекъ вмѣсте съ окольничимъ съ Петромъ съ Петровичемъ Головинымъ и съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста служитъ государеву службу съ Терского города. А про брата своего про Замятенку провѣдалъ онъ отъ выходцовъ, которые вышли исъ Кизылбашъ, отъ Ѳѳонасья Благово: какъ де шахъ Аббасъ взялъ у турского городъ Шемаху, а ихъ взялъ въ Шемахѣ же, а онѣ де сидѣли въ тюрьмѣ. И шахъ де рускихъ людей князя Володимера Бахтеярова, Ѳѳонасья Благово, Семена Чюркина, Тимоѳея Совина и иныхъ многихъ рускихъ людей отпустилъ изъ Шемахи на Русь; а про брата ево сказалъ ему Ѳѳонасей Благой, что брата ево оставилъ шахъ у себя, а на Русь ево не отпустилъ, и съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста братъ ево въ Кизылбашехъ. И какъ былъ на Теркѣ окольничей Петръ Петровичь Головинъ, и онъ, доложа ево, писалъ въ Кизылбаши къ брату своему зъ Григорьемъ Шахматовымъ грамотку, чтобъ помня православную хрестьянскую вѣру, обратился на истину и ѣхалъ исъ Кизылбашъ къ государю. И какъ Григорей пріѣхалъ отъ шаха назадъ, и онъ ему сказалъ, что братъ ево служитъ шаху и грамотку ему ево онъ отдалъ, а отъ него ему грамотки не привезъ, а словомъ ему сказалъ, что де брату ево ѣхать отъ шаха невозможно: шахъ ево отъ себя не отпуститъ. А послѣ того, какъ шли къ шаху государевы послы, князь Михайло Борятинской съ товарыщи, и онъ, Сергѣй, писалъ къ брату своему съ астороханскимъ стрельцомъ съ Кузьмою съ Сухоруковымъ грамотку о обращеньѣ жъ, что онъ попомнилъ православную хрестьянскую вѣру и государево крестное

целованье, ѣхалъ къ государю. И стрелецъ назадъ пріѣхалъ зъ государевыми жъ послы вмѣстѣ, а грамотки къ нему отъ брата не привезъ, а сказалъ, что онъ грамотку ево послалъ къ брату ево с-нымъ съ терскимъ стрельцомъ, а самъ ево не видалъ. А въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, что послѣднюю грамотку писалъ, не сказавъ воеводамъ. А послѣ того онъ ни о чемъ къ брату своему не писывалъ и къ нему отъ брата ево грамотка никакова не бывала, и словомъ къ нему братъ ево ни съ кѣмъ ни о чемъ не приказывалъ, только онъ про брата своего и услышитъ отъ пріѣзжихъ, что онъ живъ. А грамотки отъ него къ брату ево писалъ подъячей астороханской Гарасимко, а чей словетъ, того не упомнитъ. А черныхъ грамотокъ у него нѣтъ, а самъ онъ грамотѣ не умѣетъ.

И выписано въ докладъ:

Терсково города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ по государевѣ грамотѣ присланъ изъ Асторохани съ приставомъ для того, что онъ ссылался въ Кизылбаши зъ братомъ своимъ роднымъ зъ Замятенкою Сипягинымъ грамотками; а братъ его бусурманился и живетъ у шаха въ толмачѣхъ

А Сергѣй Сипягинъ на Москвѣ въ роспросѣ сказалъ, что онъ сперва при окольничемъ Петрѣ Петровичѣ Головинѣ писалъ въ Кизылбаши къ брату своему къ Замятенкѣ грамотку о обращеньѣ къ православной хрестьянской вѣрѣ и къ государю, доложа Петра Головина, зъ Григорьемъ Шахматовымъ, а другую де грамотку писалъ къ брату жъ своему грамотку о обращенье жъ съ астороханскимъ стрельцомъ въ тѣ поры, какъ шли въ Кизылбаши князь Михайло Борятинской съ товарыщи, и въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, что ту послѣднюю грамотку писалъ, не сказавъ воеводамъ; а отъ брата къ нему грамотки никакіе николи не бывало и словомъ къ нему братъ ево ни о чемъ не приказывалъ, только онъ про брата своего и слышитъ отъ пріѣзжихъ, что онъ живъ.

И 129-го же августа въ 15 де(нь) на праздникъ Успенія Пречистые Богородицы государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. Серешку Сипягина пожаловалъ, опалу свою ему отдалъ и отъ пристава свободить велѣлъ. А указалъ государь ево сослать и зъ женою на житье въ Великій Новгородъ и свою государеву службу велѣлъ ему служить изъ Великого Новагорода, и испомѣстить ево велѣлъ съ ноугородцкими помѣщики вмѣстѣ. А покамѣста его испомѣстятъ, и ему и зъ женою велѣлъ государь давати кормъ, какъ имъ мочно сытимъ быти.

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой терского города сынчишко боярской Серешка Сипягинъ. Служилъ я, холопъ твой, тебѣ государю всякіе твои государевы службы городовые и отсылочные съ терского города семнацать лѣтъ, и въ прошломъ, государь, во 128-мъ году по твоему государеву указу взятъ я, холопъ твой, съ Терка с-ыльпна дни и посланъ къ Москвѣ за приставомъ къ тебѣ, государю, по своей винѣ, и вина моя страдничья тебѣ, государю, извѣстна, что здѣлалося мнѣ свой простотою по моимъ грехомъ. И страдалъ я грехомъ своимъ до Москвы и на Москвѣ за приставомъ сто двадесять девятаго году по Успеньевъ день Пресветѣй Богородицы, и милость твоя царьская взыскалася надо мною, холопомъ твоимъ, пожаловалъ ты, государь, меня, холопа своего: велено меня отъ пристава освободить на Успеньевъ день и велено мнѣ, холопу твоему, служить твою царьскую службу с-ыново города, а не съ Терка и велено мнѣ быть на Москвѣ до твоего царьского указу. И я, бѣдной, на Москвѣ скитаюся межъ дворъ и умираю голодною смертью безъ твоего царьского жалованья безъ корму; а твоимъ царьскимъ денежнымъ жалованьемъ и хлебнымъ у тебя, государя, не пожалованъ на нынешней сто тридесятой годъ и на прошлой сто двадесятъ девятой; а окладъ мнѣ, холопу твоему, твоего государева жалованья въ казанскомъ дворцѣ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, холопа своего, чѣмъ бы мнѣ, холопу твоему, прокормитися, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ, чтобы мнѣ, бѣдному, до твоей государевы службы голодною смертью не умереть и впредь бы твоей царьскіе службы не отстать. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Помѣта: Указалъ государь его поверстати и кормецъ ему дати почему доведетця, доложа себя, государя.

Другая помѣта тутъ же: поднести дѣло.

А въ памяти исъ казанскова дворца написано:

Лѣта 7130-го ноября въ 5 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову, въ приказъ казанского дворца къ боярину ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Ѳедору Опраксину. Въ памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велѣти бъ отписати къ вамъ въ посольской приказъ: какъ служилъ государю исъ терского города Сергѣй Сипягинъ, и ему что было на Теркѣ государева годового денежного и хлѣбного жалованья и помѣснымъ окладомъ онъ верстанъ ли? и будетъ верстанъ,

и что ему помѣсной окладъ? И въ приказѣ казанского дворца по терскимъ по окладнымъ книгамъ 128-го году терскому сыну боярскому Сергѣю Сипягину государева годового жалованья написано: денегъ четырнатцать рублевъ да хлѣба четырнатцать чети ржи, овса тожъ. Да ему жъ придано на Москвѣ за царскую за вольскую службу 128-го году за убитого мужика, за другова раненова денегъ два рубли да хлѣба противъ денегъ. И всего ему окладъ и съ придачами шестнатцать рублевъ да хлѣба шестнатцать чети ржи, овса тожъ. А помѣсного окладу Сергѣю въ окладныхъ книгахъ не написано, потому что терскихъ детей боярскихъ помѣсными оклады не верстаютъ и помѣстей за ними не живетъ, а даютъ имъ въ помѣстья мѣсто годовое жалованье деньги да хлѣбъ.

Подпись: Діакъ Ѳедоръ Опраксинъ.

По склейкамъ скрыта: Ду|мной| ді|акъ| Иванъ| Гра|мо|ти|пъ. Справилъ Иванъ Кочерницынъ.

И государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ Сергѣй Сипягинъ, чтобъ ево государь пожаловалъ, велѣлъ ево своимъ государевымъ жалованьемъ помѣстнымъ окладомъ и денгами поверстать, а покамѣста ево въ Новѣгородѣ испомѣстятъ, и его бъ государь пожаловалъ, велѣлъ ему зъ женою и зъ детьми давать кормъ, какъ государю (Богъ) извѣститъ.

Приписка: 130-го сентября въ 10 де(нь) государь пожаловалъ, велѣлъ ево послать въ Новгородъ на житье и служити съ новгородцы и испомѣстить велѣть изъ лишковъ и изъ выморковъ, не изволоча, а покамѣста испомѣстятъ, велѣть до тѣхъ мѣстъ давать корму на день по десяти денегъ; а окладъ ему учиненъ 250 чети, денегъ зъ городомъ 14 рублевъ.

Царю г. и в. кн. Михайлу Фодоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой бѣдной терскова города сынчишко боярской Серешка Сипягинъ. Велѣно мнѣ, холопу твоему, по твоему государеву указу твоя государева служба служить съ Великова Новагорода и велѣлъ мнѣ, холопу своему, свой царьской кормъ давать, покамѣста по твоему государеву указу помѣсная дача будетъ. И мнѣ, холопу твоему, дано твоего государева жалованья корму дано на два мѣсеца по первое число декабря, и съ тѣхъ мѣстъ грѣхомъ своимъ занемогъ, съ того числа твоего государева жалованья корму не дано третей мѣсяцъ, и я, холопъ твой, умираю, межу дворъ бродя, голодною смертью; а годовымъ твоимъ государевымъ жалованьемъ не пожалованъ другой годъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй

меня, холопа своего своимъ царьскимъ жалованьемъ на тѣ прошлые дни кормомъ, какъ тебѣ, государю, Богъ известитъ, чтобы мнѣ, бѣдному, голодною смертью не умереть, волокучися къ Великому Новугороду и впередъ твоей царьской службы не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю государю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой терсково города бѣдной сынчишко боярской Серешка Сипягинъ. По твоему государеву указу велѣно мнѣ, холопу твоему, служить твоя царьская служба съ Великого Новагорода и посылаютъ меня, холопа твоего, въ Великій Новгородъ, а женишка моя и детишка на Теркѣ помираютъ голодною смертію, а промыслити ими нѣкому. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р., пожалуй меня, холопа своего бѣднова, вели, государь, женишко мое зъ детишками саму четверту и съ рухледишкомъ съ Терка прислать къ Москвѣ съ моимъ съ свояком̀ъ съ Архипомъ съ Микиооровымъ съ терскимъ толмачемъ, и вели, государь, женишку моему и зъ детишки свояку моему Архипу дать своего царского жалованья корму и подводокъ, на чомъ бы ихъ бѣдныхъ доволочь до Москвы и голодною бъ смертію не помереть, какъ тебѣ, государю, Богъ известитъ. И вели, государь, дать свою государеву грамоту на Терекъ къ своимъ государевымъ воеводамъ о томъ Архипѣ объ отпускѣ, чтобъ свояка моего по твоему государеву указу съ Терка отпустили съ твоимъ государевымъ дѣломъ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ о се лѣто въ карованѣ, чтобъ намъ въ розни зъ женишкомъ и зъ детишки волочась, въ конецъ не погинуть и твоей бы царьской службы мнѣ, холопу твоему, впредь не отбыть. А до ково, государь, будетъ свояку моему Архипу и женишкѣ моей на Теркѣ дело обиде, вели, государь, давать свой царьской судъ и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ: Дать грамота, велѣть съ нимъ прислать и подводки велѣть дать.

Лѣта 7130-го февраля въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память Ивану Михайловичю Пушкину да дьякомъ, Семену Головину да Богдану Поздѣеву. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. терского города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ. По государеву указу велено ему государева служба служить изъ Великово Новагорода и испомѣстить велѣно въ Новѣгородѣ, а покамѣста его испомѣстятъ, и ему де велено давать государева жалованья поденово корму по десети денегъ на день, и ему де дано здѣся на Москвѣ государева жалованья поденново корму только

на два мѣсяца, на октябрь да на ноябрь, а после де того онъ занемогъ и по ся мѣста лежалъ боленъ; а корму де ему не давывано третей мѣсяцъ. А нынѣ посылаютъ его съ Москвы въ Новгородъ и ему де нынѣ на Москвѣ и ѣдучи дорогою ѣсти нѣчего, помираетъ голодною смертью, и государь бы его пожаловалъ, велѣлъ ему свое государево жалованье кормъ на прошлые мѣсяцы дать. И по государеву ц. и. в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу Ивану Михайловичю Пушкину да дьякомъ Семену Головину да Богдану Поздѣеву велѣти Сергѣю Сипягину государево жалованье поденной кормъ на прошлые мѣсяцы на декабрь да на генварь и ѳеврля по 17 число дать по десети денегъ на день: то ему въ дорогу и до Великого Новагорода.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Великій Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Данилу Ивановичю Мезетцкому да дьякомъ, Михайлу Милославскому да Добрынѣ Семенову. По нашему указу посланъ къ вамъ въ Новгородъ съ толмачомъ съ Мочакомъ Кучюмовымъ терсково города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ, а велено ему наша служба служить изъ Великого Новагорода зъ детьми боярскими и въ служилой списокъ указали есмя ево написать нашимъ жалованьемъ помѣстьемъ и испомѣстить его велѣли въ ноугородцкихъ пятинахъ изъ лишнихъ и изъ выморочныхъ земель, гдѣ пріищетъ; а покамѣста его испомѣстятъ, и мы до тѣхъ мѣстъ указали ему давать поденной денежной кормъ по десети денегъ на день. А нашимъ жалованьемъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ Сергѣй Сипягинъ поверстанъ на Москвѣ, а учиненъ ему помѣстной окладъ двѣсте пятьдесять чети, денегъ зъ городомъ четырнатцать рублевъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Мочакъ Кучюмовъ съ Сергѣемъ Сипягинымъ къ вамъ въ Новгородъ пріѣдетъ, и вы бъ Сергѣю Сипягину велѣли быти въ Новѣгородѣ и пашу службу велѣли ему служить изъ Великого Новагорода съ пятинами вмѣстѣ, и въ служилой списокъ велѣли ево написать и испомѣстить ево велѣли въ ноугородцкихъ пятинахъ изъ лишнихъ и изъ выморочныхъ земель, гдѣ пріищетъ, не изволочась; а покамѣста ево испомѣстятъ, и вы бъ велѣли ему давать нашего жалованья поденново денежново корму по десети денегъ на день. А которово числа Мочакъ Кучюмовъ съ Сергѣемъ къ вамъ въ Новгородъ пріѣдетъ и вамъ ево отдастъ, и вы бъ о томъ отписали къ намъ съ нимъ же, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ діякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7130-го марта въ 7 де(нь).

Лѣта 7130-го марта въ 10 де(нь) по государеву ц. и в. кн.

Михаила Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Ѳедору Опраксину. Билъ челомъ государю терсково города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ: по государеву указу велено ему служить государева служба изъ Великого Новагорода и въ Новгородъ онъ посланъ; а жена де его и дѣти (*и проч.*). И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. Сергѣя Сипягина пожаловалъ, жену и дѣтей велѣлъ съ Терки отпустить къ Москвѣ и подводки и кормъ въ дорогу, чѣмъ имъ сытимъ быть, велѣлъ государь дати. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Ѳедору Опраксину, послать имъ на Терекъ къ воеводамъ государева грамота, а велѣть Сергѣеву жену Сипягина отпустити къ государю къ Москвѣ съ своякомъ съ Сергѣевымъ, съ терскимъ толмачомъ съ Архипомъ Микиоровымъ, и подводки имъ, на чемъ мочно поднятца, а водянымъ путемъ судно и гребцовъ, противъ подводъ, велѣти дать, и кормецъ ей и дѣтемъ еѣ въ дорогу отъ Терки до Москвы велѣть дать, какъ пригоже, не отъ велика, чтобъ съ голоду не померли. А съ кѣмъ еѣ къ Москвѣ пришлютъ, и тому съ Сергѣевою женою и зъ детьми велѣти явитись въ посольскомъ приказѣ діякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову. А будетъ на Теркѣ воеводамъ учнетъ на кого Сергѣева жена бить челомъ о долгѣхъ, и они бъ ей на тѣхъ людей давали судъ и по суду своему и по сыску чинили ей указъ безволочно, и отпустили бъ есте ее къ намъ къ Москвѣ, не издержавъ.

Лѣта 7130-го іюля въ 7 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчюкову. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Сергѣй Савинъ сынъ Сипягинъ: въ нынешнемъ де во 130-мъ году въ великой постъ по государеву указу велено ему государева служба служить изъ Великого Новагорода и испомѣстить въ Великомъ Новѣгороде, и государева де грамота ему о томъ въ Великій Новгородъ исъ посольского приказу дана. И по той де государеве грамотѣ онъ испомѣщенъ въ Новгородцкомъ уѣздѣ, въ Бежетцкой пятинѣ, въ Удомепской волости. И по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу діакомъ, думпому Ивану Грамотину да Саве Романчукову, велѣти имъ выписати изъ отпуску, какъ велепо Сергѣю Сипягину изъ Великого Новагорода государева служба служить и испомѣстить ево въ Великомъ Новѣгородѣ велено-ль? и будетъ велено и на сколько чети, и что ему помѣстной окладъ, и по чьему вер-

станью? да та выпись прислати въ помѣсной приказъ къ боярину ко князю Ондрѣю Васильевичю Ситцкому да къ Якову Михайловичю Боборыкину, да къ дьякомъ, къ Ондрѣю Варѣеву да къ Ивану Грязеву. *Подпись:* Діакъ Ондрѣй Варѣевъ.

На оборотѣ: Отписать.

Лѣта 7130-го іюля въ „ “ день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ондрѣю Васильевичю Ситцкому да Якову Михайловичю Бобарикину, да дьякомъ, Ондрѣю Варѣеву да Ивану Грязеву, въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Ивану Грамотину да къ Саве Раманчюкову. Въ памяти за твоею, Ондрѣевою, приписью написано: билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. Сергѣй Савинъ сынъ Сипягинъ. Въ нынешнемъ де во 130-мъ году въ великой постъ по государеву указу велено ему государева служба служить изъ Великого Новагорода и испомѣстить въ Великомъ Новѣгородѣ, и государева де грамота ему о томъ въ Великій Новгородъ исъ посольского приказу дана, и по той де государевѣ грамотѣ онъ испомѣщенъ въ ноугородцкомъ уѣздѣ въ бѣжетцкой пятинѣ въ Удомской волости, и въ посольскомъ бы приказѣ велѣти выписать изъ отпуску, какъ велѣно Сергѣю Сипягину изъ Великого Новагорода государева служба служить и испомѣститъ ево въ Великомъ Новогородѣ велено-ль? и будетъ велено, и на колько чети и что ему помѣсной окладъ, и по чьему верстанъ? да та выпись велено прислати къ вамъ въ помѣсной приказъ. И выписано въ посольскомъ приказѣ: въ нынешнемъ во 130-мъ году сентября въ 1 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу велено терского города сыну боярскому Сергѣю Сипягину служить государева служба изъ Великого Новагорода съ пятиною вмѣстѣ и помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ поверстанъ онъ въ посольскомъ приказѣ, а учиненъ ему помѣсной окладъ двѣсте пятьдесятъ чети денегъ зъ городомъ четырнатцать рублевъ. Помѣта думново діяка Ивана Грамотина. И отпущенъ Сергѣй въ Великій Новгородъ исъ посольского приказу въ нынешнемъ же во 130-мъ году марта въ 7 де(нь), и государева грамота объ немъ въ Великій Новгородъ къ боярину и воеводѣ ко князю Даніилу Иваповичю Мезетцкому съ товарыщи послана, а велено Сергѣя Сипягина написать въ Новѣгородѣ въ служивой списокъ и испомѣстить ево велѣно въ ноугородцкихъ пятинахъ изъ лишнихъ и изъ выморочныхъ земель, гдѣ пріищетъ, не изволочась, а покамѣста ево испомѣстятъ, и ему велено въ Новегороде давать государева жалованья поденной денежной кормъ

по десяти денегъ на день. А дано-ль ему въ Новѣгороде государево жалованье помѣстье, или не дано, и о томъ изъ Новагорода къ государю въ посольской приказъ по ся мѣста не писывали.

1619 маія 29. Отписка терскаго воеводы Никиты Вельяминова о разглашеніи нѣкоторыми персидскими тезиками, будто король польской завладѣлъ Россійскимъ государствомъ. Отпускъ государевой грамоты о прекращеніи таковыхъ слуховъ. На 7 листахъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Микитка Вельяминовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 127-мъ году маія въ 29 день извѣщалъ тебѣ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. толмачь Ермошка Григорьевъ сынъ Цывиленинъ, а сказалъ, что сказывалъ де, государь, ему, Ермошкѣ, кизылбашсково Обазъ шаховы области пріѣзжей тезикъ Асанъ Алей, которой пріѣхалъ изъ Кизылбашъ, на тезиковъ же, на Алѣя да на Шихъ Назара, буттося де, государь, тѣ тезики, Алѣй и Шихъ Назаръ, говорили ему, Асанъ Алѣю, про тебя, государя, буттося литовской король завладѣлъ твоею государевою землею всею. И я, холопъ твой, посылалъ сына боярсково Ивана Кондратьева да толмача и велѣлъ ево, тезика Асанъ Алѣя, поставити передъ собою съ толмачомъ, съ Ермолкою Григорьевымъ съ очи на очи и ево розпрашивалъ. И тезикъ, государь, Асанъ Алѣй съ толмачомъ съ Ермолкою съ очи на очи сказалъ: какъ де я, холопъ твой, отпустилъ въ Кизылбаши къ твоимъ государевымъ посломъ сына боярсково Первова Лукина, а съ нимъ, государь, я, холопъ твой, писалъ, что прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя государева грамота, что Божіею милостію и твоимъ государевымъ счастьемъ подъ Москвою и во многихъ мѣстехъ польскихъ и литовскихъ людей побили, и миръ у тобя, государя, съ королемъ учинился на четырнатцать лѣтъ. И тезикъ де, государь, Шихъ Назаръ, такое слово говорилъ, отъ ково де посылаютъ въ Кизылбаши—тебя де, государя, на Московскомъ государствѣ нѣтъ; а у тезика де, у Алѣя, онъ, Асанъ Алѣй, такова слова не слыхалъ. И я, холопъ твой, велѣлъ тезика Шихъ Назара поставити передъ собою и его, Шихъ Назара, розпрашивалъ съ тѣмъ съ Опалѣемъ съ очи на очи, и тезикъ Шихъ Назаръ ко мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что онъ такова слова ни у ково не слыхалъ и тезику Асанъ Алѣю не говаривалъ. А тезикъ Асанъ Алѣй съ нимъ, съ Шихъ Назаромъ, на очной ставкѣ сказалъ, что подлинно де онъ у него, у Шихъ Назара, такое слово про тебя, государя,

слышалъ. И я, холопъ твой, тѣмъ тезикомъ говорилъ, чтобы онѣ такова слова впередъ не вмѣняли: ты, великій государь, на Московскомъ государствѣ, далъ Богъ, здравъ и многолѣтенъ и съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ въ мирномъ постановленіѣ, сами онѣ, тезики, то вѣдаютъ, какъ за тобя, государя, Бога молили и пушечную стрельбу слышели, какъ стрѣляли на радости. И тѣхъ тезиковъ, Асанъ Алѣя и Шихъ Назарка, безъ твоего государева указу пытати и за пристава ихъ дати не смѣлъ, потому что въ твоей государевѣ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамотѣ за приписью твоего государева дьяка Петра Третьякова писано ко мнѣ, холопу твоему, а велено, государь, мнѣ, холопу твоему, отъ шахова величества во всемъ оберегатися, чтобы твоего царского величества съ шахъ Аббасовымъ величествомъ ни въ чемъ не ссорити и межъ вами, великими государи, братцкіе любви не нарушити. Да и въ прежнихъ, государь, государевыхъ указехъ на Теркѣ о такихъ дѣлехъ указу нѣтъ же, и впередъ, государь, о такихъ о великихъ твоихъ государевыхъ дѣлехъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На оборотѣ: Чтена. Отписать: то учинилъ добро, а впередъ будетъ такіе объявятца въ воровствѣ, и имъ воровство ихъ вычетчи при ихъ товарыщехъ, высылати вонъ съ Терки и впередъ пріѣзжать не велѣть и къ державцомъ писати, что высланы за воровство; а товарыщемъ ихъ велѣти торговати по прежнему.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Писалъ еси къ намъ про кизылбашского торгового пріѣзжево тезика, про Шихъ Назара, что извѣщалъ тебѣ на него толмачь Ермошка Григорьевъ Цывилепинъ, что онъ говорилъ про насъ и про наше Московское государство непригожее слово, и ты про то сыскивалъ и кизылбашенину про то выговорилъ, что онъ то дѣлаетъ негораздо и впередъ бы онъ такъ не дѣлалъ; а пытать и за пристава дать его безъ нашего указу не смѣлъ. И ты то учинилъ добро, что кизылбашскому тезику про ево воровство выговорилъ; а только впередъ въ такомъ воровствѣ иные кизылбашскіе тезики объявятца, и ты бъ имъ про то выговаривалъ и обличалъ при ихъ товарыщехъ, что они то дѣлаютъ негораздо, и имъ у васъ на Теркѣ за такое воровство и за смутные слова на Теркѣ быти не пригоже. А выговоря бъ есте имъ и облича ихъ, высылали такихъ воровъ съ Терки вонъ и впередъ имъ на Терекъ пріѣзжать не велѣли, и къ державцомъ бы еси въ шаховы украинные городы объ нихъ отписалъ, что ты ихъ съ Терекъ выслалъ и впередъ на Терекъ

пріѣзжать имъ не велѣлъ за то, что они, будучи на Теркѣ, воруютъ: вмѣщаютъ про насъ, великого государя, и про наше государство многіе непригожіе слова на смуту, и имъ на Теркѣ быти и впередъ къ вамъ пріѣзжать не пригоже, и они бъ надъ ними за такое ихъ воровство чинили наказанье, и нимъ про то заказывали накрѣпко, чтобъ ихъ смутныхъ бездѣльныхъ словъ межъ насъ, великого государя, и государя ихъ, шахъ Аббасова величества, и межъ нашихъ обоихъ великихъ государствъ ссоры никакіе не учинилось. А въ которыхъ тезикахъ никакова воровства не объявитца, и вы бъ имъ велѣли на Теркѣ быти и товары всякими торговати по прежнему, и обидъ имъ и бесчестья никакова не чинили.

1619 іюля 14. Распросныя рѣчи гилянца тезика Асана Максютова, присланнаго изъ Персіи отъ государевыхъ пословъ Ивана Чичерина и дьяка Михайла Тюхина съ отписками, коихъ здѣсь нѣтъ. На 13 листахъ.

127-го іюля въ 14 день пришелъ въ посольской приказъ Кизылбашскіе земли торговой человѣкъ тезикъ Осанъ Максутовъ и подалъ діакомъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Рамачюкову, отъ государевыхъ пословъ, которые посланы въ Кизылбаши къ шаху, отъ Ивана Чичѣрина да отъ діака отъ Михайла Тюхина ко государю отписку да другую отписку ко государю жъ изъ Астарахани отъ воеводъ.

А въ роспросѣ сказался Осанъ — торговой человѣкъ жилецъ Гилянской земли, и въ нынѣшнемъ де во 127-мъ году въ великой мясоѣдъ до масленого заговенія за двѣ недѣли пріѣзжалъ онъ съ торгомъ своимъ въ Кизылбашской же земли въ городъ въ Козбинъ, а въ тѣ де поры были въ томъ городѣ Козбинѣ государевы послы Иванъ Чичѣринъ да діякъ Михайло Тюхинъ и, провѣдавъ про него, Осана, велѣли ему быти у себя тайно и говорили ему, чтобъ ему государю послужить, затѣявъ буттося ѣхать изъ Кизылбашъ въ Астарахань съ торгомъ и отвести ко государю къ Москвѣ отъ нихъ о его государевыхъ дѣлехъ отписку, а имъ де съ тою отпискою ко государю безъ шахова вѣдома послати не смѣть, потому что шаха де въ томъ городѣ въ тѣ поры не было. И онъ де, Осанъ, хотя государю служить, отписку у Ивана Чичѣрина да у діака у Михайла взялъ и поѣхалъ изъ Кизылбашъ въ тѣ жъ де поры въ Астарахань буттося съ торгомъ, а взялъ съ собою для признаки товару немного, и ѣхалъ до Терки степью, а съ Терки въ Астарахань водою, и пріѣхалъ въ Астарахань

послѣ велица дни три недѣли спустя, и изъ Астарахани де воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарыщи, отпустили его ко государю къ Москвѣ съ проѣзжею станицею съ Спиридономъ Брюшковымъ съ товарыщи. А какъ его изъ Астарахани къ Москвѣ отпустили, и тому де нынѣ идетъ семая недѣля.

Да приказывалъ де съ нимъ ко государю Иванъ Чичѣринъ, отпущаючи, рѣчью, что они, пріѣхавъ въ Кизылбаши, князь Михайло Борятинской и онъ, Иванъ, и дьякъ Михайло, были у шаха на посольствѣ въ городѣ въ Козбинѣ вмѣстѣ с-индѣйскимъ посломъ; а о которое время они были на посольствѣ у шаха, и какъ у нихъ на посольствѣ и послѣ посольства государево дѣло дѣлалось, и то де онъ, Иванъ Чичѣринъ, и діакъ Михайло, писали ко государю подлинно въ своей отпискѣ, которую послали съ нимъ; а князя Михайла де Борятинского въ животѣ не стало въ Козбинѣ жъ послѣ того, какъ они были на посольствѣ у шаха; а отпуску де они себѣ отъ шаха чаютъ вскорѣ со всѣмъ съ добрымъ дѣломъ исъ Козбина жъ, какъ шахъ пріѣдетъ въ Казбинъ. А поѣхалъ де шахъ исъ Козбина не на долгое время на побыванье въ свой же городъ въ новопоставленной въ Фарабатъ, отъ Козбина ходу съ десять денъ.

А къ Москвѣ де онъ, Осанъ, сказалъ, съ станицею пріѣхалъ іюня въ 13 день въ вечеру и того де дни въ городъ ихъ не пустили; а сево де дни іюля въ 14 день съ утра взяли его изъ загородья казанского дворца приставы и привели въ казанской дворецъ, и въ казанскомъ де дворцѣ діякъ Федоръ Опраксинъ спрашивалъ его объ государевыхъ посольскихъ отпискахъ и о посыльныхъ грамоткахъ, и онъ де, Осанъ, сказалъ, что есть съ нимъ отписка ко государю, послана исъ Кизылбашъ отъ государевыхъословъ, отъ Ивана Чичѣрина да отъ діака отъ Михайла Тюхина, и тое онъ отписку отдастъ въ посольскомъ приказѣ. Да съ нимъ же есть двѣ посыльныхъ грамотка, одна грамотка писана отъ Ивана Чичѣрина къ Федору Толочанову, а другая отъ діака отъ Михайла отъ Тюхина къ думному діаку къ Сыдавному Васильеву. И Федоръ де тѣ грамотки у него, Осапа, взялъ себѣ, а его отослалъ въ посольской приказъ.

А вестей Осанъ сказалъ: приходили де въ нынѣшнемъ во 127-мъ году по осени на Кизылбаши крымской царь, да отъ турского царя паши, большой былъ паша имянемъ Халиль, а иные паши были съ нимъ посланы въ товарыщехъ, а ратныхъ де людей было съ крымскимъ царемъ и съ турского царя пашами съ четыреста тысячь. И кизылбашской де, умысля, буттося бояся ихъ, велѣлъ исъ порубежного своего

города исъ Тевриза людемъ своимъ всякимъ вытти вонъ и покинуть его впусте. И крымской де царь и турскіе паши, обнадежася, пришли въ Тевризъ и исъ Тевриза пошли къ Ардивилу, а ходу де межъ Тевриза и Ардивила пять денъ. И какъ де они будутъ отъ Ардивила за два дни, и шахъ де въ тѣ мѣста послалъ изъ Ардивила отъ себя людей своихъ. И сшедчися, шаховы люди, съ крымскими и съ турскими людьми билися, и бой де былъ межъ ихъ великъ, и крымскихъ де и турскихъ людей побили многихъ и царя самого ранили; а ближнихъ царевыхъ людей Мурза бекъ агу да Черного князя и иныхъ многихъ взяли живыхъ, да турского царя пашей большихъ взяли двенатцать человѣкъ живыхъ же. И нынѣ они всѣ по его, Осановъ, поѣздъ исъ Казбина у шаха живы, а ходятъ за приставы; а у Мурза бекъ де аги на шеѣ чепь серебряна. А ратныхъ де людей на томъ бою шаховы люди побили крымскихъ 15.000, а турскихъ 25.000. И съ того де бою крымской царь и турского царя паши, которые остались, зъ достальными людьми пошли исъ Кизылбашъ назадъ, и Тевризъ покиня.

А посыланы де были отъ шаха съ его ратными людьми въ начальникехъ противъ крымского царя и турскихъ людей Карчага хапъ да крымской Шапъ Гирѣй царевичь, а приказъ де былъ отъ шаха о взятыхъ людехъ, которыхъ имали на бою, о турскихъ—Карчагѣ хану, а о крымскихъ—Шапъ Гирѣю царевичю, и въ крымскихъ людехъ въ казнѣ и въ отпускѣ воленъ былъ Шанъ Гирѣй царевичь, а Карчага хапъ въ нихъ по шахову велѣнью не вступался. А Шанъ Гирѣй по шахову жъ велѣнью не вступался въ турскихъ людей. И нынѣ де Шанъ Гирѣй царевичь посланъ отъ шаха въ Карабудацкую землю и живетъ въ Карабудацкой землѣ, и многіе де къ нему нынѣ на его имя приходятъ исъ Крыму ратные люди, и онъ ихъ отъ себя отсылаетъ къ шаху. А какъ де крымской царь и турского царя паши зъ достальными людьми съ того бою исъ шаховы земли вышли, и турской де царь прислалъ ко государю ихъ къ шаху о мирномъ договорѣ пословъ своихъ; а кого имяны прислалъ пословъ, и онъ того не вѣдаетъ. И съ шахомъ въ миру договорились на вѣкъ, а не на урочные лѣта. А учинился де межъ шаха и турского миръ вѣковой на томъ: былъ де у турского городъ его порубежной, подшолъ блиско кизылбашского городовъ, имя ему Харсъ, и люди въ немъ были турского, и шахъ де съ турского послы договорился на томъ, что турскому тотъ свой городъ Харсъ, выведши изъ него людей своихъ вонъ, велѣти его разорить. И давати бъ ему, шаху, турскому на всякой годъ по сту

юковъ суконъ парпьяну, а онъ де, шахъ, противъ того учнетъ давати турскому на всякой же годъ по сту жъ юковъ сырого шолку. И на томъ де межъ себя вѣчнымъ миромъ и договорилися и миръ учинили, и вѣдомъ де при немъ, Осанѣ, въ Кизылбашехъ, какъ онъ еще въ Астарахань не поѣхалъ, былъ, что турской по пословъ своихъ съ шахомъ договору тотъ городъ Харсъ, выведши людей своихъ изъ него, велѣлъ разорить, и съ сукнами зъ годовыми турскихъ пословъ чаяли приходу въ Кизылбаши вскорѣ; а кизылбашской посолъ Ядагаръ Алѣй салтанъ отъ государя ихъ, шаха, зъ годовымъ же шелкомъ по договору поѣхалъ къ турскому при немъ, Осанѣ.

Да онъ же, Осанъ, сказалъ, что при немъ де, Осанѣ, какъ онъ былъ въ Кизылбашехъ, паряженъ былъ у шаха карабль къ Астарахани со всякими товары, а купчинѣ де было быть на томъ караблѣ Кете Сеиту, и нынѣ де онъ чаетъ, что пришолъ тотъ шаховъ карабль съ товаромъ въ Астарахань. А иныхъ никакихъ вѣстей, сказалъ, не вѣдаетъ.

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбашенинъ Осанко Максутовъ. Пріѣхалъ, государь, я къ тебѣ, государю, къ Москвѣ исъ Кизылбашъ отъ твоихъ государевыхъ пословъ съ отписками, а съ собою вывезъ къ Москвѣ товару своего сто киндяковъ, и съ тѣхъ киндяковъ таможенной голова Дементей Васильевъ сынъ Булгаковъ проситъ твоихъ государевыхъ пошлинъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, не вели, государь, съ тѣхъ киндяковъ своихъ государевыхъ пошлинъ взяти. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ: Государь пожаловалъ, не велѣлъ пошлинъ съ тѣхъ киндяковъ имать для того, что пріѣхалъ исъ Кизылбашъ отъ пословъ съ отписками.

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбашенинъ торговой человѣкъ Осанко Максутовъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., пожалуй меня, вели, государь, мнѣ купити въ Касимовѣ ясырь татарской или литовской, дѣвку или малова, и вели, государь, дати свою государеву грамоту проѣзжую, чтобъ тотъ ясырь со мною пропущали, и не вели, государь, съ того ясыря по городомъ пошлинъ имати. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ: Іюнь въ 23 де(нь) государь слушелъ, велѣлъ купити дѣвку или малого татаръ, а крестьянъ не продавати.

. . . . . что въ сей нашей грамотѣ писано, отпустить въ

Кизылбаши и проѣзжихъ пошлинъ съ него и съ товару его въ Астарахани, что съ него взяти доведетца, имати не велѣли, и полону—малого или дѣвку—въ Касымовѣ купить ему поволили. И по нашему указу кизылбашской торговой человѣкъ Осанъ Максутовъ съ Москвы отпущенъ, и по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и діакомъ, и всякимъ....

$\frac{7129}{1620}$ окт. 13—нояб. 15. Отписка съ Терка отъ воеводы Никиты Вельяминова о персидскомъ тезикѣ Боярамѣ Шанбратовѣ, торгующемъ сверхъ дозволеннаго ему капитала безпошлинно.—Выписка о томъ въ посольскомъ приказѣ и отпускъ государевой грамоты воеводѣ Вельяминову о истеченіи урочныхъ лѣтъ по данной ему привилегіи. На 16 листахъ.

Государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой Микитка Вельяминовъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ, государь, во 124-мъ году іюня въ 25 день прислана, государь, на Терекъ твоя государева грамота, за приписью твоево государева думного дьяка Петра Третьякова, къ воеводе къ Петру Приклонскому: пожаловалъ ты, великій государь, ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. Кизылбашскіе земли тезика Боярама Шамъбратова, велѣлъ ему, тезику Бояраму, торговати въ Астарахани и на Терке всякими товары на пять сотъ рублевъ, на одиннатцать лѣтъ, безпошлинно; а которые, государь, товары сверхъ пяти сотъ рублевъ, и съ тѣхъ, государь, товаровъ твоя государева пошлина имати велено. И тотъ, государь, тезикъ Боярамъ товары провозитъ многіе въ Астарахань, а на Терке ими не торгуетъ, потому что на Терке товаровъ у него, отъ бѣдности, купити нѣкому. Да на Терке жъ, государь, пріѣзжаютъ и изъ Шамахи, и изъ Дербени Абазъ шаховыхъ хановъ и салтановъ, и Шанъ Гирѣя царевича крымского, которой служитъ шаху, и кумытцкого Ильдара мурзы, и иныхъ многихъ кумытцкихъ и уварскихъ князей и мурзъ, которые подъ твоею царскою высокою рукою, люди ихъ съ товары торговати на Терекъ. И шамахинской, государь, Исупъ ханъ и дербенской Берхардаръ салтанъ, и кумытцкой Ильдаръ, и уварской Нуцалъ князь, и многіе кумытцкіе князи и мурзы пишутъ ко мнѣ, холопу твоему, чтобы мнѣ, холопу твоему, съ людей съ ихъ съ товаровъ пошлинъ не имати. И я, холопъ твой, безъ твоего государева указу пошлинъ имати не смѣю, боясь того, чтобъ мнѣ, холопу твоему, по твоему государеву указу, васъ, великихъ государей, тѣмъ не ссорити и вашіе царскіе любви не нарушити, а кумытцкихъ и горскихъ князей и мурзъ отъ твоей царской милости не отогнати. И будетъ, государь, впередъ учнутъ отъ шамахинского

отъ Исупъ хана и отъ дербенского отъ Бердархарданъ салтана, и отъ кумытцкого отъ Ильдара мурзы, и отъ уварсково отъ Нуцала князя пріѣзжати на Терекъ торговые люди, и о томъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На адресъ: 129-го октября въ 13 день съ терскимъ жильцомъ съ Иваномъ Кирѣевымъ.

На оборотъ: Сыскать отпуску: какова грамота дана тому кизылбашенину и за что, за какую службу?

И сыскано въ посольскомъ приказе:

Въ прошломъ во 124-мъ году пріезжалъ къ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки кабардинской Сунчалѣй князь Янглычевъ поздравляти государя на ево великихъ и преславныхъ государствахъ всего великого Російскаго царствія и бити челомъ о своей службе. И на отпуске билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Сунчалѣй князь Янглычевъ: въ прошлыхъ де годѣхъ, какъ было смутное и безгосударное время, и ему де, Сунчалѣю, государева денежново и хлѣбново жалованья не было, и въ то де время былъ на Терке тезикъ торговой человѣкъ Боирамъ Шанбратовъ, и въ голодные де годы матери ево, Сунчалѣеве, и ему, Сунчалѣю, была отъ него Бараима помочь и ссуда многая, и государь бы ево, Сунчалѣя, пожаловалъ, велѣлъ тому тезику Бараиму торговать отъ нихъ по государеву указу на Терке и въ Асторохани безпошлинно. И по Сунчалѣеву челобитью тезика Бараима для ево, Сунчалѣевы, службы государь пожаловалъ, велѣлъ ему торговать на Терке и въ Асторохани беспошлинно на 500 рублевъ 5 лѣтъ. На челобитной ево помѣта думпово діяка Петра Третьякова. И государева грамота о томъ Сунчалѣю князю Янглычеву дана, а велено по той государеве грамоте тезику Бараиму торговать на Терке и въ Асторохани всякими товары на 500 рублевъ пять лѣтъ с-Ильина дни 124-го году по Ильинъ же день 128-го году. А что у него какихъ товаровъ будетъ сверхъ пяти сотъ рублевъ, и съ тѣхъ товаровъ велено на немъ пошлины имать по государеву указу. А какъ ему льготные лѣта въ товарехъ отойдутъ, и на немъ велено имать пошлины на государя со всякихъ ево товаровъ по прежнему государеву указу. А жаловальная грамота, списавъ, велено отдать Бараимку.

И 124-го же году августа въ 17 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Асторохани воеводы князь Ондрѣй Хованской да Ивашка Пушкинъ, да діякъ Гаврило Богдановъ, что во 124-мъ году іюня въ 8 де(нь) принесъ къ нимъ въ съѣзжую

избу государеву жаловальную грамоту за красною печатью, а за приписью думново діяка Петра Третьякова, терской жилецъ тезикъ Бараимъ Сармалыевъ, а въ той грамоте написано: пожаловалъ государь ево, Бараима: съ его товаровъ, какъ онъ учнетъ торговать въ Асторохани, своихъ государевыхъ таможенныхъ пошлинъ съ 500 рублевъ, с-Ильина дни 124-го году по Ильинъ же день 134-го году, на десеть лѣтъ, имать не велѣлъ. И тезикъ Бараимъ пріѣхалъ въ Астороханъ ныне сверху съ товаромъ до сроку, іюня въ 8 день, и они съ его привозново товару государеву таможенную пошлину взять велѣли по государеву указу съ рубля по 4 де(ньги) для того, что онъ до сроку пріѣхалъ задолго; а взято съ него пошлинъ 10 рублевъ.

А что ныне въ терской отписке Микиты Вельяминова написано, что по государеве жаловальной грамоте велено будто тезику Бараимку торговать товары своими беспошлинно на 11 лѣтъ и что въ прошломъ во 124-мъ году въ асторохапской отписке написано, а велено будто Баярамку торговать беспошлинно на 10 лѣтъ, и такова отпуску въ посольскомъ приказе не сыскано.

Помьта: 129-го ноября въ 15 день послать государева грамота: велѣть на томъ тезике пошлины имати по уставной грамоте по тому жъ, какъ и с-ыныхъ торговыхъ людей, потому что ему торханные лѣты вышли: по указу дано было льготы въ пошлинахъ на 5 лѣтъ и тѣ лѣта вышли, а что написано въ грамоте десять лѣтъ, и то знатно что переправлено мимо государева указу и отпуску, вѣрить отпуску, а въ грамоте досмотрить и его роспросить: для чего переправливанъ? да о томъ отписать ко государю.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводамъ нашимъ Микитѣ Дмитріевичю Вельяминову да Баиму Ѳедоровичю Болтину, да подъячему Васплью Архипову. Въ нынѣшнемъ, во 129-мъ году октября въ 13 де(нь) писалъ къ намъ ты, Микита, съ терскимъ жильцомъ с-Иваномъ Кирѣевымъ *(и проч.)*. И сыскано въ посольскомъ приказѣ: въ прошломъ во 124-мъ году *(и проч.)*. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ на томъ тезике на Баярымке съ товаровъ ево нашу таможенную пошлину велѣлъ имати по нашей по уставной грамоте по тому жъ, какъ и с-ыныхъ торговыхъ людей съ товаровъ ихъ нашу таможенную пошлину емлютъ, потому что дано было ему, Бараимку, по нашей жаловальной грамоте въ торговле въ пошлинахъ льготы на пять лѣтъ, и тѣ ужъ льготные годы всѣ прошли, а что написано въ нашей жаловальной грамоте у Бараимка льготы на десеть лѣтъ, и то знатно, что то своровано, переправлено мимо нашего указу,

отпуску у насъ на Москвѣ тому не сыскано и тому вѣрить нѣчему. И вы бъ у тово тезика у Баярамка ту жаловальную грамоту велѣли взять и еѣ досмотрили сами и самово Бараимка роспросилъ, для чево у него въ нашей льготной грамоте льготы переправлены мимо нашего указу и нашей помѣты, на 10 лѣтъ, и хто ему и въ которомъ городе то переправилъ? И впередъ бы есте той ево льготной грамоте не вѣрили и пошлину со всякихъ ево товаровъ на немъ имали на насъ по нашему указу и по уставной грамоте. А что тебѣ тезикъ про то въ роспросе скажетъ и что съ ево товаровъ на тѣ годы, что у него сверхъ нашего указу и помѣты прибавлено льготныхъ лѣтъ, пошлинъ не взято, и ты бъ о томъ о всемъ отписалъ къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣлъ отдать въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчукову.

1618 сент. 2—30 нояб. 1620. Отписки астраханскихъ воеводъ Ивана Тимофѣева съ товарищи о посылкѣ въ Москву въ посольской приказъ трехъ присланныхъ изъ Терка на персидскомъ языкѣ грамотъ. На 41 листѣ.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Ондрюшка Хованской, Олешка Львовъ, Ивашко Тимоѳѣевъ, Ивашко Грязевъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 127-мъ году сентября въ 2 де(нь) прислалъ, государь, къ намъ, холопемъ твоимъ, въ Асторохань съ Терки воевода Микита Вельяминовъ три грамоты, писаны фарсовскимъ письмомъ; а писалъ къ намъ, чтобъ намъ тѣ грамоты изъ Асторохани послати къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ. И мы, холопи твои, тѣ грамоты послали къ тебѣ, къ государю, въ нынѣшней станицѣ съ астороханцы, съ дѣтьми боярскими, съ Спиридономъ Брюшковымъ съ товарыщи мая въ 27 де(нь).

На оборотѣ: Взять къ дѣлу, а грамоты перевести, чтена государю жъ, отписать: что есть въ сыску, велѣть отдать тотчасъ все сполна и впередъ отдавать и береженье держать, и о чомъ, о подводахъ и о провожатыхъ, учнетъ писать, давать велѣти и ни въ чомъ не оскорбляти, чтобъ въ чомъ ссоры и нелюбья не было, а пропажъ и взятого сыскивать накрѣпко.

Переводъ кизылбаскаго шахъ Аббасовы грамоты, что прислана изъ Асторахани въ нынѣшнемъ во 127-го году съ гонцомъ съ астораханскимъ, Спиридономъ Брюшковымъ іюля въ 8 де(нь).

Великого повелителя благосчасного облаадателя высокопрестольного и превысочайшего великого государя воеводѣ терскому князю наше государское милостивое слово то: торговой нашъ человѣкъ Хозя Усеинъ былъ съ торгомъ въ Астарахани, и какъ поѣхалъ изъ Астарахани съ товары назадъ въ наше государство и какъ будутъ блиско Терсково города, и у нихъ волною бусу розбило, и онъ потонулъ, а иные многіе товары его вынесло на берегъ, и намъ, великому государю, про то подлинно вѣдомо. И ты, великого государя воевода, тотъ Усеиновъ товаръ, какъ ево привезли на Терку, спозналъ и велѣлъ ево упрятать; а у тово Хозя Усейна остался сынъ его Хозя Акамиръ, и мы его отпустили къ вамъ на Терекъ для отца его животовъ. И какъ къ вамъ сынъ его, Усеиновъ, Хозя Акамиръ, да гилянецъ Хозя Абдулла пріѣдутъ, и вамъ бы, великого государя воеводѣ, терскому князю, тотъ упрятаной Хозя Усейновъ товаръ, что взяли терскіе люди на берегу, велѣти отдати сыну его Хозя Акамиру да Хозѣ Абдуллѣ и ихъ велѣти отпустити назадъ, не задержавъ.

Переводъ съ шаховы грамоты, что пишетъ ко государевымъ воеводамъ.

Высокопрестольнаго и превысочайшего и всегда въ милосердіи Божіи пребывающего Російского государствія великого государя воеводамъ и княземъ наше государское милостивое слово то. Учинились мы, великій государь, зъ братомъ нашимъ, зъ государемъ вашимъ, съ московскимъ великимъ царемъ, въ братственной дружбѣ и въ любви и въ соединеньѣ, и вѣдомо вамъ даемъ: послалъ есми нынѣ стольника нашего Халькъ бека въ Дербень городъ для городовой подѣлки, и будетъ ему для какова дѣла лучитца къ вамъ послати, и вамъ бы, великого государя воеводамъ, для нашіе, великихъ государей, братственные дружбы и любви тому стольнику нашему Халькъ беку ево писму и приказу вѣрити и помогати, или лучитца ему самому у васъ быти или кого пришлетъ, и вамъ бы имъ подводы давати и провожати ихъ велѣти безъ вадержанья, чтобъ межъ насъ, великихъ государей, братственная дружба и любовь множилась и крѣпилась во веки. А будетъ что вамъ изъ нашей земли понадобитца, и вамъ бы о томъ велѣти намъ, великому государю, объявити, и мы то ваше дѣло велимъ исполнити.

Переводъ шамахѣйского Исупъ хана зъ грамоты, что пишетъ терскому воеводѣ.

Высокомѣстного и высокоручнаго дружелюбнаго превысочайшего великого государя воеводѣ честному и хвальному терскому князю. Объявляю тобѣ: то здѣсь государя нашего высокомѣстного шахова

величества курчѣй Акамырь ага отпущенъ къ вамъ для животовъ Хозя Усейновыхъ, что потонулъ у Терскова города, и тобѣ, великого государя воеводѣ, терскому князю, вѣдая межъ нашихъ двухъ великихъ государей крѣпкую братственною дружбу и любовь, своя любительная дружба и любовь объявити къ намъ: велѣть тѣ Усейновы животы отдати курчѣю Акамиръ агѣ, чтобы и впередъ межъ обоихъ великихъ государствъ для тово инымъ торговымъ людемъ помѣшки и опасенья не было. А будетъ которое ваше дѣло здѣ лучитца, и вамъ бы о томъ велѣть намъ объявити, и мы такъ же то ваше дѣло здѣлаемъ.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Писали къ намъ изъ Асторохани воеводы наши князь Ондрѣй Хованской съ товарыщи и прислали три грамоты, писаны ѳарсовскимъ письмомъ, а къ нимъ въ Асторохань тѣ грамоты прислалъ ты. И тѣ грамоты у насъ на Москвѣ переведены, а писаны тѣ грамоты къ тебѣ отъ шаха да отъ шамахѣйского Исупъ хана, а въ переводѣхъ шаховыхъ написано: въ первомъ переводѣ о торговомъ человѣкѣ о Хозь Усейнѣ, что тотъ торговой человѣкъ Хозя Усеинъ былъ съ торгомъ въ Асторохани, и какъ поѣхалъ изъ Асторохани *(и проч.)*. А въ другомъ переводѣ писано отъ шаха жъ, что онъ учинился съ нами, великимъ государемъ, въ братственной дружбѣ и въ любви, и въ соединеньѣ, и вѣдомо тебѣ даетъ, что послалъ онъ нынѣ стольника своего Халькъ бека въ Дербень городъ для городовой подѣлки *(и проч.)*. А въ третьемъ переводѣ шемахѣйского Исупъ хана написано къ тебѣ жъ о Хозь Усейновыхъ животѣхъ, что потонуло у Терского города, чтобъ тѣ животы ево отдать шахову курчѣю Акамыръ агѣ, которой отпущенъ къ нимъ на Терекъ отъ шаха для тѣхъ, Усейновыхъ, животовъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и вы бъ кизылбашенина Хозь Усейновы животы, которые у васъ на Теркѣ нынѣ въ сыску, отдали сыну его Хозѣ Акамиру да гилянцу Хозь Абдуллѣ, которые пріѣхали для тѣхъ животовъ отъ шаха да въ томъ бы есте, что имъ отдадите, взяли у нихъ отпись для спору. И впередъ бы есте шаховымъ торговымъ людемъ обидъ и насильства никакова не чинили и во всемъ къ нимъ держалъ береженье и ласку. И о чемъ къ тебѣ на Терекъ стольникъ шаховъ Халькъ бекъ, которой присланъ отъ шаха въ Дербень, пришлетъ или отпишетъ, или самъ къ тебѣ на Терекъ пріѣдетъ для какихъ дѣлъ и учнетъ говорить о подводахъ и о провожатыхъ, и ты бъ его ни въ чемъ не оскорблялъ и почесть ему чинилъ, и подводы и провожатыхъ давалъ, чтобъ ни въ чемъ межъ насъ, великого государя,

и межъ шахъ Аббаса ссоры и нелюбья не было. А будетъ впередъ какая у шаховыхъ людей учинитца пропажа или хто что у нихъ возметъ, а назадъ отдать имъ не похочетъ, и ты бъ про то сыскивалъ накрѣпко, и сыскавъ, отдавалъ имъ, чтобъ однолично шаховымъ торговымъ и всякимъ пріѣзжимъ людемъ отъ нашихъ людей задору и обидъ не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7127-го іюля въ 29 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Хилковъ, Ѳедька Лихачевъ, Ивашко Васильевъ, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 123-мъ году ноября въ 20 день присланы въ Казань твои государевы царевы и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамоты, одна исъ посольского приказу за приписью твоего государева думного діяка Петра Третьякова, а другая исъ казанского дворца за приписью діяка Ооонасья Овдокимова. А въ твоихъ госуревыхъ грамотахъ писано: которые будетъ иноземцы турскіе и кизылбашскіе, и бухарскіе, и юргечьскіе, и черкаскіе, и погайскіе, и иныхъ государствъ послы и посланники, и гонцы, и купчины, и тезики впередъ учнутъ приходити въ Казань, и объ ихъ пріѣздѣ велено писати къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ, а отписки и росписи тезицкимъ имянамъ и ихъ товаромъ велѣно отдавати въ посольскомъ приказѣ, и впередъ, государь, о тѣхъ иноземцехъ объ ихъ пріѣздѣ и о всякихъ твоихъ государевыхъ указехъ въ казанской дворецъ и в-ные ни въ которые приказы, опричь посольского приказу никуды ни о чемъ писать не велено. А пошлинъ, государь, съ купецкихъ людей съ товаровъ велено имати въ твою государеву казну по прежнему твоему государеву указу и по уставнымъ грамотамъ. И въ нынешнемъ, государь, во 128-мъ году пріѣхали въ Казань исъ Астороханн въ осеннемъ коровапѣ шахъ Аббасовы области Кизылбашскіе земли тезики съ товары, да съ Уоы, государь, писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, твой государевъ воевода Гаврило Хлоповъ: отпустилъ онъ къ тебѣ, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., юргечьского царя Арапа посла Серамъ Хула Сентъ Кулова, а съ нимъ людей его шестьнатцать человѣкъ, да съ нимъ же къ тебѣ, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., въ дарехъ аргамакъ; а въ приставехъ, государь, съ посломъ посланы съ Уоы дѣти боярскіе, Василей Ушатой да опъ, Ураковъ, да толмачь Тогонайко Дербышъ Алѣевъ, и намъ бы, государь, холопемъ твоимъ, юргечьского посла отпустить къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ, давъ кормъ и судно, и кормщика, и гребцовъ, не издержавъ. И билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., юргечьской посолъ Серамъ Хулъ, а къ намъ, холопемъ твоимъ, присылалъ пристава своего Василья Ушатово,

чтобъ ты, государь, ево пожаловалъ, велѣлъ ему въ Казани побыти до зимнего пути, потому что онъ пріѣхалъ въ Казань водою въ суднѣ, а лошеди его за нимъ гопятъ въ Казань полемъ, и ему бъ въ Казани дождатьца зимнего пути и лошедей своихъ, а водою деи ѣхать ему нельзѣ: стали заморозы и Волгою идетъ ледъ. И мы, холопи твои, послу Серамъ Хулу въ Казани побыти велѣли и дворъ ему стояти дали, и сторожей съ посаду, и стрѣльцовъ для караулу приставили. А твоево государева жалованья корму мы, холопи твои, даемъ, примѣрясь къ прежнему послу, на день по четыре чарки вина, полведра меду, да на кормъ по три алтына денегъ, да людемъ ево шти человѣкомъ по двѣ чарки вина человѣку на день, да всѣмъ имъ ведро меду, да имъ же, государь, на кормъ двунатцати человѣкомъ по четыре деньги человѣку; а четыремъ человѣкомъ по три деньги человѣку на день; а аргамаку, государь, велѣли давать овесъ и сѣно, смѣтя, какъ мочно сыту быть; да по деньгѣ на свечи на ночь. А какъ, государь, зимней путь станетъ, и лошеди его въ Казань пригонятъ, и мы, холопи твои, юргечьцкого посла Серамъ Хула исъ Казани къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ отпустимъ съ тѣмъ же приставомъ, съ Васильемъ Ушатымъ, да съ толмачомъ, съ Тогонайкомъ, тотчасъ. Да съ Уфы жъ, государь, пріѣхали въ Казань юргечьскіе земли тезики съ товары, а кто, государь, имянемъ тезиковъ и которые земли, и что у кого товару, и мы, холопи твои, тому роспись послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отпискою.

Роспись тезикомъ Кизылбашскіе земли, которые пріѣхали въ Казань въ нынѣшнемъ во 128-мъ году въ осеннемъ коруванѣ изъ Асторохани, и юргенцомъ, которые пріѣхали съ Уѳы; а товару у нихъ по смотру таможенной головы Ивана Веретепникова:

Тезикъ Кизылбашскіе земли шемахѣйсково воеводы Исупъ хановъ человѣкъ Кудай Бердѣй Велѣевъ, товару у него: 37 камокъ кизылбашскихъ, 13 бархатишковъ кизылбашскихъ, 38 кутней всякимъ цвѣтомъ, 3 кушака шолковыхъ цветныхъ съ золотомъ, 886 ансырей шолку арясково, 24 дороги полосатые, 150 дороговъ гилянскихъ цвѣтныхъ, 27 дороговъ кашанскихъ, 100 таѳтъ гилянскихъ плохихъ, 2 кисеи, 2 куля кальи краски, 6 кумачей, 10 полукисей, 284 кипдяковъ, 15 полукисей.

Тезикъ Магметь Мастелѣевъ, товару у него. 11 ансырей шолку арясково, 21 дороги голянскіе, 2 кипдяка, 2 кушака харчевыхъ, 2 ансыря шолку сырово.

Тезикъ Шабендѣй Шакулѣевъ, товару у него: 11 кисей, 150 ансырей шолку арясково.

Тезикъ Магметъ Магмуловъ, товару у него: шуба корсачья, 25 дороги гилянскихъ, 28 киндяковъ, 13 выбоекъ, 4 миткали, 10 ансырей шолку арясково, 113 ансырей шолку пырсу, 13 гривенокъ мыла, полъ 2 юѳти саѳьяновъ, 50 рублевъ мелочи.

Тезикъ Алгула Маметевъ, товару у него 250 ансырей шолку арясково.

Тезикъ Ибрама Маамѣтовъ, товару у него: 250 ансырей шолку арясково, 5 миткали, пудъ табалаку.

Тезикъ Мамеделѣй Максутовъ, товару у него: 29 дороговъ гилянскихъ, 25 юѳтей саѳьяновъ, 80 ансырей шолку пырсу.

Тезикъ Надрусеинъ Седыръ Магаметевъ, товару у него: 163 ансыря шолку арясково, завѣсь выбойчатой, 17 киндяковъ, дороги, 4 камчишка кизылбашскихъ.

Тезикъ Магметь Ширѳовъ, товару у него: 328 ансырей шолку аряского, 15 пудъ пшена сорочинсково.

Тезикъ Шемахѣйсково города воеводы Исупъ хановъ человѣкъ Маметь Сирѳовъ Маметевъ, товару у него: 130 ансырей шолку арясково, 68 кандяковъ, 7 миткалей, 10 полукисей, 8 кисей, 50 дороговъ гилянскихъ, 6 выбоекъ арапскихъ, 3 миткали, 14 тоѳгъ гилянскихъ, 15 камокъ кизылбашскихъ, 3 кушака шолковыхъ.

Тезикъ шемахѣйсково воеводы Исупъ ханова человѣка Кудай Бердѣевъ кашеваръ Садѣй Раметовъ, товару у него: пудъ краски крутику, 13 ѳунтовъ чилибухи, 12 гривенокъ жолтово коренья, 13 гривенокъ инбирю, 500 змѣевыхъ головокъ, 1000 гребеней деревянныхъ.

Тезикъ Шемуратъ Алѣевъ, товару у него: 10 ансырей шолку пырсу, 5 ансырей шолку арясково, 3 дороги гилянскіе, 2 миткали, 3 кисеи, 2 одеяла выбойчатыхъ.

Тезикъ Кримъ Магметовъ, товару у него: кисея, 46 ансырей шолку пырсу, 16 юотей саѳьяновъ, 62 ансыря шолку арясково.

Тезикъ Матсутъ Менянадыровъ, товару у него: 33 ансыря шолку арясково, 15 ансырей шолку гилянсково, 14 киндяковъ, 5 юѳтей саоьяновъ, полъ 2 пуда бумаги синіе, 100 хрусталей.

Тезикъ Бухарскіе земли Акмаметь Вапинмурзинъ, товару у него: 13 пудъ краски крутику.

Тезикъ Бухарскіе земли Алетиоа Хозямъ Малинъ, товару у него: 13 ансырей шолку пгерденю, 7 кушаковъ чаровыхъ, 13 кисей полушелковыхъ, 30 бязей лощеныхъ, 4 кисей бѣлыхъ, 8 зенденей красныхъ, 28 зенденей семенди, 15 кожъ яловичьихъ.

Кизылбашскіе земли испоганецъ арменинъ Исакъ Өарапитовъ, товару у него: 200 ансырей шолку гилянсково, 20 кисей.

Арменинъ Марко Иванисовъ, товару у него: 36 пудъ краски крутику.

Арменинъ Лукоянко Мурабетевъ, товару у него: 60 ансырей шолку өарабату.

Тезикъ Кизылбашскіе земли Селалѣй Касимовъ, товару у него: 100 ансырей шолку арясково, 50 ансырей шолку пырсу.

Тезики жъ Юргенскіе земли и бухарцы, которые пріѣхали съ Уөы:

Юргенскіе земли пословъ Арямгуловъ человѣкъ: Аданко Калкамановъ, товару у него: 76 бязей лощеныхъ, 293 пестреди, 15 ямей бязи.

Тезикъ юргенецъ корованная голова Досумъ Ширимовъ, товару у него: 1149 зенденей семенди, 4 рубахи дорогильные ветчаны; 32 ями бязи толстой, 15 каөтановъ азямскихъ зенденныхъ, 6 обаповъ.

Тезикъ юргенецъ Мусадрушъ Алѣевъ, товару у него: 30 зенденей семенди, 36 пестредей, 38 кушаковъ харчевыхъ, 4 ямей бязи.

Юргенецъ Шанъ Кулъ Исенъ Кулѣевъ, товару у него: 323 зендени семенди, 57 бязей лощеныхъ, 8 луковъ бухарскихъ, 27 ямей бязи толстой, 6 каөтановъ азямскихъ зенденныхъ, 11 выбоекъ ускихъ, 106 кушаковъ харчевыхъ, 5 рубахъ дорогильныхъ ветчаныхъ, 2 оатишка, өерезишка камчатые ветчаны.

Бухарецъ Назаръ Адамовъ, товару у него: 815 зенденей семенди ускихъ, 213 зенденей широкихъ семенди, 3 каөтана азямскихъ зенденныхъ, 6 мелли, дороги зелены, 28 кушаковъ харчевыхъ, 27 пестредей, 20 ямей бязи, каөтанъ азямской зенденной. Да у него жъ, Назарка, посыльново товару 130 зенденей семенди, 42 зендени широкихъ, 18 ямей бязи толстой, 7 пестредей, 14 кушаковъ харчевыхъ, 6 гривенокъ хоненю.

Бухарецъ Мисаръ Магаметь Маметь Валѣевъ, товару у него: 720 зенденей чаровыхъ, 34 кушака полушелковыхъ, рубаха зенденная, 2 дороги бухарскихъ, 63 пестреди, 2 өерези дорогильныхъ, рогъ буйволовой, каөтанъ киндячной, 6 ямей бязи, пудъ бумаги синіе. Да у него жъ, Мисаръ Магаметя, посыльново товару: 30 кушаковъ полушелковыхъ, 280 зенденей цветныхъ чаровъ, 51 кушакъ харчевыхъ, 4 пестреди.

Бухарецъ Хозя Бреимъ Хозя Магметевъ, товару у него: 1430 киндяковъ цвѣтныхъ, 26 завѣсовъ выбойчатыхъ, 62 кушака харчевыхъ, 21 дороги бухарскихъ, 8 оатъ бѣлыхъ, 116 кушаковъ полу-

шолковыхъ, 5 ансырей шолку пырсу, 3-и мелли, юѳть саѳьяновъ. Да у него жъ, Хозя Бреимка, посыльново товару: 355 зенденей семенди, 2 ями бязи толстой, 12 кушаковъ харчевыхъ, каѳтанъ мелинной.

Бухарецъ Хозя Максутъ Хозя Усеневъ, товару у него: 2037 зенденей семенди гладкой, 149 зенденей широкихъ цвѣтныхъ, 575 зенденей дюменьди, 80 бязей лощеныхъ, 108 пестредей, 412 кушаковъ харчевыхъ, 61 ямь бязи толстой, 2 выбойки, 2 каѳтана азямскихъ зенденныхъ, дорожишка чорные, 6 пудъ бумаги хлопчатой, 6 пудъ краски крутику.

Да у него жъ кашеваръ Хозя Кулѣйко, товару у него: 40 зенденей семенди, 60 кушаковъ харчевыхъ.

Бухарецъ Еналѣй Миралѣевъ, товару у него: 1130 зенденей семенди, 132 бязи лощеныхъ, 331 кушакъ харчевыхъ, 70 пестредей, 16 ямей бязи, 3 каѳтана зенденныхъ, чалма ветчаная, 6 пудъ бумаги хлопчатой, ѳерези кутняные, 2 рубашки киндячныхъ, чалма кисейная, рубаха дорогильная.

Бухарецъ Юсупъ Барангозинъ, товару у него: 1094 зендени семенди, 10.000 ужовокъ, 280 кушаковъ чаровъ, 26 кушаковъ харчевыхъ, 15 пестредей, 9 каѳтановъ азямскихъ зенденныхъ, 3 выбойки арапскихъ, 20 ямей бязи, 200 зенденей красныхъ, 3 рубахи киндячныхъ, 116 киндяковъ, рубаха дорогильная, 89 бязей лощеныхъ, 13 козлинъ обьяринныхъ, 7 дороговъ бухарскихъ, 100 аршинъ выбойки ускіе, 10 ансырей шолку путу, 3-и миткали.

Бухарецъ Мамедимъ Алишеровъ, товару у него: 504 зендени семенди, 156 зенденей чаровъ, 3 ями бязи, 6 бязей лощеныхъ, 7 каѳтановъ зенденныхъ, 7 пестредей, 2 рубахи дорогильныхъ, 28 кушаковъ харчевыхъ, ансырь шолку путу.

Бухарецъ Разума Еналѣевъ, товару у него: 716 зенденей семенди, 23 выбойки уской, 61 ямь бязи толстой, 45 бязей лощеныхъ, 590 зенденей чаровъ, ѳерези киндячные, 17 кушаковъ харчевыхъ, 2 каѳтана зенденныхъ, 2 рубахи дорогильныхъ ношеныхъ, 20 гривенокъ бумаги синіе.

Юргенецъ Наврузъ Мамеделѣевъ, товару у него: 182 зендени широкихъ, 130 пестредей, 15 ямей бязи, 475 зенденей семенди ускихъ, 41 бязь лощеныхъ, 217 зенденей семенди гладкой, 224 кушака харчовыхъ, пудъ бумаги синіе, 150 киндяковъ, 2 выбойки.

Юргенецъ Кутлу Магаметь Нуръ Магаметевъ, товару у него: 588 зенденей семенди, 27 кушаковъ харчевыхъ, 3 пестреди, 27 ямей

бязи, одеяло камчатое, 26 бязей лощоныхъ, 8 мелли, 6 каѳтановъ азямскихъ зенденныхъ, 3 пуда бумаги хлопчатой.

Бухарецъ Карашаръ Асановъ, товару у него: 216 зенденей семенди гладкой, 150 кушаковъ харчевыхъ, 7 ямей бязи, 26 бязей лощоныхъ.

Юргенецъ Назаръ Шигаметевъ, товару у него: 1013 зенденей семенди, 146 кушаковъ харчевыхъ, 21 ямь бязи толстой, 11 юѳтей саѳьяновъ, 30 бязей лощеныхъ, 54 пестреди, рубашка камчатая ношена, рубаха дорогильная, 46 пестредей.

Да у кошевара его 3 ями бязи, 21 зендень семенди.

Бухарецъ Бенделѣй Кулъ Пагалѣевъ, товару у него: 400 зенденей чаровъ, 18 кушаковъ харчевыхъ, 4 каѳтана озямскихъ зенденныхъ, ямь бязи.

Юргенецъ Елъ Болда Канбаровъ, товару у него: 159 зенденей семенди, 180 зенденей гладкой, 2 завѣса выбойчатыхъ, рубашка камчатая, 367 кушаковъ харчевыхъ, 45 бязей лощоныхъ, 4 ѳаты, 2 кушака мелинныхъ, 31 пестредь, 7 бязей лощоныхъ, 7 ямей бязи, 12 юѳтей саѳьяновъ, 481 зенденей чаровъ, 3-и мели, 9 ансырей шолку герденю. Да у него жъ, Иль Болды, посыльново товару 6 дороговъ бухарскихъ, 272 зенденя черчатыхъ, 30 кушаковъ харчевыхъ, 3 ями бязи толстой, 260 зенденей цвѣтныхъ.

Бухарецъ Мамъ Кулъ Болтаевъ, товару у него: 977 зенденей чаровъ цвѣтныхъ, 100 пестредей, 54 ями бязи, пестредь александрѣйская, 20 ансырей шолку путу герденю, кисея, 12 ямей бязи, выбойка, 65 кушаковъ харчевыхъ, 5 кушаковъ чаровъ, 24 кушака харчевыхъ.

На адресѣ: 128-го декабря въ 6 де(нь) подалъ Онтонъ Уразовъ.

Помѣта: Чтена. Отписать: велѣть по зимнему пути отпустить ко государю и пристава съ нимъ послать, и кормъ давать; а о шаховыхъ и юргенскихъ тезикахъ отписать: будетъ которые учнутъ бити челомъ и проситца съ товары къ Москвѣ, а товары будетъ у нихъ будутъ пристойны (?), и ихъ отпустить на ихъ лошадехъ, а подводъ не давать, и съ мелкими съ невеликими товары не отпускати. А которые сами не похотятъ, и ихъ неволею не посылати.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Микитка Вельяминовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 127-мъ году марта въ 4 день пріѣхалъ, государь, ко мнѣ, холопу твоему, на Терекъ изъ Нагай кизылбашской посолъ Али бѣкъ, которой былъ посланъ отъ кизылбашсково ото Абазъ шаха въ Нагаи для ссылки къ нагайскимъ мурзъ, къ Иштереку князю и къ Шапте-

реку мурзѣ Нородыну Тепехматову и хъ Каракель Мамѣтю мурзѣ Урмаметеву, и къ салтанъ Касиму мурзѣ Каракель Мамѣтеву, и къ салтанѣй Агѣ мурзѣ, и къ Уразлѣ мурзѣ, Иштерековымъ дѣтемъ княжово, и къ Бій мурзѣ Баитерекову для того, чтобы онѣ, погайскіе мурзы, ему, Абазъ шаху, добили челомъ и были бы подъ его, Абазъ шаховою, рукою въ холопствѣ. И тотъ, государь, Абазъ шаховъ посолъ, пріѣхавъ подъ Терской городъ, и сталъ вверхъ по Терку рѣкѣ на перемѣте, отъ Терсково города пятнатцать верстъ; а съ нимъ, съ шаховымъ посломъ, са Оли бекомъ, ногайскихъ пословъ Иштерека князя посолъ Курмай багатырь, Шейдяка посолъ Булаичи, отъ Каракель Маметя мурзы посолъ Ку бекъ, отъ салтанъ Касима посолъ Антекъ, отъ Иштерекова сына посолъ салтаны Ага и Урузлы мурзы посолъ Кара багатыръ, Бій мурзы посолъ Мангитъ. А какъ, государь, кизылбашской посолъ Али бекъ подъ Терской городъ на переметъ пріѣхалъ и ко мнѣ, холопу твоему, прислалъ шахова жъ купчину Шай Мурата, чтобы ему быти у твоей царской милости въ Терскомъ городѣ, и кормъ бы ему и провожатыхъ до Тарковъ дати. И я, холопъ твой, кизылбашсково посла Али бѣка въ Терской городъ не пустити и корму ему въ дорогу и провожатыхъ до Тарковъ не дати не смѣлъ, потому что въ твоей государевѣ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамотѣ за приписью твоего государева думново дьяка Петра Третьякова писано ко мнѣ, холопу твоему: будетъ поидетъ шахова рать на крымсково царя, а ко мнѣ, холопу твоему, шахъ отпишетъ или пословъ своихъ пришлетъ и учнетъ просити твоихъ государевыхъ ратныхъ людей на крымсково царя, и мнѣ, холопу твоему, въ твоихъ государевыхъ въ ратныхъ людехъ велено отговаритися, что твои государевы ратные люди всъ Терсково города всѣ въ розсылкѣ по твоимъ государевымъ службамъ. А будетъ, государь, крымской царь съ ратными людьми поидетъ на кизылбашсково на Обазъ шаха, а пришлетъ на Терекъ просити твоихъ государевыхъ ратныхъ людей, и мнѣ, холопу твоему, велено потому жъ отъ крымсково царя въ ратныхъ людехъ отговариватись, что твои государевы терскіе ратные люди всѣ въ розсылкѣ по твоимъ государевымъ службамъ. А дорога, государь, кизылбашскому шаху на крымсково царя, а крымскому на кизылбашсково мимо Терсково города велѣно дати; а велѣно, государь, мнѣ, холопу твоему, съ кизылбашскими и съ крымскими съ ратными людьми ссылатись словомъ, а не письмомъ. И по тому твоему государеву указу я, холопъ твой, поговоря со княземъ Сунчь Алѣемъ черкаскимъ и съ головами стрелецкими, и съ детьми боярскими, кизылбашсково

посла Али бѣка въ Терской городъ пустилъ, а не пустити ево не смѣлъ, потому что по твоему государеву прежнему указу велено мнѣ, холопу твоему, въ сылкѣ са Абазъ шаховымъ величествомъ оберегатися, чтобы твоего государева ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. в-ва со Абазъ шаховымъ величествомъ не ссорити и братства, и дружбы, и любви не нарушити. И по тому твоему государеву указу я, холопъ твой, шахова посла Али бѣка въ Терской городъ пустилъ и кормъ ему въ дорогу далъ; а для провожанья велѣлъ ѣхать сотнику стрелецкому Василью Надобному, а съ нимъ шти человѣкомъ конным стрельцомъ, и велѣлъ ево проводити въ Кумыки до Тарковъ до Ильдара мурзы Суркай шевкалова. А какъ, государь, шаховъ посолъ отъ шаха въ Нагаи шолъ, и кизылбашской шахъ ко мнѣ, холопу твоему, о томъ послѣ Али бекѣ писалъ, чтобы мнѣ, холопу твоему, посла ево Али бѣка въ Нагаи велѣти проводити и кормъ ему въ дорогу дати. А къ тебѣ, къ великому государю, шахъ прислалъ мнѣ, холопу твоему, двѣ грамоты, и я, холопъ твой, тѣ шаховы грамоты послалъ къ тебѣ, къ государю, и о послѣ о Але бѣке къ тебѣ, къ государю, я, холопъ твой, писалъ въ прошломъ въ 126-мъ году, и твой государевъ указъ ко мнѣ, холопу твоему, на Терекъ 127 году августа по 20-е число не бывалъ. Да и то, государь, шаховъ посолъ Али бекъ твоимъ государевымъ толмачомъ сказалъ, что бывъ де ему въ Кизылбашехъ у шаха, да и опять итти въ Нагаи къ нагайскимъ мурзамъ. И будетъ, государь, впередъ учнутъ шаховы послы въ Нагаи или изъ Нагай мимо Терской городъ ходити или ногайскіе мурзы пословъ своихъ мимо Терской городъ къ шаху посылати, и о томъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На адресѣ: 128-го ноября въ 12 де(нь) съ терскимъ жильцомъ съ Васильемъ Смагинымъ да съ сотникомъ съ Васильемъ Надобнымъ.

Помѣта: Чтена. Отписать: будетъ пойду(тъ) шаховы (послы) въ Нагаи, и ихъ мимо пропускать мимо Тер(сково города) и въ острогъ пускать не многихъ люде(й), и кормъ давать, чтобъ тѣмъ съ ша(хомъ) не ссоритца, а къ нимъ держать береженье и въ Ногаехъ провѣдывать подлинно: для чего ссылаютца? и къ нимъ писати и наказывати, чтобъ они отъ государевы милости не отс(тавали) и иного государя себѣ не искали; а шахъ съ государемъ въ д(руж)бѣ, и имъ въ томъ межъ государей нелюбья дѣлать непри(гоже).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Въ нынѣшнемъ во 128-мъ году ноября въ 12 де(нь) писалъ еси къ намъ съ терскимъ жиль-

цомъ съ Васильемъ Смагинымъ, что въ прошломъ во 127-мъ году марта въ 4 де(нь) пріѣхалъ къ тебѣ на Терекъ изъ Нагай кизылбашской посолъ Али бекъ, которой (*и проч.*). И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а впредъ будетъ шаховы послы учнутъ въ Нагаи ходить мимо Терекъ, а къ тебѣ учнутъ присылать, чтобъ тебѣ ихъ въ Терской городъ пустить и кормъ имъ давать, и ты бъ ихъ въ острогъ пускать велѣлъ немногихъ людей и кормъ имъ велѣлъ давать, какъ имъ мочно сытимъ быть, и береженье къ нимъ велѣлъ держати, чтобъ отъ нихъ дурна никоторово не было и имъ бы нихто безчестья никакого не дѣлалъ, чтобъ въ томъ межъ насъ съ шахомъ ссоры никакіе не было, и въ Нагаи бъ еси имъ дорогу давалъ, а самъ бы еси посылалъ въ Нагаи кого пригоже и велѣлъ провѣдывать накрепко всякими мѣрами подлинно, для чего ссылаютца нагайскіе мурзы съ шахомъ: не хотятъ ли нагайскіе мурзы быть подъ шаховою рукою, а отъ нашего жалованья отстать? И будетъ у нихъ ссылка о томъ, что мурзы хотятъ отъ нашего жалованья отстать, а хотятъ быть подъ шаховою рукою,—и хто у нихъ въ томъ дѣлѣ завотчикъ, которые мурзы имянемъ? Да про которыхъ мурзъ провѣдаешь подлинно, что они о томъ съ шахомъ ссылаютца, что хотятъ быть подъ ево рукою, и ты бъ къ тѣмъ мурзамъ писалъ и приказывалъ, чтобъ они, помня свою правду и шерть, на чемъ они намъ, великому государю правду свою дали, на куранѣ шерть учинили, на томъ бы и стояли, намъ, великому государю, служили и отъ нашіе царскіе милости не отставали, и мимо насъ, велнкого государя, никого себѣ государя не искали; а мы ихъ хотимъ держати въ нашемъ царьскомъ жалованьѣ и въ повелѣньѣ подъ нашею царьскою высокою рукою въ прямомъ холопствѣ на вѣки и ото всѣхъ ихъ недруговъ во оборонѣ и въ защищеньѣ; а то имъ самимъ вѣдомо, что шахъ съ нашимъ царьскимъ величествомъ въ дружбѣ и въ любви, и имъ межъ насъ, великихъ государей, тѣмъ ссоры и пелюбья дѣлати непригоже, и они бъ въ правдѣ своей стояли крѣпко и неподвижно и отъ нашіе царьскіе милости отлучны не были, а съ шахомъ насъ не ссорили. И писалъ бы еси къ нимъ и приказывалъ накрепко и нашимъ царьскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживалъ, чтобъ ихъ отъ нашіе милости не отлучить. Да что у тебя впередъ о ногайскомъ дѣлѣ учнетца дѣлать, и ты бъ о томъ писалъ къ намъ къ Москвѣ, а отписки велѣлъ отдавать въ посольскомъ приказѣ діакомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7128-го декабря въ „ “ де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой

Микитка Вельяминовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 128-мъ году маія въ 10 день пріѣхалъ, государь, ко мнѣ, холопу твоему, на Терекъ отъ Шапъ Гирѣя царевича крымскаго, которой служитъ кизылбашскому шаху, человѣкъ ево Маметь ага, а привезъ ко мнѣ, холопу твоему, двѣ грамоты: отъ кизылбашского шаха грамоту да отъ шамахинского Исупъ хана грамоту жъ, писаны по татарски. И я, холопъ твой, велѣлъ перевести переводчику и твоимъ, государевымъ, толмачемъ и грамотъ переводы послалъ къ тебѣ, государю, подъ сею отпискою. И будетъ, государь, впередъ кизылбашской шахъ и шамахинской Исупъ ханъ о твоихъ государевыхъ о какихъ дѣлехъ ко мнѣ, холопу твоему, учнутъ писати, и у меня, холопа твоего, о томъ твоего государева указу нѣтъ, какъ мнѣ, холопи твоему, съ шаховымъ величествомъ или къ шаховымъ воеводамъ отписыватися или словомъ отговариватися, и о томъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На адресѣ: 129-го октября въ 13 день съ терскимъ жильцомъ с-Иваномъ Кирѣевымъ.

Помѣта: Чтена. Бояре приговорили отписати къ Никитѣ: будетъ къ нему впередъ шахъ или ево ханы учнутъ писати, и онъ бы о томъ приказывалъ словомъ, что о нагаехъ указъ государьской въ Асторохани, а Терка городъ украинной и государева указу у него объ нихъ нѣтъ, и шахъ бы о томъ писалъ къ царьскому величеству; а безъ указу ему государского учинити ничего нельзѣ, а то дѣло великое, новое.

Переводъ кизылбашского Абазъ шаховы грамоты:

По шаха самодержца повелѣнію великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. терскому воеводѣ Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Я, какъ съ великимъ государемъ въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и тебѣ бы тако жъ съ царевичемъ Шапъ Гирѣемъ быти въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и онъ, Шанъ Гирѣй царевичь, великой государь. И какъ меня російской великой государь почтитъ, и вы тако же Шанъ Гирѣя царевича почтите. Да которые нагайскіе мурзы съ тобою въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и ты прикажи имъ всѣмъ, чтобъ и онѣ съ Шапъ Гирѣемъ царевичемъ всѣ въ дружбѣ и въ совѣтѣ были. Вѣдомо и такъ, что есть нагайскіе мурзы съ Шанъ Гирѣемъ царевичемъ всѣ въ дружбѣ и въ совѣтѣ, а какъ ты прикажешь имъ, больши того ихъ дружбы и совѣту прибудетъ. Что есть Російского государства великого государя люди, всѣ со мною въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и тебѣ бы приказати всѣмъ мурзамъ того жъ съ Шанъ Гирѣемъ царевичемъ въ дружбѣ и въ совѣтѣ были. А что станетъ впередъ Шанъ Гирѣй царевичь у тебя просити, и тебѣ бы за то не стояти да и погайскимъ мурзамъ прикажи:

за то не стояли жъ бы. А что Шанъ Гирѣй царевичь станетъ у тебя прошати, и тебѣ бы промыслить, а что исъ Крыму Шанъ Гирѣю царевичю дурно или тѣснота учинитца, и тебѣ бы не подати, и будетъ ему тѣснота, и вы ево не подайте, и мнѣ будетъ велико за честь. И вы, великого государя люди, такову дружбу учините Шанъ Гирѣю царевичю, и я съ великимъ государемъ въ дружбѣ и въ совѣтѣ стану больши того и въ любвѣ. А что великой царь Шанъ Гирѣй царевичь станетъ тебѣ говорити, и тебѣ бы то сдѣлать.

Переводъ шамахинского Исупъ хановы грамоты:

Великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. терскому воеводѣ Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову шамахинской Исупъ ханъ много много челомъ бьетъ. Аксакъ де Кель Маметь крымскому царю недругъ, а Шанъ Гирѣю царевичю другъ; а Каракель Маметь крымскому царю другъ, а Шанъ Гирѣю царевичю недругъ, и вы де Аксакель Маметя подали, а Каракель Маметю пособили, и вы смилуйтеся: Аксакель Маметю не подайте, потому что онъ Шанъ Гирѣю царевичю другъ, а не Каракель Маметю, вы пособъ учинили крымскому царю. Російского государства великому государю послу Буладъ беку велено бити челомъ, чтобъ великій государь милость показалъ: никоторому воеводѣ не велѣлъ съ нимъ дружитися.

Отъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Писалъ еси къ намъ съ терскимъ жильцомъ с-Иваномъ Кирѣевымъ, что въ прошломъ во 128-мъ году маія въ 10 де(нь) пріѣхалъ къ тебѣ на Терекъ отъ Шанъ Гирѣя (*и проч.*) И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а шахъ или ево ханы впередъ о Шанъ Гирѣе царевичѣ о помочи или о нагайскихъ мурзахъ учнутъ къ тебѣ писать, и ты бъ къ нимъ приказывалъ словомъ, что по нашему царскому указу нагайскихъ всѣхъ князей и мурзъ вѣдаютъ воеводы наши въ нашей отчинѣ въ Астарахани, и хто къ намъ вѣренъ и служитъ, и тѣхъ по нашему государскому повелѣнью оберегаютъ и на недруговъ ихъ помочь имъ даютъ. А то имъ и самимъ вѣдомо, что нагаи искони вѣчные наши холопи и кочуютъ на Нагайской сторонѣ, блиско Астарахани, и вѣдаютъ ихъ во всемъ наши астараханскіе воеводы; а отъ Терки они отдалели, и что межъ ими дѣлаетца, и того тебѣ не вѣдомо. И будетъ что шахову величеству о нагайскомъ дѣлѣ надобно, и онъ бы о томъ писалъ съ послы своими къ нашему царскому величеству; а тебѣ безъ нашего царского указу ничего учинить не мочно, потому что Терка городъ украинной и отъ Московского государства отдалѣлъ, и такого великого дѣла

безъ нашего царского повелѣнья дѣлати тебѣ не возможно. А что пишетъ нынѣ шахъ или ево ханы о помочи Шапъ Гирѣю царевичю на крымского, и то дѣло новое и великое и безъ нашего повелѣнья того тебѣ учинить нельзѣ жъ. А говорилъ бы еси съ шаховыми и съ хановыми, и съ Шанъ Гирѣевыми послы и гонцы пріятно, гладостью и учтиво, чтобъ тѣмъ шаха съ нами не ссорити и Шанъ Гирѣя царевича не ожесточить. А про Каракель Маметя бъ еси приказалъ, что у Каракель Маметя съ Оксакель Маметемъ межъ ими дѣлаетца, и тобѣ того не вѣдомо, потому что отъ тебя Нагаи отдалѣли, вѣдаютъ ихъ во всемъ и нашъ объ нихъ всякой указъ у астарахапскихъ воеводъ, и кочюютъ о никъ Астарахани, а не къ Теркѣ, а къ Теркѣ ты нагайскихъ людей ни чѣмъ не вѣдаешь. Да что къ тебѣ противъ твоего приказу шахъ или ево ханы, или Шанъ Гирѣй царевичь учнутъ писать или приказывать, и ты бъ о томъ о всемъ писалъ къ намъ, къ Москвѣ, чтобъ намъ про то про все было вѣдомо. А того бъ еси одиолично остерегалъ, чтобъ шаховою и Шапъ Гирѣя царевича па Терку присылкою съ крымскимъ царевичемъ въ ссору не войти. Такъ же бы и того остерегалъ: только крымскіе люди учнутъ ѣздить къ шаху для какова дѣла, а учнутъ заѣзжати для провожанья или для опочиву въ Терской городъ, и то бъ шахъ крымскому съ нами въ соединенье не поставилъ и чтобъ за то съ нами въ нелюбье не вшелъ, чтобъ одиолично на обѣ стороны на Терекъ дороги не было и тѣмъ бы намъ съ шахомъ и съ крымскимъ на обѣ стороны не ссоритца. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го ноября въ 30 де(нь).

Послана такова грамота съ астороханскою проѣзжею станицею, съ астороханскимъ сыномъ боярскимъ съ Корниломъ Бетюковымъ съ товарыщи, а съ нимъ астороханскихъ стрельцы 10 человѣкъ.

Внизу: Переписать.

1620 октября 29. Отписка изъ Казани о персидскихъ тезикахъ торгующихъ въ Казанѣ и отпускъ государевой грамоты о запрещеніи казанскимъ жилѣцкимъ татарамъ отдавать дочерей своихъ девокъ и сестеръ за пріѣзжающихъ изъ Персіи тезиковъ въ замужество и о незаписываніи ихъ въ посадскіе люди безъ доклада государева. На 10 листахъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Лыковъ, Ѳедька Борятинской, Опдрюшка Степановъ, Ивашко Васильевъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 129-мъ году

октября въ 5 день били челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., а намъ, холопемъ твоимъ, принесли челобитные тезики Кизылбашскіе земли торговые люди Мамеделѣй Авезовъ да Муминъ Бакѣевъ. И мы, холопи твои, тѣ ихъ челобитные послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отпискою. А по сыску, государь, тѣ тезики Мамеделѣй и Муминъ женилися въ Казани въ татарской слободѣ въ прошломъ во 125-мъ году и живутъ въ Казани въ татарской слободѣ своими дворы, а торгуютъ на гостине дворѣ, и въ Асторохань и за море торговати ѣздили до нашего же, холопей твоихъ, пріѣзду, и мы, холопи твои, тѣмъ тезикомъ велѣли торговати на гостине дворѣ по прежнему и во дворы свои къ женамъ ихъ въ татарскую слободу ходити велѣли; а записей, государь, жилетцкихъ мы, холопи твои, безъ твоего государева указу по нихъ взяти не смѣли. И о томъ намъ, холопемъ своимъ, вели свой государевъ указъ учинити.

На адресѣ: 129-го октября въ 29 де(нь) подалъ казанецъ Яковъ Тимачевъ.

Помѣта: Чтена государю и бояромъ. Отписать: велѣть тѣмъ тезикомъ жить на гостинѣ дворѣ, а будетъ похотятъ ѣхати къ шаху въ свою землю и ихъ отпустити, и впередъ шаховымъ людемъ и тезикомъ больши году жить не давати, а исторговався, отпустити ихъ назадъ, а въ неволю не держать и въ посадцкіе люди не пріимати и жить много не давати, чтобъ они не розсматривали и не провѣдывали. А будетъ учнутъ бити челомъ и ѣхать не похотятъ или похотятъ креститьца, и о томъ отписать ко государю, а жить на гостинѣ дворѣ, а не въ татарской слободѣ. А будетъ похотятъ и ихъ отпустить однихъ безъ жонъ; а впередъ о женитьбѣ заказати накрѣпко.

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ тезикъ Карасанскіе земли шахбасовы области Мамишко Бакѣевъ. Женился, государь, я у тезика у Ѳарука въ татарской слободѣ, а тотъ Ѳарукъ жилъ въ Казани въ жильцахъ, и дворишко у меня въ татарской слободѣ свой, а женишко мое живетъ въ татарской слободѣ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всея Русіи, смилуйся, пожалуй, государь, вели меня написать здѣся въ Казани въ жильцы и вели меня по(ло)жить въ тягло по животишкамъ моимъ, по чему мнѣ твоя государева служба служить, и освободи, государь, мнѣ жить въ татарской слободѣ въ своемъ дворишкѣ. Государь, смилуйся!

На оборотѣ: معلوم باشد که خواجه محمد مومین خط نداشت من ده حافظ

جانداری‌م نوشتم *То-есть:* Да будетъ вѣдомо, что Мухаммедъ Муминъ писать не умѣетъ, писалъ я, Хафизъ Джандари.

Царю государю и в. кп. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ тезикъ Карасанскіе земли шахбасовы области Мамеделѣйко Авесовъ. Женился, государь, я здѣся въ Казани у слобоцкова татарина у Ивакъ Абыза, и дворишко у меня въ татарской слободѣ свой, а женишко мое живетъ въ татарской слободѣ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь в. Р., смилуйся, пожалуй, государь, вели меня написать здѣся въ Казани въ жильцы и вели, государь, меня положить въ тягло по животишкамъ моимъ, по чему мнѣ твоя государева служба служить, и освободи, государь, жить мнѣ въ татарской слободѣ въ моемъ дворишкѣ. Государь царь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ: معلوم باشد که محمد علی خط نداشت من که حافظ ام نوشتم *То-есть:* Да будетъ извѣстно, что Мухаммедъ Али писать не умѣетъ, писалъ же я, Хафизъ.

Отъ царя и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову да князю Ѳедору Петровичю Борятинскому, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Степанову да Ивану Васильеву. Писали есте къ намъ, что въ нынешнемъ во 129-мъ году октября въ 5 день били намъ челомъ *(и проч.)*. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тѣмъ тезикомъ Мамеделѣю Авезову да Мумину Бакѣеву велѣли торговати въ Казани на гостине дворѣ, по тому жъ, какъ и инымъ торговымъ шаховымъ людемъ, а будетъ они похотятъ ѣхать къ шаху въ свою землю, и вы бъ ихъ отпустили безъ женъ, и впередъ бы есте шаховымъ людемъ и тезикомъ больши году и не для торгу въ Казани жить не давали: какъ опѣ исторгуютца, и вы бъ ихъ отпускали назадъ, а въ неволю ихъ въ Казани не держали и въ посадцкіе люди ихъ не пріимали, и жити имъ въ Казани много однолично не давали, чтобъ они, живучи въ городе и въ остроге, никакихъ крепостей не розсматривали и вестей никакихъ не розвѣдывали. А будетъ кизылбашскіе тезики учнутъ намъ бити челомъ о томъ, чтобъ имъ быти въ Казани, а къ шаху ѣхать не похотятъ, или похотятъ креститца, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а имъ до тѣхъ мѣстъ велѣли жить на гостине дворѣ, а не въ татарской слободѣ. А которые тезики похотятъ изъ Казани ѣхать къ шаху, и вы бъ ихъ отпускали однихъ безъ жонъ, а жонъ бы съ ними не отпускали, и впередъ бы есте казанскимъ татаромъ приказали накрепко съ великимъ укрепленьемъ, чтобъ однолично казанскіе татарове за кизылбашскихъ тезиковъ дочерей

своихъ и сестръ, дѣвокъ и вдовъ, не давали и во дворы ихъ къ себѣ не пріимали. А хто впередъ за какова кизылбашенина после нынешнего нашего указу выдастъ дочь свою или сестру, дѣвку или вдову, и вы бъ надъ тѣми людьми чинили наказанье, смотря по винѣ, чтобъ одиолично того самовольства впередъ не было, а татарове бъ съ чюжеземцы не племянилися и пацежъ на нихъ никакихъ не имѣли, чтобъ въ томъ межъ насъ и кизылбашского шаха какой ссоры и въ татарехъ какого дурна не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го ноября въ 14 день.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Лыковъ, Ѳедька Борятинской, Ондрюшка Степановъ, Ивашко Васильевъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 129-мъ году октября въ 14 день въ твоей государеве цареве и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ: которые тезики Кизылбашскіе земли купецкіе люди пріѣхали бу(дто) съ торгомъ во 127-мъ году, а не на твое государево (им)я и женились въ Казани, и намъ бы, холопемъ твоимъ, велѣти ихъ отпустити въ Кизылбаши, а жонъ ихъ довати имъ не велѣти и въ Кизылбаши имъ съ ними не отпускать и взять по нихъ поруки крепкіе, что имъ съ тѣми своими мужьями исъ Казани въ Кизылбаши не сьѣхать; а впередъ бы намъ, холопемъ твоимъ, о томъ учинити заказъ (накрѣп)ко подъ смертною казнью, чтобъ нихто . . . . . учнутъ бити челомъ тебѣ, государю, о томъ, чтобъ имъ жити въ Казани, а къ шаху не ѣхать и похотятъ креститца, и намъ бы, холопемъ твоимъ, писати къ тебѣ ко государю къ Москве, а имъ бы, государь, до тѣхъ мѣстъ велѣти жити на гостине дворѣ, а не въ татарской слободѣ. А которые тезики похотятъ исъ Казани ѣхать къ шаху, и намъ бы, холопемъ твоимъ, отпускать ихъ безъ жонъ, а жонъ бы съ ними не отпускать и впередъ бы, государь, намъ, холопемъ твоимъ, казанскимъ татаромъ о томъ приказати накрепко съ великимъ укрепленьемъ, чтобъ одиолично казанскіе татарова за кизылбашскихъ тезиковъ дочерей своихъ и сестеръ, дѣвокъ и вдовъ, не давали и во дворъ ихъ къ себѣ не пріимали, а хто впередъ какова кизылбашенина после нынешняго твоего государева указу выдастъ дочь свою или сестру, дѣвку или вдову, и намъ бы, холопемъ твоимъ, надъ тѣми людьми чинить наказанье, смотря . . . . . одиолично того самоволь . . . . . дѣвку или жонку, а про то сыщетца, и тѣмъ людемъ быти отъ тебя, государя, кажненымъ смертью. А заказати бъ намъ, холопемъ твоимъ, о томъ безъ кизылбашскихъ

купецкихъ людей, чтобъ кизылбашскіе купецкіе люди того отъ насъ, холопей твоихъ, не слыхали. А будетъ которые тезики для жонъ своихъ въ свои земли ѣхати не похотятъ, и намъ бы, холопемъ твоимъ, въ неволю ихъ не высылать и о томъ писати къ тебѣ ко государю. Да после, государь, того декабря въ 12 день въ другой твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ, по нашей, холопей твоихъ, отписке. . . велѣти бъ тезикомъ Мамеделѣю Авезову да Ма(мейкѣ) Бакѣеву торговать въ Ка . . . на гостине дворѣ по тому жъ, какъ и инымъ торговымъ шаховымъ людемъ. А будетъ, государь, похотятъ они ѣхать къ шаху въ свою землю, и намъ бы ихъ отпустити безъ женъ и впередъ бы шаховымъ (тези)комъ болши году и не для торгу въ Казани . . . . . А какъ они исторгуютца, и намъ . . . . . (на)задъ, а въ неволю ихъ въ Казани . . . . посадцкіе люди ихъ не пріимать . . . . много не давать, чтобъ они, жи . . . . . .(о) строге никакихъ крепостей не . . . вестей никакихъ не розвѣды . . . . . кизылбашскіе тезики. . . . .

На адресѣ: . . . . іюня въ 15 день съ казанцомъ съ Смирнымъ Ондреяновымъ.

На оборотѣ: Въ столпъ, чтена.

1621 генваря 7. Отписки изъ Астрахани отъ воеводъ князь Семена Прозоровскаго съ товарищи о требуемомъ позволеніи продавать ли оставленнымъ въ Астрахани отъ шаховыхъ пословъ и купчинъ людямъ между прочими товарами соколовъ, ястребовъ и болобановъ.—Отпускъ государевой грамоты о непродажѣ онымъ персіяномъ не токмо хорошихъ птицъ; но и лучшихъ соболей, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ, дабы не одешевить чрезъ то посылаемыхъ къ шаху подарковъ. На 4 листахъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю въ Р. холопи твои, Сенька Прозоровской, Ортюшка Измайловъ, Васька Мартемьяновъ, челомъ бьютъ. Отпущаетъ къ тебѣ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. исъ Кизылбашъ кизылбашской шахъ Аббасъ пословъ и купчинъ своихъ, и тѣ, государь, послы и купчины, ѣдучи къ тебѣ, къ государю, оставливаютъ въ Асторохани для всякихъ покупокъ людей своихъ, а шахъ Аббасъ, государь, въ грамотахъ своихъ съ послы и съ купчины своими къ намъ, холопемъ твоимъ, пишетъ, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, тѣмъ людемъ, которыхъ послы и купчины его остав-

ливаютъ въ Асторохани для всякихъ покупокъ, поволити имъ въ Асторохани покупати всякіе рускіе товары и птицы, соколы и ястребы, и болобаны; а о томъ, государь, у насъ, холопей твоихъ, твоего государева указу нѣтъ, что въ Асторохани посольскимъ и купчининымъ людемъ птицъ соколовъ и ястребовъ, и болобановъ покупати велѣти-ль или не велѣть. И о томъ намъ, холопемъ своимъ, какъ, государь, укажешь?

На адресѣ: 129-го генваря въ 7 день подалъ Дмитрей Горожанкинъ.

Помѣта: Чтена. Указалъ государь отписати о птицехъ по тому жъ, что писано о птицахъ въ Казань.

Отъ царя и великого князя Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Астарахань стольнику нашему и воеводе князю Семену Васильевичю Прозоровскому да окольничему нашему и воеводе Ортемью Васильевичю Измайлову, да дьяку нашему Василью Мартемьянову. Писали есте къ намъ съ сотникомъ стрелецкимъ съ Дмитріемъ Горожанкинымъ, что оставливаютъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ въ Астарахани русскимъ всякимъ людемъ приказали, чтобъ они шаховыхъ пословъ и купчинъ людемъ, которыхъ они оставливаютъ для всякихъ покупокъ въ Асторохани птицы ястребы обычные и ястребцы, и чеглики, и кобцы, и болобаны, и зверки горностаи, и куницы, и бѣлки живые, и лисицы красные продавали большею ценою, чтобъ птицъ и зверковъ не одешевити,—опричь кречетовъ и соколовъ, и ястребовъ бѣлыхъ, и опричь соболей и лисицъ и рысей живыхъ, и соболей живыхъ, и лисицъ чорныхъ, и рысей живыхъ, и птицъ кречатовъ, и соколовъ, и ястребовъ бѣлыхъ продавати имъ отнюдь не велѣли никоторыми дѣлы, потому что тѣ звѣри и птицы посылаютца отъ насъ къ шаху въ дарѣхъ и ихъ бы не одешевити, и кромѣ бъ нашіе посылки тѣ звѣри и птицы изъ нашего государства къ шаху не ходили. А приказывали-бъ есте о томъ російскимъ и всякимъ людемъ тайно, чтобъ про то кизылбашскіе купчины, которыхъ оставливаютъ въ Астарахани шаховы послы и купчины, не свѣдали, и имъ бы то было не знатно, да сказавъ бы есте такихъ птицъ и звѣрей, какихъ по нашему указу продавать не велено шаховымъ людемъ, не велѣли; а гдѣ притчею такой товаръ, кречетъ и соколъ, и ястребъ бѣлой и соболь живой, или лисицу чорную и рысь увидятъ, и вы бъ велѣли отказывать тому, у кого увидятъ, что то не продажное, сказывали бъ, что куплено на нашъ обиходъ или ваше, воеводцкое, а такъ бы не отказывали, что продавать не велѣно, чтобъ одполично тѣмъ намъ съ шахомъ не ссоритца-

А продавали бъ астарахапцы торговые и всякіе люди кизылбашеномъ птицы балабаны, ястребы худые и ястребцы, и чеглики, и кончики, и иные мелкіе птички и зверки, лисицы красные и горностая, и бѣлки, и купицы, сказывая вамъ, доброю цѣною, исъ чести, а за бесцѣпокъ не отдавали. О томъ бы есте приказали тайно, чтобъ того кизылбашеномъ было не знатно, и сеѣ нашу грамоту вѣдали вы одни, а иной бы нихто сеѣ нашіе грамоты не вѣдалъ, чтобъ про то у шаха не отозвалось, что о томъ нашъ указъ, что тѣхъ товаровъ его людемъ не продавать, чтобъ межъ насъ съ шахомъ о томъ ссоры не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го ѳевраля въ 19 день.

Послана съ кизылбашского гонца съ приставы съ нижегородцомъ съ Карпомъ Скрыпьевымъ да съ толмачемъ съ Юрьемъ Иваповымъ того жъ дни.

$\frac{7129}{1621}$ іюля 23 и 29. Отписка изъ Астрахани отъ воеводъ о пріѣзжихъ изъ Персіи россійскихъ торговыхъ людяхъ, коимъ чинено было тамъ великое притѣсненіе, цѣнили товары ихъ по произволенію, накладывали на оныя чрезмѣрныя пошлины и отымали безденежно. Отпускъ государевой грамоты о присылкѣ о томъ въ Москву обстоятельнѣйшаго свѣденія для объясненія шаху. На 10 листахъ.

Государю ц. и в. кп. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Сенка Прозовской, Ортюшка Измайловъ, Васка Мартемъяновъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, въ 129-мъ году іюня въ 10 день пріѣхали въ Астарахань изъ за моря исъ Кизылбашскіе земли, на тезицкихъ бусахъ, рускіе торговые люди, казанецъ Семейка Дѣевъ съ товарыщи, а въ роспросе намъ, холопемъ твоимъ, сказывали: какъ де, государь, они были въ Кизылбашской землѣ, и въ Ардевиле де, государь, да въ Легожанс городѣхъ отъ приказныхъ людей и отъ тезиковъ была имъ теспота и обида, и насильство великое: товары ихъ, оцѣня сами своею ценою, имали сильно, а иные товары у нихъ отнимали безденежно, и пошлины съ товаровъ ихъ имали великіе, а иныхъ де, государь, рускихъ людей напрасно били и за приставовъ давали, а прежъ деи, государь, сего, какъ они, рускіе люди, въ Кизылбашской землѣ съ товары бывали, и имъ де, государь, такіе теспоты и обиды, и насильства не бывало. И мы, холопи твои, о тѣхъ обидахъ въ Кизылбаши безъ твоего государева указу писати не смѣемъ, и образцовыхъ, государь, грамотъ, какъ писать, въ Астарахани нѣтъ. И о томъ, государь, намъ, холопемъ своимъ, какъ укажешь?

На адресѣ: 129-го іюля въ 23 де(нь) подалъ асторохапецъ Василей Уваровъ.

Помѣта: Отписать: велѣть отписать наскоро, распрося подлинно, кому именемъ и въ коемъ городѣ что насильство учинилося, и у кого что взяли, и сколь давно, и съ шахова-ль веленья или сами учинили? да о томъ отписать ко государю.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторахань стольнику нашему и воеводе князю Семену Васильевичю Прозоровскому, окольничему нашему и воеводе Ортемью Васильевичю Измайлову да дьякомъ нашимъ, Василью Яковлеву да Василью Мартемьянову. Въ нынешнемъ во 129-мъ году іюля въ 23 день писали есте къ намъ съ астораханцомъ съ Васильемъ Уваровымъ, что въ нынешнемъ во 129-мъ году іюня въ 10 день (*и проч.*). А о томъ есте рускихъ торговыхъ людей не роспросили и къ намъ не отписали: кому именемъ нашимъ людемъ въ Кизылбашской землѣ и въ которомъ городѣ насильство учинилося и отъ кого именно отъ кизылбашскихъ людей, и у кого что взяли имянно порознь, и сколь давно, и съ шахова-ль велѣнья такъ надъ нашими торговыми людьми дѣлали, или безъ шахова вѣдома? И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тѣхъ всѣхъ торговыхъ людей, которые пріѣхали исъ Кизылбашъ, велѣли поставить передъ собою и ихъ роспросили сами подлинно: кому имянемъ нашимъ торговымъ людемъ и въ которомъ городе въ Кизылбашехъ шаховы приказные люди и тезики чинили наспльство и обиды, и хто имяны шаховы люди, и какіе обиды и насильства чинили, и сколько у кого имянемъ у нашихъ людей какихъ рускихъ товаровъ ценили по своей цѣнѣ сильно и по ихъ цѣнѣ имали, и что кому передъ рускою ценою учинилось убытковъ, и на колько у кого какихъ товаровъ шаховыхъ приказные люди взяли сильно, и кого имянемъ нашихъ торговыхъ людей и которыхъ нашихъ городовъ шаховы приказные люди били и за приставовъ давали, и за что ихъ били и за приставовъ давали, и въ какихъ дѣлехъ, и съ шахова ли повелѣнья такъ надъ ними дѣлали или собою? И наши торговые люди шаховымъ приказнымъ людемъ о томъ били-ль челомъ и тезикомъ говаривали-ль, что онѣ надъ ними дѣлаютъ негораздо, мимо прежніе обычеи? И что имъ шаховы приказные люди и тезики противъ ихъ речей говорили и тѣ имъ отказывали? А роспрашивали бъ есте ихъ и къ намъ отписали о всемъ подлинно, чтобъ намъ было о чомъ впередъ къ шаху писати и неправды ихъ доходить было на комъ. Да и про пошлины бъ есте нашихъ торговыхъ людей роспросили подлинно жъ: въ прежнихъ годѣхъ, какъ онѣ въ шаховы городы съ товары своими ѣзживали,

по чему съ ихъ рускихъ товаровъ на шаха имывали пошлинъ порознь и въ одинъ ли рядъ на пріѣзде и на отпуске пошлины съ нихъ имывали, или вдвое, и какіе пошлины имали, или съ нихъ никакихъ пошлинъ напередъ сего не имывали? и сколько съ нихъ нынѣ взяли передъ прежнимъ лишнихъ пошлинъ? А роспроси ихъ подлинно, о томъ о всемъ отписали и роспросные ихъ рѣчи прислали къ намъ къ Москвѣ наскоро въ станцѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову, да и впередъ которые наши торговые люди учнутъ къ вамъ въ Асторохань пріезжать исъ Кизылбашъ, и вы бъ ихъ по тому жъ про то про все и про иные про всякіе вѣсти роспрашивали подлинно жъ и о всемъ писали къ намъ по часту. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го іюль въ 29 день.

На оборотѣ: послана съ астороханскимъ сотникомъ стрелетцкимъ съ Олексѣемъ Бахмуровымъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову, да князю Ѳедору Петровичю Борятинскому, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Степанову да Ивану Васильеву. Нынешнего 129-го году іюля въ 23 день писали къ намъ изъ Асторохани (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ казанца Семейку Дѣева и иныхъ всѣхъ торговыхъ людей, которые пріѣхали исъ Кизылбашъ, велѣли поставить передъ собою и ихъ роспросили сами подлинно: кому имянемъ нашимъ торговымъ людемъ и въ которово городѣ въ Кизилбашехъ шаховы приказные люди и тезики чинили насильство и обиды, и хто имяны шаховы люди, и какіе обиды и насильства чинили, и сколько у кого имянемъ нашихъ людей какихъ рускихъ товаровъ ценили по своей ценѣ сильно и по ихъ ценѣ имали, и что кому передъ рускою цѣною учинилось убытковъ, и на колько у кого какихъ товаровъ шаховы жъ приказные люди взяли сильно, и кого имянемъ нашихъ торговыхъ людей и которыхъ нашихъ городовъ шаховы приказные люди били и за приставовъ давали, и за что ихъ били и за приставовъ давали въ какихъ дѣлехъ, и съ шахова-ль повелѣнья такъ надъ ними дѣлали, или безъ шахова? И наши торговые люди шаховымъ приказнымъ людемъ о томъ бивали ль челомъ и тезикомъ говаривали ли, что онѣ и тезики надъ ними дѣлаютъ не гораздо, мимо прежніе обычаи? и что имъ шаховы приказные люди и тезики противъ ихъ рѣчей говорили и чѣмъ имъ отказывали? А роспрашивали бъ есте ихъ и къ намъ писали о всемъ подлинно, чтобъ намъ было о чемъ впередъ къ шаху писать и неправды ихъ доходить

было на комъ. Да и про пошлины бъ есте нашихъ торговыхъ людей роспросили подлинно жъ: въ прежнихъ годѣхъ, какъ они въ шаховы городы съ товары своими ѣзживали, по чему съ ихъ, съ рускихъ, товаровъ на шаха имывали пошлинъ порознь, и въ одинъ ли рядъ на пріѣздѣ и на отпускѣ пошлины съ нихъ имывали, или вдвое, и какіе пошлины имали, или съ нихъ никакихъ пошлинъ напердъ сего не имывали? и сколько съ нихъ ныне взяли передъ прежнимъ лишнихъ пошлинъ? А распрося ихъ подлинно, о томъ о всемъ отписали и роспросные ихъ рѣчи прислали къ намъ къ Москвѣ наскоро въ станицѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ діякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Раманчюкову. Да и впередъ которые наши торговые люди учнутъ къ вамъ въ Казань пріѣзжать изъ Кизылбашъ, и вы бъ ихъ по тому жъ про то про все и про иные про всякіе вѣсти роспрашивали подлинно жъ и о всемъ писали къ намъ почасту.

Внизу: 129-го іюля въ 29 де(нь) съ астороханскимъ сотникомъ стрелетцкимъ съ Олексѣемъ Бахмуровымъ.

ДОБАВЛЕНІЕ [1]).

1617 ноября 18—1618 мая 24. Отпускъ изъ Москвы персидскихъ пословъ Кая Салтана и Булатъ бека, бытность ихъ у государя и у бояръ на конференціи, докладныя выписки и памяти въ разные приказы о даванномъ въ прежнія времена отъ государя персидскимъ и россійскимъ отправляемымъ въ Персію посламъ жалованьѣ. Записки шаховымъ и посольскимъ подаркамъ съ аценкою оныхъ. Грамоты государевы въ понизовыя города также къ Кумыцкому князю Гирею и къ Горскимъ князьямъ о пропускѣ, какъ вышеупомянутыхъ персидскихъ, такъ и отправляемыхъ съ ними россійскихъ пословъ князь Михайла Борятинскаго, Ивана Чичѣрина и дьяка Михайла Тюхина и о дачѣ имъ корму, питья, судовъ, подводъ и провожатыхъ. На 246 листахъ [2]).

$\frac{7126}{1618}$ *генв. 4. Церемоніалъ, какъ были у государя на отпускѣ персидскіе послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, о чемъ предлагали будучи въ набережной полатѣ съ бояры на конференціи и что имъ на то отвѣтствовано, чѣмъ государь пожаловалъ сихъ пословъ на отпускѣ; и выписка съ 1590-го по 1617 годъ, что давалось на отпускахъ персидскимъ*

---

[1]) Это дѣло по недосмотру не было помѣщено въ надлежащемъ мѣстѣ. Ему слѣдуетъ находиться послѣ 298-й страницы, передъ посольствомъ князя М. П. Барятинскаго.

[2]) Въ дѣйствительности на 256 листахъ.

послам и посланникам государева жалованья, и что послано съ посланником Ѳедором Левонтьевым къ шаху поминков. (Л. 1—58).

И генваря въ 4 де(нь) въ недѣлю кизылбашскіе послы Кая бекъ да Булатъ бекъ были у государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на дворѣ на отпускѣ. А посланъ подъ кизылбашскихъословъ звати ихъ къ государю приставъ ихъ, князь Ѳедоръ Волконской. А лошеди подъ нихъ съ санми и подъ шаховыхъ кречетниковъ и подъ посольскихъ людей лутчихъ лошеди съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни противъ того же, сколько посылано къ нимъ въ тѣ поры, какъ онѣ были у государя на пріѣздѣ.

А ѣхали съ послы въ городъ: у большово посла ѣхалъ съ правую сторону князь Ѳедоръ Волконской, а съ лѣвую —діякъ Иванъ Шевыревъ. А у дрогово посла съ правую сторону ѣхалъ Соловой Протасьевъ да переводчикъ Своитинъ Каменевъ. А передъ послы ѣхали въ городь дѣти боярскіе и дворовые люди, и подъячихъ и конюховъ 100 человѣкъ.

А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. въ тѣ поры былъ въ золотой въ середней въ подписной полатѣ и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣстѣ и въ царскомъ платьѣ въ діадимѣ съ скиѳетромъ. А по обѣ стороны государя стояли рынды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чепяхъ, съ правую сторону стольники: князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Одоевской да князь Матвѣй княжъ Васильевъ сынъ Прозоровской, съ лѣвую сторону: князь Семенъ княжъ Васильевъ сынъ Прозоровской да князь Михайло княжъ Семеновъ сынъ Гагаринъ. А бояре и окольничіе, и дворяне большіе сидѣли въ золотыхъ шубахъ да въ черныхъ шапкахъ. Въ большой лавкѣ отъ государя сидѣли бояре: князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской, князь Иванъ Михайловичь Воротынской съ товарыщи. А въ другой лавкѣ по правую сторону отъ государя сидѣли бояре же: князь Ѳеонасей Васильевичь Лобановъ-Ростовской и окольничіе жъ и дворяне большіе. А думные діяки Сыдавной Васильевъ, Миколай Новокщеновъ стояли. А стольники и дворяне большіе сидѣли при государѣ въ полатѣ въ золотномъ же платьѣ. А въ сѣнехъ передъ золотою полатою сидѣли дворяне и дьяки и приказные люди и гости въ золотномъ же платьѣ. А по крыльцу и по середней лѣсницѣ были дворяне же и дѣти боярскіе и приказные люди въ золотномъ же и въ чистомъ платьѣ. А стрѣльцы всѣхъ приказовъ стояли съ рушницами отъ середніе лѣсницы и до Ѳроловскихъ воротъ и ото Ѳроловскихъ воротъ площедью, и Ильинскою улицею до посольского двора, гдѣ стояли кизылбашскіе послы. А пріѣхавъ послы въ городъ, вышли изъ саней на мостки противъ казенные

полаты середнего быка. А кречетники и барсовники ссѣли съ лошадей противъ казеннова двора воротъ; а посольскіе люди ссѣли у угла Арханьилскіе паперти. И шли послы къ государю середнею лѣсницею. А какъ послы вошли на переходы, и встрѣчали ихъ двѣ встрѣчи: въ первой встрѣчѣ вышелъ исъ проходныхъ сѣней на крыльцѣ князь Олексѣй княжъ Григорьевъ сынъ Долгорукой да діякъ Богданъ Губинъ; въ другой въ большой встрѣчѣ середи проходные полаты встрѣтили князь Данило княжъ Ивановъ сынъ Долгорукой да діакъ Семенъ Головинъ. И шли встрѣчники передъ послы: первой встрѣчѣ напередъ, а другой послѣ ихъ.

А какъ послы вошли къ государю въ полату, и явилъ ихъ государю челомъ ударить окольничей Олексѣй Ивановичь Зузинъ, а молылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! Брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шаха Аббаса послы Кая бекъ да Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударили и на вашемъ царскомъ жалованьѣ челомъ бьютъ.

И послы били челомъ на государевѣ жалованьѣ, что государь жаловалъ, послылалъ къ нимъ съ столомъ. И государь пожаловалъ, велѣлъ посломъ сѣсти на скамейкѣ, а скамейка была, какъ и литовскимъ посломъ.

А посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому думному діяку Петру Третьякову кизылбашскимъ посломъ молыть рѣчь. И по государеву приказу думной діякъ Петръ говорилъ посломъ рѣчь, а молылъ:

Кая бекъ, Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ вамъ говорити: о которыхъ дѣлехъ писалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасъ, въ своей любительной грамотѣ и о которыхъ о нашихъ государскихъ о вопчихъ дѣлехъ вы нашимъ приказнымъ людемъ послѣ посольства объявили, и мы, великій государь, наше царское величество тѣ всѣ дѣла выслушали и велѣли вамъ на тѣ на всѣ дела отвѣтъ учинить боярину нашему и намѣстнику нижегородцкому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому-Ярославскому, окольничему нашему и намѣстнику шатцкому Олексѣю Ивановичю Зузину да думпому нашему діяку Петру Третьякову, да дьяку Саве Рамапчюкову, и вы подите въ отвѣтную полату.

А какъ рѣчь изговорилъ, и государь велѣлъ съ послы приставомъ итти въ отвѣтпую въ набережную полату. А провожали ихъ встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.

А какъ пошли послы отъ государя въ отвѣтную полату, и государь велѣлъ къ себѣ позвати исъ посольскіе полаты кумытцкого Гирѣя князя да брата ево Ильдарова посла Смаиля. А какъ онъ у государя былъ и что ему при государѣ дано жалованья, и какъ рѣчь говорена на отпускѣ, и тому всему записка въ особномъ въ кумытцкомъ столпикѣ.

А какъ Гирѣевъ и Ильдаровъ посолъ пошелъ отъ государя къ себѣ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. посылалъ къ кизылбашскимъ посломъ отъ себя, отъ государя, съ отвѣтомъ боярина и намѣстника нижегородцково князя Олексѣя Юрьевича Ситцкого да окольничего и намѣстника шатцково Олексѣя Ивановича Зузина, да думпово діяка Петра Третьякова, да дьяка Саву Рамапчюкова. И какъ бояре и дьяки вошли въ отвѣтную полату, и послы бояръ встрѣтили середи полаты, и явилъ бояръ посломъ діякъ Сава Раманчюковъ, а молылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель выслалъ къ вамъ на отвѣтъ бояръ своихъ: боярина своего и намѣстника нижегородцково князя Олексѣя Юрьевича Ситцкого, окольничего и намѣстника шатцково Олексѣя Ивановича Зузина да думново діяка Петра Третьякова, да діяка меня, Саву Раманчюкова.

И бояре и дьяки съ послы корошевалися, а корошевався, сѣли бояре и дьяки по мѣстомъ, а посломъ велѣли сѣсти противъ себя на скамейкѣ и говорили посломъ отвѣтъ по статьямъ.

Бояринъ князь Олексѣй Юрьевичь Ситцкой говорилъ: Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ вамъ говорити: пришли есте къ нашему ц. в. отъ брата нашего шахъ Аббасова в. о дружбѣ и о любви съ любительною грамотою и о иныхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ о любительныхъ дѣлехъ, и мы, великій государь, наше ц. в. ту, брата нашего, грамоту выслушали любительно, а въ грамотѣ къ нашему ц. в. братъ нашъ шахъ Аббасово в. писаль, что присылали есмя къ нему, брату нашему, посланника нашего съ нашею царского в. съ любительною грамотою, и онъ, братъ нашь, шахъ Аббасово в. грамоту нашего ц. в. приняли и рѣчь у посланника нашего выслушали любительно и, слыша про наше ц. в. здоровье, братъ нашь Аббасъ шахово в. добрѣ обрадовался. И учинился братъ нашь шахъ Аббасово в. съ нами, великимъ государемъ, съ нашимъ ц. в. въ брацкой любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ такъ же, какъ и съ

прежними великими государи цари и в. князи російскими, предки нашими. И послалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. о дружбѣ и о любви съ нашимъ посланникомъ вмѣстѣ съ своею любительною грамотою тебя, посла своего вѣрного и ближнего своего двора капычѣйского агу Кая бека, и намъ бы, великому государю, нашему ц. в. съ нимъ, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в. по тому же быть въ братственной въ крѣпкой дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ, и торговымъ бы людемъ торгъ былъ повольной. А что намъ, великому государю, годно въ его, брата нашего, государствѣ, и намъ бы, великому государю, о томъ велѣти къ нему, брату нашему, къ шахъ Аббасову в. приказати, и онъ то все наше дѣло любительно исполнитъ. А вы, брата нашего шахъ Аббасова в. послы, послѣ посольства нашимъ приказнымъ людемъ въ рѣчахъ своихъ объявили, что де приказалъ вамъ братъ нашь, великій государь вашь, шахъ Аббасово в. намъ, великому государю, нашему царскому в. известити, что по нашему ц. в. указу посланникъ нашь Ѳедоръ Левонтьевъ говорилъ брату нашему, шахъ Аббасову в., чтобъ онъ, братъ нашь, прислалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. въ помочь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и государь де вашъ послаппику нашему сказалъ, что онъ, братъ нашь, посылаетъ нынѣ къ нашему ц. в. лехкую казну, что нынѣ у него, брата нашего, вскорѣ лучилось послать. А какъ, дастъ Богъ, вы, послы его, брата нашего, будете у насъ, великого государя, у нашего ц. в., и что мы, великій государь наше царское в. къ нему, брату нашему, къ шахъ Аббасову в. съ вами о казнѣ или о ратныхъ людехъ, или про иное про какое дѣло прикажемъ, и братъ нашъ, великій государь вашъ, шахъ Аббасово в., то все намъ, великому государю, нашему ц. в. по нашей царской волѣ исполнитъ, какъ нашему ц. в. будетъ годно.

Окольничей Олексѣй Иваповичь Зузинъ говорилъ:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ вамъ говорити:

И какъ всемогущего Бога милостію и хотѣніемъ, а по племени прежнихъ великихъ государей ц. и великихъ князей російскихъ и по избранью всѣхъ великихъ Російскихъ государствъ всякихъ чиновъ людей учились мы, великій государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с., на нашихъ великихъ и преславныхъ Російскихъ государствахъ великимъ государемъ царемъ и в. кн. в. Р. самодержцемъ, и мы, великій государь, наше ц. в., вѣдая прежнихъ великихъ государей

ц. и в. кн. російскихъ, предковъ нашихъ, съ прежними великими государи персидскими шахи съ предки государя вашего и нынешнего великого государя вашего, брата нашего, шахъ Аббасова в. зъ дядею нашимъ, съ великимъ государемъ, блаженные высокославные памяти, съ царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. с. и съ царемъ и великимъ княземъ Борисомъ Ѳедоровичемъ в. Р. с. братственную дружбу и любовь и ссылку, и хотя мы, великій государь [1]), впередъ зъ братомъ нашимъ съ шахъ Аббасовымъ в. быти въ крѣпкой брацкой дружбе и въ любви и въ сылке прежъ всѣхъ великихъ государей братьи нашей брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, нашею братственною дружбою и любовью окозались: посылали есмя къ нему, брату нашему, государство наше обестити и о братственной дружбѣ и о любви напомянути посланника нашего, Михайла Тихапова, и его, брата нашего, шахъ Аббасова в. посла Амиръ Але(и) бека, которой былъ въ нашихъ великихъ Російскихъ государствахъ въ безгосударное время, къ нему, брату нашему, отпустили. И братъ нашъ, шахъ Аббасово в., того нашего посланника принялъ и къ намъ ево отпустилъ; а съ нимъ вмѣсте присылалъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству съ своею любительною грамотою и поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ посланника своего тебя, Булатъ бека. А въ грамотѣ своей къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасово в., писалъ и рѣчью съ тобою приказывалъ, что онъ, братъ нашъ, хочетъ съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви и въ сылкѣ навеки неподвижно и на всякого нашего недруга хочетъ съ нами, великимъ государемъ, стояти заодно. А напередъ тебя, Булатъ бека, присылалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасово в., зъ грамотою въ прошломъ во 123-мъ году гилянца Хозя Муртозу, и Хозя Муртоза говорилъ нашимъ приказнымъ людемъ: будетъ намъ, великому государю, противъ нашихъ недрузей надобно на помочь какіе казны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, къ брату нашему, къ великому государю вашему, къ шахъ Аббасову в—ву отписать или приказать, не стыдясь, и онъ, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. намъ, великому государю, ни за что не постоитъ: тотчасъ къ намъ, великому государю, казны пришлетъ. И мы, великій государь, наше ц. в., оказуючи къ брату нашему, къ шахъ Аббасову

---

[1]) Въ другомъ спискѣ послѣ этихъ словъ прибавлено: наше царское в-во.

в., нашу царскую дружбу и любовь, тебѣ, Булатъ беку, велѣли наши царскіе очи видети вскоре и грамоту брата нашего приняли и выслушали любительно, и тебя, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, отпустили къ брату нашему, не издержавъ, а съ тобою вмѣсте посылали есмя къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в. нашихъ посланниковъ, дворенина нашего Ѳедора Исаковича Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳѣева о братственной же дружбѣ и о любви, и чтобъ братъ нашъ, шахъ Аббасово в., къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. начало своей братственной дружбы объявилъ: противъ нашего недруга полского короля нашему ц. в. вспоможенье учинилъ своею казною, какъ ему будетъ возможно. И братъ нашъ, шахъ Аббасово в., посланника нашего Ѳедора Левонтьева и у него нашу грамоту принялъ и рѣчи у него выслушалъ любительно, и къ намъ, великому государю, отпустилъ, не издержавъ, и съ нимъ вмѣсте прислалъ къ намъ, къ великому государю, васъ, пословъ своихъ: Кая салтана да Булатъ бека съ своими любительными поминки. Да съ вами жъ вмѣсте къ намъ, великому государю, прислалъ въ слиткахъ серебра нынѣшними московскими новыми деньгами, что у брата нашего въ то время лучилось, на 7260 рублевъ [1]). И мы, великій государь, наше ц. в., отъ брата нашего великого государя вашего, шахъ Аббасова в., тѣ нынѣшніе ево къ намъ, великому государю, любительные поминки и серебро, что опъ съ вами, послы своими, къ намъ, великому государю, прислалъ, пріимаемъ въ братственную сердечную дружбу и любовь, и противъ того мы, великій государь, наше ц. в. брату нашему, шахъ Аббасову в., также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавати, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно. И учинились мы, великій государь, наше ц. в., зъ братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в., въ крѣпкой братственной въ нелицемѣрной дружбе и любви и въ ссылке мимо всѣхъ великихъ государей навеки неподвижно. И ныне васъ, брата нашего пословъ, къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в., отпускаемъ; а съ вами вмѣсте посылаемъ къ брату нашему пословъ нашихъ о братственной дружбѣ и о любви и о иныхъ нашихъ государскихъ о великихъ дѣлехъ, которые намъ обоимъ, великимъ государемъ, къ дружбе и къ любви годны. И братъ бы нашъ, шахъ Аббасово в., по тому жъ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви и въ ссылке навеки неподвижно, и пословъ бы нашихъ отпустилъ къ намъ, великому

---

[1]) Во второмъ спискѣ: 7000. См. листъ 73-й (вторичный).

государю, не издержавъ. А ныне мы, великій государь, наше ц. в. вамъ велѣли объявити, что мы ныне войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и съ разорителемъ нашего Московского государства, съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, отставя всякіе наши дѣла со всѣми государи, за его многіе неправды и за разоренье нашего Московсково государства. И ныне насъ, великово государя, нашего царсково в., у брата нашего, у шахъ Аббасова в., любительное прошенье то и съ послы нашими, и съ вами къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в., приказываемъ о томъ же, чтобъ братъ нашь шахъ Аббасово в. къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. совершенную свою истинную сердечную братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего полсково короля казны денежные въ помочь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей противъ недруга нашего пожаловать и противъ его за его многіе неправды стояти, а то брату нашему, шахъ Аббасову в., и вамъ, посломъ его, самимъ вѣдомо подлинно, что наши великіе Російскіе государства великіе и многолюдные, толко ныне за грѣхъ ото многіе розни и межъусобья до нашего государства и отъ войны недруга нашего полсково Жигимонта короля ратные наши всякіе люди всѣмъ пооскудѣли. И братъ бы нашь, шахъ Аббасово в., къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ: прислалъ къ намъ, великому государю, на вспоможенье противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ людей пожаловать. А какъ наше ц. в. съ недругомъ нашимъ съ польскимъ королемъ поуправимся, и мы, великій государь, наше ц. в. тое казну къ брату нашему, шахъ, Аббасову в., заплатить велимъ, какими узорочьи изъ нашего государства шахову в. будетъ годно. Да и сверхъ того мы, великій государь, наше ц. в., брату нашему, шахъ Аббасову, в., противъ тое ево любви учнемъ воздавати нашею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему ц. в. возможно.

Думной діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ вамъ говорити:

А что вы, брата нашего послы, сверхъ брата нашего грамоты въ речахъ своихъ нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что братъ нашь, шахъ Аббасово в., приказывалъ вамъ намъ, великому государю, нашему ц. в., известити, чтобъ нашему ц. в. велѣти по прежнему на Койсѣ и

въ Торкахъ, хоти и до Дербени, поставить городы, а въ помочь де государь вашъ, шахъ Аббасово в., къ нашему ц. в. пришлетъ своихъ ратныхъ людей тысечь тритцать или сорокъ, или сколько будетъ намъ, великому государю, годно, да о томъ де государь вашъ Аббасъ шахъ приказалъ ближнему своему Исупъ хану: только изъ нашихъ городовъ пришлютъ нашего ц. в. воеводы о ратныхъ людехъ или о какихъ дѣлехъ ни буди, хоти стрельца, а государю вашему шахъ Аббасову в. въ тѣ поры любо лучитца гдѣ вдали быти, и Исупъ ханъ бы, не посылая съ тою вѣстью къ государю вашему [1]), тотъ бы часъ ратныхъ людей посылалъ въ помочь къ нашимъ воеводамъ исъ которыхъ городовъ присылка будетъ (*сверху:* по статьямъ [2])). И нашему ц. в. и самому то надобно, что на Койсѣ и въ Торкахъ городы поставити, да нынѣ того вскорѣ нашему ц. в. за войною съ недругомъ нашимъ, съ польскимъ королемъ, учинити немочно, про то самому брату нашему, шахъ Аббасову в., и вамъ вѣдомо подлинно, что нынѣ наше ц. в., оставя всякіе наши дѣла, ведемъ войну съ недругомъ нашимъ съ полскимъ Жигимонтомъ королемъ и съ его Польскою и съ Литовскою землею, и нынѣ всего нашего великого Російсково царствія всѣхъ городовъ всякіе ратные люди противъ полсково короля и противъ ево Польскіе и Литовскіе земли стоятъ. А какъ по милости Божіей наше ц. в. съ недругомъ нашимъ, съ полскимъ королемъ, поуправимся, и наше ц. в. на Койсѣ и на Суншѣ, и въ Торкахъ, и в-ныхъ, въ которыхъ будетъ мѣстехъ пригоже, городы велимъ поставить тотчасъ и людей, и запасы въ тѣхъ городѣхъ велимъ устроити и учнемъ на общихъ нашихъ недруговъ съ шаховымъ в. стояти заодинъ. А что братъ нашъ, шахъ Аббасово в., хочетъ намъ, великому государю, своихъ ратныхъ людей въ помочь давати, какъ мы станемъ тѣ городы ставити, и мы, великій государь, наше ц. в. то отъ брата нашего, отъ шахъ Аббасова в., пріимаемъ въ любовь и противъ того ему, брату нашему, такъ же будемъ воздавати нашею царскою любовью, гдѣ будетъ намъ, великому государю, возможно. И будетъ намъ, великому государю, въ тѣ поры, какъ мы тѣ городы великимъ ставити, ратные прибылые люди надобетъ, и мы, великій государь, наше ц. в. о томъ съ братомъ нашимъ съ шахъ Аббасовымъ в. впередъ обошлемся.

Діакъ Сава Романчюковъ говорилъ:

---

[1]) Во второмъ спискѣ этого слова нѣтъ. См. 78-й листъ (вторичный).

[2]) По статьямъ—нѣтъ. Это помѣта для переписчика.

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. велѣлъ вамъ говорити:

А что вы жъ нашимъ приказнымъ людемъ объявили, будто въ Астарахани, зазвавъ къ себѣ, воеводы, государя вашего купчины Ходжа Сеитова человѣка и подмѣтя у него двѣсте рублевъ денегъ, оманули и его крестили, а деньги взяли себѣ [1]), и нынѣ есте того малово привезли къ Москвѣ съ собою и прислали его [2]) въ посольской приказъ къ нашимъ приказнымъ людемъ для роспросу, и то дѣлалось тѣмъ обычаемъ: въ прошломъ во 125-мъ году писали къ нашему ц. в. изъ Асторахани воеводы наши [3]), князь Ондрѣй Ондрѣевичь Хованской съ товарыщи, что тотъ малой пришелъ къ нимъ въ розрядную избу самъ и сказался родомъ крестьянинъ Переславля Резанского села Петровского; а взяли де ево въ полонъ нагайскіе татарове мала, и былъ онъ въ Нагаехъ и въ Черкасехъ; а изъ Черкасъ продали ево въ Шамаху, а въ Шамахѣ жилъ онъ у тезика у Хозь Налѣя, а Хозя продалъ ево тезику жъ Сеиту, а тезикъ Сеитъ прислалъ ево въ Асторахань съ товары вмѣстѣ съ Гирѣевымъ человѣкомъ съ Сеитомъ, и онъ деи, испродавъ всѣ товары, изъ Асторахани назадъ въ Шамаху ѣхать не похотѣлъ и пришелъ въ Астарахани къ нимъ, воеводамъ, и сказался родомъ крестьянинъ и хочетъ быти въ нашей православной крестьянской вѣрѣ. И онѣ ево дали подъ начало богомольцу нашему астараханскому архіепископу. Да и самъ тотъ малой нынѣ на Москвѣ въ роспросѣ сказалъ, что онъ родомъ русакъ, уроженецъ Переславля Резанского села Петровского и отца и матерь помнитъ, а взяли деи ево въ полонъ нагайскіе люди мала, и въ полону онъ былъ въ Нагаехъ и въ Черкасехъ и въ Шемахѣ двенатцеть лѣтъ, и въ Астарахань пріѣхалъ съ Гирѣевымъ человѣкомъ съ гилянцомъ съ Сеитомъ. И какъ деи онъ исторговался, и онъ изъ Астарахани назадъ не поѣхалъ потому, что онъ мусульманскіе вѣры держать не похотѣлъ, а похотѣлъ держать нашу православную хрестьянскую вѣру, и пришедъ, о томъ билъ челомъ воеводамъ нашимъ самъ, чтобъ ево приняли. И воеводы наши ево приняли и въ Астарахани ево держали подъ началомъ. И крещенъ онъ опять въ нашу истинную въ православную хрестьянскую вѣру. А изъ Астарахани онъ пріѣхалъ съ вами для того жъ, чтобъ ему здѣся быть въ православной хрестьянской вѣрѣ, и нынѣ ево исъ православные вѣры назадъ отдати не мочно. А что въ вашемъ же письмѣ па-

---

[1]) Къ себѣ. Л. 83-й.

[2]) Во второмъ спискѣ этого слова нѣтъ. Л. 83-й.

[3]) Наши—нѣтъ. Л. 83-й.

писано про деньги, что будто съ того малово взяли наши астараханскіе воеводы двѣсте рублевъ, и то дѣлалось такъ: писали къ нашему ц. в. изъ Астарахани воеводы наши: какъ тотъ малой Лачинко, отставъ отъ тезика, отъ Сеита, пришелъ къ нимъ въ розрядную избу и сказался родомъ русакъ и хочетъ быти въ нашей въ православной хрестьянской вѣрѣ, и они, не вѣря тому малому въ спосѣ, велѣли ево обыскать передъ собою и нашли у него въ мошнѣ семь золотыхъ да въ рубашкѣ у него же зашито было заповедныхъ старыхъ рускихъ денегъ 51 рубль съ полтиною. Да тотъ же малой имъ сказалъ, что Гирѣевъ человѣкъ Сеитъ, съ которымъ онъ пріѣзжалъ въ Астарахань, повезъ изъ Астарахани на себѣ тайно, зашивъ въ рубашкѣ, заповедныхъ денегъ со сто рублевъ. И онѣ по ево скаскѣ посылали за тѣмъ тезикомъ обыскивать его, на бусу, и нашли де у того Гирѣева человѣка зашито въ рубашкѣ и привезли къ нимъ 113 рублевъ старыхъ московскихъ денегъ. И онѣ тѣ деньги, что сняли съ малово и что нашли на бусѣ у Гирѣева человѣка, взяли въ нашу казну. И послѣ того писалъ къ нимъ съ Терки воевода нашъ Микита Вельяминовъ съ Гирѣевымъ человѣкомъ съ Тумулдукомъ, да и Гирѣй отъ себя къ нимъ въ Астарахань съ нимъ же, съ Тумулдукомъ, писалъ, что тотъ малой збѣжалъ отъ человѣка его, отъ Сеита, а снесъ съ собою отъ того Сеита его, Гирѣевыхъ, да брата его, Ильдаровыхъ, 64 рубли денегъ да 7 золотыхъ, да съ человѣка ево съ Сеита сняли ево жь, Гирѣевыхъ, да брата его, Ильдаровыхъ, денегъ старыхъ 120 рублевъ, и имъ бы того малово и деньги и золотые, сыскавъ, отдати человѣку его Тумулдуку. И по нашему указу посланъ въ Астарахань къ воеводамъ нашъ указъ, а велено тѣ деньги и золотые, что снято съ малово и что взято у Гирѣева человѣка, у Сеита, отослати къ Гирѣю князю, и тѣ денги и золотые отосланы къ Гирѣю. Да и самъ тотъ малой ныне въ роспросѣ сказалъ, что съ него взяли воеводы наши семь золотыхъ да 51 рубль денегъ. Да зъ Гирѣева человѣка взяли 120 рублевъ денегъ, будто его жъ, и вамъ тѣхъ денегъ спрашивать на Гирѣе князѣ и на его людехъ, которымъ тѣ деньги по нашему указу наши астараханскіе воеводы отдали. А что вы жъ нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что оставлены въ Казани люди ваши съ шаховою казною, Касимъ съ товарыщи, и нашему бъ ц. в. для брата нашего шахъ Аббасова в. дружбы и любви велѣти послати въ Казань нашу царскую грамоту, чтобъ тому Касыму шахову казну продавати въ Казани повольно, и пошлинъ бы съ шаховы казны имать не велѣть, и чтобъ того Касымка [1]) воеводамъ нашимъ изъ города въ тотарскую

[1]) Касыма. Л. 86.

слободу и инде нигдѣ и въ деревни выпускать не велѣть, а велѣть у него быти караульщикомъ,—и мы, великій государь, для брата нашего, шахъ Аббасова в., братственные дружбы и любви товары шаховы въ Казани людемъ вашимъ велѣли продавати повольно, и пошлинъ съ нихъ имать не велѣли, а хъ Касымку велѣли держать береженье и изъ города въ тотарскую слободу и инуды никуды пускать ево не велѣли. И наше царское повелѣнье о томъ въ Казань къ воеводамъ нашимъ въ тѣ жъ поры, какъ вы о томъ нашимъ приказнымъ людемъ объявили, послано.

А что ты, Булатъ бекъ, билъ челомъ нашему ц. в—ву: взялъ деи у человѣка твоего на Теркѣ бояринъ нашъ и воевода Петръ Головинъ 300 рублевъ денегъ, и тѣхъ деи денегъ и по сн мѣста тебѣ не отдано, и намъ бы тебя пожаловати, тѣ деньги велѣти, сыскавъ, тебѣ отдати,—и по нашему указу про тѣ деньги сыскивано бояриномъ нашимъ Петромъ Петровичемъ Головинымъ, а въ сыску бояринъ нашъ сказалъ, что онъ у человѣка твоего никакихъ денегъ въ нашу казну и себѣ не имывалъ и человѣка твоего никого не видалъ; а дѣлалось де тѣмъ обычаемъ: въ которомъ году—того не упомнитъ—били челомъ ему, Петру, пріѣхавъ на Терекъ изъ Астарахани, тезики на терскихъ стрельцовъ, а сказали, что будто послали онѣ съ тѣми стрельцы изъ Астарахани двѣсте рублевъ денегъ, и они имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрелцовъ давалъ судъ, и на судѣ стрельцы въ тѣхъ денгахъ отвечали, что онѣ у нихъ денегъ дву сотъ рублевъ не имывали, да слались на астараханскую проѣзжую грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамотѣ не написано. И онъ деи велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжую грамоту, и тезики передъ него астараханскую проѣзжую грамоту клали, и онъ, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ, и въ той де грамотѣ товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ изъ Астарахани, написаны имянно, а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамотѣ не написано. И онъ [1]), Петръ, тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны и почему онѣ въ тѣхъ деньгахъ стрельцомъ вѣрили? И тезики деи сказали, что тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны, а деньги они съ стрельцы послали, вѣря имъ, что онѣ терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ деи, бояринъ нашъ, тезикомъ въ тѣхъ деньгахъ отказалъ потому, что тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны.

А что ты жъ, Булатъ бекъ, билъ челомъ нашему ц. в., что въ

[1]) И онъ деи. Л. 88.

Астарахани жъ не стало человѣка твоего Хожа Сухамбединя, а послѣ того человѣка твоего взяли астараханскіе воеводы живота его 115 аншырей шолку розново цвѣту и тебѣ деи того шелку и по ся мѣста не отдано, и намъ бы тебя пожаловати, велѣти тотъ шелкъ тебѣ отдати. И мы, великій государь, про тотъ шолкъ сыскали, что тотъ человѣка твоего шелкъ и нынѣ въ Астарахани въ нашей казнѣ, и нынѣ мы, великій государь, тебя пожаловали: тотъ шелкъ велѣли тебѣ отдати. А будетъ тотъ шолкъ проданъ, и мы за тотъ шелкъ велѣли тебѣ изъ нашіе казны въ Астарахани деньги заплатити. (*Противъ этой статьи сбоку написано:* Послать грамота съ ними жъ въ Астрахань).

А что вы жъ, послы, били челомъ нашему царскому в., чтобъ намъ васъ пожаловати, поволить вамъ купити литовского и тотарского ясырю, робятъ и дѣвокъ, сколько пригоже, и мы,великій государь, для брата нашего шахъ Абасова в. братственные дружбы и любви, васъ пожаловали, поволили вамъ купити полону всякого 20 человѣкъ.

А что вамъ же братъ нашъ шахъ Аббасово в. велѣлъ намъ, великому государю, нашему ц. в. извѣстити, чтобъ нашему ц. в. кумытцкимъ княземъ и ихъ людемъ ни въ чемъ не вѣрити, потому что въ нихъ правды нѣтъ и впередъ отъ нихъ правды ждать нѣчего, одинъ въ кумытцкихъ князехъ у государя вашего шахъ Аббасова в. въ послушаньѣ Гирѣй князь, и нашему бъ ц. в—ву и тому вѣрить не велѣть, лише бъ нашему ц. в—ву велѣть ему вѣрить въ томъ, дѣлѣ, о каковѣ дѣлѣ къ намъ, великому государю, братъ нашъ, шахъ Аббасъ, пришлетъ грамоту за своею малою печатью, которую онъ на своей рукѣ носитъ. А только мы, великій государь, велимъ поставити городы по прежнимъ мѣстомъ, и государь вашъ, шахъ Аббасъ, Гирѣя князя хочетъ перевесть со всѣмъ кобакомъ въ свое государство въ украйное мѣсто, чтобъ отъ Кумыкъ подале и чтобъ межъ нашего царского в. и межъ государя вашего государствъ иныхъ сосѣдей никого не было,—и въ кумыцкихъ князехъ и мурзахъ при нашемъ государствѣ никакихъ неправдъ къ намъ, великому государю, не объявливалось, и къ недругомъ нашимъ ни хъ которымъ не приставаютъ живутъ и намъ служатъ во всей [1]) царьской волѣ и въ нашу отчину на Терку къ нашимъ воеводамъ о всякихъ нашихъ дѣлѣхъ пріѣзжаютъ и къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в., грубостей ихъ и неправдъ никоторыхъ при нашемъ государствѣ не вѣ-

[1]) Во всей нашей. Л. 91.

даемъ же и не слыхали [1]). А будетъ впередъ въ кумыцкихъ или въ черкаскихъ князехъ передъ нами, великимъ государемъ [2]), объявятца какіе неправды или ссоры, или учнутъ къ нашимъ опчимъ недругомъ приставати, и намъ, великому государю, грубости или непослушанье которое чинити похотятъ, и мы, великій государь, кумыцкимъ и черкаскимъ княземъ терпѣти не учнемъ, по тому надъ ними, смотря, и наказанье имъ велимъ учинити, и зъ братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в., о томъ ссылатися учнемъ, какъ бы надъ ними нашимъ дѣломъ промышляти.

А что вы, брата нашего послы, нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что государя вашего торговымъ людемъ нашего ц. в. отъ астарахапскихъ воеводъ и отъ дьяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, а таможенные будто головы емлютъ зъ государя вашего торговыхъ людей пошлины не по нашему указу передъ русскими людьми вдвое, и вы бъ про то боярину нашему и намѣстнику нижегородскому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому-Ярославскому съ товарыщи объявили подлинно: хто воеводъ нашихъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ государя вашего шахъ Аббасова в. торговымъ людемъ какое насильство и продажи дѣлаютъ, и кому именемъ какое насильство и продажу учинили, и у кого именемъ у шаховыхъ людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлины вдвое взяли? И мы, великій государь, для брата нашего шахъ Аббасова в. братственные дружбы и любви про то про все тотчасъ наше царское повелѣнье пошлемъ, а велимъ про то сыскати накрепко, а по сыску велимъ надъ воеводы и надъ дьяки, и надъ толмачи, и надъ таможенными головами, хто брата нашего людемъ обиды и насильства, и продажи чинилъ, наказанье учинить.

А что въ вашемъ же посольскомъ письмѣ написано, что и нынѣ пріѣхалъ съ вами въ Асторохонь государя вашего шахъ Аббасова в. торговой человѣкъ Байрамъ, а съ нимъ немного шаховы казны товаровъ, и съ того Бараяма [3]) таможенные головы взяли пошлину вдвое, а у него наша [4]) жаловальная [5]) грамота, что ему торговать беспошлинно на пять сотъ рублевъ, и о томъ Баярамѣ писали къ нашему ц. в. изъ Асторохани воеводы наши, князь Ондрѣй Хованской съ то-

---

[1]) Сбоку написано: поотстакъ. Во второмъ спискѣ здѣсь и сдѣлана разстановка, т. е. предложеніе, начинающееся словами „А будетъ“, отставлено. Л. 90.

[2]) Великими государи. Л. 90

[3]) Байрама. Л. 81.

[4]) Наша государева. Ibid.

[5]) Жалованная. Ibid.

варыщи, что въ прошломъ во 125-мъ году пріѣхалъ съ Терки въ Асторохань терской жилецъ Бараимъ съ товаромъ, а сказалъ имъ, что у него тотъ товаръ государя вашего, шахъ Аббасова в., а велѣлъ де ему тотъ товаръ свой продать. А грамоты де съ нимъ о томъ товарѣ отъ государя вашего нѣтъ. А пошлинъ съ того товару довелось на Бараимѣ взять 94 рубли и 32 алтына полъ 3 де(ньги), и они о томъ объ указѣ писали къ нашему ц. в., а пошлинъ съ него безъ нашего указу не взяли. И вы бъ про то нашему ц. в. объявили подлинно: тѣ товары [1]) пришли зъ Бараимомъ [2]) государя вашего? и для чего о тѣхъ товарехъ зъ Бараимомъ [3]) шахъ Аббасова в. грамоты нѣтъ? и не ложно ль тотъ Бараимъ тѣ товары сказываетъ [4]) шаховыми товары? Будетъ [5]) тѣ товары подлинно государя вашего, и наше ц. в., для любви брата нашего, съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велимъ и грамоту нашу о томъ въ Асторохань къ нашимъ воеводамъ и къ діакомъ послати велимъ, и впередъ съ брата своего [6]), шахъ Аббасова в., для нашіе братственные дружбы и любви со всякихъ товаровъ нашихъ пошлинъ ни въ которыхъ городѣхъ имати не велимъ.

И кизылбашскіе послы, выслушавъ отвѣту, говорили: говорили имъ ц. в. боярин князь Олексѣй Юрьевичь съ товарыщи о городѣхъ, что нынѣ нельзя царскому в-ву городовъ по Теркѣ и по Суншѣ и по Койсѣ ставить для того, что нынѣ государь ведетъ войну съ недругомъ своимъ съ польскимъ съ Жигимонтомъ королемъ; а какъ—дастъ Богъ—царское в. съ тѣмъ своимъ недругомъ постановитъ на мѣрѣ и въ тѣ поры ц. в. городы велитъ ставить,—и они то слышали и вѣдаютъ про то подлинно, что царское в. съ польскимъ королемъ войну ведетъ, и какъ будутъ у шахова в., и они про то шахову в. скажутъ. А то всево надобное къ шахову в., чтобъ царского в. городы по Теркѣ и по Суншѣ и по Койсѣ были близко шахова в. городовъ, штобъ межъ царского в. и шахова в. никого иного не было.

И боярин князь Олексѣй Юрьевичь съ товарыщи говорили: и самому то царскому в. надобно и имѣетъ себѣ царское в. шахова в-ва мимо всѣхъ государей сердечнымъ братомъ и другомъ, никоторого государя государь себѣ такъ не имѣетъ другомъ, што шахово в-во.

---

[1]) Объявили: подлинно-ль тѣ товары. Л. 82.
[2]) Зъ Байрамомъ.
[3]) Зъ Байрамомъ.
[4]) Называетъ.
[5]) А будетъ.
[6]) Нашего.

И какъ съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ шахово в. памѣрено становить, и царское в—во городы велитъ по Койсѣ и по Суншѣ ставить.

И послы говорили: а что объявлено имъ въ отвѣтѣ про кумытцкихъ и про горскихъ князей и мурзъ, что они царскому в. служатъ, и по ся мѣста отъ нихъ никакого недѣла и измѣны не объявливалось, и то они шахову в. известятъ же, а шахъ о томъ приказывалъ съ ними имянно, чтобъ горскимъ и кумыцкимъ княземъ не вѣрить: правды въ нихъ нѣтъ.

И бояринъ князь Олексѣй Юрьевичь съ товарыщи говорили: царское в. шахъ Аббасову в. вѣритъ, и впередъ будетъ отъ нихъ какое недобро объявитца, и ихъ смирить мочно.

И послы говорили: а что имъ объявливано въ отвѣтѣ, что бояринъ Петръ Петровичь Головинъ у его, Булатъ бекова, человѣка на Теркѣ трехъ сотъ рублевъ не имывалъ, а сказалъ: и человѣка его никого не видалъ, а будто искали передъ нимъ на стрельцѣхъ тезики дву сотъ рублевъ, и онъ тѣхъ тезиковъ обвинилъ потому, что въ астараханской проѣзжей грамотѣ тѣ деньги не написаны,—и то сказалъ Петръ Петровичь неправду: прямо онъ по своей вѣрѣ сказываетъ, что у человѣка его триста рублевъ денегъ Петръ взялъ самъ своими руками. Будетъ Петръ не виноватъ, и онъ бы велѣлъ человѣку своему поцѣловать, и его то дошло больши того, о томъ и бить челомъ не станетъ.

И бояринъ князь Олексѣй Ондрѣевичь съ товарыщи говорили, что они о томъ известятъ царскому величеству.

А какъ послы вошли къ государю въ полату, и явилъ ихъ государю окольничей Олексѣй Ивановичь Зузинъ, а молылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли послы Кая бекъ да Булатъ бекъ.

И государь велѣлъ посломъ сѣсти на скамейкѣ. Да пожаловалъ государь, подавалъ посломъ меды красные въ золотыхъ ковшѣхъ и велѣлъ имъ посольскому думному діяку Петру Третьякову явити свое государево жалова ье—шубы.

И по государеву указу думной діякъ Петръ Третьяковъ сказалъ посломъ государево жалованье, а молылъ:

Кая бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель жалуетъ тебя

своимъ государевымъ жалованьемъ: шуба—отласъ съ золотомъ на червчѣ, на соболѣхъ, пугвицы серебряны. Шапка лисья. Кубокъ серебрянъ.

А послѣ молылъ:

Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: шуба—отласъ зъ золотомъ по рудожелтой землѣ, на соболѣхъ, пугвицы серебряны. Шапка лисья. Кубокъ серебрянъ.

А платье на нихъ клалъ казенной діякъ.

А какъ на пословъ государево жалованье положили, и государь велѣлъ посломъ опять сѣсти.

Да жаловалъ государь, подавалъ меды въ ковшѣхъ же въ серебряныхъ шаховымъ барсовникомъ и кречетникомъ. А государево жалованье явилъ имъ думной діякъ Петръ Третьяковъ у казны, а молылъ:

Эмиръ Джапъ съ товарыщи! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель жалуетъ васъ своимъ государевымъ жалованьемъ у казны.

А послѣ того посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому жъ думному діяку Петру Третьякову молыть кизылбашскимъ посломъ рѣчь. И по государеву указу думной діякъ Петръ Третьяковъ говорилъ посломъ рѣчь, а молылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель велѣлъ вамъ говорити: приходили есте къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. отъ брата нашего, отъ шахъ Аббаса персидцково, о дружбѣ и о любви съ любительною грамотою и о иныхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ о любительныхъ дѣлехъ, и мы, великій государь, наше ц. в., ту брата нашего шахъ Аббасову грамоту выслушали любительно и на тѣ на всѣ дела, о которыхъ дѣлехъ къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасъ, писалъ въ своей грамотѣ и о которыхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ дѣлехъ вы нашимъ приказнымъ людемъ послѣ посольства объявили, по нашему царского в. указу отвѣтъ вамъ учинили бояринъ нашъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичь Ситцкой съ товарыщи. И учинились мы, великій государь, наше ц. в., и впередъ хотимъ быти зъ братомъ нашимъ, зъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасомъ, въ крѣпкой братцкой дружбѣ и въ любви, и въ сылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей, братьи нашей, и васъ ныне отпускаемъ къ брату нашему, къ шахъ Аббасу. А съ вами вмѣсте посылаемъ къ

брату нашему, государю вашему, къ шахъ Аббасу, о дружбе и о любви, и о иныхъ нашихъ государскихъ о великихъ дѣлехъ въ послѣхъ дворенина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинского съ товарыщи, и братъ бы нашъ, шахъ Аббасъ, былъ съ нами, великимъ государемъ, по тому жъ, какъ началъ, въ крѣпкой братцкой дружбѣ и въ любви и въ сылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей навеки неподвижно и любительново прошенія нашего, о чемъ мы, великій государь, наше ц. в., съ нашими послы и съ вами, ево послы, приказывали говорити, не отставилъ. А мы, великій государь, по тому жъ съ нимъ, зъ братомъ нашимъ, будемъ въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви и въ ссылке навеки неподвижно мимо всѣхъ великихъ государей, братьи нашей, и противъ ево дружбы и любви, которую нынѣ учинилъ и впередъ намъ, великому государю, учинитъ, также ему, брату нашему, будемъ воздавать нашего царского в. братцкою дружбою и любовью, гдѣ будетъ намъ, великому государю, возможно.

А изговоря рѣчь посломъ, посолской же діякъ Петръ Третьяковъ объявилъ кизылбашскимъ посломъ государевыхъословъ, князя Михайла Борятинского съ товарыщи.

А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р., вставъ, приказалъ къ шаху поклонъ, а молылъ: какъ будете у государя своего, у шаха, и вы ему отъ насъ поклонитеся.

Да звалъ государь кизылбашскихъословъ къ руцѣ. А послѣ ословъ звалъ государь къ руцѣ барсовника и кречетниковъ шаховыхъ. И велѣлъ государь сказать думному діяку Петру Третьякову посломъ въ стола мѣсто кормъ.

И по государеву приказу Петръ молылъ посломъ:

Кая бекъ! Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, жалуючи васъ, велѣлъ къ вамъ послать свое государево жалованье съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ.

А сказавъ имъ государево жалованье, велѣлъ приставомъ съ послы ѣхать на подворье. А провожали ихъ встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.

Выписано изъ кизылбашскихъ же книгъ, что кому шаховымъ посломъ и посланникомъ давано государева жалованья на отпускѣ при государѣ и отъ казны. Послано:

Въ 98-мъ году при государѣ ц. и в. кн. Ѳедорѣ Ивановичѣ в. Р. дано государева жалованья шаховымъ посломъ Бутакъ беку да

Анди беку на отпускѣ. Бутакъ беку: шуба камчата золотная на соболѣхъ, кубокъ серебрянъ, шапка черна. Анди беку: шуба—бархатъ съ золотомъ на соболѣхъ. А положены ни нихъ тѣ шубы при государѣ. А шаховымъ дворяномъ, которые съ ними были, дано государево жалованье у казны; а что дано, и то писано на казенномъ дворѣ.

Въ 100-мъ году при царѣ жъ Ѳедорѣ дано государева жалованья на отпускѣ шахову гонцу Каѣ, а послано къ нему то на подворье: 40 соболей въ 20 рублевъ, цки куньи добрые, шапка лисья въ 5 рублевъ, сукно лундышь въ 4 рубли, пансырь исъ казны. Людемъ ево: лутчимъ 2 человѣкомъ по 3 (рубли) да по сукну по доброму, достальнымъ 2 же человѣкомъ по 2 (рубли) да по сукну по доброму жъ.

Во 102-мъ году при государѣ жъ ц. и в. кн. Ѳедорѣ Иваповичѣ в. Р. дано государева жалованья на отпускѣ жъ шахову послу Ази Хосрову при государѣ: шуба—камка золотная на соболѣхъ въ 70 рублевъ, кубокъ въ 6 гривенокъ въ 20 рублевъ, шапка лисья черна въ 10 рублевъ; всего па 100 рублевъ. Да на подворье къ нему послано за ево поминки: 40 соболей въ 30 рублевъ, другой сорокъ въ 20 рублевъ, цки лисьи въ 15 рублевъ, ханены, лисица черна въ 8 рублевъ. Кречетнику послано государева жалованья отъ казны: шуба камчата па соболѣхъ въ 30 рублевъ, да рухледью: 40 соболей въ 12 рублевъ да па 8 рублевъ кости рыбья зубу. Дворяномъ 6 человѣкомъ по 12 рублевъ человѣку рухледью у казны, цки куньи 8 рублевъ, цки хрептовые да цки чер(евьи), обои 4 рубли. Людемъ посолскимъ и дворянскимъ государева жалованья дано у казны: 1-(ой) статьѣ лутчимъ 5 ч. по сукну аглинскому по доброму, цки хрептовые, другіе цки черевьи 4 рубли, обоего по 6 рублевъ человѣку. 2-й статьѣ 8 ч. по сукну по доброму да цки хрептовые, всего на 5 рублевъ. Достальнымъ 10 ч. по сукну по доброму, по цкамъ черевьимъ, всего по 3 рубли. Кречетниковымъ людемъ 3-мъ ч. по 2 рубли да по сукну по доброму человѣку. Съ посломъ же послано къ шаху 6 кречетовъ.

Во 112-мъ году приходилъ къ царю Борису въ гонцѣхъ отъ шаха Булатъ бекъ, которой ныне пришелъ къ государю отъ шаха жъ въ послѣхъ, и на отпуске дано ему государева жалованья: 40 соболей въ 20 рублевъ, 40 куницъ въ 10 рублевъ, трои цки хрепты бѣльи—6 рублевъ, трои цки черевьи бѣльи—4 рубли съ полтиною, сукно багрецовое лутчее 5 рублевъ, 2 зуба рыбьи: въ одномъ 8 гривенокъ, въ другомъ 6 гривенокъ. И всего на 45 рублевъ съ полтиною опричь зубовъ. Людемъ кречетниковымъ по сукну человѣку, по 2 рубли

сукно, по цкамъ хрептовымъ бѣльимъ по 2 рубли цки, денегъ по 2 рубли человѣку.

Во 121-мъ году отпущенъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. шаховъ посланникъ Амиръ Али бекъ и дано ему государева жалованья на отпускѣ въ Нижнемъ: 40 рублевъ денегъ, 40 соболей въ 20 рублевъ; а къ шаху послано зъ государевыми посланники съ Михайломъ Тихановымъ 40 соболей въ 50 рублевъ, сорокъ въ 40 рублевъ, сорокъ въ 30 рублевъ, 2 сорока по 25 рублевъ. А велено то посланникомъ дати то шаху отъ себя, а не отъ государя.

Въ прошломъ во 124-мъ году дано государева жалованья на отпускѣ при государѣ шахову посланнику Булатъ беку, которой нынѣ пришелъ опять къ государю въ послѣхъ: шуба золотная соболья въ 40 рублевъ, шапка лисья черна въ 10 рублевъ, кубокъ серебрянъ въ 15 рублевъ, всего на 65 рублевъ. Да за его подарки, чѣмъ онъ государю челомъ ударилъ, послано къ нему на подворье: 40 соболей въ 30 рублевъ, 40 соболей въ 20 рублевъ, 40 купицъ въ 10 руб(левъ), лисица черна въ 8 рублевъ, всего на 68 рублевъ. Шаховымъ кречетникомъ, которые были зъ Булатъ бекомъ, тремъ человѣкомъ, по 40 соболей по 20 рублевъ сорокъ; людемъ посланниковымъ: лутчимъ 3-мъ ч. по сукну по доброму да по 5 рублевъ денегъ человѣку; достальнымъ 6 ч. по сукну человѣку да по 3 рубли денегъ человѣку. А къ шаху послано отъ государя въ поминкахъ съ посланники съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ діякомъ зъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ 40 соболей— 200 рублевъ сорокъ, 40 соболей во 150 рублевъ, 40 соболей во 100 рублевъ, двѣ лисицы черны: одна 30 рублевъ, другая 20 рублевъ; полпуда рыбья большово зубу; два кречета красныхъ, 2 кречета подкрасныхъ, 2 кречета кропленыхъ, 2 кречета сѣрыхъ со всѣмъ кречатьимъ полнымъ болшимъ нарядомъ.

Да сыскано въ столпу 108-го году: отпущенъ отъ царя Бориса къ шаху посолъ ево Перкулы бекъ, и въ запискѣ написано что послано отъ государя поминковъ къ шаху и что дано государева жалованья послу на отпускѣ при государѣ, и что противъ ево поминковъ, и что дано дворяномъ и посольскимъ людемъ,—и тому писмо на казенномъ дворѣ.

Помѣта дьяка: государь указалъ дати нынѣ при себѣ, государѣ, кизылбашскимъ посломъ, Каѣ: шубу соболью золотну въ 70 руб(левъ), кубокъ въ 6 гривенокъ, шапку лисью . . . [1]) (другому) послу шубу въ . .

[1]) Конецъ столбца оторванъ.

Роспись поденному корму по скольку было давано всякихъ припасовъ бывшимъ въ Москвѣ персидскимъ посламъ Кае салтану и Булатъ беку.

..... 3 борана. Зъ дворца жъ: по свѣчѣ восковой витой да по 2 свѣчи сальныхъ простыхъ, патоки въ запросъ по пуду, на колько стапетъ, по 11 гривенокъ масла коровья, по 50 яицъ. Другому послу Булатъ беку—зъ дворца: по 2 колача крупичатыхъ въ лопатку да по хлѣбцу; къ обѣду и къ ужинѣ по 2 ѣствы хлѣбенныхъ пироговъ съ сыромъ и съ караси, съ мясомъ и иные хлѣбенные ѣствы, перемѣняя; изъ большого приходу: гусь, утя, 3-е куровъ, 2 борана шерстью; зъ дворца: по свѣчѣ восковой витой да по свѣчѣ сальной.

Питья большому послу Каѣ салтану. Зъ дворца: 6 чарокъ вина двойново, крушка меду вишневого, крушка меду малинового, крушка меду черемхового, треть ведра меду боярского, треть ведра меду обарного, ведро меду паточного, ведро пива поддѣльного, 2 ведра меду княжово; въ ѣствы полведра уксусу.

Другому послу давано питья зъ дворца жъ: 5 чарокъ вина двойново, крушка меду вишневого и малинового, крушка меду черемхового, четь ведра меду боярсково, четверть ведра меду обарново, полведра меду паточного, полведра пива поддѣльного, ведро меду княжого; въ ѣствы четь ведра уксусу.

Посломъ же обѣимъ давати пряныхъ зелей, на колько стапетъ, зъ дворца: гривенка шефрану, 2 гривенки гвоздики, 3 гривенки перцу, 2 гривенки мушкату, 2 гривенки инбирю, голова сахару, пудъ пшена. Шаховымъ 7 человѣкомъ кречатникомъ да 2 человѣкомъ барсовникомъ изъ большого приходу: по калачю да по хлѣбу двуденежному человѣку на день, 2 борана, 2-е утятъ, 5-ро куровъ. Питья зъ дворца: по 4 чарки вина человѣку доброво, ведро меду обарново, ведро меду паточново, 3 ведра меду княжово. Людемъ большово посла 19 человѣкомъ изъ большого приходу: по хлѣбу да по калачю денежныхъ, да на два дня яловица живая. Питья: по 2 чарки вина рядового, 5 ведръ меду княжово, 5 ведръ пива простово. Другово посла людемъ 7 человѣкомъ изъ большово жъ приходу: по калачю да по хлѣбу денежному, 5 частей говядины, пол-борана; питья по двѣ чарки вина рядового человѣку, полъ-3 ведра меду княжого, полъ-3 ведра пива простово. Да обѣимъ посломъ и про дворянъ и про людей на лукъ и на чеснокъ, и на яица, и на сметану, и на масло, и на молоко, и на свѣчи, и на иную покупку, что надобно, по запросу, изъ большого приходу

давано по 5 рублевъ, на колько станетъ. А въ рыбные ѣствы давати, какъ коли попросятъ, смѣтя противъ мясные жъ ѣствы столько жъ.

И въ запросъ давать чего не отъ велика попросятъ, сказывая въ посольскомъ приказѣ.

А какъ кизылбашскіе послы пришли къ Москвѣ, и къ нимъ послано государева жалованья кормовъ и питей зъ дворца и изъ большого приходу противъ поденного вдвое. Дровъ на посольской дворъ велено давать въ хоромы и въ поварню по 3 воза на день.

Во 101-мъ году приходилъ къ государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. отъ Аббасъ шаха посолъ Ази Хосровъ, а съ нимъ шаховыхъ дворянъ 7 ч., а людей съ посломъ и зъ дворяны 43 ч. А какъ онѣ пришли въ Астороханъ, и объ нихъ писали къ государю бояринъ и воеводы князь Ѳедоръ Михайловичь Троекуровъ, что посолъ Ази Хосровъ пришелъ къ государю, а съ нимъ отъ шахъ Аббаса къ государю многіе поминки и къ государынѣ царицѣ и в. княгинѣ Иринѣ шахъ Аббасовы царицы поминки есть же, и къ Борису Ѳедоровичю Годунову шахъ Аббасъ поминки шлетъ же, и тѣмъ всѣмъ поминкомъ, которые къ государю и къ государынѣ, и къ Борису, взявъ у посла шахова роспись, прислалъ къ государю. И о томъ шаховѣ послѣ Ази Хосровѣ писано отъ государя въ Нижней къ приказнымъ людемъ: какъ онъ придетъ исъ Казани въ Нижней, и его велѣно отпустить изъ Нижнево въ Ярославль съ астороханскимъ приставомъ, хто съ нимъ изъ Астороханн посланъ будетъ. А кормъ, медъ и вино, и пиво, и всякое съѣстное, велено давать по казанской росписи, счетчи, какъ мочно доѣхать до Ярославля, и въ запасъ дни на два велено дать. А въ Ярославль встрѣчю кизылбашского посла посыланъ Образецъ Вахромѣевъ напередъ приходу въ Ярославль кизылбашского посла. А къ судомъ подъ посла и подъ пристава лошеди съ седлы велено послать приказнымъ людемъ, а явити ихъ велено отъ окольничихъ. А рухледь изъ судовъ велено перевести на подводахъ. А рѣчь послу въ Ярославлѣ говорилъ Образецъ отъ окольничихъ. А у Москвы кизылбашскихъ пословъ встрѣчалъ за деревянымъ городомъ на вспольѣ по переславской дорогѣ за гонною слободою съ перестрѣлъ Данило Ислѣньевъ, а съ нимъ были на встрѣчѣ дворяне выборные съ меншихъ статей и дети боярскіе изъ городовъ, и дворовые люди и конюхи, и охотники, и псари, и кречетники, и сокольники. А сколько человѣкъ числомъ было съ приставомъ на встрѣче, того не написано. А на выѣздѣ были дворяне большіе и стольники, и стряпчіе, и жильцы, и дворяне зъ городовъ, и приказные люди, и дьяки, и подъячіе. А уставливали

на встрѣчѣ всякихъ ратныхъ людей розрядные дьяки. А рѣчь Данило на встрѣче послу говорилъ и о здоровье спрашивалъ отъ государя; а аргамакъ являлъ отъ Бориса Ѳедоровича Годунова.

. . . . . .

1000 ч. стрельцовъ да казанскихъ стрѣльцовъ съ сотникомъ 100 ч. А корму опѣ кизылбашскимъ посломъ дали отъ Астороханя до Казани: 3 ведра вина, 3 пуды меду прѣсново, 20 вѣдръ меду кислово, 40 барановъ, 2 чети муки пшеничные, 3 чети сухарей пшеничныхъ, 4 чети сухарей ситныхъ бѣлыхъ, 15 чети сухарей решетныхъ, четь крупъ овсяныхъ, 20 куровъ, 10 утятъ, пудъ масла коровья.

И тѣ послы для государева походу, что въ то время государь ходилъ въ походъ, поставлены были послы въ Нижнемъ, покамѣста государь исъ походу сходитъ. А на встрѣчю хъ кизылбашскимъ посланникомъ посыланъ въ Нижней отъ окольничихъ Дмитрей Тургеневъ и кормъ ему велено давать по росписи. А государеву посланнику Григорью Васильчикову велѣно ѣхать къ государю къ Москвѣ. А какъ государь пошелъ исъ походу въ Москвѣ, и писано отъ государя въ Нижней зъ дороги къ Дмитрею Тургеневу съ толмачемъ зъ Бурнашемъ съ Томонаевымъ, а велепо ему съ шаховыми послы итти изъ Нижнего въ Ярославль и ждать въ Ярославлѣ государева указу. А какъ государь исъ походу пришелъ къ Москвѣ, и апрѣля въ 8 де(нь) велѣлъ государь съ кизылбашскими послы итти изъ Ярославля къ себѣ, государю, къ Москвѣ. А въ приставы къ посломъ посыланъ въ Ярославль Семенъ Романовъ сынъ Олѳерьевъ и рѣчь имъ говорилъ въ Ярославлѣ, и о здоровьѣ спрашивалъ отъ государя, и изъ Ярославля до Москвы ѣхали съ послы въ приставехъ Семенъ Олѳерьевъ да Дмитрей Тургеневъ А у Москвы кизылбашскихъ пословъ встречали по переславской дорогѣ за гонною ямскою слобо(до)ю съ перестрѣлъ Ондрѣй Клобуковъ. А встрѣчниковъ уставливать ѣздили діяки розрядные. А которымъ детемъ боярскимъ ѣздить на дворъ съ приставы къ государю съ послы и которымъ дѣтемъ боярскимъ жити на дворѣ у пословъ, и тѣмъ имена даны были Ондрѣю съ товарыщи. А рѣчь посломъ на встрѣче Ондрѣй говорилъ и о здоровьѣ спрашивалъ отъ государя, сшедъ съ лошеди, а шаховы послы съ лошадей сходили жъ. А изговоря рѣчь, съ послы корошевался. А послѣ рѣчи объявилъ посломъ аргамакъ, на чемъ ѣхать въ городъ и до подворья, отъ конюшего и боярина и намѣстника казанского и астороханского, отъ Бориса Ѳедоровича Годунова. А поставлены были послы на литовскомъ посольскомъ дворѣ.

Во 104-мъ году приходилъ къ государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. отъ шахъ Аббаса посолъ Имамъ Кулы бекъ, а съ нимъ шаховыхъ дворянъ 20 ч. да шаховъ купчина Тюркемиръ съ сыномъ, да посольскихъ людей 17 ч., да купчининыхъ 3 ч. И шелъ посолъ изъ Асторохани на Казань да на Нижней въ судѣхъ, а изъ Нижнего Волгою до Ярославля. А съ Москвы встрѣчю кизылбашского посла посланъ въ Ярославль Гаврило Сальмановъ, а рѣчь говорилъ отъ окольничихъ. А у Москвы посла встрѣчали по переславской дорогѣ за гонною слободою съ перестрѣлъ князь Михайло Туренинъ да Тимоѳѣй Грязной, и говорилъ послу рѣчь на встрѣче отъ государя князь Михайло. А съ лошедьми посланъ зъ государевы конюшни стремянной конюхъ, рѣчь говорилъ отъ боярина и конюшего, посланъ подъ посла аргамакъ.

Во 108-мъ году приходилъ къ царю Борису отъ кизылбашского шаха посолъ Перкулы бекъ да посланникъ Исень Алѣй, а съ ними агличенинъ Донъ Антонъ. И на встрѣчю кизылбашского посла посланъ въ Нижней Ѳедоръ Окинѳовъ, а говорилъ послу рѣчь отъ царя Бориса и отъ царевича. А ѣхалъ съ посломъ и съ посланникомъ на Володимерь зимнимъ путемъ. А казанскіе и асторохапскіе приставы съ нимъ же. А у Москвы за деревянымъ городомъ съ перестрѣлъ встречалъ посла князь Иванъ Ромодановской. А посланника Исепалѣя и Допъ Онтопа встрѣчалъ Ѳедоръ Суворовъ сынъ Наумовъ, рѣчь говорили отъ государя и отъ царевича. А сани посланы зъ государевы конюшни, рѣчь говорена отъ конюшего.

А во 126-мъ году приходили къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. отъ кизылбашского шахъ Аббаса зъ государевымъ посланникомъ, съ Федоромъ Левонтьевымъ, вмѣстѣ шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ; а съ ними шаховыхъ людей 5 ч. кречетниковъ да стремянныхъ конюховъ 2 ч., да 2 ч. барсовниковъ, и всего шаховыхъ людей 9 ч. Людей обѣихъ пословъ 35 ч.

А напередъ шаховыхъ пословъ пріѣзду писалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. во 125-мъ году августа въ 8 де(нь), что іюня въ 10 де(нь) 125-го жъ году пріѣхалъ на Терекъ исъ Кизылбашъ государевъ посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ и переводчикъ и толмачи, и кречетники, а съ ними вмѣсте пріѣхали шахъ Аббасовы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, а съ ними къ государю поминки многіе и денежная казна.

И по государеву ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу встрѣчали кизылбашскихъ пословъ у Москвы за городомъ по переславской

дорогѣ за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, съ полверсты, князь Ѳедоръ княжь Ивановъ сынъ Волконской да дьякъ Иванъ Шевыревъ. А съ ними на встрѣчѣ указалъ государь быти детемъ боярскимъ изъ городовъ и дворовымъ людемъ, и конюхомъ, и подъячимъ, и охотникомъ на конехъ въ цветномъ платьѣ 150 человѣкомъ.

Да и Ѳедоръ Левонтьевъ о своемъ и кизылбашскихъ пословъ о пріѣздѣ на Терекъ къ государю писалъ же. И августа въ 11 де(нь) писано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ посланнику, къ Ѳедору Левонтьеву, чтобъ онъ шелъ къ государю наспехъ напередъ кизылбашскихъ пословъ. А на встрѣчю кизылбашскихъ пословъ посыланъ съ Москвы Олексѣй Зубовъ, а велено ему кизылбашскихъ пословъ встрѣтить въ Нижнемъ или гдѣ встрѣтитъ, хотя и до Нижнего. А какъ Олексѣй пословъ встрѣтитъ, и ему посломъ велено на встрѣчѣ рѣчь изговорить отъ окольничихъ. А шелъ Олексѣй съ послы къ Москвѣ на Ярославль. А какъ кизылбашскіе послы пришли къ государю къ Москвѣ. . . . . .

А на выѣздѣ за городомъ для кизылбашскихъ пословъ были по государеву указу стольники и стряпчіе, и дворяне большіе, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскіе изъ городовъ, и подъячіе, и приказные люди, на конехъ въ цветномъ же платьѣ. А устраивали ихъ розрядные діяки. А сани съ санники подъ обѣихъ пословъ и подъ шаховыхъ кречетниковъ и подъ барсовниковъ, всего подъ 8 человѣкъ, да подъ людей лутчихъ болшово посла подъ 10 ч., а другово подъ 5 ч. лошеди съ сѣдлы посыланы зъ государевы конюшни. А являли посломъ лошеди на встрѣчѣ отъ государя. А въ которой день кизылбашскіе послы были у государя на дворѣ на пріѣзде—и грамоту шахову къ государю поднесли. А въ грамотѣ шаховѣ писано къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ послы ево съ Кая салтаномъ да зъ Булатъ бекомъ о братственной дружбѣ и о любви, чтобъ великому государю быти съ нимъ въ братственной крѣпкой дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, и торговымъ бы его людемъ торгъ былъ повольной; а что государю въ его государствѣ годно, и государю бъ о томъ велѣти къ нему приказать, и онъ государево дѣло любительно во всемъ исполнитъ. А об-ныхъ ни о какихъ дѣлехъ къ государю въ шаховѣ грамотѣ не написано. И назавтрее того дни, какъ шаховы послы были у государя ноября въ 19 де(нь), приказывали въ посольской приказъ къ посольскимъ діякомъ, къ думному къ Петру Третьякову да къ Савѣ Раманчюкову, шаховы послы съ приставы своими, со княземъ Ѳедоромъ Волконскимъ съ товарыщи, чтобъ посольскіе діяки

донесли до царского в., что есть съ ними къ государю отъ шаха приказъ словесной сверхъ грамоты; а приказалъ де имъ шахъ: будетъ государю самому у нихъ того выслушать немочно, и имъ про то велено сказать ближнимъ людемъ, кому государь велитъ. И посольской думной дьякъ Петръ Третьяковъ, доложа по тому государя, приказалъ къ шаховымъ посломъ съ приставы жъ ихъ, чтобъ они тѣ свои рѣчи прислали въ посольской приказъ на письмѣ. И кизыльбашскіе послы приказали опять къ посольскимъ дьякомъ, что они сами писать не умѣютъ, а людемъ своимъ въ томъ не вѣрятъ, и къ нимъ бы прислать переводчика, и онѣ ему рѣчи объявятъ, а онъ бы рѣчи ихъ записалъ. И думной дьякъ Петръ Третьяковъ, доложа государя, посылалъ къ шаховымъ посломъ переводчика Прокоѳья Вражково, а велѣли ему рѣчи ихъ записати. И того жъ дни Прокоѳей къ посломъ ѣздилъ, и написавъ рѣчи ихъ, въ посольской приказъ привезъ. И по запискѣ Прокоѳья Вражково говорили шаховы послы Прокоѳью, что приказывалъ государь ихъ шахъ Аббасъ къ царьскому в-ву, что онъ учинился съ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. въ прямой въ братцкой крѣпкой любительной дружбѣ и въ любви мимо всѣхъ государей и иново себѣ друга и брата такова не имѣетъ и не хочетъ, и царскому бъ в-ву съ государемъ ихъ быти также въ прямой братцкой крѣпкой дружбѣ и любви, какъ и прежніе московскіе государи съ государемъ ихъ были въ братствѣ и въ крѣпкой дружбѣ и въ любви, и кумытцкимъ бы княземъ и ихъ людемъ государь ни въ чемъ вѣрити не велѣлъ, потому что въ нихъ правды нѣтъ и впередъ отъ нихъ правды ждать нѣчего: одинъ де въ кумытцкихъ князехъ у государя ихъ шахъ Аббасова в-ва въ послушаньѣ Гирѣй князь, и государь бы де и тому вѣрити не велѣлъ, лише бы де государь велѣлъ ему вѣрить въ томъ дѣлѣ, о каковѣ дѣлѣ къ нему шахъ пришлетъ грамоту за своего малою печатью, которую онъ на своей рукѣ носитъ. А только де государь велитъ городы ставить по прежнимъ мѣстомъ, и государь де ихъ шахъ Гирѣя князя хочетъ перевести со всѣмъ кабакомъ въ свое государство, въ украинное мѣсто, чтобъ отъ кумыкъ подале и чтобъ де межъ великого государя и межъ государя ихъ государствъ иныхъ сосѣдей никово не было, для де того и Семейкѣ переводчику государь ихъ шахъ Аббасово в. передъ собою того и передъ государевымъ посломъ толмачить не велѣлъ, а велѣлъ толмачить рускому толмачю, а Семейкѣ де переводчику въ томъ не повѣрилъ, любо про то скажетъ въ Кумыкахъ, потому что ихъ вѣра бусурманская одна.

Да послы жъ говорили Прокоюю: приказывалъ де съ ними государь ихъ къ царскому в-ву: говорилъ де государь ихъ шахъ Аббасову в-ву царского в-ва посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ, чтобъ государь ихъ прислалъ къ царскому в. въ помочь противъ государевыхъ недруговъ денежные казны, и государь ихъ государеву посланнику сказалъ, что посылаетъ ныне къ государю лехкую казну, что нынѣ вскорѣ лучилось послать, а какъ, дастъ Богъ, они, шаховы послы, будутъ у царского в-ва, и съ ними будетъ царское в. къ шахъ Аббасу, о казнѣ или о ратныхъ людехъ, или про иное какое дѣло прикажетъ, и государь ихъ, шахъ Аббасово в., по государеву приказу все хочетъ исполнить, какъ есть годно будетъ государю. Да государь же де ихъ велѣлъ сказать государю: которые государя ихъ торговые люди ходятъ съ товары своими въ Асторохань и имъ де отъ астороханскихъ воеводъ и отъ діяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая: воеводы у тѣхъ у торговыхъ людей емлютъ животы ихъ насильствомъ, безъ цены, грабежомъ, а таможенные головы емлютъ пошлины зъ государя ихъ людей не по государеву указу вдвое передъ рускими людьми, и государю бъ о томъ послать въ Асторохань къ своимъ государевымъ воеводамъ и къ діякомъ, и къ таможеннымъ головамъ свое государево повелѣніе, чтобъ астороханскіе воеводы и дьяки, и толмачи государя ихъ шахъ Аббасова в. торговыхъ людей не грабили и насильства, и продажи не чинили; а таможенные бъ головы съ тѣхъ торговыхъ людей пошлины вдвое не имали, а имали бъ по государеву указу такъ же, какъ и съ рускихъ людей, и торговымъ бы людемъ въ Асторохани задержанья не было, чтобъ ихъ высылали вонъ изъ Асторохани, какъ онѣ исторгуютца товары своими.

Да Кая жъ салтанъ и Булатъ бекъ говорили отъ себя: какъ де они были въ Асторохани, и они де видѣли государя ихъ людемъ отъ воеводъ великую продажу и насильство: зазвавъ де къ себѣ воеводы Хожъ Сентова человѣка и подмѣтя у него двѣсте рублевъ денегъ, оманули и его крестили, а деньги взяли къ себѣ; а толмачилъ де въ тѣ поры и оманывалъ Хожа Сентова человѣка толмачь Мартынъ, и нынѣ де тотъ малой у нихъ. И только де государь велитъ дозрить, какъ астороханскіе воеводы и діяки, и толмачи дѣлаютъ, и только де тѣ ихъ воеводцкіе и діячьи дурные дѣла государю и государевымъ думнымъ людемъ будутъ вѣдомы, и они де чаютъ, что государь велитъ послать къ нимъ въ Асторохань свое государево грозное повелѣніе. Не такъ де дѣлаютъ астороханскіе воеводы, какъ бы годно было къ дружбѣ и къ братству обонмъ великимъ государемъ, и простой де

человѣкъ ихъ такому дурному дѣлу подивитця; достойно де царскую хлѣбъ-соль ѣсти передъ астороханскими воеводы терскому воеводѣ, да приставу ихъ дорожному Ивану Григорьеву, которой посланъ съ ними изъ Астороханн: тѣ де дѣлаютъ, какъ царскому в. годно.

И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу были кизылбашскіе послы у государя на отпускѣ и въ отвѣтѣ были у боярина и намѣстника нижегородцково, у князя Олексѣя Юрьевича Ситцково, у окольничего и намѣстника шатцково у Олексѣя Ивановича Зюзина да у діяковъ, у думново у Петра Третьякова да у Савы Раманчюкова въ тотъ же день. И въ отвѣтѣ кизылбашскимъ посломъ противъ ихъ статей, что онѣ прислали въ посольской приказъ на письмѣ, говорено:

Какъ всемогущего Бога милостію и хотѣніемъ, а по племени прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ и по избранію всѣхъ великихъ Російскихъ государствъ всякихъ чиновъ людей учинились мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь *и проч. см. стр.* 663—666)... гдѣ будетъ нашему ц. в. возможно. А что вы, брата нашего послы (*и проч. см. стр.* 666—667)... обошлемся. А что вы, брата нашего послы, нашимъ приказнымъ людемъ объявили (*и проч. см. стр.* 668—673).... имати не велимъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переславля Резанского, и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани, и до Астороханн, и до Терекъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и діякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Посланы отъ насъ, великого государя, къ брату нашему, къ шахъ Аббасу, въ послѣхъ князь Михайло княжъ Петровичь Борятинской съ товарыщи, и въ которой городъ послы наши пріѣдутъ, и вы бъ, бояре наши, и воеводы, и діяки, и всякіе наши приказные люди отпущали ихъ безъ задержанья и суды подъ нихъ, и кормщиковъ, и гребцовъ—а гдѣ лучитца сухимъ путемъ, подводы и проводниковъ, и провожатыхъ—давали противъ по дорожныхъ сполна. А только будетъ у пословъ нашихъ, у князя Михайла Борятинского съ товарыщи, тѣ суды, на которыхъ онѣ придутъ, худы и итти будетъ въ нихъ нельзя, и вы бъ имъ тѣ суды перемѣняли и давали имъ суды добрые. А которые суды у нихъ переменпте, и вы бъ тѣ суды, на которыхъ онѣ придутъ, отдали тѣмъ людемъ, чьѣ они будутъ, или вверхъ взослали, окуды онѣ подъ ними пойдутъ; а они бъ тѣми судами не корыстовались. А будетъ въ которыхъ судѣхъ, въ которыхъ сверху

придутъ, итти мочно, и у нихъ тѣхъ судовъ не перемeняти, а чтобъ имъ нигдѣ за судами и за подводы, и за провожатыми мотчанья не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переславля Резанского, и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани, и до Астарахани, и до Терекъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши къ шахъ Аббасу съ послы нашими, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи, кречетники и ястребники, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарыщи, десять человѣкъ; а птицъ съ ними: двенатцать кречатовъ да восьмъ чегликовъ кречатьихъ. И какъ они въ которой городъ со птицы пріѣдутъ, и вы бъ, бояре наши, и воеводы, и дьяки, и всякіе наши приказные люди отпущали ихъ безъ задержанья и суды подъ нихъ, и кормщиковъ, и гребцовъ, давали противъ подорожныхъ сполна, и про птицы кормъ имъ давали на птицу по гнѣзду голубей или по двое куровъ молодыхъ, или по курицѣ по старой, и на нихъ кормъ, отъ города до города, счотчи въ колько денъ отъ города до города поспѣть мочно. Да на птицы жъ давали бъ есте въ жаркіе дни ледъ, гдѣ мочно добыти. А съ Терки воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову кречатниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ Ѳедора Таболина съ товарыщи по тому жь отпустить въ Кизылбаши съ послы нашими вмѣстѣ водянымъ или сухимъ путемъ, не задержавъ, и кормъ про птицы дать до конхъ мѣстъ пригоже. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь).

А се роспись дѣламъ, что какихъ дѣлъ послано съ послы со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскимъ да с-Ивапомъ Ивановичемъ Чичѣринымъ, да съ діякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ, и что съ ними послано отъ государя къ шаху поминковъ и государевъ паказъ большой, по чему имъ государево дѣло дѣлать, грамота къ шаху о большомъ дѣлѣ, другая грамота къ шаху жъ, нѣчто ихъ занесетъ къ турсково царя городомъ, грамота къ Гирѣю князю о ихъ пропускѣ, грамота проѣзжая къ черкаскимъ и горскимъ княземъ за отворчатою кормленою печатью, грамота въ Казань, грамота въ Астороханъ, грамота на Терекъ о ихъ пропускѣ, грамота проѣзжая посломъ по всѣмъ городомъ тою дорогою, куды имъ ѣхать въ судѣхъ, и о провожатыхъ. Грамота проѣзжая кречетникомъ о судехъ же и о корму на птицы дана кречетникомъ, да съ ними жъ послано отъ государя къ шаху поминковъ: 12 кречетовъ красныхъ и подкрасныхъ, и кроплеиыхъ, со всѣмъ кречатьимъ нарядомъ, 8 чегликовъ кречатьихъ.

Такова роспись прислана съ казенново двора жъ.

126-го маія въ 22 де(нь) указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. отъ себя, государя, послати къ Абасъ шаху персицкому поминковъ, и что къ нему послано съ казенново двора, и тому роспись.

Кубокъ серебренъ золоченъ на оба лица, съ покрышкою, на высокомъ стоянцѣ, вѣсу 18 гривенокъ 15 золотникъ, цѣна гривенка по 7 рублевъ, и того 128 рублевъ 6 алтынъ полъ 2 де(ньги); кубокъ серебренъ золоченъ па оба лица, съ покрышкою, на высокомъ стоянцѣ, лощатъ, вѣсу 10 гривенокъ 43 золотника, цена гривенка по 7 рублевъ, и того 81 рубль, 8 ал(тынъ), 2 де(ньги); кубочекъ раковичной, облаженъ серебромъ золоченымъ и бѣлымъ съ розными ѳинѳты, на немъ травка, цена 50 рублевъ; олень серебренъ золоченъ, на колесехъ, цена 100 рублевъ; 5 аршинъ съ четью сукна скорлату черленого, цена по 5 рублевъ съ полтиною аршинъ, и того 28 рублевъ, 29 алтынъ съ деньгою; половинка сукна скорлату черленого, мѣрою 22 аршина, цена по 4 рубли аршинъ, итого 88 рублевъ; пара соболей 30 рублевъ; пара соболей 25 рублевъ, сорокъ соболей 250 рублевъ, сорокъ соболей 120 рублевъ, сорокъ соболей 110 рублевъ, сорокъ соболей 100 рублевъ, сорокъ соболей 90 рублевъ, сорокъ соболей 85 рублевъ, 5 пудъ рыбья зубу числомъ 75 зубовъ, цена пудъ по 20 рублевъ, итого 100 рублевъ, 5 пудъ слюды, цена пудъ по 8 рублевъ, и того 40 рублевъ. И обоего послано отъ государя въ поминкахъ къ Абасъ шаху персицкому на 1426 рублевъ, на 10 алтынъ, полъ 3 де(ньги). Да зъ дворца 100 вѣдръ вина троеного, подкрашено розными краски; 180 погребцовъ скляничныхъ виницѣйскихъ иль зеленыхъ. Да въ Казани взяти посломъ и отвести къ шаху жъ 200 вѣдръ вина въ дворцовую мѣру.

Роспись соболемъ, что взято съ казенного двора и послано съ послы для государева дѣла:

Сорокъ 27 рублевъ; 2 сорока по 25 рублевъ; 2 сорока по 20 рублевъ, сорокъ 19 рублевъ, 4 сороки по 18 рублевъ. И всего послано съ ними для государева дѣла на 208 рублевъ.

А се роспись кречатью наряду, какова прислана зъ дворца маія въ 25 де(нь) съ подъячимъ съ Ондрѣемъ Ботвиньевымъ:

Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу велено послати отъ государя въ поминкахъ къ шахъ Аббасу кизылбашскому съ послы со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи (двенатцеть кре)четовъ да восмь (чегликовъ) . . . нарядомъ, и въ Ки . . . . .

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ воеводѣ нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Образцову. Посланы отъ насъ, великого государя, къ брату нашему, къ Аббасъ шахову в., въ послѣхъ дворенинъ нашъ и намѣстникъ болховской князь Михайло Петровичь Борятинской да дворенинъ Иванъ Иваповъ сынъ Чичѣринъ, да дьякъ Михайло Тюхинъ; а съ ними отпущены къ шаху жъ шаховы послы, которые были у насъ, Кая салтанъ да Булатъ бекъ,—а нынѣ они въ Казани. И какъ послы наши князь Михайло Борятинской съ товарыщи въ Нижней пріѣдутъ, и вы бъ ихъ, пословъ нашихъ, изъ Нижнего отпустили въ Казань тотчасъ. Да будетъ у нихъ которое попортилось судно, и вы бъ имъ и суды добрые на перемѣну, и кормщиковъ, и гребцовъ, и провожатыхъ отъ Нижнего до Казани дали и отпустили ихъ въ Казань, не мѣшкая ни часу. А суды бъ есте подъ нашихъ пословъ и подъ посылку дали добрые, и якори, и парусы, и шеймы на тѣ суды велѣли дать, только будетъ у пословъ нашихъ, у князя Михайла Борятинского съ товарыщи, тѣ суды, на которыхъ они придутъ, худы и итти будетъ въ нихъ нельзѣ, а которые суды у нихъ перемените, и вы бъ тѣ суды, на которыхъ они придутъ, отдали тѣмъ людемъ, чьѣ онѣ будутъ, или вверхъ отослали, откуды они подъ ними пойдутъ; а они бъ тѣми судами не искорыстовались; а будетъ въ тѣхъ судѣхъ, въ которыхъ сверху придутъ, итти мочно, и вы бъ тѣхъ не перемѣняли, а кормщиковъ и гребцовъ на суды дали бъ есте, смотря по судамъ, чтобъ нашимъ посломъ въ судѣхъ до Казани дойти здорово. А однолично бъ есте пословъ нашихъ изъ Нижнево со всѣмъ отпустили, не мѣшкая, чтобъ имъ ни зачѣмъ у васъ въ Нижнемъ не мѣшкати. А которого числа послы . . . . . [1]).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ воеводѣ нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Образцову. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши съ послы нашими, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи, тотарской переводчикъ Милюта Нагаевъ да толмачи, Иванъ да Гаврило Есиповы, да Соѳонъ Огарковъ, да Ѳедоръ Ивановъ, да съ нашими со птицы кречетники и ястребники, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарыщи, всего десеть человѣкъ; а для тое кизылбашскіе посылки указали есмя имъ дати въ Нижнемъ нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ и вина, на два человѣки по пяти вѣдръ вина да по пяти чети муки ржаные, по пяти чети сухарей, по полтю ветчины человѣку, по осминѣ

[1]) Далѣе столбецъ оторванъ.

крупъ, по осмине толокна. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ переводчику Милюте Нагаеву и толмачомъ, и кречетникомъ, и ястребникомъ, Ѳедору Тоболину съ товарыщи, нашего жалованья велѣли имъ дати хлѣбныхъ запасовъ и вино на два человѣки по пяти вѣдръ вина да по пяти чети муки ржаные, по пяти чети сухарей, по полтю ветчины человѣку, по осминѣ крупъ, по осминѣ толокна, и въ росходные бъ есте книги тотъ запасъ велѣли написати, а изъ нижегородцкіе казны грамота къ вамъ о томъ послана жъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь).

На адресъ: Въ Нижней Новгородъ воеводе нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Образцову.

И маія въ 24 де(нь) на Троицынъ день государевы послы князь Михайло Борятинской съ товарыщи съ Москвы пошли. А государева ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамота къ шаху о большомъ дѣлѣ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи, послана такова.

Въ прошломъ во 124-мъ году по государеву указу посланы были отъ государя въ Кизылбаши къ шахъ Аббасу зъ государевыми послапники, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳеевымъ, переводчикъ Семенъ Ондрѣевъ да толмачи: Семенъ Гарасимовъ да Степанъ Микиѳоровъ, да Тимоѳѣй Баубѣковъ. А для тоѣ кизылбашскіе посылки дано имъ государево жалованье на два годы: на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по окладомъ ихъ сполна. Да имъ же дано подмоги противъ жалованья на одинъ годъ. Да имъ же дано государева жалованья въ Нижнемъ запасу 10 чети муки ржаные да 10 чети сухарей, да четверть крупъ овсяныхъ, да 10 вѣдеръ вина, да 4 полти ветчины. А велено имъ дати тотъ запасъ противъ тѣхъ толмачей, которые посланы съ Петромъ Мансуровымъ во Царьгородъ. Да съ посланники жъ, съ Ѳедоромъ Левоньтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, посыланы были въ Кизылбаши зъ государевыми со птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетники и ястребники, Остаѳей Сычовъ съ товарыщи, всего 6 человѣкъ. А для тоѣ кизылбашскіе посылки дано имъ государево жалованье на два годы, на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по окладомъ ихъ сполна; да подмоги противъ жалованья на одинъ годъ. Да имъ же дано государева жалованья запасу въ Казани на 2 человѣки 5 чети муки ржаные, 5 чети сухарей, 5 вѣдръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна.

А нынѣ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р.

указу сказано къ шаху идти отъ государя зъ государевыми послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи, переводчику да 4-мъ человѣкомъ толмачемъ, да кречетникомъ и ястребникомъ 10 человѣкомъ.

Написано другою рукою: Велѣти дати переводчику и толмачемъ, и кречетникомъ запасъ противъ прежнего.

Переводчику и толмачемъ, и кречетникомъ, и ястребникомъ велено дати государева жалованья для кизылбашскіе службы запасовъ и вина на 2 человѣки 5 чети муки ржаные, 5 чети сухарей, 5 вѣдръ вина, по полтю ветчины человѣку, осмина крупъ, осмина толокна.

А ныне по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу велено идти въ Кизылбаши въ послѣхъ князю Михайлу Борятинскому да Ивану Чичѣрину, да дьяку Михайлу Тюхину, да съ ними жъ велено идти переводчику да 4-мъ человѣкомъ толмачемъ, да зъ государевыми со птицами кречетникомъ и ястребникомъ Ѳедору Тоболину съ товарыщи.

Другою рукою: А прежъ сего при прежнихъ государехъ давывано посломъ государево жалованье питье красное зъ дворца, а что кому давано, того послѣ московского разоренья не сыскано. Пожаловалъ государь, велѣлъ дати князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи противъ свѣйскихъословъ, князя Ѳедора Борятинского съ товарыщи, зъ дворца.

Выписано въ докладъ:

Въ прошломъ во 124-мъ году посыланы отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Кизылбаши въ посланникехъ Ѳедоръ Левоптьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ, да съ ними жъ посланы были переводчикъ да 3 человѣка толмачей, да кречетниковъ и ястребниковъ 6 человѣкъ.

А для тоѣ кизылбашскіе службы дано государева жалованья Ѳедору Левонтьеву въ Нижнемъ запасовъ въ дворцового запасу мѣсто 2 чети муки пшеничные, а не будетъ пшеничные и во пшеничные мѣсто 3 чети муки ржаные; да къ тому жъ 2 чети муки ржаные, 5 полоть ветчины, 5 пудъ меду прѣсново, 10 вѣдръ вина, 5 вѣдръ уксусу.

Діаку Богдану велено дати въ Нижнемъ же запасовъ: четверть муки пшеничные, а не будетъ пшеничные, и въ то мѣсто велено дати четь муки ржаные жъ, 3 полти ветчины, 3 пуда меду прѣсного 6 вѣдръ вина, полъ 3 ведра уксусу, 2 спины осетрьи, 3 прута осетрьи, 10 бѣлыхъ рыбицъ сухихъ, 10 лососей сухинъ. Съ хлѣбенного дворца: 3 чети муки крупичатые.

Осипу Прончищеву да дьяку Богдану Кашкину, съ сытново дворца:

по 3 ведра меду вишневого, по 3 ведра меду малинового, по 2 ведра меду вешнево, по 2 ведра меду старово, по 2 ведра меду боярского, по 4 ведра меду обарново. Съ кормового дворца: по спинѣ да по тешѣ белужьи другихъ белугъ; а будетъ того нѣтъ, и въ то мѣсто велено дать осетрьими; по спинѣ осетрьей; по 2 прута осетрихъ; по 4 бѣлыхъ рыбицъ сухихъ, а будетъ нѣтъ, и въ то мѣсто велено дать семги; по 4 лососи сухихъ, а будетъ нѣтъ, и въ то мѣсто велено дать семги жъ. Съ хлѣбенного дворца: по 3 осмины муки крупичатые на солодъ.

Внизу: 126-го, апрѣля въ 24 де(нь) принесъ трубникъ Иванъ Кисловской.

На оборотѣ: Указалъ государь дати государева жалованья запасовъ зъ дворца кизылбашскимъ посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи, противъ свѣйскихъ пословъ, князя Федора Борятинского съ товарыщи.

И апрѣля жъ въ 25 де(нь) по сей помѣтѣ память послана, а велено князю Михайлу съ товарыщи для кизылбашскіе посылки дать запасовъ зъ дворца противъ свѣйскихъ пословъ.

Тамъ же: Справилъ Ивашко Дмитреевъ.

Лѣта 7126-го апрѣля въ 24 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Патрекѣю Насонову, въ памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велѣти бъ отписать къ вамъ въ посольской приказъ, что дано государева жалованья въ прошломъ во 125-мъ году для свѣйского посольства посломъ, князю Ѳедору Борятинскому съ товарыщи, какихъ запасовъ зъ дворцовъ, и въ приказе большого дворца сыскано въ записныхъ книгахъ: въ прошломъ во 125-мъ году что велено дати государева жалованья для свейского посольства посломъ, князю Ѳедору Борятинскому съ товарыщи, зъ дворца какихъ запасовъ, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею памятью за дьячьею приписью.

Роспись, что дано государева ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. жалованья въ прошломъ во 125-мъ году зъ дворца какихъ запасовъ для свѣйского посольства посломъ, князю Ѳедору Борятинскому съ товарыщи.

Князю Ѳедору Борятинскому:

Съ сытново дворца: 5 вѣдръ меду вишневого, 4 ведра меду ма-

линового, 4 ведра меду вешнево, 4 ведра меду старово, 5 вѣдръ меду боярского, 6 ведръ меду обарново. Съ кормового дворца: спина бѣлужья, 2 прута бѣлужьи, тешю белужью.

На оборотѣ по склейкамъ скрыпа: Діякъ ‖Патри‖кѣй.

Лѣта 7126-го декабря въ 18 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. На казенной дворъ хъ казначѣю къ Никифору Васильевичю Траханіотову да къ діякомъ, къ Ждану Шипову да къ Булгаку Милованову, въ памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велено оценити дары всѣ, что прислалъ къ государю въ дарѣхъ шахъ Аббасъ съ послы своими, съ Каею салтаномъ да зъ Булатъ бекомъ, и чѣмъ государю челомъ ударилъ Кая салтанъ да Булатъ бекъ отъ себя, да тоѣ ценовную роспись прислати въ посольской приказъ къ вамъ, діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. И въ нынешнемъ во 126-мъ году ноября въ 18 де(нь) у государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на дворѣ въ золотой полатѣ были кизылбашсково шахъ Аббаса послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ. И явили государю отъ шахъ Аббаса помянковъ бархатовъ и отласовъ, и камокъ золотныхъ и беззолотныхъ, и камокъ китаекъ, и мелей цвѣтныхъ, и кушаковъ цветныхъ зъ золотомъ, и покровцовъ низаныхъ жемчюгомъ, и ковровъ золотныхъ, и сорочинскихъ, и тулунбасовъ, и луковъ, и полстей бурнатныхъ, и чарокъ, и блюдъ ѳарѳунныхъ на восмь сотъ на восмь рублевъ, на двенатцать алтынъ, на полпяты деньги. А изъ денежново приказу въ памяти за приписью діяка Ивана Остапова написано: во стѣ слиткахъ серебра вѣсу тысяча шестьсотъ восмьдесятъ шесть гривенокъ дватцать семь золотникъ; а денегъ исъ тово серебра изъ дѣла вышло шесть тысячь семьсотъ девяносто семь рублевъ одинъ алтынъ две деньги, да крохъ мастерскихъ сорокъ пять гривенокъ дватцать четыре золотники, и тѣ крохи сливаны и на сливкѣ угорѣло дватцать четыре золотники, а денегъ здѣлано сто восемьдесятъ четыре рубли двенатцать алтынъ, и всего исъ того серебра денегъ вышло изъ дѣла шесть тысячь девятьсотъ восмьдесятъ два рубли десеть алтынъ, опричь угару, что угорѣло исъ крохъ на сливкѣ дватцать четыре золотники. Да исъ конюшенново приказу въ памяти за приписью діяка Прокоѳья Пахирева написано: цена пяти жеребцомъ и катырю, и седлу, и уздѣ, и паперсти, и похвямъ, и попонамъ пять сотъ тритцать три рубли десеть алтынъ. Да кизылбасково шахъ Аббаса посолъ Кая салтанъ государю челомъ ударилъ отъ себя: жеребецъ аргамачей, да дсветь аршинъ бархату червчатого

глатково, кушакъ золотной цвѣтной, камка ала, китайка, кушакъ жолтъ, цена жеребцу и бархату, и кушакомъ, и камкѣ девяносто два рубли. А другой посолъ Булатъ бекъ государю челомъ ударилъ: сабля булатная, кушакъ золотной цветной, камка, китайка зелепа мелкотравная, цена всему четырнатцать рублевъ съ полтиною.

Внизу: 8430 рублевъ и 16 алтынъ.

По склейкамъ на оборотѣ: Діакъ Жданъ. *Въ концѣ указа:* Шиповъ. *На оборотѣ:* справилъ подъячей Гарасько Ероѳѣевъ.

Въ памяти съ казеннова двора за приписью діяка Ждана Шипова написано:

Явили государю ц. и в. кп. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ отъ шахъ Аббаса поминковъ: бархатовъ и отласовъ, и камокъ золотныхъ и беззолотныхъ, и камокъ китаекъ, и мелей цветныхъ, и кушаковъ цветныхъ зъ золотомъ, и покровцовъ низаны жемчюгомъ, и ковровъ золотныхъ и сорочинскихъ, и тулумбасовъ, и луковъ, и полстей бурнатныхъ, и чарокъ, и блюдъ ѳарѳунныхъ на 78 рублевъ и па 12 алтынъ па полъ 5 де(ньги) опрочѣ всеѣ святыни. А изъ денежново приказу въ памяти за приписью діяка Ивана Остапова къ нимъ же на казенной дворъ написано: во стѣ слиткахъ серебра вѣсу (*и проч.*). Да исъ конюшенного приказу въ памяти за приписью (*и проч.*). И всего отъ шаха поминковъ па 8»»» рубли па 32 алтына полъ 5 д(еньги). Да шаховы послы государю челомъ ударили, Кая салтанъ: жеребецъ аргамачей, 9 аршинъ бархату червчатово гл(адкого), кушакъ золотной цветной, камка ала китайка, кушакъ желтъ; цѣна всему 92 рубли. Другой посолъ государю челомъ ударилъ: сабля булатная, кушакъ золотной цветной, камка китайка, цена всему 14 рублевъ съ полтиною. И обоего посольскихъ подарковъ на 106 рублевъ съ полтиною.

И всего шаховыхъ поминковъ и посольскихъ подарковъ къ государю па 8430 рублевъ и на 16 алтынъ съ полуденьгою.

И нынѣшнимъ шаховымъ посломъ помѣчено дать государева жалованья на отпускѣ: большому послу шуба соболья золотная на соболѣхъ въ 70 рублевъ, кубокъ серебрянъ въ 6 гривенокъ, шапка лисья въ 12 рублевъ; другому послу: шуба на соболѣхъ же въ 50 рублевъ, шапка лисья въ 10 рублевъ, кубокъ серебрянъ въ 5 гривенокъ.

Роспись шаховымъ и посольскимъ людемъ, которые ныне пришли съ шаховыми послы съ Кая салтаномъ да съ Булатъ бекомъ.

Барсовники: Эмиръ Джанъ, Кули ага. *Съ боку написано:* по 40 соболей по 20 рублевъ, по цкамъ черевьимъ по хребтовымъ, по 2 рубли цки.

Кречетники: Нурумъ, Алгагъ Кулы, Тарагулъ, Нагди, Исахъ, Богатырь, Миръ Магаметъ. *Съ боку:* 40 соболей по 15 руб.

А людей посольскихъ, большого посла Кая салтановыхъ, лутчихъ: Тугачи бекъ съ товарыщи 5 ч. *Сверху написано:* по сукну по доброму да по 5 руб. Середнихъ: Исмаилъ ага съ товарыщи 8 ч. *Сверху написано:* по сукну по доброму да по 3 рубли. Поваровъ 5 ч. *Сверху:* по сукну по середнему да по 2 рубли. Другово посла Булатъ бековыхъ людей: лутчихъ 2 ч., подъ тѣмъ 2 же ч., поваръ 1 ч. *Сверху написано:* противъ того жъ.

Барсовниковъ 1 ч. *Сверху:* сукно доброе.

И выписано на примѣръ, что давано государева жалованья шаховымъ кречетникомъ и посольскимъ людемъ.

Во 102-мъ году при царѣ и в. кн. Ѳедорѣ Ивановичѣ в. Р. приходили съ шаховымъ посломъ съ Хази Хосровомъ кречатникъ да 6 ч. шаховыхъ дворянъ, и дано имъ государева жалованья отъ казны.

Кречетнику: шуба камчата на соболѣхъ въ 30 рублевъ, 40 соболей въ 12 рублевъ да на 8 руб. кости рыбья зубу.

Дворяномъ шаховымъ 6 ч-мъ: по цкамъ куньимъ по 8 рублевъ цки, по цкамъ хрептовымъ да по цкамъ черевьимъ бѣлымъ добрымъ, обои по 4 рубли, и всего по 12 рублевъ человѣку. Людемъ посольскимъ и дворянскимъ государева жалованья дано у казны: 1-й статьѣ лутчимъ 5 ч-мъ: по сукну аглинскому по доброму, по цкамъ черевьимъ, по цкамъ хрептовымъ, по 4 рубли, и всего по 6 рублевъ человѣку. 2-й статьѣ 8 ч-мъ: по сукну по доброму да по цкамъ хрептовымъ, всего по 5 рублевъ. Достальнымъ 10 ч-мъ: по сукну по доброму, по цкамъ черевьимъ, всего по 3 рубли. Кречетниковымъ людемъ 3-мъ ч-мъ: по 2 рубли да по сукну по доброму человѣку.

Во 112-мъ году приходилъ къ царю Борису въ гонцѣхъ отъ шаха Булатъ бекъ, которой ныне въ послѣхъ, и дано государева жалованья людемъ ево: по сукну человѣку по 2 рубли сукно, по цкамъ хрептовымъ бѣлымъ по 2 рубли жъ цки, денегъ по 2 рубли человѣку.

Во 124-мъ году приходилъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. отъ шаха въ посланникехъ Булатъ бекъ же, а съ нимъ 3 ч. шаховыхъ кречетниковъ. И дано государева жалованья кречетникомъ по 40 соболей человѣку по 20 рублевъ сорокъ. Людемъ посланниковымъ лутчимъ 3 ч-мъ по сукну по доброму да по 5 рублевъ денегъ человѣку. Достальнымъ 6 ч-мъ по сукну да по 3 рубли денегъ человѣку.

Лѣта 7126-го декабря въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в.

кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память казначѣю Микѳору Васильевичю Траханіотову да дьякомъ, Ждану Шипову да Булгаку Милованову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. дати шаховымъ барсовникомъ и кречетникомъ, и посольскимъ людемъ своего государева жалованья на отпускѣ — барсовнику лутчему: сорокъ соболей въ дватцать рублевъ да цки хрептовые, да цки черевьи по два рубли цки; кречетникомъ семи человѣкомъ да другому барсовнику: по сороку соболей по пятинатцати рублевъ сорокъ; людемъ посольскимъ большово посла, лутчимъ пяти человѣкомъ: по сукну по доброму, середнимъ осми человѣкомъ: по сукну по доброму жъ; поваромъ пяти человѣкомъ: по сукну середнему, другово посла людемъ, лутчимъ дву человѣкомъ да середнимъ дву жъ человѣкомъ: по сукну по доброму жъ; повару одному человѣку сукно середнее; барсовникову одному человѣку: суконцо. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу казначѣю Микѳору Васильевичю Траханіотову да дьякомъ, Ждану Шипову да Булгаку Милованову, то государево жалованье шаховымъ барсовникомъ и кречетникомъ, и посольскимъ людемъ соболи и цки бѣльи, и сукна велѣти изготовить, чтобъ къ ихъ отпуску было готово.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. челомъ ударили шаховы послы, Кая Салтанъ: жеребецъ аргамачей (*и проч.*). (*Помѣта, сдѣланная послѣ*: государь пожаловалъ Кае салтану за его поминки сорокъ соболей въ 60 рублевъ, сорокъ соболей въ 50 рублевъ, сорокъ соболей въ 40 рублевъ). Другой посолъ Булатъ бекъ государю челомъ ударилъ: сабля булатная (*и прдч.*). (*Помѣта позднѣйшая*: государь пожаловалъ за его поминки сорокъ соболей въ 40 рублевъ, 40 куницъ). И тѣ посольскіе подарки въ государеву казну взяты, а что къ нимъ противъ тѣхъ подарковъ послать государева жалованья, и о томъ какъ государь укажетъ?

А въ прошломъ во 124-мъ году, какъ былъ у государя отъ шаха въ посланникѣхъ Булатъ бекъ, и ему дано государева жалованья на столько жъ, на сколько онъ государю челомъ ударилъ, на 68 рублевъ, собольми и куницами, и лисицами: 40 соболей въ 30 рублевъ, 40 же соболей въ 20 рублевъ, 40 куницъ въ 10 рублевъ, лисица черна въ восмь рублевъ. А его поминки къ государю въ казну взяты.

Въ прошломъ во 108-мъ году былъ у царя Бориса кизылбашской посолъ Перкулы бекъ, и отпущено съ нимъ въ дорогу питья зъ дворца: 5 вѣдръ меду виннневого (*съ права съ сбоку помѣта* [1]) *сдѣланная послѣ*: 3), 5 вѣдръ меду малинового (*съ боку*: 2), 5 вѣдръ меду обарпово (*съ*

[1]) Т. е. отмѣчено, сколько государь указалъ дать теперь.

боку: 3), 10 вѣдръ меду паточново (*съ боку:* 10), 5 вѣдръ квасу щавново, 4 ведра вина горячего доброво (*сверху:* 5 вѣдръ), 8 коврижекъ (*съ боку*: то жъ), 6 хлѣбцовъ черныхъ (*съ боку*: то жъ), 3 чети сухарей крупичатыхъ.

А нынѣ о томъ какъ государь укажетъ?

И по государеву указу кизылбашскимъ посломъ Кае салтану и Булатъ беку въ дорогу питье и коврижки, и хлѣбцы черные, опричь сухарей, послано зъ дворца противъ тѣхъ помѣтъ, что помѣчено на полѣ.

Лѣта 7126-го декабря въ 15 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память дiякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Въ нынешнемъ во 126-мъ году ноября въ 12 де(нь) посланы исъ кобатцкого приказу хъ кизылбашскимъ посломъ на дворъ десеть человѣкъ детей боярскихъ, Дмитрей Торжневъ съ товарыщи, и государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳодоровичю в. Р. билъ челомъ Дмитрей Торжневъ съ товарыщи, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, велѣлъ съ посольского двора переменить. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу хъ кизылбашскимъ посломъ на дворъ тѣмъ детемъ боярскимъ на перемѣну посланы дѣти боярскіе Кирило Семенской, Семенъ Кузьминъ, Григорей Золинъ, Степанъ Воломской, Микита Шатиловъ, Петръ Ресинъ, Несмеянъ Лопвиновъ, Яковъ Толмачовъ, Ѳедоръ Лихачовъ, Малюта Дурышкинъ. Приписалъ Семенъ Бредихинъ.

Лѣта 7126-го генваря въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память казначѣю Микиѳору Васильевичю Траханiотову да дьякомъ, Ждану Шипову да Булгаку Милованову. Пожаловалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. кизылбашскихъ пословъ Кая бека да Булатъ бека, велѣлъ имъ дати своего государева жалованья противъ ихъ подарковъ, чѣмъ онѣ государю челомъ ударили отъ себя на пріѣздѣ, Кае беку три сорока соболей: сорокъ въ шестьдесятъ рублевъ, сорокъ въ пятьдесятъ рублевъ, сорокъ въ сорокъ рублевъ, всего на сто на пятьдесятъ рублевъ; другому послу Булатъ беку: сорокъ соболей въ сорокъ рублевъ, сорокъ куницъ. А ихъ всѣ подарки, опричь аргамака, которые взяты на казенной дворъ, указалъ государь отослати къ нимъ назадъ. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу казначѣю Микиѳору Васильевичю Траханiотову да дiакомъ, Ждану да Булгаку, государево жалованье, соболи и куницы, что послать ныне государева жалованья хъ кизылбашскимъ посломъ послати, а ихъ подарки всѣ, опричь аргамака, что у нихъ взято на казенной дворъ, отослати жъ.

Били челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. кизылбашскіе послы, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ людемъ ихъ тремъ человѣкомъ ѣхати въ Ярославль для покупки, а купити де имъ въ Ярославлѣ сто ютей телятинныхъ красныхъ кожъ, 10 пудъ слюды, 6 ястребовъ. Да чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дати зъ дворца вина въ дорогу, или бы государь пожаловалъ, велѣлъ имъ въ дорогѣ на свои деньги купити. *Сверху написано:* Отговорить: ѣхали бъ всѣ вмѣсте, а слюды и кречетовъ не продаютъ, а кожи въ Муромѣ.

Внизу: Есть указъ.

По государеву указу боярипъ князь Олексѣй Юрьевичь Ситцкой сказалъ, что государь поволилъ купити полону 20 ч., и они бьютъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, поволилъ купити на шаха 30 ч. да имъ 10 ч.

Помѣта: Пожаловалъ государь: велѣлъ имъ купити по 3 человѣки.

Лѣта 7126-го генваря въ 12 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память окольничему Ортемью Васильевичю Измайлову да дьякомъ, Добрынѣ Семенову да Матвѣю Сомову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послать про кизылбашскихъ пословъ и про шаховыхъ барсовниковъ и про кречетниковъ съѣстново корму и про посольскихъ людей корму жъ и питья въ дорогу отъ Москвы до Володимеря съ того дни, какъ онѣ пойдутъ съ Москвы; а отъ Володимеря за съѣстные кормы до Нижнего указалъ государь послать деньгами, счетчи въ колько день имъ поспѣти будетъ отъ Володимеря до Нижнего мочно. А по чему имъ, посломъ, и шаховымъ людемъ на день въ дорогѣ корму, и людемъ посольскимъ корму жъ и питья давать, и тому роспись послана къ вамъ подъ сею памятью. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу окольничему Ортемью Васильевичю Измайлову да дьякомъ, Добрынѣ Семенову да Матвѣю Сомову, про кизылбашскихъ пословъ и про шаховыхъ людей съѣстные кормы и про посольскихъ людей кормъ же и питье отпустить въ дорогу отъ Москвы до Володимеря, а отъ Володимеря до Нижнего деньгами, счетчи съ того дни, какъ онѣ пойдутъ съ Москвы, въ колько день поспѣти имъ мочно, по росписи, какова подъ сею памятью.

И генваря въ 21 де(нь) въ пятницу кизылбашскіе послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ съ Москвы пошли, а отпущены на Володимерь да на Муромъ, да въ Нижней, да въ Казань.

А провожали ихъ съ Москвы за городъ за яузскіе ворота, за то мѣсто, гдѣ бывалъ деревяной городъ, съ перестрѣлъ, приставы ихъ,

князь Ѳедоръ Волконской да дьякъ Иванъ Шевыревъ. А съ ними провожали конюхи стремянные и задворные, да дворовые люди тѣ же, которые ѣздили передъ послы къ государю на дворъ съ приставы, человѣкъ со сто, да подъячіе всѣхъ приказовъ на конехъ въ цветномъ платьѣ. А лошеди подъ пословъ съ санми и подъ шаховыхъ кречетниковъ, и подъ барсовниковъ, и подъ посольскихъ лутчихъ людей лошеди съ сѣдлы посыланы зъ государевы конюшни съ стремяннымъ конюхомъ противъ того же, какъ посылано къ посломъ на встрѣчю въ тѣ поры, какъ онѣ пришли къ Москвѣ. Да посломъ же по ихъ челобитью дано зъ государевы жъ конюшни въ дорогу отъ Москвы до Казани въ сани два санника добрыхъ. А въ приставехъ съ послы отъ Москвы до Казани посланъ Соловой Протасьевъ, а съ нимъ переводчикъ Своитинъ Каменевъ, да два человѣка толмачей, да трп человѣка дѣтей боярскихъ. Да съ ними жъ для провожанья послано отъ Москвы до Нижнего 20 ч. казаковъ. А государевъ наказъ о посольскомъ провожаньѣ Соловому Протасьеву данъ таковъ:

Лѣта 7126-го генваря въ 20 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. велѣлъ Соловому Борисовичю Протасьеву ѣхати съ кизылбашскими послы, съ Кая салтаномъ да зъ Булатъ бекомъ, до Володимеря и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани. А съ послы шаховыхъ барсовниковъ и кречетниковъ девять человѣкъ, да людей посольскихъ „ “ человѣкъ. А для береженья и для кормовъ посланы съ нимъ дѣти боярскіе „ “ съ товарыщи „ “ человѣкъ, да два человѣка толмачей, да дватцать человѣкъ казаковъ. И Соловому Борисовичю ѣхать съ послы въ Казань, не мѣшкая, и ѣдучи ему съ кизылбашскими послы, дорогою до Володимеря и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани береженье къ посломъ и къ шаховымъ барсовникомъ, и кречетникомъ, и къ ихъ людемъ держать, чтобъ имъ ни отъ кого обидъ и бесчестья не было никоторыми дѣлы, а отъ нихъ бы рускимъ людемъ по тому жъ никому обидъ и насильства не было, и на станѣхъ ставитись съ ними бережно и усторожливо. А кормъ и питье посломъ и шаховымъ, и посольскимъ людемъ отъ Москвы до Володимеря и отъ Володимеря до Нижнево и до Казани давать по росписи, какова имъ дана на Москвѣ изъ посольского приказу за дьячьею приписью. А кормы всякіе въ дорогу про пословъ и про шаховыхъ барсовниковъ, и про кречетниковъ, и про посольскихъ людей кормы жъ и питье взяти ему изъ большого приходу отъ Москвы до Володимеря, счетчи столь дни, какъ онѣ пойдутъ съ Москвы, въ колько денъ до Володимеря поспѣти мочно. А отъ Володимеря до

Нижнего на всякіе кормы взяти ему деньгами, смѣтяся жъ, въ колько ему день съ послы отъ Володимеря до Нижнево поспѣти мочно; а питье всякое поденное про пословъ же и про шаховыхъ людей взяти ему зъ дворца отъ Москвы до Володимеря жъ, счетчи столь дни, какъ онѣ съ Москвы пойдутъ, по росписи, какова ему дана на Москвѣ исъ посольского приказу за дьячьею приписью. А отъ Володимеря до Мурома и отъ Мурома до Нижнего съестные всякіе кормы ему покупать на тѣ деньги, что ему дадутъ на Москвѣ изъ большого приходу. А отъ Нижнево до Казани на всякіе съѣстные кормы взяти ему деньги въ Нижнемъ, смѣтя противъ росписи жъ столь дни, какъ онѣ изъ Нижнего въ Казань пойдутъ, въ колько имъ день изъ Нижнего до Казани поспѣть мочно, и на тѣ деньги кормъ ему покупать; а питье, вино и медъ, и пиво, про пословъ и про шаховыхъ, и про посольскихъ людей имать ему въ Володимерѣ, въ Муромѣ, въ Нижнемъ и до Казани у воеводъ и у кабацкихъ головъ съ кабаковъ противъ той росписи, по чему имъ давано въ дорогѣ отъ Казани и отъ Нижнево до Москвы, какъ они шли ко государю къ Москвѣ, въ колько день имъ мочно отъ города до города поспѣти. А роспись ему тому дана жъ, и по городомъ отъ государя къ воеводамъ о томъ писано жъ. А кормы про пословъ велѣть имать по городомъ и по станомъ у всякихъ людей, а за кормъ платить деньги по тамошней цѣнѣ, какъ гдѣ купятъ, и въ запросъ посломъ ѣству и питье давать, что пригоже и что гдѣ мочно добыти; а чего гдѣ добыть немочно, и ему у пословъ то отговаривать, а чтобъ посломъ въ кормѣхъ и въ питьѣ и ни въ чемъ отнюдь никоторые нужи не было. А что у него на кормъ денегъ изойдетъ, и ему то велѣть писать въ книги; а того надъ дѣтьми боярскими и надъ толмачи, и надъ детьми боярскими смотрить и беречи накрѣпко, чтобъ онѣ кормомъ не корыстовались и велѣть кормъ отдавать при себѣ. Да по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу велено посломъ въ дорогѣ купить неметцкого и литовского, и крымсково полону, робятъ и дѣвокъ, на шаха дватцать человѣкъ, да двемъ посломъ по три человѣки, и того 6 ч. И Соловому, ѣдучи въ дорогѣ, въ Муромѣ и въ Касимовѣ, и въ Нижнемъ, и въ Казани поволить посломъ тотъ полонъ шаху и себѣ купити; а того беречи накрепко и толмачемъ велѣти роспрашивать, чтобъ посломъ тотарове и рускіе люди нихто рускихъ людей и полону крещеного не продавали, а продавали бъ всякіе люди полоняниковъ неметцкихъ и литовскихъ, и крымскихъ некрещеныхъ. Да и того ему велѣть беречи накрѣпко, чтобъ посломъ нихто кречетовъ, ястребовъ, соболей и куницъ живыхъ,

слюды, пансыревъ и никакихъ заповѣдныхъ товаровъ не продавалъ. А заказывать о томъ не явно, чтобъ посломъ было не знатно; а опричь того незаповѣдные товары велѣть имъ продавать. И ѣхать ему „ “ съ кизылбашскими послы на Володимерь да на Муромъ, да на Нижней, да въ Казань; а напередъ своего съ послы пріѣзду посылать ему по городомъ съ вѣстью изъ дѣтей боярскихъ или исъ толмачей, или изъ провожатыхъ, чтобъ по городомъ посольской пріѣздъ былъ вѣдомъ, и дворы бъ, и кормъ, и питье къ ихъ пріѣзду были готовы. И какъ въ которой городъ послы пріѣдутъ, и въ то бъ время въ городѣхъ было тѣми мѣсты и улицею, въ которыхъ имъ стоять, было людно и стройно. А не доѣзжая Казани, съ послѣдняго стану послать ему напередъ въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукому съ товарыщи, сына боярского жъ или толмача и государева грамота о послѣхъ къ нимъ послать, и велѣть говорити боярину и воеводамъ, чтобъ они тотчасъ про кизылбашскихъ пословъ и про шаховыхъ барсовника и кречетниковъ изготовили дворы и кормы, и питье, и приставовъ—дѣтей боярскихъ добрыхъ, кому у нихъ въ приставехъ быти, къ тому дни, какъ ему съ послы въ Казань пріѣхать. А лошеди бъ подъ пословъ съ саньми и подъ шаховыхъ людей лошеди жъ съ санми или съ сѣдлы бояринъ и воеводы, и дьяки выслали свои, урядя по посольскому обычею и взявъ у дворянъ и у головъ стрелетцкихъ, и у приказныхъ людей, а людемъ бы посольскимъ выслали подводы добрые жъ, и чтобъ у нихъ въ тотъ день въ городѣ на посадѣ тѣми мѣсты, куды имъ итти, и тою улицею, гдѣ имъ стоять, было людно и стройно по посольскому обычею. А какъ „ “ съ кизылбашскимъ посломъ пріѣдетъ въ Казань и гдѣ про пословъ дворы изготовлены будутъ, и „ “ ѣхать съ послы на подворье, и устроя шаховыхъ пословъ на подворьяхъ и отказавъ ихъ боярину и воеводамъ, ѣхать къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. къ Москвѣ, и дѣтемъ боярскимъ, и толмачомъ велѣти ѣхать къ Москвѣ жъ съ собою вмѣстѣ; а пріѣхавъ къ Москвѣ, явитись и про то сказать въ посольскомъ приказѣ діякомъ, думному Истру Третьякову да Савѣ Раманчюкову.

Роспись, по чему давати въ дорогѣ и по городомъ отъ Москвы до Володимеря кизылбашского шахъ Аббаса посломъ, Кае салтану да Булатъ беку, и шаховымъ барсовникомъ и кречатникомъ, и посольскимъ людемъ поденного корму.

Большому послу Каѣ салтану на день: по 2 хлѣба двуденежныхъ, по 2 колача двудепежныхъ, по 3 борапа, по гусю, по двое утятъ, по 4 куровъ живыхъ, по 7 гривенокъ масла коровья, по 30 яицъ.

Другому послу Булатъ беку на день: по 2 хлѣба двуденежныхъ, по 2 колача двуденежныхъ, по два борана, по гусю, по утяти, по трое куровъ живыхъ, по 4 гривенки масла коровья, по 20 яицъ.

Да посломъ же обѣимъ давати въ запросъ на колько имъ станетъ, по пуду патоки.

Шаховымъ кречетникомъ и барсовникомъ, и конюху, всего 9-ти человѣкомъ, давать по 2 хлѣба да по 2 колача двуденежныхъ человѣку, да всѣмъ: по 2 борана, по 2 утятъ, по пяти куровъ живыхъ на день. Людемъ обѣихъ пословъ 30 человѣкомъ давать по хлѣбу да по колачю 2—денежныхъ человѣку на день, да всѣмъ вопчѣ на два дни полуяловицѣ живой.

Питья посломъ давати:

Большому послу Каѣ салтану по осми чарокъ вина двойново, а гдѣ не будетъ двойного, ино рядового доброго, а о двойномъ отговариватца; крушка меду вишневого; крушка меду малинового; крушка меду черемхового; треть ведра меду боярского; треть ведра меду обарново; ведро меду паточново; ведро пива поддѣльново; 2 ведра меду княжово; въ ѣствы полведра уксусу.

Другому послу питья на день: 7 чарокъ вина двойново, а гдѣ не будетъ двойного, ино рядового доброво; крушка меду вишневого; крушка меду черемхового; четверть ведра меду боярского; четверть ведра меду обарново; полведра меду паточново; полведра пива поддѣльново; ведро меду княжово; въ ѣствы четверть ведра уксусу.

Шаховымъ кречетникомъ и барсовникомъ, и конюхомъ, всего 9 человѣкомъ, питья на день; по 4 чарки вина человѣку да всѣмъ: ведро меду обарново, ведро меду паточново, 3 ведра меду княжово. Людемъ посольскимъ большово посла 19 ч-мъ питья на день: по 2 чарки вина рядового да всѣмъ: 5 ведръ меду, 5 ведръ пива. Другово посла 7 ч-мъ по 2 чарки вина человѣку, да всѣмъ: полъ 3-я ведра меду, полъ 3-я ведра пива.

Да на мѣлкой росходъ про обѣихъ пословъ и про шаховыхъ и про посольскихъ людей на лукъ и на чеснокъ, и на яйца, и на сметану, и на масло, и на молоко, и на свѣчи послано съ нимъ изъ большово приходу до Нижнего, счетчи противъ сей же росписи, на колько денъ на тотъ же мѣлкой росходъ выходило имъ изъ большово приходу, по пяти рублевъ.

А рыбные ѣствы давати посломъ, какъ коли попросятъ, смѣтя противъ мясные жъ ѣствы столько жъ. И въ запросъ давать не отвелика, какъ коли чего попросятъ, гдѣ чего добыть мочно.

Да посломъ же взяти питья въ дорогу зъ дворца сверхъ поденного питья въ готовыхъ судѣхъ: 3 ведра меду вишневого, 2 ведра меду малинового, 3 ведра меду обарного, 10 ведръ меду патошного, 5 ведръ вина горячего, 8 коврижекъ, 6 хлѣбцовъ черныхъ, и отдать то посломъ самимъ: то имъ государево жалованье въ дорогу.

А отъ Володимеря до Мурома и до Нижнево, и до Казани посломъ шаховымъ и кречатникомъ, и барсовникомъ, и посольскимъ людемъ питье, вино и медъ, опричь красныхъ питей давать по казанской росписи, какова писана ниже сего. А будетъ послы въ дорогу учнутъ просить красного питья, и о томъ отговаривать, что красныхъ питей въ дорогѣ добыть нѣгде, а давати имъ въ красныхъ питей мѣсто бѣлымъ медомъ, какъ пригоже.

Роспись, по чему давати шаховымъ посломъ и шаховымъ кречетникомъ и барсовникомъ, и посольскимъ людемъ поденного корму и питья въ Казани и въ Астарахани, покамѣста они въ тѣхъ городѣхъ побудутъ до отпуску, противъ казанской росписи, по чему имъ давано отъ Казани до Москвы, какъ онѣ шли ко государю.

Большому послу Кае салтану на день: 2 хлѣба двуденежныхъ, 2 колача двуденежныхъ, 2 борана, 4 куровъ, 7 гривенокъ масла коровья, по 20 яицъ. Питья на день: по 3 чарки вина двойново, 10 чарокъ вина простово, ведро меду доброво, по чети ведра уксусу, на 4 де(ньги) свѣчь сальныхъ, луку да чесноку на 6 де(негъ). Да въ запросъ давати по пуду патоки, на колько станетъ.

Другому послу, Булатъ беку, на день: 2 хлѣба двуденежныхъ, 2 колача 2 денежныхъ, 2 чарки вина двойново, 5 чарокъ вина простово, ведро безъ чети меду доброво, четь ведра уксусу, луку да чесноку на 4 де(ньги), свѣчь сальныхъ на 4 де(ньги). Да въ запросъ полъ пуда патоки, на сколько станетъ.

Шаховымъ 5 ч-мъ кречетникомъ да стремянному копюху, да 2-мъ ч-мъ барсовникомъ: по 2 хлѣба да по 2 колача 2—денежныхъ ч-ку, по 2 чарки вина человѣку, ведро съ четью меду, ведро съ четью пива. Людемъ большово посла 20 ч-мъ 20 хлѣбовъ да 20 колачей 2—денежныхъ на день, боранъ, 40 чарокъ вина, 5 ведръ меду кабатцково, 5 ведръ пива кабатцково. Другово посла людемъ 10 ч-мъ 10 хлѣбовъ, 10 колачей 2—денежныхъ, боранъ, 20 чарокъ вина, 2 ведра меду кабатцково, 2 ведра пива кабатцково.

Роспись государевымъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. дѣламъ, что посланы съ Соловымъ Протасьевымъ о кизылбашскомъ дѣлѣ:

Наказъ государевъ о провожаньѣ пословъ. Роспись кормовая по чему давать корму на день посломъ въ дорогѣ.

Грамота въ Асторохань о тезикахъ, которые сведены съ тезичьихъ торговыхъ дворовъ, и велено имъ жить на посадѣ съ посадцкими людьми, а пошлины таможенные велено съ нихъ имать противъ астороханскихъ посадцкихъ людей.

Грамота въ Асторохань же исъ казанскова дворца объ отпускѣ изъ Астороханн государевыхъ и шаховыхъ пословъ, о бусехъ и о шаховыхъ о торговыхъ людехъ, что имъ шаховыми товары торговать повольно и шаховымъ и посольскимъ людемъ обидъ и насильства не чинить, и о Булатъ бековѣ шелку, что велено ему человѣка ево шелкъ, которово не стало въ Астороханн, отдать ему; а будетъ шелкъ проданъ, ино велено отдать денги.

Грамота въ Казань исъ казанскова дворца объ отпускѣ исъ Казани государевыхъ и шаховыхъ пословъ, чтобъ къ веснѣ про пословъ суды и бусы со всѣми судовыми снастми, на чемъ имъ со всѣмъ подлятися мочно, были готовы. А покамѣста послы и съ ними шаховы торговые люди съ шаховыми товары побудутъ въ Казани и которые торговые жъ люди съ шаховыми жъ товары останутца после пословъ въ Казани, и тѣмъ велено шаховыми товары торговать повольно, и пошлинъ съ нихъ имать не велено, и торговымъ и посольскимъ людемъ обидъ и насильства чинить не велено.

Грамота въ Казань исъ казанскова жъ дворца о посольскихъ кормѣхъ, что велено посломъ на кормъ денги давать изо всякихъ доходовъ, и питье, вино и медъ, и пиво противъ прежнево, по чему имъ давано въ Казани, какъ онѣ шли къ Москвѣ, и въ запросъ велено давать, и въ дорогу до Астороханн кормъ и питье велено отпустить.

Грамота въ Асторохань исъ посольского приказу о Булатъ бековѣ шелку, что взято у человѣка его въ Астороханн 115 апсырей шелку, и тотъ шелкъ велено ему отдать, а будетъ проданъ, и ему велено дать деньги.

Грамота въ Казань исъ посольского приказу объ отпускѣ государевыхъ и шаховыхъ пословъ, о судѣхъ и о бусехъ, и о кормѣхъ, покамѣста въ Казани побудутъ.

Грамота въ Асторохань исъ посольского приказу о терскомъ жильцѣ, о Бараимкѣ, что били челомъ за него послы, будто съ нимъ шаховы товары. И будетъ шаховы, и съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велено.

Грамота въ Нижней исъ посольского приказу объ отпускѣ шаховыхъ пословъ и о кормѣхъ, и о подводахъ, и о провожатыхъ.

Грамота въ Нижней же изъ нижегородцкіе чети о деньгахъ, чтобъ посломъ на кормъ отъ Нижнего до Казани деньги дали изъ нижегородцкихъ изо всякихъ доходовъ.

Грамота въ Муромъ о посольскомъ же отпуске и о корму, и о подводахъ, и о береженьѣ цесарева посла Юзуоа.

Грамота въ Муромъ же цесарева посла къ Юзуовву приставу къ Семену Чеадаеву о береженьѣ жъ, чтобъ цесареву послу съ кизылбашскими послы не видетися и ни о чемъ не сослатись.

Грамота въ Володимерь о посольскомъ же отпускѣ и о корму, и подводахъ, и о питьѣ.

Грамота проѣзжая по городомъ отъ Москвы до Володимерл и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани, и до Асторохани, чтобъ посломъ вездѣ подводы и кормы, и питье давали, и о провожатыхъ, и что поволено посломъ купить въ дорогѣ, въ Муромѣ, въ Касимовѣ, въ Нижнемъ, въ Казани неметцково и литовского полону: про шаха 20 ч. да себѣ, посломъ, по 3 ч.

Грамота на Терекъ исъ посольского приказа о сыску про боярина про Петра Петровича Головина по челобитью шахова посла Булатъ бека, будто взялъ у человѣка ево на Теркѣ 300 рублевъ.

Грамота въ Казань о шаховыхъ торговыхъ людехъ и о посольскихъ людехъ, которые пришли съ послы вмѣстѣ и въ Казани побудутъ до посольского отпуску съ шаховыми товары и которые останутца въ Казани послѣ пословъ, что имъ шаховыми товары торговати безпошлинно и пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ имать и насильства имъ никакого чинить не велено.

Грамота въ Асторохань исъ посольского приказу о томъ же.

Подводъ подъ пословъ и подъ шаховыхъ людей и подъ посольскихъ людей, и подъ ихъ людей 105 подводъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳеевичю Долгорукому да князю Семену Микитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Ѳѳонасью Истомину. Отпущены отъ насъ съ Москвы къ брату нашему къ шахъ Аббасову в. послы его Кая салтанъ да Булатъ бекъ, а съ ними шаховыхъ барсовниковъ и кречетниковъ деветь человѣкъ да посольскихъ людей тритцать человѣкъ; а въ приставехъ съ ними для береженья посланъ отъ насъ съ Москвы до Нижнего и до Казани Соловой Протасьевъ. А въ Казани

шаховымъ посломъ дожидатися нашихъ пословъ, князя Михайла Борятинского съ товарыщи, а отпускъ отъ насъ нашимъ посломъ будетъ вскоре жъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашскихъ пословъ приставъ Соловой Протасьевъ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему съ кизылбашскими послы въ Казань, и вы бъ тотчасъ изготовили про кизылбашскихъ пословъ дворы добрые, гдѣ пригоже, и велѣли бъ есте тѣ дворы очистить и сторожей къ нимъ приставить, чтобъ тѣ дворы къ посольскому пріѣзду были готовы. А въ которой день почаете посольского пріѣзду, и у васъ бы въ тотъ день въ городѣ и на посадѣ, и тою улицею, гдѣ стоять посломъ, и до двора было людно и стройно по посольскому обычею. И встрѣтить бы есте ихъ велѣли у посаду, а на встрѣчю послали дворенина добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и сотниковъ человѣкъ до ста и больши, и проводить велѣли до двора, и кормъ бы есте и питье посломъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста онѣ побудутъ въ Казани, давали по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу ево, опричь красного питья, и въ запросъ бы есте имъ ѣствы и питья, чего онѣ попросятъ, давали, чтобъ однолично у васъ въ Казани посломъ никакіе скудости въ кормѣхъ и въ питьѣ не было, а иное большое велѣли отговаривать гладостью, чтобъ большихъ убытковъ не было жъ. Да какъ „ “ съ кизылбашскими послы въ Казань придетъ, и вы бъ, принявъ у него пословъ, отпустили его, Солового, и толмачей, которые придутъ съ нимъ съ Москвы къ намъ, къ Москвѣ; а къ посломъ бы есте приставили иново пристава, выбравъ изъ дворянъ, добра и стрѣльцовъ къ нимъ на дворы для береженья дали, и о томъ тому новому приставу наказали накрѣпко, чтобъ онъ былъ у пословъ по вся дни и почи съ великимъ береженьемъ, и того бъ берегъ накрѣпко, чтобъ къ посломъ на дворы нихто рускихъ людей и иноземцовъ не приходили и ни о чемъ не розговаривали, и вѣстей никакихъ словомъ и на письмѣ не проносили. А къ веснѣ бъ есте про нашихъ и про шаховыхъ пословъ готовили суды наспѣхъ, въ чемъ бы нашимъ и шаховымъ посломъ поднятца. А будетъ которые суды худы, и вы бъ тѣ суды велѣли подѣлать и покрыть, чтобъ однолично суды къ веснѣ были готовы. А которово числа „ “ съ шаховыми послы въ Казань придетъ, и кому имянемъ вы у пословъ въ приставехъ быти велите, и о чемъ любо послы съ новымъ приставомъ въ Казани поговорятъ, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ съ „ “ же, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Да по нашему указу велено шаховымъ посломъ купити про шаха неметцкого и литовского полону

дватцать человѣкъ, да ихъ пожаловали есмя, поволили имъ купити, по ихъ челобитью, Кае салтану да Булатъ беку по три человѣки, и о томъ бы вы допросили пристава ихъ Солового Протасьева колько они полону, ѣдучи, купятъ въ дорогѣ, да чего въ дорогѣ противъ нашего указу полону не докупятъ, и вы бъ имъ то число поволили купити въ Казани, а однолично бъ было во всемъ у васъ бережно и купить имъ по нашему указу повольте. А чтобъ отъ нихъ во всемъ было бережно и ни о чомъ бы и ни съ кѣмъ у нихъ с-ыноземцы и съ рузскими людьми, опричь торговли, розговоровъ ни было; а заповедныхъ бы есте товаровъ, птицъ ловчихъ, соболей и куницъ живыхъ и пансырей продавать никому не велѣли. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ воеводѣ нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Обрасцову. Отпущены отъ насъ (*и проч.*)... Соловой Протасьевъ, а на кормъ про пословъ дано ему на Москвѣ отъ Москвы до Нижнего деньгами; а питье послано только до Володимеря, а отъ Володимеря и до Нижнего, и до Казани велено имать питье, медъ и вино, и пиво, въ городѣхъ съ кабака. А о пріѣздѣ посольскомъ, въ которой день быти имъ въ Нижней, велено приставу ихъ Соловому обослатися съ вами напередъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашскихъ пословъ приставъ Соловой Протасьевъ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему съ послы въ Нижней, и вы бъ тотчасъ изготовили про кизылбашскихъ пословъ дворы добрые (*и проч.*).... выслали бъ есте дворенина добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и сотниковъ, сколько пригоже, чтобъ было людно, и проводить его велѣли до двора, и кормъ бы есте и питье посломъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста послы побудутъ въ Нижнемъ, давали по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу его „ “. И въ дорогу отъ Нижнего до Казани дали бъ есте посломъ кормъ и питье противъ той же росписи, счетчи въ колько день имъ отъ Нижнего до Казани поспѣть мочно. И отпустили бъ есте ихъ изъ Нижнего въ Казань, не мешкая ни часу; а подводы подъ нихъ собрали съ Нижнего посаду и съ уѣзду со всякихъ людей, и съ монастырей, чтобъ однолично пословъ отпустить вамъ изъ Нижнего вскорѣ. А какъ послы изъ Нижнего пойдутъ, и въ тѣ бъ поры было людно и стройно по тому жъ, какъ и на встрѣчѣ, и проводить ихъ изъ Нижнего до Казани послали бы есте стрѣльцовъ, сколько человѣкъ пригоже. А которово числа Соловой съ кизылбашскими послы въ Нижней придутъ, и какъ

изъ Нижнего въ Казань пойдутъ, и на колько имъ день корму дадите, и сколько до Казани провожатыхъ пошлете, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ дiякомъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Володимерь воеводамъ нашимъ, князю Лукѣ Осиповичю Щербатому да Лаврентью Олександровичю Кологривову. Отпущены отъ насъ съ Москвы (*и проч.*).... Соловой Протасьевъ. А кормъ и питье поденное и сверхъ поденново про пословъ послано съ нимъ до Володимеря, съ Москвы, а отъ Володимеря до Нижнего на всякіе посольскіе съѣстные кормы дано ему жъ, Соловому, денгами. А велено ему про пословъ и про шаховыхъ, и про посольскихъ людей всякіе кормы покупать. А питье, медъ и вино, указали есмя взять въ Володимерѣ съ кабака. А о пріѣздѣ о посольскомъ, въ которой день быти имъ въ Володимерь, велено „ “ обослатись напередъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашскихъ пословъ приставъ „ “ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему въ Володимерь, и вы бъ велѣли имъ дворы очистить добрые и сторожей къ нему приставили, чтобъ дворы къ посольскому пріѣзду были готовы. А въ которой день почаете (*и проч.*) . . . дворенпа добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, сколько пригоже. И подводы бъ есте подъ пословъ и подъ шаховыхъ, и подъ посольскихъ людей дали тотъ же часъ, и отпустили ихъ изъ Володимеря въ Нижней, не мешкая ни часу, и въ дорогу имъ кормъ и питье дали по росписи, какова у пристава его у „ “, счетчи въ колько день ему отъ Володимеря до Нижнего поспѣти мочно, чтобъ имъ однолично въ дорогѣ въ кормѣхъ и въ питьѣ недостатка не было; а лише сего за посмѣхъ не шло, чтобъ нашей казнѣ запосмѣшныхъ убытковъ не было. А какъ послы изъ Володимеря пойдутъ и въ тѣ бъ поры по тому жъ было людно и стройно по посольскому обычею. А которово числа „ “ съ послы въ Володимерь придетъ и которово числа изъ Володимеря въ Муромъ придетъ, и на колько день про пословъ отъ Володимеря до Мурома корму и питья дадите, и колькихъ человѣкъ провожатыхъ пошлете, и вы бъ о томъ отписали къ намъ, къ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ дiякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Лѣта 7126-го генваря въ „ “ день по государеву ц. и

в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. отпустить отъ себя, государя, съ Москвы шаховыхъ пословъ, Кая салтана да Булатъ бека; а итти имъ на Володимерь да на Муромъ, да на Нижней, да на Казань, да на Астрахань, а изъ Астрахани итти имъ къ шаху на бусѣхъ до Терки или до Гиляни, смотря по тамошнему дѣлу, а государевыхъ пословъ, которые идутъ отъ государя къ шаху, князя Михаила Борятинского, дожидатись имъ въ Казани. А покамѣста шаховы послы и съ ними шаховы жъ торговые люди съ шаховыми жъ товары останутца въ Казани жъ и въ Астрахани, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. шаховыхъ пословъ и торговыхъ людей, которые ныне съ послы и которые послѣ ихъ останутца съ шаховыми товары, пожаловалъ, поволилъ имъ шаховыми товары торговать повольно, и пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ имать и торговымъ шаховымъ и посольскимъ людемъ никакихъ обидъ и насильства чинить не велѣлъ. Да шаховъ же посолъ Булатъ бекъ билъ челомъ государю, что въ Астрохани не стало человѣка его Хожа Сухамбедина, а послѣ того человѣка его взяли астороханскіе воеводы живота ево сто пятнатцать ансырей шелку розново цвѣту, и ему де по ся мѣста не отдано. И про тотъ шелкъ сыскано, что тотъ человѣка ево шелкъ и ныне въ Астрохани въ государевѣ казнѣ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. Булатъ бека пожаловалъ, велѣлъ ему тотъ шелкъ отдать; а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и государь велѣлъ тѣ денги, что на томъ шелку взято, изъ своей государевы казны выдать, да въ отвѣтѣ ему ты, бояринъ князь Олексѣй Юрьевичь съ товарыщи, то государево жалованье обявили. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, послать въ Казань и въ Астрохань отъ себя изъ приказу государевы грамоты, а велѣти про государевыхъ пословъ, которые идутъ отъ государя къ шаху, про князя Михайла Борятинского съ товарыщи, и про шаховыхъ пословъ, которые ныне отпущены отъ государя къ шаху, готовить къ веснѣ въ Казани суды со всѣми судовыми, а въ Астрохани бусы со всѣми буснымі спастми, на чемъ бы государевымъ и шаховымъ посломъ поднятца со всѣми ихъ людьми и съ рухледью, а чтобъ однолично въ Казани и въ Астрохани суды и бусы къ веснѣ были готовы. А покамѣста послы и шаховы торговые люди съ шаховыми товары въ

Казани съ послы вмѣсте побудутъ и которые торговые люди съ шаховыми жъ товары послѣ пословъ въ Казани останутца, и съ тѣхъ съ торговыхъ людей съ шаховыхъ товаровъ пошлинъ на государя имать и обидъ, и насильства никакова шаховымъ торговымъ людемъ и посольскимъ людемъ дѣлать и даромъ у нихъ ничего имать не велѣть. А которой Булатъ бекова человѣка шелкъ въ Асторохани въ государевѣ казнѣ, и тотъ шелкъ велѣть изъ государевы казны отдать Булатъ беку; а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и тѣ деньги, что за тотъ шелкъ взято, велѣть изъ государевы казны отдать Булатъ беку жъ тотчасъ. Да и впередъ велѣти въ Асторахани и на Теркѣ къ шаховымъ ко всякимъ людемъ береженье держати, чтобъ насильства и продажъ, и никакого безчестья не чинили и тѣмъ межъ государя ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. и межъ шаха ссоры не чинили, и торговыхъ людей отъ Астарахани не отгоняли.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. отъ Москвы до Володимеря и до Мурома, и до Нижнево Новагорода, и до Казани, и до Астарахани по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. По нашему указу отпущены съ Москвы кизылбашскіе послы Кая бекъ да Булатъ бекъ, а съ ними шаховыхъ барсовниковъ и кречетниковъ девять человѣкъ да людей ихъ посольскихъ тритцать человѣкъ, а въ приставехъ съ ними посланъ до Казани Соловой Борисовъ сынъ Протасьевъ. А кормъ посломъ и барсовникомъ, и кречетникомъ, и людемъ посольскимъ данъ на Москвѣ до Володимеря, а отъ Володимеря велено ему имать по городомъ по росписи. И какъ „ “ въ которой городъ пріѣдетъ, и вы бъ, бояря наши и воеводы, и дьяки, и всякіе наши приказные люди, давали кизылбашскимъ посломъ и барсовникомъ, и кречетникомъ, и людемъ посольскимъ кормъ по росписи, какова у Солового за дьячьею приписью. Да имъ же бы естя давали подводы по подорожнымъ и кормъ въ дорогу, смѣтивъ, въ колько имъ день мочно отъ которово города до которого города постѣти, по той же росписи. А гдѣ будетъ падобны провожатые, и вы бъ ихъ провожать посылали, по скольку человѣкъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ пройти было здорово и безстрашно, и отпускали ихъ, не замѣшкая ни за чѣмъ, и кормъ имъ и провожатыхъ давали, смотря по тамошнему дѣлу. Да поволили есмя купити въ дорогѣ, въ Муромѣ и въ Касимовѣ, и въ Нижнемъ, и въ Казани кизылбашскимъ посломъ про шаха полону неметцкого и литовского дватцать человѣкъ, да посломъ, Кае салтану да Булатъ беку, по три человѣки. И вы бъ и полоняники кизылбашскимъ посломъ

по городомъ купити повелили и всякіе незаповѣдные товары, которые имъ покупать не заповѣданы, и съ тѣхъ ихъ товаровъ нашихъ пошлинъ не имали, а пропускали ихъ съ тѣмъ со всѣмъ безо всякого задержанья. А заповѣдныхъ товаровъ, птицъ ловчихъ и соболей, и куницъ живыхъ, и папсырей, и шеломовъ, и полоненниковъ больши того покупати кизылбашскимъ посломъ не давали. А того бъ есте велѣли беречь накрѣпко, чтобъ онѣ отнюдь нигдѣ тайно заповѣдныхъ товаровъ никакихъ не у кого не покупали.

Внизу: Касимъ Мааметевъ да Акъ Кула Ширипов.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году ноября въ 22 де(нь) писали есте къ намъ, что въ прошломъ во 125-мъ году пріѣхалъ съ Терки къ вамъ въ Асторохань терской жилецъ Бараимъ съ товаромъ (*и проч.*). А шаховы послы, Кая бекъ да Булатъ бекъ, будучи у насъ, великого государя, въ отвѣтѣ бояромъ нашимъ говорили, что тотъ Бараимъ пріѣхалъ въ Асторохань съ ними вмѣстѣ, а съ нимъ будто немного шаховы казны товаровъ, и съ того будто Бараима астороханскіе таможенные головы взяли пошлину вдвое. И бояре наши шаховымъ посломъ въ отвѣтѣ о тѣхъ товарехъ говорили: будетъ тѣ товары подлинно государя ихъ шахъ Аббасовы, и наше царское величество, для любви брата нашего, съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велимъ и впередъ брата нашего шахъ Аббасова в. для нашіе братцкіе дружбы и любви со всякихъ товаровъ пошлинъ нашихъ ни въ которыхъ городѣхъ имать не велимъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а у того будетъ Бараимка подлинно шаховы товары сыщете только про то будетъ подлинно, и послы будетъ объ нихъ учнутъ къ вамъ присылать, и вы бъ терскому жильцу Бараимку велѣли шаховы товары торговать беспошлинно. И впередъ бы есте съ шаховыхъ товаровъ съ шаховыхъ купчинъ, съ которыми будутъ шаховы грамоты съ кого пошлинъ не имати, пошлинъ имать не велѣли. А сколько хто въ которомъ году и хто имянемъ шаховыхъ людей съ шаховыми грамотами пріѣдетъ, и на колько шаховыхъ товаровъ продадутъ, и что съ кого по нашему указу пошлинъ взять доведетца, а не возьмете по шаховымъ грамотамъ, и вы бъ то велѣли записывать въ книги имянно, да о томъ писали къ намъ къ Москвѣ, чтобъ намъ про то было вѣдомо, а отписки велѣли давати въ посольскомъ приказѣ діякомъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчюкову.

Отъ царя и в. кп. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. Какъ были у насъ на Москвѣ кизылбашскіе послы Кая бекъ да Булатъ бекъ, и билъ челомъ намъ, великому государю, шаховъ посолъ Булатъ бекъ и въ отвѣтѣ бояромъ нашимъ говорилъ, что въ Асторохани де не стало человѣка ево Хожа Сухамбедина, а опослѣ де его взяли у того человѣка его боярипъ и воеводы, князь Иванъ Микитичь Одоевской съ товарыщи, живота ево сто пятнатцать ансырей шелку и ему де того шелку и по ся мѣста не отдано, и намъ бы ево пожаловати, велѣти тотъ шелкъ ему отдати. И по нашему указу про тотъ шелкъ сыскано, что тотъ человѣка ево шелкъ и ныне въ Асторохани въ нашей казнѣ. И мы шахова посла Булатъ бека пожаловали, велѣли ему тотъ шелкъ изъ нашіе казны отдати. А будетъ тотъ шелкъ до сеѣ нашіе грамоты проданъ, и мы тѣ деньги, что за тотъ шелкъ взято, велѣли изъ нашіе казны отдати Булатъ беку жъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а тотъ шолкъ еще не проданъ, а лежитъ въ нашей казнѣ, и вы бъ тотъ шелкъ отдали шахову послу Булатъ беку весь сполна; а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и вы бъ ему тѣ деньги, что за тотъ шелкъ взято, отдали Булатъ беку жъ по нашему указу, какъ о томъ къ вамъ писано исъ казанского дворца, и отпись у него въ томъ шелку или въ деньгахъ для спору взяли, чтобъ о томъ впередъ спору не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Такова грамота отослана къ посломъ на подворье съ Соловымъ Протасьевымъ да къ нему жъ посланы 2 грамоты въ Казань да въ Асторохань, каковы взяты по памяти исъ посольского приказу исъ казанского дворца, чтобъ въ Казани и въ Асторохани на шаховыхъ торговыхъ людехъ съ шаховыхъ товаровъ пошлинъ не имали и обидъ бы шаховымъ никакимъ людемъ чинить не велѣли.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Ондрюшка Хованской, Ивашка Пушкинъ, Петрушка Овдокимовъ, Гаврилка Богдановъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году маія въ 9 де(нь) въ твоей государевѣ ц. и в. кп. Михаила Федоровича в. Р. грамотѣ писано къ намъ, холопемъ твоимъ, за приписью твоего государева думново дьяка Петра Третьякова, по челобитью тебѣ, государю, кизылбашсково шахъ Аббасова купчины Хозя Назамедина, а велено намъ, холопемъ твоимъ, по твоему государеву указу и твоихъ государевыхъ бояръ по приговору Кизылбашскіе земли тезиковъ Ма-

мутка и иныхъ, которые жувутъ, пожнялся, въ Асторохани лѣтъ по десети и больши, а на твое государево имя они всѣ не били челомъ и живутъ собою, выслати изъ Асторохани зъ женами ихъ и зъ дѣтьми, и со всѣми ихъ животы по ихъ землямъ, хто исъ которого государьства пріѣхалъ, а въ Асторохани имъ жити однолишно не велѣти, а велѣти имъ пріѣзжати въ Асторохань с-ными иноземцы вмѣстѣ съ товары и торговати такъ же, какъ и иные иноземцы въ Асторохани торгуютъ. А будетъ которые исъ тѣхъ тезиковъ били челомъ тебѣ, государю, на твое государево имя и живутъ въ твоемъ государевѣ имяни, и тѣхъ тезиковъ велѣти бъ намъ, холопемъ твоимъ, зъ гилянского и съ тезицкихъ дворовъ свести жъ, а велѣти имъ жить въ Асторохани въ городѣ или на посадѣ, гдѣ будетъ пригоже; а въ Кизылбаши ихъ и в-ные земли высылати изъ Асторохани не велѣти. И мы, холопи твои, по твоей государевѣ грамотѣ Кизылбашскіе земли тезиковъ, Мамутка да толмача Касима и иныхъ тезиковъ, которые поженясь и жили въ Асторохани лѣтъ по пяти и по шти, и по десети, и больши, сыскавъ, выслали ихъ изъ Асторохани зъ женами и зъ детьми, и со всѣми ихъ животы, въ ихъ земли, хто исъ которые земли пріѣхалъ, и имъ по твоему государеву указу говорили, чтобъ они впередъ пріѣзжали въ Асторохань съ торговыми людьми съ товары торговати. А которые, государь, на тезицкихъ, на бухарскомъ и на гилянскомъ дворѣ, жили въ твоемъ государевѣ имени тезики арменья, и мы, холопи твои, по твоему государеву указу тѣмъ арменьямъ на бухарскомъ и на гилянскомъ дворѣ жити не велѣли, а велѣли имъ быти въ посадцкихъ людехъ и жити на посадѣ съ посадцкими людьми вмѣстѣ. И тѣ, государь, тезики арменья бьютъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р., а къ намъ, холопемъ твоимъ, приносятъ челобитные, а въ челобитныхъ ихъ пишутъ: какъ де они, арменья, жили и торговали на бухарскихъ и на гилянскихъ дворѣхъ, и съ нихъ де съ ихъ товаровъ имали твою государеву таможенную пошлину и за мыту и сносные, и толмачные пошлины тожъ, что и съ пріѣзжихъ тезиковъ, которые пріѣзжаютъ изъ за моря, съ рубля по два алтына по двѣ деньги; а ныне деи таможенные головы хотятъ на нихъ имать таможенную пошлину по тому жъ, какъ имали на нихъ на тезичьихъ дворехъ, и имъ деи тоѣ твоей государевы пошлины платити невозможно, что бъ деи ты, государь, ихъ пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ свою государеву таможенную пошлину имати противъ астороханскихъ посадцкихъ людей, а съ астороханскихъ, государь, съ посадцкихъ людей съ ихъ товаровъ по прежнему твоему государеву

указу емлютъ таможенные пошлины съ рубля по алтыну. А въ прошломъ, государь, во 124-мъ году взято съ арменьи твоихъ государевыхъ таможенныхъ пошлинъ сто тритцать три рубли дватцать одинъ алтынъ три деньги, а въ полы противъ астороханскихъ посадцкихъ людей иметца на нихъ взяти шестьдесятъ шесть рублевъ дватцать семь алтынъ полъ третьи деньги. А во 125-мъ году довелось взяти съ одного армянина съ ево товару таможенные тезицкихъ пошлинъ дватцать пять рублевъ деветь алтынъ полторы деньги; а въ полы противъ астороханскихъ посадцкихъ людей иметца взяти двепатцать рублевъ дватцать одинъ алтынъ полторы деньги. И мы, холопи твои, съ тое съ арменьи твоихъ государевыхъ таможенныхъ пошлинъ противъ астороханскихъ посадцкихъ людей безъ твоего государева указу взяти не смѣемъ. И о томъ, государь, какъ намъ, холопемъ своимъ, укажешь?

На адресѣ: 126-го, ноября въ 22 де(нь).

Помѣта: Государь указалъ имать съ тѣхъ, которые сведены, а живутъ на посадѣ, пошлину противъ астараханскихъ посатцкихъ людей, и память въ казанской дворецъ послать.

Лѣта 7126-го генваря въ 20 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году ноября въ 22 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Астороханп воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичь Хованской съ товарыщи: въ прошломъ де во 125-мъ году маія въ 9 де(нь) въ государевѣ (*и проч.*)... безъ государева указу взяти не смѣютъ. И государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. указалъ съ тѣхъ тезиковъ и съ арменьи, которые съ тезитцкихъ гостиныхъ дворовъ сведены, а живутъ на посадѣ, съ ихъ товаровъ пошлину имать противъ астороханскихъ посадцкихъ людей. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, послати въ Асторохань государева грамота, а велѣти съ тѣхъ тезиковъ и съ арменьи, которые съ тезитцкихъ гостиныхъ дворовъ сведены, а живутъ нынѣ па посадѣ, съ товаровъ ихъ пошлины имать противъ астороханскихъ посадцкихъ людей. *По склейкамъ:* Дiакъ Сава Романчюковъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру

Овдокимову да Гаврилу Богданову. Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году ноября въ 22 де(нь) писали есте къ намъ Кизылбашскіе земли о тезикахъ, которые жили на тезитцкихъ, на бухарскомъ и на гилянскомъ дворѣ, въ нашемъ имени, а вы ихъ по нашему указу съ тезитцкихъ дворовъ выслали и велѣли имъ жити на посадѣ съ посатцкими людьми вмѣстѣ, и чтобъ намъ ихъ пожаловать, велѣти съ нихъ имать нашу таможенную пошлину противъ астараханскихъ посатцкихъ людей, а съ астараханскихъ съ посатцкихъ людей емлютъ наши таможенные пошлины съ рубля по алтыну, а вы съ нихъ нашіе таможенные пошлины противъ астараханскихъ посатцкихъ людей безъ нашего указу имать не смѣете, и намъ бы вамъ о томъ велѣти указъ свой учинити. И нынѣ мы указали съ тѣхъ тезиковъ и съ арменьи, которые съ тезитцкихъ гостиныхъ дворовъ сведены, а живутъ на посадѣ, съ товаровъ ихъ пошлину имать противъ астароханскихъ посатцкихъ людей. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ съ тѣхъ тезиковъ и съ арменьи, которые съ тезитцкихъ гостиныхъ дворовъ сведены, а живутъ нынѣ на посадѣ, съ товаровъ ихъ таможенные пошлины велѣли на насъ имать противъ астарахапскихъ посатцкихъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 20 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Билъ намъ челомъ, будучи у насъ на Москвѣ, шахъ Аббасовъ посолъ Булатъ бекъ и въ отвѣтѣ бояромъ нашимъ говорилъ: взялъ де у человѣка ево на Теркѣ бояринъ нашъ Петръ Головинъ триста рублевъ денегъ и тѣхъ денегъ ему по ся мѣста не отдавывалъ, и намъ бы ево пожаловать, велѣти ему тѣ денги отдать. И по нашему указу про тѣ денги сыскивано бояриномъ нашимъ Петромъ Петровичемъ Головинымъ; а въ сыску бояринъ нашъ Петръ Петровичь Головинъ сказалъ, что онъ у человѣка ево никакихъ денегъ въ казну не имывалъ и человѣка ево никого не видалъ, а дѣлалось ден тѣмъ обычаемъ: въ которомъ году, того не упомнитъ, били челомъ ему, Петру, пріѣхавъ на Терекъ изъ Астороханп, тезики на терскихъ стрѣльцовъ, а сказали, что будто послали онѣ съ тѣми стрельцы изъ Астороханп двѣсте рублевъ денегъ, и онѣ имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрѣльцовъ давалъ судъ, и на судѣ тѣ стрѣльцы имъ въ тѣхъ деньгахъ отвѣчали, что онѣ у нихъ денегъ двусотъ рублевъ не имывали, да слались на астараханскую проѣзжую грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамотѣ не написано. И онъ де велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжую грамоту, и тезики де передъ него астороханскую проѣзжую грамоту клали,

и онъ, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ и въ той де грамотѣ товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ изъ Асторохани, написаны имянно, а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамоте не написано. И онъ де, Петръ, тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны? и почему онѣ въ тѣхъ денгахъ стрельцомъ вѣрили? И тезики де сказали, что тѣ денги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны, а деньги онѣ съ стрельцы послали, вѣря имъ, что онѣ терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ де, боярин нашъ, тезикомъ въ тѣхъ денгахъ отказалъ, потому что тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны. Да и въ отвѣтѣ боярин нашъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичь Ситцкой съ товарыщи такъ посломъ кизылбашскимъ отказывалъ. И посолъ Булатъ бекъ билъ челомъ, а говорилъ, что онъ билъ челомъ намъ никакъ(?) не ложно: у человѣка его денегъ боярин нашъ Петръ Головинъ взялъ самъ, и мы указали про то сыскать на Теркѣ мимо Петра. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ про тѣ деньги сыскалъ на Теркѣ дворяны и дѣтьми боярскими, и головами стрелетцкими, и сотники, и всякими терскими жильцы: боярин нашъ Петръ Петровичь Головинъ шахова посла у Булатъ бекова человѣка триста рублевъ денегъ взялъ ли? и въ которомъ году взялъ? и коими обычеи тѣ деньги у него. и за что взялъ? И кизылбашскіе жъ тезики боярину нашему Петру Головину на терскихъ стрельцовъ о дву сотъ рублевъ, что будто онѣ съ ними послали изъ Асторохани на Терекъ напередъ себя, вѣря имъ, бивали-ль челомъ, и судъ имъ съ тѣми стрельцы былъ-ли? и чѣмъ то дѣло вершилось? и въ которомъ году то дѣлалось? И одно-ль то дѣло, или Петръ у Булатъ бекова человѣка деньгиималъ, а то дѣло, что тезики били челомъ на трельцовъ, иное дѣло. Да и подъячихъ бы еси избныхъ, которые у нашихъ дѣлъ сидятъ, роспросилъ: таково судное дѣло кизылбашскимъ тезикомъ съ терскими стрѣльцы въ дву сотъ рублехъ передъ боярипомъ нашимъ передъ Петромъ Головинымъ было ль? и въ которомъ году было, и хто то дѣло записывалъ, и чѣмъ то дѣло вершилось? Да и подлинную бъ еси тому дѣлу записку велѣлъ сыскать и положить передъ собою, и какими обычаи у Булатъ бекова человѣка деньги имапы, или у Булатъ бекова человѣка денегъ не имывано? Да что тебѣ про три ста рублевъ, о чемъ нынѣ билъ челомъ на боярина нашего, на Петра Головина, шаховъ посолъ Булатъ бекъ и про тезиковы двѣсте рублевъ, что онѣ били челомъ на терскихъ стрѣльцовъ и судъ былъ, дворяне и дѣти боярскіе, и головы

стрѣлетцкіе и всякіе терскіе жилстцкіе люди въ сыску и что тебѣ подъячіе въ роспросѣ скажутъ, и ты бъ то все велѣлъ записать подлинно да къ той скаскѣ велѣлъ всякимъ людемъ, которые грамотѣ умѣютъ, руки свои приложить, а которые грамотѣ не умѣютъ, и ты бъ въ ихъ мѣсто велѣлъ отцомъ ихъ духовнымъ руки свои приложить, да тоѣ бъ еси записку за ихъ руками и судное дѣло, каково сыщутъ, запечатавъ своею печатью, прислалъ къ намъ къ Москвѣ, а велѣлъ отдать въ посольскомъ приказѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 20 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ Ондрѣю Подлѣсову да Ооонасью Истомину. Пожаловали есмя шаховыхъ пословъ и шаховыхъ же торговыхъ людей, которые пришли въ Казань съ ними вмѣсте и до отпуску въ Казани побудутъ съ ними жъ съ шаховыми товары, и которые шаховы жъ торговые люди послѣ пословъ съ шаховыми жъ товары останутца въ Казани жъ, поволилъ имъ шаховыми товары торговать повольно и пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ имать и торговымъ шаховымъ, и посольскимъ людемъ никакихъ обидъ и насильства чинити не велѣли, и въ отвѣтѣ у насъ про то шаховымъ посломъ бояриномъ нашимъ княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ объявлено. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ шаховымъ посломъ и шаховымъ же торговымъ людемъ, которые пришли въ Казань съ шаховыми товары съ ними вмѣстѣ и въ Казани побудутъ до отпуску съ ними жъ, и которые въ Казани останутца съ шаховыми жъ товары после ихъ, поволили имъ шаховыми товары торговать беспошлинно и пошлинъ съ торговыхъ людей съ шаховыхъ товаровъ имать на насъ не велѣли, и обидъ, и насильства имъ никакова не чинили. Да и впередъ бы есте въ Казани къ шаховымъ къ торговымъ и ко всякимъ людемъ береженье держали, чтобъ имъ насильства и продажъ, и никакого бесчестья не чинили, чтобъ тѣмъ межъ насъ, великого государя, и межъ шахъ Аббаса ссоры не учинить и торговыхъ людей отъ Асторахани и отъ Казани не отогнать. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 20 день.

А въ Асторахань такова жъ грамота о тѣхъ же торговыхъ людехъ послана съ Соловымъ Протасьевымъ.

Во 102-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. къ Аббасъ шаху въ посланникѣхъ Григорей Васильчиковъ да подъячей Ооонасей Монастыревъ, и для тоѣ посылки дано

Григорью на подмогу 250 рублевъ, подъячему Ѳеопасью 70 рублевъ да годовое жалованье, да имъ же даны запасы съ дворца, а что запасовъ дано, и тому записка на дворцѣ.

Во 105-мъ году посланы отъ государя жъ ц. и в. кн. Ѳедора Иваповича в. Р. къ шаху въ послѣхъ князь Василей Тюоякинъ да дьякъ Семейка Емельяновъ. И для тоѣ посылки дано имъ государева жалованья исъ четверти впередъ на 106-й годъ окладъ ево сполна. А что для тоѣ кизылбашскіе службы князю Василью и дьяку, и подъячему, и кречетникомъ, и толмачемъ дано подмоги, того не сыскано.

Во 108-мъ году посланы отъ государя ц. и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ послѣхъ князь Олександро Жировой Засѣкинъ да Темиръ Засѣтцкой, да дьякъ Ивашка Шараповъ, и для тоѣ посылки дано имъ государева жалованья: князю Олександру да Темирю и дьяку Ивашкѣ Шарапову дано государева жалованья впередъ на 109-й да на 110-й годъ оклады ихъ сполна. Подмоги дано князю Олександру 250 рублевъ, Темирю 150 рублевъ, діяку Ивашкѣ Шарапову 100 рублевъ, кречетникомъ Богдану Маркову, Гаврилу Микулину, Михайлу Петрову дано государева жалованья на 108-й да впередъ на 109-й, да на 110-й годъ по ихъ окладомъ. А что дано государева жалованья переводчикомъ и толмачомъ и что кречетникомъ и толмачомъ сверхъ жалованья дано подмоги, того не сыскано. А по скаскѣ діака Ивашки Шарапова нынѣшнего 126-го году ѳевраля въ 18 де(нь), какъ онъ посланъ въ Кизылбаши при царѣ Борисѣ со княземъ Олександромъ Жировымъ Засѣкинымъ да съ Темиромъ Засѣтцкимъ, и ему было государева годового денежново жалованья 70 рублевъ и нынѣ ему государева жалованья то жъ. Князю Олександру и Темирю Засѣтцкому по 60 рублевъ, а Темирю де тотъ окладъ для казылбашскіе посылки данъ и съ головнымъ, что онъ былъ въ тѣ поры въ головахъ у стрѣльцовъ.

Во 114-мъ году послапы были въ Кизылбаши отъ ростриги къ шаху въ послѣхъ князь Иванъ княжъ Петровъ сынъ Ромодановской да Иванисъ Есиповъ, да дьякъ Олексѣй Стрепевъ. И для тоѣ посылки дано было имъ жалованья и подмоги: князю Ивану Ромодановскому впередъ на 115-й годъ окладъ ево сполна къ тому въ прибавку, что ему дано годовое жалованье для свѣйского посольства на 114-й годъ. Иванису Есипову да дьяку Олексѣю Стрепеву дапо жалованье на два жъ года, на 114-й да на 115-й годъ, оклады ихъ сполна жъ. А что кому окладъ, того не написано. А подмоги имъ для тоѣ жъ кизылбашскіе посылки дапо: князю Ромодановскому 300 рублевъ, Иванису Есипову 200 рублевъ, діяку Олексѣю Стрепеву 120 рублевъ.

Въ прошломъ во 121-мъ году посыланы отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ посланникѣхъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, а государева жалованья годового и на подмогу для тоѣ посылки дано имъ: Михайлу Тиханову подмоги 150 рублевъ да стрелетцкого жалованья на два года, на 122-й да на 123-й годъ, 100 рублевъ, по 50 рублевъ на годъ, да ему жъ дано жалованья четвертново, что ему былъ окладъ при царѣ Васильѣ, на два жъ года, по 10 рублевъ на годъ; да Михайлу жъ по государеву указу за службу въ боярскіе придачи мѣсто на два же года по 37 рублевъ на годъ, и всего Михайлу дано на Москвѣ жалованья и подмоги 344 рубли, да въ Нижнемъ дано Михайлу жъ подмоги 50 рублевъ. Подъячему Олексѣю Бухарову подмоги 50 рублевъ, да жалованья на два годы, на 122-й да на 123-й годъ, 60 рублевъ, по 30 рублевъ на годъ. Да для ево бѣдности дано 50 рублевъ, а впередъ того инымъ діякомъ и подъячимъ въ подмогу выписывать не велено. Да ему же дано въ Ярославле 25 рублевъ. И всего Олексѣю дано жалованья и подмоги 185 рублевъ. Толмачомъ, которые посыланы съ Михайломъ и съ Олексѣемъ, дано жалованья и подмоги: Ивану Есипову, Семейкѣ Гарасимову, Семейкѣ Есипову подмоги по 30 рублевъ человѣку, жалованья на два же годы, на 122-й да на 123-й годъ, оклады ихъ по 13 рублевъ человѣку.

Въ прошломъ во 124-мъ году посыланы отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ посланникѣхъ Ѳедоръ Псаковъ сынъ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ, и для тоѣ службы дано имъ государева жалованья и подмоги: Ѳедору Левонтьеву дано государева жалованья на два года, на 124-й да на 125-й годъ, оклады ихъ сполна, да подмоги 150 рублевъ, да въ приказъ 50 рублевъ. Діаку Богдану Тимоѳѣеву государева жалованья на два жъ года окладъ ево сполна жъ, да подмоги 75 рублевъ, да въ приказъ 30 рублевъ. Переводчику да 3-мъ человѣкомъ толмачемъ дано государева жалованья на два жъ годы оклады ихъ сполна, да подмоги противъ жалованья. Да по государеву указу посланникомъ же Ѳедору и дьяку Богдану дано въ приказъ: Ѳедору 50 рублевъ, діяку Богдану 30 рублевъ.

А нынѣ сказано отъ государя къ шаху въ послѣхъ князю Михайлу княжъ Петрову сыну Борятинскому да Ивану Иванову сыну Чичѣрину, да дьяку Михайлу Тюхину. А оклады имъ: князю Михайлу 165 рублевъ, Ивану Чичѣрину 70 рублевъ, діяку Михайлу Тюхину 100 рублевъ. Бояре приговорили: жалованье на 2 года по ихъ окладомъ, а подмоги противъ князя Олександра Засѣкина: князю Михайлу 250, Ивану Чичѣрину 150, діаку 100 рублевъ.

И государю про то думной діякъ Петръ Третьяковъ сказывалъ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. указалъ свое государево жалованье и подмогу дати по боярскому приговору.

Въ Кизылбаши жъ посылано съ Федоромъ съ Леоптьевымъ: переводчикъ Семейка Ондрѣевъ да 3 ч. толмачей. А нынѣ съ послы надобно переводчикъ же да 4 ч. толмачей. И въ то число толмачи: Иванъ да Гаврило Есиповы, Ѳедоръ Ивановъ—оклады имъ по 20 рублевъ человѣку; Сооопъ Огарковъ—окладъ 18 рублевъ. А переводчика—кого государь укажетъ. Милюта Нагаевъ—окладъ ему 50 рублевъ. И всего переводчику и толмачомъ жалованья на одинъ годъ 128 рублевъ, а на два года 256 рублевъ, да подмоги въ одинъ рядъ 128 рублевъ, и всего переводчику и толмачю жалованья и подмоги 384 рубли.

Сыскано въ посольскомъ приказѣ, что при прежнихъ государехъ посылано къ шаху отъ государей поминковъ зъ государевыми и съ шаховыми послы.

Во 102-мъ году приходилъ къ государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. отъ кизылбашского Аббасъ шаха посолъ Ази Хосровъ, и какъ онъ отъ государя къ шаху отпущенъ и съ нимъ послано отъ государя къ шаху въ поминкахъ 6 кречетовъ.

Во 108-мъ году посланы отъ государя ц. и в. кн. Бориса Ѳодоровича в. Р. къ шаху послы князь Олександро Жировой Засѣкинъ да Темиръ Засѣтцкой, да дьякъ Ивашка Шараповъ, а въ поминкахъ съ ними послано отъ царя Бориса: однорядка скорлатна (*и проч.*). Отъ царевича Ѳедора Борисовича послано въ поминкахъ къ шахову сыну: сорокъ соболей во 100 рублевъ (*и проч.*). Да по челобитью кизылбашского посла Перкулы бека послано отъ царя Бориса къ шаху съ посломъ ево съ Перкулы бекомъ: медвѣдь гонецъ (*и проч.*).

Въ прошломъ во 114-мъ году при царѣ Васильѣ посланы были къ шаху въ послѣхъ князь Иванъ княжъ Петровъ сынъ Ромодановской да Иванисъ Есиповъ, да дьякъ Олексѣй Стреневъ. А передъ ихъ отпускомъ послана была память на дворецъ, а велено было прибрати къ шаху въ поминки 30 кречетовъ красныхъ и подкрасныхъ, и кроплепыхъ, и сѣрыхъ, а къ нимъ велено прибрати пяти человѣхъ кречетниковъ добрыхъ, а прибравъ кречеты и кречетниковъ, велено про то сказать царю Василью и о томъ доложить: сколько какихъ кречетовъ укажетъ послать? А отпуску княжъ Иванова въ Кизылбаши и сколько съ ними къ шаху отъ царя Василья послано кречатовъ или иныхъ какихъ поминковъ, того послѣ литовского разоренья не сыскано.

Во 121-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. къ шахъ Аббасу въ посланникѣхъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ. А на посылку съ ними послано къ шаху и къ бухарскому, и къ юргенскому: 5 сороковъ соболей по 50 рублевъ сорокъ (*и проч.*). А велено ему отдавать отъ себя, а не отъ государя.

Во 124-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ Аббасъ шаху въ посланникехъ Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ. А въ поминкахъ отъ государя послано съ ними къ шаху три сорока соболей: сорокъ въ 200 рублевъ, сорокъ во 150 рублевъ, сорокъ въ 100 рублевъ (*и проч.*). *Между строкъ помѣчено, что указано послать съ княземъ Барятинскимъ:* Нынѣ указалъ государь послать къ шаху: 1 сорокъ въ 300 рублевъ, другой 200 рублевъ, третей въ 150 рублевъ, 2 сорока по 100 рублевъ, 2 лисицы черны: одна въ 30 рублевъ, другая 20 рублевъ, половинка сукна скорлату червчатово по 6 рублевъ аршинъ; двѣ пары соболей по 30 рублевъ, другая въ 25 рублевъ или въ 20 руб., 5 пудъ рыбьево зубу большово по 20 рублевъ пудъ, 100 вѣдръ вина нарядного розныхъ цветовъ, тройново, 100 вѣдръ исъ Казани перепускново, 12 кречетовъ, 8 чегликовъ кречетьихъ со всѣмъ кречатьимъ нарядомъ; 2 пуда слюды большіе, какова добудетца; соболей живыхъ, сколько добудетца. Спросить про суды и росомохъ, и про иное, что надобно.

А въ нынешнемъ во 126-мъ году приходили къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. отъ шаха въ послѣхъ Кая салтанъ да Булатъ бекъ, а въ поминкахъ къ государю съ ними отъ шаха прислано: бархатовъ и отласовъ, и камокъ золотныхъ и покровцовъ, и ковровъ, и всякихъ узорочей на 78 рублевъ и на 12 алтынъ на полъ 5 де(ньги) опрочѣ святыни. Да во 100 слиткахъ серебра вѣсомъ 1686 гривенокъ и 27 золотникъ, а деньгами изъ дѣла вышло 6982 рубли и 10 алтынъ опричь угару. Да аргамаку и катырю, и сѣдлу, и паперти цена 533 рубли 10 алтынъ. И всего поминковъ къ государю отъ шаха на 8323 рубли и на 32 алтына на полъ 5 де(ньги).

А нынѣ сказано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ послѣхъ князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи. А что съ ними отъ государя послати къ шаху въ поминкахъ, и о томъ какъ государь укажетъ?

Роспись, что указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послати отъ себя, отъ государя, къ шаху въ поминкехъ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи:

Сорокъ соболей въ 300 рублевъ, другой сорокъ въ 200 рублевъ, третей въ 150 рублевъ, два сорока по 100 рублевъ, 2 лисицы черны: одна въ 30 рублевъ, другая въ 20 рублевъ. Половинка сукна скорлату 24 аршина червчатово по 6 рублевъ аршинъ и того 144 рубли, 2 пары соболей: одна въ 30 рублевъ, другая въ 25 или въ 20 рублевъ, 5 пудъ рыбья зубу большово по 20 рублевъ пудъ и того 100 рублевъ. 2 пуда слюды большіе, только положити по 40 рублевъ пудъ и того на 80 рублевъ, и всего собольми и парами, и лисицами, и сукна, и рыбьево зубу на 1279 рублевъ. 100 вѣдръ вина парядиово розныхъ цвѣтовъ, тройново, 200 вѣдръ вина жъ перепускиово исъ Казани въ дворцовое ведро; 12 кречетовъ, 8 чегликовъ кречатыхъ со всѣмъ кречатьимъ нарядомъ; соболей живыхъ сколько добудетца.

На верху помьта: Соболя и пары послапы не по сей росписи, а по которой послано, и та роспись ниже сего подъ паказомъ.

Внизу помьта: Отпущено къ шаху помипковъ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи, не по сей росписи, а по каковѣ послано, и та роспись вклеена ниже сего подъ большимъ наказомъ.

И марта жъ въ 24 день окопного и сопарного ряду рядовичи Ѳома Лаврентьевъ да Стахѣйко Ивановъ сказали, что купять слюды добрые пудъ въ аршинъ вдоль и поперегъ по 40 рублевъ, а мелкіе слюды самой плохой нынѣ купять по 3 рубли пудъ.

Лѣта 7126-го марта въ 23 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрекѣю Насопову. Указалъ государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послати отъ себя отъ государя съ своими государевыми послы, со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскимъ съ товарыщи, къ кизылбашскому Аббасъ шаху въ помипкахъ двепатцать кречетовъ красныхъ и подкрасныхъ, и кропленыхъ, и сѣрыхъ, да восмь чегликовъ кречатыхъ со всѣмъ кречатьимъ парядомъ. Да къ шаху жъ указалъ государь послать зъ дворца сто вѣдръ вина парядново тройново розныхъ цвѣтовъ. И по государеву ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрикѣю Насопову, кречаты и чегликп со всѣмъ кречатьимъ парядомъ и вина велѣти изготовить, доложа государя. И кречетникомъ, кому итти со птицы къ шаху, велѣти сказать, и государево денежное жалованье на нынѣшней па 126-й годъ, будетъ имъ не дано, велѣть имъ дать, чтобъ птицы и вино, и кречетники къ отпуску государевыхъ пословъ были готовы. А отпускъ государевымъ посломъ съ Москвы будетъ вскорѣ.

Лѣта 7126-го марта въ 23 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послать отъ себя, отъ государя, съ своими государевыми послы, со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскомъ съ товарыщи хъ кизылбашскому Аббасъ шаху въ поминкахъ соболей живыхъ, сколько добудетца, да исъ Казани указалъ государь послати къ шаху жъ сто вѣдръ вина двойново. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, велѣти соболей живыхъ пріискивать, да сколько ихъ сыщутъ и про то известить государя. А въ Казань послать государева грамота, а велѣть изготовить въ Казани сто вѣдръ вина двойново, а исъ Казани то вино велѣти отпустить къ шаху зъ государевыми послы, со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскимъ съ товарыщи, въ готовыхъ судѣхъ, устроя гораздо.

Да по государеву имянному указу велено послати исъ Казани жъ къ шаху другое сто вѣдръ вина въ дворцовое ведро.

Далѣе идетъ распоряженіе относительно соболей, но зачеркнуто, а сверху помѣчено:

Послано къ шаху не по сей памяти, а послано по казенной росписи, а роспись вклесна подъ наказомъ.

Лѣта 7126-го марта въ 23 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память окольничему Ортемью Васильевичю Измайлову да дьякомъ, Добрынѣ Семенову да Матвѣю Сомову. Велѣти имъ отписать на государя на Москвѣ рекѣ у всякихъ людей для отпуску государевыхъ пословъ, которые идутъ отъ государя въ Кизилбаши къ шаху, князя Михаила Борятинского Петровича съ товарыщи, и подъ государевыхъ людей, которые будутъ съ ними, подъ перевотчика и кречатниковъ пять струговъ и лодей четвертей по полутора ста и по двѣсте, и по триста со всѣми судовыми спастьми. Да какъ ледъ вскроетца, и тѣ суды тотчасъ велѣти припровадить къ Живому мосту и оценить велѣти целовальникомъ прямою ценою по государеву крестному целованью и велѣти тѣ суды подѣлать, и греблю, и спасти на тѣхъ судѣхъ подѣлать, какъ прежъ сего подъ государевыхъ пословъ суды дѣлываны; а что тѣмъ судомъ цена и что на подѣлку денегъ выйдетъ, и о томъ отписать въ посольской приказъ къ діакомъ, къ думному къ Петру Третьякову да къ Саве Раманьчюкову. *Конецъ подписи:* Сава Раманьчюковъ. *По склейкѣ начало подписи:* Діакъ.

Вверху помѣта: переписать тотчасъ. *Внизу:* переписана и послана.

Лѣта 7126-го марта въ 28 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрекѣю Насонову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. здѣлати на кречаты, которые послать отъ государя къ шаху, ватолки противъ того же, какъ дѣланы на тѣ кречаты, которые посланы отъ государя къ аглинскому королю. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрекѣю Насонову, велѣти на кречаты, которые посылаютъ отъ государя къ шаху, сдѣлати ватолки, доложа государя, какъ государь укажетъ, чтобъ къ посольскому отпуску были готовы.

Лѣта 7126-го марта въ 30 день по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчюкову, въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Патрекѣю Насонову. Въ памяти за твоею, Сивиною, приписью написано: указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. послати хъ кизылбашскому Аббасъ шаху въ поминкехъ *(и проч.)*. И въ приказѣ большого дворца кречеты и чеглиги выбраны, и наряды на нихъ велено готовить. И кречетникомъ, и сокольникомъ, и ястребникомъ имяна зъ денежными оклады, кому съ тѣми птицы итти, и къ вамъ въ посольской приказъ послана роспись за дьячьею приписью подъ сею памятью.

Роспись кречетникомъ и сокольникомъ, и ястребникомъ зъ денежными оклады, которымъ итти съ Москвы въ Кизылбаши со птицы, съ кречеты и съ чеглиги:

Кречетники: 20 рублевъ — Ѳедоръ Табалинъ. По 10 рублевъ — Ѳедоръ Рыкуновъ, Юрьи Гребенкинъ. 9 рублевъ—Ооонасей Табалинъ. Сокольники: 20 рублевъ—Ѳедоръ Савеловъ. По 8 рублевъ—Онкудинъ Савеловъ, Михайло Мясоѣдовъ. Ястребники: по 8 рублевъ — Иванъ Чепцовъ (sic), Безсонъ Бокинъ. 7 рублевъ—Ондрѣй Чепцовъ. *Подпись:* Патрекѣй Насоновъ.

Помѣта: Принесена марта въ 31 де(нь). Всего денегъ по окладомъ 108 рублевъ. *На оборотѣ:* Справилъ Ивашко Дмитреевъ.

Лѣта 7126-го апрѣля въ 1 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрѣкѣю Насонову. По

государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу велѣти имъ кречетникомъ, Ѳедору Тоболину съ товарыщи, дати государево жалованье для кизылбашскіе службы впередъ на 127-й годъ оклады ихъ сполна, потому что товарыщемъ ихъ, которые посланы къ шаху съ Федоромъ Левоптьевымъ, государево жалованье дано на два же года, и ныне посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи, и переводчикомъ, и толмачомъ велѣно государево жалованье дать впередъ на 127-й годъ оклады ихъ сполна.

Такова память дана кречетникомъ Ѳедору Тоболину съ товарыщи.

Написано въ докладъ.

По государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу помѣчено кизылбашскимъ посломъ и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречетникомъ, и ястребникомъ, которые идутъ отъ государя къ шаху, жалованья и подмоги:

Князю Михайлу Борятинскому жалованья на 2 года окладъ ево сполна по 165 рублевъ на годъ, и того 330 рублевъ, да подмоги 250 рублевъ, и всего князю Михайлу жалованья и подмоги 580 рублевъ.

Ивану Чичѣрину жалованья на 2-жъ года окладъ ево сполна, по 70 рублевъ на годъ, и того 140 рублевъ, да подмоги 150 рублевъ, да ему жъ въ приказъ 50 рублевъ, и всего жалованья и подмоги 340 рублевъ.

Діяку Михайлу Тюхину жалованья на 2 года окладъ ево сполна, по 100 рублевъ на годъ да подмоги 100 рублевъ, и всего 300 рублевъ.

Переводчикомъ и толмачомъ 5 человѣкомъ жалованья на 2 жъ года по ихъ окладомъ 256 рублевъ да подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ 128 рублевъ, и всего жалованья и подмоги 384 рубли.

Кречетникомъ и сокольникомъ, и ястребникомъ 10 человѣкомъ жалованья на 2 жъ года по ихъ окладомъ 216 рублевъ да подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ 108 рублевъ.

Подъячему 1 ч. жалованья на 2 года окладъ ево сполна по 20 рублевъ на годъ да подмоги 20 рублевъ, и того 60 рублевъ.

И всего посломъ и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречетникомъ, и сокольникомъ, и ястребникомъ для кизылбашскіе посылки жалованья и подмоги 1988 рублевъ.

И въ то число посломъ и кречетникомъ жалованья дано на 2 года оклады ихъ сполна—886 рублевъ. А додать посломъ подмоги и переводчикомъ, и томачомъ, и кречетникомъ подмоги жъ и жалованья 1102 рубли.

И въ то бъ число дать на Москвѣ переводчикомъ и толмачомъ,

и подъячему жалованья на одинъ годъ 148 рублевъ. А затѣмъ додать посломъ подмоги и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречетникомъ, и подъячему жалованья и подмоги 954 рубли. И то бъ дать въ Казани исъ казанскихъ доходовъ, потому что на Москвѣ денегъ нѣтъ.

И апрѣля въ 12 де(нь) діякъ Сава Раманчюковъ приказалъ, что государь указалъ тѣ деньги дать въ Казани исъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ, и память въ казанской дворецъ приказалъ послать, и по его приказу память послана за ево жъ, Савиною, приписью такова:

Лѣта 7126-го апрѣля въ 13 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Федору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. дати посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи, и переводчику, и толмачомъ, и подъячему, и кречатникомъ, и ястребникомъ, и сокольникомъ свое государево жалованье и подмогу, чего имъ не дано на Москвѣ, въ Казани исъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ, потому что на Москвѣ въ государевѣ казнѣ ни въ которыхъ приказехъ денегъ нѣтъ. А что кому государева жалованья и подмоги дати, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею памятью. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Оедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, послати въ Казань государева грамота, а велѣти по той росписи посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи, и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречатникомъ, и сокольникомъ, и ястребникомъ, и подъячему жалованье и подмогу изготовить тотчасъ, чтобъ къ ихъ пріѣзду были готовы. А какъ государевы послы, князь Михайло Борятинской съ товарыщи, въ Казань пріѣдутъ, и онѣ бы имъ тѣ деньги по росписи роздали, не мешкая ни часу, чтобъ за тѣми деньгами посломъ въ Казани мотчанья и государеву дѣлу порухи не учинилось.

Розпись, что по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу дати посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарыщи, и переводчику, и толмачомъ, и подъячему, и сокольникомъ, и кречатникомъ, и ястребникомъ для кизылбанскіе посылки жалованья и подмоги въ Казани исъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ, потому что на Москвѣ ни въ которыхъ приказехъ въ государевѣ казнѣ денегъ нѣтъ.

Князю Михайлу Петровичю Борятинскому подмоги 250 рублевъ, Ивану Чичѣрину подмоги жъ 200 рублевъ, діаку Михайлу Тюхину подмоги

100 рублевъ, переводчику Милютѣ жалованья впередъ на 127-й годъ окладъ ево сполна—50 рублевъ да подмоги 50 жъ рублевъ, толмачомъ Ивану да Гаврилу Есиповымъ, Ѳедору Иванову жалованья впередъ на 127-й годъ оклады ихъ сполна—по 20 рублевъ. Сѳѳону Огаркову жалованья 18 рублевъ, подъячему жалованья окладъ ево сполна—20 рублевъ да на подмогу 20 же рублевъ, и всего переводчику и толмачомъ, и подъячему жалованья впередъ на 127-й годъ по окладомъ ихъ сполна—148 рублевъ; да имъ же всѣмъ подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ тѣ жъ 148 рублевъ. И обоего переводчикомъ и толмачомъ, и подъячему жалованья и подмоги 296 рублевъ. Сокольникомъ и кречатникомъ, и ястребникомъ подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ, по 20 рублевъ: кречетникъ Ѳедоръ Тоболинъ, сокольникъ Ѳедоръ Савеловъ, по 10 рублевъ: кречатники Ѳедоръ Рыкуновъ, Юрьи Гребенкинъ, 9 рублевъ: кречатникъ Ѳѳонасей Тоболинъ, по 8 рублевъ: сокольники Онкудинъ Савеловъ, Михайло Мясоѣдовъ, ястребники Иванъ Черицовъ, Безсонъ Бобокинъ, 7 рублевъ: ястребникъ Ондрѣй Черицовъ. И всего кречетникомъ и сокольникомъ, и ястребникомъ подмоги противъ ихъ окладовъ 108 рублевъ. И всего посломъ и переводчикомъ, и толмачомъ, и подъячему жалованья и подмоги дать въ Казани 954 рубли.

Послана съ толмачомъ съ Степаномъ Микѳѳоровымъ.

Лѣта 7126-го апрѣля въ 13 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому да окольничему Ортемью Васильевичю Измайлову, да дьяку Гарасиму Мартемьянову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичь в. Р. дати тотарскимъ переводчику и толмачомъ, и подъячему, которые идутъ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарыщи, свое государево жалованье на два года, на нынешней на 126-й годъ да впередъ на 127-й годъ по ихъ окладомъ сполна, да на подмогу противъ жалованья одного году, и на нынешней 126-й годъ указалъ имъ государь дати для ихъ бѣдности на подъемъ на Москвѣ отъ васъ, боярина князя Ивана Никитича да окольничего Ортемья Васильевича Измайлова, да дьяка Гарасима Мартемьянова, для того, что въ большомъ приходѣ въ четвертяхъ и въ иныхъ ни въ которыхъ приказехъ денегъ пѣтъ; а на 127-й годъ и подмогу указалъ имъ государь дати въ Казани; а по ихъ окладомъ дати имъ государева жалованья на одинъ на нынѣшней на 126-й годъ сто сорокъ восмь рублевъ. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому да

окольничему Ортемью Васильевичю Измайлову, да дьяку Гарасиму Мартемьянову тѣ деньги сто сорокъ восмь рублевъ на жалованье переводчику и толмачомъ, и подъячему для кизылбашскіе посылки прислать въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Петру Третьякову да къ Саве Романчюкову, тотчасъ указалъ государь пословъ отпустить съ Москвы вскорѣ, приказалъ государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. имянно.

Приписка: И тѣ деньги въ посольской приказъ не присланы, а розданы по сей памяти переводчику и толмачомъ и въ росходъ писаны въ приказѣ у боярина у князя Ивана Одоевского съ товарыщи.

Царю г. и в. кп. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой Ивашко Чичѣринъ. По твоему государеву указу велено быти на твоей государевѣ службѣ въ Кизылбашахъ князю Михаилу Борятинскому да мнѣ, холопу твоему, да дьяку Михайлу Тюхину, а указано, государь, намъ дати для твоей государевы службы твое(го) государева жалованья вдвоя на два года да подмоги князю Михайлу двѣсте пятьдесятъ рублевъ, а мнѣ, холопу твоему, сто пятьдесятъ рублевъ, а Михайлу Тюхину сто рублевъ; а князь Михайла, государь, твоего государева жалованья емлетъ по сту по штидесятъ по пяти рублевъ на годъ, а Михаило Тюхинъ по сту рублевъ; а я, холопъ твой, твоего государева жалованья емлю по семьдесятъ рублевъ, и князю Михайлу, государь, твоего государева жалованья и подмоги будетъ пятьсотъ восмьдесятъ рублевъ, а Михайлу Тюхину тристо рублевъ, а мнѣ, холопу твоему, двѣсте девяноста рублевъ. А прежь, государь, сево посыланъ былъ отъ тебя, государя, въ Кизылбаши Милайло Тихановъ и дано ему твоего государева жалованья и подможныхъ денегъ болши четырехъ сотъ рублевъ, а Ѳедору, государь, Левонтьеву для кизалбашьскія жъ службы твоего государева жалованья дано на подмогу двѣсте рублевъ да жалованья на два года, а твоего государева жалованья Ѳедору по сту по дватцати рублевъ, и всего, государь, Ѳедору дано твоего государева жалованья и подмоги четыреста сорокъ рублевъ. Да у меня жъ, холопа твоего, помѣстейца твое государева жалованья въ козельскомъ уѣздѣ нынѣчя завладѣли литовскіе люди, и запасу, государь, привести не откуды, и на твою государеву службу поднятися нѣчимъ. Милосердый государь ц. и в. кп. Михайло Ѳедоровичь в. Р. пожалуй меня, холопа своего, своимъ государевымъ жалованьемъ и подможными деньгами прибавкаю, какъ тебѣ, милосердому государю, Богъ извѣститъ, чтобы мнѣ, холопу твоему, будучи на твоей государевѣ службѣ межи своей братьи позорну не быти. Царь государь, смилуйся!

На оборотѣ: Выписавъ, доложить государя.

И по государеву указу и по боярскому приговору велено дать государевымъ посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарыщи, для кизылбашскіе посылки государева жалованья и подмоги:

Князю Михайлу государева жалованья на два года, на нынѣшней на 126-й да впередъ на 127-й годъ, окладъ ево сполна, а окладъ князю Михайлу 165 рублевъ, подмоги 150 рублевъ. Ивану Чичѣрину жалованья на два жъ годы по окладу сполна, а окладъ 70 рублевъ, подмоги 150 рублевъ. Діяку Михайлу Тюхину жалованья на 2-жъ годы окладъ ему 100 рублевъ да подмоги 100 жъ рублевъ.

А какъ въ прошломъ во 121-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ посланникѣхъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, и для тоѣ посылки дано имъ государева жалованья и подмоги: Михайлу Тиханову подмоги 150 рублевъ да стрелетцкого головного жалованья на два года, на 122-й да на 123-й годъ 100 рублевъ, по 50 рублевъ на годъ, да ему же четвертново, что ему былъ окладъ при царѣ Васильѣ, на 2 года по 10 рублевъ на годъ, да Михайлу же по государеву указу дано за службу въ боярскіе придачи на два жъ года по 37 рублевъ на годъ, да въ Нижнемъ дано Михайлу жъ подмоги 50 рублевъ. И всего Михайлу дано на Москвѣ и въ Нижнемъ государева жалованья и подмоги 394 рубли.

Въ прошломъ же во 124-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ посланникехъ Ѳедоръ Исаковъ сынъ Левонтьевъ, и для тоѣ службы дано Ѳедору государева жалованья на два года, на 124-й да на 125-й годъ, окладъ ево сполна; а окладъ Ѳедору 120 рублевъ. Да Ѳедору жъ дано подмоги 150 рублевъ, да ему жъ въ приказъ 50 рублевъ. И всего Ѳедору дано жалованья и подмоги, и въ приказъ 440 рублевъ.

Государь пожаловалъ, велѣлъ дати своего государева жалованья Ивану Чичѣрину сверхъ подмоги въ приказъ для того, что онъ подавалъ (?) —50 рублевъ.

Внизу: Память Ивану Чичѣрину въ большой приходъ о прибавочныхъ подможныхъ денгахъ дана. Взялъ самъ.

.....шахово величество за тоѣ казну велитъ государю прислать, и государь велитъ ему заплатить тотчасъ узорочными товары, что у государя въ государствѣ ево ведетца.

И шахъ спрашивалъ: какіе онъ казны государю на вспоможенье проситъ: денежные или узорочные?

И Ѳедоръ шаху говорилъ, чтобъ ему къ государю послать денежныя казна.

И шахъ Ѳедору говорилъ: пошлетъ онъ къ государю узорочьями, что у него какихъ узорочей въ казнѣ есть, а денежные казны тепере послать ему нѣчего, потому что онъ стоитъ противъ недруга своего и даетъ жалованье своимъ служилымъ людемъ, а се де деньги его у государя въ его государствѣ не пригодятца, потому что онѣ не ходятъ [1]).

А что посолъ же Булатъ бекъ бьетъ челомъ государю, что въ Астарахани де не стало человѣка ево Хожа Сухамбедина, а послѣ того человѣка ево взяли астараханскіе воеводы живота ево 115 ансырей шелку розново цвѣту,—и государь указалъ и бояре приговорили: тотъ шелкъ Булатъ беку отдати и посломъ про то сказати.

А что посолъ же Булатъ бекъ билъ челомъ государю, взялъ де на Теркѣ бояринъ и воевода Петръ Петровичь Головинъ у человѣка ево 300 рублевъ и тѣхъ де денегъ и по ся мѣста ему не отдано,—и государь (указалъ и бо)яре приговорили: Булатъ беку . . . въ деньгахъ отказать противъ . . . . . (боя)рина Петра Петровича (Головина).

Вверху: . . . та сказати(?).

. . . . . воеводъ и отъ дьяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, а таможенные головы емлютъ пошлины зъ государя ихъ людей не по государеву указу, передъ рускими людьми вдвое,—и государь приговорилъ зъ бояры: про шаховыхъ пословъ допросити имянно, хто имянемъ воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенные головы государя ихъ шахъ Аббасова в-ва торговымъ людемъ какое насильство и про(дажу) дѣлаетъ, и у кого имянемъ у шаховы(хъ) . . . и что какихъ животовъ насильствомъ . . . . бесъ цѣны взяли, и съ кого имянемъ т(аможенные) головы и сколь давно съ шаховымъ . . . . . людей и съ какихъ товаровъ пош . . . . взяли, и сколько съ кого лишни . . . . и царское величество тотчасъ . . . . . повелѣніе пошлетъ, а велитъ про то . . . . накрѣпко, и по сыску велитъ надъ . . . . . такіе обиды и продажи дѣла . . . . (нака)запье учинить.

А что въ посольскихъ же рѣчахъ написано, что будто въ Аста-

---

[1]) Повидимому этотъ столбецъ попалъ сюда изъ статейнаго списка Леонтьева.

рахани, зазвавъ къ себѣ воеводы Хожа Сеитова малово и подмѣтя у него двѣсте рублевъ денегъ, оманули и его крестили, а деньги взяли къ себѣ,—и государь зъ бояры проговорилъ про то посломъ отказати по тому, какъ въ дѣлѣ о томъ маломъ написано.

А что кизылбашскіе жъ послы написали въ письмѣ своемъ: оставлены въ Казани люди ихъ съ шаховою казною, Касымъ съ товарыщи, и царское бъ в-во для брата своего братственные дружбы и любви велѣлъ послать въ Казань свою государеву грамоту, чтобъ тому Касыму шахову казну въ Казани продавати повольно и пошлинъ бы съ шаховы казны имать не велѣть, и чтобъ того Касымка воеводамъ изъ города въ татарскую слободу и индѣ нигдѣ и въ деревни выпускати не велѣти, а велѣти бъ у него быти караульщикомъ,—и государь велѣлъ посломъ сказати, что въ Казань къ воеводамъ о томъ государева грамота послана, чтобъ къ тому Касымку приставили сына боярсково да съ нимъ стрѣльцовъ дву или трехъ человѣкъ и велѣти ево беречь, чтобъ онъ жилъ въ Казани и изъ города въ татарскую слободу и инуда никуды не ѣздилъ, а шаховы товары, которые съ нимъ, продавать велѣно повольно всякимъ людемъ, и пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ государь для шаховы братцкіе дружбы и любви пожаловалъ, имать не велѣлъ.

А что послы жъ били челомъ государю, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, поволилъ имъ купить литовского и татарского ясырю, робятъ и дѣвокъ, колько государь пожалуетъ, поволитъ,—и государь указалъ и бояре приговорили . . . . . посломъ полону всякого 20 человѣкъ. . . .